

Міністерство освіти і науки, молоді та спорту України
Київський національний університет імені Тараса Шевченка
Інститут філології

Національна академія наук України
Інститут української мови

А.О.БІЛЕЦЬКИЙ

Вибрані праці

Видавничий дім Дмитра Бураго
Київ 2012

УДК 811.16'373.611(06)

ББК 81я73

Б-61

Редакційна колегія:

П.Ю.Гриценко, Н.Ф.Клименко, Г.Ф.Семенюк,
О.С.Снитко, Є.А.Карпіловська, А.О.Савенко

Рецензенти:

доктор філологічних наук, професор **І.О.Голубовська**
доктор філологічних наук, професор **І.М.Желєзняк**
доктор філологічних наук, професор **А.П.Загнітко**
доктор філологічних наук **С.О.Соколова**

Надруковано за ухвалами вчених рад
Інституту філології Київського національного університету
імені Тараса Шевченка
та Інституту української мови НАН України

*Видання здійснено за фінансової підтримки
Посольства Греції в Україні*

Б-61 БІЛЕЦЬКИЙ А.О. ВИБРАНІ ПРАЦІ / Упоряд. Н.Ф.Клименко, Є.А.Карпіловська,
А.О.Савенко. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – 792 с.

ISBN 978-966-489-124-7

Книга містить вибрані праці видатного українського вченого – доктора філологічних наук професора Андрія Олександровича Білецького (1911-1995) з лінгвостеміотики, загального, порівняльно-історичного мовознавства, етимології, епіграфіки, діалектології та ономастики, класичної філології та неоелліністики, створені за майже півстоліття його наукової діяльності. До зібрання увійшли також переклади А.О.Білецького з давньо- і новогрецької мови, передмови до українських перекладів грецької літератури, рецензії, огляди, спогади про А.О.Білецького його колег і учнів.

Для науковців, викладачів, студентів, учителів і всіх, хто цікавиться проблемами філології та історії культури народів світу.

УДК 811.16'373.611(06)

ББК 81я73

ISBN 978-966-489-124-7

© Інститут філології Київського національного
університету імені Тараса Шевченка, 2012
© Інститут української мови НАН України, 2012
© Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012

ЗМІСТ

Ми можемо стільки, скільки ми знаємо	7
Н.Ф.Клименко. Його завжди вабила таїна Слова	10
А.О. Білецький. Автобіографія	21

РОЗДІЛ І

МОВОЗНАВСТВО. СЕМІОТИКА. КУЛЬТУРОЛОГІЯ

Борістенес – Данапріс – Дніпро (з гідроніміки України)	26
Глаголы существования и становления в новогреческом языке.....	34
Греки України та їх мова. Лист А.О.Білецького до академіка Сакелларіу.....	38
Грецька топонімія Криму	42
Греческая надпись на базе статуи из Ольвии.....	46
Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской.....	61
Греческие надписи Ольвии из раскопок 1950–1967 гг., хранящиеся в Киеве.....	100
Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков....	121
Знаковая теория языка	151
Из наблюдений над морской лексикой венгерского языка.....	159
Интегралы и дифференциалы в языковой системе.....	164
Информация и семиозис.....	168
Композитивные неологизмы в стихотворной повести «О Каллимахе и Хрисоррое»	174
Лексическая ассимиляция как один из законов развития языка.....	179
Лексична контамінація (на матеріалі новогрецької мови)	181

Об интернационализмах	184
О курсах общего языкознания в государственных университетах	203
Основні методи дослідження в сучасному мовознавстві	213
Основы этимологических исследований ономастического материала	216
О согласовании изучения различных ступеней развития греческого языка	364
Отношения компонентов языка	367
Ошибки Святого Иеронима	373
Предрассудки вокруг языка и языков	377
Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)	388
Проблема греческого языка византийской эпохи	445
Проблема изучения негреческих собственных имен греческих эпиграфических памятников Северного Причерноморья	450
Проблема мови скіфів	453
Проблема мовного субстрату та «догрецьке» мовознавство	472
Про співставне дослідження словотвору різних мов	475
Результаты двуязычия в говорах румейского языка на Украине (тюркизмы румейского языка)	477
Семиотический аспект языковой системы	480
Синтаксема – інваріант синтаксичної системи	488
Система и несистема в естественном языке	498
Слова східного походження у західних мовах	510
Слов'янська топонімія Греції	516
Цивилізація и культура	524
Язык – динамическая знаковая система	529
Язык и культура	536
ΟΙΜΟΣ (Из заметок по древнегреческой лексикологии)	542
The Oronymy of Greece	547
А.А.Белецкий, Ф.А.Никитина. О некоторых вопросах теоретического и прикладного языкознания	557

РОЗДІЛ II

ПЕРЕКЛАДИ. ПЕРЕДМОВИ. СПОГАДИ. НОТАТКИ

Було колись під Іліоном.....	562
Геродот. Історії в дев'яти книгах. Книга IV. Мельпомена.	
Переклад А.Білецького	581
Коментарі до перекладу «Слова про Ігорів похід» на румейську мову.....	627
Максимилиан Волошин.....	637
«Одіссея» на Україні	649
Передмова до «Історій» Геродота	657
Слова и числа	666
«Silentium» О.Э.Мандельштама	669
Андрій Білецький, Тетяна Чернишова. Еллі Алексіу – в зеніті.....	672
Тетяна Чернишова. Мужні голоси Кіпру. Павлос Ліасідіс.	
У нас ще немає свободи; Переміна (з кіпрського діалекту новогрецької мови пер. А.Білецький)	674

РОЗДІЛ III

РЕЦЕНЗІЇ А.О. БІЛЕЦЬКОГО

Р.А.Будагов. Очерки по языкознанию. – М., Изд-во АН СССР, 1953. 280 стр. (Ин-т языкознания.)	678
Л.А.Булаховський. Нариси з загального мовознавства. – К.: Державне учбово-педагогічне видавництво «Радянська школа», 1955, 248 стор.....	694
До питання про словники іншомовних слів. « Словник іншомовних слів » під ред. І.В.Льохіна і проф. Ф.М.Петрова, переклад з російського 3-го виправленого і доповненого видання, Державне видавництво політичної літератури УРСР, Київ, 1951, 757 стор.....	700
А.С.Чикобава. Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1952 і 1953. – Ч.I. – 243 стор.....	705
R. Browning. Medieval and Modern Greek. – London: Hutchinson University Library, 1969, 152 p.	713
Sprachwissenschaftliches Wörterbuch. – Hrsg. von J.Knobloch in Verbindung mit W.Havers, G.Ipson, F.J.Junker... und anderen Linguisten vornehmlich des deutschen Sprachbereichs. – Lf. I-II. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1961-1963, [Indogermanische Bibliothek. II. Reihe. Wörterbücher]. – C.1-160.	716

РОЗДІЛ IV

СПОГАДИ ПРО А.О. БІЛЕЦЬКОГО

Т.Лукінова. Андрій Олександрович Білецький і академік Леонід Арсенійович Булаховський	723
Ф.О.Нікітіна. Слово про Вчителя	728
Л.Павленко. Чаювання в Бучі, або Майже двадцять років тому	732
О.Пономарів. Про незабутнього Вчителя.....	734
А.С.Русяєва. Про переклад Андрія Олександровича Білецького «Історій» в дев'яти книгах Геродота: листи та спогади	740
О.Селеку. Гілка оливи... Перша подорож Андрія Білецького до Греції.....	749
В.Скуратовский. Исполнил свой долг	771
А.А.Тахо-Годи. В Киеве у Белецких.....	774
Ю.Шанин. Тернистый путь к Итаке	779
ПРАЦІ А.О.БІЛЕЦЬКОГО	784

Ми можемо стільки, скільки ми знаємо

Це твердження Френсіса Бекона – *tantum possumus, quantum scimus* – і нині звучить напутнім словом усім, хто присвячує себе просвіті, науці, прагне опанувати величні здобутки культури людства, глибше пізнати світ і себе самого. Воно якнайкраще характеризує шлях в українській філології і взагалі в українській культурі ХХ століття людини, якій присвячено цю книжку, – українського вченого зі світовим ім'ям, доктора філологічних наук професора Андрія Олександровича Білецького (1911-1995).

Учні й колеги Андрія Олександровича неодноразово чули від нього фразу: «Університет навчає лише одного – вміння працювати з книжкою». У цьому міркуванні з властивою А.О.Білецькому дотепною полемічністю відбилася суть його розуміння форми й змісту освіти, місця вчителя, викладача, навчальних інституцій у процесі формування не просто філолога, а інтелігентного, культурного, освіченого громадянина, відданого своїй справі і своєму народові. А.О.Білецький обстоював концепцію активного навчання, діалогу вчителя й учня, втілену в культурі його улюбленої Давньої Греції. Йому було цікаво не просто навчати інших, а міркувати разом з ними, разом шукати Істину. Андрія Олександровича найбільше, як здавалося тим, хто мав щасливу можливість учитися в нього і спілкуватися з ним, приваблював сам шлях розв'язання певної проблеми, дискусія, суперечка. Він наче розквітав, коли чув цікаве й складне запитання, міркування, що відкривало інший аспект проблеми. «Може бути й так», – промовляв він у таких випадках, чекаючи при цьому від опонента не на голослівні твердження, а на вагомі й переконливі докази. У такому пошуку нетривіальних рішень і полягала для професора Білецького суть і принада навчання, наукової праці.

Андрій Олександрович написав порівняно небагато, але обшир і розмаїття проблематики його досліджень, спектр залученого фактичного матеріалу, не лише мовного, а й історичного, загальнокультурного, глибина і викінченість його аналізу разом з легким, розкутим, дотепним способом викладу захоплюють читача і вже не відпускають від себе. Ці праці не втратили на своїй актуальності

й сьогодні. Дослідження А.О.Білецького з елліністики, порівняльно-історичного й зіставного мовознавства, лінгвосеміотики, глотохронології й епіграфіки, етимології та діалектології насичені ідеями й проектами, які ще чекають на тих, хто зміг би продовжити в цих галузях зроблене ним.

Готуючи до друку книгу вибраних праць професора А.О.Білецького, його учні й колеги прагнули передусім охопити коло основних напрямків сучасної філології, гуманітаристики, в яких він здобув беззастережне визнання в Україні й далеко за її межами. Подані увазі читачів наукові розправи написані в різний час і висвітлюють творчу лабораторію вченого майже за півстоліття його діяльності (найраніша публікація датована 1950 р., остання – 1995 р.).

Перший розділ книги вмістив фрагменти з монографій А.О.Білецького «Принципи етимологічних досліджень (на матеріалі грецької мови)» (1950), «Лексикологія та теорія мовознавства (ономастика)» (1972), статті з різних питань мовознавства, семіотики, культурології. Разом з тим у «Вибраному» не можна було не показати широту зацікавлень і напрямки діяльності А.О.Білецького, в яких особливо яскраво виявилися масштаб і значення цієї неординарної постаті для української науки та культури. До книги включено українські переклади А.О.Білецького з давньо- і новогрецької мови – передусім книгу 4 «Мельпомена» з «Історій» у 9-ти книгах Геродота, передмови до українських перекладів «Іліади» та «Одіссеї» Гомера, коментарі до перекладу румейською мовою «Слова про Ігорів похід», науково-популярні статті з різних проблем елліністики, рецензії на мовознавчі праці, спогади про діячів культури, з якими його зводило життя. В окремому розділі зібрано спогади про Андрія Олександровича його колег і учнів. Вони – данина пам'яті великого Вченого й Учителя і разом з тим неспростовне свідчення життєвої сили його творчої спадщини.

Упорядники не прагнули осучаснювати праці професора А.О.Білецького: вони відбивають суспільний і науковий контекст своєї доби. Ми дозволили собі лише зняти деякі цитати з класиків марксизму-ленінізму й радянських партійних документів, які виконували в наукових розвідках А.О.Білецького радянського часу роль неунікненого орнаменту. Праці подано мовою оригіналів, так, як їх написав А.О.Білецький. Оприлюднюючи «Вибране», ми свідомі того, що наступним кроком в увіковіченні пам'яті й належному поцінуванні творчої спадщини професора Андрія Олександровича Білецького має стати повне зібрання його праць.

Редколегія користується нагодою сердечно подякувати дочці професора А.О.Білецького Марії Андріївні Грековій за можливість використати для укладання цієї книги цінні матеріали із сімейного архіву. Висловлюємо щирю вдячність рецензентам книжки, поради яких дали змогу краще презентувати майбутнім читачам праці А.О.Білецького: провідному науковому співробітникові Інституту української мови, доктору філологічних наук, професорові Ірині Михайлівні Желєзняк, завідувачу кафедри загального мовознавства та класичної філології Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, доктору філологічних наук, професорові Ірині Олександрівні Голубовській, завідувачу відділу соціолінгвістики Інституту української мови,

доктору філологічних наук Світлані Олегівні Соколовій, завідувачу кафедри української мови та прикладної лінгвістики Донецького національного університету, доктору філологічних наук, професорові Анатолію Панасовичу Загніткові.

Висловлюємо глибоку вдячність Посольству Греції в Україні, особисто Надзвичайному і Повноважному Послові пану Георгіосу Георгундзосу, фінансова підтримка яких сприяла виходу в світ цієї книги.

Найщирішу подяку звертаємо до колег, які здійснили технічну підготовку тексту до друку: працівників кафедри елліністики Київського національного університету імені Тараса Шевченка Галини Сергіївни Барановської, Світлани Євгеніївни Перепльотчикової, Анни Анатоліївни Столярової та Олени Олександрівни Тищенко, працівників відділу структурно-математичної лінгвістики Інституту української мови НАН України Тетяни Іванівни Недозим, Лариси Павлівни Кислюк і Юлії Віталіївни Романюк.

Його завжди вабила таїна Слова

Андрій Олександрович Білецький народився 12 серпня 1911 року в Харкові в родині високоосвічених філологів – Олександра Івановича і Марії Ростиславівни Білецьких. Батько і мати прекрасно знали іноземні мови. Олександр Іванович навчав малого Андрія латини і давньогрецької, мати – французької та німецької. У 1928-1933 р.р. Андрій Олександрович удосконалював свої знання в Харківському інституті народної освіти (ХІНО), який згодом знову був реорганізований в університет. Тут він поглибив знання мов класичних, романських та германських. Вони стали предметом його філологічної спеціалізації.

Праця редактора в 1934-1937 р.р. у Харківському видавництві дитячої літератури посилила любов Андрія Олександровича до слова. Він став перекладати українською твори Вальтера Скотта, Жюль Верна, Ромена Роллана. Його перекладацький хист підтримував Олександр Іванович – блискучий знавець класичної, давньоукраїнської і давньоросійської, а також світової літератури. Андрій Олександрович перші свої наукові статті присвятив творчості Лопе де Вега Карпіо (1935) та іспанській революційній літературі (1937). У тридцяті роки двадцятого століття О.І.Білецький береться за укладання «Антології античної літератури» (перше її видання побачило світ 1938 року). До підготовки її були залучені кращі українські перекладачі – старші неокласики М.Зеров, В.Державін, а також молодші Г.Кочур і А.Білецький. Для цієї антології Андрій Олександрович переклав деякі пісні Гомерової «Іліади», твори Езопа, Архілоха, Симоніда Кеоського, Геродота («Про походження скіфів»), Фукидіда, Вергілія, Горация. Переклади спонукали А.О.Білецького до поглибленого вивчення не тільки мов, а й історії, культури, літератури.

Викладання в Харківському юридичному інституті та Харківському педагогічному інституті іноземних мов стало стимулом для пробудження його інтересу до наукової роботи в галузі мовознавства. Андрій Олександрович шукав свій шлях у житті. У дитинстві його вабили астрономія і живопис. Потім – історія та філологія. Спершу він написав кандидатську дисертацію про історію Давнього Єгипту («Про причини падіння Давнього Царства в Єгипті»), але під час Ве-

ликої Вітчизняної війни вона загубилася. В евакуації А.О.Білецький працює в Томському державному університеті (Росія), де готував дисертацію «Номінальна композиція у давньогрецькій мові», яку захистив 1943 року, ставши кандидатом філологічних наук і доцентом університету в 32 роки.

1944 року його запросили викладати новогрецьку мову, яку він опанував сам, у Дипломатичну школу при Міністерстві закордонних справ СРСР. Там зміцніло його переконання – покликання стати науковцем-філологом. У Москві Андрій Олександрович вступає в докторантуру в Інституті мов та писемності народів СРСР, яку закінчує 1946 року. Відтоді його життя і діяльність пов'язані з Києвом і Київським університетом імені Тараса Шевченка, в якому він працював понад 40 років (з 1946 до 1987).

Докторську дисертацію він захищає 1953 року, працюючи в Києві, куди він переїхав разом із родиною та батьками. Її присвячено розробленню методів і принципів етимологічного аналізу на матеріалі давньогрецької та багатьох інших мов. У 42 роки Андрій Олександрович стає професором. У Київському університеті імені Т.Шевченка він завідував у різний час кафедрами латинської мови, загального мовознавства і класичної філології, романської філології. Він вийшов на пенсію у 1987 році. Однак і в свої 76 років А.О.Білецький залишався активно творчою особистістю, писав наукові, науково-популярні праці, перекладав. 1988 року він стає науковим консультантом Інституту археології АН України, де він здійснить одну свою мрію. У 24 роки він почав перекладати Геродота для «Антології античної літератури». У подальшому життя поставило перед ним інші завдання. Доля розпорядилася так, що він занурився у філологію. Однак вона знову вивела його на шляхи історичного пошуку. Андрій Олександрович береться за повний переклад «Історій» в дев'яти книгах Геродота. Перший такий переклад російською мовою за 100 років до цього здійснив у Казані переслідуваний за революційні настрої професор Київського університету Святого Володимира Федір Міщенко. Завдяки А.О.Білецькому Геродот заговорив на повний голос по-українському. Цей переклад супроводжують блискучі коментарі Андрія Олександровича, насичені багатою історичною, мовознавчою та культурологічною інформацією.

Та вернімось знову до його філологічного шляху. Монографія А.О.Білецького «Принципи етимологічних досліджень (на матеріалі грецької мови)» (К., 1950, російською мовою) стала подією у мовознавстві. Вона узагальнювала наслідки порівняльно-історичного вивчення мов. У ній сформульовано критерії та принципи етимологічного дослідження мов, узагальнено величезний матеріал, особливо давньогрецької мови. У цій праці А.О.Білецькому вдалося поєднати глибину знань мовознавчих та історичних. Ось чому ця монографія не втратила своєї актуальності й сьогодні. Вона наповнена новими науковими фактами і залишається повчальною для філологів як приклад вдумливого багатостороннього аналізу мови і як зразок чіткого неординарного бачення ретроспективи розвитку грецької мови у перспективі сучасних досліджень. Багато тих питань, що згодом були опрацьовані в межах когнітивної лінгвістики, висвітлено в цій монографії

А.О.Білецького, наприклад, упорядкування поняттєвих полів (назв тварин, рослин тощо). Уривки зі згаданої монографії подано у «Вибраних працях».

А.О.Білецький став визнаним ученим у галузі порівняльно-історичного і класичного мовознавства. Він був серед тих, хто обговорював на сторінках наукових видань засади порівняльно-історичного та типологічного мовознавства, обстоював необхідність дальшого розвитку цих методів, писав оригінальні програми для університетів з викладом етапів ґрунтового опанування студентами підвалин порівняльно-історичного мовознавства. Він запроваджував у мовознавство нові наукові факти про порівняльно-історичну граматику індоєвропейських мов, про курси загального мовознавства, відновлення найдавнішого стану іменної флексії індоєвропейських мов, а також про основні лінії розвитку фонематичних систем індоєвропейських мов і проблеми реконструкції доісторичних систем та ін. Діапазон його енциклопедичних знань у цій галузі мовознавства був настільки широкий, що професор переконливо і глибоко писав про загальні теоретичні питання на зразок генези та етимології, а також про конкретніші – особливості мови скіфів, дешифрування етрусських написів О.Харсекіним, успіхи й невдачі перекладу румейською мовою «Слова про Ігорів похід» Л.Кір'яковим.

А.О.Білецький вважав, що без знання порівняльно-історичного методу і хоча б певної сукупності яскравих прикладів його застосування філолог часто буває безпорадним тому, що не може пояснити багатьох фактів розвитку мов, а студент без них буде недовчений і не готовий до подальшої професійної діяльності вчителя, викладача. Андрій Олександрович часто бідкався, що студенти і деякі викладачі погано знають етимологічні словники, не користуються ними. Пригадую, як він рецензував одну роботу, в якій розглядалися запозичення, і дуже обурювався, що і науковий керівник, і дисертант вдалися в кількох місцях до «народної етимології». Я й тепер пам'ятаю одне з таких слів – *biotum*, в якому автори виділили складник **bio-**, але співвідносили його з відомою грецькою основою **bio-**, асоційованою з поняттям «життя». Насправді цей мінерал названо на честь французького вченого Ж.-Б.Біо, отож у слові *biotum* представлено іншу, ніж **bio-** (**життє-**), омонімічну основу.

Його мозок був налаштований постійно на точний етимологічний аналіз слів. Знання кількох десятків європейських і східних мов, які професор вивчав самотужки, дозволяло йому створювати самодостатні мініатюри слів з етимологіями та історією їхнього розвитку. Професор охоче консультував колег і студентів з цих питань. Пам'ятаю, як усі захоплювалися умінням Андрія Олександровича пояснювати складні мовні явища. 1959 року ми були в діалектологічній експедиції у румеїв Надазов'я в селах Сартана і Чермалик. Цілими днями записували фольклорний матеріал, заповнювали спеціально складені А.О.Білецьким та його дружиною Т.М.Чернишовою анкети, слухали пісні. Без книжок, словників Андрій Олександрович коментував незрозумілі нам румейські слова. Він легко співвідносив їх з новогрецькою димотичною лексикою, деякі з них кваліфікував як запозичення з турецької, татарської, одне слово навіть з осетинської. Дуже радів професор нашим наївним питанням. Одного разу я запитала його про *леварду*. Так називають у нас на Черкащині трав'янисту рослину, схожу смаком на часник,

яка з'являється ранньою весною і яку їдять. У Києві почула, що це *черемша*, в селі Чермалик місцева бабуса сказала, що то *леварда*. Яке ж було наше здивування-захоплення, коли Андрій Олександрович розповів, що це слово албанського походження. До того ж існує ще й народна назва цієї рослини – *ведмежа цибуля*.

Етимологічні студії вабили А.О.Білецького усе його життя. Він вивчав слова власні й загальні, дошукуючись витоків їхньої появи у мовах. У п'ятдесяті роки визначилися проблеми з лексикології, ономастики, загального мовознавства, класичної філології, неоелліністики, до яких професор звертався упродовж десятиліть. 1950 року він їде до Ольвії, де бере участь у розкопках. Під враженням від спілкування з українськими та російськими археологами з Ленінграда, від знайдених написів він береться за дешифрування їх і стає визнаним фахівцем з епіграфіки.

Інтерес до лексикології, можливо, був активізований ще й тим, що в цей час А.О.Білецький працював старшим науковим співробітником відділу словників Інституту мовознавства ім.О.О.Потебні АН УРСР, директором якого був його учитель академік Л.А.Булаховський. Він був давнім його наставником, родини Білецьких і Булаховських дружили десятиліттями в Харкові, а потім у Києві.

Андрій Олександрович розпочинав з лексикографії. 1950 року світ побачив перший у грецькій і російській лексикографії «Новогрецько-російський словник» А.Іоаннідис. Його відповідальним редактором був А.О.Білецький. У додатку до словника подано перший у слов'янському світі короткий, але високоінформативний нарис граматики новогрецької мови. То було сходження А.О.Білецького на вершини неоелліністики. Цей словник і досі перевидають у Греції великими накладками. Починаючи з 1950 р., майже щороку виходять статті А.О.Білецького з лексикології, у яких він висвітлює її загальні питання, зміст, завдання, основні терміни, методи дослідження, пише про лексичну асиміляцію як про основний закон розвитку мови. Багато уваги він приділяє міжмовним контактам і запозиченням як їхнім наслідкам. 1955 року опубліковано статтю А.О.Білецького «Про інтернаціоналізми», в якій він обґрунтовує основні критерії їх визначення. До інтернаціоналізмів, на його думку, належать слова, що трапляються не менше, ніж у 3-5 неспоріднених мовах. Стаття була прийнята у мовознавстві. На неї спирався, наприклад, В.В.Акуленко – відомий дослідник інтернаціоналізмів¹. Цей критерій використано у визначенні терміна *інтернаціоналізм* у «Лінгвістичному енциклопедичному словнику» (М., 1990, рос. мовою).

Згодом А.О.Білецький публікує матеріали з морської та риболовецької термінології до Середземноморського лінгвістичного атласу. Професор описує лексику окремих мов, апробовуючи методику семасіологічного аналізу, наприклад, морську лексику угорської мови, дієслова буття і становлення у новогрецькій мові. Етапною в багаторічних пошуках структури лексико-семантичної системи, особливостей її упорядкування стала монографія А.О.Білецького «Лексикологія і теорія мовознавства (ономастика)» (К., 1972, рос. мовою).

У ній сформульовано основи етимологічних досліджень ономастичного

---

¹ Див. його монографію: Вопросы интернационализации словарного состава языка. – Х.: Изд. Харьков. ун-та, 1972. – 215 с.

матеріалу, узагальнено розгляд власних назв у різних аспектах (етимологічному, історичному, зіставному, семасіологічному, культурологічному), показано співвідношення власних і загальних назв, доведено важливість лексикологічних, зокрема, ономастичних студій, для порівняльно-історичного і загального мовознавства.

Ономастика постійно була предметом його пильної уваги тому, що розкривала таїну назв місць, місцевостей, населених пунктів (топонімів), гір (оронімів), водних просторів (гідронімів) тощо. Вона збагачувала теорію лексикології та загального мовознавства, яскраво свідчила про історію народів, їх поселення і переселення на певних територіях, відбивала світоглядні орієнтири. Саме тому А.О.Білецький так докладно вивчав у п'ятдесяті роки XX століття власні назви ольвійських написів, бо вони багато розповідали про звичаї і традиції грецьких поселенців Ольвії. Пошук слідів перебування греків в Україні, зокрема в Криму, вів його до вивчення грецької топоніміки та гідроніміки на цьому півострові, далі – до розкриття етимології назв *Дніпро*, *Азовське море*, *Керч*, *Керченська протока*, етронімів берегів Евксинського Понту античної доби. Про перебування слов'ян у Греції в V-VII столітті і пізніше свідчила слов'янська топоніміка Греції, яку він описав у своїх працях. А.О.Білецький славився як проникливий, багатогранний і авторитетний ономаст у слов'янському світі та Греції. Це підтверджує і той факт, що статті про ономастику, оноματοлогію, власні імена, етимологію було замовлено саме йому і вони були опубліковані у «Великій Радянській енциклопедії».

Про глибини його ономастичних пошуків і пояснень свідчать статті, які опубліковано в цій книжці, особливо та його доповідь «Ороніми Греції» англійською мовою, котру професор мав виголосити на XIII Міжнародному ономастичному конгресі в Кракові 1978 р. На цей науковий форум він так і не поїхав, не з власної волі, а через «політичну неблагонадійність», інкриміновану йому чиновниками «від науки» і влади. Йому був не байдужий і практичний бік ономастичних студій. Андрій Олександрович брав найактивнішу участь у розробленні проекту уніфікованої передачі на письмі східнослов'янських географічних назв.

Класична філологія була покликанням А.О.Білецького, предметом його досліджень, тим тлом, на якому увиразнювалися контури закономірностей розвитку індоєвропейських мов, їхнього звукового і граматичного ладу, лексикології, фразеології, етимологічної структури слова. Дві монографії, про які вже йшлося, насичені матеріалами давньогрецької мови та латини. Глибини багатьох його пошуків сягали догрецького мовознавства, наприклад, у висвітленні проблеми мовного субстрату, уточненні ступенів розвитку грецької мови. Опис їх знаходимо в статтях про діалектологічні проблеми давньогрецької мови, записках про давньогрецьку лексику. Він захопливо розповів про міфологію, візантійський тваринний епос, зредагував «Словник античної міфології» (К., 1985), уклав антологію античної поезії «Золоте руно» (К., 1985). Вони були найкращим аргументом на користь проповідуваного Андрієм Олександровичем переконання, що без знання класичної філології, класичних мов немає освіченої людини. Досить послатися на його передмову до книжки Н.О.Овруцького «Крилаті латинські вислови в літературі» (М., 1962, рос. мовою) з назвою «Латина в наші дні».

А.О.Білецький на посаді завідувача кафедри латинської мови, пізніше кафедри класичної філології і загального мовознавства багато зробив для розгортання неоелліністичних студій в Київському університеті імені Т.Шевченка. З його ініціативи 1958 року тут уперше на теренах колишнього Радянського Союзу почали вивчати новогрецьку мову і літературу. Разом із дружиною Т.М.Чернишовою Андрій Олександрович складає програму підготовки неоелліністів, що стала типовою для університетів. Крім практичного курсу новогрецької мови, сучасної грецької літератури, вона охоплювала давньогрецьку мову, історію грецької мови, курс візантійської літератури, різні спецкурси, зорієнтовані на засвоєння засад новогрецько-українського перекладу, зіставного вивчення грецької та слов'янських мов. Майже всі дисципліни цього циклу читали Андрій Олександрович і Тетяна Миколаївна Чернишова.

А.О.Білецький писав наукові розвідки з неоелліністики, пояснюючи в них лексичну контамінацію, лексичні значення новогрецьких слів, виявлювані в їхніх парадигматичних і синтагматичних зв'язках, розповідав про автора першої описової граматики димотики М.Тріандафіллідиса, про можливості й наслідки зіставного вивчення словотворення східнослов'янських і новогрецької мов.

А.О.Білецький і Т.М.Чернишова багато зробили для наукового дослідження румейського діалекту греків Надазов'я. Зокрема, професор писав про особливості дієслівної системи говорів с. Кременівка (Чердакли) та Куйбишево (Малояні-соль), про п'ять говірок румейського діалекту, а також про наслідки двомовності в говірках румейського діалекту в Україні, аналізуючи в них тюркізми. Андрій Олександрович створив спеціальну абетку (кириличну з деякими модифікаціями) для запису текстів румейською та урумською мовами. Засади створення такої абетки викладено в статті про мову і писемність греків в Україні. Реалізацію її ми можемо побачити в «Кобзарі» Т.Г.Шевченка, перекладеному мовами греків України (К., 1993).

З часу переселення греків у Крим, а потім до Надазов'я їх мова зазнала впливу татарської, російської, української мов. Упродовж тривалого часу існування в умовах відірваності від материкової Греції сформувалися ці так звані «острівні» діалекти, в основі яких була димотика. Порівняно з нею змінився фонетичний лад діалектів, у них збереглися морфологічні форми, що в сучасній димотиці зазнали деяких перетворень, певною мірою перебудувався їхній словниковий склад. А.О.Білецький написав етапну статтю з обґрунтуванням часу виникнення цих діалектів та критеріїв їх класифікації. У ній він порушує питання про можливість кваліфікації кримськорумейського діалекту як наріччя, подібного до критського, кіпрського, південноіталійського, понтійського, кападокійського, цаконського.

У творчому доробку А.О.Білецького чимало праць, пов'язаних з питаннями загального мовознавства, особливо тими, що стосуються основних методів дослідження мови. З початку шістдесятих років ХХ ст. його пильну увагу привертає нова галузь мовознавства – лінгвосеміотика. 1964 роком датована стаття А.О.Білецького «Знакова теорія мови», опублікована у Москві в книзі «Теоретичні проблеми сучасного радянського мовознавства». Ця книга відкривала дис-

кусію із семіотичних проблем мови. Відтоді й до кінця життя розроблення засад лінгвосеміотичної концепції стає визначальним у науковій праці Андрія Олександровича. Його справедливо вважають одним із засновників семіотичного напрямку в українському мовознавстві ХХ ст. в контексті європейської та сучасної вітчизняної науки. Щороку з 1973 і до 1981 року включно Андрій Олександрович друкує в збірнику Київського університету ім. Т.Шевченка «Структурна та математична лінгвістика» статті з лінгвосеміотики – про систему і несистему в природній мові, знаки-інтеграли і знаки-диференціали в системі, природну мову і знакові системи, відношення між компонентами мови, семантичні кореляції в лексиці, інформацію та семіозис. Згодом він підготував монографію «Лінгвістична семіотика», яку, на жаль, не було надруковано. 6 статей цього циклу ми вмістили в цій книзі. На їхній основі читачі зможуть сформулювати уявлення про лінгвосеміотичну концепцію А.О.Білецького і скористатися його плідними ідеями в своїх дослідженнях. Адже А.О.Білецький ґрунтовно синтезував погляди на питання про мовний знак грецьких мислителів Аристотеля, Платона, а також Блаженного Августина, Г.Лейбніца, пізніше І.Канта, В.фон Гумбольдта, Е.Кассіра, розглянув внесок Г.Фреге та Р.Карнапа у розвиток ідеї про формальні властивості знаків, їхні функціональні можливості в процесі пізнання. Професор зумів поєднати в своїй семіотичній концепції думки Ф.де Сосюра про знакову природу мови та американських дослідників Ч.Пірса і Ч.Морріса. Визнаючи ідею Ф.де Сосюра про те, що знак поєднує поняття і акустичний образ, А.О.Білецький трактував знак як двобічне психічне явище, що інтерпретується не як субстанція, а як форма організації мовної системи. У семіотичній теорії А.О.Білецького ключовим стає поняття семіозису (знакової ситуації), запроваджене американським ученим Ч.Пірсом. Тому він і підкреслює суспільну природу мовного знака, бо використовують його для спілкування, бо він допомагає передати інформацію і сприймається як знак тільки в певній системі, складником якої є. Знаком А.О.Білецький вважає відношення між явищами і предметами зовнішнього світу та абстрактними ідеями і поняттями, які виникають унаслідок опрацювання зовнішньої інформації. Оригінальним у його концепції мови як знакової системи є обґрунтування її головних ознак: динамізму, анізоморфізму та анізотропності. Потенційну модель мовної системи А.О.Білецький створив для індоєвропейських мов. Її апробація в дослідженнях ще попереду. Підкреслимо, що в сучасних мовознавчих працях визнають тезу про те, що мова – це наслідок дії (ергон) і діяльність (енергія), це єдність динаміки і статичності, загальної системи та індивідуальної реалізації через мовленнєві акти, що переконливо довів А.О.Білецький.

А.О.Білецький – відомий фахівець з грецької епіграфіки та палеології. Упродовж десятиліть він дешифрував грецькі написи з Ольвії, які датовано VIII-VII ст. до н.е. Одним із перших у 1955 р. був опублікований грецький напис на базі статуї з Ольвії з його ґрунтовним коментарем, потім регулярно з'являлися його статті з описом інших написів. Заслуги А.О.Білецького в поясненні корпусу ольвійських лапідарних написів величезні. У монографії «Написи Ольвії» (Ленінград, 1968, рос. мовою) представлено 180 лапідарних написів, 30 з них прочитав професор Білецький. Фахівці високо оцінили цю колективну працю ленінградських учених та

Андрія Олександровича. За твердженням доктора історичних наук Г.С.Русяєвої, ця книжка і до сьогодні належить до найцінніших джерел з історії не лише міста Ольвії, а й інших античних полісів Причорномор'я і Середземномор'я². В Україні й далеко за її межами відома також розвідка А.О.Білецького про грецькі написи Софії Київської, уміщена в книзі В.М.Лазарева «Мозаїки Софії Київської» (М., 1960).

А.О.Білецького шанували всі за всебічні знання в різних галузях науки: мовознавства, літературознавства, перекладознавства, історії, археології. Його називали живою енциклопедією. Дім його був переповнений науковою, довідковою, художньою літературою. Він – великий книголюб, «полював» на книжки і змагався в цьому зі своїм другом Г.П.Кочуром. Вони стежили за новинками, збирали їх, обмінювалися книжками. Уся квартира його на Хрещатику, а потім на Русанівці була «в книжках»: географічних атласах, довідниках про тварин, птахів, рослин слов'янськими та іншими мовами, енциклопедіях, не кажучи вже про наукові видання. Усе було під рукою, усе для вивірення й уточнення фактів. Багато прочитаного – в голові, для себе і для людей. Він щедро ділився своїми знаннями. До нього телефонували вдень і пізно ввечері. Його це не дратувало. Він казав: «Люди хочуть знати, це добре».

Його глибокі знання виявлялися в написаних ним рецензіях на книжки, у передмовях та післямовях. Фахівці вважали це за честь, бо були переконані, що професор зрозуміє прочитане, поставить його в широкий контекст, мовознавчий і культурологічний. Ці праці А.О.Білецького дуже різноманітні й різноаспектні. Великий учений, прекрасний знавець історії Давньої Греції, її літератури та культури, він просто, цікаво й водночас панорамно пише про дуже далекі в часі події. Він мав рідкісний талант глибокого бачення фактів і вміння пояснити їх дохідливо. Варто згадати хоча б деякі його передмови, наприклад, до «Езопових байок», переказаних для дітей А.Чердаклі та В.Забаштанським. Він назвав своє переднє слово «Дещо про вічні байки і про мудреця Езопа» і представив розумного Езопа, якого доля закинула на острів Самос в Егейському морі. Усього на кількох сторінках Андрій Олександрович розповідає про красу острова Самос, його володаря та про байки, в яких люди діють під личинами тварин, рослин, речей, і про мандри байок Езопа від народу до народу. У художній формі, цікаво й високоінформативно написано передмову і післямову до переказів Катериною Гловацькою «Іліади» та «Одіссеї» (обидві – К., 1974). До першої А.О.Білецький подає назву «Була Троя, були й троянці...», до другої – «Мандри Одиссея велемудрого володаря Ітаки». З професійною майстерністю Андрій Олександрович писав про українські переклади «Іліади» та «Одіссеї» Борисом Теном. Не оминув він увагою українські переклади історичних творів Гая Юлія Цезаря, а також сучасних грецьких письменників Нікоса Казандзакіса, Стратиса Міривіліса, Йоргоса Сефериса, Яніса Ріцоса.

З розумінням і повагою професор рецензував у журналах «Вопросы языкознания», «Мовознавство», «Українська мова в школі» книжки, що ста-

² Русяєва Г. Андрій Білецький як дослідник грецької епіграфіки // Записки Історико-філологічного Товариства Андрія Білецького. – К., 1998. – Вип.ІІ. – С.181-185.

ли згодом золотим фондом слов'янського мовознавства. Серед них монографії І.І.Мещанінова «Члени речення та частини мови» (М., 1948, рос. мовою), Е.І.Соломонік «Нові епіграфічні пам'ятки Херсонеса Таврійського» (К., 1964, рос. мовою) та підручники А.С.Чикобави «Вступ до мовознавства», ч.1 (М., 1952, рос. мовою), Р.О.Будагова «Нариси з мовознавства» (М., 1953, рос. мовою), Л.А.Булаховського «Нариси з загального мовознавства» (К., 1955).

А.О.Білецький був невтомним популяризатором наукових знань. Про це переконливо свідчать його посмертно видані книжки «Про мову і мовознавство» (К., 1996), «Міфи Далекого Сходу» (К., 2004), численні статті, наприклад, у журналі «Collegium», який видавав на початку 1990-х років Київський національний університет імені Тараса Шевченка, про цивілізацію і культуру, забобони навколо мови і мов, міфологію, магію та фантастику, у журналі «Вітчизна» – про коріння рідної, української, мови.

Говорячи про Андрія Олександровича, необхідно згадати й накреслені ним напрямки наукових досліджень, які з тих чи інших причин не були доведені професором до завершення або публікації. Неспинний плин часу не дозволяв навіть найобдарованішим внести корективи у життя, аби реалізувати заплановане. У рукописних матеріалах проф. А.О. Білецького залишилися згадки про дослідження, так і не оприлюднені за його життя. Це російськомовні монографії: «Елементи семіотичної лінгвістики, або семіометрії» та «Наші власні імена», статті «Значення атематичних форм у давньогрецькій мові для відносної хронології», «Про значення термінів «корінь» та «основа»», «Словотвір та словозміна імен в хетській клинописній мові», «Форми заперечного префікса імен в давньогрецькій мові», «Адвербіалізація форм $\lambda\acute{\alpha}\xi$ та $\tau\acute{\upsilon}\xi$ », «Основи давньогрецьких найменувань тварин», «Морфологічна синоніміка в сучасній новогрецькій мові», «Про техніку ритмомелодичних переходів в промовою М.Т. Цицерона», «Гомер, Мелесіген, Меонід», «ΣΑΣΤΗΡ – vox obscura», «Грецьке ІППОС у власних іменах», «Язичництво в християнському календарі», «Доля латинських DOMUS, DOMINUS, DOMINA в романських мовах», «Майже унікальний кельтизм російської мови», «Артек: що можна сказати про назву?», «Загадка Касіодора та Касіопеї», «Етнонімія берегів Понта Евксина античної доби», «Лексика візантійських портоланів» тощо. Дослідження цих тем лишається актуальним завданням нинішньої науки про мову.

Так цілком новаторським мав стати курс «Лекцій з теоретичного мовознавства», розрізнені нотатки до якого зберігаються нині в Центральній науковій бібліотеці ім. В.І. Вернадського. Уявити це можна, поглянувши на план майбутніх розділів цієї книжки, накреслений Андрієм Олександровичем у 1970-і роки. Подаємо його мовою оригіналу:

1. Введение. Против предрассудков.	14.3. Перкуссионные системы.
2. Классики марксизма и ленинизма о языке и мышлении.	14.4. Сибиляционные системы.

-
3. Философские проблемы языкознания.	14.5. Смешанные системы.
4. Язык как знаковая система особого рода.	15. Язык, организм, механизм.
5. Значение языковых знаков.	16. Грамматика и логика.
6. Функции языка и его знаков.	17. Традиционная грамматика.
7. Композиция языковой системы.	18. Нетрадиционные грамматики.
8. Изоморфизм эндосистем.	19. Язык и технический прогресс.
9. Диакритическая система.	20. Эксперимент и прогноз в языкознании.
9.1. Топосистема.	21. Интерлингвистика (искусственные языки).
9.2. Фоносистема.	22. Исследовательские программы.
9.3. Силлабосистема.	22.1. Структуралистская программа.
10. Первая диасистема.	22.2. Компаративистская программа.
10.1 Морфоническая система.	22.2.1. Грамматическая аналогия и лексическая контаминация.
10.2 Силлабосемическая система.	23. Взаимодействие языков.
11. Семантическая система.	24. Языковая типология.
11.1 Морфологическая система.	25. Генезис и тип языка.
11.2. Лексическая система (система одночленов).	26. Система, узус и норма.
11.2.1. Лексическая семантика и виды человеческого мышления.	27. Афазия и приобретение ребенком навыков речи.
11.2.2. Семантическая иерархия и градация.	28. Языковые универсалии.
11.2.3. Семантические корреляции.	29. Языковая стилистика.
11.2.4. Ассоциативные циклы.	30. Функционально-информационный анализ текста.
11.2.5. Эволюция семантических элементов.	31. Контакты языкознания с другими науками.
11.2.6. Семантика текстов, синтагм, полиномов.	31.1. Языкознание и антропология.
11.2.7. Лексическая статистика.	31.2. Языкознание и этнография.
12. Вторая диасистема.	31.3. Языкознание и историческая наука.
12.1. Многочлены или полиномы.	31.4. Языкознание и социология.
13. Синтаксическая система.	31.5. Языкознание и психология.

13.1. Способы актуализации семантических сегментов.	31.6. Языкознание и кибернетика.
13.2. Первый синтаксис (инфрапредикативные схемы).	31.7. Языкознание и гуманитарные науки.
13.3. Второй синтаксис (предикативные схемы).	32. Язык и культура.
13.4. Третий синтаксис (ультрапредикативные схемы).	33. Проблема перевода.
14. Информационные антисистемы.	34. Система транскрипции.
14.1. Языковая графика.	35. Рекомендованная литература.
14.2. Кинесика.	

Він усе своє свідоме життя писав спогади про людей, яких зустрічав, знав, якими захоплювався, про важливі події, часто складав уїдливі епіграми. На жаль, більшість із них не опубліковано, крім спогадів про М.Волошина і Коктебель, поданих у цій книжці. Не виявили ми їх і в сімейному архіві Білецьких, який дбайливо зберігає дочка Андрія Олександровича Марія Андріївна Грекова. У цій книзі вміщено список праць професора А.О.Білецького. Ми свідомі того, що він ще далеко не повний. Сподіваємося, що колеги допоможуть нам його уточнити й доповнити, віднайти розкидані по різних виданнях, часом труднодоступних, його публікації і донести до читачів його слово і його славу, бо пошук таїни слова в Андрія Олександровича був невпинний. Ця любов вела його в житті тоді, коли він розкривав етимології слів, дешифрував грецькі написи Ольвії та Софії Київської, перекладав з англійської, французької, давньогрецької, латини, новогрецької. Про це думав він, коли писав етюди з лінгвостилістики, порівнюючи метричні схеми української народної поезії з класичною і разом із тим модерністською поезією Лесі Українки на прикладі творів «FA-сонет» і «Contra spem spero» (буквально – Всупереч надії сподіваюся) або з новаторською поезією П.Тичини, точніше, з його віршем «На майдані коло церкви...». Про це він написав у книжці «Про мову і мовознавство», коли було йому за 80 і він був уже напівсліпий і напівглухий, але з дуже світлою головою і чудовою пам'яттю. Там він згадає латинський вислів «Dum spiro, spero» («Поки дихаю, сподіваюся»), який по-своєму перефразувала Леся Українка і який любив повторювати сам Андрій Олександрович. Він не скаржився, він творив. Це були його надія, справжня віра в життя, в правдиве слово, в людську мудрість. Ті два етюди про поезії О.Мандельштама та М.Гумільова, які подано у «Вибраному», написані за три роки до його смерті 10 квітня 1995 року. У тих пошуках таїни Слова весь Андрій Олександрович Білецький, великий філолог і видатний учений України. Його будуть пам'ятати і шанувати. Спогади про незабутнього Вчителя, уміщені в цій книзі, увиразнять його образ і творчий доробок.

Н.Ф.Клименко

А.О.Білецький Автобіографія¹

Μπελέτσκη по-російському Белецкий, по-українському Білецький Андрій Олександрович – мовознавець, фахівець із класичної філології, еллініст, народився у місті Харкові (колишня Росія², тепер Україна) 12 серпня 1911 року. Батько Олександр Іванович (1884-1961) – відомий філолог, професор, академік. Мати Марія Ростиславівна (дівоче прізвище Шпіцберг, 1885-1963). Маю брата Платона Олександровича (народився 1922), дочку Марію та онуку Наталію.

Після Жовтневої революції відвідував школу і вчився вдома з батьками. Коли мені було 11, мій батько почав навчати мене латини і давньогрецької. Потрібно зазначити, що тоді ліквідували класичні гімназії і тільки батько міг дати мені класичну освіту.

1929 року я вступив на філологічний факультет Інституту народної освіти (так тоді називали дореволюційні університети в Україні) і закінчив його 1933 року.

З дитячих років цікавився головним чином живописом, біологією та астрономією і ще не знав, що буду займатися класичною філологією і мовознавством, а тим часом учив західні і частково східні мови. Особливо цікавився давньою єгипетською культурою, мовою і письмом давніх єгиптян. Почав писати дослідження про причини занепаду давнього єгипетського царства. Під час війни було загублено всі мої єгиптологічні тексти. З Харкова поїхав лише з тим, що лишилося в моїй пам'яті.

Від 1933 до 1937 року працював переважно над українськими перекладами (узяв участь в укладанні «Антології античної літератури» і здійснив чимало перекладів з латини та давньогрецької). 1937 року почав викладати латину в Харківському юридичному інституті.

---

¹ А.О.Білецький підготував автобіографію новогрецькою мовою для публікації в Греції. На жаль, опублікувати її не вдалося. Друкуємо текст в українському перекладі Н.Ф.Клименко з примітками упорядників.

² А.О.Білецький має на увазі Російську імперію як державу, до складу якої входила Україна (прим. упоряд.).

З перших років Вітчизняної війни, покинувши з родиною окупований німцями Харків, викладав класичну філологію в Томському університеті в Західному Сибіру.

1944 року переїхав з Томська до Москви для навчання в Інституті мови і мислення Академії наук. Паралельно викладав новогрецьку (її вивчив самотужки) в Московській дипломатичній школі.

Кандидатську дисертацію, яку я захистив у Томську, було присвячено складним грецьким іменам. Докторська дисертація була присвячена етимологічним дослідженням (на основі грецької лексики). Її я захистив у Москві в Інституті мовознавства на початку 1952 року. Проблема житла в Москві лишалась для мене нерозв'язною і тому в кінці 1946 року переїхав до Києва, де тоді жили мої батьки. У Києві почав викладати класичну філологію в університеті, одночасно працював в Інституті археології та Інституті мовознавства Академії наук України.

В Інституті археології досліджував епіграфічні пам'ятки грецького міста Ольвія. В Інституті мовознавства тоді я був «небажаною» особою, бо не визнавав офіційну догму академіка М.Марра і лишався послідовним прихильником порівняльного мовознавства. Після так званої співбесіди в галузі мовознавства був звільнений з Інституту і обмежився викладанням в університеті. Викладав класичну філологію, загальне мовознавство та інші мовознавчі дисципліни, завідував відповідною кафедрою, керував написанням дипломних робіт, багато разів виступав опонентом дисертацій. До 1987 року був професором Київського університету і тільки восени цього року став пенсіонером.

На той час у мене було близько 139 публікацій з класичної філології, археології, класичного мовознавства. Був віце-президентом товариства дружби СРСР-Греція.

З 1957 до 1976 відвідував Грецію як член делегації. 1968 року побував на Кіпрі. У 1991 році на запрошення Яннінського університету і Грецького археологічного товариства (почесним членом якого я був) відвідав Грецію і виступав там з доповідями.

Мою наукову діяльність можна поділити на дві галузі: 1) елліністику, яка охоплює класичну філологію, епіграфіку, неоелліністику та діалектологію; 2) мовознавство, що складається з теоретичного, порівняльного, історичної лексикології, лінгвосеміотики та семіології.

Тут я зупинюся на першій галузі. 1) У галузі власне класичної філології потрібно відзначити мої дослідження «Історій» Геродота. Я переклав його твір з давньогрецької на українську (це перший повний український переклад), написав передслово до цього перекладу, досить докладні коментарі та ще кілька статей про проблеми, дотичні до Геродотової праці (однак текст мого перекладу дотепер іще в друкарні)³. Про український поетичний переклад «Іліади» я написав досить докладну передмову та опублікував кілька статей про українські переклади давньогрецьких епосів. Крім антології античної літератури, у котрій я узяв участь як

---

³ Переклад «Історій» Геродота, здійснений А.О.Білецьким, опубліковано 1993 року у видавництві «Наукова думка», див. уривок з цього перекладу і список праць А.О.Білецького далі (прим. упоряд.).

перекладач і автор статей, надрукував антологію для учнів «Золоте руно».

Багато моїх досліджень у цій галузі лишаються ще неопублікованими через труднощі з виданням книжок у нашій країні.

Через брак місця я не можу послатися на багато моїх статей невеликого обсягу в різних енциклопедіях (переважно «Українській радянській енциклопедії») у галузі класичної філології. Можна ще згадати тут статті в різних журналах та передмови чи післямови до українських перекладів (див. вище). На жаль, мої наукові контакти із зарубіжними вченими та закордонними науковими установами до 1990 року були обмежені і багато років у мене не було нагоди взяти участь у наукових конференціях чи наукових з'їздах, що відбувалися за кордоном.

Донедавна я не міг опублікувати тих моїх розвідок, що написані грецькою.

Після Вітчизняної війни разом із моєю дружиною Тетяною Чернишовою я брав участь у діалектологічних експедиціях філологічного факультету Київського університету в грецькі села Донецької області Східної України упродовж близько десяти років. На основі спеціально опрацьованих анкет ми зібрали великий діалектний та фольклорний матеріал, з якого дотепер опубліковано тільки незначну частину (російською та українською мовою).

Тут я можу принагідно згадати такі мої публікації:

1) Дієслівна система говорів сіл Кременівка (Чердаклі) та Куйбишево (Мало-Янісоль), Київ, 1959;

2) Наслідки диглосії в говірках румеїв України, Самарканд, 1971;

3) Проблеми мови та писемності греків на Україні, Ленінград, 1970;

4) Принагідно відзначимо тут передмови і післямови до поетичних творів румейських поетів, наприклад передмову і зауваження до письма і правопису книжки «Слово про Ігорів похід» Л. Кір'якова (Київ: Дніпро, 1967);

5) Грецька топонімія Криму, зб. «Етимологія», Москва, 1955.

Для греків України я розробив просту систему письма, придатну для всіх говірок, використовуваних зараз для публікації текстів на них. Ця система ґрунтується на російській абетці з огляду на те, що всі греки України двомовні і не мають грецької освіти. У цей спосіб розв'язано проблему письма мовних говірок румеїв. З циклу неопублікованих праць можу згадати словник грецької говірки села Аргин (Каракуба), який уклала з поясненнями російською мовою пані Р.Харабадот, що народилася в цьому селі⁴. Зараз я переклав її пояснення по-грецькому з метою видання словника у Греції.

Зразок тексту цього словника я переслав до Салоніцького університету.

З моїх власних матеріалів, що стосуються говірок румейського діалекту, згадаю 1) Нарис граматики цих говірок і 2) Вивчення грецької топонімії Криму.

У галузі неоелліністики серед публікацій варто згадати:

1) Словотворення дієслів існування в новогрецькій мові (у зб. «Балканське мовознавство», Москва, 1973)⁵;

⁴ Цей словник надруковано пізніше: Харабадот Р.С. Румейско-руско-новогреческий словарь. – Севастополь, 2006 (прим. упоряд.).

⁵ А.О.Білецький подає назви праць з пам'яті, пишучи цю автобіографію за півроку до свого відходу у позасвіти. Імовірно, ідеться про його працю «Греческие диалекты

2) Короткий нарис граматики новогрецької мови (у «Новогреческо-русском словаре», Москва, 1950);

3) Проблема грецької мови візантійської епохи (у зб. «Антична культура і сучасна наука», Москва, 1985);

4) Лексична контамінація (на матеріалі новогрецької лексики), Київ, 1957;

5) Відношення простих і складних основ у давньогрецькій мові (К., 1949);

6) Дієслова існування та становлення у новогрецькій мові, Дебрецен, 1966;

7) Композитивні неоеллінізми у віршованій повісті «Про Калімаха та Хрисорою» (у зб. «Византиноведческие этюды», Тбілісі, 1978);

8) Мовні особливості візантійських портоланів (у зб. «Культура Візантії», Тбілісі, 1979).

У галузі грецької ономастики:

1) ОІМОΣ (у зб. на честь академіка Д.Дечева, Софія, 1958),

2) Про власні імена з ольвійських написів («Археологія», т. XI, 1957),

3) Етніонімія берегів Евксинського Понту античної доби (Ленінград, 1964),

4) Ороніми Греції (праці XIII Міжнародного ономастичного конгресу, Краків, 1981, англійською),

5) Адаптація давньогрецького ономастикону в східнослов'янських мовах (у зб. «Проблеми класичної філології», IX і X, Львів, 1971–1972),

6) Гідронімія Кримського півострова (грецький шар), Київ, 1971.

У галузі грецької епіграфіки:

Більшість моїх публікацій у книжці «Написи Ольвії. 1917-1965, Ленінград (в цілому 27 написів, деякі з них надруковані окремо), Ленінград, 1968.

Мою розвідку «Грецькі написи на мозаїках Софії Київської» опубліковано у книжці В.М.Лазарева. Мозаїки Софії Київської, Москва, 1961.

Деякі мої публікації стосуються давньо- і новогрецької літератури. Тут можу знову згадати післямову до українського перекладу роману Н. Казандзакіса «Христа розпинають знову» (Київ, 1958), а також його роману «Капітан Михаліс», (Київ, 1966), передмову до російського перекладу роману Стр. Міривіліса «Життя в могилі» (Москва, 1961). Кілька моїх статей присвячено українським перекладам давньогрецьких епосів «Іліада» та «Одіссея». Ще я написав перед- і післямову до книжок про міфи давніх греків (напр. «Вступ» до «Словника античної міфології», Київ, 1985) і до байок Езопа.

Тут не йдеться про мої розвідки в галузі теоретичного мовознавства, згадаю бодай дві власні книжки «Принципи етимологічних досліджень (на матеріалі грецької мови)» (Київ, 1950) та «Лексикологія і теорія мовознавства (ономастика)» (Київ, 1972).

Моєю нинішньою метою було надати огляд своєї наукової діяльності в галузі елліністичних студій. Незважаючи на свій вік, я маю ще чимало планів і хочу здійснити їх з допомогою друзів і колег у Греції.

РОЗДІЛ І

МОВОЗНАВСТВО. СЕМІОТИКА. КУЛЬТУРОЛОГІЯ

Борістенес – Данапріс – Дніпро (з гідроніміки України)¹

Найдавнішою назвою р. Дніпра, про яку ми довідуємося з безсмертного твору іонійця Геродота з Галікарнаса, було чотирискладове ім'я Борістенес або Ворісфенес (Βορυσθένης) із можливим варіантом – Βαρυςθένης, що виник унаслідок наближення складових частин цього імені до грецьких слів βαρύς «важкий» і σθένος «сила, міць»).

Вимова написаного грецькими літерами слова змінювалася на протязі століть: у V-IV ст. до н.е. вимовляли [borysthénēs], тепер у Греції вимовляють [vorisθένis]. У східнослов'янських мовах цю стародавню назву пишуть і відповідно вимовляють *БОРИСФЕН* або *БОРИСФЕНЬ*. Для давніх греків назва ріки Βορυσθένης повинна була здаватися рідною, знайомою з дитинства.

Серед давньогрецьких власних чоловічих імен були такі, що мали кінцевою складовою частиною (компонентом) **-стенес, -сфен**, напр., Δημοσθένης «Демосфен», Ἐρατοσθένης «Ератосфен»³. Серед цих імен було і власне чоловіче ім'я Βορυσθένης «Ворісфен» (батько таврського державця Фоанта або Тоанта). Непрямим свідченням про поширення цього імені серед греків та «варварів» можна вважати той факт, що в давньогрецьких написах зустрічається ім'я Βόρυς, а воно є скороченням (початковою складовою частиною) від складеного Βορυσθένης.

---

¹ Уперше опубліковано в: Питання топоніміки та ономастики. – К.: Вид-во АН УРСР, 1962. – С.54-61.

² Відповідно до латинського написання цієї назви *Börysthēnes* її по-різному читають у різних сучасних європейських мовах. В українській мові поряд із поширеним тепер написанням *Борісфен* довгий час існувало також написання *Бористен*. Поширене тепер у російській та українській мовах написання походить від ученої традиції вітчизняних філологів-класиків другої половини XIX ст. Воно не відбиває ні давньогрецької, ні новогрецької вимови цієї назви, а лише певною мірою натякає і на ту, і на іншу.

³ В словнику давньогрецьких власних імен Папе-Бензлера можна знайти 38 таких імен із кінцевим компонентом **-σθένης**. Синонімом його виступає компонент **-ρατης**.

Проте, якщо кінцевий компонент -σθένης пов'язується з давньогрецьким дієсловом σθένω «я маю силу, я сильний» та іменником σθένος «сила», початковий компонент не має надійного відповідника серед лексичних елементів давньогрецьких діалектів. Навряд чи його можна було б уважати за діалектний варіант прикметника Βαρύς, -εῖα, -ύ «важкий», якому відповідають давньоіндійське *guruh* і латинське *gravis*.

Звичайно, тут можна було б послатися на фонетику субстратної індоевропейської мови Греції, але від цього посилання семантика загального (просегоричного, апелятивного) імені *Борістенес*, що повинно було лежати в основі відповідного власного, не стала б яснішою⁴.

Навіть і в такому випадку, якби власне ім'я Βορυσθένης було діалектним варіантом якогось суто грецького Βαρυσθένης, це останнє виявилось б загадковим. Так само, як і по-українськи не кажуть тепер «важко сильний»⁵, і давньогрецькою мовою не казали *βαρυσθένης. Як початковий компонент βαρυ- найчастіше виступало в ряді складених прикметників, що своїм змістом указували на силу якогось звучання:

βαρύβρομος	«важкогримучий»
βαρύγδουπος	«важкошумний»
βαρυηχής	«важколунний»
βαρύκτυπος	«важкозвучний»
βαρύστομος	«важкокрикучий»
βαρύτονος	«важконапружений»
βαρύφθογγος	«важкодзвонний»
βαρύφωνος	«важкоголосний»

Як видно, всі ці прикметники не пов'язані з поняттям фізичної сили. Звідси виникає думка про те, що власне ім'я *Борістенес* мало лише грецьку або еллінізовану форму, тим часом як його зміст виходив за межі давньогрецької мови.

Для Геродота Βορυσθένης був назвою однієї з великих рік Скіфії, яка простягалася від ріки Істру (Дунаю) на заході до ріки Танаїду (Дону) на сході.

Крім великої скіфської ріки Борістена, Геродот згадує ще про місто борістенеїтів (які називали себе ольбіополітами або мілетянами). Отже, з тексту «Історій» Геродота випливає, що *Борістенес* – це інша назва (синонім) міста Ольвії – Ὀλβίη.

Академік С.О.Жебелюв на основі ольвійського декрету (Ios PE, I², 24) доводив, що *Борістеном* мешканці Ольвії називали насамперед Буго-Дніпровський

⁴ Пор. напр., О.Наас. Die Lehre von den indogermanischen Substraten in Griechenland // Балканско езикознание. – Linguistique Balkanique. – София, 1959, 29-56 (§ 9. – С. 41).

⁵ Проте в деяких місцевостях кажуть «тяжко» в значенні «дуже». Отже, можуть сказати і «тяжко сильний».

лиман⁶. Це, звичайно, не виключає можливості того, що в якийсь час і ріка Дніпро називалася *Борістеном*, а ріка Південний Буг – *Гіпанісом* ("Υπανις).

Згідно з світосприйнянням стародавніх греків кожна ріка, кожен потік був істотою чоловічого роду (грецьке *ὁ ποταμός* «ріка»). Кожна ріка мала своє чоловіче божество: досить пригадати хоча б знамениту статую елліністично-римської епохи, що являє собою персоніфікацію ріки Нілу в Єгипті. Не дивно, що деякі чоловічі власні імена були разом з тим назвами рік, як напр., *Εὐρυμέδων* «Еврімедонт» (один із супротивників Олімпійських богів – гігант; візниця Агамемнона в троянському епічному циклі; афінський полководець; ріка в Памфілії). Так само власними чоловічими іменами і назвами рік були *Асканій* (ріка в Віфінії), *Парфеній* (ріка в Віфінії), *Ксанф* (ріка в Лікії) та ін. Борістенес – Ворісфеніс на монетах елліністичної епохи виступає в образі бородатого чоловіка з пишним волоссям – це бог ріки.

Отже, ріка *Ворυσθένης* одержала свою назву не від власного давньогрецького імені. Якщо так, то треба з'ясувати, чи ця назва унікальна, чи вона зустрічається ще десь в іншому місці.

В одному з давньогрецьких тлумачних словників римського часу, в так званому словнику Гесіхія Александрійського, ім'я *Борістенес* пояснюється як колишня назва Геллеспонта – протоки між Азією та Європою, що з'єднує Мармурове море (Пропонтиду) з Егейським морем (теперішня Дарданелльська протока, в назві якої ховається ім'я сина Зевса Дардана, засновника міфічної Трої і родоначальника троянців). У Гесіхія написано так: *Ворυσθένης ὁ. 'Ελλάσποντος. ἔστι δὲ καὶ ποταμός* – Борістенес = Геллеспонт. Цей факт, само собою, не міг вигадати Гесіхій. Оскільки в більшості античних джерел Дарданелльська протока називається Геллеспонтом, а не Борістеном, можна гадати, що *Ворυσθένης* – це її давніша назва.

Якщо тепер ми проаналізуємо змістові значення давньогрецького слова *Ворυσθένης*, то матимемо таке:

- 1) Геллеспонт (Дарданелли),
- 2) Буго-Дніпровський лиман (за С.О.Жебелевим),
- 3) ріка Скіфії (за Геродотом),
- 4) бог цієї ріки (на монетах),
- 5) стародавнє місто борістенеїтів (*Ворυσθενεϊτέων ἐμπόριον*, ἄστυ, πόλις, за Геродотом),
- 6) власне чоловіче ім'я (таврського династа), що виступало також у скороченій формі *Ворυс* в епіграфічних матеріалах.

У стародавніх греків було дуже звичайним явищем, коли якась іншомовна (зокрема географічна) назва при засвоєнні її грекомовним населенням наближалася до лексичних елементів грецької мови (процес еллінізації іншомовних слів). Так, напр., дві великі ріки Месопотамії (Межиріччя) Тигр і Євфрат (*Τίγρης καὶ Εὐφράτης*), *Діглат* і *Пурат* асиро-вавилонською мовою, придбали нові і неспо-

⁶ С.А.Жебелёв. Что понимают под Борисфеном? // Исследования и статьи по истории Сев. Причерноморья античных эпох. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

дівані зв'язки в давньогрецькій мові. Перша назва Τίγρης стала нагадувати назву відомого хижака з родини кішок (ή τίγρις), друга назва Εὐφράτης пов'язалася з основою дієслова εὐφραίνω «радує». Отже, Євфрат (ὁ Εὐφράτης ποταμός) був для стародавніх греків «веселою» чи «радісною» рікою.

Проте в Скіфії, що розтяглася по всьому північному узбережжі Чорного моря, все було загадковим для старогрецьких купців та мандрівників, навіть назви повноводних рівнинних рік.

Жодна з цих назв, що їх наводить шукач цікавих фактів Геродот, не має в грецькій мові якоїсь «народної» етимології, не здається схожою на щось грецьке: Ἰστρος – Істр, Τύρης – Тірас, Ὑπανίς – Гіпаніс, Γέρρος – Герр, Ὑργίς – Гіргіс, Τάναϊς – Танаїд і, нарешті, оцей Борісфен! Мабуть, він єдиний нагадував щось суто грецьке. Якщо це було так, то і тут не можна виключити можливості «переводягання» в грецьку лексичну форму якоїсь первісної тубільної назви. З якої ж мови могла походити ця первісна назва?

Болгарський академік Владимир Георгієв дослідив назви великих рік Балканського півострова і прийшов до висновку, що всі вони індоєвропейського походження, тобто їх можна пояснити на основі лексики індоєвропейських мов⁷. Перед тим він досліджував назви річок на території сучасної Греції і так само зробив висновок, що переважну більшість цих назв можна пояснити, виходячи з давньогрецьких діалектів та інших індоєвропейських мов⁸.

Якщо в цих дослідженнях усе гаразд, то на Балканському півострові ми маємо щасливий виняток. У багатьох інших країнах назви найбільших рік залишаються, так би мовити, етимологічно проникливими з погляду тих мов, якими тепер там розмовляють. Часто-густо ці назви було успадковано від попередників тих племен, що оселилися на своїх територіях на світанку історичних часів. Ми знаємо, що назви наших великих рік – Дунай, Дністер, Буг, Дніпро, Дон – не тільки не українські, але і не слов'янські. Навпаки, серед дрібних річок є багато таких, що їх легко зрозуміти на основі української, слов'янських і тюркських мов, напр.: *Береза* (притока Десни), *Десна* (притока Дніпра), *Чичиклія* (притока Південного Бугу) від тюркського *чічеклі* «квітчаста» (річка).

Геродот зібрав свої відомості про скіфів та Скіфію в зв'язку з мідійськими, або греко-перськими, війнами, якими була заповнена в житті племен східного Середземномор'я вся перша половина V ст. до н.е.

Грізний цар царів і цар країн, цар персів та інших іранських племен, Дарій, син Гістаспа, вирушив у похід проти кочових племен скіфів та їх спільників. Наші відомості про скіфів, крім геродотових «Історій» та деяких інших античних джерел, що в основному повторюють Геродота, базуються на дуже скупих свідченнях асирійських хронік та Старого Завіту про навалу скіфських племен

⁷ V.Georgiev. Die Herkunft der Namen der grössten Flüsse der Balkanhalbinsel und ihre Bedeutung zur Ethnogenese der Balkanvölker // Балканско езикознание. – Linguistique Balkanique. – София, 1959. – С.5-16.

⁸ V.Georgiev. Die altgriechischen Flussnamen. – Sofia, 1958; Anhang II, Балканско езикознание. – Кн.1. – 1959. – С.17-27.

на країни Близького Сходу. Чи не від скіфської мови походить давня назва нашої ріки Βορυσθένης? До такої думки прийшло чимало вчених. Найдокладніше це питання висвітлено в книзі відомого осетинського вченого проф. В.І.Абаєва «Осетинский язык и фольклор» (І, М.-Л., 1949).

Міркування вчених щодо іранської етимології назви ріки Бористенес на перший погляд здаються дуже переконливими. Геродотівський Βορυσθένης нібито складається в початковій, або в першій, частині з загальноіранського **varu-**, авестійського **vouru-**, осетинського **woeraex**, **urux** (пор. давньоіндійське **uruh**, давньогрецьке **εὐρύς** «широкий») і в кінцевій, або другій, частині з загальноіранського **stāna-**, давньоперського так само **stāna-**, давньоіндійського **sthāna-**, осетинського **-ston** (у складених словах) «стояння, стоянка, стан, місце» і т.д. Отже, разом **Varustāna-** «широкий край, широке місце, широка місцевість» (з цим можна порівняти *Великий луг* у нижній течії Дніпра).

Справді, в першому тисячолітті до нашої ери сучасними степами України кочували відомі нам переважно з того ж Геродота кімерійці (Κιμῆριοι), а згодом скіфи та савромати (за римських часів – сармати). Геродот повідомляє, що мови скіфів і савроматів були спорідненими, причому, на його думку, савроматська мова – це спотворена скіфська мова. Тепер не підлягає сумніву, що від кінця IV ст. до н.е. і до появи аланів (предків сучасних осетинів) на північних берегах Чорного і Азовського морів кочували саме іраномовні племена. Про це, крім прямих свідчень давньогрецьких і римських істориків, а також археологічних даних, ми довідуємося з вирізьблених на каменях грецьких написів з іншомовними іменами. Найдокладніше їх проаналізували В.І.Абаєв (у згаданій вище книзі) та чеський учений Ладислав Згуста⁹.

На жаль, з усіх наших джерел і насамперед із «Історій» Геродота ми не можемо почерпнути відомостей щодо мови причорноморських скіфів VI-V століть до н.е. Самі скіфи не писали своєю мовою. В своїх стосунках з греками Ольвії і Таврійського півострова вони, в разі потреби, очевидно, використовували грецьку мову і грецьке письмо. Геродот наводить лише назви деяких скіфських божеств, кілька власних імен, кілька географічних назв (топонімів) і два вирази: οἰόρπата «чоловіковбивці» (амазонки) і ἄρῖα σποῦ «одне око» (звідси назва міфічного племені арімаспів). Цього, звичайно, замало для з'ясування граматичної будови та лексичного складу скіфської мови. Цей скупий матеріал не дає нам можливості з цілковитою певністю приєднатися до думки про належність мови геродотівських скіфів до індоіранської групи індоєвропейських мов.

Але незалежно від цих сумнівів ми розглянемо питання про можливість виникнення геродотівської назви Βορυσθένης на основі іранського ***Varustāna-**. Відомо, що в разі запозичення однією мовою з іншої (особливо неблизькоспорідненої) лексичних елементів, ці елементи можуть зазнавати цілком несподіваних змін. Досить порівняти хоча б імена давньоперських царів у їх грецькій передачі з їх оригіналами в давньоперських клинописних документах, щоб оцінити розміри таких можливих змін (Κῦρος, Καμβύσης, Δαρεῖος, Ξέρξης, Ἀρταξέρξης). Але

⁹ L.Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. – Praha, 1955.

навіть і тут спостерігаються деякі закономірності переходів голосних та приголосних з однієї мови до іншої.

Якщо не йшлося про цілковите «переодягання» якогось, хоч би й іраномовного, слова в грецькі «шати», ми могли б уявити собі іранське **Varustāna-*, запозиченим грецькою мовою, як **Οὐαρυστανος* або **Οὐαρυστηνος*, чи відповідно **Οὐαρυστανης*, **Οὐαρυστήνης*. Припустимо, що з невідомих нам причин кінцевий компонент був наближений до грецького компоненту *-σθένης*. В іонійському і аттичному діалектах не було в V ст. до н.е. звука, відповідного до нашого **в**¹⁰. Тому в разі запозичення з інших мов приголосний [v] чи [w] передавався в цих діалектах за допомогою сполучення літер [ov] = [y], напр., *Οὐαρδάνης* одна з назв ріки Кубані (в Клавдія Птолемея) від іранського *Varudānu* «широка ріка». Даремно було б шукати пояснення того, як це замість сподіваного **οὐαρυ-* тут могло з'явитися несподіване *βору-*. Повернемося до скупой на слова, але, на наш погляд, важливої для розглядуваного тут питання статті з лексикона Гесіхія: «Борістенес; Геллеспонт». Ясно, що таку назву (*Βορυσθένης*) скіфи (хоч якою б мовою вони розмовляли) не могли дати теперішнім Дарданеллам, бо не жили ні на європейському, ні на азіатському їх березі. Мешканцями цих берегів були до появи там греків фракійці та місійські племена, що розмовляли також індоєвропейськими діалектами. Відомо, що протока, яка з'єднує Чорне море з Мармуровим морем, назр Босфором. Це дуже стара назва, що походить від давньогрецької назви *ὁ Βόσπορος*. В давньогрецькій мові слово *ὁ πόρος* (від кореня дієслова *περῶ*, *περᾶν*) означало «перехід, переїзд, переправа, брід». Початковий компонент цього *βόσπορος* греки пов'язували з своїм словом *βοῦς* (родовий *βοός*) «бугай» або «корова». Отже, первісне значення цього, *βόσπορος*, імовірно, було «коров'ячий брід», а згодом «вузька протока». Як паралель до цієї назви на карті Англії можна знайти «Воловий брід» – *Оксфорд*, знаменитий своїм університетом.

Коли іонійці почали колонізувати береги Евксинського Понту (*Εὐξεινος* «гостинний»; первісно було *Ἀξεινος* *πόντος* «негостинне море»), вони відкрили для себе ще один *Βόσπορος* – протоку між Чорним та Азовським морями (теперішню Керченську протоку). Тоді південний Боспор стали називати Фракійським Боспором (*ὁ Θρακινός Βόσπορος*), а північний – Кімерійським (*ὁ Κιμμερικός Βόσπορος*) від назви колишніх кімерійських племен, що жили на його берегах.

Чи не так само сталося і з Борістеном – Ворісфеном? Очевидно, спершу так називали Геллеспонт (Дарданелли), а згодом, коли почали плавати на північ, так стали називати і Буго-Дніпровський, чи Дніпровсько-Бузький лиман (отже, імовірно, існувало два Борістени – Фракійський і Скіфський). Щось подібне сталося ще з однією протокою між «Геракловими стовпами» (*αἱ Ἠράκλειαι στήλαι*, *αἱ Ἠρακλέους στήλαι*). Спочатку гадали, що вона повинна бути десь між Сицилією (ἡ Σικελία) та Італією (ἡ Μεγάλη Ἑλλάς «Велика Греція»), а потім, коли ці країни стали добре відомими, «Гераклові стовпи» відсунули далеко на захід до теперішньої Гібралтарської протоки, до виходу з Середземного моря в Атлантичний океан.

Від Кімерійського Боспора одержало свою назву і Боспорське царство з центром у Пантикапеї (*τό Παντικάπαιον* – теперішня Керч, старий Корчев).

¹⁰ В деяких інших давньогрецьких діалектах був такий звук і на письмі його передавали знаком **F** (дигамма).

Як свідчить той самий лексикон Гесіхія, βόσπορος οὐ μόνον Σκυθικός, ἀλλὰ καὶ Θρακινός οὕτως ἐκαλεῖτο («Боспор: не лише Скіфський, але й Фракійський так називався»).

Якщо тепер для нас *протока* (рос. *пролив*) – це цілком певний географічний термін, як у латинській мові – *fretum*, у французькій – *détroit*, у німецькій – *Meerenge* і т.д., то в давньогрецькій мові ще не було такого установленого терміна. Прохід між горами та прохід між частинами суходолу на морі означалися часто тим самим словом. Нашому слову «протока», щодо його змісту, в давньогрецькій мові відповідали такі слова:

1) τὰ στενά (рідше τὸ στενόν) від прикметника στενός, -ή, -όν «вузький, щільний, тісний». Буквально «тісна, вузький прохід»;

2) ὁ στενωπός – похідне від попереднього. В Гесіхія στεινωπόν, στενόν, ἡ τὸν ὑπὸ Σκύλλαν καὶ Χάρυβδιν τόπον στενόν ὄντα Στεινωπός; те саме, що і στενός. Також вузький прохід між Скіллою і Харибдою;

3) στενωγρόν: εὐριπῶδες, στένον, καὶ συριγγῶδες (у Гесіхія): «Στενωγρός - вузький, як протока (між Аттикою та островом Евбеєю – Єввією), тісний та вузький, як рурка»;

4) στενόπορος, στενή ὁδός (у Гесіхія): «Στενόπορος – вузька дорога (вузька вулиця)»;

5) ὁ εὐρίπος (латин. *eupirus*) «вузька протока», зокрема згадане вище найвужче місце протоки між Аттикою та островом Евбеєю – Єввією;

6) ὁ πορθμός «морська протока» і «прохід, проїзд»;

7) ὁ βόσπορος – про це слово вже згадувалося вище. Нарешті, (8), не виключається, що і Βορυσθένης первісно було загальною назвою протоки.

Нам бракує ще необхідних мовних даних, але можна гадати, що назва Борістенес виникла десь на фракійській території. Ми навіть можемо здогадуватись, що кінцевому [-sten-] повинно було б відповідати фракійське (чи так зване «догрецьке» або «пеласгійське» [-sthen-]). Якщо це правильний здогад, то в кінцевому компоненті цієї назви можна вбачати відповідник до давньогрецького τὰ στενά («протока»).

Початковий компонент далеко важче з'ясувати.

Як відомо, в стародавніх греків північний вітер, вітер із-за гір, називався Бореєм (Βορέας, еол. Βορίας, іон. Βορέης, атт. Βορρᾶς, койне Βορῆς, новогр. Βοριάς). Отже, якщо дозволено в науці висловлювати гіпотези, ми були б не від того, щоб пов'язати початковий компонент тієї загальної назви, яка лягла в основу геродотівського Βορυσθένης, із коренями грецьких Βορέας (род. Βορέου) і στενά, *Βορέου στενά «протока Борея» (відповідно «північна протока», «протока між гір, між горами»)¹¹.

Залишається сказати ще кілька слів про пізніші назви нашої великої ріки. Стародавні греки, які були досвідченими моряками, залишили низку описів берегів відомих їм морів і в тому числі Евксинського Понту (Чорного моря). Такий опис називався Περίπλους («плавання вздовж усіх берегів»). В одному з таких

¹¹ У Гесіхія наводиться від аттичної форми Βορρας родовий Βορρυ (замість Βορρα) – «родовий відмінок в Арістоніма».

творів невідомого автора (тому він і називається «Анонімним периплом») згадується наша ріка вже під іншою назвою: *Данапріс* [Δάναπρις]. У цій назві навіть і не спеціаліст зможе знайти основу сучасної назви *Дніпро*.

Коли щодо іранського походження давньої назви *Борістенес* тут було висловлено сумнів, справа з цією назвою *Данапріс* набагато простіша. Давно вже спостережено повторність варіантів того самого кореня в назвах рік: *Дунай*, *Дністер*, *Дніпро*, *Дон*. Це, звичайно, не випадково. В сучасній осетинській мові (осетини живуть тепер у двох автономних республіках: Північноосетинській – у складі РРФСР і Південноосетинській – у складі Грузинської РСР) слово *дон* і тепер означає «вода» і «ріка». Всі старі назви (в грецьких і латинських джерелах) цих великих рік містять корінь [dan-], що походить від давньоіранського [dānu-] «річка, ріка»: Δανοῦβριος, *Danuvius* «Дунай», Δάναστρις, *Danaster* «Дністер», Δάναπρις «Дніпро». Чи пов'язана з ними і колишня назва Τάναϊς, залишається ще не зовсім з'ясованим (бо давньогрецьке **Т** не відповідає взагалі іранському **Д**).

Ось як пояснює первісний склад назви *Данапріс* із «Анонімного периплу» проф. В.І.Абаєв: [dān-] «ріка» – [-āpr] «глибока» (пор. сучасне осетинське *arf* «глибокий»). За часів східнослов'янської єдності на основі північносхідноіранського ***Dānāpr-** виникло *Дънѣпръ* (три склади!), згодом *Днѣпръ* (два склади!) і, нарешті, російське *Днепр* і первісне українське *Дніпр* (тепер рідко вживане). Наша теперішня назва *Дніпро* (наймолодша серед назв цієї ріки) виникає на основі старої української назви *Дніпр*, унаслідок наближення такої назви до категорії власних чоловічих імен (пор. грецьке *Πέτρος* > східнослов. *Петръ* > рос. *Петр*, укр. *Петро*; грецьке *Παῦλος* > східнослов. *Павль*, рос. *Павел*, укр. *Павло*; грецьке *Δημήτριος* > східнослов. *Димитрій*, рос. *Дмитрий*, укр. *Дмитро*).

Така в кількох словах історія теперішньої нашої назви «Дніпро».

Глаголы существования и становления в новогреческом языке¹

Еще в конце прошлого века Hubert Pernot объяснил димотическую парадигму глагола существования в новогреческом языке как результат аналогических новообразований на основе одной-двух форм.² Он установил и ориентировочную дату (200 г. н.э.), от которой, по его мнению ведет начало новогреческая парадигма: возникновение полной синонимии форм *eni – esti* (ср. *enesti*).

Самое загадочное в новогреческой парадигме – это, конечно, возникновение системы медиопассивных окончаний. Н. Pernot предполагает, что действие грамматической аналогии развивалось в пределах парадигмы настоящего времени изъявительного наклонения. При сохранившейся еще форме первого лица ед. числа *eimi* возникла равносложная ей форма второго лица ед. ч. *eisai* с грамматической характеристикой – специальной морфемой вместо грамматически не охарактеризованного *ei*, ср. параллельный процесс в изменении *ginomai, giné, ginetai, ginomai, ginesai, ginetai* и т. д.

Однако речь может идти не только о взаимодействии форм в пределах одной и той же парадигмы, но и о взаимодействии «родственных» по смыслу (синонимичных) парадигм. Следует заметить, что многообразие парадигм глагола существования в живых языках и диалектах греческой группы, очевидно, не может быть объяснено ссылкой на одну первоначальную парадигму. Н. Pernot в названном исследовании не касается диалектологического материала.³

¹ Уперше опубликовано в: Slavica. – Debrecen, 1966. – Т. VI. – С. 31–34.

² Н. Pernot. L'indicatif présent du verbe *être* en néo-grec // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. – Paris, 1896. – Т. IX. – Р. 1–23.

³ Позже он затронул и *ero*. См. Н. Pernot. Le verbe *être* dans le dialecte Tsakonien // Revue des Etudes grecques. – Paris, 1910. – Т. XXII. – № 101; о формах глагола существования в цаконском см. также М. Deffner. Zakonische Grammatik. – Berlin, 1881. – Glossar. – С. 119–120; G. Anagnostopoulos. Tsakonische Grammatik. – Berlin-Athen, 1926. – S. 614 Th. P. Kóstaké. Syntomé grammatiké tés tsakónikés dialektou. – Athéna, 1951. – С. 92; о северогреческих диалектах (Эпир, Македония, Фессалия, о-ва): А.А. Papadopoulos. Grammatiké tón boreíon

Из ныне употребительных парадигм глагола существования наиболее архаической, очевидно, является цаконская парадигма, сохранившая прямые соответствия древним атематическим формам: *[émi]*, *[ési]*, *[éme]*, *[éthe]* < *[e:mi]*, *[essi]*, *[e:mes]*, *[este]*.⁴

Проникновение неглагольной формы *eni* в глагольную атематическую парадигму, насколько можно судить по письменным источникам, датируется еще VI в. до н. э. (Коринф)⁵, ср. подобное же новообразование – литовское 3-е л. ед. и мн. ч. *yrà*, латышское *ir* (то же).

Разнообразие форм глагола существования в языках и диалектах греческой группы после разрушения античной парадигмы соответствует также значительное разнообразие этих форм в румейских диалектах.⁶ Чтобы получить представление об этом последнем, можно сравнить друг с другом парадигмы, приведенные тремя авторами.⁷

При всех различиях между литературной димотикой и кафаревусой ясно, что в них представлена одна и та же парадигма этого глагола.⁸ Совпадение форм третьего лица ед. и мн. чисел настоящего времени, несомненно, не представляет таких неудобств, как совпадение форм первого и второго лиц мн. числа настоящего времени с этими же формами прошедшего времени. В димотике наметился было выход из этого положения: наряду с противопоставлением *[iste]* – *[isaste]* появилось противопоставление *[ímaste]* – *[ímastan]*. Однако в разговорной димотике заметна тенденция ко вторичному неразличению форм *[iste]* – *[isaste]*, в результате которой *[isaste]* используется как форма не только прошедшего, но и настоящего времени. Механизм аналогических новообразований после проникновения в парадигму глагола существования форм *[éni]* и *[ise]*, представляется в общих чертах достаточно понятным. Так, напр., фонема *[u]* могла проникнуть⁹ в формы *éso* > *ésoun*, *éto* > *étoun* (= *étan*) по аналогии с формой *émén* > *émoun*.

idiómatón tés neas hellénikés glóssés. – En Athénais, 1927. – С. 104-105; о понтийском см. его же: Historiké grammatiké tés pontikés dialektou. – Athénai, 1955. – С. 84.

⁴ E.Schwyzer. Griechische Grammatik. – München, 1943. – I. В. 2⁰. – С. 676-678.

⁵ Там же. – С. 678.

⁶ Румейские (от самоназвания говорящих – румэй) или крымскогреческие диалекты на Украине, в научной литературе назывались еще не очень удачно мариупольскими. Историю вопроса см. в кн. Т.Н.Чернышевой. Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты Первомайского района Донецкой обл. (Исторический очерк и морфология глагола). – Киев, 1958. – С. 3-43.

⁷ Ср. М.В.Сергиевский: Мариупольские греческие говоры. Опыт краткой характеристики // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. – 1934. – С. 533-587. – § 53 (С.568); Т.Н.Чернышева. Назв. соч. – С. 61; А.О.Білецький. Дієслівна система говорів сіл Кременівка (Чердакли) та Куйбишево (Малий Янісоль) // Вісник КДУ. Сер. філології, журналістики. – 1959. – В. 2. – № 2. – С. 125-127, парадигмы прочих диалектов привожу по собственным записям.

⁸ Ср. A.Thumb. Neuegriechische Volkssprache. 2⁰. – Strassburg, 1910. – S. 151; A.Thumb neu-bearbeitet von J.E.Kalitsunakis (Sammlung Götschen). – Berlin-Leipzig, 1928. – S. 140; A.A.Tzartzanou. Grammatiké tés neas hellénikés glóssés (tés haplés kathareuoussés). – Athénai, 1954. – С. 98.

⁹ Ср. A.A.Papadopoulou. Grammatiké tón boreión idiómatón tés neas hellénikés glóssés. – En Athénais, 1927. – С. 104-105; в румейских диалектах последовательно различаются 3 л. ед.ч. *[ítun]* и 3 л. мн. ч. *[ítan]*.

Фонема [a] трехсложных форм прошедшего времени [*ímuna*], [*ísuna*] возникла по аналогии с характеристикой прошедшего времени, напр., [*éjina*], [*íxa*], [*ékana*] и т. п. В третьем лице [a] вместо [o] > [u] была вызвана древней формой третьего лица множественного числа *ésan*, а неударные [e] – развились в результате фонетического приспособления вроде [*tone vlepo*], [*ítane mikrí*] и т. п.

Таким образом, развитие новой парадигмы глагола существования представляется в общем довольно ясным, кроме одного пункта: возникновения в ней медиопассивной флексии.

Если считать, что стимулом сложения новой парадигмы было вытеснение формой *eni* формы *esti*, то естественно предположить возможность установления параллелизма между [*éni*] и формами активной флексии, напр., [*méni*], [*siméni*], [*iféni*]. Очевидно, стимулом распространения медиопассивной флексии была другая форма. Мы полагаем, что этой формой оказалась [*íse*], вытеснившая форму [*i*] = *ei*. Откуда же у новой формы второго лица ед. ч. медиопассивные окончания? Скорее всего, из семантически родственного глагола *ginesai* и т. д. Это предположение подтверждают факты парадигм глагола существования в румейских диалектах. Наиболее наглядные примеры результатов сближения на семантической основе глаголов *eimai* и *ginomai* можно найти в урзуф-ялтанском диалекте, исследованном Т.Н.Чернышевой, и отчасти в диалекте села Стыла, факты которого зафиксированы экспедицией КГУ в 1963 году. На проникновение глагола *ginomai* в парадигму общегреческого глагола существования указала в своей кандидатской диссертации Т.Н.Чернышева.¹⁰

Парадигма интересующего нас глагола приняла в названном диалекте следующий вид:

Презенс	Имперфект
1 (s) [<i>ji(nu)m</i>]	1 (s) [<i>jímna</i>]
2 (s) [<i>jíns</i>]	2 (s) [<i>jísuns</i>]
3 (s) [<i>jen</i>]	3 (s) [<i>jídun</i>]
1 (p) [<i>jímstin</i>]	1 (p) [<i>jímastin</i>], [<i>jímnastin</i>]*
2 (p) [<i>jínstin</i>]	2 (p) [<i>jíastin</i>], [<i>jíastin</i>]*
3 (p) [<i>jénun</i>]	3 (p) [<i>jídanan</i>] ¹¹

Ясно, что в данной парадигме формы [*jínun*], [*jíns*] соответствуют димотическим *ginomai*, *ginesai*. Та же парадигма в говоре села Стылы выглядит так:

¹⁰ См. названную выше «Новогреческий говор» ... (1958). – С. 61.

¹¹ Формы даются в упрощенной фонологической транскрипции (на основе латиницы); звездочкой отмечены формы, свойственные только ялтанскому говору, остальные являются общими для обоих говоров.

Презенс	Имперфект
1 (s) [<i>im</i>]	1 (s) [<i>ínunim</i>]
2 (s) [<i>iš</i>]	2 (s) [<i>ínuniš</i>]
3 (s) [<i>en</i>]	3 (s) [<i>ítun</i>]
1 (p) [<i>ímašt</i>]*	1 (p) [<i>ímašt</i>]*
2 (p) [<i>ištin</i>]*	2 (p) [<i>ištin</i>]
3 (p) [<i>éndus</i>]	3 (p) [<i>ítan</i>] ¹²

Здесь влияние глагола становления на глагол существования отразилось не так ярко, как в предыдущей парадигме.

Влияние основы *ginomai* можно видеть в формах 1. и 2. лиц множ. числа, ср. устаревшие димотические *ginoutoun*, *ginousoun*.¹³

Следует указать еще на то, что для всех румейских диалектов характерно исчезновение древнегреческой основы глагола становления *gignomai* > *ginomai* и образование новой основы его, усложненной фреквентативным суффиксом *-isk-*.

Для румейского языка приходится восстанавливать праформу глагола становления **(j)inískum (i) // *(j)iniskum (i) = *geniskomai < // *geniskumai*, ср. [*nískum*] (*Харахла*), [*nišikum*] (*Стыла*). Новообразованные формы глагола становления в румейских диалектах обнаруживают тесную связь с этимологически родственным им глаголом *gennó*, *gennómai* > ср. [*nískum*] ‘становлюсь, делаюсь’ – [*nišikum*] ‘рождаюсь’ (*Харахла*). Аорист [*jinída*] (*Маджарь*, *Ялута*) в точности соответствует аористу [*inída*] ‘родился’ (*Харахла*), ср. *egennéthén*.

Надо полагать, что далеко зашедшая аналогия (сближение *eimi* с *ginomai* вплоть до их слияния), образование на основе вторичного сближения глаголов (*gignomai* и *gennómai*) нового глагола становления с суффиксом *[-isk-]* // *[-išk-]* – это особенность сложившегося во время татарского и турецкого владычества в Крыму румейского языка, который сочетал в себе несомненные архаизмы с некоторыми неологизмами, указывающими на его относительно длительное обособленное от других родственных языков и диалектов существование. В то же время мы полагаем, что использованный нами, как общеизвестный, так и еще в значительной мере не опубликованный материал, позволяет сделать важные выводы относительно механизма развития синонимичных глаголов не только в греческой, но и в других группах индоевропейских языков. Одним из таких выводов является определяющее влияние семантического момента, который может вызвать существенные фономорфологические изменения.

¹² Совпадение отмеченных звездочкой форм настоящего и прошедшего времени характерно для многих новогреческих диалектов. В говоре села Аргин (Большая Каракуба, Раздольное) таким же образом совпали 1 и 2 лицо настоящего времени с такими же лицами прошедшего времени.

¹³ Наряду с распространенными теперь *ginoutoun(a)*, *ginosoun(a)*, ср. цитированную A.Thumb–J.E.Kalitsunakis. – С. 139 (§ 155).

Греки України та їх мова¹

Історія греків України починається з примусового виселення християн з Криму 18 вересня 1778 року. Тоді на 6000 візків, кожний з яких був прив'язаний до двох волів, виїхало 18300 греків (двомовних – грекомовних і татаромовних), 12598 вірмен, 219 грузинів, 161 волох і 108 священників. Пізніше деякі з них повернулися до Криму. 19 квітня 1783 року Крим, Таманський півострів і район Кубані було приєднано до Російської імперії. Після Яської мирної угоди 25 грудня 1791 року Туреччина визнала приєднання Криму до Росії. Останній хан Криму Шагін Гірей був змушений залишити Крим.

Згідно з маніфестами імператриці Катерини II та законом про колонізацію (1762, 1763, 1764) переселенці з Криму мали право облаштуватися у Новоросії, тобто на території, завойованій під час війни з турками (нині Південна і Східна Україна). Наявна інформація щодо облаштування переселенців є частково суперечливою.

У переселенні греків значну роль зіграв останній митрополит Готії і Кафи Ігнатій Гозадіні (народжений на о.Кеа). Він приїхав до Криму з Константинополя у 1771 році, помер 16 лютого 1786 року в Маріуполі. Стосовно заснування цього міста повідомляється – «Згідно з наказом імператриці Катерини II у 1775 році грекам, які становили волонтерський загін армії графа Орлова, надавався дозвіл проживати в Росії. Близько 1770 року відомий полководець Суворов, який отримав призначення в Крим для нагляду за татарами, переселив до Росії приблизно 30000 греків, які заснували значну кількість поселень. У 1789 році вони заснували Маріуполь («Короткий історичний опис Катеринославського округу в 1912 році», с.30). У книзі акад. В.В.Латишева «Про початкову історію міста Маріуполь», Одеса, 1914 у збірці статей «Маріуполь і його околиці». Видавництво Д.А.Харанджаєв, Маріуполь. 1892 рік. У статті Г.І.Тимошевського вказано іншу дату заснування Маріуполя – 1780 рік.

---

¹ А.О.Білецький призначав цю статтю для публікації в Греції (див. далі лист до академіка Сакелларіу), тому й підготував її новогрецькою мовою. Друкуємо статтю вперше в українському перекладі С.Є.Переplьотчикової та О.О.Тищенко за редакцією Н.Ф.Клименко та А.О.Савенка.

У Маріуполі оселилися переселенці з міст Криму – Ескі Крим («Старий Крим»), Гезлев (Козлов, Євпаторія), Балаклава, Бахчисарай, Карасу-Базар (нині Білогірськ), Кафа (Феодосія). Очевидно, всі вони були татаромовними.

Окрім Маріуполя, грецькі переселенці з Криму заснували села –

- 1) Сартана (нині Приморське).
- 2) Чермалик (нині Заможне).
- 3) Карань (нині Гранітне).
- 4) Ігнатіївка (Гурджи, Дубівка, населене грузинами та молдаванами).
- 5) Ласпі.
- 6) Каракуба «Аргін» (нині Роздольне).
- 7) Бешево або Бешуй.
- 8) Стила.
- 9) Волноваха або Бугас (населене малоазійськими греками, понтійцями).
- 10) Улакли (або Демрек).
- 11) Костянтинополь або Фуна.
- 12) Богатир
- 13) Камара
- 14) Великий Янісоль (Великий Я., Тірніхов, В.Новосілка).
- 15) Нова-Каракуба (Гончариха).
- 16) Керменчик (Старомлинівка).
- 17) Ново-Керменчик.
- 18) Мало-Янісоль (Харахла).
- 19) Чердаклі (нині Кременівка).
- 20) Старий Крим (Ескі-Кирим).
- 21) Мангуш (нині Першотравневе).
- 22) Ялта (= Яліта).
- 23) (Г)урзуф (Кизил-Таш).

У свою чергу, мешканці цих сіл заснували нові села, і кількість грецьких сіл значно зросла.

Окрім Урзуфу (< Гурзуфу) та Ялти (< Яліти), які були приморськими селами Криму, всі інші походять з гірських районів.

Незважаючи на те, що більшість грецьких сіл – села грекомовних Румеїв і татаромовних Урумів – мають татарські назви, їхні мешканці були греками, християнами, які зберегли свою релігію, християнські назви та деякі зі своїх давніх традицій.

Грецьку етимологію мають назви сіл *Ласпі* < λάσπη, *Стила* < Στόλοι, *Камара* < Καμάρες і *Яліта* < Αγιάλιτα, *Урзуф* (< місто грузинів), *Тірніхов* < Нове село.

Етимологію назв більшості татарських сіл легко знайти на основі татарської мови Криму:

- 1) Сартана < Sari tana (dana) – «Жовте теля».
- 2) Каракуба < Kara koba – «Чорна чи велика печера».
- 3) Бешево або Бешуй – «п'ять будинків».
- 4) Бугас – «Ріка биків».
- 5) Янісоль < Yeni (Yangi) salá – «Нове село».

- 6) Керменчик < Kermencik – «Маленька фортеця або Маленький замок».
7) Харахла < Kara-kala (kale). – «Чорний або Великий замок».
8) Чердаклі < Çardak –(lı) – çardak – «виноградна лоза» (?), можливо – «мешканець села з виноградними лозами».
9) Улакли < Ulak- (lı) – ulak – «листоноша, вісник, посланець», можливо – «мешканці села листонош».
10) Богатир < Bahadır – «герой, відважний, богатир» (?).

Очевидно, що назви *Константинополь*, *Макентонівка*, *Афіни* <Αθήναι не потребують пояснення.

Назва *Маріуполь* має заплутану історію, яка починається в Криму і пов'язана з грецьким поселенням поблизу монастиря Успіння Богородиці. Варіанти назви: *Поліс Марії*, *Маріянополі* (за прикладом *Константинополіс*, російською *Константинополь*) і згодом *Маріуполь*. Імператриця Катерина II вважала, що греки назвали це місто на честь дружини її сина Павла, Марії Федорівни.

Кримський Гурзуф був містом гурзувітів, тобто грузинів.

Абсолютно природнім є той факт, що грецькі села в Криму мали грецькі назви, а після вторгнення татар були перейменовані, про що свідчить наявність кількох грецьких назв, які збереглися (*Ласні*, *Стила*, *Камарес*, *Яліта*, *Гурзувіте*, *Нове Село*).

Російські назви також є результатом перейменування: *Ігнатіївка* (попередня назва *Гюрджі*) та *Волноваха* (*Бугас*). *Ігнатіївка*, вірогідно, отримала назву на честь митрополита Ігнатія Гозадина (Хазадинов).

У Маріуполі в 1779 році існували церкви Святого Хараламба, Марії Магдалини, Різдва Богородиці, Успіння Богородиці (де зберігається ікона з Успінського монастиря поблизу Бахчисараю).

У тій місцевості, де облаштувалися грецькі переселенці (зараз – Донецька область на сході України), протікають річки *Кальміус*, *Вовча*, *Кальчик*, *Мокрі Яли*, *Сухі Яли* (російською «мокрый» означає «вологий»), *Волноваха*, *Дубівка*, *Зелена*, *Осикова*, *Лозова*. Вочевидь, усі ці назви, за винятком назв річок *Кальміус* та *Кальчик*, є новітніми. У цій місцевості практично немає лісів, довкола степ, більша частина якого зараз обробляється. Південні кордони Донецької області сягають Азовського моря. Маріуполь – є приморським містом. Тут багато вугледобувних шахт, оскільки існують значні поклади кам'яного вугілля. Колишні селяни, що займалися вирощуванням рослин та розведенням домашньої худоби, працюють переважно на заводах та шахтах, хоча сільське господарство не втрачає свого важливого значення для регіону. Якщо запитати у представників старшого віку про їхню першу батьківщину (другою їхньою батьківщиною був Крим), у відповідь можна почути, що це румейська, ромейська, тобто візантійська держава. Народна творчість є двомовною. При цьому, відомі поети уже з 19 століття, зараз література теж розвивається, переважно поезія. У школах нещодавно було введено викладання новогрецької мови. Це становить велику небезпеку для існування говірок румей. До сьогодні паралельно з російською мовою (частково й з українською) вони розмовляли говірками, які суттєво відрізняються від сучасної загальнолітературної мови Греції. Після війни 1941-1945 років було започаткова-

но використання фонетичного письма на основі російської графіки. У Донецьку видаються книжки різними говірками, переважно говіркою села Сартана. Багато з місцевих жителів виїхало на постійне місцепроживання до Греції.

Говірки румеїв України, безсумнівно, становлять інтерес для грецьких діалектологів. У цьому випадку ми є свідками рідкісного явища: збереження впродовж двох століть різних мовних варіантів у чужому середовищі, при цьому, носії цих говірок є двомовними. У середині 19 століття одному освіченому румею Феоктисту Хартахаю здалося, що ці говірки помирають, та, на щастя діалектологів, він помилився. Ані кримські татари, ані росіяни не змогли викоринити розмовну мову цих греків. Незважаючи на прогнози деяких мовознавців, ці говірки продовжують жити попри двомовність румеїв, котрі у своїй самоназві зберігають пам'ять про своє походження: румеї – ромеї, тобто середньовічні греки.

Ти эн алáлиту нирó?

Канúс ан фэр нирó ах ту путám йóхсам (а)хту пигъáдь, тос ан канúна па ть тьò здишэкс ки канúс па дáма – т ть тьа здишэкс, ать лэгън–ду алáлиту нирó.

- 1) лалý = говорити та співати.
- 2) ах = від, тут «ек» – з.
- 3) óйхсам = пор. тат. yok+sa+m
- 4) па < πάλιν = знову
- 5) ть = заперечення
- 6) здишэкс – здишэну від «συντυχαίνω – συντυγχάνω», аорист здúшикса, говорити – μιλάω, μιλήσα
- 7) дама – ένταμα
- 8) лэгън(и) – < λέγουν = лéνε

Лист А.О.Білецького до академіка пана Сакелларіу.

Вельмишановний академіку пане Сакелларіу,

Прошу Вас надати представникам Грецького Товариства східноєвропейських досліджень мої дослідження (Грецька топонімія Криму), Нарис з історично-порівняльного дослідження лексики давногрецьких діалектів і слов'янських мов та декілька моїх статей, оскільки це Товариство може опублікувати вищезгадані роботи. Дуже Вам дякую за допомогу, яку Ви маєте ласку мені надавати.

З глибокою повагою

Андрій Білецький

Грецька топонімія Криму¹

На сучасній географічній карті України та Криму ви зустрічаєте деякі грекомовні назви міст, наприклад, Μελιτόπολ < Μελιτόπολις місто бджіл, що стоїть на річці Молочна, яку грецькою можна перекласти як ο γαλακτοφόρος ποταμός, Χερσών < Χερσώνησος у гирлі Дніпра, Σεβαστόπολ < Σεβαστούπολις місто преславних (російських імператорів) у Криму. Також у Криму зустрічаємо Συμφερόπολ < Συμφερόπολις, своєрідний варіант від Συμφεροντόπολις, у тому ж регіоні було відроджено деякі давньогрецькі назви – *Херсонес* (Χερσώνησος), *Євпаторія* (Ευπατορία), *Феодосія* (Θεοδοσία). Згадані назви є даниною «моди на грецьке», характерної для епохи правління імператриці Катерини II, яка виникла в контексті планів часткового відновлення візантійської держави під протекторатом Російської імперії. Вони ніяк не пов'язані з процесом переселення греків з територій підвладного татарам Криму до Новоросії, регіону, відвойованого після російсько-турецької війни 1768-1774 рр. Незалежно від «грецької моди», що припадає на кінець 18 ст., на Україні та в Криму зберігаються деякі назви, пов'язані з переселенням греків. Ідеться насамперед про середньовічну грецьку топонімію Криму і Донецької області України.

В Україні відповідна топонімія грецького походження є нечисленною внаслідок татаризації грецьких назв упродовж 13-18 ст. Серед населених пунктів східної України до назв грецького походження належать: *Маріуполь* (Μαριούπολ < Μαρίας πόλις), *Ялта* (Γιάλτα < Γαλίτα < *Αιγιαλιτών κάστρο, *Урзуф* (Ουρζούφ < Γκουρζούφ < *Γουρζουβιτών κάστρο), *Ласпа* (Λάσπα < Λάσπη), *Стила* (Στύλα < Στύλοι), *Камапа* (Καμάρα < Καμάρες). На відміну від території східної України на Кримському півострові трапляється велика кількість питомих грецьких назв. Ідеться не про давньогрецькі назви, що з'явилися за доби колонізації греками, переважно вихідцями з Мілету (виняток становить Херсонес, заснований гераклідами), Таврійського півострова, наприклад, *Каркініт* (Καρκινίτις), *Калос Лі-*

---

¹ Статтю А.О.Білецький підготував для друку новогрецькою мовою, проте, на жаль, у Греції вона не була опублікована. Друкуємо її вперше в українському перекладі А.Савенка.

мен (Καλὸς Λιμὴν), Символон Лімен (Λιμὴν των Συμβόλων), Херсонес Таврійський (Χερσόνησος η Ταυρικὴ), Феодосія (Θεοδοσία), Боспор (Пантикапей – Βόσπορος, Παντικάπαιον)). У цьому дослідженні нас цікавитимуть передусім назви, пов'язані з проживанням греків у Таврії за середньовіччя до моменту їхнього переселення в кінці 18 ст. до України (тодішньої Малоросії).

1. Перше, що впадає нам у вічі при погляді на географічну карту, це велика кількість топонімів, що складаються з християнського імені та попереднього складу **-αῖ**. Нескладно здогадатися, що цей склад походить від прикметника ἅγιος, наприклад, усі наведені вище топоніми мають схожу семантику, вони позначають середньовічні храми та монастирі, Αἱ-Βασίλ < Ἅγιος Βασίλειος, тобто (храм чи монастир) Святого Василя, Αἱ-Νικόλα < Ἅγιος Νικόλαος (храм чи монастир) Святого Миколая, Αἱ-Πέτρι < Ἅγιος Πέτρος (храм чи монастир) Святого Петра, Αἱ-Ντανήλ < Ἅγιος Δανιήλ (храм чи монастир) Святого Даниїла, Αἱ-Τοντὼρ < Ἅγιος Θεόδωρος (храм чи монастир) Святого Феодора, Αἱ-Γιάν < Ἅγιος Ἰωάννης (храм чи монастир) Святого Йоанна, Αγίωρ < Ἅγιος Γεώργιος (храм чи монастир) Святого Георгія і т.д. Це може широко дивувати в тих випадках, коли ім'я Святого Петра має гора, на якій не спостерігаємо нічого схожого на залишки церкви чи монастиря. Одним із пояснень, що, певно, зацікавить й археологів, може бути припущення про існування в районі згаданої гори церкви або монастиря з відповідною назвою, які були колись сплюндрованими, і єдиною згадкою про їхнє існування залишилася назва місцевості. У Криму такі випадки є не поодинокими, античність продовжує жити в найменуваннях, у топонімах. Саме через це вивчення топонімії має велике значення, адже воно розгортає перед нами картину епохи потрясінь, які пронеслися по багатостраждальному Кримському півострову.

Щодо сказаного вище може виникнути питання, чому в топонімі *Ай-Петрі* (Αἱ-Πέτρι) маємо закінчення **-ι**, а не **-ου**? Форма топоніма демонструє, що ми маємо справу з результатом дії одного мовного феномену, характерного для діалектів греків Криму, що також трапляється у мові їхніх нащадків: родовий відмінок іменників чоловічого роду так само, як і в понтійському діалекті, мав форму **-ιου**, а не **-ου**, тобто вихідною була форма Πετρίου, а не Πέτρου. Такі деталі мають велике значення в дослідженні кримської топонімії.

2. Поміж топонімів південного узбережжя Криму зустрічаємо декілька назв, що мають закінчення **-εῖζ**. Остаточний аналіз прикладів підтверджує, що перед нами назви грецького походження, на яких позначилася татарська вимова. Їхнє закінчення походить від закінчень іменників жіночого роду у множині зі значенням «місце, де перебуває Х» **-εῖς**, наприклад, насадження, φυτεῖς «місце, де розташовано культивовані рослини». Отож ми можемо дійти висновку, що *Кікенеїз* Кікенеῖζ < *Κίρκινεζεῖς місце, де гніздяться соколи, *Хореїз* Κορεῖζ < *Χωρεῖς – місце, де знаходяться села, *Лімнеїз* – Λιμνεῖζ < Λιμνεῖς місце пристаней, *Олеїз* – Ολεῖζ < Ελεῖς місце, де ростуть оливкові дерева, *Симеїз* – Σιμεῖζ < *Σημεῖς (у цьому контексті σῆμα означає «могила»), тобто місце, де знаходяться поховання, кладовище.

3. Зрозуміло, що назви *Місхор* (Μισχὼρ) та *Капсихор* (Καψιχὼρ) походять з грецької мови, а саме: від іменників *Μεσοχώρα та *Καψοχώρα (χώρα в значенні

‘село’), однак можна довести, що й *Палекур* (Παλέκουρ), пагорб неподалік від Массандри, походить від назви ‘старе село’ (Παλαία Χώρα).

4. Також на південному узбережжі існує чимало топонімів із закінченням **-ка**, яке схоже на закінчення, характерні для російських іменників жіночого роду, наприклад, *кошка*, *мышка*, *пешка*, однак насправді є закінченням грецьких топонімів середнього роду, що вживаються в множині, які можна побачити на карті сучасної Греції (наприклад, Δημαίκα, Λαμπραίκα, Τσουκαλείκα, Βραχνείκα, Ροιγίτικα). Сучасні населені пункти: *Алупка* (Αλούπκα < *Αλούπικα), пор. αλουπού < αλεπού лисиця, *Мухалатка* (Μουχαλάτκα < *Μουχαλάτικα), пор. Μουχάλης < Μιχάλης Михайл (Михайло), *Мишатка* (Μισάτκα (σσ=sh) < Μισσάτικα), пор. у румейському діалекті mshi < ψυχή (душа), тобто вихідна назва була *Ψυχιάτικα). Назва *Аутка* (Αούτκα) походить з кримського варіанта татарської мови і містить основу **aut-**, що означає «цистерна, водосховище», тобто вихідна форма була *Αούτিকা.

5. Багато топонімів-комполітів складаються з грецького та татарського елементів, наприклад, *Екклізі-бурун* (Εκκληζή-μπουρούν), тобто ‘виступ (букв. мис)’ – церква, *Вігланін-бугаз* (Βιγλανίν-μπουγάς), тобто ‘ущелина з пунктом спостереження’, *Ставри-ка* (Σταυρί-καγιά), тобто ‘скеля Хреста’ (у цьому прикладі Σταυρί є родовим відмінком від σταυρός на протипагу σταυρού, див. *Ай-Петрі*).

6. Також варто відзначити використання в кримській топонімії прикметника μέγα (замість μεγάλος, μεγάλη, μεγάλο), що відображає одну з характерних рис мови кримських греків. У різному вигляді зустрічаємо цей прикметник у складі топонімів по всьому південному узбережжю та в інших місцях. За приклади наведемо найменування мису *Меганом* (Μεγανώμ), що походить з Μεγάλος ώμος (νώμος < ώμος) букв. ‘велике плече’, *Магарац* (Μαγαράτς) з μεγάλη ράχη, де ράχη означає ‘гірське пасмо’, *Мугабель* (Μουγαμπέλ – μεγάλο αμπέλ ‘великий виноградник’, *Могабі* (яйла) (Μογαμπί (γιαίλλα) – μεγάλος πρίγκιπας ‘великий князь’, (бі татарською означає ‘принц, царевич, володар’). Лише в одній місцині маємо назви *Мегало Яло* (Μεγάλο Γιαλό) та *Мікро Яло* (Μικρό Γιαλό), однак їх, здається, було утворено нещодавно. Серед грецько-татарських композитних назв зустрічаємо *Büyük Lambat* та *Küçük Lambat* (*Lambat* походить від грецького λαμπάδα зі значенням ‘маяк’ (φάρος)), тобто ‘Великий маяк’ (Μεγάλος Φάρος) та ‘Малий маяк’ (Μικρός Φάρος).

7. Характерним для візантійської доби топонімом є назва *Форос* (Φόρος) (в слов’янських мовах вимовляється з наголосом на другому складі під впливом татарської мови – Форос). Назва *Форос* походить від латинського *forum* тобто ‘ринок, агора’. В іншому місці знаходимо *Ескі-Форос* (Εσκή-Φόρος, Старий Ринок).

8. Фортеця Іудеїв (караїмів) *Чуфут-Кале* (Τσουφούτ-Καλέ) татарською до 17 ст. називалася *Kirk-er* (*Kirk-yer*, *Kirk-or*), де *Kirk* є татарським числівником «сорок». *Kirk-er* може означати «сорок юнаків» (σαράντα παληκάρια) і це дозволяє припустити, що перед нами татарський переклад грецького Αγίοι Σαράντα (Сорок святих). Цілком вірогідним видається існування в цьому місці храму Сорока севастійських мучеників, що є гарним прикладом «ономастичної археології».

9. Дослідження етимології кримської топонімії супроводжується значними труднощами. Античні і візантійські найменування були здебільшого спотворені татарами, які не розуміли їх, або, якщо назва було зрозуміла татарофонам, перекладали її татарською. В свою чергу, росіяни, які сприймали місцеві назви на слух від греко- або татарофонів, змінювали їх на свій лад, або іноді запроваджували власні найменування. Тому досліднику кримської топонімії недостатньо володіти лише давньою та новогрецькою мовами і знати особливості їхніх діалектів, але слід мати уявлення про кримський варіант татарської мови, а також про інші мови, що побутували на півострові, зокрема, про російську мову. Крім цього, він має добре розумітися на нюансах непростого історичного розвитку Криму. Це є необхідною передумовою, адже, як казали римляни, *ut desunt vires tamen est laudanda voluntas* (коли не вистачає сил, слід відзначити похвалою старанність). Саме з цією метою я й здійснив пропоновану увазі читачів розвідку, щоб показати, наскільки важливу роль відіграють дані топонімії для висвітлення історії кожної країни. 'Ο πλείστα πράττων πλείσθ' ἁμαρτάνει βροτῶν (той, хто більше робить, помиляється більше за інших смертних – *пер.*), у дослідженнях сфери наших інтересів не можуть не траплятися помилки, але це не є підставою для відмови від досліджень.

Насамкінець я хотів би розглянути один дивний факт. На кількох географічних картах можна побачити назву одного мису на західному узбережжі півострова – мис *Лукул* (ακρωτήρι Λουκούλ), що, вважають, походить від імені римського полководця, (який, утім, жодним чином не був пов'язаний з історією Криму). Що ж виявляється насправді? Татари називали цей мис *Ulu kol*, тобто 'Велике передпліччя' (Μεγάλος Βραχίονας). На жаль, нам невідомо, яку назву було закріплено за ним греками.

5. [ΠΟ]ΛΥΚΡΑΤΗΣ	ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ	ΑΡΡΕΝΕΙΔΗΣ	[.....]
[ΠΟ]ΛΥΜΝΔΗΣ	Λ[Ε]ΩΚ[Ρ]	ΕΥΜΕΝΗΣ	ΛΕ[ΩΚΡΑΤΕΟΣ]
	ΑΤΕ[Ο]Σ		
[ΠΟΛ]ΥΣΤΡΑΤΟΣ	ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ	ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΣ	Ε[ΥΡΗΣΙΒΙΟΥ?]
[ΠΟΛΥ] ΧΑΡΜΟΣ	ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ	ΛΕΩΠΡΕΠΗΣ	ΕΥ[ΡΗΣΙΒΙΟΥ?]
[ΠΟΛΥΔ]ΗΜΟΣ	ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ	ΣΥΡΙΣΚ[ΟΣ]	[.....]
10. [ΠΟΛΥΜΕΔ]ΩΝ	ΛΕΩΚΡΑΤ[ΕΟΣ]	[.....]	[.....]

Шрифт этой надписи – простой и довольно правильный, не имеющий каких-либо выдающихся особенностей.

Буква **Π** здесь с правой ножкой короче левой, т. е. той формы, которая на аттических надписях встречается с начала IV в. до н. э. и до начала I в. н. э. Буква **Σ** еще архаической формы, но из тех, которые дольше других были в употреблении (с параллельными, считая сверху, 1-й и 3-й, 2-й и 4-й чертами). Ей соответствует и форма буквы **М** (которая на аттических надписях была до I в. н. э.)³. Буква **Ω** – средней величины и той формы, которая встречается на аттических надписях середины IV в. до н. э. и до середины II в. н. э. (дуга ровно на полкруга или немного больше полкруга с двумя короткими черточками, которые как бы являются продолжением диаметра за кругом). Буквы **Α**, **Δ** и **Λ** точно соответствуют друг другу и все представляют одинаковые равнобедренные треугольники. Буква **Ε** имеет такие пропорции, что верхняя горизонтальная черточка равняется отрезку вертикальной черточки от верха до средней горизонтальной, причем средняя и нижняя горизонтальные немного меньше верхней горизонтальной (особенно во второй строке). Буква **Τ** имеет горизонтальную черточку несколько длиннее вертикальной. Буквы **Β** и **Ρ** точно соответствуют друг другу, причем верхняя дуга делит вертикальную черточку на две почти равные части. Буква **Κ** имеет наклонные черточки такие, что каждая из них равняется половине вертикальной черточки (внутренний угол почти 90°, внешние по 45°). Буква **Υ** имеет вполне обычную форму. Буква **Ο** представляет вполне правильный круг и по величине несколько меньше прочих букв (кроме **Ω**). Расположение букв по большей части – στοιχηδόν, особенно в 3–10-й строках. Высота букв в 1–2-й строках – 0,02 м (расстояние между ними 0,04 м), а во всех прочих строках – 0,01 м.

Значительные утолщения букв отсутствуют, но у большинства букв хорошо заметны поперечные «украшающие» черточки (так называемые апексы), которые часто встречаются в лапидарных надписях, начиная с 200 г. до н. э.

Итак, из 24 букв «ионийского» алфавита в сохранившемся тексте имеется 19, т. е. все за исключением **Γ**, **Ζ**, **Ξ**, **Φ**, **Ψ**. Указанные выше особенности шрифта дают возможность установить для данной надписи очень широкие хронологические пределы: IV–III вв. до н. э. Но, учитывая тенденцию украшать буквы дополнительными черточками, эти пределы можно сузить до одного III в. до н. э.

³ В буквах **М** и **Σ** внешние наклонные черточки заметно длиннее внутренних приблизительно 3:2.

Восстановить первоначальные размеры надписи, учитывая ее теперешнее состояние, дело весьма не легкое. Во всяком случае несомненно, что надпись продолжалась направо, по крайней мере на расстояние 10 букв. Это пространство было заполнено отчествами при именах: ΛΕΩΚΡΑΤΗΣ (стк. 3), ΗΡΑΓΟΡΗΣ (стк. 4), ΑΡΡΕΝΕΙΔΗΣ (стк. 5), ΕΥΜΕΝΗΣ (стк. 6), ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΣ (стк. 7), ΛΕΩΠΡΕΠΗΣ (стк. 8) и ΣΥΡΙΣΚΟΣ (стк. 9).

Для понимания содержания памятника нужно было бы восстановить прежде всего первую строку надписи, где сохранилось всего пять букв: ... ΥΣ ΣΩΤ ... Нет сомнения только в том, что последние три буквы относились к какой-то форме слова ΣΩΤΗΡ. Менее вероятным представляется то, что они составляли начало слова ΣΩΤΗΡΙΑ. Последнее слово встречается в посвяtitельных надписях, но с предшествующим предлогом или с предшествующей формой родительного падежа (например, ὑπὲρ σωτηρίας, ὑπὲρ τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας и т. п.). Не забудем и о третьей возможности: здесь могло быть еще слово (τὰ) σωτήρια «награда за спасение» (ср., например, τὰ ἐλευθέρια «награда за освобождение»).

Гораздо труднее, чем для букв ΣΩΤ . . . (которые мы склонны считать началом слова σωτήρ), установить, к какой форме и какого слова относились буквы . . . ΥΣ первой строки. Можно представить не меньше пяти вариантов восстановления первой строки, хотя все они не вполне удовлетворяют нас:

- 1) [ZE]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡ]
- 2) [TO]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΑΣ]
- 3) [ΘΕΟ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΑΣ]
- 4) [ΗΡΑΚΛΕΟ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΟΣ]
- 5) [ΙΕΡΕ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡΟΣ] или ΣΩΤ[ΗΡΩΝ].

Рассмотрим сперва одновременно второй и третий варианты. Принимая одно из этих чтений, мы тем самым предполагаем, что содержание первой строки было связано с культом θεοῖ Σωτήρες, т. е. Диоскуров. Возможно, что в Ольвии существовал культ Диоскуров, хотя прямых свидетельств о его существовании пока нет⁴.

Вполне понятно, что не исключается возможность иного толкования предложенных здесь второго и третьего вариантов. Так, например, τοὺς σωτήρας могло относиться не только к Диоскурам, но и к другим неизвестным нам героям или героизованным мифическим и историческим предкам, архегетам, ктистам, ойкистам (см. ниже), каким-нибудь правителям, властителям, архонтам. Наряду с чтением θεοὺς σωτήρας, конечно, нельзя исключить и вариант θεοὺς σωτηρίους, хотя его смысл так же неясен, как и третьего варианта.

Кроме Диоскуров, сочетание слов θεοὺς σωτήρας могло относиться и к иным богам, имена которых в таком случае предшествовали бы названным словам. Однако этому предположению противоречит отсутствие места на поверхности плиты.

⁴ Г. М. Гирст. Ольвийские культы. ИАК, вып. 27 (1908), с. 75–144; о культе Диоскуров – с. 132. ИАК – сокращения назви «Известия Императорской Археологической Комиссии» (прим. упоряд.).

Иное возможное чтение (вариант 1) – ZEYΣ ΣΩΤΗΡ, хотя и оно вызовет возражения. Можно указать прежде всего, что для начала надписей эллинистического времени нехарактерно употребление именительного падежа, к тому же не связанного со всем содержанием эпиграфического памятника. В архаическую и классическую эпохи можно найти примеры такого употребления⁵.

Другое дело, если бы здесь стоял дательный или винительный падеж: ΔΠ ΣΩΤΗΡΙ, ΔΙΑ ΣΩΤΗΡΑ. В таких случаях связь этих форм с текстом надписи была бы понятной (см. IOSPE, I², № 25, 161, 162 – дательный падеж в надписях из Ольвии, также № 438 из Херсонеса; IOSPE, II, № 29 из Пантикапея; ср. еще CIG, I, № 157, 246; II, 1798, 1799, 2084, 2525, 2852 и др.; родительный и винительный – не так часто).

О возможности употребления сочетания слов Ζεὺς Σωτήρ как сакральной формулы в начале надписи даже в позднейшее время свидетельствует надпись CIG, III, №5852. Эта сакральная формула в названной надписи является частью *boni eventus appreciationis*: [ΑΓ]Α[Θ]Η ΤΥΧΗΙ, ZEYΣ ΣΩΤΗΡ, по примеру обычного для неаттических надписей упоминания θεός (также в сочетании с Τύχη ἄγαθή в именительном, дательном и винительном падежах).

Такая сакральная формула, очевидно, не была чем-то исключительным в эпиграфических памятниках разных времен и стран, а поэтому можно считать, что наличие ее не исключается и на данном мраморном фрагменте. Для восстановления остальной части текста данной надписи чтение первой строки [Ζε]ὺς Σωτ[ήρ] представляет несомненные удобства, так как 1) в первой строке восстанавливаются на основании этой рабочей гипотезы только две начальные буквы слова Ζεὺς, а что касается восстановления двух последних букв слова Σωτήρ, то наличие их не подлежит сомнению; 2) относительно двух столбцов с личными именами и отчествами (стк. 4–10) слова первой строки занимали бы, как и следовало ожидать, центральную позицию.

Однако не совсем понятным при таком допущении остается взаиморасположение первой и второй строк: под девятью буквами первой строки во второй строке должны были помещаться, как мы увидим ниже, по крайней мере восемнадцать букв. Учитывая заметное стремление резчика располагать буквы одну под другой, надо думать, что под двумя буквами первой строки во второй высекли три буквы. Однако расстояние между буквами предполагаемого слова Ζεὺς должно было быть меньше расстояния между буквами слова Σωτήρ, как это станет понятным из восстановления второй строки.

Так как все края надписи, кроме верхнего, не сохранились, для восстановления ее содержания очень важно установить, где была средняя вертикальная линия, т. е. линия, приблизительно делившая ее на две половины, левую и правую. По всей видимости, эта средняя вертикаль проходила между буквами Σ и Ω первой строки, Ρ и Η второй строки и после отчества Λεωκράτεος первого столбца имен всех прочих сохранившихся строк.

⁵ Ср., например, формы ΘΕΟΣ и ΘΕΟΙ в начале надписей – F. Solmsen. *Inscriptiones Graecae ad illustrandas dialectos selectae*. Lipsiae, 1910, № 16, 33, 34, 43.

Это подтверждается таким распределением букв в сохранившихся 4–10-й строках⁶ в обоих столбцах:

стк. 4–20 (10 + 10) и 18 (8 + 10!)
 стк. 5–20 (10 + 10) и ? (10 + ?)
 стк. 6–19 (9 + 10) и 17 (7 + 10!)
 стк. 7–21 (11 + 10) и 20 (10 + 10!)
 стк. 8–20 (10 + 10) и 19 (9 + 10!)
 стк. 9–19 (9 + 10) и ? (8 + ?)
 стк. 10–19 (9 + 10) и ? (? + ?)

Над вторым столбцом четвертой строки было (в третьей строке): ΛΕΩΚΡΑΤΗΣ Ι[ΠΠΟΚΡΑΤΕΟΣ ?], т. е. 20 (9 + 11?).

Таким образом, для первой и второй строк симметрии, вероятно, не требовалось, а в третьей ее, по-видимому, совсем не было. Понятно, что признание именно двух столбцов собственных имен, а не большего числа, остается рабочей гипотезой.

Если можно полагаться на сделанную нами попытку установить среднюю вертикаль, то сторона мраморной плиты с надписью не была (сравнительно с прочими известными нам базами статуй и похожими на них плит) очень большой: ее длина видимо, не превышала 0,60 м⁷.

Для второй строки мы предлагаем чтение: 1) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ]. Прежде чем остановиться на таком чтении, мы должны были отвергнуть варианты: 2) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΝ τοῦ δεῖνος]; 3) [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΥ] и 4) [Ι]ΕΡΕΙΣ, ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΣ τοῦ δεῖνος], за которыми в третьей строке восстанавливалось [ΚΑΙ ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ.

В древнегреческой ономастике известно много собственных имен с конечной составной частью **-βιος** (ср., например, Ἀλεξίβιος, Ἀλκίβιος, Ἀναξίβιος, Ἀντίβιος, Ἀριστόβιος, Ἀρχέβιος, Ἀρχίβιος, Ἐργόβιος, Ἐρμόβιος, Εὐβιος, Εὐρύβιος, Ζηνόβιος, Καλλιβιος, Κτησίβιος, Λυσιβιος, Μητρόβιος, Οἰνόβιος, Ὀρεσίβιος, Πολύβιος, Ρηξίβιος, Στησίβιος, Σωσίβιος, Ὑπέρβιος. От некоторых из них были образованы производные имена с патронимическим суффиксом **-(ι)άδης**, например Ἀλεξίβιος – Ἀλεξιτιάδης, Ἀλκίβιος – Ἀλκιβιάδης, Ἀρχέβιος или Ἀρχίβιος – Ἀρχεβιάδης или Ἀρχιβιάδης, Πολύβιος – Πολυβιάδης. Нам представляется вполне правдоподобным, что от весьма распространенного в Ольвии собственного имени Εὐρησίβιος (Гевресибий, Эврисивий или Еврисивий) могло существовать производное Εὐρησιβιάδης и соответствующее ему название какого-то рода или семьи Εὐρησιβιάδαι, каковы, например, имена известных аттических жреческих родов Βουτάδαι и Εὐμολπίδαι.

⁶ Здесь вопросительный знак обозначает неизвестное количество, а восклицательный – восстанавливаемое количество.

⁷ Ср. IOSPE, 12, № 186 (в. 0,28 × д. 0,69 × ш. 0,58), 188 (в. 0,23 × д. 0,75 × ш. 0,68), 189 (в. 0,32 × д. 0,85 × ш. 0,70), 190 (в. 0,36 × д. 1,35 × ш. 0,99), 191 (в. 0,35 × д. 0,71 × ш. 0,71), 192 (в. 0,36 × д. 0,73 × ш. 0,675).

Если предложенное нами чтение второй строки «жрецы Гевресибиады» (или Эврисивиады)» можно считать верным, то из него вытекают такие выводы:

1) в городе Ольвии IV–III веков до н. э. существовали жрецы Гевресибиады; 2) этот жреческий род должен был вести свое начало от какого-то исторического или мифического Гевресибия; 3) возможно, что в связи с этим существовал и местный культ родоначальника Гевресибиадов (ἥρως ἀρχηγέτης); 4) возможно, что с существованием Гевресибиадов связано широкое распространение в Ольвии собственного имени Гевресибий, о котором свидетельствуют эпиграфические памятники.

Наряду с вариантом [I]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ] необходимо принять во внимание второй вариант, а именно: [I]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΝ] – дальше πατρωνυμικόν и подразумевая ἀνέθεσαν, ἀνέθηκαν или ἀνέστησαν.

Этот последний вариант второй строки можно связать с указанным выше четвертым вариантом чтения первой строки; тогда обе первые строки надписи читаются так:

1. [Ἡρακλέο]υς Σωτ[ῆρος
2. ἱερεῖς Εὐρησίβ[ιον τοῦ δεῖνος]...

Недостатком этого варианта надо признать то, что он плохо согласуется с чтением третьей строки: [καὶ θι]ασίται.

Рассмотрим еще такие варианты этой строки, как: 3) [I]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΥ] и 4) [I] ΕΡΕΙΣ, ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΟΣ] . . .

Представленный здесь третий вариант был бы возможным при условии существования в Ольвии до сих пор неизвестного местного культа какого-то Гевресибия. Однако вполне сомнительной остается возможность существования жрецов героя как особой коллегии, а что в данной надписи речь идет о коллегии – это безусловный факт. Характерной чертой культа героев была их связь с официальными культами государственной религии (ср., например, надпись на мраморном кресле в театре Диониса в Афинах, SIG, III, 290: ἱερέως Ἀνάκων καὶ ἥρως ἐπιτεγίου).

Отвергая упомянутые здесь варианты: третий (из-за того, что существование «жрецов Гевресибия» весьма сомнительно) и четвертый (из-за того, что связь слов «жрецы, Гевресибий. . .» со словами прочих строк остается непонятной), мы имеем право на основании принятого нами первого варианта («жрецы Гевресибиады») высказать мысль о возможности существования в Ольвии местного родового культа героя – архегета Гевресибия.

Ответ на вопрос, какому божеству государственной религии служили упомянутые здесь жрецы, очевидно, надо было бы искать в первой строке, чтение которой представляется весьма затруднительным.

У Плутарха в биографии Арата (LIII, 2–3) можно найти ценное указание на связь культа героизованного умершего с культом Зевса Сотэра, причем и самый праздник в честь героя назывался «сотериями» (τὰ σωτήρια). На основании этого места и возможного чтения первой строки (ΖΕΥΣ ΣΩΤΗΡ) данной надписи

представляется вероятным, что названные здесь жрецы Гевресибиады служили именно Зевсу Сотэру, с культом которого они соединяли почитание своего родоначальника Гевресибия.

Собственное имя «Гевресибий или «Эврисивий» (Εὐρησίβιος) хорошо известно из ольвийских эпиграфических памятников⁸, а также после открытия Б. В. Фармаковским в 1901 г. склепа Гевресибия и Ареты на территории древней Ольвии за Северной балкой⁹. Факт довольно значительного распространения этого имени в Ольвии достаточно убедительно истолкован Б.В.Фармаковским (ук. соч., стр. 16–17): «Что Евресивий принадлежал к древней аристократической фамилии Ольвии, с большою вероятностью можно вывести из его имени и имен его отца и тестя (Каллисфена и Папия.— А. Б.). Известно, что у древних греков в каждом роде одни и те же имена переходили по наследству от одного поколения к другому. Имя Εὐρησίβιος в Ольвии встречается неоднократно».

Понятно, что о культе Гевресибия, родоначальника жрецов Гевресибиадов, можно говорить лишь в том случае, если не считать само имя Εὐρησίβιος эпитетом (πρόσκλησις) какого-нибудь уже известного эллинского божества. Известно, что Ζεὺς Σωτήρ был связан с олимпийскими (τὰ Ὀλύμπια) и немейскими (τὰ Νέμεια или Νέμεα) празднествами, которые устраивались в его честь. Среди эпитетов Зевса был и такой, как Εὐρέσιος (Juppiter Inventor, ср. также Εὐρεσίτεχνος, Orphica, 32, 14). Однако из самого текста публикуемой надписи очевидно, что Εὐρησίβιος не могло здесь быть эпитетом Зевса, если раньше это божество уже было названо [ΖΕ]ΥΣ ΣΩΤ[ΗΡ].

С этой же основой существовало прозвище Зевса Εὐρέσιος (Dionysii Halicarn., Rom. ant., I, 39). В связи с этим стоит отметить, что и само имя Εὐρησίβιος могло быть одним из эпитетов названного божества, хотя прямых свидетельств об этом у нас нет¹⁰.

В третьей строке наиболее интересным представляется упоминание о фиаситах, т. е. членах какого-то общества или корпорации. Такое упоминание мы находим здесь впервые в ольвийских надписях. Сохранившееся сочетание букв . . . ΑΣΙΤΑΙ в третьей строке, вероятно, нельзя иначе дополнить, чем [ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ, т. е. θιασῖται. Неясным остается, что именно предшествовало здесь в надписи слову θιασῖται, так как представляется неестественным, чтобы оно непосредственно следовало за словами [ί]ερεῖς Εὐρησιβ[ιάδα].

Вследствие невозможности точно установить первоначальные размеры надписи трудно также ответить на вопрос, могли ли поместиться перед словом

⁸ Ср. IOSPE, I², № 39, 83, 101, 105, 106, 130, 131, 134, 151, 155, 175, 187, 201 (несколько раз), 209.

⁹ Б. В. Фармаковский. Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии. ИАК, вып. 3 (1902), с. 1–20. Там упоминается граффито с именем Гевресибия на килике начала IV в. до н. э. – см. И. И. Толстой. Преческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.–Л., 1953, № 44: ΕΡΜΕΩ ΕΥΡΗΣΙΒΙΩ.

¹⁰ Ср. Juppiter Inventor (Bruchmann. Epitheta deorum, приложение к W. H. Roscher. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie).

[ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ слова. . . καὶ οἱ λοιποί, обычные на боспорских (пантикапейских, фанагорийских, танаитских) памятниках позднейшего времени¹¹.

Заслуживает обсуждения также вопрос о размещении слов в этой строке: почему рядом с упомянутым названием корпорации в этой же строке на расстоянии приблизительно 0,15 м оказалось собственное имя ΛΕΩΚΡΑΤΗΣ [ΕΥΡΗΣΙΒΙΟΥ?]? Не связано ли это с тем, что налево от столбца, который в четвертой строке начинается именем [ΕΥ]ΡΗΣΙΒΙΟΣ ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ, существовал еще один столбец собственных имен с отчествами? В таком случае слово θιαοῖται должно было стоять в центре этой строки, а пробелу справа должен был соответствовать пробел слева. Этот вариант композиции надписи означает увеличение числа членов фиаса по крайней мере на одну треть. Однако пока что в этой строке мы не можем с уверенностью ничего восстановить, кроме слова θιαοῖται и собственного имени Λεωκράτης.

Вполне правдоподобно, что упомянутые здесь ольвийские фиаситы очень мало общего имеют с хорошо известными в гораздо более позднее время боспорскими фиаситами или фиасотами¹². Если боспорские фиаситы были, очевидно, весьма своеобразным общественным явлением в Северном Причерноморье в позднейшую эпоху, то упоминаемые в публикуемой надписи наряду со жрецами фиаситы, конечно, были гораздо ближе к собственно эллинским фиаситам, т. е. к членам возглавляемых жрецами религиозных коллегий¹³.

Можно быть вполне уверенным в том, что в данной надписи речь идет об определенной организации (коллегии, корпорации или обществе) ольвийских граждан, а не о случайной группировке людей, для обозначения которой иногда употреблялось слово θιασώτης, как, например, у Ксенофонта (Сonv., 8, 1).

Вопрос об упоминаемых здесь фиаситах безусловно заслуживает более подробного обсуждения, чем это возможно в пределах данной статьи, задачей которой является публикация эпиграфического материала и лишь краткое комментирование его. Мы хотели бы прежде всего обратить здесь внимание исследователей на значение, которое имеет для истории города Ольвии это первое, насколько нам известно, упоминание о фиаситах наряду со жрецами (Гевресибиадами?). Есть основание предполагать, что фиас, о котором здесь идет речь, был замкнутой аристократической организацией. Само ее существование подтверждает обострение социального антагонизма в Ольвии раннеэллинистического периода.

В последующих строках надписи, от четвертой до десятой, обращает на себя внимание присутствующее в левом столбце в качестве отчества имя Леократа, повторенное семь раз, встречающееся также в третьей строке и, возможно, еще в правом столбце, в шестой строке (ΕΥΜΕΝΗΣ ΛΕΩ . . .). Вероятно, такое повторение упомянутого имени объясняется не тем, что в надписи речь шла о сыновьях одного и того же ольвиополиита Леократа, а скорее тем, что перечисленные

¹¹ Варианты этой формулы в IOSPE, II, № 19 и 455; 63, 441–443, 445–448, 451 и 454; 389, 438 и 460.

¹² Н. И. Новосадский. Боспорские фиасы. «Труды секции археологии РАНИОН», III, 1928, с. 55–68.

¹³ C. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités, s. v. Thiasus.

здесь лица принадлежали к одному и тому же замкнутому аристократическому коллективу в качестве жрецов и фиаситов.

Несомненный интерес представляет имя первого лица в левом столбце списка стк. 4: Гевресибий Леократа. Подобное сочетание имеется в большом списке граждан Ольвии – IOSPE, I², № 201, стк. 1. Имя Εὐρησίβιος выступает в названном каталоге еще два раза в других сочетаниях: I стб., стк. 45 и II стб., стк. 32. Там же находим имя Λεωκράτης еще в сочетаниях с именем ΠΟΛΥΜΕΔΩΝ (I стб., стк. 39 и 62).

Каталог IOSPE, I², № 201 имеет большое значение для публикуемой надписи не только в связи с наличием в нем сочетания имен «Гевресибий Леократа», но и потому, что на обоих памятниках высечены подобные в отношении содержания надписи (перечень имен какой-то общественной организации), а также в связи с проблемой датировки названных памятников. В.В.Латышев считал непонятным назначение ольвийского каталога: «Жаль, что в перечне нет ничего, дающего возможность точнее определить его характер и происхождение; я не останавливаюсь на догадках, которые легко могут возникнуть у каждого» (IOSPE, I², 201).

Среди надписей с перечислением собственных имен из Северного Причерноморья имеются (кроме хорошо сохранившихся посвячительных надписей с именами архонтов и стратегов, агонистических каталогов и упомянутых выше боспорских списков фиаситов) каталоги, значение которых остается пока неизвестным, как отметил еще В.В.Латышев относительно большого списка имен из Горгиппии (IOSPE, II, 402): «Эта надпись и непосредственно следующие за ней являются списками имен, составленными неизвестно для чего».

В отличие от этих списков назначение нового ольвийского списка определяется словами *ἱερεῖς* и *θιαοῖται*. Не исключена возможность, что и среди списков неопределенного назначения были подобные ему.

Мы не берем на себя смелости утверждать на основании совпадения нескольких имен, что упомянутый каталог (IOSPE, I², 201) хронологически близок к публикуемому памятнику. Однако следует напомнить, что В. В. Латышев в отношении датировки связывал названный каталог с другими памятниками, хронологически недалекими¹⁴ от рассматриваемого здесь. Из этих памятников стоит упомянуть знаменитую псефизму в честь Протогена, надпись Клеомброта, сына Пантакла, с посвящением башни Гераклу, его же надпись о строительстве пилона и одного прясла стены, надписи с посвящением Гевресибия, сына Деметрия, Зевсу Басилевсу, с посвящением Пантакла, сына Клеомброта, Гераклу, с посвяще-

¹⁴ Конечно, насколько можно судить по формальным признакам. Позволим себе сослаться на тот же авторитет: «Нам остается еще поставить вопрос о времени памятника, который тем более сложен, что некоторые другие памятники теснейшим образом с ним связаны и прежде всего следующий здесь по номеру памятник, о котором поэтому можно думать, что он возведен этим же Клеомпротом. Сам шрифт надписи таков, разумеется, который без труда может быть отнесен к IV в. до н. э. и настолько похож на следующий, т. е. на шрифт декрета в честь Протогена (32), что вполне можно подумать, будто бы оба вырезаны одним и тем же резчиком, если исключить то, что 180 букв этой надписи вырезаны гораздо большим резцом, а буквы М и Π имеют более древние формы» (IOSPE, I², 179).

нием Дионисия (отца Агрота и Посидея) Аполлону Дельфинию (IOSPE, I², № 32, 179, 180, 187, 188, 189).

Надписи IOSPE, I², № 188 и 189 вырезаны на базах статуй. На них еще сохранились по два круглых отверстия для ног бронзовых статуй. Безусловно заслуживает внимания и то обстоятельство, что надписи IOSPE, I², № 179, 187, 188, 189, как и рассматриваемая здесь, связаны с культами богов – Геракла, Аполлона Дельфиния и Зевса Басилевса.

В начале седьмой и восьмой строк нам представляется возможным восстановить имена [ΠΟΛ]ΥΣΤΡΑΤΟΣ и [ΠΟΛ]ΥΧΑΡΜΟΣ по аналогии с пятой и шестой строками, где единственным возможным чтением является [ΠΟ]ΛΥΚΡΑΤΗΣ и [ΠΟ]ΛΥΜΗΔΗΣ. Имя Πολύχαρμος встречается также в IOSPE, I², 32, А, стк. 15. Если считать доказанным наличие в начале первого столбца рассматриваемой надписи четырех таких составных имен, как Πολυκράτης, Πολυμήδης, Πολύστρατος, Πολύχαρμος, обнаруживающих стремление резчика поместить одно под другим собственные имена с компонентом **πολυ-**, то на этом основании можно приступить и к восстановлению имен в начале двух последних сохранившихся строк.

В девятой строке мы предлагаем читать [ΠΟΛΥ]ΔΗΜΟΣ, а в десятой – [ΠΟΛΥΜΕ]ΔΩΝ. В девятой строке может показаться сомнительным имя *Πολύδημος (оно, по-видимому, не засвидетельствовано в известных документах). Однако при восстановлении его можно сослаться на вторичное, производное от него Πολυδάμειδας (спартанец у Фукидида), на основании которого предполагается существование соответственного первичного *Πολύδαμος и ион. атт. *Πολύδημος. Кроме соображений, связанных с пространством, на котором должно было поместиться названное имя, мы здесь полагаемся на подмеченное стремление составителя или резчика поместить в начале первого сохранившегося столбца имена с составной частью **πολύ-** (в 5–10-й строках).

Надо признать, что для восстановления в начале десятой строки имени Πολυμέδων не очень много оснований. Для восстановления этого последнего мы пользовались аналогией с IOSPE, I², 201, I стб., стк. 39, где находится Πολυμέδων Λεωκράτους. На исследуемом памятнике хорошо сохранились только две последние буквы предполагаемого имени Πολυμέδων, но рядом с ними вполне ясно можно различить поврежденную букву Δ. Греческих имен с окончанием **-δων** не так уж много, а по расположению имен в данной надписи здесь должно быть восстановлено не простое (ср. Κέρδων, Φαίδων), а составное из двух основ собственное имя. Среди таких имен сравнительно много со второй частью **-μέδων** (ср. Ἀλκιμέδων, Ἀμφιμέδων, Ἀντιμέδων, Ἀριστομέδων, Αὐτομέδων и т. п.). Следовательно, восстановление здесь имени с сохранившимся окончанием **-δων**, как содержащего во второй части компонент **-μέδων**, является довольно вероятным.

Меньше всего оснований для восстановления «отчеств» в правом, наиболее поврежденном столбце. Только в шестой строке, учитывая общий характер надписи, можно сделать попытку при имени ΕΥΜΕΝΗΣ восстановить «отчество» ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ (от него сохранился компонент ΛΕΩ-). Еще меньше осно-

ваний для восстановления в восьмой строке при имени ΕΥΠΡΕΠΗΣ «отчества» ΕΥ[ΡΗΣΙΒΙΟΥ]. Более вероятным, чем предыдущее, нам представляется восстановление в четвертой строке при имени ΗΡΑΓΟΡΗΣ «отчества» ΠΡΑ[ΞΑΓΟΡΕΩ], хотя оно, по-видимому, не засвидетельствовано в северопричерноморских надписях.

Несомненными ионизмами в тексте нового памятника можно признать только форму имени (р. п.) Λεωκράτεος, вместо аттического Λεωκράτους, и форму (и. п.) Ἡραγόρης, вместо аттического Ἡραγόρας. Для уточнения датировки рассматриваемой надписи эти ионизмы не являются надежной опорой.

В известном списке ольвийских граждан, IOSPE, I², № 201, I стб., мы находим уже упомянутого Πολυμέδων Λεωκράτους (стк. 39), затем Αρίστων Αρίστοκράτους (стк. 52) и, наконец, Ἡροῶν Πρωτογένους (стк. 63), но этот памятник так же, как знаменитую псефизму в честь Протогена, сына Геросонта (IOSPE, I², № 32), нельзя считать точно датированным. Отожествление Геросонта, сына Протогена, в обоих памятниках (№ 32 и 201) кажется весьма заманчивым, но его нельзя считать безусловным. Если считать форму имени Λεωκράτεος в ольвийской эпиграфике более древней, чем форму Λεωκράτους, как и все вообще аналогичные формы, то указанное различие в формах между рассматриваемой надписью и надписями № 32 и 201 будет основанием для их относительной датировки: рассматриваемую нами надпись пришлось бы считать более древней, чем № 32 и 201.

Имя Ἡραγόρης уже встречалось в ольвийских эпиграфических материалах несколько более позднего времени¹⁵. Такие же ионийские формы имен встречаются нацарапанными на фрагментах чернолаковых сосудов из Ольвии (ср. 0/51–519 и 0/51–1514): ΠΥΘΑΓΟΡΗΣ и ΠΡΩΤΑΓΟΡΗΣ в соответствии с общегреческими Πυθαγόρας и Πρωταγόρας¹⁶. Однако точная датировка этих эпиграфических памятников затруднительна. Относительно возможности датировки на основании ионизмов мы можем сослаться на замечание В.В.Латышева по поводу IOSPE, I², № 195: «Формы букв и ионийские формы родительных падежей, а именно Δημαγόρεω и Φιλτέω, доказывают, что эта надпись никак не позже четвертого века до н. э.». Однако на упомянутой надписи наряду с ионийскими формами родительного падежа имен первого склонения мужского рода ясно читается уже не ионийская форма ΑΝΑΞΑΓΟΡΑΝ. Здесь необходимо учесть возможную неравномерность фонетического развития собственных имен сравнительно с нарицательными. Наряду с ионийским Ἡραγόρης здесь, очевидно, можно отметить и чисто аттическую форму имени Αρρενεΐδης – Арренеид¹⁷. Как известно, такой случай прогрессивной ассимиляции, как ἄρρην < ἄρσην характерен

¹⁵ В. Шкорпил. Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии. ИАК, вып. 27 (1908), с. 68–74, особенно с. 72–73.

¹⁶ Т.Н.Книпович. Итоги работ Ольвийской археологической экспедиции. КСИ-ИМК, № 51 (1953), с. 112–120. КСИИМК – сокращения назви «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (прим. упоряд.).

¹⁷ Ср. также Αρρενεΐδης – Pape – Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen³, 1884, s. v. (сокращенно P–B).

для аттического диалекта – ср. еще ион., эол., дор. ἔρσθην без ассимиляции. Имя Ἀρρενείδης, по-видимому, было не очень распространенным в древнегреческой ономастике, в Ольвии же оно встречается впервые.

Новым для Ольвии (а может быть, и других городов Северного Причерноморья) является также и имя Λεωπρέπης. Это последнее известно как из литературы (например, Нег., VI, 85, где упоминается Θεασίδης ὁ Λεωπρέπεος), так и из эпиграфических памятников (ср. P–B). Само собой разумеется, что имя спартиата (Λᾱοπρέπης) могло быть «ионизовано» Геродотом. Оно в отношении второго компонента имеет аналогию в составном прилагательном εὐπρεπής (ср. Εὐπρεπής и Εὐπρέπιος).

Таким образом, на сохранившейся части надписи можно прочесть не меньше 15 собственных имен (Ἀρρενείδης, Εὐμένης, Εὐρησίβιος и Εὐρησιβιάδαι (?), Ἡραγόρης, Λεωκράτης, Λεωπρέπης, Πολύδημος, Πολυκράτης, Πολυμέδων, Πολυμήδης, Πολύστρατος, Πολύχαρμος, Πραξαγόρης (?), Συριακός, из которых имя Λεωκράτης повторяется восемь раз (если не больше) и Εὐρησίβιος – два раза (и еще Εὐρησιβιάδαι).

Контрастом для всех составных имен данной надписи является несоставное имя девятой строки Συρίσκ[ος]. Это имя мы находим в уже неоднократно упомянутом каталоге IOSPE, I², № 201 – Εὐμένης Συρίσκου, II стб., стк. 26, а также в херсонесской псефизме в честь историка Сирика, сына Гераклея, IOSPE, I², 344. Его нельзя признать аристократическим (ср. Σύρος, Σύρα и Συρίσκος, Συρίσκα – P–B), так же как херсонесское Συρίων Συρίωνος (IOSPE, I², 456).

В отличие от перечисленных в надписи I², № 201, о которых мы знаем только, что они свободные, а не рабы, ольвийские граждане, названные в публикуемой надписи, были жрецами (ἱερεῖς) и фиаситами (θιαοῖται).

Как видно из предыдущего, по своему назначению данную надпись следует сопоставить с надписью на базе статуи IOSPE, I², № 187, которую В. В. Латышев связывает с каталогом № 201 в статье IOSPE, I², № 179 по наличию в каталоге имен Εὐρησίβιος Δη[μητρίου], а на базе – Εὐρησίβιον Δημητρίου.

Учитывая значительную величину базы (в. 1,555 м, ш. 0,76 м, т. ок. 0,305 м), которая впоследствии была использована для псефизмы в честь Карзоаса, сына Аттала (IOSPE, I², № 39), В. В. Латышев высказал предположение, что статуя Гевресибия, сына Деметрия, была изображением всадника. Конечно, вполне естественно думать, что на базе с посвящением такого-то гражданина такому-то божеству стояла статуя, изображающая именно гражданина, а не божество. В рассматриваемой нами надписи нет определенных указаний на то, кого изображала статуя, стоявшая на базе.

Так же осторожно следует подойти к вопросу о датировке данного памятника. В. В. Латышев, хотя и датировал многие памятники приблизительно на основании палеографических указаний, все же неоднократно предостерегал исследователей относительно неточности такой датировки. Например, по поводу надписи на посвященном памятнике Гевресибия, сына Деметрия, он еще раз напоминает: «Я также отнес бы ее (надпись. – А. Б.), по крайней мере, к

третьему веку до н. э., насколько вообще в вопросах о времени надписей можно полагаться на палеографические данные»¹⁸.

Если учесть сказанное выше об ионизмах рассматриваемой надписи, позволительно сомневаться также и в том, что [Ε]ΥΡΗΣΙΒΙΟΣ ΛΕΩΚΡΑΤΕΟΣ и [Ε]ΥΡΗΣΙΒΙΟΣ ΛΕΩΚΡΑ[ΤΟΥΣ] первой строки первого столбца каталога № 201 одно и то же лицо. Однако речь может идти об одном и том же аристократическом (соответственно жреческом) роде, в котором традиционными были упомянутые имена.

После рассмотрения всех затронутых здесь вопросов вернемся к вопросу о возможности восстановления первых двух строк рассматриваемой надписи. Совершенно достоверным в них остается только слово [Ι]ΕΡΕΙΣ. Так как в третьей строке под ним читается [ΘΙ]ΑΣΙΤΑΙ, то есть основание предполагать, что нижеследующие имена с отчествами являются именами жрецов и фиситов, относящихся к одному и тому же «фиасу». Так как общий вид мраморного обломка с данной надписью позволяет думать, что это обломок базы какой-то статуи, мы должны в двух первых строках искать указания на то, кого изображала стоявшая на плите бронзовая статуя.

Наиболее простой (т. е. связанный с восстановлением наименьшего числа букв слева и справа) первый вариант возможного чтения – *[Ζε]ὺς Σωτ[ήρ] – оказывается наименее удовлетворительным, как указано выше, из-за отсутствия обоснованной связи с прочими строками текста¹⁹.

При чтении (варианты 2 и 3) [το]ὺς Σωτ[ῆρας] или [θεο]ὺς Σωτ[ῆρας] можно сослаться на широкое распространение культа Диоскуров и наличие его в Ольвии.

Остановимся еще на четвертом упомянутом выше возможном чтении первой строки:

*[Ἡρακλέο]υς Σωτ[ῆρος].

Как известно, с упоминанием имени Геракла в ольвийских надписях связано интересное предположение о происшедшем в городе общественном перевороте, одним из следствий которого было уничтожение названного имени на некоторых эпиграфических памятниках. Это отметил еще В. В. Латышев (IOSPE, I², 186): «Следует упомянуть то, что также и другая надпись почти того же времени с посвящением Гераклу в Ольвии (№ 179) подобным же образом преднамеренно повреждена острым орудием. Легко предположить, что культ Геракла в то время по какой-то причине был упразднен в Ольвии и самое имя его умышленно выскоблено на памятниках». Э. Миннс объясняет это обстоятельство борьбой партий в Ольвии²⁰. Вследствие победы демократической партии над аристократической

¹⁸ Сомнение относительно того, что в вопросе о датировке памятника можно основываться только на палеографических данных, высказано им в статье IOSPE, I², № 179.

¹⁹ Ср. W. Larfeld. Griechische Epigraphik. № 252. об употреблении форм именительного падежа.

²⁰ E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambr., 1913, с. 480–481.

возникло стремление уничтожить в надписях имя (а может быть, и все надписи полностью) Геракла – покровителя аристократической партии.

Нам представляется правдоподобным, что культ Геракла Сотэра в Северном Причерноморье находил опору в существовании местных культов, перетолкованных на свой лад жителями греческих античных городов²¹. На распространение культа Геракла-Сотэра у фракийских племен указывают фракийские имитации позднейших (II и I вв. до н. э.) тетрадрахм²².

Если считать возможным такой вариант, как [HPAKΛEO]YΣ ΣΩT[HPOΣ], то текст первой, второй и третьей строк публикуемой надписи представится в следующем виде:

[Hρακλέο]υς Σωτ[ῆ]ρος
[ι]ερεῖς Εὐρησιβ[ιά]δαι
καὶ θι[α]σῖται . . .

Принимая во внимание упомянутые ионизмы рассматриваемой надписи, казалось бы, надо отвергнуть этот вариант, потому что форму родительного падежа Hρακλέους нельзя считать ионийской. Действительно, у составных имен со второй частью **-κλέης** родительный падеж в древнеионийском диалекте мог быть **-κλήος**, а в новоионийском **-κλέος**. Однако уже у Геродота обычной формой родительного падежа для этого первоначально неионийского героя является Hρακλέους.

На основании высказанных соображений среди возможных вариантов не следует исключать и этого (№ 4). Само собой разумеется, что такое чтение предполагает возможность дополнить рассматриваемый обломок памятника значительным по величине отсутствующим фрагментом с левой стороны от сохранившейся надписи. В этом случае пришлось бы допустить также существование с левой стороны еще одного столбца с именами и отчествами. Неясным при допущении данного варианта остается размещение слов в двух первых строках. Для объяснения этого размещения понадобилось бы добавить какое-то слово между σωτ[ῆ]ρος и [ι]ερεῖς, ср. Hρακλέους Σωτῆρος Θασίων, Hρακλέους Σωτῆρος Θρακών. При этом, однако, вполне естественное Ὀλβιοπολίτων или Ὀλβιοπολιτῶν оказалось бы слишком длинным.

Последний вопрос, который уместно здесь затронуть, – это вопрос о причине широкого распространения в Ольвии имени Εὐρησιβίος (Гевресибий, Еврисивий). Если правильным будет предложенное нами восстановление второй строки рассматриваемой надписи [Ι]ΕΡΕΙΣ ΕΥΡΗΣΙΒ[ΙΑΔΑΙ], то существование жреческого рода Гевресибиадов может служить косвенным свидетельством присутствия в Ольвии культа родоначальника этих жрецов Гевресибия. На существование местных культов героев (родоначальников и основоположников, ἀρχηγέται, κτίσται, οἰκίσται) в Ольвии указывает, например, упоминание героя

²¹ Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК. XXXIV (1950), с. 7–18.

²² В. Head. Historia numorum², стр. 229, рис. 166, оборот: Hρακλέους Σωτῆρος Θασίων (обнаженный Геракл с дубиной и львиной шкурой), а также с. 243.

Сосия в начале второй части (В) знаменитой псефизмы в честь Протогена, сына Геросонта (. . . ἕως οὗ ὁ ἥρωας ὁ Σωσίας «. . . до того места, где герой Сосия...»; Σωσίας – производное от Σωσίβιος). Есть и другие свидетельства²³.

Относительно возможной связи Гевресибия, сына Каллисфена (см. IOSPE, I², № 221) со жрецами Гевресибиадами рассматриваемой надписи вполне естественно возникает догадка о принадлежности и его к этому же жреческому роду. Даже в том случае, если бы чтение Εὐρησίβ[ιάδαι] оказалось неправильным, несомненным остается существование в Ольвии на протяжении ряда веков традиции, сохранившей в каком-то социально важном коллективе имя Εὐρησίβιος.

Наиболее важным свидетельством рассмотренного нового памятника можно считать упоминание в нем фиаситов, о существовании которых в Ольвии, насколько нам известно, до сих пор не было прямых указаний. Нет сомнения также и в том, что перечисленные в надписи ольвийские граждане были жрецами и фиаситами, т. е. членами какого-то религиозного общества. На внутренние родственные связи или замкнутость упомянутого коллектива может указывать и семикратное повторение в качестве отчества имени Λεωκράτης в ионийской форме родительного падежа (Λεωκράτεος). О почитании в Ольвии Геракла-Сотэра можно говорить лишь после новых неопровержимых доказательств в пользу возможности чтения:

[Ηρακλέο]υς Σωτ[ῆρος].

Во всяком случае рассмотренная здесь надпись на мраморном обломке является немаловажным историческим памятником города Ольвии, и нашей основной задачей было обратить на него внимание исследователей.

²³ Например, фрагмент мраморной плиты со словом ΗΡΩΑ[N], Ольвия, т. I, К., 1940, с. 266, № 6 (обнаружен в 1935 г., случайная находка).

Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской¹

До настоящего времени не существовало специального исследования о греческих надписях на мозаиках и фресках св. Софии в Киеве. Однако эти надписи, являясь образцами древнего письма эпохи Киевской Руси, представляют значительный научный интерес.

Все надписи св. Софии Киевской можно для удобства описания разделить на три класса:

1) монументальные мозаические надписи, или надписи на сохранившихся до настоящего времени мозаиках;

2) фресковые надписи (*dipinti*), или надписи на фресках, включая сюда и те фрески, которыми были заменены разрушившиеся мозаики;

3) неофициальные надписи, нацарапанные (*graffiti*) на стенах, из которых большинство на старовосточнославянском или древнерусском языке, а не на греческом.

Надписи первого класса сохранились только в апсиде центрального нефа над изображением Оранты, на изображении «Евхаристии» (самая длинная надпись из сохранившихся), на барабане центрального купола при изображении апостолов Петра и Павла, на изображениях десяти отцов церкви и архидиаконов, на лицевой стороне дуги запрестольного полукружия («Деисус»), на изображениях евангелистов (Марка и Иоанна) на парусах, на подпружных арках при медальонах (сорока севастиийских мучеников), на двух пилонах, поддерживающих восточную (алтарную арку (архангел Гавриил и дева Мария). Они легко восстанавливаются в центральном куполе (Пантократор) и вокруг центрального медальона (изображения архангелов).

Следующее ниже описание надписей будет располагаться в таком порядке:

1. Надпись над изображением Оранты (на «Нерушимой стене»).
2. Надпись на изображении «Евхаристии» в центральной апсиде.

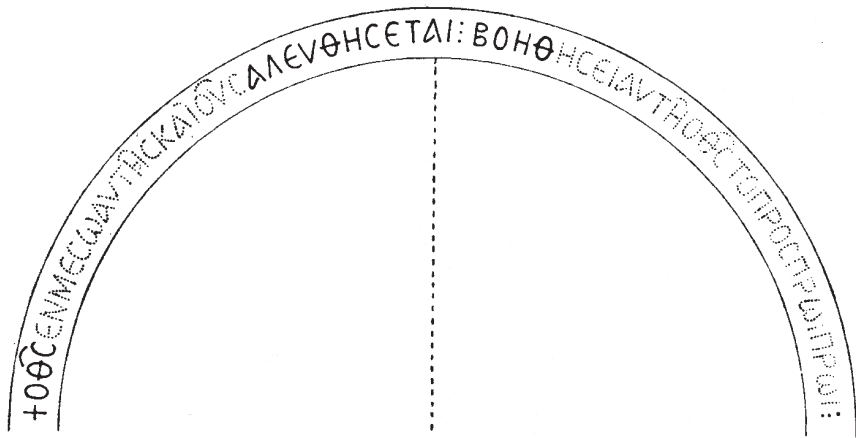
---

¹ Уперше опубліковано в: В.Н.Лазарев. Мозаики Софії Київської з приложением статьи А.А.Белецкого о греческих надписях на мозаиках. – М.: Искусство, 1960. – С.161-192.

3. Надписи при изображении десяти отцов церкви и архидиаконов (также возле Аарона).
4. Надписи на изображениях архангела Гавриила и девы Марии (сцена «Благовещения»).
5. Надписи при медальонах сорока севастийских мучеников.
6. Надписи на трех медальонах «Деисуса».
7. Прочие мозаические надписи.

1. НАДПИСЬ НАД ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОРАНТЫ

По краям полукупольного свода главного алтаря вокруг изображения богоматери-Оранты находится, хотя и поврежденная, но наиболее оригинальная из надписей на мозаиках Киевской Софии. Насколько нам известно, подобной надписи нет ни в одном из храмов, где сохранились древние мозаические изображения.

В восстановленном виде эта надпись читается следующим образом: + ὁ θεὸς [ἐν μέσῳ αὐτῆς, καὶ οὐ σ]αλευθήσεται, βοηθήσει αὐτῇ ὁ θεὸς τὸ πρὸς πρῶτῳ πρῶτῳ], то есть «Бог посреди него²; он не поколеблется: Бог поможет ему с самого раннего утра» (псалом XLV или по другим спискам XLVI, ст. 6).

Так как в тексте псалма XLV (=XLVI), ст. 6 есть разночтения, мы позволим себе остановиться на выбранном нами для восстановления первоначального текста надписи вокруг фигуры Оранты варианте. У нас нет сомнения в том, что наиболее распространенным могло быть чтение: «Ὁ θεὸς ἐν μέσῳ αὐτῆς, οὐ σαλευθήσεται, βοηθήσει αὐτῇ ὁ θεὸς τῷ πρῶτῳ»³.

Однако это не значит, что в отношении содержания он является наилучшим, то есть наиболее близким к древнееврейскому оригиналу.

² В переводе «он», так как имеется в виду «город» (но в греческом языке ἡ πόλις и поэтому местоимения женского рода: αὐτῆς, αὐτῇ).

³ См. The Old Testament in Greek, ed. by H. Barclay Swete, 2 ed., Cambridge, 1896. Варианты приводятся нами по этому же изданию.

Насколько мы можем судить, смысл древнего текста был таков: «бог придет ему на помощь (или поможет) и это будет очень скоро (буквально: еще до рассвета)»⁴.

В древнегреческом тексте псалма XLV (=XLVI) τῷ προσώπῳ могло быть «буквальным» переводом древнееврейского לִפְנֵי הַבֹּקֶר «li-fānot boker» – «перед (рассветом, зарей)», так как *fānot* переводилось τὸ πρόσωπον.

Древнееврейское *li-fānot boker* вполне удовлетворительно можно было перевести на греческий язык выражениями, вроде: πρωὶ πρωὶ (очень рано) или τὸ πρωὶ πρωὶ (рано утром). И действительно, такой вариант существовал (βοηθήσει αὐτῇ ὁ θεὸς πρωὶ πρωὶ). Наконец еще другой вариант (βοηθήσει αὐτῇ ὁ θεὸς τὸ πρὸς πρωὶ πρωὶ), по-видимому, был контаминацией упомянутых выше (τῷ προσώπῳ и πρωὶ πρωὶ).

Известно, что в древнегреческом языке предлог πρὸς с винительным падежом мог входить в состав выражений, обозначающих время (например, πρὸς ὄρθρον, πρὸς ἡμέραν, πρὸς ἑσπέραν)⁵.

Однако при наличии выражений πρωὶ (рано или рано утром), πρωὶ πρωὶ (очень рано или ранним утром), τὸ πρωὶ (утро или утром), τὸ πρωὶ πρωὶ (рано утром), перед которыми мог находиться предлог πρὸς (как видно из предыдущего), выражение τὸ πρὸς πρωὶ πρωὶ едва ли было естественным.

Тем не менее два соображения заставляют нас выбрать для восстановления первоначальной надписи на «Нерушимой стене» именно этот, как мы сказали, контаминированный вариант.

1. Размещение знаков по наружной дуге (полукружью) полукупольного свода главного алтаря таково, что перпендикуляр, опущенный из наивысшей точки дуги (под изображением Христа в «Деисусе»), проходит через последнюю букву α в слове σαλευθήσεται и, естественно, должен разделить надпись на две (более или менее точно) равные по количеству знаков половины. Таким образом, как дальше будет доказано, в левой половине было 30 знаков (29 букв и крест) и столько же в правой (без двух знаков препинания, которые должны были занимать

⁴ См. La sainte Bible polyglotte contenant le texte hébreu original, le texte grec de septante, le texte latin de la vulgate, et la traduction française de M. l'Abbé Glaire avec les différences..., des introductions, des mots, des cartes et des illustrations, par F. Vigouroux, tt. I-IV, Paris, 1900-1906; cp. t. IV, p. 110; еще cp. The Holy Bible, containing the Old and New Testaments, translated out of the original tongues; and with the former translations diligently compared and revised by his Majesty's special command. Appointed to be read in churches, Oxford, printed at the University Press for the British and Foreign Bible Society, 1904, Psalm 46, p. 491, v. 5: «God shall help her, and that right early»; cp. латинский перевод: Psalmus XLV, v. 6: «Deus in medio eius, non commovebitur: adiuva-bit eam Deus mane diluculo» (Biblia Sacra, vulgatae editionis iuxta exemplar Vaticanum, t. II, Monasterii Westphaliae, MDCCCXXIV, Libraria Aschendorffiana et libraria Theissingiana, p. 46); Psalmi Davidis ex interpretatione Tremellii et Junii impressa Hannoviae A. D. 1624 typis Wechelianis, Berolini..., MDCCCLXXVIII, Ps. XLVI, v. 6, p. 55: «Deus est in medio illius, non dimovetur illa; adiuvit illam Deus ab appetente matutino».

⁵ Cp. A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddell and R. Scott, revised and augmented throughout by H. S. Jones with the assistance of P. McKenzie..., Oxford (1948), vol. II, p. 1498, I col. (πρὸς with accus. II «of Time, towards or near a certain time, at or about»).

очень мало места). В левой половине сохранились знаки: + $\theta\zeta$ ..... $\alpha\lambda\epsilon\upsilon\theta\eta\sigma\epsilon\tau$. Из двух возможных вариантов ($\acute{o}\ \theta\zeta\ \acute{\epsilon}\nu\ \mu\acute{\epsilon}\sigma\omega\ \alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$, $\kappa\alpha\iota\ \acute{o}\upsilon\ \sigma\alpha\lambda\epsilon\upsilon\theta\eta\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ и $\acute{o}\ \theta\zeta\ \acute{\epsilon}\nu\ \mu\acute{\epsilon}\sigma\omega\ \alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$, $\acute{o}\upsilon\ \sigma\alpha\lambda\epsilon\upsilon\theta\eta\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$) мы, опираясь на соображение о равномерном заполнении пространства и на свидетельство очевидца, выбираем первый. Так как последняя буква α в слове $\sigma\alpha\lambda\epsilon\upsilon\theta\eta\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ должна считаться центральной в этой надписи, а количество знаков налево от нее 30, то при наличии симметрии в композиции надписи и при равномерном заполнении пространства, направо от нее могло быть также не меньше 30 знаков. Однако в этой части сохранилось только шесть знаков: $\iota\ \beta\omicron\eta\theta$.

Из возможных вариантов: 1. $\beta\omicron\eta\theta\eta\sigma\epsilon\iota\ \alpha\upsilon\tau\eta\ \acute{o}\ \theta\zeta\ \tau\acute{\omega}\ \pi\rho\omicron\sigma\acute{\omega}\pi\omega$, 2. $\beta\omicron\eta\theta\eta\sigma\epsilon\iota\ \alpha\upsilon\tau\eta\ \acute{o}\ \theta\zeta\ \pi\rho\omega\acute{\iota}\ \pi\rho\omega\acute{\iota}$, 3. $\beta\omicron\eta\theta\eta\sigma\epsilon\iota\ \alpha\upsilon\tau\eta\ \acute{o}\ \theta\zeta\ \tau\acute{o}\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \pi\rho\omega\acute{\iota}\ \pi\rho\omega\acute{\iota}$ ⁶ в отношении равномерного заполнения пространства наиболее подходящим нам представляется третий (содержащий 29 знаков, к которым надо прибавить последнюю ι слова $\sigma\alpha\lambda\epsilon\upsilon\theta\eta\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$, а также два знака препинания).

Таким образом правая половина надписи восстанавливается здесь: $\beta\omicron\eta\theta[\eta\sigma\epsilon\iota\ \alpha\upsilon\tau\eta\ \acute{o}\ \theta(\epsilon\acute{o})\varsigma\ \tau\acute{o}\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \pi\rho\omega\acute{\iota}\ \pi\rho\omega\acute{\iota}]$.

В пользу такого восстановления имеется и показание очевидца. Киевский митрополит Евгений Болховитинов (Киев, 1822–1837) оставил следующее свидетельство: «...на другой дуге надписаны мозаикою же греческие слова из псалма Давидова»⁷:

Ο ΘΕΟΣ ΕΝ ΜΕΣΩ ΑΥΤΗΣ ΚΑΙ ΟΥ
ΣΑΛΕΥΘΗΣΕΤΑΙ. ΒΟΗΘΗΣΕΙ ΑΥΤΗ.
Ο ΘΕΟΣ ΤΟ ΠΡΟΣ ΠΡΩΙ ΠΡΩΙ.¹

Конечно, из этого показания еще нельзя сделать вывод о том, что во времена Евгения Болховитинова действительно вся эта надпись была набрана мозаикой. Известно, что некоторая часть ее уже в то время была написана краской, о чем автор не счел нужным упоминать. Особенно важным кажется нам здесь то, что текст, списанный Болховитиновым, по количеству знаков мог размещаться на отведенном для него пространстве.

В научной и популярной литературе о Киевской Софии распространен еще один вариант предполагаемого первоначального текста надписи в конхе апсиды, о котором нам придется сказать более или менее подробно.

До предпринятой в 1952 году реставрации мозаик рассматриваемая нами надпись в правой ее половине после букв

⁶ В данном случае вариант, содержащий форму $\beta\omicron\eta\theta\eta\sigma\alpha\iota$ (третье лицо единственного числа опатива аориста действительного залога), не принимается в расчет, так как в отношении количества букв он не отличается от тех, которые содержат форму $\beta\omicron\eta\theta\eta\sigma\epsilon\iota$ (третье лицо будущего времени и т. д.).

⁷ Е. Болховитинов, Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов и фасадов Константинопольской и Киевской Софийской церкви и Ярослава надгробия, Киев, 1825, с. 44.

ο $\overline{\theta\varsigma}$

заканчивалась неумелой рукой написанными словами:

Ι Μ Ε Ρ Α Κ Ε Ι Μ Ε Ρ Α

Ясно, что орфография этих слов (не говоря о стиле букв) противоречила всему, что сохранилось от мозаичного текста (ι два раза вместо η; ε вместо α), безупречного в орфографическом отношении. Средняя высота букв: 35–36 см; ширина: 21, 5 см⁸.

Итак, из надписи не менее чем в 64 знака (считая начальный крест и два «троеточия»), на мозаике сохранилось всего 20 знаков (18 букв и два знака: знак начала и знак препинания).

По размеру букв это самая крупная надпись из всех сохранившихся в Киевской Софии. Из представленных в ней букв греческого алфавита (α, β, ε, η, θ, ι, λ, ο, σ, τ, υ) заслуживают внимания α, β, θ, τ.

Следует отметить, что две сохранившиеся буквы η несколько отличаются друг от друга: вторая (в сочетании βοηθ) имеет на перекладине (на горизонтали) поперечную (вертикальную) украшающую черточку, которой нет у первой (в сочетании αλευθησεται).

Наиболее интересным в палеографическом отношении здесь можно считать знак

Α.

Это характерная для софийских мозаик форма α (с «крышкой» и острым углом, или с верхней горизонтальной чертой, имеющей слева еще дополнительную украшающую черточку – «углышек» и с косой перекладиной). В древнерусской вещевой эпиграфике такая форма встречается преимущественно в XII веке⁹.

В византийской эпиграфике трудно установить хронологические границы такой формы. Они тянутся от X–XI (Серры) до XV века.

Следующая характерная буква – это

Β.

Увеличение расстояния между верхним и нижним кузовами и закругление верхнего кузова отмечается в русских надписях XII века, но в византийской эпиграфике еще не представляется возможным установить время распространения такой формы (ср. выше относительно буквы α).

Для буквы

⁸ В дальнейшем указания на общие размеры надписей, а также размеры отдельных букв даются только в тех случаях, когда надписи были доступными для непосредственных обмеров.

⁹ И. Шляпкин, Русская палеография, Спб., 1913, рис. 6, с. 42–43.

здесь характерны выступающие слева и справа загнутые края перекладины.
Буква

имеет здесь посредине своей вертикальной черты «шаровидное» утолщение.

Такая форма встречается на монументальных надписях, особенно начиная с XII века. Однако указание на XII век н. э. здесь дается с известной оговоркой, так как византийская эпиграфика до сих пор еще недостаточно изучена в формальном отношении.

Многие из этих форм, распространившись в XII веке н. э., затем продолжают существовать на протяжении нескольких следующих столетий¹⁰.

---

¹⁰ Ср. В. Латышев, Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. Спб., 1896, № 45, с. 50-53 и табл. V (XV век н. э.).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

В книге Н. Закревского «Описание Киева» об этой надписи сообщается следующее: «... по краям свода, на часто упоминаемом нами уступе, в виде бордюра, или рамки, изображена большими черными буквами следующая греческая надпись, заимствованная из псалма Давидова (XLV, с. 6, 7): +ο θεος εν μεσω αυτης και ου σαλευθησεται: βοηθησει αυτη ο θεος ημερα και ημερα (Богъ посредѣ Ея и не подвижется, поможетъ Ей Богъ день и день). При последнем возобновлении, по углублениям, в которых находились мозаические кубики, начертаны масляною краскою последние слова ημερα και ημερα, до этого времени слова эти были написаны масляною краскою, как они читаются в греческом тексте, находящемся ныне в употреблении: το προς πρωϊ πρωϊ, как показано у м. Евгения»¹¹.

Явно неточные сведения даны там же в сноске № 1: «Но нам известно, что только 13 п о с л е д н и х букв подведены краскою, а первые 50 уцелели; всех же букв в надписи 63, не считая креста впереди».

Даже если принять отмеченное у Н. Закревского чтение (с. 796) с орфографией ημερα και ημερα, а не ιμερα κε ιμερα, то букв окажется 59, а не 63. Откуда же взялись еще четыре буквы? Они обязаны своим происхождением счету букв не по начертанию, а по произношению: в сочетаниях θς считается не две буквы, а четыре! И это несмотря на то, что в начале левой половины надписи сохранились на мозаике четыре первых знака:

+ ο θς .

В изданной в 1888 году в Киеве книге «Киев теперь и прежде»¹² нет в отношении описания эпиграфических памятников Киевской Софии ничего достоверного.

На рисунке «Нерушимой стены» Киево-Софийского собора, с. 189, надпись воспроизведена без понимания дела и, следовательно, настолько искажена, что не имеет никакого значения для истории. Перевод надписи (с. 190) дан, очевидно, по книге Н. Закревского.

Бессмысленное в контексте надписи «день и день» остается здесь как отдаленный и искаженный отголосок древнегреческого πρωϊ πρωϊ.

Таким образом, отбросивши неточные сведения и неоправданную в эпиграфическом отношении традицию, мы должны были остановиться на чтении: βοηθήσει αὐτῇ ὁ θεὸς τὸ πρὸς πρωϊ πρωϊ].

Из 24 букв греческого алфавита на сохранившихся мозаичных частях надписи представлены только 11:

Α Β Γ Δ Ε Ζ Η Θ Ι Λ Ο Σ Τ Υ

¹¹ Н. Закревский. Описание Киева... вновь обработанное и значительно умноженное издание с приложением рисунков и чертежей, т. II, § 121, М., 1868, с. 796.

¹² «Киев теперь и прежде», составил М. Захарченко, издал С. Кульженко.

2. НАДПИСИ НАД ИЗОБРАЖЕНИЕМ «ЕВХАРИСТИИ»

Здесь самая длинная и почти полностью сохранившаяся мозаичная надпись в храме Киевской Софии (149 вполне сохранившихся букв и 20 восстанавливаемых).

Левая сторона (ή Μετάδοσις):

+ΛΑΒΕΤΕ ΦΑΓΕΤΕ ΤΟΥΤΟ ΕΣΤΙΝ ΤΟ ΣΩΜΑ ΜΟΥ ΤΟ ΥΠΕΡ ὑΜΩΝ
ΚΛΩΜΕΝΟΝ ΕΙΣ ἌΦΕΣΙΝ ἁΜΑΡΤΙΩΝ

+Λάβετε, φάγετε· τοῦτο ἐστίν <ν> τὸ σῶμά μου τὸ ὑπὲρ ὑμῶν κλώμενον εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν.

На этой стороне все буквы хорошо сохранились.

Правая сторона (ή Μετάληψις):¹³

ΠΙΕΤΕ ΕΞ ΑΥΤΟΥ ΠΑΝΤΕΣ ΤΟΥΤΟ ΕΣΤΙΝ ΤΟ ΑΙΜΑ ΜΟΥ ΤΟ ΤΗΣ ΚΑΙΝΗΣ
ΔΙΑΘΗΚΗΣ ΤΟ ΥΠΕΡ ὑΜΟΝ ΚΑΙ ΠΟΛΛΩΝ ΕΚΧΥΝΟΜΕΝΟΝ ΕΙΣ ἌΦ
ΕΣΙΝ ἁΜΑΡΤΙΩΝ.

Πίετε ἐξ αὐτοῦ πάντες τοῦτο ἐστίν <ν> τὸ αἷμά μου τὸ τῆς καινῆς διαθήκης τὸ ὑπὲρ [ὑμῶν καὶ π]ολλῶν ἐκχυνόμενον εἰς ἄφ[εσιν ἁμαρτιῶν].

Как видно из транскрипции, на этой стороне не сохранилось 20 букв, которые без труда могут быть восстановлены.

Орфографию этой надписи можно назвать совершенно безукоризненной: она ничем не отличается от нормы классической эпохи.

Обращают на себя внимание надстрочные знаки: старательно расставленные придыхания (πνεύματα) и ударения (τόνοι).

По своему содержанию эта надпись отличается от того, что мы находим в описании тайной вечери (ὁ μυστικὸς δεῖπνος) в каноническом тексте трех Евангелий (от Матфея, от Марка и от Луки)¹⁴.

Однако она почти полностью соответствует тексту, установленному для греческой церковной живописи¹⁵.

¹³ Пунктиром обозначены буквы, написанные масляными красками в тех местах, где первоначальные мозаичные буквы не сохранились. Для этих мест сохранена орфография, существовавшая до реставрационных работ 1953 года.

¹⁴ Ср. The Resultant Greek Testament, exhibiting the text in which the majority of modern editors are agreed... by Richard Francis Weymouth, D. Lit., London, 1892, с. 74-75, 134, 224.

¹⁵ См. Διονυσίου τοῦ ἐξ Ἀγραύων Βιβλίου τῆς ζωγραφικῆς τέχνης, в издании Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως, с. 275.

Традиционный текст

- 1) Λάβετε, φάγετε,
τοῦτό μου ἐστὶ τὸ σῶμα
τὸ ὑπὲρ ὑμῶν κλῶμενον
εἰς ἄφεισιν ἁμαρτιῶν.
- 2) Πίετε ἐξ αὐτοῦ πάντες,
τοῦτό μου ἐστὶ τὸ αἶμα
τὸ τῆς Καινῆς Διαθήκης,
τὸ ὑπὲρ ὑμῶν καὶ πολλῶν
ἐκχυνόμενον εἰς ἄφεισιν
ἁμαρτιῶν.

Текст Киевской св. Софии

- 1) Λάβετε, φάγετε
τοῦτό ἐστὶν τὸ σῶμά
μου τὸ ὑπὲρ ὑμῶν κλῶμενον
εἰς ἄφεισιν ἁμαρτιῶν.
- 2) Πίετε ἐξ αὐτοῦ πάντες·
τοῦτό ἐστὶν τὸ αἶμά μου
τὸ τῆς Καινῆς Διαθήκης,
τὸ ὑπὲρ ὑμῶν καὶ πολλῶν
ἐκχυνόμενον εἰς ἄφεισιν
ἁμαρτιῶν.

Если принять во внимание относительную близость софийского текста к Евангелию от Матфея (гл. 26, ст. 26–29), особенно в сочетаниях «τοῦτό ἐστι τὸ σῶμά μου», а не «τοῦτό μου ἐστὶ τὸ σῶμα» и «τοῦτό ἐστι τὸ αἶμά μου», а не «τοῦτό μου ἐστὶ τὸ αἶμα», можно утверждать, что софийский текст сохраняет более древний вариант, чем приведенный у Дионисия из Аграф¹⁶.

Следует отметить, что изменение евангельского текста в церковной живописной традиции могло быть продиктовано требованием симметрии (то есть аналогичным построением обеих частей раздачи даров: τῆς Μεταδόσεως καὶ τῆς Μεταλήψεως).

Если между обеими названными частями в Евангелии от Матфея наблюдалась известная диспропорция (с одной стороны только: λάβετε, φάγετε· τοῦτό ἐστὶ τὸ σῶμά μου, а с другой: πίετε ἐξ αὐτοῦ πάντες· τοῦτο γάρ ἐστι τὸ αἶμά μου, τὸ τῆς καινῆς διαθήκης, τὸ περὶ πολλῶν ἐκχυνόμενον εἰς ἄφεισιν ἁμαρτιῶν), то она до некоторой степени устранена уже в надписи «Евхаристии» Софии Киевской, так как к первой части добавлено несколько слов и обе заканчиваются одинаково.

В Евангелии от Марка (гл. 14, ст. 22–25) общими с софийской надписью являются слова: «λάβετε, φάγετε· τοῦτό ἐστι τὸ σῶμά μου» и «τοῦτό ἐστι τὸ αἶμά μου, τὸ τῆς καινῆς διαθήκης, τὸ περὶ πολλῶν ἐκχυνόμενον».

Еще меньше сходства у софийской надписи с текстом Евангелия от Луки (гл. 22, ст. 17–21). Здесь общими оказываются только слова: «λάβετε τοῦτο», «τοῦτό ἐστι τὸ σῶμά μου, τὸ ὑπὲρ ὑμῶν (διδόμενον)», «(τοῦτο τὸ ποτήριον, ἡ καινὴ διαθήκη ἐν τῷ αἵματί μου), τὸ ὑπὲρ ὑμῶν ἐκχυνόμενον».

Насколько можно судить по доступным нам материалам, надпись на «Евхаристии» Киевской Софии оказывается самой пространной из всех сохранившихся надписей подобного же содержания.

¹⁶ В Евангелии от Матфея, гл. 26, с. 26–29: «Ἐσθιόντων δὲ αὐτῶν, λαβὼν ὁ Ἰησοῦς τὸν ἄρτον, καὶ εὐλογήσας, ἔκλασε καὶ ἔδιδου τοῖς μαθηταῖς, καὶ εἶπε· λάβετε, φάγετε· τοῦτό ἐστι τὸ σῶμά μου· καὶ λαβὼν τὸ ποτήριον, καὶ εὐχαριστήσας, ἔδωκεν αὐτοῖς, λέγων· πίετε ἐξ αὐτοῦ πάντες· τοῦτο γάρ ἐστι τὸ αἶμά μου, τὸ τῆς καινῆς διαθήκης, τὸ περὶ πολλῶν ἐκχυνόμενον εἰς ἄφεισιν ἁμαρτιῶν».

На соответственной надписи в Серрах читаются только слова «+λάβετε, φαύετε...», «πίετε ἐξ αὐτοῦ...»¹⁷.

Насколько мы можем судить из книги Т. С. Каухчишвили, Греческие надписи Грузии, Тбилиси, 1951 (на грузинском языке), надпись подобного содержания в главном храме Ахталы, как в орфографическом, так и в палеографическом отношениях существенно отличается от софийской¹⁸.

Наиболее интересной параллелью к софийской надписи «Евхаристии» является старославянская надпись на мозаике Михайловского монастыря¹⁹.

+ПРІНМѢТЕНІАДНѢСЕЄСѢ
ТѢЛОМОЕЛΩМНОМОЕЗАВЪІ
ВЪΩСТАВЛЕННІЕГРЕХОВ...
ПІНТЕΩНЕДВЪСНСЕЄСТЪКРЗВЪ
МОЯНОВАОЗАВЪТАІЗАВЪТА
ІЗЛІВАЕМААЗВЪІЗА.

+пріимѣте и ѡдите се кѣсть тѣло мое доимое за вы ѡд ѡставленіе грехов(ъ)
пїте ѡт неа вѣси се кѣсть крзвѣ моя поваго заѣта і заѣта ізліваемаа за вы за...²⁰

Считая каждую лигатуру за одну букву, можно сказать, что Михайловская мозаическая надпись состоит в настоящее время из 114 букв. Если же мы дополним эту надпись тем словом, которое должно было следовать за предлогом ζα: «мъногіа», то можно предположить, что (при отсутствии места для заключительных слов «въ оставленіе грѣховъ») первоначально букв было несколько больше (120 или 121).

Здесь интересно будет сопоставить алфавиты обеих надписей:

1. Алфавит надписи на «Евхаристии» Софии Киевской (отсутствуют ζ, θ, χ, ψ).

Α Α Β Γ Δ Ε Ζ Η Θ Ι Κ Λ Μ Ν
Ξ Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ Ω

¹⁷ Фото A25, A26 из христианской и византийской коллекции в L'École des Hautes Études в Париже.

¹⁸ Ср. Ахталы, с. 351-363, рис. № 1060-1061, ср. еще с. 65, рис. № 144 (Коцхери).

¹⁹ Ныне в Государственном архитектурно-историческом заповеднике «Софийский Музей» вместе с двумя другими мозаичными изображениями св. Димитрия и св. Стефана. На двух последних греческие надписи: ὁ ἄγιος Δημήτριος, ὁ ἄγιος Στέφανος.

²⁰ В книге Н. Закревского, «Описание Киева», т. II, М., 1868, на с. 537 дана неточная транскрипция надписи Михайловского монастыря, например, г р ѣ х о в ѣ вместо г р е х о в ѣ, в ѣ си вместо в ѣ си. У И. Срезневского, «Древние памятники русского письма и языка (X-XIV веков)», Спб., 1882, с. 43-44: г р ѣ х о в ѣ вместо г р е х о в ѣ.

Из «разноформатных» следует отметить поднимающееся над строкой

€Τε.

Единственной лигатурой является вторичная:

ΝΗ = νη.

2. Алфавит надписи на «Евхаристии» Михайловского златоверхого монастыря в Киеве.

Α Β Γ Δ Ε Ζ Η Θ Κ Λ Μ Ν Ο Π Ρ Σ
Τ Χ Ψ Ϛ ϛ Ϝ ϝ Ϟ

Отметим лигатуры:

Ϝ Ε Ϛ Ε Ϟ

(первичные и вторичные).

Из негреческих букв здесь встречаются только Ϛ, ϛ, Ϝ, ϝ.

Надпись на мозаике Михайловского монастыря обнаруживает формы букв, как, например,

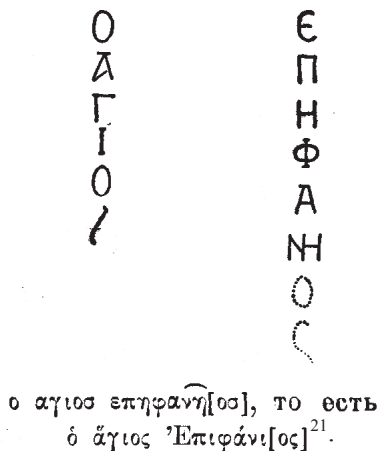
ηι.

которые получили распространение в XIII веке н. э. В целом по форме своих букв она является более сложной, чем надпись св. Софии.

2. НАДПИСИ ВОЗЛЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ДЕСЯТИ ОTCОВ ЦЕРКВИ И АРХИДИАКОНОВ

Возле фигур Отцов церкви и архидиаконов на алтарном полукружии. Северная сторона (слева направо).

1. Возле св. Епифания:

Общая длина надписи (1) – 0,57 м, (2) – 0,600 м.

В древнегреческих эпиграфических памятниках кроме варианта Ἐπιφάνιος встречаются еще Ἐπιφάνειος и Ἐπιφάνης, все производные от Ἐπιφάνης (ср. прилагательное ἐπιφανής)²².

На мозаике слово ἅγιος набрано полностью (с йотой!), а в имени Ἐπιφάνιος в обоих случаях вместо ι набрана

η (επηφανηος).

Конечная ς в слове ἅγιος представлена в виде характерной косой (диагональной) черты (конечный росчерк).

Буквы νη в имени Επηφανης составляют вторичную лигатуру

(νη)²³.

²¹ Здесь и дальше дается: (1) транслитерация автографии строчными буквами типографского греческого письма с сохранением орфографии оригинала и (2) транслитерация автографии соответственно прописными и строчными буквами типографского греческого письма с соблюдением правил греческой орфографии классического периода античной эпохи.

²² W. Pape & G. E. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Braunschweig, 1911, с. 370, 2 столб; сокращен. РВ.

²³ Относительно различий первичных, вторичных и третичных лигатур см. V. Gardthausen, Griechische Palaeographie, Bd. 2, Die Schrift, Unterschriften und Chronologie im Altertum und im byzantinischen Mittelalter, 2-e Auflage, Leipzig, 1913. Mit 35 Figuren und 12 Tafeln, стр. 53.

Две последние буквы этого имени дописаны краской.

2. Возле св. Климента:

Ⓐ	Π
Κ	Α
Λ	Π
Η	Α
Μ	Σ
Ι	Ρ
Γ	Ο
	ΜΗ
	Σ

ὁ ἅ κλημι[σ] παπας ρ[ωμησ], то есть
ὁ ἅ(γιος) Κλήμης· πάπας Ρ[ώμης]²⁴.

Общая длина надписи: (1) – 0,590 м, (2) – 0,625 м.

Кроме варианта Κλήμης (р. п. Κλήμεντος) встречался еще Κλήμεις (Р. В.; из латинского *Clemens*). Таким образом, ι вместе η в имени «κλημι[σ]» можно считать необычной. Сочетание ὁ ἅγιος представлено в виде лигатуры-аббревиатуры «α, вписанная в ο»

(ὁα).

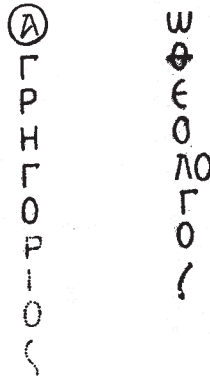
Краской дописаны последняя σ в имени Κλήμης и все буквы кроме ρ в слове Ρώμης

Ρώμης (ρωμησ).

²⁴ Существует два орфографических варианта древнегреческого слова πάππας (ср. πάππα φίλε, Од. VI, 57) и πάπας (см. словарь: Liddell-Scott, v. II, 1301, изд. 9, 1940, reprinted 1948). Однако, как мне любезно указал член-корреспондент Академии наук СССР проф. П. В. Ернштедт, слово πάπας («архиепископ») происходит от коптского π-απα, а не от древнегреческого πάππας (πάπας), ср. πάππος.

Учитывая это указание, из двух позднегреческих вариантов (πάπας и πάππας, ср. словарь Софоклиса) следует выбрать πάπας. В латинском языке также существовало два варианта соответственного слова (ср. словарь К. Е. Georges. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch..., II, Basel, 1951): *pāpa* и *pappa*.

3. Возле св. Григория Богослова:

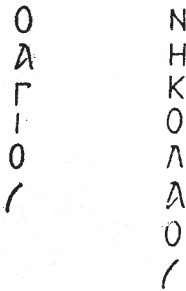

ᾠα γρηγο[ριος] ω θεολογος, то есть
ὁ ἅγιος Γρηγόριος ὁ θεολόγος.

Общая длина надписи: (1) – 0,530 м, (2) – 0,750 м.

Здесь сочетание ὁ ἅγιος также в виде лигатуры-аббревиатуры. В орфографическом отношении удивительна ω вместо ο в артикле (ω θεολόγος).

4. Возле св. Николая (Чудотворца):

ο αγιος νηκολαος, то есть
ὁ ἅγιος Νικόλαος.

Общая длина надписи: (1) – 0,610 м (2) – 0,740 м.

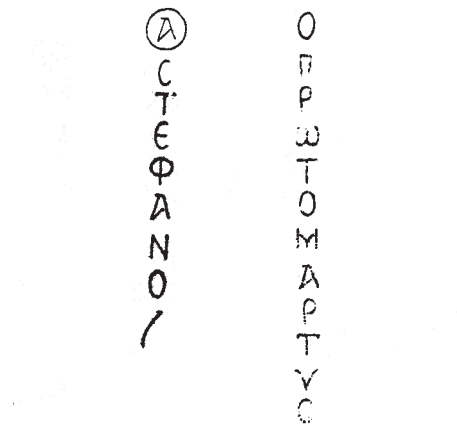
Титул ὁ ἅγιος набран полностью. В нем, как и в имени (Νικόλαος), конечная σ в виде «росчерка». Вместо ι в имени набрана η. Подобная орфография не редкость на византийских мозаиках, особенно за пределами столицы. Так, например, в Чефалу (Cefalu, 1148, Сицилия): ο αἷηος γρηγορηος ο θεολώγος – ὁ ἅγιος Γρηγόριος ὁ θεολόγος²⁵.

Точно такую же орфографию этого имени проводит Г. Жерфанион, описывая пещерные церкви в Балхам Дереси²⁶.

5. Возле св. Стефана Первомученика:

²⁵ Ср. О. Demus. The Mosaics of Norman Sicily. London, 1950, с 23.

²⁶ G. Jerphanion. Les église rupestres de Cappadoce. II, p. 1, Chapelles à Balkham Dérés-si, Paris, 1936, с. 51.

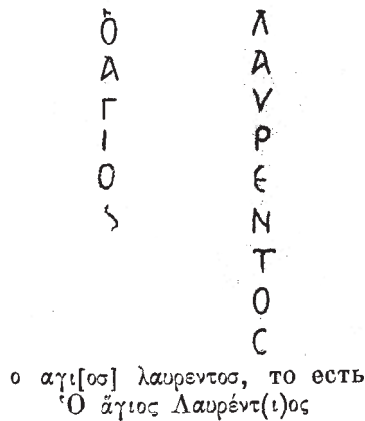
ὁ στέφανος ὁ [πρωτομάρτυς] то есть
ὁ ἅγιος Στέφανος ὁ [πρωτομάρτυς].

Общая длина надписи: (1) – 0,900 м.

Сочетание ὁ ἅγιος в виде лигатуры-аббревиатуры. Конечная σ в имени представлена «росчерком». От сочетания ὁ πρωτομάρτυς; сохранилось только первое ο.

Южная сторона (слева направо)

6. Возле св. Лаврентия:

ὁ ἀγ[ι]ος λαυρεντος, то есть
Ὁ ἅγιος Λαυρέν(ι)ος

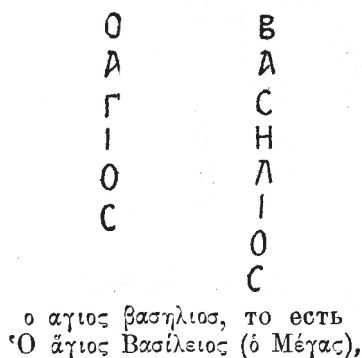
Общая длина надписи: (1) – 0,480, (2) – 0,890 м.

Имя Λαυρέντιος происходит от латинского *Laurentius* (ср. прилагательные *Laurentius*, *Laurens* от названия города *Laurentum*). Здесь оно представлено без ι после τ. Это, конечно, является искажением первоначальной формы. Такая форма, как латинское *Laurens*, могла преобразоваться в греческие *Λαύρης, Λαύρηης (ср. *Crescens*: Κρήσκης, Κρήσκηνς). Сочетание ὁ ἅγιος представлено полностью, но последние две буквы (οσ) не сохранились. Артикль (ὁ) имеет над собой (как и в прочих случаях, когда сочетание ὁ ἅγιος было дано полностью) не только знак густого (δασειά) придыхания (в виде |-, то есть левой половины Η), но и

знак острого (ὀξεῖα) ударения. Конечная σ в имени (Λαυρέντος) представлена как обычная (С) начала и середины слов. Буква α в слове ἅγιος (с «крышкой» и косой переладиной) отличается от соответственной буквы имени (Λαυρέντιος), в которой переладина значительно приподнята, а «крышка» укорочена и без украшающей черточки. Заслуживает упоминания еще буква υ с очень короткой нижней вертикальной чертой (приближающаяся к латинской v).

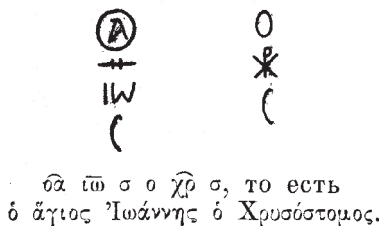
7. Возле св. Василия (Великого):

Общая длина надписи: (1) – 0,530 м, (2) – 0,740 м.

Возможный орфографический вариант еще: Βασίλιος. Здесь наблюдается замена ι > η. Сочетание ὁ ἅγιος набрано полностью. Конечная σ как в эпитете, так и в имени представлена обычной формой, ср. ὁ ἅγιος Λαυρέντιος. Заслуживает упоминания буква β, у которой верхний «кузов» и нижний не соприкасаются, но отделены небольшим, промежутком друг от друга.

8. Возле св. Иоанна Златоуста:

Общая длина надписи: (1) – 0,400 м, (2)–0,395 м.

Аналогичные (хотя и не вполне) написания можно найти на мозаиках Палатинской капеллы в Палермо (1143–1154): οἱ ἱω σ ο χρ рядом с *st iohs os aureum* и в Чефалу (1148): ο αἱηος ἱω σ ο χρ μ ος²⁷.

Особенно характерной для всех этих надписей является лигатура-аббревиатура χρ:

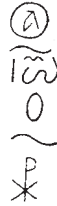

²⁷ O. Demus, *The Mosaics of Norman Sicily*. London, 1950.

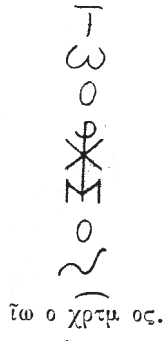
Такая аббревиатура имеет форму хорошо известной монограммы Христа, которая возникла на основе древнеегипетского иероглифического знака «ОНЭХ» (= «жизнь»)²⁸.

Имя Иоанна Златоуста очень часто писалось сокращенно: $\overline{\text{бх}} \overline{\text{ιω}} \text{ο} \overline{\text{χρ}}$. Так, например, в Палатинской капелле (Палермо):

Иногда эта монограмма входит составной частью в сложную третичную

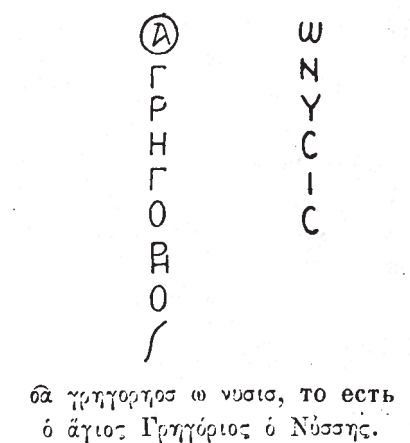

лигатуру, как, например, в Чефалу:

Сложные лигатуры наблюдаются также в написании имени Иоанна Предтечи²⁹.

9. Возле св. Григория Нисского:

²⁸ См. V. Gardthausen. Griechische Palaeographie, Bd. 2, Leipzig, 1913, с. 57-58.

²⁹ Ср. Th. Whittemore. The Mosaics of Haghia Sophia at Istanbul. Fourth Preliminary Report. The Deesis Panel of the South Gallery, Oxford, 1952, табл. XXXII.

Общая длина надписи: (1) – 0,850 м, (2) – 0,560 м.

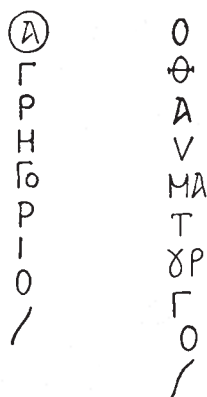
Сочетание $\acute{o}$ $\acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\varsigma$ в виде лигатуры-аббревиатуры ($\sigma\alpha$). В имени святого лигатура ($\rho\eta$). Конечная σ в нем представлена в виде «росчерка». Вместо артикля ($\acute{o}$) набрана ω , как в надписи возле Григория Богослова (№ 3). В форме родительного падежа (от $N\acute{\upsilon}\sigma\sigma\alpha$ или $N\acute{\upsilon}\sigma\alpha$) вместо η ($N\acute{\upsilon}\sigma\sigma\eta\varsigma$ или $N\acute{\upsilon}\sigma\eta\varsigma$) набрана «йота» ($\nu\upsilon\sigma\iota\sigma$).

В Балхам Дереси³⁰, несмотря на орфографию $\gamma\rho\iota\gamma\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ ($\omicron$ $\theta\epsilon\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\omicron\varsigma$), написано $[\gamma\rho\eta\gamma\omicron\rho\iota\omicron\varsigma] \nu\upsilon\sigma\eta\sigma$.

В церкви Святого Луки ($\omicron\sigma\iota\omicron\varsigma$ $\Lambda\omicron\upsilon\kappa\acute{\alpha}\varsigma$, XI–XII век, в Фокиде): $\gamma\rho\eta\gamma\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ $\omicron$ $\nu\upsilon\sigma\eta\sigma$ ³¹.

Конечная σ в этом слове здесь представлена обычной формой (как и в середине слова).

10. Возле св. Григория Чудотворца:

$\sigma\alpha$ $\gamma\rho\eta\gamma\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ $\omicron$ $\theta\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\varsigma$, то есть
 $\acute{o}$ $\acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\varsigma$ $\Gamma\rho\eta\gamma\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$ $\acute{o}$ $\theta\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\varsigma$ (или $N\epsilon\omicron\chi\alpha\iota\sigma\alpha\rho\epsilon\iota\alpha\varsigma$).

Общая длина надписи: (1) – 0,780 м, (2) – 0,890 м.

Высота букв от 0,065 до 0,090 м.

Как в имени ($\Gamma\rho\eta\gamma\omicron\rho\iota\omicron\varsigma$), так и в прозвище ($\acute{o}$ $\theta\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\varsigma$), конечные σ представлены в виде «росчерка». Дифтонг $\omicron\upsilon$ в последнем упомянутом слове представлен в виде первичной лигатуры (γ). Сочетание $\acute{o}$ $\acute{\alpha}\gamma\iota\omicron\varsigma$ набрано как лигатура-аббревиатура (ср. № 2, 3, 5, 7, 8, 9).

Таким образом, всего здесь сохранилось 135 знаков. Вместе с 23, несохранившимися, это составляло бы 158 знаков. Лигатур и лигатур-аббревиатур всего 10. Кроме букв имеется еще знак $\sigma\acute{\iota}\gamma\lambda\omicron\nu$ (титло) над начальными буквами имени Ἰωάννης .

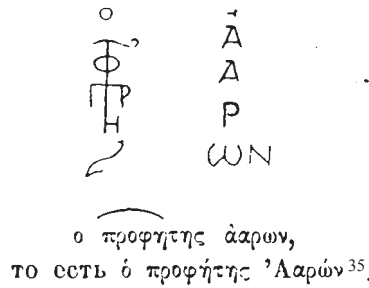
Из 24 букв греческого алфавита здесь имеется 20. Отсутствуют δ , ζ , ξ , ψ . Некоторые буквы обнаруживают два или даже несколько вариантов (последнее относится только к конечной σ).³²

³⁰ G. de Jerphanion. Églises rupestres de Cappadoce, II, P. I, Paris, 1936, с. 51.

³¹ Фото № 626 искусствоведческого семинара в Марбурге.

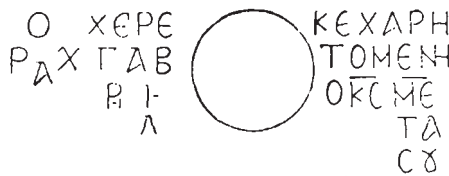
³² Буква χ только в лигатуре $\chi\rho$, ср. $\omicron$ $\chi\rho\iota\sigma\omicron\sigma\omicron\mu\omicron\varsigma$.

4. НАДПИСИ ВОЗЛЕ АРХАНГЕЛА ГАВРИИЛА И ДЕВЫ МАРИИ (БЛАГОВЕЩЕНИЕ)

а) Надпись возле архангела Гавриила.

Левая сторона: ο αρχ γαβρηηλ χερε, то есть ό αρχ(άγγελος) Γαβρηήλ· χαῖρε

Правая сторона: κεχαρητομενη ο κς με τα σου, то есть Кеχαριτωμένη, ό Κ(ύριος) μετὰ σοῦ.

В отличие от других надписей на мозаиках, эта выложена светлыми (белыми) буквами на темном (золотом) фоне. Обе стороны ее отделяются друг от друга нимбом вокруг головы архангела Гавриила.

Предложенное здесь чтение букв ΑΡΧ как начала αρχάγγελος не является единственно возможным, потому что есть примеры другого чтения: ό ἄρχων Γαβρηήλ³⁶.

б) Надпись возле девы Марии:

Левая сторона: Ἴδου ἡ δούλη Κ(υρίου)· γένοιτό μοι κατὰ τὸ ῥήμά σου.

Правая сторона: Μ(ήτη)ρ Θ(εο)ῦ.

Обе стороны отделяются друг от друга фигурой девы Марии. Только слово ἰδου имеет над буквой ипсилон отчетливый знак βαρεῖα. По своему содержанию

³⁵ См. Millet, Gabriel. Le Monastère de Daphni, Histoire, Architecture, Mosaïques. – Paris, 1899. – С. 115.

³⁶ Ср. Διονυσίου τοῦ ἐκ Φουρνᾶ Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς τέχνης καὶ κυρίαι αὐτῆς ἀνέκδοτοι πηγαί, ἐκδιδομένη μετὰ προλόγου νῦν τὸ πρῶτον πλήρης κατὰ τὸ πρωτότυπον αὐτῆς κείμενον ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως δαπάναις τῆς Αὐτοκρατορικῆς ρωσικῆς ἀρχαιολογικῆς ἐταιρείας, ἐν Πέτρουπόλει, 1909, с. 85: «καὶ ό ἄρχων Γαβρηήλ ἔμποσθεν αὐτῆς μετὰ τὴν δεξιὰν εὐλογῶν αὐτὴν καὶ μετὰ τὴν ἀριστερὰν βαστῶν κοντάρι», то есть «и а р х о н т Гавриил перед ней, благословляющий ее правой рукой и держащий в левой руке копье».

эти надписи в точности соответствуют тексту Евангелия от Луки, I, 28–29 и I, 38: а) Χαῖρε, κεχαρητωμένη, ὁ Κύριος μετὰ σοῦ, б) Ἴδου ἡ δούλη Κυρίου· γένοιτό μοι κατὰ τὸ ῥῆμά σου.

Ι Δ Ο Υ	
Η Δ Υ	Μ Ρ
Λ Η Κ Υ	Θ Υ
Γ Ε Ν Υ	
Τ Ο Μ Υ	
Κ Α Τ Α	
Τ Ο Ρ Ι	
Μ Α	
Σ Ο Υ	

Однако, если орфография на мозаике афонского монастыря Ватопеда (Ἐξωνάρθηξ τοῦ Καθολικοῦ)³⁷ может считаться безукоризненной, этого никак нельзя сказать о наших софийских надписях, хотя хронологически между софийскими и афонскими надписями не очень большая разница.

а) Возле архангела Гавриила характерными являются следующие орфографические варианты: χερε = χαῖρε, κεχαριτωμενη = κεχαρητωμένη.

Во втором слове обращает на себя внимание единственная вторичная лигатура

ΗΗ - νη.

В отличие от этого в надписях на «Благовещении» монастыря Ватопеди встречаются лигатуры:

ΑΒ, Β, Ι, ο, δ (= αβ, β, ιω, οι, το).

б) Возле девы Марии следует отметить:

γενυτο = γένοιτο

μυ = μοι

ριμα = ῥῆμα.

В отношении орфографии ближайшей аналогией для софийской надписи «Благовещения» можно считать, например, надпись из Карабаш Килиссе:

Χ Ε Ρ Ε Κ Ε Χ Α Ρ Ι Τ Ο Μ Ε Ν Ι
Ο Κ Σ Μ Ε Τ Α Σ Υ³⁸

Особого упоминания заслуживает первичная лигатура

³⁷ Cp. F.Dölger, E.Weigand. Mönchsland Athos. – München, 1942. – С. 121 и 123.

³⁸ G. de Jerphanion. Les églises rupestres de Cappadoce. II-l. – Paris, 1936. – С. 340.

Ϻ(οὐ),

которая встречалась еще в древнем унциальном (уставном) письме. В греческих надписях Киево-Софийского собора она в других местах не встречается.

Заслуживает упоминания своеобразное расположение букв «по кругу» в титуле Гавриила (ἄρχων или ἀρχάγγελος):

Это расположение букв предполагает чтение сперва сверху вниз (ὁ ἄ-), а затем слева направо (-ρχ-).

Ο
Ρ Χ
Α

Так как в надписях «Благовещения» наблюдается противопоставление двух рядов: ι = η (ср. также ει) и υ = οι, то можно утверждать, что они отражают факты, характерные для византийской палеографии вообще и, в частности, для эпиграфики в период до X века н. э.

Наиболее приметной в этих надписях является буква α с верхней поперечной чертой и с косой нижней перекладиной. Ее форма весьма близка к той, которая отмечена на втором месте от начала алфавита в книге Г. де Жерфаниона «Пещерные церкви Каппадокии», «Церкви с колоннами»³⁹. Подобная форма буквы α может считаться в рукописях весьма древней (древний унциал)⁴⁰.

Дифтонг ου пишется полностью и только в двух местах по недостатку места набрана лигатура

Ϻ η δουλῆ, ο κς μετα ου.

Сравнительно с мозаикой монастыря Ватонедас буквы софийской мозаики очень просты и лишены украшений.

Ο Α Γ Β Ρ Η Λ

Χ Α Ι Ρ Ε Κ Ε
Χ Α Ρ Ι Σ Μ Ε
Ν Η Θ Κ Σ
Μ Ε Τ Α
Ο Υ

Ἦ Δ Ὑ Λ Η Κ Υ Γ Ε Ν Ὁ Θ Μ ὁ Κ Α Τ Α Θ Β Μ Α Σ Χ

MP

ΘΥ

Стенная мозаика эксонарфика кафоликона монастыря Ватопеда, Афон, XI век;

³⁹ Jerphanion de, Guillaume. Les églises rupestres de Gappadoce, t. I, p. 2. – Paris, 1932; Les églises a colonnes, C. 383.

⁴⁰ Ср. Gardthausen V. Griechische Palaeographie. Bd. 2. – Leipzig, 1913, Taf. 2: Alte Fergament-Unciale ca. 330, вторая форма α.

5. НАДПИСИ НАД МЕДАЛЬОНАМИ СОРОКА СЕВАСТИЙСКИХ МУЧЕНИКОВ

На подпружных арках находились 40 медальонов с погрудными изображениями сорока севастийских мучеников⁴¹ по 10 медальонов на каждой арке. Из них сохранилось только 15 с надписями над каждым (10 – на южной арке и 5 – на северной). На южной сохранились изображения: Микалла (или Николая), Иоанна, Лисимаха, Худиона (так!), Акакия, |Александра, Валерия, Вивиана, Ириска (с искажением: «Криспон»), Гаиа. На северной сохранились изображения: Леонтия, Севериана, Аггия (правильно – Анггия), Екдикия, Аэтия.

На месте несохранившихся в первоначальном виде остальных 25 в настоящее время имеются изображения (написанные масляными красками) со следующими надписями:

1) на северной арке: ευνομηος (Εὐνόμιος), δομετιαν (Δομετιανός), φλαυιος (Φλάβιος), θεωφιλος (Θεόφιλος), δομνος (Δόμνος);

2) на восточной арке: ιλιανος (Ἰλιανός), ξανθιος (Ξανθίας), ευτυχιος (Εὐτύχιος), μελητων (Μελίττων), σαкердон (Σακέρδων), ιλιος (Ἠλίας), σισинιος (Σισίνιος), γοργονιος (Γοργόνιος), αθανасιος (Ἀθανάσιος), θηλοβτημον (Φιλοκτήμων);

3) на западной арке: κηριονος (Κυρίων), канδηдоо (Κάνδιδος), ισηχιος (Ἠσύχιος), ираклеиос (Ἡράκλειος), κηρηλλос (Κύριλλος), σμαραγδος (Σμάραγδος), θεωδουлоо (Θεόδουλος), αγλαιοо (Ἀγλαίος) и еще два имени отсутствуют.

На основании сохранившихся и переписанных надписей можно попытаться составить «Киево-Софийский» список сорока севастийских мучеников, который отличается от всех нам известных:

Аггий (Ангий)	Евтихий	Мелитон
Аглаий	Екдикий	Микалл (или Николай?)
Акакий	Илиан	П р и с к (ср. Криспон)
Александр	Илья (?)	Сакердон
Афанасий	И о а н н	С е в е р и а н
Аэтий	Ираклий	Сисинний
В а л е р и й	Исихий	Смарагд
В и в и а н	Кандид	Феодул
Г а и й	Кирилл	Феофил
Горгоний	Кирион	Филоктимон
Дометиан	Ксанфий	Флавий
Домн	Л е о н т и й	Худион ¹
Евномий	Лисимах	

⁴¹ οἱ ἄγιοι μ' μάρτυρες οἱ ἐν Σεβαστείᾳ ἐπὶ τοῦ Ἰλίου ποταμοῦ (9/III).

Сличение этого списка с прочими известными нам показывает, что среди киево-софийских имен севастиийских мучеников нет ни одного такого, которого не было бы в каком-либо другом списке⁴³.

Следовательно, своеобразие киево-софийского списка севастиийских мучеников заключается только в сочетании уже известных имен.

Сперва остановимся на общих особенностях надписей над медальонами севастиийских мучеников. Несмотря на формальную простоту сохранившихся надписей (отсутствие лигатур за исключением **α** вписанной в

ο, **δ̂α**),

формы знаков в них довольно разнообразны. Их алфавит состоит из следующих знаков:

ΑΑ α Β Γ Δ Ε Ζ Η Ι̇ Κ Λ Μ Ν Ν
Ο Π Ρ Σ Τ̇ Τ̇ Υ Χ Ψ

Труднее всего здесь учесть варианты **α**: почти каждый знак имеет индивидуальные черты. Наиболее обычным (XI век н. э.) является тот вариант, который встречается в лигатуре-аббревиатуре

δ̂α (ὁ ἄγιος).

Наиболее своеобразен вариант **α** с вертикальной правой чертой (мы находим его в эпиграфике XI века н. э.). Заслуживают упоминания варианты **δ**. Один из них (похожий на **Α**) встречается всего один раз в имени Ἐκδίκιος. Эта **δ** характеризуется выступающими с обеих сторон за наклонные черты концами нижней горизонтальной перекладины (чего нет ни в одном варианте буквы **α**). Интересны в палеографическом отношении два варианта буквы **ι**: без надстрочных точек и с двумя надстрочными (диакритическими) точками, ср., например, первую йоту в имени

δ̂α ιωαννης

и запредпоследнюю йоту в имени

δ̂α χουδ̇ιον.

Следует отметить еще два резко выраженных варианта буквы **ν**, ср., например, первое **ν** в имени

⁴² В разрядку даны сохранившиеся на мозаиках.

⁴³ Ср. Διονυσίου τοῦ ἐκ Φουρνᾶ Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς τέχνης... – С. 160-161; там же Διονυσίου τοῦ ἐξ Ἀγράφων... – С. 297; Jerphanion de Guillaume. Les églises rupestres de Cappadoce, 1-2, Paris, 1932 (Toqale Kilissé, Nouvelle église), с. 314-316, а также II-2 (указатель); у Г. Жерфаниона использованы: Abicht und Schmidt. Archiv für slavische Philologie, B. XVIII, 1896, с. 144-152; Bonwetsch. Die Apokalypse Abraham. Das Testament der vierzig Märtyrer, с. 80 (Studien zur Geschichte der Theologie und Kirche, I); Delehayе. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae, 9 mars, col. 521-522.

ὁ̂α νικαλος

и запредпоследнее ν в имени

ὁ̂α ιωανης.

В сочетании букв ντι в имени

буква τ значительно возвышается над соседними буквами, накрывая их своей верхней горизонтальной чертой. Интересно отметить, что в так называемых «вещевых» надписях наблюдается явление, прямо противоположное тому, которое мы находим в рукописном письме (например, в среднем минускульном письме XI века н. э.), где в сочетании τι последняя буква часто бывает вытянутой в длину, а первая значительно уступает этой последней по величине. Однако в рукописном письме встречается и длинная буква τ⁴⁴.

Кроме уже упомянутых двух точек над йотой в этих надписях встречаются (непоследовательно употребленные) и другие надстрочные знаки. Отметим, например, «циркумфлекс» (περισπωμένη) над дифтонгом ου в имени

ὁ̂α χουδῖον.

Сделаем некоторые обобщения относительно орфографии имен севастииских мучеников. Следующие имена сохраняют «классическую» орфографию: Ἀγγίας, Ἀέτιος, Ἀκάκιος, Ἀλέξανδρος, Λεόντιος, Οὐαλέριος, Σεηριανός.

Остальные более или менее значительно отступают от этой орфографии: βηβηανος = Βιβιανός, γαηος = Γάιος, εκδικηος = Ἐκδίκιος, ιαωνης = Ἰωάννης, λυσημαχος = Λυσίμαχος, χουδῖον = Χουδίων.

Особо следует рассматривать орфографию имен κρησπον и νικαλος (см. ниже). Орфографические особенности этих имен не выделяют их на общем фоне византийской эпиграфики конца первого и начала второго тысячелетия н. э. Здесь мы находим обычные: η вместо ι, ο вместо ω; отсутствие удвоения согласных (ιωανης вместо Ἰωάννης).

Всем именам предшествует лигатура-аббревиатура

α̂ω = ὁ ἅγιος

и все конечные сигмы не отличаются от начально-срединных.

Перейдем теперь к отдельным именам⁴⁵.

⁴⁴ Ср. Gardthausen V. Griechische Paläographie, Bd. 2, Leipzig, 1913, табл. 6 (шестая строка снизу), табл. 7 (та же строка), табл. 8 (та же строка), табл. 9 (та же строка).

⁴⁵ Здесь будут приводиться ссылки на следующие сочинения: Дионисия Фурноаграфиота Διονυσίου τοῦ ἐκ Φουρνᾶ Ἑρμηνεία τῆς ζωγραφικῆς τέχνης... – С. 160; οἱ ἅγιοι μ' μάρτυρες οἱ ἐν Σεβαστείᾳ, Дионисия из Аграф – Διονυσίου τοῦ ἐξ Ἀγράφων... οἱ ἐν τῇ Σεβαστείᾳ λίμνῃ τεσσαράκοντα μάρτυρες – там же, С. 297; Г. Жерфаниона = Jerphanion de, GuiIIaume. Les églises rupestres de Cappadoce, tome premier, deuxième partie (Toqale Kilissé, Nouvelle église). – Paris, 1932. – С. 314–316; указатель к названному выше tome second, deuxième partie, Indices.

1. Южная арка

Ⓐ ΝΙΚΑΛΟΣ.

Общая длина надписи – 0,77 м, средняя высота букв – 0,115 м. Затруднительно точно установить, какое греческое имя отмечено в этой надписи. Здесь, очевидно, произошла контаминация имен *Μίκκαλος* и *Νικόλαος*. Таких имен нет у Дионисия Фурноаграфиота, Дионисия из Аграф, в ономастике каппадокийских церквей (Жерфанион), но в указателе к сочинению Жерфаниона⁴⁶ приведено и то и другое. Имя *Μίκκαλος* или *Μίκαλος* имеет в своей основе древнегреческое прилагательное *μικρός* < *μικρός* «маленький» (ср. латинские *paulus* или *paullus* и собственное *Paulus*, греческое *Παῦλος*). С этой основой (*μικρός*) в древнегреческой ономастике существовало довольно много имен (почти каждое из них имело два варианта: с одной каппой и удвоенной каппой): *Μίκκος* (ср. параллельное *Μίκρος*), *Μίκκα* (= *Μίκρα)⁴⁷, *Μίκκων* (ср. параллельное *Μίκρων*), *Μικκίων*, *Μικκαλίων*, *Μικκίνης* (*Μικκίνας*), *Μικκυλος*, *Μικκιάδης*. Производное «Микал» существовало также в двух вариантах: *Μίκκαλος* и *Μίκαλος*. Так как несомненно более распространенным, чем это «гипокористическое» Микал или Миккал, являлось «двуосновное» Николай (*Νικόλαος* ср. «гипокористические» варианты: *Νικόλας*, *Νικᾶς*, *Νικέας*, *Νικίας*), то контаминация первого с последним могла оказаться вполне естественной. Мы не допускаем возможности, что такое распространенное христианское имя, как «Николай» (*Νικόλαος*), могло подвергнуться искажению на письме в смысле замены подударного о посредством α и превращения заударного сочетания αο в ο (ср. гипокористический вариант *Νικόλας*). Таким образом, мы предполагаем, что

ὁ α νικαλος

возникло из

*ὁ α μικαλος

(*Νικάλος < *Μίκαλος*) под воздействием *Νικόλαος*, *Νικόλας*.

Ⓐ ΙΩΑΝΗΣ.

Общая длина надписи – 0,845 м, средняя высота букв – 0,115 м. Это имя имеется в списке у Дионисия из Аграф и в Указателе Жерфаниона. У Дионисия из Аграф этот мученик характеризуется, как «*Ἰωάννης, ὁ ζυγένης*» («с острой бородой»). Как известно, это имя (*Ἰωάννης*) древнееврейского происхождения стало чрезвычайно распространенным в христианские времена. Оно испытало

⁴⁶ В указателе к Жерфаниону орфография: *Μίκαλλος*, но этимологически правильнее: *Μίκκαλος*, ср. *Μικυλλος*.

⁴⁷ Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, dritte Auflage neu bearbeitet von G. E. Benseler. – Braunschweig, 1911; соответствует женским *Μίκα* или *Μίκκα*, еще *Μικρώ*.

различные фонетические изменения (ср., например, новогреческое Γιάννης – «Янис»), но в этой надписи сохраняется его классический вариант (кроме отсутствия удвоения ν, о чем говорилось выше).

Ⓐ ΛΥCΗΜΑΧΟC.

Общая длина надписи – 0,965 м, средняя высота букв – 0,155 м. Имя «Лисимах» (Λυσίμαχος) относится к весьма распространенному типу древнегреческих «двуосновных» имен. Оно отмечено во всех наших источниках (Дионисий Фурноаграфиот, Дионисий из Аграф, Жерфанион и Указатель к нему). В «Новой церкви» Токалы Килиссе (Жерфанион) буква после начального λ испорчена, но в остальном орфография в точности совпадает с орфографией нашей надписи:

Ⓐ λ[υ]σημαχος.

Наличие здесь буквы ο на своем месте (при обычной замене йоты итой) может являться отражением фонетического факта: между произношением ι, η, ει, с одной стороны, и υ, οι, с другой, еще до X–XI века н. э. сохранялось различие⁴⁸.

Знаки ι, η и обозначение ει могли взаимозаменяться так же, как знак υ и обозначение οι, но до названной хронологической границы взаимозамены между обоими рядами знаков и обозначений не встречались на письме. Следовательно, здесь в орфографии сохраняется особенность произношения, исчезнувшая на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры.

Ⓐ ΧΟΥΔΙΟΝ.

Общая длина надписи – 0,932 м, средняя высота букв – 0,145 м. Отмеченное здесь имя не засвидетельствовано в древнегреческой ономастике. Его нет ни у Жерфаниона, ни в Указателе к нему, но у Дионисия из Аграф оно приводится Χουδίον без всяких добавлений, а у Дионисия Фурноаграфиота есть приближающееся к нему «Λουδίον νέος ἄγένειος» – «Лудион безбородый юноша». Это последнее может быть в других источниках незасвидетельствованным вариантом производного от этнонима Λύδιος (ср. Λυδός; и женское Λυδία). Случаи смешения букв Λ и Χ известны из древних текстов (например, Птолемей V, 3,2: Λύδαι или Χύδαι – город в Ликий).

Есть и еще одна возможность установления связи названного имени Χουδίον с лексическими элементами древнегреческого языка, но она представляется нам менее вероятной. Это имя могло бы оказаться связанным с древнегреческим наречием χύδην (ср. новогреческое χυδαίος), заключающим в себе корень глагола χέω («лью»). Так или иначе, но среди прочих этимологически ясных имен севастиийских мучеников Χουδίον остается обособленным и темным.

⁴⁸ См., например, Γεωργίου Ν. Χατζιδάκι, Σύντομος ιστορία της ελληνικής γλώσσας, εν Αθήναις, 1915, α. ια'. – Σ. 84.

Ⓐ ΑΚΑΚΙΟΣ.

Общая длина надписи – 0,690 м, средняя высота букв – 0,185 м. (ср. обе к). Это имя имеется во всех наших источниках (Дионисий Фурноаграфиот, Дионисий из Аграф, Жерфанион). У Дионисия Фурноаграфиота Ἀκάκιος характеризуется, как «νέος ὀξυγένης» – «юноша с заостренной бородкой». Имя «Акакий» (производное от «Ἀκάκος» – «незловивый») получило распространение в христианскую эпоху.

Ⓐ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ.

Это имя не сохранилось полностью на мозаике, но легко восстанавливается: Ἀλέξανδ[ρος]. Общая длина (до буквы 8) – 0,750 м, средняя высота букв – 0,155 м. Одно из наиболее распространенных «двуосновных» греческих личных собственных имен как в языческие, так и в христианские времена. Отмечено во всех наших источниках (Дионисий Фурноаграфиот, Дионисий из Аграф, Жерфанион) с неизменной классической орфографией: Ἀλέξανδρος. «Александр». Этот севастийский мученик у Дионисия Фурноаграфиота характеризуется, как «νέος σγουροκέφαλος, ὀξυγένης» – «юноша с курчавой головой и остроконечной бородкой».

С палеографической точки зрения в этой надписи заслуживает упоминания форма буквы «кси», почти совпадающая с распространенной формой буквы «зиты». В своем развитии обе эти буквы были связаны с древнейших времен. Отметим попутно, что на славянской почве греческая форма «зиты» (= «земля») сохранялась в эпиграфике почти до XIV века н. э., а «кси» употреблялась в то же время очень редко и преимущественно как цифровое обозначение (60).

Ⓐ ΟΥΑΛΕΡΙΟΣ.

Общая длина надписи – 0,925 м, средняя высота букв – 0,173 м (υ) 0,199 м (σ). Это имя римского происхождения (*Valerius*) имеется у Дионисия Фурноаграфиота и у Жерфаниона. В палеографическом отношении у Жерфаниона оно отличается от представленного на киево-софийской мозаике наличием (в Токалы Килиссе) начальной первичной лигатуры

ϝ,

которая вовсе не встречается в надписях наших мозаичных медальонов севастийских мучеников. При передаче римского «Валерий» (*Valerius*) средствами греческой графики возможны были два орфографических варианта этого имени: Βαλέριος и Ουαλέριος. В античную эпоху более распространенным был последний. Среди имен сорока севастийских мучеников есть немало имен римского происхождения, и в дальнейшем нам придется рассмотреть еще такие, как: Вивиан, Гаий, Приск (= Криспон) и Севериан. У Дионисия Фурноаграфиота «Валерий» – «νέος κοντογένης» – «юноша с короткой бородкой».

Ⓐ ΒΗΒΗΑΝΟC.

Общая длина надписи – 0,90 м, средняя высота букв – 0,135 м (η), 0,150 м (β). Имя *Vivianus*, как мы уже отмечали, – римского происхождения. Вивиан упоминается среди севастиийских мучеников в большинстве наших источников (Дионисий Фурноаграфиот, Дионисий из Аграф и Указатель к Жерфаниону). У Дионисия Фурноаграфиота он характеризуется, как «γέρων ὀξύγένης» – «старик с остроконечной бородой». В греческой орфографии обычной формой была классическая Βιβιάνος, но в византийскую эпоху при последовательной замене «узкой» йоты «широкой» итой в эпиграфике могла оказаться обычной и такая, как представленная здесь βηβηανος⁴⁹.

Ⓐ ΚΡΗΣΠΟΝ.

Общая длина надписи – 0,935 м, средняя высота букв – 0,140 м. (π). Форма имени «κρησπον» представляет результат сложной контаминации двух имен римского происхождения *Priscus* и *Crispus* с каким-то греческим именем, содержащим распространенный словообразовательный суффикс -ων. В Указателе к Жерфаниону и у Дионисия Фурноаграфиота отмечено Πρίσκοc, а у Дионисия из Аграф – Κρίσκοc. Об этом последнем говорится «φαγουγένης, γέρων» – «старик с густой бородой». Имя Κρίσκοc не засвидетельствовано в греческих памятниках, но близким к нему были Κρήσκης (вариант – Κρήσκηνς) и Κρίσκης. Следует заметить, что римские имена Κρίσπος и Πρίσκοc имели греческие производные Κρισπίων и Πρισκίων. Надо думать, что первоначально среди имен сорока севастиийских мучеников фигурировало «Приск», потом уже появилось «Крисп», а затем произошла контаминация.

Ⓐ ΓΑΙΟC.

Общая длина надписи – 0,800 м, средняя высота букв – 0,150 м (γ). Это широко распространенное римское *praenomen* «*Gaius*» в греческой передаче должно было превратиться в Γάϊος или Γάιος (редкий вариант – Γαῖος). Представленная здесь орфография γαιος является обычной для византийского времени⁵⁰.

У Дионисия Фурноаграфиота упоминается «Γάιος, γέρων ὀξύγένης», «Гай – старик с остроконечной бородой», а у Жерфаниона (Токалы Килиссе, Новая церковь)

ὁ γαιος

(вариант с «паразитарным» ν).

⁴⁹ Ср. замечание у Жерфаниона, т. I, ч. I, с. 164: «Отсутствие ι влечет за собой замену αι посредством ε и ει посредством η». Здесь сформулировано одно из правил византийской орфографии провинциальных монументальных надписей.

⁵⁰ Ср. примечание к Βηβηανός.

2. Северная арка

Ⓐ ΛΕΟΝΤΙΟΣ.

Общая длина надписи – 0,830 м, средняя высота букв 0,130 м (ο), 0,150 м (τ). Это имя отсутствует у Дионисия Фурноаграфиота, но имеется у Дионисия из Аграф и у Жерфаниона. Орфография его остается неизменной. В древнегреческой ономастике Λεόντιος вместе с другими производными (Λεοντεύς, Λεοντιάδης, Λεοντίδης, Λεοντίσκοϛ, Λεόντιχος, Λεοντίων) связано с первичным Λέων – «Лев» (то есть относится к так называемым «зоофорным» именам, ср. ниже Ἀέτιος. У Дионисия из Аграф о Леонтии сказано «ὀξύγηνης» – «с остроконечной бородой».

Ⓐ ΣΕΥΗΡΙΑΝΟΣ.

Общая длина надписи – 0,970 м, средняя высота букв – 0,135 м. Из наших источников его не упоминает Дионисий из Аграф. В прочих источниках орфография этого имени остается неизменной – Σευηριανός – «Севериан», хотя для этого римского имени в греческих памятниках встречается также написание Σεβηριανός (ср. *Severianus*, от *Sevērus* – «Суровый»; как нарицательное прилагательное *Severianus* обозначало «относящийся к императору Септимию Северу», 193–211 н. э.). Следует отметить, что в отличие от βηβηανος (§ 8) здесь сохраняется в том же словообразовательном суффиксе первоначальная йота. У Дионисия Фурноаграфиота наружность Севериана описывается так «νέος σπανός φαλακρός» – «юноша с реденькой бородкой, лысый».

Ⓐ ΑΓΓΙΑΣ.

Общая длина надписи – 0,905 м, средняя высота букв – 0,157 м (γ). В древнегреческой ономастике такого имени не было. Несмотря на присутствие в греческом нарицательных вроде ἄγγος, ἄγγιον («сосуд») и словообразовательного суффикса -ίας, это собственное имя следует в отношении происхождения считать неясным. Не представляется возможным также установить, имеет ли оно какую-либо связь с библейским именем Ἀγγαῖος (это имя носили еврейский пророк и персидский полководец). Оно упоминается во всех наших источниках, кроме Дионисия из Аграф. В греческой агиографии (Абихт и Шмидт, по Жерфаниону) встречается вместо него греческое имя Ἀγίας. Таким образом, и в данном случае может идти речь о контаминации. В традиционном «церковном» произношении «Ангий» превратилось в «Аггий» (ср. «Ангей» и «Аггей»). О наружности этого святого у Дионисия Фурноаграфиота сказано: «νέος ἀγένειος» – «безбородый юноша».

Ⓐ ΕΚΔΙΚΗΟΣ.

Общая длина надписи – 0,900 м, средняя высота букв – 0,150 м. Имя 'Εκδίκιος встречается у поздних греко-римских (Либаний, IV, Созомен, V век н. э.) и у византийских писателей (Свида, X век н. э.). Оно является производным от древнегреческого 'Εκδικος (ср. латинское *vindex*). Это имя встречается во всех наших источниках, кроме Дионисия из Аграф. В Новой церкви (Жерфанион, Токалы Килиссе, № 4) вместо него написано

ὁ ἄ δηκίος,

то есть Δέκιος (*Decius*). В греческих агиографических текстах кроме 'Εκδίκιος (ср. Bonwetsch и Delehaie по Жерфаниону) встречается еще Εὐδίκιος, (Абихт и Шмидт, по Жерфаниону). О наружности этого мученика у Дионисия Фурноаграфиота сказано «νέος ἀγένειος» – «безбородый юноша». Как уже говорилось выше, в палеографическом отношении здесь примечательна буква δ. Хотя она похожа на α, но отличается от нее нижней горизонтальной чертой (на надписях Киевской Софии поперечная черта буквы Α всегда наклонная, косая, а не горизонтальная). В орфографическом отношении здесь представляет интерес одновременное употребление иты (третья от конца) и йоты (четвертая от начала). Такое же явление наблюдается и в упомянутых надписях из Токалы Килиссе (например,

ὁ ἄ ισηνιος = ὁ ἄγιος Σισίννιος).

Ⓐ ΑΕΤΙΟΣ.

Общая длина надписи – 0,820 м, средняя высота букв – 0,137 м (α). Это имя имеется во всех наших источниках. Хотя оно было чисто греческим (производным от αἰτός, αἰετός – «орел»), но стало более распространенным в христианскую эпоху. Первичное Αἰτός – у Диодора Сицилийского, I, 19 – древнее название реки Нила, а у Стефана Византийского (Αἰτία – древнее название Египта) употреблялось как прозвище (ср. Жизнеописание Пирра, Плутарх, 10). Наряду с Αἰτός существовали и другие производные от той же основы (например, Αἰτίων). В отличие от безукоризненной орфографии на мозаике Киевской св. Софии в Новой церкви (Токалы Килиссе) находим написание

ὁ ἄ αετηος.

У Дионисия Фурноаграфиота о наружности этого мученика сообщается «νέος ἀρχιγένης» – «юноша, у которого только начинает расти борода».

Заканчивая это описание, отметим, что только в двух случаях мы можем указать на существенное искажение имен севастиийских мучеников:

1) ὁ ἄ νικαλος вместо Μίκαλος,

2) ὁ ἄ χρησπον вместо Πρίσκος.

Если мы сравним это с искажением имен в Новой церкви (Жерфанион, Токалы Килиссе), где мы находим $\alpha\rho\alpha\kappa\lambda\iota\omicron\varsigma = \text{'H}\rho\acute{\alpha}\kappa\epsilon\iota\omicron\varsigma$, $\delta\eta\kappa\iota\omicron\varsigma = \text{'E}\kappa\delta\acute{\iota}\kappa\iota\omicron\varsigma$, $\gamma\alpha\eta\nu\omicron\varsigma = \text{G}\acute{\alpha}\iota\omicron\varsigma$, $\lambda\eta\alpha\delta\eta\varsigma = \text{'H}\lambda\acute{\iota}\alpha\delta\eta\varsigma$, то в отношении прочности традиции вывод должен быть благоприятным для наших мозаичистов.

6. НАДПИСИ НА ТРЕХ МЕДАЛЬОНАХ «ДЕИСУСА» ($\Delta\acute{\epsilon}\eta\varsigma\iota\varsigma$)

Над триумфальной аркой алтаря возле «Деисуса» ($\Delta\acute{\epsilon}\eta\varsigma\iota\varsigma$).
Кроме обычных аббревиатур ($\tau\acute{\alpha} \sigma\acute{\iota}\gamma\lambda\alpha$) с надстрочными чертами:

$\overline{\text{M}}\text{P}$ $\overline{\Theta}\text{Y}$
 $\overline{\text{I}}\overline{\omega}$ $\overline{\text{X}}\overline{\varsigma}$

$\text{M}\eta(\tau\eta)\rho \Theta(\epsilon\omicron)\tilde{\upsilon}$ и $\text{X}(\rho\iota\sigma\tau\acute{o})\varsigma$

заслуживает упоминания надпись по обе стороны фигуры Иоанна Предтечи:

$\textcircled{\Delta}$ Δ
 $\overline{\text{I}}\overline{\omega}$ P
 $\overline{\text{P}}$ OM
 $\circ$ O
     C

$\delta\acute{\alpha}(\gamma\iota\omicron\varsigma) \text{'I}\omega(\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma) (\delta) \text{P}\acute{\rho}\omicron\delta\rho\omicron\mu\omicron\varsigma$.

Аналогичные надписи можно отметить в нарфике церкви Успения в Никее (1025–1028) и в Константинопольской св. Софии⁵¹.

Слева от фигуры Иоанна Предтечи расположены монограмма-аббревиатура α , вписанная в $\omicron$, двухбуквенная аббревиатура с надстрочной по способу соединения букв чертой

$(\overline{\text{I}}\overline{\omega})$

и первый слог слова $\text{p}\acute{\rho}\omicron\delta\rho\omicron\mu\omicron\varsigma$. Следует отметить, что лигатура **про** здесь напоминает соответственную лигатуру надписи Константинопольской св. Софии и существенно отличается от надписи Никейской церкви Успения богородицы.

$\overline{\text{P}}\text{O}$ $\overline{\text{P}}$ $\overline{\text{P}}$
 O O O

Церковь Успения
в Никее

Константинопольская
св. София

Киевская св. София

⁵¹ Whittemore, Thomas. The Mosaics of Haghia Sophia at Istanbul. The Deesis Panel of the South Gallery. – Oxford, 1952, табл. XXXI и XXXII.

Справа от фигуры Иоанна Предтечи расположены два последних слога слова $\pi\rho\acute{o}\delta\rho o\mu o\varsigma$. В отличие от упомянутых Никейской и Константинопольской надписей здесь нет лигатур. Можно обратить внимание на конечную сигму, которая не связана с предыдущими знаками (как в никейской надписи, где представлена лигатура $\mu o\varsigma$), но вытянута в виде конечного росчерка с выпуклой стороной влево. Нельзя не упомянуть также и того, что в киевской надписи перед словом $\pi\rho\acute{o}\delta\rho o\mu o\varsigma$ пропущен артикль ($\delta\acute{o}$) в отличие от никейской и константинопольской надписей. В отличие от никейской и киевской надписей в константинопольской титул $\acute{o} \acute{\alpha}\gamma\iota o\varsigma$ выписан полностью, что связано, очевидно, с композиционной проблемой заполнения пространства.

7. РАЗЛИЧНЫЕ МОЗАИЧЕСКИЕ НАДПИСИ В БАРАБАНЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КУПОЛА ВОЗЛЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА

Единственная из сохранившихся первоначальных двенадцати надписей:

ⒶΠΑΥΛΟC
ὁ ἅγιος Παῦλος.

В аналогичных надписях церковей св. Луки Стирита ("Οσιος Λουκᾶς) и Чофалу (*Cefalù* в Сицилии) слово $\acute{\alpha}\gamma\iota o\varsigma$ выписано полностью, а не в виде лигатуры⁵².

Однако на мозаиках св. Луки часто встречается та же лигатура (α вписанная в o), что и в Киевской св. Софии (например,

$\theta\alpha$ Νιφων ὁ μετανοεῖται ⁵³ $\theta\alpha$ Διονύσιος ὁ Ἀρεοπαγίτης,
 $\theta\alpha$ Ἀνεμπόδιστος).

На мозаиках церкви Успения богородицы в Никее (1025–1028 годы н. э.) над упомянутой лигатурой поставлены знаки густого придыхания ($\delta\alpha\sigma\epsilon\acute{\iota}\alpha$) и острого ударения ($\acute{o}\xi\epsilon\acute{\iota}\alpha$), ср., например, имена четырех евангелистов. Здесь как лигатура

($\theta\alpha$),

так и имя (Παῦλος) лишены всяких надстрочных знаков. Наиболее характерными буквами здесь являются α с верхней горизонтальной чертой и косой перекладиной, а также υ с «шаровидным» утолщением при переходе вертикальной ножки в верхние-наклонные ответвления.

⁵² Ср. Demus O. The Mosaics of Norman Sicily. – London, 1950. – С. 22.

⁵³ Νιφων = Νήφων.

НА ЗНАМЕНАХ АНГЕЛОВ В КУПОЛЕ ВОКРУГ ЦЕНТРАЛЬНОГО МЕДАЛЬОНА

На знаменах ангелов:

Α Γ Η Ο Σ

Α Γ Η Ο Σ

Α Γ Η Ο Σ

то есть ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος (ὁ κύριος Σαβαώθ) = τρισάγιος.

Слова хвалебного песнопения (αἶνος) или гимна ὁ τρισάγιος ὕμνος или τὸ τρισάγιον: «Ἄγιος ὁ θεὸς ἅγιος ἰσχυρὸς ἅγιος ἀθάνατος ἐλήησον ἡμᾶς»⁵⁴.

В орфографическом отношении характерно $\eta = \iota$. Такая замена вообще характерна для византийской эпиграфики, в которой буква ι становится редко-стью⁵⁵.

Такую же орфографию (ΑΓΗΟΣ) можно найти в пещерной церкви № 6 (Гёреме) в Каппадокии⁵⁶.

В палеографическом отношении здесь заслуживает упоминания форма α с верхней горизонтальной чертой.

НАДПИСИ НА КНИГАХ И СВИТКАХ ВОЗЛЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЕВАНГЕЛИСТОВ

I. Над фигурой сидящего евангелиста Марка крупная горизонтальная надпись:

ΘΓΙΟΣ ΜΑΡΚΟΣ

θα γιος μαρκος, то есть ὁ ἅγιος Μάρκος.

В этой надписи необычным является соединение лигатуры

θα

(α , вписанная в θ), которая использовалась как аббревиатура всего сочетания ὁ ἅγιος, с – γιος, то есть последними буквами слова ἅγιος. Такое написание, очевидно, вызывалось необходимостью заполнения пространства. Обычным в XI веке было написание, лигатура-аббревиатура + имя (ср., например, в Никее, 1025–1028:

⁵⁴ Ср. Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. – New York-Leipzig, 1893, τρισάγιος.

⁵⁵ Ср. Jerphanion de, G. Les églises rupestres de Cappadoce. – Paris, 1925. – I-1. – С. 164: «Отсутствие ι приводит к замене $\alpha\iota$ посредством ϵ и $\epsilon\iota$ посредством η ».

⁵⁶ См. Jerphanion de, G. там же, «Chapelle 6 de Gueurémé», с. 96.

ὁ α μαρκος).

Перед фигурой евангелиста развернута книга:

✠ ΑΡΧ	ΓΕ ΓΡΑ
Η ΞΕΥ	ΠΕΕΝ
ΓΕΛΗ	ΤΟΙΣ ΤΡΟ
ΥΠ ΧΥ	ΦΗΤ
ΥΝ ΤΟΥ	ΗΔΥΕ
ΘΥ ΟΣ	ΓΟ ΑΠΟ

* αρχ ητουςε γγελη ουιουχυ υτου θυος γεγρα πτεεν τοις προ φηт... ηδουε γοαπο, т.е. Αρχή τοῦ εὐ[α]γγελίου Ἰ(ησοῦ) Χ(ριστοῦ) υἱοῦ τοῦ Θεοῦ ὡς γέγραπται ἐν τοῖς προφήτ(αις), Ἴδου ἐγὼ ἀπο[στέλλω]... «Начало евангелия Иисуса Христа сына божьего, как оно написано у пророков: вот я посылаю»...

Размеры текста также определяются соображениями пространства. У Дионисия Фурноаграфиота (§ 14) соответственный текст ограничивается словами: «Ἀρχὴ τοῦ εὐαγγελίου Ἰησοῦ Χριστοῦ»⁵⁷; а у Дионисия из Аграф: «Ἀρχὴ τοῦ εὐαγγελίου Ἰησοῦ Χριστοῦ υἱοῦ τοῦ Θεοῦ ὡς γέγραπται ἐν τοῖς προφήταις, Ἴδου ἐγὼ ἀποστέλλω τὸν ἄγγελον μου πρὸ πρόσωπον σου»⁵⁸.

Неясным остается, чем вызван пропуск буквы **α** в слове εὐαγγελίου. В орфографическом отношении заслуживают упоминания такие особенности, как 1) **ε** вместо **α** γέγραπτε), 2) **η** вместо **ι** (ευ γγελη ου, ηδου), 3) **ο** вместо **ω** (οσ, εγο), 4) **υ** вместо

(υυ)⁵⁹.

В палеографическом отношении здесь примечательны первичные и вторичные лигатуры:

Ϡ = τϠ, πт = πт, тР = πρ.

Наряду с лигатурой

Ϡ

встречается раздельное написание

ΟΥ.

⁵⁷ Διονυσίου τοῦ ἐκ Φουρνᾶ..., с. 151.

⁵⁸ Там же, с. 262.

⁵⁹ Ср. Jerphanion de, Guillaume. Les églises rupestres de Cappadoce, I–1. – Paris, 1925. – С. 164 об особенностях орфографии: многочисленные примеры таких особенностей также в книге Psaltes St. Grammatik der byzantinischen Chroniken, Göttingen, 1913.

Характерними для данної надписи являються приближаючися к лигатурам групи «разноформатных» букв:

$$\Gamma\Gamma = \gamma\gamma, \Gamma\epsilon = \gamma\epsilon, \Gamma\rho = \gamma\rho, \Pi\Gamma\epsilon = \pi\tau\epsilon, \text{То}\iota\varsigma = \tau\omicron\iota\varsigma, \Gamma\omicron = \gamma\omicron.$$

Обычными являются аббревиатуры священных слов:

$$\bar{\omega} = \text{'Ιησοῦ}, \bar{\chi}\bar{\upsilon} = \text{Χριστοῦ}, \bar{\upsilon}\bar{\upsilon} = \text{υἱοῦ}, \bar{\theta}\bar{\upsilon} = \text{Θεοῦ}.$$

Все они снабжены надстрочной горизонтальной чертой. Знаки ударений и придыханий совершенно отсутствуют. Исключительной особенностью данной надписи является «конечный росчерк» в сокращенном слове

$$\pi\bar{\rho}\omicron\phi\eta\tau[\alpha\iota\varsigma]: \quad \text{~}$$

По своей форме он приближается к имеющимся на некоторых мозаиках Софийского собора конечным ς . Надо отметить, что различие в начальных и конечных формах буквы ς обнаруживается в так называемом младшем минускульном письме, следовательно, обычно не раньше XII века н. э.⁶⁰

Свиток (хартія), который евангелист держит в левой руке, не имеет надписи.

II. Над фигурой сидящего евангелиста Иоанна мозаичная надпись не сохранилась (ὁ ἅγιος Ἰωάννης). Восстановить ее в первоначальном виде не представляется возможности [ср. в Никее:

$$\bar{o}\bar{\alpha} \bar{\iota}\bar{\omega}(\bar{o} \ \bar{\theta}\bar{\epsilon}\bar{o});$$

в Константинопольской Софии: ὁ ἅγιος ἰῶ; в церкви св. Луки:

$$\bar{o}\bar{\alpha} \bar{\iota}\bar{\omega}(\bar{o} \ \bar{\theta}\bar{\epsilon}\bar{o}\bar{\lambda}\bar{o}\bar{\gamma}\bar{o}\bar{o}).$$

Можно только думать, что имя евангелиста в отличие от имен прочих святых (например, Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст) было выложено полностью

$$*\bar{o}\bar{\alpha} \ \bar{\gamma}\bar{\iota}\bar{o}\bar{s} \ \bar{\iota}\bar{o}\bar{\alpha}\bar{\nu}\bar{\nu}\bar{\eta}\bar{s}.$$

Перед фигурой евангелиста (ср. I) развернута книга:

ΕΝΔΡ	ΟΛΟΓ
ΧΗΗΝ	ΟCΗΝ
ΟΛΟΓ	ΠΡΟCΤΟ
ΟCΚΕ	ΝΘΝ

⁶⁰ Gardthausen V. Griechische Paläographie, Bd. 2. – Leipzig, 1913. – С. 225–241.

εναρ χητην ολογ οσκε ολογ οσην προστο νθν, то есть 'Εν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν...

«Вначале был Логос и Логос был для бога (и бог был Логосом)»⁶¹.

Так же как на предыдущем изображении, размеры текста ограничены пространством. У Дионисия Фурноаграфиота дается более полный текст: «есть 'Εν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, καὶ ὁ Λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ ὁ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος»⁶².

В этой надписи совершенно отсутствуют лигатуры и имеется только одна аббревиатура священного имени

θν(θεόν).

Из групп с «разноформатными» буквами можно отметить только

στο = στο.

Нет в этой надписи также никаких надстрочных знаков, кроме горизонтальной черты над аббревиатурой θν. В орфографическом отношении заслуживает упоминания только ε вместо αι (κε). Следует отметить, что эта надпись своей простотой значительно отличается от надписи на изображении евангелиста Марка (I). Самой выдающейся особенностью этой мозаики является свиток (хартия) в левой руке евангелиста Иоанна, на котором он пишет правой рукой таинственные знаки.

Надпись (если ее можно так назвать) на свитке в руке евангелиста является, вероятно, имитацией греческой тахиграфии⁶³.

Во всяком случае, она должна быть признана «не читаемой». Аналогичный пример имитации унциального письма можно найти на мозаическом изображении апостола Матфея в Сан Витале в Равенне (VI век н. э.).

«Надпись» на свитке евангелиста Иоанна в Софийском соборе выглядит следующим образом:

⁶¹ Мы полагаем, что этот текст, как и всякий священный текст, надо переводить буквально; интерпретация его может быть субъективной. Поэтому мы не берем на себя смелости заменить греческое слово λόγος каким-либо одним из русских соответствий: «речь», «слово», «молва», «основание», «повод», «дело», «мнение», «условие», «счет», «отчет» и т. п.

⁶² Διονυσίου τοῦ ἐκ Φουρνᾶ..., с. 151.

⁶³ Пр. Gardthausen V. Griechische Palaeographie. Bd. 2. –Leipzig, 1913. – С. 270-298 и табл. XII; также миниатюру из евангелия в Британском музее, Burnev 20, л. 226 об., 1285 г ; воспроизведение в книге В. Лазарева «История византийской живописи», т. II, Атлас. – М, 1948, табл. 256а, евангелист Матфей.

Интересно отметить, что рука евангелиста с «каламом» находится не справа от написанной строки, а слева, то есть так, как если бы направление письма было от правой руки к левой («левобежное», а не «правобежное», используя русские кальки немецких терминов «linksläufig» и «rechtsläufig»). Возможно, что здесь это «условное положение», а не воспроизведение обычного направления для сирийского, древнееврейского и арабского письма, хотя знакомство с этими видами письма было бы вполне естественным для ученых греков XI–XII веков н. э.

Для истории греческого письма здесь интересно противопоставление унциального или семиунциального письма священной книги «курсивному» письму на свитке.

Надписи на мозаиках Софии Киевской по своему содержанию (короткие тексты священных книг и собственные имена святых) не дают возможности сделать наблюдения над их языком. Поэтому мы должны ограничиться несколькими замечаниями относительно их орфографии.

1. Немного слов, полностью сохранившихся в конхе центральной апсиды, безукоризненны в орфографическом отношении (например, $\sigma\alpha\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\eta}\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$).

2. Точно так же безупречна орфография обеих надписей на изображении «Евхаристии». Здесь можно обратить внимание только на глагол $\acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$ в обоих случаях с эпентетическим **Н** перед следующим согласным. Такое начертание было вполне обычным еще в эпиграфике эллинистической эпохи.

3. Далеко не безупречными в орфографическом отношении оказываются все прочие надписи на мозаиках, особенно в области собственных имен. Очень далеки от классических образцов начертания слов в текстах евангелистов Иоанна и Марка и в надписях возле архангела Гавриила и девы Марии. Здесь находим написание η вместо **ι**, **ι** вместо η , **ο** вместо ω , **ε** вместо $\alpha\iota$, **υ** вместо $\omicron\iota$.

Все эти особенности орфографии греческих гласных характерны для византийской эпохи, хотя и не могут считаться повсеместными. Они становятся обычными уже в римскую (императорскую) эпоху и сохраняются в течение всей византийской эпохи. Наибольшего распространения «итацизм» достигает уже после X века (отсутствие различия между рядами **ι**, η и **υ**, $\omicron\iota$).

4. Дальше всего от классических образцов отклоняется орфография собственных имен возле изображений отцов церкви и архидиаконов на алтарном полукружии и при медальонах сорока севастийских мучеников:

ср. επηφανηος	вместо	Ἐπιφάνιος,
κλήμης	« »	Κλήμης
νηκολαος	« »	Νικόλαος
+ λαυρεντος	« »	Λαυρέντιος
басηλιος	« »	Βασίλιος
γρηγοριος	« »	Γρηγόριος (наряду с γρηγοριος)
βηβιανος	« »	Βιβιανός
γαιος	« »	Γάϊος
εκδικιος	« »	Ἐκδίκιος
ιωανης	« »	Ἰωάννης
λυσимаχος	« »	Λυσιμάχος
+ κρησπον	« »	Πρίσκο
+ νικαλος	« »	Μίκαλος ²

Все эти отклонения от классической орфографии можно отметить в пределах грекоязычных стран византийской эпохи, хотя там они были характерными для периферии, а в центре, вероятно, представляли единичные исключения в области официальной эпиграфики.

5. Никаких выводов относительно этнической принадлежности составителей и исполнителей мозаичных надписей здесь нельзя сделать.

6. В связи с сопоставлением надписей на изображениях «Евхаристии» Софии Киевской и Михайловского златоверхого монастыря можно согласиться с мнением, что старославянская или старорусская надпись в последнем упомянутом храме была исполнена мастерами, плохо знавшими соответственные языки.

7. В палеографии и орфографии мозаичных надписей Софии Киевской нет таких черт, которые не позволяли бы нам датировать надписи серединой XI века (*terminus post quem*).

⁶⁴ Знаком + отмечены в фономорфологическом отношении видоизмененные имена.

Греческие надписи Ольвии из раскопок 1950–1967 гг., хранящиеся в Киеве¹

Большая часть эпиграфических памятников, о которых здесь идет речь, уже была опубликована (Надписи Ольвии (1917–1965). Л., 1968, № 68, 69, 70, 92, 113, 150, 167, 168, 173, 176, 182, 183). Это была предварительная публикация, в которой сведения о каждом памятнике и комментарии представлены в сжатой форме. Здесь они даются в более развернутом виде. Два из вошедших сюда памятников, с более подробными комментариями, чем в «Надписях Ольвии», также опубликованы в статье «Новые посвятельные надписи Ольвии» (Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 17–22). Однако мы сочли уместным соединить их здесь с другими, близкими им по времени, содержанию и, может быть, происхождению.

Публикуемые здесь памятники, конечно, далеко не равноценны как по своей сохранности, так и тому интересу, который они представляют для истории античной Ольвии, начиная от V в. до н. э. и кончая III в. н. э. Тем не менее, когда эта история зиждется в основном на эпиграфических источниках, мы считаем необходимым не оставлять неопубликованным ни одного из этих источников, каким бы незначительным он ни был, если рассматривать его в отдельности от всех прочих. Таким образом, мы рассматриваем нижеследующие публикации как скромную часть обширного «Корпуса ольвийских лапидарных надписей», в который должны войти все до настоящего времени опубликованные эпиграфические памятники, а также и те, которые еще ожидают своей публикации.

№ 1. Высота 0,185, ширина 0,235, толщина 0,041 м; высота букв 0,01 м. Инвентарь 0/59-924. Полностью сохранившаяся плита белого мелкозернистого мрамора. Найдена в Ольвии во время раскопок 1959 г. на участке Е – 7 кв. 433-3, помещение 0, желто-глинистый слой, на глубине 2,45–2,60 м. Хранится в Институте археологии АН УССР.

¹ Уперше опубліковано в: Ольвія. – К.: Наук. думка, 1975. – С. 92–117.

Лицевая сторона плиты сильно стертая, носит следы повторного использования. Буквы слабо выделяются на поверхности, но текст сохранился полностью и легко читается.

Текст

Транскрипция:

1. Ἀγρότας Διονυσίου
2. τὸν βωμὸν ἀνέθηκεν
3. Ἀφροδίτῃ Ποντίαι
4. ἱερησάμενος
5. καὶ στέφανον Χρυσῶν
6. πέντε.

Перевод:

1. Агрота, (сын) Дионисия
2. (Этот) алтарь посвятил
3. Афродите Понтии,
4. будучи жрецом,
5. и венец (ценой) золотых
6. (в) пять.

Собственное имя Ἀγρότας уже встречалось в опубликованных эпиграфических памятниках из Ольвии. В надписи IPE², I², 189 мы находим братьев Ἀγρότας и Ποσίδεος, сыновей Дионисия, бывшего жреца («жречествовавшего») Аполлона Дельфиния. Эта надпись, очевидно, относится к самому концу IV или началу III в. до н. э. Дионисий, сын Агрота (Διονύσιος Ἀγρότου), упоминается в списке граждан IPE I², 201; II, 27, по времени близком к предыдущей надписи Агроты и Посидея, сыновей Дионисия. Если предположить, что в списке упоминается именно отец этих братьев (Агроты и Посидея), о чем может свидетельствовать отчество Дионисия – сын Агроты, у нас получится такая генеалогическая схема:

Это же имя (Агрота, сын Дионисия) с посвящением Плутону и Коре (Персефоне) мы находим на фрагменте мраморной плиты 0/64–1668 (см. ниже). Следует

² Те саме, що **IOSPE** – скорочення назви публікації давніх написів з Північного Причорномор'я – *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae* (1885-1901) (прим. у поряд.).

отметить, что имя Ἀγρότας до сих пор засвидетельствовано только в Ольвии³. Едва ли это имя по окончанию **-τας** вместо предполагаемого **-της** при нарицательном ἄγρότης (ср. ἄγρότις, ἄγροτήρ, ἄγρότερος можно признать дорийским. Насколько можно судить по имеющимся материалам, дорийские формы общегреческих имен вообще не свойственны ольвийскому ономастикону. Скорее всего, в нем можно усмотреть обратное образование от составного или сложного имени (в данном случае – с многосложным суффиксом). Мы имеем ввиду образования типа упомянутых у Августа Фика и Фрица Бехтеля⁴ собственных имен Πολίτης из Πολίохος и Τεχνίτης из Φιλότεκνος, формально совпадающих с нарицательными πολίτης от πόλις и τεχνίτης от τέχνη). Таким образом, нам представляется наиболее правдоподобным, что собственное имя Ἀγρότας не произведено от известного нарицательного ἄγρότης, а образовано как теофорное от одного из эпитетов (или эпиклез) богини Артемиды: Ἀγρότα, Ἀγροτέρα, Φιλαγρότις, Ενδίαγρος, Ἀγραυλος (ср. также эпитеты других божеств, содержащие эту же основу **αγρο-**: Ἀγραῖος = Ἀπόλλων, Ἀγρεύς = Πάν. Из эпитетов божеств мы остановили свой выбор на упомянутых выше эпитетах Артемиды не только потому, что они сохранились в большем числе сравнительно с соответствующими эпитетами прочих богов, но также потому, что археологические данные (находка скульптурного изображения Артемиды в так называемом доме Агроты во время раскопок 1965 г.) как будто говорят в пользу такого выбора⁵.

При передаче имени Ἀγρότας мы намеренно употребили форму Агрота, а не Агрот, чтобы различить греческие Ἀγρότας и Ἀγρότης.

Во второй строке надписи мы переводим τὸν βωμόν (= τὸν βωμόν) «алтарь», а не «жертвенник», чтобы различить греческие βωμός и ἐσχάρα или римские *altare* (*altarium*) и *ara*, а также в смысле греческого θυτήριον. До сих пор из Северного Причерноморья было известно два эпиграфических памятника с посвящением алтарей: IPE, I², 327 (= IV, 63); IPE, IV, 419⁶.

В настоящее время к ним прибавляются еще два памятника: рассматриваемый здесь и публикуемый ниже (№ 3). Они, очевидно, близкие по времени, а может быть связанные друг с другом и лицом, по указанию которого были изготовлены.

³ В словаре (W. Pape-G. E. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Auflage. Braunschweig, 1911) отмечено только Ἀγρότης, как имя финикийского божества (Филон Библосский, фр. № 8) наряду с двумя прочими от этой же основы Ἀγρός, Ἀγροῦρος. Из имен людей (там же), наиболее близкими к Ἀγρότας являются Ἀγροίτας, Ἰαγρων. В книге по древнегреческой ономастике (A. Fick – Fr. Bechtel. Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt und systematisch geordnet, 2°. Göttingen, 1894) упоминается еще Ἀγρέας и составные Ἀγρολέων, Ἀγρότελης, Λέαγρος, Πολίαγρος, Τηλανδρος, Τίλαγρος, Φίλαγρος. О возможном теофорном характере этого имени – Ἀγρότας см. ниже.

⁴ 2. A. Fick – Fr. Bechtel, Указ. соч.

⁵ О «доме Агроты» см. Л. М. Славин. Здесь был город Ольвия. К., 1967, с. 42–43.

⁶ В надписи I–II вв. н. э. из Фанагории (IPE, II, 342) несколько раз упоминается βωμός в разных сочетаниях, но речь идет не о посвящении. В надписи I в. н. э. из Херсонеса слово βωμός употреблено в смысле μνήμα или σῆμα, что характерно для императорской эпохи и особенно для Малой Азии того времени.

Противопоставление во второй строке τὸν βωμὸν с определенным артиклем καὶ στέφανον в пятой строке без определенного артикля наводит на мысль о том, что плита с надписью Агроты находилась при алтаре или в качестве ἐμβολή в самом алтаре. Возможно, что пятая и шестая строки являются более поздним добавлением, припиской, сделанной рукой того же резчика, который вырезал и все верхние строки. В третьей строке надписи обращает внимание новое подтверждение наличия в Ольвии культа Афродиты – покровительницы мореплавания. Первым свидетельством существования этого культа в Северном Причерноморье было посвящение («подношение») Афродите Эвплοιе Посидея, сына Посидея (ΙΡΕ, Ι², 168), относящееся к I в. н. э. В публикуемой здесь надписи речь идет об Ἀφροδίτῃ Ποντίας. О ее культе на Пелопоннесе (в Гермioniде) есть упоминание у Павсания (II, 34, 11): «Ἀφροδίτης ναὸς ἐστὶν ἐπὶ κλησὶν Ποντίας καὶ Λιμενίας τῆς αὐτῆς, то есть «(там) находится храм Афродиты по прозванию Понтии («Морской») или Лимении («Портовой»).

Связь Афродиты – морского божества Ἀφρογενής, Ἀναδυομένη, Θαλασσία, Ποντία, Πελαγία, Γαληναῖα с божеством мореплавания Φιλορμίστειρα, Εὐπλοῖα или Ευπλοῖα не требует особых объяснений⁷. Насколько нам известно, здесь впервые для Северного Причерноморья античной эпохи мы находим этот эпитет Афродиты. Другой эпитет, характеризующий Афродиту именно как божество мореплавания, можно найти на мраморном цоколе из Пантикапея. На этой надписи в восстановленном виде читаем (ΙΡΕ, II, 25): «...Πανταλέων ναύαρχος Ποσιδῶνι Σωσινέω καὶ Ἀφροδίτῃ Ναυαρχίδι», то есть «Панталеонт наварх Посидону Кораблеспасителю и Афродите Судоначальнице». Если Ἀχιλλεύς Ποντάρχης, очевидно, был ольвийским божеством, неразрывно связанным с Эвксинским Понтом⁸, то этого нельзя сказать об Ἀφροδίτῃ Ποντίας, которая почиталась, как видно из сказанного выше, на берегах Эгейского моря. В четвертой строке причастие аориста среднего залога ἱερῆσάμενος от ἱερᾶσθαι лучше было бы перевести «в бытность свою жрецом», чем «будучи жрецом», но тут мы наталкиваемся на трудности дальнейшего толкования. Само употребление в такого рода посвячительных надписях причастия в прошедшем времени заставляет думать не о пожизненном жречестве, а о временной должности жреца. Кроме того, обращение одного и того же лица (ср. № 1 и 2, а также ΙΡΕ Ι², 189) к различным божествам исключает возможность определить, какому именно божеству служил «жречествовавший», так как жрец, как известно, мог служить только одному божеству⁹. Во всяком случае, Агрота, вероятно, старший сын Дионисия, и его отец Дионисий, судя по ΙΡΕ, Ι², 201; II, 27, сын Агроты, были жрецами в Ольвии III в. до н. э.

⁷ W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1884–1890. I Band. Aphrodite-Göttin des Meeres, с. 402.

⁸ Нелепое название (гидроним) «Эвксинский Понт» освящено традицией. Мы предпочли бы «Гостеприимный Понт» или «Понт Эвксин».

⁹ Ср., например: В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. 2. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1899, с. 45–56.

Сооружение алтаря в честь такого-то божества само по себе должно было считаться благочестивым поступком, но Агрота, сын Дионисия, очевидно, не удовлетворившись этим поступком, решил еще пожертвовать в храм богини золотой венец стоимостью в пять золотых (строки пятая и шестая). Это дополнительное подношение богине не указывает на большую расточительность со стороны жречествовавшего. Достаточно вспомнить декрет в честь Каллиника, сына Эвксена, награжденного венцом в тысячу золотых (IPE, I², 25, IV в. до н. э.), чтобы оценить размеры этого приношения. Очевидно, в таком случае важным являлся сам факт приношения, а не стоимость венца. Едва ли мы можем составить правильное представление о размерах и форме алтаря, посвященного Агротой Афродите Понтии. Если эту мраморную плиту с надписью Агроты считать именно «вставкой» или «вкладкой» (ἐμβολή) в алтаре Афродиты Понтии, то можно предположить, что алтарь был изготовлен из менее ценного материала, чем мраморная вставка, но подтвердить такое предположение вескими доказательствами невозможно. Отметим, что точное определение стоимости венца (и соответственно веса) не часто встречается в посвятительных надписях Северного Причерноморья (ср. στεφανωθήναι αὐτὸν χρυσῷ στεφάνῳ, IPE, I², 25).

В шести строках надписи Агроты, сына Дионисия, всего 81 буква, среди которых встречается 20 знаков греческого (милетского) алфавита. Отсутствуют только ζ, λ, ξ, ψ. Форма знаков напоминает шрифт более или менее точно датированных эпиграфических памятников конца IV в. до н. э. или (и это более вероятно) начала и даже середины III в. до н. э.

Следует отметить очень простую форму **Α** с еле заметными утолщениями опорных наклонных черт, такую же простую форму **Β** с почти одинаковыми дугами и соответствующие им формы **Δ** и **Ρ**. Впрочем **Δ** в верхнем углу обнаруживает заметный апекс. Буква **Ε** характеризуется неравномерностью горизонтальных черт и незначительными их утолщениями на свободных концах. Буквы **Ο** и **Θ** правильной круглой формы занимают примерно три четверти полосы, образуемой рядами прочих букв, и помещаются у ее нижней линии. Буква **Ω**, аналогичная предыдущим, заканчивается внизу горизонтальными черточками с украшающими утолщениями на свободных концах. Горизонтальные черточки завершают не верхнюю половину (верхний сегмент), а верхние три четверти круга, что более характерно для III, чем для IV в. до н. э.

Буква **Κ** имеет правые наклонные черты, равные половине вертикальной черты; они не доходят до верхней и нижней линий буквенной полосы, как в надписях от V–II вв. до н. э. Буквы **Μ** и **Σ** характеризуются укороченными внутренними наклонными черточками сравнительно с внешними. Наклон внутренних черточек приблизительно 45°, а внешних весьма незначителен, делающий их почти параллельными друг другу (в разных знаках в разной степени). Буква **Ν** правую вертикаль имеет короче левой. Заслуживает упоминания также буква **Π**, у которой левая вертикаль равна верхней горизонтали, а правая вертикаль (вдвое короче левой) подвешена не к концу верхней горизонтали, а чуть отступя от нее (в сторону левой вертикали): форма, вошедшая в употребление, начиная с III в. до н. э. У буквы **Γ** горизонталь приблизительно на одну четверть превышает верти-

каль. В букве Υ концы верхнего угла обнаруживают явные утолщения. Наиболее своеобразной оказывается буква Φ, у которой вертикаль не пересекает круг, а разбивает его на два отрезка: более длинный – верхний и более короткий – нижний. Эта особенность заметна в слове Ἀφροδίτη. Все эти палеографические черты позволяют отнести посвятельную надпись Агроты к III в. до н. э.

№ 2. Высота 0,135, ширина верхнего края 0,090, нижнего – 0,100 м, максимальная толщина 0,130, средняя – 0,038 м; высота букв 0,008–0,012 м. Инвентарь 0/64–1868. Фрагмент плиты.

Случайная находка на участке Л в Ольвии во время раскопок 1964 г. Хранится в Институте археологии АН УССР.

На лицевой стороне плиты – фрагмент посвятельной надписи в четыре строки.

Текст

Транскрипция:

1. [Αγρ]ότας
2. [Διο]νυσίου
3. [Πλ]ούτωνι
4. [καὶ]Κόρηι

Перевод:

1. Агрота
2. (сын) Дионисия
3. Плутону
4. (и) Коре.

В первой и второй строках Агрота, (сын) Дионисия, вероятно, то же лицо, которое называется в предыдущей посвятельной надписи (№ 1) и IPE, I², 189. Несомненный интерес для истории Ольвии раннеэллинистического времени представляет посвящение Плутону (третья строка) и Коре (=Персефоне, четвертая строка), то есть θεοῖς χθονίοις или κατὰχθονίοις.

Диада Плутон и Кора выступают на этой надписи, очевидно, как диада именно хтонических богов, властителей подземного мира, но не божеств смерти. Это первое в Северном Причерноморье античной эпохи бесспорное свидетельство о культе этих богов. Упоминание Плутона как бога смерти в стихотворной эпитафии I в. н. э. из Херсонеса, конечно, нельзя считать таким свидетельством (IPE, I², 482; IV, 110).

Ясно, что Агрота, (сын) Дионисия, обращается в своей надписи к Плутону и Коре не как к богам смерти, а как к богам плодородия, каковыми были также Деметра и Дионис. Уже само имя Πλούτων (ср. также Πλουτεύς) вместо зловещего Ἀΐδης, Ἀδης, Ἀΐδωνεύς указывает на божество богатства – плодородия, а не бога смерти. На это же, вероятно, указывает эпikleза Κόρη вместо

Περσεφόνηα, Περσεφόνη, Φερσεφόνη (Фивы). Кора называлась καρποποιός παῖς Δήμητρος («Эврипид», 964) и даже ее имя «Персефона» толковалось как «приносящая богатство» в виде плодов земли: ἡ φέρουσα τὸ ἄφενος τοῦτ' ἔστι τὸν πλοῦτον διὰ τὸν καρπὸν (Гесихий). Плутон и Кора (Ζεύς τε καταχθόνιος καὶ ἐπαινή Περσεφόνηα (Илиада, IX, 457) почитались как боги плодородия, связанные с такой же диадой богинь – Деметрой и Корой (τῷ θεῷ, αἱ δυνάμυμοι θεαί, αἱ Σεμναί, αἱ Πότνια, αἱ Δέσποινα)¹⁰.

№ 3. Высота от верхнего угла аэтомы (фронтон) до нижнего края плиты 0,060 м, ширина по верхнему краю карниза аэтомы 0,225 м, восстанавливаемая ширина по нижнему краю карниза аэтомы 0,298 м, восстанавливаемые размеры внутреннего пространства аэтомы: сторона против верхнего тупого угла (140°) – 0,278 м, стороны против острых углов (20°) – 0,150 м, толщина (средняя) 0,085 м, высота букв 0,011 м, длина горизонтали буквы Г 0,015 м. Инвентарь 0/55–499. Верхняя часть плиты белого (патинированного) мрамора с отбитым левым краем и нижней частью. Первоначально имела форму стелы. Высота плиты предположительно 1,200–1,40 м, ширина 0,300 м, толщина 0,090–0,100 м. Найдена в Ольвии во время раскопок 1955 г. на участке Л, в центре цитадели, в засыпке подвального помещения, содержавшей в основном синхронный материал первых веков нашей эры. Хранится в Институте археологии АН УССР¹¹. На лицевой стороне плиты на внутреннем пространстве аэтомы вырезана рельефная женская головка, черты лица которой, за исключением глаз, плохо сохранились. Под нижним карнизом аэтомы – две строки посвятельной надписи, к сожалению, без имени ее составителя. От третьей строки сохранились только верхушки нескольких букв.

Текст

Транскрипция:

1. ...τὸν ναὸν καὶ τὰ ἔδη
2. ... βωμὸν Γλυκεΐαι ...

Перевод:

1. ... божницу и статуи (сидящих божеств)
2. ... алтарь Гликеей.

В первой строке слово τὸν ναὸν, конечно, можно было бы перевести словом «храм», но мы предпочли слово «божницу» из нижеследующих соображений. Как известно, в древнегреческом языке слову «храм» по содержанию соответствовали такие слова, как ὁ ναός (аттич. νεώς, ион. νηός, эол. ναῦος, τὸ ἱερόν, ион. ἱρόν), τὰ ἄβατα, το ἄδυτον и, до некоторой степени, τὸ τέμενος (ὁσηκός может соответствовать «святая святых» храма τὰ ἱερά τῶν ἱερῶν). Вероятно, греческое ναός правильнее было бы переводить «обитель» (в смысле «дом бога») в том случае, когда оно противопоставлялось τὸ ἱερόν (ср. ἔστι δέ

¹⁰ M. P. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion, I B., 2 Auflage München, 1955.

¹¹ Ср. А. О. Білецький. Дедикація Афродіті з Ольвії. – Іноземна філологія, вип. 17. «Питання класичної філології». Львів, 1968, стр. 19–25.

τοῦ ἐν Βαβυλῶνι ἱεροῦ καὶ ἄλλος κάτω νηός, Геродот, I, 183; ἐν παντὶ ἱερῷ ὅπου ναός ἐστι, γνώμων τοῦ ἰδίου λόγου, 79). Однако и это ναός могло иметь различные смысловые значения: это мог быть Парфенон на афинском акрополе, но также и переносная деревянная божница. Относительно такой божницы ср. у Геродота, II, 63: «а изображение, которое находилось в маленькой деревянной позолоченной божнице, они накануне переносили в другое священное помещение...» и у Диодора Сицилийского, I, 15: «и соорудить храм (ἱερόν) родителям Зевса и Геры значительный по величине и своему убранству, а также две золотые божницы (ναούς) в честь Зевса, большую – Небесного, а меньшую правителя и отца их, называемого некоторыми Аммоном; изготовить также и прочих из названных богов золотые божницы, и каждому из них воздавать почести и поставить на служение им жрецов...». Само собой разумеется, мы не знаем, в каком именно смысле в данной посвяtitельной надписи употреблено «τὸν ναόν», но мы можем предположить, что речь шла о здании небольших размеров. Это предположение согласуется с дальнейшим толкованием сохранившегося фрагмента надписи.

Значительный интерес представляет в этой же первой строке упоминание ο τὰ ἔδη. Это слово (в единственном числе τὸ ἔδος) в первоначальном смысле то же, что ἔδρα (место для сидения, скамья, кресло; в переносном смысле также место жительства, жилище и т. п.), а затем стало обозначать сидящую статую божеств¹². Вероятно, кроме сидящей статуи божества, этим словом обозначали и вообще всякую статую божества и даже (более распространенную) стоящую. Такое смысловое значение заметно уже у Софокла («Эдип-тиран», 884–885):

«Δίκας ἀφόβητος οὐδὲ
δαίμόνων ἔδη σέβων»,

то есть «не боящийся (богини) справедливости и не уважающий изображений божеств». В таком же общем смысле у аттических ораторов и у Павсания¹³.

Таким образом, и в публикуемой здесь надписи τὰ ἔδη (число их не определяется), вероятно, обозначает «статуи богов» (ἁγάλματα) в любой позе и не обязательно «сидящую статую». Единственная возможность определить, какое именно божество изображали эти τὰ ἔδη заключена в правильном толковании эпитета или эпikleзы во второй строке: ΓΛΥΚΕΙΑΙ.

На одно уточняющее обстоятельство, очевидно, указывает τὰ ἔδη, а именно на то, что в надписи речь идет о статуях богов из какого-то ценного материала (мрамора или бронзы), а не о терракотовых статуэтках. Так же как в посвяtitельной надписи Агроты, сына Дионисия (№ 1), здесь сказано о посвящении алтаря (вторая строка). Можно предположить, что во второй строке перед словом βωμόν тоже стояли союз и артикль: [καὶ τὸν] βωμόν Γλυκεία]. Как ни оценивать

¹² Ср. «seated statue of a god». Greek-English lexicon by Liddell and Scott (New edition by St. Jones and R. McKenzie. Oxford, 1948).

¹³ Исократ, IV, 155: τὰ τῶν θεῶν ἔδη καὶ τοὺς νεώς; Ликург, 143: τοὺς νεώς καὶ τὰ ἔδη καὶ τὰ τεμένη; Павсаний, VIII, 46, 2: ἀναθήματα καὶ ἔδη θεῶν ἀπάγεσθαι.

βωμὸς, ναός, ἔδη, ясно, что в целом это очень крупное «приношение», а поэтому и ГЛУКЕΪΑ должна быть не простой смертной, а важной для древней Ольвии или вообще для эллинского мира богиней. Но тут мы наталкиваемся на главную загадку этого эпиграфического памятника: если храм, статуи и алтарь посвящаются богине с эпитетом ГЛУКЕΪΑ, кто же такая эта богиня?

Древнегреческое прилагательное γλυκύς, γλυκεῖα послужило основой образования многих собственных мужских и женских имен. Такими были имена ГЛУΚΥς и ГЛУКЕΪΑ, ГΛΥΚος и ГΛΥΚη, ГΛΥΚερος, ГЛУКέρα, ГЛУКέριος, ГЛУКερία, ГЛУКέριον (имя гетеры), ГΛΥΚων и ГЛУΚωνίς, ГЛУΚία, ГЛУΚῖνος, ГΛΥκιννα, ГЛУΚώνιος (ГΛΥΚων).

Наряду с прилагательными γλυκύς, -εῖα с гомеровских времен употреблялось также синонимичное ему γλυκερός. С ним связана интересная надпись на одной ониксовой камее (вероятно, из Малой Азии), где изображены Кибела, Артемиды Эфесская, Гера и Корибанты: Ὁμόνοια τῶν γλυκερωτέρων θεῶν, то есть «Единомыслие (согласие) милейших богов»¹⁴. Эта надпись свидетельствует о том, что каждую из представленных на камее богинь можно было называть γλυκερωτέρα. Из литературных памятников ясно, что γλυκύς, γλυκεῖα с их степенями сравнения и некоторыми производными употреблялись как ласковые или фамильярные обращения (ср. у Аристофана «Ахарняне», 462; «Экклесиасты», 124).

Эпитет γλυκεῖα в одном из фрагментов Сапфо (90): γλυκῆα μάτερ является, очевидно, обращением дочери к матери, в котором говорится о βραδινᾶν δι' Ἀφροδίταν¹⁵. «Медосладкой» называется Афродита в Гомеровском гимне (V, 19): Χαῖρ', ἑλικοβλέφαρε, γλυκυμελίχε... Конечно, эпитет γλυκεῖα мог применяться и в качестве эвфемизма. Например, слепой Эдип обращается к Эвменидам (Софокл, Эдип в Колоне, 206): ἴτ', ὦ γλυκεῖαι παῖδες ἀρχαίου Σκότου...

Кроме двух эпиграфических памятников (IPE, I², 168, вероятно, I в. н. э. и первое посвящение Афродите Понтии, очевидно, III в. до н. э.), о существовании культа и святилища какой-то Афродиты в Ольвии свидетельствуют многочисленные терракотовые статуэтки и графито на фрагменте чернолакового сосуда (инвентарь 0/47–5190): Ἀβάτα Ἀφροδίτης. Конечно, наше предположение о том, что ГЛУКЕΪΑ в публикуемом здесь памятнике является эпитетом или эпikleзой Афродиты, не подкрепляется имеющимися в нашем распоряжении эпиграфическими или литературными данными, но мы останавливаемся на нем за неимением лучшего¹⁶.

Третья строка надписи сохранилась настолько плохо, что на ней невозможно восстановить ни одного слова. Таким образом, мы не знаем, читалось ли

¹⁴ V. Lazari. Notizia delle opere d'arte e d'antichità della Raccolta Correr di Venezia, 1859, с. 110, N 423. Здесь цитируется по словарю W. H. Roscher. Указ. соч.; W. Pape-Benseler. Указ соч.; A. Fick-Fr. Bechtel. Указ. соч.

¹⁵ Лесбийское ραδινά = ραδινή «гибкая, стройная, изящная, нежная» и т. п.

¹⁶ А. Н. Карасев и Е. И. Леви. Ольвийская агора. – СА, 1958, № 4, с. 139; G. M. Hirst. The cults of Olbia. Ольвийские культы. – ИАК, вып. 27. СПб., 1908, с. 107–112. СА – сокращения назви журналу «Советская археология» (прим. упоряд.).

Γλυκεῖα как имя (эпikleза богини) или как эпитет при имени. Хотя в надписи буквы располагались не в порядке στοιχῆδόν на пространстве третьей строки, под двумя верхними строками могло помещаться около 14 букв (в первой строке – 15, из них одна ι, во второй – 13, из них две ι). Теперь из них можно различить: – – – Γ – – ΚΟ или ΩΣ – – – – –. Простой арифметический расчет показывает нам, что в первоначальном своем виде ширина строк равнялась примерно 0,290 см. На правой половине строк (ширина 0,145 см) помещается 10 – 11 букв. Следовательно, примерно столько же должно было помещаться и на левой половине. Во второй строке перед словом βωμόν могло быть не больше чем καὶ τὸν (или τὸμ). Тогда естественно возникает вопрос, что же могло быть в первой строке перед τὸν ναόν? Для имени и отчества какого-либо частного лица или магистрата там слишком мало места (5-6 букв). Очевидно, в начале первой строки могло находиться ὁ δῆμος (ср. IPE, I², 187, 188). Тогда две верхние строки могут читаться:

1. [ὁ δῆμος] τὸν ναόν καὶ τὰ ἔδη
2. [καὶ] τὸν βωμόν Γλυκεῖα...

Таким образом, из всего первоначального текста в надписи сохранилось 28 знаков, всего 15 букв греческого (милетского) алфавита (αβγδεηκλμνοτυω). Своей формой эти буквы близки лапидарным шрифтам конца IV – начала III вв. до н. э. Несколько лет тому назад Т. Н. Книпович обратила наше внимание на сходство шрифта публикуемой здесь надписи с известным ольвийским декретом в честь Протогена, сына Геросонта (IPE, I², 32). В целом этот шрифт характеризуется относительной простотой форм и слабым развитием апексов и утолщений, отсутствием украшающих черточек. Заслуживают упоминания буквы **κ, μ, ν, ο, ω**. Буква **Κ** имеет наклонные черточки величиной в половину вертикали. Буква **Μ** отличается «нависанием» концов верхнего угла над вертикальными слегка наклонными внутрь черточками: форма характерная для III в. до н. э. У буквы **Ν** правая вертикаль внизу короче левой. Буквы **Ο, Ω** примерно на одну треть по вертикали короче прочих букв и приподняты к верхней линии буквенной полосы.

№ 4. Средняя высота лицевой стороны 0,160 м. Максимальные высота всего фрагмента 0,200 м и ширина (третьей строки) 0,502 м (на уровне пятой строки) 0,401 м. Высота букв 0,114 м, средняя ширина 0,114 м.

Инвентарь 0/63–1360. Обитая со всех четырех сторон суживающаяся книзу мраморная плита с желтоватой патиной. Найдена в Ольвии, в Нижнем городе во время раскопок 1963 г. Хранится в Институте археологии АН УССР.

На лицевой стороне плиты сохранилось шесть строк надписи:

Текст

Транскрипция:

1. ... ΟΝΟΣΑ
2. ... ΕΩΣΕΡ ...
3. ... Σ(?)ΙΟΣ ΑΓΧΙ...

4. ... PONTΩ ...
5. .. ΣΩΣΟΥ ...
6. ... ΥΝΤΟΣ

В первой строке буквосочетание – ΟΝΟΣΑ может быть частью собственного имени (композиата) с финальной основой **-γονος** в именительном падеже (Ἀριστόγονος, Πρωτόγονος, или же **-πόνος** (Εὐπονος, Λυσίππονος, Φλόππονος), а также некоторых других. Не исключается и родительный падеж имен третьего склонения типа εὐδαίμων, εὐδαίμονος и т. п. Если первое предположение не лишено основания, тогда **Α** могла бы оказаться первой буквой патронима (Ἀπολλωνίου). Во второй строке буквосочетание – ΕΩΣ может быть родительным падежом какого-то собственного имени (патронима?) с суффиксом **-ευς**¹⁷.

В таком случае следующие **ΕΡ** были бы началом какого-то другого собственного имени (Ερμίππος). В третьей строке, если первая (сохранившаяся только отчасти) буква **Σ** буквосочетания ΣΙΟΣ, то она, скорее всего, является окончанием собственного имени Διονύσιος. Следующее за ним буквосочетание ΑΓΧΙ, вероятно, является инициальным компонентом одного из имен в родительном падеже: Ἀγχιάλου, Ἀγχιμόλου, Ἀγχιτύλου и им подобных. Буквосочетание PONTΩ, если оно относится к одной словоформе, могло оказаться фрагментом причастия настоящего времени действительного залога в родительном падеже множественного числа, вроде φερόντων. Сочетание ΣΩΣΟΥ можно рассматривать как патроним: родительный падеж собственного имени Σῶσος (ср. простые Σῶσων, женское Σωσώ и составные Σωσαγόρας, Σώσανδρος, Σώσαρχος, Σωσικράτης, Σωσίμαχος и т. п.). В шестой строке буквосочетание ΥΝΤΟΣ, очевидно, было окончанием причастия настоящего времени (можно было бы ожидать окончания причастия аориста) действительного залога слитного глагола, например, ὑπηρετοῦντος εὐαρίστως (ср. ΙΡΕ, Ι², 107, или εὐαρέστως, ср. ΙΡΕ, Ι², 120).

Если все эти догадки не лишены оснований, то данный эпиграфический памятник можно определить как посвятельную надпись ольвийских магистратов (titulus dedicatorius).

Шрифт надписи – вычурный, с апексами и украшающими черточками. Всего сохранилось в шести строках 33 буквы (первая в третьей строке сильно повреждена), из них всего 12 букв греческого (милетского) алфавита: **α, γ, ε, ι, ν, ο, ρ, σ, τ, υ, χ, ω**. Заслуживают упоминания формы **Α, Ν, Σ, Ω**. Буква **Α** с изломанной перекладной и большими апексами над верхним углом. У буквы **Ν** перекладина начинается от середины левой вертикали и спускается до нижнего конца правой вертикали (шестая строка), но в первой и четвертой строках эта перекладина начинается не от середины левой вертикали, а ближе к верхнему ее концу. Буква **Σ** характеризуется украшающими «развилками» на концах параллельных верхней и нижней горизонталей и такой же «развилкой» на конце тупого угла изломанной горизонтали, которая отличает ее от **Ε**. Буква **Ω**, занимающая полный квадрат

¹⁷ F. Dornseiff und B. Hansen. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin, 1957, с. 299–306.

(от верхней до нижней линий буквенной полосы) и в отличие от **Ο** (правильного круга) «полустрочного» размера (в большинстве строк кроме первого **Ο** первой строки), характеризуется наличием высокой «шеи» (параллельных вертикалей) и длинных «плеч» с украшающими «развилками» на внешних концах. Этот шрифт, вероятно, относится к I в. до н. э.

№ 5. Средние высота 0,053, ширина 0,001 м, максимальная толщина 0,061 м; высота букв 0,20, ширина 0,014 м.

Инвентарь 0/59–794. Обломок (цоколя?) желтоватого крупнозернистого (патинированного) мрамора неправильной формы. Найден в Ольвии во время раскопок 1959 г. Участок Е-6, кв. 454–20, помещение «Н», желтоглинистый слой с вкраплениями сероглинистого, на глубине 1,450–2,200 м. Хранится в Институте археологии АН УССР.

На лицевой стороне обломка хорошо сохранились в верхней строке четыре буквы.

Текст

Транскрипция:

Εὐρη[σίβιος].....

Перевод:

...Гевресибий (или Эвресивий)

Имя Εὐρησίβιος, очевидно, было очень распространенным в аристократических кругах Ольвии (архонты и жрецы) на протяжении нескольких веков. Публикуемый здесь эпиграфический памятник служит еще одним подтверждением его широкого распространения¹⁸.

Сохранившиеся на этом мраморном обломке четыре буквы дают основание отнести надпись к концу IV или началу III в. до н. э. Возможно, надпись была сделана на цоколе (базе) статуи.

№ 6. Высота 0,095, ширина 0,070, толщина 0,050 м; высота букв (Τ) 0,30 м, ширина (Τ) 0,025 м. Инвентарь 0/64–1084. Случайная находка в Ольвии на участке, Е–6. Хранится в Институте археологии АН УССР. Публикуется впервые. Фрагмент белого мрамора неправильной формы, обитый со всех сторон.

На лицевой стороне фрагмента сохранились две крупные буквы.

Текст

Транскрипция:

--ΤΥ--

Возможно, перед нами осколок известной формулы (Bonī Eventus apprecatio vel invocatio): Ἀγαθῇ Τύχῃ «богине счастливой судьбы». В таком случае дальше должен следовать прескрипт какого-то декрета. Палеографические данные слишком скудны для хронологического определения этого памятника.

¹⁸ Ср. А. А. Белецкий. Греческая надпись на базе статуи из Ольвии. – ВДИ, 1955, № 2, с. 180–191.

№ 7. Средняя высота 0,145, ширина 0,250, толщина 0,130 м; высота букв (Е) 0,014, ширина (0) 0,013 м. Инвентарь 0/60–609. Найден в Ольвии во время раскопок 1960 г. на участке Е-7, кв. 517, к югу от стены 169, в желтоглинистом слое, на глубине от 1,100 до 2,500 м. Хранится в Институте археологии АН УССР. Фрагмент крайнего (верхнего или нижнего) барабана колонны крупнозернистого мрамора с каннелюрами. Носит следы огня. На стесанной стороне нацарапана надпись. Сохранились фрагменты шести строк.

Текст

Транскрипция:

1. ΟΥΠΑ – ΟΔΙΟΣ.....
2. ΝΚΟΙ στέφα[νον].....
3. ἔθεσαν Ἀπόλλ[λωνι]
4. ΤΩΝ – – Μ – Α – – . .
5. ΟΣ Ἀπόλλ[λωνος?]. ....
6. ΥΣ – – – – ΣΜ.....

Судя по словосочетанию (2–3) στέφα[νον[... ἔθεσαν Ἀπόλλ[λωνι] ..., на стесанной стороне барабана была нацарапана посвятельная надпись, в которой речь шла о посвящении богу Аполлону золотого венца. Возможно, что в несохранившихся частях строк стояли собственные имена, но едва ли это были имена крупных магистратов (например, архонтов или стратегов), так как этому противоречит неофициальный характер надписи: она нацарапана, а не вырезана, расположение букв в общем довольно беспорядочное, величина их различна, буквенные полосы неровные и т. д. Против официального характера надписи говорит и небрежное вторичное использование первоначального фрагмента колонны. Хотя в надписи, по-видимому, дважды упоминается Аполлон, она, вероятно, не имеет ничего общего по времени и характеру с официальными ольвийскими надписями с посвящениями Аполлону Простату (ср. IPE, I², 80–115). Обращает на себя внимание форма глагола τίθημι или вернее – ἀνατίθημι в третьей строке: [ἀν]ἔθεσαν (3 лицо множественного числа аориста актива) вместо обычного для эллинистическо-римской эпохи: ἀνέθηκαν. Несомненно, классическая форма ἀνέθεσαν является более древней, чем аналогичное новообразование ἀνέθηκαν (по образцу ἀνέθηκα и прочих форм единственного числа). Не исключено, что одна эта форма ἀνέθεσαν может служить основанием для отнесения надписи к V в. до н. э., о чем, вероятно, свидетельствует и достаточно простой шрифт надписи. Для более точного определения времени и содержания надписи непреодолимым препятствием являются ее фрагментарность и плохая разборчивость (стертость) букв. Очевидно, надпись была нацарапана на плохо отполированной поверхности, что привело к некоторому искажению форм букв. Несмотря на относительную полноту первой строки, не представляется возможным убедительно восстановить ее. Во второй строке затруднительным (если оно правильно прочтено) оказывается буквосочетание ... ΝΚΟΙ вместо ... ΓΚΟΙ, например опатив 3 лицо единственного числа ἐνέγκοι (?). В пятой строке ... ΟΣ ΑΠΟΛΛ ... можно предполагать сочетание вроде: [ἐο[ός] Ἀπόλλ[λωνος] «посвященный Аполлону», но остается

неясным, как это связывается с предшествующим текстом. Таким образом, датировка и восстановление содержания надписи, находящейся на грани с собственно лапидарными надписями и graffiti, остаются неясными.

№ 8. Максимальные высота 0,180, ширина 0,163 м, средняя толщина 0,090 м; высота букв (Р) 0,023, ширина 0,016 м. Инвентарь (0)61–1103. Найден в Ольвии во время раскопок 1961 г. на участке Е–6, у водостока № 219, в кв. 534 (возле западного края квадрата), на глубине 0,80 м (в описи: зачистка каменной перегородки лестничной кладки в подвале № 1).

Хранится в Институте археологии АН УССР.

Фрагмент известняковой плиты неправильной формы, обитый со всех сторон. На лицевой стороне концы двух строк надписи.

Текст

Транскрипция:

1. ....ΤΡΟΣ
2. ....ΚΟΥ

Если в первой строке окончание личного собственного имени, а во второй – патронима, то здесь речь идет о надгробной надписи (titulus sepulcralis). В первой строке могло быть одно из составных имен со вторым компонентом **-патрос**, например, Ἀντίπατρος, Κλεόπατρος, Μετάτρος, Σώπατρος, Σωσίπατρος¹⁹.

Определить патроним с окончанием родительного падежа **-κου**, конечно, не представляется возможным²⁰.

Краткость надписи (имя и патроним?), вероятно, говорит о классической эпохе, но формы букв, насколько их можно установить и восстановить, свидетельствуют (так же как и орфография **-ΚΟΥ** вместо более древнего **-ΓΚΟ**) о более позднем времени (IV–III вв. до н. э.).

№ 9. Средние высота 0,128, ширина 0,120, толщина 0,054 м; высота букв 0,033, ширина (Ο, Υ) 0,023 м. Инвентарь 0/54–3052.

Хранится в Институте археологии АН УССР. Фрагмент белого сильно патинированного мрамора неправильной ромбической формы. На лицевой стороне его сохранилось три строки надписи. Верхняя сильно повреждена и не восстанавливается.

Текст

Транскрипция

1. -----.....
2. ΝΙΟΥ.....
3. – ΩΝ.....

¹⁹ См. F. Dornseiff und B. Hansen. Указ. соч., с. 282–283; Т. Н. Книпович (Надписи Ольвии (1917–1965), № 167, с. 116) считает, что на основании палеографических данных эту надпись, находящуюся на грани между собственно лапидарным письмом и graffiti, можно датировать V в. до н. э.

²⁰ Т. Н. Книпович. Указ соч., с. 248 (-ακος), с. 255 (-ωκος).

Во второй строке, очевидно, сохранилось окончание какого-то патронима вроде: Ἀπολλωνίου, Ποσειδωνίου, Πολυχρονίου, Πολυμνίου, Νουμηνίου и т. п. Буквы **Ο**, **Υ**, **Ω** говорят о принадлежности надписи к III в. н. э. Характерны ромбическая форма **Ο** и форма **Ω** в виде перевернутого **М** с параллельными вертикалями, **Υ** буквы **Υ** хорошо заметна горизонтальная украшающая черточка, перечеркивающая вертикаль возле верхней «развилки». Определить характер надписи не представляется возможным.

№ 10. Максимальные высота 0,160, ширина 0,105, толщина 0,018 м; высота букв 0,023, ширина (Т) 0,020, (Α) 0,023 м.

Инвентарь 0/59–0–351. Найден в Ольвии во время раскопок 1960 г. на участке Е–6, кв. 456с, в слое вымостки на глубине от 0,300 до 0,700 м. Хранится в Институте археологии АН УССР.

Плоский фрагмент серого шпата (?) неправильной формы, с частично сохранившимися верхним и правым краями, нижний и левый края отбиты. На верхнем краю сохранился как бы остаток шарнира с отверстием для металлического стержня. Лицевая сторона разделена на строки глубоко врезанными тремя параллельными горизонтальными линиями. Средняя и нижняя линии у правого края заканчиваются правильными кружками (буквами **Ο**?), может быть, имеющими орнаментальное значение. Между средней и нижней линиями четко вырезаны четыре буквы. Между верхней и средней линиями, возле левого разлома, сохранился кончик вертикальной черты (какой-то буквы?). Расстояние между параллельными горизонтальными линиями 0,045 м.

Текст

Транскрипция:

- 1.
2. ...–**Ο** (?)
3. ...
4. ...–**Ο** (?)

Насколько мы можем судить, этот памятник не имеет аналогий в Северном Причерноморье, а может быть и вообще в античном мире²¹. Если догадка относительно того, что кусочек после букв **ΡΑΤ** надо понимать как букву **Ο**, является основательной, то возможно, между второй и третьей линиями сохранилось окончание личного собственного имени (в родительном падеже, может быть, патроним?) Никерат, соответственно: [Νικη]ράτου²².

²¹ Скорее всего, речь идет о вторичном использовании древнего эпиграфического памятника в качестве игровой доски для какой-то игры, вроде распространенной на Ближнем Востоке и на Балканском п-ове игры в нарды: Ср. Ino Michaëlidou-Nicolaou. Table à jeu de Dhékélia (Chypre). «Bulletin de Correspondance hellénique», LXXXIX, 1965, 1, с. 122–127. Для tabula lusoria характерны глубоко врезанные параллельные горизонтальные линии.

²² Ср. IPE, I2, 183, 191, 201 или с орфографией более позднего времени Νεκίρατος, IPE, I2, 34, 39, 84, 134, 169, 227.

Наличие в родительном падеже имени Νικήρατος буквы **Ο** вместо дифтонга **ΟΥ** могло бы указывать на V или начало IV в. до н. э., но для такой датировки не хватает ни палеографических, ни археологических фактов.

Прямые параллельные линии свидетельствуют, очевидно, о вторичном использовании этой каменной плиты.

№ 11. Максимальная высота 0,140 м, ширина лицевой стороны с надписью 0,040 м, максимальная с тыльной стороны – 0,140 м, толщина 0,065 м; высота буквы (Ε) 0,013, ширина (Ε) 0,007, (Π) 0,009 м. Инвентарь 0/63–1297.

Хранится в Институте археологии АН УССР. Фрагмент известняковой плиты неправильной формы, обитый со всех сторон. На лицевой стороне остатки пяти строк сильно поврежденной надписи. Поверхность лицевой стороны деформирована, буквы сильно стерты, читаются с трудом.

Текст

Транскрипция:

1. ———ΕΛ(Α? Δ?)
2. Π(?)—Π —.....
3. ΟΤΑΣ
4. (???) Α.....
5. — ΓΗ.....

Единственное, что поддается вероятному восстановлению, это личное собственное имя в третьей строке [Ἀγρ]ότας (ср. № 1 и № 2). Это имя для античной Ольвии такое же распространенное, как, например, Гевресибий. Наличие в надписи имени Αγροτα могло бы указывать на посвятельный характер надписи, но из-за плохой сохранности текста нельзя настаивать на этом предположении. Плохая сохранность отдельных знаков не позволяет хотя бы приблизительно датировать этот памятник.

№ 12. Максимальные высота 0,115, ширина 0,100, толщина 0,055 м; высота букв 0,030, ширина (Ν) 0,023, ширина (Ε) 0,015 м.

Инвентарь 0/64–65. Хранится в Институте археологии АН УССР. Фрагмент белого мрамора неправильной формы. Часть левого края срезана по грани. Ширина среза 0,017 м. Мрамор средней зернистости, сильно патинирован. На лицевой стороне сохранились остатки надписи: в первой строке две буквы и незначительный фрагмент третьей, три буквы во второй строке и неопознаваемые остатки букв в третьей.

Текст

Транскрипция:

1. ΕΝ — .....
2. ΝΕΩ .....
3. ....

Этого текста, конечно, слишком мало для того, чтобы сделать вывод о характере и содержании надписи.

Судя по форме букв (ср. № 12, Ω), надпись можно отнести к императорской эпохе (III в. н. э.).

№ 13. Максимальные высота 0,095, ширина 0,105, средняя толщина 0,055 м; высота букв верхней (первой) строки (Ε) 0,020, ширина этой же строки (Ε) 0,013 м; высота букв прочих трех строк (Ο) 0,006 м, ширина (Ο) такая же, как В.

Инвентарь 0/64–273. Фрагмент неправильной формы белого мелкозернистого мрамора. Найден в Ольвии во время раскопок 1964 г. Хранится в Институте археологии АН УССР.

На лицевой стороне – остатки какого-то списка имен, всего четыре строки, из которых в верхней строке буквы втрое больше букв трех нижних строк.

Текст

Транскрипция:

1. [.....Λ?] Ε [Ω? .....]
2. ....ΔΟΥ Σ .....
3. ....ΟΡΟΣ .....
4. ....ΥΟΣ .....

Если в верхней строке сочетание (Λ) Ε (Ω) относится к первому (инициальному) компоненту какого-то составного имени, то это имя могло быть, например, Λεωκράτης, ср. № 16. Во второй строке ΔΟΥ, очевидно, было окончанием какого-то патронима типа имен с суффиксами -άδης, -είδης, -ίδης. Буквосочетание -ορος, очевидно, также заключительная часть составного имени²³.

Наибольший интерес представляет здесь окончание -υος в четвертой строке. Оно может быть патронимом в родительном падеже одного из парокситонированных прилагательных, вроде: Ἦδυσ < ἡδύς, ἡδέος, ср. ΙΡΕ, II, 94: Θάγυος²⁴.

Палеографические данные позволяют отнести этот памятник к концу IV – началу III вв. до н. э.

№ 14. Максимальные высота 0,130, ширина 0,140, толщина 0,070 м; высота букв 0,020, ширина (Τ, Π, Η) 0,010 м. Инвентарь 0/52–2089. Описи нет в архиве. Хранится в Институте археологии АН УССР.

Фрагмент неправильной формы из желтоватого (патинированного) мрамора, обитый со всех сторон. На лицевой стороне – крупными четко вырезанными буквами надпись из пяти строк сильно поврежденных по краям. Вероятно, обломок ольвийского декрета (может быть – titulus honorarius).

Текст

Транскрипция:

1. [... πολ]λὰ ὑπὸ τῆς φ ....
2. ... αὐξηθεὶς ἐξ .....
3. ... ν τοῦ γένους ἐ[.....

²³ F. Dornseiff und B. Hansen. Указ. соч., с. 281 (-ορος), :τρ. 282 (-χορος)

²⁴ А. О. Білецький. Про власні імена з ольвійських написів.– Археологія, т. XI. К., 1957, с. 21–34.

4. ...πα]τρίδι εὖ .....

5. — — — — — τῶν — — — — — ...

Хотя на основании сохранившегося фрагмента первоначального текста не представляется возможным восстановить его, судя по словам αὐξηθεῖς, τοῦ γένους, πατρίδι здесь сказано о награждении кого-то или представлении кому-то прав и т. п. К сожалению, не сохранилось даже никакого намека на собственные имена.

Следует отметить, что причастие аориста пассива от глагола αὐξῶ или αὐξάνω, кроме «увеличенный, увеличившийся, приумноженный, возросший, возвысившийся, ставший знаменитым, возвеличенный, прославленный» и т. п. могло обозначать также «удостоенный, тот, кому оказаны почести» (= τιμηθεῖς, ἀξιωθεῖς).

После слова πατρίδι в четвертой строке можно предполагать наличие каких-то форм εὐεργετεῖν (εὐεργετήσας), εὐεργέτης и т. п. С третьей строкой этой надписи можно сравнить IPE, I², 56, где «ἐποίησεν ἀξίως τοῦ γένους».

Из 24 знаков греческого (милетского) алфавита в надписи представлено 18 (отсутствуют β, ζ, κ, μ, χ, ψ) при общем количестве сохранившихся полностью знаков 37. В первой строке имеется трехбуквенная лигатура ΤΗΣ. Шрифт надписи простой (без украшающих черточек, апексов и утолщений). Знаки продолговатые, вытянутые в вертикальном направлении. Буквы Ο и Θ ромбические. Буква Ξ имеет волнистую вертикаль, соединяющую верхнюю и нижнюю горизонтали. Буква Π характеризуется равными вертикалями. Прямоугольные буквы Σ и Ε отличаются наличием у последней средней горизонтали. Обращает на себя внимание форма буквы Ν: ее наклонная внутренняя черта начинается на середине левой вертикали и опускается к нижнему концу правой вертикали. У буквы Υ верхняя развилка начинается выше середины, ближе к верхнему краю буквенной полосы. В первой и второй строках у этой буквы как-будто заметна у верхней развилки поперечная украшающая черточка, в третьей строке она явно отсутствует. Характерна угловатая форма буквы Ω в виде перевернутого вверх ногами М с параллельными вертикалями. Изломанный под прямым углом внутренний штрих доходит только до середины вертикальных черт. Омега в пятой строке, очевидно, соединялась с Ν, образуя двухбуквенную лигатуру. Наличие лигатур и совокупность особенностей этой «безымянной» надписи указывает на принадлежность ее ко времени не раньше II в. н. э. и даже – к III в. н. э. Орфография ее не отклоняется от классической нормы.

№ 15. Средние высота 0,110, ширина 0,068, толщина 0,037 м; высота букв 0,010, ширина (Τ, Π) 0,013 м.

Инвентарь 0/52–2064. Пять склеенных обломков слабо патинированного мелкозернистого мрамора. Хранится в Институте археологии АН УССР. Публикуется впервые.

На лицевой стороне плиты сохранилось четыре строки (почти полных!) надписи. В нижней части фрагментов – трехполосный карниз.

Текст

Транскрипція:

1. Ὁ δῆμος
2. ὁ Ολβι—
3. οπο—
4. λειτῶν

Перевод:

1. Народ
2. Ольви—
3. опо—
4. литов.

Очевидно, текст на этом фрагменте сохранился полностью, за исключением одной буквы **Σ** в первой строке и левой наклонной черты буквы **Λ** в четвертой. Прямых аналогий этого памятника мы не знаем. Можно предположить, что приведенный выше текст имел какое-то продолжение под нижним карнизом, хотя это было бы необычным в античных эпиграфических памятниках. Едва ли также возможное продолжение надписи (сказуемое и собственное имя) могло размещаться в виде правого столбца, отделенного простым пробелом от сохранившегося левого столбца. Остается предположить, что пространство между левым столбцом и предполагаемым правым было чем-то заполнено, например изображением венка²⁵. Из первоначального текста сохранилось всего 19 букв, среди них 12 знаков греческого (милетского) алфавита (**β, δ, ε, η, ι, λ, μ, ν, ο, π, τ, ω**). Они характеризуются апексами и украшающими черточками. Можно отметить букву **Ο** — правильный круг такой же величины, как и все прочие знаки, **Ω** почти такой же круг, слегка разомкнутый внизу с двумя довольно длинными горизонтальными с украшающими закраинами. У буквы **Μ** слегка наклонены вертикали. У **Β** нижняя дуга больше выступает вправо сравнительно с верхней. Буква **Π** имеет (верхнюю) горизонталь, нависающую с обоих краев над вертикалями, правая вертикаль у нее вдвое короче левой. Эти особенности шрифта позволяют отнести надпись к концу I в. до н. э. или к его началу.

№ 16. Максимальная высота 0,1605 м, ширина верхнего фрагмента 0,078, нижнего 0,1102 м, толщина обоих фрагментов 0,034 м; высота букв 0,010, ширина (средняя) 0,010 м. Инвентарь 0/52–2375 + 0/52–3375. Два склеенных фрагмента мраморной сильно патинизированной и кальцинированной плиты. Хранится в Институте археологии АН УССР.

На лицевой стороне фрагментированной плиты сохранилось семь строк декрета о предоставлении кому-то проксении, политике, ателии, права въезда в порт и выезда из порта в мирное время и во время войны без договора и конфискации имущества. Ср. IPE, I², 20, 21, 22, 23, 27, 28. Левый край плиты сохранился возле четырех нижних строк (4–7). Седьмая строка, очевидно, была последней. Первой

²⁵ Ср J. Kirchner und G. Klaffenbach. *Imagines inscriptionum Atticarum*: Berlin, 1948, № 134 (40/1 – 53/4 н.э.); JPE, I2. 198.

строке должно было предшествовать еще несколько строк, вроде прескриптов упомянутых выше декретов (20, 21, 27). Расположение букв *στοιχηδόν* с некоторыми отклонениями.

Текст

Транскрипция:

1. --- IE----- .....
2. HNΩNA----- .....
3. ἡ αὐτὸς [ἡ—θερά]
4. πων καὶ [εἰσπλουν καὶ]
5. ἔκπλο[υν-----]
6. καὶ πολέμ[ου καὶ εἰρήνης, ἀσυλεῖ]
7. καὶ ἀσπονδ[εῖ].

Перевод:

3. «...или он сам (или ....)
4. слуга и (право въезда в порт и)
5. право выезда из порта
6. и во время войны (и во время мира, без конфискации)
7. и без заключения договора.

К сожалению, в этом декрете не сохранилось личных собственных имен. Если буквосочетание HNΩNA во второй строке можно считать частью собственного имени Ζήνωνα или Ζήνων Ἀ (...), ср. IPE, I², 135 и 136, то мы имели бы тогда имя награжденного, но для такого восстановления у нас мало оснований. Если бы даже мы остановились на таком восстановлении, все равно пришлось бы признать, что ни патроним, ни этноним (в данном случае государство) награжденного не могут быть восстановлены.

Простой, без украшений шрифт надписи, на которой сохранилось 40 букв (из них 14 букв алфавита: α, ε, η, ι, κ, λ, μ, ν, ο, π, σ, τ, υ, ω), дает основания отнести ее к первой половине IV в. до н. э.

№ 17. Высота 0,132, ширина 0,175, толщина 0,42 м; высота букв – весьма различна: Α и Ρ во второй строке – 0,18 м.

Частично сохранившаяся плита белого мелкозернистого мрамора. Случайная находка в окрестностях с. Парутино, 1971 г. Хранится в частной коллекции. Лицевая сторона плиты отлично сохранилась, но сама плита обита с левой стороны наискось к низу правой стороны. Отбит также по поверхности верхний правый угол.

Текст

Транскрипция:

1. .... [Υ] Σοφαίν [ετος
2. .... [Ξ] Αρίστων
3. ....[Χερσο] ναοῖται
4. .... [Παρθ]ένωι.

Перевод:

1. Софайнет
2. Аристон
3. херсонесцы
4. Деве (посветили).

Имя Аристон уже многократно встречалось в Северном Причерноморье, но Софайнет, насколько нам известно, встречается впервые. Оно, конечно, хорошо известно из «Анабасиса» Ксенофонта не только как имя стимфалийца из Аркадии, предводителя греческих наемников в войске Кира Младшего, но и предполагаемого летописца возвращения этих наемников из Азии на родину. Оставляем в стороне вопрос о взаимоотношениях Ксенофонта и Софайнета. Отметим, что имя Аристон многократно встречалось в надписях Херсонеса: IPE, I², 347, 359 (несколько раз), 363, 385, 391, 392, 396, 423, 497, 514²⁶.

В первой строке имени Σοφαίνετος, или форме Σοφαίνέτου, вероятно, предшествовало другое имя (остаток кривой черты). Оно представляет большую редкость в греческой ономастике. Во второй строке имени Ἀρίστων тоже предшествовало другое имя, от которого сохранилось только Ξ, но в поврежденном виде.

Нет сомнения в том, что в третьей строке может быть восстановлено Χερσωναῖται, а в четвертой – Παρθένω. Остается загадкой, почему плита с почитательной надписью херсонесцев оказалась в Ольвии? В этом можно усматривать одно из свидетельств разнообразных связей двух республиканских городов-государств.

Шрифт надписи – очень небрежный, буквы – различной величины, вырезаны, по-видимому, не профессиональным резчиком.

Палеографические данные дают возможность датировать эту надпись первой половиной II в. н. э.²⁷.

---

²⁶ Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. К., 1973, № 112, 113.

²⁷ Э. И. Соломоник. Указ. соч., с. 275.

Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков¹

Сравнительно-историческое изучение языков началось еще с первой четверти прошлого века на материале языков индоевропейской семьи, но до сих пор не охватило всех известных языков земного шара. ...

По своему значению все прочие методы исследования, применяемые при анализе языкового материала, не равны сравнительно-историческому, а лишь дополняют этот основной метод или совокупность приемов исследования и готовят материал для дальнейшего сравнительно-исторического исследования. Это следующие методы:

1) непосредственное наблюдение и последовательное (систематическое) описание (ср. также опрос по заранее составленному плану; в диалектологии еще картографирование);

2) самонаблюдение и эксперимент (преимущественно в области родного языка);

3) статистический метод (или метод подсчетов)²;

4) сопоставительный (или метод сопоставления языков без учета их истории, развития, изменений);

5) инструментальный в области фонетики (ср. метод непосредственного наблюдения и последовательного описания).

Следует учесть основные особенности сравнительно-исторического метода, а именно:

1) сравнение (языков, диалектов, разновидностей общенародного языка, различных ступеней развития одного и того же языка) с учетом изменений (развития, совершенствования, истории);

2) сравнение с учетом неравноценности сравниваемого материала, с обязательным отделением главного от второстепенного в сравниваемом материале;

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Вопросы языкознания. – 1955. – № 2. – С.3-27.

² Ср. В.Ф.Чистяков и Б.К.Крамаренко. Опыт приложения статистического метода к языкознанию. – Краснодар, 1929. – Вып.1.

3) сравнение фактов, рассматриваемых как составные части некоторой системы, с учетом их связей с другими фактами (в грамматике – парадигмы, в лексике – лексической сферы, определенного круга выражаемых словами понятий);

4) установление системы соответствий между сопоставляемыми языками (ср. пункт 1) в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике и фразеологии;

5) установление относительной хронологии (в тех случаях, когда невозможно установление безотносительной, или абсолютной; или же наряду с безотносительной, для обоюдной проверки);

6) установление родства языков на основании соответствий (чем ближе к доисторической эпохе, тем больше общего: ретроспективная конвергенция – доказательство родства языков, их общего происхождения);

7) восстановление фактов на основании соответствий между родственными: языками (а также и между диалектами, см. пункт 1) и относительной хронологии, устранение пробелов документальной истории языков.

Таким образом, сравнительно-исторический метод при надлежащем его применении может удовлетворить требованиям, предъявляемым марксистским диалектическим методом к изучению фактов и явлений природы и общества, а именно:

1) изучать факты и явления в их взаимосвязи, в их взаимообусловленности;

2) изучать факты и явления в движении, с учетом развития, изменений, видоизменений;

3) изучать факты и явления с учетом накопления постепенных количественных изменений, перехода от старого качества к новому качеству, с учетом прогрессивного характера изменений;

4) изучать факты и явления с учетом внутренних противоречий, с учетом борьбы противоположностей (возникающего и отмирающего, нового и старого).

Сравнительно-историческое языкознание и сравнительно-историческая грамматика

Сравнительно-историческое языкознание, которое следует отличать от сравнительно-исторических грамматик отдельных семейств и групп языков, обобщает достижения этих последних, причем его задачи шире задач сравнительно-исторических грамматик, хотя и в них не только устанавливаются соответствия между родственными языками, но и восстанавливаются основные линии развития (как родственных языков вообще, так и одного какого-либо языка, имеющего «родственников»).

Сравнительно-историческое языкознание должно интересоваться установленными на основе сравнительно-исторического метода законами и закономерностями развития языков. По существу его основы нигде еще систематически не изложены. Это дело ближайшего будущего³.

³ См. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.-Л., 1938. – С. 48. Небольшая книжка А.Мейе «Сравнительный метод в историческом языкознании» (A.Meillet. La méthode comparative en linguistique historique. – Oslo, 1925;

«Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» А.Мейе в известных своих частях (глава VIII – о лексике и IX – о развитии индоевропейских диалектов) уже приближается к тому, что можно было бы назвать сравнительно-историческим языкознанием, но в пределах индоевропейской семьи языков.

Выражение «сравнительная грамматика» А.Мейе употребляет в смысле нашего «сравнительно-историческая грамматика», которое нам тоже следует расчленить и различать просто «сравнительную», или, лучше «сопоставительную грамматику» (как родственных, так и неродственных языков), и собственно «сравнительно-историческую грамматику». К сожалению, даже в научной литературе последних лет в одном и том же смысле употребляются оба выражения. Этого следует избегать.

Установление родства языков

Сравнительно-историческая грамматика какого-либо языкового семейства или какой-либо языковой группы имеет дело с языками, родство которых уже установлено предварительными исследованиями. Задачей сравнительно-исторического языкознания является установление общих приемов определения родства языков.

Если для доказательства родства или общего происхождения индоевропейских языков, характеризующихся прежде всего внешней и внутренней флексиями, достаточно было сопоставления такой важной части грамматического строя, как спряжения глаголов, то для языков совершенно иного грамматического строя требуются иные основания при установлении родства.

Так, лексические аналогии и установленные на их основании фонетические соответствия, а затем уже так называемые именные классы с характерными префиксами и личные местоимения дали возможность еще в первой половине прошлого века определить семейство банту в Африке к югу от экватора⁴.

Наличие характерных только для этих языков согласных, так называемых clicks (7 в бушменском и 4 в готтентотском), словесное музыкальное ударение (3 тона), односложность корней в соединении с суффиксацией, три числа и три грамматических рода позволили установить в Южной Африке готтентото-бушменское семейство языков (сан – язык бушменов, кхои – язык готтентотов, сандаве и киндига)⁵.

На основании наличия уже упомянутых именных классов, неразличения именных и глагольных основ при различии имен и глаголов только при помощи суффиксов, противопоставления глагольных видов (несовершенный, совершенный рус. перевод – М., 1954) не содержит этих основ, потому что она не выходит за пределы индоевропейских языков.

⁴ Название семейства установилось позже (см. W.Bleek. Comparative grammar of southafrican languages. – London, 1869).

⁵ Относительно так называемых clicks см. R.Stopa. Die Schnalze, ihre Natur, Entwicklung und Ursprung. – Kraków, 1935 и *еро же*. Die Schnalzlaute im Zusammenhang mit den sonstigen Lautarten der menschlichen Sprache // Archiv für vergleichende Phonetik. – Berlin. – 1939. – Bd.III. – Heft II.

и зависимый), строго позиционного синтаксиса, использования музыкальных тонов и на основе лексической общности были предприняты попытки объединить различные языки от Судана до Гвинеи в семейство негроафриканских языков, в которое в виде отдельной группы включили и близкородственные языки банту⁶.

Установление закономерностей развития языков

Нет сомнения в том, что не только перед общим языкознанием, но и перед сравнительно-историческим языкознанием стоит задача установить или определить закономерности развития, изменения и видоизменения языков во всех их составных частях, решить которую можно только на основе сравнительно-исторического метода.

Опыт сравнительно-исторического изучения языков мира позволяет говорить о существовании определенных соотношений в развитии составных частей грамматического строя. Так, например, обеднение морфологии какого-либо языка бывает связано с обогащением его синтаксиса (обычно – в отношении порядка слов, постоянных словосочетаний, появления «грамматических слов»; ср., например, германскую группу языков). Напротив, богатство морфологии (ср., например, санскрит) связано с относительной свободой в области взаиморасположения слов и с отсутствием значительного запаса «грамматических слов».

Развитое внешнее (преимущественно аффиксное) словообразование связано с возможностью сокращения так называемого внутреннего словообразования (т.е. изменения смыслового содержания слов), а следовательно, и нежелательных для языка омонимов.

В области фонетики обилие и разнообразие типов согласных обычно связано с ограниченным кругом гласных (ср., например, картвельскую группу иберийско-кавказских языков, среди индоевропейских языков – армянский язык). Наблюдается и обратное отношение: при разнообразии типов гласных (монофтонги и дифтонги, длинные и краткие гласные, наличие слогового и словесного музыкального ударения) система согласных может быть слабо развитой как в количественном отношении, так и в отношении возможностей их сочетания (ср., например, древнегреческие диалекты, среди неиндоевропейских языков – тибето-китайские языки).

Закон неравномерности темпов развития составных частей языка и, следовательно, изменений путем постепенного накопления элементов нового качества, конечно, может быть установлен и на примере одного языка; но лишь при сравнении с аналогичными фактами развития многих языков, при известном обобщении мы приходим к установлению общих закономерностей развития языков.

До сих пор нам приходилось иметь дело преимущественно с законами, установленными в области фонетики индоевропейских языков. Таковы законы: 1) Я. Гримма о соответствии согласных звуков германских языков согласным

⁶ Ср. шесть различных классификаций негроафриканских языков у Т.Милевского (T.Milewski. *Zarys językoznawstwa ogólnego*. – Lublin-Kraków, 1948. – Cz.II. – Zesz.1. – С.108-109).

прочих индоевропейских языков (первоначально были сопоставлены согласные готского и греческого языков); 2) закон перемещения придыхания Раумера-Грассмана (первый открыл его на материале древнеиндийского, а второй – древнегреческого языка); 3) закон палатализации заднеязычных согласных (Асколи и др.), подтверждающий гипотезу о первоначальном различии качеств простых кратких гласных (**а,е,о**); 4) закон Вернера, объясняющий исключения из закона Гримма; 5) закон соответствия древнеиндийского краткого г краткому *a* прочих древних индоевропейских языков (открытие *shwa primum indoeuropaeum*); 6) закон Фортунатова-де Соссюра, определяющий изменение типа ударения в славянских языках; 7) закон Шахматова, также связанный с первоначальным музыкальным словесным ударением славянских языков⁷.

Таким образом, большинство так называемых законов до сих пор относилось к области фонетики (в частности, индоевропейских языков); задача заключается теперь в установлении (если так можно выразиться) более широких законов, затрагивающих не только фонетику, но и морфологию, синтаксис, лексикологию.

Определение языка-основы и понимание родства языков

Можем ли мы согласиться с таким определением «индоевропейского языка»: «...мы будем рассматривать... соответствия между различными индоевропейскими языками, отражающие древние общие формы; совокупность этих соответствий составляет то, что называется индоевропейским языком»⁸? Не ведет ли это определение к признанию непознаваемости индоевропейского языка-основы, к признанию невозможности восстановить его хотя бы до некоторой степени?

Признание всех языков смешанными, нежелание отличать в языке существенное от несущественного, признание всех языковых элементов равноценными фактически вело некоторых исследователей к отрицанию родства языков, определенно представленному в таком высказывании, как следующее: «...язык любой романской территории не восходит непосредственно к древнему языку Рима, но возник на основе общего, обыденного языка, которым пользовались в данной области после ее завоевания колонисты и воины, говорившие до этого каждый на своем диалекте»⁹.

Мы не можем не видеть антиисторической основы и таких высказываний, как: «Всякий язык образован из различных источников и дает множество ответвлений»¹⁰.

Этот же исследователь считал так называемую теорию родословного древа языков совершенно устаревшей¹¹. Подобный подход лишает язык его качественной характеристики, он должен быть отвергнут нами.

⁷ См. Л.А.Булаховский. Акцентологический закон А.А.Шахматова. // А.А. Шахматов. 1864-1920. – М.-Л., 1947.

⁸ А.Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – С. 81.

⁹ Г.Шухардт. О классификации романских диалектов // Избр. статьи по языкознанию [пер. с немецкого]. – М., 1950. – С. 132.

¹⁰ Его же. Происхождение языка. – Там же. – С. 77.

¹¹ См. его же. К вопросу о языковом смешении. – Там же. – С. 174.

Действительно, в каждом языке могут быть элементы «из различных источников», но эти элементы подчиняются грамматическому строю языка, который всегда является более или менее своеобразным. Кроме того, эти заимствованные, а не унаследованные элементы не составляют основу языка, сущность его специфики.

Можно утверждать, что существование фонетических, морфологических, синтаксических и лексических (или также семантических) изоглосс на известных территориях вовсе не является опровержением исконного родства или отсутствия родства между распространенными на этих территориях языками. «Теория волн» Й.Шмидта только дополняет, но не опровергает «родословное древо» индоевропейских языков А.Шлейхера.

Теория А.Мейе о разделении индоевропейского языка-основы на диалекты только противопоставляет два древнейших состояния этого языка-основы: уже дифференцированный и еще не дифференцированный в отношении диалектов язык. Само собой разумеется, что под диалектами понимают, во-первых, близкородственные языки (например, древнегреческие диалекты) и, во-вторых, территориальные языковые разновидности, сосуществующие с общенародным (письменным и устным) языком (например, диалекты современного нам русского языка).

Необходимо дать ответ на следующий вопрос: могут ли существовать родственные семейства языков подобно тому, как в пределах семейств существуют родственные группы языков? Речь идет о возможности существования более отдаленного родства, чем то, которое объединяет известные нам индоевропейские языки.

Среди зарубежных лингвистов были и есть такие, которые дают утвердительный ответ на этот вопрос: Х.Педерсен (автор «ностратической теории»), А.Тромбетти, Г.Мёллер, П.Мериджи, А.Кюни, К.Отран, Я.Хандель, Ст.Младенов и другие. Однако их попытки сближения индоевропейских языков с другими семействами (чаще всего с семитическими языками) не убеждают именно потому, что эти ученые не различают в языках наиболее существенного и наименее важного, все составные части языка рассматривают в одной плоскости.

А.Мейе вполне основательно определяет родство языков: «два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше»¹². Этот язык, «бывший в употреблении раньше», древнейшее состояние родственных языков, язык-основа, язык-источник, язык-предок, праязык, существование которого логически необходимо, входит в само понятие родства языков. Речь идет именно о языке, письменные памятники которого отсутствуют, но не о «системе соответствий». Эта «система соответствий» в области грамматического строя и словарного состава родственных языков является лучшим доказательством дивергентного развития родственных языков и, следовательно, существования их языка-основы.

Мы не можем без изумления читать в советском учебнике, вышедшем в свет после 1950 г., следующие строки: «Цель сравнения – не язык-основа и вос-

¹² А.Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – С. 50.

становление его фактов. Понятие языка-основы прежде всего имеет значение регулятивного принципа (разрядка моя. – А.Б.), объясняющего, каким образом в языках, столь разобщенных, как латинский, русский и индийский (= древнеиндийский, санскрит. – А. Б.), обнаруживаются общие явления в основном словарном фонде и грамматическом строе»¹³.

Что такое «регулятивный принцип»? Едва ли такое неопределенное понятие может существовать в советском языкознании.

Установление соответствий и восстановление фактов

Сравнительно-историческое изучение родственных языков приводит к установлению соответствий между ними, а также к установлению соответствий между отдельными ступенями развития одного и того же языка. Это задачи сравнительно-исторической грамматики, которые с успехом решались до сих пор главным образом в области фонетики; сравнительно-историческое языкознание должно в данном случае обобщить опыт изучения отдельных семейств языков. Это задача сама по себе чрезвычайно трудная и, конечно, многообещающая.

1. Соответствия

Из всех возможных соответствий между родственными языками сравнительно-историческому языкознанию нужны соответствия с исторической перспективой. Из них, действительно, можно сделать наиболее существенные выводы для восстановления языковых фактов. Рассмотрим соответствия разных типов.

Прежде всего сопоставления, основанные на фонетических соответствиях (с учетом смысловой стороны слов и форм слов), следует отличать от сопоставлений, основанных только на звуковом (или графическом!) сходстве (без учета исторических фонетических соответствий, без всякой исторической перспективы). Вот, например, сопоставления, основанные только на внешнем сходстве, из которых нельзя сделать никаких существенных для истории данных языков выводов.

Таблица 1

Русский	Болгарский	Русский	Болгарский
1) <i>боров</i>	<i>боров</i> «сосновый»	7) <i>мездра</i>	<i>мездра</i> «земельный надел»
2) <i>булка</i>	<i>булка</i> «невеста, невестка»	8) <i>печурка</i>	<i>печурка</i> «шампиньон»
3) <i>варка</i>	<i>варка</i> «лодка»	9) <i>сойка</i>	<i>сойка</i> «складной ножик»
4) <i>горе</i>	<i>горе</i> «вверху, наверху»	10) <i>табак</i>	<i>табак</i> «кожевник»
5) <i>кучка</i>	<i>кучка</i> «собачка»	11) <i>треска</i>	<i>треска</i> «щепка»
6) <i>майка</i>	<i>майка</i> «мать»		

¹³ А.С.Чикобава. Введение в языкознание. – М., 1952. – Ч. I. – С. 197 (2-е изд. – М., 1953).

Поставим вопрос и о том, может ли исследователь сделать какие-либо положительные выводы из рассмотрения фонетически и семантически соответствующих друг другу фактов родственных языков, но взятых не во всей их совокупности, а в какой-нибудь одной части? Таким сопоставлением приходится, например, удовлетворяться исследователю, если перед ним окажутся отдельные факты (а не парадигмы и не сложные контексты) какого-либо во всех других отношениях не известного ему языка. Отсюда понятно, что при попытках классифицировать в генеалогическом отношении недостаточно известные языки возможны досадные промахи, в которых менее всего виноват сравнительно-исторический метод. Сопоставим следующие слова разных языков:

Таблица 2

1) франц. <i>école</i>	нем. <i>Schule</i>
2) франц. <i>encre</i>	англ. <i>ink</i>
3) франц. <i>papier</i>	исп. <i>papel</i>
4) франц. <i>église</i>	португ. <i>igreja</i>
5) франц. <i>évêque</i>	нем. <i>Bischof</i>
6) португ. <i>diabo</i>	нем. <i>Teufel</i>
7) ирл. <i>casc</i>	франц. <i>pâque</i>
8) нем. <i>Pferd</i>	франц. <i>palefroi</i>
9) алб. <i>shtëpi</i>	новогреч. <i>σπίτι</i>
10) португ. <i>cidade</i>	катал. <i>ciutat</i>

Можно ли на основании простого сопоставления этих слов восстановить прототип каждого? Можно ли расположить их в порядке относительной хронологии (выяснить, какое является более древним, а какое более новым)? В большинстве случаев это невозможно без обращения к документальной истории каждого языка.

Относительно № 1 мы можем сказать, что прототип должен был содержать звук **-l-** и иметь не меньше двух слогов; № 2 содержал сочетание согласных **-nk-**; № 3 имел начало **pap-**; № 4 содержал сочетание согласных после начального гласного **-gl-** или **-gr-**; № 5 содержал согласный **-b-** или **-v-**; № 6 содержал согласные **-d-** или **-t-**, **-b-** или **-f-**; № 7 начинался каким-то смычным согласным, имел гласный **-a-** и сочетание согласных, в котором был **-k-**; № 8 начинался согласным типа **-p-** и содержал согласный **-r-**; № 9 содержал начальный **-s-** или **-ʃ-** и согласные **-p-** и **-t-** в неизвестной последовательности; № 10 начинался согласным типа **-s-** и содержал разделенные гласным **-a-** два зубных **-d-** или **-t-**. . . Вот пределы возможного приближения к истине. Как видно, отсюда еще далеко до следующих слов: греч. *σχολή*, *ἑγκαυστον*, *πάπυρος*, *ἐκκλησία*, *ἐπίσκοπος*, *διάβολος*, *πάσχα*, галло-лат. *paraveredus*, лат. *hospitium*, лат. (вин. падеж) *civitatem*, более близких к прототипу рассмотренных выше слов.

Только система установленных в исторической перспективе фонетических соответствий позволяет нам говорить, что в следующих примерах мы имеем дело с унаследованными от древнейшего состояния вариантами слов, несмотря на их заметные фонетические различия:

Таблица 3

	лат. <i>quinque</i>	греч. πέντε («пять») * <i>penkwe</i>
	лат. <i>pes</i>	голл. <i>voet</i> («нога») * <i>p^e_o d-</i>
	лат. <i>avis</i>	русск. <i>ухо</i> (ср. польск. <i>ucho</i>) * <i>ows-</i>
	лит. <i>akì</i>	греч. ὄσσε («два глаза») * <i>okw-</i>
	англ. <i>sweet</i>	греч. ἡδύς («сладкий») * <i>swa:d-</i>
	латыш. <i>zoss</i>	греч. χήν («гусь») * <i>ghans-</i>
	гот. <i>swaihrô</i>	греч. ἐκυπά («свекровь») * <i>sw^e_o ku-r-</i>
	польск. <i>córka</i>	греч. θυγάτηρ («дочь») * <i>dhughā-te:-r-</i>
	русск. <i>сон</i>	греч. ὕπνος («сон») * <i>sw^e_o p-n-</i>
	осет. <i>фыд</i>	арм. <i>hajn</i> («отец») * <i>pā-te:r-</i>

Следовательно, для сравнительно-исторического языкознания важны не отдельные соответствия между языками, а установленная с учетом фонетических изменений система соответствий.

2. Восстановления

Вполне естественно, что не все индоевропейские языки представляют одинаково ценный материал для восстановления основных вех развития грамматического строя. В одних оказывается больше следов старины, в других меньше. Возьмем для примера одну весьма важную в грамматическом строе этих языков парадигму – настоящее время изъявительного наклонения глагола «быть» (ср. санскр. *bhavitum*, ст.-слав. *быти*, лит. *būti*, латыш. *būt*, др.-греч. *φύεσθαι*, лат. *fuisse* и пр.).

Наиболее древние формы сохранились в следующих языках:

Таблица 4

Хет. клин.	Санскр.	Авест.	Ст.-лит.
Ед. число			
1-е лицо <i>esmi</i>	<i>asmi</i>	<i>ahmi</i>	<i>esmi</i>
2-е лицо –	<i>asi</i>	<i>ahi</i>	<i>esi</i>
3-е лицо <i>eszi</i>	<i>asti</i>	<i>asti</i>	<i>est(i)</i>
Мн. число			
1-е лицо <i>esweni</i>	<i>smaḥ</i>	<i>mahi</i>	<i>esmè</i>
2-е лицо <i>esteni</i>	<i>stha</i>	<i>sta</i>	<i>estè</i>
3-е лицо <i>asanzi</i>	<i>santi</i>	<i>henti</i>	<i>(est)</i>
Ст.-слав.	Др.-греч.	Лат.	Гот.
Ед. число			
1-е лицо <i>ѿсмь</i>	<i>εἰμί</i>	<i>sum</i>	<i>im</i>
2-е лицо <i>ѿси</i>	<i>εἶ</i>	<i>es</i>	<i>is</i>
3-е лицо <i>ѿсмь</i>	<i>ἐστί(ν)</i>	<i>est</i>	<i>ist</i>
Мн. число			
1-е лицо <i>ѿсмь</i>	<i>ἐσμέν</i>	<i>sumus</i>	<i>(sijum)</i>
2-е лицо <i>ѿсте</i>	<i>ἐστέ</i>	<i>estis</i>	<i>(sijuθ)</i>
3-е лицо <i>сѣтъ</i>	<i>εἰσί(ν)</i>	<i>sunt</i>	<i>sind</i>

Они дают материал для восстановления древнейших предполагаемых форм:

Ед. число	Мн. число
1-е лицо <i>*esmi</i>	$*(e)sm \frac{e}{o} (s)$
2-е лицо <i>*essi</i>	$*(e)ste(s)$
3-е лицо <i>*esti</i>	$*(e)snti$

Здесь, однако, остаются нерешенными некоторые вопросы (например, является ли первичным **w** вместо **t** в форме *ewse(ni)*: *eswe* < *esme*- или *eswe* < *esme*-, является ли первичным **th** вместо **t** в форме *stha*; были ли начальные неударные **e** в двойственном и во множественном числе только редуцированы, или вовсе отсутствовали; был ли обязательным или факультативным конечный **s**; насколько

обязательными при различных формах были энклитические частицы вроде хет. клин. **-ni**; ср. аттич. ἐσμέν с дорич. ἐσμές).

Для каждой группы упомянутых здесь индоевропейских языков характерны некоторые новшества. Так, например, для анатолийской группы (хет. клин.): **-zi** вместо первичного **-ti**, отсутствие двойственного числа; для индо-иранской группы: **a-** вместо первичного **e-** (а для иранской подгруппы, еще переход в известных положениях **s > h**); для балтийской группы: утрата формы 3-го лица в двойственном и во множественном числе за счет распространения формы 3-го лица единственного числа, затем полное исчезновение первичной формы 3-го лица (ср. новолит. *yrà*, латыш. *ir*); для славянской группы: иотация начального **e**, личные окончания (в старославянском) **-ти** 3-го лица единственного и множественного числа, переход **ĩ > ѣ**, **ũ > ѣ**; для греческой группы: исчезновение **s** в начале слов и между гласными и его регрессивная ассимиляция (ср. лесб. ἐμί, дорич. ἦμι, аттич. εἰμί наряду с гот. *im*, ирл. *amm*, арм. *jem*, алб. *jam*), переход первичного **-nt->-ns->-s-** (с количественным и качественным изменением предшествующего гласного); *σεντι > ἐντι > ἐνσι> аттич. εἰσί; для латинского языка: отсутствие конечного **i**, новообразования в первом лице *sum* и *sumus* (ср. *sunt*), отсутствие двойственного числа; для германской группы: **i** вместо первичного **e**, отсутствие конечного **i**, озвончение (в готском) **t** после **n** *sinī > *sind), замена в 1-м и 2-м лице множественного числа форм изъявительного формами желательного наклонения (ср. в старославянском *ѣстъ* вместо *ѣтъ* и *сѣтъ* вместо *сѣтъ* наряду с формами повелительного наклонения: санскр. 3-е лицо *astu* – *santu*).

Если бы упомянутые здесь формы не сохранились, даже такое поверхностное проникновение в древнейшее документально не засвидетельствованное состояние индоевропейских языков, которое основано на сравнении форм и установлении их предполагаемого первичного вида, было бы невозможным.

Анатолийская группа индоевропейских языков так же, как «тохарская» (и, возможно, некоторые другие), исчезла. В индийской группе (или индийской подгруппе индо-иранской группы) произошли весьма существенные изменения во всем грамматическом строе. В результате этих изменений вместо форм с корнем ***es-** выдвинулись формы синонимичного глагола *bhavâmi* «бываю». Так, например, в западном хинди, урду и хиндустани образовались формы (см. табл. 5).

Таблица 5

	Санскрит	Хиндустани
	Ед. число	
1-е лицо	<i>bhavâmi</i>	[(māi) hũ:]*
2-е лицо	<i>bhavasi</i>	[(tu:) hai]
3-е лицо	<i>bhavati</i>	[(wah) hai]
	Мн. число	
1-е лицо	<i>bhavâmaḥ</i>	[(ham) hāi]

2-е лицо	<i>bhavatha</i>	[(tum) ho:]
3-е лицо	<i>bhavanti</i>	[(we:) hāi]

* В квадратных скобках примеры даются в фонетической транскрипции (МФА).

В иранских языках, несмотря на все значительные изменения, следы древних форм сохранились. Так, например, в новоперсидском имеются самостоятельные и энклитические формы глагола «быть» [bu:dæn]: (см. табл. 6).

Таблица 6

	Самостоятельные	Энклитические
	Ед. число	
1-е лицо	[ˈhæstəm]	[-əm]
2-е лицо	[ˈhæsti:]	[-i:]
3-е лицо	[ˈhæst]	[-æst]
	Мн. число	
1-е лицо	[ˈhæsti:m]	[-i:m]
2-е лицо	[ˈhæsti:d]	[-i:d]
3-е лицо	[ˈhæstænd]	[-ænd]

Энклитические формы происходят от древних форм настоящего времени, а самостоятельные формы являются новообразованиями, в которых основа – это форма 3-го лица единственного числа, а личные окончания (кроме 3-го лица единственного числа) – энклитические формы. Следовательно, в этих парадигмах лучше всего сохранилось именно 3-е лицо единственного числа (др.-перс. клин. *ástiy*, авест. *asti*).

Сравнительно со старолитовским новолитовский и латышский видоизменили рассматриваемую парадигму, причем не сохранились именно формы 3-го лица всех трех чисел (см. табл. 7).

Таблица 7

	Новолитовский	Латышский
	Ед. число	
1-е лицо	<i>esù</i>	<i>esmu</i>
2-е лицо	<i>esi</i>	<i>esi</i>
3-е лицо	<i>(yrà)</i>	<i>(ir)</i>

	Мн. число	
1-е лицо	<i>ěsame</i>	<i>esam</i>
2-е лицо	<i>ěsate</i>	<i>esat</i>
3-е лицо	<i>(yrà)</i>	<i>(ir)</i>

Личное окончание **-и** проникло в эту парадигму (атематических глаголов) из другой (тематических глаголов), ставшей преобладающей, например, лит. *vedù* «веду», *stóviu* «стою», *žinaĩ* «знаю», а нынешнее 3-е лицо всех трех чисел – неглагольного происхождения (ср. тоже в греч.: наречие *ἐνι*).

В славянской группе происхождение новых форм также (ср. иранскую подгруппу) связано с разделением форм на два вида: самостоятельные и энклитические. В одних славянских языках имеются различные самостоятельные и энклитические формы (например, сербский), в других – прежние энклитические стали самостоятельными (чешский, болгарский), в третьих – прежняя парадигма подверглась перестройке на новой основе (польский), наконец, в четвертых – все прежние формы вышли из употребления, кроме 3-го лица единственного числа (русский, украинский, белорусский).

Таблица 8

	Чешский	Польский	Сербский
	Ед. число		
1-е лицо	<i>jsem</i>	<i>jestem</i>	<i>јесам, сам</i>
2-е лицо	<i>jsi</i>	<i>jesteś</i>	<i>јеси, си</i>
3-е лицо	<i>je, jest</i>	<i>jest</i>	<i>је</i>
	Мн. число		
1-е лицо	<i>jsme</i>	<i>jesteśmy</i>	<i>јесмо, смо</i>
2-е лицо	<i>jste</i>	<i>jesteście</i>	<i>јесме, сме</i>
3-е лицо	<i>jsou</i>	<i>są</i>	<i>јесу, су</i>
		Болгарский	Русский
		Ед. число	
1-е лицо	<i>съм</i>		<i>есть</i> (безразлично или для всех лиц и чисел)*
2-е лицо	<i>си</i>		
3-е лицо	<i>е</i>		
		Мн. число	
1-е лицо	<i>сме</i>		
2-е лицо	<i>сте</i>		
3-е лицо	<i>са</i>		

* Ср. у меня *есть*, у тебя *есть*, у него *есть* и т.д.; окончательное исчезновение всех прежних форм настоящего времени и распространение типа предложений с именным сказуемым; употребление новых вспомогательных глаголов: *бываю*, *нахожусь*, *являюсь*, *представляю* и т.п.

Однако одной формы *есть* достаточно для установления ее «индоевропейского» характера (корень **es-* и окончание **-ti*).

Нельзя пройти мимо параллелизма, который обнаруживается в развитии самостоятельных форм этой парадигмы в современных польском и персидском языках (см. табл. 5 и 8). Как видно отсюда, персидский язык зашел в перестройке прежней парадигмы несколько дальше, чем польский. В этом последнем еще сохранилась древняя форма 3-го лица множественного числа (ст.-слав. *сѣмь*).

Разительные перемены произошли с этой парадигмой в греческом языке. Современный нам новогреческий литературный язык (ή δριτοκή γλωσσα) во все утратил древнегреческие формы. Здесь изменение парадигмы началось с 3-го лица единственного числа: *ἐν* вместо *ἐστί(v)*. После исчезновения в разговорном языке прежних атематических глаголов (спряжение с окончанием *-μι*) 1-е и 2-е лицо единственного и множественного чисел перестроились по образцу медиопассивного спряжения. 3-е лицо единственного и множественного числа [*'ine*] оказалось без личного окончания, а новой основой всех прочих лиц стала подударная фонема [*i*]:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	[<i>'ime</i>]	[<i>'imaste</i>]
2-е лицо	[<i>'ise</i>]	[<i>'iste</i>]
3-е лицо	[<i>'ine</i>]	[<i>'ine</i>] ¹⁴

Напротив, в цаконском диалекте (вернее, языке) сохранились некоторые древние личные окончания, но вся парадигма оказалась перестроенной:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	[<i>'eni</i>]	[<i>'eme</i>]
2-е лицо	[<i>'esi</i>]	[<i>'ethe</i>]
3-е лицо	[<i>'eni</i>]	[<i>'ini</i>]

Эти новые парадигмы так же далеки от древней восстанавливаемой парадигмы, как, например, староирландская (ирская) парадигма:

¹⁴ См. Hubert Perno. L'indicatif présent du verbe être en Néo-Grec // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. – 1896. – T.IX. – С. 1-23.

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>amm</i>	<i>ammi</i>
2-е лицо	<i>at</i>	<i>adib</i>
3-е лицо	<i>is, (as)</i>	<i>it, (at)</i>

или современная нам армянская:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>jem</i>	<i>jenkh</i>
2-е лицо	<i>jes</i>	<i>jekh</i>
3-е лицо	<i>e</i>	<i>jen</i>

Парадигму современного албанского языка (тоскский диалект) можно считать более архаичной, так как в ней сохраняется, несмотря на фонетические видоизменения, древняя форма 3-го лица единственного числа:

	Ед. число	Мн. число
1-е лицо	<i>jam</i>	<i>jemi</i>
2-е лицо	<i>je</i>	<i>jeni</i>
3-е лицо	<i>ështëë</i>	<i>janë</i>

Рассмотренная нами парадигма принадлежит к числу наиболее замечательных остатков древнейшего состояния глагола в индоевропейских языках. Она дает нам возможность не только найти древний корень (*es), но и древние личные окончания глаголов (*-*mi*, *-*si*, *-*ti*, *-*m* ^{*e*}/_{*o*} -, *-*te*-, *-*nti*).

Подобное же соединение корней одного и того же происхождения с древними личными окончаниями находим в индоевропейских языках и в других случаях, и оно является неоспоримым доказательством их родства.

Так, для установления древнего корня ***bher-** может служить сравнение следующих парадигм:

Таблица 9

	Санскр.	Авест.	Ст.-слав.	Др.-греч.
	Ед. число			
1-е лицо	<i>bharâmi</i>	<i>barâ(mi)</i>	<i>берѣ</i>	<i>φέρω</i>
2-е лицо	<i>bharasi</i>	<i>barahi</i>	<i>береши</i>	<i>φέρεις</i>
3-е лицо	<i>bharati</i>	<i>baraiti</i>	<i>береть</i>	<i>φέρει</i>

	Мн. число			
1-е лицо	<i>bharâmaḥ</i>	<i>baramahi</i>	<i>беремъ</i>	φέρομεν
2-е лицо	<i>bharatha</i>	<i>barata</i>	<i>берете</i>	φέρετε
3-е лицо	<i>bharanti</i>	<i>barenti</i>	<i>берѣтъ</i>	φέρουσι(v)
	Лат.	Гот.	Ст.-ирл.	Др.-арм.
	Ед. число			
1-е лицо	<i>fero</i> *	<i>baíra</i>	<i>berimm</i>	berem
2-е лицо	<i>fers</i>	<i>baíris</i>	<i>beri</i>	beres
3-е лицо	<i>fert</i>	<i>baíriθ</i>	<i>berid</i>	berē
	Мн. число			
1-е лицо	<i>ferimus</i>	<i>baíram</i>	<i>bermme</i>	beremkh
2-е лицо	<i>fertis</i>	<i>baíriθ</i>	<i>berthe</i>	berekh
3-е лицо	<i>ferunt</i>	<i>baírand</i>	<i>berit</i>	beren

* В этом латинском глаголе наблюдается появление вторичных атематических форм во 2-м лице единственного и множественного числа, в 3-м лице единственного числа.

Таким образом, необходимо учитывать, что производимые в сравнительно-исторических исследованиях восстановления различного рода далеко не равноценны. В связи с этим ясно, что задачей сравнительно-исторического языкознания является определение тех условий, при которых восстановление будет наиболее ценным.

Грамматическая аналогия и заимствования

Подчиняются ли каким-либо законам те изменения элементов грамматического строя и лексики языков, которые обусловлены взаимодействием составных частей языка (грамматическая аналогия и лексическая контаминация) и взаимодействием диалектов и различных языков (лексические заимствования, лексические и фразеологические кальки)?

Хотя мы не можем признать такого рода изменения случайными и исследователи до сих пор систематически занимались их учетом, коллекционирование фактов пока что не дало возможности сделать другие выводы, кроме выводов о необходимости при изучении изменений учитывать названные процессы.

В отношении грамматической аналогии приходится удовлетворяться признанием того, что сама аналогия – это проявление одного из законов развития языков, скажем, закона взаимодействия составных частей языка, в частности взаимодействия смежных парадигм. Здесь бывают вполне удовлетворительные объяснения, однако не идущие дальше простых констатаций.

Так, например, при сравнении форм 2-го лица единственного числа ст.-слав. *даси*, укр. *даси* и русск. *дашь* мы можем указать, что появление в русском языке формы *дашь* связано с воздействием форм типа *знаешь*, *хочешь*, но почему воздействие это обнаруживается только во 2-м лице единственного числа, а в 1-м лице при *знаю* остается форма *дам* – мы объяснить не можем, как не можем объяснить, почему архаический тип образования форм данного глагола сохранился в украинском языке лучше, чем в русском.

Следующая таблица показывает, наоборот, наличие больших новшеств в украинском языке, далее продвинувшемся по пути аналогии.

Таблица 10

	Старославянский	Русский	Украинский
	Ед. число		
1-е лицо	<i>хоитѣ</i>	<i>хочу́</i>	<i>хóчу</i>
2-е лицо	<i>хоитеши</i>	<i>хóчешь</i>	<i>хóчеш</i>
3-е лицо	<i>хоитеть</i>	<i>хóчет</i>	<i>хóче</i>
	Мн. число		
1-е лицо	<i>хоитемъ</i>	<i>хотѣм</i>	<i>хóчемо</i>
2-е лицо	<i>хоитете</i>	<i>хотѣте</i>	<i>хóчете</i>
3-е лицо	<i>хотѣтъ</i>	<i>хотѣят</i>	<i>хóчуть</i>

Хотя наряду с этим в области склонения украинский язык может показаться относительно более архаичным:

Таблица 11

	Старославянский	Украинский	Русский
Им.	<i>рабъ сынъ</i>	<i>раб син</i>	<i>раб сын</i>
Род.	<i>раба сыноу</i>	<i>раба сина</i>	<i>раба сына</i>
Дат.	<i>рабоу сынови</i>	<i>рабові синові</i>	<i>рабу сыну</i>

Но в следующем примере относительно более архаичным оказывается русское склонение:

Таблица 12

	Старославянский	Русский	Украинский
Им.	<i>любы</i>	<i>любовь</i>	<i>любов</i>
Род.	<i>любѣе</i>	<i>любви</i>	<i>любові</i>

Дат.	<i>любѣви</i>	<i>любви</i>	<i>любові</i>
Вин.	<i>любѣвь</i>	<i>любовь</i>	<i>любов</i>

Почему наряду со ст.-слав. *тебѣ* (дат. падеж) – *тобоюж* (твор. падеж) и русск. *тебе* – *тобой* в украинском имеем *тобі* – *тобою*? Почему на основе старославянских наречий *како* – *яко* в русском возникло *как*, а в украинском *як*?

Гораздо легче ответить, учитывая определенные исторические предпосылки, на некоторые подобные же вопросы относительно заимствований. Если бы нас спросили, например, почему в русском языке наряду с *один* и пр. существует *единица* и пр., а в украинском последовательно *один* – *одиниця*, почему в русском наряду с существительным *солод* находим прилагательное *сладкий*, а в украинском *солод* – *солодкий*, в русском наряду с *бытие* – *бытьё*, а в украинском только *буття* и т.д., то ответ был бы простой: в русском литературном языке были более благоприятные условия для сохранения так называемых церковнославянских пзмов.

Нет сомнения в том, что изучение грамматической аналогии и заимствований, возникающих при взаимодействии языков, составляет одну из существенных задач сравнительно-исторического языкознания, а не только исторической грамматики какого-либо одного языка.

Относительная хронология

Вопрос о так называемых недостатках сравнительно-исторического метода в целом не рассматривается в данной статье, но в связи с рассмотрением задач сравнительно-исторического изучения языков нельзя не сказать об одном из этих недостатков, а именно, о пока что неизбежном объективизме при расположении фактов в порядке относительной хронологии. При сравнении, например, парадигм склонения в древнеиндийском языке (*manusyaḥ*) и хеттском клинописном (*antuhsas*), на основании значительного разнообразия чисел и падежей в первом (три числа, восемь различных падежей в единственном числе, три различных падежа в двойственном числе, шесть различных падежей во множественном числе) и скудости во втором (два числа, четыре-пять различных падежей в единственном числе, два-три различных падежа во множественном числе) одинаково можно сделать допущение о большей древности как древнеиндийского склонения, так и хеттского, так как не всегда то, что представляется простым, непременно бывает первичным. То же самое можно сказать, например, о системах спряжения в различных группах индоевропейских языков. Можно ли утверждать, что система спряжения в аттическом диалекте классической эпохи была более архаичной, чем в латинском языке той же эпохи? Даже на этот вопрос в современном нам языкознании даются прямо противоположные ответы¹⁵.

При определении взаимоотношений хеттского клинописного языка (или вообще анатолийской группы языков) и прочих индоевропейских языков главная

¹⁵ Ср. по вопросу о новообразованиях в греческом и в санскрите статью И.М.Тронского «К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании» в сб. «Вопросы грамматического строя и словарного состава языка» (Л., 1952. – Ч.І).

трудность заключается именно в относительной хронологии. Легче всего располагать факты в порядке относительной хронологии, если мы имеем дело с фонетическими изменениями в пределах известных морфем. При сравнении хет. клин. *pahhur* «огонь» с греч. πῦρ «огонь» мы не сомневаемся, что более архаической можно признать хеттскую клинописную форму этого слова. Точно так же при сравнении лит. *gy'sla* и русск. *жила* мы признаем более архаической первую форму данного слова.

Применение сравнительно-исторического метода в лексикологии

Настало время выяснить, можно ли с таким же успехом, как в области фонетики, применять сравнительно-исторический метод в области лексикологии?

Гениальный русский ученый-энциклопедист М.В.Ломоносов свою догадку о родстве индоевропейских языков основывал на лексических сопоставлениях известных ему языков¹⁶. Лексическими сопоставлениями и установлением на их основе фонетических соответствий приходится ограничиваться при изучении языков так называемого «корневого» или безаффиксного типа. В истории изучения индоевропейских языков лексика использовалась для восстановления культуры племени или племен, говоривших на предполагаемом общиндоевропейском языке, и для выяснения их территориального распространения. До сих пор сравнительно-историческое изучение лексики различных языковых семейств недостаточно служило установлению законов развития (в данном случае – развития понятий, выраженных средствами различных языков).

Из определения слова как исторически сложившегося диалектического единства звуковой формы и смыслового содержания надо сделать вывод о том, что нелепо ставить вопрос о первенстве фонетики над семантикой или семантики над фонетикой. Однако нет сомнения в том, что исследователю в кропотливой работе по восстановлению фактов всегда легче опираться на фонетические соответствия между родственными языками, чем на возможные связи понятий.

Сравнительно-исторический метод следует применять не только в области фонетики, морфологии и синтаксиса, но и в области лексикологии. К лексикологии мы относим как наиболее важную часть семантику (семасиологию). Изучение отдельных слов на основе сравнительно-исторического метода сделает лексикологию равноправной (не сразу, конечно!) с фонетикой, морфологией и синтаксисом.

Сравнительно-историческое изучение смысловой стороны слов еще не производилось в достаточно широких масштабах. Здесь уже давно необходим синтез сделанного в отношении отдельных языков, групп и семейств языков. Наши советские языковеды должны покончить не только с «палеонтологической» (в отли-

---

¹⁶ См. П.С.Кузнецов. О трудах М.В.Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания // Ученые записки [МГУ]». – Русский язык, 1952. – Вып. 150.

чие от необходимой нам исторической) семантикой, которую пытался изобрести Н.Я.Март, но и с проявлениями агностицизма в области семантики (мол, нельзя установить законов развития слов, соответственно понятий¹⁷).

Мы не считаем, что эмпирическая стадия, т.е. время накопления фактического материала (еще без обобщений), здесь уже пройдена. Достаточно заглянуть в какой-нибудь очерк предполагаемых основ семантики, чтобы убедиться, каким скудным материалом оперируют авторы подобных очерков.

В этой области мы добьемся успехов, если согласимся относительно следующего: и тут можно установить, несмотря на значительные трудности, связанные с исключительным разнообразием материала, свои закономерности на основе материалистической диалектики и сравнительно-исторического метода. Здесь надо изучать связи понятий (ассоциацию идей) на разных ступенях развития общества и различные способы выражения понятий.

Нам, живущим в социалистическом обществе, уже не представляется естественной связь понятий «работать, трудиться» и «страдать, мучиться, горевать, бедствовать». Однако такая связь была вполне естественной для антагонистического классового общества, и мы, как известно, находим ее во многих языках. Достаточно упомянуть др.-греч. πένεσθαι «работать, трудиться», πένης «бедняк», πενιχρός «бедный», πόνος «труд, работа; нужда; беда; несчастье; страдание, горе; боль; болезнь», πονεῖν «работать, трудиться; страдать, мучиться; болеть», лат. *labor* «труд, работа; нужда, бедствие, страдание» и *laborare* «работать, трудиться; бедствовать; страдать; болеть», др.-русск. *трьдѣ, трьдѣ* «работа; старание; трудность; забота, беспокойство; страдание; скорбь, горе; боль, болезнь, недуг», *трудоуище* «болезнь», *трудоуатый* «больной», *трудоуатица* «больница», *трудоуитися* «работать; стараться; заботиться; страдать; подвергаться опасности», *трудоуный* «тяжелый; затруднительный; опасный; утомленный; печальный», *трудоудати* и *трудоужати* «удручать», *трудоудатися* и *трудоужатися* «работать; заботиться; изнуряться; мучиться; страдать», латыш. *strādāt* «работать; заниматься», *strādība* «трудолюбие», *strādīgs* «трудолюбивый», *strādnieks* «рабочий, работник» и русские *страдать, страда, страдание*, ст.-слав. *мѣжа* «мука», *мѣжити* «мучить», *мѣчение* «мучение» и рум. *munca* «работа, труд, дело», *muncesc* «работая, тружусь; пытаю, мучаю», *muncitor* «рабочий, работник», венг. *munka* «работа», *munkás* «рабочий, работник».

Показательными в том же смысле являются русск. *раб(ѣ)* «невольник» и *работа, работати* «работать», укр. *раб* и *робота*, польск. *robota*, болг. *раб* и *робота*, серб. *роб*, венг. *rab, rabszolga* «раб, пленник» (ср. *szolga* «слуга», *szolgálni* «служить»), рум. *rob* «раб», алб. *rob* «раб», *robëroj* «беру в плен, поработаю», *robëruar* «взятый в плен, пленный». Эти примеры указывают на первоначально бесправное положение «производителя материальных благ». Полную аналогию нашему *раб – работа, работаю* представляет греч. δοῦλος в древности «раб»,

¹⁷ Само собой разумеется, что понятий в каждом языке несравненно больше, чем слов, потому что понятия выражаются не только словами (грамматические понятия – также формами слов), но и сочетаниями слов.

затем «слуга» – δουλεῖά «рабство; труд раба» > δουλειά «работа, дело», δουλεύω «нахожусь в рабстве, тружусь как раб» > «работаю, тружусь»¹⁸.

Изучение языковых фактов показывает нам, что связь между понятиями «птица» и «летать», «лететь» многократно встречается в различных языках. Как известно, в русск. *птица*, *птенец*, *пташка* и т. п. представлен тот же корень, что и в др.-греч. πέτεσθαι, πτήναι «летать, лететь» и πτηνόν «птица»; ср. еще латыш. *putns* «птица», др.-ирл. *én* (<*petn). То же находим в арм. [thr:thʲel] «летать, лететь» и [thr:thʲun] «птица», в груз. [vphrinav] «лечу, летаю», [phrena] «летать, лететь» и [phrinveli] «птица», в фин. (суоми) *lentää*, *lennän* «летать, лечу» и *lintun*, *linnun* «птица», род. падеж «птицы».

Однако мы не находим такой, казалось бы, возможной, связи между понятиями «рыба» и «плыть, плавать». Напротив, можно найти, хотя и не часто встречающуюся, связь между понятием «плыть, плавать» и названиями водоплавающих птиц.

Без знания древней «космогонии» трудно согласиться с возможностью существования связи между понятиями «камень» и «небо». Однако такая связь существовала еще в древнеиндийском языке: *āśmân* значило «каменная глыба, камень» и «небо»; ср. древнюю форму местного падежа *āśmân* «на небе», *āśmanâu* «небо и земля» (дв. число), *āśmanmayaḥ* «каменный», *āśnaḥ* «камень», авест. *asman-*, *asma-* также «камень» и «небо», ново-перс. [aseman (asman)] «небо», лит. *akmuò*, род. падеж *akmèns* «камень», латыш. *akmens* (то же), др.-греч. ἄκμων «наковальня», ст.-слав. *камы*, род. падеж *камене*, русск. *камень*.

О существовании такой связи говорит также известный библейский рассказ из «Книги бытия» (гл. I, стр. 7-8): «καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ στερῶμα οὐρανόν»; ср. «vocavitque deus firmamentum, caelum». Эту же связь можно найти в «Калевале» (руна 10, ст. 279).

В древнеиндийском языке обнаруживается связь понятия «вода» (ср. др.-инд. *udan-*, *udam*, *udakam*, ср. лат. *unda*, греч. ὕδωρ, род. падеж ὕδατος, лит. *vanduò*, род. падеж *vandèns*, латыш. *ūdens*, гот. *watô*, род. падеж *watins* и пр.) с понятием «течь, струиться» (ср. др.-инд. *unadmi*, *unndmaḥ*, отглагольные прилагательные *unnaḥ*, *uttah*).

Понятие «женщина» в индоевропейских языках (ср. санскр. *gnâ* и *janīḥ*, *janī*, авест. *genâ*, *γνâ* и *jaini-*, ново-перс. [zæn], арм. [kin], мн. число [kanaikh], греч. γυνή, (мн. число γυναικες, беот. βανᾶ, др.-ирл. *ben*, род. падеж *mnà*, гот. *ginô* и *gêns*, англо-сакс. *cwén*, ст.-слав. *жена* и пр.) было связано с понятием «рождать, родить» (ср. санскр. непереход. *jâyê*, *jajâna*, *jajîê* и переход. *janayâmi*, греч. γίγνεσθαι и γεννᾶν, лат. *gignere*, *nasci*, *natum esse*, также лит. *gemù*, *gimti*, *gimdýti* и *žmonà*).

Связь понятий «рука» (кисть руки) и «хватать, брать», «собирать» прослеживается на таких примерах: гот. *handus*, англо-сакс. *hand*, *hond*, др.-верх.-нем. *hant* и пр. наряду с лат. *prehendō*, *prehendi*, *prehensum* и *prehensō*, греч. χανδάνω, ἔχαδον, κέχουδα, χείσομαι, ст.-слав. *рѣжа*, русск. *рука*, латыш. *roka*, лит. *rankà*

¹⁸ Ср. Я.А.Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов // ВДИ, 1951, № 2.

наряду с лит. *renkù, rinkti* «собираю, собирать», ср. *susirinkti* «собираться», *susirinkimas* «собрание» и пр.

Сравнение числительных первого десятка в индоевропейских языках подтверждает их родство, их происхождение, позволяет установить определенные фонетические и отчасти морфологические соответствия, а также расположить формы числительных отдельных языков в некотором относительном хронологическом порядке. На этом основании возможны некоторые восстановления. Однако «внутренняя форма» или «этимологическая структура» всех этих числительных остается нераскрытой.

Сравнение санскр. *panca(n)*, др.-перс. *panca*, новоперс. [pændz], арм. [hing], греч. πέντε, эол. πέμπε, ст.-слав. *пѣтъ*, лит. *penkì*, латыш. *pieci*, гот. *fimf*, лат. *quinque*, ирл. *coic* и др. дает возможность на основании соответствий восстановить форму **penk'we*.

Напротив, в австронезийских языках числительное «пять»: малайск. *lima*, сумба *lima*, фиджи *lima*, самоа *lima*, гавай *lima*, маори *rima*, таити *rima* («рука» и «пять») – своей связью со словом «рука (кисть руки)» обнаруживает свою этимологическую структуру. Такое развитие понятий в области числительных подтверждается на примерах из многих других языков¹⁹.

Наряду с этим числительное «один» представлено в различных языках различными синонимами (например, слав. *ѿдинъ*, лит. *viènas*, гот. *ains*, лат. *ūnus*, санскр. *ēkaḥ* и др.), что служит свидетельством в пользу существования в древнейшую эпоху нескольких синонимов для этого названия.

Таким образом, мы можем утверждать, что указанная этимологическая структура числительного «пять» в океанских языках является наиболее архаической. Это, конечно, еще не дает нам права настаивать на том, что дело не могло обстоять иначе с индоевропейским **penk'we*. При отсутствии связей за пределами числительных эта индоевропейская форма остается этимологически непрогнозируемой.

Задачи, выдвигаемые в связи со сравнительно-историческим изучением индоевропейских языков

Само собой разумеется, что здесь придется ограничиться только упоминанием некоторых задач, таких, как, например, пересмотр основ сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков в связи с открытием новой анатолийской группы этих языков, выяснение состоятельности так называемой ларингальной гипотезы, определение фонетического строения морфем (в частности, корней), изучение развития основ (в связи с вопросом о продуктивности древних суффиксов), выяснение происхождения флексии, а также грамматического рода, изучение развития словесного ударения, применение сравнительно-исторического-метода в области синтаксиса, выделение наиболее существенных

¹⁹ См. Н.Н.Миклухо-Маклай. Собр.соч., т. III, ч. I – Статьи по антропологии и этнографии. – М.-Л., 1951. – С. 176.

составных частей грамматического строя индоевропейских языков, определение пережитков древнейшего состояния среди этих составных частей.

***

1. Открытие в 1915 г. Б.Грозным новой группы индоевропейских языков (анатолийской) могло бы произвести переворот в сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков²⁰. Однако выдвинутая Э.Х.Стертевантом «индо-хеттская» теория, согласно которой индоевропейский язык-основа и анатолийская группа языков были двумя ветвями еще более древнего индо-хеттского языка-основы, оказалась построенной на очень непрочном фундаменте²¹.

В связи с этим данные неситского или клинописного хеттского языка, несмотря на все несоответствия графики фонетике, могли быть использованы лишь для подтверждения новыми фактами уже раньше высказанных гипотез (например, о наличии на одной из доисторических ступеней развития индоевропейского языка-основы фарингальных или ларингальных звуков, впоследствии исчезнувших, но оставивших рефлексy в виде различных качеств *a*, *e*, *o* основного гласного *e*, удлинения первоначально коротких гласных, так называемых протетических, и тематического гласного). Выводы Э.Х.Стертеванта относительно архаического характера грамматического строя клинописного хеттского языка²² не пользуются общим признанием в зарубежном языкознании.

Тем нашим ученым, которые займутся подведением итогов в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, надо будет дать обстоятельный анализ этих выводов. Самым значительным достижением в деле сравнительно-исторического изучения неситского языка является почти полное признание его одним из индоевропейских языков²³.

Весьма значительные трудности, связанные с качеством материала (неполнота, несовершенство графической передачи языка, недостаточная изученность), не дают возможности убедительно аргументировать выдвинутые на основании этого материала гипотезы, касающиеся становления и развития морфологии индоевропейского языка-основы²⁴.

2. В виду широкого распространения в зарубежном сравнительно-историческом языкознании так называемой ларингальной гипотезы (т.е. предположения

²⁰ См. Fr. Hrozný. Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm. – Leipzig, 1916-1917. О хеттском языке см.: И.Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка, пер. с немецкого, вступ. статья А.Десницкой. – М., 1952; А.В.Десницкая. Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков // Вопр. языкознания. – 1952. – № 4.

²¹ См. E.H.Sturtevant. A comparative grammar of the hittite language. – Philadelphia, 1933 (2-nd ed. – 1951).

²² См.: E.H.Sturtevant. Archaism in hittite // Language. – 1933. – Vol. IX. – № 1; его же. The pronoun *so, *sā, *tod and the indo-hittite hypothesis // Language. – 1939. – Vol. XV. – № 1.

²³ См. А.А.Фрейман. Хеттский язык в его отношении к индоевропейским // ИАН ОЛЯ. – 1947. – Т. VI. – Вып. 3.

²⁴ Ср., например, A.Vaillant. L'origine des présents thématiques en -e|o- // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1937. – Т. XXXVIII. – Fasc.1 (N 112).

о существовании в языке, который предшествовал общеиндоевропейскому, ларингальных или фарингальных звуков) критика этой гипотезы стала очередной задачей советского сравнительно-исторического языкознания.

Соглашаясь с оценкой (в общем скорее положительной), которую дает ларингальной гипотезе А.В.Десницкая²⁵, мы не можем, однако, присоединиться к той ее формулировке, где она указывает на «факт установления в хеттском ларингальных звуков». Ведь в соответствующих работах Э.Х.Стертеванта²⁶ речь, конечно, идет об отражении в хеттской клинописи каких-то рефлексов предполагаемых ларингальных или фарингальных звуков. Следовательно, были ли в самом хеттском клинописном языке или в других языках этой же группы именно ларингальные звуки, мы не знаем и не можем знать.

Если бы со всей необходимой ясностью удалось доказать состоятельность ларингальной гипотезы, это означало бы, что в сравнительно-исторической фонетике индоевропейских языков со времени К.Бругмана и Г.Гирта произошли крупные изменения.

У нас нет сомнения в том, что нельзя пройти мимо ларингальной гипотезы после того, как Е. Курилович еще в 1927 г. указал на то, что хеттское клинописное **Н (х)** в ряде слов соответствует предположенному Ф.де Соссюром «ларингальному (**А**)». Чтобы опровергнуть утверждение Е. Куриловича, надо было доказать, что в хеттском клинописном языке этот **Н (х)** является новшеством сравнительно со всеми прочими группами индоевропейских языков²⁷. Такого опровержения, насколько нам известно, не было, но были, конечно, высказаны сомнения относительно частностей.

3. Замечательная перспектива дальнейших исследований открывается в связи с возможностью сравнительно-исторического изучения языка (а может быть, языков?) минойских или крито-микенских надписей, а также тирренского или этрусского языков, лидийского и ликийского языков. Надо только проверить, действительно ли уже есть такая возможность и является ли основательным утверждение о принадлежности этих языков все к той же индоевропейской семье²⁸.

4. Ясно, что в настоящее время не может уже быть приемлемым такой взгляд на корни индоевропейских языков, согласно которому все они будто бы когда-то являлись самостоятельными словами. То, что теперь называется корнями разных индоевропейских языков, возникло не одновременно на какой-то ступени развития языков и не из одного и того же источника.

---

²⁵ См.: А.Десницкая. О хеттском языке [вступ. статья в указ. книге И.Фридриха]. – С. 35; А.В.Десницкая. Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков. – С. 57.

²⁶ См., например, Е.Н.Sturtevant. The indo-hittite laryngeals. – Baltimore, 1942.

²⁷ Ср. J.Kurylowicz. Études indoeuropéennes. I. – Kraków, 1935. – С. 27-76 (II. Sur le éléments consonantiques disparus en indoeuropéen).

²⁸ См.: В.Георгиев. Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. – София, 1954; его же. Вопросы родства средиземноморских языков // Вопр. языкознания. – 1954. – № 4; С.Я.Лурье. [рец. на кн.:] В.Георгиев. Проблемы минойского языка. София, 1953. – ВДИ. – 1954. – № 3.

Эти корни, прежде чем стать составными частями (корневыми морфемами) простых и сложных слов, подвергались неоднократным фонетическим изменениям и преобразованиям. В большинстве случаев они достигли размеров одного слога, построенного по действующим в каждом языке законам взаиморасположения звуков. Были, конечно, и такие случаи, когда всем этим преобразованиям подверглись существовавшие на древних ступенях развития отдельные слова или формы слов²⁹.

5. В связи с вопросом о происхождении и развитии флексии находится вопрос о происхождении различий между основами по их характеру. Выше уже шла речь о противопоставлении атематических и тематических форм друг другу (ср., например, санскр. *pât*, род. падеж *padaḥ* и *padam*, род. падеж *padasya*, *pâdaḥ*, *pâdasya* «нога», *pûḥ*, род. падеж *poraḥ* и *puram*, род. падеж *purasya*, *nâḥ*, род. падеж *nuḥ* и *naraḥ*, род. падеж *narasya*; санскр. *admi* и греч. ἔδω, ἔδομαι, санскр. *hanmi* и греч. θείνω, санскр. *bibharmi* и *bharâmi*, греч. φέρω).

Что же такое тематические формы? Были ли они формами, которые охраняли какой-то первичный суффикс, со временем утративший свое смысловое значение, или же в них содержатся древние корни с конечным тематическим гласным? Уже давно была установлена связь между атематическим и тематическим характером глаголов, с одной стороны, и противопоставлением изъявительного и сослагательного наклонений в древних индоевропейских языках, с другой.

Атематические глаголы, очевидно, становились тематическими в сослагательном наклонении, тематические же глаголы, так сказать, вдвойне тематическими (их признаком была долгота тематического гласного). Дальнейшее исследование соотношения атематического и тематического классов (в тех языках, где еще существовало подобное противопоставление) помогло бы выяснить первоначальную природу тематического гласного в глагольных основах.

6. Когда теория «агглютинации» была противопоставлена теории «адаптации», казалось, что признание одной теории равносильно отрицанию другой. Мы не можем еще утверждать, что вопрос о происхождении и развитии именной и глагольной флексии в индоевропейских языках является уже решенным: до этого пока далеко. Нам ясно, что для решения его нужно открытие новых фактов из неиндоевропейских языков, а также широкое использование аналогий из истории неиндоевропейских языков, грамматический строй которых обнаруживает явления, подобные тем, которые имеют место в именной и глагольной флексиях индоевропейских языков.

Вопрос о происхождении и развитии грамматического рода в индоевропейских языках был снова поставлен в связи с открытием хеттского клинописного (или неситского) языка, в котором не было обнаружено морфологических признаков различия трех грамматических родов.

Этот вопрос ставили также в связи с классификационными префиксами судано-гвинейских языков и языков банту в Африке и с так называемыми «счет-

²⁹ Ср. J.Kurylowicz. *Études indoeuropéennes*. I. – Kraków, 1935. – С. 77-130 (III. Les changements vocalique et leur chronologie).

ными» словами в языках Азии (тюркских, новоиранских, тибето-китайских) и Океании (индонезийских, меланезийских, микронезийских).

Однако на основании таких сопоставлений еще не удалось решить данного вопроса. Исследование материала самих индоевропейских языков исторической эпохи пока что позволило установить, что противопоставлению трех грамматических родов могло предшествовать противопоставление двух родов (ср. одинаковые формы слов мужского и женского рода в древнегреческом и латинском языках, например, ὁ πατήρ, ἡ μήτηρ, *pater m.*, *mater f.*, ἡ τύρσις, *túrriς*, *turris f.*, ὁ ἔχλις, *anguis m.* и *f.* и т.д.).

В некоторых индоевропейских языках различие грамматических родов свелось к противопоставлению только двух родов (мужского и женского в романских языках, рода живых существ и рода вещей в скандинавской ветви германских языков), в других оно вовсе исчезло³⁰.

7. Для восстановления древнего словесного музыкального ударения большую ценность представляет материал славянских языков, в частности восточнославянских и сербо-хорватского, литовского языка, древнегреческого и древнеиндийского (акцентуированные ведические тексты).

Именно на этом материале основана сравнительно-историческая акцентология индоевропейских языков. Успехи ее измеряются теми законами, которые удалось установить в этой области. До последнего времени она остается доступной только для узкого круга специалистов, среди которых у нас есть такие ученые, как член.-корр. АН СССР проф. Л.А.Булаховский.

Вообще в области фонетики индоевропейских языков слишком много неразрешенных вопросов, связанных с восстановлением древнейших ступеней развития, чтобы в нескольких словах можно было дать о них представление. Упомянем еще хотя бы о следующих. До сих пор остаются не установленными причины возникновения так называемого качественного чередования гласных в индоевропейских языках (*e-o*, ср. русск. *бреду* – *брод*, *везу* – *воз*, *гребу* – *гроб*, *плету* – *плот*, *теку* – *ток*). Далеко недостаточно исследованной остается группа так называемых сонантов, которые имели в фонетике индоевропейских языков большое значение. С характером этих звуков связан также вопрос о дифтонгах в индоевропейских языках.

8. До сих пор остается не исследованным вопрос о становлении и развитии парадигм склонения в индоевропейских языках, который в истории науки неоднократно был предметом размышлений и споров³¹.

Нам представляется возможным связать этот вопрос с вопросом о становлении и развитии одного из типов наречий (суффиксация именных корней и основ). Если в историческую эпоху падежные формы имен превращались в наречия, то для эпохи становления парадигм склонения можно предположить использование

³⁰ Ср.: А.В.Десницкая. Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков. – С. 57; I.Lohmann. Genus und Sexus. – Göttingen, 1932.

³¹ Ср., например, И.В.Нетушил. Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка, т. II – О падежах, Харьков, 1885.

наречий (суффиксированных имен и местоимений) в качестве падежных форм. Сравнительно-историческое изучение наречий и падежных форм обнаруживает подвижность границы между теми и другими.

Для восстановления основных линий развития в области синтаксиса падежей наибольшее значение имеют такие языки, как санскрит, сохранивший или выработавший наибольшее число падежей (8), литовский (7), славянские языки (от 7 до 6), латинский (6), отчасти древнегреческий (5, при совпадении в одной форме *dativus – instrumentalis – locativus* и в другой форме *genetivus – ablativus*).

Если сравнительно-историческое исследование флексии имен дает возможность восстановить древнейшую парадигму склонения имен в единственном, а отчасти и во множественном числе, то этого нельзя сказать о личных (в известной мере и о прочих) местоимениях. Здесь следует установить причину различия именной и местоименной флексий и, в частности, исследовать становление и основные ступени развития флексии местоимений (в первую очередь, личных).

Однако при восстановлении фонетической стороны развития языков мы всегда имеем значительные преимущества сравнительно с попытками восстановления синтаксической (сочетание форм) и семантической (выражение понятий) сторон.

Среди так называемых недостатков сравнительно-исторического метода указывают на то, что до последнего времени не удалось открыть достаточно определенных закономерностей развития и установить основные ступени развития синтаксических фактов. В этой области новшества оказываются столь значительными, что за ними часто не видно следов древнейшего состояния.

Если взять, например, соотношение сочинения (паратаксиса) и подчинения (гипотаксиса) в истории отдельных языков, то кажется бесспорным факт первичности сочинения и вторичности подчинения. Однако и этот факт требует проверки в зависимости от разновидности общенародного языка. Так, например, в литературной и письменной разновидности языка последовательность изменений от сочинения к подчинению является вполне естественной, но в разговорной разновидности подобное же естественное развитие может многократно нарушаться под влиянием первой названной разновидности.

Если сравнить греческий язык на разных ступенях его развития, то можно установить такую последовательность: преобладание сочинения над подчинением в языке гомеровского эпоса, затем – широкое распространение подчинения в классическую эпоху, сохранение его в письменной литературной разновидности в эллинистическую и римскую эпохи, но в то же время как бы «восстановление» сочинения в неофициальных бытовых документах, весьма существенное расхождение между литературной и обиходной разновидностями в византийскую эпоху и, наконец, снова широкое распространение сочинения в той разновидности литературного языка, которая развивалась на основе общенародного, разговорного языка (ἡ δηϊοτική, ἡ κοινὴ καθομιλουμένη), при гораздо более значительном сохранении подчинения в архаизирующей разновидности (ἡ καθαρρεύουσα).

9. Несомненно, что принятое в нашей науке после 1950 г. положение об устойчивости грамматического строя языка не только сравнительно с общим сло-

варным составом, но и сравнительно с основным словарным фондом не следует понимать догматически. Речь идет, конечно, об относительной, а не об абсолютной устойчивости грамматического строя.

Так, например, современный английский язык сохраняет в своем грамматическом строе некоторые характерные черты грамматического строя англо-саксонского языка, однако в нем очень мало черт, характерных для таких языков, как санскрит, литовский, старославянский (чередование гласных в некоторых корнях, супплетивизм и сохранение категории грамматического рода в личных местоимениях, спряжение *to be* и т. п.).

Хотя первичные пракрыты и литературная форма одного из них – санскрит – были родоначальниками современных нам индоевропейских языков Индии, грамматический строй этих последних гораздо более существенно изменился, чем основной словарный фонд. Не только прежнее склонение имен вытеснено сочетанием основ с послелогом, но и спряжение перестроено на новых основах³² (ср. табл. 7).

Следовательно, при неограниченности языковых изменений любой язык не теряет своих родственных связей даже при существенном изменении своей основы: грамматического строя и основного словарного фонда.

Сравнительно-исторический метод тогда может успешно применяться для исследования языкового материала, когда в этом материале есть генетически связанные, но фонетически или семантически различные слова и формы слов, относящиеся к различным ступеням развития одного и того же языка или к различным языкам и диалектам. Восстановление древних форм и древних парадигм возможно лишь при наличии определенных нарушений систем, обычных для данной ступени развития сопоставляемых языков. До сих пор остается в силе правило, установленное А.Мейе: «Язык тем менее допускает сравнительное изучение, чем регулярнее его морфология»³³.

Несомненно то, что сопоставительное изучение неродственных языков (например, русского и арабского) ограничивается одной ступенью развития сопоставляемых языков. Напротив, сравнительно-историческое изучение родственных языков (например, русского и польского) не может ограничиваться одной ступенью развития сравниваемых языков, потому что при изучении их на разных ступенях развития (в исторической перспективе) по мере отдаления от современного нам состояния сходство грамматического строя и словарного состава родственных языков увеличивается.

Создание учебных пособий по сравнительно-историческому языкознанию

До сих пор лишь опыт сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков использовался при изучении иных семейств и групп языков, в

³² Ср. А.П.Баранников. Флексия и анализ в новоиндийских языках // Ученые записки [ЛГУ]. – № 98. – Серия востоковед. наук. – Л., 1949. – Вып. 1.

³³ А.Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – С. 444.

то время как сравнительно-историческое изучение неиндоевропейских языков очень мало дало для углубления исследований индоевропейской семьи языков.

Поэтому наряду с необходимостью разработки основ сравнительно-исторического языкознания в результате обобщения опыта сравнительно-исторического изучения языков различных групп и семейств перед нами стоит задача создания сравнительно-исторических грамматик уже установленных языковых семейств.

Надо приветствовать появление в 1953 г. «Сравнительной грамматики монгольских языков» (т. I) проф. Г.Д.Санжеева. В первую очередь хорошо было бы издать сравнительно-исторические грамматики (на русском языке) языковых семейств, представленных в Советском Союзе: индоевропейского с группами славянской, балтийской, иранской, армянской, романской, индийской (цыганский язык), тюркского, финно-угорского, самодийского, тунгусо-маньчжурского, эскимосского. Разнообразие грамматического строя языков, представленных на территории Советского Союза, является залогом успеха в деле обобщения опыта сравнительно-исторических исследований.

Относительные достижения в области сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков объясняются не только тем, что этими языками много занимались, но и тем, что в пределах этого семейства оказались как близкородственные языки (объединенные в группы), так и отдаленно родственные, а также тем, что сохранились письменные памятники древних индоевропейских языков (начиная от II тысячелетия до н. э.).

Одной из очередных задач в области сравнительно-исторического языкознания является создание учебного пособия по основам этой науки для университетов и самообразования. Как показывает опыт создания новых курсов основ языкознания (имеется в виду «Введение в языкознание»), необходимо выделить сравнительно-историческое языкознание из состава общего языкознания, в пределах которого не удастся в должной мере осветить основные проблемы этой чрезвычайно важной отрасли языкознания.

***

В течение известного периода, предшествовавшего лингвистической дискуссии 1950 г., исследования сравнительно-исторического характера если и велись, то в весьма ограниченном плане (исследования отдельных групп родственных языков, исследования в области истории отдельных языков, но чаще всего без восстановления языковых фактов и явлений). Доистория языков была заменена фантастической палеонтологией, сомнительными семантическими законами и совершенно туманными стадиями развития языков. Понятие родства языков по происхождению и предположение о существовании «праязыка» или языка-предка были отвергнуты на основе вульгарно-социологического учения о единстве «глоттогонического процесса». Сходства, идущие в глубь веков, наблюдаемые в грамматическом строе и основном словарном фонде языков, объяснялись непосредственно социально-экономическими условиями развития языков и результатами схождения или скрещений языков. Ошибки исследователей без разбора

приписувались сравнительно-историческому методу, будто бы буржуазному в своей основе. Имена знаменитых исследователей и добросовестных тружеников, представителей отечественной науки, предавались забвению. В то же время у нас беспрепятственно развивалось описательное языкознание. Шла работа по составлению нормативных грамматик и словарей (кроме этимологических). Производилось накопление материала в области диалектологии.

Настало время устранить образовавшуюся у нас диспропорцию между описательным и сравнительно-историческим языкознанием. Используя описания языков народов и народностей Советского Союза, пора теперь приступить к их изучению на основе сравнительно-исторического метода. Необходимо обобщить опыт сравнительно-исторического изучения языков различных языковых семейств. Надо проверить основные достижения в области изучения индоевропейских языков. В области сравнительно-исторической грамматики нужно отделить существенное от несущественного. Следует обратить внимание на многосторонние связи истории языка с историей общества. Все это даст нам возможность приступить к решению основной задачи: установить закономерности развития языков.

Знаковая теория языка¹

По вопросу о «знаковой природе» языка и речи, о понимании «лингвистического знака» в наше время написано и напечатано слишком много для того, чтобы охватить все стороны этого вопроса в небольшом сообщении. Надо полагать, что сборник, изданный в прошлом году Берлинской Академией наук, дает довольно полное представление о современном состоянии вопроса². Известный советский специалист по вопросам семасиологии проф. В.А.Звегинцев в предисловии к первой части второго сборника «Новое в лингвистике», упоминая о поисках «решения чрезвычайно сложного и весьма запутанного вопроса о природе лингвистического значения», не решается безоговорочно назвать «лингвистическое значение», просто «экстралингвистическим» явлением и лишь ссылается на «широкий философский выход» этой проблемы, «о котором здесь по понятным причинам не представляется возможным говорить»³.

Мы тоже не будем касаться философской стороны вопроса о смысловом значении лингвистических элементов, но по той простой причине, что не считаем это значение «экстралингвистическим фактом»: экстралингвистическим может быть реальный мир, но наш подход к нему не может не быть лингвистическим. Так как в дальнейшем речь будет идти не о задачах или методах современной науки о смысловой стороне языка – семасиологии⁴, а только об отношении выражения к содержанию (это отношение будет определяться термином «знак»), то вначале придется остановиться на наиболее существенной стороне отношения – на содержании. Что такое смысловая сторона (смысл, содержание, значение, смысловое значение и т. п.) лингвистического элемента (морфемы, словоформы, слова, словосочетания и пр.)? Не действительность является содержанием

---

¹ Уперше опубликовано в: Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М.: Наука, 1964. – С. 38-46.

² См.: «Zeichen und System der Sprache», Bd. 2. Berlin, 1962.

³ Сб. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, с. 16.

⁴ Некоторое представление об этом дает брошюра: А.И.Кузнецова. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. – Изд-во МГУ, 1963, с. 58.

лингвистических элементов, а наша (существующая в нашей памяти, в нашем сознании) схема отражения действительности. Если язык (инвентарь лингвистических элементов; правила их использования – их система; текст, содержащий сообщения) является вторичным по отношению к действительности в нашем сознании и вне нашего сознания, то логика (какой бы она ни была) оказывается вторичной по отношению к языку. Как это ни странно, именно об этом забывают ученые, утверждающие, будто «логическое явление – понятие – превращается в лингвистическое явление – логическое или грамматическое значение»⁵. Любая логика с ее понятиями (идеями, концептами) построена из данного в каком-либо естественном языке. П.И.Визгалов различает две формы мышления: понятие («это мысли о существенных и общих признаках предметов, представляющие собой суждения, выраженные в предложениях») и с е м у («элементы суждений представляют собой особую форму мышления. В языке она выражается в словах. В дальнейшем изложении эту единицу мы будем называть с е м о й»)⁶. В дальнейшем он вводит следующие соответствия единиц языка единицам мышления: «Если в языке основными единицами (формами) являются предложение и слово, то в мышлении основными единицами являются логема и сема» (стр. 16). Следовательно, сема – это смысловое содержание слова, или, точнее сказать, – любого лингвистического элемента на семантическом уровне. Думается, что П.И.Визгалов прав, настаивая на различии «соотносительных явлений»: «представления, понятия, семы и слова» и объектов действительности (стр. 19). Не прав он в определении отношения «слова» и «сем», а также в приписывании проф. А.И.Смирницкому идеализма (стр. 22-28). Совершенно непонятно, почему «лингвисты, признающие двусторонний характер слов, оказываются в затруднительном положении: логика принуждает их признать классовый характер языка» (стр. 26). Автор, вульгаризируя диалектический материализм, считает, что любая мысль, любое высказывание, любое суждение непременно носит «классовый характер». Само собой разумеется, что между смысловым содержанием предложения и смысловым содержанием составных частей предложения (словоформ) не может быть параллелизма, так же как, например, между значением букв и значением слова, состоящего из таких-то букв. Нелепо также отрицать основательность противопоставления текста (соответственно – речи), системы и инвентаря (соответственно – языка). Мысль о том, что логика может оказаться «составной частью языкознания» не должна пугать автора: в этом для логики (все равно какой!) нет ничего унижительного. Провозгласивши формулу «нет сем без слов и слов без сем» (стр. 25), П.И.Визгалов объявляет дальше (стр. 27), что лингвисты не изучают «значений слов»: они «изучают лишь отношение слов к значениям (семам)». Интересно знать, если «сем» вообще познаваемы, кто же должен изучать их и можно ли изучать их «без отношения к словам»? По мнению автора, должна существовать особая наука, изучающая «отношения единиц языка к единицам мышления», это будет «логическая лингвистика» и «лингвистиче-

⁵ См.: «Новое в лингвистике», вып. II, с. 14.

⁶ П.И.Визгалов. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления. – Изд-во Казанского ун-та, 1962, с. 16.

ская логика», а в «настоящее время подобием (подчеркнуто нами – А. Б.) такой лингвистической логики как раз и является семасиология» (стр. 28). Может быть, семасиология – это все еще *pium desiderium*, но в основе ее остается понимание двусторонности лингвистических величин (ср. у Ф. де Соссюра: «В языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли»)⁷.

Другого рода вульгаризация диалектического материализма содержится, например, в изданном в Кишиневе учебнике «Введение в языковедение», где автор демагогически декларирует: «Буржуазная идеалистическая лингвистика тоже определяет язык как систему знаков, но наше понимание языка как системы знаков принципиально отличается от понимания идеалистического. Идеалисты считают объективный, окружающий нас мир непознаваемым, образ предмета, возникающий в нашем сознании, по их мнению, является субъективным созданием нашего разума, и этот образ якобы является лишь символом, знаком существующего вне нас предмета. Поэтому слово для идеалистов по отношению к внешнему предмету является знаком знака, а сам язык системой знаков знаков. Совершенно по-иному понимается язык как система знаков в советском языковедении. Марксизм учит, что окружающий мир познаваем, что образ предмета, возникающий в нашем сознании в результате воздействия предмета на органы чувств, – это слепок, копия, снимок с этого предмета, а не символ его. Поэтому слово как звуковой комплекс является знаком образа – копии предмета, а за ним и самого предмета»⁸.

Кажется, Аврелий Августин (354-430 гг. н. э.) в своем понимании *verbum-signum* (=signans vel significans+signatum vel significatum) был ближе к современному и притом диалектическому пониманию «языкового знака», чем Б.П.Ардентов! Б.П.Ардентов подменяет «широким философским выходом» (см. выше слова В.А.Звегинцева) собственно лингвистический вопрос о смысловой стороне языкового знака. Конечно, этой стороной не может быть «образ предмета... слепок, копия, снимок с этого предмета», тем более образ «копии предмета, а за ним – и самого предмета», потому что образы, т. е. представления, сугубо индивидуальны в отличие от «схем» действительности, которые оказываются однотипными в данном языковом коллективе. Пожалуй, те, которые говорят о слове (или какой-либо другой величине семантического уровня), как о (лингвистическом) знаке (познавательного) знака, ближе к творческому марксизму, чем те, которые в смысловой стороне языковых величин видят только «образы предметов». Интересно, какой именно «образ предмета» возникает в сознании автора названного учебника при употреблении слова *время*? Может быть, при этом у него возникает образ часов на руке, а у меня, например, возникает образ старика Хроноса... Но какое отношение все эти образы имеют к процессу коммуникации, к передаче и приему информации? С точки зрения «языка» важно только, что *время*, *tempus*, *le temps*, *the time*, *die Zeit* и т. д. выражают одно и то же понятие, одну и ту же идею, одну и ту же схему (не реалистическое или фотографическое

⁷ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. – М., 1933, с. 113.

⁸ Б.П.Ардентов. Введение в языковедение. – Изд-во Кишиневского гос. ун-та, 1961, с. 123-124.

изображение!) действительности. Хотя я вместе с автором учебника считаю, что всякая действительность (включая и человеческое сознание) познаваема, однако полагаю, что вопрос о познаваемости или непознаваемости действительности не имеет отношения к вопросу о смысловой стороне языкового знака. Определение элементов языка как языковых или лингвистических знаков еще и в настоящее время наталкивается на различные препятствия.

Отметим по крайней мере два из них.

1. Трудность перехода от бытового слова *знак* (1) к специальному термину «знак» (2). Общеизвестно, что при обозначении какого-либо более или менее абстрактного понятия в языке очень часто используется название чего-либо конкретного, связанного с данным абстрактным. Так, например, в русском языке *месяцем* называется не только небесное тело, спутник Земли (Луна), но и промежуток времени, в течение которого (приблизительно!) завершается полный цикл лунных фаз («лунный месяц» от 29 до 30 дней, календарный месяц от 29 до 31 дня). Когда мы видим схематическую стрелку, указывающую нам направление чего-нибудь (например, направление поворота рычага в механизме), мы называем «знаком» эту стрелку, а не то, что она обозначает, хотя понимаем в то же время, что она не была бы знаком без обозначаемого ею. В науке о знаках (как в семиотике вообще, так и в лингвистике в частности) знак рассматривается как диалектическое единство формы (выражения) и содержания (значения, смысла, смыслового значения и т. п.). Можно сказать, что в этом случае мы смотрим на конкретное (форму) со стороны абстрактного (содержания), считая абстрактное инвариантом, а конкретное вариантом. Так, например, неизвестные величины в математике принято обозначать последними буквами латинского алфавита (x, y, z), но мы понимаем, что это условность, и мы можем обозначать их любыми другими буквами, например L, M, N. Таким образом, термином «знак» называется особого рода отношение, существующее между конкретными фактами и явлениями действительности, с одной стороны, и абстрактными схемами, результатом переработки в нашем сознании информации, извлеченных из окружающего мира, с другой стороны. В этом понимании знаки и их взаимные связи, их системы, являются оформлением «второй сигнальной системы». При помощи знаков, путем различных операций со знаками мы извлекаем информации о действительности, перерабатываем их и храним в нашей памяти.

2. Трудность перехода от знака вообще (1) к лингвистическому знаку в частности (2). Начиная от Ф. де Соссюра, многие исследователи языкового материала указывали на различие, существующее между просто знаками и лингвистическими, или языковыми знаками. На основании этих различий В.А.Звегинцев пытается частично отрицать «знаковую природу языка», а следовательно, и «знаковую теорию языка». После предельно сжатого исторического обзора (от Аристотеля до А.И.Смирницкого и Е.М.Галкиной-Фодорук) В.А.Звегинцев противопоставляет знаки вообще собственно лингвистическим элементам⁹. Он рассуждает следующим образом:

⁹ См.: В.А.Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. – Изд-во МГУ, 1962, с. 12-53.

1. Для знаков вообще характерны: 1) непродуктивность, 2) отсутствие смысловых отношений (между ними), 3) автономность знака и значения, 4) однозначность и 5) отсутствие эмоционально-экспрессивных элементов.

2. Все это имеется в словах любого естественного языка, следовательно, слова – это не знаки. Правда, после этого он делает оговорку о том, что «термины можно рассматривать как знаки, а слова нет». Если бы все это не смотрело на нас со страниц книги, претендующей на звание учебника, едва ли стоило бы останавливаться на этой попытке вывести лексикологию или семасиологию за пределы семиотики. Здесь необходимо указать только на два существенные обстоятельства.

1) В.А.Звегинцев, обращая внимание читателя на различия между знаками вообще и лингвистическими знаками, не дает при этом оценки: что же важнее – сходства тех и других или установленные им различия. Очевидно, сходство, т. е. отношение формы (которая, по определению Ф. де Соссюра, не обязательно должна быть материальной и в отношении которой возможна «субституция») и содержания (схемы переработки информации о действительности), оказывается более существенным, чем устанавливаемые В.А.Звегинцевым различия.

2) В.А.Звегинцев сопоставляет просто знаки только со словами, оставляя в стороне вопрос о прочих лингвистических элементах различных уровней, а к словам он подходит то диахронически (и в этом плане «слово» оказывается «продуктивным»; выражение может оказаться не только связанным с содержанием», но в какой-то мере им обусловленным – мотивированным, «слово оказывается также почти непременно многозначным), то синхронически (и в этом плане, взятое в контексте или даже в парадигме, оно непременно обрастает «экспрессивными» моментами). Напротив, ко всем прочим знакам он не знает другого подхода, кроме синхронического. Таким образом, его критика «знаковой теории» не поднимается до современного уровня лингвистических дисциплин. Современная семасиология, при всех ее недостатках, довольно прочно стоит на почве «знаковой теории» и попытка сдвинуть ее с этой почвы в настоящее время оказывается «беспочвенной».

Теперь вернемся к двум основным видам знаков, используемых в человеческом обществе.

Знак – общеславянское слово, производное от корня, представленного в глаголе *знать*. Такого же типа слово *брак* (женитьба, замужество, бракосочетание), образованное от корня, представленного в глаголе *братъ*. Несколько другого типа (не «основа + къ», а «основа + акъ») производные *вожак* < *водить*, *лежак* < *лежать*, *резак* < *резать*, *тесак* < *тесать*, *трепак* < *трепать*, *черпак* < *черпать*. В быту слово *знак* очень часто выступает в синонимическом ряду со словами *признак*, *примета*, *черта*, *характер*, *атрибут*, *особенность* и т. п. То же самое наблюдается у соответствующих ему по основному содержанию слов других языков, например латинского *signum* (итал. *segno*, исп. *seño*, порт. *senho*, рум. *semn*, франц. *signe*, англ. *sign*), греч. σμῆμα (ср. τεκμήριον, κρίτήριον,

χαρακτήρ, γνώρισμα, σύμβολον), нем. *Zeichen*, англ. *token*, др.-инд. *laksanám*, (*laksám*, *laksmi*, *lingám*) и др. Свойством всякого знака является то, что он имеет значение (смысл, смысловое значение, содержание, смысловое содержание, *significatio*, σημασία). Наличие значения делает знак двусторонним явлением: одна его сторона может непосредственно восприниматься органами чувств, а другая подразумевается теми, кто использует данное явление в качестве знака. Таким образом, в знаке осуществляется единение материального и идеального. Материальное выступает как представитель идеального. Предмет, явление, действие могут оказаться формой знака (выражением), ассоциируемой с каким-либо элементом содержания, который в логике соответствует простому или сложному понятию. Так как в быту речь идет чаще всего не о лингвистических знаках, а просто о знаках, то и само слово «знак» обычно понимается как форма такого-то знака, «знак чего-то». Такое понимание, как мы отмечали, встречается и у языковедов, для которых, например, произнесенное или написанное слово *стол* является знаком конкретного стола. Кстати, эти языковеды обычно не обращают внимания на различие между словом (лексическим инвариантом) и формами слова (грамматическими вариантами). Довольно нелепым, если вдуматься как следует, является до сих пор встречающееся в учебниках выражение «звуковая оболочка слова». Употребляющие это выражение должны признать собственно словом «смысловое ядро слова». Очевидно, слово, как и другие лингвистические величины, можно рассматривать как со стороны формы (выражения), так и со стороны содержания (смысла), но единственное понимание, которое дает возможность приблизиться к его сущности, – это понимание его как диалектического единства формы и содержания. Это последнее понимание вполне оправдано в отношении сущности всех знаков. Как показывают дискуссии и полемика последних лет, в знаковой теории продолжается борьба двух направлений: унилатерализма и билатерализма. Для унилатералистов знак – это форма, нечто конкретное и материальное; знак выражает (=обозначает) содержание, существующее только в сознании пользующихся данной формой. Напротив, для билатералистов знак – это определенная ассоциация (отношение, связь и единство) формы и содержания, ибо лишь при такой ассоциации знак выполняет коммуникативную (а при языковой коммуникации – экспрессивную и импрессивную) функцию.

В семиотике и в лингвистических дисциплинах слово *знак* употребляется не как бытовой лексический элемент, а как специальный термин, резюмирующий такое выражение, как «единство формы и содержания» и аналогичные ему. Так же, как, например, в статуе важна форма, а не материал, материальная сторона знака может подвергаться замене (ср., например, замену акустической стороны оптической при одном и том же содержании). На этом важном вопросе мы здесь не останавливаемся. Подобно тому, как Аврелий Августин различал *signa data* и *signa naturalia* «знак» надо отличать от «признака» или «приметы» (ср. противопоставление *Zeichen*, *Symbol* и *Kennzeichen*, *Merkmal*)¹⁰.

В зависимости от сферы использования надо различать два основных класса знаков: 1) знаки нелингвистических систем и 2) знаки лингвистических

¹⁰ См. упомянутый выше сборник «*Zeichen und System der Sprache*».

систем. Определение нелингвистического знака можно найти в статье «Знак» Философской энциклопедии (авторы: А.Ветров, Д.Горский, Л.Резников).

Хотя между этими классами существуют значительные различия, и те и другие могут рассматриваться в пределах категории знаков. Среди неязыковых знаков различаются: 1) знаки-копии, 2) знаки-признаки (приметы), 3) знаки-сигналы, 4) знаки-символы, которые могут являться и языковыми знаками.

О знаковой теории языка, т. е. о взгляде на язык как на систему условных знаков, которые обозначают не то, чем они являются (безотносительно к языку), можно говорить после публикации лекций Ф. де Соссюра по общему языкознанию¹¹.

Он указал на три основные особенности лингвистических знаков: 1) произвольность, 2) линейность, 3) изменчивость, не зависимость от индивидуальной воли. Кроме этих особенностей следовало бы указать еще на две: 4) структурный характер или структурность: каждый лингвистический знак по своей форме и своему содержанию оказывается довольно сложным, структурным, например морфема состоит из ряда определенным образом расположенных фонем и т. д.; 5) иерархический характер лингвистических знаков на разных уровнях (уровень – это система однородных или соизмеримых знаков).

Ф. де Соссюр ввел метафорическое понятие «ценности» (*valeur*) лингвистических знаков и различие их ассоциативных (парадигматических) и синтагматических взаимосвязей. Первую из указанных им особенностей многие языковеды оспаривали (например, Эмиль Бенвенист в «Природе лингвистического знака»)¹².

Сущность лингвистического (символического) знака обнаруживается в ассоциации его выражения (формы) в психике передающего и принимающего с определенным опосредствованным явлением их внутреннего мира или с преломленным¹³ в их внутреннем мире явлением внешнего мира (с содержанием).

Таким образом, знаки, выступающие в процессе коммуникации, можно разделить на: 1) природные (натуральные, конкретные), которые тождественны своим реализациям (не имеют постоянной формы), и 2) условные (конвенциональные, абстрактные), которые могут выступать в разных реализациях (постоянны в своих различительных чертах, отличающих их от прочих знаков систем и от не-знаков).

Чтобы правильно понять сущность лингвистического знака, надо рассматривать его в акте коммуникации: 1) передающий посылает или передает знак; 2) принимающий принимает знак; 3) знак реализуется в виде физического явления – это его форма или его выражение; 4) знак вызывает психическую реакцию у принимающего – это содержание знака.

Лингвистический знак можно рассматривать под углом зрения: 1) передающего, как а) случайный или б) намеренный; 2) принимающего, как в) мнемо-

¹¹ См.: Ф. де Соссюр. Указ. соч., с. 77-87.

¹² См.: E. Benveniste. Nature de signe linguistique. «Acta Linguistica», I, 1939.

¹³ Так как речь идет о переработке, то я думаю, что в данном случае более точным выражением будет *преломление*, а не просто *отражение*.

нический («памятный») или г) коммуникативный; 3) физического явления, как воспринимаемый тем или иным органом чувств: слуховой, зрительный, осязательный, обонятельный, вкусовой, а также д) кратковременный (например, жест) или е) долговременный (например, буква); 4) психической реакции, как ж) субъективный – экспрессивный или импрессионный, или з) объективный – собственно символ или символический знак; 5) причин связи данного выражения с данным содержанием, как и) мотивированный и к) немотивированный.

Символические знаки имеют варианты и инварианты. Как инварианты они отличаются в той или иной мере от каждой своей реализации, т. е. вариантов. Особенно это их свойство обнаруживается в лингвистических системах.

В генетическом плане лингвистические знаки (особенно в области письма) можно разделить на: а) изобразительные, или фигуративные и б) неизобразительные, или конструктивные. Многие конструктивные знаки по своему происхождению оказываются фигуративными.

Система лингвистических знаков может быть сопоставлена с какой-либо другой системой знаков, так как у них есть «основание сопоставления», т. е. общие черты. Но, конечно, у них обнаруживаются и различные черты. Когда мы говорим о языке, мы не называем его просто «системой знаков», но «системой лингвистических знаков», имея в виду различия обоих типов знаков.

Элементы языка можно сравнить с элементами других знаковых систем, но систему языковых знаков следует сопоставлять не с изолированными знаками других систем, но лишь с неязыковыми системами знаков. Конечно, в знаковой теории остается еще много нерешенных вопросов, не выяснено, например, существуют ли изолированные знаки, т. е. системы из одного элемента (разумеется, о знаках-копиях и знаках-признаках здесь не идет речь). Неясно также, существуют ли, кроме языка, системы с иерархией знаков.

Так называемая знаковая теория или, лучше сказать, знаковое понимание языка позволяет установить связь лингвистических дисциплин с семиотикой и кибернетикой, а потому является не только теоретически (определение диалектического единства формы и содержания в языке), но и практически (в прикладной лингвистике) полезной в настоящее время. Учитывая все это, мы полагаем, что советское языкознание не должно чуждаться знакового понимания языка.

Из наблюдений над морской лексикой венгерского языка¹

На первый взгляд заглавие нашей статьи может показаться довольно странным. Какой интерес представляет «морская лексика» народа, который в историческую эпоху своего существования находился и теперь находится так далеко от моря? Прежде чем прямо ответить на этот естественный вопрос, постараемся дать некоторые существенные для названной темы разъяснения.

Мы не будем останавливаться на уже неоднократно бывшем предметом обсуждения вопросе о том, как следует понимать «систему лексики» или «лексическую систему языка»². Очевидно, не надо разъяснять того, что в пределах лексики любого натурального языка существуют элементы, тесно связанные друг с другом, и элементы, взаимосвязь которых представляется довольно слабой. Тесно связанные друг с другом элементы обнаруживают свою связь как в своей форме, так и в своем содержании. Напротив, слабо связанные элементы сближаются друг с другом либо по форме, не будучи близкими по содержанию, либо по содержанию, не имея ничего общего в отношении формы.

Нередко бывает так, что первоначальная тесная связь элементов (семантем-морфем и лексем) со временем ослабляется в результате их семантического расхождения и обособления. Такие элементы изолируются в синхроническом плане. Происходит то, что акад. Л.А.Булаховский назвал «деэтимологизацией»³.

Однако в большинстве случаев даже при поверхностном переходе от синхронии к диахронии первоначальная тесная связь (фономорфологическая и семантическая) легко восстанавливается.

В любой лексической сфере натурального языка (если угодно – в любом «семантическом поле» или в любой «лексической теме») мы можем найти груп-

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Slavica. – Debrecen, 1970. – Т X. – С. 109–113.

² А.И.Кузнецова. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. – Изд-во МГУ. Москва, 1963.

³ Л.А.Булаховский. Деэтимологизация в русском языке // Труды Института русского языка. Том I. Москва–Ленинград, 1949, стр. 147–209.

пу взаимосвязанных элементов, взаимное расположение которых характерно для данного языка и может быть сопоставлено или противопоставлено семантически параллельной группе других языков.

Такие лексические группы мы будем называть лексическими фигурами (или схемами) и среди них противопоставим: 1. гомогенные лексические фигуры и 2. гетерогенные лексические фигуры. Так, напр.: в украинском литературном языке элементы «коло» (круг), «колесо» и «кі́льце» (кольцо) составляют гомогенную лексическую фигуру, а в русском литературном языке (после элиминации элемента «коло», ср. «около») параллельная лексическая фигура оказывается уже гетерогенной при введении в нее лексемы «круг», не чуждой впрочем и украинскому языку («круг» > «округлий»).

Лексическая фигура, элементы которой выражают идею «округлости», оказывается почти гетерогенной в венгерском языке: *kör* 'круг', *kerék* 'колесо', *kerek* 'круглый', *korong* 'диск', *gyűrű* и *karika* 'кольцо' и полностью гетерогенной в немецком языке: *Kreis*, *Rad*, *rund*, *Scheibe*, *Ring*, *Fingerring*.

Во многих языках мы находим такие гомогенные фигуры, как русс. *расти* ~ *растение*, укр. *рости* ~ *рослина*, венг. *nőni*, *növekedni* ~ *növényi*, фин. *kasvaa* ~ *kasvi*, но серб. *расти* ~ *билѝка*, латин. *crescere* ~ *planta*. Для славянских языков характерна такая гомогенная фигура, как русс. *свет* (вен. 'világosság, világítás' ~ *világ*'), укр. *світло* ~ *світ*, польск. *światło* ~ *świat*, чешск. *světlo*, *svit* ~ *svět*, серб. *светлост* ~ *свет*, болг. *светлина* ~ *свят*. Она имеет параллель в румын. *lumină* (вен. 'világosság') ~ *lume* ('világ') и, как уже отмечалось, в венгерском языке. Для русского языка, в частности, характерна следующая гомогенная фигура: *красный*, -ая, -ое, *краска*, *красить* ~ *красивый*, -ая, -ое, *красота*, *красавица*. В украинском языке ей соответствует гетерогенная фигура: *червоний*, -а, -е ~ *фарба* (барва), *фарбувати* ~ *гарний*, -а, -е, *вродливий*, -а, -е, *красивий*, -а, -е, *красуня*. Соответственная фигура в венгерском языке также оказывается гетерогенной: *vörös* (*piros*) ~ *festék*, *festeni* ~ *szép*, *szépség* (*szépnő*).

Само собой разумеется, когда мы здесь говорим о соответствии, это обозначает идеальную проекцию реально существующей лексической фигуры одного языка на другой язык, в котором данной фигуры фактически не существует. Так, напр., мы можем проецировать гомогенную фигуру русской лексики: *цвет* (=окраска) ~ *цвет* (=цветок) на венгерский язык и получим в нем гетерогенную фигуру: *szín* ~ *virág*, которая доказывает лишь то, что существующая в русском связь отсутствует в венгерском. Однако когда мы рассматриваем не отдельные лексические фигуры в пределах более или менее определенной лексической сферы, а общую структуру фигур данной сферы, то в ней относительно легко устанавливаются «семантические импликации» (выражение Вальтера Порцига), дающие возможность наложения друг на друга параллельных сфер различных языков и позволяющие говорить о реальных соответствиях⁴.

Сказанное выше приводит нас к возможности рассмотреть некоторые лексические фигуры определенной сферы венгерского языка на фоне соответствующих ей сфер географически близких и исторически соприкасавшихся с ним языков.

⁴ Walter Porzig. Das Wunder der Sprache. München, 1950.

Когда около 896 года н. э. мадьярский союз племен под начальством Арпада вступил в бывшую Паннонию, едва ли в говорах этих племен хотя бы в самых общих чертах определилась такая лексическая сфера, которая имела отношение к морю, мореплаванию, кораблям и кораблестроению. Тем не менее в их лексике по всей вероятности уже существовала «изоморфная» названной сфера, имеющая отношение к рекам и озерам и отчасти способам передвижения по ним, а также к добыванию из них пищи (рыболовство). С переходом к оседлой жизни и государственной организации и с возрастающим влиянием соседних славянских, восточно-романских и германских племен, несомненно, многое из этой изоморфной сферы было утрачено.⁵

Едва ли здесь приходится говорить о таких общих финно-угорских элементах, как *víz*, фин. *vesi*, *hal*, фин. *kala*, *úszni*, фин. *uida*, тем более, что они «семантически не имплицируются».

1. Лексема для обозначения моря оказалась в венгерском языке настолько же изолированной, как и в славянских: *tenger* (ср. тур. *deniz*) ~ *more*, *morze*, *more* (ср. латин. *mare*, фин. заимств. *meri*).

2. Такого же характера лексема для обозначения берега или побережья: *part* (*tengerpart* ‘морской берег’), ср. чеш. *brěh*, *pobřeží*, серб. *обала*, *брег*, *ивица*, рум. *mal*, *țarm*, *coasta*, в фин. заимств. *ranta* (*merenranta* ‘морской берег’).

3. В отличие от финского, в котором для обозначения песка имеются как собственные *hiekkä*, *hieta*, *sora*, так и заимствованное *santa*, в венгерском изолированное *homok*, ср. русс. *песок*, укр. *нісок*, польск. *piasek*, чешск. *písek*, серб. *песак*, болг. *пясък*, ср. румын. *nisip*.

4. Вполне оригинально в венгерском использование лексемы *fok* ‘степень, ступень’, ‘ушко иглы’ для обозначения мыса, ср. русс. *мыс*, укр. *мис*, чеш. *mys*, польск. *przylądek*, *cyfel*, серб. *рт*, *гребен*, болг. и русс. диалект. *нос*, румын. *sar*, *promontoriu*, финск. *niemeke*, *niemi*, *nokka*.

5. Общего происхождения венгер. *szikla*, русс. и болг. *скала*, серб. *скала* (также *стена*), польск. *skala* (также *opoka*), чешск. *skála*, укр. *скеля*, ср. румын. *stâncă*, финск. *kallio*, которые четко противопоставляются другим формам положительного рельефа.

6. Венгер. *tengerszoros* букв. ‘морская теснина’=‘пролив’ представляет лексическое перемещение из сухопутной в морскую сферу (первоначально ‘теснина, ущелье’ в горах), ср. серб. *moreуз*, русс. *пролив*, укр. *протока*, румын. *strâmtoare*, финск. *salmi*.

7. Венгер. *földnyelv* букв. ‘язык земли’=‘перешеек’, ср. чешск. *šije* и серб. *землюуз*, (рум. *istm* < греч. *isthmos*, финск. *kannas*) наглядно обнаруживает свою метафорическую природу.

8. Венгер. *öböl* ‘залив, бухта’, ср. поэтич. ‘лукоморье’ должно было бы встать в ряд с другими метафорами, ср. нем. *Meerbusen* – букв. ‘морское лоно’, нем. *Bucht* ‘изгиб’ (ср. *biegen*), но русс. *залив*, укр. *затока*, чешск. *záliv*, *zátoka*, но румын. *golf* (< греч. *kolpos*), *baie* (< латин. *baia*), финск. *lahti*.

⁵ Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. Москва, 1966. Введение, стр. 9–34. Обско-угорские языки, стр. 316–60.

9. Венгер. *sziget* ‘остров’ по образцу итальянской фигуры: *isola* (< латин. *insula*) ~ *isolare, isolamento, isolatore* дало в венгерском *szigetelni, szigetelés, szigetelő*, но русс. *остров*, укр. *острів*, чешск. *ostrov*, серб. *острво*, польск. *wyspa*, финск. *saari*.

10. Венгер. *zátony* ‘мель’, вероятно, сближается с русс. *затон* (ср. *затон*), ср. *homokzátony* или *homokpad* ‘песчаная банка’ (*pad* ‘скамейка’), русс. *мель*, польск. *mielizna*, чешск. *mělčina*, серб. *пруд, талог, нанос*, финск. *matalikko, hietasärkkä* (румын. *banc de nisip*).

11. От венгер. *hullám* ‘волна’ образован глагол *hullámozni* ‘волноваться’ и существительные *hullámozás* ‘волнение, колебание’, *hullámverés* ‘прибой’, ср. русс. *волна*, болг. *вълна*, чешск. *vlna*, укр. *хвиля*, польск. *fala* (ср. *balwan*), серб. *малас* (< греч. *thalassa*), румын. *val, undă*, финск. *aalto*.

12. Венгер. *vihar* ‘буря’ произошло от славянских (русс. *вихрь, вихорь*, укр. *вихор*, болг. *вихър*, серб. *вихар*, чешск. *vichr, vicher*, польск. *wicher*, но семантически соответствует слав. русс. *буря*, серб. *бура*, чешск. *bouře*, польск. *burza*; румын. *furtună* ср. новогр. *phourouna*, турецк. *firtin*, укр. *хуртовина* (< латин. *fortuna*), также *vijelie*; параллельно русскому *буревестник*, венгер. *vihamadár* и финск. *myrskylintu*.

13. Так же, как русс. *течь, течение, поток* связаны с венгер. *folyni, folyat, folyó* ‘течь, поток, река’, ср. латин. *fluere, fluvius, flumen*, но общеслав. *река*, румын. *fluviu, râu*, но *curent, curs*; венгер. *ár, áram* ‘ток’, *áramlás* ‘течение’, финск. *joki, virta*.

14. Венгер. *csolnak* > *csónak* восходит к слав. *чльнь*, русс. *челн, челнок*, укр. *човен*, польск. *czołno*, чешск. *člun*, серб. *чун*. Его приблизительные синонимы *ladik* и *sajka* также обнаруживают свое иноязычное происхождение и оказываются изолированными; от *csónak* образован глагол *csónakázni* ‘плыть на лодке’, ср. слав. *ладья, лодка*, румын. *barcă*, новогр. *varka*, румын. *luntre*, латин. *linter*, финск. *vene*.

Особенно продуктивной оказалась венгер. лексема *hajó* ‘корабль, судно’; от нее образованы глаголы *hajózni* и *hajókázni* ‘на корабле’ и композиты *hajóorr* ‘нос корабля’, *hajófar* ‘зад корабля’=корма, *hajóparkány* ‘борт корабля’, *parkány* ‘карниз’, *hajókötél* ‘корабельные канаты’=снасти, *hajógerinc* ‘хребет корабля’=киль, *hajóűr* ‘полость корабля’=трюм, ср. финск. *laiva*, румын. *corabie, navă*.

16. Венгер. *vitrola* ‘парус’, конечно, является адаптацией славянского ‘ветрило’, устаревшего и вышедшего из употребления в большинстве славянских языков, ср. русс. *парус (парусник)*, чешск. *plachta (plachetnice)*, польск. *żagiel (żaglowiec, żagliówka)*, серб. *едрило (едрилица)*, болг. *платно (платноход)*, румын. *vântrelă* (при румын. *vânt* (латин. *ventus*), финск. *purje, purjevene*; соответственно венгер. *vitrolás* ‘парусник’.

17. Венгер. *evező* или *evezőlapát* ‘весло’ связано с глаголом *evezni* ‘гребти’, являясь гомогенной фигурой в отличие от славянского *весло* (от *везти*) и *гребсти, гребу* (ср. *рыть, копать*), ср. румын. *veslă, lopată* и *a văsti (cu lopată)*, финск. *airo*, но *soutaa*; производное *evezővilla* ‘уключина’, букв. ‘вилка для весла’, ср. чешек. *vidlice* и т. п.⁶

⁶ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. –Т.I (А–Д). Москва, 1964; *гребу, гребсти*, стр. 454–455.

18. Венгер. *kormány* ‘руль’, *kormányos* ‘рулевой’, конечно, составляют такую же пару, как русские *корма* и *кормчий*, укр. *кермо* (руль) и *керманич* (рулевой), серб. *крма*, *крмилло*, *кормило*, *корман* и *корманош*, *кормилар*, чешск. *kormidlo* и *kormidelný*, *kormidlový*, болг. *кормило* и *кормилен*, румын. *cârmă* и *cârmăciu*, польск. *ster* и *sternik*, финск. *peräasin* (ruori) и *perämies*.

19. Венгер. *drboc* ‘мачта’ стоит обособленно, но, очевидно, связано с румын. *arbore* ‘дерево’ и ‘мачта’, ср. новогреч. *almpouro*, *armpouro* из итальян. *albero* ‘то же’, но русс. *мачта*, польск. *maszt*, (финск. *masto*) из нем. *Mast*, серб. *катапка* и румын. *catarg* (*catart*) из новогреч. *katarti*, обособленны чешск. *stěžeň*, *stožár* и укр. *щогла* (также *мачта*).

20. Венгер. *horgony* и *vasmacska* ‘якорь’ не обнаруживают связи со средиземноморской лексикой в отличие от русс. *якорь*, укр. *якір*, румын. *ancoră*, финск. *ankkuri*, нем. *Anker*, серб. *ленгер* (сидро из новогреч. *sidero*); этой связи нет и у польск. *kotwica*, чешск. *kotva*, болг. *котва*, укр. *кітвіа*, *кітвиця*⁷

Мы полагаем, что даже этот весьма поверхностный обзор морской лексики венгерского языка может навести читателей на размышления о структуре лексических сфер с их гомогенными и гетерогенными фигурами и о путях их образования. Очевидно, не случайными оказываются гомогенные фигуры вроде нем. *Tisch* ~ *Tischler*, русс. *стол* ~ *столяр*, венгер. *asztal* ~ *asztalos* при всех различиях тех языков, которым они принадлежат. Напротив, гомогенная фигура русс. *плот* ~ *плотник* оказывается вполне оригинальной на фоне венгер. *tutaj* ~ *des*, нем. *Floss* ~ *Zimmermann*, финск. *lautta* (*tukkilautta*) ~ *kirvemies* ‘человек, работающий топором’.⁸

⁷ *Horgony* ср.: *horog* ‘крюк’, *vas+macska* букв. ‘железная кошка’.

⁸ Лексический материал взят из: «Русско-венгерского словаря» (Orosz-magyar szótár) / Состав. Э.С.Хаас, второе изд. под ред. К.Е.Майтинской. Москва, 1951; Magyar-orosz szemléltető szótár. Budapest, 1959; а также других словарей.

Интегралы и дифференциалы в языковой системе¹

В традиционном семиотическом аспекте элементы диакритической подсистемы языка – звуковые типы (фенотипы) с их тоническими характеристиками (тонотипами), типы слогов (силлаботипы), морфонические типы, т. е. типы фонических альтернатив, или чередований, свойственных, в частности, индоевропейским языкам, – выступая в знаковой ситуации, не могут претендовать на звание собственно знаков. Они должны рассматриваться как структурные, или конструктивные элементы – признаки, черты, характеристики форм настоящих знаков. Собственно знаками (семиотипами) оказываются лексические (словообразовательные, или деривационные) элементы, семантические одноклассы (слова) и многоклассы (словосочетания), грамматические элементы (несвободные словоизменяющие и свободные конструктивные элементы). В языковой коммуникации при создании, пересылке, приеме и дешифровке информативного текста вступают в действие правила сочетания, расположения и разделения знаков (как простых, так и сложных). Эти правила можно представить в виде схем, или моделей, обязательных для каждого языка. Здесь мы не будем стараться ответить на вопрос, являются ли эти схемы тоже знаками в обычном понимании данного слова.

Сосредоточим внимание на проблеме взаимоотношений знаков и их признаков в языке, который рассматривается как система систем простых (относительно) и сложных, а также составных (многосложных) знаков. Наше рассуждение сводится к тому, что в языке мы имеем дело с многостепенной иерархией знаков и что следует различать знаки-дифференциалы и знаки-интегралы, т. е. знаки, являющиеся признаками знаков, и знаки, состоящие из других знаков, оказывающихся их признаками. Иначе говоря, используемые в языке величины (меры, единицы, элементы, компоненты, конститuenty) можно по их отношениям друг к другу разделить на целые величины, или интегралы, и на признаки-компоненты

---

¹ Уперше опубліковано в: зб. Структурна і математическа лінгвістика / Ежегодник по структурной, прикладной и математической лингвистике. – К.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1975. – № 3. – С.17-21.

целых величин, или дифференциалы. В семиотических, или знаковых, системах возможны простые интегралы – величины, состоящие всего из одного признака (совпадение интеграла с дифференциалом), как, например, звуковой сигнал, звонок в учебном заведении, обозначающий начало или конец занятия (урока, лекции). В языке, как в самой сложной из большинства известных нам знаковых систем, таких простых интегралов, очевидно, не имеется. Для языка важно то, что дифференциалы бывают неотделимыми, выступают только как признаки, части явлений, и отделимыми, будучи сами явлениями, оказываются признаками других явлений. Так, например, слоги *про-*, *-бле-*, *-ма*², расположенные именно в этой последовательности, составляют звукоряд (фоностихию) *проблема* («задача, вопрос»), являющийся одной из словоформ (каталекс) нашего слова (лексемы) – *проблема*. Понятно, что все названные слоги (силлабемы) характеризуются составляющими их фенотипами (соответственно – катафонами, анафонами, фонемами)³. В данном случае фенотипы *п-р-о^а-б-л^б-э'-м-а^в* являются дифференциалами интеграла *проблема*. Очевидно, что функции (назначения) дифференциалов и интегралов – различны, хотя и те и другие могут называться знаками (ср. классификацию Ч.С.Пирса: знаки-копии, знаки-признаки и знаки-символы), Функция знака-интеграла – обращать внимание кого-то (интерпретатора) на что-то (факт, или квант, действительности), чем он сам не является. Напротив, функция знака-дифференциала – обращать внимание на знак, признаком которого он является.

Если знак (мера, единица, величина, элемент) выступает в функции признака другого знака, т.е. как дифференциал какого-то интеграла, мы говорим, что он исполняет реверсивную функцию, или, что он является реверсивным. Реверсия, или реверсивная функция (от латинского *revertere* и *reverti* «направлять назад, в обратную сторону» и «направляться назад, возвращаться», *reversio* «возврат, возвращение») свойственна дифференциалам как признакам знаков. Аверсия, или аверсивная функция (от латинского *avertere* «направлять в другую сторону» и *aversio* «направленные в другую сторону») свойственна интегралам и может определяться как общепризнанная функция знаков. Само собой разумеется, что один и тот же языковой знак на одной орбите, или в одной подсистеме, может являться аверсивным, будучи интегралом, а на другой орбите, или в другой подсистеме, будучи дифференциалом, оказаться реверсивным. Надо полагать, что языковым дифференциалам нельзя отказать в праве считаться знаками на двух основаниях. Во-первых, потому, что признак как часть явления может рассматриваться тоже как знак явления, если само явление не состоит из одного признака (семиотический коллапс). Во-вторых, потому, что, будучи на одной орбите знаком-интегралом, эта же самая величина оказывается на другой орбите знаком-дифференциалом. Возьмем простейший пример, который, очевидно, ни у кого не вызовет сомнений. «Фразеологический словарь русского языка» (под ред. А.И.Молоткова. – М., «Советская энциклопедия», 1967, стр. 246–247) регистрирует фразеологизм «метать громы и молнии», что равносильно глаголам «сердиться, гневаться» и

² Для простоты оставляем в стороне их фонетические характеристики.

³ См.: А.А.Белецкий. Система и несистема в естественном языке. – Сб.: «Структурная и математическая лингвистика», К., 1974, вып. 2, стр. 29.

т.п., хотя во фразеологизм включается дополнительная эстетическая эмфаза. Этот фразеологизм используется как интегральная величина и, пользуясь им, вероятно, в большинстве случаев, созная метафору «гроза – гнев», не имеют в виду древний мифологический образ громовержца Зевса-Юпитера, в своем гневe мечущего грома и молнии (ΚΕΡΑΥΝΟΥΣ).

Если «метать грома и молнии» является многочленом – фразеологическим знаком, то его компоненты могут называться его характерными или различительными – дифференциальными признаками, короче – дифференциалами. По отношению к этим дифференциалам данный фразеологизм выступает в любом тексте как целая семантическая величина, как знаковый интеграл, или знак-интеграл. Следовательно, знак-интеграл (в традиционном семиотическом смысле) какой-либо подсистемы (орбиты) может быть использован в качестве знака-дифференциала другой подсистемы. Именно в этом понимании взаимоотношение дифференциалов и интегралов образует иерархию или субординацию языковых подсистем, или орбит. Орбита, основные меры или знаковые величины которой являются дифференциалами другой орбиты, по отношению к этой последней, рассматривается как нижестоящая на иерархической лестнице. Таким образом, все языковые меры (так предпочтительно называть их, хотя чаще они называются единицами) можно определять как:

- 1) *коорбитальные*, принадлежащие к одной и той же подсистеме, или орбите, например, слова данного языка, или, вообще, его семантемы-одночлены;
- 2) *дисорбитальные*, принадлежащие разным орбитам, например, фонотипы диакритической подсистемы и морфотипы семантической подсистемы;
- 3) *суборбитальные*, принадлежащие подсистеме, или орбите, стоящей на иерархической лестнице ниже данной орбиты, например, слоги такого-то языка сравнительно с его словами (семантическими одночленами);
- 4) *суперорбитальные*, принадлежащие подсистеме, или орбите, стоящей на иерархической лестнице выше данной орбиты, например, фразеологические многочлены сравнительно со словами-семантическими одночленами языка, о котором идет речь.

Поднимаясь и опускаясь по иерархической лестнице языковой системы (большой системы, или анасистемы, а в отношении прочих систем – автосистемы), мы «вверху» и «внизу» достигаем тех пределов, у которых мы останавливаемся с вопросом, имеем ли мы дело собственно со знаками (семиомами), или там уже находятся величины, не определяемые термином *знак* в наиболее распространенном его понимании? В этом смысле, который можно назвать не только семиотическим, но и лингвистическим, «лингвистическими знаками» (а правильное было бы сказать «языковыми»), потому что речь идет не о науке, а об изучаемом ею фактическом материале) являются только знаки семантической подсистемы (апосистемы), иначе знаки с семантической функцией, знаки – выразители семантической информации.

Однако никто, например, не отказывает в знаковом или семиотическом характере нашим буквам, графическим знакам алфавита, хотя они информируют нас – преимущественно о фонических типах (фонотипах) нашего языка. Если

знак **т** обозначает у нас фонотип [t], можно сказать, что в данном случае графический знак обозначает известное языковое явление. Не будем спешить с ответом на вопрос, обозначает ли этот графический знак такое явление, которое можно назвать языковым знаком. Однако без сомнения скажем, что графический знак **т** обозначает дифференциал – различительный признак слов *там, тем, том*. В свою очередь, как графический знак, так и обозначаемый им фонотип, обладают своими дифференциалами. В отношении **т** можно указать на его графические компоненты – верхнюю горизонталь и разделяющую ее на две половины перпендикулярную к ней нижнюю вертикаль. Относительно фонотипа [t] можно говорить об артикуляционных компонентах – «смычность, глухость, переднеязычность». Едва ли надо подробно говорить о том, что наш алфавит состоит не только из знаков, обозначающих фонотипы. Так, например, графически словоформы (аналексы) *брат* и *брать* различаются отсутствием (*брат*) и присутствием (*брать*) знака **ь** (ерь, мягкий знак).

Ни у кого нет сомнения, что **ь** – это графический знак, алфавитный знак, неперменный компонент нашего буквенного набора. Однако он только в определенной позиции и в сочетании с **т** способен обозначать фонотип [t'] – палатализованный отмеченный член оппозиции – [t] ~ [t']. Следовательно, в графическом аспекте у нас в наличии интеграл, со знаком (**ь**) таким же, как и все прочие знаки нашего алфавита. Однако с фонологической точки зрения – это графический знак, который используется для обозначения дифференциала ряда фонотипов. Этот дифференциал служит для обозначения палатализации – (*брать*) ~ [brat'], а также палатализации с последующей йотацией – (*братья*) ~ [brát'jə].

В связи с затронутым здесь вопросом о нижней и верхних границах семантических (ставим на этом эпитете логическое ударение) знаков в языке приходится пересмотреть традиционное определение «знака» применительно к языковому материалу. Традиционное определение гласило, что знак обозначает нечто, чем он сам не является: *aliquid stat (vel potius–ponitur) – pro aliquo*. Это определение вполне подходит к любой форме (внешней форме, или эксформе) языковой меры, рассматриваемой как целая величина, или интеграл, но когда мы доходим до мер диакритической подсистемы (в эмической терминологии – фонем, синлабем, тоном или просодем, морфонем), являющихся дифференциалами семантической подсистемы (в той же терминологии – морфем и лексем или семантем однокленов и многочленов), мы оказываемся в нерешительности: с одной стороны, у диакритических мер – статус интегралов, потому что у них есть свои дифференциалы, как отделимые (способные существовать в других сочетаниях, например, идентичные фонемы в различных синлабемах), так и неотделимые (неспособные к инобытию, например, акустические и артикуляционные характеристики диакритических мер), а с другой стороны, у них нет семантической функции.

Здесь у нас шла речь только о формальных (точнее – эксформальных) дифференциалах: намного сложнее обстоит дело со смысловыми, или информальными, дифференциалами. Не говорили мы также о величинах синтаксических подсистем в их семиотическом аспекте. Само собой разумеется, что обширный круг проблем, связанных с особенностями языковых знаков, затронут здесь только с одной стороны и тем самым поверхностно.

Информация и семиозис¹

В данном исследовании автор ставит своей целью уточнение того, какие именно виды информации выступают в языковом общении людей, в коммуникативной ситуации, при активном использовании акустических сигналов или их оптических субститутов. В коммуникативную ситуацию, о которой здесь идет речь; непременно включается знаковая (соответственно – семиотическая) ситуация, то есть использование известной, следовательно, хранящейся в памяти общающихся (интерпретаторов) знаковой системы. Эта знаковая ситуация, иными словами, шифровка или кодирование информации, может называться также **семиозом**, или **семиозисом**.

Оба слова, стоящие в заглавии статьи, известны уже очень давно. Первым мы обязаны древним римлянам, у которых – *informatio* обозначало: «1) разъяснение, изложение, истолкование; 2) представление, понятие» [1: 523]. Второе существовало у древних греков – *semeiōsis* со значениями: «1) обозначение, указание; 2) значение» [2: 1470].

Следует отметить, что в «Философской энциклопедии» при слове «Информация» дается ссылка на статью «Теория информации» [т.5, М., 1970], в которой нет определения самого термина, так широко используемого в настоящее время в различных областях знания. В «Логическом словаре-справочнике» Н.И.Кондакова намечено такое определение: «Информация – это одно из основных универсальных свойств предметов, явлений, процессов объективной действительности, человека и созданных им управляющих электронно-вычислительных машин, заключающееся в способности воспринимать внутреннее состояние и воздействия окружающей среды и сохранять определенное время результаты его, преобразовывать полученные сведения (данные) и передавать результаты обработки (преобразования) другим предметам, явлениям, процессам,

---

¹ Уперше опубліковано в: зб. Структурная и математическая лингвистика / Ежегодник по структурной, прикладной и математической лингвистике. – К.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1980. – № 8. – С.3-8.

машинам, людям. Информацией пронизаны все материальные объекты и процессы, которые являются источниками, носителями и потребителями разнообразной информации» [3: 210-212].

Приведём, еще одно определение информации из «Философского словаря» Георга Клауса и Манфреда Бура: «Информация... основное понятие кибернетики. В смысле теории вероятности – мера неопределенности наступления событий... Информация в этом смысле, называемая также содержанием информации, получается в результате фактически происходящего события среди множества возможных событий (то есть событий вероятностного поля) и является тем большей по величине, чем большей была неопределенность соответствующего события, которое наступило среди множества возможных событий» [6: 522-526].

Самое простое из известных нам современных определений информации содержится в книге акад. В.М.Глушкова «Введение в кибернетику» (Киев, 1963), а именно: «Мера неоднородности распределения вещества или энергии во времени и в пространстве» (иначе: «Логарифмическая мера статистической неожиданности сообщения», $S = \log_2 N$, где S – информация; N – число, обратное дроби информации). Здесь нас будет интересовать не информация вообще, но только та информация, которая передается в процессе общения людей. В книге, посвященной проблеме информации в современной науке [4], указывается на возможность разграничения информации элементарной (в неорганической природе), биологической (в органической природе) и интеллектуальной, или семантической (в человеческом обществе). Не подлежит сомнению и то, что: «Понятие «информация» первоначально было связано исключительно с социальной сферой, с коммуникативной деятельностью людей» [4: 10] так же, как и то, что в этой сфере информация обозначает абсолютное или относительное (релятивное) увеличение объема знаний (приращение знаний) у получателя информации («информанда») [4: 108, 111]. Для получателя отсутствие информации может быть чем-то обычным или привычным (*solitum*), чем-то ожидаемым или ожидаемым (*opinatum*), чем-то уже известным или бывшим в опыте, прежним (*pristinum*). Напротив, появление информации на этом фоне будет для него чем-то необычным, непривычным (*insolitum*), чем-то неожиданным (*nesopinatum*), прежде неизвестным, новым (*novum*). Если информация имеет своего получателя, мы можем определить ее как что-то (нечто) для кого-то (*aliquid ad aliquem*). Это «что-то» может быть явлением природы, но оно станет собственно информативным, если у него окажется сознательный наблюдатель. Для него явления могут быть не связанными между собой, но на определенной стадии развития сознательных наблюдателей начинают обнаруживаться связи явлений, они становятся как бы звеньями феноменальных цепей. Именно на этой стадии одно какое-то явление оказывается предтечей («продромом») другого и даже его заместителем (и заменителем). Образуется ситуация, в которой что-то выступает вместо чего-то для кого-то (*aliquid pro aliquo ad aliquem*). Это и есть семиозис, или знаковая ситуация. Мы живем и действуем в этой ситуации. Сделаем оговорку: в интересах лаконизма мы под «явлением» подразумеваем любой факт – или лучше сказать – любой

квант объективной (психо-физической) действительности. Как в мире животных, так и, в мире людей получаемая в любой форме информация может иметь различные источники и различные виды.

В отношении источников информация может быть:

1. Органогенная или анорганогенная. Органогенная информация получается интерпретаторами от явлений (в самом широком смысле!) органической природы. Анорганогенная получается от явлений неорганической природы. Звуковой сигнал опасности, переданный птицей-наблюдательницей своей стае, имеет органогенный источник. Раскат грома как предвестник приближения грозы с дождем, само собой разумеется, имеет анорганогенный источник.

2. Зоогенная или антропогенная. Как уже понятно из названий, здесь речь идет об информации, получаемой, соответственно, от животных и от людей: лай собаки может быть источником информации так же, как сообщение на каком-либо человеческом языке.

3. Амеханогенная или механогенная. Органогенная – соответственно, зоогенная и натуральная антропогенная информация – может противопоставляться механогенной информации, источником которой являются механизмы, созданные трудом людей. Механогенную информацию можно назвать также технической, или искусственной антропогенной. Обычное направление ее передачи – от механизма интерпретатору (сознательному получателю.) Примером ее может служить звонок в учебном заведении, в театре, в кинотеатре, при входе в помещение и пр.

4. Волюнтарная или спонтанная (иначе – намеренная, произвольная или ненамеренная, произвольная). Волюнтарная информация при общении людей связана с импрессивной функцией языка. Она целенаправлена, нацелена на получателя (второго получателя). Напротив, спонтанная информация, как показывает ее название (ср. латин. *sponte*), исходит из неорганической природы или оказывается ненамеренной, произвольной, не нацеленной на получателя в органической природе.

В языковой коммуникации она связывается с экспрессивной (симптоматической) функцией языка. Примерами ее могут служить запах гари из кухни, уловленный неосторожной хозяйкой или нечаянно проскользнувший диалектизм в речи образованного человека. Понятно, что само по себе противопоставление волюнтарной и спонтанной информации еще ничего не говорит о ее источниках, но только дополняет определение этих источников.

В литературе по информатике можно найти еще определения таких видов информации: абсолютная, релятивная, критическая и селективная².

Под абсолютной информацией понимают ту, которая приводит к безотнositельному увеличению сведений у любого получателя. Релятивной называют ту информацию, которая приводит к увеличению сведений у определенного получа-

---

² Здесь термины наши: первый вид называется семантической, или метрической информацией, второй – прагматической, или структурной, третий – идеализированной, четвертый – собственно выборочной, или селективной, см. [5].

теля; причем ее объем зависит от «структуры» сведений, бывших у получателя до получения данной информации. Критической называется информация в отношении какого-то специального вопроса («критерия»), например, отдельного факта какой-то области знаний. Наконец, селективная – это информация, составляющая предмет информатики и теории вероятности.

Применительно к общей семиотике и лингвосемиотике нам кажется целесообразней различать следующие виды информации:

1. Ситуационная информация. Нынешнее состояние этологии, или зоопсихологии, позволяет нам сделать вывод о том, что все виды сигнализации в животном мире передают информацию только о данной ситуации, в которой находятся отправители (эмиттенты) и получатели (реципиенты). Эту ограниченную ситуацией информацию мы и называем ситуационной. В пределе данной ситуации отсутствует трехмерная перспектива движения, то есть темпоральна перспектива прошедшего, настоящего и будущего времен.

2. Экстраситуационная информация. Учитывая сказанное о ситуационной информации, мы можем определить экстраситуационную информацию как выход за пределы данных времени и пространства. Такой выход возможен при использовании в коммуникации коллокутивных знаковых систем, то есть языковой системы и ее субститутов. Любой человеческий язык представляет эту возможность своим локуторам. Среди имагинативных знаковых систем, то есть пользующихся образными знаками, особое положение занимают изобразительные искусства (живопись, художественная графика, скульптура), так как в них экстраситуационная информация представляется как ситуационная. Скажем, портрет Владимира Маяковского вводит поэта в ситуацию зрителя.

3. Некодированная информация. Если информация доходит до получателя как единичное явление, связь которого с другими явлениями не воспринимается, в таком случае речь идет о некодированной информации. Явления или знаки явлений, несущие информацию, в таком случае не равноценны. Единичный знак в системном аспекте можно рассматривать как представляющий систему, состоящую из одного знака – моносемичную систему (ее компоненты – присутствие и отсутствие знака). Тот же звонок в учебном заведении может служить примером некодированной информации, поскольку он не соотносится с другими звуковыми сигналами.

4. Кодированная информация. Так мы называем всякую информацию, которая передается в виде знаковых, или семиотических систем, все равно коллокутивных (как человеческий язык и его субституты – антисистемы, графическая, кинетическая и пр.) или имагинативных (живопись, художественная графика, музыка), а также синкретические (театр, кино, телевидение). Кодированная информация опирается на систему знаков (этнический язык – это «система систем» или иерархия гипосистем, иначе – эндосистем), на основании которой отправитель создает и посылает знаковые тексты – кодирует информацию в форме данного языка, а получатель, принимая знаковые тексты, декодирует их.

5. Неязыковая (экстравербальная)³ информация. Такая информация, как ясно из названия, передается «неязыковыми» или заменяющими их знаковыми системами. Если речь идет о кодированной информации, то экстравербальными оказываются все имажинативные системы, но к «неязыковой» передаче информации надо отнести также и все средства передачи некодированной информации. Едва ли требуется доказывать, что в современном обществе экстравербальная информация, сосуществуя с вербальной, уже не является основной независимо от ее источников. В приобретении знаний сочетание неязыковой и языковой информации, конечно, оказывается весьма эффективным.

6. Языковая (вербальная) информация. О ней не приходится давать разъяснений, потому что мы пользуемся системой (соответственно – системами) языковых знаков для передачи сведений обо всех компонентах объективной действительности. В отношении «информативности» мы можем считать систему языковых знаков универсальной, то есть обеспечивающей нам возможность рассуждать обо всех системах и в том числе о ней самой. Мы не будем здесь говорить об особенностях этой системы, об ее отличиях от всех прочих систем.

7. Бытовая (узульная) информация. Эта информация является неременным условием нашего быта, нашей жизни. В обществе с детализированным разделением труда едва ли можно найти человека, вращающегося исключительно в сфере бытовой информации. Такой человек должен был бы оказаться лишенным всяких интересов за пределами ежедневного быта, приобретения и потребления продуктов питания, общения с узким кругом людей и тому подобного. Средства массовой информации все более настойчиво вторгаются в ежедневный быт людей и заставляют их выходить за пределы бытовой сферы.

8. Специальная информация. Она властно вторгается в жизнь наших современников и поток ее затопил бы нас, если бы у нас не было спасительных фильтров информации в виде наших личных интересов и обязанностей. Специальную информацию, чаще всего в языковой, или вербальной, форме, дают получателям все профессии, все науки и искусства. При этом вербальная форма может сочетаться с экстравербальной формой, вроде наглядной демонстрации, предметных или графических иллюстраций и т. п.

Если иметь в виду человеческое общество на стадиях его развития выше первых ступеней дикости, то можно сказать, что переход от ситуационной к экстраситуационной информации обозначал выход из биологического состояния и вступление в социологическое состояние. В этом специфически человеческом состоянии семиозис, или знаковая ситуация включается в ситуацию языкового общения, в нормальную коммуникативную ситуацию со всеми ее компонентами. Сказанное выше не избавляет нас от необходимости дальнейшего изучения ис-

---

³ В научной литературе прилагательные «лингвистический» и «экстралингвистический» употребляются, к сожалению, и в смысле «относящийся V не относящийся к языкознанию» и «относящийся V не относящийся к языку». Мы считаем такое употребление неправильным и в смысле «относящийся V не относящийся к языку» предпочитаем употреблять прилагательные «языковой V неязыковой», или «вербальный V экстравербальный».

точников, видов, способов измерения, кодирования (шифровки) или системно-знаковой переработки, передачи, использования и хранения информации в вербальной коммуникации.

Список литературы: 1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976; 2. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий. Под ред. С.И.Соболевского, М., 1958, т. 2; 3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975, 2-е изд., испр. и доп.; 4. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975; 5. Gołąb Zbigniew, Heinz Adam, Polanski Kazimierz. Słownik terminologii językoznawczej. Warszawa, 1968; 6. Philosophisches Wörterbuch. Herausgeber Georg Klaus und Manfred Buhr, 8 berichtigte Auflage, VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1971.

Композитивные неозэллинизмы в стихотворной повести «О Каллимахе и Хрисоррое»¹

---

1. В лексической деривации мы различаем два основных вида: (А) формальное (эксформальное, морфологическое или внешнее) словообразование и (Б) семантическое (информальное или внутреннее) словообразование. Примером первого может служить производство в латинском языке от слова *forma* дериватов *formalis, formamentum, formatio, formator, formatura, formare, formula, formosus, formositas* и пр. Примеры второго обычно обозначаются в словарях как различные значения одного и того же слова (если к слову подходит со стороны его «эксформы»), как семантические дериваты некоей первичной «информы», в данном случае *forma*: (1) *forma alicuius rei*, (2) *forma humana*, (3) *forma corporis*, (4) *forma id est figura*, (5) *forma geometrica*, (6) *forma litterae*, (7) *forma vitae*, (8) *forma consulti*, (9) *forma sutoris* и пр.

2. Здесь у нас речь о формальной деривации (А), имеющей в таких языках, как индоевропейские языки архаического типа, много подвидов, или разновидностей (*subspecies*). Среди этих подвидов (аффиксальная деривация, композиция, юкстапозиция, аббревиация) мы сосредоточим внимание на композиции (*compositio*), установивши границу между ней и юкстапозицией (**iuxtapositio*). Различие между композицией и юкстапозицией устанавливается, конечно, не для всех языков, но только для тех, у которых между ними существует формальная (внешняя, морфологическая) разница, в которых они формально противостоят друг другу. Юкстапозицию можно назвать также словосложением в отличие от основосложения, или композиции. Иллюстрируем различие между ними тоже латинскими примерами. Юкстапозит (результат юкстапозиции) *respublica* возник из атрибутивного сочетания (двучлена, бинорма) *res publica* («государственное дело», «государство», «республика», «государственное устройство» и т. п.). Формальным признаком единства этого двучленного сочетания является «сопо-

---

¹ Уперше опубліковано в: Візантиніведческіе етюдi. – Тбілісi, 1978. – С.47-51.

ложение», или ненарушимое соседство обоих членов, то есть позиционный признак, закрепленный на письме при переходе от *scriptura continua* (*coniuncta*) к *scriptura *discontinua* (*disiuncta*) в виде *RESPUBLICA*, *RESPUBLICAE* и т. п. В отличие от юкстапозитов композиты (результаты композиции) при сочетании своих членов обнаруживают не только позиционный признак своего единства, но еще и коннексив, то есть специальную композитивную форму членов (компонентов), входящих в их состав. Так, например, в следующих латинских композитах каждый составляющий их член (компонент) выступает в композитивной форме: *domiseda* < *quae domī-sedet*, *dominaedius* < *dominus aedium*, *domnifunda* < *domina fundi*.

В греческом языке коннексив, или *status compositus*, в начальных компонентах (препозитах) чаще всего обнаруживается в форме «голой основы», как, например, οἰκοδόμος = (ὁ τόν) οἶκον δέμων, οἰκονόμος = (ὁ τόν) οἶκον νέμων, οἰκουρός = (ὁ τόν) οἶκον ὀρών (ср. φρουρός < *про+ ὀρός) и пр. т.п. В этих примерах и финальные члены (постпозиты) обнаруживают свой *status compositus*. Хотя в композите οἰκοδόμος постпозит -δόμος, по форме совпадает с существительным ὁ δόμος, но оба эти элемента существенно различаются по функции и по смыслу: постпозит – *nomen agentis*, существительное – *nomen rei actae*. Однако при противопоставлении композитов и юкстапозитов мы принимаем во внимание именно формальный критерий: у композитов должна быть, хотя бы в одном из членов, композитивная форма (*status compositus*), отсутствующая у юкстапозитов. Оба названные нами вида формальной деривации, очевидно, близки друг другу и могут быть противопоставлены прочим видам (аффиксации и аббревиации). Мы объединяем их под общим названием «коннексия» (*connexio*), хотя в языковедческой литературе они до сих пор обозначались (без установленного нами различия) термином композиция, или (слово-) сложение (*Compositio*, *Zusammensetzung*) и соответственно – как результаты процесса – сложными или составными, словами, композитами (*compound words*, *mots composés*, *zusammengesetzte Wörter*).

3. Таким образом, в нижеследующем у нас будет речь не о коннексах вообще (то есть юкстапозитах и композитах вместе взятых), но лишь о собственно композитах, извлеченных нами из византийской повести «О Каллимахе и Хрисоррое»².

Проблематично датируемый второй половиной XIII в. или первой половиной XIV в. текст этой повести обнаруживает особенности речи, свойственные современному нам новогреческому языку и его диалектам. Наше внимание привлекли к себе, в частности, нередкие в повести³ композиты нового сравнительно с древнегреческими типа, которые мы называли композитивными неоэллинизмами.

² Издания: *Le roman de Callimaque et de Chrysorrhoe*, texte établi et traduit par Michel Pichard [Collection byzantine...], Paris, 1956; Τὸ κατὰ Καλλιμάχον καὶ Χρυσόρροην ἐρωτικὸν διήγημα в книге *Βυζαντινά ἱστορικά μυθιστορήματα, ἐπιμελεῖα Ἑμμανουήλ Κριαρᾶ* [Βασικὴ βιβλιοθήκη, 2], Ἀθήναι (1955), σσ. 29-83; перевод (фрагментов): «Любовная повесть о Каллимахе и Хрисоррое», перевел Ф.А.Петровский, в книге: «Памятники византийской литературы IX-XIV веков», М., 1969, сс.387-398.

³ Употребляя здесь определение названного произведения как «стихотворной повести», мы подчеркиваем им только не очень значительный размер произведения.

Само собою розуміється, що наряду с ними в этой же повести зустрічається немало композитів древніх типів, столь характерних для всіх різноманітностей грецького мови. Навіть особисті імена героїв повести є типовими древніми композитами: Καλλιμάχος καὶ Χρυσόρροη. Можливо, що вони були обрані з певним наміром і можуть розглядатися як «інформативні» імена. Каллімах подібно міфическому Персею рятує терзану «драконом» добродетельну Хрисоррою (ср. Андрому), свою майбутню дружину. «Прекрасний воїн» – це дуже підходить для героя в ролі Персея, але «Златоструйний» – епітет більш підходящий для ріки, ніж для героїни в ролі Андромеди. Однак не будемо затримуватися на деталях, не маючи відношення до головної теми.

4. В аналізованій повесті можна зустріти трьохчленні (трикомпонентні) композитивні неоеллинізми. Те, що ми могли б виразити простим словом «скала», автор повесті виражає трьохчленним ὀρεινοπέτροβούνιν (137)⁴. Зображаючи пиршественну залу Дракона (κελλίν!), автор «нагнітає» епітети: двохчленні композити вроді ὀλόχρυσον (416, ср. 178, 517) і κατὰ χρυσον (420, 421) бліднуть перед трьохчленним ὀλόχρυσονμαργάρωτον (420). «Золотою замок дракона» (τὸ χρυσοῦν κάστρον τοῦ δράκοντος) стає трьохчленним τὸ χρυσόδρακοντόκαστρον (1380), ср. драκοντόκαστρον (176, 1053, 1266, 1423 і ще). Хоча δράκων ще не перетворився в δράκος, але вже є р. п. δράκοντου (1380)! В описі прекрасного островка на ріці (νησίτζιν 831, 1241, 1254, 1383) з'являються такі трьохчленні композити, як ξενοχαραγόπλαγον (1242) і καλοξενοχάραγον (1254), очевидно, синонімічні, але важкоперекладні⁵. Само ім'я героя оповідання зростає препозитами: Ἐρωτοκαλλιμάχου (586) і τοῦ Χρυσοκαλλιμάχου (1786). Злая чарівниця характеризується епітетами στοιχειοκρατοῦσα μαγικῶς, ἀστρολογόσκοποῦσα («власниця чарівної сили над стихіями, займаючись астрологією», 1067).

5. З визначення композиції і композитів повинно бути зрозуміло, що сполучення з так званними адвербіально-препозиційними префіксами (ἀμφι-, ἀνα-, ἀντι-, ἀπο-, εἰς- і пр. т. п.) не є композитами (оскільки існують ἀμφί, ἀνά, ἀντί, ἀπό, εἰς і пр. т. п.), однак їх (ср. ἀμφίλογος, ἀνάλογος, ἀντίλογος, ἀπόλογος, εἰσαγωγή і пр. т. п.), можна розглядати як елементи проміжного типу між юстативами і складними словами з префіксами (префігентами; наприклад, ἄβατος, ἄελπτος, ἀναρктос, δύσαρктос, δυσπρόσιτος і пр. т. п.). Порівняно з давньогрецькими композитами композити цієї повесті виявляють нову тенденцію в своїй структурі: 1) препозит+префігент (συχνοκαταφιλοῦσι 2157, ὀλοαναίσθητον 1319, τὸ κακοδυστύχημαν 2366, μελενδυνοῦμεν 1509, τὴν μελαιενδυσίαν 2284, 2290), 2) префігент+постпозит (τὴν συμμικτοδενδρίαν 132, δυσκολοπάτητον ὅρος 2518, δυσκολότοπον 2523, τὴν δυσκολοτοπίαν 131, τὸ δυστυχογράφημα 719, μή σέ δυστυχογράφει 718, ἀπὸ δυστυχοκλώσματος 705).

⁴ Нумерація стихів по виданню Мишеля Пішара «Le roman de Callimaque et de Chrysorrhoe», см. вище сноску 2.

⁵ В перекладі Мишеля Пішара: «aux découpures merveilleuses».

6. Новые композиты иногда обнаруживают «тавтологическое» сочленение вроде уже упомянутого ὀρεινοπετροβούιν (137), 4; так еще πετρολιθώδη (τόπον 91), где πέτρα, πέτρος сочетается с λίθος. Наряду с этим древние композиты контаминируются и трансформируются. Так, например, вместо древнего μισθουργός («оплачиваемый работник», «работающий за плату») в тексте повести появляется μισθαργός (1672, 1687, 1810, 1842, 1853, 1852, 1910, 2062, 2444, 2569; и μισθαργός 1651, 1657), от которого произведено и nomen actionis (или rei actae) μιστάρωμα (1680).

В глагольном деривате этого композита – μισταρεύσου με (1650) – наблюдается характерное для новогреческих диалектов явление: редукция до нуля фриктивного γ. На трансформацию μισθουργός в μισθαργός могло повлиять и наличие близких к нему по смыслу μισθάρνης и μισθαρνός. Особенно характерно возникновение такого композитивного неозеллинизма, как ὁ μισθαργοῦτζικός (2352). Неозеллинизмы в композитах так же, как и в монотематических словах (simplicia), часто характеризуются наличием новогреческих компонентов. Так вместо древних ὑδροφόρος и ὑδροφορία появляются νεροκουβαλήτης 1672) и νεροκουβάλημαν (1680), или νεροκουβάλισμαν (2351) ср. νεροφόρημαν (1641). Особенно часто в композитах выступает такой лексический неозеллинизм, как τὸ κάστρον : δρακοντόκαστρον (176, 1053, 1266, 1423 и дальше) и χρυσόκαστρον (805, 894, 1720) и упомянутый выше χρυσόδρακοντόκαστρον. Вообще число византийских латинизмов и собственно византизмов в повести невелико. Здесь встречаются φουσσᾶτον (59, 72, 129, 133, 343) и φωσσᾶτον (93) в смысле «войска» (στράτος, στρατεύμα), κατοῦνα⁶ (875, 2511, 2517) в смысле «лагерь» (στρατόπεδον, ср. κατυνοτόπιν 1227), δεμέστικός (1889) – *domesticus*, карκάλλин (3430, 1556) и лампрокарκάλλον (1561, ср. *caracalla*, *caracallis*).

7. Интересный пример превращения постпозита в суффикс представляет византийский и новогреческий терминант -πουλο(ν), первоначально употребительный в качестве деминутивной формы названий птиц: ἀετόπουλον, ὀρνιθόπουλον, περδικόπουλον и др., ср. также новогреческое τὸ πουλί < πουλλίν < πουλλίον < ποῦλλος (латин. *pullus*) и πουλάδα, πουλερικά. Оставляя в стороне вопрос о возможной связи греческого πῶλος (> πωλάριον > πουλάριον > πουλári с латинским *pullus* (*pullus equinus* и пр.), укажем только на три линии дальнейшего распространения этого терминанта: 1) в названиях людей с деминутивным ограничением: ἑλληινόπουλο, ἐργατόπουλο, βοσκόπουλο, βασιλόπουλο, ἀρχοντόπουλο и пр., в женском роде – πουύλα : ἑλληνοπούλα и т. д., 2) в многочисленных современных фамилиях: Ἀναγνωστόπουλος, Ἀργυρόπουλος, Βακαλόπουλος, Βαφόπουλος, Γιαννόπουλος и пр., женские в форме - πουύλου: Μητροπόλου и т. д. 3) в византийскую эпоху также в названиях предметов обихода с тем же деминутивным ограничением: ποτηρόπουλον.

Первый и третий из названных типов встречаются и в повести «О Каллимахе и Хрисоррое». Среди действующих лиц повести есть τὸ παιδόπουλον (1070, 1091, 1095, 1107, 1112) «отрок» (паж). Кольцо, подаренное Хрисорроей Каллимаху (τὸ δακτυλίδιν 262), называется в дальнейшем гипокористически τὸ

⁶ В конечном счете через итальянское *cantone* восходит к греческому κανθός.

δακτυλιδόπουλον (1722, 1746, 1769, 1822). Этот третий тип в новейшей истории греческого языка не получил распространения.

В целом язык повести можно охарактеризовать как книжный язык византийской эпохи, в котором то там, то сям выходят наружу элементы просторечья, по большей части свойственные современному димотическому новогреческому языку. В изложенном выше мы коснулись только тех элементов, которые назвали композитивными неозеллинизмами.

Лексическая ассимиляция как один из законов развития языка¹

---

1. В отличие от метафизического понимания **системы языка** в буржуазном зарубежном языкознании в нашем советском языкознании наметилось ... историческое понимание системы языка, как суммы обнаруживающихся на данной ступени развития каждого языка основных тенденций, определяющих взаимоотношения языковых фактов и явлений (компонентов системы).

2. Не только **грамматический строй** данного языка представляет некоторую систему, но и **основной словарный фонд** с его словообразовательными (или словопроизводственными) отношениями морфем (основных морфологических величин), являясь организующим ядром общего словарного состава, может быть назван в пределах всего языка некоторой **лексической системой**.

3. К основному словарному фонду данного языка относятся наиболее **продуктивные** в данном языке корни и основы независимо от их происхождения. Морфологическая членимость данной формы с выделением продуктивных морфем является наиболее показательным признаком ее связи с основным словарным фондом языка, о котором идет речь.

4. Под **лексической ассимиляцией** мы понимаем процесс (часто весьма длительный) приспособления различных по своему происхождению элементов словарного состава данного языка к его грамматическому строю вообще, а в частности к существующим в данном языке словообразовательным отношениям (к системе словообразования).

6. Одним из наиболее заметных проявлений лексической ассимиляции в каком-либо языке можно считать так называемую **народную этимологию** или **реэтимологизацию** (нарушение прежних внешних или внутренних генетических связей и установление новых связей, определяемых данной языковой системой).

7. Явление реэтимологизации (как в отношении элементов без этимологии в данном языке, так и в отношении элементов, деэтимологизированных по той

---

¹ Уперше опубліковано в: Х научная сессия. Секция філології. Тез. докл. – К.: Изд-во КГУ, 1953. – С.3-5.

или другой причине) следует признать гораздо более распространенным, чем обычно принято считать, хотя указать на него мы можем только тогда, когда располагаем знанием взаимодействовавших языков и соответственных фактов истории и диалектологии данного языка.

8. **Лексическая ассимиляция** обнаруживается при заимствовании иноязычного слова уже в фонетическом изменении его сообразно с системой фонем заимствующего языка, если даже при этом не замечается никаких существенных новшеств в смысловой стороне слова.

9. При переходе из одного языка в другой, т.е. при заимствовании из одной системы и при включении в другую систему, у слов постепенно устанавливаются новые связи, новые отношения. То же самое происходит и с унаследованными словами при возможных частичных изменениях в системе словообразования данного языка. При учете **лексической ассимиляции** многие безотносительные этимологии приходится считать относительными.

10. В связи с возможным наличием **относительных** (ограниченных во времени и в пространстве, т.е. в системах языков) **этимологии** следует не торопиться с ответом на вопрос о всех видах заимствований в данном языке (заимствования непосредственные, посредственные, прямые, обратные, активные, пассивные, лексические и фразеологические кальки). Понятие «калька» (воспроизведение средствами данного языка лексического или фразеологического способов выражения какого-либо понятия, характерных для другого языка) нуждается в дальнейшем уточнении: следует различать так называемые «семантические изоглоссы» (сходные в различных языках способы выражения сопоставимых понятий) и настоящие кальки, являющиеся заимствованиями, которые можно определить при знании истории соответственных слов в различных языках.

11. В вопросе о **заимствованиях** (как результате взаимодействия языков) надо подчеркнуть то, что заимствования могут быть относительными (временными). Следовательно, слова, в свое время заимствованные, затем усвоенные данным языком, в конце концов, могут перестать быть заимствованными при невозможности определить их источник и пути проникновения в данный язык.

12. Наличие определенных заимствований в словарном составе данного языка (наряду с возможными не определенными заимствованиями) не может рассматриваться как признак его несамостоятельности или несамобытности: заимствования не наблюдаются только на самых ранних ступенях общественного развития и у коллективов по тем или иным причинам относительно изолированных.

13. В области **словообразования** данного языка трудно бывает разграничить сферы лексики и грамматики: словообразование во многих случаях трудно отделить от словоизменения. Оно включается и в область лексикологии и в область морфологии. **Лексическая ассимиляция** обнаруживается в сферах фонетики, морфологии, семантики и этимологии.

14. Среди критериев лексической ассимиляции наиболее показательным можно считать не столько частоту употребления данного слова в пределах данного языка, сколько его **продуктивность**, под которой подразумевается сочетание с морфемами и словами языка, о котором идет речь.

Лексична контамінація (на матеріалі новогрецької мови)¹

Лексичною контамінацією називається наслідок такого взаємодіяння лексичних елементів, яке призводить до утворення з цих (переважно двох) елементів нового (третього), що має в собі певні зовнішні (фономорфологічні) ознаки (обох) старих елементів. Ці самі наслідки взаємодіяння (двох) лексичних елементів розглядають також як зміну одного з охоплених взаємодіянням елементів під впливом іншого; напр., $\lambda\acute{\alpha}\kappa\kappa\omicron\varsigma$ (яма) + $\gamma\omicron\upsilon\beta\alpha$ (яма) = $\lambda\alpha\kappa\kappa\omicron\upsilon\beta\alpha$ (яма).

Інакше кажучи, до лексичної контамінації можна віднести різноманітні фономорфологічні зміни лексичних елементів, що відбуваються не внаслідок закономірного фонетичного розвитку, а через взаємодіяння та вплив зближуваних лексичних елементів. Так, напр., через зближення старих дієслів $\beta\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ (іду) та $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ (кладу) виникає нове дієслово $\beta\acute{\alpha}\nu\omega$ (кладу, пор. також $\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$).

Лексичною контамінацією звичайно називається не тільки відповідний процес (взаємодіяння слів), але і наслідки цього процесу. В лексикологічних дослідженнях було б послідовним і доцільним завести таку термінологію:

а) процес взаємодіяння лексичних елементів, який може привести до їх фономорфологічних змін, називати лексичною контамінацією (термін *контамінація* походить з латинської мови; первісно він був літературним терміном, пор. *контаміновані твори*);

б) наслідки цього процесу, тобто лексичні елементи, що зазнали фономорфологічних змін через відповідне взаємодіяння, називати *лексичними контамінатами* (пор. латинський дісприкметник *contaminatus*, -a, -um від дієслова *contaminare*).

Слід розрізняти два види лексичної контамінації: а) синонімічну контамінацію (контамінується пара синонімів), напр., $\alpha\rho\chi\acute{\iota}\zeta\omega$ + $\chi\epsilon\rho\nu\acute{\omega}$ = $\alpha\rho\chi\acute{\iota}\nu\omega$ (починаю), б) фономорфологічну контамінацію (контамінуються лексичні елементи

---

¹ Уперше опубліковано в: Науковий щорічник за 1956 рік. – К.: Вид-во КДУ, 1957. – С.239-240.

досить далекі один від одного за змістом, але близькі щодо фonomорфологічної зовнішності), напр., τόξον > τοξάρι + δόξα = δοξάρι; βλασφημίω + βλαστός, τιμώ і т. п. = βλαστημιώ (блюзню).

Крім того, треба розрізняти такі два види лексичної контамінації, як (а) зовнішню контамінацію, що є наслідком взаємодіяння лексичних елементів різних мов, напр., στρώμα + (італ.) materazzo і т. п. = στρωμάτσο (матрац), διάλογος + (євр.) satanas = διάτανος (чорт, біс); (б) внутрішню контамінацію, що є наслідком взаємодіяння лексичних елементів однієї окремої мови, напр., γυμνός (голий) + γδύνω (εκδύνω роздягаю) = γδυμνός (голий), αγκών(ας) (лікоть) + γωνία (кут) = αγκωνή (куток).

Різниця між лексичною контамінацією та лексичною асиміляцією полягає в тому, що при лексичній асиміляції незрозумілі з погляду даної фази мовного розвитку лексичні елементи замінюються зрозумілими, тобто на місце елементів без етимологічної структури ставлять елементи з етимологічною структурою; при лексичній контамінації відбувається взаємодіяння синонімічних елементів або взаємодіяння фonomорфологічно близьких елементів, напр., (а) лексична асиміляція: (повна) απαρθενεῖω (пор. παρθένος) < італ. appartenere (належати), (часткова) διαφεντεῖω (διαφενδεύω) < італ. difendere (захищати); (б) лексична контамінація (пор. λακκούβα).

Різниця між граматичною аналогією (взаємодіянням складових частин мови в галузі граматики) і лексичною контамінацією полягає в тому, що при граматичній аналогії відбувається взаємодіяння складових частин певної системи (парадигми), а при лексичній контамінації йдеться лише про взаємодіяння окремих елементів, що наближаються один до одного через зовнішню подібність або через синонімічність.

Лексична контамінація наближається до граматичної аналогії тоді, коли відбувається взаємодіяння між окремим лексичним елементом і певним лексичним типом (рядом елементів), напр., διαρμόζω + дієслова з суфіксом -ίζω = διαρμίζω (прибираю), δεξιός + прикметник з суфіксом -υς -ης = δεξύς δεξής (правий) і т. д.

Лексична контамінація належить до тих явищ у галузі історичної лексикології взагалі та в галузі етимологічних досліджень (етимологіки) зокрема, які ще недостатньо вивчені, де ще не узагальнено досвід історико-філологічного та порівняльно-історичного вивчення окремих мов. У вітчизняному мовознавстві перший приділив цьому явищу належну увагу акад. Л.А.Булаховський. Дуже багато нез'ясованого залишається серед проявів лексичної контамінації в грецькій мові, пор., напр., спроби пояснити виникнення дієслова στραμπουλίζω (згідно з дослідженням М. Triandaphyllides, Lehnwörter... 135 від контамінації італ. *strambare* та *strangolare*; згідно з дослідженням М. Philentas, Glossognosia... 3, 209 від контамінації гр. στραβώνω та στραγγουλίζω (вивихнути, звихнути)).

Існування лексичної контамінації змушує нас уточнити колишнє розуміння етимології окремих лексичних елементів, згідно з яким новий елемент міг походити лише від одного старого елементу; слід підкреслити, що новий лексичний елемент може походити не лише з одного джерела, а з двох (і навіть кількох) дже-

рел, напр., дієслово теперішнього часу $\beta\acute{\alpha}\nu\omega < \beta\alpha\acute{\iota}\nu\omega + \beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ (пор. його дублет $\beta\acute{\alpha}\zeta\omega < \beta\iota\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$, що став пов'язаним із тим самим аористом $\acute{\epsilon}\beta\alpha\lambda\omicron\nu$).

Причиною значного поширення зовнішньої лексичної контамінації в новогрецькій мові є сильні впливи на цю мову з боку адстратних мов: італійської (венеціанської), південно-слов'янських мов, турецької та албанської. Причиною ще більшого поширення внутрішньої лексичної контамінації в новогрецькій мові є неусталеність норм літературних різновидів цієї мови (зокрема «димотики»).

Об интернационализмах¹

Одним из видов взаимодействия языков является образование так называемой *международной лексики*. Слова, относящиеся к международной лексике, получили название *интернационализмов*. До сих пор интернационализмы безоговорочно причисляются к заимствованным словам и помещаются в словари «иностранных слов» независимо от их возникновения, распространения и приспособленности к словообразованию данного языка.

В учебнике Л.А.Булаховского «Введение в языкознание», ч.II (заимствование слов) интернационализмы относятся к «искусственным заимствованиям» (стр.110-111), противопоставляемым «непосредственным», а также к просто заимствованиям (устным и письменным, книжным, стр.11-112). Самый термин *интернационализмы* объясняется в этом учебнике следующим образом: «...слова – культурные понятия (т.е. слова, выражающие культурные понятия, – А.Б.), распространенные в сходной фонетической оболочке среди ряда языков» (стр.112). К «искусственным» заимствованиям здесь относится: «использование исторического языкового источника, уже лишившегося в данное время своей живой почвы (т.е. своей первоначальной социальной базы. – А.Б.)» (стр.110).

Если *интернационализмы* – это распространившиеся из одного первоисточника фомоморфологические варианты слова, или морфем, проникшие в несколько языков, то естественно поставить вопрос: в скольких языках должны быть варианты одного и того же слова (или одной и той же морфемы), чтобы без колебания их можно было назвать *интернациональными*? В так называемых точных науках при определении понятий количественные критерии имеют несравненно большее значение, чем в языкознании и, в частности, в лексикологии.

Надо полагать, однако, что все представители языкознания, которые любят свою науку, не хотели бы называть ее «неточной». В самом деле, разве может наука мириться с «неточностью»? Если мы противопоставляем науки искусства, то теория какого-либо искусства все же должна быть «точной». Музыка –

---

¹ Уперше опубліковано в: Наукові записки. – К.: Вид-во Київ. держ. ун-ту, 1955. – Т.ХІV. – Вип.ІІ / Збірник філол.факультету. – № 8. – С. 59-80.

это искусство, но теория музыки была бы плоха, если бы в ней допускались «неточности».

Совершенно необходимая при определении многих понятий условность вовсе не сопряжена с неточностью. Вот, например, в минералогии и петрографии валунами условились называть всякие обломки горных пород размером больше 100 мм, щебнем – остроугольные несцементированные обломки размером от 100 до 10 мм, галечником – окатанные гнсцементированные обломки таких же размеров, брекчийей – породу из остроугольных сцементированных обломков тех же размеров, конгломератом – породу из окатанных сцементированных обломков тех же размеров, дресвой и гравием – (соответственно) остроугольные и окатанные несцементированные обломки размером от 10 до 2 мм, песком – обломки от 2 до 0,1 мм и т.д. Следовательно, в минералогии и петрографии определение термина *песок* наряду с качественными (обломочное строение, несцементированность) содержит и количественный критерий (размер обломков от 2 до 0,1 мм)².

Нет оснований и языковедам при определении существенных для их науки понятий избегать количественный критериев.

Если до сих пор в лексикологии при определении термина *интернационализм* отсутствовал количественный критерий, то это, конечно, было в ущерб «точности». Иными словами, понятие *интернационализм* еще не стало у нас научным термином в собственном смысле слова.

В данной статье, прежде чем определить место интернационализмов среди прочих лексических и фразеологических заимствований, мы хотели бы внести необходимую точность в понимание термина *интернационализм*.

1. Едва ли у кого-нибудь может возникнуть сомнение относительно того, что *интернационализмы* – это не только отдельные **слова** (напр. русс. *коммунизм*, укр. *комунізм*, белорусс. *комунізм*, польск. *komunizm*, чеш. *komunismus*, серб. *комунизм*, болг. *комунизъм*, литов. *komunizmas*, латыш. *komunisms*, алб. *komunizëm*, греч. *k o t m o y n i s t o s*, арм. *k o t u n i z m*, рум. *comunism*, итал. *comunismo*, испан. *comunismo*, нем. *Kommunismus*, голл. *kommunisme*, швед. *kommunism*, перс. *k o t u n i z m*, тур. *komünizm*, венг. *kommunizmus*, фин. *kommunismi*, груз. *k o t u n i z m i* и т.д.), но и отдельные **морфемы** (напр. русс. -изм, укр. -ізм, белорусс. -ізм, польск. -izm, чеш. -ismus, серб. -изам, болг. -изъм, литов. -izmas, латыш. -isms, алб. -izëm, греч. -ismos, арм. -izm, рум. -ism, итал. -ismo, испан. -ismo, фр. -isme, англ. -ism, нем. -ismus, голл. -isme, дат. -isme, швед. -ism, перс. -izm, тур. -ism, венг. -izmus, фин. -ismi, груз. -izmi)³.

Это обстоятельство хорошо обрисовано в «Грамматике иностранных слов» (русского языка – А.Б.) покойного проф. Н.В.Юшманова, приложенной к «Слова-

² См, напр.: В.Г.Музафаров. Определитель минералов и горных пород. – М., 1953, изд.2, стр.157-158 и табл.2 на стр.155.

³ Слова и морфемы, данные «в разрядку», представлены здесь не оригинальным письмом, а посредством транслитерации латинскими буквами (напр., греческие), данные же полужирным латинским шрифтом представлены также не оригинальным письмом, а посредством упрощенной фонетической транскрипции МФА (например, армянские, грузинские, персидские).

рю иностранных слов», изд. «Советская энциклопедия», ОГИЗ РСФСР, М., 1937, стр. 690-723 (+ 5 таблиц).

Таким образом, к интернационализмам относятся не только **слова**, но и **морфемы** (корни, основы, префиксы и суффиксы). Само собой разумеется, что в количественном отношении среди интернационализмов преобладают именно отдельные слова и «знаменательные» морфемы (корни и основы), а не «служебные» морфемы (т.е. словообразовательные префиксы и суффиксы).

Корни и основы, относящиеся к интернационализмам, обнаруживают подчас значительную продуктивность (могут сочетаться со значительным количеством аффиксов того языка, в состав которого они проникли).

Напротив, аффиксы (префиксы и суффиксы), относящиеся к интернационализмам (напр., в русском языке «суффиксы» существительных **-ант, -ент, -ат; -ор**, ср. **-атор, -изатор, -ия**, ср. **-ация, -изация, -фикация; -тория, -ура**, ср. **-тура, -зура; -мент; -арий, -ариус, -ариум; -итет; -изм; -ист; -ик, -ит** и др.) обнаруживают ограниченную продуктивность (в русском языке, сочетаясь преимущественно с иноязычными корнями и основами).

2. Одно из затруднений, на которое мы наталкиваемся при определении *интернационализмов* в лексике данного языка, связано с вопросом об их распространении среди языков.

Если отдельное слово или отдельная морфема данного языка в силу тех или иных исторических обстоятельств проникли в другие языки и там укоренились, можно ли такое слово или такую морфему в отношении данного языка называть интернационализмом?

Если ответ на этот вопрос будет положительным, то не все интернационализмы можно будет отнести к *заимствованиям*.

Мы совершенно точно можем установить, что слово *большевик* возникло в русском языке в середине 1903 года (после 30 июля, II съезд РСДРП) и существовало в самом названии Коммунистической партии Советского Союза до конца 1952 г. (ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) до XIX съезда КПСС).

Только из русского языка слово *большевик* могло проникнуть в другие языки (ср. нем. *Bolschewik*, фр. *bolchévik*, или *bolchéviste*, итал. *bolscevico*, англ. *bolshevik*, или *bolshevist*, венг. *bolsevik*, хинди *bolševik*, китайск. *бу-аыр-сай-вей-кыэ* и т.д.).

Названное здесь слово по своим морфемам (ср. *большой, больше, большак, большеголовый* и т.п., а также **-вик**, в производных вроде *маховик, паровик, грузовик, боровик* и т.п.) является чисто русским, в русском языке неоткуда не заимствованным.

В отношении упомянутых языков (немецкого, французского, английского, итальянского, венгерского, хинди, китайского) оно может быть названо интернационализмом.

Будет ли оно также *интернационализмом* в самом русском языке? Прежде чем дать ответ на такой вопрос остановимся на судьбе некоторых общеизвестных слов.

3. Никто не усомнится в том, что слово *машина* может называться интернационализмом. Его варианты мы находим в славянских языках (польск. *maszyna*, болг. и серб. *машина*), кроме чешского (ср. *stroj*), в балтийских (литов. *mašinà*, латыш. *mašina*), в германских (нем. *Maschine*, голл. *machine*, дат. и швед. *maskin*, англ. *machine*), в романских (фр. *machine*, итал. *màccina* наряду с *macina*, «жернов», исп., порт., катал. *màquina*, рум. *mașină*), в греческом (*m e: k h a n e*, новогр. *mìxani*), в армянском (*mekhena*), в албанском (*maqinë*), в грузинском (*mankhana*), в турецком (*makina*) и др.

Не подлежит сомнению также и то обстоятельство, что история этого интернационализма начинается с древнегреческого *m e: k h a n e* (приспособление, устройство, средство, способ, хитрость; механизм, машина ирригационная, стенобитная, театральная и пр.) и родственных ему *m e: k h a r i* и *m e: k h o s* (ср. производные *m e: k h a n a:n*, *m e: k h a n a:s t h a i*, *m e: k h a n e: m a*, *m e: k h a n e: s i s*, *a m e: k h a n o s* и т.п.). Было ли в древнегреческих диалектах это слово интернационализмом своего времени?

Для ответа на этот вопрос у нас нет положительных данных. Некоторые этимологи высказали предположение о родстве этого древнегреческого слова в отношении корней с нашим глаголом *могу* (ст.слав. *могѣ*, гот. *magān*, др.верх. нем. *magān* или *tugān*, нововеерх.нем. *mögen*, англ. *may* и т.п.)⁴.

Дорийский вариант его (ma:khana:) дал начало латинскому *machina*, которое сохранилось в романских вариантах (*macchina*, *màquina*, *machine*, *maşină*). В пределах романских языков это слово (в соответственных его вариантах) еще нельзя назвать интернационализмом, потому что речь идет об унаследованном, а не о заимствованном слове. Интернациональный характер это слово приобретает при переходе из греческого языка в прочие родственные ему и неродственные языки (ср. латин. *machina*, арм. *mekhena*, груз. *mankhana*), а также при переходе из французского в германские (ср. англ. *machine*, нем. *Maschine*, голл. *machine*, дат. и швед. *maskin*), балтийские (ср. литов. *mašinà*, латыш. *mašina*), славянские (ср. рус., болг., серб. *машина*, польск. *maszyna*) языки, из итальянского в албанский (*maqinë*) и турецкий (*makina*). Этот интернационализм не распространился на такие европейские языки, как чешский (*stroj*), венгерский (*gép*), финский (*kone*).

Будет ли интернационализмом в новогреческом языке слово *mìxani*, унаследованное из древнегреческого и поддержанное в новогреческом влиятельными европейскими языками? Если факт интернационализма определяется широким распространением данного слова, то, очевидно, придется признать интернационализмом слово *mìxani* и в самом новогреческом языке. То же самое надо будет признать и в отношении слова *большевик* в русском языке: при своем возникновении оно еще не было интернационализмом, но, проникнув из русского языка во многие языки мира, оно стало таковым. Отсюда необходимо сделать вывод о том, что интернационализмом в данном языке может быть не только заимствованное, но и унаследованное или новообразованное слово.

⁴ É.Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. – Heidelberg-Paris, 1916, см. *m e: k h o s*, стр.636.

4. Можно ли признать интернационализмом, например, немецкое слово *Schrift*? Мы находим его в некоторых славянских языках (русс., болг. *шрифт*, польск. *szryft*), только в немногих германских (кроме немецкого ср. голл. *schrift*), нет его в романских языках (ср. фр. *caractères, types*, итал. *carattere* и т.п.), не встречается оно за пределами европейских языков. В немецком языке *Schrift* (ср. *schreiben*) является новообразованием на основе древнего заимствования из латинского языка ср. *scribere, scriptum, scriptura* и проч.).

По своему распространению в языках слово *шрифт*, конечно, не может соперничать с упомянутым выше словом *машина*.

Однако у нас нет достаточных оснований вовсе не признавать его интернационального характера. Ведь оно вышло за пределы одной группы родственных языков (германских) и проникло в другие группы (в балтийской литов. *šriftas*, в славянской русс., болг. *шрифт*, польск. *szryft*, в армянском из русского *šrift* наряду с *tpatar:*, *zulatar:*, а также в других языках СССР из русского).

Из этого примера видно, что особенностью интернационализмов надо признать их присутствие в разных группах родственных языков, а также в различных неблизкородственных языках.

Интернационализмом мы не можем признать отдельное слово или отдельную морфему, если оно или она присутствуют в разных, но близкородственных языках (в пределах группы языков), причем нельзя проследить их происхождения из другого (отдаленно родственного или вовсе неродственного) языка или группы языков.

5. Если в отношении фонетической или графической внешности интернационализмов возможна очень широкая амплитуда колебаний (с обязательным сохранением такой постоянной величины, как смысловое содержание), то, очевидно, что именно к смысловому содержанию интернационализмов предъявляются некоторые общие требования.

Что же именно требуется от слов, называемых интернационализмами в отношении их смыслового содержания?

Во-первых, настоящими интернационализмами нельзя признать собственные имена, как личные (имена, отчества, фамилии, прозвища, клички животных), названия отдельных предметов (вроде имен кораблей и т.п.), так и географические (названия стран, гор, водных пространств и т.д.).

Следовательно, интернационализмами среди слов могут быть только нарицательные (основы имен и глаголов; об отдельных морфемах уже было сказано).

Во-вторых, интернационализмы должны выражать понятия, выходящие за пределы тех условий или обстоятельств, в которых они сложились.

Это требование очень деликатное и здесь возможны всякого рода колебания. Речь идет о хронологических, географических и этнографических ограничениях. Если они весьма значительны, то данное слово не может претендовать на всеобщее признание его интернационального характера.

6. Еще в эпоху феодализма (вероятно, в конце средних веков) русский язык передал европейским языкам слово *сарафан*.

Первоначально так назывался длинный мужской кафтан (ср. перс. *sæer-a-pa* «от головы до пят») в отличие от теперешней женской одежды без рукавов (ср. фр. *sarafane*, англ. *sarafan*, нем. *Sarafan*, итал. *sarafan* и пр. т.п.).

Так как это название сохранилось в европейских языках только в качестве названия некоторого вида национальной русской одежды, а сама одежда не получила широкого распространения, то слово *сарафан* не стало полноправным интернационализмом. Оно сохраняется теперь в лексике европейских языков (за пределами русского языка) как *этнографизм*.

Близка к этому и судьба чисто русского слова *самовар*. Мы найдем его во многих языках, но на положении *этнографизма*, а не *интернационализма* (ср. нем. *Samowar*, англ. *samovar*, фр. *samovar*, итал. *samovar*, венг. *szamovár* (или *teafőző*), фин. *samovaari* (или *teekeittiö*), арм. *samavar* (или *inkhnajer*., *heštajer*.) новогр. *samovari* (др. гр. *αὐτή πῦρ*) и пр.

Из этих примеров становится понятным, что следует различать собственно интернационализмы и историко-этнографические интернационализмы (или проще – широкие и узкие интернационализмы).

7. Историко-этнографическим (или узким) интернационализмом можно назвать, например, русское слово *боярин* (ср. фр. *boyard*, итал. *boiardo*, исп. *boyardo*, англ. *boyard* или *boyar*, нем. *Bojar*, швед. *bojar*, польск. *bojarzyn*, болг. *болярин* и т.д.), относящееся к эпохе феодализма в нашей истории.

Конечно, здесь возможны переходы такого рода, при которых узкие интернационализмы становятся широкими и наоборот. Но это уже связано с изменением смыслового содержания слов, с развитием новых понятий.

Так, например, при сохранении внешнего сходства нельзя признать одинаковыми по содержанию латинское *minister* (относительно корня ср. латин. *minor*; *minus*; производные *ministra*, *ministeriales*, *ministerium*, *ministrare*, *ministratio*, *ministrator*, *ministratrix*, *ministratorius*, и с префиксом *ad-*) в эпоху рабовладельческой формации и последовательно в эпоху феодализма, капитализма и социализма.

В древнем мире – это раб, слуга, прислужник (*m. cubiculi* «спальник», *m. vini* «виночерпий», *m. puer* «молодой раб»), также гиеродул (*m. Martis* «прислужник при храме Марса»), затем – помощник, приспешник, сообщник (*m. imperii*, *m. libidinis*, *m. sceleris*, *m. in maleficio* и т.д.; ср. еще *ministro baculo* «с помощью жезла»).

Ясно, что латинское *minister* является только первоисточником нашего современного *министр*, но первое совершенно отличается от второго по смысловому содержанию.

Распространившееся в европейских языках из португальского (*mandarin*) *мандарин* осталось историко-этнографизмом со своим первоначальным смыслом (крупный государственный чиновник в дореволюционном Китае), но стало интернационализмом как название сорта мелких апельсинов (выведенного из *Citrus nobilis deliciosa*, ср. англ. *tangerine*), русс. также *мандарин*. Его первоисточником было санскритское *mantri*., р.п. *mantrinah*, проникшее в языки Индонезии (малайский).

Китайское название растения и напитка, из него изготавливаемого, *ча* (*čha*)⁵ стало со временем широко распространенным интернационализмом (ср. русс. *чай*, болг. *чай*, серб. *čaj*, чеш. *čaj*, но польск. *herbata*, порт. *cha*, исп. *té* или *cha*, итал. *té* или *thé*, фр. *thé*, нем. *Tee*, голл. *thee*, дат и швед. *té*, англ. *tea*, венг. *tea*, фин. *tee*, тур. *çay*, монг. *цай*, новогр. *cai*, арм. *thej* или *čhaj* и др. т.п.).

8. Далеко не всегда мы можем проследить пути распространения интернационализмов, хотя и можем установить их первоисточники.

Нет сомнения, например, в том, что первоисточником русского слова *машина* было древнегреческое *me:khane:*, но по фонетической форме русского слова сразу видно, что оно происходит не прямо из древнегреческого (*me:khane:*) и не из латинского (*machina*), но из таких европейских языков, как французский (*machine*) или немецкий (*Maschine*). Слово *машина* существовало в русском литературном языке еще в XV веке⁶.

Таким образом, наряду со старым *машина* (стенобитное орудие) слово *машина* было сравнительно новым заимствованием (польск. *maszyna* < нем. *Maschine* < фр. *machine*), но установить его непосредственный источник для русского языка еще не представляется возможным.

Частичная утрата прежней фонетической или, точнее сказать, фonomорфологической внешности при заимствовании отрывает интернационализмы от их непосредственного источника для данного языка.

Русское слово *университет* ближе всего стоит к польскому *uniwersytet* (ср. *wszeczchnica*) и немецкому *Universität*, но фонетически отличается от обоих (первоисточник – латинское *universitas*).

Откуда заимствовано русское слово *электричество*? Собственно говоря, как слово, оно не было заимствовано. Заимствованной в нем можно признать только его основу (*электро-*).

Оно, конечно, является типичным интернационализмом (ср. фр. *électricité*, нем. *Elektrizität*, англ. *electricity*, итал. *elettricità*, исп. *electricidad*, порт. *electricidade*, рум. *electricitate*, польск. *elektryczność*, чеш. *elektrina*, серб. *електрика*, укр. *електрика*, белорусс. *электрычнасць*, болг. *електричество*, алб. *elektrik*, арм. *elektrakanuthjun*, груз. *elektroba*, новогр. *ilektrizmos* или *ilektriko(n)* и др. т.п.).

Основа всех упомянутых здесь вариантов интернационализма *электричество* обнаруживается в древнегреческом *e:lektron* (ср. *e:lekto:r*) и латинском *electrum*.

Ни по своему смысловому содержанию, ни по своей фonomорфологической внешности древнегреческое *e:lektron* не соответствует нашему *электричество*. Так как статическое электричество было впервые замечено при опытах с *янтарем* (балтизм в русском языке, ср. литов. *gintaras*, латыш. *dzītaris*), то древнегреческое *e:lektron* или латинское *electrum* (название янтаря), было использовано

⁵ Краткий китайско-русский словарь по графической системе, сост. В.С. Колоколов, М., 1935, № 3619, стр. 397.

⁶ См. И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам, т. II, 1902, стр. 119 (с датой 1499).

в качестве основы нового слова, названия хорошо нам теперь известного в быту явления природы.

В венгерском языке (в результате пуристической тенденции) в основу этого названия было положено слово *villám* (молния), ср. *villamosság* (электричество), также *villany*, ср. *vilag* (свет, мир), *világosság* (свет, яркость), *villogni* (сверкать), *villogtatni* (сверкнуть), *villanni* (то же), *villámlani* (сверкать, о молнии), *viliámlás* (молния) и т.п. Таким образом, надо признать, что некоторые интернационализмы далеки от настоящих лексических заимствований.

Остановимся на истории одного из новейших интернационализмов. Когда речь пойдет о слове *критика*, то всякий образованный человек поспешит сказать, что это слово греческого происхождения (ср. гр. *krinein*, *krisis*, *kritike*:).

Не так просто обстоит дело со словом *самокритика*. Это слово образовалось в русском языке после Великой Октябрьской социалистической революции и теперь уже стало интернационализмом.

В европейских языках мы находим, однако, не само это русское слово (*самокритика*), а его буквальные переводы: нем. *Selbstkritik*, англ. *self-criticism*, фр. *autocritique*, итал. *autocritica*, новогр. *aftokritiki*, чеш. *sebekritika*, арм. *inkhnakhnnadatuthjun* (или *inkhnakhnnadatum*, *inkhnakhnnadatela*), груз. *thvithkritika*, венг. *önkritika* или *önbírálat*, фин. *itsekritiikki*, тур. *otokritik* (ср. фр.) или *kendini tenkit etme* и др. т.п.

В связи с этими примерами естественно возникает вопрос что именно заимствовано другими упомянутыми здесь языками из русского языка?

Очевидно, в этом случае нельзя сказать, что другие языки просто заимствовали русское слово.

Когда речь шла об интернационализме *критика*, мы могли сказать, что, например, в русском языке это слово ближе всего к позднелатинскому *critica* (от прилагательного *criticus*, -a, -um, в сочетании *ars* или *res critica*), лежащему в основе итальянского, испанского, португальского *critica*, французского *critique*.

Слово *самокритика* – сложное (вернее – составное) и сложным является выражаемое им понятие. Сложность понятия, выражаемого этим словом, определяется смысловым содержанием его составных частей.

Для того, чтобы дать представление о содержании слова *критика*, мы можем сослаться на его синоним *суждение*. Местоимение *сам*, *сама*, *само* не требует особого пояснения: оно служит для подчеркивания, выделения или противопоставления понятия лица, выражаемого личными местоимениями или личными формами глаголов. Следовательно, в самом общем виде содержание слова *самокритика* можно передать, как «суждение о самом себе», т.е. о своих делах и поступках, указание на свои недостатки, недочеты, ошибки и пр., а также на свои достоинства и достижения.

Вот эту-то связь более простых понятий, образующих одно более сложное, наряду со способом его выражения (сочетание основы местоимения с существительным), заимствовали другие языки у русского языка. Это явление получило (не очень удачное) название *калькирование*, а результаты его называются, как известно, *кальками* лексическими (если речь идет об одном слове в обоих языках, –

в том, из которого заимствуется, и в том, который заимствует) или фразеологическими (если речь идет о сочетании слов в обоих языках).

Так как нас не вполне удовлетворяют имеющиеся в нашей лексикологической литературе определения калькирования или, лучше сказать, переодевания, то мы считаем нелишним дать свое определение этого вида взаимодействия языков. *Переодевание* (калькирование, калька) – это, конечно, *заимствование* одним языком у другого *приемов словообразования и сочетания слов*. При этом заимствующий язык со всей возможной точностью воспроизводит не фонеморфологическую внешность иноязычных слов и словосочетаний, а именно приемы словообразования другого языка, если речь идет об отдельном слове, или строение (взаиморасположение и смысловое отношение), если речь идет о словосочетании (постоянном или устойчивом).

Если заимствуется отдельное простое слово, то заимствующий язык по возможности точно воспроизводит его отношение к другим словам того языка, который служит образцом для словообразования, ср., напр., латин. *acidum* (кислота) – *acidus*, *-a*, *-um* (кислый) и русс. *кислота* (химический термин) – *кислый*, *-ая*, *-ое*, венг. *sav* – *savanyú*, фин. *hapo* – *hapan* и пр. т.п.

Если заимствуется сложное (с аффиксами) или составное (*compositum*) слово, то воспроизводится состав и взаиморасположение его основ, из своих морфем по образцу чужого языка строятся соответствующие чужим свои слова, ср., напр., гр. *syzygos* – русс. *супруг*, *супруга*, гр. *so:phrosyne* – русс. *целомудрие* или *здоровоумие* и пр. т.п.

Если заимствуется постоянное словосочетание (фразеологизм), то по образцу чужого словосочетания строится соответствующее ему по смыслу входящих в него слов свое словосочетание, ср., напр., нем. *Frieden schliessen*, (*ein*) *Bündnis schliessen* – русс. *заключать мир*, *заключать союз* и пр. т.п.

Между переодеванием (калькой) и тем, что называется *буквальным переводом*, нет почти никакой разницы. Важно только заметить, что переодетые (или калькированные) слова или словосочетания становятся *постоянными величинами* в языке, а буквальных переводов вообще может быть столько, сколько различных синтагм и предложений переводится с одного языка на другой.

Типичными лексическими кальками являются такие слова, построенные по образцу русского *самолет*, как армянское *inkhnathir*: (ср. выше *inkhnakhnnadatuthjun* «самокритика», *khnnadatuthjun* «критика») и грузинское *thvithmphrinavi* (ср. выше *thvithkritika* «самокритика» и *kritika*) с основами глаголов арм. *thr:čel* и груз. *phrena* (летать, лететь), ср. *mphrinavi* «летчик», *phrinveli* «птица».

Такие терминологические интернационализмы, как *лингвистика*, ср. *языкознание* (языковедение, чеш. *jazykozpyt*, нем. *Sprachwissenschaft*, гр. *glo:ssologia*), *фонетика*, *гласный*, *согласный*, *префикс*, *суффикс* и др.т.п. были скалькированы в армянском языке: *lezvabanuthjun*, *hnčhunabanuthjun*, *zajnavor*, *baRazajn*, *zevabanuthjun*, *naxacanchs*, *ver'acanchs*. Здесь перед нами, образно выражаясь, переодетые в национальное платье интернационализмы.

Само собой разумеется, что сравнительно с лексическими кальками, примеров фразеологического калькирования можно найти не так уж много. Общеизвестным является такой пример фразеологического интернационализма, как французское словосочетание *avoir lieu*, переданное в английском языке *(to) take place*, в немецком – *stattfinden* и в русском буквально – *иметь место*, т.е. быть, бывать, случаться, происходить и т.п.

11. Однако в отношении похожих друг на друга фразеологизмов мы очень часто должны ограничиваться установлением параллелизма в словосочетаниях различных языков без возможности указать на первоисточник такого словосочетания.

Мы говорим, например, *отвечать, ответить* и наряду с этим *давать ответ, дать ответ*. То же самое возможно и в других языках (ср. англ. *to answer* и *to give answer*, нем. *antworten* и *Antwort geben*, фр. *répondre* и *donner réponse*, исп. *responder* и *dar respuesta*, арм. *patasxanel* и *patasxan tal* и т.п.).

Есть языки, которые в подобном случае удовольствуются только названным фразеологизмом, не имея в обиходе соответственного глагола (ср., например, перс. *šəvab dadāen* или *pasox dadāen*, тур. *cevap vermek* или *karşılık vermek*).

Возможно ли вообще отыскать первоисточник подобных фразеологизмов? Во многих случаях такая попытка была бы обречена на неудачу.

Параллелизм в различных языках многих фразеологизмов не обязательно должен объясняться происхождением всех параллельных фразеологизмов из общего первоисточника.

Наличие подобных понятий в различных фономорфологических внешне-стях может быть причиной образования одинаковых или очень близких фразеологизмов.

Нет сомнения в том, что при исследовании влияний языков друг на друга и их взаимодействий надо по возможности отличать фразеологические «кальки» (метамфазы) от параллельных фразеологизмов⁷.

12. С развитием науки и с прогрессом техники связано распространение значительного числа тех лексических интернационализмов, которые можно назвать терминологическими. К ним относятся слова вроде: *география, геология, геодезия, минералогия, биология, анатомия, медицина, химия, элемент, атом, материя, диалектика, радио* (из прежнего *радиотелеграф, радиотелеграфия*), *электричество, магнит, механика, мотор, турбина, экскаватор, осциллограф, дефектоскоп, трансформатор, пластмасса, эхолот, конструкция, лаборатория*.

Терминологические интернационализмы можно противопоставить *бытовым* интернационализмам, т.е. таким, которые стали широко употребительными в обиходном общенародном языке.

Примером бытового интернационализма может служить слово *лампа*. Оно возникло на основе древнегреческого слова *lampas*, р.п. *lampados*: 1) факел, 2) светильник (ср. *lampein* «светить, сиять, сверкать», *lampros* «светлый, яркий»).

⁷ Ср. с ними «семантические изоглоссы» в моем сочинении «Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)», Киев, 1950, § 131, 212-220.

В латинском языке оно было усвоено в двух вариантах: *lampas* р.п. *lampādis* и *lampāda* р.п. *lampādae*. Первый из них со временем приспособился к формам так называемого первого склонения: *lampra* р.п. *lamprae*.

Отсюда – варианты, представленные в романских языках, ср. итал. *lampra* (наряду с *lampada* и диалект. тоскан. *lāmpana*; *lampro* «внезапный блеск, молния»), исп. *lámpara*, порт. *lâmpada* (катал. *llàntia* < *lamptia), ст. прованс. *lampeza*, фр. *lampe*, рум. *lămpă*.

Из романских языков это слово перекочевывает и в германские, ср. нем. *Lampe*, голл. *lamp*, дат.-норв. *lampe*, швед. *lampra*. Из итальянского языка это слово возвращается в новогреческий, ср. *lampá* (наряду с диалект. *lamba*), а отсюда переходит в албанский, ср. *llambë*.

Его мы находим в венгерском *lámpa*, в финском *lamppi*, в турецком *lâmba*, в персидском *lampá* (ср. *čeraq*), в армянском *lamp* (ср. *črag*), в грузинском *lampá*.

Хорошо знакомое нам слово *лампа* находим во всех славянских языках, ср. болг. *лампа* (диалект. также *ламба*), серб. *лампа*, чеш. *lampra* и польск. *lampá*, а также балтийских, латыш. *lampra*, литов. *lempa* (ср. *žibė*).

Откуда же это слово в русском языке? Указать в подобном случае на непосредственный источник не представляется возможным. К тому же их могло быть несколько: такое слово могло проникнуть в данный язык из других языков, где оно раньше укоренилось как путем устной передачи, так и из литературы, из книг и документов.

Наши «словари иностранных слов», хотя и не очень последовательно, не включают в число объясняемых слов бытовые интернационализмы⁸.

Напротив, терминологические интернационализмы составляют в них основную массу объясняемых слов. Историко-этнографические интернационализмы также включаются в число подлежащих объяснению.

Если бы мы сослались только на греческий язык, как на источник русского слова *лампа*, мы, конечно, допустили бы неточность. Действительно, греческий язык является для нас первоисточником слова *лампада* (в «Материалах» И.И.Срезневского с датой 1499 г.), но не этого *лампа*.

13. Два других греческих слова для обозначения переносных «источников света» также стали интернационализмами, хотя значительно более ограниченного распространения.

Это слова *lampte:r* (того же корня, что и *lampas*, ср. синоним *lykhnos*) и *pha:nos* (уменьш. *pha:narion*, ср. др. гр. *phaos*, *pho:s* «свет»).

В латинском языке греческое *lampte:r* дважды подвергалось контаминации:

1) *lampte:r* было поставлено рядом с *lucerna* (ср. *lucēre*, *lux*), вследствие чего возникло новообразование *lanterna* (<*lampterna) и

2) *lanterna* было сближено с основой *latum* (ср. формы глагола *ferre*) и т.п., откуда возникла более поздняя форма *lāterna*.

⁸ Так, напр., в «Словаре иностранных слов», изд. «Советская энциклопедия», М., 1937 и в таком же «Словаре», 3-е переработанное и дополненное издание, ГИЗ иностранных и национальных словарей, М., 1949 – есть слово *лампион*, но нет слова *лампа*.

Упомянутые греческие слова укоренились в романских языках, ср. итал. *lanterna* и *fanale*, исп. *linterna* и *fanal*, порт. *lanterna*, катал. *llanterna*, фр. *lanterne*, рум. *lanternă* и *felinar*.

Из романских они проникли в германские, ср. нем. *Laterne*, голл. *lantaarn*, дат.-норв. *lanterne*, швед. *lykta*.

Латинское *lucerna* оказалось в чешском языке наряду со славянским *svítlina*, а контаминированное *lāterna* через немецкое *Laterne* проникло в польский в виде *latarnia* и *latarka*.

Новогреческое *fanari* (< *phanarion*) легло в основу хорошо знакомого нам *фонарь*, а также турецкого *fener*, которое проникло в южнославянские языки, ср. болг. *фенер* и серб. *фенер*.

Следует отметить, что такие слова, как немецкое *Leuchter* (подсвечник) > польское *lichtarz* (подсвечник) > украинское и белорусское *ліхтар* (фонарь) уже нельзя назвать интернационализмами не потому даже, что они ограничены пределами немногих языков, а потому что заимствование здесь сопряжено с существенным смысловым изменением (ср. подсвечник > фонарь).

Само собой разумеется, что в настоящее время наряду с бытовым интернационализмом *лампа* в тех же языках, о которых у нас шла речь, существует также технический термин (– терминологический интернационализм) *лампа* (напр., в радиотехнике).

14. Если мы здесь попутно отмечали, что при существенных смысловых изменениях заимствуемых слов, мы не назвали бы эти слова интернационализмами, нельзя будет того же сказать о фономорфологических изменениях. В отношении этих фономорфологических изменений правильно было бы не устанавливать никаких ограничений. Однако в лексикологической практике дело обстоит иначе.

Лексикологи (специалисты по описательной, а не исторической лексикологии) не очень охотно признают варианты греческого *glykyrriza* (*Glycyrrhiza glabra*) настоящими интернационализмами.

Действительно, эти варианты, начинаясь с латинского *liquiritia*, доходят в некоторых языках до фразеологического калькирования. В романских языках начало образованию новых вариантов дало латинское *liquiritia*, в котором без особого предупреждения трудно узнать греческое *glykyrriza*, ср. итал. *liquirizia*, фр. *réglisse*, исп. *regaliz* (еще *ororuz*); от ст.фр. *licoresse* происходят англ. *licorice* или *liquorice*. Русское слово *лакрица* непосредственно связано с немецким *Lakritze* или *Lakritzen*. В польском языке вследствие лексической ассимиляции (явление так называемой «народной этимологии») это слово стало неузнаваемым в своем новом виде *lukrecja*. В болгарском можно найти фразеологизм *сладък корен*.

15. Если нужен еще пример несомненного бытового интернационализма, то можно еще вспомнить наше слово *школа*. Мы найдем его во всех славянских языках, ср. русс., укр., белорусс. *школа*, серб. и болг. *школа* (ср. еще *училище*), польск. *szkola* (ср. *uczelnia*), чеш. *škola*.

Это слово в славянских языках сравнительно древнее, и непосредственный источник его близок к латинскому *schola* (читать *skola*)⁹.

⁹ В «Материалах» И.И.Срезневского *школа* приведено с датой 1388 г.

В романских языках было унаследовано латинское *schola*, ср. итал. *scuola*, исп. *escuela*, порт. *escola*, катал. *escola*, фр. *école*, рум. *școală*, ср. также алб. *shkollë*. Это же слово находим в германских языках, ср. швед. *skola*, дат.-норв. *skole*, англ. *school*, голл. *school*, нем. *Schule*.

Оно вышло и за пределы индоевропейских языков, например, венг. *iskola* и фин. *koulu*. Интересный вид взаимодействия языков представляет в турецком языке новообразование *okul* на основе тур. *okumak* (читать, учиться, заниматься), созданию которого был дан «толчок» со стороны французского *école* (ср. тур. *ekol*).

Это новообразование должно было вытеснить старое слово арабского происхождения *mekterp* (араб. *maktab(un)*).

16. Относительно того, что фонетическая сторона слов не безразлична при определении их интернационального характера, можно судить на основании анализа следующих примеров.

Слово *музей* является бесспорным интернационализмом. Мы различаем знакомое нам слово в греческом *moyseion*, латинском *museum*, итальянском *museo*, французском *musée*, польском *muzeum*, чешском *museum*, английском *museum*, литовском *muziejus*, латышском *muzeja*, албанском *muze*, но отказываемся признать интернационализмом, например, армянское *thangaran* (буквально «место хранения дорогих вещей»), ср. *thang* «дорогой»).

Бесспорным интернационализмом является для нас также слово *магазин*, ср. фр. *magasin*, польск. *magazyn*, груз. *maRazia* и пр. т.п. Но без предупреждения мы не различим его в испанском *almacén* или в португальском *armazem*, ср. араб. *maxzan(un)* (хранилище, кладовая, склад, подвал, погреб) – название помещения от основы глагола *xazana*, *jaxzunu* (хранить, беречь, стеречь). Мы не можем признать интернационализмом также английское *magazine* «журнал», хотя оно образовалось метафорическим путем на основе интернационализма *магазин* (помещение для хранения, продажи и покупки товаров).

17. Учítывая «внешнюю форму» слов, мы не можем признать настоящими интернационализмами лексические и фразеологические «кальки».

Греческое *kheirographon* дало повод для создания латинского *manuscriptum*. Русское *манускрипт* следует признать интернационализмом, но *рукопись* уже является калькой интернационализма, ср., нем. *Handschrift*, литов. *rankraštis*, арм. *zer:agir* и т.п.

Химический термин *oxygenium* (ср. новогр. *oksygenion*) стал интернационализмом в таких языках, как французский (*oxygène*), немецкий (*Oxygen* наряду с *Sauerstoff*), английский (*oxygen*), итальянский (*ossígeno*), турецкий (*oksijen* наряду с *müvellidülhumuza*) и др., но русское *кислород* можно назвать калькой этого интернационализма.

Таким образом, греко-латинское *oxygenium* только дало повод для образования, в первую очередь, таких слов, как русское *кислород*, болгарское *кислород*, белорусское *кісларод*, затем таких, как украинское *кисень*, сербское *кисеоник*, чешское *kyslík*, ср. польское *tlen* (*tleć* «тлеть»).

Латинское *acidum* также стало в некоторой мере интернационализмом, ср. фр. *acide*, англ. *acid*, итал. *acido*. Оно дало повод для создания своеобразных по

своей форме слов вроде русс. *кислота*, укр. *кислота*, белорусс. *кіслата*, болг. *киселина*, серб. *киселина*, чеш. *kyselina*, польск. *kwas*, нем. *Säure*, швед. *syra*, венг. *sav*, фин. *happo*, тур. *hamiz* (ср. *asit*) и т.п.

18. Естественно, что введение метрической системы сделало интернационализмами такие французские слова греческого происхождения, как *mètre* и *kilomètre*.

Однако, вернувшись в новогреческий язык из французского, слово *xiliometro(n)* до некоторой степени уже перестало быть в новогреческом языке интернационализмом.

Значение фонетической и фономорфологической стороны слов при определении интернационализмов станет понятным из следующего примера. Во многих странах мира распространилась монетная система с отношением единиц 1 : 100.

Можно упомянуть русские *рубль* и *копейка*, американские *dollar* и *cent*, французские *franc* и *centime*, польские *zloty* и *grosz*, венгерские *pengő* и *fillér*, испанские *peseta* и *céntimo*, итальянские *lira* и *centésimo*, перувианские *sol* и *centavo*, португальские *escudo* и *centavo*, румынские *lei* и *ban*, греческие *draxmi* и *lepton*, болгарские *лев* и *стотинка*, японские *yen* и *sen* т. п.

Если в русском языке мы находим такие слова, как *доллар* и *цент*, *франк* и *сантим*, *пенге* и *филлер*, *злотый* и *грош*, *песета* и *сентим*, *лира* и *центезим*, *соль* и *сентаво*, *эскудо* и *сентаво*, *лей* и *бан*, *драхма* и *лепта*, *лев* и *стотинка*, *йен* и *сэн* и т. п., то ясно, что мы имеем дело с *этнографизмами*, а не настоящими интернационализмами. Интернациональным или международным здесь можно признать только общее для всех упомянутых монетных систем отношение 1 : 100.

Однако русские слова *рубль* и *копейка*, которые распространились в языках народов мира и народностей СССР при наличии общей монетной системы уже превратились из этнографизмов в интернационализмы, ср. тувинские *рубль* и *копеек*, армянские *r:ubli* и *kopek*, литовские *rublis* и *kapeika*, осетинские *сом* и *капекк*, белорусские *рубель* и *капейка*, украинские *рубель* (ср. *карбованець*) и *копійка*. Если в узбекском языке *рубль* называется (бир) *сўм*, а копейка (бир) *тийин*, это значит, что узбеки переводят соответственные русские названия на свой язык.

19. Вопрос об интернационализмах тесно связан с вопросом о видах перевода с одного языка на другой.

Мы не будем останавливаться на очень интересном вопросе перевода (включая сюда и все степени «переводимости»), но скажем только, что в связи с рассматриваемым здесь вопросом важно различать переводы:

1. Буквальный (иногда с насилием над родным языком), напр., греческое *orthodoksos* («правоверный») было передано *православный*, хотя речь шла не о славе, а о *вере* (гр. *doksa* и «слава» и «вера») – это и есть *переодевание* (*метамфиаз*) или (неточно) *калька*.

2. Дословный, гр. *kata leksin* (без насилия над родным языком), напр., *голубь мира* = нем. *die Friedenstaube*, исп. *la paloma de paz*, груз. *mšvidobianobis mtredi* и т.д.

3) Истолковательный (гр. *kata sinesin*, перифрастический, ср. гр. *periphrasis*, латин. *circumlocutio*), собственно, пересказ, напр., этнографизм: *ухват* = фр. *(la) fourche à retirer les pots du four* (но нем. *Ofengabel, Topfgabel*), этногеографизм: *байрак* или *буерак* = фр. *(le) ravin envahi par le bois*; историко-этнографизм: *пугачевщина* = фр. *(le) mouvement paysan de Pougatchov*; беллетризм (название, связанное с художественной литературой): *маниловщина* = фр. *raisonnements à vide* и т.п.; неологизмы, связанные с условиями жизни социалистического общества (так называемые *советизмы*): *многостаночник* = фр. *celui qui travaille aux plusieurs métiers simulttanément*.

Здесь же следует упомянуть о словообразовательных «диспропорциях», которые обнаруживаются при сопоставлении каких угодно языков. Так, например, если по-русски мы говорим, что у нас «заболеваемость резко снизилась», то по-французски это может быть выражено перифрастически (истолковательно) вроде: «*la quantité de personnes tombées malades se réduisit brusquement*» и т. п.

Понятно, что любой *перевод* дает результат, который нельзя назвать интернационализмом в собственном смысле слова.

В условиях Советского Союза русское слово-аббревиатура *колхоз* и его производное *колхозник* стали интернационализмами. Однако украинские *колгосп* и *колгоспник*, армянские *kolntesuthjun, kolntesakan* (наряду с интернационализмами *kolhoz, kolhoznik*), грузинские *kolmeurneoba, kolmeurne* и подобные им следует рассматривать как «переодетые» интернационализмы («кальки» интернационализмов) с одной действительно интернациональной морфемой – аббревиатурой **кол-** (< коллективный)¹⁰.

Ни дословный перевод, ни тем более истолковательный перевод, уж никак не относятся к области интернационализмов.

20. Среди интернационализмов, как и среди прочих передаваемых из языка в язык слов, можно найти так называемые *дублеты*, или *дубликаты* (ср., напр., в русском языке *лампа* и *лампада*, *машина* и *махина*, *колчедан* и *халцедон*, *колтак* и *клобук*, *кристалл* и *хрусталь*, *камера* и *комора*, *фон* и *фонд*, *ритм* и *рифма*, *мастер* и *магистр*).

Дублеты по происхождению являются вариантами одного и того же слова, проникшего в данный язык либо из разных непосредственных источников, либо из одного и того же источника, но в разные периоды развития общающихся языков.

Они как бы отражают самим своим присутствием в данном языке многообразие общения языков и заставляют понять сложность того процесса, который называется заимствованием.

Рассмотрим историю одного дублетного интернационализма в русском языке. -

Наши слова *цифра* и *шифр* в конечном счете арабского происхождения и, кроме того, являются вариантами одного и того же арабского слова *ṣifr(un)* «пустой» (как название письменного знака «ноль»).

¹⁰ Такие образования Л.А.Булаховский называет *полукальками* (т.е. «полупереодетыми»), см. «Введение в языкознание», ч. II, 1953, § 52, стр. 127. Речь идет, конечно, об использовании ставших интернационализмами морфем (ср. *телевидение, ультразвук, пушкинист, яровизация*).

В арабском языке «корни» (т.е. опорные согласные) *ṣ-f-r* выражают три различных понятия: 1) «свистеть, издавать звук» (ср. латин. *sibilare* и *sifilare*, фр. *siffler*, исп. *chiflar*), 2) «быть желтым, желтеть», отсюда прилагательное *asfar(u)*, *ṣafra:-'(u)*, *ṣufr(un)* «желтый» и название желтого цветка *шафран*-крокус, 3) «быть пустым», отсюда «пустой знак» = нуль, в арабском письме – точка.

В средние века из арабского языка название «пустого знака» проникло в европейские языки через языки Пиренейского полуострова, ср., исп. *cifra*, порт. *cifra*, катал. *xifra*, итал. *cifra*, фр. *chiffre*, англ. *cipher*, нем. *Ziffer* («цифра, число», затем «тайные знаки, тайное письмо», т.е. шифр, а также «монограмма, вензель, росчерк», как исп. и итал. *cifra*, новогр. *cifra*).

Из арабского же языка варианты этого слова распространились в других восточных языках, ср. тур. *sifir*, перс. *sefr*, урду *sifar*.

Ясно, что слова *цифра* и *шифр* проникли в русский язык не в одно и то же время и не из одного и того же источника.

Слово *цифра*, очевидно, пришло вслед за словом *цыфирь* («арифметика»), возможно, непосредственно из немецкого языка, ср. нем. (*die*) *Ziffer* (ср. в XVIII веке «цыфирь и грамота»).

Во всех славянских языках представлен по существу один и тот же вариант при соответствии **ы : и**, ср. польск. *cyfra*, чеш. *cifra*, серб. и болг. *цифра*.

Впоследствии из французского языка в славянские (уже как интернациональный термин) проникло в двух вариантах слово (*le*) *chiffre*: русс. *шифр*, польск. *szyfr*, болг. *шифър*, но чеш. *šifra*, серб. *шиффа*.

Показательным является то, что в европейских языках (ср. варианты *cifra*, *chiffre*, *Ziffer*) не сохранился первичный смысл «пустой знак» («пустышка»), т.е. нуль (но англ. *cipher* = *zero*).

Это объясняется тем, что арабское *ṣifr(un)* или *ṣafir(un)* укоренилось в европейских языках в двух вариантах: 1) *cifra*, *chiffre*, *cipher*, *Ziffer*, *цифра* и 2) исп. *cero*, порт. *zero*, катал. *zero*, итал. *zero*, фр. *zéro*, англ. *zero* и пр. т. п. (с упрощением группы согласных **-fr- > -r-**) «нуль».

Из этих двух вариантов второй (более старый) обнаруживает более глубокие фонетические изменения, но сохраняет смысловое значение математического термина (0).

Поучительно отметить также, что в арабском языке наряду с упомянутым здесь *ṣifr(un)* «пустой (знак)» есть еще слово *ṣifr(un)* множ. *asfa:r(un)* «книга».

Можно было бы предположить, что именно это последнее легло в основу фр. *chiffre* в смысле «тайнопись, тайное письмо» (-шифр).

Однако нет нужды в таком предположении, если мы можем последовательно установить такое развитие смысловой стороны вариантов слова *ṣifr(un)* в европейских языках: 1) нуль > цифра, 2) знак > монограмма, 3) тайный знак > тайное письмо (шифр).

Мы без особого труда можем наметить (в исторической перспективе путь распространения арабского *ṣifr(un)* *ṣafir(un)* через испанский (*cero*, *zero*: *cifra*) в итальянский (*zero*, *cifra*) и во французский язык (*zéro*, *chiffre*).

Кроме того, надо учесть существование средневекового латинского *cifra*, возникшего на основе испанского *cifra*.

Это книжное слово отражено в старофранцузском *cifre*, в английском *cipher* (**ph** – орфографический гиперизм), в немецком *Ziffer*.

Возникшее на основе старофранцузского *cifre* новофранцузское *chiffre* было непосредственным источником русского *шифр* и др. т. п.

В большинстве случаев (если не всегда) дублетные интернационализмы оказываются различными по своему смысловому содержания словами в пределах одного и того же языка.

21. Мы намеренно обходим здесь молчанием интересную проблему собственных имен общего происхождения в различных языках.

Одно и то же собственное имя, повторенное на разные лады во всех языках мира, все равно не может быть названо настоящим интернационализмом, но остается историко-этнографизмом до тех пор, пока оно является только собственным, но не нарицательным.

В логике считается, сто собственные (индивидуальные) имена отделены от нарицательных (общих или коллективных) вполне различимой границей.

Однако в лексикологии приходится признать существование в каждом языке некоторой группы имен, стоящих на полпути между собственными и нарицательными.

Можно спорить о том, являются ли наше *солнце* и *луна* (ср. названия звезд: *Альтаир*, *Вега*, *Денеб*, названия планет: *Венера*, *Марс*, *Юпитер*) собственными или нарицательными, хотя в единственном числе их надо было бы признать собственными.

Перестанет ли, например, имя *Иван* быть собственным, будучи употребленным во множественном числе (*Иваны* или *иваны*?).

К промежуточным между собственными и нарицательными можно отнести, например, названия двенадцати месяцев. Как известно, эти названия при распространении христианства и введения так называемого Юлианского календаря приобрели интернациональный характер (ср. в романских и германских языках, а из славянских – в русском, болгарском и сербском языках).

22. Наличие варианта одного и того же слова в различных неродственных или неблизкородственных языках (согласно существующему в настоящее время воззрению) само по себе еще недостаточно для того, чтобы признать этот вариант интернационализмом.

Греческое слово *dromos* (путь, дорога) можно найти в болгарском (*друм*) и в румынском (*drum*) языках. Едва ли, однако, лексикологи согласятся признать его настоящим интернационализмом.

Дело, конечно, в том, что упомянутое слово и его варианты ограничены пределами языков со сравнительно малочисленными социальными базами. Это служит препятствием для признания интернационального характера названного и подобных ему слов.

На Ближнем Востоке и дальше до Индии и Индонезии, а также в Северной Африке можно найти интернационализмы арабского происхождения.

Вот пример: арабские *si:ja:sat(un)* (политика), *mamlakat(un)* (страна, государство), *millat(un)* (народ, нация), персидские *sijasæt*, *mæmlækæt*, *mellæt*, ту-

рецкие *siyaset, memleket, millet*, урду *si:ja:sat, mamlakat, millat*, узбекские *сиёсат, мамлакат, миллат*.

На Дальнем Востоке заимствованные из китайского языка числительные стали интернационализмами в корейском и японском языках. Однако их интернациональному характеру повредили существенные фонетические изменения, произошедшие в каждом из этих языков.

Вследствие этих изменений в настоящее время едва ли возможно в устной речи упомянутые числительные считать бесспорными интернационализмами, ср. китайские (*и, аыр, сань, сы, у, лиоу, тьи, ба, дьиоу, шы*), корейские (*иль, и, сам, са, о, юк, чхиль, цхаль, ку, син*), японские (*ици, ни, сан, си, го, року, сици, хацц, ку, дзю*). Тем не менее все эти числительные несомненно остаются интернационализмами при использовании соответственных знаков китайского идеографического письма в Китае, Корее и Японии.

Если китайские названия металлов (*дынь, «цзинь»*) «золото» и (*инь*) «серебро» мы можем найти также в корейском (*кым*) и (*ын*) и в японском (*кин*) и (*гин*), то понятно, что мы здесь имеем дело с интернационализмами. Однако до сих пор интернационализмами принято называть в нашей научной литературе только те морфемы, слова и словосочетания, варианты которых встречаются прежде всего в европейских, а затем уже во всех прочих языках.

Этот подход может быть оправдан лишь незнанием иных языков, кроме европейских. Давая здесь определение интернационализмов, надо учесть этот исторически обусловленный подход, хотя и нельзя признать его ни правильным, ни справедливым.

По мере укрепления дружеских связей между народами мира этот подход к определению интернационального характера различных величин лексикологии отойдет в прошлое. Для этого требуется также дальнейшее расширение знаний в области внеевропейских языков.

24. Отсюда понятно, что теперь возможны, по крайней мере, два определения интернационализмов:

1) характеристика в немногих словах уже сложившегося в лексикологии понимания термина «интернационализм» и

2) характеристика того понимания термина «интернационализм», которое нам представляется желательным.

Для второго мы не делаем никаких ограничений относительно территориального распространения языков и численности коллективов, говорящих на данных языках. Единственным ограничением надо признать условие: интернационализмом слово или морфема становятся тогда, когда мы находим их не менее, чем в трех неблизкородственных языках.

Первое понимание можно изложить в таких словах: интернационализмами в настоящее время называются фонетические варианты одних и тех же отдельных морфем (напр., префикс **анти-**, суффикс **-изм**) и фonomорфологические варианты одних и тех же отдельных слов (напр., *лампа, школа, коммунизм*), употребительные не менее чем в трех различных неблизкородственных и значительных (по числу говорящих) европейских языках. Можно прибавить, что настоящие интер-

национализмы следует противопоставить «переодетым» (лексическим и фразеологическим калькам), ср. фр. *international*, русс. *международный* и *интернациональный*, арм. *mišazgajin*, алб. *ndërkombëtar*, новогр. *dieθnis*, венг. *nemzetközi*, тур. *beynelmilel* или *milletler arasi* и т.п.

25. На основании уже сказанного выше мы полагаем, что можно среди интернационализмов различать:

1) морфематические и лексические (ср. **авто-, теле-, ультра-, -ист-, -изм, -изация**, *индустрия, техника, культура, цивилизация, прогресс, коммунизм*);

2) бытовые и терминологические (ср. *партия, армия, революция, школа, критика, интеграл, дифференциал, контрапункт, аффиксация, акклиматизация*);

3) универсальные и историко-этнографические (ср. *лампа, машина, культура, идея, энциклопедия; князь, дружина, самовар, балалайка, тайга, тундра*);

4) лексические и фразеологические (ср. *система, программа, мотор, динамо, электричество; Коммунистическая партия, материалистическая диалектика, неорганическая химия, химическая реакция, музыкальная композиция*);

5) оригинальные и контаминированные (ср. *культура, прогресс, идея, техника, грамматика; электростанция, электрификация, индустриализация, автомобиль, автомашина*);

6) классические и разноязычные (ср. *культура, прогресс, демократия, политика, идея; спорт, фильм, клуб, клише, брошюра*);

7) единичные и дублетные (*университет, факультет, студент, аудитория, лекция; машина-машина, мастер-магистр, регистр-реестр, ритм-рифма, фон-фонд*);

8) архаизмы (ср. историко-этнографизмы) и советские неологизмы (ср. *колхоз, комсомол, пионер, стахановец, мичуринец, тракторист, автобаза, парторганизация, агитпункт*).

Этим, конечно, не исчерпываются возможные при классификации интернационализмов противопоставляемые друг другу группы, но мы полагаем, что для общей характеристики намеченных групп уже достаточно.

О курсах общего языкознания в государственных университетах¹

В связи с необходимостью улучшения подготовки наших языковедческих кадров надо признать вполне своевременной постановку вопроса о содержании и объеме курсов языкознания в высших учебных заведениях.

Нижеследующие соображения относительно курса «Общее языкознание» являются результатом научной и методической работы кафедры общего языкознания Киевского государственного университета имени Т.Г.Шевченко за последние два года. Здесь предлагаются для обсуждения:

1. Названия основных курсов кафедры общего языкознания с распределением их по годам обучения.

2. Критические замечания относительно программы курса «Общее языкознание» (1952) и соображения по поводу желательного содержания и объема такого курса.

3. Выводы относительно содержания курса «Общее языкознание».

Программы курса «Общее языкознание» для филологических факультетов университетов (1951-1952 гг.)² необычайно перегружены материалом, который имеет отношение прежде всего к истории языкознания. Ясно, что весь этот материал невозможно изложить в течение отведенного для этого курса времени.

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С.70-78.

² В настоящее время мы располагаем только двумя программами курсов по языкознанию для филологических факультетов государственных университетов. Мы имеем в виду: 1) Программу курса «Введение в языкознание» авторского коллектива (проф. Чикобава А.С., акад. Виноградов В. В., проф. Ярцева В.Н., канд. филол. наук Серебренников Б.А., канд. филол. наук Кондратов Н.А., отв. ред. акад. Виноградов В.В.), изд. МГУ, 1952 и 2) Программу курса «Общее языкознание» проф. А.С.Чикобава, отв. ред. акад. В.В.Виноградов, изд. МГУ, 1952. В дальнейшем у нас речь будет идти главным образом о второй программе, которая, надо сказать, удовлетворяет нас в меньшей степени, нежели первая.

Поэтому от курса «Общее языкознание» следует отделить, как специальный курс, «История языкознания» (который до сих пор известен у нас под названием «История лингвистических учений»), а также исключить из него элемент повторения уже пройденного в курсе «Введение в языкознание». Только в таком случае будет возможным последовательное изложение и без того огромного материала, относящегося к строению языкознания, к его наиболее актуальным проблемам и к приемам исследования языкового материала. Весьма желательно было бы также разгрузить этот итоговый курс введением специального курса «Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков».

Все названные курсы могут быть расположены на филологических факультетах университетов в таком порядке: первый год – «Введение в языкознание», второй год – специальный курс «Общая фонетика», третий – специальный курс «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков», четвертый год – специальный курс «История языкознания» и пятый год – «Общее языкознание». Едва ли здесь нужно много говорить о значении курса «Общая фонетика» для обобщения опыта практического изучения звуковых систем языков. У нас для него теперь есть такие руководства, как, например, «Введение в общую фонетику» М.И.Матусевич (Л., 1948). Известно, что в курсе «Введение в языкознание» вопросам общей фонетики уделяется очень мало места. Между тем для слушания курса сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, для слушания курса истории языкознания и для изучения вопроса о методах в языкознании (в курсе «Общее языкознание») необходима основательная подготовка в области общей фонетики.

Необходимость специального курса «Общая фонетика» обусловливается и тем, что среди других языковедческих курсов этот курс занимает особое место: во-первых, он содержит значительный материал по анатомии человека и по акустике и, во-вторых, он непременно предполагает различные виды слуховой тренировки слушателей, в том числе и практические занятия с использованием различных видов фонетической транскрипции. Таким образом, цель курса «Общая фонетика» состоит в следующем:

- 1) Дать понятие о звуковых возможностях речевого аппарата и об общих приемах классификации звуков (подробнее, чем это делается в курсе «Введение в языкознание»).
- 2) Разъяснить все основные фонетические понятия и их соотношения, в том числе соотношения звука речи и фонемы.
- 3) Подготовить студента к научному изучению устной речи, к преподаванию фонетики различных языков.
- 4) Специально заняться вопросами соотношения звука и буквы, соотношениями между звуковыми системами языков и их орфографиями.
- 5) Создать основу для записей еще не изученных языков и диалектов.
- 6) Подготовить аудиторию к пониманию исторических изменений звуковых систем языков.

Отсутствовавший в учебных планах университетов до лингвистической дискуссии 1950 г. курс «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков» сейчас должен быть восстановлен в своих правах в качестве обязательного курса для языковедов. Естественно, что этот курс требует от

слушателей знакомства не только с новыми, но и с древними языками (старославянским, готским, латинским, древнегреческим, санскритом)³

Курс «История языкознания» не является новым в наших высших учебных заведениях. Необходимость его в настоящее время диктуется, кроме прочих соображений, еще и тем, что ни во «Введении», ни в «Общем языкознании» нет систематического изложения истории науки и не уделяется должного внимания приоритету отечественной науки и основным достижениям советского языкознания⁴.

Большим неудобством рассматриваемой программы курса «Общее языкознание» является ее «концентрическое» строение, при котором к одному и тому же вопросу приходится возвращаться по несколько раз.

Ср., например, § 13 – «Основные положения марксистско-ленинского понимания сущности, происхождения и развития языка» и т. д. и § 18 – «Происхождение языка. Место проблемы в советском языкознании» и т. д.: §§ 26–30 о фонетике, морфологии и синтаксисе в разделе «Специальные методы языкознания» и § 31 – «Строение языкознания», – где опять идут фонетика, морфология, синтаксис, а также лексикология, этимология (как особый раздел языкознания) и стилистика. Можно ли о последних говорить мимоходом, как о чем-то уже хорошо известном?

Критика вульгарно-социологических и грубо-идеалистических теорий Н.Я.Марра может быть дана в курсах «Введение в языкознание» и «История языкознания» (отчасти и в курсе «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков»), и к ней уже можно не возвращаться, во всяком случае в том объеме, как это предлагается в рассматриваемой программе, в итоговом курсе «Общее языкознание».

Несомненно, что в этом заключительном курсе следовало бы осветить основные достижения нашего советского языкознания, развивающегося в тесной связи с марксистско-ленинской теорией и с практикой социалистического строительства⁵.

Полное недоумение в рассматриваемой программе вызывает раздел «Литература», состоящий из двух названий. Почему, собственно говоря, для студентов первого курса рекомендуются некоторые специальные пособия по общему языкознанию (см. программу «Введение в языкознание». 1952), а для студентов пятого курса, которым, казалось, можно было бы рекомендовать литературу в гораздо большем объеме, упомянуты только такие источники, основательное знакомство с которыми от этих самых студентов требовалось еще на первом курсе? Конечно, в такой, обильной материал, программе должна быть дана соответственная библиография, содержащая также произведения, предлагаемые для критического использования.

³ К сожалению, для этого курса у нас еще нет необходимых пособий. Но мы думаем, что до создания их нашими советскими языковедами можно было бы воспользоваться (с соответственными добавлениями) книгой А. Мейе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков», М.–Л., 1938.

⁴ Отсутствие учебных пособий для данного курса тем более требует от нас систематического изложения относящегося к нему материала.

⁵ Ср. статью «Тридцать пять лет Октября и советское языкознание» [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6, стр. 7–24.

Таким образом, по нашему мнению, рассмотренная здесь программа должна быть в значительной мере видоизменена и соответственно ей должен быть и перестроен весь курс «Общее языкознание».

Прежде всего эта программа должна быть сокращена по общему объему материала. За установившиеся в практике для курса «Общее языкознание» 36 часов можно изложить в лучшем случае только ту часть данной программы, которой она наиболее отличается от программы курса «Введение в языкознание», а именно раздел «Специальные методы языкознания», исключая обширный материал по истории науки с середины XIX в. и до наших дней.

Слишком много места в программе курса «Общее языкознание» отведено не только для критики вульгарно-социологических теорий Н.Я.Марра, но и для изложения их в связи с критикой. Что же касается критики понятия «приобретенного родства», которое встречается в трудах Н.С.Трубецкого, то ей место, конечно, в курсе «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков»⁶.

Что подразумевается в программе курса «Общее языкознание» под пунктом: «„Значение» и „ценность» в системе языка» (§ 15)? Если «ценность» надо понимать как субъективную оценку фактов и явлений известного языка (какого: своего родного или чужого?), то едва ли стоило вносить такой пункт в программу. Мне может казаться что-либо хорошим, например, в звучании слова потому, что таким я считаю его по значению, или мне кажется что-либо хорошим только по звучанию, независимо от его значения: не такой ли смысл этого пункта? Однако надо полагать, что слово «ценность» использовано здесь не в том смысле, в каком мы употребляем его в русском языке, но в значении французского слова *valeur* при противопоставлении его *signification*⁷. Так, например, некоторые языковеды считают, что личное местоимение *я* в каждом «контексте» и «конситуации» может приобретать новое значение в зависимости от того, кто оказывается в положении первого лица единственного числа), но всегда имеет одну и ту же «стоимость» (т. е. первое лицо единственного числа, а не какое-нибудь другое лицо иного числа).

Идя по этому же пути, можно доказывать, например, что собственное имя *Иван* тоже имеет свои «значения» (их столько, сколько людей с этим именем) и свою «стоимость» (мужское собственное имя). Разумеется, языковеды интересуются не подобными «контекстуальными» и «конситуационными значениями», а «стоимостями», которые и являются смысловыми значениями слов и словосочетаний, основных единиц высказывания и сообщения. Если в программе стоило упомянуть о «ценности» (соответственно «стоимости»), противопоставляемой «значению», то только для того, чтобы предупредить слушателей о невозможности и нежелательности подобного противопоставления.

Не удовлетворяет нас после классических определений сущности языка в труде И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» еще одно дополнитель-

⁶ См. N.S.Trubetzkoy. Gedanken über das Indogermanenproblem. (Доклад, прочит. 14 декабря 1936 г. в Паре), «Acta Linguistica», v. I, f. 2, Copenhagen, 1939, стр. 81–89.

⁷ См. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, М., Соцэкгиз, 1933, стр.77 и сл. и стр. 112 и сл.

ное и, мы сказали бы, компромиссное, подправляющее кое в чем определение, данное в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра: «... язык как система знаков, физических по материалу (звук), социальных (коллективных) по значимости (значению? – А. Б.) и использованию (средство общения)»⁸.

В этой связи загадочным остается в программе курса «Общее языкознание» (§ 14) следующий пункт: «Идеалистическое и материалистическое понимание языка как системы знаков».

Язык как общественное явление, в котором объяснить что-либо можно только ссылками на историю каждого факта, конечно, коренным образом отличается от любой «системы знаков».

К любой «системе знаков», например арифметических, можно прибавить новые знаки, выбросить за ненадобностью старые, изменить форму знаков по соглашению между пользующимися такой системой. Язык же во много раз сложнее любой системы знаков, и составные части его исторически обусловлены, а не включены в одну систему по соглашению между пользующимися данным языком для взаимного понимания, для общения.

Диалектико-материалистическое понимание языка мы, естественно, находим у классиков марксизма-ленинизма, но они нигде не определяют язык как «систему знаков». Очевидно, под «материалистическим пониманием языка как системы знаков» в программе подразумевается ж существо не законченная в нашей печати дискуссия о «знаковости» в языке⁹.

Так же, как в отношении термина «система», надо сделать оговорку в отношении термина «структура». Если речь идет о «структуре языка», то в современном нам буржуазном зарубежном языкознании под этим термином подразумевается некая отвлеченная взаимосвязь составных частей языка, определяющая именно данный язык, но не как реальность, а как схему (это будет система «чистых отношений в языковой схеме независимо от проявлений или реализации ее»). Напротив, в нашем советском языкознании структурой языка, его строением или строем называется самое основное в языке, его грамматический строй и его основной словарный фонд: «Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»¹⁰. Можно предположить, что в названной программе слово «система» (соответственно – выражение «система

⁸ Кстати сказать, мы считаем неуместными в программе «Общее языкознание» такие неудачные «транскрипты» греческих слов, как данные в этом же параграфе «фюзей» и «тезей» (надо было, если нежелательно использовать здесь греческий шрифт, дать хотя бы латинскую транслитерацию: 'physei – 'thesei). Во всяком случае, здесь не обойтись без указания места ударения в транскрибированных или транслитерированных формах.

⁹ См. А.С.Чикобава. Об основных задачах и вопросах советского языкознания в свете сталинского учения о языке, «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В.Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 22–39; Б.А.Серебренников, Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н.Я.Марра, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И.В.Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 245–288; Е.М.Галкина-Федорук, Знаковость в языке с точки зрения марксистского языкознания, «Иностр.языки в школе», М., 1952, № 2, стр. 3–11.

¹⁰ И.Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953. стр. 26.

языка §§ 15, 25, 31) употребляется в смысле противопоставления данного состояния языка пройденным ступеням его развития. Если это действительно так, то необходимо подчеркнуть в курсе «Общее языкознание» различие понятий, выражаемых термином «система» в советском и в буржуазном зарубежном языкознании. Надо указать на то, что термин «система» в упомянутом выше его понимании нельзя считать синонимом термина «структура» в том понимании, в котором мы находим его у так называемых структуралистов¹¹.

В нашем советском языкознании, которое последовательно соблюдает принцип историзма, «система языка» не может пониматься как нечто законченное, завершенное, неизменное, замкнутое в самом себе и независимое от развития коллектива, пользующегося этой «системой».

Совершенно очевидно, что в курсе «Общее языкознание» значительное место должно быть отведено вопросу о «специальных методах языкознания», среди которых следует выделить сравнительно-исторический метод как совокупность приемов, обеспечивающую нам исторический подход к языку.

В программе курса «Общее языкознание» вопрос о сравнительно-историческом методе занимает два параграфа (§§ 21, 22), с чем мы согласились бы, если бы до слушания названного курса студенты могли иметь возможность выслушать специальный курс – «Введение в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков». Едва ли, однако, можно согласиться с тем, что столько же параграфов (см. §§ 23, 24), сколько было посвящено вопросу о сравнительно-историческом методе, надо посвящать вопросу о так называемом «палеонтологическом методе анализа по четырем элементам». «Метод гадания на кофейной гуще» едва ли может быть назван собственно совокупностью приемов научного исследования наряду со сравнительно-историческим методом, которому, несмотря на его ограниченность, в значительной мере зависящую от качества и полноты исследуемого материала, – классики марксизма-ленинизма дали высокую оценку.

Нельзя согласиться также с тем, что «специальному методу статического анализа» отведен всего лишь один параграф, смысл которого в том, что применение этого метода наталкивается на большие трудности и что вопрос об этом методе вообще еще не решен. Что такое «статический метод» наряду со сравнительно-историческим методом? «Статический метод» – это совокупность приемов описания языков.

Невозможно применять сравнительно-исторический метод к тем языкам, которые предварительно не были уже научно описаны. Отсюда понятно, что приемы научного описания языков имеют большое значение для нашей науки. Нет сомнения в том, что эти приемы описания неправильно называются «статическим методом». Это название непосредственно связано с предложенным в свое время Ф. де Соссюром разделением языкознания на «статическую» (соответственно –

---

¹¹ Основы структурализма весьма последовательно со структуралистической же точки зрения изложены в «Очерке общего языкознания» Т.Милевского (см. Т. Milewski. Zarys językoznawstwa ogólnego, część I, Teoria językoznawstwa, Lublin-Kraków, 1947).

внутреннюю и синхроническую) и «динамическую» (соответственно – внешнюю и диахроническую) лингвистику. Наше советское языкознание, основанное на общем методе материалистической диалектики с его историзмом, не признает такого разграничения областей исследования в науке о языке. Однако этим несколько не умаляется значение совокупности приемов научного описания языков, без которого невозможной была бы не только сравнительно-историческая, но и нормативная грамматика каждого языка.

В рассматриваемой программе (см. § 9) подчеркивается «нерешенность основных вопросов статического анализа системы языка». Если бы с этим можно было согласиться, то едва ли нас могла бы теперь удовлетворить какая-нибудь из ныне существующих нормативных грамматик следует признать, что с описанием языков дело обстоит не так катастрофически, как это можно предположить на основании данной программы. Неужели все достижения инструментальной или экспериментальной фонетики не дают теперь нам возможности достаточно обстоятельно и последовательно описывать звуки и звуковые типы (фонемы) изучаемых языков?

Надо полагать, что и в описании грамматического строя языков (учитывая к тому же тесную связь фонетики с морфологией и с синтаксисом) имеются определенные достижения, обусловленные тем, что нам доступен теперь обширный материал различных языков мира. Это наше преимущество, например, перед древнегреческими и древнеиндийскими грамматистами.

При описании родного языка мы можем использовать прием сравнения его с чужими языками (как родственными, так и неродственными) и, наоборот, при описании чужих языков всегда можем воспользоваться опытом изучения родного языка. Само собою разумеется, что совокупность приемов, применяемая в настоящее время для описания языков, нуждается в дальнейшем уточнении и усовершенствовании. Именно это обстоятельство заставляет нас высказать свое убеждение в том, что приемам «синхронического описания» (эпитет «синхронический» является более подходящим в данном случае, чем «статический») надо уделить должное внимание в курсе «Общее языкознание» и особенно в желательных для этого курса практических занятиях.

Общее языкознание немыслимо без ознакомления изучающих его с языками различного грамматического строя. Мы думаем, что уже прошло то время, когда с проблемами языкознания знакомились только на материале родного языка. Совершенно ясно и то, что все эти проблемы не могут решаться в пределах одного какого-либо языка, даже при учете его разновидностей и его документальной истории¹².

Ценность приобретенных теоретических знаний особенно станет наглядной для студентов-языковедов, когда они смогут проверить свои знания на прак-

---

¹² Мы считаем, что исключительно ценным пособием для изучения общего языкознания являются брошюры из серии «Строй языков», изданные Ленинградским государственным университетом. Остается лишь пожалеть, что в этой прекрасной по своему замыслу серии не было издано описаний грамматического строя языков народов и народностей Советского Союза.

тике. Среди возможных видов практики у них должна быть и такая, как научное описание определенного языкового материала. Такое описание может быть прекрасной темой курсовой или дипломной работы.

Остальные параграфы раздела «Специальные методы языкознания» (§§ 26–30), как упоминалось выше, связаны уже не с вопросами о приемах исследования, но с отделами языкознания (фонетика, морфология, синтаксис), с определением грамматических категорий (части речи, члены предложения, слово, словосочетание, синтагма, предложение и т. д.), а также с историей науки.

Здесь вновь перед нами обычный для общих курсов калейдоскоп собственных имен: Потебня, Пешковский, Фортунатов, Шахматов, Богородицкий, Щерба, Виноградов (ср. § 27); Вундт, Иерузалем, Brentano. Марбе, Пауль, Дельбрюк, Свит (может быть, Суит? – А. Б.), а также – Петерсон, Будде, Державин и еще раз некоторые из уже названных выше. Между прочим, вместо того чтобы в разделе «Специальные методы языкознания» нашего курса «Общее языкознание» просить студентов не путать «статического» метода со «статистическим» методом, почему не сказать им о том, что в нашей науке действительно существует и находит многообразное применение прием подсчетов, т. е. «статистический» метод?

Действительно, студентам полезно было бы знать, что калькуляция бывает нужна не только, например, в фонетике, в морфологии, в синтаксисе, в лексикологии, но даже в стилистике, при изучении особенностей языка авторов или их произведений. Здесь же можно было бы предупредить их о возможных методологических ошибках при злоупотреблении статистическим методом.

Важные общие положения о применении статистического метода для определения степени родства языков разработал в свое время известный польский языковед Ян Чекановский¹³.

Часто, однако, применение статистического метода в такой области, как установление степени родства языков, не дает ничего нового при сопоставлении с уже известным из сравнительно-исторической грамматики и документальной истории языков¹⁴.

Странным образом из программ курсов «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» выпало такое важное для нашей науки понятие, как понятие «формы слова». Относительно его определения нам едва ли нужно здесь говорить теперь, когда нашим читателям известна итоговая статья «О формах слова» акад. В.В.Виноградова¹⁵.

В первой из названных программ о слове говорится (§§ 9–11) в связи с семантикой и лексикологией, а во второй (§§ 26, 27) – в связи со «специальными методами языкознания», где, правда, имеется абзац: «Учение о слове и частях речи в русской грамматической литературе» (Потебня, Пешковский, Фортунатов,

¹³ J.Czekanowski. Na marginesie recenzji P.K.Moszyńskiego o książce: Wstęp do historii Słowian, «Lud», serja II, t. VII, zeszyt I-IV, Lwów, 1928, стр. 41–56.

¹⁴ См., например, «Language», v. XIII, Baltimore – 2, Md., 1937, стр. 83–103.

¹⁵ См. В.В.Виноградов. О формах слова, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1944, вып. 1, стр. 31–44.

Шахматов, Богородицкий, Щерба, Виноградов). При том указывается на «невозможность единого морфологического определения слова для языков различного морфологического строя» (§ 27). Ну, а разве возможно такое же, например, фонетическое или синтаксическое определение? Кроме того, если невозможно единое для всех языков определение (разумеется, не одностороннее, а многостороннее), то разве уже есть у нас бесспорные определения слова для отдельных языков?

Неудачным – даже в стилистическом отношении, а не только по общему смыслу – является определение предмета синтаксиса (§ 30 той же программы): «Учение о строе сочетания слов как предмет синтаксиса». Известно, что ведению синтаксиса подлежат не только сочетания слов в предложении, но и сочетание предложений: например, главных и придаточных. Что такое «строй сочетания», остается непонятным. Как понимать в программе «Общее языкознание» (§ 31) противопоставление «функциональных и структурных понятий языкознания» (их характер и взаимоотношение)? Что может дать нам такое противопоставление и какие «функции» и «структура» имеются в виду?

Мы, конечно, понимаем, что оба названных в программе термина не следует смешивать с их однозвучными соответствиями в зарубежном буржуазном языкознании (где «функция» употребляется в математическом значении – «величина, изменяющаяся по мере изменения другой величины, так называемого аргумента», и «структура» – в уже упомянутом значении: нем. *Gestalt*, франц. *structure*, англ. *struture* и *pattern*).

Но если даже понимать «функцию» в смысле «действия, употребления, применения, использования», а «структуру» в смысле «строения, строя», то разве не будет большинство наших терминов одновременно и «функциональными», и «структурными»?

Так, например, такой термин, как морфема, не будет ли одновременно «структурным» (если мы говорим, что слово в индоевропейских языках может состоять из таких морфем, как префикс, корень, словообразовательный суффикс и формообразовательный суффикс) и «функциональным» (если мы говорим, что морфема, называемая корнем, выражает понятие вообще или лексическое понятие, а прочие морфемы могут выражать специальные грамматические понятия)?

Наконец, если под структурными терминами подразумеваются такие, как фонетика, морфология, синтаксис, лексикология, семантика, а под функциональными такие, как фонема, морфема, синтагма, предложение, слово, словосочетание, понятие, смысловое значение и т.д., можно было просто указать на то, что в нашей науке одними терминами называются разделы науки, а другим – те факты и явления, которые в каждом разделе изучаются,

Таким образом, мы полагаем, что заключительный в ряду языковедческих курсов курс «Общее языкознание» должен состоять из таких основных разделов:

1. Изучение проблем общего языкознания в свете основополагающих трудов классиков марксизма-ленинизма.

2. Основные достижения советского языкознания после дискуссии 1950 г. и обзор новейшей литературы по общему языкознанию.

3. Марксистский диалектический метод как основной метод всякого научного исследования и специальные методы: а) сравнительно-исторический, б) описательный («статический»), в) статистический, г) метод эксперимента, о котором писал акад. Л.В.Щерба, и д) прочие методы.

4. Вопросы планирования и преподавания дисциплин кафедр общего языкознания (элементы методики преподавания общего языкознания).

Для нас нет сомнения в том, что курс «Общее языкознание» должен слушаться теми студентами, которые уже слушали курс «История языкознания».

Основні методи дослідження в сучасному мовознавстві¹

---

1. Ми повинні розрізняти філософський метод, який може бути єдиним і поширюватися на всі галузі знання, як, наприклад, марксистський діалектичний метод, або метод матеріалістичної діалектики, і спеціальні методи дослідження в окремих науках (пор. нім. *Methode des Denkens und Forschungsmethoden, Untersuchungsmethoden*).

2. Під *методом дослідження мовного матеріалу* (інвентаря лінгвістичних знаків, системи їх взаємозв'язків – кореляцій і опозицій – та можливих текстів – усіх видів мовлення) слід розуміти сукупність сумірних та однорідних прийомів, або засобів вивчення мовних фактів та явищ із певною кінцевою метою.

3. Навіть проста спроба проаналізувати якусь окрему мовну фазу (різновид даної мови) і класифікувати наявні в ній факти може називатися методом безпосереднього спостереження та послідовної реєстрації фактів: цей метод був єдиним можливим на світанку філології античної епохи.

4. До цього часу ще не існує якоїсь задовільної та загальновизнаної класифікації методів дослідження мовного матеріалу, хоч уже давно визначився поділ методів на взаємопротилежні групи, виходячи з деяких дуже загальних принципів: цей поділ навіть не має в собі нічого специфічно лінгвістичного, оскільки він може бути застосованим до методів дослідження якої завгодно галузі знання.

5. Ми маємо на увазі поділ методів на (а) індуктивні та дедуктивні, (б) аналітичні та синтетичні, (в) атомічні та структурні, (г) якісні (квалітативні) та кількісні (квантитативні), (г) фенографічні (феноменографічні) та етіографічні; саме для лінгвістичних дисциплін практично важливішим є поділ, у якому зважається на кінцеву мету застосування методів; (д) описові (deskриптивні) та відновні (реконструктивні), або методи deskрипції та методи реконструкції; проміжною ланкою між першими й другими виявляються методи «діахронічної deskрипції», тобто історичного вивчення фактів та явищ.

---

¹ Уперше опубліковано в: Республіканська наукова конференція з питань методології мовознавства (4–6 червня 1964 р., Київ). Тези доповідей. – К., 1964. – С.7–9.

6. Дескриптивні методи настільки різноманітні, що об'єднання їх у межах однієї групи може викликати всякі заперечення; наприклад, що спільного між методами картографування в лінгвістичній географії та діалектографії, методом моделювання в структурній лінгвістиці, статистичним методом у якійсь галузі стилістики, методом зіставлення в типології та експериментальним, чи інструментальним методом у фонетиці? А проте всі вони мають однакову кінцеву мету: докладний, послідовний, систематичний опис лінгвістичних фактів.

7. Зрозуміло, що застосування методів реконструкції в усіх випадках можливе лише після застосування дескриптивних методів, які неодмінно торують шляхи для дальших досліджень так само, як і синхронічний розгляд матеріалу (відповідно – статичний) передусє діахронічному розгляду (відповідно – динамічному, еволюційному).

8. Виходячи із звичайного в лінгвістичних творах уживання квазітермінологічних виразів «метод» і «прийом» (метод – сукупність прийомів, або процедур, пор. зіставний метод, або конфронтативний метод, порівняльний, або компаративний, або порівняльно-історичний метод, інструментальний метод, історико-філологічний метод, «метод слів та речей», «метод аналогій» тощо), ми повинні здавати собі справу з того, що кожний такий «метод» складається з певних процедур, які можна назвати методами в найвужчому розумінні слова (пор. філософський метод, науковий метод та прийом дослідження, чи процедуру).

9. Розгляньмо, наприклад, з яких окремих процедур складається порівняльно-історичний метод у його теперішньому розумінні. Як зрозуміло з його назви, в ньому сполучається паралельне вивчення гетеросистемного мовного матеріалу (зіставлення, конфронтація, порівняння в побутовому розумінні слова) із історичним підходом (розглядом) досліджуваного матеріалу), але цим не вичерпуються компаративні процедури. До них нам треба залічити: (а) систематичний аналіз чи розгляд фактів як компонентів певних систем, (б) розташування фактів у порядку їх відносної (релятивної) хронології (топологічне датування), (в) встановлення систем відповідностей різних мовних рівнів виучуваних фаз, (г) встановлення генетичних взаємин досліджуваних мов, або визначення їх спорідненості на основі ретроспективної конвергенції, або ступеня їх спорідненості на основі «коефіцієнта асоціацій», (г) реконструкцію фактів на основі відносної хронології (див. **б**) та системи відповідностей (див. **в**). Порівняно до цього метод внутрішньої реконструкції є простішим, оскільки він базується лише на двох процедурах (див. **б** та **г**).

10. Коли йдеться про спеціальний метод або процедуру дослідження, було б дуже наївно думати, ніби їх можна поставити на місце методу пізнання світу, чи на місце філософського методу. Лише там, де проблеми діахронічної лінгвістики набувають значення філософських проблем, наприклад, визначення мовної діяльності серед інших явищ природи та суспільства, визначення взаємин мовної діяльності та мислення, визначення співвідношення закономірності та випадковості в розвитку мови, визначення факторів мовних змін тощо, ми можемо наблизитися до відповідних філософських проблем, що розв'язуються застосуванням

того чи іншого філософського методу, чи точніше висловлюючись, метафізично або діалектично, ідеалістично чи матеріалістично.

11. Як доводить практика радянського мовознавства, в ньому широко застосовуються найрізноманітніші спеціальні методи та процедури дослідження, не виключаючи один одного, а доповнюючи. Навряд чи треба аргументувати загальне твердження про бажаність сполучення різних спеціальних методів і відповідних процедур у вивченні такого складного явища, яким є мовна діяльність людей, що становить собою діалектичну єдність мови та мовлення, форми та змісту, реалізованого і потенціального, діахронічного й синхронічного, системного та антисистемного. Отже, потреба застосовувати різні спеціальні методи і не обмежуватися якимсь одним випливає з самої природи та функції вивчуваного лінгвістичними дисциплінами явища.

Основы этимологических исследований ономастического материала¹

I. Исследования ономастикона (ономастической лексики)

Собственные имена людей (*антропонимы*) и географические названия (*топонимы*) составляют в каждом языке своеобразный слой лексики, который в отличие от прочих слоев можно назвать *ономастическим материалом*, или *эйдонимией*, или же просто *ономастикон*².

Элементы ономастического материала отличаются от прочих лексических элементов своей экстралингвистической функцией, то есть своей соотносительностью не с понятиями (лексически или фразеологически выраженными) данного языка, а с дискретными объектами действительности.

Чаще всего ономастические элементы оказываются вторичными (или производными) по отношению к нарицательным элементам (*аппеллятивам*, или *генонимам*) того или иного языка.

Если связь ономастических элементов с аппеллятивами или другими первичными ономастическими элементами не является несомненной и очевидной, приходится *предпринимать* специальное этимологическое исследование для установления или восстановления такой связи³.

Началом этимологического исследования этого материала должны быть его: 1) атрибуция (отнесение к определенному языку), 2) локализация (отнесе-

---

¹ Уперше опубліковано в: Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). – К.: Изд-во Киев. гос. ун-та, 1972. – С.12-127, 159-203.

² Греческим словом *ономастикон* (ΤΟ ΟΝΟΜΑΣΤΙΚΟΝ) обычно называли словарь имен, или названий, например, «Ономастикон» в 10-ти книгах Юлия Поллукса (или Полидевка) из Навкратиды в Египте (с посвящением императору Коммоду, 180–192). Здесь и в дальнейшем употребляется в смысле: *совокупность собственных имен и названий какого-либо языка*. О терминах *эйдоним*, *эйдонимия* см. раздел «Теоретические проблемы койнонимии» (уміщений далі – *упоряд.*).

³ См. раздел «Границы сравнительно-исторических исследований ономастикона» (не включений до цього видання – *упоряд.*).

ние к определенной территории), 3) периодизация (хронологизация, или датировка).

В начале исследования рекомендуется также количественная (статистическая) обработка материала, если он является массовым.

Важнейшей частью этимологического исследования вообще и в частности исследования ономастикона являются отдельные операции той процедуры, которая называется сравнительно-историческим методом. Наиболее благоприятными условиями (*optimum*) исследования ономастического материала можно считать: а) его связь с нарицательной лексикой (*генонимией*), б) его структурный характер (в отличие от массивного характера *словарного ядра*, или *основного словарного фонда*), в) наличие некоторого числа вариантов исследуемого элемента (разных периодов, разных диалектов или синонимичных в одном и том же диалекте).

Как и при исследовании нарицательной лексики (*генонимии*), завершением этимологического исследования ономастических элементов (*эйдонимов*) должно являться восстановление основных черт их «биографий» или реконструкция схем их истории. Это завершение можно было бы назвать даже «моделированием» индивидуальной или групповой истории *эйдонимов*.

Следует различать формальный анализ исследуемого элемента и морфологический анализ. Формальный анализ оказывается возможным при игнорировании парадигмы (например, словообразовательной) или микросистемы, к которой принадлежит данный элемент.

Так, например, формальный анализ может дать при сопоставлении аппеллятивов русского языка: *газ 1* (ткань), *газ 2* (состояние вещества), *газель*, *газета*, *газон* – псевдокорень **газ-*, но на самом деле все эти элементы не принадлежат ни какой словообразовательной парадигме русского языка⁴.

Из 148 лексем с окончанием *-ак*, зарегистрированных в «Обратном словаре русского языка» акад. Г. Г. Бильфельдом⁵, только 40 можно считать содержащими русский словообразовательный суффикс *-ак*.

Однако формальный анализ ставит все эти слова с окончанием *-ак* «на одну доску». Напротив, морфологический анализ основывается не на поверхностном сближении фонологически (или соответственно – графически) подобных элементов или их частей (произвольное членение), а на внутренних связях элементов, на их отношениях, определяемых парадигмой, системой или структурой. Только при отсутствии оптимальных для морфологического анализа условий приходит-

⁴ См.: Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева под ред. Б. А. Ларина. – М., 1964. – Т. I. – С.382.

⁵ Bielfeldt H. H. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. – Berlin, 1958. – С. 163. В цифровых данных из общего числа слов с окончанием *-ак* исключены слова с продуктивным суффиксом *-чак* и слова с окончанием *-чак*; в наречиях *эдак*, *как*, *кое-как*, *никак*, *кой-как*, *так*, *итак*, *этак* не учитывается наличие какого-либо суффикса, а также в звукоподражательном («изобразительном») *тик-так*; односложные *бак*, *дак*, *лак*, *мак*, *мрак*, *смак*, *пак*, *рак*, *сак*, *шлак*, *шпак* включаются в общее число слов с окончанием *-ак*; напротив, односложные *знак*, ср. *знать*, *брак*, ср. *братъ* (но не *брак* < *brak* – *изъ-ян*) включены в число содержащих суффикс *-ак*.

ся удовлетворяются формальным анализом, не забывая, конечно, что нельзя торопиться с выводами из него.

Как будет показано в дальнейшем, при изучении ономастикона можно установить такие взаимоотношения его элементов:

1. Односторонние отношения.

Топоним > топоним₁

Антропоним > антропоним₁

Этноним > этноним₁

2. Двусторонние отношения.

Топоним > < этноним.

Топоним > < антропоним.

Этноним > < антропоним.

Заслуживает специального изучения также производство нарицательных элементов (генонимов) от ономастических (эйдонимов).

В пределах каждого языка можно различить органический и неорганический материал. Органическая лексика (включая в нее и ономастикон) – это лексика, приспособленная к структуре данного языка, а неорганическая – это лексика, приспособляемая или еще не приспособленная к его структуре, выделяющаяся фонеморфологическими чертами среди прочей лексики. К неорганической лексике относятся, конечно, всякого рода лексические (о фразеологических и структурно-семантических, например, семантических, кальках, здесь речи не идет) заимствования в пределах какой-либо синхронической фазы.

В ономастическом материале наблюдаются те же процессы, что и в нарицательных лексемах (адаптация, ассимиляция, контаминация, парэтимологизация, или приспособление в духе «народной этимологии»).

Если речь идет о передаче в данном языке ономастических элементов (эйдонимов) других языков, то здесь можно различать:

1) простое заимствование (например, в русском: *Амстердам*, если не учитывать ударения);

2) адаптивное заимствование (например, в русском: *Нью-Йорк*, с особенностями русской фонетики);

3) ассимилятивное заимствование (например, в русском: *Шотландия*);

4) парэтимологическое заимствование (например, в русском: р. *Карасевка* из *Карасу* в Крыму);

5) частичный перевод (например, в русском: *Новая Зеландия*).

6) полный перевод (например, в русском: *Острова Зеленого мыса*);

7) перифразу (например, в русском: *Амазонская низменность*).

Следует также учитывать синонимию и омонимию⁶ (соответственно:

⁶ Мы различаем последовательно *синонимию* – совокупность синонимов и *синонимику* – отрасль лексикологии, изучающую синонимию как языковое явление, *омонимию* – совокупность омонимов и *омонимику* – отрасль лексикологии, изучающую омонимию как языковое явление. Таким образом, под синонимией понимается и (1) совокупность синонимии, то есть наличие в языке двух или нескольких форм с одним и тем же содержанием (вернее, приблизительно одним и тем же содержанием в смысле денотации),

омофонию и омографию) ономастических элементов.

Синонимия в области топонимии может возникнуть в результате *экстралингвистической* (то есть вызванной не собственно языковыми причинами) *метономасии* (переименования), например: *Бористенес – Данаприс – Днѣпръ – Дніпро*⁷; в области этнонимии – в результате накопления в одном и том же языке названий и самоназваний какого-нибудь этноса, например: *югра – угры – венгры – мадьяры*; в области антропонимии – в результате экстрафонетических изменений одного и того же имени, вроде: *Георгий – Юрий – Юра (Жорж, Джордж, Георг – интерлингвистические синонимы)*.

Ономастическая омонимия не сводится к какой-либо одной причине. Она может быть следствием фонетических процессов, как например: *Грам* (Дания) – *Грам* (Пакистан), *Ива* (СССР, Пенза) – *Ива* (США, Алабама), *Грава* (Албания) – *Грава* (Эфиопия), или следствием колониальной экспансии, как например: *Гранада* (Испания) – *Гранада* (Никарагуа), *Графтон* (Британия) – *Графтон* (Австралия), *Инвернесс* (Британия) – *Инвернесс* (Канада) и т. д.

Элементы ономастикона могут иметь не только интролингвистический характер, то есть принадлежать определенному языку, но одновременно и интерлингвистический характер, то есть существовать не только в данном языке, но и в других языках, и в этом их существенное отличие от нарицательной лексики (генонимикона).

Отсюда ясно, что при исследовании ономастических элементов не так важны спациальные (пространственные) и темпоральные (временные) границы языков, как распределение исследуемого материала по историческим и географическим циклам. Само собой разумеется, что это распределение носит не лингвистический, а экстралингвистический характер. Примером историко-географического цикла могут служить латинские топонимы на карте Западной Европы, а в области антропонимов – христианские имена (иудейско-греко-латинские).

и то же самое надо сказать об омонимии № 1 и № 2. Омонимия № 2 – это наличие одной (акустической или графической) формы с различными денотациями. Конечно, можно было бы путем создания новых терминов избежать нежелательной «дисемии» этих квазитерминологических выражений – омонимия и синонимия, например, сохраняя за ними значение явления, совокупности омонимов и синонимов назвать соответственно *омонимикон* и *синонимикон* (ср. прим. 1 на стр. 10 – *ономастикон*).

⁷ См.: Білецький А. О. Бористенес – Данапріс – Дніпро // Питання топоніміки та ономастики. Матер. 1-ої республ. наради з питань топоніміки та ономастики. – К., 1962.

Само собой разумеется, что синонимию топонимов, существующую в темпоральной и спациальной перспективах, следует отличать от синонимии нарицательных имен (генонимов), потому что у первых она имеет объектный, или предметный, характер, а у вторых – идеальный, или концептуальный, характер. Это обстоятельство связано, конечно, с особенностями ономастикона, выступающими при противопоставлении его нарицательной лексике.

1

После общего введения в нашу тему рассмотрим несколько более подробно отдельные вопросы из намеченных во введении.

Ономастический материал, ономастическая лексика, ономастикон, или эйдонимия (от гр. ΕΙΔΟΣ – *вид*, в классификационном смысле и ONOMA, ONYMA – *имя*, таким образом, *эйдоним* – *название вида* в отличие от *генонима* – ΓΕΝΟΣ – *род, название рода* в том же смысле), то есть совокупность собственных имен и названий (1) первоначально в историко-географических пределах данного языка, в его письменных памятниках и (2) по мере расширения кругозора его носителей – в пределах всего земного шара, как уже было сказано, составляет в границах всей лексики данного языка своеобразный слой (своего рода адстрат), практически легко отделимый от всех прочих слоев⁸, а теоретически характеризующийся своей экстралингвистической функцией индивидуального знака, или функцией индивидуализации – идентификации⁹.

Ономастикон обнаруживает разнообразные связи с нарицательной лексикой (с *лексиконом*), начиная от теснейшей и самой непосредственной и кончая одной лишь фонетической (и соответственно – графической).

Например, название реки *Молочная*¹⁰ Запорожской области УССР непосредственно связано с прилагательными русск. *молочный, -ая, -ое*, укр. *молочний, -а, -е*, а название города *Мелитополь* той же области не имеет никаких связей в нарицательной восточнославянской лексике¹¹.

Сейчас мы не будем давать определения ономастической лексике и разъяснять, в чем именно заключается ее индивидуализаторско-идентификаторская функция сравнительно с функциями всей прочей лексики. Нам придется ограничиться констатацией того, что в области изучения лексического материала вообще и в частности ономастикона в настоящее время теория еще отстает от практики. Можно сказать, что некоторые исследователи обнаруживают тенденцию преувеличивать различие между эйдонимией (ономастикомом) и генонимией (нарицательными лексемами), а другие, напротив, обнаруживая противо-

⁸ Мы имеем в виду такие слои лексики, как пережиточные одноклассные сигналы типа фонематизированных междометий, а также нормальные двухклассные номинативные (идентификативные), индикативные (ориентативные) и нумеративные лексемы, см.: Milewski T. Językoznawstwo. – Warszawa, 1965 (1967). – S. 126.

⁹ См.: Левковская К. А. Теория слова. – М., 1962. – С. 172–183 (ср.: «функция индивидуального знака, или индивидуализирующе-идентифицирующая функция»); Суперанская А. В. Имена собственные в чужой языковой среде // Топономастика и транскрипция. – М., 1964. – С.35–64.

¹⁰ Ср.: Инструкция по передаче на картах географических названий Украинской ССР / Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэросъемки и картографии, изд. 2-е. – М., 1969. – С.12–13.

¹¹ См.: Max Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, B. II. – Heidelberg, 1955. – S. 115; в русском издании (Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева) топонимы, связанные с нарицательной лексикой, исключены.

положную тенденцию, доходят до отрицания самого существования этого различия¹².

Здесь мы имеем в виду прежде всего исследования, сочетающие в себе как историческую часть, так и собственно лингвистическую. Это сочетание мы назовем этимологическим исследованием (в данном случае – ономастического материала). Такое сочетание мы находим и в некоторых этимологических словарях, напр., A. Ernout et A. Meillet. *Dictionnaire étymologique de la langue latine* (4-е édition, 2-е tirage augmentée de corrections nouvelles), Paris, 1967; Pierre Chantraine, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque, histoire des mots*, tome I, A–Δ, Paris, 1968, tome II, E–K, Paris, 1970.

Как уже было сказано, даже без последовательного определения ономастикона нетрудно бывает отделить его в каждом языке от нарицательной лексики (*просегорикона*). В языках с латинской¹³ и кирилловской графикой элементы ономастической лексики принято выделять в тексте начальными прописными (заглавными, большими) буквами.

В современных руководствах по орфографии имеются специальные параграфы о «собственных названиях»¹⁴, в которые включаются и собственные имена, и фамилии, но, разумеется, без определения того, что следует называть «собственными названиями», или «собственными именами».

Никто не будет спорить о том, относятся ли, например, *Карпо*, *Карпенко*, *Крещатик*, *Киев*, *Днепр*, *Аскольдова могила*, *Труханов остров*, *Пуца-Водица*, *Конча-Заспа*, *Лысяя гора*, *Выдубецкий монастырь*, *Киево-Печерская лавра* и т. п. к ономастическим элементам. Все они должны быть существительными (субстантивами) или субстантивированными частями речи, а также субстантивированными сочетаниями слов.

Общей у имен существительных и элементов ономастикона, конечно, оказывается их номинативная, или идентификативная, функция (иначе функция номинации, или идентификации).

Кроме этой функции, у нарицательных существительных можно усмотреть еще классификационную (или классификаторскую) функцию, поскольку они наряду с другими номинативными элементами (вторичными прилагательными, гла-

¹² См.: Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. – М., 1964. – С. 9–34; Kuryłowicz J. La position linguistique des noms propres // *Onomastica*, 1956. – № 2. – Wrocław; Ташицкий В. Место ономастики среди гуманитарных наук // *Вопр. языкознания*, 1961. – № 2. В отношении терминологии мы не можем принять «сводного» названия *топономастика*, составленного из **топ**- (онимика) + *ономастика* (в смысле *антропонимика*), но различаем общую дисциплину *ономастику*, охватывающую ряд частных дисциплин и прежде всего топонимику, антропонимику и койнонимику, в которую включается и мегакойнонимика, или этнонимика. См. раздел «Теоретические проблемы койнонимики».

¹³ Разумеется, кроме немецкого письма, в котором принято не только собственные имена, но и вообще все существительные со времен Реформации выделять прописными буквами (как в шрифте *antiqua*, так и в шрифте *fractura*).

¹⁴ См.: Украинський правопис, изд. 2-е. – К., 1960, § 103–112 и др.

голами и третичными наречиями) классифицируют явления психофизической¹⁵ действительности.

Классификационная функция подразумевает, как это должно быть очевидно, и обобщение. Напротив, свойственная собственным именам функция индивидуализации сближает их с указательными местоимениями, для которых характерна их индикативная, или дейктическая, или ориентативная, функция. Однако для более точного определения того ономастического материала, о котором здесь идет речь, надо заметить, что его индикативная функция направлена на «телесные вещи». Это выражение заимствуется нами из Римского права, в котором было установлено деление вещей на «вещи телесные, до которых можно дотронуться» (*res corporales quae tangi possunt*), и «вещи бестелесные, до которых нельзя дотронуться» (*res incorporales quae tangi non possunt*).

Иными словами, ономастические элементы называют, индицируют и идентифицируют материальные, а не идеальные объекты. При этом, конечно, должна быть сделана существенная оговорка: они называют действительно материальные объекты или объекты, которые на данной ступени развития общества считаются материальными (или способными уподобляться материальным объектам). Эта оговорка относится преимущественно к магии, мифологии и религии. Если согласиться с этой оговоркой, то *ад* и *рай* так же, как, например, *Тартар*, *Элисий*, *Эдем*, *Вальгалла* и пр., должны относиться к ономастикону (*псевдотопонимам*, или *мифонимам*) и начинаться с прописных букв. Приняв во внимание эту оговорку, мы можем настаивать на «телесности» ономастических элементов и не включать в их состав названия не «спациальных», а «темпоральных» объектов, например, дней недели, месяцев года, исторических эпох, периодов и событий: *пятница*, *сентябрь*, *эпоха Возрождения*, *Великая Октябрьская социалистическая революция*, *Великая Отечественная война 1941–1945 годов*. Как видим, начальные прописные буквы выделяют не только собственно эйдонимы, но имеют еще функцию, которую можно было бы назвать функцией пиетета, или респективной функцией. Напротив, замена в эйдонимах прописной буквы строчной выполняет деспективную функцию (ср., например, формы фамилий во множественном числе).

Если считать неоспоримой принадлежность названий единичных «телесных вещей» к ономастикону данного языка, то и в этих пределах придется признать некоторые условности, внушаемые «языковым воспитанием». Так, названия небесных тел (планет, звезд) у нас относятся к ономастическим элементам лексики: *Венера*, *Марс*, *Юпитер*, *Вега*, *Денеб*, *Алтаир*, но *солнце* – центральная звезда нашей солнечной системы – и *луна* – спутник планеты *Земли*, – по-видимому, представляют исключение, потому и не пишутся с прописных букв. Таков обычай. Однако в древности шумерские *Наннар* (бог луны и Бог-Луна)

---

¹⁵ Употребляемый нами термин *психофизическая действительность* в первой своей части является просто «dvandvacompositum», составленным из прилагательных *психическая* и *физическая*, и равнозначен выражению *объективная действительность*, если в нее включить ее отражение и в коллективном сознании людей, и в индивидуальном сознании человека.

и *Баббар* (бог солнца и Бог-Солнце), аккадийские *Син* и *Шамаш*, древнегреческие *Селена* (ср. *Мен*) и *Гелиос*, римские *Луна* и *Соль* могли быть несомненными элементами сакральной части ономастикона соответствующих языков. Наричательный характер они приобрели лишь тогда, когда стали только названиями космических тел. Однако и теперь «ономастическая логика» требует того, чтобы в качестве названий единичных (сингулярных) объектов они были собственными именами. Если единичность, или сингулярность, обозначаемого эйдонимом объекта действительности должна считаться характерной чертой ономастических элементов, то включение в их состав всякого рода койнонимов и в частности этнонимов будет вызывать решительные возражения. Оставляя этот вопрос о включении или невключении пока открытым (до раздела «Теоретические проблемы койнонимии»), мы ограничимся здесь замечанием о том, что в процессе этимологических исследований ономастического, или эйдонимического, материала неудобно было бы во всех отношениях отделять от него этнонимию в смысле названий наций, народов, народностей, племен и вообще всяких этнических групп, потому что *этнонимикон* очень часто бывает теснейшим образом связанным с *топонимикон*ом и *антропонимикон*ом, то есть с основными областями ономастической лексики. И это, конечно, вопреки классификационной функции этнонимов, которую они обнаруживают, как и все первичные номинативные семантемы (ср. названия животных, растений, горных пород, минералов, химических элементов, безусловно, относящиеся к апеллятивной лексике). Тем не менее, в интересах этимологических исследований нежелательно отделять этнонимы (как и вообще койнонимы) от семантем, дериватами которых они являются или которые оказываются их дериватами. Хотя в начале этой части речь шла о границах эйдонимического материала, мы должны прийти к выводу о том, что эти границы не могут считаться определенными раз и навсегда и совершенно непререкаемыми.

2

Поскольку этимологические исследования имеют своей конечной целью восстановление (оно же оказывается и установлением) генетических связей семантем вообще и в частности лексических элементов, здесь нет необходимости отграничивать ономастический материал в любом его понимании от всех прочих слоев лексики уже хотя бы потому, что мы подходим к этому материалу с целью связать его элементы в генетическом отношении с элементами нарицательной лексики данного языка или других языков.

Могут ли быть исключения из этого общего правила о генетической связи эйдонимов с генонимами? Этот вопрос ведет нас к другому не менее трудному для ответа: являются ли генонимы в самой отдаленной генетической перспективе первичными относительно эйдонимов или, напротив, могли ли эйдонимы быть первичными относительно генонимов? В этой альтернативе, насколько нам известно, только акад. Н. Я. Марр высказывался в пользу первичности эйдонимов и даже собственно этнонимов: его первичные четыре элемента получены были из этнонимов и должны были первоначально выступать в качестве таковых.

Понятно, что такого рода альтернативы легко превращаются в тетралеммы: 1) *были*, 2) *не были*, 3) *и были и не были*, 4) *и не были и не не были*! Иными словами, у нас нет уверенности в том, что всегда и непременно существовало противопоставление собственных и несобственных имен, так как оно, если не всецело, то в значительной мере, зависит от определения (исчерпывающей дефиниции) первых. Очевидно, мы можем различным образом определить ономастикон, так же, как можем обозначить его различными терминами или терминологическими выражениями. Ясно только одно: что в настоящее время никто не подвергает сомнению сам факт существования этого лексического слоя и что все его исследователи признают его историческую ценность.

В ономастической литературе заметна тенденция ограничивать материал двумя большими классами: классом географических названий, или топонимов, и классом личных собственных имен (преимущественно людей, а не животных), или антропонимов, со всякими подклассами обоих названных классов¹⁶.

В этой части нашего очерка мы будем использовать в основном топонимический материал, а в третьей части («Проблемы койнонимии») обратимся к рассмотрению материала, так сказать, пограничного между областями эйдонимии и генонимии.

Отвлекаясь от терминологических и классификационных проблем, естественно задать прямой вопрос о специфике этимологических исследований ономастического материала: есть ли в этимологическом исследовании ономастической лексики что-нибудь своеобразное сравнительно с исследованием нарицательной лексики?

Давая ответ на этот вопрос, мы прежде всего должны учесть, идет ли речь об ономастическом материале, обнаруживающем генетические связи исключительно в пределах одного языка (случай, можно сказать, чисто теоретический), или речь идет об ономастическом материале, генетически связанном со многими различными языками, среди которых могут быть малоизвестные или совсем неизвестные нам языки (самый обыкновенный случай как в теории, так и на практике).

Но даже если взять самый простой случай – исследование материала в пределах одного и того же языка, хотя и в разных его фазах (спациальных и темпоральных), то и в этом случае становится очевидным своеобразие этимологических исследований ономастикона: для нарицательной лексики возможно учесть ее синтагматические, то есть обнаруживаемые в тексте (соответственно – в речи), и парадигматические, то есть обнаруживаемые в парадигме, связи и, напротив, для ономастической лексики далеко не всегда возможно определить парадигматические связи, а синтагматические связи уточняют лишь характер денотата (географический объект, человек, этнос). Таким образом, для ономастической лексики (эйдонима) первостепенное значение приобретает ее реальный, а не языковой контекст, но для установления ее связей с нарицательной лексикой, разумеется, имеет значение именно языковой контекст. Попробуем проиллюстрировать это

¹⁶ Німчук В. В. Українська ономастична термінологія // Повідомлення Української ономастичної комісії, вип. 1. – К., 1966. – С.24–43.

общее положение одним топонимическим примером. На юге Кикладских островов расположен остров Мелос, знаменитый найденной на нем в 1820 году и ныне находящейся в Луврском музее статуей Венеры Милосской. Поскольку греческая форма этого названия ΜΗΛΟΣ напоминает либо ΜΗΛΟΝ (дорическое ΜΑΛΟΝ, латин. *malum*) – яблоко, либо ΜΗΛΟΝ (беотийское ΜΕΙΛΟΝ) – мелкий рогатый скот (козы или овцы), кажется естественным связать собственное название острова с этими нарицательными. Возникает подозрение, не был ли первоначально этот *Мелос* (новогр. *Μίλος*) *Яблочным* или *Овечьим* (соответственно – *Козьим*) островом? Среди названий островов нелегко подыскать «яблочные острова», но нетрудно найти «овечьи» или «козьи», ср., например, ΡΗΝΕΙΑ (также ΡΗΝΕΙΗ, ΡΗΝΑΙΑ, ΡΗΝΙΑ, ΡΗΝΙΣ) среди тех же Киклад возле острова Делос (ΔΗΛΟΣ) и нарицательное ΡΗΝΕΣ (= ΑΡΝΕΣ) – овцы, следовательно, остров *Овечий*; ΤΡΑΓΑΙΑ, согласно Страбону (XIV, 635), островки возле острова Лады, – *Козьи*; знаменитое убежище императора Тиберия *Capreae*, нынешний Капри, и еще три *Capraria* (возле *Balearis Maior*, теперешнего *Mallorca*; один из *Fortunatae insulae*; в Тирренском море, к северу от острова Корсика) – также «козьи острова». Словом, за аналогиями дело не станет.

Есть, однако, еще одна возможность, которая представляется более правдоподобной, чем все прочие, если учесть природные условия острова Мелос. В историческую эпоху (в данном случае – в начале первого тысячелетия до н. э.) этот остров был заселен дорийцами и (судя по их надписям) назывался ΜΑΛΟΣ (а ΜΗΛΟΣ – это уже ионийская форма, в которой данный топоним стал достоянием истории). В дорийском диалекте существовало прилагательное ΜΑΛΟΣ = ΛΕΥΚΟΣ, то есть *белый*, например, в идиллии Теокрита (1,5): ΒΩΜΟΝ Δ' ΑΙΜΑΞΕΙ ΚΕΡΑΟΣ ΤΡΑΓΟΣ ΟΥΤΟΣ Ο ΜΑΛΟΣ – «жертвенник обагрят кровью этот белый рогатый козел».

Если даже такое чтение данного стиха может быть подвергнуто сомнению (ср. разночтения: Ο ΜΑΛΟΣ – гладкий, Ο ΜΑΝΟΣ – рыхлый и т. п.), то, во всяком случае, можно сослаться на ряд глосс, подтверждающих существование предполагаемого прилагательного ΜΑΛΟΣ в смысле «белый», ср.: ΜΑΛΟΚΟΜΟΣ = ΞΑΝΘΟΣ – светловолосый, русский, белокурый, ΜΑΛΟΠΑΡΑΥΟΣ = ΛΕΥΚΟΠΑΡΕΙΟΣ – белощекий, белолицый, ΜΑΛΟΥΡΙΣ = ΛΕΥΚΟΚΕΡΚΟΣ, ΜΑΛΟΥΡΟΣ = ΛΕΥΚΟΥΡΟΣ – белохвостый. И вот наиболее веский аргумент в пользу того, что Мелос действительно мог быть *Белым* островом: «Когда корабль проплывает вдоль берегов Милоса, путешественник видит захватывающее душу зрелище: снежнобелый остров, который обязан своим цветом каолину, горной породе, используемой для изготовления фарфоровых изделий»¹⁷.

Едва ли будет недостаток в фактах, подтверждающих существование Белых островов. Филологи-классики вспомнят при этом знаменитый остров Левку в Негостеприимном Понте¹⁸, а любители истории – остров Альбион (название

¹⁷ Τουριστικός οδηγός για την Ελλάδα. – Αθήναι, 1965. – Τ. Β, Μήλος. – Σ. 122. Перевод здесь и далее автора.

¹⁸ Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. – Петроград, 1918.

кельтского происхождения, ср. ирское *Alba* – Шотландия), оставшийся и до сих пор поэтическим названием Англии.

Все это доказывает не больше того, что Мелос мог быть просто Белым островом. Однако против такой на первый взгляд убедительной этимологии могут быть выдвинуты некоторые «омрачающие» ее соображения. Остров Мелос географически, исторически (а в настоящее время и административно) входит в группу «Круговых» островов (ΚΥΚΛΑΔΕΣ ΝΗΣΟΙ), в которой глубокой архаикой звучат названия: *Андрос, Тенос, Сирос, Микonos, Делос, Реня, Кеос, Китнос, Серифос, Сифнос, Парос, Антипарос, Наксос, Мелос, Кимолос, Фолегандрос, Сикинос, Иос, Аморгос, Тера, Анафе, Астипалея...*

Для всех этих названий характерно то, что, будучи усвоенными греческим языком «на уровне фонологии» и «на уровне морфологии», они остались чужими в нем из-за отсутствия первоначальных генетических связей с его основной нарицательной лексикой. Исключений из этого общего правила немного, и все они относятся к незначительным по величине островам. Кроме уже упомянутого *Овечьего острова* (ΡΗΝΕΙΑ) такое исключение составляет название островка возле того же Мелоса – *Обильный козами* (ΠΟΛΥΑΙΓΟΣ). Более значительный по величине остров на северо-запад от Мелоса, возле побережья Арголиды в заливе Гермiony, назывался ΥΔΡΕΑ (ΥΔΡΕΙΑ, ΥΔΡΕΝ), теперь ΥΔΡΑ, что, конечно, должно было связываться с субстантивированным прилагательным Η ΥΔΡΑ (в мифологии ΛΕΡΝΑΙΑ ΥΔΡΑ), образованным от существительного ΤΟ ΥΔΩΡ – вода.

Точно так же этимологически «прозрачным» было название многих островов ΠΙΤΥΟΥΣΣΑ (ΠΙΤΥΟΥΣΑ, ΠΙΤΥΟΕΣΣΑ)¹⁹: 1) возле побережья Арголиды у мыса Скиллайон, 2) древнее название острова Саламин у берегов Аттики, 3) древнее название острова Хиос у малоазиатского берега, 4) два острова у берегов Испании (теперь Ивиса и Форментера) и др. Та часть Эгейского моря, которая омывает Киклады, называлась в древности ΜΥΡΤΩΙΟΝ ΠΕΛΑΓΟΣ или ΜΥΡΤΩΙΟΣ ΠΟΝΤΟΣ (Миртойское море), что могло быть как-то связано либо с названием растений Η ΜΥΡΤΟΣ (плод его ΤΟ ΜΥΡΤΟΝ), также ΜΥΡΣΙΝΗ, ΜΥΡΡΙΝΗ, *Myrtus communis* (хотя это и очень мало вероятно), либо с собственным женским именем ΜΥΡΤΩ, ср. ΕΛΛΗΣ ΠΟΝΤΟΣ – Море Геллы (Геллеспонт, позже Дарданеллы), ΙΟΝΙΟΝ ΠΕΛΑΓΟΣ, ΙΟΝΙΟΣ ΠΟΝΤΟΣ, ΙΟΥΣ ΠΕΛΑΓΟΣ – Море Ио. Таким образом, нельзя утверждать, будто ни один из Кикладских островов (или вообще островов Эгейского моря) не имел этимологически «прозрачного» названия после заселения их древнегреческими племенами. Однако в своей основной массе их названия оставались «непроницаемыми» с точки зрения исторических греческих диалектов.

Есть еще один камень преткновения в соблазнительном для топонимиста толковании *Мелос* – Белый остров. Само слово ион. ΝΗΣΟΣ, дор. ΝΑΣΟΣ – женского рода и, следовательно, если бы в природном отношении белый ΜΗΛΟΣ – ΜΑΛΟΣ и по названию был *Белым* островом, то есть *Α ΜΑΛΑ ΝΑΣΟΣ, *Η ΜΗΛΗ ΝΗΣΟΣ, он должен был бы оказаться *Α ΜΑΛΑ, а не *Α ΜΑΛΟΣ... Однако если бы можно было, уходя вглубь веков, выйти за пределы известной нам

¹⁹ Η πίτυς – *Pinus laricio, Pinus pinea, Pinus halepensis, Pinus brutia* – один из видов сосны в Средиземноморье.

грамматики, дойти до того состояния древнегреческих диалектов, пережиток которого мы находим в прилагательных «двух окончаний» первого и второго склонений, а также среди существительных женского рода второго склонения (Н ΝΗΣΟΣ и пр.), этот камень преткновения удалось бы убрать с дороги. Не может не испытывать соблазна глаз топонимиста, когда он смотрит на карту Миртоийского моря и видит на западе, на лаконском берегу, мыс *Малею* (ΜΑΛΕΑ ΑΚΡΑ, Η ΑΚΡΑ ΤΗΣ ΜΑΛΕΑΣ, теперь ΜΑΛΕΑΣ), а на востоке, в кругу Киклад, – остров ΜΑΛΟΣ – ΜΗΛΟΣ. А тут еще лексикограф Гесихий сообщает, что у лаконцев ΜΑΛΙΡ – ΓΗ ΚΙΜΩΛΙΑ просто *Мел*, а ΚΙΜΩΛΙΑ – это ближайший (наряду с ΠΟΛΥΑΙΓΟΣ) к Мелосу остров, от названия которого и образовалось выражение *кимолийская земля* (русс. *мел*). Но соблазн так и останется соблазном, то есть одной из этимологических гипотез. У античных схолиастов (комментаторов классических авторов) относительно Малейского мыса были свои соображения. Так, схолиаст «Ореста» Эврипида (стих 362), объясняя стих, в котором упоминается *Малея* – мыс бурь и кораблекрушений, сообщает, что ΜΑΛΕΑ – это ΟΝΟΥ ΚΑΤΑΜΑΓΟΥΛΟΝ, то есть *нижняя челюсть осла*, а схолиаст Ликофрона (стих 94) прибавляет к этому, что «ΛΕΓΕΙ ΔΕ ΤΗΝ ΜΑΛΕΑΝ ΑΚΡΩΤΗΡΙΟΝ ΠΕΛΟΠΟΝΝΗΣΟΥ ΔΙΑ ΤΟ ΕΟΙΚΕΝΑΙ ΣΙΑΓΟΣΙΝ ΟΝΟΥ» («он называет мыс Малею (так), потому что он похож на челюсти осла»). Это, конечно, наталкивается на чисто лексическое препятствие: как ясно из выражения ΥΠΟ ΜΑΛΗΣ = ΥΠΟ ΜΑΣΧΑΛΗΣ – под мышкой, за пазухой, греческое *ΜΑΛΗ не обозначало *челюсть*. В основу такого объяснения схолиастов могла лечь ассоциация по смежности, потому что ближайший к западу от Малеи мыс назывался в древности ΟΝΟΥ ΓΝΑΘΟΣ – *Ослиная челюсть* (теперь на острове ΕΛΑΦΟΝΗΣΟΣ – *Олений остров*).

Подводя итог этому топонимическому экскурсу, мы должны признать, что о происхождении топонима *Мелос* пока существуют только гипотезы, причем природные условия острова могут подтверждать ту из них, согласно которой название ΜΑΛΟΣ было связано с прилагательным *ΜΑΛΟΣ – белый.

Насколько обманчивой может оказаться «внешность» древнего топонима в смысле его близости к нарицательным лексемам языка, используемого на данной территории, то есть территории, с которой связан топоним, можно видеть из следующего примера. На восток от группы Кикладских островов лежит (ныне причисляемый к группе Додеканеса) небольшой остров *Астипалея* (ΑΣΤΥΠΑΛΛΙΑ). Его название так легко связывается с древнегреческими ΑΣΤΥ – город и ΠΑΛΑΙΟΝ – старый, древний, что кажется этимологически вполне прозрачным. Остается, обращаясь к археологическим реалиям, найти в них подтверждение того, что на острове Астипалея действительно существовал в догреческие или раннегреческие времена древний город. С археологической стороны есть все основания считать греческим название *ΑΣΤΥΠΑΛΛΑΙΟΝ > ΑΣΤΥΠΑΛΛΙΑ: на острове есть развалины храмов (Афины, Асклепия), жилых помещений, археологи и жители острова находят древние сосуды, монеты, каменные плиты с надписями, свидетельствующие о пребывании на нем карийцев, финикийцев, критян минойской эпохи, греков из Аргоса и Эпидавра и т. д.

Название острова ΑΣΤΥΠΑΛΛΙΑ существует во многих вариантах с древних времен и до наших дней, напр.: ΑΣΤΥΠΑΛΙΑ, ΑΣΤΥΠΑΛΗ, ΠΥΛΑΙΑ, итальянское *Stampalia*, современное греческое ΑΣΤΡΟΠΑΛΙΑ (парэтимология, вызванная сближением ΑΣΤΥ и ΑΣΤΡΟΝ).

В развалинах средневекового замка на горе над современной столицей острова Астипалеей читается еще одно позднейшее название в надписи графов Астинеи (*ΑΣΤΥΝΕΑ). Этот факт как будто дополняет упомянутую этимологию: *ΑΣΤΥ ΠΑΛΛΑΙΟΝ > ΑΣΤΥΠΑΛΛΙΑ = *ΑΣΤΥ ΝΕΟΝ > ΑΣΤΥΝΕΑ (*Старгород и Новгород*).

Некоторые исследователи (например, известный своими финикийскими, или ханаанскими, этимологиями гомеровских имен и названий В. Берар (Victor Bérard, «Les Phéniciens et l’Odyssée», tome 1, Paris, 1927, p. 75–90) склонны находить в названиях ΑΣΤΥΠΑΛΛΙΑ, а их было несколько на берегах и островах Эгейского моря, переодетое в одежду греческого языка иноязычное название, первоначально тоже нарицательную лексему. Названный уже В. Берар установил, что в области Эгейского моря было не меньше шести топонимических объектов с названием *Астипалея* (С. 75):

1) нынешняя Астипалея (Астропалья) – остров и город, 2) город на острове Кос, 3) город на острове Самос, 4) мыс в Аттике, 5) мыс на карийском берегу Малой Азии (по Страбону) и 6) город на острове Родос (в древних надписях). Он же сравнивает название *ΑΣΤΥΠΑΛΛΑΙΟΝ > ΑΣΤΥΠΑΛΛΙΑ с бывшим на Пелопоннесе ΠΑΛΑΙΠΟΛΙΣ или ΠΑΛΑΙΟΥΠΟΛΙΣ и находит объяснение морфологическому изменению (переходу **-он** в **-а**) в приспособлении к «системе» названий островов (у которых, как было сказано выше, подразумевается слово Η ΝΗΣΟΣ женского рода)²⁰.

Однако в отношении топонима *Астипалея* В. Берар проявляет большую осторожность. Указавши на историческую несуразность топографического расположения населенных пунктов с названием *Астипалея* (*Старые города* в отличие от *Новых городов* в приморских местностях бывали расположены на возвышенностях и вдали от моря, а населенные пункты²¹ с названием *Астипалея* в Эгейской области находились на морском берегу), он критикует известного географа античного мира Генриха Киперта (1818–1899), который «возобновил» семитическую этимологию греческого названия *Астипалея* Самюэля Бошара (S. Bochart, 1599–1667) со ссылкой на глагольный корень SPL (самех – пей – ламед), теоретически выведенное значение которого – *быть плоским*²².

²⁰ С названиями *Παλαία πόλις и *Ἀστὺ παλαιόν древней Греции можно сравнить довольно многочисленные названия вроде Παλαιοκάстро, Παλαιοχώρι на карте грекоязычных земель, а также пережитки этих названий, например, *Палекуров холм* в старой Ялте (см.: Греческие элементы в географических названиях Крыма. – Этимология 1967, М., 1969, с. 213).

²¹ В дальнейшем слова «населенный пункт» даются сокращенно – н. п.

²² Очевидно, именно *плоским*, а не *низким* (être bas), ср. существительное *seiphel* – чаша, килик, таз (см.: Gesenius W. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch, 15-e Auflage, Leipzig, 1910. – S. 544).

По его словам, С. Бошар, заслуживающий всяческого уважения, был «жертвой топонимического неистовства XVII века» (С. 119). Еще решительнее он высказывается об увлечении финикийскими (ханаанскими) этимологиями: «Следовательно, можно найти финикийскую этимологию почти всех географических названий – греческих, латинских или французских: PARIS мог бы стать без труда «Городом всадников», потому что PARAS значит по-древнееврейски «всадник» (С. 121). Это, конечно, похоже на карикатуру, но сам автор склонен видеть «рациональное зерно» в мифах о нимфе Астипалее. Согласно одному из них нимфа Астипалея была дочерью Феникса (эпонима финикийцев) и сестрой Европы. От Посейдона у нее был сын Анкей (ΑΓΚΑΙΟΣ), ставший царем морских разбойников-лелегов на острове Самос. В мифе об аргонавтах он выступает как кормчий их корабля Арго. Еще одна нимфа Астипалея была матерью царя острова Кос Эврипила (ΕΥΡΥΠΙΛΟΣ), и, наконец, третья Астипалея, сестра Европы и дочь Феникса, дала свое имя острову Астипалея (С. 89). Все эти варианты мифа говорят о связи Астипалеи (всех или одной?) с Финикией и финикийцами. В этом же духе рассказывается в мифе о связи героя-эпонима острова Мелос с островами Делос (центр Киклад) и Кипр, в «темный век» (XI–IX до н. э.) колонизованным финикийцами. Согласно упомянутому мифу Мелос, юноша с острова Делос, переехал на остров Кипр, где его связали тесные узы дружбы с Адоном, или Адонисом, сыном царя Кинира. Мелос женился на Пелии («Горлице»), от которой у него родился сын, названный тоже Мелосом. Когда Мелос-отец узнал о смерти своего друга Адониса, он повесился на дереве, которое с тех пор стало называться ΜΗΛΕΑ – яблоня. Любящая Пелия последовала за своим мужем в подземное царство мертвых. Богиня Афродита, растроганная этими происшествиями, превратила Мелоса в плод того дерева, на котором он повесился (ΤΟ ΜΗΛΟΝ – яблоко), его жену Пелию – в голубку, а их сына, Мелоса, отправила вместе с его спутниками на остров, получивший с тех пор название Мелос.

Ясно, что при полном отсутствии всяких собственно исторических и археологических данных даже мифы при удачном и умелом их толковании могут стать косвенными источниками информации. В описанных случаях, ограниченных попытками связать топонимы ΜΗΛΟΣ и ΑΣΤΥΠΑΛΛΙΑ с древнегреческой нарицательной лексикой, мифы дают лишь некоторое предупреждение о возможности «греческого переодевания» иноязычных субстратных названий. Само собой разумеется, что это «переодевание» может быть полным, а может быть и частичным. При полном «переодевании» по большей части, если нет прямых указаний в источниках, первичная этимология скрывается во мраке неизвестности и речь может идти только о вторичной этимологии и лишь тогда, когда мы доподлинно знаем, что она действительно вторичная. В противном случае она для нас будет первичной. Например, даже остроумная догадка известного компаративиста и слависта Макса Фасмера (1886–1962) о том, что древнегреческому названию ΑΞΕΙΝΟΣ (ΠΟΝΤΟΣ) предшествовало ираноязычное название [AXšAINA] – синий, темно-серый, не может привести к признанию отношения собственного ΑΞΕΙΝΟΣ к нарицательному ион. ἄξεινος вторичным отношением. Разумеется, древние толковали эпитет Понта (Черного моря) в самом прямом смысле, напри-

мер, у Страбона (VII, 3, 7) говорится о жестокости скифов по отношению к иностранцам, которых они приносят в жертву и мясо которых поедают, а черепа употребляют как сосуды для питья, «из-за чего (то есть из-за жестокости скифов. – А. Б.) Понт назывался ΑΞΕΙΝΟΣ» (то есть враждебный иноземцам). Кстати, у Страбона Черное море без поэтических эпитетов называется просто Ο ΠΟΝΤΟΣ или даже Η ΠΟΝΤΙΚΗ ΘΑΛΑΤΤΑ. Надо думать, что нет полного основания утверждать, что ΑΞΕΙΝΟΣ было не эпитетом, а гидронимом²³.

Среди *Белых* островов Восточного Средиземноморья, конечно, нельзя не упомянуть Левкаду (ΛΕΥΚΑΣ, новогр. ΛΕΥΚΑΔΑ или ΑΓΙΑ ΜΑΥΡΑ, ср. *Santa Maura*), которая до VIII века до н. э., очевидно, была даже не островом, а полуостровом, связанным тонким перешейком с близлежащей Акарнанией.

Однако у нас нет уверенности в том, что в названии этого острова не скрыто позднейшее переосмысление.

Какое именно обстоятельство могло навести на мысль грекоязычных обитателей побережья Акарнании и ближайших к нему островов назвать этот уголок земли *ΛΕΥΚΑΣ (= ΛΕΥΚΑ) ΝΑΟΣ или *ΛΕΥΚΑΣ ΧΕΡΣΟΝΑΣΟΣ? На острове (в современном его состоянии) нет ни меловых, ни беломраморных утесов или скал, ни покрытых снегом вершин (наивысшая точка Ставроты – 1140 м). Нет оснований также считать, что ΛΕΥΚΑΣ – это непременно древнейшее название, подобно другим названиям Ионийских (они, как известно, никогда не имели ничего общего с ионийцами, или ионянами) и Эгейских островов.

В древности Левкада была знаменита своим юго-западным мысом, на котором находился храм Аполлона Левката (ΑΠΟΛΛΩΝ ΛΕΥΚΑΤΑΣ). Почитание здесь «светлого бога» Аполлона и сооружение храма в его честь относятся, конечно, к глубокой древности. С этим мысом было связано много преданий и мифов (см. в «Географии» Страбона, X, 2), которых мы не будем здесь пересказывать, но, чтобы подтвердить глубокую древность этих преданий, сошлемся на рассказ Страбона (там же) о том, что со скалы Аполлона Левката жители Левкады ежегодно сбрасывали одного из преступников во искупление им своей вины, однако благодаря их человеколюбию они превращали преступника в своего рода Икара, прикрепляя к его телу птичьи перья и крылья для облегчения падения, а под скалой в море его ожидала целая расположенная кругом флотилия рыбачьих лодок, чтобы спасти его, если после падения он оставался живым. Согласно тому же Страбону, коринфяне, посланные Кипселом и Гаргасом, перекопавши каналом перешеек, превратили Левкаду в остров «и, перенесши Нерик на то место, где прежде был перешеек, а теперь пролив, соединенный (с материком) мостом, называли Левкаду по имени, как мне кажется, Левката: потому что есть там в море скала белого цвета возле Левкады...» (X, 2).

Скорее всего, Страбон прав, предполагая, что Левкада получила свое название от *Левката*, местной эпиклезы Аполлона; скала белого цвета понадобилась ему, однако, для этимологии ΛΕΥΚΑΣ < ΛΕΥΚΗ (ПЕТРА). Очевидно, на такую

²³ В наше время на первичной ираноязычной этимологии вслед за М. Фасмером настаивает проф. В.И. Абаев (см. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949. – т. 1. – С. 158-159).

же этимологию ссылаются и составители греческого ономастикона В. Папе – Г. Э. Бензелер (том II, стр. 789), дающие в статье «Левкатас» пояснение: «...мыс на юго-западе острова Левкада с храмом Аполлона, отчего Аполлон и назывался Левкатас, т. е. Левкадийский».

Не считая вопрос об отношении Аполлона Левката к названию этого острова уже решенным, укажем на то, что Апполон как бог света был носителем ряда «световых» эпитетов, в которых обнаруживается древний индоевропейский корень со смыслом *свет, блеск, сияние* и т. п.: ΛΥΚΕΙΟΣ, ΛΥΚΙΟΣ (ср. также ΛΥΚΟΚΤΟΝΟΣ), ΛΥΚΗΓΕΝΗΣ, ΛΥΚΩΡΕΙΟΣ, ΛΥΚΩΡΕΥΣ²⁴.

Известно, что с образом Аполлона слились образы других богов света, или световых богов, и нарицательное ΦΟΙΒΟΣ – светлый, сверкающий, сияющий (ср. глаголы ΦΟΙΒΩ, ΦΟΙΒΑΖΩ – делаю чистым, очищаю) стало эпиклезой Аполлона (еще в гомеровском эпосе) и связало его с Гелием, богом солнца. В «Метаморфозах» Овидия (II, 35–39) Фазтон, обращаясь к отцу Солнцу, называет его и Фебом, и «всенародным светом безмерного мира» («O Lux immensi publica mundi»). Ясно также, что, например, ΖΕΥΣ ΛΕΥΚΑΙΟΣ в Элиде своим эпитетом не был связан с названием острова Левкада (как, вероятно, и Гера-Левкадия в городе Сибарисе).

В последней рапсодии «Одиссеи», где рассказывается о странствиях теней, или душ убитых Одиссеем женихов (XXIV, 11), скала Левкада (ΛΕΥΚΑΔΑ ΠΕΤΡΗΝ) представлена как пограничный столб на краю Земли и реки Океана. Действительно, ярко-белая скала должна была служить хорошим ориентиром для древних мореплавателей. Юго-западный мыс Левкады – ΛΕΥΚΑΤΑΣ, ΛΕΥΚΑΤΑ(Σ) ΑΚΡΑ (со времен франкократии – Κάβο Δουκάτο), а теперь еще Κάβος της Κυράς (то есть скорее всего мыс *Святой Мавры*), очевидно, не был таким ориентиром.

Зато им мог быть другой остров на севере Эгейского моря. Вероятно, как и многие другие острова Эгейского моря, он имел несколько названий и наиболее укоренившимся среди них было *Фракийский остров*, или *Фракийский Самос* (ΣΑΜΟΘΡΑΚΗ, ΣΑΜΟΘΡΑΚΗ, ΣΑΜΟΘΡΗΚΗ, ΣΑΜΟΘΡΗΚΗ, ΣΑΜΟΣ ΘΡΗΚΗ, ΣΑΜΟΣ ΘΡΑΚΗΣ, *Samothrace*, *Samothracia* и др.). Но наряду с этим несколько названий явно указывали на *белый цвет* как примету острова: ΛΕΥΚΩΣΙΑ, ΛΕΥΚΩΝΙΑ, ΛΕΥΚΑΝΙΑ (на юге Апеннинского полуострова другая Левкания = Лукания). О том, что эти названия действительно имели в своей основе греческое ΛΕΥΚΟΣ, -Η, -ΟΝ, говорит следующее обстоятельство: «Для кораблей древности она (то есть Самофракия.– А. Б.) с ее поднимающимися до высоты 1800 метров, значительную часть года покрытыми снегом горами была издали заметной сухопутной вехой, но из-за срывающихся с их вершин штормовых ветров она была также опасным местом при въезде в Геллеспонт»²⁵.

Правдоподобнее всего, что именно в этих «иноназваниях» острова – *Левкосия*, *Левкония*, *Левкания* – можно видеть один из несомненно белых островов

²⁴ Bruchmann C.F.H. Epitheta deorum quae apud poetas Graecos leguntur. – Lipsiae, MDCCCXCIII. – P. 27.

²⁵ Griechenlandkunde. Ein Führer zu klassischen Stätten von E. Kirsten und Kraiker, 2-te Aufl., Heidelberg, 1956. – S. 433.

Восточного Средиземноморья. Здесь мы имеем дело скорее с исключением, чем с правилом. А правилом можно считать то, что большинство восточносредиземноморских несонимов выходит за пределы исторических древнегреческих диалектов.

Отметим попутно, что современное название (астионим) столицы Республики Кипр – *Левкосия* (ΛΕΥΚΩΣΙΑ) является сравнительно новым названием. Древнее название ее было ΛΗΔΡΑ. Старые формы современного названия ΛΕΥΚΟΥΣΑ и ΛΕΥΚΟΥΣΙΑ (ср. ойконим ΛΕΥΚΑΡΑ) этимологизуются на основе дендронима Η ΛΕΥΚΗ, новогр. η λεύκα (*Populus alba* L.), а по другим источникам (что менее вероятно) от прозвища одного из Птолемеев: ΛΕΥΚΟΣ или ΛΕΥΚΩΝ. Связь современного названия *Левкосия* со средневековым *Nicosia* остается неясной²⁶.

Во всяком случае кипрская *Левкосия* в отличие от сербского *Београда* и наших *Белгорода* и *Белгородки* не может называться *Белым* городом.

Мифоним *Левкосия* (имя одной из гибельных для мореходов сирен, божества, связанного с морской стихией), наверное, такого же происхождения, как и препонент имени *Белой богини* – *Левкотеи*, спасшей Одиссея у островов феаков («коричневых людей»).

На берегах и островах Эгейского моря разбросано довольно много топонимов, в основе которых как будто «просвечивает» греческое название меди ΧΑΛΚΟΣ, напр.: ΧΑΛΚΑΙ – город в Фессалии, ΧΑΛΚΕΙΑ, ΧΑΛΚΙΑ, ΧΑΛΚΙΣ (или ΧΑΛΚΗ) – город в Этолии и Карии, ΧΑΛΚΗΤΟΡΕΣ – город в Карии, ΧΑΛΚΙΔΙΚΗ – полуостров в южной Македонии, ΧΑΛΚΙΣ – река возле города Халкедона, или Калкедона, на азиатской стороне Фракийского Боспора, ΧΑΛΚΙΣ – город на острове Эвбея, ΧΑΛΚΙΤΙΣ (также ΧΑΛΚΗ) – остров в Пропонтиде и, наконец, ΧΑΛΚΗ – остров в группе Южных Спорад, или Додеканеса. Многие из этих названий встречаются и за пределами Эгейского бассейна: *Халька* в Африке, возле Карфагена, *Халькия* – город в Ливии, *Халькида* – в Сирии и в Аравии и т. д. Именно в этом случае ссылка на природные условия дает отрицательный ответ: в области Эгейского моря (кроме материковой Греции и острова Крит) залежей медной руды нет и, очевидно, не было и в древности. Однако остается еще «антропогенный фактор». На него ссылается автор «Туристического путеводителя по Греции»: «Остров Χάλκη получил свое название от многочисленных на нем мастерских по обработке меди (медеплавилен. – А. Б.), существовавших на нем в древности. Некоторые утверждают, что его название происходит от финикийского слова Κάρκη (? – А. Б.), обозначающего моллюсков, из которых добывается пурпурная краска»²⁷.

Возможно, что в первой части этого объяснения есть какое-то зерно истины, но ссылку на финикийскую этимологию во второй его части нелегко проверить. Таким образом, в названии острова ΧΑΛΚΗ можно видеть субстантивированное прилагательное ΧΑΛΚΗ без гарантии, что мы имеем дело именно с первичной этимологией.

²⁶ Ср.: A. and J. Stylianou. An Important Manuscript Map of Cyprus by Bartolomeo Zamberti dalli Sonetti // Κυπριακά Σπουδαί, т. КН, 1964. – Σ. 119; ср. также Σίμου Μενάρδου. Περί του τοπωνυμικού της Κύπρου. – Αθήναι, т. ΙΗ, 1907.

²⁷ Τουριστικός οδηγός για την Ελλάδα, т. Β. – Αθήναι, 1965. – Σ. 287.

Частично «переодетые» топонимы обычно сразу же обращают на себя внимание и обнаруживают свое происхождение, если сохраняются документальные данные.

Один из малых островов в группе Додеканеса, или Южных Спорад, еще до сих пор на языке администрации сохраняет свое древнее название ΜΕΓΙΣΤΗ, то есть *Самый большой* (остров), но вообще он больше известен под названием, сложившимся в эпоху франкократии – Καστελλόριζο. Так же называется и его административный центр – *Кастеллоризо*. Ясно, что в этом названии скрыто какое-то словосочетание или основосложение. Его препозитом, или препонентом, без всякого сомнения, является латинское *castellum* и соответственно итальянское *castello*, обычное в средневековом слое греческого топонимикона. Оно могло обозначать всякого рода оборонительные сооружения от крепости до отдельной башни. В постпозите, или постпоненте, мы напрасно стали бы искать какой-то дериват греческого ΡΙΖΑ – корень, основание, фундамент – или новогреческого ρίζο – основание горы, предгорье. Не исключено, что так теперь склонны толковать этот постпонент местные жители, но документы сохраняют его первоначальную итальянскую форму: *Castello Rosso* (Красный замок или Красная башня). Без этого документального факта едва ли удалось бы определить первичную этимологию такого частично «переодетого» топонима²⁸.

Еще один *Красный* или даже *Кровавый замок* сохранился в горах недалеко от Ираклиона, теперешней столицы острова Крит, в селении со средневековым названием Канли Каistéλλι (теперь переименованном в Προφήτης Ηλίας по имени пророка Ильи, которое особенно часто встречается в названиях горных вершин в грекоязычных землях). В названии Канли Каistéλλι препонент – турецкое *канлы* (*кан* – кровь, *канлы* – кровавый или цвета крови), а постпонент – еще византийская уменьшительная форма от итал. *castello*=каistéλλιv.

Любопытно, что при наличии в средневековом греческом топонимиконе многочисленных κάστρα и καistéλλια итальянское уменьшительное *castelletto* в нем отсутствует.

В Канли Кастелли сохранилась византийская крепость, построенная еще во время освобождения Крита от арабов в 961 г. н. э. Эта крепость называлась ΤΕΜΕΝΟΣ (древнегр. нарицательное – священная округа, место, на котором построено святилище) или Ρόκκα Τεμένους (скала Темена), также с итальянским препонентом. Большое по масштабам острова Крит селение Αγίος Μύρων (Святой Мирон) является центром епархии Малевизио (επαρχία Μαλεβιζίου), в названии которой сохраняется венецианское *Malvesin* и соответственно итальянское *Malvicino* (*malus vicinus*) – бывшее название венецианской крепости (ее развалины в селе Керамуци)²⁹.

Топонимический «индикатор» **каistéλλ-** без всякого эпитета сохраняется и в названии горы *Кастель* возле Алушты в Крыму, указывая на существовавшую там некогда крепость³⁰.

²⁸ Τουριστικός οδηγός για την Ελλάδα, τ. Β. – Σ. 241.

²⁹ Χριστοφοράκη Ι. Μ. Κρήτη, οδηγός ταξιδιώτου. – Σ. 103-104.

³⁰ Крым. Путеводитель. – Симферополь, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. – 1914. – Изд. 3-е. – С. 236.

Даже в тех случаях, когда при наличии документальных данных этимология какого-либо названия представляется вполне ясной, исторический мотив или причина такого, а не иного наименования часто остается неопределенной. Так, название знаменитого средневекового архитектурного комплекса *Мистрас* на склонах Таигета над древней Спартой, судя по документам, из *Μυζηθράς* приняло современную форму *Μυστράς* и при этом совершенно ясно, что собственное *Μυζηθράς* произошло от нарицательного *μυζηθράς* – творожник (то есть изготовитель или продавец творога), а последнее – от *μυζήθρα* – творог³¹.

Предполагается, что *Мизитрас* – это собственное имя, от которого был образован топоним.

Таким образом, без особого преувеличения можно сказать, что ономастический материал сравнительно с прочим лексическим материалом часто представляет для исследователя значительные трудности в связи со своей относительной уникальностью, обособленностью и исторической обусловленностью, но безоговорочное обобщение относительно исключительной трудности его исследования, конечно, далеко не всегда соответствовало бы действительности. Тут важно сосредоточить свое внимание на невероятном разнообразии этого материала, на его рациональной классификации, на невозможности (спасительной для этимологических исследований!) оторвать его от всех прочих слоев лексики.

3

Изучение ономастического материала, как и всякого другого лексического материала, должно начинаться распределением его во времени и в пространстве, то есть с темпоральной и спациональной дистрибуции. Темпоральную дистрибуцию материала обычно называют его хронологией, или датировкой, различая при этом *относительную хронологию*, или *топологическую датировку*, и *безотносительную хронологию*, или *хронологическую датировку*³².

Используя греческие термины *χρόνος*, *τόπος*, *γλώττα*, *κύκλος* при классификации ономастической лексики в отношении времени, места, языка и культуры, мы дополняем созданную Ф. де Соссюром терминологию и наряду с противопоставлением (1) *синхронии* и *диахронии* вводим противопоставления: (2) *синтопии* и *диатопии*, то есть принадлежности элементов одному и тому же ареалу или разным ареалам, (3) *синглоттии* и *диаглоттии*, то есть принадлежности элементов одному и тому же языку или разным языкам, (4) *синциклии* и *диациклии*, то есть принадлежности элементов одному и тому же культурному кругу или разным культурным кругам³³.

³¹ Χατζηδάκη Μανόλη. Μυστράς. Ιστορία. Μνημεία. Τέχνη. – Αθήναι, 1956. – 2-η εκδ. – Σ. 13-14.

³² Ср.: Hoenigswald Henry M. Language Change and Linguistic reconstruction. – Chicago, 1960. – P. 112-118.

³³ Мы позволили себе использовать греческое слово *κύκλος* – круг, цикл в смысле *круг культуры*, *культурный круг*, *цикл культуры*, *культурный цикл* тем более, что в конечном счете наши слова *культура* (лат. *cultus*) и *цикл* содержат один и тот же индоевропейский корень. При этом мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что само понятие

Элементы ономастического материала могут быть: (1) синхроническими относительно друг друга, например, наши имена *Андрей* и *Александр*, города к югу от Киева *Васильков* и *Фастов*, (1а) диахроническими, например, имена *Набуходоносор* (*Nabu-Kudurri Ussur*) и *Петр* (< Πέτρος), города *Вавилон* (< Βαβυλών < *Babilû*) и *Москва*, (2) синтопическими: имена *Аристид* (< ΑΡΙΣΤΕΙΔΗΣ) и *Фемистокл* (< ΘΕΜΙΣΤΟΚΛΗΣ), города *Крюков* и *Кременчуг*, (2а) диатопическими: имена исп. *Хосэ* (< *José*) и итал. *Джузеппе* (< *Giuseppe*), города исп. *Барселона* (< *Barcelona*) и итал. *Неаполь* (< ΝΕΑΠΟΛΙΣ > *Neapolis* > *Napoli*), (3) синглотическими: имена *Святослав* и *Ярослав*, города *Красноград* и *Павлоград*, (3а) диаглотическими: имена гр. *Платон* (< ΠΛΑΤΩΝ) и лат. *Назон* (< *Naso*), города *Новгород* и *Ньюкасл* (< *Newcastle*), (4) синциклическими: имена из православного календаря *Георгий* (< Γεώργιος) и *Сергей* (*Sergius*), города *Чернигов* и *Нежин*, (4а) диациклическими: имена *Кортэс* (< *Cortés*) и *Монтесума* (< *Montezuma*), города *Веракрус* (*Veracruz*) и *Кривой Рог*.

Таким образом, первой задачей исследователя ономастического материала должно быть хронологическое, географическое, лингвистическое и циклическое расположение материала, подлежащего изучению. Иными словами, его задача заключается в соответствующих названным выше классификациях материала, насколько ему позволяют это сделать его знания и научный аппарат, которым он располагает. На эту первую задачу уже обратил внимание лингвистов-ономастов, филологов, историков (надо бы к ним прибавить и географов) известный польский топонимист Станислав Роспонд в статье «Топонимастика в исследованиях историка и языковеда»³⁴.

Отсутствие хронологических, географических, лингвистических и культурно-исторических определений или невнимание к ним лишают ономастическое исследование научной ценности. Ст. Роспонд в качестве отрицательного примера приводит классические в истории славянской филологии труды Франца Миклошича по вопросам славянской ономастики³⁵.

Если географическое определение или локализация в большинстве случаев – несложный процесс, конечно, за исключением текстов древних авторов, где могут встречаться топонимы и этнонимы без строгой локализации, то хронологическое определение при отсутствии абсолютных дат всегда представляет собой трудную задачу, для решения которой необходимо сосредоточить максимум фактов и подвергнуть их обстоятельной исторической интерпретации.

Примером неточной локализации топонимов, гидронимов и этнонимов может служить описание Скифии у Геродота, вызвавшее множество остроумных и противоречивых догадок³⁶.

культуры в исторической науке не получило еще удовлетворительного определения также, как и в археологии.

³⁴ Respond, Stanisław. Toponomastyka w badaniach historyka a językoznawcy // Prace filologiczne, tom XVIII. – Warszawa, 1963. – S.117-122.

³⁵ Miklosich, F. Die Bildung der slavischen Ortsnamen aus Personennamen. – Wien, 1860.

³⁶ Hérodote. Histoires, Livres IV, Melpomène, texte établi et traduit par H.-E. Legrand, 3-me éd. – Paris, 1960. – P. 9-45; Jacques Lacarrière. Hérodote et la découverte de la terre. – Paris, 1968. – P. 181-220.

Что касается трудности датировки ономастических элементов, то можно было бы привести целое море примеров. Но мы ограничимся ссылкой на тот факт, что основная масса ономастического материала обычно располагается «по ту сторону истории» и хронологической датировкой их оказывается первое упоминание в каком-нибудь письменном источнике. Так, абсолютной датой существования астионима *Киевъ* > *Киев*, *Kiїв* приходится считать 862 год н. э. («въ лѣто 6370»), ибо под этим годом он впервые упомянут в летописи по списку Лаврентия³⁷. Тем не менее ясно, что археологические данные позволяют предполагать существование населенного пункта на месте современного Киева задолго до указанной даты³⁸.

Трудность совмещения археологических данных с данными письменных источников заключается именно в специфике ономастического материала, содержащего как обособленный ономастический элемент (отдельное имя, отдельное название), так и некоторую совокупность ономастических элементов, которые могут обнаруживать синхронические, синтопические, синглоттические и синциклические связи.

Подходя с точки зрения формальной логики к различию содержания общих (нарицательных) и собственных имен, можно сказать, что общие обозначают роды (классы), а собственные – виды: *nomina appellativa genera designant, nomina propria – species*.

Так как родовые понятия, будучи денотатами (десигнатами, референтами) общих имен, сохраняют свое абстрактное, или идеальное, бытие, а видовые понятия (если их можно также назвать понятиями), идентифицирующие дискретные объекты, являются только лингвистическими знаками реальных, то отношение формы к содержанию не может быть одинаковым у тех и у других, то есть у генонимов и у эйдонимов. Если об общих именах, или аппеллятивных лексемах, мы можем говорить, что они представляют диалектическое единство формы и содержания (данная форма не мыслится без данного содержания и напротив – данное содержание без данной формы), то этого нельзя сказать о собственных именах. Возьмем хотя бы такой пример: мы можем написать целую историю, скажем, собственного имени *Александр*, начиная от древнегреческого композита ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ, связавши его препонент с основной глагола ΑΛΕΞΩ или ΑΛΕΚΩ, а постпонент – с именем существительным ΑΝΗΡ им. п. ед. ч. (род. п. ед. ч. – ΑΝΔΡΟΣ) и т. д., указавши на связь его с нарицательным прилагательным ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ, -ON, на его видоизменения в разных языках: лат. *Alexander*, франц. *Aléxandre*, итал. *Alessandro*, исп. *Alejandro*, русск. *Александр*, укр. *Олександр* и т. д., коснувшись его уменьшительных, или гипокористических, форм, вроде русских *Саша*, *Саня*, *Шура* и пр., но при этом не иметь в виду никого из идентифицируемых этой формой: ни Александра, сына Филиппа (356–323 до н. э.), ни Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), ни вообще какого-либо «дискретного» Александра сре-

³⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 3-е. – СПб., 1897. – С. 20.

³⁸ Ср.: Брайчевский М. Ю. Когда и как возник Киев? – К., 1964; Толочко П.П. Древний Киев. – К., 1970; Gąssowski Jerzy. Dzieje i kultura dawnych słowian (do X wieku). – Warszawa, 1964.

ди наших знакомых или близких. В данном случае «содержанием» собственного имени *Александр* будет только его *ономастическая функция*: способность быть личным собственным именем. Несколько иначе дело обстоит с топонимами, или географическими названиями. Конечно, их основным содержанием оказывается та же ономастическая функция в отношении географических (соответственно – топонимических) объектов, но диапазон их идентификации квантитативно должен быть более ограниченным, чем диапазон идентификации антропонимов, хотя и среди антропонимов встречаются уникальные имена, такие, как, например, *Владимир Ильич Ленин (Ульянов)* (1870–1924). Ясно, что когда мы говорим просто *Ленин*, мы имеем в виду именно этого человека.

Если в смысле истории «антропогенного» топонимического объекта, например, города при впадении реки Невы в Балтийское море, безразлично, называется ли он *Питербурхъ*, *Санктъ-Петербургъ*, *Санктпетербургъ*, *Петербургъ*, *Петроградъ* (от 1914 до 1917), *Петроград* (от 1917 до 1924) или *Ленинград*, то в смысле ономастического исследования здесь речь идет о трех (минимум!) различных эйдонимах с одной и той же *астионимической функцией*³⁹.

Можно сказать, что следует различать историю города на среднем Днепре, на месте теперешнего Киева, и историю *астионима Киевъ* > *Киев*, *Київ*. Учитывая особенности именно топонимического материала, мы можем при наличии в нашем распоряжении документальных фактов, касающихся наименования (номинации) или переименования (реноминации) объекта, установить абсолютную хронологию (или хронологическую датировку) ономастического элемента, что в подавляющем большинстве случаев невозможно сделать для элементов нарицательной лексики⁴⁰.

Совершенно ясно, что в исследованиях как общих, так и собственных имен нам чаще всего приходится ограничиваться относительной хронологией (топологической датировкой) на основании как собственно лингвистических, так и историко-археологических фактов.

Допустим, что мы ничего положительного не знали бы относительно абсолютной хронологии названий населенных пунктов (ойконимов) на территории теперешней Украины, основы которых содержат христианские личные собственные имена, напр.: *Амвросиевка*, *Андреевка*, *Артемовск*, *Васильевка*, *Васильков* и т. п. Как можно было бы топологически датировать эти названия?

Разумеется, мы могли бы сделать это весьма приблизительно, опираясь на абсолютную летописную дату крещения Руси: 988 год н. э., которая была бы для нас *terminus post quem*, но такое определение позволяет только противопоставить указанные названия тем немногочисленным названиям, относящимся ко времени

³⁹ Ср.: Попов А. И. Основные принципы топонимического исследования // Принципы топонимики. – М., 1964. – С. 34-44.

⁴⁰ Разумеется, здесь исключением являются, например, названия технических достижений нашего времени вроде: *телеграф*, *телефон*, *радио*, *радар*, *лазер*, *мазер*, *фотография*, *кинематограф*, *телевизор*, *транзистор* и т. п., а также названия сравнительно недавно образованных государств, политических партий, новых общественных явлений, учреждений, организаций и т. д. По большей части все эти названия абсолютно, или хронологически, датируются.

до распространения христианства в государстве восточных славян, которые засвидетельствованы в древнейших летописях, хотя можно считать, что они вместе с такими, как, например, *Апостолово*, *Богодухов*, *Богуслав*, *Вознесенск*, *Белая Церковь* (связанными с религией) составляют один цикл.

Остановимся несколько подробнее на одном из этих ойконимов: русск. *Николаев* – укр. *Миколаїв*, город и крупный речной порт при впадении реки Ингул в Южный Буг (вернее, в Бугский лиман).

Поскольку современный украинский антропоним *Микола* происходит от греческого ΝΙΚΟΛΑΟΣ через посредство первоначальной славянской формы *Николай* (русск. *Николай*, польск. *Mikołaj*) и на географических картах Российской империи до 1917 года можно найти только город *Николаевъ*, следует сделать вывод о том, что современное украинское название *Миколаїв* возникло в результате украинизации более старой (официальной) формы *Николаевъ*. Это рассуждение подтверждается тем известным из истории фактом, что нижнее течение Южного Буга до конца XVIII века не входило в круг тех земель, где был распространен украинский язык. До присоединения к Российской империи это был вилайет Едисан Османской империи.

Анализируя современный астионим *Миколаїв* на основании словообразовательной системы украинской лексики, мы видим, что это название образовано не от современного личного собственного имени *Микола*, а от прежнего *Николай* (> *Миколай), потому что относительное прилагательное от имени *Микола* будет *Миколин*, *-на*, *-не*, например, *Миколине місто*, так же, как *Алексий* > *Алексей* > *Олекса* > *Олексин*, *-на*, *-не* и т. п.⁴¹.

Наблюдения подобного рода могут указать нам на то, что названия *Николаев* – *Миколаїв* не следует ставить в один ряд с более старыми названиями восточнославянских городов, таких, как *Киев* (без даты!), *Львов* (с XIII века), *Харьков* (с XVII в.). Само собой разумеется, что все эти соображения об относительной хронологии астионима *Николаевъ* – *Миколаїв* пригодились бы в том случае, если бы не было прямого указания на то, что этот город был основан в 1788 году.

Имея перед собой такие варианты астионима, как, например, *Киевъ* – *Кієвъ* – *Киев* – *Kijów* – *Кыев* – *Kiїв*, нетрудно догадаться, что древнейшим среди них должен быть стоящий в начале ряда, потому что: 1) из него как в фонетическом, так и в орфографическом отношениях могут быть выведены все прочие стоящие за ним восточнославянские и западнославянские варианты, 2) вариант *Кієвъ* обнаруживает особенность русской орфографии прошлого века, 3) вариант *Киев* мог возникнуть только после орфографической реформы 1917 года, 4) вариант *Kijów* принадлежит польскому языку, 5) вариант *Кыев* мог встречаться только в украинских (соответственно – малороссийских) «подцензурных» текстах прошлого века, 6) вариант *Kiїв* отражает нормализованную украинскую орфографию после революционной эпохи.

В Лаврентьевском списке «Повести временных лет» мы, конечно, найдем первый вариант – *Кієвъ*.

⁴¹ Ср.: Словник власних імен людей. – К., 1961. – С. 30, 54.

На современной географической карте Украины мы видим название *Львів* (род. п. ед. числа – *Львова*). Образовано оно не от нарицательного *лев* (род. п. ед. числа – *лева*), а от собственного христианского имени *Лев* (< *Лъвъ*, род. п. – *Лъва*; *Левъ*, род. п. – *Лъва*), соответствующего гр. ΛΕΩΝ, лат. *Leo*, древневерхненем. *lêwo*, *louwo*, средневерхненем. *louwe*, *lêwe*, *leu*, средненижненем. *leuwe*, нововверхненем. *Lōwe*. Отношения латинского нарицательного *leo* (род. п. ед. ч. – *leonis*) и упомянутых германских форм остаются невыясненными⁴².

В данном случае известна и этиология (первопричина) названия: так был назван город в 1256 году в честь князя Льва Даниловича Галицкого⁴³.

Таким образом, более архаическая форма словоизменения сохранилась в русском нарицательном имени (*лев*, *лъва*) и собственном (*Лев*, *Лъва*) и в украинском собственном (*Лев*, *Лъва*), а украинское нарицательное (*лев*, *лева*) является аналогическим новообразованием. Следовательно, относительная хронология вариантов астионима *Лъвовъ*, *Лъвів*, *Lwów* не вызывает сомнения. Абсолютная хронология этих вариантов представляется в следующем виде: *Лъвовъ* (с 1256–1340), *Lwów* (1340–1772), *Lemberg* (1772–1919), снова *Lwów* (1919–1939), *Лъвів* (1939–1941), снова *Lemberg* во время нацистской оккупации 1941–1944 годов, наконец, современный укр. *Лъвів*, русск. *Лвов* с 1944 года и до настоящего времени.

Совершенно очевидно, что далеко не всегда мы располагаем документальными данными для установления абсолютной хронологии ономастических элементов, и тогда мы вынуждены распределять эти элементы, насколько нам позволяют наши знания в области языкового материала и в области политической и культурной истории, в порядке относительной хронологии, или топологической датировки. Вполне понятно, что никто не будет ограничиваться одной относительной хронологией, если есть возможность использовать безотносительную хронологию, или хронологическую датировку. Однако не следует забывать о том, что иногда так называемая абсолютная, или безотносительная, хронология может оказаться в какой-то мере неточной или требующей различных объяснений.

В таких случаях полезно сочетать указания обеих хронологий для взаимной проверки. Сошлемся на одну абсолютную дату, которая без дополнительных объяснений может оказаться далеко не абсолютной.

Общеизвестно, что 12 октября 1492 года н. э. Христофор Колумб (Christophorus Columbus, или Cristobal Colon, или Cristoforo Colombo) открыл *Четвертый материк*, или *Новый Свет*, названный впоследствии по имени Америго Веспуччи (Amerigo Vespucci, 1451 – 1512) *Америкой*. Однако название *America* получило распространение в его современном смысле не в конце XV века, а позже. В 1507 году оно появилось на географической карте немецкого

⁴² В этимологическом словаре F.Kluge und A.Götze (Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 16-e Auflage, Berlin, 1953, S.462) допускается существование готского *liwa, от которого могло происходить старослав. *лъвъ* (Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II, с.471-472).

⁴³ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории, т. II, вып. 1. – М., 1939. – С. 40-41; Пашук А., Деркач І. Львів. Короткий ілюстрований путівник. – Львів, 1961. – С. 5.

картографа Вальдсеємюллера (Waldseemüller) для обозначения восточного побережья Южной Америки, и лишь в 1538 году знаменитый фламандский картограф Меркатор (Mercator, или Gerhard Kremer, 1512–1594) распространил название *America* на изданной им карте на все три «Америки»: Северную, Центральную, или Среднюю, и Южную. Следовательно, первая оговорка, которую надо сделать для вышеуказанной абсолютной даты, примерно такая: считается, что в 1492 году Христофор Колумб открыл ту часть света, которую только через 32 года после его смерти впервые назвали *Америкой*.

Другая оговорка относительно этой абсолютной даты может быть сформулирована следующим образом: 12 октября 1492 года Колумб ступил на островок *Guanahani* (затем *San Salvador*, а теперь еще *Watling*) в довольно обширном архипелаге Багамских (Bahamas) островов. На обратном пути он открыл для испанцев два крупнейших острова в архипелаге Больших Антильских островов: Кубу и Эспаньолу (*Española*, Haïti). Во всяком случае – это «дальние подступы» к Америке, но еще не сама Америка в нашем современном представлении. Сам Колумб, как известно, мечтал лишь о том, чтобы открыть кратчайший (по его представлению) западный морской путь в Индию и умер в убеждении, что действительно открыл его.

Его младший соперник португалец Васко да Гама (Vasco da Gama, 1469–1524) во время своего плаванья в 1497–1498 годах достиг Малабарского берега Индостана и, таким образом, открыл в то время кратчайший восточный морской путь из Европы в Индию вокруг Африканского континента.

Во время своего второго плаванья Колумб открыл Малые Антильские острова (*Pequeñas Antillas*), а также крупные острова Пуэрто-Рико (Puerto Rico) и Ямайку (Jamaica), но и это была еще не Америка в нашем понимании.

Итальянские соперники Колумба Джованни и Себастьяно Кабото (отец – пригл. 1455–1498, сын – 1474–1557), бывшие на службе у английского короля Генриха VII Тюдора, по праву могут считаться открывателями Северной Америки, во всяком случае, полуострова Лабрадор и Новооткрытой Земли (Labrador, Newfoundland, 1497).

Во время своих последующих плаваний (1498–1500, 1502–1504) Колумб открыл остров Троицы (Trinidad, 1498), устье южноамериканской реки Ориноко (Orinoco, 1500) и проплыл вдоль берегов той центральноамериканской страны, которую стали называть *Глубинами* (Honduras, 1502–1504), при этом его нога так и не ступила ни разу на материк Америки. Честь действительного открытия Америки для испанцев могли бы оспаривать у Колумба «прославленные» своими жадностью и жестокостью испанские конкистадоры и среди них, например, Васко Нуньес де Бальбоа (пригл. 1475–1517), в 1513 году пересекший со своими спутниками Панамский перешеек и первым из испанцев увидевший *Южное море*, или Тихий Океан (29.IX 1513). Так обстоит дело с одной из самых абсолютных дат в начале новой истории человечества⁴⁴.

⁴⁴ Как теперь уже доказано археологически, Христофор Колумб и его спутники так же, как Дж. и С. Кабото, не были первыми европейцами, ступившими на землю Америки (см., напр.: Х. Ингстад. По следам Лейва Счастливого, Ленинград, 1969).

На современной крупномасштабной карте УССР (например, 1 : 3 000 000) не так уже много географических названий тюркского происхождения (исключая Крымскую область), и все-таки они являются бесспорным свидетельством пребывания тюркских племен на территории Украины. По мере «умельчения» масштаба количество тюркских топонимов возрастает.

На запад от г. Никополя, недалеко от северного берега нынешнего Каховского водохранилища, расположен знаменитый своими курганами населенный пункт *Чертомлык*.

В закрепленной на карте форме трудно различить сильно видоизмененную первичную татарскую форму этого названия: *Чуртанлык* (обильное жуками место), ср. современное казанско-татарское *чуртан* (жука)⁴⁵.

В северо-западном углу Азовского моря, между островом Бирючим и материковым берегом, протянулся обширный *Утлюкский* лиман. Его название гораздо более прозрачно сравнительно с названием *Чертомлык*: очевидно, что первоначальная его форма была *Отлук* (место, заросшее травой), ср. турецкое *otluk*. Действительно, это место и ныне изобилует морской травой «камкой» (местное название), или зостерой, которую там добывают с промышленной целью (прекрасная набивка для тюфяков и подушек). Хотя *Чертомлык* < *Чуртанлык* (*Чуртандык) и *Утлюк* < *Отлук* (ср. татар. *Утлавык*, *Утлау* – пастбище, выгон), очевидно, принадлежат разным слоям тюркоязычных топонимов на Украине, в них наглядно выделяется один и тот же топонимический суффикс: **-лык-, -лик-, -лук-, -люк-** (с сингармонизмом, или гармонией гласных).

На карте более мелкого масштаба (1 : 2 500 000) можно рассмотреть между Шполой и Смелой населенный пункт и речку с характерным тюркским названием *Ташлык* (Каменистая)⁴⁶.

На той же карте (Д–10) мы увидим еще один топоним (соответственно – гидроним и ойконим) с тем же тюркоязычным суффиксом: *Кагарлык*. Если предыдущие три топонима относительно легко этимологизируются и обнаруживают бесспорную связь с нарицательной лексикой, в этом случае дело обстоит несколько иначе. Очевидно, первоначальный смысл названия был не *снежник* (ср. *кар* – снег, *карлы* – снежный, снеговой), не связанный с каким-либо генонимом, а, напротив, в основе этого топонима лежал известный из истории тюркских племен этноним *Кагарлык* – *Кагарлук* – *Карлук*⁴⁷.

Выше мы уже упоминали о речках *Балакле* (Рыбной) и *Чичикле* (Цветочной)⁴⁸. Их этимология настолько прозрачна, что ее не затемнила даже адаптация (превращение притяжательного суффикса **-лы-, -ли-, -лу-, -лю-** в **-лея** и т. п.) в пределах восточнославянских названий рек (потамонимикона).

⁴⁵ Татарско-русский словарь. – М., 1966. – С. 642.

⁴⁶ Атлас Мира. – М., 1954. – 41-42, Д-11.

⁴⁷ См.: Татарско-русский словарь, стр. 235; Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков, изд. 2-е. – М., 1969. – С. 358 («карлукско-уйгурская подгруппа карлукской группы языков») и С. 298–313.

⁴⁸ Атлас Мира. 41-42, Д-11; 41-42, Ж-11.

Напротив, такого же типа название правого притока реки Ингула *Громокля*⁴⁹ остается довольно загадочным, и мы позволим в отношении его ограничиться только рабочей гипотезой.

При наличии уже упомянутых *Балаклеи* и *Чичиклеи* в названии *Громокля*, очевидно, также следует искать затемненную (возможно, в результате парэтимологического сближения с восточнославянской основой *громо* < *грам*) тюркскую основу. Если правильна наша догадка, этой тюркской основой может оказаться *Кармаклы < *кармак* – рыболовный крючок, удочка, *кармаклы* – удильный, рыболовный, рыбачий⁵⁰.

В таком случае напрашивается сравнение с довольно многочисленными тюркоязычными гидронимами с основой **балык-** и ее производными, напр.: *Балыгычан* (река, 76–77, 3–16)⁵¹, *Балык* (озера, 185–186, Г–19; 185–186, Б–12), *Балыклей* (река, 35–36, К–9, ср. Ж–6), *Балыклы* (38–39, К–8; 49, В–4; 187, И–8; 51, Б–2), *Балыклыдере* (река, 187, И–7; 187; И–7; 187, К–9), *Балыклыкуль* (н. п., 38–39, К–8), *Балыктыколь* (озеро, 66, Д–5), *Балыклычешме* (н. п., 187, В–6), *Былыксу* (река, 69, Г–7), *Балыкчай* (река, 182–183, Б–7), *Балыкчи* (н. п., 61–62, Д–8), *Балыкиши* (н. п., 61–62, В–7; 53–54, Г–3).

Наконец, еще один тюркизм на территории Украины, о котором мы здесь упомянем, – это название города ниже Кременчугского моря на Днепре *Кременчуг*⁵². *Первичная основа этого ойконима устанавливается без особого труда. В словаре В. В. Радлова она значитсся в форме кәрмән (соответственно – керман или кермен). Сохранилась она на обширной территории в различных ойконимах*⁵³.

В. В. Радлов языковую принадлежность названной нарицательной лексемы определил пометками: «джагатайский книжный язык» и «команское наречие»⁵⁴, а смысловое значение ее: «(2) крепость, город – die Festung, Stadt».

Очевидно, здесь мы имеем дело с одним из древних тюркизмов, которые часто встречаются на территории теперешней Крымской области УССР⁵⁵. Там он выступает в форме основы ее производных: *Керман*, *Кермен*, *Кермен-Кая*, *Керменчик*, *Инкерман*, *Алмакермен*, *Бейкырман*, *Карасан-Кермен*, *Кременчик-Керменчик*, *Кырман-Керман*, *Саркерман*, или *Сары-керман* (развалины Херсонеса), *Сарысан-Кермен* (*Сапсары-?), *Феркерман* (на Перекопе), *Эскермен*, или *Эскикермен*.

⁴⁹ Там же, 41–42, Ж–12.

⁵⁰ Татарско-русский словарь, с. 235.

⁵¹ Примеры даны по «Атласу мира».

⁵² Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1899. – Т. 2. – С. 1108.

⁵³ Атлас Мира, 41–42, Д–13.

⁵⁴ По классификации проф. Н. А. Баскакова («Введение в изучение тюркских языков»), они относятся к древним языкам западнохуннской ветви и являются представителями двух групп – *кыпчакской* (III, 1) и *карлукской* (VI, 3, 4); эта же основа в халха-монгольском: *хэрэм* (II) – крепость, крепостная стена (Краткий монгольско-русский словарь / составил А. Р. Ринчине, под ред. проф. Г. Д. Санжеева. – М., 1947. – С. 285).

⁵⁵ См.: Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических. – СПб., 1837.

На Южном берегу Крыма «*керменам*» и «*керменджикам*» соответствовали многочисленные «*ысары*» (согласно обычной орфографии – «*исар*») и «*ысарджыки*»⁵⁶.

Многие ойконимы с основой *кермен* к нашему времени утратили ее, например, известный еще из древнегреческих надписей город *Тирас* на одноименной реке (теперь – на Днестре), названный восточными славянами *Белгородом*, у турок получил название *Аккерман* (= *Белгород*), у молдаван и у румын *Cetatea Albă*, теперь – *Белгород Днестровский*⁵⁷.

Еще в конце XI века город Киев наряду со своим древним названием имел еще и татарское – *Манкермен*, которое легко восстанавливается на основании сообщения венецианского посла Амброзио Контарини⁵⁸. Препонентом в названии *Манкермен*, очевидно, является слово *ман* (1) – плетень, забор, огороженное место – *der Zaun, der eingezäunte Platz*⁵⁹.

Если учесть, что Киев в то время, действительно, был окружен глинобитными стенами с деревянным каркасом, можно понять первоначальный смысл этого тюркского названия. У В. В. Радлова его языковая принадлежность определяется как «лебединское наречие» и «наречие черневых татар». Ссылка на эти наречия ведет нас на Алтай⁶⁰.

Если взглянуть на карту евразийского континента, то легко заметить, что названия (ойконимы) с основой *кермен* ~ *керман* рассеяны даже и в настоящее время на огромной территории от Ирана на востоке до Болгарии на западе⁶¹.

Наш среднеднепровский астионим *Кременчуг*, восходящий к какой-то первичной форме, вроде *Керменджик*, с точки зрения тюркского словообразования является уменьшительной формой по отношению к основной форме *Кермен*.

Почему именно сохранилось такое тюркоязычное название и в такой именно форме, мы не беремся здесь объяснить, укажем лишь на то, что среди тюркоязычных топонимов на Украине имеются и другие названия с этим же суффиксом *-джык-, -джик-, -джук-, -джюк-, -чик-, -чук-, -чюк-*.

Во многих областях РСФСР встречаются реки с названием *Елань*⁶².

⁵⁶ В турецком *hisar* (арабское) – крепость, укрепление; форт; стена вокруг города; *hisar içi* – цитадель (Турецко-русский словарь / составил Д. А. Магазаник, под ред. проф. В. А. Гордлевского, изд. 2-е. – М., 1954).

⁵⁷ *Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum... iterum edidit Basilus Latyshev, Petropoli, MCMXVI, Tyras et vicinia.*

⁵⁸ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. – Л., 1971. – С. 188 и 211.

⁵⁹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. 2, с. 2015.

⁶⁰ См.: Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков (Востоchnоxуннская ветвь тюркских языков (алтайский: куу-кижи, или лебединцы, и тубалары, или черневые татары), с. 354.

⁶¹ См.: Атлас Мира, 179–180, Е–7 (Керман); 179–180, Г–2; 182–183, Е–6 (Керманшах); 129–130, 3–15; 134, Г–9 (Кермен).

⁶² Там же, 32–33, Е–14 (бассейн Волги); 35–36, 3–7 (бассейн Медведицы); 35–36, 3–5 (бассейн Хопра); не упоминаем о других объектах с тем же (формально) названием.

Мы не знаем, какие из них своим происхождением обязаны татарскому (соответственно – вообще тюркскому) нарицательному *елан* (змея)⁶³. Предположим, однако, что таково происхождение двух рек на Украине⁶⁴: *Мокрый Еланчик* и *Сухой Еланчик*⁶⁵.

По-видимому, эти *реки-змейки* обнаруживают тот же суффикс. Хотя астионим *Кременчуг* появляется в документах только начиная с XVII века, он, несомненно, относится к более ранним временам. Когда возникает вопрос об относительной хронологии такого слоя ономастической лексики, прежде всего следует обратить внимание на то, что иноязычные эйдонимы вообще и топонимы в частности бывают более или менее видоизменены как устной, так и письменной передачей. Необходимо для каждого такого слоя изучить особенности его адаптации – как фонетической, так и морфологической.

Здесь мы рассмотрели несколько наименее адаптированных топонимов (кроме *Чертомлыка* и *Громоклеи*).

Известно, например, что при адаптации лексических элементов «восточного» происхождения в восточнославянских языках в начальный период их письменной фиксации в результате диссимилиации сонорных [м] в абсолютном начале слов осуществлялся переход [м] > [б], например: *бахрома* > [махрама], *Бахмить* (летописное) < *Мехмет* < *Мухаммед*, *бусурман*, *басурман*, *бесермен* < (через другие формы) < *мюсюман* (*мюслим*) и т. п.⁶⁶.

Этот же переход [м] > [б] наблюдается в тюркоязычных топонимах, напр.: речка *Бахмут* (правый приток Сев. Донца) из *Махмуд, такой же н. п. в Молдавской ССР (еще – н. п. *Бахмутовка*)⁶⁷.

Однако можно предполагать, что диссимилиация [м] > [б] произошла еще на почве тюркских языков. Но и в этом случае топонимы с такой диссимилиацией относятся, конечно, к слою, который должен считаться достаточно древним и существование которого фактически должно было предшествовать его письменной фиксации, опережая ее на несколько веков. Исследователи древних письменных памятников полагают, что в восточнославянских языках можно установить слой тюркизмов, относящийся к эпохе до татаро-монгольского нашествия⁶⁸.

С этим слоем могли быть связаны и топонимические элементы, рассеянные преимущественно на юге обширной территории восточнославянских племен. Однако вполне правдоподобно и то, что основная масса тюркоязычных топонимов не нашла себе письменной фиксации в документах, сохранившихся до нашего времени, и была вытеснена славяноязычными топонимами либо дотюркской эпохи, либо того времени, когда тюркский языковой фактор на восточнославянской

⁶³ Татарско-русский словарь, с. 145 (елан).

⁶⁴ Дальше мы увидим, что это предположение придется отбросить.

⁶⁵ Атлас Мира, 43, В–3; 41–42, Ж–18.

⁶⁶ Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка, т. 1, стр. 137, 136–137, 132–133.

⁶⁷ Атлас Мира, 43, Б–3; 45, В–3; 43, Б–4.

⁶⁸ См.: Якубинский Л. П. История древнерусского языка, с предисловием и под редакцией акад. В.В.Виноградова, примечания – проф. П.С.Кузнецова. – М., 1953. – С. 346–350.

территории уже утратил свое значение. Разумеется, чем ближе мы подходим к нашему времени и чем более массовым оказывается изучаемый нами материал, тем легче нам бывает датировать его. Встречаясь, например, с личными собственными именами, популярными в первые послереволюционные годы, а отчасти и до Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, вроде *Вилен* (< Владимир Ильич Ленин), *Владлен* (< Владимир Ленин), *Мая* (< Первое мая), *Октябрина* (< Октябрьская революция), *Радий* (< радий), *Рем* (< Революция + Электрификация + Металлургия), *Сталина* (< И. В. Сталин), *Свет* (< свет), *Тракторина* (< трактор), *Электрон* (< электрон, электроника) и т. п., мы, естественно, не испытываем ни малейших трудностей в их датировке.

Рассматривая карту совхозов Украины, мы также без труда можем датировать их по названиям, например, «*Заря Коммунизма*», «*Коммунар*», «*Передовик*», «*Пролетарский*», «*Революционер*», «*Красный Маяк*», «*Красный Чабан*» и т. д.⁶⁹.

Само собой разумеется, что топологическая датировка ономастической лексики становится возможной постольку, поскольку оказывается возможной такая же датировка апеллятивной лексики и, напротив, хронологическая датировка ономастических элементов во многих случаях является более определенной, чем такая же датировка нарицательных элементов.

4

Как уже отмечалось, ономастический материал фиксируется как в устной, так и в письменной традициях. Устную традицию этого материала обычно изучают диалектологи и этнографы, но в последнее время за изучение этого материала берутся и более узкие специалисты, каковыми являются собственно ономасты разных направлений, преимущественно топонимисты и антропонимисты, принимающие планомерные экспедиции. В настоящее время существуют уже «полевые» и «кабинетные» ономасты. Конечно, устная традиция оказывается в первую очередь достоянием «полевых» ономастов (главным образом, топонимистов). Письменную традицию изучают представители различных гуманитарных наук: историки, этнографы, языковеды и те же ономасты, которые должны интересоваться этим материалом прежде всего для установления закономерностей его развития.

Понятно, что ономастическое исследование далеко не всегда имеет своей целью установление этимологии изучаемых эйдонимов, но мы здесь имеем в виду именно те исследования, конечной целью которых является установление генетических связей.

Примером ономастических исследований, не ставящих перед собой этимологических задач, могут служить довольно многочисленные в последнее время статистические исследования ономастического материала. Цель «Статистического исследования топонимии острова Пасхи» определяется его автором А. А. Коскиным следующим образом: «Предлагаемое статистическое исследо-

⁶⁹ Атлас Украинской ССР и Молдавской ССР. – М., 1962. 67–68.

вание топонимии острова Пасхи имеет целью установить, с каких островов Полинезии прибыли жители этого острова»⁷⁰.

Этимологических целей не преследуют также исследования, основной задачей которых является та или иная классификация ономастического материала⁷¹, если, разумеется, в них не идет речи о собственно глоттографической классификации, то есть об установлении языковой принадлежности или языкового происхождения классифицируемого материала.

Если речь идет об ономастическом материале, обнаруженном в письменных источниках, необходимым условием его собственно лингвистического исследования является тщательная филологическая проверка – палеографическая, текстологическая, историко-литературная и т. п. – как самого ономастического элемента, подлежащего исследованию, так и всего контекста, в котором он выступает. На это необходимое условие вполне основательно указал Станислав Ропсонд в уже цитированной выше статье «*Toponomastyka w badaniach historyka a językoznawcy*».

Возьмем один из неисчерпаемых примеров «отца истории»: среди этнонимов Скифии несколько раз упоминается нелепый по своему названию для грекоязычных читателей этнос: ΑΛΑΖΩΝΕΣ, ΑΛΑΖΟΝΕΣ, ΑΛΙΖΩΝΕΣ – *алазоны*, *ализоны*, или, может быть, *гализоны*⁷².

На первый взгляд, все эти варианты одного из варварских этнонимов не могут дать ничего положительного для истории древнего Причерноморья.

Согласно Геродоту (IV, 17), *алазоны*, или *ализоны*, так же, как *каллиппиды*, ближайшие к *бористенеитам* племена, были оседлыми, вели образ жизни, во всем похожий на образ жизни скифов (разумеется, также оседлых), сеяли пшеницу и сами ели пшеничный хлеб, выращивали чеснок, чечевицу, просо (IV, 17). Их страна была расположена возле того места, где реки Тирес и Гипанис наиболее сближаются (IV, 52). Так как первая из них соответствует нынешнему Днестру, а вторая – Южному Бугу, то приблизительно это место можно определить, как находившееся где-то на юге Подольской возвышенности. Но вполне понятно, что

⁷⁰ Коскинен А. А. Статистическое исследование топонимии острова Пасхи // Топонимика Востока. Исследования и материалы. – М., 1969. – С. 202-205.

⁷¹ Об этих исследованиях см.: Топонимика Востока. Новые исследования. – М., 1964 (статьи: А. П. Дульзон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения; Э. Г. Беккер. Селькупская топонимия Томской области (РСФСР); Э. М. Мурзаев. Монгольские топонимы в Курдистане; В. Д. Беленькая. Айнские топонимы в Японии); Топонимика Востока. Новые исследования. – М., 1969 (статьи: А. Л. Хромов. Согдийская топонимия верховьев Зеравшана; В. И. Савина. Типы гюркских топонимов в Иране; Э. Г. Беккер. Южносамодийские гидронимы Томской области; Р. А. Агеева. Топонимия португальского происхождения в Анголе и Мозамбике); В. Н. Топоров, К проблеме классификации в топонимии // Исследования по структурной типологии. – М., 1963. – С. 226-231.

⁷² J. Enoch Powell. A Lexicon to Herodotus. – Cambridge, 1938 (рекомендует чтение: Αλιζώνες); Ph.-E. Legrand. Hérodote, Histoires, Livre IV, 3-e ed.. – Paris, 1960. – IV, 17, 52 (дает чтение: Αλαζώνες).

эта локализация, как и многие другие, основанные на толковании текста четвертой книги Геродота, не может претендовать на неоспоримость.

Так как алазоны, или ализоны, названы рядом с калиппидами, которые были настолько близки к эллинам, что Геродот назвал их ΕΛΛΗΝΟΣΚΥΘΑΙ, или ΕΛΛΗΝΕΣ ΣΚΥΘΑΙ (IV, 17), а следующий за ализонами этнос у него ΣΚΥΘΑΙ ΑΡΟΤΗΡΕΣ, то есть *скифы-пахари*, или *скифы-пугари*, можно считать, что речь у него шла не об *автонимах*, а о так называемых *ксенонимах*, то есть не о самоназваниях, а о названиях, присваиваемых племенам другими племенами.

Если ΚΑΛΛΙΠΠΙΔΑΙ – этноним, то между ним и древнегреческими антропонимами ΚΑΛΛΙΠΠΗ, ΚΑΛΛΙΠΠΙΑΝΟΣ, ΚΑΛΛΙΠΠΙΔΗΣ, ΚΑΛΛΙΠΠΙΔΙΑΝΟΣ, ΚΑΛΛΙΠΠΙΝΗ, ΚΑΛΛΙΠΠΙΩΝ, ΚΑΛΛΙΠΠΟΣ и другими подобными должна была существовать непосредственная связь⁷³.

Этноним *калиппиды*, если он возник из греческого нарицательного композита, понимался современниками Геродота как *доброконные, что могло характеризовать представителей этого племени как хороших коневодов. Таковы же у Геродота описательные ксенонимы, вроде ΣΚΥΘΑΙ ΓΕΩΡΓΟΙ (IV, 18 и др.), ΣΚΥΘΑΙ ΟΙ ΝΟΜΑΔΕΣ (IV, 11 и др.), ΣΚΥΘΑΙ ΒΑΣΙΛΗΙΟΙ (IV, 20 и др.), ΑΝΔΡΟΦΑΓΟΙ (IV, 18 и др.), ΜΕΛΑΓΧΛΑΙΝΟΙ (IV, 20 и др.).

Естественно задать вопрос, не относятся ли к этим описательным ксенонимам и названные алазоны – ализоны? Если принять чтение ΑΛΑΖΩΝΕΣ (IV, 17 и 52), то в нарицательном смысле это будет что-то вроде нашего *хвастуны*, *болтуны*. Тут, однако, возникает известная филологическая апория: было ли собственное ΑΛΑΖΩΝΕΣ образовано от нарицательного ἀλαζώνες, или, напротив, нарицательное образовано от собственного? Например, союз восточногерманских племен, известный в исторической науке под названием *вандалов* (Vandali, Vandili), настолько прославился разрушениями в Северной Африке (429–534 н. э.), что слово *вандалы* стало в европейских языках нарицательным для обозначения уничтожающих культурные ценности и от него было произведено существительное *вандализм*. Подобную же связь Дж. Бонфанте усмотрел между предполагаемым названием какого-то фракийского племени и греческим нарицательным ἀλαζών – хвастун, болтун⁷⁴.

Когда в «Списке кораблей» (II, 484–877) перечисляются союзники троянцев, среди прочих называются предводители *гализонов* Одиос и Эпистрофос, прибывшие из далекой Алибы, где находится месторождение серебра: «...Αὐτὰρ Ἀλιζώνων Ὀδῖος καὶ Ἐπίστροφος ἦρχον τηλόθεν ἐξ Ἀλύβης, ὅθεν ἀργύρου ἐστὶ γενέθλη» (II, 856–857).

Гай Плиний Секунд Старший (V, 143) в описании северо-западной части Малой Азии подчеркивает нарицательный смысл этого этнонима: «hos Homerus

⁷³ Имена взяты из словаря W. Pape und G. E. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, 3-e Auflage, Braunschweig, 1911.

⁷⁴ Такую точку зрения одобряет и автор нового этимологического словаря Pierre Chantraine (Dictionnaire etymologique de la langue grecque, Histoires des mots, tome I, A – Δ, Paris, 1968, p. 53). Довольно широкая словообразовательная «радиация» этой основы уже в V веке до н. э. указывает, вероятно, на то, что «фокус» этой «радиации» уже задолго до того времени существовал в греческой лексике.

Halizonas dixit, quando praecingitur gens mari». В другом месте (VI, 29) он упоминает об Алазоне – реке в Армении. У авторов эллинистическо-римской эпохи встречаются поэтические эпитеты ΑΛΙΖΩΝΟΣ – опоясанный морем и ΑΛΙΖΩΙΟΣ – живущий морем или живущий у моря⁷⁵.

У древних лексикографов (например, у Гесихия) была тенденция этимологизировать нарицательное ΑΛΑΖΩΝ на основе глагола ΑΛΑΣΘΑΙ (= ΠΛΑΝΑΣΘΑΙ – блуждать) и существительного ΑΛΗ (= ΠΛΑΝΗ – блуждание). В связи со всем этим важно было бы выяснить, заимствовал ли Геродот гализонов у Гомера и перенес их так, как перенесли мифических амазон из Малой Азии в Северное Причерноморье, или он, независимо от Гомера, имел в виду передать средствами греческого языка какой-то этноним – *алазоны*.

Следует учесть, что историческое сочинение Геродота дошло до нас в основном в рукописных списках (пергаменных кодексах) X– XIV веков. В кодексе Vaticanus 2369 (XI–XII веков) читается ΑΛΑΖΩΝΕΣ, в кодексах Laurentianus LXX,3 (X века), Passioneus vel Angelicanus (XI века), Conventi soppressi 207 (часть – XI века и часть – XV века), Parisinus 1633 (XIV века) читается ΑΛΑΖΩΝΕΣ, в кодексах Vaticanus vel Romanus 123 (XIV века), Sancroftianus (XIV века), Vindobonensis LXXXV (XIV века) читается ΑΛΙΖΩΝΕΣ или (h) ΑΛΙΖΩΝΕΣ. Чтение ΑΛΑΖΩΝΕΣ едва ли может считаться безупречным, хотя оно сохранилось в наиболее древнем кодексе. По иронии судьбы в папирусных отрывках сочинения Геродота до сих пор не было обнаружено четвертой книги⁷⁶.

Это чтение, очевидно, ошибочно ставит ΑΛΑΖΩΝΕΣ – ἄλαζόνες в один ряд с ἀπατεῶνες – обманщики (ср. ἀπάτη – обман, ἀπατᾶν – обманывать). Другое чтение ΑΛΑΖΩΝΕΣ, не отличаясь от нарицательного ἄλαζόνες, ставит этот этноним в один ряд с некоторыми известными из других источников этнонимами, вроде ΑΜΑΖΩΝΕΣ, ΛΑΙΣΤΡΥΓΩΝΕΣ, ΜΑΚΕΔΩΝΕΣ, ΠΑΦΛΑΓΩΝΕΣ. Такое чтение как будто говорит в пользу гипотезы о производстве нарицательного ἄλαζών от предполагаемого этнонима ΑΛΑΖΩΝ – ΑΛΑΖΩΝΕΣ.

Словообразовательный суффикс -ΩΝ, -ΩΝΟΣ и т. д. (или без ударения) употреблялся для nomina agentium, напр.: ΑΡΗΓΩ – помогаю, ΑΡΗΓΩΝ – помощник; ΟΛΟΛΥΖΩ (=ΥΤΤΩ) – кричу, ΟΛΟΛΥΖΩΝ – крикун (название животного); ΤΡΥΖΩ – воркую, ΤΡΥΓΩΝ – горлица (дикий голубь); ΣΤΕΦΩ – окружаю, венчаю, ΣΤΕΦΩΝ – вершина; ΕΦΑΓΩΝ – съел, ΦΑΓΩΝ – челюсть и (папокситон) – объедало, обжора⁷⁷.

Если для нарицательного ἄλαζών не признавать связи с глоссой Гесихия ἄλαζα – αἰσχρά, то надо было бы предположить существование нигде не засвидетельствованного глагола *ΑΛΑΖΩ. В противном случае это нарицательное, действительно, остается «непрозрачным» в греческом словообразовании.

С чтением ΑΛΙΖΩΝΕΣ, как видно, не все обстоит благополучно, потому что в современных изданиях оно несколько отличается от гомеровского (h)ΑΛΙΖΩΝΕΣ.

⁷⁵ Lidde11 and Scott. Greek-English Lexicon, v. I, Oxford, (1948), p. 65.

⁷⁶ Herodote. Introduction... par Ph.-E. Legrand, p. 183–184.

⁷⁷ Schwyzler Eduard. Griechische Grammatik, 2-e Auflage, 1 Band. – München, 1953. – S. 486-487.

Это последнее в отношении его образования можно понимать различно. Препонентом в этом композите должна быть композиционная форма древнегреческого (h)H (h)AΛΣ – море (в отличие от (h)O (h)AΛΣ – соль): AΛIKAYCTOΣ – заливаемый морем, AΛIKTYΠOΣ – избиваемый морем, AΛΠAΓKTOΣ – странствующий в море, AΛΠAAKTOΣ – о который плещется море, AΛΠAOOΣ – погруженный в море, AΛΠAΩOΣ – плавающий в море, AΛICTONOΣ – стенающий от моря и т. п. Если бы постпонент этого AΛIZΩNEΣ был производным от ZΩNNYNAI – опоясывать (ZΩNH – пояс), то можно было бы предполагать для него форму *(η) AΛIZΩNOI – опоясанные морем.

Форма AΛIZΩNEΣ объясняется с большей степенью вероятности как *AΛIZAONEΣ > *AΛIZΩNEΣ (то есть с постпонентом от основы ZHN – жить) – живущие морем или живущие у моря.

Во всех ее пониманиях она мало подходит для обозначения какого-то племени, обитавшего, судя по словам Геродота, не возле моря, а в глубине материка.

Таким образом, рассмотрение и предварительное изучение всех вариантов древнего этнонима – алазоны, ализоны, гализоны – приводит нас к выводу о том, что у Геродота, скорее всего, могла быть форма AΛAZONEΣ, аналогичная нарицательной ἀλαζόνες. Правда, среди названий племен у самого Геродота с таким предполагаемым этнонимическим суффиксом можно упомянуть только мифические этнонимы AMAZONEΣ, IΣΣHΔONEΣ и исторические MAKEΔONEΣ, ΠAΦAΓONEΣ. Из них два последних как будто обнаруживают какую-то связь с нарицательными μακεδνός = μακρός, ὑψηλός (длинный, высокий) и παφλάζειν = βράζειν, ἀνάζειν, καχλάζειν (кипеть, бурлить, клекотать). В данном случае ни собственно филологические, ни чисто лингвистические приемы исследования не могут дать больше, чем было показано выше.

Насколько опасно ономасту обходиться без консультации филолога, можно видеть на примере одного арабского названия Черного и Азовского морей. У средневековых географов, писавших по-арабски, это название читалось как *Нитас* или *Нитаиш*. Однако такое чтение было результатом недоразумения, связанного с особенностями арабского шрифта, в котором многие буквы отличаются друг от друга только различительными (диакритическими) надстрочными и подстрочными точками. Если писали без различительных точек (это очень затрудняет чтение!) и без «харакатов» (надстрочных и подстрочных значков для гласных), при беглом чтении могло возникнуть много недоразумений и всяких ошибок.

Таким образом, написанное без всяких различительных знаков

 читали как [ниташ] или нитас] –

вместо первоначального и правильного бунтус;

то есть арабизированной формы греческого ΠΟΝΤΟΣ⁷⁸.

⁷⁸ Этой филологической деталью мы обязаны В. М. Бейлису, историку-арабисту (см. его «Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв.» –

Если в прошлом столетии совершенно обычным явлением было совмещение в одном лице филолога и лингвиста, историка и филолога, филолога и этнографа и т. п., то для нашего времени характерна более узкая специализация, из-за которой приходится выдвигать требование о желательности и даже необходимости координации исследований историков, археологов, филологов, этнографов, лингвистов вообще и в частности ономастов, потому что от этой координации могут зависеть положительные результаты в каждой из названных наук, и в частности в области ономастики.

5

Наряду с датировкой, локализацией и историко-филологической проверкой ономастического материала следующей важной процедурой его обработки может явиться его статистическое изучение и применение к нему тех процедур, или собственно исследовательских приемов, которые могут быть объединены под общим названием количественных (квантитативных) или даже математических. Среди общей массы ономастического материала наиболее удобным для статистической обработки оказывается, конечно, топонимический материал, который к тому же подвергается картографированию. Следующим за топонимическим материалом в отношении удобства статистической и картографической обработок надо признать тот вид *койнонимов*⁷⁹, которые мы обозначаем ярлычком *микройнонимы* и которые охватывают имена родов и семейств и после введения регистрации, или записей актов гражданского состояния, стали называться семейными именами, или фамилиями.

Конечно, при наличии разорванных ареалов и диаспоры некоторых этносов, не говоря уже о картографировании, может идти речь и о статистической обработке, но в программе этимологических исследований она оказывается не очень перспективной. Социологический интерес могут представлять картографирование и статистика личных собственных имен – антропонимов, равно как и хронологическое их определение. Мы далеки здесь от того, чтобы излагать даже в самых общих чертах основы лингвистической статистики применительно к ономастическому материалу, но и не склонны отрицать ее возможной пользы.

Прежде всего, если у нас есть возможность рассматривать какой-то вид ономастического материала как «статистическую массу», мы подходим к нему либо синтетически, либо аналитически, либо совмещаем оба подхода.

При синтетическом подходе элементы рассматриваются как нефрагментируемые и нечленимые величины, в их полной целости и сохранности, то есть как

В сб.: «Ближний и Средний Восток», М., 1962, с. 21–28. Аннотация этой статьи имеется в «Byzantinoslavica», 1963, № 1).

⁷⁹ Определение понятия *койноним* дается в третьей части нашего очерка «Теоретические проблемы койнонимии». Здесь мы пока ограничимся замечанием о том, что койнонимы составляют особый класс лексики, можно сказать, переходный, или промежуточный, между генонимами и эйдонимами. К нему относятся как названия семейств и родов, так и исконных жителей каких-либо местностей и всяких этнических групп, начиная от первобытных племен и кончая современными нациями.

массивные, а не структурные. В таком случае все они, вместе взятые, составляют некоторый набор, но не систему. Такие элементы мы называем интегральными, например, личное собственное имя *Иван* в современном русском антропонимиконе или название реки *Сан* среди названий прочих рек Украины.

При аналитическом подходе элементы рассматриваются как фрагментируемые или сегментируемые величины, как фиктивно членимые или парадигматически членимые.

Фиктивным членением, или фрагментацией, мы называем произвольное выделение аллитерирующих или рифмующихся частей (фрагментов) имен и названий. Примером фрагментации могло бы служить в области антропонимов произвольное отсечение рифмующегося фрагмента **-ан** в именах: *Адриан, Иван, Митрофан, Натан, Степан* и т. п. – или **-он** в именах: *Сампсон, Соломон, Софрон, Спиридон, Стратон* и т. п., а в области гидронимов такое же произвольное отсечение рифмующегося фрагмента **-ан**, напр.: *Баран, Кабан, Лиман, Майдан, Тарган* и т. п., или **-он**: *Болбон, Затон, Перегон*⁸⁰ и т. п.

Примером сегментации может служить любой парадигматический, или собственно морфологический, анализ какой-либо группы эйдонимов с общими в пределах данной языковой системы корнями, основами, префиксами, суффиксами или (если речь идет о композитах) препонентами и постпонентами, ср. среди древнегреческих антропонимов: *Никагорас, Никандрос, Никанор, Никаретос, Никархос*, и *Аристоникус, Андроникус, Протоникус, Стратоникус, Филоникус* (с основой *НИКН* – победа в качестве препонента и постпонента) и т. п.

Для статистической обработки эйдонимы должны быть разбиты на некоторые «сквозные» классы независимо от того, будут ли это топонимы, антропонимы или койнонимы. Такими классами, по нашему мнению, будут: 1) формальные классы, 2) реальные классы и 2) вербальные классы.

По формальным классам они распределяются в зависимости от их формальных характеристик, которые могут включать фонологические и даже графические признаки: например, распределение по начальным или конечным фонемам и графемам, по фрагментам (в результате произвольной фрагментации); сюда же, конечно, относится и распределение по сегментам, являющееся результатом морфологического, или парадигматического, анализа (он здесь называется еще сегментацией); как фонологические признаки для формальной классификации могут быть использованы и такие, как, например, количество слогов и многие другие; среди морфологических признаков могут выступать такие, как количество морфем, или количество компонентов, лексическая или фразеологическая структура эйдонимов (мономорфемные, полиморфемные, моноксемные, полилексемные эйдонимы).

По реальным классам эйдонимы распределяются в зависимости от того, какие именно реалии (реальные или приравнимые к реальным объектам) являются их денотатами; сюда относится деление эйдонимов на топонимы, антропони-

⁸⁰ Названия рек взяты «на удачу» из «Обратного словаря гидронимов» в книге О. Н. Трубачева «Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация». – М., 1968. – С.38–39.

мы и койнонимы, подразделение топонимов на хоронимы, гидронимы, оронимы, ойконимы, астионимы, комонимы и т. д., подразделение койнонимов на микрокойнонимы (например, фамилии) и мегакойнонимы (иначе – этнонимы), подразделение антропонимов на идионимы и патронимы⁸¹ и т. д.

Если при статистическом изучении нарицательной лексики, или генонимов, дискретные элементы и классы элементов соотносятся с текстом (их синтагматический аспект) и с системой, или парадигмой (их парадигматический аспект), то при таком же изучении ономастической лексики, или эйдонимов, дискретные эйдонимы и классы эйдонимов должны соотноситься со спациональными и темпоральными лимитами их употребления, а также с ономастической системой, или парадигмой, а через них, если это оказывается возможным, и с аппеллятивными системой и парадигмой того или другого доступного исследователю языка. Это обстоятельство подводит нас к вербальным классам эйдонимов.

Распределение эйдонимов по вербальным классам (иначе можно сказать: по их связям с нарицательной лексикой) предполагает их апогенонимическое, или генонимогенное, происхождение⁸².

Здесь могут быть установлены различные классы и подклассы в зависимости от формального или семантического характера оригинальных генонимов, то есть тех, от которых происходят или с которыми связаны по происхождению изучаемые эйдонимы. Например, изучая топонимы Украины, мы можем распределить их по тем языкам, из которых они взяли свое начало: среди них окажутся грецизмы (*Херсон, Мелитополь, Севастополь, Феодосия, Таврида* и т. п.), иранизмы (реки: *Осмонь, Навля, Сава, Тор, Уды*⁸³ и др.), тюркизмы (*Тилигул, Ингул, Каира и Каурка, Ташлык, Бурчак*⁸⁴) и т. д.

Само собой разумеется, среди этих топонимов преобладают многообраз-

---

⁸¹ Здесь мы снова можем сослаться на цитированный выше проект «Украинской ономастической терминологии» В. В. Нимчука в «Повідомленнях української ономастичної комісії» (вип. I, К., 1966, с. 26–43), который, быть может, нуждается в уточнениях и дополнениях, но пока остается единственным в своем роде, если не учитывать таких, например, словарей, как Teodolius Witkowski. Grundbegriffe der Namenkunde, Berlin, 1964, основной задачей которого можно считать не разработку терминологии в целом и рекомендацию терминов, а регистрацию уже имеющих обращение в данной области терминов и по возможности лаконичное их объяснение.

⁸² Согласно проекту В. В. Нимчука, такие эйдонимы следует назвать *отапеллятивными* именами, или названиями (с. 29). Приняв деление лексики на общие лексемы, или генонимы, и собственные лексемы, или эйдонимы, мы предпочитаем взаимоотношения этих категорий обозначать терминами: *апогенонимические*, или *генонимогенные*, элементы, то есть образованные от нарицательных, или общих (родовых), имен, и *анэйдонимические*, или *эйдонимогенные*, элементы, то есть образованные от собственных (видовых) имен.

⁸³ Иранизмы цитируются по данным М. Фасмера («Этимологический словарь русского языка») и О. Н. Трубачева («Названия рек Правобережной Украины»).

⁸⁴ Тюркизмы цитируются по данным О. Н. Трубачева: *Тилигул* и *Ингул* не принадлежат к числу несомненных тюркизмов (ср. с. 205–206); остальные – несомненны: [кайыр] – песчаный нанос в устье реки, [ташлык] – каменистое место, [бурчак] – вьющаяся (текущая меандрами) река.

но стратифицированные славянизмы, и в частности восточнославянизмы и украинизмы.

Мы не будем здесь останавливаться на вербальной классификации эйдонимов, хотя именно она имеет непосредственное отношение к этимологическим исследованиям ономастического материала. Для образца семантической классификации укажем, например, на класс гидронимов, состоящий из эйдонимизированных географических номенклатурных терминов: *Бакай*, *Балка* (с эпитетами), *Бугор*, *Вода* и *Воды* (с эпитетами), *Водица*, *Долина* (с эпитетами), *Лесогор*, *Луг*, *Лужа*, *Островок*, *Перевал*, *Плесо*, *Поток*, *Протока*, *Речка*, *Сага*, *Смуга*, *Яр* (с эпитетами), *Яруга*⁸⁵ и т. п.

Большой класс среди тех же гидронимов составляют названия, так или иначе связанные с растительностью. Мы не будем перечислять их: почти все они этимологически вполне прозрачны и представляют много типов словообразования, начиная от простых основ и кончая их многоморфемными дериватами (например, *Ольха*, *Ольхова*, *Ольховка*, *Ольховатка*, *Ольшанка* и т. п.).

Конечно, среди на первый взгляд совершенно этимологически прозрачных топонимов оказываются рэтимологизированные иноязычные элементы. Так, по-видимому, обстоит дело с гидронимами *Бык*, один из которых (левый приток р. Самары) восходит к славянскому нарицательному *Быкъ*, а другой (приток нижнего Днестра) возник парэтимологически из первоначального тюркского [Бююк] – *большой* + какой-то тюркский номенклатурный термин, например, [су], [чай], [чогарак, чокрак, чорак], [йылга, джылга], [дэре], [öзөн > узень]⁸⁶ и т. п.

Парэтимологические новообразования могут возникнуть не только на основе ассимиляции и адаптации иноязычных элементов, но и на основе устаревших и вышедших из употребления лексем, как, например, гидроним *Звір* – *Зверь* из старославянского нарицательного *изворь* – источник, родник, ручей⁸⁷.

Иногда парэтимология создает настолько выпадающие из обычной семантической сферы данного вербального класса эйдонимов новообразования, что даже при поверхностном рассмотрении бросается в глаза вторичность такого рода названий. Таково, например, название речки *Неправда из *Непрадва* < *Непрядва*⁸⁸, ср. этот гидроним с омофоничным в бассейне Дона.

Такое же переосмысление привело к забвению «внутренней формы», или этимологической структуры, топонимов *Олешки* и *Олешковские пески* (в низовьях Днепра, южнее гг. Херсона и Цюрупинска), восходящих к восточнославянскому *Олѣшьє* (ср. *Олѣсьє), которому соответствует у Геродота топоним ΥΛΑΙΝ (ΥΛΗ – лес). Парэтимология может возникнуть в этом случае не на украинской почве, потому что такие лексемы, как русские *Олешек* (укр. *Оленя*, *Оленятко*) и

⁸⁵ Примеры взяты из «Обратного словаря гидронимов» в книге О. Н. Трубочева «Названия рек Правобережной Украины».

⁸⁶ Примеры взяты из «Этимологического комментария» в книге О. Н. Трубочева «Названия рек Правобережной Украины», с. 250, 253, 259.

⁸⁷ См. там же.

⁸⁸ См. там же.

Олешник, олешняк (укр. *вільха, вільшка, вільшина*) отсутствуют в современном украинском языке⁸⁹.

Учитывая эту общую классификацию эйдонимов в широких пределах формального, реального и вербального классов, мы можем наметить следующую схему элементарной статистической обработки ономастического материала⁹⁰.

При этом мы противопоставляем безотносительную частотность, или повторяемость, эйдонима относительной частотности, или повторяемости, эйдонима в известных спациальных и темпоральных границах, а также целые (интегральные) эйдонимы расчлененным (соответственно – фрагментированным и сегментированным), называя первые внесистемными (экстрасистемными), а вторые – системными.

1. Безотносительная частотность внесистемного эйдонима в известных а) спациальных и б) темпоральных границах.

2. Относительная частотность внесистемного эйдонима в известных а) спациальных и б) темпоральных границах сравнительно с другими эйдонимами в тех же границах.

3. Безотносительная частотность системного эйдонима в строго определенных а) спациальных и б) темпоральных границах.

4. Относительная частотность системного эйдонима в строго определенных а) спациальных и б) темпоральных границах сравнительно с другими эйдонимами в тех же границах.

Известными границами здесь называются границы знаний, или кругозор, исследователя. Строго определенными называются границы, установленные в результате специального исследования.

Статистические данные в этимологических исследованиях эйдонимического материала могут иметь значение косвенных аргументов. Это значение показано уже в ряде обзорных статей и докладов⁹¹.

⁸⁹ См.: *Словарь современного русского литературного языка*, т. 8, М.– Л., 1959, с. 842; *Словарь украинского языка*, под ред. Б. Д. Гринченко, т. 1, К., 1907, с. 238. (Залишаємо в тексті назву «Словаря української мови» за ред. Б.Грінченка так, як її подано у першоджерелі – *упоряд.*).

⁹⁰ Разумеется, мы здесь не останавливаемся на собственно технических вопросах, например, оформлении результатов в абсолютных цифрах, процентах, в виде графиков, диаграмм и т. п.

Основы статистического подхода к нарицательному лексическому материалу изложены в кн.: Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики. – М., 1964.

⁹¹ См. раб.: Пospelов Е. М. Математико-статистические методы в топонимике // *Изучение географических названий*. – М., 1966. – С.28–40; Карпенко Ю. А. Возможности и пределы статистики в изучении топонимических названий (на украинском материале) / Тезисы докладов межвузовской конференции по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка. – М., 1961; Пиотровский Р. Г. Опыт статистического анализа галло-романской топонимики // *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. – М., 1959, № 3; Михайлова В. Е., Пиотровский Р. Г. Топонимика, статистика и история языка // *Питання ономастики*, К., 1965; Попов А. И. Основы топонимического исследования // *Всесоюзная конференция по топонимике СССР*. – Л., 1965. – С. 7–8; Суперанская А. В. Применение метода лингвистической статис-

Практически в ономастических, или эйдонимических, исследованиях, требующих всякого рода этимологических уточнений, мы редко располагаем достаточным для установления общих закономерностей материалом, если он принадлежит одному и тому же языку, а «статистические закономерности проявляются только при многократном воспроизведении условий»⁹².

Если мы получаем сообщение о том, например, что среди топонимов Англии постпонент **-tun** встречается в абсолютной цифре 3990 раз, а постпонент **-cumb** – всего 100 раз, мы делаем вывод о том, что первый из них в ряду композитных топонимов оказывается преобладающим, а второй в количественном отношении находится на последнем месте⁹³.

Для нас не будет удивительным то, что среди названий населенных пунктов (ойконимов) преобладают названия с постпонентом **-tun** (> *town*) – город и сравнительно с ними в небольшом числе оказываются названия с постпонентом **-cumb** (> *coomb*) – овраг, ущелье, если мы примем во внимание семантику их вербальных классов. Гораздо важнее для нас, как названия с этими и различными другими компонентами распределяются во времени и пространстве, какова их темпоральная и спациональная дистрибуция. Это показывают нам географические карты и специальные картограммы. Современная ономастика немислима без картографирования. Метод картографирования получен ею в наследство от диалектографии (соответственно – диалектологии) и лингвогеографии, или глоттографии, а также ареальной лингвистики. О значении картографирования для эйдонимики вообще и в частности для топонимических исследований уже говорилось в ряде работ⁹⁴.

Общеизвестны этнонимические карты, начиная от крупноформатных настенных карт и кончая мелкоформатными в учебных географических и исторических атласах.

Здесь, конечно, нет возможности сослаться хотя бы на некоторые издания этногеографических карт. Ограничимся только упоминанием о тех картах, кото-

---

тики к изучению топонимической системы г. Москвы // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. – М., 1964; Никонов В. А. Язык неизвестен // Топонимика Востока. Новые исследования. – М., 1964; Коскинен А. А. Статистическое исследование топонимии острова Пасхи // Топонимика Востока. Исследования и материалы. – М., 1969; Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий // Вопр. языкознания», 1959, №6.

⁹² Фрумкина Р. М. Статистические методы изучения лексики, с. 88.

⁹³ Данные взяты из кн.: Бельнская В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка. – М., Изд-во МГУ, 1969. – С. 144.

⁹⁴ Поспелов Е. М. Применение картографического метода исследования в топонимике // Принципы топонимики. – М., 1964. – С. 100-121; Штольц Й. О картографировании явлений в Общеславянском лингвистическом атласе // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1969. – М., 1970. – С. 5-38; Никонов В. А. Введение в топонимику. – М., 1965. – С. 77-84, 100-107; Трубаев О. Н. Названия рек Правобережной Украины, с. 47-244; Бельнская В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка, с. 146-160. Упомянем также о том, что Институт языкознания АН УССР уже несколько лет ведет работу над составлением Гидронимического атласа Украинской ССР.

рые издал Институт этнографии АН СССР (глобальную «Народы Мира» и несколько региональных) и которые украшали выставку печатной научной продукции в здании МГУ на Ленинских горах во время VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в августе 1964 года. По существу, нет разницы между картами народов и картами языков, и поэтому лингвогеографические карты годятся для этнографов, а этнографические (= этнонимические) – для лингвогеографов, но между теми и другими картами может быть существенное различие, если речь идет о спациональной дистрибуции этнических групп, известных из письменных источников только по названиям. Например, некоторые историки и археологи отваживаются составлять карты племен Скифии по Геродоту, но, конечно, ни один языковед не взялся бы составить «карту языков и наречий Скифии» по Геродоту и всем прочим древним источникам. В качестве примера этнонимической карты, не имеющей ничего общего с лингвогеографическими картами, можно сослаться на «Карту Европейской Сарматии по Птолемею» Юлиана Кулаковского, изданную по случаю XI Археологического съезда (Киев, 1899); учебные этнографические карты издает Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР в Москве; подробную карту этнического состава УССР издал В. И. Наулко, а также В. Д. Дяченко («Антропологічний склад українського народу». – К., 1965).

Ясно, какую ценность для ономастов представляют исторические карты и атласы, историко-географические и историко-топографические описания и т. п. Труднее всего, конечно, картографировать антропонимический и микроэтнонимический материалы, но попытки такого картографирования не исключаются⁹⁵.

6

Само собой понятно, что эйдонимическая статистика и картографирование только прокладывают пути, ведущие к лексикологическим и собственно этимологическим исследованиям, а эти исследования должны начинаться с изучения ономастической деривации, или эйдонимического словообразования, в пределах известных языков. Если фрагментация эйдонимов – это только грубый прием при невозможности произвести их сегментацию, то именно сегментация (морфологический, или парадигматический, анализ), завершающаяся выделением корней или основ и основообразовательных и словообразовательных суффиксов, уже является этимологической операцией. Здесь мы подробно не рассматриваем теоретические вопросы лексикологии в их широком понимании, а хотим только подчеркнуть, что все препятствия, встречающиеся на пути изучения деривационных связей нарицательной лексики, обнаруживаются и на пути изучения ономастической лексики, но они еще осложняются спецификой этой лексики – ее многообразными и своеобразными связями с идентифицируемыми реалиями, как уходящими в далекое прошлое, так и ныне существующими. Эти связи эйдонимов с

⁹⁵ См., например: Редько Ю. К. Сучасні українські прізвища. – К., 1966; Редько Ю. К. Современные украинские фамилии (Происхождение, словообразование, территориальное распространение), Автореферат дисс. – К., 1969.

реалиями составляют то, что мы можем назвать их пространственно-временным, или историко-географическим, контекстом, который, по-видимому, и привлекает к ним, особенно в последнее время, большое число специалистов и любителей. Говоря об эйдонимической деривации, мы, конечно, должны сделать оговорку о том, что прежде всего имеем в виду пределы языков с *деривацией* в том смысле, который вложил в этот термин Эдвард Сэпир (1884–1939)⁹⁶.

Однако термин *деривация*, если в него включить и сочетание свободных, или независимых, лексических и грамматических элементов (соответственно – основосочетание и словосочетание, юктапозицию и композицию), может быть распространен и на прочие типы языков.

В изучении эйдонимических элементов представляет интерес не только отражение в них деривационных парадигм генонимической лексики, но и деривационные отношения в пределах самой эйдонимической лексики, то есть изучение апэйдонимических, или апономастических, новообразований (вторичных элементов), используемых как в генонимической, так и в собственно эйдонимической лексике. Что касается апэйдонимических образований, то необыкновенно пышное «цветение» его мы находим в греческом языке всех известных нам периодов его истории⁹⁷.

Сошлемся только на несколько ярких примеров. Оставляя в стороне связь мифонима *Афина* (ΑΘΗΝΑ, ΑΘΗΝΑΙΗ, ΑΘΗΝΗ) с астионимом *Афины* (ΑΘΗΝΑΙ, ΑΘΗΝΗ), упомянем апастионимические дериваты: ΑΘΗΝΑΙΟΣ – 1) афинский, 2) афинянин, 3) антропоним *Афинея* (*Атеная*), ΑΘΗΝΑΙΟΤΗΣ – *афинство (quality of being Athenian), ΑΘΗΝΙΑΝ – испытывать тоску по Афинам, желать быть в Афинах. Со временем число апастионимических образований увеличивается, а древние формы, первоначально связанные с мифонимом *Афина*, переосмысляются, как произведенные от астионима *Афины*: ΑΘΗΝΑΪΖΕΙΝ, обозначавшее *думать так, как богиня Афина*, приобретает значение *быть афинянином*, а прилагательное ΑΘΗΝΑΪΚΟΣ, имевшее значение *принадлежащий Афине*, получает смысл *афинский* (то есть *принадлежащий Афинам*). От древнего астионима ΑΘΗΝΑΙ образуется новый (димотический) – ΑΘΗΝΑ и новые относительные прилагательные αθηναϊκος, αθηνιώτικος, возникают новые композиты, напр.: ΑΘΗΝΟΦΙΛΟΣ, ΦΙΛΑΘΗΝΑΙΟΣ – дружественный афинянам, αθηνολάτρης – поклонник всего афинского, (Παναγία) η Αθηνιώτισσα – Афинская богоматерь, ΑΘΗΝΑΪΣ (Гесихий) – афинская маслина, αθηνολιά – (афинская) разновидность маслин⁹⁸ и т. д.

⁹⁶ Sapir, Edward. Language. An introduction to the Study of Speech. – New York, 1921. – P. 127–156 (в русском переводе: Сэпир Э. Язык. – М. – Л., 1934).

⁹⁷ Беленькая В. Д. в качестве эталона для изучения «атрибутивных форм топонимов» называет русский язык с его «четкой трехчленной системой» («Топонимы в составе лексической системы языка», с. 66–70), но эта система оказывается четкой именно по отношению к бедному аффиксальной деривацией английскому языку.

⁹⁸ Здесь и дальше примеры взяты из словарей: A Greek-English Lexicon compiled by Henry George Liddell D. D. and Robert Scott D. D.; A New Edition revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones D. Litt. with the Assistance of Roderick McKenzie M. A. and with the Co-operation of many Scholars, Oxford, 1948.

Не менее плодотворным оказывается топоним (собственно хороним и астионим) *Лакедемон* (*Лакедаймон* = ΛΑΚΕΔΑΙΜΩΝ) и микроэтноним, или катойконим, *Лаконец* (Лакон = ΛΑΚΩΝ) с их синонимами *Спарта* (ΣΠΑΡΤΗ) и *спартанец*, или *спартиат* (ΣΠΑΡΤΙΑΤΗΣ). В данном случае мы ограничиваемся ссылкой только на суффиксальную деривацию. Топоним ΛΑΚΕΔΑΙΜΩΝ дал производные: 1) катойконим ΛΑΚΕΔΑΙΜΟΝΙΟΣ и 2) однозвучное с ним прилагательное ΛΑΚΕΔΑΙΜΟΝΙΟΣ – лакедемонский, 3) глагол ΛΑΚΕΔΑΙΜΟΝΙΑΖΕΙΝ – иметь спартанский образ мыслей, сочувствовать спартанцам. Катойконим ΛΑΚΩΝ послужил для образования 1) существительного женского рода ΛΑΚΑΙΝΑ – лаконка, спартанка, 2) соответствующего первичного относительного прилагательного ΛΑΚΩΝ – лаконский, спартанский, 3) глагола ΛΑΚΩΝΙΖΕΙΝ – а) подражать лаконцам, спартанцам, б) поддерживать спартанцев, сочувствовать спартанцам, в) ΠΑΙΔΕΡΑΣΤΕΙΝ, 4) вторичного относительного прилагательного ΛΑΚΩΝΙΚΟΣ – лаконский, спартанский и метафорически – лаконический, немногословный, 5) вторичного топонима (хоронима) ΛΑΚΩΝΙΚΗ – Лаконика (страна лаконцев, спартанцев), 6) субстантивированного прилагательного ΛΑΚΩΝΙΚΟΝ – вид женской одежды, 7) вторичного абстрактного существительного ΛΑΚΩΝΙΚΟΤΗΣ – способ немногословно и ясно выражать свои мысли, лаконичность, 8) вторичных наречий ΛΑΚΩΝΙΚΩΣ и ΛΑΚΩΝΙΣΤΙ – по-лаконски и лаконично, 9) вторичных образований женского рода: а) существительного ΛΑΚΩΝΙΣ – лаконка, спартанка (ср. ΛΑΚΑΙΝΑ) и б) прилагательного ΛΑΚΩΝΙΣ (ср. 2 ΛΑΚΩΝ), 10) вторичного абстрактного существительного ΛΑΚΩΝΙΣΜΟΣ – подражание спартанцам, сочувствие спартанцам и лаконизм, 11) вторичного имени деятеля ΛΑΚΩΝΙΣΤΗΣ – подражающий спартанцам, сочувствующий спартанцам, занимающийся спартанскими делами, специалист по спартанцам, принадлежащий к спартанской партии, 12) составного глагола ΛΑΚΩΝΟΜΑΝΕΙΝ – безумно увлекаться всем спартанским, 13) композитов типа: ΜΙΣΟΛΑΚΩΝ – ненавидящий спартанцев и ΦΙΛΟΛΑΚΩΝ – любящий спартанцев и т. п. Сходство астионима ΣΠΑΡΤΗ с глагольной основой **спер-, спор-, спар-** (σπείρειν – сеять), очевидно, произвело на свет известную этимологическую легенду о потомках «посеянных» (οἱ σπαρτοὶ > οἱ Σπαρτιάται). Обе формы древних топонимов – *Лакедемон* и *Спарта* – встречаются рядом во второй песне «Илиады» (581, 582), хотя и в том ее месте, которое некоторые филологи до сих пор считают позднейшей вставкой (интерполяцией): «...Οἳ δ' εἶχον κοίλην Λακεδαίμονα κητώεσσαν, Φᾶριν τε Σπάρτην τε πολυτρήρωνά τε Μέσσην...» (Буквально: «Которые владели долиной Лакедемона, изобилующей пропастями, и Фарисом, Спартой и обильной горлицами Мессой»⁹⁹).

Есть основания предполагать, что астионим *Спарта* ведет свое начало от названия растения σπάρτιον (теперь спартός, спάρто) – бобровик.или испанский дрок (*Spartium junceum* L.), из которого еще в древности плели корзины так же,

⁹⁹ Н. И. Гнедич так перевел эти строки:

Град населявших великий, лежащий меж гор Лакедэмон,
Фару, Спарту, стадам голубиным любезную Мессу.

как из растения τό ἔλος (или τό ἐλένιον), связанного со спартанским праздником *зелений*, эпонимом которого стала мифическая Елена¹⁰⁰.

Уже из упомянутых гомеровских стихов видно, что первоначально существовала разница между названием города *Спарта* и названием всей страны *Лакедемон*, и лишь со временем этот последний хороним стал употребляться также в качестве астионима. Каково было первоначальное отношение хоронима *Лакедемон* и катойконима *Лакон*, сейчас еще не представляется возможности выяснить.

Если между названиями ΣΠΑΡΤΗ и σπάρτιον и подобными существовала генетическая связь, то астионим *Спарта* становится в ряд прочих фитогенных (точнее *фитонимогенных*) названий, вроде ΠΡΑΣΙΑΙ, ΠΡΑΣΙΑ – а) аттический демон и б) город в Аργοлиде – по толкованию лексикографов от τα πράσα = τα βρύα, τα φύκια (водяные растения, или водоросли), ср. фитонимы πράσον, πράσιον; ΜΑΡΑΘΩΝ – знаменитый сражением в 490 до н. э., ср. фитоним μαραθών – укроп; ΣΙΚΥΩΝ – город возле Коринфского залива, ср. фитонимы σικύα, σίκυος и др. (из семейства тыквенных), а также многочисленные фитогенные топонимы с суффиксом **-οεντ-, -οεσσα**¹⁰¹.

Возвращаясь к астиониму *Спарта*, мы упомянем такие его производные, как: 1) катойконим ΣΠΑΡΤΙΑΤΗΣ – спартиат, спартанец, ΣΠΑΡΤΙΑΤΙΣ и ΣΠΑΡΤΙΑΣ – спартиатка, спартанка, 2) вторичное прилагательное ΣΠΑΡΤΙΑΤΙΚΟΣ – спартанский.

Не менее богата деривация таких этнонимов, как ΜΗΔΟΣ, ΠΕΡΣΗΣ, ср. ΜΗΔΙΖΕΙΝ, ΜΗΔΙΣΜΟΣ, ΜΗΔΙΚΗ, ΜΗΔΙΣ, ΜΗΔΕΣΤΙ, ΜΗΔΟΚΤΟΝΟΣ и -ΦΟΝΟΣ – убивающий мидян и т. п.; ΠΕΡΣΙΖΕΙΝ, ΠΕΡΣΙΚΟΣ, ΠΕΡΣΙΣ, ΠΕΡΣΙΣΤΙ, ΠΕΡΣΟΓΕΝΗΣ, ΠΕΡΣΟΔΙΩΚΤΗΣ – преследователь персов, ΠΕΡΣΟΚΤΟΝΟΣ – убивающий персов, ΠΕΡΣΟΝΟΜΟΣ – начальник персов, ΠΕΡΣΟΝΟΜΕΙΣΘΑΙ – управляться согласно персидским законам и т. п. Едва ли здесь нужно доказывать, что в зависимости от исторических обстоятельств тот или иной эйдоним может стать фокусом обширной лексической радиации, значительная часть которой окажется уже достоянием не эйдонимии, а генонимии, то есть обогатит нарицательную лексику. Однако для ономаста, или эйдонимиста, более интересной должна быть область собственно эйдонимической деривации.

Во многих языках богатейшими в смысле производных являются ласкательно-уменьшительные (гипокористические) формы личных собственных имен. К этим языкам, конечно, относится и русский язык с его исключительно богатым гипокористическим антропонимиком.

¹⁰⁰ Кроме спартанских τά ἐλένια в Аттике справлялся еще праздник τά ἑλευνηφορία (<ἐλένη– плетеная корзина) в честь Брауронской Артемиды (ср.: Ludwig Deubner. Attische Feste, Berlin, 1966, S. 207–208; W. H. Roscher, Ausführliches Lexikon des griechischen und römischen Mythologie, B. 1, 1884–1890, Leipzig, S. 1928–1977).

¹⁰¹ Об этих топонимах см. в разделе «Границы применения сравнительно-исторического метода в ономастических исследованиях»; насколько рискованными могут оказаться даже такие этимологии, как Μαραθών < μάραθον, видно на примере сопоставления σίδη – гранат и Σιδών – знаменитый город в Финикии: здесь предполагаемая связь генонима и эйдонима образовалась, очевидно, уже на почве древнегреческих диалектов, ср. ханаанское *Цидон* и гр. Τυρός – ханаан. *Цор*.

Для гипокористических имен характерны экстрафонетические преобразования и видимая анархия, или бессистемность, производных форм. Мы не можем объяснить, например, почему от имени *Иван* уменьшительное будет *Ваня*, а от имени *Степан* – *Степа*, от имени *Мария* – *Маруся*, *Муся*, *Мура*, *Маша*, *Маня*, от имени *София* – *Соня* и т. п. Даже при общей тенденции к редукции первичных, или нейтральных, форм наращивание гипокористических суффиксов часто значительно осложняет простые формы, напр.: *Анна*, *Аня*, *Аннушка*, *Аничка*, *Анюта*, ср. вторично сокращенные *Нюра* и *Нюся*.

Часто в хаосе гипокористических форм трудно бывает доискаться, какое первичное имя дало ту или иную ласкательную форму. Так, в украинской антропонимии женские имена *Ганна* и *Галина*, первоначально восходившие к разным источникам – ANNA и ГАЛHНН, настолько сблизились в хаосе своих ласкательно-уменьшительных форм, что второе стали воспринимать как дериват первого, так и в словаре Б. Д. Гринченко: «Ганна – 1) Галина, 2) Галя, 3) Галонька, 4) Галочка, 5) Галюня, 6) Галюся, 7) Галюсенька, 8) Галютка, 9) Галютонька, 10) Галюточка, 11) Галиня, 12) Галинятко, 12) Гандзя, 13) Гандзюня, 14) Гандзюленька, 15) Ганичка, 16) Ганночка, 17) Ганнуля, 18) Ганнулька, 19) Ганнуня, 20) Ганнуненька, 21) Ганнусечка, 22) Ганнуська, 23) Ганнуся, 24) Ганушка, 25) Ганиця, 26) Ганценка, 27) Ганька, 28) Ганюточка, 29) Ганя, 30) Галка, 31) Галочка, 32) Галька, 33) Гальшка, 34) Ганка, 35) ср. также *Анна*, *Аниця*, *Анничка*»¹⁰².

Интересная тенденция к обособлению уменьшительных от первичных имен проявляется в различных ономастических параллельно и самостоятельно. Хотя в Германии имена *Fritz* и *Friedrich*, *Hans* и *Johannes* первоначально были связаны узами близкого родства, со временем они стали различными антропонимами, причем гипокористические формы перестали восприниматься как таковые. Процесс *сепаратизации* охватил и первоначально параллельные формы гипокористических имен, и, таким образом, произошедшие от *Elisabeth* уменьшительно-ласкательные *Betti* и *Elli* теперь стали уже самостоятельными именами¹⁰³.

Мы не будем здесь подробно рассматривать древнегреческие гипокористические антропонимы, потому что это уже область собственно эллинистики и об этом уже говорилось в специальных исследованиях, в частности таких, как: «Проблема языка скифов», на укр. яз. («Мовознавство», 1953, т. XI), «О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях» («Советская археология», 1958, т. XXVIII), «О собственных именах из ольвийских надписей», на укр. яз. («Археологія», 1957, т. XI), «Греческая надпись на базе статуи из Ольвии» («Вестник древней истории», 1955, № 2), «Надпись Полимеда из Ольвии» («Вестник древней истории», 1956, № 3), «Благосклонно внимающий герой в Ольвии» («Вестник древней истории», 1969, № 1), «Новые эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова» («Вестник древней истории», 1969, № 3), «Посвящение Афродите из Ольвии», на укр. яз. («Іноземна філологія. Питання класичної філології», вып. 17, Львов, 1968), «Новые посвя-

¹⁰² Словарь украинского языка / под ред. Б. Д. Гринченко, т. IV, с. 550.

¹⁰³ См.: Solmsen, Felix. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte, herausg. und bearb. von Ernst Fraenkel, Heidelberg, 1922. – S. 119.

тительные надписи Ольвии» (в сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968), а также в книге F. Solmsen, «Indogermanische Eigennamen...» (S. 119–130).

Укажем только, что при наличии многих составных (бинарных) имен с одинаковыми основами очень трудно (если вообще возможно!) установить, от какого первичного имени образовано то или другое гипокористическое. Например, в качестве препонента многих антропонимов выступает основа ΛΥΣΙ (в словаре В. Паппе – Г. Э. Бензелера, ч. 2, стр. 828–832); ср. ΛΥΣΙΠΠΟΣ, ΛΥΣΙΜΑΧΟΣ, ΛΥΣΙΣΤΡΑΤΟΣ и т. д., но как именно к ним относятся уменьшительные ΛΥΣΙΣ, ΛΥΣΙΑΣ, ΛΥΣΙΩΝ, ΛΥΣΕΑΣ, ΛΥΣΗΝ, ΛΥΣΟΣ, ΛΥΣΩΝ, ΛΥΣΩ – неизвестно¹⁰⁴.

Удивительной сравнительно с прочими индоевропейскими наборами личных собственных имен была латинская, или римская, антропонимия, в которой обычному для древнегреческой антропонимии сочетанию *идионим* (имя) + *патроним* (отчество) + *койноним* (*катойконим* или *этноним*) соответствовало известное сочетание *praenomen* + *nomen* + *cognomen* (+ факультативно *agnomen*): *Публий Овидий Насон* (P. Ovidius Naso), *Марк Терентий Варрон Реатинский*, или *из Реате* (M. Terentius Varro Reatinus) и т. д. Этот своеобразный способ идентификации личности у римлян, по-видимому, несмотря на значительное развитие гипокористической суффиксации в нарицательной лексике, исключал возможность развития аналогичной суффиксации в антропонимии¹⁰⁵.

В области топонимии тоже наблюдается своя деривация, составляющая предмет изучения довольно многочисленных уже у нас топонимистов (топономастов)¹⁰⁶.

Вопросам топонимической деривации в области восточнославянской гидронимии уделяется много внимания в обстоятельных трудах О. Н. Трубачева и В. Н. Топорова¹⁰⁷.

Аналогично гипокористическим суффиксам антропонимии в гидронимии используются суффиксы для вторичных гидронимов и, в частности, потамонимов. Так, на гидронимической карте Украины можно видеть: *Березань* – *Березанка*, *Ингул* – *Ингулец*, (*Дон*) – *Донец*, (*Бобр*) – *Бобрик*, *Каира* – *Каирка*, *Кичкас* – *Кичкаска*, *Дунай* – *Дунайчик*, (*Елань*) – *Еланчик*.

Едва ли можно утверждать, что содержащие созвучную основу названия (например, названия рек) непременно генетически связаны друг с другом, и тем

¹⁰⁴ Solmsen F., Indogermanische Eigennamen..., S. 121.

¹⁰⁵ О Римской антропонимии см.: Solmsen F. Indogermanische Eigennamen..., S. 135–153.

¹⁰⁶ Некоторое представление об их исследованиях можно получить из кн.: Общее языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. – М., 1965. – С. 180–206.

¹⁰⁷ Топоров В.Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962; Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. – М., 1968; Стрижак А. С. Гидронимия Среднеднепровского левобережья. Автореферат дисс. – К., 1965; Стрижак А. С. Назви річок Полтавщини, похідні від прізвищ та прізвиськ // Питання ономастики (Матеріали II Республіканської наради з питань ономастики). – К., 1965; Стрижак О. С. Назви річок Запоріжжя і Херсонщини (Нижньонадніпрянське Лівобережжя). – К., 1967.

более на основании такой предполагаемой связи делать далеко идущие выводы.

Если в бассейне Днепра встречаются такие названия рек, как *Славечна*, *Славянка*, *Славица*, *Славута*, *Славогоць*, *Славяшинка*, *Словянка*, *Словечна*, *Словешинка*, *Словешина*, *Словаж*, то вывод о том, что все они связаны с этнонимом *Словян* – *Славян* и могут служить историко-географическими вехами расселения славян по Днепру, представляется поверхностно аргументированным¹⁰⁸.

Изучение деривационных отношений какого-либо круга (цикла) эйдонимов теснейшим образом связано с определениями: 1) языка или языков этого цикла, 2) его пространства (территории, или ареала), 3) его времени (относительной или безотносительной хронологии), 4) его культурной принадлежности (установлением культурного цикла), о чем уже было сказано выше.

От определения языка, разумеется, зависит возможность дальнейшего изучения деривационных отношений. Этимология эйдонима, в нашем понимании, неотделима от его истории или, можно сказать, его биографии. Она является пограничным столбом, за которым лежит неизвестность, но, конечно, в отличие от этого столба она должна перемещаться в сторону неизвестности по мере расширения и углубления наших знаний. Вероятно, никто уже, кроме просто любопытствующих, не понимает теперь этимологию как установление первоначального (а для античных философов – тем самым истинного) смысла эйдонима или генонима¹⁰⁹.

Определение языка по большей части возможно тогда, когда мы располагаем достаточной массой материала, но в древней эйдонимии – это довольно редкий случай. Наиболее ненадежным будет определение, сделанное на основе одного или двух-трех элементов, потому что такое количество их в наименьшей мере раскрывает особенности структуры того языка, из которого они происходят. Даже если известно смысловое значение того генонима, от которого образован данный эйдоним, вопрос о языке еще не решается на этой шаткой основе.

Так, увидев на карте «Черного континента» энергичный росчерк реки *Нигер*, впадающей в Гвинейский залив, человек с классическим образованием не сомневается в том, что перед ним – *Черная река*, ибо известно, что латинское *niger* – это *черный*, а с этим названием связываются в современной Африке государства *Нигер* и *Нигерия*. Однако простая справка в одном из словарей¹¹⁰ географических названий заставляет отказаться от такого, на первый взгляд, убедительного толкования.

В знаменитой энциклопедии Г. Плиния Секунда Старшего упоминается: «...и вся Гетулия до реки Нигрида, которая отделяет Африку от Эфиопии...» (V, 30). Дальше (V, 43) автор явно обнаруживает свое понимание этого потамонима: «...прежде всех ливийцы (и) египтяне, а затем живут белые эфиопы; за ними нигриты – эфиопские племена, названные (так) от реки», то есть *Нигрида*, кото-

¹⁰⁸ Сведения взяты из книги П. Л. Маштакова «Список рек Днепровского бассейна», Спб., 1913.

¹⁰⁹ Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. – М., 1970. – С. 30.

¹¹⁰ Staszewski, Józef. Mały słownik: Pochodzenie i znaczenie nazw geograficznych, wyd. 3-e. – Warszawa, 1968. – S. 304.

рый упоминается еще в связи с р. Нил (V, 53), вытекающим из того источника, который называли *Нигридом*. Плиний называет также гору *Нигер*, а может быть, просто *Черную* (V, 37): выбор между тем и другим затруднен для переводчика. Одним словом, у Плиния уже известная римлянам река называется *Nigris*, а не *Niger*.

Не имея возможности проверить африканские источники этого потамонима, сошлемся на Й. Сташевского: река *Нигер* «возле своих источников называется *Джюлиба*. Название Нигер содержит основу **гир** – *вода* – из языка племен, (живших) по среднему течению, которую, наверно, слышали уже римляне. Одно из *вади*, впадающих в реку Уэд-Гир («Атлас» Киперта, 1878). На берберском языке *нигиррен* значит *река*. Девять названий Нигера в разных местах его течения упоминают путешественники XIX века. Мандинго в верхнем его течении называют его *Майо* – *река*, племя хауса – *Форин Руа* – *черная вода*, ниже по течению – *Ку-вара* – *река*. При стечении двух образующих его рек он называется *Джюлиба* (?) – *большая река*, а затем – *Бафинг* – *черная река*» (С. 304).

Если все это согласуется с действительностью, то отсюда следует, что река *Нигер*, кроме случайного созвучия, не имеет ничего общего с латинским прилагательным *niger* – *черный*, но все-таки может в переводе на русский язык называться *Черной рекой*. Впрочем, особенно доверять универсальным словарям нельзя. Так, например, в этом же словаре сообщаются такие сведения: «Курск – на реке Куре, адъективная форма названия реки с суффиксом **-ск-**, один из древнейших городов Руси, город вятичей, упоминаемый в летописи под 1095 годом. В «Слове о полку Игореве» куряне – «живущие на реке Кура» – так, как полочане, меняне. Курск был форпостом Великой Руси в степях, сперва место сражения в степи с половцами, затем с татарами, а затем и ...с немцами»¹¹¹.

Беда, однако, в том, что г. Курск только «теоретически» находится на реке *Куре*, а практически – на реке *Тускорь*. Реки с названием *Кура* текут одна в Ставропольском крае (на ней станица *Курская*), а другая – через столицу Грузии (*Сакартвело*) и далеко на юго-востоке в Муганской степи впадает в Каспийское море. Мы говорим «теоретически», ибо, действительно, много населенных пунктов на территории СССР с основообразовательным суффиксом **-ск-** ведут свое начало от названий рек (являются *потамонимогенными ойконимами*), напр.: *Бердянск* на р. Берде, *Омск* на р. Оми, *Тобольск* на р. Тоболе, *Томск* на р. Томи, *Уральск* на р. Урале и т. д. Но это не правило без исключений. Напрасно кто-нибудь стал бы искать реку **Брянну*, на которой должен был бы находиться г. *Брянск*. В данном случае совершенно правильно Й. Сташевский указывает на летописную форму этого названия: **Дьбрянскъ > Брянскъ*, связанную с нарицательным **дъбрь** – *лес* и т. п. Неправильна у него только ссылка на летопись: в списке Лаврентия Брянск упоминается не под 1146 г. н. э., а под 1300.

Мы не беремся уточнить, на земле северян или на земле вятичей был расположен древний Курск, но не можем согласиться с тем, что он был «степным форпостом» Великой Руси, потому что Курск находится не в степи, а на границе

¹¹¹ Staszewski, Józef. Mały słownik: Pochodzenie i znaczenie nazw geograficznych, wyd. 3-e. – Warszawa, 1968. – S. 238.

лиственных лесов и лесостепи, собственно же «степь» в летописные времена начиналась, очевидно, значительно южнее.

Койноним *полочане* в «Повести временных лет», очевидно, употребляется в двух значениях:

1) восточнославянское племя, жившее на реке *Полоте*: «инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчки ради, яже втечетъ в Двину, имянемъ Полота отъ сея прозвашася Полочане»¹¹²;

2) жители города *Полоцка* (в летописи *Полотескъ*).

Менянами называются там же жители города *Мѣньскъ* (белорусс. *Менск*, русск. *Минск*), но нынешняя столица Белорусской ССР расположена на реке *Свислочь*. Следовательно, примеры, которые должны были бы укрепить читателя в убеждении, что Курск находится на р. *Куре, были выбраны неудачно.

Само собой разумеется, что все это упомянуто здесь лишь в связи с тем, что эйдонимист, как и всякий лексиколог, должен возвести в принцип своей работы акрибологию: без тщательной проверки не верить никому и ничему.

Если легко допустить неточности даже тогда, когда мы располагаем историческими документами и знанием, например, таких языков, как славянские, то насколько осторожным в своих выводах нужно быть, когда речь идет о далеких странах, далеких временах и малоизвестных или вовсе неизвестных нам языках.

Разумеется, мы не имеем в виду человека, который, найдя на карте Бразилии топоним *Пара*, немедленно поставил бы его в связь со славянским *Пара* (приток р. Припяти) и нарицательным укр. *пара* (= русск. *пар*) или, узнавши из словаря географических названий о том, что *Парана* будто бы значит *Большая вода*, связал бы это с названием *Поронай* на острове Сахалине (на языке айну *поро* – большая и *най* – река). В словаре того же Й. Сташевского (С. 330) дается краткая и тем самым безапелляционная справка: «Парана – Большая вода». Она не лишена оснований, потому что на языке *тупи*, или *ньенгату*, слово *parana*, очевидно, обозначало *море*¹¹³. Река под названием *Парана*, протекая по территории современных Бразилии, Парагвая (по границе с Бразилией) и Аргентины, несет свои воды в обширный залив, известный под названием Рио де Ла Плата (Серебряная река). Среди ее притоков есть *Parana Panema* и *Paranahyba*, явно связанные с основой, представленной в ее названии. Один из ее левых притоков – знаменитая своим водопадом река *Игуассу* (собственно: *ыг* – *уасу*, на языке *ньенгату*: *вода* + *большая*).

Как ни соблазнительно было бы объяснить из того же языка другие географические названия Нового Света, например, *Парагвай* (ср.: *Paragoá* – Река попугаев), *Панама* (ср.: *rapata* – бабочка), *Паранаиба* (ср.: *parana* + *ybá*) – река плодовых деревьев (?) и т. п., но сделать это только путем справки в тупи-португальском словаре – по меньшей мере легкомысленно. Для этого необходимы специальные историко-географические исследования и обширное знание живых и мертвых языков двойного Американского континента. Даже самый восторжен-

¹¹² Летопись по Лаврентьевскому списку, с. 5–6.

¹¹³ Dias, Gonçalves. Dicionário da Língua Tupi chamada Língua geral dos indígenas do Brasil (Tupi-Português). – Rio de Janeiro, 1965. – P. 52.

ный энтузиаст этимологических исследований должен признать безнадежность попыток восстановить историю только на основании историко-лингвистических анекдотов (см., например, современное название *Юкатан* в словаре Й. Сташевского, с. 201)¹¹⁴.

Впрочем, для гидронимии Бразилии мы все-таки располагаем некоторыми сведениями из области языков тупи и гварани. В «Курсе древнего тупи» среди прочего сообщается: «Есть путаница в употреблении слов со значением *река* и *море*. На языке гварани *море* будет *pará*, а река – у или, если она большая, *paranã*. На языке тупи *море* будет *paranã*, а река – у или *y-gûasu*. Словари не упоминают слова *pará* в языке тупи, но из географических названий видно что как *paranã*, так и *pará* употреблялись для обозначения наиболее крупных рек»¹¹⁵.

Из упомянутого учебника мы можем почерпнуть и сведения о том, что название притока реки Парана в Бразилии – *Парана Панема* восходит, очевидно, к нарицательному сочетанию со значением *Гибельная* или *Роковая река*¹¹⁶.

Не исключено, что гидроним *Paranahyba* тоже может найти место в лексике названных языков, ср.: *ybá* < *yba* + *á*¹¹⁷, но мы для установления его этимологии не располагаем достаточными знаниями. Возможно, что относящееся к другой речной системе название *Rio Paracatu* могло бы состоять из того же *para* + *katu* (хороший).

Очень поучительно в смысле этимологического предела название самой страны *Brasil* > *Бразилия*, возникшее, очевидно, еще до того, как эта страна стала доступной для европейцев. Если соответствуют исторической действительности наши сведения, то названный топоним родился в ирландских легендах об «островах счастья» (ср. αἱ Μακάριοι νῆσοι, *Insulae Fortunatae*) в Атлантическом океане. Первым после ее открытия португальцами (Pedro Alvarez Cabral, 22.IV 1500) названием этой страны было *Ilha da Cruz* (Остров Креста), но вскоре в связи с вывозом из нее красного дерева (красного сандала, или фернамбука), известного под названием *brazil* (на тупи – *imyrapitanga*), дендроним распространился на всю страну и закрепился в ее теперешнем официальном названии: *Estados unidos do Brasil*.

Теперь кажется совершенно прозрачной связь названия *Братск* со словом *брат*, хотя ойконимы с суффиксом *-ск-*, как уже говорилось, часто образуются от потамонимов, а не от генонимов, а реки *Брат* никогда не было на карте. Здесь на помощь приходит документальная история, сообщающая нам о том, что населенный пункт возле порогов реки Ангара заложено был в 1654 году и назывался *Бурятский острог* и, таким образом, был связан с этнонимом *буряты*.

Напрасны были бы старания отыскать общеславянское *братръ*, *братъ* в названии теперешней столицы Словакии (Slovensko) *Братислава*, которое воз-

¹¹⁴ Некоторый интерес в этом отношении представляет очерк А. И. Дробинского «Индийские элементы в языках и топонимике Нового Света». – В кн.: Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру. – М., 1963. – С. 159-230.

¹¹⁵ Lemos Barbosa P. e A. Curso de Tupi antigo. Gramática. Exercícios. Textos – Rio. – P. 64.

¹¹⁶ Там же, с. 47.

¹¹⁷ Там же, с. 82.

никло из какого-то первоначального *Предъславъ или *Прѣславъ*, ср. немецкое *Pressburg*, слов. *Bratislava*.

Бывают и такие случаи, когда при отсутствии возможности лексически определить основу эйдонима мы по деривационным аффиксам можем точно определить его место в ономастической парадигме. Это относится, например, к основному гидрониму *Ингул* и его производному *Ингулец*¹¹⁸.

Какова бы ни была этимология гидронима *Ахтырка*¹¹⁹, но в нем усматривается основообразовательный суффикс **-ка**, столь распространенный в восточнославянской гидронимии. Правда, на тюркской почве он может оказаться всего лишь фрагментом или псевдосуффиксом¹²⁰. Так, степная речка в Крыму, название которой *Суджилка* передано средствами русской графики, первоначально была, конечно, *Су-Джылга*, где препонент – известный тюркоязычный гидронимический номенклатурный термин **су-** (**-су**), а постпонент – такой же термин *джылга* со значением *речка, текущая в овраге*, вообще *река* (ср.: *Казан джылгасы* – Казанка, *Идэл Джылгасы* – Волга)¹²¹.

Присутствие препонента **су-** семантически соответствует многочисленным названиям с восточнославянским препонентом *мокрый*, *-ая*, *-ое* и т. д., ср.: *Мокрый Индол* (*Индал*), *Мокрая Ольховка*, *Мокрые Ялы* и т. п. Противоположная идея в тюркоязычной гидронимии выражается препонентом **куру-**, а в восточнославянской – прилагательным *сухой*, *-ая*, *-ое*: *Сухой Индол*, *Сухая Березовка*, *Сухие Ялы* и т. п.

У неискушенного читателя может создаться впечатление, что такого рода удачи – это исключение и, напротив, неудачи – это общее правило. Однако дело не в удачах и неудачах, а в организации исследовательской работы, в ее правильной программе и в возможности использования наиболее надежных источников и наиболее массовых материалов. Если «биография» эйдонима известна на всем ее протяжении, нет речи об исследовании. Конечно, чаще всего ее приходится восстанавливать, и для этого нужны и основательные знания, и исследовательский опыт.

7

Если речь идет не просто об изучении лексического материала, а о восстановлении, или реконструкции, его, то это возможно только на основе исследовательской программы, которая называется сравнительно-историческим, а иногда – короче – сравнительным, или компаративным, методом.

¹¹⁸ См.: Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины, с. 221-224, 254.

Ингул – тюркское освоение первоначальной славянской формы *жгль* – угол.

¹¹⁹ Там же, с. 248.

¹²⁰ Отин Е. С. Псевдосуффикс **-ка** в топонимии Крыма и Северного Причерноморья // К новым успехам советской науки. Тезисы и сообщения научной конференции Донецкого государственного университета. – Донецк, 1966. – С. 161-164.

Не все догадки здесь можно признать удачными, но основная идея – правильная.

¹²¹ Крымская область, карта, изд. Главным управлением геодезии и картографии МВД СССР, М., 1958, В–5; Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 4, с. 128.

Со времен классического сравнительно-исторического языкознания, развившегося на основе изучения индоевропейских языков, компаративистика обогатилась «ларингальной теорией», методом внутренней реконструкции, так называемым «догреческим языкознанием», или «пеласгической» теорией, методом межъязыковых аналогий и за последнее время внедрившейся и в советское языкознание «ностратической теорией», не говоря уже о более или менее удачных попытках сочетать собственно исторические, или диахронические, исследования со всеми видами синхронических исследований на основе структурального подхода и использования новейших семиотики, кибернетики, информатики и вообще математики и смежных наук¹²².

Если сравнить фиксацию материала, о котором у нас идет речь, с киносъемкой, то можно сказать, что кинооператор-компаративист стремится получить в свое распоряжение максимальное число кадров. Каждый кадр в данном случае должен соответствовать одной фазе существования изучаемого элемента, а идеальный кинофильм – истории этого элемента. В отличие от кинематографиста исследователю-эйдонимисту часто приходится удовлетворяться двумя-тремя «кадрами». И хорошо еще, если они относятся к различным последовательным фазам истории эйдонима.

Разумеется, ни одна документальная история эйдонима не выходит за пределы письменных документов, из которых древнейшие датированы рубежом чет-

¹²² О сравнительно-исторической программе исследований см.: О задачах сравнительно-исторического исследования лексик // *Вопр. языкознания*, 1955, № 2; о современном индоевропейском сравнительно-историческом языкознании: Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Вопросы реконструкции. – Л., 1967; о ларингальной теории: Winter, Werner. Evidence for Laryngeals, London, The Hague, Paris, 1965; Горнунг Б. В. Ларингальная гипотеза // *Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков*. – М., 1956. – С. 155-158; Макаев Э. А. Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков // *Труды Института языкознания АН Грузинской ССР. Серия восточных языков*, т. 2. – Тбилиси, 1957. – С. 55-71; о методе внутренней реконструкции: Lehmann Winfred P. *Historical Linguistics: an Introduction*. – New York, 1963. – P. 99-106; о догреческом языкознании: Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. (Родственные отношения индоевропейских языков). – М., 1958. – С. 87-104; Georgiew W. *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Sofia, 1-е L., 1941; и 2-е L., 1945; о методе межъязыковых аналогий еще нет подводящих итоги работ, если не считать отдельных констатаций в связи с изложением диахронической типологии: Milewski, Tadeusz. *Językoznawstwo*. – Warszawa, 1965 и 1967. – S. 250-253; о ностратическом языкознании: Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков // *Славян. языкознание. VI Международный съезд славистов*. – М., 1968. – С. 407-426; Иллич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // *Проблемы индоевропейского языкознания*. – М., 1964. – С. 3-12; Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // *Этимология* 1965. – М., 1967. – С. 321-373; не будучи в состоянии охватить в небольшом списке литературу по вопросам совмещения традиционных исторических и новейших лингво-математических методов в историко-лингвистических исследованиях, сошлемся лишь на сборник: *Directions for Historical Linguistics. A Symposium*, ed. by W. P. Lehmann and Yakov Malkiel, Austin and London, 1968.

вертого и третьего тысячелетий до н. э. Из общего правила о том, что чем ближе к нашему времени, тем непрерывнее и полнее становится историческая документация, есть, конечно, немало исключений.

Первый вопрос, который может задать «посторонний человек», услышав о сравнительно-исторической программе в эйдонимии, – что может дать эта программа, кроме того, что дают нам письменные источники?

При первом взгляде на ряд личных собственных имен, до недавнего времени бывших у нас в более или менее широком употреблении, может создаться впечатление, что все они связаны одним общим эйдонимическим суффиксом: *Алексей, Андрей, Варфоломей, Гордей, Евсей, Корней, Матвей, Сергей, Пантелей, Тимофей*. Десять (а их, конечно, больше) рифмующихся имен – уже достаточное число, чтобы прийти к какому-нибудь выводу об их отношении друг к другу.

Однако единственным выводом, основанным на том, что все они взяты из «календаря» православных имен, будет то, что они синцикличны, относятся к одному и тому же культурному циклу имен и следовательно, могли получить распространение у восточных славян, по свидетельству «Повести временных лет», лишь после 988 года н. э. (6496 «от сотворения мира»).

Выделение финального фрагмента **-ей** окажется невозможным уже после первой справки в календаре святых православной церкви: имена эти разобьются на несколько неравномерных рядов: 1) *Алексий, Гордий, Евсевий, Корнилий, Сергий*, 2) *Андрей, Варфоломей, Матвей, Тимофей*, 3) *Пантелеймон*.

Дальнейшая их классификация станет возможной на основе греческого языка, из которого они и были перенесены на восточнославянскую почву.

Учитывая их связи с элементами генонимической лексики, в пределах греческого ономастикона их можно разделить на две группы:

1. Древние греческие имена: *Алексий* из ΑΛΕΞΙΟΣ, ср.: ΑΛΕΞ-, ΑΛΕΞΙ- – в композитах и простые: ΑΛΕΞΑΣ, ΑΛΕΞΕΑΣ, ΑΛΕΞΙΑΣ, ΑΛΕΞΙΣ, ΑΛΕΞΙΩΝ, ΑΛΕΞΟΜΕΝΟΣ, ΑΛΕΞΟΣ, ΑΛΕΞΩΝ.

В этом ряду можно выделить основу, представленную в глаголе ΑΛΕΞΩ – защищаю, прихожу на помощь и т. п.; ΕΥΣΕΒΙΟΣ из ΕΥΣΕΒΗΣ < εὐσεβής – набожный, благочестивый, почтительный; ΠΑΝΤΕΛΕΜΩΝ из более древнего ΠΑΝΤΕΛΕΟΣ, ΠΑΝΤΕΛΕΙΟΣ, ср.: ΠΑΣ, ΠΑΝΤΟΣ – весь, всего и т. д. + ΕΛΕΝΜΩΝ – милосердный, сострадательный, сочувствующий – и глагол ΕΛΕΩ – сострадаю, сочувствую; ΤΙΜΟΘΕΟΣ – древнее «богоносное» (теофорное) имя, из основы ΤΙΜΑΝ – уважать, почитать и ΘΕΟΣ – бог.

2. Имена, эллинизированные из: а) римских родовых имен: ΚΟΡΝΗΛΙΟΣ < Cornelius, ΣΕΡΓΙΟΣ < Sergius; б) ханаанских и сирийских: ΒΑΡΘΟΛΟΜΑΙΟΣ – арамейское (сын Тольмая), ΜΑΤΘΑΙΟΣ – древнееврейское (одаренный богом), греческие варианты: ΜΑΤΘΙΑΣ, ΜΑΤΤΑΘΙΑΣ, ΜΑΤΤΑΘΑ, ΜΑΘΘΑΝ, ΜΑΤΘΑΤ (родственные имена: *Натан, Йехонатан, Йонатан, Нетан-Мелех, Нетанезль*); в) малоазиатских: ΓΟΡΔΙΟΣ, или ΓΟΡΔΙΑΣ (фригийский царь, основатель города ΓΟΡΔΙΟΝ)¹²³.

¹²³ Zgusta, Ladislav. Kleinasiatische Personennamen. – Prag, 1964. – S. 137.

Итак, в рассмотренном нами ряду личных собственных имен оказались имена, первоначально связанные с различными языками, и предположение о наличии в них какого-то общего суффикса **-ей** рассыпалось прахом после обращения к одному из их источников.

Разумеется, то же самое было бы, если бы мы обратились не к древнегреческому, а к римскому (соответственно – итальяскому) или к древнееврейскому ономастикону в той его части, которая обнаруживает наглядную связь с нарицательной, или генонимической, лексикой.

Если изучающему именно эту генонимическую лексику приходится прежде всего считаться с фонематическими соответствиями разных фаз развития одного и того же языка или с фонематическими соответствиями между разными родственными языками, то изучающему эйдонимии приходится учитывать часто совсем нерегулярные в своей единичности преобразования, трансформации или деформации.

Туристы, проходившие по Южному берегу Крыма, вероятно, знают, что на Никитской Яйле находится наивысшая точка в окрестностях г. Ялты – гора *Авинда* (варианты: *Авунда*, *Авында*), а в Симеизе пляж с одной стороны ограничен мысом *Ай-Панда*, а с другой – скалами Монах и Дива¹²⁴.

Исследователи крымской топонимии, в частности оронимии, натолкнувшись на значительное число названий с «исходом» (финальным фрагментом) **-нда**, на основании общих сведений по истории Крыма решили разделить эти названия на два основных слоя: (1) древний – названия неизвестного происхождения (под вопросом: «не из языка ли тавров?») и (2) более новый – тюркские (татарские) названия в форме местного падежа с послелогом **-да**, **-дэ**.

К первым А. И. Маркевич относит такие, как *Авунда*, или *Аунда*, *Арманда*, *Баганда*, *Ваганда*, *Календа*, *Каракунда*, *Лунда*, *Марсанда* (затем *Массандра*), *Мургунда*, *Ореанда*, или *Ориенда*, *Ургенда* и пр., а ко вторым: *Борлук-Астында*, *Каралган-Астында*, *Джаманда*, *Тарскунда*, *Копур-Япунда*, *Эскибашанда* и пр.

В этот список не попал мыс *Ай-Панда* из-за его слишком явного греческого препонента **[ай-]** из *ἄγιος*, *ἁγία* – святой, святая.

Однако возьмем из первого, будто бы древнего, слоя название горы *Авунда* (*Авында*, *Авинда*). Оно оказалось среди древних или даже древнейших (таврских!) именно потому, что случайно утратило свой препонент **[ай-]**.

Во времена пребывания в тех местах византийских греков на горе *Авунда*, несомненно, была церковь (а может быть, даже монастырь) святого *Авундантия*, гр. ΑΒΟΥΝΔΑΝΤΙΟΥΣ из лат. *Abundantius*.

Не менее основательной деформации подвергся и ΑΓΙΟΣ ΠΑΝΤΕΛΕΝΜΩΝ, превратившись в *Ай-Панда*.

Мы не беремся судить обо всех упомянутых названиях, но хотим подчеркнуть важность именно «биографического» подхода к эйдонимам и в частности

¹²⁴ Крым. Путеводитель, с. 173, 197, 207; Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II (59). – Симферополь, 1928. – С. 1-16.

к топонимам. Что касается сравнительно-исторического метода, или программы исследований, то он вступает в свои права тогда, когда эйдонимический материал надежно помещен в границы того или иного вполне определенного языкового материала.

Однако даже в границах определенного языка требуются различные историко-диалектографические уточнения, без которых невозможны правильные толкования.

Из Крыма мы на некоторое время перелетим на остров Кипр, где при знании греческого и турецкого языков на первый взгляд нетрудно ориентироваться в лабиринте топонимов. Мы не будем останавливаться на топонимах, унаследованных от античной эпохи, и на географических названиях, заметных на картах масштаба 1 дюйм = 10 миль, изданных для туристов. Возьмем материалы микро-топонимии Кипра из ежегодника «Κυπριακαὶ σπουδαί» (Κ. Kenth, «Τοπωνυμία καὶ παραδόσεις τοῦ Χωρίου Ἀγίου Θεοδώρου Καρπασίας», т. 24, 1960; Γ. Ι. Καρύωτης, «Κυπριακὰ τοπωνυμία», т. 9, 1945) и из классического труда о топонимии Кипра «Περὶ τοῦ τοπωνυμικοῦ τῆς Κύπρου» («Αθήνα», т. 18, 1907) Σίμου Μενάρδου. Для фонологической транскрипции диалекта мы используем простую систему на основе русской графики. Знак **ъ** обозначает щелевое (фрикативное) произношение предшествующего ему согласного: [гъ] = γ, [дъ] = δ, [тъ] = θ, знаки [ш] и [ч] обозначают примерно, то же, что и в русском письме.

Микротопонимию Кипра можно правильно понять, только изучив фонетические и лексические особенности кипрского диалекта. Если мыс называется [гъротирѝ], то в этом названии угадывается кипрский вариант еще древнегреческого ΑΚΡΩΤΗΡΙΟΝ. Утес под названием [дъиплогъротиро] – значит двойной мыс.

Вообще, учитывая рельеф страны, понятно, что для всех возвышенностей имеется богатейшая географическая номенклатура, местами превращающаяся в топонимию: [вунό], [вунѝ], [вуналáчин], [вунáрин], [вунарэ́лин], [вунарóпулон], [трахóна], [тэньóс], [тýмба], [тэ́нда], [аспрову́нин], [анэ́фанаэс], [сте́фанэс], [тру́лли], [труллин] и т. п. Палатализация с аффрикатизацией перед гласными переднего ряда [э, и] обнаруживается в ряде микротопонимов вроде: [лáчин] – яма, [чипья] – садики, [пэ́фчи] – сосны, [монастира́чин] – маленький монастырь, [чилистрэс] – ложбины, [визачин] – галька, [авлачин] – ручей и т. п. Взаимозаменяемость смычных приводит к таким результатам, как: [áа хóра] < [áа тьóра], то есть Ἀγία Θεοδώρα, [хололѝмни] < [тьололѝмни], то есть θολολίμνη (впадина).

В названии [ва́ля], конечно, нетрудно угадать итальянское *valle* – долина, но без знания фонетической эволюции в названии [чýрка] трудно найти первичное кѝзоúρια – гробницы.

В названии [трѝа литѝ́рка] еще можно угадать его общегреческое соответствие – τρία λίθάρια – три камня, но это труднее сделать в названии [калóркес], возникшем из καλοῦριές – монашки. Трудно узнать в названии обрыва [ченда́фкас] первоначальное Κένταυρος.

Зная тенденцию перехода звонких смычных в глухие, уже легко понять, что Τελή Μουσταφάς – это *Deli Mustafa*, а Πεγιοúk Τεππε – это *Büyük tepe*. Мыс

под названием [м'утти т' ай влоіру], конечно, оказывается антропонимогенным топонимом, но попробуйте в списке святых найти святого Влоира, имя которого, по-видимому, происходит от ΕΥΛΟΓΙΟΣ – Эвлогий.

Если из истории нам известно, что наши ойконимы *Корсунь* (Корсунь-Шевченковский и просто Корсунь Донецкой области УССР) по форме своей связаны с названием летописного города Корсунь в Крыму, восходящим к византийскому *Херсон*, которое, в свою очередь, является видоизменением древнегреческого дорийского ΧΕΡΣΟΝΑΣΟΣ, аттического ΧΕΡΡΟΝΗΣΟΣ, койнэ ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΣ, то мы можем не задумываться над фонетическими переходами $X > K$, $\epsilon p > op$, $ov\eta > унь$ ¹²⁵.

Есть основания, однако, считать упомянутые переходы закономерными при непосредственных заимствованиях древней эпохи из греческого языка в славянские. Вспомним славянское название города ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ $> Солунь$. Конечно, еще в византийскую эпоху официальное название ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ подверглось редукции в устах простого народа и превратилось в ΣΑΛΟΝΙΚΗ, ср. турецкое *Selânik*. Любопытно отметить, что теперь в русском языке этот астионим стал восприниматься как форма множественного числа: *Салоники – в Салониках* (результат морфологической адаптации). Чрезвычайная скудость такого рода заимствований не позволяет установить для различных периодов системы фонематических соответствий. Если нарицательное *колчедан* (засвидетельствовано очень поздно – в 1792 году, в форме *калчадан*) происходит от собственного ΧΑΛΚΗΔΩΝ, или ΚΑΛΧΗΔΩΝ, не через средневековую латынь, а непосредственно из греческого (в пользу чего может говорить фонетика: $\chi > k$, $\alpha\lambda > ол – ал$, $k\eta > че – ча$, $ow > ан$), то в нем сохранилось очень древнее соответствие ударенного (когда-то долгого) гр. [o] славянскому [a], ср. ΔΩΡΟΝ – дарь¹²⁶.

Переход [o] $>$ [y], очевидно, был характерным в закрытых неударенных слогах. Напротив, под ударением могло происходить «расширение» гласного: [e] $>$ [o] – ΧΕΡΣΩΝ $>$ *Корсунь*, но ΣΑΛΟΝΙΚΗ $>$ *Солунь* = *Селунь* (может быть, объясняется нейтрализацией первоначально неударенного); ΧΑΛΚΗΔΩΝ... $>$ *колчедан* остается, по-видимому, изолированным примером.

При изучении заимствованных имен и названий полезно различать их этимологический и исторический источники. Они могут совпадать, но могут и различаться. Например, астионим ΑΘΗΝΑΙ, русск. *Афины*, болг. *Атина*, серб. *Атина* (и *Атена*), турецк. *Atina*, араб. [Атьй̣нā] – непосредственно из греческого, как свидетельствует [и] $>$ η, а польск. *Ateny*, чешск. *Atheny*, румын. *Atena*, итал. *Atene*, фр. *Athenes*, нем. *Athen*, англ. *Athens*, исп. *Atenas* и т.п. указывают на латинскую форму *Athenae* как на их исторический источник. Единственное число Αθήνα вместо множественного Αθήναι распространилось уже в разговорной форме греческого языка, и наличие его в некоторых языках (болгарском, сербском, турецком, арабском) также может быть свидетельством непосредственного заимствования

¹²⁵ В эпиграфических памятниках античной эпохи он называется только ΧΕΡΣΟΝΑΣΟΣ, а жители его – ΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΙ. У нас прочно утвердилась форма койнэ в «гимназическом» произношении.

¹²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. II, с. 298.

из греческого (точнее – новогреческого димотического). Напротив, русск. *Рим*, болг. *Рим*, серб. *Рим*, польск. *Rzym*, чешск. *Řím* не могли быть заимствованы из латинского или итальянского, как фр. *Rome*, нем. *Rom*, англ. *Rome*, румын. *Roma*, турецк. *Roma* и т. п., но, вероятно, восходят к историческому источнику готскому *Rūma*, древневерхненемецкому *Rūma*¹²⁷.

Историческим источником библейских имен в русском языке был не древнееврейский, а греческий, поэтому у нас астионим не *Йерушалаим*, а *Иерусалим* (ΙΕΡΟΥΣΑΛΗΜ, а также ΙΕΡΟΣΟΛΥΜΑ), не *Ярдэйн*, а *Иордан* (ΙΟΡΔΑΝΗΣ), не *Шомрон*, а *Самария* (ΣΑΜΑΡΕΙΑ), не *Седом* и *Амора*, а *Содом* и *Гоморра* (ΣΟΔΟΜΑ, ΓΟΜΟΡΡΑ), не *Шимшон*, а *Самсон* (ΣΑΜΨΩΝ), не *Шушана*, а *Сусанна* (ΣΟΥΣΑΝΝΑ), не *Пелешет*, а *Палестина* (ΠΑΛΑΙΣΤΙΝΗ) и не *пелиштим*, а *филистимляне* (ΦΙΛΙΣΤΙΝΕΙΜ, ΦΥΛΙΣΤΙΝΕΙΜ, а также ΠΑΛΑΙΣΤΙΝΙΟΙ), а река в Месопотамии называется не *Перат*, а *Евфрат* (ΕΥΦΡΑΤΗΣ) и т. п.

Название знаменитой месопотамской реки было до того эллинизировано, что оно превратилось в греческое собственное имя, произведенное от основы глагола ΕΥΦΡΑΙΝΕΙΝ – радовать, веселить и прилагательного ΕΥΦΡΩΝ – радостный, веселый, и оказалось в ряду множества образованных от нее имен: *Эвфрон*, *Эвфронэс*, *Эвфронэ*, *Эвфрониос*, *Эвфронион*, *Эвфронискос*, *Эвфронидэс*, *Эвфро*, *Эвфрэнон*, *Эвфрайнон*, *Эвфрайнэтос*, *Эвфрайнуса*, *Эвфраниас*, *Эвфрантас*, *Эвфрантэс*, *Эвфрантидэс*, *Эвфранто*, *Эвфрантэ* и, наконец, *Эвфратас*, *Эвфратэс*, *Эвфрэтэс* и т. п. Древнее аккадийское название *Пурату* сохранилось в таких формах, как древнеевр. *Перат*, араб. *Аль-Фурату*, турецк. *Фырат*. Восточный спутник Евфрата – *Диглат* при иранском воздействии превратился в *Тигра*: ΤΙΓΡΙΣ или ΤΙΓΡΗΣ, но древнее месопотамское название еще сохраняется в древнеевр. *Хидэкэль*, араб. *Ад-Диджляту*, турецк. *Диджле*.

Закономерен и такой вопрос: почему восемнадцать королей Франции по-русски называются *Людовиками*, а по-французски они – *Louis* (англ. *Lewis*, нем. *Ludwig*, итал. *Lodovico* и пр.). Для ответа на этот естественный вопрос достаточно вспомнить, что латынь была официальным языком западноевропейских стран после падения западноримской империи и почти до французской революции 1789-1794 годов. Поэтому король, которого его поданные называли *Louis*, в официальных документах именовался *Lodovicus Dei gratia rex etc.* – *Людовик божью милостью король и проч.* В данном случае историческим источником оказывается средневековая латынь, а этимологическим источником латинизированного имени – старофранкская форма *Хлодових*¹²⁸.

На карте Римской империи мы читаем названия римских провинций и соседних стран: *Mauretania*, *Lusitania*, *Hispania*, *Aquitania*, *Gallia*, *Hibernia*, *Caledonia*, *Britannia*, *Germania*, *Pannonia*, *Dalmatia*, *Moesia*, *Dacia*, *Thracia*, *Macedonia* etc. Естественно выделить в них хоронимический суффикс *-ia* > *-ия*, доставшийся нам в наследство от римлян. Именно его мы находим в привычных для нас названиях

¹²⁷ Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, 2-er Band. – Heidelberg, 1955. – S.522.

¹²⁸ Kleinpaul, Rudolf. Die deutsche Personennamen. Ihre Entstehung und Bedeutung. – Leipzig, 1909. – S. 46.

европейских стран: Англия, Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Дания, Испания, Италия, Норвегия, Португалия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция и др.

В некоторых из них этот суффикс присоединяется к сложной основе с постпонентом **-ланд, -лянд** (Land): Ирландия, Исландия, Голландия, Финляндия, Шотландия, причем все они в той или иной степени либо связаны с германской группой языков, либо германские языки оказываются для нас их историческим источником.

Внимательный наблюдатель из этого последнего класса хоронимов выделит название *Финляндия* из-за того, что в нем вместо постпонента **-ландия** выступает **-ляндия**, постпонент, который должен относиться к тому же циклу, что и пришедшие к нам из немецкого языка *Ирландия* (Irland), *Шотландия* (Schottland), *Исландия* (Island), *Гренландия* (Grönland) и *Голландия* (Holland), которая официально называется *Королевством Нидерландов* (Koninkrijk der Nederlanden).

Дело, очевидно, в том, что теперешнее названия *Финляндия* (самоназвание *Suomi*), соответственно – *Finnland*, было закреплено в документах наряду с такими, как *Курляндия* (Kurland), *Лифляндия* (Livland), *Эстляндия* (Ehstland), нынешняя *Эстония* (Eesti), но почему-то *Ингерманландия* (*Ингрия*, *Ижора*, *Ingermanland*) и, вероятно, не в то время, когда названные выше хоронимы.

Это не значит, что в старорусском языке не существовало названий западноевропейских стран, которые теперь содержат постпонент **-ландия, -ляндия**. Большинство из них, вероятно, обозначалось соответствующими этнонимами. К этому заключению нас приводят сохранившиеся в начальной летописи образцы:

Греки = 1) этноним > 2) хороним, он же еще *Греческая земля*; *Варяги* = 1) этноним > 2) хороним (* *Варяжская земля*); *Волохи* = 1) этноним > 2) хороним, он же еще *Волошская земля* (= *Италия*); *Угры* = 1) этноним > 2) хороним, он же еще *Угорская земля*; *Чехи* = 1) этноним > 2) хороним, он же еще *Чешская земля*, ср. *Ляхи* = 1) этноним > 2) хороним (но *Лядская земля*).

Многие этнонимы употреблялись в форме собирательных имен (nomina collectiva) типа: *Русь*, *Чюдь* (*Чудь*), *Меря*, *Мурома*, *Ижера* (*Ижора*), *Литва*, *Мордва* и т. п. – и в таком случае также обозначали страну: *Русь* – *Русская земля*, *Чудь* – *Чудская земля*, *Сѣверь* – (*Сѣверская земля).

В польском языке до сих пор сохранились такие образцы как *Niemcy* = немцы и *Германия*, *Włochy* = итальянцы и *Италия*, *Węgry* = венгры и *Венгрия*, *Czechy* = чехи и *Чехия*.

8

Само название «сравнительно-исторический метод» (ср. также просто «сравнительный метод» в отличие от «сопоставительного или конфронтативного», метода; англ. comparative or comparative historical method, фр. méthode comparative ou comparative historique, нем. vergleichende oder historisch-vergleichende Methode) определяет две наиболее существенные части исследовательской программы: сравнение языков и изучение их истории, или их динамическое (диахроническое) сопоставление.

При изучении эйдонимии наиболее существенной частью названной программы чаще всего оказывается, как уже отмечалось, именно изучение материала в его исторической перспективе.

Без исторической перспективы, в которой наблюдается более или менее постепенная и последовательная смена фаз одного и того же элемента или ряда взаимосвязанных элементов, причем связи их могут быть формальными и смысловыми, любая этимология в бытовом понимании слова оказывается в какой-то мере остроумной догадкой или вспышкой научной фантазии.

Для одной весьма скромной речки (левого притока р. Сулы) была предложена весьма высокопарная этимология: *Arta + *Porata* – Река божества, ныне *Артополот*, тем более, что недалеко имеется *Боговка* (*Богівка*), а на Украине следует искать ираноязычные гидронимы (нельзя же отказать в иранизме таким названиям, как *Дунай*, *Днестр*, *Днепр*, *Дон*, *Донец*!¹²⁹).

Можно, конечно, сослаться на теофорные названия рек, например, *Брахмапутра* – сын Брахмы, но нельзя привести никаких экстралингвистических доказательств в пользу того, что именно скромный *Артополот* оказался «божественной рекой», кроме его сомнительной связи с *Боговкой*.

Что касается лингвистической стороны, то, наверное, не менее убедительной могла бы оказаться и «частичная» балтийская этимология этого гидронима, напр.: литовск. *arti* (возле, вблизи, близко) + *paltis* (образовавшийся от дождя ручей), латышск. *palts*, *palte* – лужа (это связывается с нем. *Fulda* и *Feld*), ср. гидроним *Полота* (приток Западной Двины), давший название городу *Полотьскъ* > *Полоцк*¹³⁰.

Если бы среди притоков Днепра встречались греческие названия, то гидроним *Артополот* без труда связался бы с нарицательными греческими ΑΡΤΟΠΩΛΗΤΗΣ – продавец хлеба (ΑΡΤΟΠΩΛΕΙΟΝ – место, где продают хлеб), и мы сослались бы на неизменного Геродота, сохранившего нам сведения о вывозе хлеба (зерна) из Скифии в греческие города.

Среди балтийских названий рек Верхнего Поднепровья В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев регистрируют: *Апарат*, *Опороть*, *Воропат*, *Вопрут*, *Вопрат*¹³¹.

Ираноязычная этимология скромной украинской речки, кроме сближения предполагаемого препонента *Арто* непосредственно с древнеиранским ΑΡΤΑ (без всяких фонетических изменений!), опирается еще на древнее название реки Прута: ΠΟΡΑΤΑ = ΠΥΡΕΤΟΣ, в котором, быть может, таится общеиндоевропейский корень, ср. гр. ΠΟΡΟΣ – проход, пролив, брод, мост. То, что восстанавливаемое *porata подверглось изменению (ламбдацизм и пр.), гораздо убедительней со сравнительно-исторической точки зрения, чем то, что ΑΡΤΑ – будто бы осталось неизменным. Мы не удивились бы, если бы какой-то письменный источник сохранил нам название вроде укр. *анцибол*, *анциболот*, *анциболотник* (ср. также *арци*), подвергшееся затем деэтимологизации и фонетической трансформации.

¹²⁹ А.С.Стрижак. Названия рек Полтавщины, с. 83; О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины, с. 220, 248.

¹³⁰ M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, 2-er B., S. 397.

¹³¹ Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962, с. 176, 181, 199.

Едва ли мы могли бы решительно отвергнуть и какую-нибудь финскую этимологию, вроде **Hurtan purot* – ручьи гончей (собаки) и т. п., но, вероятно, мы восстали бы против латинской этимологии, скажем, **Atra Pullata* – черно-черно-серая, и не по каким-либо фонетическим или морфологическим соображениям, а лишь потому, что латинские названия рек не зарегистрированы на нашей территории.

Мы не претендуем здесь на установление этимологии этого *Артополота*, но хотим обратить внимание любителей иранских гидронимов на то, что предполагаемый препонент упомянутого названия очень напоминает тюркоязычные топонимы с препонентами **[ард-, арт-]**, например, *Арт-Гол* (в верховьях Большого Енисея, или *Бий-Хема*, в Тувинской АССР). Не исключено и то, что в предполагаемом препоненте скрывается основа **[орта-, урта-]**, например, приток р. Урала недалеко от Оренбурга – *Урта-Буртья*. Во всяком случае, семантика и того, и другого в гораздо большей мере соответствует нашим представлениям о возможных смысловых значениях препонентов гидронимов, чем в высшей степени торжественная иранская основа **[арта]**, вовсе не зарегистрированная среди действительно иранских гидронимов: **[арт-]** – задняя, **[урта-]** – средняя. Понятно, что тюркоязычные названия по их возрасту должны были претерпеть на нашей территории гораздо меньше изменений, чем чрезвычайно гипотетические иранские.

Если для сарматской эпохи можно признать довольно успешным толкование личных собственных имен греческих эпиграфических памятников на основе ираноязычного лексического материала, то гораздо хуже дело обстоит с толкованием собственно скифских глосс и собственных имен у Геродота¹³².

Среди рек Скифии Геродот упоминает только «наиболее известные и судоходные со стороны моря»: *Истрос* (ΙΣΤΡΟΣ), *Тирэс* (ΤΥΡΗΣ), *Гипанис* (ΥΠΑΝΙΣ), *Бористэнэс* (ΒΟΡΥΣΘΕΝΗΣ), *Пантикапэс* (ΠΑΝΤΙΚΑΠΗΣ), *Геррос* (ΓΕΡΡΟΣ), *Гипакирис* (ΥΠΑΚΥΡΙΣ), *Танаис* (ΤΑΝΑΙΣ). Если мы назовем столько же значительных рек восточнославянской равнины, то названия их окажутся чуждыми восточнославянским языкам: *Буг*, *Волга*, *Двина*, *Днепр*, *Днестр*, *Дон*, *Ока*. Напротив, среди названий далеко менее значительных рек мы нашли бы потамонимы, связанные с восточнославянской генонимией: *Белка*, *Березовка*, *Бобровка*, *Бузовка*, *Дубовка*, *Липовка*, *Сосновка* и т. п. Можно ли это соотношение названий значительных и незначительных рек считать общим правилом? Хотя можно проследить видоизменения потамонимов, например, Испании, Франции и Германии, названия *Гвадалкивир*, *Гвадиана*, *Дуэро*, *Миньо*, *Тахо*, *Хукар*, *Эбро* нельзя считать собственно испанскими в смысле языка; названия *Гаронна*, *Дордонь*, *Жиронда*, *Луара*, *Марна*, *Рона*, *Сена* – французскими; названия *Везер*, *Маас*, *Майн*, *Мозель*, *Одер* (*Одра*), *Рейн*, *Эльба* (*Лаба*) – немецкими.

Точно так же нельзя считать в смысле языка греческими наиболее значительные реки Греции: *Алиакмон* – *Галиакмон* (ΑΛΙΑΚΜΩΝ), *Ахелоос* (ΑΧΕΛΩΟΣ), *Эврос* – *Геброс* (ΕΒΡΟΣ), *Пиньос-Пэнейос* (ΠΗΝΕΙΟΣ), *Нестос* (ΝΕΣΤΟΣ), *Арах-*

¹³² В.И.Абаев. Осетинский язык и фольклор, М.–Л., 1949, с. 147–244; Ladislav Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, S. 59–184.

тос (ΑΡΑΧΘΟΣ), Стримон (ΣΤΡΥΜΩΝ), даже учитывая их современные просторечные названия, напр.: *Арахтос* = [то потáми тис Артас], *Эврос* (в Болгарии – *Марица*), *Нестос* (в Болгарии – *Места*), *Стримон* (в Болгарии – *Струма*). Исключение составляет *Ахелоос*, который называется вполне «нарицательно» [Аспропóтамос] – *Белая река*. Со скифскими гидронимами дело обстоит совсем иначе: большинство из них уже получили на первый взгляд удовлетворительные индоевропейские или, в частности, иранские этимологии: *Истрос* должен содержать корень **с(т)ров* (ср.: *струя*, *остров*); *Тирэс* – иранскую основу **tura* – быстрый, сильный, яростный; *Бористэнэс* должен объясняться как композит из двух иранских основ: **varu* + **stāna* (хотя такое название было, по свидетельству лексикографа Гесихия, у Геллеспонта, то есть нынешнего Дарданелльского пролива, для которого название *широкое место* так же мало подходит, как и для нашего Днепра), и, наконец, *TANAIS* должен содержать северо-восточноиранскую основу **dāni* – ту, что и *ΔΑΝΟΥΒΙΟΣ* – *Дунай* (он же *Истрос*).

Загадочным осталось название реки *Пантикапэс*, будто бы содержащее в необычном порядке иранские основы **ranti* – путь и **kara* – рыба. Неясным здесь остается и то, почему *Пантикапэс* называется среди рек Скифии, а город *Пантикапайон* помещается на берегу Керченского пролива, на месте теперешней Керчи.

Мы не будем подробно останавливаться на именах скифского пантеона в передаче Геродота (IV, 59): *Гестия* = *Табити*, *Зевс* – *Папайос*, *Гей* = *Ани*, *Аполлон* = *Гойтосирос*, *Афродита Небесная* = *Аргимпаса*, *Посейдон* = *Тегимасада*с (*Арес* остался безымянным). Из них только *Гестия* – *Табити* удостоилась иранской этимологии и то частичной: в ее имени подозревается основа **iār* – греть.

Если бы из всех этих имен ни одно не оказалось бы ираноязычным даже при том, что иранский характер скифского этноса уже не подлежит сомнению, в этом не было бы ничего удивительного. Из двенадцати богов древнегреческого Олимпа только имя верховного бога ΖΕΥΣ можно считать индоевропейским и еще, может быть, имя богини ΑΡΤΕΜΙΣ, если согласиться с ее индоевропейско-малоазиатской этимологией (*ṵ ṛкте ēмь)¹³³.

Не исключена и установленная еще составителем «Большого этимологикона» и не отвергнутая новейшими исследователями этимология для имени бога наступательной войны *Ареса*, или *Арея*, хотя мы не беремся судить, можно ли ее признать индоевропейской или только греческой¹³⁴.

Трудно интерпретировать на иранской основе такие скифские глоссы, как *Эксампайос* – Священные пути (IV, 52) и *антакайос* (IV, 53) – рыба из семейства осетровых. Зато иранскую интерпретацию получили имена мифических предков: *Таргитаос*, *Липоксаис*, *Арпоксаис*, *Колаксаис* (IV, 5–6): **Даргатава* (Долгомошный?), (*Липо*-?) + **хшая* (= *киатрия* – властитель), **Апра* + *хшая* (владыка вод, владыка Днепра), **Хвар* + *хшая* (владыка солнца? – *А. Б.*). Самым правдоподобным в этой интерпретации является определение постпонента -ΞΑΙ- = *хшая* как ираноязычного.

¹³³ P. Chantraine, Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, tome 1, Paris, 1968, p. 116–117.

¹³⁴ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, с. 175, 186.

Из четырех названий этнических группировок скифов (IV, 6) две как будто получили удовлетворительное истолкование (хотя и не окончательное): *авхаты* < *vahu + *ta*(?) – *хорошие* (?) и *паралаты* (с допущением замены Δ знаком Λ) < *paradāta – *предустановленные*¹³⁵.

Катиоры и *траспи* остаются без этимологий.

Наименее похоже, согласно Геродоту, на иранское самоназвание (автоном) скифов название *сколоты* (ΣΚΟΛΟΤΟΙ), ср. собственное ΣΚΥΛΗΣ, фонетически сопоставимое с этнонимом.

Разумеется, очень нелегко установить какое-либо постоянное отношение между известной совокупностью этнонимов и языком этноса (большого этноса), которому они принадлежат. Вопрос об этом отношении интересовал уже автора «Повести временных лет».

Когда он перечисляет названия восточнославянских племен, то оставляет без объяснений те из них, которые ему представляются этимологически прозрачными, а в других случаях дает пояснения, напр.: «Бужане, зане сѣдоша по Бугу», «Радимичи бо и Вятичи от Ляховъ. Бяста бо 2 брата в Лясѣхъ, Радимъ, а другой Вятко, и пришедьша сѣдоста Радимъ на Съю, и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже произвашася Вятичи»¹³⁶ и т. д.

Но, конечно, такие этнонимы, как: *поляне* < *поле*, *деревляне* < *дерево*, *дреговичи* < *дрягва* – скорее исключение в области этнонимии, чем общее правило. Так как при наличии индоевропейских параллелей этноним сѣверь можно считать генонимогенным, или апогенонимическим, то и его надо отнести к упомянутым выше¹³⁷.

Современная восточнославянская антропонимия в отношении своих этимологических источников, кроме, конечно, немногих «летописных» имен, вроде *Владимир*, *Всеволод*, *Борис*, *Глеб*, *Ростислав*, *Ярослав*, *Олег*, *Ольга*, *Игорь*, восходящих к славянским и скандинавским циклам, не является собственно славянской и говорит не о языке, а о культуре ее носителей. Ее историческим источником, как известно, является греческая антропонимия византийской эпохи.

Такое расхождение между антропонимией и нарицательной лексикой оказывается по большей части результатом взаимодействия культур и может быть признано показателем сложной культурной эволюции.

Если сарматские имена в надписях греческих городов Северного Причерноморья в языковом отношении оказываются довольно однообразными – ираноязычными, как об этом говорилось выше, то собственно скифских имен, переданных Геродотом, слишком мало для того, чтобы сделать какие-либо определенные выводы об их этимологических источниках. Однако уже четыре из них при всей их эллинизации получили этимологическое истолкование на основе иранских элементов: *Анахарсис*, *Ариантас*, *Арианейтэс* и *Спарганейтэс*¹³⁸.

При этом любопытно отметить, что в случае наличия параллельных форм, очевидно, одного и того же имени: *Спарганейтэс* и *Спарганисэс* – в первой фор-

¹³⁵ P. Chantraine, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, p. 107, 108.

¹³⁶ Летопись по Лаврентьевскому списку, с. 10–11.

¹³⁷ M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, 2-er B., S. 600.

¹³⁸ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, с. 153, 156, 169, 175, 183.

ме заметна частичная лексическая адаптация, то есть замена иранского *paisa основой *reith – греческих ΠΕΙΘΩ, ΕΠΕΙΣΑ, ΕΠΘΟΝ, ΠΕΠΕΙΚΑ, ΠΕΠΟΙΘΑ и т. д. – убеждаю, уговариваю, ср. антропонимические композиты типа: *Каллипейтэс*, *Энипейтэс*, *Тэопейтэс*, *Клеопейтэс*, *Нэопейтэс*, *Диопейтэс*, *Аксиопейтэс*, *Филопейтэс*, *Дэмопейтэс*, *Тимопейтэс* и пр.¹³⁹.

Наряду с этими остаются неясными в смысле этимологического источника имена, вроде: *Гнурос*, *Идантурсос*, *Октамасадэс*, *Скилес*, *Савлиос*. Правда, что касается имени ΟΚΤΑΜΑΣΑΔΗΣ, то оно по своему предполагаемому постпону может стать в один ряд с фракийскими *Бэрисадэс*, *Парэйсадэс* (*Пайрисадэс*), известных боспорских династов¹⁴⁰.

Труднее всего дать этимологическое определение именам, вроде *Ликос* (ΛΥΚΟΣ), поскольку мы не знаем, имеем ли здесь дело с переводом имени на греческий язык или с фонетической адаптацией иноязычного имени. Проф. В. И. Абаев полагает, что речь идет о переводе¹⁴¹.

Имя *Ликос*, кроме греческой мифологии и варварской антропонимии, встречается и в собственно греческой антропонимии, а также широко представлено в качестве препонентов и постпонентов составных имен, напр.: *Ликотэрсэс*, *Ликолон*, *Ликомэдэс*, *Ликостэнэс*, *Ликостратос*, *Ликургос*, *Ликофрон* и *Амфиликос*, *Архиликос*, *Тэоликос*, *Дэмоликос*, *Тимоликос*, *Гермоликос*, *Леонтоликос*, *Автоликос* и др. (ср. Папе–Бензелер и Дорнзейфф – Ханзен).

Подводя итоги, можно сказать, что доказательство иранского происхождения значительной части сохраненной Геродотом в эллинизированном виде скифской эйдонимии стало возможным благодаря последовательно осуществленной программе ее сравнительно-исторического изучения с применением реконструкции лексического материала.

Едва ли здесь нужно говорить о том, что археологические данные подтверждают некогда широкое распространение иранских племен, в частности, северо-восточной (скифской) подгруппы восточной группы иранского семейства на просторах Восточной Европы¹⁴². Об этом широком распространении свидетельствуют как исторические документы, так и собственно материалы лингвистической географии.

Так, современные представители скифской подгруппы – осетинский и ягнобский языки – теперь отделены друг от друга значительным иноязычным пространством: первый – на Кавказе, а второй – в Таджикской ССР (главным образом, в высокогорной долине реки Ягноб, правого притока р. Фан-Дарья, левого притока р. Зеравшан).

Современный осетинский язык с его диалектами – прямой потомок аланского языка, а аланский, в свою очередь, – потомок сарматских, или савроматских, диалектов, в какой-то мере родственных предполагаемому языку скифских племен.

¹³⁹ F. Dornseiff und B. Hansen. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen, S.157.

¹⁴⁰ L. Z gusta, Die Personennamen..., S. 284.

¹⁴¹ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, с. 187.

¹⁴² И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1960, с. 346.

Ягнобский язык – потомок древнего согдийского языка, вместе с хорезмийским входившего в ту же скифскую подгруппу, теперь находится под сильным влиянием таджикского языка¹⁴³.

Примечательно то, что некоторые передаваемые Геродотом этнографические подробности также свидетельствуют об иранских связях известных ему скифских племен. Таков, например, рассказ о золотых изделиях, упавших с неба, являющийся указанием на сословное расслоение древних иранских племен. Как объяснил известный французский иранист-компаративист Эмиль Бенвенист, чаша символизирует сословие жрецов, секира (сагарис) – сословие воинов, а плуг и ярмо – сословие земледельцев¹⁴⁴.

Конечно, для окончательного решения многих ономастических вопросов трудность заключается в том, что сравнительно-историческая программа наталкивается на фрагментарный характер материала, однако дело не в том, чтобы раз и навсегда решить или дать ответы на недоуменные вопросы, а в том, чтобы указать путь возможного решения.

9

В какой мере упомянутый нами метод аналогий, или точнее – метод типологических аналогий, может помочь в решении этимологических вопросов при изучении эйдонимии? Этот метод основывается на признании изоморфизма некоторых общих процессов развития разных языков, как родственных, так и неродственных, как однотипных, так и разнотипных. Разумеется, изоморфизм процессов развития наблюдается прежде всего в генонимической лексике, а затем уже он может найти свое отражение и в развитии эйдонимической лексики. Однако следует признать, что изоморфные процессы наблюдаются и в развитии самой эйдонимии и для ее изучения наибольший интерес представляют сопоставления этих процессов и их результатов на почве различных языков в одно и то же время или последовательно разные эпохи и периоды.

Общим процессом развития в историческую эпоху можно назвать возникновение эйдонимов из генонимов; противоположный процесс наблюдается повсеместно как вторичный. Мы умышленно ввели в эту формулировку уточнение «в историческую эпоху», устанавливающее предел наших знаний, за которым, конечно, остается простор для научной фантазии. Такой (если вообще научной) была теория Н. Я. Марра о происхождении нарицательной лексики всех языков от четырех первичных односложных этнонимов¹⁴⁵.

Мы не останавливаемся здесь на вопросе о первичной двойственности семантического сигнала, в котором еще были совмещены генонимическая и эйдо-

¹⁴³ Подробнее об этом см.: Языки народов СССР, т. I, Индоевропейские языки, М., 1966, с. 237–256, 342–361.

¹⁴⁴ Journal Asiatique, v. 130, 1938, p. 533; Hérodote, Histoires, 1. IV, p. 50.

¹⁴⁵ Интересующихся можно отослать к книге В. А. Миханковой «Николай Яковлевич Марр» (М.– Л., 1948), которая, хотя и написана тенденциозно, оказывается гораздо более удобочитаемой, чем любое произведение автора яфетической теории.

нимическая функция, и дальнейшем разделении этих функций: все это, действительно, выходит за пределы поддающегося изучению материала и относится к кругу общих антропологических, а не собственно лингвистических и в частности ономастических проблем. Именно поэтому возле нижнего предела ономастических исследований надо признать апогенонимическую линию развития в эйдонимическом материале первичной. Нижний предел мы считаем наиболее удаленным от нашего времени, а верхний – наиболее приближенным к нему.

Условимся, что $г$ – геноним, $э$ – эйдоним, (1) – первичное отношение, (2) – вторичное отношение, (2...) – вторичное, третичное и т. д. отношения, $э_2$ – вторичный эйдоним, $г_2$ – вторичный геноним. Тогда общие отношения генонимической и эйдонимической лексики можно схематически представить следующим образом:

1. $г > э$ – (1), *бор* > *г. Бор...*
2. $э > г$ – (2), *Atlas* > *атлас...*
3. $э > э_2$ – (2...), *Андрей* > *н. п. Андреевка...*
4. $г > г_2$ – (2...), *река* > *речка...*

Что касается отношений видов эйдонимов друг к другу, то при $а$ – антропоним, $к$ – койноним, $т$ – топоним их можно будет схематически представить так:

1. $а > к$ – (1), *Осман* > *османы...*
2. $к > а$ – (2), *савроматы* > *Савромат...*
3. $т > к$ – (1), *Украина* > *украинцы...*
4. $к > т$ – (1), *франки* > *Франция...*
5. $т > а$ – (2), *о. Кипр* > *Киприан...*
6. $а > т$ – (2), *Ярослав* > *г. Ярославль...*
7. $т > т_2$ – (2), *Дон* > *Донец...*
8. $к > к_2$ – (2), *тюрк* > [*тюркмен*]...
9. $а > а_2$ – (2), *Георгий* > *Юрий...*

Само собой разумеется, что эта схема нуждается в разнообразных уточнениях, как и другие обобщения, представленные в таком виде. В ней речь идет об эйдонимах, состоящих всего лишь из одной лексемы, а многие из них состоят из атрибутивных и даже предикативных сочетаний. Последнее характерно, конечно, не для всех языков. Едва ли надо приводить примеры атрибутивных сочетаний в топонимии, а относительно предикативных можно сказать, что они совсем не характерны для индоевропейских языков, но встречаются, например, в тюркской эйдонимии¹⁴⁶. Среди топонимии Крыма можно найти такие названия, как мыс *Чобанбасты* (примерно: «чабан выскочил» или «вдруг появился чабан», греческое название этого мыса – *Меганом*), вариант этого названия *Чабан-баста* обусловлен, очевидно, частичным парэтимологическим истолкованием на основе

¹⁴⁶ Ср.: Донидзе Г.И. Глагольные топонимы в тюркских языках. – Топонимика Востока. Новые исследования, М., 1964, с. 39–46.

русского языка, ср.: *баста* (=довольно); скалы в окрестностях Бахчисарая – *Вай-вай-анам-кая* (Ой, ой, мама моя!) и *Хорхма-балам-кая* (Не бойся, дитя мое!)¹⁴⁷.

Общеизвестно, что в одночленных (монологических) и многочленных (полилексических) топонимах часто выступают так называемые географические номенклатурные термины. Бесплезно было бы останавливаться на вопросе о том, чем номенклатурные термины отличаются от просто терминов, тем более, что и просто термины в любой области знаний определяются далеко не безусловно.

Ясно только, что номенклатурные термины в географии – это географически определенная сфера бытовой, или общеупотребительной, в данном языке лексики, денотатами которой являются как конкретные объекты, так и непосредственно наблюдаемые явления действительности. Мы склонны вместо довольно неопределенного противопоставления терминов и номенклатурных терминов различать в данной области общеупотребительные слова, характеризующие эту область в отличие от других областей, и собственно термины, свойственные языку специалистов в этой области. Совокупность первых можно назвать элементарной терминологией (в данном случае – элементарной географической терминологией), а совокупность вторых – специальной терминологией. Так, «Словарь местных географических терминов» (М., 1959) Э. М. Мурзаева и В. Г. Мурзаевой содержит преимущественно элементарную терминологию с ее региональными вариантами, а «Энциклопедический словарь географических терминов» (М., 1968) – преимущественно специальную терминологию; «Словарь-справочник о физической географии» (М., 1960 и М., 1970) Ф. Н. Милькова – как элементарную, так и специальную терминологию, а «Словарь географических названий» (М., 1954) М. С. Боднарского – названия географических объектов, или собственно топонимы. Нас интересует прежде всего элементарная географическая терминология, поскольку она обнаруживается в топонимах и их производных.

К элементарным географическим терминам мы относим названия:

1. форм рельефа: а) положительных и б) отрицательных;
2. водных пространств (водоемов);
3. видов растительности (фитоценозов);
4. географических ландшафтов и ландшафтных комплексов¹⁴⁸: а) физиогенных комплексов и б) антропогенных комплексов;
5. природных явлений (постольку, поскольку они могут отражаться в топонимии).

Во вступлении к этому очерку мы уже упоминали о противопоставлении и отношении массивных и структурных лексических элементов. Здесь нам остается подчеркнуть, что элементарные географические термины в большинстве случаев оказываются массивными элементами.

Чтобы можно было воспользоваться типологическими аналогиями, прежде всего следует изучить элементарную географическую терминологию различных

¹⁴⁷ Крым. Путеводитель, стр. 110, 287; Бесчинский А. Путеводитель по Крыму, М., 1905, с. 102–103.

¹⁴⁸ См.: Энциклопедический словарь географических терминов, М., 1968, с. 76 и 193.

языков (разумеется, родственных и неродственных, однотипных и разнотипных), учитывая их формальные, семантические и генетические особенности.

Параллельное и сопоставительное (конфронтативное) изучение количественно наибольшего и качественно самого бесспорного материала должно служить основой для определения общих черт и линий развития для языков известного типа или известной степени родства. Такое изучение разноязычной элементарной географической терминологии показывает, что большинство элементарных терминов является массивными элементами.

Например, в русском языке: *берег, болото, бор, брод, бугор, вир, вода, волок, гай, гал, гарь, гора, дебрь, дерево, дол, камень, клин, куст, кут, лед, лес, лог, луг, лужа, лука, море, мох, мыс, овраг, озеро, остров, песок, плесо, поле, пруд, река, ров, русло, ручей, север, скала, снег, соль, степь, тоня, холм, юг, яма, яр* и т. п.

Строго говоря, в этом списке не все термины оказываются абсолютно массивными. Некоторые из них содержат основы, представленные также в глаголах: *брод* – *бреду, брожу*; *вир* – *варю* (ср.: *вьрѣти* – кипеть, klokотать, серб. *извор* – источник и т. п.); *волок* – *волоку, волочу*; *гай* – *гою*; *гарь* – *горю, жарю*; *лог* – *лежу* (ср.: *влог, залог, прилог, перелог, излог*); *пруд* – *прядаю, пряну* (укр. *прудий* и пр.); *ров* – *рою*; *тоня* – *тону, топлю* (ср.: *затон, притон*). Некоторые другие содержат основы, представленные также прилагательными и существительными, напр.: *гал* (укр. *прогалина, галывина*) ~ *голый, -ая, -ое*; *скала* ~ *осколок, щель*.

В названиях водных пространств и особенно текучих вод у нас представлены производные от глагольных корней, ср.: *лю, лить* – *залив, пролив*; *теку, течь* – укр. *затока, протока*, русск. *поток*, укр. *потік*, русск. *исток, истоки, источник*. Аналогией для этих последних могут быть элементарные термины других индоевропейских языков.

В латинском совершенно очевидна связь основ в глаголе *fluo, fluxi, fluxum, fluere* – *течь, струиться* и в существительных *flumen, fluvius* – *река, поток*, *fluctus* – *течение, волна*.

Менее очевидна такая связь у слов *amnis* – *река, впадающая в море* – и *fons, p. n. fontis*. Их, вероятно, лучше было бы отнести к массивным элементам так же, как и *aqua*. Аналогичным отношению *вир* – *вьрѣти* (см. выше) оказывается отношение *torrens* < *torreo, torrui, tostum, torrere*. Отглагольными являются также *scatebra, scaturigo, scaturrex* – *вода, бьющая ключом* – *scateo*, или *scato, scatere* – *бить ключом, фонтанировать*.

Родственным по корню нашему *река*, очевидно, является латинское *rivus* – *ручей*: мы подразумеваем корень в глаголах *рею, реять (рой), ринусь, ринуться*.

Немецкое *Fluß* – *река* не связано, как может показаться на первый взгляд, с латинскими *fluvius, flumen* (итал. *fiume*, франц. *fleuve*), а является одним из многочисленных производных индоевропейского корня **plew-, plow-, plū-*, представленного, кроме этого слова, в немецких глаголах *fließen* – *течь, плыть* и *fliegen* – *лететь, летать*; в существительных *Flut* – *прилив*, *Floss* – *плот*, *Flotte* – *флот*, *Fleet* – *канал* и пр.; англ. глаголах *to flow* – *течь, струиться*, *to float* – *плыть, плавать* (пассивно, в отличие от *to swim*), *flood* – *наводнение, разлив, прилив*, *fleet* – *флот*; русск. *плыву, плыть, плаваю, плавать, плот* (в отличие от *плот* в значении *забор*,

ср. *плеть* и т. п.); гр. πλέω, ἔπλευσα, πέπλευκα – плыву (на чем-либо), πλοῦς – плавание, πλοῖον – судно, πλύνω – мою, πλωτός – плавучий, судоходный и т. п., но в лат. *pluit* – идет дождь, *pluvia* – дождь и т. п.

Таким образом, можно сказать, что видимая массивность многих элементарных терминов при углублении в прошлое при помощи сравнительно-исторической программы исследований оказывается не абсолютной, а лишь относительной. Эту массивность следует понимать как синхроническое явление.

Особенно наглядной можно считать структурность потамонимии и некоторой части гидронимических терминов, напр.: *водопад*, укр. *водоспад*; *залив*, укр. *затока*; *затор* (на реках), *истоки*, *источник*, *отлив*, укр. *відплив*, *перекат*; *плавни*, *пойма*, укр. *заплава*, *заплавина*; *прибой* (ср. *накат*), *прилив*, укр. *приплив*; *пролив*, укр. *протока*; *промоина*, укр. *водорий* и *вимоїна*; *рытвина*, укр. *вибій* и *вибоїна*; *разлив*, укр. *розлив* и *розлиття*; *течение*, укр. *течія* и т. п.

Некоторая часть элементарных терминов легко обнаруживает свое метафорическое происхождение, причем среди метафор преобладают связанные с человеческим телом. Так, на севере восточнославянской равнины *губа* – в смысле *залив*, *нос* – в смысле *мыс*, общеупотребительное *хребет* – в смысле *цепь гор*, а также по большей части областные: *горло* – пролив, ср. укр. *гирло* – устье (укр. *джерело* – источник, родник, ключ, ручей), *бровка* – вершина обрыва или берегового склона, *взлобок* – пригорок, *головка* – утес на реке, *ладонь* – зеркало воды, *лбище* – мыс, *лобки* – заросли тростника в устье, *локоть* – изгиб реки, *огрудок* – каменистое дно реки (хотя, возможно, не от *грудь*, а от *груда*), *палец* – острая скала, *плечо* – речной мыс, *пуп* – роща среди полей, *шея* (*шейка*) – пролив, ср. *перешеек*, *щеки* – высокие берега реки, *язык* – подводный ледяной рог и т. п.¹⁴⁹.

Реже среди элементарных терминов метафорического происхождения встречаются названия «рукотворных» вещей (artefacta), например: *рукав* (реки), *подошва* (горы), *кратер* (вулкана), *кальдера* (вулкана), *дельта* (реки) и, может быть, другие. Впрочем, *дельта*, *кальдера* (исп. *caldera* из лат. *caldaria*), *кратер* надо отнести скорее к специальным, а не к элементарным терминам. Во всяком случае, такие термины не встречаются в качестве эйдонимизированных лексем, то есть собственно топонимов.

Здесь следует упомянуть также о том, что некоторые специальные термины первоначально были локально ограничены и лишь со временем получили широкое распространение, не ставши, конечно, топонимами, но из специальных терминов превратившись в элементарные. Мы имеем в виду такие термины, как: *архипелаг* – первоначально название (вернее, одно из названий) Эгейского моря и его островов; *вулкан* – несомненно *Вулкано*, или *Волкано*, в Тирренском море, самый южный остров в группе Липарских островов; *гейзер* – горячий фонтанирующий источник на острове Исландия; *дельта* – сперва только устье реки Нила (четвертая буква греческого алфавита); *джунгли* – от фарсийского нарицательного *джангал* – лес, сперва только в Индостане; *лагуна* – от испанского *lago* – озеро, сперва только в испаноязычных странах; *лиман* – от новогреческого λιμάνι, турец-

¹⁴⁹ Примеры взяты из «Словаря местных географических терминов» Э. М. Мурзаева и В. Г. Мурзаевой.

кого *liman* из древнегреческого ΛΙΜΗΝ – порт, гавань, сперва только в грекоязычных странах; *оазис* – от древнегреческого ὄασις, а также Ὠασις, происходящее из древнеегипетского [w – t]; *степь* – первоначально только на юге восточнославянской равнины, ср. укр. *стен*; *тайга* – сперва только в Сибири; *тундра* – сперва только в высоких широтах Евразии (в Субарктике).

Некоторые элементарные термины остаются строго ограниченными, например, южноамериканские: *каатинга*, *кампо*, *льяно*, *парамо*, *пуна*, *сельва*, *сертан* и др.; украинские: *гай*, *гирло*, *копанка*, *кучугур*, *левада*, *полонина*, *ставок* и пр. (получившие права гражданства и в русской литературе); сибирские: *ерник*, *колки*, *кедрач*, *падь*, *пихтач*, *релка*, *тайга* и пр.

Для региональных, или локальных, терминов характерен процесс их интернационализации. Это произошло, например, с такими терминами, как: *архипелаг*, *вулкан*, *гейзер*, *глетчер*, *грот*, *дельта*, *джунгли*, *каньон*, *кратер*, *морена*, *оазис*, *океан*, *пик*, *плато*, *пляж*, *риф* и др.

Среди элементарных терминов разных языков обнаруживаются аналогичные в отношении их метафорического образования, вроде: араб. [ʕajn] – глаз > источник и фарс. [čašm] – глаз > [čašma] – источник; гр. ΚΟΛΠΟΣ – лоно, пазуха > залив и лат. *sinus* – то же самое; русск. обл. *нос* (= мыс) и тур. *burun* – то же самое; гр. ΣΤΟΜΑ – рот > устье и итал. *bocca* – то же самое; русск. *хребет* и казах., киргиз. [арка] – то же самое; русск. *жила* (кровеносный сосуд) > залежь горной породы и нем. *Ader* – то же самое.

Мы не касаемся здесь вопроса о взаимодействии, взаимовлиянии языков в области элементарной географической лексики. Мы только отмечаем параллелизм, или изоморфизм, образований вроде: *уста* > *устье* (реки), лат. *os (fluminis)*, *ostium (fluvii)*, гр. (гомер.) ΣΤΟΜΑ (ΠΟΤΑΜΟΥ), англ. *mouth (of river)*, нем. (*Mund*) > *Mündung*, итал. *bocca (di fiume)*, молдав. *гура (рылулуй)*, фр. *embouchure (de rivière)*, тур. *ağiz (irtmak ağzi)*, татар. *авыз (елга авзы)*, фин. (*suu* – рот, *joki* – река) *joensuu*, *suistamo*, (*suupuoli*) и т. д.

При изучении массивных элементов географической номенклатуры, или фундаментальной топонимии, следует обратить внимание на то: 1) что именно идентифицируется этими элементами, какие именно географические объекты и 2) как относятся элементы фундаментальной топонимии к элементам прочих слоев нарицательной лексики данного языка.

Выше мы уже говорили о метафоре как о способе образования элементарных географических терминов в разных языках. Можно добавить, что особенно своеобразными оказываются не «соматические» метафоры, вроде уже упомянутой *уста* > *устье*, а «технические» (то есть относящиеся к деятельности людей и ее результатам). Таким своеобразием отличается, например, русск. *рукав* (одежды) и *рукав* (реки).

Так как в восточнославянских языках утрачено последовательное противопоставление – *рука* (= кисть руки) и *рамо* (рука от плеча до кисти, плечевая и локтевая часть руки), гр. ΧΕΙΡ – ΒΡΑΧΙΟΝ, лат. *manus* – *armus*, нем. *Hand* – *Arm* и т. д., ответвления главного русла получили название *рукавов*, ср. болг. *ръка* – *ръкав*, серб. *рука* – *рукавац*. В древнегреческом и в латинском, по-видимому, по-

нятия *русло* и *рукав* не противопоставлялись, и поэтому гр. ΡΕΙΘΡΟΝ, ΡΕΥΜΑ, ΡΟΥΣ обозначали и то и другое так же, как и лат. *alveus (fluvii)*, буквально *корыто, жолоб* (реки). В греческом *русло* называется также ΚΟΙΤΗ – ложе (реки). От ΡΕΙΘΡΟΝ (и пр.) и *alveus*, конечно, отличалось гр. ΠΑΡΑΠΟΤΑΜΟΙ и, должно быть, лат. *accolae (fluvii)*.

В других языках речные рукава называются *раменами (bracchia)* и *ветвями*: чешск. *rameno*, нем. *Flußarm*, англ. *arm (of river)* и *branch (of river)*, итал. *braccio (di fiume)* и *ramo (di fiume)*, молдав. *брацул (рылулуй)*, тур. *kol (irtak kolu)*, татар. *кул (елга кулы)*, фин. *(joen) suuhaara (haara – ветка)*.

Оригинальный термин для обозначения рукава реки выработался в польском языке – *odnoga*.

Своеобразие славянской лексики в этой области обнаруживается (если правильно наше понимание) в метафоре: *ключ* (замка) > *ключ* (источник). Возникновение этой метафоры, по-видимому, объясняется тем, что первоначальный геноним *ключь* обозначал как *запор, засов, замок*, так и *ключ* в теперешнем смысле слова и, соответственно, как *затычку*, так и *затыкаемое* или *закрываемое* отверстие (ср. *замочная скважина*). Отсюда, вероятно, и возникло значение *ключ* (реки, ручья), ср.: «изъ того ключа поидеть ручеи» (Книга межевая обводная 1391 года, в списке XVI века)¹⁵⁰.

О связи обоих слов (*ключ 1* и *ключ 2*) очень осторожно высказался М. Фасмер (в переводе и обработке О. Н. Трубачева: «имеет смысл поставить вопрос об одинаковом происхождении» обоих названных элементов)¹⁵¹.

Среди топонимов термин *ключ* встречается довольно часто, ср.: в Болгарии (134, Ж–3)¹⁵², в Югославии (137, А–1; 129–130, Е–5), в СССР (32–33, Е–10; 40, Г–4; 38–39, Ж–И). *Ключи* – в СССР 24 названия (ср. двуязычное *Ключи-Булак*, 73–74, В–3); *Ключики* – в СССР – 4 названия; *Горячий ключ* – в СССР 5 названий; *Теплые ключи* – в СССР (82–83, Ж–3, ср. также *Теплая речка*, 69, А–6, В–6), а также много топонимических дериватов.

Когда в пределах какого-то ареала мы имеем дело с массой топонимов, то, естественно, можем классифицировать их по содержащимся в них элементарным географическим терминам известного нам языка. При этом особенно поучительной оказывается «топографическая коррекция», то есть проверка того, что и какой именно географический объект идентифицирует в настоящее время тот или иной топоним.

Если в названиях обнаруживаются *гора, долина, ключ, лес, озеро, остров, песок, пещера, поле, река, ручей, холм, яр* и т. д., то соответствует ли такая идентификация нынешней действительности?

Если гора возле Алушты называется *Кастель*, это можно считать свидетельством того, что на ней когда-то действительно находился *кастель* (καστέλλιν), то есть укрепление, замок, башня, хотя от него, вероятно, не осталось и следа. Если

¹⁵⁰ Цит. по кн. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, Спб., 1893, с. 1233.

¹⁵¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. II, с. 258.

¹⁵² Цифры и буквы обозначают ссылки на географические карты «Атласа Мира».

известная *Медведь-Гора* (*Аю-Даг*) называлась также *Биюк-Кастель*, это значит, что на ней еще в татарское время находилось относительно большое укрепление. Скорее всего, это название относится ко времени турецкого владычества на Южном берегу Крыма, потому что прилагательное *büyük* более характерно именно для турецких названий, чем для татарских (ср., например, среди крымских названий собственно татарские: *Улу-узень* – Большая река, *Улу-сала* – Большое село).

Эта же гора называлась собственно по-турецки *Биюк-Исар*, а постпонент в этом сложном названии **-hisar** (крепость, укрепление, замок) по смыслу вполне соответствует греко-романскому *кастелли* (*castellum*) и часто встречался в топонимах Южного берега. Впрочем, немало прежних названий в Крыму имели гибридный характер, например, названия рек: *Биюк-Узень*, иначе *Казыклы-Узень* (*казык* – кол) и *Кача*. Последнее название объясняется в словаре Э. М. и В. Г. Мурзаевых (С. 105) как «кочевье, место жительства кочевых народов», но если оно связано, например, с татарским глаголом *качу*, то должно обозначать что-то вроде *убежище*. Однако сама эта связь еще нуждается в словообразовательном подтверждении.

Одно урочище на берегу моря возле поселка Планерского (Коктебель) называлось *Янышары*, что нетрудно было отождествить с татарским *яңишәһәр* (новый город), но беда лишь в том, что *города* там никогда не было и в помине.

У нас есть несколько населенных пунктов под названием *Остров* – в Архангельской, Брестской, Вологодской, Псковской областях. Возможно, что некоторые из них получили название от речных островов, но, скорее всего, они были так названы от «сухопутных» островов, потому, что *островом* называется на севере «возвышенное сухое место среди болотистых тундр, оазис в бесплодной местности, луговая поляна в лесу» (Словарь Мурзаевых, с. 164).

В отношении элементарных терминов надо, конечно, учесть и то, что В. А. Никонов называет «относительной негативностью названий» (выражение, может быть, громоздкое и шероховатое, но суть дела подмечает правильно)¹⁵³.

Чаще всего элементарные термины встречаются в качестве компонентов составных или основосочетательных и словосочетательных названий: *Белая река* (затем просто – *Белая*, *Белорецк*, *Белореченск*, *Белорецкая*), *Белая гора* (*Белогорск*, *Белогорье*), *Белое озеро*, *Белое море*, *Белый остров* (*Белоостров*), *Белое поле* (*Белополье*), *Белые Берега*, *Белые Воды*, *Белый Яр* (*Белоярск*), *Белая Русь* (*Белоруссия*) и т. д.¹⁵⁴.

В составных названиях, или композитных топонимах, элементарные термины, выступая как определяемые, коннотируются другими прилагательными или существительными. Среди составных названий восточнославянской равнины преобладают атрибутивные сочетания с определениями, выраженными довольно узким набором прилагательных. Эти прилагательные можно назвать топонимическими эпитетами. Знаменательно то обстоятельство, что по своему смыслу топонимические эпитеты, если учитывать только качественные прилагательные, почти одинаковы в разных языках, распространенных примерно в одной

¹⁵³ В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965, с. 38–42.

¹⁵⁴ Здесь и дальше, кроме географических атласов, мы использовали также «Словарь географических названий СССР» (М., 1968) под ред. М. Б. Волостновой.

и той же географической среде и, кроме того, исторически связанных в той или иной мере друг с другом.

Взявши за основу русскую или фиксированную в формах русского языка топонимию СССР, мы можем следующим образом классифицировать качественные топонимические эпитеты:

I. Размерные эпитеты		
1. Большой –	С р е д н и й	1. Малый –
Великий –		Маленький –, Меньший –
2. Высокий –		2. (Низкий –)
3. Глубокий –		3. (Мелкий –)
4. (Длинный –, Долгий –)		4. (Короткий –)
5. Толстый –		5. (Тонкий –)
6. Широкий –		6. (Узкий –)
II. Ориентационные эпитеты		
А. Линейные		
а) <i>Вертикальные</i>		
1. Верхний–	Средний	1. Нижний –
Вышний –		
б) <i>Горизонтальные</i>		
2. (Передний –)	Средний	2. (Задний –)
Пред-		За-
<i>Б. Круговые</i>		
Северный –		
Западный–	Средний- Центральный	Восточный –
	Южный –	
III. Цветовые		
А. <i>Контрастные</i>		
1. Белый–		1. Черный–
Светлый–		(Темный –)
<i>Б. Спектральные</i>		
	2. Цветной: Красный – Зеленый – Желтый – Синий –	

IV. Гидрометеорологические (температурные и гидрологические)	
1. Горячий – Теплый –	1. Холодный –
2. Сухой (=без воды) –	2. Мокрый (= с водой) –
3. Быстрый («острый») –	3. Медленный
4. [Бурный]	4. Тихий –
5. (Текущий, проточный)	5. Гнилой (= стоячий)
6. (Сладкий = пресный) –	6. Горький (= соленый) –
V. Гипсометрические	
1. [Гористый, холмистый]	1. Ровный –
VI. Морфологические (морфографические)	
1. [Прямой]	1. Кривой –, Косой –
VII. Флористические	
1. [Заросший]	1. Голый –, Голодный –
VIII. Хронологические	
1. Новый –	1. Старый –
IX. Оценочные (критические)	
1. Добрый –	1. Дурной –, Поганный –
X. Религиозные	
1. Святой –, Бого-	1. (Чертов –, Черто-)

Как видно из этой таблицы, большинство эпитетов, кроме круговых ориентационных и спектральных цветовых, имеют бинарно-контрастный характер, то есть составляют пары противопоставляемых членов.

С левой стороны у нас помещены отмеченные (маркированные), с правой – неотмеченные (немаркированные) члены противопоставлений.

Примечательно то, что неотмеченные члены в группе размерных эпитетов, за исключением *малый* (1), фактически отсутствуют в нашей топонимии (на это указывают круглые скобки; если в круглых скобках поставлен знак равенства, за ним дано пояснение; в квадратных скобках дается фактически отсутствующий, но логически подразумеваемый член).

В первых двух группах, больше теоретически, чем практически, возможен третий, или нейтральный, или центральный, член противопоставления со значением *средний*, то есть находящийся посередине, срединный, или центральный относительно контрастных членов.

Среди размерных эпитетов основной контраст *большой* – *малый* в восточнославянской топонимии часто бывает выражен прилагательными или основами

прилагательных *великий* – *малый*. Совершенно отсутствует в составных топонимах форма *маленький*. Так как в собственно великорусской топонимии встречаются составные топонимы с препонентами как *Большой*, *-ая*, *-ое*, *Большие*, *Больше*-, так и *Великий*, *-ая*, *-ое*, *Великие*, *Велико*-, то при передаче украинской топонимии остается дискуссионным вопрос о выборе между этими двумя прилагательными. С историко-филологической точки зрения в украинских названиях предпочтительнее оставлять эпитет *великий*, кроме тех случаев, когда определяемый эпитетом постпонент обнаруживает в своей структуре суффиксы, воспринимаемые как уменьшительные. Поэтому, по нашему мнению, *Большая Белозерка* лучше, чем *Великая Белозерка*, и *Большая Новоселка* лучше, чем *Великая Новоселка*.

В великорусской топонимии оба эпитета – *большой* и *великий* – определяют одинаковые классы объектов: а) физиогенные объекты – реки и озера, горы и всякие возвышенности; б) антропогенные объекты – населенные пункты: села, поселки городского типа, города, административные деления территории (края, области, районы).

Приведем примеры противопоставленности топонимов с эпитетами *Большой* – *Малый*, *Великий* – *Малый*: сс.¹⁵⁵ *Большая* (или *Великая*) *Белозерка* – *Малая Белозерка*, сс. *Большая* (или *Великая*) *Виска* – *Малая Виска*; пгт. *Большая Вишера* – гор. *Малая Вишера*; рр. *Большой Зеленчук* – *Малый Зеленчук*, рр. *Большая Лаба* – *Малая Лаба*, рр. *Большая Уса* – *Малая Уса*; *Большеземельская тундра* – *Малоземельская тундра*, пгт. *Большое Козино* – *Малое Козино*, пгт. *Великая Даниловка* (1) – *Малая Даниловка*, рр. *Большой Узень* – *Малый Узень*, рр. *Большой Уран* – *Малый Уран*, рр. *Большой Цивиль* – *Малый Цивиль*, рр. *Большой Черемшан* – *Малый Черемшан*, рр. *Большой Балык* – *Малый Балык* и другие, включая уже выходящие за пределы элементарных (то есть бытующих в данном месте) терминов противопоставление – горы *Большой Кавказ* – *Малый Кавказ*.

Противопоставление (2) *Высокий* – (*Низкий*) из группы размерных эпитетов сближается с противопоставлением (1) *Верхний* или *Вышний* – *Нижний* из группы ориентационных линейных эпитетов.

Эпитет *высокий* и подобные (с эллиптической субстантивацией или без нее) имеют горы (г. *Высокая* на востоке Среднего Урала, *Высокая Гора* в Татарской АССР), населенные пункты (пгт. *Высокий*, гор., пгт., с. *Высокое*). Вероятно, названия сел *Вышняя Дубечня* и *Нижняя Дубечня* (украинские *Вища Дубечня* и *Нижча Дубечня*), поскольку первое расположено выше по течению р. Десны, а второе – ниже, правильнее было бы передавать на русскоязычных картах и в литературе на русском языке как: *Верхняя Дубечня* и *Нижняя Дубечня* (то есть по смыслу, а не по форме).

Уникальным теперь оказывается название нп. *Вышгород* (кстати в «Словаре географических названий СССР» (С. 54) ударение в этом названии поставлено неправильно: оно не на предпоследнем, а на первом слоге; едва ли правильным можно признать также определение этого населенного пункта как «город», более правильным можно было бы признать «село»).

¹⁵⁵ Здесь и далее в примерах применяются сокращения: г. – гора, гор. – город, о. – остров, пгт. – поселок городского типа, с. – село, селение, слобода, п. – поселок.

В истории восточных славян было известно несколько *Вышеградов*, или *Вышегородов*, но теперь это название стало единичным. *Вышегород* (славянский аналог греческого АΚΡΟΠΟΛΙΣ) как город княгини Ольги упоминается в «Повести временных лет» (17 раз под разными годами).

Можно предполагать, что первоначально это название было нарицательным так же, как название древнегреческих «акрополей», хотя уже в летописях оно является собственным. В «Сказании страстотерпцев Бориса и Глеба» (XIV века) черноризца Иакова явно обыграна этимологическая структура, или внутренняя форма, этого названия: «По истинѣ Вышегородъ наречеса, вышний превышний городъ всѣхъ, вторый Селунъ явися в Рустѣи земли имы в себе врачество безмѣздное»¹⁵⁶.

Два других незначительных в истории Вышгорода (один из них – *Вышегород*) находятся довольно далеко от древнего Вышгорода на Днепре: один – на р. Оке (недалеко от г. Рязани), другой – на р. Протве (недалеко от г. Вереи). Есть еще два *Вышегородка*: один – возле р. Утрои (недалеко от г. Острова), другой – возле истоков р. Горыни¹⁵⁷.

Эпитет *глубокий* довольно скупо представлен в нашей топонимии. Есть река *Глубокая* (левый приток Северского Донца), поселок *Глубокая* и поселки (пгт) *Глубокий*. В микротопонимии Киева еще и до нашего времени существует *Глубочица* (теперь *Глубочицкая улица* и *Глубочицкий проезд*). Под этим названием еще в прошлом веке известны были урочище и ручей. О них в книге Н. Закревского «Описание Киева» (т. 1, М., 1868, с. 270) сообщается следующее: «Урочище это находится с западной стороны Киево-Подола; это – глубокое удолие между Кудрявским возвышением и Скавицкою горою; начинается от Подольской площади, называемой Житным Торгом, там, где гора Скавика своею юго-восточною стороною находится в ближайшем расстоянии от горы Киселевки и где в древности был Копырев Конец. Почти по прямому направлению к западу, касаясь места горшечников и кожевников (Гончаров и Кожемяк), Глубочица простирается далее от Подола на две версты и составляет Глубочицкий выезд, по которому с древних времен от Подола проходила дорога на Белгородку, в Галицию и Польшу... Этот Глубочицкий ручей протекает все урочище и потом, соединяясь возле горы Киселевки, близ Воздвиженской церкви, с ручьем Киянкою, прямым каналом проведен поперек Подола к Днепру».

В другом месте (т. 2, с. 567) упоминается о том, что урочище *Провалье* называлось также *глубокой долиной* (хотя напечатано со строчной буквы, но понимается автором, очевидно, как топоним).

Изучение топонимов с эпитетом *глубокий* и его дериватами показывает, что первоначальным топографическим смыслом их было «низко расположенный, расположенный в глубоком, то есть низком месте» (указание на ярко выраженный отрицательный рельеф). Поэтому в нашей топонимии *глубокий*, если речь идет не о значительном водоеме (реке или озере), является антиподом высокого.

¹⁵⁶ Цит по кн.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1, с. 457.

¹⁵⁷ Атлас Мира, 32–33, Д–10; 32–33; 27–28, Г–12; 41–42, Д–5.

Противопоставление *верхний, -няя, -нее, верхние, верхне- и нижний, -няя, -нее, нижние, ниже-* оказывается довольно последовательным, напр.: поселки *Верхнебаканский – Нижнебаканский*, озера *Верхнее Куйто – Нижнее Куйто*, районы *Верхнекамский – Нижнекамский*, поселки *Верхний Баскунчак – Нижний Баскунчак*, *Верхний Нагольчик – Нижний Нагольчик*, города *Верхний Тагил – Нижний Тагил*, в Молдавии *Верхний Траянов вал – Нижний Траянов вал*, город *Верхний Уфалей* – поселок *Нижний Уфалей*, города *Верхняя Тура – Нижняя Тура*.

Это противопоставление *верхний – нижний* дает как вертикальную ориентацию, так и горизонтальную, если речь идет о расположении по течению реки (вверху и внизу); выбор между *верхним* и *нижним* может быть обусловлен также взаимосвязью названий. Например, речка *Верхний Сузун* называется таким образом потому, что она впадает выше в р. Обь, чем речка *Нижний Сузун*, тоже приток Оби, но н. п. *Верхний Сузун* получил свое название от р. *Верхний Сузун*, а на р. *Нижний Сузун* расположен более значительный населенный пункт, называющийся просто *Сузун*.

Прилагательные *длинный – короткий* не встречаются в нашей топонимии, но в качестве отмеченного члена выступает эпитет *долгий, -ое, -ие, долго-*: о-ва *Долгие* в Азовском море, о-в *Долгий* в Черном море, село *Долгое* в Орловской области, село *Долгощелье* в Архангельской области.

Очень редким оказывается эпитет *толстый, -ая, -ое, -ые, толсто-*: поселок *Толстое* (в Тернопольской области УССР), мыс *Толстой* (на полуострове Пьягина Магаданской области РСФСР), порог *Толстый Бык* (на р. Ангаре Иркутской области РСФСР).

Более распространенным является эпитет *широкий, -ая, -ое, -ие, широко-*, напр.: поселок *Широкая Балка* (в Николаевской области УССР), село *Широкая Падь* (о. Сахалин), поселок *Широкая Речка* (в Свердловской области РСФСР), поселки *Широкий* (в Амурской области и в Магаданской области РСФСР), село *Широкий Карамыш* (в Саратовской области РСФСР), поселки *Широкое* (в Днепропетровской области и в Донецкой области УССР), село *Широколановка* (в Николаевской области УССР).

Выше мы уже затронули группу ориентационных эпитетов (вертикальную пару линейных эпитетов). Среди возможных горизонтальных со смыслом *передний – задний* мы не можем отметить топонимических эпитетов, потому что их смысловую нагрузку несут весьма широко распространенные префиксы **пред-, за-**, употребление которых в нашей топонимии едва ли нуждается в подробной экзemplификации. Из этой пары префиксов **пред- (перед-)** оказывается по сравнению с **за-** довольно редким и за немногими исключениями не соотносится с весьма распространенным **за-**, ср.: *Предгорный* район Ставропольского края РСФСР и город *Загорск* Московской области, географические ареалы *Предкавказье* и *Закавказье*, но без пары: *Забайкалье*, *Заозерье* (Пермь), *Заполярье*, *Запорожье*, поселки *Зареченск*, *Заречное*, *Заречный*, *Замоскворечье* и т. п.

Когда речь идет о противопоставлении *правый – левый*, то естественно прежде всего вспомнить *Правобережную* и *Левобережную* Украину (ср.: *Тогобочная* и *Сегобочная* Украина, *Гетманицина* и *Слобожаницина*). Это противопоставление

встречается в названиях рек, например, *Правая Буря* и *Левая Буря* (Хабаровский край РСФСР), но не слишком часто.

Вполне естественно среди составных географических названий искать «круговые» ориентационные эпитеты (в русском языке они, конечно, должны быть не качественными, а относительными, и называя их все-таки качественными, мы учитываем не их форму, а их функцию).

В «Словаре географических названий СССР» (1968) эпитет *северный, -ая, -ое, -ые, северо-* встречается в 54 названиях, эпитет *южный, -ая, -ое, -ые, южно-, юго-* – в 35 названиях, эпитет *западный, -ая, -ое, западно-* в 15 названиях. Очевидно, в нашей топонимии они не играют такой выдающейся роли, как в китайской топонимии¹⁵⁸.

Нет сомнения в том, что среди качественных топонимических эпитетов весьма распространены цветочные эпитеты. Первое место среди них занимают контрастные – *белый, светлый* и *черный (темный)*, а среди спектральных у нас наиболее распространен (особенно в новых названиях, возникших после 1917 года) эпитет *красный, -ая, -ое, красно-*. Для примера ограничимся ссылкой на «Словарь географических названий СССР». Эпитет *белый, -ая, -ое, -ые, бело-, бел-* встречается в «Словаре» 111 раз, эпитет *светлый, -ая, светло-* – 12 раз, эпитет *черный, -ая, -ое, черно-* – 41 раз.

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей топонимии значительное распространение получил эпитет *красный, -ая, -ое, -ые, красно-*, символизирующий революционное преобразование страны и отодвинувший на второе место прежние контрастные эпитеты. В названном словаре с этим эпитетом насчитывается 221 статья, многие из которых содержат такие топонимические неологизмы, как *Красноармейск, Красноармейский, Красноармейская, Красноармейское* (19); *Красногвардейск, Красногвардейский, Красногвардейское* (12); *Красный Октябрь, Краснооктябрьский* (11); *Красный* + (название профессии) (5), *Красное Знамя, Краснознаменск, Краснознаменский* (4) и т. п.

Что же именно характеризовал эпитет *красный* до революции в нашей топонимии? Общеизвестно, что как в русском языке, так и в украинском и белорусском прилагательные *красный, красний, красны*, содержащие ту же основу, что и *краса, красота, краска, красить*, обозначают *красивый, прекрасный*, между тем как прилагательные старорусск. *чървень, чървеный*, укр. *червоний*, белорусск. *чырвоны* равнозначны нашему теперешнему *красный* (= красного цвета). Таким образом, в некоторых старых топонимах бывает трудно определить, имелся ли в виду при номинации красный цвет или красота. Из географических объектов эпитетом *красная* определялись реки, горы, поляны и яры, ср.: р. *Красная* (приток Северского Донца), с. *Красная Гора*, с. *Красная Горка*, п. *Красная Речка*, н. п. *Красный Яр*. Чаще всего этот эпитет встречался в названиях населенных пунктов, где он должен был давать им положительную оценку: *Красная Слобода, Красное Село, Красный Кут*. В таких названиях, как пп. *Красный Бор* и *Краснолесный*,

¹⁵⁸ См.: Чернотуков К. Н. Китайские географические названия. – Топонимика Востока. Новые исследования, М., 1964, с. 84–92.

очевидна флористическая характеристика (ср.: *краснолесье* = *хвойный лес*, *чернолесье* = *лиственный лес*).

В отношении послереволюционного распространения топонимического эпитета *красный* интересна история астионима *Краснодар*. Этот город назывался до 1920 года *Екатеринодар* (= *Дар Екатерины II*). Переименование затронуло только препонент этого названия, но сохранило его постпонент. В результате переименования получился уникальный астионим, давший название целому краю – *Краснодарский край*. При переименовании семантика нового названия мыслилась, очевидно, как *Дар Революции*.

В Целинном крае Казахстана, на р. Иртыше, сохранился, однако, город *Павлодар* – аналог теперешнего *Краснодара*. Осталось также название рабочего поселка в городе Кривой Рог – *Божедаровка*, а имя того же царя Павла I, в честь которого назван был Павлодар, сохраняется в названии города *Павлоград* Днепропетровской области УССР. Вообще этому Павлу I больше «повезло» в послереволюционной астионимии, чем его царственной матери, имя которой исчезло в астионимах *Днепропетровск* (до 1926 г. – *Екатеринослав*) и *Свердловск* (до 1924 года – *Екатеринбург*), но зато доживает свой век в проливе Екатерины между островами Кунашир и Итуруп «Курильского ожерелья»¹⁵⁹.

Значительно уступает предыдущему эпитет *зеленый*, *-ая*, *-ое*, *зелено-*, который можно было бы рассматривать как принадлежащий также группе флористических эпитетов и заполняющий в нашей схеме пустое место слева от *голый*, *голодный* (VI). В «Словаре географических названий СССР» с этим эпитетом во всех его формах зарегистрировано 16 названий. Для названий рек и населенных пунктов использован в гидронимии довольно редкий эпитет *синий*, *-яя*, *-ие*, *сине-*: н. п. *Синеглазово*, *Синегорск*, *Синегорский*, *Синегорье*, *Синие Липяги*, *Синий Шихан*, рр. *Синюха*, *Синяя*. Сюда можно прибавить еще знаменитое своей красотой *Синевирское озеро*, или *Синевир*, в Закарпатской области УССР.

Неизвестно, по какой причине названия с эпитетом *желтый*, *-ая*, *-ое*, *-ые* встречаются в основном на Украине: пгт. *Желтая Река*, поселок *Желтое*, город *Желтые Воды*. Правда, в «Атласе СССР» (М., 1962) к ним прибавляются н. п. *Желтое* (Оренбургской области РСФСР), *Желтый Яр* (Еврейской АО РСФСР и Томской области РСФСР), а в «Словаре географических названий» (М., 1954) М. С. Боднарского, разумеется, можно найти еще *Желтое море* (*Хуан Хай*), *Желтую реку* (*Хуанхэ*) и т. п.

Тюркоязычные названия также могут увеличить общее количество «цветных» топонимов. В «Словаре географических названий СССР» (С. 200) их больше 20. Кстати сказать, в тюркоязычных названиях иногда трудно бывает определить: о *синих* или о *зеленых* эпитетах идет речь.

Например, цвет «восточного направления» или цвет «стихии дерева» в наших терминах может быть определен и как *синий*, и как *зеленый*. Название н. п. *Коктал* (Талды-Курганской обл. Казахской ССР) можно было бы перевести и как *Зеленая Ива*, и как *Синяя Ива*.

¹⁵⁹ Поэтическое название заимствовано из книги Ю. К. Ефремова «Курильское ожерелье», М., 1962.

Дело здесь, конечно, не в том, что некоторые этносы будто бы оптически не различают противопоставляемые нами «ноты хроматической гаммы» (в данном случае – синюю и зеленую «ноты»), а скорее всего в том, что у них есть лексически не выраженное у нас обобщение, скажем, сине-зеленый (*gök, kok, хәх* и т. п.).

Когда мы употребляем такие композиты, как *сине-зеленый* или *зелено-синий*, мы имеем в виду преобладание либо синего над зеленым, либо зеленого над синим, потому что *синий* и *зеленый* – это у нас основные тоны цветового спектра.

Напротив, насколько мы можем судить, у так называемых алтайцев и других азиатских народов основным тоном оказывается как раз *сине-зеленый* (в смысле равноправия в нем обоих тонов, двандва – композит), а его оттенками – *синий* и *зеленый*. Это говорит о различной классификации признаков наблюдаемых объектов действительности, невозможности однозначного перевода терминов одной классификации терминами другой классификации.

Если у нас в бытовой речи есть противопоставление *синий* – *голубой*, выраженное массивными лексемами, то для аналогичных оттенков зеленого цвета мы можем использовать только композиты *темно-зеленый* и *светло-зеленый*. Когда нам нужно обобщить оттенки *синего* или *голубого*, мы, вероятно, будем в затруднении, какое прилагательное из этих двух выбрать для обобщенного выражения понятия как светло-синего, так и темно-синего (ср. нем. *blau*, англ. *blew*, фр. *bleu*, итал. *azzurro*, испан. *azul* и т. п.).

Возвращаясь к тюркоязычным составным топонимам, следует указать на то, что в них нередко выступает еще один цветовой эпитет со значением *цвета растительной зелени*: тур. *yeşil*, татар. *яшел*, узбек. *яшил* и т. д., например, в «Словаре географических названий СССР» – *Яшилкүль* в Таджикистане (*Зеленое озеро*). Если перевести татарское *күк* нашим *небесный, цвета неба*, то, конечно, нам трудно будет понять, что *күк чай* – это *зеленый чай* (кокчай), *күк чәчәк* – это *василек* (голубой цветок), а *күк эт* – это *серая лошадь*¹⁶⁰.

«Гидрометеорологические» эпитеты естественнее всего находить в названиях водных артерий – рек, ручьев, источников, родников, ключей – и озер.

В «Словаре географических названий СССР» можно найти названия населенных пунктов: *станция Горячеводская* и пгт. *Горячеводский* Ставропольского края РСФСР, пгт. *Горячегорск* в Красноярском крае, гор. *Горячий Ключ* в Краснодарском крае, с. *Горячинск* в Бурятской АССР, с. *Теплоключенка* Тюпского района Казахской ССР и пгт. *Теплоозерск* в Еврейской АО Хабаровского края РСФСР. Эпитет *холодный, -ая, -ое* в наших северных широтах в топонимии встречается очень редко: пгт. *Холодная Балка* в Донецкой области УССР, пгт. *Холодный* в Магаданской области РСФСР.

В названиях рек эпитеты *сухой, -ая, -ое, -ие, сухо- и мокрый, -ая, -ое, -ые* часто соотносятся друг с другом и обозначают *маловодный, пересыхающий летом и многоводный, непересыхающий летом*. В «Словаре географических названий СССР» мало названий с этими эпитетами, а потому лучше сослаться на специальные гидронимические справочники и географические карты.

¹⁶⁰ Татарско-русский словарь, с. 335.

В «Каталоге рек Украины» зарегистрировано 38 «сухих рек» (некоторые омонимичны)¹⁶¹. Три из них просто называются *Сухая*, у 15 – *Сухая* определяет потамоним, в 13 названиях (16 рек) выступает эпитет *Сухой*, две реки называются *Сухие Ялы*, к 6 – основа *сухо-* является синтетическим препонентом. К этим названиям относится также название *Сушица* и – под вопросом – *Сухарь*.

Следует исключить из них название *Сухокля* как парэтимологический вариант названия *Сугокля*, являющегося, вероятно, тюркоязычным гиндронимом, ср.: тур. *soğuk*, татар. *суык*, узбек. *совук* и пр.¹⁶².

Некоторые из этих названий соотносятся с названиями, содержащими эпитет *мокрый*: *Мокрая Сура* – *Сухая Сура* (или без эпитета), *Мокрый Еланчик* – *Сухой Еланчик*, *Мокрый Кагарлык* – *Сухой Кагарлык*, *Мокрый Ташлык* – *Сухой Ташлык*, *Мокрые Ялы* – *Сухие Ялы*. Противопоставление *сухой* – *мокрый* мы находим также в тюркоязычной гидронимии и ее дериватах: *Куруузень* (Крым) – *Суджилка* (ср. *Суелга* в Татарской АССР), *Су-Индол* (Крым), *Коры Кѳрнале* (Татар. АССР), ср. также в Узбекистане: *Курусай* и *Сулусай* (собственно – *Куруксой* и *Сувлисой*: *Сухой овраг* и *Мокрый овраг*).

Среди случаев несоотнесенности гидронимических эпитетов можно отметить такие, как *Сухой Торец* – левый приток Казенного (или Скарбного) *Торца* в Харьковской и Донецкой областях УССР, *Сухой Лиман* – село Одесской области УССР, поселок *Сухобезводное* Горьковской области РСФСР.

Равнинные реки текут не спеша и всякое ускорение течения при более или менее значительном наклоне русла обращает на себя внимание. Горные реки, разумеется, быстрые в своем течении. В «Каталоге рек Украины» отмечено пять рек с названием *Быстрая*, из них три – в Западной Украине (притоки Реки и Боржавы), одна впадает в Днепр, одна (редкий случай в гидронимии!) переименована в *Быструю*, а прежде называлась *Дерекойкой* (*Дерекой* – теперь *Ущельное*, район г. Ялты). Кроме того, имеются *Быстрец* («Каталог», № 268) и *Быстрик* («Каталог», № 484), четыре реки под названием *Быстрица* (без эпитета и с относительными прилагательными в качестве эпитетов) и еще одна *Быстреевка* (бассейн р. Тетерева). За пределами Украины имеются *Быстрая* (в Ростовской области РСФСР), *Быстрица* (в Кировской области РСФСР), *Быстрый Танып* (в Башкирской РСФСР) и н. п. *Быстровка* (в Киргизской ССР), *Быстрый Исток* (апогидронимический ойконим, Алтайский край РСФСР).

Под названием *Остер* известны две реки (левый приток Десны и левый приток Сожа), а также два населенных пункта. Эпитет *острый* прежде имел еще значение нашего *быстрый*. Противоположное свойство выражается в нашей гидронимии эпитетом *тихий*.

На Украине есть скромная речка *Тихань*, приток р. Стугны (приток Днепра). В «Каталоге» она в русской адаптации превращена в *Тыхань*, но это, по-видимому, сделано напрасно. Конечно, относительно «финального фрагмента» **-ань** в наших гидронимах прав О. Н. Трубачев, отмечая, что «гидронимы с исходом **-ань**... обнаруживают смешанное происхождение, причем можно говорить

¹⁶¹ Каталог річок України, К., 1957, с. 185–186.

¹⁶² О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины, с. 241.

о явных тюркских, иранских и других неславянских источниках. Славянских образований здесь меньшинство»¹⁶³.

Конечно, мы не знаем ни этимологического, ни исторического источников этого названия, но, оказавшись так или иначе на восточнославянской почве, оно включается теперь в известный круг ономастических основ, и с этим обстоятельством приходится считаться. В этом кругу оно находится рядом с гидронимическим эпитетом *тихий*, хотя последний и не получил широкого распространения в нашей гидронимии. Реки под названием *Тихая* (одна связана с Енисеем, другая впадает в Охотское море) находятся далеко на востоке; ближе к нам *Тихая Сосна* – правый приток Дона; всем известен город *Тихорецк* Краснодарского края.

Хотя суффикс *-нь ~ -ань* не принадлежит к числу продуктивных, его можно заметить в некоторых отглагольных существительных, вроде *рвать > рвань*, *ругать > ругань*, *дать > дань*, *ткать > ткань*, *драть > дрань*, *пристать > пристань* и т. п. Возможно, что каким-то образом в этот словообразовательный ряд включается и нарицательное *лопань*, которое легло в основу гидронима *Лопань*. В словаре Э. М. и В. Г. Мурзаевых (С. 139) нарицательное *лопань* толкуется как *колодец на топи, на болоте*. От прилагательных нет таких образований (*погань* – не в счет, ибо образовано от *поганный*, то есть без этого суффикса), и это, конечно, настораживает, но не может решительно исключить вероятной связи между гидронимическим эпитетом *тихая* и гидронимом *Тихань*.

В другом случае мы можем с уверенностью сказать, что река *Березань* получила свое название не от *березы*, а от *Березанского лимана*, а он, в свою очередь, от острова *Березань* в Черном море. Однако утверждать, что нет никакой связи между нарицательным *береза*, речкой *Березанкой* (левым притоком р. Роси) и н. п. *Березанью* в Киевской области, мы не можем.

Оставим в стороне этимологически неясные гидронимы, вроде *Лугань*, *Рогань*, *Саврань*, *Ятрань*, *Кубань*, и вернемся к очередному эпитету из группы гидрометеорологических.

В логическом противопоставлении *проточный, имеющий сток – непроточный, не имеющий стока* в гидронимии естественно отмечается отрицательный признак. В «Каталоге рек Украины» зарегистрировано 26 водных артерий с эпитетом *гнилой, -ая, гнило-* и его дериватами. Четыре реки носят название просто *Гнилая*, в 9 названиях 11 рек этот эпитет выступает в качестве атрибутивного препонента, а остальные 6 названий 11 рек заключают его в виде основы.

Если принять этимологию М. Фасмера для названия реки *Припять* < *Припеть* (ср. корень гр. ΠΕΤΕΣΘΑΙ, ΠΠΤΕΙΝ, ΠΕΣΕΙΝ, ΠΟΤΑΜΟΣ и пр.), то в постпоненте названий *Гнилопять* и *Гнилопятька* можно выделить тот же индоевропейский корень¹⁶⁴.

Крымские реки и озера, кроме горных ручьев, издавна не отличались положительными качествами и поэтому неудивительно, что среди них есть *Гнилая*

¹⁶³ О. Н. Трубацев, Названия рек Правобережной Украины, с. 231.

¹⁶⁴ Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, B. 2, S. 433. Отметим, что в «Этимологический комментарий» книги О. Н. Трубацева *Припять* не попала, хотя в «Обратном словаре гидронимов» имеется *Припять, Гнилая Припять, Гнилопять* (с. 43, 237–238).

река – Чуруксу (тур. *çürük*, татар. черек, узбек. чирик – гнилой), протекающая через Бахчисарай и впадающая в Качу, и Зловонное озеро – Сасык (татар. *сасы* – вонючий, *сасык* – вонючка) в Евпатории.

Такое же резко отрицательное значение раскрывается в названии большого озера – Донузлав – Свиное (или Свинское) озеро (тур. *domuzlu*, татар. *дунгызлы*). Свиных рек также немало на Украине, и их названия дают им отрицательную характеристику: *Свинья, Свинка, Свинная, Свинковка, Свинюха, Свиновод, Свинолушка. Свинарка, Свинарская*. У О. Н. Трубачева наряду со *Свинными* упоминается еще *Большая Свиная* и три просто *Грязных* речки (С. 44). Вероятно, *Свиной* речкой была также *Домузла*, или *Домузгла* (**Домузлу?*), впадающая в Азовское море, но фонетическая история ее названия неясна. Под названием *Домузгла* известен также полуостров на Черноморском побережье.

Речка *Сасык*, впадающая в Березанский лиман, претерпев парэтимологическую трансформацию, превратилась в *Сосик* («Каталог», № 789). Отрицательные качества воды выражаются эпитетами *горький* и *солёный*. Речка *Горькая* – приток Грузского Еланчика, впадающего в Азовское море, – в смысле питьевой воды не обещает ничего хорошего так же, как *Большой Аджалык* и *Малый Аджалык*, впадающие в лиманы Черного моря (тур. *аси* – горький, *асілік* – горечь). *Солёных* рек – немало на Украине (15 по «Каталогу»), среди них есть восемь просто *Солёных*, *Верхняя Солёная* и *Нижняя Солёная* и три *Солёных*. У О. Н. Трубачева в «Обратном словаре» имеется 10 *Солёных* и 5 *Солёных* рек: это несколько загадочно, потому что по-украински все они должны были бы называться *Солоними*, а по-русски – *Солёными*.

Один из притоков Южного Буга носит название – *Мертвовод* («Каталог», № 1028), напоминающее нам *Мертвое море* (*Ям Мавэт*) в Палестине.

Эпитет *глухой* в гидронимах требует специального комментария. Очевидно, его следует понимать как *лишенный стока*, например, о теряющихся в болотах или песках речках (ср. *глушь, глухая сторона*). Можно предполагать, что полным аналогом речки *Глухая*, впадающей в р. Миус (ср. киргиз. *түјүс* – мыс или *мүјүз* – рог в словаре В. В. Радлова, т. IV, ч. 2, с. 2220–2221), окажутся речки *Чокрак* («Каталог», № 2294), *Чукрак* («Каталог», № 2284), *Янчокрак* («Каталог», № 2150) и довольно многочисленные реки в Крыму, в названиях которых с элементарным термином *чокрак* соперничал близкий по смыслу термин *чорак* в синонимичных названиях. Однако происхождение их различно. Кроме водных артерий, название *Чокрак* определяет также бессточные озера, например, *Чокракское* солёное озеро возле г. Керчи. Нарицательной основой этого гидронима является, по всей видимости, тюркское *чокрак* ~ *чукрак* – глухой, то есть бессточный водоем. Так, в татарском – *чукрак буа* (буквально – глухой пруд) – непроточный пруд¹⁶⁵.

Конкурирующий с *чокрак* элементарный термин *чорак*, по-видимому, более ограничен в своем распространении. Если не ошибаемся, он встречался почти исключительно в топонимии Крыма в форме *чорах*. Первоначальный его смысл – *солончак* (соответственно – солончаковое русло и т. п., ср. тур. *çorak*).

¹⁶⁵ Татарско-русский словарь, М., 1966, с. 641.

Возможно, с этим термином связано и название *Чорохсу* < *Чорахсу* – Солончаковая река, впадающая в Сиваш.

Наряду с *Чокрак* встречающееся составное *Янчокрак* (также *Анчокрак*) обозначало, очевидно, *Боковой Чокрак* (*ян* – бок, сторона, боковой, находящийся в стороне, ср. тур., татар. и др.).

Итак, прилагательное *глухой* и его иноязычные эквиваленты в гидронимии получили смысл *бессточный, непроточный*, когда речь идет о теряющихся в болотах и песках водоемах.

Мы берем на себя смелость утверждать, что эпитет *слепой* тоже использовался в гидронимии со смыслом **истоки которой скрыты, *которая неизвестно откуда вытекает*. Среди рек Украины есть две с названием *Слепуха* («Каталог», № 781, 782), из которых одна впадает в Тилигул, а другая – в свою тезоименитую.

У р. Сулы есть приток *Слепород*, который гидронимисты склонны считать ираноязычным названием. О. Н. Трубачев ставит гидроним *Слепород* рядом с древнерусским названием р. Самары *Снепородь*, или *Снопородь*, и связывает их с предположительным **san + parata* – стечение, слияние¹⁶⁶.

В связи с гидронимом *Артополот* (в «Каталоге» – *Артополог*, № 1854, и *Артополок*, № 1827) мы уже высказывали сомнения по поводу сохранения в названиях незначительных водных артерий ираноязычных основ (см. в «Названиях рек...» О. Н. Трубачева карту № 13 на с. 278). Заслуживает, между прочим, внимания и тот факт, что сравнительно с тюркоязычными названиями незначительных водоемов Украины все предполагаемые ираноязычные оказываются в высшей степени гипотетическими, что вполне естественно, если учесть возраст возможного иранского слоя топонимии на нашей территории.

Относительно сомнительного в смысле происхождения *Слепорода* мы ограничимся такими замечаниями. Во-первых, связь старославянского *слѣпъ* с литовскими *slepti, slepiu* – скрывать, прятать и *slapta* – тайник¹⁶⁷ как будто указывает на первичную обоюдность в этой основе значений *невидящий* и *невидимый* (скрытый, спрятанный). Кроме того, существовало нарицательное *слепород* (прозвище жителей Вятки)¹⁶⁸, которое, вопреки толкованию М. Фасмера, вероятно, могло еще иметь смысл **неизвестного рода*. И, наконец, можно сослаться на совершенно другое значение «подобозвучной», или родственной, основы: *слѣпати, слѣплю* – течь, бить ключом¹⁶⁹ – которая, уводя в сторону, в то же время расширяет возможности толкования первичного значения *слепых* водоемов.

Во-вторых, в этимологических исследованиях, лишь исчерпав источники прямого, то есть основанного на лексическом материале ближайшего по времени и пространству, языка, следует прибегать к толкованиям на основе иных, далеких и малоизвестных языков.

От «плохих» вод перейдем к скудным «гипсометрическим» эпитетам. На равнинах даже высокий правый берег реки называется *горой* и любая незначи-

¹⁶⁶ О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины, с. 183–184.

¹⁶⁷ Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch, B. 2, S. 660.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка..., т. III, стр. 441.

тельная возвышенность превращается в *гору* так же, как антропогенные возвышенности – курганы (на Украине – могилы) и даже песчаные дюны, или барханы (кучугуры). Поэтому можно ожидать, что нулевые, или отрицательные, формы рельефа скорее найдут отражение в топонимии пересеченных местностей. Несмотря на то, что украинское *грунь* обозначает *холм, бугор, горку*¹⁷⁰, этот элементарный термин отражен именно в гидронимии: *Грунь* («Каталог», № 1915), *Сухая Грунь* («Каталог», № 1925), *Грунь-Ташань* («Каталог», № 1923), *Грунь-Черкес* («Каталог», № 1924).

Нас не удивляет, если населенные пункты называются *Холм, Холмогоры, Холмск, Холмы* или *Горка, Горки*, но единственное объяснение, которое напрашивается, когда мы наталкиваемся на гидронимы с основой в виде элементарного гипсометрического термина, вроде *грун, грунь*, – это эллиптическое использование такого термина в смысле *текущая с холма* или *текущая среди холмов*, что, конечно, является простым домыслом. Эпитетом, характеризующим нулевой рельеф, в нашей топонимии является *ровный*. Кроме города *Ровно* (областного центра УССР), имеются н. п. *Ровное* (Кировоградской области УССР и Саратовской области РСФСР), н. п. *Ровеньки* (Белгородской области РСФСР и Луганской области УССР).

Хотя прилагательное *ровный* может определять не только поверхность, но и линию, в топонимии оно служит только для определения поверхности и поэтому у нас нет «ровных» рек или ручьев. Своеобразный композит из двух антиподов сохраняется в названии известного курорта в Карпатах, на Черном Черемоше, – *Криворовня* (Ивано-Франковской обл. УССР).

Ряд топонимов, заключающих эпитет *кривой* и его дериваты, по большей части идентифицируют гидрологические объекты или объекты, топографически с ними связанные. К ним относятся с. *Кривая Балка* (Одесской области УССР), *Кривая коса* на побережье Азовского моря, р. *Кривая Руда* – левый приток Сулы, с. *Кривое Озеро* (Николаевской области УССР), гор. *Кривой Рог* на излучине р. Ингульца, *Кривой Торец* – правый приток Казенного Торца, р. *Кривуля* в бассейне р. Днестра, р. *Кривуха* в бассейне р. Днестра, приток р. Случа *Криваль*, речки *Кривенькая* (притоки Збруча и Унавы), р. *Кривянка* (приток Ирпеня), ручей *Кривой* (приток Днестра).

Понятно, что в гидронимии эпитет *прямой* отсутствует. Мы не можем также назвать сколько-нибудь известных гидронимов с эпитетом *косой*. На север от Киева, вверх по Днепру, в днепровско-деснинском междуречье, протекал ручей под названием *Косарь*, но теперь он оказался в зоне затопления Киевским морем. Есть, правда, реки под названием *Коса* (в бассейнах Вятки и Камы), но трудно определить, каков нарицательный смысл этого названия: было ли оно связано с элементарным термином *коса* или с эпитетом *косая*. *Косыми* называются пороги на реках Кане и Чуне («Атлас Мира», 40, Г–7 и 40, Г–8). *Косой Горой* называется городок возле Тулы, а возле Байкала есть н. п. *Косая Степь*.

¹⁷⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 464; Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, т. I, с. 333.

Среди «флористических» эпитетов, разумеется, преобладают образованные от названий растений относительные прилагательные и их дериваты. Из растений, названия которых закреплены в топонимии Украины как в форме существительных, так и в форме относительных прилагательных, можно отметить: *березу, берест* (вяз), *бук, вишню, граб, вербу* (иву), *вишню, вяз, грушу, дуб, калину, кедр* (в Карпатах), *клен, камыш, крапиву, липу, лозу* (иву), *малину, ольху, орех* (лещину), *осину, очерет* (тростник), *ракиту, репу, рябину, сосну, таволгу* (редко!), *терн* (колючую сливу), *хмель, черемуху, явор* (белый клен), *яблоню, ясень*¹⁷¹.

Топонимы с этими основами имеют положительный характер: обозначают (в исторической перспективе!) наличие в данной местности того или иного вида растительности. Топонимы с отрицательным характером содержат обычно эпитеты *голый* и *голодный*. Кроме *Голой Пристани* на Днепре возле Херсона, можно упомянуть еще речку *Голую* и две *Голых* горы на крайнем северо-востоке СССР, *Гологоры* – возвышенность возле г. Львова, н. п. *Голое Озеро* в Якутской АССР. Кроме *Голодной степи* (*Бетпак Дала*) в Казахской ССР, можно упомянуть еще *Голодную Губу* – озеро недалеко от впадения р. Печоры в Печорскую губу. Как видно из этого перечисления, отрицательные флористические эпитеты не имеют широкого распространения в нашей топонимии.

Хронологическая группа (VII), хотя и представлена всего лишь одной контрастной парой, оказывается чуть ли не наиболее распространенной в топонимии всего мира и определяет своими эпитетами не только антропогенные объекты, но и значительные географические ареалы: *Новая Земля, Новая Гвинея, Новая Зеландия, Ньюфаундленд, Новая Британия, Новая Ирландия, Новая Шотландия* (*Nova Scotia*), *Новый Брауншвейг* (*New Brunswick*), *Новый Южный Уэльс* и т. д.

В «Атласе СССР» зарегистрировано 132 объекта с основой *старый, -ая, -ое, -ые, старо-* и 418 объектов с основой *новый, -ая, -ое, -ые, ново-*. В списке «Географических названий по Татарской АССР (приложенном к «Татарско-русскому словарю») приводится 96 названий с эпитетом *iske* (старо-) и 110 названий с эпитетом *яңа* (ново-), причем немало среди них соотносительных, напр.: *Иске Абул – Яңа Абул, Иске Алпар – Яңа Алпар, Иске Байлар – Яңа Байлар, Иске Буа – Яңа Буа* и т. п.

Во всех случаях общеизвестных названий противопоставление *новый – старый* выражается только одним отмеченным эпитетом со смыслом *новый*. Во многих иных случаях противопоставление оказывается ненужным по особым причинам. Например, если признать атрибутивное сочетание *старый дуб* лежащим в основе астионима *Стародуб*, для его антипода возможно было бы только образование *Молододуб*, основанное на сочетании *молодой дуб*, но не *Новодуб* ввиду маловероятности сочетания *новый дуб*. Название села *Староверовка* образовано от нарицательного *староверы* (старообрядцы, раскольники), поэтому оно не могло противопоставляться составному с препонентом **ново-**.

Названию города *Старый Крым* (*Эски Кырым*), бывшего до 1501 года столицей Крымского ханства (Крымской орды), не противостояло название *Новый*

¹⁷¹ Список составлен на основании книги В. Я. Нежнипапа «Українсько-російський словник географічних назв Української РСР», К., 1964.

Крым (*Яңы Кырым*), потому что бывший *Солхат* (*Солгат, Солкат, Солгольт, Соргат, Соркат, Сулгат, Сулхат*)¹⁷² стал называться *Эски Кырым* уже, очевидно, тогда, когда за новой столицей укрепилось название *Бахчисарай*, собственно *Бахче-Сарай* (Сад-Дворец).

Любопытно, что в старых тюркоязычных названиях Крымского полуострова, кроме названия бывшей турецкой крепости (на Керченском полуострове) *Еникале*, в группе хронологических эпитетов почти исключительно выступал эпитет *эски-*; *Эски-Кермен, Эски-Орда, Эски-Сарай, Эски-Фарос* (очевидно так, а не *Фарос*, как на картах и в путеводителях), *Эски-Юрт*.

Напротив, в Турции, очевидно, преобладают названия с *ени-*: *Еникей* (3), *Енимехметли, Енимюсюльман, Енипазар, Енипаян, Ени-Фоча, Ени-чага, Ени-чамлыджа, Енишахир* (2), но *Эски, Эски-Малатья, Эски-Пазар, Эски-Хамидиа, Эскишехир*¹⁷³.

При сравнении топонимов Северной Америки и Британии сразу заметно преобладание в названиях первой составных топонимов с эпитетом *new*, что вполне естественно для колониальной страны: *New Albany, New Almaden, Newark, New Bedford, New Bern, Newberry, New Braunfels, New Brighton, New Brunswick, Newburgh, Newburyport, New Carlisle, Newcastle, New Castle, New City, New-dale, New England* и т. д.

Впрочем, некоторые из них перенесены без изменений из Англии, напр.: *Newcastle* в Англии и *Newcastle* в штате Индиана; *Newport* в Англии, Уэльсе, Шотландии и в штатах Род-Айленд, Теннесси, Вермонт; *Newton* в Уэльсе и *Newton* в штатах Джорджия, Иллинойс, Айова, Канзас, Массачусеттс, Нью-Джерси, Техас и т. д.

В древнегреческой топонимии эпитеты хронологической группы, по-видимому, не получили широкого распространения, потому что дочерние города часто носили названия, совсем не связанные с материнскими городами (метрополиями).

Среди *новых* городов, селений и даже островов упоминаются в античной литературе: *Нэай* – город на о. Сицилия, *Нэа Комэ* – местность в Троаде, *Нэа*, или *Нэай*, – остров возле Лемноса, еще один остров под таким же названием в Эгейском море, между Лебедосом и Троадой, *Нэай* – местность во Фракии, *Нэа Кархедон* (Новый Карфаген), *Нэа Пафос* на Кипре, наконец, *Нэа полис*, или *Нэаполис*, на месте теперешнего Неаполя (*Наполи*), который, согласно Стефану Византийскому, назывался также *Партэнопэ* и *Фалерон* и сперва состоял из двух частей – *Палеаполис* и *Нэаполис*, затем соединившихся в один город, который стал называться просто *Нэаполис* (*Новгород*). Так же называлась и часть города Сиракуз, прежде имевшая название *Тэмэнитэс*.

Известно было еще несколько городов: *Палайполис, Палайяполис, Палайяполис* и просто *Палайя* (в Эолиде, на Кипре, иначе *Палайя Полихнэ*), *Палайя Комэ* (в Лаконике), *Палайя полис* (в Сирии) и др. Соотносительными были, например,

¹⁷² Варианты названия *Солхат* взяты из книги П. И. Кеппена «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических», Спб., 1837, с. 344–345.

¹⁷³ Топонимы Турции взяты из приложения к карте Турции (М., 1959).

Палайпафос, или *Пафос Палайя*, и *Нэа Пафос* на Кипре в названиях, сохранившихся до наших дней, а также *Палайфарсалос* и просто *Фарсалос* в Тессалии.

Среди гидронимов можно отметить *Палайскамандрос* и *Скамандрос*, первый из которых обозначал старое русло реки Скамандра в Троаде.

Таким образом, эпитеты со смыслом *новый* – *старый* в древнегреческой топонимии служили определением преимущественно для названий населенных пунктов, в отличие от упомянутых нами выше общеизвестных названий значительных географических ареалов, присвоенных им в эпоху великих открытий, жестоких завоеваний и колонизации заморских стран.

Естественно в названиях географических объектов найти элементы субъективной оценки самих объектов. Ярчайшим примером такой оценки, конечно, является открытый во время бури Bartolomeu Dias'ом, португальским мореплавателем, *Cabo das Tormentas*, переименованный королем D. João II в *Cabo de Boa Esperanca* и затем названный по английски *Cape of Good Hope* – *Мыс Доброй Надежды*. Вспомним также название столицы Аргентины *Buenos Aires* – *Хороший воздух* (и даже во множественном числе).

В гидронимии Украины находим две речки с субстантивированным эпитетом *Добрая* («Каталог», № 1006, 2223) и две – с композитным названием *Доброводка* («Каталог», № 248, 557, собственно *Добрыводка*). Среди населенных пунктов имеются с. *Доброводка*, пгт. *Добровеличковка*, гор. *Добромиль*, гор. *Доброполье*, с. *Добростаны*, пгт. *Добротвор* и два пгт. *Добрянка*. К ним можно добавить в РСФСР четыре *Добринки*, *Добринский*, *Доброводье*, *Доброволье*, *Добровольное*, *Добровольск*, *Добровольное*, три н. п. *Доброе*, залив *Доброе Начало* на острове Итуруп в Курильском архипелаге, *Доброславку*, *Добрый* на р. Лене (Якутская АССР), н. п. *Добрынь* (Белорусская ССР) и еще одну *Добрянку* (в Пермской области РСФСР)¹⁷⁴.

Конечно, антитеза этого положительного эпитета не должна встречаться в названиях населенных пунктов, но может встретиться в названиях физиогенных объектов.

Гидронимия Украины дает нам два не только отрицательных, но еще и юмористических названия: речка *Дурная* (глупая), приток р. *Волчьей* (что тоже отрицательный эпитет, «Каталог», № 2066) и речка *Дурница* (чепуха, ерунда, глупость), приток р. Турии («Каталог», № 1084). Не лучшую характеристику речкам дает название *Поганка*, приток р. Соби («Каталог», № 862) и приток р. Хоморы («Каталог», № 1252).

На р. Печоре расположен н. п. *Мутный Материк*, но мы не знаем, определяет ли эпитет этого названия качество воды. Так как н. п. *Мутная* находится недалеко от *Добрянки* на р. Каме, возможно, в его названии заключена по контрасту отрицательная характеристика. Речка *Мутная* в бассейне реки Воямполки на Камчатке должна быть действительно мутной.

Любопытно, однако, что на Украине почти нет «каламутных» рек, но зато явно отрицательные названия, кроме уже упомянутых, имеют всякие «волчьи»

¹⁷⁴ Примеры взяты из «Словника...» В. Я. Нежнипапа и «Атласа СССР» (1962).

водоемы. Впрочем, вполне возможно, что речка *Баламутка* («Каталог», № 2496) не лучше потенциальной *Каламутки*.

В уже упомянутом днепровско-деснянском междуречье, на берегу Днепра, возле села Староселье (ныне в зоне затопления Киевским морем), было урочище *Волчья Нива*. Почему *Волчья*? Потому что оставалась невозделанной и заросла сорной травой. Вероятно, *Волчьи* речки («Каталог», № 2065, 2385, 2177) тоже не пригодны для хозяйственного использования (ср. *волчьи ягоды*, *волчье лыко* и пр.). Затруднительно определить, такого ли характера гидроним *Волк*, приток Южного Буга («Каталог», № 802).

Речка *Волчья* есть также в бассейне Анадырского залива. Мыс *Волчий Нос* на Ладожском озере в своем названии содержит, конечно, не оценочный, а морфологический (соответственно – морфографический) эпитет. Употребление относительного эпитета *волчий* как оценочного, вероятно, представляет особенность украинской топонимии.

Напротив, гидронимы вроде *Свиная*, *Свиновод*, *Свинолужка*, очевидно, имеют аналогии в тюркоязычной гидронимии. Остроумная статья В. В. Цыбульского «Топонимы Маймун, Койунадасы и Домуз-адасы» («Топонимика Востока», М., 1964, с. 37–39), по-видимому, не имеет отношения к оценочным гидронимам, о которых здесь идет речь.

О пережитках еще одной резко отрицательной основы в гидронимии Украины можно судить по названиям *Калка*, может быть, *Кальмиус*, *Кальчик* («Каталог», № 2331, 2335) и *Калец* («Каталог», № 2336).

Из положительных гидрологических и в то же время близких к оценочным эпитетам следует упомянуть еще такие прилагательные, как относительное *водяной* (в «Каталоге» – 11 водных артерий) и качественное *полный* – речка *Полная* («Каталог», № 2594), приток р. Деркула (Дерекёлю?).

Среди 10 рек с определяемым *Долина* есть *Веселая Долина*, приток р. Ворсклы. В этом гидрониме мы усматриваем еще один оценочный положительный эпитет, встречающийся в названиях населенных пунктов, напр.: *Веселое* Запорожской области УССР и *Веселый Подол* Полтавской области УССР, *Веселые Терны* Днепропетровской области УССР и дендрологический парк в Кировоградской области *Веселые Боковеньки*, *Веселые горы* Донецкого Кряжа Ворошиловградской области и речка *Веселуха*, правый приток Припяти.

Мы назвали наиболее распространенные и характерные качественные эпитеты в нашей топонимии с тем, чтобы в отношении определяющих эпитетов ее можно было сопоставить с иноязычными топонимиями, что мы уже отчасти сделали.

Осталась еще одна и последняя группа эпитетов, получившая широкое распространение в топонимии всего мира в эпоху колониальной экспансии западноевропейских государств – это группа «религиозных» эпитетов и их дериватов.

Если взять хотя бы «Учебный атлас мира» (М., 1968) и посмотреть в указателе к нему топонимы с препонентами **сан-**, **санто-**, **санта-**, **сен-**, **сент-**, то получится довольно внушительная картина их распространения как в метрополиях, так и в бывших колониальных странах.

На карте СССР тоже можно найти имена святых, но относительно мало названий с препонентом *святой*, причем преимущественно на севере. Далеко на севере расположены три мыса – на берегах Баренцова моря (9, Б–14¹⁷⁵), Кольского полуострова (8, А–9), моря Лаптевых (48, А–7) – и полуостров – между Баргузинским и Чивыркуйским заливами на озере Байкал – с характерным названием *Святой Нос*. Можно упомянуть еще н. п. *Святнаволок* и *Святозеро* в Карельской АССР.

Оставляя в стороне имена святых православной церкви, обратим внимание на то, сколько топонимов связано с названиями церковных праздников. Например, об архангелах напоминает *Архангельск* (8, В–10) и еще 11 топонимов, о благовещении – *Благовещенск* (17, Б–3) и еще 9 топонимов, о воздвижении – *Воздвиженское* (14, Б–5) и еще 5 топонимов, о вознесении – *Вознесенск* (18, Г–6) и еще 15 топонимов, о воскресении – *Воскресенск* (11, Д–6) и еще 17 топонимов, о покрове – *Покровск* (47, Ж–15) и еще 40 топонимов, о преображении – *Преображенское* (17, В–3) и еще 6 топонимов, о рождестве – *Рождество* (10, Г–3) и еще 17 топонимов, о спасе – *Спасск* (41, Е–3) и еще 12 топонимов, о троице – *Троицкое* (11, Ж–7) и еще 36 топонимов, об успении – *Успенское* (20, В–4) и еще 14 топонимов. Не перечисляем названий «с крестами», которых не меньше 26.

Немало у нас топонимов с препонентом **бого-**, напр.: *Богодухов*, *Богодуховка*, *Боголюбовка*, *Боголюбово*, *Богополь*, *Богородицк*, *Богородицкое*, *Богородка*, *Богородск*, *Богородское*, *Богородчаны*, *Богословка*, *Богуслав*. В качестве антипода этой основы могли бы выступать с отрицательной оценкой основы или дериваты таких мифонимов, как *бес*, *дьявол*, *сатана*, *черт*, но их трудно найти на карте. Причина этого обстоятельства ясна: суеверный страх перед именами «нечистой силы» (один из эвфемизмов) налагал табу даже на их произнесение. Поэтому такие топонимы с «заклятыми» именами можно найти где-нибудь «на краю света» или в микротопонимии, напр.: *Чертово озеро* (37, Д–14) в Ямало-Ненецком национальном округе или порог *Чертова Мельница* (58, В–2) на реке Вилюй в Амурской области РСФСР. Названия вроде *Чертомлык*, как мы видели, не имеют к *черту* никакого отношения, кроме парэтимологического¹⁷⁶.

В бассейне Днестра и в бассейне Ужа есть речки под названием *Чертовец* («Каталог», № 560, 1425), которое должно их характеризовать не с лучшей стороны. Нельзя сказать, имеет ли связь с чертом речка *Чертень* («Каталог», № 1384), бассейн Припяти, но с уверенностью можно утверждать, что с этим мифонимом связываются теперь названия типа: *Черторея*, *Черторой*, *Черторя*, *Чертория*, которые О. Н. Трубачев определяет как «старое славянское название, сложение *чърто* – *рия*, *чърто* – *рыйь*»¹⁷⁷. Он же упоминает о польском названии озера в бассейне Вислы *Чартория*.

Черторыєю называется также рукав Днепра возле Киева. Н. Закревский в «Описании Киева» (М., 1868) сообщает о нем следующее: «Третий рукав есть быстротекущая и глубокая Чертория, начинается близ устья Десны, она чрез про-

¹⁷⁵ Материал и ссылки на карты «Атласа СССР», М., 1962.

¹⁷⁶ О возможности такой парэтимологии совершенно правильно говорится в книге А. И. Попова «Географические названия (Введение в топонимику)», М.–Л., 1965, с. 168.

¹⁷⁷ О. Н. Трубачев, Названия рек Правобережной Украины, с. 268.

ток Пробитец отделяется влево от Днепра, протекает луговую сторону в двух с половиной верстах от Киева и соединяется с Днепром против Аскольдовой могилы» (т. 1, с. 297).

Однако не исключается возможность того, что эта киевская *Черторыя* и ей подобные в других местах первоначально даже не были связаны с *чертом*. Топонимы *Чьрторыя и подобные, очевидно, были достаточно распространенными в славянских землях и должны были в основе иметь какое-то нарицательное слово (ср. также известную польскую аристократическую фамилию *Czartoryski, Czartoryscy*). «Словарь современного русского литературного языка» (М.– Л., 1965) слово *черторой* отмечает как «областное» со значением *овраг, глубокая яма* (т. XVII, с. 964), однако цитата из К. Г. Паустовского обнаруживает еще одно значение этого слова: *стрежень, быстрина, подводная яма*. Такие значения нарицательного имени могли привести к забвению (частичному или полному) его этимологической структуры. По своей структуре композит *черторыя* аналогичен композиту *крѣторыя*, или *кроторыя*, обозначавшему в старорусском языке, очевидно, не только *крота*, но и *котовину*.

Отметим, что в «Повести временных лет» дважды упоминается не только киевская *Черторыя* под 6655 (1147) и 6658 (1150) годами, но и город *Черторыескъ* (1100), а также *Чертовъ лѣсъ* (1150). Если река и лес в своих названиях могли быть связаны с нежелательной для упоминания основой, сомнительно, чтобы без забвения первичной этимологической структуры такое название оставалось бы у населенного пункта.

Конечно, с распространением христианства все, относившееся к язычеству, связывалось в сознании новообращенных с «нечистой силой» и ее именами (*бес, черт, дьявол, сатана*).

В той же микротопонимии Киева существовало урочище, называемое *Чертовым Беремищем*. Иннокентий Гизель, Печерский архимандрит, в своем «Синописе» (первое изд. в 1674, второе – 1823 году) так объясняет происхождение названия этого урочища: «Носится же и сѣя повѣсть еще отъ старыхъ людей, яко некоего идола, егда влекоша вѣрніи съ горы утопити въ Днѣпръ, біюще его нещадно, бѣсъ въ томъ идолѣ восклицаше, рыдая зѣло. И оттуду дорогу ту съ горы, низае монастыря Златоверхаго Михайла, нарекоша древле Чертово Беремище, си есть тяжко чорту»¹⁷⁸.

Нет также сомнения в том, что локальный термин *чертова каменка* (каменные россыпи в горах, курумы в Южной Сибири, – Э. М. и В. Г. Мурзаевы, «Словарь», с. 250) непосредственно связан с мифонимом.

Несомненная связь с мифонимом была и в татароязычных крымских топонимах *Шайтан-дере* (*Чертово ущелье*) возле Балаклавы и возле Судака и *Шайтан-мердвень* (*Чертова лестница*) на Яйле возле Байдарских ворот.

Таковы же апоимифонимические топонимы в разных частях света, вроде *Чертово Озеро* (озеро *Devil's Lake* и город *Devils Lake* в штате Северная Дакота), *Чертов остров* во французской Гвиане (*Ile de diable*), *Чертов глетчер* в Антарктиде.

¹⁷⁸ Цит. по кн.: Н. Закревский, Описание Киева, с. 568.

Отсутствие исторических данных и близость (фонологическая) основ *черт* и *черта́* не позволяют нам судить о том, действительно ли связываются с первой из них названия весьма скромных населенных пунктов, вроде: *Чертово* Костромской области («Атлас Мира», 24–25, Л–21), *Чертовичи* возле Брянска на Десне (32–33, Е–4), *Чертовики* Ивановской области (32–33, В–10).

Как видно из предыдущего, в «религиозных эпитетах» мы далеко вышли за пределы собственно качественных эпитетов, из которых только *святой* должен был бы остаться в этой группе.

Из всех известных нам топонимий наибольшим распространением эпитета с таким значением отличается грекоязычная топонимия. Эпитеты *айиос*, *айиа*, *айион* и соответственно в димотическом варианте *айос*, *айя*, *айо*, *ай-* здесь повсеместны. Это нашло отражение и в грекоязычной топонимии Южного берега Крыма, где всем известны гора *Ай-Петри* (< *Ай-Петриу* < *Айиу Петру*) и мыс *Ай-Тодор* (< *Ай-Теодору* < *Айиу Теодору*).

Если взять для сравнения с восточнославяноязычной топонимией на широком пространстве Советского Союза татароязычную топонимию Татарской АССР, конечно, прежде всего обратит на себя внимание относительная ограниченность типов второй. Сравним их по нашей схеме «Качественных топонимических эпитетов», пользуясь «Списком географических названий Татарской АССР» И. А. Абдуллина, приложенным к «Татарско-русскому словарю».

В группе размерных эпитетов ярко выражено противопоставление: *Зур* +, *олы* + ~ *кече* +, напр.: *Зур Арташ*, *Олы Арташ* ~ *Олы Елга* ~ *Кече Елга*, *Олы Карамал* ~ *Кече Карамал*, *Олы Салтык* ~ *Кече Салтык* и т. д. Слабо выражено противопоставление *озын* ~ *кыска*, напр.: (озеро) *Озынбы* ~ *Кыска Елга*. Очень много топонимов с эпитетом *урта* (средний) +, эквивалент которого не чужд и нашей топонимии: *Олы Аты* ~ *Урта Аты* ~ *Кече Аты*, но *Олы Тархан* – *Урта Саба* – *Кече Чура*.

Среди ориентационных эпитетов преобладают: *югары* + *Түбән*, напр.: *Югары Аты* ~ *Түбән Аты*, *Югары Балтай* ~ *Түбән Балтай*, *Югары Курса* ~ *Түбән Курса* и т. п.

Если в нашей топонимии не очень распространены круговые (по странам света, или сторонам горизонта) ориентационные эпитеты, то в татароязычной топонимии они, по-видимому, совсем отсутствуют. Зато цветовые эпитеты широко распространены, хотя в очень ограниченном наборе. Чаще всего можно встретить контрастные и «самый горячий» из спектральных, напр.: *ак* + ~ *кара* +, *якты* + ~ *кара* +, ~ *кызыл* + : *Актай* ~ *Каратай*, *Якты Елга* ~ *Караелга*, *Актау*, *Яктытау* ~ *Кызылтау*, *Акъял* ~ *Кызыл Юл*, *Акчишмә* ~ *Карачишмә* ~ *Кызыл Чишмә*, *Күкчишмә*, *Күктау* и т. п. В пределах этих топонимов не встретился нам эпитет *сары* (желтый) и вообще малораспространенный в тюркоязычной топонимии *яшел* (зеленый), но в Малой Азии: *Ешилль Ирмак* (Зеленая река), *Ешиллькей* (Зеленое село), *Ешиллова* (Зеленая равнина) (См. Указатель географических названий к карте «Турция», М., 1959, с. 15).

Ввиду того, что эпитеты *ак* +, *кара* +, *кызыл* +, *күк* + часто определяют не физиогенные, а собственно антропогенные объекты (*Акъегет*, *Акъял*, *Карагай*,

Карадуган, Кызыл Болгар, Кызыл Тархан и т. п.), возникает предположение, не имеют ли некоторые цветковые эпитеты отношения к известной на Востоке цветовой символике «пяти элементов» (или «пяти стихий»), каждый из которых ориентирует по странам света: вода – черный цвет – север, дерево – зеленый (или синий, см. выше) – восток, огонь – красный – юг, металл (железо) – белый – запад. Однако для аргументации этой гипотезы требуется специальное исследование.

Среди температурных и гидрологических эпитетов 1: *суык* +, по-видимому, не противопоставляется *эссе* (горячий, теплый ~ холодный): *Суыксу*, *Суыкчишме*. Спорадически отмечается противопоставление (*сухой* ~ *мокрый*): *кору* + ~ *су* +, напр. *Суелга* (Мокрая река).

Нет эквивалента *гнилых* рек и ручьев (*черек* +), но имеются «комариные» топонимы (*Черки* – *Килдураз*) и, конечно, «скверно-пахнущие» воды (*Сасыкул*).

Природа Татарии не такова, чтобы в ней были горькие или соленые водоемы (*ачы* +, *тоз* +).

Есть несколько случаев гипсометрических эпитетов, напр.: *Тау Зары*, *Тау Иле*, *Таулар* (–), в которых *Тау* является также элементарным термином (*гора*), и *ясы* (плоский, ровный) + : *Яссыкул*, *Яссытугай*.

Среди морфологических эпитетов употребительны *кѳкре* (кривой) + : *Кѳкре Елга* – и *кырын* (косой) + : *Кырынтау*.

Не отмечено нами флористических эпитетов, кроме относительных прилагательных (названия деревьев).

Как, вероятно, во всех топонимиях мира, весьма распространены здесь хронологические эпитеты: *яңа* (новый) + ~ *иске* (старый) +: *Яңа Алпар* ~ *Иске Алпар*, *Яңа Арыш* ~ *Иске Арыш*, *Яңа Балтач* ~ *Иске Балтач*, *Яңа Буа* ~ *Иске Буа*, *Яңа Карамалы* ~ *Иске Карамалы*, *Яңа Суыксу* ~ *Иске Суык*, *Яңа Симестрау* ~ *Иске Симестрау* (*Новое Семиострово* ~ *Старое Семиострово*) и т. д. Среди оценочных можно отметить положительный эпитет *яхшы* + : *Яхшыбай*, *Яхшыкаран*, *Яхшыкилде*. Не обнаружено, однако, контрастного *яман* +, ср., например, на Южном Урале ороним: *Ямантау*.

Религиозные эпитеты не выражаются специальными основами (*Изге +, *Алла + ~ *Шайтан + *Иблис + и т. п.), но довольно часто встречается отмеченный эпитет русского происхождения – *керэшен* + (< крещеный): *Керэшен Казысы*, *Керэшен Пакишины*, *Керэшен Ялтаны* и т. п. (результат миссионерской деятельности православного духовенства).

В этой части нашего очерка материал ограничен одним источником. Почему для сравнения с восточнославянской топонимией была выбрана именно татарская топонимия? В данном случае выбор определялся относительной лингвистической однородностью топонимов: татарская топонимия в значительной мере построена на основе татарского языка. Кроме того, идентифицируемые топонимами географические объекты в обоих случаях соизмеримы. Однако даже при частичной (полной, вероятно, не бывает) несоизмеримости объектов как в элементарных (соответственно – фундаментальных) географических терминах, выражаемых топонимами, так и (теоретически, или априорно!) в качественных

эпитетах, используемых в топонимии, должна как будто существовать аналогия во всех языках с более или менее значительными ареалами.

Чтобы проверить на конкретном топонимическом материале это априорное утверждение, обратимся к известной нам топонимии арабоязычных стран, природные условия которых в общем достаточно отличаются от природных условий восточнославянских стран.

Для нижеследующего обзора арабоязычной топонимии используется как принятая в нашей географической литературе и на географических картах довольно приблизительная и непоследовательная передача (адаптация) арабских названий, так и вполне последовательная транскрипция арабского письма на основе простой нумерации знаков арабского письма (от 1 до 28) во избежание маловыразительных подстрочных диакритических знаков, применяемых в наших учебниках (ср., например, таблицу «Арабский алфавит» в учебнике В. С. Сегаля «Начальный курс арабского языка», М., 1962, с. 161–162).

Специфическая трудность обозрения арабоязычной топонимии в отношении не только качественных, но и относительных эпитетов в составных названиях заключается прежде всего в том, что согласно позиционному синтаксису арабского языка эпитет как определение помещается после определяемого слова и, таким образом, лишается своего «звания» препонента.

Преодолевая эту трудность при отсутствии обратных словарей арабоязычной топонимии, попытаемся в доступных нам источниках найти интересные нас качественные прилагательные-постпоненты.

Быть может, ни в одном примере до такой степени не очевидна относительность определений, как в группе размерных эпитетов и особенно в их первой контрастной паре: *большой* [22, 2, 28, 10; 1, 22, 2, 10] ~ *малый* [14, 19, 28, 10; 1, 14, 18, 10]. С одной стороны – общеизвестная река *Гвадалкивир* из арабского *Вад(ин)-ал-кабир* [27, 1, 8-1, 23-22, 2, 28, 10], а с другой – совсем неизвестные за пределами узких географических ареалов, где лежит их русло, незаметные в сухое время года речушки, например, на границе международной зоны Танжера и Испанского Марокко *Вад-эль-Кебир* («Атлас Мира», 111, С–10), *Уэд-эль-Кебир* в Алжире, две *Нахр-эль-Кебир* в Сирии и синонимичный им населенный пункт на турецкой территории, недалеко от сирийской границы [25, 26, 10-1, 23-22, 2, 28, 10]¹⁷⁹.

Можно, конечно, вспомнить еще *Белый Нил*, или *Бахр-эль-Абьяд* [2, 6, 10-1, 23-Х1, 2, 28, 1, 15] и *Голубой Нил*, или *Бахр-эль-Азрак* [2, 6, 10-1, 23-Х1, 11, 10, 21] в Судане и в Эфиопии. Само название страны и государства Судан образовано от прилагательного *асвад*, *савда*, *суд* [1, 12, 27, 8; 12, 27, 8, 1Х; 12, 27, 8].

К цветовым постпонентам относятся и такие, как *Черное*, или *Красное море* – *Бахр-ал-Ахмар* [2, 6, 10-1, 23-Х1, 6, 24, 10], *Эритрейское море* – ΕΡΥΘΡΑ (ΕΡΥΘΡΑΙΑ) ΘΑΛΑΣΣΑ и субстантивированное *Ал-Хамра* [Х1, 23-6, 24, 10, 1Х] то же, что Ирак [Х1, 23-18, 10, 1, 21] или Месопотамия [21, 1-2, 28, 25, 1-25-25, 26,

¹⁷⁹ Примеры взяты из указателей к картам Ирака (М., 1960), Сирийского района Объединенной Арабской Республики (М., 1959), Иордании, Ливана, Израиля и Кипра (М., 1961), Объединенной Арабской Республики (М., 1960), Алжира (М., 1960), Марокко (М., 1960), Судана (1960).

10, 25], при котором вспоминается, конечно, название знаменитого Красного дворца Насридов в Гранаде – *Альгамбра* (= *Ал-Хамра*).

Ориентационные определения можно найти в названиях таких стран, как *Магриб* [24, 19, 10, 2] = *Марокко*, *Алгарви* [XI, 23-19, 10, 2] в Португалии и т. п. Древнее название *Счастливой Аравии* (ΑΡΑΒΙΑ Η ΕΥΔΑΙΜΩΝ) сохраняется в названии страны *Йемен* [X1, 23-28, 24, 25], которое связывается с корнем [28, 24, 25] – быть счастливым, идти направо.

Так как город *Триполи* (ΤΡΙΠΟΛΙΣ) есть и в Ливане, и в Ливии, то первый из них называется по-арабски *Тарабулус* или *Тарабулус-аш-Шам* (Сирийский Триполис), а второй (а также и его область) – *Тарабулус-ал-Гарб* [16, 10, 1, 2, 23, 12-1, 23, 19, 10, 2], то есть Западный Триполис (Троеградие).

В названиях рек можно встретить определения, вроде *Верхний* [X1, 23-X1, 18, 23, 28] и *Нижний* [X1, 23-X1, 12, 20, 23]. Пустыня, которая у нас называется первичным элементарным термином *Сахара*, у арабоязычных народов называется *Сахара-л-Кубра* [12, 6, 10, 1X-23-22, 2, 10, 1X], то есть *Великая Пустыня*.

Однако характерными для арабоязычной топонимии являются не эти размерные, ориентационные, цветовые и прочие эпитеты-постпоненты и субстантивированные прилагательные, а элементарные географические термины, названия антропогенных объектов, антропонимы и еще некоторые названия, определяющие положение людей в семье и в обществе.

В нашей топонимии также довольно широко распространены все эти группы терминов, кроме последней.

Постараемся перечислить основные из этих терминов арабоязычной топонимии, установленных при изучении указателей к уже цитированным выше картам.

I. Названия физиогенных объектов

1. *Айн* + [18, 28, 25] – буквально – глаз, метафорически – источник, родник, ключ.

2. *Балад* + [2, 23, 8], множ. *Билад*, вариант: *Белад*, *Блед* – страна, город, местность, ср. II.

3. *Бахр* + [2, 6, 10] – море, озеро, (большая) река.

4. *Бир* + [2X, 10] – источник, колодец.

5. *Бирка* + [2, 10, 22], вариант: *Биркет* – озерцо, пруд.

6. *Бугаз* + [2, 19, 1, 11], (турецкое *Богаз*) – пролив.

7. *Вади* + [27, 1, 8 (25)], вариант: *Вад*, *Уэд* – долина, русло, овраг, река, поток, берберское *асиф*.

8. *Джазира* + [5, 11, 28, 10], вариант: *Джезирет*, *Гезирет* – остров.

9. *Джебель* + [5, 2, 23], вариант: *Джабаль*, *Жебель*, *Гебель* – гора (горная страна).

10. *Нахр* + [25, 26, 10] – река, речка, поток.

11. *Рас* + [10X, 12] – буквально – голова, метафорически – мыс.

12. *Телль* + [3, 23, 23] – холм, бугор, дюна, бархан.

13. *Тин* + [3, 28, 25] – фиговая роша.
14. *Фум* + [20, 24], вариант: *Фам* – буквально – рот, метафорически – устье.
15. *Халидж* + [7, 23, 28, 5] – залив.
16. *Хаммам* + [6, 24, 24, 1, 24] – купальня, баня, ср. II, [6, 24, 24].
17. *Хасси* + [6, 12, 28], вариант: *Хиси* – каменистая равнина, покрытая песком.

18. *Хор* + [7, 27, 10], вариант: *Хавр* – сухое русло, бухта, залив.
19. *Шаиб* + [13, 18, 2], вариант: *Шиб* – ущелье, горный проход (ср. *дарб*).
20. *Шатт* + [13, 16, 16] – берег, побережье.

К этим можно добавить термины, известные из физической географии (Северной Африки), например, *Сахель*, *Себха*, *Серир*, *Хамада*, *Шотты*, *Эрги*¹⁸⁰.

II. Названия антропогенных объектов

1. *Бейт* + [2, 28, 3] – дом, жилище, место пребывания.
2. *Бург* + [2, 10, 5], вариант: *бурдж*, *бордж* (итал. *borgo*) – башня, замок, поселок.
3. *Дар* + [8, 1, 10], множ. *Дур*, *Дияр* – жилище, область, страна, *Ад-Дияр-эль-Мисрия* – Египет.
4. *Дейр* + [8, 28, 10] – монастырь.
5. *Завиет* + [11, 1, 27, 28 –] – буквально – угол, в топонимах – монастырь.
6. *Кала* + [21, 23, 18–], вариант: *Калат*, *Кале* – крепость, город.
7. *Карет* + [21, 10, 28] – селение.
8. *Касаба* + [21, 14, 2–], вариант: *Касба* – крепость, центр города.
9. *Каср* + [21, 14, 10] множ. *Кусур*, вариант: *Ксар*, *Ксур* – крепость, замок, дворец, ср. *Ал-Аксур* = *Луксор* (в Египте).
10. *Кафр* + [22, 20, 10], вариант: *Кфар* – селение, сельцо.
11. *Кубба* + [21, 2, 2–] вариант: *Куббет* – буквально – купол, метафорически – гробница мусульманского святого.
12. *Мар(а)са* + [24, 10, 12 –], вариант: *Мерса* – буквально – причальный канат, швартов, метафорически – пристань, порт, гавань, ср. [24, 10, 12, 28].
13. *Медина* + [24, 8, 28, 25 –], вариант: *Мединет* – город, *Эль-Медина* – г. Медина в Аравии.
14. *Низала* + [25, 11, 1, 23 –], вариант: *Нзала* – жилище, гостиница.
15. *Сабат* + [10, 2, 16] – квартал, район (города), предместье (в Тунисе).
16. *Сук* + [13, 27, 21] – базар, торговый квартал.
17. *Хан* + [7, 1, 251] – караван-сарай, корчма, хан.
18. *Хирба* [7, 10, 2 –], вариант: *Хирбет* – развалины, руины.

¹⁸⁰ Милюков Ф. Н. Словарь-справочник по физической географии, М., 1960, с. 226, 228, 253, 258, 259.

III. Топонимические названия от названий людей по их положению в семье и в обществе

1. *Абу* + [X1, 2(27)] – отец.
2. *Ахль* + [X1, 26, 23] – население, жители.
3. *Бени* множ. от *Ибн* [X1, 2, 25; 2, 25, 27, 25-] – сыновья, потомки, берберское *аит*.
4. *Ибн* + см. 3.
5. *Имам* + [X1, 24, 1, 24] – имам (чин мусульманского духовенства) .
6. *Ком* + [21, 27, 24], вариант: *Кам* – народ, люди.
7. *Мулла* + [24, 23, 23, IX] – мулла (чин мусульманского духовенства).
8. *Сеид* + [12, 28, 28, 8], вариант: *Сейид* – господин (титул потомков пророка Мухаммеда).
9. *Сиди* + [12, 28, 8, 28] – буквально – мой господин (см. 8, препозит имен мусульманских святых).
10. *Улад* + [X1, 27, 1, 8], вариант: *Улед*, *Авлад* множ. от *Валад* – дети, потомки.
11. *Хаджи* + [6, 5, 5] – почетное звание: «совершивший паломничество в Мекку».
12. *Шаб* + [13, 18, 2] – народ, люди.
13. *Шейх* + [13, 28, 7] – шейх, староста (почетное звание и должность).
14. *Шериф* + [13, 10, 20] – буквально – честный, благородный (титул потомков Мухаммеда).

Мы не касаемся здесь арабоязычной топонимии, связанной с антропонимами.

В нашем кратком обзоре сопоставляются лишь славяно- и тюркоязычные топонимы определенного типа. Установленное несоответствие между той и другой топонимией должно определять границы применения метода аналогий. Славяноязычная (и в частности, восточнославянская) и тюркоязычная топонимии оказались вполне соизмеримыми в отношении топонимических эпитетов и, напротив, обе они значительно отличаются как в этом, так и в других отношениях от арабоязычной топонимии. На основании изучения русскоязычной топонимии можно сделать некоторые выводы о татароязычной топонимии, например, о возможной семантике компонентов атрибутивных сочетаний, но эти выводы, очевидно, не распространяются на составные топонимы арабоязычных стран.

Такое наблюдение приводит нас к мысли о том, что в связи с типологией языков необходимо также изучать типологию ономастических систем, учитывая возможность их междудязыкового существования. Иными словами, можно сказать, что тип ономастической системы не определяется границами того языка, который дает материал для ее создания.

Ономастическая система – определяемая во времени и в пространстве топонимия или антропонимия (в известной степени и койнонимия) – определяется, конечно, типом языка, а также культурным циклом. Вот почему языки разных типов могут служить основанием для создания аналогичных ономастических систем.

Вопрос о том, до какой степени оказывается возможным создание различных (антиномичных) ономастических систем на основе родственных между собой и однотипных языков, пока еще остается без ответа. Возможность такого различия можно было бы проиллюстрировать противопоставлением православной, католической и мусульманской антропонимий на территории Федеративной народной республики Югославии.

Надо полагать, что первоочередной задачей ономастики является именно изучение типов ономастических систем, поскольку каждый тип отражает сочетание известных лингвистических и культурно-исторических стихий.

10

Учитывая совокупности некоторых признаков, обнаруживаемых в различных культурно-исторических и лингвистических циклах эйдонимии, можно обозначить границы их распространения линиями изонимов (по образцу изоглосс), например, для определенных типов топонимов, характеризующихся одинаковыми структурно-формальными или семантическими признаками.

Так, в рассмотренной выше арабоязычной топонимии числительные, по-видимому, не играют сколько-нибудь заметной роли. Напротив, в ряде других топонимических циклов они оказываются довольно заметными. Наибольшее распространение они получили в китайской топонимии. В статье «Китайские географические названия» К. Н. Черножуков пишет: «Для китайской топонимии характерно широкое использование числительных. Числительные чаще всего встречаются в названиях административных единиц, населенных пунктов, гор. Примеры: пров. *Сычуань* – четыре реки, четырехречье, округ и город *Саньшуй* – три реки, трехречье, деревни *Саньхэдянь* (пров. Хубэй), *Эрланмяю* (пров. Хэнань), *Улидянь* (пров. Хэнань), где *сань* – три, *эр* – два, *у* – пять, а также горы *Шиваньдашань* – сто тысяч больших гор, горы *Люваньдашань* – шестьдесят тысяч больших гор» и т. д.

Переходя к индоевропейской и тюркской топонимиям, мы не можем не вспомнить названия с числительными, вроде *Доаб* – Двуречье (Ганга и Ямуна), *Пенджаб* – Пятиречье (древние: *Витаста*, *Асикни*, или *Чандрабхага*, *Айравати*, *Випашя*, *Шятадру*; современные *Джилам*, *Чинаб*, *Рави*, *Биас*, *Сатледж*), *Дже-тысу*, или Семиречье (*Чу*, *Талас*, *Или*, *Каратал*, *Коксу*, *Аксу-Лекса*, *Аягуз*).

Число *семь* вообще широко представлено в афревразийской топонимии, особенно в ее прошлом. На месте будущего города Венеции в древности существовало *Семь морей* (ЕПТА ПЕЛАГН, *Septem maria*, Плиний, III, 16). В Троаде (Малоазиатской Мисии) протекала *Семибродная река* (ЕПТАПОРОΣ, Нонн, III, 193). В стране сабинов, возле города Реата, была местность *Семиводие* (ЕПТА УДАТА, *Septem aquae*, Дионисий Галикарнасский, I, 14). В безводной Аравии местность называлась *Семь колодязей* (ЕПТА ФРЕАТА, Страбон, XVI, 782). В Прирейнских сланцевых горах – больше тридцати младовулканических базальтовых и трахитовых вершин, но только семь из них видны плывущим по Рейну, и поэтому они называются *Семигорьем* (*Siebengebirge*).

Известно прежнее название теперешней румынской области Трансильвании (Ardeal) – *Семиградье*, *Siebenbürgen*. Однако напрасным было бы выяснение местонахождения этих «семи замков». Прежнее название связано с немецкими колонистами, которых венгерский король Геза II пригласил из Среднерейнской области в так называемый Трансильванский бассейн, и является сокращением немецкого обозначения *die Siebenbürger Sachsen*.

Напротив, астионим *Семипалатинск*, центр Семипалатинской области Казахской ССР, имеет археологическое основание в виде развалин семи палат, находящихся возле этого города.

Классическая древность знала не меньше двенадцати *Трехградий* в Восточном Средиземноморье под греческим названием *Триполис*: в Аркадии, Лаконике, Мессении, на острове Родос, в Эпире, Македонии, Перревии, Фессалии, Малой Азии (Понт) с одноименной рекой, в Ливии (Африке), Кари, Финикии. Большинство из них обозначало политико-экономические связи древних городов-государств, но в одном случае *Триполис* обозначало город-государство – это финикийский *Триполис*, основанный жителями городов Арад, Тир и Сидон.

Известны были также четыре *Четырехградия* (*Тетраполис*): в Аттике (Ойноя, Пробалинтос, Трикоринтос, Марафон), Дорийский Тетраполис (Эриневс, Бойон, Пиднос, Китинион). В Ликий (Кибира, Ойнеанда, Бубон, Бальбура), в Сирии (Антиохейя, Селевкейя, Апамейя, Лаодикея). Название *Тетрапиргия* (Четыре башни) было присвоено нескольким городам (в Каппадокии, в Киренаике, в Верхней Мисии (Тавресион).

Пятиградья (*Пентаполис*) существовали у дорийцев Малой Азии (Линдос, Иалисос, Камирос, Кос, Книдос), в Северной Африке (Кирена, Беренике, Арсиноэ, Птолемаис, Аполлония), в Палестине (Содом, Гоморра, Адама, Цебоим, Цоар).

Пятимильным (*Пентасхойнос*) назывался город в Нижнем Египте.

Шестиселье (*Гексакомия*) находилось в Аравии, а дорийские города Малой Азии и близлежащих островов составляли также *Шестиградье* (*Гексаполис*), в которое, кроме уже названных в Пятиградье, входил еще город Галикарнасс (родина Геродота и Дионисия).

Гептаномидой (областью *Семи номов*) назывался Средний Египет, в который входило семь номов (Мемфитэс, Гераклеополитэс, Арсиноитэс, Афродитополитэс, Оксиринхитэс, Кинополитэс, Гермopolитэс).

У Клавдия Птолемея (V, 3, 5) упоминается город Ликии *Октаполис* (*Восьмиградье*).

Число *девять* меньше повезло в древнегреческой топонимии, если не считать названия источника на горе Гиметте (Афины), который в переводе на наш язык назывался бы *Девятиколодезным* (*Эннеакрунос*), или, точнее, *Девятитрубным*, а также *Девяти дорог* (*Эннеа Годой*) во Фракии на месте позднейшего Амфиполя.

У Иосифа Флавия, Клавдия Птолемея и в «Новом Завете» упоминается *Десятиградье* (*Декаполис*) в верховьях р. Иордана. Тот же Клавдий Птолемей (IV, 5,

74) называет в древнем Египте, на берегу Нила, где-то по течению выше Сизны (нынешнего Асуана), местность *Додекасхойнос* (*Двенадцатимильную*).

Для того чтобы найти в греческой топонимии следующее после двенадцати числительное, надо перешагнуть от 12 до 100.

Какое-то селение племени хаонов в Эпире называлось *Стофутовым* (*Гекатомпедон*. – К. Птолемей, III. 14, 7), *Стовратным* (*Гекатомпилос*. – К. Птолемей, I, 12, 5 и др.) назывался город в Парфии, *Гекатоннесой* (*Сто островов*) назывался архипелаг мелких островов между островом Лесбос и малоазиатским берегом, и, наконец, *Сторуким* назывался город в области Орестиада в Эпире (*Гекатонтахейрия*. – Паллефат, XX). У Страбона (XII, 561) упоминается еще равнина под названием *Хилиокомон* (*Тысяча сел*) возле города Апамеи в Сирии.

Однако все эти топонимы носят явно выраженный описательный (перифрастический) характер и из них в современной топонимии укоренились лишь такие, как *Триполис*, ср. *Триполис* – центр нома Аркадии на Пелопоннесе, димотическая форма – *Триполица*.

В связи с астионимом *Триполис* нельзя не вспомнить знаменитое село *Триполье* в Кагарлыцком районе Киевской области. В Лаврентьевской летописи неоднократно упоминается расположенный где-то недалеко от Киева город *Треполь*: «Святополкъ же бѣже в Треполь, и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Киеву» (1093 год). Так как рядом с летописным *Треполем* находился и *Халеп* (половцы «взяша Треполь и Халѣпъ пуста», 1136 год), то теперь рядом с селом *Триполем* находится также село *Халепье*, связь с летописными названиями здесь несомненна. Единственный вопрос, который может возникнуть в связи с этими названиями, – славянские ли они? Теперешнее название *Триполье* как будто настолько прозрачно в этимологическом отношении, что его славянская основа (*три* + *поле*) не подлежит сомнению. Можно сомневаться только в том, было ли оно первичным, или возникло на какой-то другой основе как вторичное. Композиционной формой числительного, как показывают составные числительные *тринадцать*, *тридцать*, *триста* и некоторые композиты (*тридесать*, *триднєвьныи*, *триединыи* и др.), было именно **три-**, но наряду с ним весьма распространенным было также **трѣ-** (**тре-**), напр.: *трѣблажєныи*, *трѣбогатыныи*, *трѣвеликыи* и др. Следовательно, наряду с летописными *Треполь*, *Трьполь* могло существовать и *Триполь, со временем видоизменившееся в *Триполье* так же, как *Халѣпъ* – в *Халепье*.

Если рассматривать *Триполь* как первоначальную форму с препонентом числительным, то возникает вопрос о нарицательном смысле постпонента: представлена ли в нем основа *поле* или *поль* (например, в смысле *сторона*, *берег*. – «Материалы» И. И. Срезневского, т. II, с. 1146)?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо было бы изучить все топонимы с постпонентом **-поль**, **-полье**. Из состава их, конечно, надо исключить все астионимы греческого происхождения, вроде *Севастополь*, *Симферополь*, *Мелитополь*, *Мариуполь* (из *Марьямполь* возле Бахчисарая в Крыму), *Кастрополь* (в Крыму), где постпонент **-поль** является русифицированной формой греческого **-полис**.

Названий, в которых постпонент **-поль** или **-полье** мог бы оказаться славянского происхождения, совсем немного. К ним относятся *Чистополь* (центр Чистопольского района Татарской АССР) и *Чистополье* (центр Чистопольского района Кокчетавской области Казахской ССР) – названия явно не древние.

Без исторической справки трудно сказать, как именно образовались названия *Каргополь* (центр Каргопольского района Архангельской области) и *Каргаполье* (центр Каргапольского района Курганской области в Западной Сибири) и действительно ли их препонент (в обоих случаях) связан с нарицательным *карга* (татар. *ворона*).

Астониом *Андреаполь* (центр Андреапольского района Калининской области) несомненно связан с «греческой модой» и принадлежит к той же группе, что и *Севастополь*.

Напротив, *Борисполь* (центр Бориспольского района Киевской области), очевидно, обнаруживает постпонент, связанный с нарицательным *поле*. Его препонент в теперешней и, так сказать, официальной форме является трансформацией прежнего, ныне неофициально существующего ойконима *Барышпіль*, по-видимому, образованного от слова тюркского происхождения *барыш* (мир, примирение или поход, поездка. – М. Фасмер, т. I, с.129), которое сохраняется также в названии расположенного дальше на восток за *Барышполем* н. п. *Барышевка*. Показательно и то, что в апотопонимической фамилии также сохраняется первичная форма этого ойконима – *Барышпіль*.

Возвращаясь к числительным в составе топонимов, можно указать на вполне прозрачный ойконим *Пятигорск* вблизи Бештау, то есть *Пятигорья*, хотя в настоящее время это название присвоено всего лишь одной вершине на Ставропольской возвышенности.

Совершенно аналогично нашему названию *Пятихатки* (Центр Пятихатского района Днепропетровской области) крымское название села *Бешуй* (на р. Альме, к югу от Симферополя), сохраняющееся также в ойкониме *Старобешев* (*Эски Бешев, центр Старобешевского района Донецкой области УССР). Аналогично древнегреческому *Пентаполис* можно найти в узбекском *Бешкент* (центр Каршинского района Кашкадарьинской области Узбекской ССР).

Очевидно, апойконимическим является крымский гидроним *Бештерек* (*Пять деревьев*, ср. турецк. *direk* – столб, колонна, бревно, балка, крымско-татар. дерево) и омонимичный ойконим – название села на этой реке. На этой же реке было село *Кырк* (*Сорок*), а прежнее название н. п. *Щебетовка* было *Отузы* (*отуз* – тридцать), или, точнее, *Юкары Отуз* (*Верхний Отуз*), в отличие от *Ашагы Отуз* в той же Отузской долине на берегу моря.

Вероятно, такое топонимическое использование числительных было связано со счетом «дворов» в населенных пунктах.

Впрочем, названия вроде *Отуз* и *Кырк* могли возникнуть также в результате эллипса составных названий. Числительное 40 (*кырк*) имело сакральное значение как у христиан, так и у мусульман: *сорок мучеников* (*Ай-Саранда*), *сорок церквей* (*Кырк келиссе*, или *Кыркларэли*, в Европейской Турции), кладбище в селении Эс-ки-Юрт в Крыму под названием *Кырк Азизлер* (*Сорок святых*).

Надо сказать, что числительные встречаются не только в топонимии, но и в антропонимии. Классическим примером такого использования числительных являются, конечно, римские личные имена (praenomina): *Quintus, Sextus, Decimus*, которые дополняются родовыми именами и прозвищами, напр.: *Secundus, Septimus, Octavus, Nonius*, свидетельствующие о более широком использовании числительных в антропонимии доклассической эпохи. Скучные следы использования числительных в дохристианской славянской антропонимии (имена вроде *Первый, Второй*) можно найти в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова («Записки Русского отделения императорского Русского археологического общества», т. I, Спб., 1903).

В нашей антропонимии преобладают имена иноязычного происхождения. В этом одна из особенностей нашей культуры, которая по своему происхождению является как бы «многоэтажным зданием», где каждый «этаж» относится к какой-нибудь предшествующей культуре. «Одноэтажные» (разумеется, только на первый взгляд) культуры рассматриваются нами как первобытные в обоих смыслах этого эпитета, то есть как древние и примитивные.

Небольшой альбом художника Winold Reiss'a с текстом Frank'a B. Linderman'a дает нам некоторое представление об антропонимии «Черноногих индейцев»¹⁸¹.

В состав союза «Черноногих» некогда входило три племени (пиеган, сиксикки и кайнахи)¹⁸². В настоящее время «Черноногие» живут в трех резервациях на юге провинции Альберта (Канада), насчитывая в целом около 4000 человек. Их антропонимы в приблизительном переводе на наш язык дают довольно полную картину их быта, в котором соединяются следы недавнего прошлого и черты настоящего. Среди их личных собственных имен есть: 1) связанные со свойствами носителей, напр.: *Широколицый Вождь, Метко Бьющий, Желтая Голова, Орлиная Голова, Маленький Юноша, Обстреленный с двух сторон, Единственный Ребенок, Низкорослый Мужчина, Тело буйвола, Ленивый Мальчик, Тяжелая Грудь, Много лошадей, Много мулов*; 2) связанные с охотой и окружающей природой, напр.: *Шагающий Медведь, Полосатый Волк, Белый Пес, Белый Телец, Орлиный Телец (!), Утренняя Птица, Утренняя Звезда, Утреннее Ружье (!), Можжевельный Буйвол (!), Наконечник стрелы, Снежная Птица, Пение в облаках, Сталь с двух сторон, Два резака, Два ружья, Домашнее Ружье, Пес-берущий-ружье (!), Ночные выстрелы, Черепаха, Рыба-Волк-Тюлень, Орлиное Перо, Перышко, Лучок перьев, Окаймляющие горы, Проясняется*; 3) связанные с домашним обиходом, напр.: *Долго раскуриваемая трубка, Черствый хлеб*.

Конечно, по крайней мере в одном отношении с этими сиксикскими антропонимами можно сопоставить древнюю индоевропейскую антропонимию, насколько мы ее себе представляем на основании древнегреческих, древнеиндийских, древнеиранских, древнекельтских, древнеиталийских, древнегерманских и отчасти дохристианских балтославянских личных имен.

¹⁸¹ Blackfeet Indians. Pictures by Winold Reiss. Story by Frank B. Linderman, S. Paul, Minn, 1935.

¹⁸² Народы Америки, т. I, М., 1959, с. 259, 341.

Отношение, о котором здесь идет речь, — это этимологическая прозрачность имен, их непосредственная связь с нарицательной лексикой соответствующих языков. В пределах этого индоевропейского антропонимического цикла выделяется своим своеобразием римская антропонимия, отличающаяся почти полным отсутствием характерных для этого цикла двучленных композитов¹⁸³.

По отношению к антропонимии можно установить два цикла топонимов: в первом личные собственные имена (собственно личные — *просопонимы*, отчества — *патронимы*, фамилии — *анхистонимы*, родовые имена — *генетлонимы* по нашей терминологии) либо вовсе отсутствуют, либо очень слабо представлены, а во втором они занимают много места. К первому, «анонимному» циклу до недавних пор можно было причислить топонимию Китая¹⁸⁴.

Ко второму есть основания причислить славяноязычную топонимию нашей обширной страны, имеющую в своем составе множество просопонимов и анхистонимов. В смысле противопоставления обоих названных циклов представляют интерес две фазы грекоязычной топонимии: до эпохи эллинизма и начиная от эпохи эллинизма. В первой преобладают анонимные и мифонимогенные топонимы (разумеется, и апэтонимические), а во второй появляется очень много антропонимогенных названий, вроде: *Александрия*, *Антиохия*, *Селевкия*, *Апамея*, *Лисимахия*, *Лаодикея*, *Эвмения*, *Арсиноя*, *Береника*, *Птолемида Стратоникея* и другие, сохранявшие имена эллинистических династов и их жен.

В результате римской экспансии императорской эпохи на карте Европы появляются римские антропонимы — имена императоров и их сподвижников: *Pax Augusta* (= *Badajoz*), *Augusta Emerita* (= *Merida*), *Caesaraugusta* (*Zaragoza*), *Valentia* (= *Valencia*), *Portus Augusti* (= *O Porto*), *Urbs Aureliani* (= *Orléans*), *Aquae Aureliae* (= *Baden-Baden*), *Colonia Agrippina* (= *Köln*), *Adrianopolis*, *Constantinopolis* и др., в то время как топонимия самой Италии остается в основном латинизированной, но не латиноязычной.

Этимологические (и соответственно — этиологические) легенды античного мира вызвали к жизни множество мифических предков — эпонимов, имена которых будто бы легли в основу этимологически непрозрачных топонимов.

Один из этих «эпонимических» мифов связывает, как уже говорилось, нарицательное МНΛΟΝ — яблоко — с собственным МНΛΟΣ посредством фиктивного антропонима МНΛΟΣ. Мелос-отец повесился на дереве, которое с тех пор стало называться МНΛΕΑ — яблоня. Богиня Афродита, тронутая печальной судьбой друзей и супругов, превратила Мелоса-отца в плоды яблони (ТА МНΛΑ), на которой он повесился, а сына их послала со спутниками на остров Делос, где он основал город Мелос. Так как Мелос-сын первый научился стричь овец и из их шерсти шить ткани, овцы по его имени также были названы ТА МНΛΑ (из комментариев Сервия к эклогам Вергилия, VIII, 37). Этот же Мелос-сын или другой одноименный герой (ктист, ойкист, эвергет) считался эпонимом острова *Мелос*,

¹⁸³ Solmsen F., Fraenke E. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte, S. 135–153.

¹⁸⁴ Черножуков К. Н. Китайские географические названия, с. 90 (об именах *Кун*, *Куницы*, *Чжун-шань* и др.).

о котором у нас речь была выше (из комментариев Евстафия к Дионисию Периегету, 530).

Не будем пересказывать здесь нескольких вариантов мифа об эпониме города *Милета*, но отметим, что один из этих вариантов (версия Никандра, сообщенная Антонином Либералом в ΜΕΤΑΜΟΡΦΩΣΕΩΝ ΣΥΝΑΓΩΓΗ) очень близок к легенде об основании Рима (*Roma*) братьями-близнецами Ромулом и Ремом. Согласно этой легенде Милет был сыном бога Аполлона и дочери царя Миноса Акааллиды, которая скрыла рождение сына, опасаясь гнева отца, и ребенок был отдан Аполлоном волчицам, выкормившим его своим молоком.

Так же, как в легенде о Ромуле и Реме, в легенде о Милете пастухи оказываются его воспитателями. Дальше обе легенды расходятся: Милет, по совету Сарпедона, бежит от своего деда в Карию и основывает там город Милет, а Ромул и Рем убивают узурпатора Амулия и возвращают власть своему деду Нумитору.

Для нас во всех этих эпонимических мифах важно лишь то, что при фактическом отсутствии антропонимогенных топонимов изобретаются герои-эпонимы, героизированные мифические предки, имена которых должны объяснить существование без них необъяснимых названий.

Показательным для «многослойных» топонимий является отсутствие прямой связи между названиями крупных географических объектов и господствующим на данной территории языком. Это обстоятельство обнаруживается на землях древней Греции классической эпохи и древней Италии римской эпохи.

В самом фокусе радиации латинского языка, в древнем Латиуме, совсем немного названий, которые можно было бы объяснить при помощи латинского языка исторической эпохи: *Interamna (Lirina)* < *inter* + *amnis*, *Ostia* < *ostium*, *Formiae* < *formus*, -a, -um (= *calidus*, -a, -um), *mons Albanus* < *albus*, -a, -um, *Ardea* < *ardea* (?) – цапля, *Fundi* < *fundus* и, может быть, еще несколько с предполагаемой латинской этимологией. И не только в Латиуме – во всей древней Италии не так уж много бесспорно латинских названий вроде *Portus Veneris* (в Лигурии), *Concordia* (в Венетии), *Castrum novum* (в Пикенуме), *Castrum Minervae* (в Калабрии), *Beneventum* < *Maluentum* (в Самниуме), *Puteoli* (в Кампании) и др.¹⁸⁵

Разумеется, не только латиноязычная топонимия обнаруживает тенденцию быть «более латинской» за пределами своей исконной территории. То же самое мы увидим, например, при сопоставлении топонимии Испании XVI–XVII веков с рассеянными по заморским территориям испаноязычными топонимами.

На крупномасштабной карте Пиренейского полуострова неэтимологизируемые со стороны испанского языка названия, вроде: *Бильбао*, *Вальядолид*, *Мадрид*, *Сарагоса*, *Барселона*, *Бадахос*, *Севилья*, *Малага*, *Картахена*, *Аликанте* и другие – преобладают над прозрачными, вроде: *Сьюдад-Реаль*, *Вильянуэва-дель-Арсобиспо*, *Кастельон-де-ла-Плана*, *Кинтанар-де-ля-Орден*, *Мансанарес*, *Пуэртольяно*, *Риотинто*.

На колонизованной территории, например, в Аргентине, испаноязычные

¹⁸⁵ Примеры взяты из атласов: Droysens G. Historischer Handatlas, Bielfeld und Leipzig, 1886, N. 11; Putzgers C. W. Historischer Schulatlas, Bielfeld und Leipzig, 1890, № 10–11; Perthes Justus. Atlas antiquus, Gotha, 1893, tab. 13–14.

названия (I) соседствуют с испанизированными доиспанскими (II): (I) *Эмбаркасьон, Пескадо Бланко, Лаго Гранде, Ресистенсиа, Коррьентес, Эмпедрадо, Бельявиста*, (II) *Умауака, Тилькара, Катута, Талапампа, Тукуман, Катамарка, Чумбича, Интияко, Хачаль, Чамикаль, Лаго Льянкагуэло (Жанкагуэло), Пуэльчес, Лаго Урре Лаукен, Макинчао, Неукен, Рио Чубут, Ушуайя* и т. д. Конечно, именно в Аргентине эти последние уступают первым.

Не исключено, что в какой-то другой латиноамериканской стране отношение этих первых и последних окажется прямо противоположным. Однако и в такой стране со своеобразной и в значительной мере доиспанской топонимией, как Мексика, суперстрат колониальных наименований, по всей видимости, весьма значителен. Напротив, в таких штатах, как Калифорния, Нью-Мексико, отчасти Техас (= Техас), испанская топонимия оказывается субстратом по отношению к англоязычной топонимии, причем субстратная топонимия сохраняется в названиях более крупных объектов, а суперстратная преобладает в названиях более мелких объектов, включая и названия населенных пунктов. Выше уже говорилось об «идеологическом экспорте» в виде «религиозных» эйдонимов. До сих пор лишь сравнительно небольшое число эйдонимических циклов является фактическим материалом для более или менее широких обобщений топонимистов и отчасти антропонимистов и этнонимистов.

Таким образом, еще очень далеко до установления общих контуров эйдонимической типологии: эйдонимические циклы в зависимости от историко-географических, историко-лингвистических, историко-культурных условий оказываются при наличии некоторых общих черт достаточно разнообразными.

Если бы речь шла об эйдонимических универсалиях, в настоящее время в топонимике можно было бы указать на превращение элементарных (номенклатурных) географических терминов в топонимы, в этнонимике – на связь автонимов (самоназваний) с нарицательным *люди* (разумеется, в доклассовую эпоху общественного развития), а в антропонимике – лишь на связь антропонимов с разными слоями нарицательной лексики.

Некоторые аналогии, хотя на первый взгляд и оказываются достаточно убедительными, при расширении и углублении исследования требуют многих оговорок.

Взять, например, такое отношение субстратной и суперстратной топонимии, которое выражается в том, что субстратные гидронимы обычно идентифицируют более крупные или более значительные и важные водные артерии и водоемы, чем идентифицируемые суперстратными гидронимами.

Таковы гидронимы нашей восточноевропейской равнины: *Днестр, Днепр, Дон, Двина, Буг*, но *Белое море, Черное море*.

При таком же взгляде на гидронимы обеих Америк мы находим там субстратные: реки *Миссисипи, Миссури, Арканзас, Огайо, Алабама, Ориноко, Мараньон, Укаяли, Тапажос, Шингу*, но зато *Амазонка (Амазонас, то есть амазоны), Сан-Франциску, Риу-Негру, Риу-Бранку, Рио-Бермехо, (Рио-Саладо, Рио-Колорадо)* и др. Однако привнесение в южноамериканский гидронимический цикл такого названия, как *Амазонас*, легко объясняется тем, что у реки такой протяжен-

ности и не могло быть в обстановке этнической и лингвистической раздробленности одного названия.

То же самое можно сказать и о названии *Нил* (NEIΛΟΣ), которое вытеснило прежние туземные названия. Само собой разумеется, что до заселения русскими Сибири для больших сибирских рек – *Оби*, *Иртыша*, *Енисея*, *Ангары*, *Яны*, *Лены*, *Индиگیری*, *Колымы* и других – не могло существовать общепринятых названий, то есть одних и тех же на всем их протяжении¹⁸⁶.

Вообще проблема разноязычия названий оказывается существенной для всех значительных географических объектов, например, Тихого океана: *Pacific Ocean*, *l'Océan pacifique*, *El (Océano) Pacífico*, *De Stille Oceaan (De Stille Zuidzee)*, *Stiller Ozean (Grosser Ozean, Pazifischer Ozean, Der Pazifik)*, *[Tiàping yáng]*, *[Taiheiyō]*, *Lautan Teduh* и т. д. Однако никакой строгой последовательности в противопоставлении значительных и незначительных объектов невозможно установить а priori. Здесь это противопоставление определяется не географически, а исторически.

Исторически устанавливается и то, названия каких именно географических объектов переводятся на данный язык, а не адаптируются (соответственно – транскрибируются или транслитерируются). Так, на китайских картах мы, конечно, найдем чисто китайские названия близких к Китаю морей: *[Ríběnhǎi]*, *[Huánghai]*, *[Dōnghai]*, *[Nánhai]*, на английских картах они в двойной передаче: *Sea of Japan*, но *Hwang Hai or Yellow Sea*, *Tung Hai or Eastern Sea*, *Nan Hai or South China Sea*, они же на нашей карте: *Японское море*, *Желтое море*, *Восточнокитайское море*, *Южнокитайское море*.

Название, состоящее из эпитета и элементарного термина, в некоторых случаях переводится, в других нет. *Черное море* называется по-болгарски *Черно море*, по-румынски *Marea Neagră*, по-турецки *Karadeniz*, по-грузински [шави згъва]; по-русски *Черное море*, или *Красное море*, по-арабски *Аль-Бахр-аль-Ахмар* (х = б), англичанами и американцами – *Red Sea*, французами – *Mer Rouge*, итальянцами – *Mare Rosso*, немцами – *Rotes Meer*, евреями в древности – *Ям-Суф* (*Тростниковое море*), греками – ΕΡΥΘΡΑ ΘΑΛΑΣΣΑ. Следует отметить, что для весьма значительных географических объектов в древности могли отсутствовать обобщающие названия. Например, у древних греков долгое время не было обобщающего названия для всего Средиземного моря, зато были названия для отдельных его акваторий: *Эгейское море*, *Миртойское море*, *Критское море*, *Карпатийское море*, *Море Ио* (*Ионийское*), *Адриас*, или *Адриатический залив* *Моря Ио*, а впоследствии также ΠΕΛΑΓΟΣ, ΠΟΝΤΟΣ, ΘΑΛΑΤΤΑ¹⁸⁷, *Финикийское море*, *Египетское море*, *Ливийское море*, *Сикелийское море*, *Тирренское*, или *Тирсенское море*, *Лигурское море*, *Иберское море*. Название Η ΜΕΣΟΓΕΙΟΣ (ΘΑΛΑΣΣΑ) возникло, очевидно, в новое время по образцу итальянского *Il Mediterraneo*, французского *La Méditerranée* (нем. *Mittelmeer*, англ. *Mediterranean Sea* и т. п.), между тем как в древнегреческом композиты ΜΕΣΟΓΑΙΟΣ, ΜΕΣΟΓΕΩΣ (расположенный внутри страны) и Η ΜΕΣΟΓΑΙΑ, Η ΜΕΣΟΓΕΙΑ (внутренняя, то есть удален-

¹⁸⁶ См.: История открытия и исследования Советской Азии, ч. 3, М., 1969, с. 203–324.

¹⁸⁷ Ср.: W. Pape – G. E. Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, S. 19.

ная от моря часть страны) еще не имели такого значения. Римляне, завоевавшие и подчинившие своей власти побережья Средиземного моря, ввели в обращение обобщающие названия *Mare nostrum* (Наше море) и *Mare internum* (Внутреннее море).

Для древних жителей его восточного побережья оно было, естественно, *Западным морем* [5, 10, 13, 5, 1, 8, 20, 6, 15], просто *Морем* [5, 10, 13] или *Большим морем* [5, 10, 13–5, 3, 4, 6, 12], а для древних египтян – *Большим Зеленым* (*Уадж-Ур*), причем, конечно, этими названиями обозначались те части Средиземного моря, которые были им известны.

Когда участники одной из экспедиций (1963 год) Киевского университета слышали в одном из грекоязычных сел Донбасса о том, что предки нынешних жителей этого села вышли из *Румании*, или *Румынии*, они, конечно, были озадачены, но вскоре все стало понятным. Жители этого села (*Аргин*, или *Большая Каракуба*, или *Раздольное*), называющие себя *румеями*, а свой язык – *румейским* (*румэйку*), имели в виду Грецию как часть бывшей Византийской империи, то есть *Романии* (*Romania*) – государства римлян (*Romani*, *Ρωμαίοι*).

У нас самоназвание (автоном) народа *эллины* (*Ἕλληνες*) стало историческим и поэтическим наряду с обычным и прозаическим – *греки* (ср. *Γραιοί*, *Γραικοί*, *Graeci*); соответственно *Эллада* (*Ἑλλάς*) – также поэтическое и историческое название наряду с обычным и прозаическим *Греция* (*Graecia*). В некоторых языках Ближнего и Среднего востока страна греков до сих пор называется *Ионией*: тур. *Yunanistan*, фарси [Юнан], араб. [Аль-Юнан], иврит. [Яван], хинди [Юнан], или заимствованное из английского [Грѳс]. Интересно, что в китайском сохраняется адаптированный хороним *Ἑλλάς* в форме *Сила* [Xīla], что хорошо иллюстрирует исторические превратности географических названий значительных объектов. Закончим еще одним таким примером. Значительный остров в Индийском океане к югу от Индостана в древнеиндийских источниках назывался *Ланка*. Это древнее название дожило до наших дней как *Шри-Ланка* – название республики. Греческие ученые Страбон и Птолемей называли остров *Тапробанэ* (на основе одного из туземных описательных названий), и этот хороним был в употреблении еще во время Луиса дэ Камозэнса (1514 или 1525–1580). Усвоенная европейцами форма названия португ. *Ceilão*, испан. *Ceilan*, франц. *Ceylan*, англ. *Ceylon*, наше *Цейлон* (с немецким произношением) основана на также древнем названии *Simhalā* (Цейлон) и *Simhalaḥ* (цейлонец, житель Цейлона), **Simhalânâṁ dvīpaḥ* (остров цейлонцев). Эта же форма была усвоена китайцами – *Xilán* и японцами – *Сэйрон* (*Сима*). В китайском языке она слилась с названием островов *Новая Зеландия* – *Xīn Xilán* (как будто: *Новый Цейлон*), но в японском укоренилось английское название *Нью Зирандо* (*New Zealand*).

Отсюда видно, что названия одного языкового цикла (синглоттические по нашей терминологии) имеют свою историю, которая продолжается за пределами этого цикла в других языковых циклах.

III. Теоретические проблемы койнонимии – науки о коллективных именах¹⁸⁸

Если речь идет о первичной номинативной, или назывательной, лексике, о словах с основной функцией названия, номинации, или идентификации¹⁸⁹, то с древнейших времен ее принято делить на собственные имена (τὰ κύρια ὀνόματα, *nomina propria*), идентифицирующие единицы лексических классов, и на имена нарицательные (τὰ προσυωρικά ὀνόματα, *nomina appellativa*), идентифицирующие дискретные лексические классы.

Простое сопоставление имени *Сократ* (ΣΩΚΡΑΤΗΣ) с именами *Мелет* (ΜΕΛΗΤΟΣ), *Анит* (ΑΝΥΤΟΣ), *Ликон* (ΛΥΚΩΝ), имеем ли мы при этом в виду исторические или вымышленные лица, показывает нам, что все они относятся к классу собственных имен, а противопоставление их именам *приятель* (Ο ΦΙΛΟΣ), *мудрость* (Η ΣΟΦΙΑ), *философ* (Ο ΦΙΛΟΣΟΦΟΣ), *философия* (Η ΦΙΛΟΣΟΦΙΑ) и другим также показывает нам, что они относятся к классу нарицательных имен. С такой же легкостью, как и имена *Сократ*, *Софрониск*, *Файнарета*, *Ксантинна*, *Алкибиад* и прочие, мы включаем в класс собственных имен названия *Эллада* (ΕΛΛΑΣ), *Афины* (ΑΘΗΝΑΙ), *Гиметт* (ΥΜΗΤΤΟΣ), *Пентеликон* (ΠΕΝΤΕΛΙΚΟΝ), или *Брилесс* ((ΒΡΙΑΝΗΣΣΟΣ), *Кефисс* (ΚΗΦΙΣΣΟΣ) и *Илисс* (ΙΛΙΣΣΟΣ), *Сароник*, или *Саронический залив* (ΣΑΡΩΝΙΚΟΣ), *Саламин* (ΣΑΛΑΜΙΣ), *Эгейское море* (ΑΙΓΑΙΩΝ) и так далее, причем *Эллада* идентифицируется как одна из стран, *Афины* – как один из городов, *Гиметт*, *Пентеликон*, *Брилесс* – как дискретные горы, *Кефисс* и *Илисс* – как дискретные реки, *Сароник* – как один из заливов, *Саламин* – как один из островов, *Эгейское море* – как одно из морей, то есть как конкретные единицы абстрактного класса. Если при этом *Эллада* – собственное имя, то чем оказывается *Эллин* (ΕΛΛΗΝ) и *Эллины* (ΕΛΛΗΝΕΣ)? Если *Афины* – собственное имя, что такое *Афинянин* (ΑΘΗΝΑΙΟΣ)? Разумеется, мы привыкли видеть строчные буквы в начале слов *эллин* – *эллины*, *афинянин* – *афиняне*.

Для того чтобы ставить в начале слов прописную букву, мы должны доказать по крайней мере, что имя *Эллин* не только этимологически связано с именем *Эллада* – так же, как *Афинянин* с *Афины*, но и что эти имена в той или иной мере могут считаться собственными, а не нарицательными именами. Вместо того, чтобы доказывать принадлежность, скажем, названия *Афины* к собственным, а названия *Афинянин* к нарицательным именам, мы постараемся выяснить, непременно ли каждая номинативная первичная лексема должна быть либо нарица-

¹⁸⁸ Уперше опубліковано в: А.А.Белецкий. Лексикология и теория языкознания (ономастика). – К.: Изд-во КГУ, 1972. – С. 159-245.

¹⁸⁹ T.Milewski. Językoznawstwo. – Warszawa, 1965. – С.75, 108. Наше выражение «номинативная» (называющая) лексика» соответствует описательному термину «wyrazu nazywajace», то есть «слова, коннотируемые вторичными номинативными элементами» (прилагательными и глаголами), которые, в свою очередь, коннотируются третичными номинативными элементами (отыменными наречиями и деепричастиями). Понятно, что эта классификация является практически удобной в отношении индоевропейских языков и не слишком расходится с классификацией школьной грамматики, см. схему № 2.

тельным именем, либо собственным. Ясно, что определение «собственное» (то есть индивидуальное) наиболее подходит к имени *Сократ*, а определение «нарицательное» (просто – называющее) – к словам *философ* и *философия*, но это не значит, что они отделены друг от друга непроходимой пропастью. Мы умышленно не касаемся сейчас вопроса о том, что же такое собственное имя в отличие от имени нарицательного, но принимаем и то, и другое как некоторую историческую «данность»: это принято называть «собственным» (*Сократ*), а это – «нарицательным» (*философ*). Легко можно себе представить контекст, или речевую ситуацию, в которой первоначально собственное *Сократ* окажется контекстуально, или ситуативно, нарицательным, напр.: «Много мы видели таких сократов» (то есть мудрецов, или философов) – и, напротив, первоначально нарицательное *философ* таким же образом окажется собственным, напр.: «Философ говорил, что он знает то, что он ничего не знает», причем известно, что так говорил именно Сократ и никто другой. Против того, что в первом примере *сократы* превращается в нарицательную лексему, а во втором *философ* – в собственную лексему, конечно, может быть такого рода возражение: в денотации (или денотативно, то есть по своему словарному значению) *Сократ* остается собственным и лишь в коннотации (или коннотативно, то есть по своему контекстуальному, или ситуативному, значению) становится нарицательным, и, напротив, в денотации *философ* остается нарицательным и лишь в коннотации становится собственным. Однако как бы мы не рассматривали факты таких превращений, они прежде всего указывают на то, что различия нарицательных и собственных имен в значительной мере зависят от контекста.

Главным действующим лицом весьма интересной и поучительной книги Т.Кребера «Иши в двух мирах» является «последний дикий индеец» Америки (США) Иши из племен яхов, хотя денотативно это собственное имя *Иши* на его языке было нарицательным: «Мы даже не знаем имени Иши: ведь на языке яхов иши – это просто человек»¹⁹⁰.

Собственно говоря, для любого натурального языка мы можем постулировать превращения *appellativa > propria* и *propria > appellativa*. Теоретически каждая лексема в речи может выполнять функцию идентификации «единицы», а не только «класса единиц». Иными словами, она, не будучи собственным именем, может функционировать в качестве собственного имени. Эта функция, очевидно, близка, если не тождественна, функции указательных, или индикативных, элементов (первичные – личные местоимения, вторичные – притяжательные местоимения, третичные – местоименные наречия вроде *тут, там, сюда, туда, отсюда, оттуда* и др.). Индикативная функция сближает собственные имена с местоимениями, но не стирает различия между теми и другими: местоимения только указывают, а собственные имена, указывая, также называют, то есть отмечают «единицы» индивидуальными знаками, метафорически выражаясь – наклеивают на дискретные объекты звуковые (соответственно – графически оформленные) ярлычки, или этикетки.

¹⁹⁰ Кребер Т. Иши в двух мирах. – М.: Мысль, 1970. – С. 81.

Не случайно разговор о собственных именах мы начали с антропонима (Сократ). Дело в том, что как раз антропоним и есть собственное имя (ΚΥΡΙΟΝ, proprium κατ'ἐξοχήν). Прочие собственные имена как бы уподобляются антропонимам или приравниваются к ним. Со многими оговорками можно сказать, что это уподобление и приравнивание ведут свое начало от той эпохи в истории человечества, когда антропоморфизм был основной формой мировосприятия. Очеловечивая природу, первобытный человек давал ее объектам и явлениям собственные имена, которые по мере расширения его географического кругозора превращались в нарицательные в нашем современном понимании. Узкий кругозор, по существу, делает невозможным различие между собственными и несобственными именами, например, в отношении крупных географических объектов. Если какому-то коллективу известна только одна река, одно озеро, одна гора, один лес, одна поляна и т. д., как бы он их ни называл, их названия можно считать их собственными именами. Здесь нет нужды дальше развивать эту мысль, поскольку здесь мы имеем дело с некоторой гипотетической проекцией, но нам важно подчеркнуть, что антропонимы не только являются собственными (индивидуальными) именами κατ'ἐξοχήν, но и образцами для присвоения имен «нечеловеческим» (эксоантропическим) единицам, или объектам.

Существование родового, а затем родоплеменного строя, естественно, должно быть связано с наличием родовых и племенных имен, или названий, что подтверждается как историко-этнографическими, так и просто этнографическими данными со всех континентов и островов земного шара. А в связи с наличием этих родоплеменных имен возникает вопрос о том, являются ли они собственными или нарицательными именами? Классическая лексикология, кроме таких лексических классов, как *nomina propria et appellativa*, *nomina concreta et abstracta*, знала еще и *nomina collectiva* – имена собирательные, напр.: *humanitas* – человечество, *equitatus* – конница, *populus* – народ, *grex* – стадо, *exercitus* – войско¹⁹¹.

Традиционному лексическому классу нарицательных собирательных, или коллективных, имен можно противопоставить другой класс – переходный, или промежуточный между собственными и нарицательными именами, класс, который можно было бы назвать классом коллективных имен, если бы этим терминологическим выражением уже не был обозначен охарактеризованный выше класс нарицательных коллективных имен (а также числительных и местоимений).

Во избежание терминологической путаницы тот промежуточный класс, о котором у нас речь будет идти дальше, мы будем называть не коллективными именами, а *койнонимами* (*TA KOINΩNYMA), но прежде чем перейти к его характеристике, последовательно противопоставим его традиционным собирательным именам – *nomina collectiva*, τὰ ἀθροιστικὰ ὀνόματα.

За основу для сопоставления и противопоставления возьмем наиболее обстоятельное определение, которое дано в «Словаре языковедческой терминологии» З.Голомба, А.Хейнца и К.Полянского.

---

¹⁹¹ См.: Kühner R. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. – 2 Auflage, B. 1. – Hannover, 1912. – S. 255.

<i>Collectivum</i> (согласно словарю)	<i>Койноним</i>
Слово в форме единственного числа, «выражающее понятие собирательности (=совокупности) ...в противоположность (форме) множественному числу, выражающему сумму однородных единиц (и) трактующему данные единицы как внутренне (то есть в нем самом) недифференцированную массу: ...оно обычно употребляется для обозначения собирательности (= совокупности) без учета ее внутренней дифференцированности» (С.101).	Слово в форме единственного и множественного чисел, выражающее (= обозначающее) совокупность (=общество, коллектив, группу) людей с присущим каждому из них неотъемлемым (или мыслимым как неотъемлемый, или ингерентный) признаком или обозначающее одного человека, составляющего единицу такой совокупности и, следовательно, также наделенного некоторым неотъемлемым признаком.

Надо полагать, что это сопоставление уже само по себе достаточно для окончательного разделения обоих понятий (*collectivum* ~ *koinonymon*). В качестве примера койнонима, кат' ἐξοχήν, можно сослаться на любой этноним, напр.: *русский* ~ *русские* (< *Русь*), *украинец* ~ *украинцы* (< *Украина*); *грузин* ~ *грузины* (> *Грузия*); *грек* ~ *греки* (> *Греция*); *немец* ~ *немцы* (но *Германия*) и т. п. Теоретически рассуждая, можно утверждать, что ингерентным признаком всех этих этнонимов является собственно *этнос* (τὸ ἔθνος), или постоянная и неотъемлемая принадлежность носителя определенного этнонима к определенному этносу (племени, союзу племен, народности, народу, нации). При этом, конечно, нельзя отрицать, что этнос оказывается понятием историческим и, следовательно, относительным (релятивным), а не абсолютным (безотносительным, экстратемпоральным).

Применительно к доклассовому обществу этнос может обозначать относительно устойчивое единство антропологических, лингвистических и культурно-исторических признаков. Раса (или расовый вариант), язык (или диалект) и культура характеризовали данный коллектив в отличие от других коллективов. С образованием антагонистических классовых обществ такие первоначальные единства, по мере развития межплеменного (диэтнического) общения пришедшие в соприкосновение и разрушение, окончательно распадаются и перегруппировываются на основе государственных организаций¹⁹².

В историческую эпоху (переход от высшей ступени периода варварства к периоду цивилизации) мы находим только остатки и пережитки первобытных до-

¹⁹² Современный бразильский социолог Дарси Рибейро относит разложение и перегруппировку первобытных этносов еще к эпохе возникновения городов (в результате «урбанической революции»), то есть к низшей ступени периода варварства (переход от эппалеолита к неолиту). См.: Ribeiro Darcy. The Civilisation Process. – City of Washington, 1968. – P.143-144.

исторических этносов. При стирании прежней триады определяющих их признаков выдвигается новый доминирующий признак принадлежности к определенной государственной организации. Этот признак (исторически когерентный, а не ингерентный) начинает рассматриваться как своего рода ингерентный признак, особенно в сочетании с таким первоначально ингерентным признаком, как язык.

Само собой разумеется, что в современной исторической науке, в этнологии, или в этнографии, наблюдается своеобразная проекция нынешних национальных формирований (образований, группировок, объединений, единств, коллективов) в далекое прошлое и на этом основании устанавливается порочное понятие непрерывности «народообразовательного», или этногенетического, процесса (этногенеза), являющегося ничем иным, как просто историей народа, связанного с определенной территорией, или даже историей его передвижений по разным территориям. С какой бы точки зрения мы ни смотрели на современные нации, являющиеся продуктами эпохи капитализма, ясно, что мы не найдем в них того единства трех наиболее существенных признаков, которое составляло основу первобытного этноса: единства расы, языка и культуры.

Понятно также, что историческая наука не знает таких непрерывных *этнических* линий развития, которые могли бы тянуться, скажем, от верхнего палеолита до наших дней. Вот почему в настоящее время оказываются совершенно анахроническими наивно-тенденциозные «теории», согласно которым история современных наций протягивается через все социально-экономические формации глубоко в доклассовое общество. Таковы, например, утверждения украинско-канадского археолога Ярослава Пастернака в его книге «Археология Украины» (на украинском языке) (Торонто, 1961) вроде: «база этнического развития для украинцев была совсем иной, чем база развития и западных славян, и русского народа» – и дальше: «для украинцев базой этнического развития были трипольские племена». Трудно поверить, что подобные утверждения могут принадлежать ученому наших дней, которому должно быть хорошо известно, что различия между украинцами и другими славянскими народами (прежде всего – в языке) сложились сравнительно недавно, не раньше эпохи феодализма, и что ни о какой «базе этнического развития для украинцев» в эпоху, когда не было еще ни особого украинского языка, ни особой украинской культуры и даже ничего не было известно вообще о славянах, не может быть и речи.

В связи с тем, что понятие *этноса* для различных социально-экономических формаций не может быть определено как некая стабильная структура с ингерентными признаками, употребление претендующего на звание научного термина и санкционированного практикой слова *этноним* [ср. древнегр. τὸ ἔθνικόν (ἔθνος)] оказывается также довольно неопределенным.

В настоящее время никто, по-видимому, не усомнится в том, что *элин* (= *грек*) и *элины* (= *греки*) – это этноним, и две с половиной тысячи лет тому назад его определили бы тоже как ἔθνικόν (этническое имя, название народа). Но уже тогда за ним стояла многовековая история, и оно обозначало не государственное единство, а лишь родство диалектов и общность культуры. Этническое имя *элины* мыслилось как название этноса постольку, поскольку оно противопоставля-

лось также своего рода этносу – не эллины, или варвары (*οἱ βάρβαροι*). Если быть последовательными, вероятно, придется признать, что и *варвар* – варвары тоже можно считать этнонимом, как и эллин – эллины.

Разумеется, среди варваров могли быть и мидяне, и персы, и скифы, и финикийцы, и египтяне, и тирренцы, и кельты и т. д., за исключением позже появившихся на арене истории римлян (*οἱ Ρωμαῖοι*), которых с эллинами сближала общность культуры.

Нет сомнения в том, что в древности такие лексемы, как *афиняне* (< *Афины*) и *пелопоннесцы* (< *Пелопоннес*), называли именно этническими, но современный лексиколог-ономаст в их определении натолкнется на ряд препятствий: ведь *афинянин* – это житель города Афин, а *пелопоннесец* – это житель Пелопоннеского полуострова. При чем же тут этнос? Вопрос обоснованный, но при ответе на него надо учесть, что (1) в древности афинянин обозначало не только «житель города Афин», но и «гражданин Афинского государства», а во время Пелопоннеской войны – «представитель афинского союза (симмахии)», а (2) *пелопоннесец* обозначало не столько «житель Пелопоннеса», сколько «представитель пелопоннеского союза (возглавляемого Коринфом и Спартой)». В эпоху городов-государств, собственно, не было разницы между этническим названием и названием жителей городов. Таким образом, читая сочинение Фукидида о Пелопоннеской войне, нужно считать упомянутые выше лексемы этнонимами (τὰ ἔθνικα): «Θουκυδίδης Ἀθηναῖος ξυνέγραψεν τὸν πόλεμον τῶν Πελοποννησίων καὶ Ἀθηναίων» («Фукидид Афинянин написал сочинение о войне Пелопоннесцев и Афинян»). Современная ономастика, включающая в свою компетенцию изучение этнонимов, выходит из затруднения, связанного с неопределенностью «нижней границы» этноса, введением дополнительных терминов, вроде *микроэтноним* (название рода, родовой общины)

Если же и *nomina gentilia* можно признать микроэтнонимами, почему не признавать таковыми или, во всяком случае, равноценными им семейные имена (фамилии) и вообще названия коллективов с ингерентным признаком? Считая, что, будучи последовательными, мы должны будем согласиться с необходимостью такого признания, найдем для этого последнего класса какое-то общее обозначение, выбор которого диктуется интересами гармонии терминологической системы.

1

Итак, на простой вопрос о том, что изучает ономастика, находим во всех источниках единодушный ответ: ономастика изучает собственные имена (иногда еще и «собственные названия»), а к собственным именам причисляются прежде всего личные собственные имена людей (*антропонимы*) и географические названия (*топонимы*), а также, очевидно, и названия племен, народностей, народов, наций (*этнонимы*), в общем, все собственные имена, противопоставляемые нарицательным словам.

Как видно из установившейся за последние годы практики, отдельные подклассы, или субклассы, и подразделения подклассов собственных имен получили более или менее общепризнанные терминологические названия. Они состоят из древнегреческих препонентов (в некоторых случаях также из латинских) и не-пременного древнегреческого постпонента **-оним**, ср. гр.: *ὀμώνυμον* – омоним, *συνώνυμον* – синоним, а также многочисленные сложные и составные прилагательные с этим же постпонентом: *ἄνώνυμος* – безымянный, *ἄνθρωπώνυμος* – с человеческим именем, *εὐώνυμος* – с хорошим именем, эвфемистически – левый, *πατρώνυμος* – названный по имени отца, *πολύωνυμος* – имеющий много имен, *ψευδώνυμος* – с ложным именем и т. д.¹⁹³

В уже упомянутом проекте украинской ономастической терминологии В.В.Нимчука рекомендованы следующие термины-композицы с постпонентом **-оним**: *автоэтноним*, *аллоэтноним*, *антропоним*, *астионим* (=урбоним), *гелоним*, *гидроним*, *зооним*, *катоиконим*, *комоним* (=руроним), *лимноним*, *макротопоним* (ошибочно вместо *мегатопоним* – А.Б.), *метроним* (личное название сына от имени матери; при этом рекомендуются также термины *андроним* и *гинеконим* – название мужа от имени жены и название жены от имени мужа), *ороним*, *патроним* (отчество), *микротопоним*, *пелагоним* (или *талассоним* – А.Б.), *топоним*, *хороним*, *этноним*. Разумеется, в этом списке есть пробелы, которые относительно легко можно заполнить, используя такую же терминологическую модель. Так, например, далеко не всегда можно разграничить *комонимы* (*руронимы*) и *астионимы* (*урбонимы*), основываясь на их реальных денотатах (обозначаемых ими объектах действительности). Следовательно, необходим ономастический термин для обозначения населенного пункта вообще. По нашему мнению, таким термином мог бы явиться *ойконим* (здесь гр. *οἶκος* используется в его индоевропейском смысле, ср. латин. *vīcus*, санскр. *veśa-*, *viś-*, англосак. *wīc*, гот. *veihs*, старослав. *вьсь*, русск. *весь*).

Термин *катоиконим* (ср. гр. *κάτοικος*) уже использован для обозначения жителя такого-то края или такого-то населенного пункта, а термин *синойконим* мы предлагаем использовать для обозначения какой-либо части населенного пункта (гр. *συνοικία*, *συνοικισμός*), например, для таких традиционных названий в г.Киеве: *Березняки*, *Борицаговка*, *Бровары*, *Быковня*, *Ветровые горы*, *Водопарк*, *Воскресенка*, *Дарница*, *Зверинец*, *Караваевы дачи*, *Конча-Заспа*, *Корчеватое*, *Липки*, *Нивки*, *Печерск*, *Подол*, *Пуца-Водица*, *Русановка*, *Совки*, *Соломенка*, *Сырець* и т.д. (ср. также *паройконим*).

При изучении собственных имен древнего мира приходится отделять мифические имена («сверхъестественных» существ – богов, демонов, полубогов-героев и т.п.) от человеческих имен – *антропонимов*. Так, имена олимпийских богов – *Аполлон*, *Арес*, *Гермес*, *Гефест*, *Зевс*, *Посейдон*, *Артемида*, *Афина*, *Афродита*, *Гера*, *Гестия*, *Деметра* – мы предлагаем объединить под названием *мифонимы* (в проекте В.В.Нимчука, № 46, 461).

¹⁹³ Полный список таких существительных и прилагательных см. в словаре: A Reverse Index of Greek Nouns and Adjectives arranged by terminations with brief historical introductions by C.D.Buck and W.Peterson. – Chicago, Illinois.

Среди топонимических терминов, наиболее детализированных, явно не хватает термина для обозначения названий урочищ. В качестве такого мы предлагаем *семантоним* (от гр. отглагольного прилагательного σῆμαντος – обозначенный, отмеченный).

Укажем еще на то, что в названном проекте остается неразмеченным пространство между *антропонимами* и *микроэтнонимами* или даже просто *этнонимами*. Кроме уже упомянутых катойконимов (№ 4743, ср. № 473), здесь нужны были бы названия семейств (ср. № 4142) и названия родов, или родовых групп (№ 4141 и № 472), отмеченные в проекте, но не обозначенные терминами (согласно принятой модели). Все эти замечания не затрагивают названного проекта в его совокупности: это детали, которыми он может быть дополнен.

Как уже используемая, так и предлагаемая для употребления терминология ономастики, или ономастическая терминология, содержит элементы классификации изучаемых объектов, то есть собственных имен и названий. Эта прослеживаемая по ее элементам классификация оказывается плюралистической: в ней сочетаются морфологическое начало (деление на простые и сложные формы, на сложные и составные, на основные и производные, деление производных форм в зависимости от их основ и аффиксов и т. д.) и семантическое начало (деление имен в зависимости от обозначаемых ими действительных или воображаемых, мыслимых объектов: имена, или названия, отдельных людей, названия коллективов, названия племен, народностей, народов, наций, собственные названия физических или географических объектов, собственные названия произведений человеческого труда, имена, или клички, отдельных животных и т. д.).

Само собой разумеется, что ни морфологическая, ни семантическая классификация собственных имен не отличаются существенно от таких же классификаций имен нарицательных. Различие между собственными и нарицательными именами заключается не в морфологии и не в семантике, а в употреблении, использовании, функции обоих лексических классов. Общеизвестно, что функцией собственных является идентификация дискретных объектов (конституэнтов), а функцией нарицательных – идентификация классов объектов (понятий, идей, концептов, лингвистических квантов действительности). В отношении их функций собственные имена можно было бы назвать индивидуализаторами, а нарицательные – классификаторами. Необходимо иметь в виду, что лексика любого натурального языка определяется как таковая не собственными, а нарицательными лексемами – классификаторами. ...

Отметим, что ономастика изучает не просто собственные имена, а лексемы с индивидуализационной функцией. Эти лексемы (а фактически не только лексемы, но и словосочетания различных типов) можно рассматривать как особый функциональный (характеризуемый своей функцией) класс, противопоставляемый всей прочей лексике с ее нормальной классификационной функцией. Согласно нашей концепции, вся первичная номинативная лексика натурального языка состоит из элементов, которые можно назвать общими именами, классными именами, или, по нашей терминологии, генонимами (ср. гр. ΓΕΝΟΣ – род в логическом смысле и общегреческое ΟΝΟΜΑ, эолийское ΟΝΥΜΑ – имя в широ-

ком смысле слова; из них составлен композитный термин *γενώνων – *геноним* – элемент с классификационной функцией).

Генонимам противопоставляются элементы с индивидуализационной, или с идентификативно-индивидуализационной, функцией (ср. гр. ΕΙΔΟΣ – вид в логическом смысле и уже указанное ΟΝΥΜΑ в широком смысле). То, что здесь сказано о первичной номинативной лексике, может быть распространено и на все прочие лексические классы. Как путем субстантивации не только все части речи, но и фрагменты текстов – различные словосочетания – могут превращаться в существительные с функцией субъекта, или подлежащего, так и путем эйдонимизации все генонимы или генонимические фрагменты текста могут превращаться в *эйдонимы*, то есть элементы с индивидуализационной функцией.

Если уяснить себе это противопоставление генонимов и эйдонимов, то можно будет поставить знак равенства между ономастикой и эйдонимикой и определить объект их изучения как эйдонимы (что будет в согласии со всей терминологической схемой и позволит избежать таких громоздких терминологических сочетаний, как «собственные имена», «или «собственные названия», или «индивидуальные имена» и «индивидуализирующие имена» и т. п.).

Как уже говорилось выше, индивидуализационная функция не является непроходимой пропастью, разделяющей генонимы и эйдонимы. Для того чтобы уяснить себе это, нужно представить в самом общем виде структуру функционального класса эйдонимов, приняв общеизвестное противопоставление:

Генонимы (Общие имена)	Эйдонимы (Особые имена)
Nomina varia genera universalium designantia	Nomina singulas species realium designantia

Они полярны по своим функциям, но не по своему составу. При изменении основной функции генонимы становятся эйдонимами и наоборот.

При любой классификации фактов, или явлений, мы переходим от реалий (*mundus sensibilis*) к универсалиям (*mundus intelligibilis*), от дискретных объектов к их видам (*species*) и родам (*genera*). Теоретически всякие виды могут объединяться в роды и всякие роды могут дробиться на виды. Если эти объединение и дробление (ср. интеграцию и дифференциацию) рассматривать как процессы, то их можно назвать, соответственно, процессами генерализации (*conversio in genera*) и специализации (*conversio in species*). Индивидуализацию можно рассматривать как нижний предел специализации.

Отсюда вытекает следующее определение эйдонима: *эйдоним* мыслится как название (в данном случае все равно – имя или название, *nomen vel nominatio*, ὄνομα ἢ ὀνομασία) нижнего предела индивидуализации, возможного в данное время и в данных обстоятельствах и соотносимого с объектом реального или воображаемого мира (действительности); лат. (в более свернутой форме): *nomen*

minimam individuumque speciem realium (vel quae realia esse putantur) designans a nobis eidonymon appellatur.

В лексике каждого языка с многовековой традицией, кроме потенциальных эйдонимов, которые могут образоваться из генонимов, есть некоторый набор эйдонимов, составляющих ядро эйдонимической сферы, на поверхности которой рождаются новые и отмирают старые эйдонимы. Таким образом, эта сфера даже в каждый дискретный момент своего существования находится в состоянии относительного покоя в своем ядре и в состоянии непрерывного движения на своей поверхности и целиком входит в генонимическую сферу, с которой связана различными переходами и переливами. Здесь предметом нашего обсуждения будет *переход* из сферы генонимов в сферу эйдонимов, то есть тот промежуточный класс, который мы назвали *койнонимами* – общинными именами.

Прежде чем дать общий обзор койнонимов, начертим схему структуры эйдонимической сферы (см. схему 1).

Схема 1¹⁹⁴

Общая классификация лексических элементов
(одночленов-лексем и многочленов –комбинаторных эквивалентов лексем)
с функцией индивидуализации (детализирована только классификация
порядка койнонимов)

Класс	Эйдонимы (особые имена, собственно имена, собственные имена)				
Под-класс	Антропонимы (имена людей)		Монадонимы (названия отдельных объектов, фактов, явлений)		
Порядок	Идионимы (личные имена людей)	Койнонимы (названия человеческих сообществ)	Космонимы (названия внеземных объектов)	Топонимы (названия земных объектов)	Эргонимы (названия произведений)
					Эпохонимы (названия исторических эпох)

¹⁹⁴ В традиционной лексикологии производные (дериваты) эйдонимов в формах относительных прилагательных (иногда и падежей) рассматриваются как нарицательные (генонимы). Мы рассматриваем их как переходный, или промежуточный, слой лексики, лежащий между типичными генонимами и эйдонимами, ср. койнонимами.

Подпорядок	Филонимы (названия семей и родов)	Ойкистонимы (названия жителей)	Этнонимы (названия племен и народов)	Политонимы (названия граждан различных государств, обозначаемых статонимами)		Физионимы (названия естественных географических объектов)	Технонимы (названия искусственных географических объектов)	
Подразделение	Анхистонимы (семейные имена, фамилии)	Генетлонимы (имена родов)	Паройконимы (названия жителей н.п.)	Катойконимы (названия жителей какой-то территории)	Микроэтнонимы (названия малых народов)	Мегэтнонимы (названия крупных народов)		

По нашему убеждению, если речь идет о ядре какой-либо эйдонимической сферы, то практически достаточной оказывается ее четырехступенная классификация. Если всю эйдонимическую лексику назвать классом (*classis*), противостоящим классу генонимов, то ее можно разделить на подклассы (*subclasses*), порядки (*ordines*) и подпорядки (*subordinates*).

Итак, класс эйдонимов (*classis nominum singulas species realium designantium*) прежде всего можно разделить на два подкласса: 1) *антропонимы* (*nomina singulos homines atque congregationes hominum designantia*) и 2) *монадонимы* (*nomina singulas res inanimas designantia*). Если при этом учесть возможность противопоставления антропонимов *зоонимам* (*nomina quibus singula animalia ab hominibus appellantur*), то те и другие можно было бы объединить в надклассе (*superclassis*) и в случае надобности назвать каким-нибудь термином вроде *оргонимы* (*nomina entium vivantium*) с противопоставлением его надклассу *аноргонимов* (*nomina entium inanimorum*), состоящему из одного класса монадонимов (*nomina singulas res inanimas designantia*).

Достаточно обширный подкласс антропонимов образуется двумя несоизмеримыми порядками (*ordines*): 1) *идионимами* (гр. ἴδιος – свой, собственный, особый, особенный, *nomina singulorum hominum*, ср. рим. *praenomina*), характеризующимися, например, в славянских языках «пышным цветением» уменьшительных, или гипокористических, форм (ср. русские *Александр, Саша, Шура, Саня, Мария, Маруся, Маша, Маня, Мура, Муся* и т. п.) и 2) *койнонимами* (гр.

κοινός – общий, общественный, общинный; *nomina variarum congregationum hominum*), распадающимися на три подпорядка (*subordinates*): а) *филонимы* (*nomina gentilicia vel nomina gentium stricto sensu*), б) *ойкистонимы* (*nomina incolarum inquilinorumque*) и в) *этнонимы* (*nomina variarum nationum*). В отличие от многих других ономастических, или эйдонимических, терминов термин *койноним* нами не выдуман à la grecque, а заимствован непосредственно из древнегреческого: его можно найти в сочинении Ильи Философа (VI в. н. э.), в его комментариях к «Категориям» Аристотеля.

Термин *филоним* составлен из греческих ἡ φυλή или τὸ φύλον со значением «род, племя»; *ойкистоним* – из греческого ὁ οἰκιστής со значением «житель, поселенец, насельник», а термин *этноним* (из греческого τὸ ἔθνος – племя, народ, народность) является теперь общеупотребительным.

Дальнейшие подразделения подпорядков (*subdivisiones subordinum*) мы представляем себе в следующем виде: а) *филонимы* подразделяются на а₁) *анхистонимы* (гр. ἄγχιστος – ближайший, самый близкий, γένει ἄγχιστος – ближайший, самый близкий родственник; *nomina familiarum vel singulorum hominum ad eandem familiam pertinentium*), а₂) *генетлонимы* (гр. ἡ γενέθλη, τὸ γένεθλον – род, племя, происхождение; *nomina hominum cognatione, agnatione, affinitate una in gente conjunctorum*);

б) *ойкистонимы* подразделяющиеся на: б₁) *паройконимы* (гр. πάροικος – сосед; *nomina inquilinorum singulorum rurum oppidorumque*), б₂) *катоиконимы* (гр. κάτοικος – житель, обитатель; *nomina incolarum variarum regionum*);

в) *этнонимы* подразделяются на: в₁) *микроэтнонимы* (гр. μικρός – малый, небольшой; *nomina parvularum nationum*; в₂) *мегаэтнонимы* (гр. μέγας – великий, большой; *nomina magnarum nationum*).

О втором значительном подклассе эйдонимов – о *монадонимах* (гр. μονάς, р. п. μονάδος – единица, монада; *nomina singulas res inanimas designantia*) мы скажем здесь очень кратко, упомянув только его основные порядки, а именно: 1) *космонимы* (общеизвестное гр. ὁ κόσμος – порядок, мир; *nomina singularum rerum naturalium extra terram nostram in spatio astrorum versantium*); 2) *мопонимы* (широко известный термин, образованный от гр. ὁ τόπος – место, местность, край, страна, не встречавшийся в древнегреческом языке, но санкционированный европейскими языками; *nomina singularum rerum naturalium in terranostra versantium*); 3) *эргонимы* (предлагаемый нами термин, образованный от гр. τὸ ἔργον – дело, вещь, произведение; *nomina singularum rerum artefactarum vel operum humanorum*), в которые мы включаем названия произведений искусства, литературных произведений и даже названия разных сортов вин, различных видов лекарств и т. д.; 4) *эпохонимы* (предлагаемый нами термин, образованный от гр. ἡ ἐποχή – эпоха, эра; *nomina singularum temporis divisionum*), в которые мы включаем названия эпох как в истории человечества вообще (напр.: *Палеолит, Неолит, Эпоха бронзы, Эпоха железа, Эпоха дикости, Эпоха варварства, Эпоха цивилизации, Атомный век* и т. п.), так, в частности, и отдельных человеческих обществ (например, в истории острова Крит в пределах *Эпохи бронзы: Додворцовый период, Стародворцовый период, Новодворцовый период, Последдворцо-*

вий період – по класифікації Н. Платона; или в истории Японии: периоды Джомон, Яйой, Цука, Асука, Нара, Хейан, Камакура, Муромачи, Момояма, Эдо, Меиджи).

Само собой разумеется, что эти монадонимические порядки так же, как и койнонимические порядки, распадаются на подпорядки, которые, в свою очередь, могут иметь подразделение и т. д. Вполне понятно, например, что порядок топонимов монадонимического подкласса эйдонимов распадается на два больших подпорядка: 1) физиогенные топонимы (гидронимы, оронимы, несонимы и пр.) и 2) антропогенные топонимы (различные ойконимы).

После этого обзора «с высоты птичьего полета» общей схемы эйдонимов вернемся к установленному нами порядку койнонимов в антропонимическом подклассе, само отношение которого к эйдонимическому классу требует дальнейшего обсуждения.

Итоги нашей предварительной классификации представлены в вышеуказанной схеме.

Для большей ясности дополним нашу схему примерами:

Порядок подкласса *антропонимов*: *идионимы* (личные имена людей) – *Деметриос, Деметрий, Димитрий, Дмитрий, Дмитро, Дима, Митя, Димочка, Димка, Митька*.

Подразделения подпорядка *филонимов*: а) *анхистонимы* (семейные имена, фамилии) – ед. ч. *Менделеев*, множ. ч. *Менделеевы*; б) *генетлонимы* (имена родов) – ед. ч. *Horatius*, множ. ч. *Horatii*.

Порядок подкласса *ойкистонимов*: а) *паройконимы* (названия жителей населенных пунктов и их частей) – ед. ч. *Киевлянин*, множ. ч. *Киевляне*, б) *катойконимы* (названия жителей какой-нибудь территории, области, края, местности) – ед. ч. *Слобожанин* (житель Левобережной Украины, Слобожанщины) – множ. ч. *Слобожане*.

Порядок подкласса *этнонимов*: а) *микроэтнонимы* (названия малых народов) – ед. ч. *Румей* (грекоязычный житель восточных областей УССР (Украины – упоряд.), в частности Донбасса), множ. ч. *Румей*; б) *мегаэтнонимы* (названия крупных народов) – ед. ч. *Украинец*, множ. ч. *Украинцы*.

Различие между подпорядками ойкистонимов и этнонимов связано с современным понятием *этнoса*. Носители ойкистонимов мыслятся как объединенные признаком постоянного проживания на определенной территории, признаки лингвистический, историко-культурный, антропологический отступают при этом на задний план. Напротив, носители этнонимов со всеми необходимыми для нашего времени оговорками мыслятся прежде всего как обладающие древним этническим комплексом признаков, «семантических множителей» понятия *этнос*. Надо признать, что противопоставление подпорядков ойкистонимов и этнонимов теоретически не является совершенно обязательным, но практически так или иначе проводится. В настоящее время в пределах порядка койнонимов наиболее отчетливо противопоставляются подпорядок филонимов (в частности, подразделение анхистонимов) вместе взятым подпорядкам ойкистонимов и этнонимов. Деление филонимов на анхистонимы и генетлонимы теперь имеет не столько актуальное, сколько историческое значение.

Противопоставление паройконимов катойконимам основано на том, что носители первых рассматриваются как жители различных населенных пунктов (ср. *ойконимы* – одно из подразделений подпорядка антропогенных топонимов), а носители вторых – как жители территорий (ср. *хоронимы* – одно из подразделений, отчасти безусловно, а отчасти условно причисляемых к подпорядку физиогенных топонимов, ср.: *остров Крит*, но *государство Греция*), на которых может находиться несколько или много населенных пунктов (их названия относятся к надвидам¹⁹⁵ *астионимов* и *комонимов* подразделения *ойконимов* подпорядка антропогенных топонимов порядка *топонимов* подкласса *монадонимов*).

Порядок *космонимов* (названий внеземных объектов, то есть планет, спутников планет, звезд, созвездий) подкласса *монадонимов* – (планета) *Юпитер*; имена *Солнце* и *Луна* тоже должны были бы занять в этом порядке свое место, если считать их единичными космическими объектами (*наше Солнце, наша Луна*, а не *солнца других солнечных систем, луны других планет*); сюда же, конечно, относится и (планета) Земля.

Подпорядок физиогенных топонимов (*физионимов*) порядка *топонимов* того же подкласса, то есть подпорядок названий естественных географических объектов: из подразделения *гидронимов*¹⁹⁶ *надвид потамонимов* – *Днѣпръ, Днепр, Дніпро*. Он создан по образцу древнегреческих композитов типа ΥΔΡΗΧΟΟΣ – Водолей, ΥΔΡΟΠΟΤΗΣ – пьющий воду, ΥΔΡΟΦΟΡΟΣ – несущий воду, водонос и т. п. Поскольку речь идет не о «минерале» воде, а о разных водах, водных артериях и пространствах, вероятно, более классическим был бы термин *гидатоним* (τὰ ὕδατα – воды), но и такого в античных источниках тоже не было.

Подпорядок антропогенных топонимов (*технонимов*) порядка *топонимов* того же подкласса, то есть подпорядок названий искусственных географических объектов: из подразделения *ойконимов* *надвид астионимов* – *Киевъ* (Летопись), *Києвъ* (дореформенная орфография), *Киев*, укр. *Київ*.

Порядок *эргонимов* подкласса *монадонимов*, то есть порядок названий произведений, продуктов человеческого труда – «*Илиада*» (Гомера), «*Война и мир*» (Л. Н. Толстого), «*Тихий Дон*» (М. А. Шолохова) и т. п.

Эргонимы принято выделять в тексте одновременно двумя способами – кавычками и прописными буквами начальных лексем. Это, по меньшей мере, не экономно, поскольку кавычки имеют в тексте еще и другое назначение, кроме выделения эргонимов (мы даем только намек на это другое назначение, потому что определить его довольно трудно).

¹⁹⁵ Так как термины *семья* и *род* уже были введены нами в определения филонимов, анхистонимов и генетлонимов, то во избежание двойственности их использования они были выведены нами из числа таксономических величин и заменены соответственно: *подразделение* (subdivisio) вместо *семейства* (familia), *надвид* (superspecies) вместо рода (genus) и т. д. Признавая также, что названия подпорядков *физиогенные топонимы* и *антропогенные топонимы* порядка *топонимов* выпадают из общей классификационной схемы, предлагаем в дальнейшем заменить их, соответственно, названиями: *физионимы* и *технонимы*, ср. выше *эргонимы* вместо *органические зйдонимы* и *аноргонимы* вместо *анорганические зйдонимы*.

¹⁹⁶ Термин *гидроним* давно уже получил права гражданства не только в специальной, но и популярной литературе.

Порядок *эпохонимов* подкласса *монадонимов*, то есть порядок названий эпох (выше уже приводились примеры таких названий) – *Неолит*, или *Эпоха шлифованного камня* и т. п. Конечно, до сих пор в орфографии эпохонимов не было последовательности: почему, например, *Возрождение* (= *Ренессанс*) следует писать с прописной буквы, а тот же *Неолит* – со строчной, почему *Семилетняя война* (1756–1763) пишется с прописной, а *Вторая мировая война* (1939– 1945) должна писаться со строчной буквы?¹⁹⁷

Ответ на этот вопрос может быть только один: потому что написанное или напечатанное с прописной буквы то или иное название признается собственным, а написанное или напечатанное со строчной – нарицательным. Нельзя, например, сказать, что в отличие от *Неолита* эпоха *Возрождения* не допускает дальнейшего хронологического членения: ведь есть *Раннее Возрождение* и *Позднее Возрождение* в странах Европы. Дело, конечно, в неприкосновенности орфографической традиции, даже если она сохраняется наперекор здравому смыслу. Мы не склонны, однако, во что бы то ни стало осуждать традицию, особенно в тех случаях, в которых по той или другой причине остается многое неясным.

2

Среди прочих эйдонимов порядок койнонимов занимает особое место: койнонимы разделяют с генонимами (не всеми, но только с теми, которые не принадлежат ни к *singularia tantum*, ни к *pluralia tantum*) особенность образовывать (в таких языках, как русский) как единственное, так и множественное число. Именно это их множественное число как будто решительно противоречит основной функции эйдонимов – функции индивидуализации: ведь эйдоним, как сказано было выше, – это название нижнего предела индивидуализации, возможного в данное время и в данных обстоятельствах и соотносимого с объектом реального или воображаемого мира. О какой индивидуализации (доведения до неделимости) и каком объекте (*singularis*!) может идти речь при наличии самого что ни на есть типичного множественного числа не только по форме, но и по смыслу – сумма объектов?

Выше у нас уже шла речь об ингерентном признаке как той основе, которая позволяет отделить койнонимы от близких по смыслу к ним лексических групп (сфер, или тем) генонимов. Теперь следует подробнее остановиться на том, что мы понимаем под ингерентным признаком и под противопоставлением ингерентных и когерентных признаков.

В логике различаются следующие виды признаков как дискретных объектов, так и классов объектов:

1) существенный – признак, присущий объекту при всех условиях, без которого объект не будет самим собой (ср. также «отличительный признак»)¹⁹⁸;

2) несущественный – признак, присущий или не присущий объекту, без которого объект может остаться самим собой¹⁹⁹;

¹⁹⁷ См., напр.: Український правопис, вид. 2-е, К., Вид-во АН УРСР, 1960, с. 60.

¹⁹⁸ Кондаков Н.И. Введение в логику. – М.: Наука, 1967. – С. 370.

¹⁹⁹ Там же. – С. 255.

3) собственный – признак, присущий всем объектам данного класса, но не являющийся существенным (см. № 1)²⁰⁰;

4) несобственный – признак, не выводимый из существенного признака (см. № 1) данного класса, хотя он и может быть присущим всем объектам данного класса²⁰¹;

5) неотделимый несобственный – признак, не выводимый из существенного признака, но присущий всем объектам данного класса²⁰²;

6) отделимый несобственный – признак, не выводимый из существенного признака и присущий только некоторым объектам данного класса²⁰³.

При статическом, или синхроническом, подходе к объектам и их классам этих определений оказывается достаточно.

Однако при динамическом, или диахроническом, подходе, по нашему мнению, нужны еще уточнения относительно признаков «врожденных» и «приобретенных», если речь идет о человеческом обществе.

Различные группы, или коллективы, человеческого общества могут характеризоваться как врожденными (по нашей терминологии – ингерентными, ср. лат. *inhaereo* – тесно или прочно связываю, привязываю), так и приобретенными признаками (по нашей терминологии – когерентными, ср. лат. *cohaereo* – связываю, привязываю). Врожденные признаки можно было бы назвать также постоянными (константными), а приобретенные – с некоторыми оговорками – переменными (вариантными) признаками. Антропологические признаки определенных коллективов, если эти признаки оказываются достаточно ярко выраженными (например, современные большие расы человека: европеоиды, негроиды, австралоиды, монголоиды)²⁰⁴, можно отнести к врожденным признакам: европеидом можно только родиться, но не стать им в течение жизни и т.д.

Тем не менее и относительно этого, казалось бы, бесспорного утверждения надо сделать оговорку: раса (соответственно – большая и малая, группа антропологических типов, антропологический тип, локальный вариант антропологического типа) характеризуется константными, или ингерентными, признаками, если мы ее рассматриваем в статике, а не в динамике. Однако в современной антропологии является общепризнанным, что человеческая раса – категория динамическая и, следовательно, историческая, а не биологическая в самом общем понимании.

Если данный человек в силу присущих ему от рождения признаков может быть причислен к такому-то антропологическому классу, это не значит, что совокупность таких признаков испокон веков существовала как некое неделимое целое (структура), что все его предки всегда были наделены такой же совокупностью признаков.

²⁰⁰ Там же. – С. 350-351.

²⁰¹ Там же. – С. 224.

²⁰² Там же. – С. 217.

²⁰³ Там же. – С. 247.

²⁰⁴ См.: Алексеев В.П. Расы человека в современной науке // Вопросы истории. – 1967. – № 7. – С. 71.

Хотя язык (имеется в виду – родной язык) является существенным признаком таких общественных структур, как племя, народность, народ и нация (в этом последнем случае – на известной ступени ее развития), но для них он оказывается чем-то вроде неотделимого несобственного признака. Если, например, таким же признаком для вида «черная ворона» (*Corvus corone corone*) является черная окраска оперения, то *mutatis mutandis* можно сказать, что человек, по какой-то причине утративший свой родной язык, оказывается своего рода альбиносом – белой вороной с точки зрения носителей данного языка.

Если речь идет о каком-либо современном нам этническом коллективе, можно смело утверждать, что в его восприятии язык будет независимо ни от чего именно ингерентным признаком и определителем этноса (этнического единства) в большей степени, чем любой антропологический комплекс. Можно сказать, что каждая новая общественная (или социально-экономическая) формация получает от предыдущей формации прочно сложившееся представление об этносах, или этнических единствах, однако сами эти единства в течение своего существования претерпевают значительные изменения в смысле наличия и сочетания определяющих этнические единства ингерентных признаков. В настоящее время во всем мире существуют этносы, определяемые языками, культурно-историческими комплексами и, наконец, в значительной мере политическими организациями – их государственным устройством. При этом со всеми необходимыми оговорками принадлежность к данному этносу, очевидно, мыслится как ингерентный признак данного человека так же, как принадлежность его к данной семье или данному роду («большой семье»), как факт происхождения его от его собственных родителей. Можно сказать, что в наше время то, что мыслится как этнос, определяется не столько лингвистически, не столько этнографически, сколько именно политически. Нечего при этом и говорить об антропологическом определении этноса, которое уже в отдаленные от нас времена стало пережитком. Вполне понятно, что теперь в многонациональных государствах ... сама принадлежность к данному государству мыслится как признак определенного суперэтноса. Таким образом, в нашем многонациональном государстве название суперэтноса звучит как *граждане Советского Союза*. Именно этот суперэтнос и обозначающий его составной суперэтноним (мы предлагаем называть его *политонимом* от гр. *πολίτης* – гражданин) с гордостью за свою социалистическую Родину называет В. В. Маяковский:

– Читайте,
завидуйте,
Я –
гражданин
Советского Союза!²⁰⁵.

²⁰⁵ Маяковский Владимир. Полн. собр. соч. в 13-ти томах. – М., 1958. – Т. 10. – С. 71.

Ср. в поэме «Хорошо!»: – «Что это за нация такая «социалистичья» и что это за «социалистическое отечество?». И дальше: «Приятно русскому с русским обняться, – но у вас и имя «Россия» утеряно. Что это за отечество у забывших об нации? Какая нация у вас? Коминтерна?» (Маяковский Владимир. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, Т. 10, С. 273-274).

В связи с возникновением новых *суперэтнонимов*, или *политонимов*, следует отметить и то, что многие из них еще остаются почти в состоянии Демокритовых «*νῶνυμα*»²⁰⁶.

Например, только описательными (перифрастическими) будут такие *политонимы*, как: *гражданин Республики Берег Слоновой кости* (Republique de Cote d'Ivoire), *гражданин Центральноафриканской Республики* (Republique Centrafricaine), *гражданин Республики Верхней Вольты* (Republique de Haute-Volta), *гражданин Республики Конго со столицей Браззавиль* (Republique du Congo), *гражданин Республики Конго со столицей Киншаса* (Republique Democratique du Congo) и т. п. Вероятно, в некоторых случаях такие сугубо составные политонимы уступят место общепринятым аббревиатурам, вроде *гражданин АРЕ* (Аль-Джумхурия ль-Арабия Миср).

Когда-то катойконимом *индиец* (или даже *индус*, что могло вызвать смешение большой этнической группы – народов, народностей и племен Индостана и собственно конфессиональной группы – индуистов, или брахманистов) у нас обозначали без всяких различий всех жителей бывшей британской колонии Индии. После провозглашения бывшей колонии (15/VIII 1947) двумя доминионами Британской империи, а затем образования (26/I 1950) республики Бхарат и Исламской республики Пакистана (1956) *индиец* стало обозначать у нас то же, что и *гражданин республики Бхарат*, или *гражданин Индийского Союза*. Прежний катойконим *американец*, обозначавший *житель Северной, Центральной или Южной Америки*, в настоящее время повсеместно превратился в политоним *гражданин Соединенных Штатов Америки* (USA). После того, как название *Ирак* перестало быть только географическим понятием (1920) и особенно после провозглашения Иракской республики (14/VII 1958), у нас возникла потребность в соответствующем политониме, охватывающем все этнические группы республики (арабскую, иранскую, тюркскую), но в нашей печати его напрасно стараются произвести непосредственно от хоронима *Ирак* при помощи словообразовательного суффикса *-ец*. Гораздо удобнее его произвести от арабского катойконима [иракьи(й)], ср. также название государства *Аль-Джумхурия ль-Иракия*: *иракиец*, мн. ч. *иракийцы*.

Когда с воцарением в Персии династии Пахлавидов (1925) было восстановлено древнее название государства *Иран*, прежний мегаэтноним *иранец* (представитель ираноязычных племен и народов) превратился также в политоним *гражданин Ирана* и в связи с этим возникла двусмысленность, устранить которую можно только путем использования этнонима *фарси* (первоначально катойконим – житель Фарсистана, а затем – носитель фарсийского, или новоперсидского, языка), например, в форме *фарсиец*, мн. ч. *фарсийцы*.

Хороним *Йемен* естественно дал повод для образования катойконима *йеменец*, мн. ч. *йеменцы*. Теперь этот катойконим используется также как политоним *гражданин Йеменской арабской республики* (Аль-Джумхурия ль-Арабия ль-Ямания).

²⁰⁶ Лурье С.Я. Демокрит. – С. 353.

После образования в конце 1967 года *Южнойеменской народной республики* (Аль-Джумхурия ль-Ямания ль-Джанубия ш-Ша'бия) обозначение *южный йеменец* стало двусмысленным: это либо житель юга Йеменской арабской республики, либо гражданин Южнойеменской народной республики.

Житель *Аравии*, или *Аравийского полуострова* (хороним), может называться у нас *аравийцем* (видоизменение этнонима *араб* и превращение его в катойконим), но житель *Саудийской* (или *Саудовской*) *Аравии* (Аль-Мамлака ль-Арабия с-Саудия), очевидно, должен называться *саудийским* (или *саудовским*) *аравийцем*.

В связи с образованием *Республики Сингапур* (Republic of Singapore) (1968) прежний паройконим *сингапурец* становится также политонимом. Название *малайсиец* может быть понято как политоним, произведенный от названия государства *Федерация Малайсия* (Persekutuan Tanah Malaysia) (1966).

После установления для индонезийской западной части Новой Гвинеи малайского названия *Ириан Барат* (Западный Ириан) соответствующий катойконим должен быть в русском языке *западный ирианец*.

При официальном названии государства Тринидад и Тобаго (Trinidad and Tobago) возможным для него политонимом в русском языке оказывается только *тринидадец*. Идентификационная (она же и дистинктивная) функция эйдонима обусловила то, что в русском языке жители острова *Куба* стали называться *кубинцами*, а не *кубанцами*: последнее название уже было закреплено за жителями *Кубани*, то есть Прикубанской низменности Краснодарского края РСФСР.

При необходимости образовать катойконим от названия острова *Ямайка* (Jamaica) мы заходим в тупик вследствие «сопротивления» словообразовательной парадигмы. Единственный выход из этого словообразовательного тупика – создание катойконима по образцу английского Jamaican – *ямайканец*²⁰⁷.

Как видно из этого обзора, ингерентный признак, определяющий порядок катойконимов на высшей ступени подразделения эйдонимов – в политонимах, не может считаться абсолютным признаком ни с антропологической, ни с этнографической, ни с лингвистической точек зрения. Однако надо иметь в виду следующее обстоятельство: в порядке катойконимов этнонимы являются проекцией ойкистонимов, а ойкистонимы – проекцией филонимов, которые (особенно подразделение анхистонимов) определяются абсолютным ингерентным признаком – принадлежностью к известной семье или к известному роду. Впрочем, и этот абсолютный признак с древнейших времен в человеческом обществе имел свою релятивную проекцию – институт адаптации (усыновление, удочерение и тому подобное избирательное родство). Следовательно, в человеческом обществе, принадлежащем к одному и тому же зоологическому роду и виду, ингерентный признак как *principium divisionis* уже на самых ранних стадиях развития этого общества должен был стать релятивным признаком, который мыслился как абсолютный.

Само собой разумеется, то «усыновление» стаей волков мальчика Маугли (J. R. Kipling, «The Jungle Book», 1894) не может превратить представителя по-

²⁰⁷ Ср.: Webster's New International Dictionary, 2-nd. ed., unabridged, Springfield, Mass. USA, 1947, w. II, p. 1326.

рядка приматов в представителя порядка плотоядных, семейства собаководных (Canidae) и рода собак (Canes).

При вполне естественной антропоцентрической ориентации человеческих языков и отраженной в них антропоморфической модели мира понятно, что между койнонимами всего моделируемого мира и мира людей должно существовать различие, основанное на ономастической безусловности таксономических величин первого и на ономастической условности таксономических величин второго. Именно это различие сближает порядок *койнонимов* (точнее – *антропокойнонимов*) с порядком *идионимов* в пределах функционального класса эйдонимов и отделяет его от собственно *генонимов*. Подкласс антропонимов фиксирует в языковой форме качественное различие между двумя формами движения материи – биологической и общественной, или социальной²⁰⁸.

Если в пределах подкласса антропонимов нет (разумеется, в исторической перспективе, а не в аспекте регистрации актов гражданского состояния) безусловной границы между порядком идионимов и порядком койнонимов, например, когда мы имеем дело с превращением *патронимов* (πατρωνυμικά) в анхистонимы (*nomina familiarum*): Ахиллей Пелея (Ἀχιλλεύς Πηλέως) – Ахиллей Пелеиад (Ἀχιλλεύς Πηληϊάδης), Агамемнон Атрея (Ἀγαμέμνων Ἀτρέως) – Агамемнон Атрейд (Ἀγαμέμνων Ἀτρείδης), Одиссей Лаэрта (Ὀδυσσεύς Λαέρτου) – Одиссей Лаэртиад (Ὀδυσσεύς Λαερτιάδης) и т. п., – то также нет ее между подразделениями подпорядка филонимов – между анхистонимами и генетлонимами, потому что кровнородственная семья (*cognati agnati*) всегда была основой рода (*gens*). Когда понятие рода связывается с понятием определенной территории, объединенную общим филонимом группу трудно отделить от группы, объединенной общим ойкистонимом.

Кто такие, например, *каллиппиды*, которых Геродот называет среди прочих этнических групп Скифии (IV, 17): родовое, племенное или локальное объединение (группа)? Если судить по форме этого койнонима, у Геродота речь шла о родовой группе. Точно также «переливающейся» оказывается граница между подпорядками ойкистонимов и этнонимов, а в древности она была такой же между подразделениями катойконимов и политонимов (*Romani erant incolae urbis Romae atque cives Romani*).

Таким образом, мы приходим к выводу о несомненной связи таксономических величин порядка койнонимов друг с другом, а порядка койнонимов в целом с порядком идионимов. О связи подкласса антропонимов с подклассом монадонимов у нас уже была речь выше, но там же у нас было сказано о существенном отличии порядка койнонимов как от порядка идионимов, так и от всего подкласса монадонимов, следовательно, об особом месте этого порядка в классе эйдонимов и о смысловых и формальных связях его с классом генонимов.

Если вернуться к общему определению эйдонима с его функцией индивидуализации, то можно сказать, что эйдоним в отличие от генонима идентифицирует не класс-инвариант, абстрактную величину, а единицу класса – конкретную величину (объект или явление действительности).

²⁰⁸ Ю.И.Семенов, Как возникло человечество. – М., 1966. – С. 7.

В отличие от эйдонимов койноним (антропокойноним), выступая в единственном числе, идентифицирует единицу своего порядка, а выступая во множественном числе, он идентифицирует низшие таксономические совокупности (подпорядки, подразделения и пр.) как абстрактные классы.

Все имена подпорядка койнонимов в отличие от имен только в единственном числе (*singularia tantum*) и от имен только во множественном числе (*pluralia tantum*) являются последовательно бинумеральными.

Подобно тому как порядок идионимов генетически обоюдно связан с подпорядком филонимов (в настоящее время – преимущественно с подразделением анхистонимов), подпорядки ойкистонимов и этнонимов также генетически обоюдно связаны с порядком топонимов, ср.: идионим *Афанасий* и анхистоним *Афанасьев*, паройконим *Миргородец* и астионим *Миргород*, катойконим *Левобережанин* и хороним *Левобережье*, микроэтноним *Восточный украинец* и хороним *Восточная Украина* и т. п.

Можно вспомнить также многочисленные апотопонимические анхистонимы (фамилии) вроде: *Крым* > *Крымский*, *Белая Церковь* > *Белоцерковский*, *Винница* > *Винницкая*, *Лысая гора* > *Лысогорский*, *Лохвица* > *Лохвицкая* и т. п.

Можно ли было бы после всех высказанных соображений о двойственном, переходном, или промежуточном, характере койнонимов раз и навсегда изъять их из класса эйдонимов и окончательно поместить их в класс генонимов? Мы полагаем, что это можно было бы сделать только при полном отрицании их двойственного, переходного, или промежуточного, характера и определяющего их ингерентного признака.

Очевидно, различие, например, между денотатами этнонима *греки* и генонима (соответственно – генонимического койнонима) *философы* оказывается заметным говорящему на любом языке, хотя обе лексемы в конечном счете включаются в обширную лексическую тему «Человек и общество» с подтемами, скажем, «национальности» и «профессии» («специальности»). Никто, конечно, не будет отрицать такого же различия, например, в паре лексем *сингалезы* и *буддисты* (подтемы «национальности» и «конфессии», «вероисповедания», «религии») или в паре *новозеландцы* и *овцеводы* и т. п.

Для всех говорящих на любом языке вполне очевидной является связь основной массы этнонимов и ойкистонимов с основной массой топонимов. Напротив, связь койнонимов (антропокойнонимов) с генонимами (в частности, с генонимическими койнонимами) нарушается противопоставлением ингерентного признака первых и когерентного признака вторых.

Кажется, неизвестно, кто, где, когда сказал: «*poetae nascuntur, oratores fiunt*»²⁰⁹ («поэтами рождаются, ораторами становятся»), ясно, однако, что в обоих случаях мы имеем дело с когерентными группами людей: мастерство поэта приобретается в течение жизни, а факт рождения в таком-то месте земного шара от таких-то отца и матери остается на всю жизнь приметой данного поэта.

²⁰⁹ У римлян противопоставление *poëtae* ~ *oratores* было равнозначным нашему поэты – прозаики, ср.: *legere poëtas et oratores*.

Если поэт Овидий («Тристии», IV, 10, 3-4) в своих стихах утверждает, что он родился в Сульмоне, обильном холодными водами и находящемся на расстоянии 9010 миль от города Рима, речь идет об ингерентном признаке поэта, объединявшем его с сульмонцами (паройконим – *Sulmonenses*) по рождению и по жительству:

– Sulmo mihi patria est, gelidis uberrimus undis,
Milla qui novies distat ab Urbe decem.

А в «Посланиях с Понта» (IV, 14, 57-60) поэт упоминает о месте своего изгнания – Томиде: он говорит о ней, как о гостеприимной хозяйке (*hospita fida*), приютившей на время «изгнанных из родной страны» (*patria sedes*). Если без оговорок поэта можно идентифицировать паройконимом *сульмонец* (*Sulmonensis*), то другой паройконим – *томит* (*Tomita*) – как будто исключается предыдущим. Однако приходится признать, что, подобно семейной и родовой адаптации, в истории отдельных личностей и даже целых человеческих обществ возможны случаи ойкистической и этнической адаптации.

Нельзя при этом безапелляционно утверждать, что такие случаи будто бы аннулируют само существование в порядке койнонимов ингерентного признака. Хотя подкласс антропонимов, как и весь класс эйдонимов, определяется своей функцией индивидуализации конкретной единицы, некоторой таксономической величины, он как лексический класс характеризуется также фактическим или мыслимым ингерентным признаком идентифицируемых антропонимами объектов. Иными словами, можно сказать, что ингерентный признак присутствует в каждой таксономической величине и соответственно выделяется в каждом ее объекте по требованию системы (*Systemszwang*) и в данном случае – по требованию системы эйдонимов с индивидуализационной функцией, то есть функцией, превращающей лексему или комбинаторный эквивалент лексемы в собственное, особое, индивидуальное имя, или эйдоним.

Ингерентный признак теснейшим образом связывается с понятием индивидуальности, единичности, единственности в своем роде, неповторимости во времени и пространстве. Здесь, разумеется, можно сделать оговорку о том, что эта индивидуальность, единичность, единственность, уникальность, неповторимость идентифицируемых объектов вовсе не обозначает их непротяженности во времени и пространстве. Называя, например, абхазов этнонимом *абхазы* (самоназвание, или *автоним*, – *апсуа*), мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что идентифицируемая данным этнонимом индивидуальность – этническая группа – не является каким-то пунктом пространства или каким-то моментом времени, а существовала, существует и должна существовать протяженно во времени и в пространстве.

Нам кажется, что расхождения теоретиков в понимании и определении собственных имен, или эйдонимов, связаны в основном со статической концепцией индивидуальности и натуралистической концепцией ингерентного признака. В каждом языке индивидуальность определяется не ограниченным так или иначе

набором лексем, которые мы называем собственными именами (соответственно, и собственными названиями), а возможностью использования лексем и их комбинаторных эквивалентов с целью индивидуализации, выделения мыслимого как индивидуального или дискретного объекта, его лексической идентификации. Ингерентный признак при идентификации индивидуальной величины мыслится при этом не натуралистически, а собственно лингвистически. Если даже он не является таковым с точки зрения объективной действительности, это вовсе не разрушает эйдонимической системы в целом, потому что она является одной из лингвистических систем (или подсистем), не «фотографирующих», а своеобразно отражающих, по-своему моделирующих объективную действительность.

Такие факты, как изменение одним и тем же человеком имени или фамилии, утрата человеком или даже целой этнической группой родного языка или других этнических признаков, физическое изменение ономастического объекта, перенесение имени, или названия, с одного объекта на другой не перестраивают ономастической системы и не отменяют ее как таковую.

Стилистический прием антономасии (ἀντονομασία, *antonomasia*), например, у греков *Поэт* вместо *Гомер*, у римлян *Поэт* вместо *Вергилий*, у греков *Оратор* вместо *Демосфен*, у римлян *Оратор* вместо *Цицерон*, в украинской литературе *Кобзарь* вместо *Т. Г. Шевченко*, *Каменярь* вместо *И. Я. Франко*, *Дочь Прометей* вместо *Леся Украинка* и т. п., – только подчеркивает возможную для любой лексемы (сочетания лексем) индивидуализационную функцию, не лишая типичные, или первичные, эйдонимические лексемы (в данном случае – антропонимы) таковой их функции и присущего им ингерентного признака.

Равным образом метономасия (μετονομασία, *metonomasia*), или переименование идентифицируемых эйдонимами объектов, или наличие синонимии в названиях объектов, не подрывает основ эйдонимической системы. Если в разное время и в разных языках одно и то же водное пространство называется Ἀξεινός Πόντος, Εὐξεινός Πόντος, Εὐώνυμος Πόντος, ο Πόντος, η Μαύρη θάλασσα, [аль-Бунтус], [Бахр ар-Рус], *Karadeniz* – *Черное море*, *Чорне море* и пр., все эти и им подобные названия идентифицируют объект как географическую индивидуальность и приписывают ему ингерентный признак.

Если Платонову *Атлантиду* считать только историко-географическим мифонимом, с эйдонимической точки зрения она такой же идентифицируемый топонимом объект, как материк *Австралия* – название, которое окончательно укрепилось за ним по предложению М. Флиндерса (Matthew Flinders, 1774–1814) после 1814 года (*Voyage to Terra Australis*). Нанесенная на карту полушарий Меркатором в 1595 году как гипотетический антипод известной величины (*Terra Borealis*) и зачеркнутая после второго плавания капитана Джеймса Кука (1772–1775), *Terra Australis* тоже должна быть признана законным топонимом, хотя она и существовала только в воображении мореплавателей, географов и картографов прошлых веков.

Нарицательной стала знаменитая *Утопия* Томаса Мора («*Utopia*», 1516 г.), но это не лишает ее функции и признаков *мифотопонима*. Разумеется, в древнегреческом языке не было композитов с отрицательной частицей οὐ и можно предположить, что изобретатель этого мифотопонима построил его на эллиптическом сокращении фразы: οὐκ ἔστι οὗτος ὁ τόπος (не существует такой страны).

В англоязычной литературе родился и затем стал нарицательным для обозначения блаженной страны мифотопоним *Шангри-ла* (*Shangri-La*) из романа Джеймса Хилтона (James Hilton) «Потерянный горизонт» («*The Lost Horizon*», 1933).

Попутно заметим, что любопытной задачей было бы изучение литературных мифотопонимов и выяснение индивидуальных мотивов наименований.

Большинство юных читателей Советского Союза хорошо знают страну *Швамбранию* из одноименной книги (1933) Л. А. Кассиля, и, пожалуй, у многих детей, пока они не стали взрослыми, были свои вымышленные страны, которым нельзя отказать в правдоподобности топонимической схемы, хотя они и не имели своего литературного адреса.

Подобно мифотопонимам, *мифантропонимы* мировой литературы по своей функции и признакам неотделимы от исторических антропонимов и уже наравне с этими последними стали предметами специальных исследований.

Если литературное произведение в настоящее время имеет двойственное существование как дискретный материальный объект (письменная фиксация информации) на полках библиотек и книжных магазинов, с одной стороны, и как сумма идей и образов, состояний и действий в сознании автора и читателей, с другой стороны, оно с обеих сторон остается фактом как литературы, так и действительности.

Особенностью человеческого общества сравнительно с каким-либо сообществом животных является то, что благодаря сочетанию в человеческом обществе индивидуального опыта с коллективным и возможности кодирования, хранения и передачи информации в форме языка для него прошлое – история – сосуществует с настоящим и оказывается второй действительностью, или собственно исторической действительностью. В этом смысле мы можем сказать, что не только *Венера Милосская* как название статуи, хранящейся в Луврском музее, является эргонимом, но и не сохранившаяся до настоящего времени и некогда находившаяся в дельфийской Лесхе картина Полигнота «*Взятие Трои*», описание которой дал Павсаний в десятой книге своего «Путешествия по Греции» («*Περίηγησις τῆς Ἑλλάδος*»).

Если мы противопоставляем эргонимы, идентифицирующие произведения изобразительных (пространственных, или спациальных) искусств – все равно: сохранившиеся в той или иной материальной форме или не сохранившиеся – эргонимам, идентифицирующим произведения литературы и музыки (временных, или темпоральных, искусств), то для первых можно было бы использовать композитный термин *хорэргонимы* (ср. ἔργα τοῦ χώρου), а для вторых термин – *хро-нэргонимы* (ср. ἔργα τοῦ χρόνου). Ясно, что объекты, идентифицируемые обеими разновидностями эргонимов, могут быть как существующими, так и мыслимыми как существующие. Когда мы имеем дело с идентификацией посредством эпохонимов, о чем речь уже была выше, объекты выступают, само собой разумеется, как мыслимые величины, но это обстоятельство не должно лишать их звания ономастических, или эйдонимических, объектов, характеризующихся той же функцией и тем же признаком, что и объекты, которые могут быть вполне материальными. *Эпоха Просвещения* (*Siècle des Lumières*) – это такой же эйдоним, как и любой другой, например, *Francois-Marie Arouet de Voltaire* (1694–1778).

От эпохонимов, являющихся типичными эйдонимами, поскольку каждый из них идентифицирует единичное и неповторимое явление, ограниченное и неповторимое время, следует отличать всякого рода хрононимы – названия циклично повторяющихся отрезков времени: календарные названия, названия лет зодиакальных циклов (дальневосточные системы летоисчисления), названия месяцев, дней недели, циклических религиозных и гражданских праздников.

По своей индивидуализационной (эйдонимической) функции хрононимы сближаются с эпохонимами, а следовательно, и с прочими эйдонимами, но своим «циклическим характером» резко отличаются от них. День *среда* повторяется каждую неделю, месяц ноябрь повторяется каждый год, но *среда седьмого ноября 1917 года* – день, единственный в своем роде, неповторимый, день Победы социалистической революции в России. Это, конечно, не хрононим, а эпохоним.

Поскольку любое обозначение даты неповторимого и необратимого события может рассматриваться как эпохоним, например, Двадцать второе апреля 1870 года, то и общепринятое цифровое обозначение годов до нашей эры и после нашей эры равносильно называнию их по именам. Можно сказать, что цикличность лексического класса хрононимов оказывается той чертой, которая отделяет их от класса эйдонимов и противопоставляет их порядку эпохонимов.

Любопытно отметить, что в языковой трактовке названий дней недели (*геронимов*) и названий месяцев (*менонимов*) наблюдается тонкое различие. Так, для нас является совершенно обычным выражение *по средам* и *пятницам*, но вполне возможное в смысле грамматики и логики выражение *по мартам* и *июням* отталкивает нас своей необычностью.

Если можно было бы утверждать, что хрононимы тоже являются переходной, или промежуточной, ономастической группой между эйдонимами и генонимами, то эта группа была бы не равноценной порядку койнонимов.

Даже настаивающий на том, что койнонимы будто бы гораздо ближе к нарицательным, чем к собственным именам, должен, очевидно, признать, что, например, имена и названия *Ульяновы*, *Симбиряки* (*Симбирцы*, *Симбиряне*; соответственно – *Ульяновцы*)²¹⁰, *Волжане*, *Великороссы* и подобные обозначают единичные, единственные в своем роде и тем самым неповторимые в истории и географии группы.

3

Нет нужды останавливаться на вопросе о значении эйдонимов и эйдонимических исследований для лексикологии в целом, для истории культуры, этнографии и вообще исторической науки. Но до сих пор считаются уязвимыми все определения «собственного имени», и каждый теоретик эйдонимики *volens nolens* оказывается в положении, обязывающем его дать свое понимание эйдонима или эйдонимов в виде более или менее лаконичной дефиниции.

²¹⁰ Словарь названий жителей (РСФСР) / под ред. А. М. Бабкина. – М., 1964. – С. 290.

А. В. Суперанская в статье «Эволюция взглядов на имя собственное в науке о языке» (сб. «Развитие методов топонимических исследований», М., 1970) дала общий обзор теорий «имени собственного в науке о языке»²¹¹.

Выдающийся польский языковед Е. Курилович пишет о собственном имени: «Но его собственно лингвистический интерес заключается в особенностях, которые оно представляет по отношению к прочим категориям имен существительных. Остальное в значительной мере касается смежных наук: этнологии, социологии, политической истории, истории цивилизации и т. д.»²¹².

Для упрощения изложения автор ограничивается антропонимическим материалом. Собственное имя в самом широком понимании он определяет как лексический «класс, состоящий только из одного индивида» (*«classes à un seul individu»*, p. 182).

Другой выдающийся польский языковед Т. Милевский по поводу противопоставления нарицательных слов (*wyrazy pospolite*) и собственных имен (*imiona własne*) делает следующую оговорку: «Во всех языках мира называющие слова делятся на две группы: на *нарицательные слова* и на *собственные имена*. Различие между ними заключается в том, что значение (стоимость) нарицательного слова распространяется на класс, охватывающий более или менее большое число однородных единиц (индивидов), например, человек, а значение собственного имени – это лишь одна единица (индивид), названием которого оно является, например, Софокл. Основой языка является система нарицательных слов, которую мы, собственно говоря, и описали. Она является классификационной системой, охватывающей весь мир и имеющейся в распоряжении человека, а вследствие этого значение этой системы выходит далеко за пределы чисто языкового явления. В сущности все системы знаков, используемые человеком, опираются на нее, она является основой мышления и поведения человека. Напротив, собственные имена не составляют цельной системы и занимают периферическое место в пределах языка»²¹³.

²¹¹ В библиографическом указателе «Общее языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.» (М., 1965) раздел «Ономастика» содержит всего четыре названия (рядом с ним разделы «Топонимика» и «Антропонимика» содержат 682 названия), из которых теоретические вопросы трактуются только в статьях польских ученых Е. Куриловича (Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 251-266) и В. Ташицкого (Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопр. языкознания. – М., 1961. – №2. – С. 3-11). Как видно из этого указателя, в Советском Союзе больше всех прочих ответвлений эйдониимики развивались топонимические исследования, а теория эйдониимики менее привлекала внимание исследователей. Следует отметить еще, кроме названного выше, статью А. П. Критенко: До теорії власних назв // Ономастика. – К., 1966. – С. 16-28. Антропонимическим исследованиям посвящены работы украинских ученых Ю. К. Редько (Сучасні українські прізвища. – К., 1966), П. П. Чучки (Антропонімія Закарпаття. – Ужгород, 1970), а также сборник «Этнониими». – М., 1970.

²¹² Kuryłowicz, Jerzy. *Esquisses Linguistiques*. – Wrocław-Kraków, 1960. – P. 182-192.

²¹³ Milewski T. *Językoznawstwo*, s. 78 (в скобках даны буквальные соответствия польским терминам оригинала).

Здесь последовательно выражена структурно-семантическая точка зрения на эйдонимы как экстрасистемные элементы, своего рода «ионы», выпадающие за пределы «реляционного каркаса» в бесконечность «семантического континуума». Вообще же, как видно из цитаты, автор, подчеркивая общеизвестную функцию индивидуализации класса эйдонимов, по существу формулирует ту же концепцию, согласно которой эйдоним идентифицирует дискретный объект физической действительности. Психическая действительность при этом выпадает из поля зрения теоретика. Кроме того, собственные имена рассматриваются только как определенный лексический класс при дихотомии классов собственных имен и нарицательных слов. В иерархии лингвистических систем собственные имена как вовсе бессистемные или, по крайней мере, слабо систематизированные уступают место «высоко системному» классу нарицательных слов, занимающему в лексике центральное место.

Схема 2

Функционально-семантическая классификация лексем (по Т. Милевскому)

Лексемы	Номинативные	Индикативные	Нумеративные
Первичные	Имена существительные	Местоимения личные, указательные	Числительные существительные (количественные)
Вторичные	Имена прилагательные, глаголы	Местоимения притяжательные	Числительные прилагательные (порядковые)
Третичные	Наречия, деепричастия	Местоименные наречия	Числительные наречия

Не имея намерения исчерпать все идеи, содержащиеся в различных определениях собственных имен, или эйдонимов, мы ограничимся здесь только двумя формулировками одного и того же определения, указывающими на возможную множественность идентифицируемых эйдонимом объектов и на использование комбинаторных эквивалентов эйдонимов, а также на деэтимологизацию генонимов, выступающих в функции эйдонимов. Эти формулировки принадлежат известному английскому египтологу и языковеду-теоретику Э.Х.Гардинеру (Alan Henderson Gardiner, 1879–1967) и содержатся в его книге «Теория собственных имен. Контroversионный очерк»: «Собственное имя – это слово или группа слов, признанные указывающими или имеющими тенденцию указывать на объект или объекты, с которыми они связаны только посредством различительного звука, не-

зависимо от какого-либо смысла, который имел первоначально этот звук или который он приобрел в результате связи с названным объектом или объектами»²¹⁴.

Несколько необычное на наш слух выражение «различительный звук» легко отождествимо с более обычными для нас выражениями «звуковая форма» («звуковая оболочка»), «звуковая сторона» слова или слов и т. п. Очевидно, когда противопоставляется *слово* и *смысл слова*, *значение слова*, *смысловое значение слова*, *семантика слова*, то *слово*, или *лексема*, при этом рассматривается именно как *звуковая форма* (точнее – акустическая и графическая в одно и то же время). Однако, если рассматривать слово как психическое единство (то есть существующее в нашем мышлении) формы и содержания (фономорфологической и семантической сторон), то обозначение терминами *слово*, или *лексема*, только фономорфологической стороны лексического феномена (названного единства) представляется весьма нежелательным. Так как этот вопрос не имеет прямого отношения к нашей теме, мы не можем здесь углубляться в его изучение; ограничимся лишь предложением: вместо названных выше описательных выражений ввести в лексикологический обиход специальные термины для обозначения *лексической формы* и *лексического содержания*²¹⁵.

Еще более важным представляется нам следующее определение: «Собственное имя – это слово или группа слов, специфической целью которых признается идентификация и которые достигают или стремятся достичь этой цели посредством только своего рода различительного звука, независимо от какого-либо смысла, который имел первоначально этот звук или который он приобрел в результате связи с идентифицируемыми посредством него объектом или объектами»²¹⁶.

В этой формулировке определения собственного имени, выраженного лексемой или комбинаторным эквивалентом лексемы, подчеркивается, что его лексическая форма сама по себе идентифицирует объект или объекты и при этом теряет свое лексическое содержание, с которым она была связана, будучи первоначально нарицательной лексемой, наполняясь новым содержанием от идентифицируемых ею объекта или объектов действительности. Постулатом этой формулировки является признание непрямого производства эйдонимов от генонимов (генетический момент) и отрицание ассоциируемого с идентифицируемым объектом или объектами смысла (*meaning*) как семантики эйдонимов. Что касается первой половины названного постулата, то ее никак нельзя считать абсолютной, потому что во многих случаях эйдонимы не обнаруживают связи с нарицательной (генонимической) лексикой того языка, в котором они имеют обращение. Примеров тому множество в нашей антропонимии (греческие, римские, древнееврейские

²¹⁴ Gardiner A. H. The Theory of Proper Names. A Controversial Essay, 2-nd ed.. – Oxford University Press, London - New York - Toronto, 1954. – P. 43.

²¹⁵ Для обозначения лексической формы (лексического числителя) можно было бы использовать термин *тантема*, а лексического содержания (лексического знаменателя) – термин *квантема*, считая что последний является мыслительным отражением *кванта* психофизической действительности.

²¹⁶ Gardiner A. H. The Theory of Proper Names. A Controversial Essay, 2-nd ed.. – Oxford University Press, London – New York – Toronto, 1954. – P. 73.

собственные имена нашего антропонимикона) и топонимии (неэтимологизируемая часть топонимикона восточно-европейской равнины).

Возникновение неэтимологизируемых эйдонимов наблюдается и в наше время. Пишущий эти строки в начале 30-х годов участвовал в переписи населения города Харькова и был удивлен, когда в одном студенческом семействе натолкнулся на изобретенное и официально зарегистрированное родителями имя *Лю* для новорожденной дочери. Надо полагать, что под давлением ономастической традиции это принципиально односложное и несклоняемое имя превратилось во что-нибудь вполне традиционное, вроде *Любовь* или *Людмила*.

Представьте себе нелепость вопроса человеку, который, представляясь, называл себя *Сергеем*: «А что это значит?» Вероятно, уже древний римлянин – современник М. Туллия Кикерона (да простят нам эту вольность яростные приверженцы немецкой традиции!) в ответ на такой вопрос мог сказать не больше того, что *Sergius* – представитель знатного (патрицианского) рода *Sergii*, как например, Лукий Сергей Каталина. Что же касается семантического (или лексического) содержания эйдонимов, то наверное, всем теоретикам приходится признать их коренное отличие в этом отношении от всех видов генонимов за исключением далеко не тождественных с ними местоимений, также занимающих особое положение в лексике всех языков, положение, которое определяется их указательной функцией.

При сравнении эйдонимов с генонимами, имеющими в основной массе огромную семантическую нагрузку в отношении классификации (идентификации классов) семантического континуума, остается впечатление, будто эйдонимы совсем свободны от семантической нагрузки. В наборе эйдонимов любого натурального языка имеются как бы «пустышки» – лексические формы с функцией индивидуализации (или эйдонимизации). В «наборных кассах», например под «этикеткой» *антропонимы*, мы находим отлитые традицией имена – *Александр, Борис, Виктор, Георгий, Дмитрий, Евгений, Иван, Константин, Леонид* и пр. – и распределяем их для идентификации наших детей, друзей, знакомых и т. д. В пределах русского языка эти имена, разумеется, не содержат в себе (в своей лексической форме) ничего сопоставимого с семантикой нарицательных слов, кроме назывательной функции – функции той части речи, которую можно назвать назывательными словами (ср. существительные, прилагательные, глаголы, наречия, образованные от прилагательных). Однако назывательная (номинативная, или в широком смысле идентификационная) функция нарицательных существительных значительно отличается от похожей на нее функции собственных имен, что уже было подчеркнуто в цитированных нами определениях.

Для разграничения функций нарицательных и собственных лексем, функцию этих последних обозначим как функцию лингвистической индивидуализации, не забывая при этом, что лингвистическая индивидуализация не совпадает с нашей сенсуальной (основанной на чувственных анализаторах) способностью различать дискретные объекты окружающей нас действительности. Лингвистической индивидуальностью может быть не только средствами данного языка обозначенный объект действительности, но и обозначенная как индивидуальность

группа объектов с приписываемым всем им ингерентным признаком. Именно в этом смысле койнонимы оказываются ближе к эйдонимам, чем к обобщающим (генерализирующим) и классифицирующим и тем самым «квантирующим» действительность генонимам.

Упомянутая А.В.Суперанской формула H.S. Sørensen'a – «*P (nomen proprium) = the x that is doing something at the time T, at the place P*»²¹⁷ только намекает на индивидуализационную функцию порядка идионимов и лишь косвенным образом относится ко всему классу эйдонимов.

Функции генонимов и эйдонимов имеют различные направления: в первом случае – от действительности к ее квантированию и классификации квантов, во втором – от наличных в языке лексических форм к действительности с обозначением мыслимых как неделимые ее объектов. Идентификация может быть функцией как генонимов, так и эйдонимов, но в названном понимании индивидуализацию следует считать функцией этих последних.

Если семантика, или смысловое содержание, генонимов определяется абстрактными квантами, выделенными в семантическом континууме, то можно утверждать, что эйдонимы лишены этой семантики, лишены собственно лексического содержания и приобретают свое значение лишь в процессе лексической индивидуализации объектов.

А.В.Суперанская совершенно права, утверждая, что «нет прямого равенства между именами собственными и реально существующим в действительности субъектом или объектом»²¹⁸, но в гораздо меньшей степени она права в перечислении вопросов, не имеющих первенствующего значения для теории собственных имен, вопросов, выбранных эмпирически и теоретически не связанных между собой.

Конечно, сам термин *семантика* можно понимать не только как лексическое содержание нарицательных лексем, но такое понимание оказывается наиболее распространенным в лингвистической литературе и поэтому остается неясным, что именно понимает А. В. Суперанская под «семантикой собственных имен». Вполне возможно, что в понятие их семантики можно включить и их индивидуализационную функцию, и приписываемый им ингерентный признак, и таксономическое распределение их.

Мы не склонны считать, что в ближайшее время теория окажется способной превратить ономастику, или эйдонику (об их возможном различии будет дальше), в стройную научную систему, и поэтому с благодарностью принимаем все концепции наших предшественников и современников, хотя и надеемся в чем-нибудь дополнить их или уточнить. Однако при всех возможных определениях собственных имен и даже при отрицании их существования в лексике данного языка как особого лексического класса нас не может удовлетворить агностическая увертка от определения их, вроде той, которую мы находим в интересной книге польского адепта лингвостатистики Витольда Манчака²¹⁹.

²¹⁷ Суперанская А. В. Эволюция взглядов на имя собственное в науке о языке. – С. 43.

²¹⁸ Там же. – С. 46.

²¹⁹ Mańczak, Witold. Z zagadnień językoznawstwa ogólnego. – Wrocław – Warszawa – Kraków, 1970, r. XVIII–XIX.

Критикуя определение, данное нидерландским ономастом О. Лейсом: собственное имя – это «языковой знак, применяемый для (обозначения.– А. Б.) индивидуальности», В. Манчак берет из первого тома польской энциклопедии первые 32 названия и устанавливает, что среди них только 12, по его мнению, отвечают цитированному определению.

Однако критика О. Лейса со стороны В. Манчака упирается в понимание *индивидуальности*: В. Манчак понимает ее только как физическую единицу, личность, индивид («*jednostka*»), отбрасывая другие возможные понимания и в том числе лексическое понимание как частный случай лингвистического понимания. «Известно, – пишет он, – что имена, фамилии, названия династий, этнические названия никогда не обозначают индивидов. Более того, даже среди географических названий много есть таких, которые относятся к больше чем одной местности, к больше чем одной реке или горе и т. д. Поэтому нельзя думать, будто разница между собственным названием и нарицательным существительным заключается в том, что собственное название обозначает (физическую.– А. Б.) единицу. В действительности сущность собственного названия составляет то, что оно не переводится на иностранные языки» (С. 250–251 названной книги).

Надо сказать, что выраженное здесь понимание нижнего предела индивидуализации, или атомизации, в лексике натурального языка является довольно распространенным и может быть названо натуралистическим. Ему противостоит другое понимание, которое имеют в виду авторы, пишущие об индивидуализации как о функции эйдонимов, и которое можно назвать собственно лингвистическим. Подобно тому как лексические элементы каждого натурального языка обозначают разные степени обобщения, различные классы квантов действительности, которые в зависимости от «картины мира», от человеческих знаний далеко не всегда совпадают с «натуральными классами», а также обозначаемые ими индивидуальности, достигают разных степеней индивидуализации и можно говорить о ее градации.

Никто не будет настаивать на том, что, например, *Александр* (идионим) *Сергеевич* (патроним) *Пушкин* (анхистоним), *Москвич* (паройконим), *Русский* (этноним) и т. д. имеют одну и ту же степень индивидуализации. Две полярные функции в лексике – функция классификации (генонимизации, генерализации) и функция индивидуализации (эйдонимизации, специализации) – не только сосуществуют, но и имеют свои градации. Результатом проявления эйдонимической функции оказывается отложение в лексике более или менее определенного слоя эйдонимов, но, кроме того, само существование этой функции приводит к возможности превращения генонимов и их комбинаторных эквивалентов в эйдонимы и их комбинаторные эквиваленты, как, например, «Кому на Руси жить хорошо?» (нарицательная фраза с вопросительной интонацией) и «Кому на Руси жить хорошо?» (название известной поэмы Н. А. Некрасова). Критерий непереводимости не следует безоговорочно отбрасывать для собственных имен, но признать его определяющим совершенно невозможно. В. Манчак явно противоречит сам себе, с одной стороны, причисляя «этнические названия» к собственным именам, а с другой – объявляя их непереводимыми. Общеизвестно, что почти все этно-

нимы (за исключением некоторых несклоняемых, вроде названий национальных меньшинств Китая и народностей китайско-тибетской группы: *буи, дун, шуи, ли, цзяжун, цян* и др.) приходится переводить на наш язык или, во всяком случае, адаптировать в нашем языке (соответственно – в других языках), напр.: *die Deutschen* – итал. *i Tedeschi*, фр. *les Allemands*, исп. *los Alemanes*, гр. *οι Γερμανοί*, венгер. *a Nemetek*, русск. *Немцы*, укр. *Німці* и т. д.

Когда римляне переводили с греческого языка, *Зевс* у них превращался в *Юпитера*, *Гера* – в *Юнону*, *Гермес* – в *Меркурия*, *Гефест* – в *Вулкана*, *Гестия* – в *Весту*, *Деметра* – в *Кереру*, *Афина* – в *Минерву*, *Посейдон* – в *Нептуна*, *Афродита* – в *Венеру*, *Арес* – в *Марса* и только *Аполлон* оставался *Аполлоном*. Подобно этому в наших учебниках истории английский король John Lackland (1199–1216) превращается в *Иоанна Безземельного*, бургундский герцог Charles le Téméraire (1467–1477) – в *Карла Смелого*, французский король Louis XI (1461–1483) – в *Людовика XI* и т. д.

Можно сказать даже, что всякая передача иноязычного собственного имени средствами (фонетическими и фономорфологическими) данного языка должна рассматриваться как перевод, так, например, обстоит дело с соответствиями англ. *John* ~ русск. *Джон*; фр. *Jean* ~ русск. *Жан*; нем. *Johann(es)* ~ русск. *Йоганн(ес)* и т. п.

Но даже если мы исключим все эти соображения и будем считать случаи вроде итал. *Italiani* = польск. *włochy*, итал. *Italia* = польск. *Włochy* исключением из установленного В. Манчаком правила, то и тогда автор правила непереводимости собственных имен должен будет согласиться с необходимостью перевода с языка на язык собственных названий литературных произведений (эргонимов): ведь в польском переводе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова называется «*Bohater naszych czasów*», «Мертвые души» Н. В. Гоголя – «*Martwe dusze*», «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского – «*Zbrodnia i kara*», «Война и мир» Л. Н. Толстого – «*Wojna i pokój*», «Поднятая целина» М. А. Шолохова – «*Zorany ugór*» и т. п.

А разве на польской географической карте мира за пределами Польши мы не найдем множества географических названий, которые можно считать переведенными на польский язык, напр.: *Morze Północne*, *Wielka Rafa Koralowa*, *Wyspa Bożego Narodzenia*, *Wyspa Wielkanocna*, *Przylądek Igielny* – рядом с объявленным исключением *Przylądek Dobrej Nadziei*? Короче говоря, статистики в пределах первых 32 статей энциклопедии явно недостаточно для того, чтобы наряду с критикой «индивидуализационной концепции» эйдонимического материала выдвинуть критерий его непереводимости. Однако надо отдать справедливость автору в том, что он последователен в своей критике структурализма с позиций натуралистической лингвистики.

Здесь мы подходим к вопросу о том, в какой мере отложившийся в натуральных языках слой эйдонимической лексики можно считать системой в сосюррианском, или структуралистическом, ее понимании. Выше мы уже цитировали мнение Т. Милевского, отрицавшего «системный характер» этого слоя. Действи-

тельно, если речь идет о статической, синхронической и замкнутой системе лингвистических знаков, придется согласиться с Т. Милевским.

Определение эйдониимии, или отложившегося в лексике данного языка в данное время слоя собственных имен, как системы или как не-системы потребовало бы от нас, во-первых, предварительного универсального определения понятия *системы* вообще, а во-вторых, определения понятия *лингвистической системы*, то есть системы (микросистемы) в пределах натурального языка, рассматриваемого как система (мегасистема), или структура, и, наконец, в-третьих, определения понятия *лексической системы*, предусматривающее не только определение лексики как системы, но и систем в пределах лексики. От этого последнего мы можем освободиться, сославшись на достаточно обстоятельную книгу А. А. Уфимцевой «Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка)» (М., 1962).

Ясно, что в настоящее время, когда речь идет о *системе* как научном термине, никто не станет отождествлять систему просто с *набором* или *совокупностью*, потому что неперемненными семантическими компонентами понятия системы являются *связи* (точнее – взаимосвязи), или *отношения* (точнее – взаимоотношения). Таковы определения системы, данные не только в «Словаре лингвистических терминов» Жюля Марузо (цитированного А. А. Уфимцевой в ее работе, с. 7) и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (цитированного ею же, с. 9), но и в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966, с. 412), и в «Словаре современного русского литературного языка» (т. XIII, М.– Л., 1962; с. 854–856) и т. д.

Обычно под *системой* подразумевается синхронически рассматриваемая совокупность частей некоего целого, определяемого взаимосвязями этих частей, то есть имеется в виду система в абсолютном равновесии, уравновешенная, в статике, или статическая система. Но поскольку статика для языка и в частности для лексики есть научная абстракция или прием изучения, приходится представлять себе систему в движении, в изменении, в развитии, а для этого нужно противопоставить понятию статической системы понятие динамической системы. Понятие *динамической системы* в области лексики предполагает существование относительно устойчивого *реляционного каркаса*, то есть *лексико-семантических взаимосвязей*, и относительно изменчивого набора лексических элементов. В смысле относительной устойчивости названных взаимосвязей и надо, по нашему мнению, понимать целостную, присущую данному языку лексико-семантическую систему с ее смысловыми взаимосвязями, о которых сказано в цитированном выше трактате А. А. Уфимцевой (с. 9–10).

В изменчивом в исторической перспективе наборе лексических элементов, удерживаемом до поры до времени в своей целокупности смысловыми взаимосвязями, своего рода семантическими парадигмами, так называемые *лексико-семантические группы* (термин, употребляемый А. А. Уфимцевой), или *лексические темы* (так мы предлагаем называть их для краткости), составляют некоторую классификационную, или таксономическую, систему.

А. А. Уфимцева аргументировала противопоставление «понятийных (семантических) полей» Йоста Трира (Jost Trier) лексико-семантическим группам слов.

Так или иначе, с таксонимией, или с семантической классификацией лексики, до сих пор дело обстоит неважно, и автор «Опыта изучения лексики как системы» должен был признать, что: «лексико-семантическая группа не может быть единицей словарной структуры языка по причине относительного характера границ этой группы. Рассматривая слово даже в синхронном плане, невозможно очертить строгие границы лексико-семантических групп» (с. 139).

Нам кажется, что в данном случае автор названного трактата слишком ригористически подошел к возможному использованию лексико-семантической группы как таксономической величины в лексикологии (соответственно – и в семасиологии). Когда мы имеем дело с величинами всех уровней или, как мы предпочитаем говорить, всех систем языковой структуры, то не можем не констатировать относительного характера их границ, будет ли это фонема, морфема, лексема, семантема и т. д.

Без учета последовательного противопоставления семантических полей и лексико-семантических групп составляются так называемые тематические словари различных языков. Можно критиковать принципы составления тематических словарей в смысле классификации лексического материала, но безрассудно было бы отрицать пользу этой классификации вообще. Мы не знаем причины, по которой у нас в Советском Союзе до сих пор нет в школьном или более широком обиходе тематического словаря русского языка, но, вероятно, его отсутствие связано с трудностями разработки вполне удовлетворительной тематической классификации лексического материала.

По вполне понятным практическим соображениям (трудность определения лексического минимума) известные нам тематические словари не содержат *темы* (или лучше сказать – *супертемы*) «Собственные имена и названия». В связи с этим обстоятельством не может не возникнуть мысль о пользе существования «Словаря собственных имен и названий в русском языке».

Если признавать тематическую классификацию лексики хотя и несовершенной, но все-таки системой, определяющей не только фактический состав классов, но и их взаимоотношения, семантическую или даже лексико-семантическую субординацию, то придется признать, что и эйдонимическая лексика обнаруживает системный характер, хотя и не является замкнутой и статической системой. Уточняя вопрос о системном характере эйдонимической лексики, можно было бы еще сказать, что в любом натуральном языке она представляет набор лексических элементов с функцией индивидуализации, или собственно эйдонимической функцией, с заложенной в нем возможностью распределения по некоторым смысловым категориям, находящимся в отношениях субординации друг к другу.

Определяя семантику (значение, смысл, смысловое значение, содержание, смысловое содержание) какого-либо лексического элемента и прежде всего дискретной лексемы, мы ставим наше определение в речи в зависимость от а) об-

становки, или ситуации, сообщения и б) контекста, а в языке – в зависимость от словарного смысла, определяемого суммой потенциальных контекстов данного лексического элемента.

Коннотация дискретной лексемы осуществляется в данной ситуации (ситуативная коннотация) и в данном контексте (текстуальная, или контекстуальная, коннотация). Человек, указывающий на ночном небе на яркую звезду и спрашивающий рядом находящегося человека: «Вега?» – получает утвердительный ответ: «Вега!» (то есть: «Да, это она!»). Это можно назвать ситуативной коннотацией. В предложении: «Яркая звезда, которую ты видишь в зените, – это Вега в созвездии Лиры» – имеется текстуальная коннотация эйдонимов из порядка космонимов: *Вега* и *Лиры*. В обычном толковом словаре русского языка, мы, разумеется, не найдем этих эйдонимов, но в энциклопедии или в словаре собственных имен и названий содержание их должно быть раскрыто указанием на их денотаты (иначе – десигнаты, или референты).

Таким образом, хотя эйдонимы по своей функции в языке и в речи полярно противопоставлены генонимам, можно говорить об их смысловом содержании, потому что у них, как и у нарицательных элементов, есть и денотация и коннотация. Только их денотация определяется не классификационной, а индивидуализационной функцией.

Наконец, нам осталось еще рассмотреть вопрос о противопоставлении когерентного и ингерентного признаков, так как в определении койнонимов как порядка подкласса антропонимов ингерентный признак оказывается довольно важным. На наш взгляд, он заметнее всего проявляется именно в антропонимической койнонимии.

Спускаясь или поднимаясь по классификационной лестнице животного мира, мы доходим, например, до класса млекопитающих (*Classis Mammalia*), затем до порядка, или отряда, хищных, или плотоядных (*Ordo Carnivora*), до подпорядка, или подотряда, раздельнопалых (*Subordo Fissipedia*), до надсемейства собаководных (*Superfamilia Canioidea*), до семейства медвежьих (*Familia Ursidae*), до рода медведей (*Genus Ursus*), до вида «бурый медведь» (*Species Ursus arctos*) и, наконец, минуя разные подвиды (*subspecies*) и разновидности, или породы (*varietates*)²²⁰, до известного всем кинозрителям представителя бурых медведей под именем *Гоша* – героя превосходного кинофильма «Король манежа». В данном случае *Гоша* является бесспорным зоонимом – собственным именем, выдуманным людьми для индивида из мира животных. Индивида *Гошу* от предшествующих таксономических категорий, логически рассуждая, не отделяет какой-либо ингерентный признак. С точки зрения элементарной логики (*sub specie temporum nostrorum*), индивид, прозванный затем дрессировщиками *Гошей*, родился как представитель вида бурых медведей, рода медведей, семейства медвежьих, подотряда раздельнопалых, отряда хищников и так далее и как представитель всех этих категорий «от рождения» наделен ингерентным признаком *быть таким, но не иным*. Однако положение меняется, если мы становимся не на элементарно ло-

²²⁰ Систематика заимствована из шеститомного издания «*Urania Tierreich*» (Säugetiere, VI-er Band), Leipzig – Jena – Berlin, 1967.

гическую точку зрения общей эволюции видов животного мира. Медведь Гоша, конечно, и *sub specie aeternitatis* («с точки зрения вечности»), остается данным, а не другим медведем, но его вид, род, семейство, отряд, класс не возникли как таковые, а постепенно стали такими, какими они являются теперь. Следовательно, ингерентные признаки абстрактных категорий при изменении точки зрения перестают быть ингерентными и становятся когерентными. То, что данный медведь рождается медведем, остается его ингерентным признаком, но то, что млекопитающее вообще рождается млекопитающим с точки зрения эволюции животного мира не может рассматриваться как ингерентный признак, если мы знаем, что класс млекопитающих когда-то в верхнетриасовых отложениях мезозойской эры отделился от общего для них, птиц и пресмыкающихся ствола эволюционного древа²²¹.

Ингерентный признак тогда приобретает свое определяющее значение, когда мы начинаем рассматривать *коллективные имена* (названия коллективов), или *имена сообществ*, названные нами койнонимами, как особый порядок подкласса антропонимов того слоя лексики, который с древнейших времен называется описательно собственными именами, а нами для краткости и терминологической последовательности назван эйдонимами, то есть словами (соответственно – эквивалентами слов) с эйдонимической, или индивидуализационной, функцией. Мы уже говорили, что с точки зрения элементарной логики койнонимы при наличии у них как единственного, так и множественного числа не могут считаться собственными именами, потому что эйдонимическая функция доходит в них до идентификации натурального множества при одновременной идентификации натуральных единиц (дискретных объектов действительности) как принадлежащих к одной из низших ступеней классификационной лестницы. Иной будет собственно лексическая точка зрения. С этой точки зрения ингерентный признак (быть только таким, родиться таким) распространяется не только на идентифицируемую койнонимом единицу, но и на всю низшую ступень классификационной лестницы, на ту таксономическую величину, к которой относится идентифицируемая единица.

В койнонимии, очевидно, совершенно невозможен такой супплетивизм, при котором единственное число генонимической лексики выражается одной основой, а множественное – другой, напр.: русск. *человек*, но *люди*, болг. *човек*, но *хора*, нем. *der Mensch*, но *die Leute* и т. п. Единственное и множественное числа (их формы) непременно связаны одной и той же основой, и формам множественного числа, очевидно, приписывается тот же индивидуальный, неповторимый, неотъемлемый признак, что и формам единственного числа. Нельзя отрицать, однако, и того, что ингерентный признак иногда превращается в когерентный, то есть перестает быть достаточным для отделения койнонимов от генонимов. В этом мы усматриваем переходный, или промежуточный, характер порядка койнонимов, своего рода лимитрофов на границе устоявшихся генонимического и эйдонимического слоев лексики.

²²¹ См. напр.: Маркевич О. П. Походження і розвиток тваринного світу. – К., 1955. – С. 134–139.

Ярким примером перехода ингерентного признака в когерентный и вытекающей из него невозможности установить, идет ли речь об антропонимическом койнониме или о койнониме генонимическом, следовательно, с когерентным признаком, является, как нам кажется, следующий. Вспомним о *Днепровских порогах*, *Запорожской Сечи* и *запорожцах*. Очевидно, следует различать: вообще (какие-то) пороги на Днепре (в этом случае *пороги* – географический термин, геноним) и *Пороги на Днепре*, если имеются в виду конкретные девять порогов ниже села Чапли, теперь затопленные плотиной Днепрогэса.

В первом случае мы могли бы также сказать – *днепровские пороги*, а во втором – только *Днепровские пороги*, и все вместе это должно быть определено как топоним с номенклатурным термином.

Если при возможном эллипсе в комбинаторном топониме *Днепровские пороги* у нас останется только слово *пороги*, оно превратится в топоним *Пороги*, так как будет использовано для суммарного обозначения девяти бывших порогов: *Старокайдацкого*, *Сурского*, *Лоханского*, *Звонецкого*, *Ненасытецкого*, *Волнигского*, *Будиловского*, *Лишнего* и *Вольного*²²².

Сечью, как известно, называлась просека в лесу или кустарниковых зарослях и вообще расчищенное для жилья место.

В памятниках украинского языка слово *Січ*, очевидно, встречается уже как топоним, а не геноним (ср. прилагательное *січковий* – относящийся к Запорожской Сечи, паройконим *січовик* – житель Запорожской Сечи в «Словаре украинского языка» Б. Д. Гринченко, т. IV, с. 129). Известно, однако, также, что *Сечь* была не одна: были *Старая Сечь* (до 1709 года), *Алешковская Сечь* (1711–1734), *Новая Сечь* (на р. Подпольной, до 1775 года) и *Задунайская Сечь* (1776–1828). В этих названиях само слово *Сечь* может рассматриваться как историко-географический номенклатурный термин.

Само собой разумеется, что генонимический койноним *запорожский казак*, *запорожские казаки*, обладающий убедительно выраженным когерентным признаком (казаками не рождались, а становились), нельзя рассматривать как антропоним в собственном смысле слова. Однако следует признать, что эпитет *запорожский*, как имеющий отношение к топониму *Запорожье* (области к югу от Днепровских порогов), можно считать апотопонимическим, а следовательно, если не эйдонимом, то тесно связанным с лексическим классом эйдонимов. Этой связью не следует пренебрегать: она, собственно, образует соединительное звено лексических классов генонимов и койнонимов, которые при полярном различии своих функций соединены, так сказать, материально, мостами словообразования.

Соответственно сказанному выше лексема *запорожец*, *запорожцы* может рассматриваться и как эйдоним-катойконим (житель Запорожья, области к югу от Порогов, в отличие от *запорожца*, *запорожцев* – жителей города Запорожья, бывшего Александровска), и как геноним-койноним (запорожский казак, казак запорожского войска). С лексической точки зрения нет полного параллелизма между *запорожский казак* и *запорожец*, хотя отрицать их равноценность с логико-семантической точки зрения не приходится.

²²² Днепр. Путеводитель. – М.: Водтрансиздат, 1954. – С. 199.

Нет полного параллелизма с лексической точки зрения и между названиями *житель Киева* и *Киевлянин*, потому что в первом случае лексема *житель* с классификационной функцией и когерентным признаком квалифицируется как типичный геноним, а лексема (род. пад.) *Киева* (логико-семантически равноценная прилагательному *киевский*) выступает как типичный эйдоним-топоним (астиним), между тем как во втором случае перед нами типичный койноним-паройноним с его индивидуализационной функцией и предполагаемым ингерентным признаком (лексически безразлично: «рожденный и живущий в Киеве», «рожденный, но не живущий в Киеве», «нерожденный, но живущий в Киеве» – важной оказывается тесная связь с лексемой – эйдонимом *Киев*).

Итак, логико-семантическая точка зрения на лексику приводила и приводит к недоучету лексической специфики, то есть особенностей лексической системы языка в ее понимании как системы динамической, а не статической. С этой точки зрения, которая навязывает лексикологии натуралистический подход к ее предмету, считается возможным метафизическое расщепление всей лексики на два лексических класса – собственные имена (и названия) и нарицательные слова, оставляя в стороне вопрос о переходных, или промежуточных, классах и натуралистически, а не собственно лингвистически понимая функции классификации и индивидуализации.

В отличие от этой точки зрения мы, имея дело с исследованиями лексического материала натуральных языков, считаем вполне оправданной и лингвистически обоснованной лексическую, или лексикологическую, точку зрения, согласно которой существующие в языке функции классификации и индивидуализации приводят к отложению в лексике генонимических и эйдонимических лексем. Эти два слоя не следует, с нашей точки зрения, рассматривать как строго разграниченные, полярные классы, но необходимо признать и изучать их многообразные связи как диахронически, так и синхронически. К лексике можно подходить как со стороны генонимического, так и со стороны эйдонимического слоя. В первом случае внимание сосредоточивается на генонимической, или классифицирующей, лексике, во втором – на эйдонимической, или индивидуализирующей, лексике.

Если индивидуализация не достигает нижнего своего предела – идентификации натуральных, или природных, объектов (в антропонимии – субъектов), границы лексических слоев генонимии и эйдонимии становятся легко переходимыми. Тогда вопрос о принадлежности лексем и их комбинаторных эквивалентов решается в пользу первого или второго слоя на основании словообразовательных связей в языках с развитой деривацией. В этом случае мы склонны переходный, или промежуточный, порядок антропонимических койнонимов (с присущим ему лексически существенным, а логико-семантически несущественным ингерентным признаком) относить к слою эйдонимов, а не генонимов.

Нам кажется, что нельзя не согласиться с выделением в лексике порядка антропонимических койнонимов, поскольку нельзя отрицать практического удобства изучения койнонимического материала в связи с прочим эйдонимическим материалом.

Еще один критерий может быть применен к определению места койнонимов в лексическом составе языка. Его можно назвать критерием перифразы, или перифрастической трансформации. Если мы хотим описательно (перифрастически) и по возможности точно раскрыть смысловое содержание лексемы, как это делается в толковых или энциклопедических словарях, то должны будем при раскрытии содержания генонима ссылаться только на генонимы, напр.: «*полководец* – предводитель войска, командующий армией». Напротив, при раскрытии содержания эйдонима (точном или достаточно полном) мы должны пользоваться, кроме генонимов, еще и эйдонимами, напр.: «*Мильтиад* – афинский полководец, под водительством которого греки одержали победу над персами при Марафоне в 490 г. до н. э.». Понятно, что такое раскрытие содержания эйдонима-антропонима *Мильтиад*, как просто *Мильтиад-полководец*, будет довольно неточным и неполным и не его мы имеем в виду, говоря о критерии перифразы. Понятно также, что имеется в виду некоторый минимум перифрастически выраженной информации, потому что соответствующий ему максимум должен содержать все имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Мильтиаде – сыне Кимона, брате Стесагора, афинском архонте в 524 г. до н. э., женатом на Гегесипиле, дочери фракийского царя Олора, прогнавшем пеласгов с острова Лемнос и содействовавшем персидскому царю Дарию в его походе против скифов и т. д., и т. д.

При использовании критерия точной или достаточно полной перифразы в нашем понимании для раскрытия содержания койнонима (антропокойнонима) так же, как и прочих эйдонимов, оказываются необходимыми, кроме генонимов, и эйдонимы, напр.: «*Филаид* – *филаиды* – один из аристократических родов Аттики, к которому принадлежали старший Мильтиад и его племянник младший Мильтиад» и т. д.; «*Аттик* – *аттики* – житель (жители) Аттики, страны на Востоке Средней Греции» и т. д.; «*Фракиец* – *фракийцы* – (1) житель (жители) Фракии, (2) *фракиец* – представитель одного из фракийских племен; *фракийцы* – в древности союз племен, говоривших на индоевропейском языке (диалектах), известном в настоящее время только по собственным именам, географическим названиям, скудным глоссам античных лексикографов, а также очень немногочисленным эпиграфическим памятникам» и т. д. Таким образом, критерий перифразы сближает койнонимы с лексическим классом эйдонимов.

Последний вопрос, которого мы здесь коснемся, – это вопрос о возможном противопоставлении двух отраслей лексикологии: ономастики как науки о первичных номинативных элементах и эйдоники как науки об элементах с функцией индивидуализации, как науки об эйдонимах. В случае такого размежевания из компетенции ономастики – науки об именах вообще, о номинативных элементах, то есть именах существительных и субстантивируемых элементах, – не исключается изучение эйдоники, а эйдонимика может рассматриваться как ответвление ономастики с более узкой компетенцией.

В пределах эйдоники, по нашей схеме, разветвляющейся в сторону антропонимики и монадонимики, койнонимика представляет ответвление антропонимики. До сих пор под антропонимами понимали только идионимы (личные имена людей), анхистонимы (фамилии) и генетлонимы (конечно, в том случае,

если вторые можно отделить от третьих). Этнонимику без особых теоретических оснований, но как тесно связанную с топонимикой, практически включали в ономастику, несмотря на ономастическое несовершенство (бинумерализм) идентифицируемых этнонимами дискретных или коллективных объектов.

Между филонимами и этнонимами оставался «ничейный» материал, который в нашей терминологии получил название ойкистонимов. Эти ойкистонимы в меньшей мере, чем этнонимы, тесно связаны с топонимами, неизбежно оказываясь их дериватами.

Граница между ойкистонимами (в частности, катойконимами) и этнонимами остается совершенно открытой. Выше уже говорилось о характерном для нашего времени превращении этнонимов в политонимы. Очень трудно, например, определить сейчас, что такое *американец*: житель американского континента (катойконим), представитель какого-то американского этноса (этноним) или гражданин Соединенных Штатов Америки (политоним). Неоспоримой является только связь этого койнонима с топонимом *Америка*.

Согласно нашей схеме, ойкистонимы находят свое место между филонимами и этнонимами в порядке койнонимов. Изучением этого порядка, по нашему мнению, должна заниматься койнонимика (точнее – антропонимическая койнонимика, или антропокойнонимика) как отрасль эйдониимики. Кроме этой койнонимики, можно себе представить еще и другую, которая должна быть отраслью ономастики в указанном выше смысле, изучать названия групп, или сообществ, животного мира (или еще шире – названия всякого рода физиогенных или антропогенных однородных множеств).

4

Если вопросы систематики в эйдонимике на современной нам ступени ее разработки можно считать в известной мере решенными, то вопрос об исследовательских методах требует еще своего освещения.

Выше уже говорилось об историческом и о собственно сравнительно-историческом подходах к ономастическому и в частности к эйдонимическому материалу. Мы не настаиваем на том, что возможен только такой подход к интересующему нас вопросу.

В настоящее время все шире распространяется идея формального и количественного (квантитативного) изучения материала любого качества и в том числе, конечно, языкового материала.

Историческое исследование в равной мере и там, где это фактически возможно, основывается и на качественных, и на количественных критериях. Было бы явной нелепостью, располагая количественными критериями, не воспользоваться ими для обобщений. Такой же нелепостью было бы отбрасывание качественных критериев и использование для обобщений только количественных.

Историческая наука в широком плане, а значит, историческая лексикология и в частности эйдонимика, по самому характеру своему, изучая прошлое, имея перед собой историческую перспективу, не может не пользоваться методом мо-

делирования, хотя, может быть, не в той мере, в какой это делает современная структуральная лингвистика.

Описательную, или синхроническую, эйдониимику мы рассматриваем только как подступ к историческому изучению эйдонимического материала. Основой основ эйдонимического исследования должно быть понимание неразрывной связи изучаемого материала с историей общества, накопившего и использующего этот материал. Только историческое (соответственно – историко-филологическое) исследование дает нам возможность определять генетические связи эйдонимов с генонимами *et vice versa*.

Представьте себе, чего мы достигли бы, например, пренебрегая исторической перспективой в исследовании потамонимов *Тигр* в Месопотамии и *Тетерев* на Украине.

Махнувши рукой на исторические детали, мы объявили бы, пожалуй, что *Тигр* получил свое название от обитавших на его берегах тигров, сославшись при этом на существование в бассейнах рек Волги и Дона потамонима *Медведица* (вот уже и зоонимическая группа потамонимов!), и что *Тетерев* – правый приток Днепра – назван так из-за обилия тетеревов, обитавших в прибрежных лесах, и вместе с потамонимом *Ворона* – название правого притока р. Хопра – должен быть причислен к группе орнитонимических потамонимов (!).

Можно, конечно, напомнить читателям, что ТІГРІΣ, или ТІГРΗΣ, – это всего лишь греческое изобретение на основе иноязычного названия, и оно не дает права на какие-либо дальнейшие выводы, кроме того, что при заимствовании и адаптации иноязычного эйдонима на его месте может оказаться в какой-то мере созвучный ему геноним языка, заимствовавшего и адаптировавшего заимствование.

Сложнее дело обстоит с нашим *Тетеревом*. Во-первых, на Украине, действительно, немало зоонимических и даже орнитонимических потамонимов. Интересующихся отсылаем к «Каталогу рек Украины», где можно найти *Быка* (*Бычиху* и *Бычка*), *Белку*, *Бобра*, *Волка* (*Волчика*), *Жеребца*, *Корову*, *Куну* (*Куницу*), *Медведя*, *Свинью* (*Свинку*), *Соболя* и *Тура*, а также *Ворону*, *Галку*, *Голубицу*, *Гуску* (*Гусочку*), *Гуся*, *Журавля*, *Казарку*, *Курицу*, *Синицу*, *Славку*. Единственно, чего не удастся найти, – это их истории! А без нее мы не можем определить, как эти потамонимы относятся к соответствующим им по звучанию генонимам, первичным зоонимам и орнитонимам.

В «Обратном словаре гидронимов» (Правобережной Украины) О. Н. Трубачева *Тетерев* (укр. *Тетерів*) попал из-за своего окончания в неважное для его «птичьего» происхождения окружение: рядом с ним оказываются такие антропонимогенные потамонимы, как *Бондарев*, *Воротичев*, *Гринев*, *Игорев*, *Колонтаев*, *Королев*, *Маломужев* (с. 32). Это наводит на размышления о том, не замаскировано ли здесь под птичьим названием нечто такого же антропонимического происхождения. Так, потамоним *Тетерів* легко мог заменить первоначальное *Титарів* (например, *Титарів хутір*, *Титарів ручай*). Слово *титар* (ктитор, церковный староста) до революции было довольно обычным в украинской лексике (койноним с когерентным признаком принадлежности к профессиональной группе) и имело много производных, в том числе ставших анхистонимами (ср. в «Словаре» Б. Д.

Гринченко, т. IV, с. 263: *титар* > *титаренко*, *титариха*, *титаришин*, *титарів*, *титарівна*, *титарня*, *титарство*, *титарювання*, *титарювати*). Наряду с этим нельзя не обратить внимания на то, что в современном украинском языке название птицы *Lugus tetrix* L. – *тетерев* – не совпадает с названием реки – *Тетерів*. В «Словаре» Б. Д. Гринченко отмечены: *тетера* (*тетерка*, *тетеронька*, *тетерочка*, *тетірка*), *тетервак*, *тетерець*, *тетериця*, *тетерук*, *тетерюк*, *тетеручка*, *тетерючка*, *тетеря* (*тетерька*, *тетеренька*, *тетеречка*), при этом отсутствие формы *тетерев* может быть случайностью. В таком случае вероятность того, что гидроним *Тетерів* и подобозвучное название птицы изначально были связаны, значительно уменьшается. На Украине есть еще две речки с названием *Тетеревка*. Одна из них является притоком самого *Тетерева*, а другая принадлежит к бассейну Южного Буга. Ясно, что первая *Тетеревка* получила свое название от более крупной реки *Тетерева* как ее приток. Относительно второй – нет никакой ясности.

Высказанные здесь соображения могут разочаровать тех, кто полагает, что исторические истины (а в их числе и этимологические) устанавливаются лишь путем рассуждения, а не путем трудоемких изысканий в архивах и на покрытых многолетней пылью книжных полках. А ведь для успешных изысканий требуются еще и разнообразные знания и не обойдется дело без счастливого случая.

В рассмотренных выше двух примерах только первый оказался счастливым, ибо достоверно известно, как река *Тигр* называлась иначе до знакомства с ней древних греков. Для названия реки *Тетерев* еще не встретилось счастливого случая и высказанная догадка о замене названия вроде **Титарів* названием *Тетерів* так и останется догадкой без документального подтверждения.

Надо признать, что сравнительно-историческое исследование без сочетания с историко-филологическим исследованием имеет свои границы, и на эти границы мы скорее наталкиваемся при изучении эйдонимической лексики, чем при изучении генонимической лексики.

Сегодня в изучении эйдонимической лексики еще не приходится говорить о достижении «высокой степени формализации», о которой пишут авторы «Элементов математической лингвистики» (М.: «Наука», 1969. – С. 9) А. В. Гладкий и И. А. Мельчук.

Поскольку лексика любого натурального языка развивалась на основе антропоцентризма и антропоморфической проекции отраженного в человеческом мышлении мира в этот самый мир, по-прежнему приходится в изучении лексики как генонимической, так и эйдонимической ссылаться на «человеческий фактор», но не в смысле его субъективизма, а в смысле его коллективизма.

Мы надеемся, что в намеченной в данной работе схеме эйдонимического слоя лексики читатель найдет представляющие исторический, историко-географический, этнографический, филологический и собственно лингвистический интерес лексические детали.

О согласовании изучения различных ступеней развития греческого языка¹

---

1. Среди индоевропейских языков греческий язык (вернее греческая группа языков) выделяется наличием непрерывной документации на протяжении приблизительно 3500 лет (от XV – XIV в.в. до нашей эры, ср. крито-микенские тексты). Уже в связи только с одним этим обстоятельством представляется весьма желательным, чтобы наряду со специальностью «филолог-классик» у нас существовала еще специальность «филолог-эллинист».

2. В настоящее время в СССР нет достаточного количества специалистов высокой квалификации по древнегреческому и новогреческому языкам, однако потребность в них несомненно существует, если не в стенах средней школы, то, во всяком случае, на факультетах общественных наук наших вузов, в библиотеках, издательствах, музеях и других культурных и просветительных учреждениях.

3. Греческий язык на протяжении своей 35-вековой истории представляет исключительно ценный материал для языковедов, изучающих проблемы взаимодействия составных частей языка, взаимодействия языков, вопросы фонетических, морфологических, синтаксических и лексических изменений.

4. Знакомство с греческим языком необходимо для всех занимающихся вопросами сравнительно-исторического языкознания и в особенности сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков; оно в высшей степени полезно для изучающих любой европейский язык и особенно для славистов и русистов.

5. До сих пор еще исследовательская работа в области греческого языка после Октябрьской революции является в нашей стране одним из самых непопулярных занятий советских филологов. Практически греческий язык у нас изучают только студенты и аспиранты отделений классической филологии трех универси-

---

¹ Уперше опубліковано в: Первая Всесоюзная конференция по вопросам классической филологии. Программа и тезисы докладов. – Ленинград, 1957. – С. 57-58.

тетов СССР и в очень скромных размерах некоторые другие филологи и историки античного мира.

6. Исследовательская работа в области новогреческого языка и литературы не может у нас считаться в настоящее время хоть сколько-нибудь удовлетворительной как по своим размерам, так и по своим достижениям. Для организации практического изучения этой области почти ничего не сделано.

7. С историей греческого языка связан важный теоретический вопрос о периодизации истории языков. Так, например, эллинистическая койнэ относится к древнегреческому языку, хотя она содержит основные признаки новогреческого языка (димотики). Новогреческая «кафаревуса» во многом ближе к «древнегреческому языку», чем к новогреческой «димотике».

8. В учебной литературе по языкознанию древнегреческий, византийско-греческий и новогреческий нередко противопоставляются не только как ступени развития одного и того же языка, но и как в достаточной мере самостоятельные языки (подобно, например, латинскому и итальянскому): такое противопоставление нельзя признать лингвистически обоснованным.

9. Древнегреческие диалекты доэллинистической эпохи следует рассматривать как близкородственные языки, составляющие греческую группу языков. Димотика и новогреческие диалекты являются непосредственным продолжением развития эллинистическо-римской койнэ; кафаревуса является компромиссом между этой койнэ и новогреческой димотикой.

10. Для византийского периода развития греческого языка характерно сосуществование двух языковых разновидностей: архаизирующего письменного языка и византийской фазы койнэ, которая в первой половине второго тысячелетия н.э. постепенно переходит в новогреческий язык (димотику); следовательно, уже для этого периода характерным было «двуязычие».

11. Противопоставление древнегреческого, византийско-греческого и новогреческого основано преимущественно на хронологическом принципе: с лингвистической точки зрения можно противопоставить а) древнегреческие диалекты, б) эллинистическо-римскую койнэ и в) новогреческие диалекты с двумя письменными языками (димотикой и кафаревусой).

12. Так как наиболее существенные черты койнэ III в. до н.э. — III в. н.э. характеризуют в то же время и ту ступень развития греческого языка, которую называют «новогреческой», переход от знакомства с аттическим диалектом и этой койне к знакомству с новогреческим языком представляет не больше трудностей, чем, например, переход от изучения аттического диалекта к «гомеровскому» диалекту и прочим литературным древнегреческим «диалектам».

13. Для будущих филологов-эллинистов необходимо создать учебные пособия по истории греческого языка, излагающие важные для датировки текстов основные факты и охватывающие памятники древнегреческих диалектов, эллинистическо-римской койнэ, обеих языковых разновидностей новогреческого языка и его диалектов (включая диалекты Италии, цаконский, кипрский, понтийский и приазовский).

14. Изучение греческого языка представляется необходимым в связи с развитием балканистики или балкановедения, под которым следует понимать комплексное изучение языков, истории и культуры народов Балканского полуострова (албанцев, греков, славян и балкано-романских народов). Для балканистики особенно важным оказывается знание греческого языка на разных ступенях его развития.

15. Несмотря на исследования советских диалектографов, до сих пор место так называемых мариупольских говоров (их предпочтительнее называть – приазовским диалектом) среди прочих новогреческих диалектов остается еще не выясненным. Дальнейшее исследование этого языкового материала является задачей советских эллинистов.

16. Установление связи между классической филологией и нефилологией диктуется интересами обеих наук и практическими потребностями в области подготовки специалистов-эллинистов («филологов широкого профиля»), которые могли бы найти себе разнообразное применение в нашей стране.

Отношения компонентов языка¹

В нижеследующем речь идет не об отношениях и связях явлений и процессов, наблюдаемых в объективной действительности, но лишь об отношениях составных частей, или компонентов, любого естественного, т.е. исторически сложившегося, языка, об отношениях языковых знаков, как знаков-интегралов, так и знаков-дифференциалов [1, 17-21].

Мы не будем давать здесь определения или определений того, что именно подразумевается под словом (эксформой) *отношение* в бытовой и в научной речи. Сошлемся на некоторые книжные источники, где можно найти такие определения. Мы имеем в виду «Логический словарь-справочник» Н.И.Кондакова [6, 418-419, 524], «Философскую энциклопедию» [9, 182-184, 570-571], «Philosophisches Wörterbuch» [8, 933, 935; 1180-1182] и «Dictionnaire de la linguistique» [5, 286], дающие возможные на данной ступени развития наших знаний определения понятий **отношение** и **связь**.

Согласно указанным определениям мы считаем **связь** одним из существенных видов отношений, или подмножеством открытого (инфинитного) множества отношений. Признавая, что **отношение** – это «одна из основных логико-философских **категорий**, отражающая способ (род) **бытия** (и познания)», *to pros ti* Аристотеля [10, 182], мы принимаем во внимание и то, что **связь** – это «специфированное **отношение**, при котором наличие (отсутствие) или изменение одних объектов есть условие наличия (отсутствия) или изменения других объектов» [11, 570].

Для изучения существующих в языке отношений едва ли есть смысл противопоставлять общие отношения специфированным отношениям – **связям**. Признавая человеческий язык гибкой, эластичной, или динамической, системой [2], мы тем самым должны признать все наблюдаемые в нем отношения именно связями, совокупность которых определяет структуру данной системы в отличие от прочих систем.

---

¹ Уперше опубліковано в: зб. Структурна і математическа лінгвістика / Ежегодник по структурной, прикладной и математической лингвистике. – К.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1977. – № 5. – С.3-9.

После Фердинанда де Соссюра стало общепризнанным противопоставление ассоциативных (парадигматических, или системных) и синтагматических (текстуальных, или текстовых) отношений (соответственно – связей, зависимостей) в языке.

Это противопоставление, основанное на двух формах существования человеческого языка как абстрактной системы и конкретных текстов², само по себе не вызывает сомнений, но требует уточнений при определении того, чем системные (парадигматические) связи, или отношения, отличаются от текстуальных (синтагматических).

При попытке установить различие между обоими видами отношений оказывается, что все системные связи должны обнаружиться в многообразии текстов данного языка. Поэтому правильнее было бы говорить не о наличии синтагматических и парадигматических связей, а о наличии текстуальных и интертекстуальных связей, т.е. связей, находимых в единичном тексте и во всей доступной исследователям совокупности текстов данного языка. Во всяком случае, характерные для данного человеческого, языка отношения компонентов конкретизируются в его текстах и в них они становятся доступными для изучения. Идя в изучении отношений компонентов от текстов к лежащей в их основе абстрагируемой системе, мы прежде всего замечаем различие между отношением «с крепкими связями», т. е. с «широкими основаниями» соотносимых элементов (иначе – членов, или субъектов), и отношениями «со слабыми связями», т.е. с «узкими основаниями» соотносимых элементов. При этом основания определяются не столько количеством, сколько качеством дифференциалов, или знакоразличительных признаков, соотносимых (находящихся в каком-то отношении друг к другу) элементов. Кроме того, учитывая, что текст это не только определенная последовательность сегментов – эксформ, но и их смысловой, или семантической, интерпретации, последовательность информ с их семантическими дифференциалами (иначе – семами, или семантическими «множителями»), надо различать формальные (эксформальные) и семантические (информальные) отношения, или связи. Сделаем оговорку, что под «сегментом текста» мы понимаем часть текста, выделяемую интерпретатором как знаковый (семиотический) компонент текста. Мы отличаем его от «фрагмента текста», не являющегося знаковым компонентом, но лишь его случайным (не интерпретируемым) «обломком». Добавим, что сегмент текста может состоять только из одной эксформы с диакритической функцией, например, звуковой тип (фонотип) [Ф] в словоформе «фон», или из эксформы с семантической функцией, например, словоформа «телефон». Таким образом, эксформа с семантической функцией интерпретируется как содержащая информу, хотя фактически она ее не «содержит», но лишь ассоциируется с ней.

Итак, воспользуемся двумя критериями для предварительной классификации отношений компонентов языковой системы, обнаруживающихся в текстах:

---

² Здесь «текст» в самом широком смысле как любое проявление, или реализация, не только в оптической (соответственно – графической), но и в акустической (звучащей) форме языковой системы.

1) отношения с крепкими связями и 2) отношения со слабыми связями, 3) экспформальные и 4) информальные отношения.

Во избежание возможных недоразумений мы должны подчеркнуть, что нижеследующая схема не может рассматриваться иначе, чем предварительная и тем самым еще довольно «грубая» классификация отношений компонентов языковой системы с ориентацией на синтетический тип индоевропейских языков и лишь с некоторыми оговорками относительно других типов³.

1. **КОНСТРУКТУРАЛЬНОСТЬ** – отношение, имеющее общим основанием структуру как экспформальных, так и информальных дифференциалов.

Мы различаем такие виды (или подвиды) конструктуральности:

1А. **Симморфизм** – отношение, имеющее общим основанием экспформальную структуру **ОКС–ЭФО**, пример: *бег У ~ дуг У*, где *У* – первое лицо единственного числа настоящего времени и т. д. глагола *бежать* и винительный падеж единственного числа существительного женского рода *дуга*. Частным случаем симморфизма является а) сингулярная и б) тотальная лексическая омонимия, вроде: а) *пила* (существительное) ~ *пила* (глагольная форма), *гол* (предикативная или краткая форма прилагательного *голый*) ~ *гол* (из английского *goal*), б) *клетка* (для животных) ~ *клетка* (квадрат на плоскости) ~ *клетка* (живого организма), *марка* (на конверте) ~ *марка* (торговый знак) ~ *марка* (денежная единица).

1Б. **Синноизм** – отношение, имеющее общим основанием информальную структуру, общую совокупность семантических дифференциалов **ОКС–ИФО**, пример: *рукОЙ ~ кулакОМ*, где один и тот же творительный падеж единственного числа, но разные его формы – женского рода и мужского рода. Частным случаем синноизма является лексическая синонимия, вроде *хочу ~ желаю, мучаюсь ~ страдаю, работаю ~ тружусь*, логически (по сумме семантических дифференциалов) близкие пары глаголов, но лексически дифференцированные и т.п., см. нашу классификацию семантических корреляций [7, 5-13], см. 9А, Б.

1В. **Параллагизм** – отношение, имеющее общим основанием и экспформальную и информальную структуру при некоторой фонической вариативности, или вариабельности, в пределах экспформы **ОКС–ЭФО+ИФО**, пример: *БЕГал ~ БЕЖал, ХОДил ~ ХАЖивал, НОСил ~ НАШивал* и т.п., т.е. фоническая альтернатива, или чередования, характерные для индоевропейских языков.

1Г. **Синолизм** – отношение, имеющее общим основанием и экспформальную и информальную структуры без каких-либо вариаций **ОКС – ЭФО+ИФО**, т.е. отношение тождества, или идентичности, пример: *берегУТ ~ стерегУТ*, где *УТ* – экспонент грамматических категорий третьего лица множественного числа глаголов в настоящем и будущем совершенного вида и т.д.

2. **ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ** – отношение части к целому и целого к части, отношение знака-дифференциала к знаку-интегралу et vice versa **ОКС – ИФО**, при-

³ Ввиду невозможности представить в нижеследующем развернутую классификационную схему мы даем свернутую схему с такими сокращениями: **ОКС** – отношение с крепкими связями, **ОСС** – отношение со слабыми связями, **ЭФО** – экспформальное отношение, **ИФО** – информальное отношение, **ЭФО + ИФО** – интегральное отношение, т. е. и экспформальное и информальное.

мер: отношение сегментов текста к целому тексту, отношение члена парадигмы к целой парадигме, отношение парадигмы к парасистеме, отношение парасистемы к катасистеме, отношение катасистемы к анасистеме [3].

3. **ИНКЛЮЗИЯ (ВКЛЮЧЕНИЕ)** – отношение неотделимых дифференциалов к интегралу **ОКС – ЭФО**, пример [s] и его неотделимые фонодифференциалы – согласный, глухой, переднеязычный, дорсальный, фрикативный (щелевой), шумный, однофокусный, круглощелевой⁴.

4. **ИНТЕРДЕТЕРМИНАЦИЯ (СОГЛАСОВАНИЕ)** – отношение, в котором обнаруживается взаимозависимость эксформ каких-то сегментов текста **ОКС – ЭФО**, пример: *научный труд ~ научные труды, мы читаем ~ вы читаете, занятый человек ~ занятые люди*.

5. **ДЕТЕРМИНАЦИЯ (УПРАВЛЕНИЕ)** – отношение, в котором обнаруживается односторонняя зависимость эксформы одного сегмента текста от другого сегмента **ОКС – ЭФО**, пример: *играть (во что?) в жмурки, играть (чем?) камешками, играть (чем и на чем?) камешками на песке, играть (на каком музыкальном инструменте?) на флейте* и т.п.

6. **ГРАДАЦИЯ** – отношение сегментов текста с вычитанием или прибавлением семантических дифференциалов (градация по восходящей линии и по нисходящей линии). Мы различаем: 6А Логическую градацию и 6Б Лексическую градацию.

6А. **Логическая градация ОКС – ИФО**. Пример: термины биологической классификации – Обыкновенная пчела (*Apis mellifica*) = species ~ пчела (родовое название) = genus (*Apis*) пчелы (подсемейство) = subfamilia (*Apinae*) ~ *Apidae* = familia ~ *Aculeata* = subordo ~ *Hymenoptera* = ordo ~ *Hymenopteroidea* = superordo ~ *Pterygota* = subclassis ~ *Insecta-classis* ~ *Antennata* = superclassis ~ *Mandibulata* = subcladus ~ *Anthropoda* = cladus ~ *Articulata* = subphylum ~ *Protostomia* = phylum ~ *Bilateralis* = subdivisio ~ *Metazoa-divisio* ~ *regnum animale* = regnum ~ *natura* etc.

6Б. **Лексическая градация ОКС – ЭФО+ИФО**, пример: *мало ~ маловато; маленький ~ меньше ~ самый маленький, меньше всех; довольно маленький ~ очень маленький* и т. п.

С лексической градацией непосредственно связаны все виды семантической деривации, или «внутреннего словообразования», среди которых мы различаем: 6Б1 **абстрактизацию** – *sphaera* (=pila) > *sphaera* (corpus stereometricum), 6Б2 **конкретизацию** – *urbs* (apellativum) > *Urbs* (proprium) = *Roma*, 6Б3 **транспозицию** – *lingua* (in ore) > *lingua* (populi), 6Б4 **омиссию (эллипс)** – *ars grammatica* > *grammatica*, 6Б5 **ретрактацию**: гр. *daimōn* (=numen) > *daimōn* (apud christianos), 6Б6 **субституцию** – гр. *Erinyes* > *Eumenides*, 6Б7 **облитерацию** – гр. *krokodilos* (*krokē* и *drilos*). Чаще всего семантическая деривация рассматривается как «изменение значения слов», но мы рассматриваем это явление как отношение информ с видоизменением в суммах семантических дифференциалов.

7. **СУБОРДИНАЦИЯ** – отношение, сводимое в языке к другим отношениям, а именно к интегральности (2), к детерминации (5), к градации (6), причем одностепенная субординация обнаруживается в отношении детерминации,

⁴ Речь идет о фонотипе [s] русского языка.

а многостепенная – в отношении интегральности (**ОКС–ИФО+ЭФО**). Вопреки распространенному и почти канонизированному мнению мы сомневаемся, что в языковой системе можно найти отношения **иерархии**, если в этом названии опираться на модель социальной иерархии, которая предполагает не только градуальную зависимость (ср. табель о рангах, клерикальную иерархию, военные чины и пр. т.п.), но и подчинение всех ступеней (соответственно – степеней) единой высшей ступени (ср. *ректор* университета, *директор* учреждения, *главнокомандующий* армии и пр.). Конечно, «иерархию» можно мыслить независимо от социальной модели, но тогда более уместным окажется какой-то другой термин, если речь идет о языке.

8. **КОММАТЕРИАЛЬНОСТЬ (КОНСУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ)** – отношение с общим материальным основанием сегментов, непременно существующих в своей «экземплярной» форме (в своих вариантах) как некая физическая субстанция **ОКС–ЭФО**, в просистеме (в диакритической катасистеме) – все составляющие ее фенотипы (алфавит фонотипов), в графической антисистеме – все составляющие ее графические знаки (алфавит в прямом смысле слова), в лексической парасистеме – все составляющие ее лекситипы (слова и словоформы).

9. **КОНФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ** – отношение сегментов с общей функцией, с общим назначением **ОКС–ИФО**. Исключивши диакритическую конфункциональность (*contradictio in adiecto!*), мы различаем:

9А. **Семантическую конфункциональность**⁵, пример: *капитан с рыжЕЙ бородОЙ ~ капитан с рыжЕЮ бородОЮ, он живет В Крыму, а она – НА Кавказе, он любит ХОДИТЬ, она любит ХОДЬБУ* и т. п.

9Б. **Синтаксическую конфункциональность**, пример: *придя домой, он лег на диван ~ когда он пришел домой, он лег на диван; та, которая взяла у тебя книгу ~ взявшая у тебя книгу; тот, кто этого не знает ~ тот, кто не знает об этом* и т. п.

Такие отношения называются еще соответственно – **морфологической и синтаксической синонимией** по аналогии с **лексической синонимией**, см. 1Б.

10. **ЭКСКЛЮЗИЯ (ИСКЛЮЧЕНИЕ)** – отношение, в котором наличие одного сегмента исключает наличие другого однородного и соизмеримого сегмента **ОСС**, пример: по-русски можно сказать *бегу, бежишь, бежит...*, но нельзя *беЖу, беГишь, беГит...*, можно сказать *кладу, кладешь, кладет...*, но нельзя сказать *ЛОЖУ, ЛОЖИШЬ, ЛОЖИТ...*, хотя вполне возможно *положу, положишь, положит...* и совсем не рекомендуется *ПОКЛАДУ, ПОКЛАДЕШЬ, ПОКЛАДЕТ* и т. п.

11. **ПОЗИЦИЯ** – отношение сегментов при их взаиморасположении, или взаиморазмещении, или взаимораспределении, в тексте **ОСС**.

Мы различаем такие виды позиции:

11А. **Прецедсию** – один сегмент предшествует другому, пример: *перед началом*, но не «*началом *перед*», *before the beginning*, но не «**the beginning before*».

⁵ Семантической мы называем эту конфункциональность потому, что она наблюдается в пределах семантической подсистемы (апосистемы), в индоевропейских языках состоящей из морфологической и лексической парасистем.

11Б. **Секвенцію** – один сегмент следует за другим, пример: *женищина-врач*, а не «*врач-женищина», а *she-doctor*, а не «*a doctor-she».

11В. **Финальность** – один сегмент находится у крайних пределов ряда сегментов, в начале ряда или в конце ряда, пример: *I have read the article aloud*, если в этом утвердительном предложении невозможны инверсии, или перестановки.

12. **КОНЦЕНТРИЗМ** – отношение факультативных сегментов (одного или нескольких) к максимально необходимому сегменту, наблюдаемое в «бифокальности» предикативной схемы (группа подлежащего и группа сказуемого) **ОСС**, пример: *хлебосольный хозяин приглашает чужестранца на ужин, dominus liberalis peregrinum ad cenam invitāt*. Однако «фокус» такой схемы нельзя признать вершиной иерархической «лестницы», см. отношение 6 и 7.

13. **АКТИВНОСТЬ – ЭРГАТИВНОСТЬ** – отношение двух синтаксических схем, в которых располагаются логически эквивалентные сегменты (противопоставления 13А активности ~ пассивности и 13Б эргативности ~ нейтральности) **ОСС**.

13А. Пример: *litteras scribo ~ litterae a me scribuntur*.

13Б. Пример (в баскском языке): *ni ikastea nuz* «я ученик» ~ *nik euskera ikasten dot* «я учу баскский язык».

14. **КОНГРЕГАЦИЯ** – отношение соизмеримых элементов в наборе, совокупности, инвентаре, ряде, алфавите и т. п. **ОСС**, пример: фонотипы, морфотипы, лекситипы любого языка.

15. **КОАЦЕРВАЦИЯ** (ср. биологический термин «коацерват» – *coacervatum* > «куча») – отношение в случайном (спациальном или темпоральном) соединении разнородных и несоизмеримых объектов (фактов, явлений и пр. т.п.) – в языке, очевидно, отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белецкий А.А. Интегралы и дифференциалы в языковой системе. – Структурная и математическая лингвистика. К., 1975, № 3.
2. Белецкий А.А. Система и несистема в естественном языке. – Структурная и математическая лингвистика. К., 1974, № 2.
3. Там же.
4. Das Tierreich nach Brehm. Leipzig-Jena: Urania-Verlag, 1956.
5. Dictionnaire de la linguistique sous la direction de Georges Mounin. Paris: Presses universitaires de France, 1974. «Relation».
6. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
7. Математическая лингвистика, К., 1973, № 1.
8. Philosophisches Wörterbuch. Herausgeber Georg Klaus und Manfred Buhr, 8 berichtigte Auflage, VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1971, Band 2, «Relation», «Zusammenhang (objektiver)».
9. Философская энциклопедия. М., 1967. Т.4.

Ошибки Святого Иеронима¹

Среди христианских писателей времен упадка Римской империи одним из выдающихся или, можно сказать, самым выдающимся был Софроний Евсевий Иероним (прибл. 348-420 н. э.), признанный святым католической церковью.

Он родился в городе Стридоне, в Далмации, в семье богатых родителей и получил блестящее по тем временам образование: грамматическое, риторическое (т.е. в нашем современном понимании – филологическое) и философское в Риме, где его учителем был знаменитый Элий Донат (IV в. н.э.), латинская грамматика которого была образцовой не только в античном мире, но и в продолжение всех средних веков во всей Европе.

После Рима он продолжил свое образование в городах Августа Тревирум (теперь город Трир) и Аквилея на севере Италии, а в 373 году отправился как паломник в Святую Землю, но по дороге заболел и задержался в городе Антиохии на реке Оронте в Сирии. После выздоровления он удалился в пустыню, чтобы жить там как аскет.

В 379 году он получил звание священника и посетил Константинополь, где имел случай слушать лекции «христианского Демосфена», как его называли современники, Григория Назианзина (прибл. 330-390 н.э.). В 382 году Иероним был приглашен в Рим на заседание синода и в скором времени стал другом и секретарем римского папы, поручившего ему пересмотреть и исправить тексты латинской Библии.

Его отрицательное отношение к моральной развращенности римлян вызвало среди них возмущение, и вскорости после смерти своего покровителя он вынужден был отправиться на Ближний Восток; во время пребывания в Вифлееме он стал настоятелем монастыря, построенного на средства одной расположенной к нему богатой женщины. Там он поселился и на протяжении последних 34 лет своей жизни занимался литературной деятельностью, полемикой со своим идейным врагом Вигилантием и борьбой против пелагианцев, последователей монаха

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Collegium. – 1993. – № 1. – С.104-107.

Пелагия, учение которого было признано еретическим на Эфесском Всемирном соборе в 431 году.

Среди многочисленных трудов Иеронима большое значение имели переводы. Его основной задачей было перевести Библию на латинский язык. В 383 году он перевел с греческого на латинский все 4 канонических Евангелия и отредактировал перевод Псалтыри. Сперва он заново перевел Псалтырь на основе оригенового Гексапла, первого опыта установить критически пересмотренный текст Ветхого Завета. Ориген из Александрии в Египте был христианским писателем, жившим приблизительно от 185 до 263 года и умершим смертью мученика во время преследования христиан римским императором Декием.

Затем Иероним перевел книгу Иова и еще некоторые книги Священного Писания. Будучи недовольным греческими текстами, он приступил к изучению еврейского языка и завершил новые переводы около 405 года. Он поставил перед собой задачу дать точный перевод оригинала на современный латинский язык, но без чрезмерного буквализма. Его переводы были признаны самыми совершенными и стали каноническими, начиная с XIII века.

Его латинская Библия под названием «Вульгата» и теперь используется в католических церквях. Он перевел также с греческого на латинский много произведений античных авторов, комментировал книги Священного Писания, используя труды своих предшественников, написал жизнеописания выдающихся людей (392).

Его полемические произведения характеризуются резкими нападками на инакомыслящих. Он ревностно отстаивал догматы христианской церкви, выступал против Гельвидия (383), который отрицал постоянную девственность Девы Марии, против Иовиниана (393), считавшего, что пост бесполезен, против уже упомянутого Вигилантия (406), отрицавшего почитание святых и реликвий, а также против монашеского образа жизни. Иероним написал 3 книги против пелагианцев, последователей еретика Пелагия.

От Иеронима осталась большая и очень разнообразная в отношении содержания коллекция писем, охватывающая весь период его литературной деятельности. Возможно, что среди его современников не было никого, равного ему по знаниям, но в его произведениях не было ничего очень оригинального для того времени. Однако они имели большое влияние на религиозную литературу западной церкви, и его считали непревзойденным стилистом в области латинской прозы.

Ни в коем случае не отрицая его заслуг и достоинств, мы хотим указать на одно роковое недоразумение, связанное с его переводом с греческого на латинский Евангелия от Иоанна.

В древнегреческом языке, как и в новогреческом, слово LOGOS очень многозначно, если его выделить из разных контекстов. Его семантический диапазон, т.е. совокупность всех возможных в текстах значений, гораздо шире диапазона нашей лексической единицы «слово». Значение этой единицы определяется для говорящих ее коннотацией, т.е. сочетаниями ее с другими словами, коннотирующими – определяющими и уточняющими ее значение в тексте. Так, например, у нас: «Слово о законе и благодати», «Слово о походе князя Игоря», «вступитель-

ное слово», «он дал мне слово», «честное слово», «такое слово, как слово «речь» и т.д. Слово, оторванное от текста, в котором оно коннотируется, теряет свою семантическую определенность и становится словарной единицей со всеми своими значениями.

У переводчиков (и не только наших) сложилась определенная тенденция отождествления греческого слова LOGOS с нашей лексической единицей «слово». Далее пойдет речь о начальных строках Евангелия от Иоанна. Мы намерены доказать, что это традиционное отождествление не является единственно возможным и не соответствует общему содержанию греческого текста.

В словарной статье наиболее авторитетного греческо-английского словаря (H.G.Liddell-R.Scott. A Greek-English Lexicon. Oxford, v.11, pp.1057-1059) семантический диапазон слова LOGOS характеризуется многими значениями (с подробными уточнениями и примерами). Среди них наиболее существенные следующие: 1) учет, расчет, счет; 2) оценка, соображение, важность; 3) отношение, соответствие, пропорция; 4) мера; 5) объяснение, основа, основание; 6) причина, повод; 7) речь, например, в суде, на собрании; 8) словесное выражение; 9) слово или мудрость Бога, олицетворенное как его участие в сотворении мира и управлении миром.

Последнее из перечисленных здесь значений непосредственно связано с латинским переводом святого Иеронима и назначается, чтобы как-то оправдать его. Это значение не выводится из дохристианских греческих текстов. Из приведенного здесь перечисления значений греческого слова LOGOS становится очевидным, что оно не соответствует по своим значениям нашей лексической единице «слово». Хотя слово LOGOS содержит в себе основу глагола *legein* («говорить»), оно не обозначало выделенного из текста отдельного слова. Что касается значения нашей лексической единицы «слово», то ему в известной степени соответствует греческое *lexis* (от него у нас «лексика», «лексикон», «лексикология»).

Здесь можно сослаться на классическое определение Дионисия Фракийца (прибл. II в. до н.э.) в его «Грамматической науке»: «Лексис – это наименьшая часть связной речи», а «логос» – это сочетание простых слов, выражающих законченную мысль». Надо еще подчеркнуть, что греческое LOGOS нельзя непосредственно отождествить с нашим «словом», т.к. оно имело еще значение «выражение, высказывание». Если речь шла об отдельном слове, то в этом значении древние греки использовали слова *onoma* («имя») и *rhēma* («глагол»).

Учитывая семантический диапазон греческого LOGOS, лучше всего было бы для перевода его на русский язык выбрать из его значений то, что диктуется общим смыслом первых строк Евангелия от Иоанна, а именно: «причина, основа, основание». Итак, приняв во внимание еще и это значение, следовало бы перевести евангельский текст приблизительно таким образом: «В начале была основа и она была соотносительной с Богом и основа была Богом. Она была в начале соотносительной с Богом. Все возникало из нее и без нее ничто не возникало». Можно сказать, что в данном тексте «логос» – основа, первооснова, причина, первопричина – понимается как аристотелевская «движущая сила», как двигатель, давший толчок для сотворения мира. Различие между аристотелевским пониманием

этого двигателя и христианским пониманием логоса-первопричины заключается в том, что логос не только был причиной сотворения мира, но и продолжает действовать в нем.

Замена греческого «логоса» латинским *verbum* – это первая ошибка святого Иеронима. Другая его ошибка связана с заменой греческого предлога *pros* латинским предлогом *apud*. Среди значений предлога *pros* в данном тексте наиболее вероятным является значение «относительно» или, как тут предложено, «соотносительно», «соотнесение». Такое значение этого предлога в евангельском тексте связано с его использованием у Аристотеля, у которого категория отношения (одна из его 10-ти категорий) обозначается посредством этого предлога *to pros ti*.

Еще одно замечание относительно греческого текста. В греческом языке слова LOGOS и THEOS мужского рода и поэтому в переводе нельзя установить, связаны ли местоимения *hutos* и *autos* с первым или со вторым существительным.

В традиционных переводах на европейские языки и, в частности, на русский, следом за святым Иеронимом и его *verbum* переводится как «слово». Из-за такого перевода начало Евангелия от Иоанна стало загадочным и вызвало много толкований, в основе которых было ошибочное отождествление греческого *logos* с латинским *verbum*. Этот «буквальный» и необоснованный перевод затуманил содержание греческого текста.

Апостол Иоанн, автор Евангелия и Апокалипсиса, был историческим лицом и, очевидно, был знаком с философией Аристотеля, что вполне естественно для образованного грека того времени. Следовательно, ему не была чуждой аристотелевская концепция сотворения мира и понимания слова LOGOS как первопричины мира, как основы основ. Латинский перевод святого Иеронима был санкционирован католической церковью («Вульгата») и оказал влияние на переводы Евангелия на другие языки.

Ошибочный перевод существительного *logos* дополнился ошибочным переводом предлога *pros* посредством латинского *apud*, а в русском переводе посредством предлога «у».

В связи с различными значениями греческого слова *logos* надо еще заметить, что в процессе языкового развития часто этимологическое, т.е. первичное, значение слова со временем стирается и не определяет его новых значений.

Так, например, греческое слово *theōria* по своему происхождению связано со словом *theōros* – «посланный для получения оракула» (т.е. «изречения божества в пророческом святилище»). Первичное значение слова *theōria* было «обязанность теора, религиозное посольство, зрелище, созерцание, обсуждение», но со временем оно стало обозначать «учение, теория».

Слово *logos*, по своему происхождению связанное с глаголом *legein*, с самого начала не обозначало отдельного слова, отдельной лексической единицы. Если учесть весь его семантический диапазон, то, кроме предложенного здесь значения – *первооснова, первопричина*, – лучше всего было бы оставить его в его греческой форме, и тогда перевод первых строк Евангелия от Иоанна был бы: «В начале был Логос и Логос был соотнесенным с Богом и Бог был Логосом». Конечно, при этом слово *логос* нуждалось бы в надлежащих объяснениях.

Предрассудки вокруг языка и языков¹

В системе среднего образования в старших классах средних школ среди преподаваемых наук («предметов») не предусмотрена наука о языке и языках, т. е. современное языкознание. Ее отсутствие в этой системе не могут заменить ни грамматика родного языка, ни беглое знакомство с иностранным языком. Это отсутствие в современном обществе со средним или с высшим нефилологическим образованием оказывается источником множества предрассудков, т. е. ненаучных («обывательских») взглядов (мнений, убеждений) в отношении языка и языков, предмета теоретического или общего языкознания – науки, знакомство с которой является не менее важным, чем знакомство с основами прочих наук, составляющих комплекс среднего образования. Можно согласиться с тем, что наш современник может прожить свой век с пользой для общества без знаний основ современных физики, химии, высшей математики, кибернетики, вычислительной техники и прочих высот человеческого ума, но едва ли много было бы пользы для него самого, если бы он оказался полным невеждой в понимании «природы» (особенностей) своего языка сравнительно с языками других народов и отношения языка к мышлению и мышления к языку. Однако многие в прочих отношениях образованные люди благополучно живут со своими предрассудками относительно своего языка и других языков. Понятно, что задачей лингвистов является борьба с бытующими в обществе «антилингвистическими» предрассудками и разъяснительная работа в области их науки. В нижеследующих строках мы постараемся дать перечисление или предварительную классификацию наиболее распространенных «антилингвистических» предрассудков, предубеждений и заблуждений. Это перечисление не может быть достаточно полным, потому что оно основано на личном житейском опыте и здесь нет обобщения опыта лингвистов, ведущих борьбу с предрассудками. Учет этих предрассудков можно сравнить с определением филологами-классиками ошибок переписчиков, переписывавших в монастырских скрипториях древние греческие и латинские тексты и при этом пропускавших буквы, слоги, слова или целые словосочетания, иногда повторяв-

---

¹ Уперше надруковано в: ж. Collegium. – 1993. – № 2. – С.29-39.

ших лишній раз уже написанні, искажавших из-за непонимания слова или заменявших непонятное понятным и т. д.

Насколько нам известно, еще никто не собирал «коллекции» предрассудков в области языкознания, хотя все языковеды встречаются с ними и могли бы бороться с ними своими знаниями.

1. Начнем с того, что большинство людей, не получивших специального филологического образования, не знает разницы между знатоками языков – языковедами-практиками и языковедами-теоретиками, специалистами в области общего языкознания, и не подозревает о существовании языкознания в отличие от знания языков. Языковеды рассказывают о том, что родоначальник структурализма в науке о языке Фердинанд де Соссюр (1887-1913) однажды будто бы сказал своим слушателям, среди которых был выдающийся компаративист (специалист по индоевропейскому сравнительно-историческому языкознанию) Антуан Мейе: «Собственно говоря, языковед – это тот, кто кое-что знает обо всех языках, но практически не знает ни одного языка». А. Мейе остался недоволен этим высказыванием и практически овладел в его время недостаточно изученным в компаративном аспекте армянским языком. Наверно, узнавши, что вы языковед, ваш собеседник спрашивал вас, сколько языков вы знаете или сколькими языками вы владеете, и с явным разочарованием воспринимал ваш ответ, что все зависит от того, что называть знанием языка, и если речь идет о современном языке, то вряд ли найдется человек, знающий все его разновидности, тем более, что у представителей каждой профессии своя разновидность общенародного языка. Откроем толковый или этимологический словарь русского языка, и окажется, что чуть ли не на каждой странице найдутся слова, прежде не известные нам или такие, которые в нашей бытовой речи мы не употребляем. Языковеду трудно ответить на стандартный вопрос в анкетах: «Владение языками: 1. Свободно владеете. 2. Читаете со словарем...» Надо сказать, что читать со словарем полезно бывает даже тексты на своем родном языке, не говоря об иностранных языках.

2. Что же все-таки понимать под «владением языком?» Очевидно, трех-четырёхлетний нормальный ребенок «владеет», так сказать, «бытовой разновидностью» своего родного языка, а затем в течение всей своей сознательной жизни пополняет свои знания языка.

Венгерский путешественник А. Вамбери (1832-1913), искавший в Средней Азии прародину венгров (угров, мадьяр), говорил (если это действительно было так), что ему достаточно знать 100 слов любого языка, чтобы быть понятым и понимать язык любой страны. Однако для этого надо еще знать основы грамматики данного языка, чтобы составить самые простые бытовые тексты. Для языковой ориентации в чужой стране или при общении с говорящими на чужом языке надо уметь понимать на слух этот язык, а это бывает труднее, чем быть понятым даже при несовершенном знании языка. Действительно, сто слов могут составить лексический минимум, минимальный запас слов, но трудность общения с помощью этого запаса заключается в том, что в языках флективного и агглютинативного типа (как, например, тюркские языки, с которыми нужно было иметь дело венгерскому путешественнику в Средней Азии) надо знать не только слова, но также

их формы (словоформы), в которых они употребляются в речи при склонении и спряжении. Понятно, что словоформ оказывается во много раз больше, чем упомянутых сто единиц. Сосчитайте, например, сколько словоформ у нашего глагола *дать, давать* – и в любом тюркском языке (туркменском, узбекском, казахском, киргизском) их окажется не меньше. Это значит, что знание языка не ограничивается знанием его лексики: требуется еще знание грамматики и умение пользоваться этим знанием. Если вы уверены в том, что знаете свой родной язык, то это может значить, что у вас есть какой-то лексический минимум и умение им пользоваться. Разумеется, этот минимум у говорящих на данном языке бывает весьма различных размеров в зависимости от возраста говорящих, их умственного развития, воспитания и образования. Еще надо учесть характер владения языком. Это владение может быть естественным (натуральным), привычным с детства и приобретенным со временем в результате обучения – приобретенным с определенной целью. В обывательских кругах существует убеждение, что представитель данной нации (национальности, народа, народности) должен в совершенстве знать свой язык. Однако это далеко не всегда так, и часто иностранный специалист, знакомый не только с разговорной речью, но и с историей языка своей специальности, с культурой народа, с его литературой, оказывается лучшим знатоком, например, греческого языка, чем какой-нибудь чистильщик сапог в Афинах. Нередко профессиональное знание языка бывает более основательным, чем натуральное. Существует также убеждение в том, что чем больше языков знает такой-то человек, тем сам он лучше разбирается в языкознании сравнительно со знатоком немногих языков. Знатоки многих языков, называемые полиглотами, вызывающие восхищение не владеющих иностранными языками, часто бывают хорошими практиками, но не теоретиками. Конечно, бывают счастливые исключения. Таким был выдающийся востоковед Е. Д. Поливанов (1891-1938), знаток японского, китайского и многих других восточных языков, а также теоретик языкознания. Таким является ныне здравствующий Вячеслав Всеволодович Иванов, исследователь языков древней Малой Азии.

3. Перевод с одного языка на другой – это не только хорошее знание языка, с которого кто-то переводит, но и языка, на который кто-то переводит, перевод – это искусство. Здесь речь, конечно, не идет о синхронных переводах, практикуемых на всяких международных встречах, конгрессах, конференциях, форумах. Мы имеем в виду переводы художественных и научно-популярных произведений, требующие не только знания языков, но и истории, культуры, идеологии народов. Плохие письменные переводы появляются не только из-за плохого знания языков, но и из-за незнания культурно-исторической обстановки стран, где используются подлежащие переводу языки. Среди широкой публики распространено представление о том, что иноязычный текст можно передать только в одной какой-то форме на родном языке. Вспоминается один эпизод из сравнительно (именно так!) недавнего прошлого. В начале войны, в 1941 году, некое высокопоставленное лицо призвало в свое учреждение преподавателей немецкого языка, чтобы проверить их готовность стать военными переводчиками. Само это лицо не имело подготовки в области немецкого языка, но для проверки знаний препода-

давателей оно разделило их на две группы. Одной было предложено перевести фрагмент повести Максима Горького «Мать» с русского языка на немецкий, а другой – с немецкого языка на русский. Сомнения относительно степени знаний «прямых» и «обратных» переводчиков возникли тогда, когда оказалось, что вариантов перевода было столько, сколько присутствовавших там переводчиков.

С древнейших времен в переводческой практике существовали иносказательные, т. е. с передачей общего смысла переводимого текста, и дословные (иначе – буквальные) переводы. Примерами иносказательных переводов могут служить переводы древнего месопотамского (точнее – шумерского) эпоса о правителе города Урука Гильгамеше с включением рассказа о всемирном потопе на древние языки Ближнего Востока. Из переводов этого эпоса сохранился его ассирийский вариант, а от других вариантов сохранились только фрагменты, так же, как и от шумерского оригинала. Примерами дословных переводов являются греческий перевод с древнеиудейского книг, известных у нас под названием Библия (перевод «70 толковников» в египетской Александрии, сделанный в III в. до Р. Х.), и латинские переводы (с греческого) Библии и Евангелий. Понятно, что наибольшие трудности представляет перевод поэтических текстов. Кроме того, трудности возникают при переводах с языков, далеких по времени от времени осуществления перевода и являющихся выразителями культур, существенно отличающихся от культуры переводчиков. Эти особенности, присущие иным временам и иным культурам, приводят переводчиков к необходимости объяснить их читателям либо в самом переводимом тексте, либо в примечаниях к переводам. Все эти трудности письменных переводов и возможность многих вариантов на языке, на который осуществляется перевод, далеко не всегда понятны обывательской массе и поэтому окружены предрассудками.

Если в первую очередь внимание переводчика должно быть обращено на по возможности точную передачу общего смысла переводимого текста, то у этой передачи есть предел, за которым может быть утрачена «национальная специфика» этого текста. Ограничимся хотя бы таким простейшим примером: в разных языках есть пословицы или поговорки, общий смысл которых – *«приходится довольствоваться тем, что есть, если нет лучшего»*. Такой смысл имеют поговорки: русская «На безрыбье и рак рыба», украинская «У степу і хрущ м'ясо», немецкая «In der Not trift der Teufel Fliegen» (*Когда приходит нужда, черт жрет мух*), английская «Among the blind the one-eyed is king» (*Среди слепых одноглазый – король*: то же дословно и в других языках), французская «Faute de grives on mange des merles» (*«Если нет певчих дроздов, едят обыкновенных»*), итальянская «In mancanza di cavalli gli asini trottano» (*Если нет лошадей, ослы бегают рысью*), испанская «Cuando no hay pan, buenas son tortas» (*Когда нет хлеба, хороши и торты*), новогреческая «Стин анаврохья калó инэ ке то халáзи»² (*Когда нет дождя, хороши и град*), турецкая «Кады олмыян ердэ кечие дэ эвлия чéлеби дэрлер» (*В селе, где нет духовного судьи, даже козе говорят – почтенная госпожа*), японская «Торинай сато-ни комори мо тори дэсу» (*В селе, где нет птиц,*

² Для простоты оформления текста здесь иностранные шрифты заменены транскрипцией на основе русского шрифта.

даже летучая мышь – птица). Понятно, что переводчик был бы неправ, если бы ограничился названным выше общим смыслом поговорок, не обращая внимания на национальные формы его выражения. Передача общего смысла неизбежно во многих случаях заставляет переводчика отойти от дословного перевода и дать свое толкование текста. Так, например, в переводе «Энеиды» Вергилия (1, 462) оказались бы нелепыми «слезы вещей», и, конечно, надо дать объяснение: «Эти события вызывают слезы, и столько смертей тревожит наш ум» (*Sunt lacrimae rerum et mentem mortalia tangunt*). Стоило переводчику не обратить внимания на общий смысл произведения, как его случайная ошибка дала повод для появления в нашей речи многократно повторяемого изречения «Ничему не удивляйся!», которое приписывается Горацию («Послания», кн. I, п. 6). На самом деле в послании Горация к некоему Нумикию было сказано – «Ничем не обольщайся!» Это соответствует общему смыслу «Послания», и так следовало перевести знаменитое «*Nil admirari*», являющееся одним из принципов стоической философии. Надо полагать, что разница между «обольщаться» и «удивляться» вполне очевидна. Однако то, что понятно профессиональным переводчикам и филологам, требует настойчивых разъяснений для широкой публики.

4. Довольно широко распространен предрассудок о существовании «богатых» и «бедных» языков, связанный в основном с неразличением языка и речи. Обычно за меру «богатства» и «бедности» принимают количество слов (лексических единиц в словаре), хотя лексическая статистика неизбежно ограничивается каким-нибудь единичным фактором фиксации лексического запаса языка или речи (авторской лексики). Естественно, говорящие о «богатстве» и «бедности» языков имеют в виду только регистрируемую ими лексику, а не грамматику. Вот, например, современный английский язык в отношении грамматики во много раз беднее древнегреческого, древнеиндийского (санскрита) или латинского языков, если учитывать только формальные средства английской грамматики, но эта «бедность» нисколько не вредит языку в его коммуникативной функции. Ясно, что лексика языка характеризует культуру говорящих на нем, а культура в каждом обществе имеет много сторон. Ясно, например, что техническая культура современного английского общества не идет ни в какое сравнение с технической культурой папуасского племени аранта, но, с другой стороны, в области дикой природы их страны охотники этого племени имеют богатейшую лексику для обозначения не только элементов фауны и флоры своего природного окружения, но и таких деталей его, для которых нет ничего равнозначного в лексике английского языка. Можно сказать, что культура аранта не столь многогранна, как современная английская культура, и это делает несопоставимой лексику (лексический инвентарь) обоих языков. Предрассудок о мнимых богатстве и бедности языков мог возникнуть в результате непонимания отношения этнического языка и культуры. Конечно, можно говорить о бедности индивидуальной речи, о бедности использования языка, а не о «бедности» того или иного языка. С вопросом о богатстве и бедности связан также другой вопрос, который задают неспециалисты специалистам: «сколько слов в таком-то языке»? Специалист на этот вопрос может ответить ссылкой на титульный лист какого-нибудь словаря, где указывается (это

надо подчеркнуть!) количество словарных статей, а не общее количество слов, которое фактически невозможно учесть, так как во многих словарных статьях отмечаются не только основные слова, но также их производные (дериваты), а, кроме того, лексика языка изменяется, в прошлое постепенно уходят лексические архаизмы, и входят в нее лексические неологизмы и заимствуемые из других языков слова. Эти процессы оказываются непредсказуемыми, их можно констатировать *post factum*. К этому надо добавить, что в большинстве ныне существующих языков сосуществуют их территориальные разновидности (наречия – диалекты, говоры) и их социально-профессиональные варианты (арго, жаргоны, сленги), лексика которых может быть включена в толковые словари или исключена из них. Разумеется, специальные терминологические словари в значительной мере дополняют и уточняют общие толковые и двуязычные словари. Сомнительно, чтобы задавший вопрос о количестве слов языка был бы удовлетворен нашим ответом, но надо сказать, что статистика компонентов любого исторически сложившегося и продолжающего функционировать языка не может быть абсолютной. Не может быть также какого-то измерителя «бедности» или «богатства» языков. Подчеркнем еще раз, что язык – это не механическая, а динамическая система, что языки развиваются в пространстве и во времени.

5. Существуют ли «красивые» и «некрасивые» языки? С самого начала надо сказать, что понятие «красота» или что-то противоположное ей так же не применимо к языкам, как понятия «богатства» и «бедности» и даже еще в большей мере. Эмоционально-эстетическая оценка языка может быть только субъективной в отличие от оценки речи, т. е. индивидуального языкового акта. Итальянский прозаик Эдмондо де Амичис (1846-1908) в своей книге *«L'idioma gentile»* («Милый язык») обращает внимание на то, что итальянский язык всеми считается красивым языком, но нередко бывает так, что в выступлениях некоторых ораторов он вовсе таким не кажется.

Со стороны звуковой (фонетической) системы красивыми считаются языки с равномерным распределением гласных и согласных в звучащем тексте. Можно сказать, что крайностями в этом отношении являются полинезийские языки (в потоке речи слишком много гласных и мало согласных) и иберо-кавказские языки (особенно такие, как абхазский, – с преобладанием согласных и минимумом гласных). Однако трудно найти человека, который считал бы свой родной язык некрасивым. Нередко для широкой публики красивыми являются языки, выражающие авторитетные культуры (например, латинский, итальянский, французский). Однако наиболее распространенным критерием красоты остается звуковая сторона языка.

6. Еще более субъективным оказывается суждение о трудности или относительной легкости усвоения иностранного языка. Обычно трудности усвоения чужого языка бывают связаны с субъективными моментами: памятью, тренировкой, личными способностями, желанием овладеть языком. Легче усваивают иностранный язык те osoby, которые уже знают какой-нибудь чужой язык или несколько языков. Легче усваивать бывает тем, кого обучают в детском возрасте. Естественно, имеет значение и обстановка: принципиально темп и основатель-

ность усвоения ускоряются и становятся более прочными в окружении говорящих на иностранном языке, в стране, где на нем говорят, но и тут многое зависит от желания обучающегося и от его отношения к иностранному языку. В какой мере трудности усвоения зависят от генетической близости – родства языков – родного и чужого, а также от языковых типов, грамматического строя языков? Теоретически рассуждая, такая зависимость должна быть, но практически это сводится к индивидуальным способностям обучающегося субъекта. Трудности усвоения могут оказаться для изучающего язык либо в фонетической системе, либо в грамматической системе, либо в лексическом инвентаре изучаемого языка, но они могут оказаться неодинаковыми. Остается еще ответить на вопрос: не вредит ли усвоение чужого языка владению родным языком? По-видимому, и тут все зависит от способностей и возможностей субъектов, усвоивших иностранный язык. При подготовке будущих дипломатов у нас наименее трудными для них считались славянские языки, за ними на втором месте по трудности были западноевропейские языки, а на третьем месте по трудности – восточные языки (и особенно те, у которых есть своя графическая система). Наверно, такие европейские языки, как финский и венгерский, по трудности приравнивались к восточным языкам. Трудности при изучении любого иностранного языка, конечно, существуют, но расположить языки на шкале по степени их трудности для усвоения кем-то совершенно невозможно. Ясно, что китаец встретит много трудностей при изучении русского языка, а русский – при изучении китайского, но это вовсе не значит, что китайский и русский безотносительно трудные языки. На воображаемой шкале трудностей языки могли бы расположиться в зависимости от языковой принадлежности изучающего. В общем, прав был мудрый Гесиод: «Нет для людей никакого легкого дела без труда» (*Ouden aneu kamatou peleí andrasin eupetes ergon*). Это непосредственно относится и к изучению языков.

7. Впрочем, среди существующих у нас языков есть особенно легкие для усвоения. Это выдуманные, искусственные, вспомогательные международные языки. Их грамматики могут быть изложены на двух-трех страницах. В склонении имен и в спряжении глаголов у них нет исключений, рационализировано словообразование. Лексика разработана на основе преимущественно романских и отчасти германских языков.

Первым опытом создания международного письма (пасиграфии) и международного языка (пасилалии) можно считать сочинение Г.В.Лейбница (1646-1716) «Рассуждение об искусстве сочетаний» (*Dissertatio de arte combinatoria*, 1666). Однако первый международный язык, получивший широкое распространение, – это эсперанто доктора Людвиг Заменгофа (1859-1917), ставший известным в 1887 г. Несколько французских лингвистов в начале XX в., устранив недостатки этого языка, создали реформированный эсперанто, ставший среди искусственных языков соперником эсперанто и получивший название идо (<эсперантидо). В настоящее время существует довольно много искусственных международных языков, однако не имеющих такого распространения, как названные выше (например, Новиаль, Окциденталь, Интерлингва, Латинэ синэфлекссионэ). Все они созданы на тех же основах, что и названные выше, и по существу могут быть

названы международными только для европейских народов (главным образом западноевропейских). Была попытка создать международный язык для славянских народов, но она не увенчалась успехом. В связи с появлением на международной арене искусственных международных вспомогательных языков образовалась новая отрасль языкознания – интерлингвистика, задачей которой является разработка теоретических основ создания искусственных языков и их критическое изучение. Вероятно, всем понятно, какое значение имело бы существование общего языка для всего человечества. Однако можно сомневаться в том, будет ли такой общий язык искусственно созданным языком. Скорее всего, таким языком может в неопределенном будущем стать один из исторически сложившихся языков, когда он распространится во всем мире и будет сосуществовать с территориально ограниченными языками. Предубеждение против искусственных международных языков, вероятно, основано на том, что неправильно понимается их роль как вспомогательных языков, сосуществующих с национальными языками, но не призванных заменить их. При существовании общего для всего человечества языка угасла бы идея создания пасиграфии – общего для всего человечества идеографического письма. В настоящее время она еще существует.

8. В современном мире есть «большие», т. е. широко распространенные языки со множеством говорящих на них, как, например, английский, китайский, русский, арабский (с его территориальными вариантами – магрибским, египетским, сирийским, аравийским и пр.), хиндустан (включая хинди и урду), португальский (в Европе, в Африке и в Бразилии), испанский (в Европе, в Центральной и Южной Америке). Кроме того, существуют языки с минимальным числом говорящих на них и с минимальной территорией, как, например, так называемые одноаульные языки в Дагестане (термин акад. А. С. Чикобава), распространение которых ограничивается всего одним населенным пунктом. Конечно, эти «малые языки» существуют под угрозой полного исчезновения. С точки зрения лингвистов, они не в меньшей мере заслуживают изучения, чем большие языки. Эти последние обычно имеют свои литературные общенародные формы, в то время как их диалекты и говоры по большей части не имеют письменных форм и все больше вытесняются общенародными языками. Отношение говорящих на общенародных литературных языках к их местным вариантам (территориальным, региональным, локальным) чаще всего бывает отрицательным и пренебрежительным. Их считают как бы отступающими от общепринятой нормы, нарушающими и искажающими норму, ненужными пережитками. Разумеется, таково обывательское отношение к ним, тогда как для лингвистов они бывают ценным материалом, в котором часто наблюдаются архаические формы и явления, переставшие существовать в литературных языках и важные для восстановления истории литературных языков. Для лингвистов нет принципиальной разницы между «языком» и «диалектом», и их можно рассматривать с одних и тех же позиций. В развитии языков наблюдаются две линии, обозначаемые терминами дивергенция и конвергенция. *Дивергенция* (или расхождение), т. е. распадение первоначально одного языка на диалекты, а затем на родственные языки, – процесс, который можно проследить на примере истории романских языков, бывших сперва местными

вариантами латинского языка. Противоположный процесс, обозначаемый термином *конвергенция* (или схождение), в истории известных нам языков не приводил к полному слиянию первоначально различных языков (как в генетическом, так и в типологическом отношении), но заканчивался сближением языков и образованием так называемых «языковых союзов», как, например, балканский союз (общие черты в грамматическом строе новогреческого, албанского, болгарского, румынского и турецкого языков). Если диалект обретает свою письменность и становится средством общения в каком-то государстве, он тем самым уже перестает быть диалектом, но становится языком. Так было, например, с диалектами первоначально общего восточнославянского языка, из диалектов которого со временем образовались великорусский, белорусский и украинский языки. Короче говоря, нет оснований пренебрежительно относиться к диалектам, говорам и «малым» (по территории и количеству говорящих) языкам. Все языки одинаково заслуживают уважения как средство общения людей и выражения их культуры.

Остается еще сказать несколько слов о так называемых «мертвых» языках, являющихся свидетелями существования древних народов и древних культур. Среди них, конечно, надо различать такие довольно хорошо нам известные по их письменным текстам, как, например, латинский, древнегреческий, санскрит и другие, вроде шумерского, существование которого было открыто сравнительно недавно (17 января 1869 г. Юлиус Опперт открыл в аккадийских текстах шумерский язык, а затем и другие ученые признали его существование). Конечно, нелегко дать объяснение тем, кто говорит: «Это даже не язык, это диалект!» Или – «Это мертвый язык» (т. е. на него можно не обращать внимания).

9. При изучении грамматики родного языка или западноевропейских языков почти каждое грамматическое правило имеет исключения (это в отличие от искусственных языков!). Как объяснить иностранцу, почему у нас, например, *сад – сады*, но *лес – леса*, *народ – народы*, но *город – города*, когда во множественном числе существительных бывает **-ы**, **-и**, а когда **-а**, почему *татарин – татары*, но *господин – господа*? А вот и в глаголах «беспорядок»: почему *кричу – кричал*, *кручу – крутил*, *хочу – хотел*, или *пою – пел*, *ем – ел*, *пью – пил* или уже совсем друг на друга не похожие: *беру – взял*, *кладу – положил*, *иду – шел* и пр. Какая же это система языка? Что и говорить – система сложная, и в нее входит и то, что было (исторические пережитки), и то, что теперь есть (динамическая система), и то, что еще может быть, ростки будущего. Система языка – это его скелет или каркас. Это своего рода генотип, генетическая программа, осуществляемая во множестве фенотипов. Система диктует для русского языка: в склонении имен, существительных, прилагательных, причастий – два числа, шесть падежей (не считая звательного), в спряжении глаголов – пять времен (настоящее, два прошедших и два будущих – совершенные и несовершенные), три наклонения. Из этого нет исключений, хотя в парадигмах могут отсутствовать некоторые формы, например, у слов *веселье*, *здоровье*, *лень*, *тепло*, *еда*, *пища* нет множественного числа, а у слов *антресоли*, *ножницы*, *плоскогубцы*, *каникулы*, *сумерки*, *сутки* нет единственного числа, но в системе существуют оба этих числа. Исключения из правил (из системы) не исключают существования системы. Они являются реа-

лизацией и детализацией языковой системы. Исключение из правил – это нормальное состояние живого языка.

10. В области лексики живых языков постоянно наблюдается индивидуальное словотворчество. Новые слова создаются не только «авторитетными авторами», но часто – в отдельных речевых актах, при ежедневном общении людей. Разумеется, далеко не все такие лексические новшества остаются в лексическом инвентаре языков. Не вошли, например, в наш словарь неологизмы Игоря Северянина: «*Я повсеградно обэкранен, я повсеместно вознесен*», хотя они вполне понятны русским читателям и не нарушают правил русской морфологии. Для того чтобы неологизм укоренился, должна существовать какая-то необходимость в нем у говорящих на данном языке. Неологизм закрепляется постоянным его употреблением. Английский физик Вильям Гилберт (W. Gilbert, 1544-1603) в своем трактате «О магните, магнитных телах и о большом магните – Земле. Новая физиология» впервые употребил изобретенное им слово *electricitas*, образованное от латинского *electrum* (<гр. *ēlektron* – «янтарь»). В английском языке его неологизм стали употреблять в форме *electricity*, а у нас создали соответствие ему – *электричество*. Понятно, что этот неологизм оказался очень нужным для современной технической цивилизации. Китайцы, язык которых не приспособлен для легкой ассимиляции терминов европейской цивилизации, изобрели неологизм [дянь] или [дяньци], вводя в старое слово со значением «молния» новое значение «электричество». Не менее удачным оказался неологизм, созданный известным чешским писателем Карелом Чапеком (К. Čapek, 1890-1938) в его драме «Вур» (1926) для обозначения человекоподобных автоматов: *робот* (чеш. *robota* = рус. *работа*). Едва ли надо говорить о широком распространении этого слова в разных языках. Появление неологизмов – такой же естественный процесс в лексике языков мира, как отмирание архаизмов. Против их появления и укоренения возражать не приходится. Неудовольствие, связанное с их появлением, у некоторых ревнителей чистоты языка можно сравнить с таким же неудовольствием, которое вызывает у ревнителей внедрение в нашу лексику слов иноязычного происхождения – так называемых варваризмов или «ксенизмов». Дело, конечно, не в том, нравятся ли они нам или не нравятся. Они существуют и в прессе, и в официальных речах. Вот, например, англо-американизмы конца XX в.: *брифинг, брокер, ваучер, бизнес, бизнесмен, рейтинг, рекет, спонсор, спикер* (парламента), *шоу*. Итальянский язык подарил нам слова с неясной этимологией: *мафия* (*наркомафия*), *мафиози*. В «Словаре иностранных слов» 1937 года из названных слов упомянуты: *бизнес, бизнесмен, брокер, спикер и мафия* (нет *мафиози*), остальные на этом основании можно назвать лексическими неологизмами. Если с их существованием приходится мириться поборникам чистоты языка – пуристам, то мы охотно примем их высказывания против существования в нашей лексике тюремно-лагерных арготизмов, проникших в современную художественную литературу. Надеемся, что они останутся там и не продолжат свое существование в бытовой речи грядущих поколений.

11. Надо объяснить широкой публике, что такое этимология и этимологические исследования. В древности этимологию понимали как установление

древнейшего и тем самым «истинного», т. е. правильного, значения слов. Затем в школьном обиходе этимология стала синонимом морфологии языка, а в настоящее время определение этимологии слов понимается как установление их родственных связей (генетических связей, их происхождения) на основе приемов (или как у нас говорят – методов) сравнительно-исторического языкознания и фактической истории слов. При установлении этимологии важно не то, какой вид имеют слова в данный момент, а то, как они такими стали. Даже не знакомому со сравнительно-историческим языкознанием должно быть ясно, например, что сходство прилагательного *простой* и существительного *простой* (им. пад. ед. ч.) является случайным, потому что существительное образовано от глагола *простоять* (т. е. остаться без дела). Не следует думать, что каждый грамотный человек легко может устанавливать общее происхождение слов на основании их приблизительного внешнего сходства, например, *дерево* и *деревня*, *колода* и *колодец*, *короб* и *корабль*, *кровать* и *покрывать*, *приятный* и *приятель*, *человек* и *чело* + *век*, *копейка* и *копить*, *куст* и *кустарь* и т. п. Надо сказать, что все эти слова – разного происхождения, и их внешнее сходство не свидетельствует об их общем происхождении. Напротив, такие, казалось бы, не похожие друг на друга слова, как, например, *пеку*, *печь*, *печка*, *печаль*, *печать*, *пещера*, с одной стороны, и *кухня*, *кухарка*, нем. *Küche*, *kochen* с другой стороны, оказываются общего происхождения, и в них общий индоевропейский корень со значением *печь* (латин. *coquere*). Человека, не знакомого со сравнительно-исторической фонетикой славянских языков, трудно убедить, например, в том, что в глаголах *рыть* и *рвать* общий корень так же, как в словах *кисель* и *квас*, однако это не подлежит сомнению. Короче говоря, без знания основ сравнительно-исторических фонетики и морфологии (словоизменения и словообразования) напрасно делать какие-либо этимологические выводы. Это дело историков языка и компаративистов, не в обиду прочим будь сказано!

12. Школьная наука никогда не шла в ногу с наукой исследователей, у которых в зависимости от прогресса их исследований происходят изменения не только мелочей, но и самого главного в их взглядах на природу и человеческое общество. Так, например, в школьной науке о родном языке установлена некая гармония между речью и письмом, которой на самом деле не существует. Поэтому большинство наших современников убеждено в том, что они «говорят так, как пишут» и даже в таких случаях, когда они пишут *«большого, хорошего, чистого»*, а говорят (произносят) – [бальшовъ, харошъвъ, чистъвъ] (здесь **ъ** соответствует краткому неударенному гласному, близкому к [а] без ударения, после [ш] в слове без ударения он близок к [ы]; тут, конечно, дана приблизительная транскрипция). В школьной науке утверждается, что в русском письме 33 знака, но если учесть форму знаков, то окажется, что в типографском шрифте (книжном) 30 прописных знаков (исключается **ы, ъ, ѣ**), 33 строчных знака, в рукописном шрифте также 30 прописных и 33 строчных – итого в русском письме 126 знаков (не установлено еще, надо ли **е** с двумя верхними точками считать самостоятельным знаком). Неоднократно мы наталкивались на предубеждение людей, знакомых только с алфавитным (буквенным) письмом, против всех других видов письма: слогового

(силлабического), многосложного (непоследовательного) идеографического, т. е. так называемого иероглифического письма (с его образными, указательными, составными, видоизмененными, собственно фонетическими и так называемыми заимствованными знаками³, как в китайском письме). Однажды в книжном магазине пишущий эти строки встретился с одним знакомым. «Ну, что у Вас нового?» – спросил знакомый. «Ах, да! – сказал он затем, – я и забыл, что в Вашей науке не бывает нового!...» Это, конечно, результат школьной науки, в которой нет языкознания, но есть только грамматика родного языка и грамматика иностранного языка. Об открытиях прошлых веков и нашего времени в области изучения языка и языков там, к сожалению, не говорится.

---

³ Заимствованными в китайском письме называются такие знаки, как, например, «скорпион» – он же «10000».

Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)¹

---

§ 16. Есть изменения значений, которые остаются совершенно непонятными без надлежащего исторического комментария.

Так, например, перенесения названия с одного племени на другое, с одного народа на другой: придунайские славяне стали называться «болгарами» по имени пришельцев-завоевателей с Волги, а название римлян RHO:MAI3OI² было присвоено грекам бывшей восточной половины римской империи, откуда и за современными греками сохранилось название RO:M5OI2 «ромей, новогреки».

Самым существенным промахом подавляющего большинства попыток установить этимологические связи определённых слов бывает то, что эти слова изучаются в отрыве от своего естественного окружения, от того «контекста», в котором они живут, часть которого как некоего смыслового целого они составляют.

Надо понять то, что совершенно бесполезно было бы доискиваться этимологии слова «перочинный», не обращая внимания на слова «ножик», на выражение «чинить перо» (откуда и «чинить карандаш»), на выражение «писать пером» и т. д.

Надо понять также и то, что, не зная об употреблении гусиных перьев для письма, не имея понятия о необходимости постоянно заострять их расщеплённый кончик, мы не установили бы с лёгкостью этимологии русского «перочинного ножика» или новогреческого KONTYLOMA2KHAIRO с их характерным изменением значения: 1) «ножик для чинки писчих перьев» > 2) «небольшой складной ножик».

Мы говорим, что все такие выражения, как в данном случае «перочинный ножик», «чинить перо», «писать пером» и пр., составляют «специальный кон-

---

¹ Уперше опубліковано в: А.А.Белецкий. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). – К.: Изд-во Киев. гос. ун-та им.Т.Г.Шевченко, 1950. – С. 50-120.

² Див. систему транслітерування, прийняту А.О.Білецьким у цій праці, далі в розділі «Система транслитерации».

текст» (или как выражаются филологи-классики: TO2POS EKSE:GE:TIKO2S, или DIDASKALIKO2S) для установления этимологии слова «перочинный».

Этимологии, установленные без изучения «специального контекста», не могут настолько приближаться к истине, как этимологии, установленные на основании изучения всех тех связей, которые обнаруживаются в «специальном контексте».

Множество этимологий, установленных без изучения «специального контекста», жиждутся только на двух критериях: фонетическом (звуковая сторона) и семантическом (смысловая сторона).

О том, что оба эти критерия во многих случаях недостаточны, известно всем языковедам, но, к сожалению, не всегда это бывает известно представителям смежных наук и широкой публике.

Можно привести такой пример: на языке племени аранта в Центральной Австралии слово KAPUTA обозначает «голова»³. Латинское *caput* имеет такое же значение. Однако ни звуковая, ни смысловая стороны в данном случае не являются достаточными для установления связи названных форм, против возможной связи которых говорят пространство и время.

§ 17. Не менее важным, однако, наряду со «специальным контекстом» оказывается и то, что можно было бы назвать «историческим контекстом».

В примере с перочинным ножиком так можно назвать сведения об употреблении гусиных перьев и необходимости заострять их кончики для успешного использования.

Этот «исторический контекст» для исследователей, занятых установлением этимологии, так же, как для всех языковедов и филологов, обозначает необходимость исторического подхода к изучаемому материалу, необходимость всестороннего изучения его с учётом тех областей, с которыми по своему смысловому значению непосредственно связаны изучаемые факты и явления языка.

Речь идёт, конечно, в первую очередь о взаимосвязи общественных наук...

Именно поэтому мы можем сказать, что этимологическое исследование тогда становится наиболее ценным и плодотворным, когда оно является одновременно также историческим исследованием.

В особенности это надо сказать об этимологиях собственных имён, названий племён и народов и географических названий: здесь каждое этимологическое исследование должно производиться так, чтобы этимология давала бы возможность заполнить пробелы в наших знаниях истории, а всё, что известно уже из истории, было бы использовано для установления этимологических связей.

Дальше мы несколько подробнее остановимся на этих исследованиях в области ономастики, этнонимии и топонимии.

§ 18. До сих пор мы обращали внимание преимущественно на изменения значений, но не самих по себе, а в связи с теми формами, которые их выражают. Теперь обратим внимание на эти изменения с иной точки зрения.

---

³ Это слово мне запомнилось из книги Альфа Соммерфельта «Язык и общество» (*La langue et la société* (Oslo, 1938) в предложении: *eratara apta kapitita urkialela loltaraka* «они оба змеи голову копьём придавили».

Если мы сравниваем основной словарный фонд древнегреческого языка с таким же фондом новогреческого, то видим, что одно и то же значение в этих языках очень часто бывает выражено различными словами и даже нередко – словами с различными корнями.

Достаточно будет упомянуть существительные: A2NTHOS – LOYLOY3DI «цветок», KE:3POS – PERIBO2LI «сад», OI3KOS, OIKI2A и пр. – SPI2TI «дом», KO:2ME: – KHO:RIO2 «село», O2ROS – BOYNO2 «гора», DRY3S – BALANIDIA2 «луб», OSTOY3N – KO2KKALO «кость», GASTE:2R – KOILIA2 «живот», NO:3TON – RA2KHE: «спина», HY2DO:R – NERO2 «вода», PY3R – PHO:TIA2 «огонь» и т. д.; прилагательные: ME2LAS – MAY3ROS «чёрный», LEYKO2S – A2SPROS «белый», ERYTHRO2S – KO2KKINOS «красный», MESTO2S – GEMA2TOS «полный», KENO2S – A2DEIOS «пустой», TAKHY2S – GRE:2GOROS, или GLE:2GOROS «быстрый, скорый», PAKHY2S – KHONTRO2S «толстый» и т. д.; глаголы: LAMBA2NO: – PAI2RNO: (или PE2RNO:) «беру», AI2RO: – SE:KO:2NO (или SE:KO2NO:) «поднимаю», EKSE2RKHOMAI – BGAI2NO: «выхожу», ESTHI2O: – TRO:2GO: «ем», RHE:2GNYMI – SPA2NO: «ломаю», KRA2ZO: – PHO:NA2ZO: «кричу», EPILANTHA2NOMAI – KSEKHNO:3 «забываю» и т. д.

Правда, при ближайшем рассмотрении нередко оказывается, что эти новые слова уже существовали в древнем языке наряду со старыми словами, но с некоторым «оттенком» основного значения.

В древнегреческом языке наряду со словом O2ROS «гора» можно найти и BOYNO2S «пригорок, холм», NO:3TON «спина» – RHA2KHIS «спинной хребет», ME2LAS «чёрный» – AMAYRO2S и MAY3ROS «тёмный», ERYTHRO2S «красный» – KO2KKINOS «ярко-красный», ESTHI2O: «ем» – TRO:2GO «грызу», EKSE2RKHOMAI «выхожу» – EKBAI2NO: (> BGAI2NO:) тоже «выхожу» и т. д.

Следовательно, если слово A2NTHOS из обиходного языка переместилось в язык книжный, а в обиходном языке получило распространение новое слово LOYLOY3DI, то тут речь идёт об изменении формы, а не значения⁴.

Напротив, если слово PERIBO2LION «загородка» стало применяться для обозначения «сада» (ср. KE:3POS), то значение его изменилось: 1) загородка, огороженное место > 2) огороженный сад.

Если в древнегреческом языке слово AI2LOYROS («кот», «кошка») было обиходным, то теперь оно стало только зоологическим термином, а слова GA2TOS и GA2TA (ср. лат. *cattus* и *catta*) стали обиходными.

То же самое было со словом древнегр. KY2O:N «собака» – новогр. SKYLI2 (и SKY2LOS, SKY2LA), ср. древнегр. SKY2LAKS «собачка, щенок».

В подобных случаях изменения сводятся к тому, что одна из синонимичных форм (AI2LOYROS и KY2O:N) вытесняется за пределы обиходного языка, а другая (*cattus* и SKY2LAKS), утрачивая некоторый оттенок своего значения

⁴ Относительно новогр. LOYLOY3DI (имеется также соответственная албанская форма LULE существует предположение, что оно связано с латинским *lilium*. Если это верно, то слово *lilium* на Балканском полуострове претерпело расширение значения (название вида употреблено для названия рода).

(ср. *felis* и *cattus*; SKY2LAKS > SKYLI2ON: 1) «маленький пёс», молодой пёс» > 2) «собака», т. е. расширение), выдвигается на место прежней формы.

Отсюда должно стать понятным, насколько важно при этимологическом исследовании предварительно изучить весь круг синонимов той формы, связи которой восстанавливаются.

§ 19. Если слово начинает выступать в качестве постоянного определения при другом слове, то можно предполагать, что определяющее слово заменит определяемое, если станет осуществимым пропуск последнего («эллипсис»).

Так возникли новогреческие SYKO:3TI «печень» из TO4 SYKO:TO4N HE:3PAR «печень (животного), откормленного фигами», NERO2 «вода» из TO4 NEARO4N HY2DO:R «свежая вода», PONTI2KI, или PONTIKO2S «мышь» из HO4 PONTIKO4S MY3S «понтийская мышь», KIMO:LI2A «мел» из HE: KIMO:LI2A GE:3 «кимолийская земля», STER5A2 (STEREA2) «суша, материк» из HE: STEREA4 GE:3 «крепкая земля» (ср. «континент» : *terra continens* «непрерывная земля») и т. п.

Таким образом, при эллипсе определяемого определяющее сначала сузило свое значение (TO4 NEARO2N «свежая вода»), а потом расширило путём устранения своего оттенка («свежая, чистая»; этот оттенок существовал до тех пор, пока TO4 NEARO2N противопоставлялось HY2DO:R THOLO2N, THOLERO2N, TARAKHO:3DES, TETARAGME2NON, AKA2THARTON, BORBORO:3DES и т. п.).

Здесь можно говорить о перемещении смыслового ударения, в результате которого происходит изменение значения: HY2DO:R **NEARO2N** > **HY2DO:R NEARO2N** > NEARO2N (> NERO2).

Древнегреческое слово NAY3S «корабль», давшее множество производных (NAY2TE:S «моряк», NAY3LOS «плата за проезд на корабле», NAYTI2LOS «морское животное (= кораблик)», NAYA:GEI3N «терпеть кораблекрушение», NAYMAKHEI3N «вести морское сражение», NAYPE:GEI3N «строить корабль», NAY2STATHMOS «пристань, гавань» и т. д.), само имело архаическое (неправильное уже в классическую эпоху) склонение: атт. NAY3S, род. пад. NEO:2S, дат. пад. NE:I2, вин. пад. NAY3N и т. д.

Естественно, что со временем оно вытесняется синонимом PLOI3ON (с корнем глагола PLEI3N «плыть, плавать»), у которого склонение не было затруднительным.

По-новогречески можно сказать POLLOI4 NOMA3TOI «много людей, много народу». Этимология этого слова NOMA3TOI – ясна: оно связано со словом O2NOMA «имя».

В новогреческом языке есть ряд образований с суффиксом -ATOS латино-романского происхождения (ср. GEMA3TOS «полный», MYRO:DA3TOS «душистый», KHIONA3TOS «снежный», TREKHA3TOS «бегущий» и пр.).

Таким же образованием было и *ONOMA3TOS > NOMA3TOS = O:NOMASME2NOS «поименованный» > «особа», «человек».

В данном примере изменение значения наблюдается уже у самого новообразования (O)NOMA3TOI, для которого использованы такие формы, как O2NOMA и ONOMA2ZO:.

Следовательно, этимологией этого слова можно считать указание на формальную связь его с названными формами, использованными в качестве материала для его образования, и указание на изменение его значения.

Новогреческое слово SOY3PHRA «морщина, складка» является так называемым «обратным» образованием от глагола SOYPHRO2NO: (или SOYPHRO:2NO:): 1) «морщу, мну, делаю складки > 2) (метафора) «прячу (в складке), утаиваю».

Со своей стороны, глагол SOYPHRO2NO: сложился на основе более старого глагола SYNOPHRYOY3MAI «сдвигаю брови, морщу лоб» (ср. SY2NOPHRYS 1) «со сдвинутыми бровями, с наморщенным лбом» > 2) «угрюмый, мрачный», от слова OPHRY2S > OPHRY2DION > новогр. PHRY2DI «бровь») в результате разрушения первоначальной формы и расширения её значения.

Следовательно, этимологией этого слова SOY3PHRA будет указание на связь его с глаголом SOYPHRO2NO:, затем на возникновение данного глагола из SYNOPHRYOY3MAI с изменением формы и значения, и, наконец, объяснение того, что SYNOPHRYOY3MAI связано с SY2NOPHRYS и в основе его лежит OPHRY2S «бровь» (русское слово имеет общую основу с греческим).

§ 20. Здесь естественно возникает вопрос: до каких же пор слово остаётся «самим собой», если его форма и значение могут изменяться почти беспредельно?

Понятно, что этот вопрос уже выходит за пределы собственно этимологических исследований, поскольку в их пределах остаётся восстановление утраченных или слабо различаемых связей вполне конкретных форм.

Можно сказать, что в этой области исследуются именно изменения форм и их значений без определения абсолютных «начала» и «конца» изменений.

Если прибегнуть к сравнению из области планиметрии и представить изменения форм и значений в виде двух кривых линий, то можно сказать, что мы видим эти линии в большинстве случаев нигде не соприкасающимися (соприкосновение их обозначало бы конец прежней или начало новой истории относительного единства формы и содержания, т. е. того, что здесь называется «словом»), причём мы устанавливаем на линии формы точку **a**, которой соответствует такая же определённая точка **b** на линии значения, и наблюдаем колебания обеих линий до некоторых точек **a₁** и **b₁**. Отрезок линии формы **a – a₁** и соответственный отрезок линии значения **b – b₁**, есть то, что является здесь предметом исследования.

Соответствие **a** и **b** обеих линий в каждый данный момент выступает как вполне определённая величина, которую можно называть «формой слова», а всё пространство от одного соприкосновения линий до другого, являющееся уже величиной иного порядка, величиной относительной и исторической, можно называть просто «словом».

В линии формы мы наблюдаем последовательные (фонетически закономерные) или непоследовательные (совершающиеся под действием аналогии или просто аналогические) изменения, а в линии значения – изменения в сторону расширения или сужения, или же перемещения из одной семантической сферы в другую (всякого рода «метафоры»).

Чтобы не задерживаться дольше на этом вопросе, я сошлюсь на труды акад. В. В. Виноградова из области лексикологии и фразеологии русского литературного языка, в которых решается и этот теоретический вопрос⁵.

§ 21. Каким же образом может существовать какой бы то ни было «семантический критерий», если значение изменяется так же, как и выражающая его звуковая форма?

На первый взгляд ничто не указывает на связь значения слова (новогр.) PA2STRA «чистота» со значением слов SPA2RTOS, SPA2RTON (SPA2RTE:, SPARTI2ON) «растения (Spartium junceum и Stipa tenacissima), из которых изготовлялись такие изделия, как плетёные корзины, верёвки, веники, метёлки и пр.». О том, что различаются они по своей внешности, нечего и говорить. Однако «первого взгляда» в таких вопросах недостаточно.

Если разыскать другие формы, связанные с уже указанными, то оказывается возможным восстановить такую цепь изменения и форм и значений: 1) SPA3RTOS – а) определённый вид промышленного растения > б) изделия из него, в частности – «метёлка, веник», 2) произведенный от предыдущего глагол SPARTEY2O а) «мету» > б) «чищу», 3) подвергшаяся непоследовательным фонетическим изменениям его форма SPASTREY2O: с тем же значением «чищу», 4) дальнейшее видоизменение её же PASTREY2O:, 5) произведенная от последнего «обратная» (псевдо-первичная в новой системе словообразования) форма PA2STRA «чистота» (PASTRIKO2S «чистый, опрятный» и пр.)⁶.

Ясно, что в подобном случае «семантический критерий» вступает в действие тогда, когда мы можем у глагола SPARTEY2O: отметить расширение значения вроде «мету» > «чищу».

Семантический критерий оказывается хорошей опорой, когда близость значений не подлежит сомнению: новогреческое KOYRNIAKHTO2S «дорожная пыль», несмотря на непоследовательность фонетических изменений, разрушивших прежнее морфологическое членение этого слова, без особого труда обнаруживает свою связь с древнегреческим KONIORTO2S, у которого выделяются составные части KO2NIS «пыль» и корень глагола ORNY2NAI «поднимать».

§ 22. Установление того, что древнегреческие PLE:2RE:S и MESTO2S оба имеют значение «полный, наполненный», конечно, никоим образом не может служить семантическим критерием, свидетельствующим о существовании связи не только между значениями, но и между звуковым составом обеих форм.

Зато между PLE:2RE:S и PLE:3THOS, несмотря на известное различие форм и весьма заметное различие в значениях «полный» и «множество, обилие,

⁵ Я имею в виду прежде всего статью «О формах слова», ИАН СССР, ОЛИЯ. т. III. вып. I, 1944 и затем «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины». «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», Л., 1946, 45-69.

⁶ В этимологических словарях древнегреческого языка (а для новогреческого мы не располагаем сводкой этимологических исследований), из которых я здесь имею в виду, конечно, словарь Эмиля Буазака, с названием растений SPA2RTOS или SPA2RTON связываются ещё такие формы, как SPEI3RA «спираль» (– SPEIRA3N «завивать, закручивать спиралью») и SPYRI2S, уменьш. SPYRI2DION «корзина» (ср. латин. *sporta*, *sportula*). Такая связь вообще возможна, но многих необходимых «звеньев» ещё не найдено.

толпа» существование этимологической связи считается доказанным, поскольку у них выделяется общий корень PLE:-, содержащийся также в глаголе (ЕМ)PI2M-PL E:-MI «наполняю».

Доказанной также считается связь этого PLE:2RE:S с латинским *ple:nus* «полный» (ср. *ple:re*), несмотря на различие суффиксов, и с древнеиндийскими PU:RN9AH, PRA:N9AH, литовским *pilnas*, древнеслав. *плньнъ*, русским *полный*, *полон*. Тут мы уже находим сочетание фонетического критерия с семантическим.

На первый взгляд может показаться, что португальское *cheio* кроме значения не имеет ничего общего с латинским *ple:nus*. Однако такое впечатление рассеивается по мере того, как мы узнаём, что в португальском языке звук **ch-** (ш) систематически соответствует начальным сочетаниям **pl-**, **cl-** латинского языка, а латинское **-n-** между гласными также систематически пропадает. Если мы уже располагаем такими фактами из области исторической фонетики португальского языка, то мы можем без колебания установить отношение *ple:nu(m): cheio*, которое не будет нам казаться более странным, чем связь с этой же латинской формой испанского *lleno* и итальянского *pieno*.

§ 23. В древнегреческом языке название луны SELE:2NE: было связано со словом SE2LAS «свет, сияние, блеск», также «молния, луч, огонь».

Первоначальное значение этого слова SE2LAS неизвестно, но SELE:2NE, во всяком случае, по морфологическим признакам является произведенным от него прилагательным SELA(S) + NAIA > SELA:2NA (дорич.) > SELE:NAI2A > SELE:2NE: (ионич.). Эта связь была настолько прочной, что сохранилась и в новогреческом: древнегр. PHE2GGOS (то же значение, что и SE2LAS, PHE2GGEIN «светить» и т. д.) дало производное PHEGGA2RI(ON) со значением «луна».

Эту же самую связь значений можно установить и в латинских словах *luna* (< *LOUKSNA) и *lux* «свет», *lucere* «светить» (ср. гр. LY2KHNOS «светильник»), не говоря уже о других языках. Понятно, что установление этой семантической связи «свет» : «луна» может служить известной вехой в этимологических изысканиях. Зная о существовании такой связи, мы можем сразу ориентироваться в отношении армянского LOY5S «свет» к LOYSIN, LOYSN5AK, LOYSNAK «луна».

Мы с уверенностью устанавливаем фонетическую связь латинского *lux* с осетинским *рухс*, опираясь на их общее значение «свет». Однако в осетинском языке в отличие от названных выше корень слова *рухс* не связан с названием луны *мæдй*. То же явление наблюдается и в других языках так называемой индоиранской группы.

Соответствие осетинскому *мæдй* мы находим в новоперсидском МА:Н «луна, месяц», в древнеиндийских МА:Н, род. пад. МА:SAH, им. пад. МА:SAH, род. пад. МА:SAS5A и пр., у которых общий корень близок к латин. *mensis*, русс. *месяц*, а также гр. ME:2N, род. пад. ME:NO2S.

Специалисты по сравнительной фонетике индоевропейских языков могут доказать, что в достаточно различных по форме словах древнегр. DOLIKHO2S⁷

⁷ Наличие I в греческой форме ещё не было объяснено достаточно убедительным образом. С DOLIKHO2S, конечно, связана сложная форма EN-DELE-KHE:2S «продолжительный, непрерывный», но эта связь не даёт возможности разобраться в фонетических

и латин. *longus* с общим значением «долгий, длинный» содержится также общий корень *DO!LGH-:DLO!(N7)GH-, причём различие между греческой и латинской формой в конечном счёте объясняется различием двух древнейших видов их общего корня, существование которых обусловлено действием подвижного ударения.

Фонетически обоснованной является также связь знаменательной морфемы латинского глагола *indulgeo, indulsi, indultum, indulges* «снисхожу, благоволю» и т. д. с первым видом указанного корня (*DOLGH-), хотя семантический критерий в данном случае приобретает вес лишь при решающем значении фонетического критерия.

§ 24. Если бы корни (простые знаменательные морфемы) и основы (сложные знаменательные морфемы) являлись определёнными постоянными величинами, видоизменяющимися только по фонетическим «законам», то фонетический критерий имел бы существенное преимущество перед семантическим. Но ничего подобного не наблюдается, потому что корни и основы существуют только в составе подверженных всяческому (в том числе и непоследовательным) изменениям элементов живого языка. С этим затрудняющим, но естественным и предвиденным обстоятельством нелегко свыкнуться.

Мы говорим, что корень является предельной знаменательной величиной всякой самостоятельной формы, но самое выделение его из такой формы является во многих случаях (особенно в индоевропейских языках) относительным и условным.

Есть ли «корень» в русском слове *итог*, которое сложилось из выражения *и того*? С точки зрения морфологии современного русского языка форма *итог* является уже неделимой, т. е. новообразованным корнем.

Примерно так же, как с русским *итог*, обстоит дело с греческим прилагательным EPITE:2DEIOS «удобный, полезный, годный, способный» и т. д. Оно построено на основе выражения EPITE:DE2S или (атт.) EPI2TE:DES, которое по догадке одного исследователя (Карла Бругманна) сложилось из *EPI4 TO4 (H) E:3DOS «на благо» (у Гесихия HE:3DOS – HE:DONE:2 KAI4 O2PHELOS) затем «должным образом, достаточно, умышленно» и т. д. Однако реконструированное EPI4 TO4 (H)E:3DOS не вполне объясняет EPITE:DE2S (гомер.), не говоря уже об исчезновении густого придыхания, но даже в отношении места нового объединяющего составные части ударения. Короче говоря, поскольку членимость слова определяется возможностью сопоставления его с другими формами, т. е. его этимологическими связями, в слове EPITE:DE2S мы можем выделить только префикс EPI-.

§ 25. В связи с вопросом о «корне» рассмотрим историю новогреческого слова LE2RA «грязь, нечистота, грязное пятно»⁸. В новогреческом языке оно

особенностях первой формы. Также необъясненным остаётся отсутствие начального D в литовской форме ILGAS (ср. древ.-слав. *длѣгъ*). Несомненной является связь хеттского клинописного DALUGAS с формами *длѣгъ, долгий* и т. п.

⁸ В переносном значении слово LE2RA употребляется как ругательство «негодяй, мошенник, прохвост».

связано с прилагательным LERO2S «грязный, нечистый» и глаголом LERO2NO: (или LERO:2NO:) с его производными.

Если бы нельзя было заглянуть глубже в наслоения веков, то пришлось бы ограничиться выделением общего корня LER- и утверждением, что все эти формы являются «параллельными», т. е. независимо от их взаимоотношений – производными некоей предполагаемой первичной формы, содержащей их общий корень LER-.

Однако можно заглянуть глубже и увидеть, что новогреческое LERO2S выросло из ещё древнегреческого OLERO2S (таким образом LERO2NO: является производным от LERO2S, а LE2RA извлечено в качестве псевдо-первичной формы из форм этого глагола).

Ещё дальше можно проследить, что OLERO2S получилось в результате «неправильного» понимания состава прилагательного THOLERO2S «грязный, мутный, илистый», бывшего производного от существительного THOLO2S «грязь, муть, ил»⁹.

Если бы пришлось ответить на вопрос о том, какой «корень» в слове OLERO2S, без возможности установления его связи с THOLERO2S, то в качестве «корня» было бы указано OL-, поскольку -ERO2S отделяется как суффикс ряда прилагательных (NO2TOS : NOTERO2S, KRA2TOS : KRATERO2S и т. д.).

Новая форма OLERO2S была извлечена из такого, например, сочетания, как THOLERO4N (HY2DO:R) в понимании TO4 (H)OLERO4N (HY2DO:R) > OLERO2N.

Следовательно, с исторической точки зрения в новогреческом слове LE2RA: можно усмотреть жалкие остатки прежнего корня слова THOLO2S (только L!) и превратившийся в часть нового «корня» суффикс -ER-(O2S). При всех этих фонетических изменениях основное значение древнегреческого THOLO2S сохранилось в новогреческом LE2RA:.

§ 26. В одном месте Одиссеи (ε 249) мы находим слово E2DAPHOS (род. пад. EDA2PHEOS > EDA2PHOYS) в значении «дно ладьи или корабля» (ср. таблицу VII, L, в «Wörterbuch zu den homerischen Gedichten» Аутенрита–Кеги, 11°, 1908).

Это же слово впоследствии стало обозначать вообще всякое дно (= «основание»), «почву», «землю», «пол» «русло» и в новогреческом – «территорию». Сопоставляя это слово с другими существительными, в нём как будто можно выделить суффикс -APH-(-ES) < -(A)PHO-(S), встречающийся, главным образом, в названиях животных (ср. KO2RAPHOS – KORO:2NE: – KO2RAKS названия птиц, THE:2R – THE:RA2PHION уменьшительное «зверь»: «зверёк»).

Если это выделение является правильным, то остаток от вычитания предполагаемого суффикса -APHOS должен быть корнем ED-.

При сопоставлении E2DAPHOS с близким по значению E2DETHLON, в котором также возможно отделить суффикс -(E)THLO(N). в результате чего оста-

⁹ В новогреческом языке THOLO2S является прилагательным «мутный, грязный». Производный глагол THOLO2NO: обозначает «делаю мутным, мучу» и «становлюсь мутным, мутнею».

нется такой же корень ED-, обращает на себя внимание одно общее условие у обеих форм: наличие придыхания в суффиксах -APHOS и -ETHLON.

Это условие позволяет установить связь между корнем ED- и корнем HED- в формах HE2DOS, HE2DRA:, HE2DRANON, HEDO:2LION, а также в глаголе HE2ZOMAI «сизжу» (<*HE2D5OMAI, латин. *sedeo*).

Таким образом, в истории слова E2DAPHOS, если только она верно восстановлена, можно наблюдать нечто противоположное тому, что было отмечено в истории слова LE2RA:. В этом последнем наблюдалось почти полное разрушение древнего корня и образование нового при сохранении основного значения (THOLO2S : LE2RA:); напротив, слово E2DAPHOS сохранило почти неизменённым древний корень HED-(< SED-), но значение («сидение») существенно изменилось (ср. «дно, почва, земля, пол»).

Теперь попробуем оценить рассмотренную здесь этимологию слова E2DAPHOS. В пользу существования связи между E2DAPHOS и HE2ZOMAI можно привести:

- 1) фонетическое соответствие ED- : HED- (HEZ- < HED + 5); утрата начального придыхания объясняется наличием придыхания в предполагаемом суффиксе;
- 2) семантическое соответствие: сидение >дно (корабля) > почва, пол > земля;
- 3) наличие параллельных образований от корня HED- : без придыхания E2DETHLON и с придыханием – HE2DRA, HE2DRANON, HEDO:2LION (кресло, сидение, скамья).

Против существования такой связи можно привести:

- 1) единичность предполагаемого суффикса -APHES; ср. -A2PHION, суффиксы -APHOS, -APHE: – названия животных.

Это возражение могло бы оказаться несущественным, если бы удалось доказать, что первоначально была форма *E2DAPHON, а не E2DAPHOS, но под воздействием параллельных форм вроде HE2DOS (род. пад. HE2DEOS, суффикс -ES) образовался сложный суффикс без засвидетельствованных точных соответствий.

Следовательно, даже при формальном счёте 3 : 1 указанная этимология пока что сохраняет в свою пользу два основания.

В этой этимологии как дополнение фонетического критерия, поскольку устанавливается членимость формы E2DAPHOS, используется ещё морфологический критерий не менее важный, чем оба уже названные – фонетический и семантический.

Морфологический критерий обозначает знание словопроизводства данного языка как в его наиболее распространённых и активных, так и в наименее распространённых и пассивных формах.

§ 27. Часто можно встретить в описательных грамматиках распределение словообразовательных морфем на «продуктивные» и «непродуктивные». Здесь в связи с основной темой надо сделать относительно этого «дихотомического» распределения некоторую оговорку.

Следует подчеркнуть, что одна и та же служебная морфема в одних словах может быть производительной, а в других – непроизводительной.

Ограничусь примерами из краткой «Грамматики новогреческого народного языка» Альберта Тумба¹⁰, где дан «Обзор суффиксов» (стр. 157-166).

Этот «Обзор» уже потому является весьма поверхностным, что рядом с настоящими суффиксами в него включены такие окончания (особенно – иноязычных слов), которые, будучи одинаковыми, могут быть по фонетическому сходству друг с другом отделены, но которые в пределах греческого языка не имеют никакого значения и не могут быть использованы для производства новых форм.

Таковы, например, псевдо-суффиксы -ATSA в словах ΜΡΕΚΑ2TSA «кулик, бекас» и ΜΡΟΥΝΑ2TSA «затишье, штиль», потому что в греческом языке нет соответственных корней ΜΡΕΚ- и ΜΡΟΥΝ-, или -ATA в словах ΝΤΟΜΑ2ΤΑ «томат, помидор» и ΡΑΤΑ2ΤΑ «картофель», или -ΕΤΟ в ΚΟΥΡΗΕΤΟ «конфета» и ΜΡΟΥΚΕ2ΤΟ «букет», или -ΙΡΙ в ΜΡΑΚΙ2ΡΙ «медь» и ΤΕΡΕΣΙ2ΡΙ «мел» – на тех же основаниях.

С таким же успехом любую рифму из словаря рифм можно было бы причислить также к суффиксам.

Никто, однако, не будет отрицать того, что в современном греческом языке сохраняется древний суффикс имён женского рода -Ι2Α наряду с новой его формой -ΙΑ2 > 5Α2 – ΗΙΣΤΟΡΙ2Α (ср. древнегр. ΗΙ2ΣΤΟ:Ρ), ΝΟΜΙΛΙ2Α (ср. ΝΟ2ΜΙΛΟΣ, ΝΟΜΙΛΟ:3) и т. д.

Но совсем неудачными примерами этого суффикса будут GALANTOMI2A «учтивость, галантность» и SKAMPABI2A «лёгкое военное судно» (неаполитанцев и сицилианцев в XIX в.), потому что эти слова – итальянского происхождения и не содержат греческого производительного суффикса -Ι2Α.

Можно внести ещё уточнение: и в итальянском языке в соответственных словах неравноценные окончания. От прилагательного *galante* «любезный, изящный» и *uomo* «человек, мужчина» образовано *galantuomo* «честный, человек», а от этого – *galantomismo* «честность».

Следовательно, в греческом GALANTOMI2A может быть такое же окончание, как в итальянских словах -Ι!Α (ср. *malattia* : *malato*; в конечном счёте – суффикс греческого происхождения).

Напротив, в составном слове *scampavia* (*scampa* – от глагола *scampare* «спасать» и *via* в качестве наречия «прочь») окончание -ia не является суффиксом, но частью первоначально самостоятельной формы *via*.

Если бы мы действовали даже путём простого вычитания «суффикса», то и тогда формы GALANTOM- и SKAMPAB- убедили бы нас в том, что -Ι2Α в таких словах не является продуктивным суффиксом, как в ΕΛΕΥΤΗΡΙ2Α наряду с ΕΛΕΥ2ΤΗΡΟΣ, в DE:ΜΟΚΡΑΤΙ2Α наряду с DE:ΜΟΚΡΑ2ΤΕ:S и в прочих т. п.

Неправильно также в этом «Обзоре» как примеры суффикса -ΕΛΙ (№ 33) приведены ΑΜΡΕ2ΛΙ (виноградник), ΡΑΙΔΑΡΕ2ΛΙ (ср. ΡΑΙΔΙ2 «ребёнок», сложный суффикс -ΑΡΕΛΙ), ΜΡΙΖΕ2ΛΙ («горох», ср. итал. *pisello*, древнегр. ΡΙ3ΣΟΝ),

¹⁰ Grammatik der neugriechischen Volkssprache von Albert Thumb, neubearbeitet von Johannes E. Kalitsunakis, B.-L., 1928 (Sammlung Göschen).

KOYNE2LI («кролик», ср. латин. *cuniculus*, древнегр. KO2NIKLOS, (итал. *coniglio*).

Можно поставить вопрос: есть ли вообще в новогреческом языке суффикс -ELI?

Из приведенных примеров его можно обнаружить (как очень слабо продуктивный) в слове PAIDARE2LI, которое расчленяется PAID-AR-EL-I. Его можно рассматривать как сложный, потому что звук I сам по себе представляет в высшей степени производительный суффикс в новогреческом языке.

Форма AMPE2LI выросла из AMPE2LION, а эта последняя из древнегр. A2MPELOS, основа которой AMPEL(O)- была нечленимой уже в древнегреческих диалектах.

Если даже игнорировать эти факты, то опять-таки простое вычитание покажет нам, что предполагаемый суффикс -ELI в данном случае является совершенно непродуктивным: AMP- не имеет значения и существует лишь в сочетании AMPEL-.

То же самое остаётся сказать о MPIZE2LI (MPIZ-?) и KOYNE2LI (KOYN-?).

Насколько неплодотворными бывают «механические» сопоставления, можно видеть, например, из сопоставления новогреческих KOYNE2LI «кролик» и KOYNA2DI «куница».

В обеих формах как будто общий корень KOYN- и разные суффиксы -ELI и -ADI (ср. древнегр. PE:GE:2 «источник, ключ, родник» – новогр. PE:GA2DI «колодец» и т. п.).

Кстати сказать, слово KOYNA2DI мы находим в том же «Обзоре» как пример суффикса -ADI (№ 3).

Слово KOYNA2DI содержит общий корень со славянскими *куна* и *куница*. В древнегреческом языке это животное называлось словом GALE2E:, GALE:3 (вероятно, также и другие мелкие хищники: ласка и хорёк).

Происхождение формы KOYNE2LI связывается с латинским *cuniculus* (значения – «кролик» и «подземный ход», «подкоп», гр. HYPO2NOMOS), откуда сначала – KO2NIKLOS. Это последнее животное, по-видимому, обозначалось также уменьшительным от LAGO:2S «заяц» – LAGI2DION.

Таким образом, при отсутствии корней KOYN- (№ 1) и KOYN- (№ 2), которые фактически существуют только в связи с предполагаемыми суффиксами, отделение самих суффиксов представляется лишённым значения для новогреческого словообразования.

Следовательно, это окончание -ADI, хотя и общего происхождения с суффиксом -ADI в словах PETRA2DI, PE:GA2DI, TETRA2DI и т. п., но не может называться продуктивным суффиксом.

§ 28. В связи со словом KOYNA2DI попутно отметим интересное явление из области семантики: параллельное семантическое развитие в различных, но территориально и в иных отношениях связанных языках.

Если предполагается, что один из языков служит образцом в этом смысле для прочих, то тут можно употребить уже укоренившийся в лексикологии термин «калька». Мелкий хищник «ласка» (*Mustela vulgaris* L.) в новогреческом, болгар-

ском и турецком языках обозначается одинаково словом, которое во всех этих языках является производным от другого соответственного слова со значением «невеста»: новогр. NYPHI2TSA – NY2PHE: (< NY2MPHE:), болг. *невестулка* – *невеста*, тур. *gelin* – *gelincik*.

Чтобы не задерживаться дольше на вопросе о продуктивности и непродуктивности аффиксов, скажем ещё только о суффиксе -OYTSI (№ 105). Для него в «Обзоре» имеются два примера: КОУКОУЗТСИ (также КОУККОУЗТСИ «зерно, косточка, крупинка» и т. д. от древнегр. КО2ККОС) и РАРОУЗТСИ (башмак, туфля, вообще обувь; из тур. *rabuṣ* < персид. РА:PU:S9 «папуш», от слова РА: «нога» и PU:S9I:DAN «надевать»).

Отделить суффикс -OYTSI в КОУККОУЗТСИ можно, опираясь только на такое слово, как КОУККИ2 «боб», которое тоже произведено от КО2ККОС > КОККИ2ОН, но по значению своему сузилось.

Для этого же ещё можно привлечь группу: КОУККОУНА2РИ «орешек» (из шишек хвойных деревьев), КОУККОУНА2РА «шишка» (хвойных деревьев), КОУККОУНАРИА2 «пиния» (вид сосны), в итоге восходящую к тому же КО2ККОС.

Но выделить этот суффикс -OYTSI указанным способом можно, только учитывая этимологию приведенных слов.

Ясно, что для этого не годятся ни КОУЗККОС («кукушка»), ни КОУККОУБА2ГИА («сова»), ни КОУККОУЗЛА («капюшон») и т. п., в которых чисто механически отделяется составная часть КОУКК-. Иными словами, в этой форме КОУККОУЗТСИ предполагаемый суффикс выделяется только в историческом плане, но не в плане «синхроническом», в котором составлен «Обзор суффиксов».

О слове РАРОУЗТСИ остаётся сказать, что оно только «рифмуется» с остальными словами на -OYЗТСИ, но его окончание никак нельзя считать суффиксом: его составная часть РАР- не имеет ничего общего с какими-либо греческими словами.

Совсем другое дело суффикс -OYTSIKOS у новогреческих прилагательных вроде ΜΙΚΡΟ2S – ΜΙΚΡΟΥ2TSIKOS, ΚΑΛΟ2S – ΚΑΛΟΥ2TSIKOS и пр. Это настоящий суффикс и продуктивный в системе словообразования.

§ 29. Из сделанных замечаний ясно, что: 1) аффиксы нельзя выделять механически, т. е. без учёта системы словообразования данного языка и этимологических связей составных частей изучаемой формы; 2) одинаковые по форме аффиксы в одних случаях могут быть производительными, а в других случаях – непроизводительными.

В результате изменений в лексике (например, исчезновение первичной формы при сохранении её производных форм), в системе словообразования (например, превращение продуктивных аффиксов в непродуктивные, вымирание прежних аффиксов, «перераспределение» в пределах слова знаменательных и служебных морфем, т. е. изменение их прежних границ), в звуковой и смысловой стороне слова (фонетические и семантические изменения) происходит разрыв

прежних этимологических связей, явление которое акад. Л. А. Булаховский называет «деэтимологизацией»¹¹.

Так, например, новогреческое слово DO2KSA в значении «радуга» порвало связь со словом TO2KSON «лук, дуга» и слилось со словом DO2KSA «слава» (ср. TO4 OYRA2NION TO2KSON «радуга»).

Такой же разрыв с TOKSA2RION произошёл у новогреческого DOKSA2RI «лук, дуга, смычок», которое сблизилось с этим же DO2KSA, ставшим омонимом [ср. значения 1) «слава», 2) «радуга»].

Происхождение другого названия «радуги» можно проследить, учитывая, что оно является «деэтимологизацией» целого словосочетания: KYRASELE:2NE: или KERASELE:2NE: (и другие формы в диалектах Южных Спорад)¹².

В результате деэтимологизации у этого новообразованного слова наметилась чисто внешняя связь с названием луны SELE:2NE:.

Первоначально здесь было описательное название радуги – ZO:2NE: или ZO:NA2RI KYRA3S HELE2NE:S «пояс госпожи Елены» (исходная форма для KERASELE:2NE: была, следовательно, KYRA3S + HELE2NE:S). Это «языческое» выражение аналогично христианскому ZO:NA2RI PANAGI2AS с тем же значением «радуга».

Мимоходом отметим ещё новые ассоциации, которые возникли у этого KERASELE:2NE:, а именно: KE2RAS + SELE:2NE:(S) «рог луны» и KE2RAS + EIRE:2NE:(S) «рог Ирины» и т. п.

Одним словом, надо признаться, что в данном случае исследователь находится в сравнительно благоприятных обстоятельствах в виду обилия материала, но разбираться в нём было бы очень нелегко, если бы не существовало первичного выражения ZO:NA2RI KYRA3S HELE2NE:S.

§ 30. Наряду с полной деэтимологизацией (наиболее трудный случай в этимологических исследованиях) следует отметить явление, которое можно назвать «частичной» деэтимологизацией. Оно наблюдается, конечно, в сложных и составных словах.

Если встречающееся ещё в Одиссее и пережившее классическую эпоху слово MESO2DME: «перекладина, поперечная балка»¹³ обнаруживает связи своих частей 1) с прилагательным ME2SOS «средний», 2) с корнем глагола DE2MEIN «строить», то форма аттических надписей MESO2MNE: свидетельствует о деэтимологизации второй (считая «слева направо») части, наступившей в результате

¹¹ См. его исследование «Деэтимологизация в русском языке», ч. I «Труды Института русского языка», т. I, М.-Л., 1949, стр. 147-209.

¹² См. Dieterich Karl, Sprache und Volksüberlieferungen der südlichen Sporaden..., («Schriften der Balkankommission»), Вена, 1908.

¹³ Как термин кораблестроения MESO2DME: обозначал поперечную перекладину, поддерживающую мачту (HISTO2S от основы HI2STE:MI «ставлю») близко от её основания (HISTOPE2DE:), где она была вставлена в гнездо (HISTOTHE:2KE: или HISTODO2KE:). Относительно соответственного термина домостроения мы не располагаем точными сведениями, особенно учитывая то, что этот термин был создан в эпоху деревянного зодчества; ср. «Всеобщую историю архитектуры», том II, кн. I, «Архитектура древней Греции», М, 1949, стр. 13.

фонетических процессов ассимиляции и диссимиляции, завершившихся разрушением первоначальной фонетической структуры.

Новогреческое слово SKANTZO2KHOIROS «ёж» (ср. древнегреческое ΕΚΗΙ3ΝΟΣ) в своём окончании обнаруживает связь со словом ΚΗΟΙ3ΡΟΣ «свинья», но предшествующая этому окончанию часть SKANTZO- является деэтимологизированной.

Есть возможность проследить, что это составное слово развилось из первоначального ΑΚΑΝΘΟ2ΚΗΟΙΡΟΣ, где первая часть была связана со словом Α2ΚΑΝΘΑ (или Α2ΚΑΝΘΟΣ, *Acanthus mollis*) «колючее растение» > «колючка, шип» (новогр. ΑΓΚΑ2ΤΗ).

§ 31. Само собой разумеется, что даже при полной деэтимологизации составного слова легче бывает восстановить прежние связи, чем при полной деэтимологизации простого слова.

Относящееся к области фольклора новогреческое слово ΚΑΛΙΚΑ2ΝΤΖΑΡΟΣ «оборотень» является полностью деэтимологизированным ещё древнегреческим ΛΥΚΑ2ΝΘΡΟ:ΡΟΣ «волкочеловек».

Такого же типа новогреческие формы ΒΡΥΚΟ2ΛΑΚΑΣ, ΒΡΟΥΚΟ2ΛΑΚΑΣ, ΒΟΡΒΟ2ΛΑΚΑΣ, ΒΟΥΡΒΟΥ2ΛΑΚΑΣ, ΒΟΥΡΔΟΥ2ΛΑΚΑΣ «вурдалак, упырь», развившиеся на основе древнегреческих ΜΟΡΜΟΛΥ2ΚΕ:, ΜΟΡΜΟΛΥΚΕΙ3ΟΝ и пр., где выделяются составные части (ср. ΜΟΡΜΟ:2 или ΜΟΡΜΟ:2Ν, у Гесиохия ΜΟ2ΡΜΟΡΟΣ – ΡΗΟ2ΒΟΣ и пр., а также глаголы ΜΟΡΜΟΡΥ2ΣΣΟΜΑΙ, ΜΟΡΜΟΡΥ2ΤΤΟ:, ΜΟΡΜΟΛΥ2ΤΤΟΜΑΙ, ΜΟΡΜΥ2ΝΟ: – ΔΕΙΝΟΡΟΙΟ:3 «устрашаю, ужасаю, пугаю».

Частичная деэтимологизация наблюдается в сложных словах вроде новогреческих глаголов ΔΡΑΣΚΕΛΙ2ΖΟ: «перешагиваю» из ΔΙΑΣΚΕΛΙ2ΖΟ: или ΚΑΤΡΑΚΥΛΟ:3 «качу или качусь вниз, скатываюсь» из ΚΑΤΑΚΥΛΟ:3, в которых появление в префиксах звука **Р** привело к обособлению этих форм ΔΡΑ- и ΚΑΤΡΑ- от соответственных первичных ΔΙΑ- и ΚΑΤΑ-.

Такое распространённое фонетическое явление, как метатеза, неизбежно завершается деэтимологизацией: два новогреческих слова различного происхождения ΡΟΥΡΝΟ2 «утро» (из ΡΟ:ΝΟ2 < ΡΟ:ΙΝΟ2 < ΡΟ:Ι2) и ΡΟΥΡΝΑ2ΡΙ «каменный дуб» (из ΡΙΝΑ2ΡΙ < ΡΙ3ΝΟΣ) неожиданно сблизилась.

Там, где форма является уже застывшей, т. е. нечленимой, метатеза приводит просто к образованию нового слова: в понтийских диалектах древнее Α2ΝΘΡΟ:ΡΟΣ (> Α2ΘΡΟ:ΡΟΣ) превратилось в Α2ΡΘΟ:ΡΟΣ.

§ 32. В качестве образцов полного стирания границ между знаменательными и служебными морфемами можно указать на новогреческие глаголы ΒΓΑ2ΖΟ:, аор. Ε2ΒΓΑΛΑ «вынимаю, вынул» и ΒΓΑΙ2ΝΟ:, аор. ΒΓΕ:3ΚΑ «выхожу, вышел».

Первый глагол развился из древнегреческого ΕΚ-ΒΑ2ΛΛΟ:, аор. ΕΚΣΕ2ΒΑΛΟΝ, а второй – из древнегреческого ΕΚ-ΒΑΙ2ΝΟ:, аор. ΕΚΣΕ2ΒΕ:Ν, причём в результате отпадения начальных гласных (*ΚΒΑ2ΛΛΟ:, *ΚΒΑΙ2ΝΟ:) получилось последующее перемещение в начальных группах согласных

(*BKA2LLO: > BGA2LLO:, *BKAI2NO: > BGAI2NO:), завершившееся проникновением прежнего префикса ЕК- в состав корня.

Вследствие аналогического воздействия форм с начальными и срединными группами согласных типа «щелевой, шумный, однофокусный, (плоскощелевой), заднеязычный, звонкий» + «смычный, сонант, (переднеязычный), дорсальный» или «щелевой, сонант, боковой, (переднеязычный), апикальный»¹⁴ на формы с одиночными начальными и срединными согласными (= сонантами указанных видов) в некоторых случаях в новогреческом языке у этих последних форм появился названный выше щелевой согласный.

Таким образом, G возникло в AGNA2NTIA «напротив» из ENA2NTIA, в E2GNOIA «забота» из E2NNOIA, в SY2GNEPHO «облако» из SY2NNEPHON (ср. древнегр. NE2PHOS) и т. п. Примером начальной группы GL- из L- могут служить GLA2ROS «морская чайка» из древнегр. LA2ROS и GLEI2PHO: «лижу» из древнегр. LEI2KHO:.

Уже у древних лексикографов было отмечено слово LI2GDA примерно с одним и тем же значением, что и в позднейшее время (у Гесихия HE: AKO2NE:, KAI4 HE: KONI2A, у Евстафия – «щёлок», у Поллукса – «глиняная форма», у других ещё в значении LI2GDOS=I2GDIS «ступка» и пр.). В результате метатезы из неё образовались GLI2DA, GLI2NTZA (здесь, конечно, ещё – действие какой-то аналогии), GLI2TSA.

В новогреческой форме GLA2STRA «горшок» (для комнатных растений) из GA2STRA (ср. GASTE:2R), напротив, под воздействием начальной группы GL- других форм появилось -L-.

Эта же группа в глаголе GLYTO2NO: «спасаю(сь), избавляю(сь)» сложилась в результате отпадения начального гласного прежнего префикса ЕК- древнегр. EKLY2O: > EK-LYTOS > *EKLYTO:3 > GLYTO:2NO:.

Весьма сложным является отношение новогреческих форм GLISTRO:3 «скольжу, соскальзываю» и т. п. к GLISTERO2S «скользкий».

Дело в том, что от слова LI2STRON «заступ, лопата, мотыга» был образован глагол EKLISTRO:3 (-A⁽¹⁾3S), который, по-видимому, скрестился с древнегреческим OLISTHAI2NO: «скольжу» и, в конце концов, сложилась новая форма GLISTRO:3.

С другой стороны, прилагательное GLISTERO2S «скользкий», вероятно, представляет последнюю ступень развития древнегреческого OLISTHE:RO2S с тем же значением которое содержит ту же основу, что и глагол OLISTHAI2NO:, аор. O:LI2STHE:SA¹⁵.

§ 33. В связи с последним примером здесь надо остановиться на тех явлениях, которые обозначаются терминами «скрещение» и «контаминация» и соприкасаются с областью «грамматической аналогии».

Однако между грамматической аналогией и скрещением нетрудно усмотреть существенную разницу. Грамматическая аналогия по взаимодействию чле-

¹⁴ Здесь применена фонетическая терминология, принятая в книжке Матусевич М. И. Введение в общую фонетику, Л., 1948, см. стр. 11, рис. 19).

¹⁵ Ср. Pernot H. Recueil de textes en Grec Usuel, Париж, 1918, стр. 76, прим. 78.

нов обычно уподобляется пропорции: если **a** определённым образом относится к **b**, то искомой величиной будет **x**, таким же образом относящийся к **a**₁.

Если, например, в русском языке известно, что существуют отношения: *профессор – профессора, доктор – доктора*, но, с другой стороны, *композитор – композиторы, оператор – операторы* и т. д., то случается, что за образец для производства множественного числа от единственного берутся либо формы с окончанием **-а**, либо формы с окончанием **-ы**.

Поэтому множественное число слова *кондуктор* производится и по образцу первого ряда – *кондуктора*, и по образцу второго – *кондукторы*. Мы можем сказать, например, что форма *архитектора* вместо *архитекторы* является аналогическим новообразованием по схеме:

- а) директор – б) директорá
а₁) архитектор – х) –? –

Аналогическим новообразованием в новогреческом языке является, например, окончание **-S** в именительном падеже слова ед. ч. PATE2RAS «отец», присоединённое к форме, соответствующей винительному падежу ед. ч. – PATE2RA. Здесь действовала такая аналогия:

- а) вин. пад. ед. ч. DA2SKALO – б) им. пад. ед. ч. DA2SKALOS

- а₁) вин. пад. ед. ч. PATE2RA – х) им. пад. ед. ч. PATE2RAS.

Так перестроилось прежнее склонение слова PATE:2R, род. пад. PATRO2S, дат. пад. PATRI2, вин. пад. PATE2RA с выделением новой основы, совпадающей с формой косвенных падежей.

Напротив, при скрещении новообразование является своего рода суммой двух слагаемых, но такой суммой, которую нельзя учесть подобно результату грамматической аналогии.

Чаще всего при скрещении двух форм, при их взаимодействии в пределах известного языка, возникает новая форма, существование которой может привести к устранению из языка прежних форм, давших толчок к образованию новой формы.

В настоящее время лучше других изучены такие случаи скрещении, когда новообразованная в результате скрещении форма возникла на основе двух форм с одинаковым или очень близким значением как новый фонетический вариант, в котором в состав одной из форм включены определённые черты другой формы.

Однако вполне возможны и такие случаи, когда (в результате взаимодействия двух, в звуковом отношении близких, а по значению достаточно различных форм) новообразованная форма без существенного изменения звукового состава одной из форм приобретает значение другой формы.

Иными словами, бывает фонетическая контаминация, но также может быть и семантическая контаминация.

§ 34. Ограничимся несколькими наиболее простыми случаями скрещении.

В новогреческом языке наряду со словом STRO:3MA от древнегр. глагола STRO:2NNYMI, аор. E2STRO:SA «стелю, постелил» спорадически употребля-

лось ещё итальянское слово *matarazzo* с тем же значением «матрац, подстилка». В результате взаимодействия возникла «гибридная» форма STRO:MA2TSO, сохраняющая основу формы STRO:3MA и окончание (в данном случае – это суффикс, но не продуктивный) формы MATARA2TSO, значение же новой формы то же, что и форм, давших толчок к скрещению.

Слова DIA2(B)OLOS и SATANA3S часто могут употребляться в эмоциональной речи в значении «чёрт»: в результате сложилась новая форма DIA2TANAS, в которой можно различить фрагменты обеих прежних форм.

Слова GYMNO2S «голый» и новогр. GDYTO2S «раздетый» достаточно близки по значению (GDYTO2S < GDY2NO:< EKDY2O: «раздеваю»). На основе взаимодействия этих форм вырастает новая GDYMNO2S «голый, раздетый».

Во всех этих случаях можно отметить фонетическое скрещение или контаминацию на основе общности значения взаимодействующих форм. С другой стороны, в уже отмеченном сближении слов TO2KSON «лук, дуга» и DO2KSA «слава» (см. § 29) можно наблюдать явление семантического скрещення, которое заключается в том, что слово DO2KSA приобрело ещё значение «радуга».

Более сложный случай скрещення можно найти во взаимоотношениях древнегреческих форм KE2RKHNOS «шершавость, шероховатость, сухость (о голосе), охриплость» (глаголы KE2RKHO: и KE2RKHNO: «делаю хриплым, становлюсь хриплым, я охрип», также прилагательные KERKHALE2OS и KERKHNALE2OS «шершавый, шероховатый, сухой, хриплый» и пр.) и KE2GKHROS «просо» (*Panicum miliaceum*) затем вообще «всякое вещество, состоящее из крупинок» (расширение значения).

Если основы обеих форм первоначально были различного происхождения, то впоследствии они сблизились и воспринимались как «метатетические» (перестановочные) варианты одной и той же формы.

Собственно скрещення можно наблюдать в различных формах названия хищной птицы (м. б. *Falco tinnunculus*): KERKHNE:I2S, или KEGKHRE:I2S (также KE2RKHNE:, KEGKHRI2S)¹⁶.

§ 35. Если верно, что древнегреческий глагол KALY2PTEIN связан с латинским *celare* (ср. *oc-culere*, *oc-cultare*), учитывая также их общее значение «скрывать, прятать», то форму KALY2PTEIN можно рассматривать как результат скрещення какой-то формы вроде латинского *celare* с греческим KRY2PTEIN (с таким же значением).

Следует, однако, заметить, что в отношении скрещення взаимодействие первичных форм может быть различным.

В одном случае речь может идти о действительном взаимодействии или взаимовлиянии, в другом же как будто – об одностороннем действии или внешнем толчке к изменению.

Когда мы устанавливаем то, что производные формы от основы KERKH(N)- и от основы KEGKHR- употреблялись одни вместо других, то здесь действительно происходит взаимодействие форм, в результате которого новая форма сохра-

¹⁶ См. Thompson. A glossary of Greek birds. – Оксфорд, 1895.

няет звуковой состав одной из первичных форм и приобретает значение другой первичной формы.

Новая форма как будто является «суммой» двух «слагаемых».

Напротив, когда мы устанавливаем, что форма KRY2PTEIN оказала воздействие на какую-то форму вроде латин. *celare* (*KAL-?) и способствовала превращению этой формы в KALY2PTEIN, то здесь наблюдается иное взаимоотношение первичных форм друг к другу и ко вторичной, т. е. новой форме.

Можно было бы сказать, что в первом случае мы имеем смешение форм, а во втором – собственно скрещение.

Этот последний случай действительно допускает возможность сопоставления с областью животноводства. Здесь перед нами две первичные формы, обычно близкие по значению, но различные в той или иной мере по своему звуковому составу, так сказать – материнская и отцовская, новая же форма – это дочерняя.

«Отцовская» форма в данном случае только даёт толчок к образованию «дочерней» формы, представляющей дальнейшее развитие или видоизменение материнской формы.

Если принять в указанном значении термины «смешение» и «скрещение», то тогда понадобится ещё один «родовой» термин, охватывающий оба видовых. Таким термином могло бы служить уже укоренившееся в филологии латинское слово *контаминация* или русское *соприкосновение*.

§ 36. Так как для этимологических исследований в первую очередь следует учесть смешение и скрещение отдельных форм одного языка или отдельных форм двух известных языков, то мы не затрагивали вопроса о «скрещении» языков, т. е. самостоятельных систем с их двумя определяющими сторонами «грамматическим строем и основным словарным фондом».

Здесь надо подчеркнуть то, что в своё время Н. Я. Марр, не различавший смешения и скрещения применительно к отдельным формам языков и применительно к отдельным языкам, употребляя всюду термин *скрещение*, лишил его конкретного содержания и, собственно говоря, везде имел в виду преимущественно *смешение*, а не *скрещение*.

В области взаимоотношения языков *смешение* представляется возможным прежде всего в теоретическом плане: гораздо существеннее в истории языка именно *скрещение* в узком смысле слова.

Теоретически при смешении языков мы можем предполагать такое взаимодействие двух языков, при котором оба языка, переставая существовать, дают начало новому языку, сложившемуся в более или менее равной мере на основе обоих первичных языков. Я не знаю, можно ли подобное смешение проследить на материале какого-либо из языков мира.

О современном английском языке говорят часто как о языке «смешанном», что настоящее его состояние определяется наличием двух основных элементов – германского и романского.

То же говорят и о современном персидском языке и о наличии в нём иранского и арабского элементов.

Ясно, что такое определение – смешанный – не лишено оснований в отношении названных языков.

Следует только учитывать при этом существенное обстоятельство: можно ли безапелляционно утверждать, что и в том и в другом случае именно взаимодействием основных элементов обусловлено возникновение нового качества, т. е. современных английского и персидского языков?

В обоих случаях несомненным является присутствие в лексике этих языков весьма значительного числа в английском – латино-романских, в новоперсидском – арабских форм.

Совершенно очевидно и то, что словоизменение современного английского языка весьма существенно отличается от словоизменения англо-саксонского языка, а словоизменение современного персидского языка не менее существенно – от словоизменения древнеперсидского (языка клинописных надписей и языка Авесты).

Но как определить то, что сумма признаков, характеризующая эти языки в их современном состоянии, сложилась именно в силу проникновения иноязычных элементов, а не под действием других факторов?

Для определения этого мы естественно обращаемся к внешней истории каждого языка и устанавливаем в самом общем виде такую хронологическую последовательность: в английском языке – а) существовал древнеанглийский язык, по всем признакам относившийся к германской группе языков; б) в эпоху среднеанглийского языка после скандинавского, а затем норманского завоевания наряду с ограниченным воздействием латинского языка началось более широкое воздействие на английский язык французского языка; в) новое качество становится заметным с распространением книгопечатания (Caxton) и с образованием государственного литературного языка и т. д.

Отсюда ясно, что здесь речь идёт не о смешении языков, а о воздействии (даже не одного французского, а вообще латино-романских элементов) иноязычных элементов на тот германский язык, который можно независимо от периодов его развития называть просто «английским».

Но что же при этом происходит с отдельными языками: одностороннее воздействие одного языка на другой, завершающееся изменением этого другого языка, или действительно взаимодействие, долженствующее привести к изменению соприкасающихся языков или к вымиранию обоих взаимодействующих языков или одного из них и возникновению нового?

Если относительно отдельных форм ответить на подобные вопросы сразу же представляется возможным, то в отношении отдельных языков ответ не может не быть более сложным.

Прежде всего, определяя тот или другой язык как известную сумму признаков из области грамматического строя и основного словарного фонда, мы не забываем в то же время, что каждый язык развивается, изменяется, а значит и характеризующая данный язык сумма признаков не является абсолютной величиной.

Эта сумма признаков, доступная для изучения, должна рассматриваться не механически, не формально, а в их последовательных изменениях, т. е. исторически.

Только в таком смысле мы можем говорить о том, что аттический диалект классической эпохи, койнэ эпохи эллинизма и римского времени, язык византийской эпохи и новогреческий язык при всех их различиях всё же охватываются термином «греческий язык».

В этом же смысле, рассматривая в перспективе историю английского языка, мы можем сказать, что он является одним из германских языков со значительным слоем латинизмов и романизмов в общем словарном составе.

Таким образом, новоанглийский язык нельзя назвать смешанным, но можно назвать скрещенным в области лексики. То же самое относится и к новоперсидскому.

Надо ещё отметить, что в понимании Н. Я. Марра все языки мира могли называться скрещенными, но скрещением он называл сочетание своих пресловутых «четырёх элементов», т. е. у него термин «скрещение» был наполнен совершенно идеалистическим содержанием. ...

Само собой разумеется, что при соприкосновении французского языка с английским или арабского с персидским, ни французский сам по себе, ни арабский сам по себе не утратили своего качества и не вымерли: речь идёт именно о французском языке в пределах распространения английского и об арабском языке в пределах распространения языка фарси.

§ 37. Надо признать, что скрещивание и смешение форм внутри определённого языка имеет для этимологических исследований несравненно большее значение, чем, например, утверждение о возможности скрещения греческого языка с языком догреческого населения, о котором пока что существуют лишь смутные догадки. ...

С вопросом о так называемом «скрещении» связан также вопрос, решение которого собственно языковедами предоставлялось чаще всего филологам, историкам, археологам, этнологам – вопрос об иноязычных «субстратах».

В отношении греческого языка – это вопрос об «эгейских» или «азианических» словах в составе греческой лексики от гомеровского эпоса и до варварских «глосс» позднейших лексикографов¹⁷.

¹⁷ Что можно было сделать в этом направлении ещё в прошлом веке, показывает обстоятельная книга Пауля Кречмера: Введение в историю греческого языка (*Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*), Геттинген, 1896.

Новый период в изучении этого вопроса начинается после дешифровки хеттских клинописных памятников Бедржихом Грозным (1915) и дальнейшей разработки материалов знаменитого Богазкёйского архива.

Напечатанное в июле 1943 г. в «*Archivum Orientale Pragense*» (журнал Института востоковедения), т. XIV, № 1–2, новое исследование того же Б. Грозного: «*Kretas und Vorgriechenlands Inschriften, Geschichte und Kultur, Ein Entzifferungsversuch*», несмотря на многообещающий латинский заголовок «*Hic incipit historia Cretae Graeciaeque antiquissima*» не приближает нас сравнительно со всем предыдущим к пониманию языковой проблемы «эгейского» мира.

В книге Гюстава Глотца «Эгейская цивилизация»¹⁸ на одной страничке (441) дан перечень «эгейских» элементов древнегреческой лексики по разделам: люди, животные, съедобные растения, ароматические растения, лекарственные растения, деревья и кустарники, плоды, напитки, пчеловодство, парфюмерия, цветы, одежда, архитектура, керамика, металлургия, оружие, фортификация, морское дело, торговля, общественная и государственная жизнь, религия, игры, гимнастика, танцы, музыка и пение, эстетическое восприятие.

Как видите, разделов – много, но слов всего 128, из которых почти все существительные, кроме двух прилагательных и одного глагола (KYBERNA3N). Среди религиозных терминов два имени собственных: BRITO2MARTIS и HELKHANO2S.

Как же составлен этот перечень, на каких основаниях?

Основания указываются самим автором (стр. 440). К словам «критского» происхождения причисляются: 1) слова с такими суффиксами, которые встречаются в языках Малой Азии (особенно в топонимике и ономастике), ср. окончание -INTH-, а в малоазийских языках -IND- или -AND- также -(S)SO-; 2) слова с начальным S или S между гласными, у которых по правилам исторической фонетики древнегреческого языка они не могли бы сохраниться (очень ненадёжный признак!); 3) слова, содержащие корни, не имеющие индоевропейских этимологий (особенно – слова гомеровских поэм, вышедшие из употребления в классическую эпоху); 4) слова, близкие по форме и значению друг к другу, встречающиеся в древнегреческих диалектах и в семитических языках, но не имеющие этимологии ни в тех, ни в других; 5) такие же слова древнегреческого и латинского языков, у которых нет закономерных соответствий и которые, следовательно, могут происходить из какого-то третьего источника; 6) критские и пр. «гlossы» греческих лексикографов, в особенности Гесихия.

§ 38. Возьмём только некоторые характерные примеры.

Что известно о глаголе KYBERNA3N? Взаиморасположение согласных в пределах его основы и суффикс -A- могут указывать на его отымённое производство, но предполагаемое первичное имя остаётся незасвидетельствованным в древнегреческом языке.

На основании семантического и требующего дальнейших разъяснений фонетического критерия возможны были сближения с древнеиндийскими именными формами KU:BARAH, KU:BARAM и KU:BARI: «руль» и с литовскими формами KUMBRAS «изогнутый румпель», KUMBRYNS «рукоять плуга» и т. п., KUMBRYTI «править (рулём)» и т. п. (см. словарь Э. Буазака).

В кипрских надписях найдена форма KYME:RENAI со значением KYBERNA3N.

Из производных в греческом языке следует отметить KYBERNE:2TE:S «кормчий, рулевой».

Латинские формы *gubernare* и *gubernator* (ср. ещё *gubernaculum* «руль», которому нет соответствия в греческом) представляются, по всей вероятности, заимствованными из древнегреческих диалектов в Италии.

¹⁸ Glotz G. La civilisation Egéenne», Париж, 1923 (из серии «L'évolution de L'humanité»).

Что здесь может говорить в пользу «эгейского» происхождении этого греческого глагола?

Глагол этот можно считать техническим термином, но едва ли безоговорочно можно отнести его только к морскому делу. Однако сделаем такое допущение и будем считать, что здесь исконный термин морского дела. Вместе с тем нельзя будет отрицать того, что в примитивном судостроении и мореплавании гомеровской эпохи большинство терминов является этимологически связанными с лексикой греческого языка (ср. HISTO2S «мачта», TRO2PIS «киль», ERE2SSEIN «грести вёслами», ERETMO2N «весло», PLEI3N «плыть на чём-либо», NE:Y3S «корабль», NAY2TE:S «моряк» и т. д.

Следовательно, предположение о связи этого термина с эгейским миром не может быть подтверждено даже таким общим соображением. Более того, у нас вообще нет оснований предполагать, что в доисторические времена, столкновение древнегреческих племён с инокультурными народами вместе с усвоением элементов иной культуры должно было неизбежно повлечь за собой и усвоение иноязычных слов¹⁹.

В данном случае сопоставление с отношением хеттского клинописного языка к ассиро-вавилонскому не может служить категорическим аргументом. В названном отношении определяющим моментом было усвоение письменности: если в хеттских клинописных текстах мы в изобилии встречаем ассиро-вавилонские слова и выражения, то из сличения различных экземпляров одного и того же документа следует, что многие из этих слов и выражений сохраняли только ассиро-вавилонское графическое обозначение, но фонетически, по своему произношению, были неситскими («хеттскими индоевропейскими»).

Что бы ни говорили о происхождении греческого письма, но его ханаанский («финикийский») тип не подлежит сомнению. Однако, несмотря на все усилия исследователей лексического состава древнегреческого языка (вроде Мусс-Арнольта и Леви)²⁰, удалось установить сравнительно мало семитических этимологий древнегреческих слов.

§ 39. Когда мы внимательно присматриваемся к отдельным рубрикам названного перечня «эгейских» слов, мы замечаем, что в него занесены именно те древнегреческие слова, относительно этимологии которых меньше всего известно.

Конечно, объединение слов по такому принципу не может являться доказательным и носит совершенно временный характер.

¹⁹ Этот вопрос ещё осложняется тем обстоятельством, что по новейшим исследованиям язык (соотв. – языки) «догреческого» населения эгейских областей мог быть близким по своей лексике и грамматическому строю к собственно греческим диалектам; см. Георгиев В. История эгейского мира во II тысячелетии до н. э. в свете минойских надписей, ИДИ, 4, 1950, стр. 48-68.

²⁰ Muss-Arnolt. On Semitic words in Greek and Latin, «Transactions of the American Philological Association», том XXIII, 1892; Lewy H. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. Берлин, 1895; эти авторы приводят максимум возможных заимствований из семитических языков; напротив, минимум можно найти в работе А Мюллера «Semitische Lehnworte im älteren Griechisch» (Bezzenbergers «Beiträge», I, стр. 273 и след.).

В рубрике «металлургия» мы находим названия главнейших металлов, кроме A2RGYROS «серебро», этимология которого признаётся индоевропейской (ср. латин. *argentum*, армян. ARCATH и пр.).

Сюда же занесены слова KI2BDOS «шлак» и LE2BE:S «котёл».

Однако почему-то не упомянуто само ME2TALLON «рудник, залежь», связанное с гомер. METALLA3N «разузнавать, осведомляться», этимология которого, несмотря на его «эллинский» вид, вовсе не является установленной.

Название пшеницы SI3TOS занесено в этот перечень только из-за наличия начального S, а слово NE:3SOS, дор. NA:3SOS «остров» – из-за присутствия S между гласными («интервокальный» S).

Почему название меча KSI2PHOS (у Гесихия также SKI2PHOS) можно называть «эгейским», а не семитическим или египетским, остаётся неясным (ср. древнеегипет. SFT, копт. SE:FE, араб. SAIF(UN), араб. SA5(E)FA:)?

Несомненным является тот факт, что в древнейшей Малой Азии до персидского завоевания (546 до н. э.) сосуществовало множество разнотипных языков (может быть не меньше, чем на Кавказе) и есть прямые указания на то, что даже на о. Крите до греческого завоевания и заселения также было много разноязычных племён (ср. 174–180 стихи XIX р. Одиссеи).

Можно ли утверждать, что критское иероглифическое письмо (по Грозному от 2000 до 1700 до н. э.) и критские линейные письма (А – от 1700 до 1400, В – от 1450 до 1200) служили для передачи одного и того же языка? Очевидно, что для этого нет ещё оснований.

Таким образом, утверждение, которое мы можем найти в этимологическом словаре, относительно того, что «параллельные» формы вроде гр. SY3KON (дор. TY3KON), латин. *fi:cus*, армян. THUS «фига, смоква, инжир» восходят независимо друг от друга к подразумеваемому древнему восточносредиземноморскому прототипу, вовсе не является указанием на то, что этот прототип непременно существовал в одном из догреческих языков о. Крита.

§ 40. Гораздо важнее для древнегреческих этимологий те сопоставления, которые в нашем веке можно сделать, пользуясь лексическим и морфологическим материалом, с одной стороны, древнегреческого языка, а, с другой стороны, хеттских клинописных текстов. Эта вполне ощутимая связь, несомненно чревата последствиями для дальнейшего изучения обоих названных языков, а также и для индоевропейских языков вообще.

Нашим советским учёным необходимо обратить внимание на этот участок сравнительно-исторических исследований, который в настоящее время почти целиком находится в руках зарубежных буржуазных учёных²¹.

²¹ Следует, однако, отметить такие начинания у нас в этой области, как труды Гр. Капанцяна, которые больше имеют отношения собственно к истории, чем к языку (ср. Chetto-armeniaca, 1935; Хеттские боги у армян, 1940; К происхождению армянского языка, 1946, и др.), статью А. А. Фреймана, «Хеттский язык в его отношении к индоевропейским» (ИАН СССР. ОЛЯ, VI, в. 3, 1947. 189–210); замечу также, что в 1947 г. по инициативе проф. М. Н. Петерсона при Московском отделении Института языка и мышления был организован научный кружок для изучения языка хеттских клинописных памятников; об отношении хеттского клинописного языка к языкам Кавказа писал проф. М. Я. Немировский.

Здесь нам не приходится останавливаться на сходстве древнегреческого с хеттским клинописным языком в области грамматического строя, но бросим взгляд на некоторые лексические соответствия²².

Прежде всего из наречий, близких к префиксам глаголов и отглагольных имён, следует отметить хетт. APA(N) – гр. APO2, хетт. ANTA(N) – гр. E2NDON (E2NDOTHI и пр.), хетт. HANTI – гр. ANTI2, хетт. KATA(N) – гр. KATA2, хетт. P(A)RA – гр. PRO2, хетт. T(U)WAN²³ – гр. DE:2N (< DWE:N).

На основании морфологических соответствий можно упомянуть ещё следующие формы: хетт. ARNU-(MI) и ARNUSK-(AMI) «двигаю, приношу, привожу» – гр. O2RNYMI и т. д. «поднимаю, побуждаю, заставляю, гоню»; хетт. AS(S)US «добрый» – гр. E:Y2S (или E:Y2S) «хороший, сильный, крепкий» (ср. EY3) – оба от корня глагола хетт. ESMI – гр. EIMI2 (ср. ещё производные вроде хетт. ASSUTAR «благополучие» – гр. (EY)ESTO:2 и пр.); хетт. STAR (ср. ASTIRAS) – гр. ASTE:2R «звезда»; хетт. ESMI, ESZI – гр. EIMI2, ESTI2 1 и 3 ед. ч. от EI3NAI «быть»; хетт. ESHAR «кровь» – гр. E2AR (– HAI3MA. KY2PRIOI у Гесихия); хетт. ET-(MI) и пр. «ем» – гр. E2DO:, ESTHI2O: то же; хетт. HANZA (– HANTS) «лицо, перёд» – гр. вин. пад. A2NTE:N то же; хетт. HARKIS «белый» – гр. ARGO2S «белый, блестящий»; хетт. HASTAI – гр. OSTOY3N «кость»; хетт. HENKAN «судьба, рок, несчастье» – гр. ANA2GKE: «нужда, неизбежность»; хетт. IRHAS «граница» (производный глагол IRHAIZZI «доводит до предела, кончает») – гр. ARKHE:2 «начало» и пр. (глагол того же корня A2RKHETAI «начинает»), хетт. (dug) ISPANDU- «(чаша) возлияния» – гр. SPE2NDO: «совершаю возлияние»; хетт. (A) STARNA (или -NI) «между, среди» – гр. STE2RNON «грудь»; хетт. 5UKAN – гр. ZYGO2N «иго, ярмо»; хетт. GENU – гр. GO2NY «колено»; хетт. KESSAR – гр. KHEI2R «рука»; хетт. KEMANTS (ср. GIMMANZA) – гр. KHEI3MA, KHEIMO:2N «зима»; хетт. LUK-(MI) «зажигаю; светлею» – гр. LY2KHNOS «светильник» и пр.; хетт. частица MAN – гр. частица ME2N; хетт. MEKKIS – гр. ME2GAS «большой»; хетт. MELIT – гр. ME2LI, род. пад. ME2LITOS «мёд»; хетт. (NE)NENK-(MI) и пр. «поднимаю, беру, собираю» – гр. E:2NEGKON «я принёс» и пр.; хетт. NEPI3S «небо» – гр. NE2PHOS «облако»; хетт. NEWAS – гр. NE2OS «новый (молодой)»; хетт. NU (союз) – гр. NY (частица, ср. NY3N «теперь»); хетт. PАНHUR, или

²² В существующих грамматических очерках хеттского клинописного языка устанавливаются некоторые соответствия между этим языком и собственно индоевропейскими языками, но не выделяются черты сходства (можно сказать: эллино-хеттские «изоглоссы») хеттского языка индоевропейского типа с древнегреческими диалектами; наиболее обстоятельной грамматикой хеттского клинописного языка в сравнительно-историческом плане является Sturtevant E. H. *A Comparative Grammar of the Hittite Language*, Филадельфия. 1933, а единственным словарём – глоссарий к хрестоматии (Sturtevant E. H. and Bechtel G. A. *Hittite Chrestomathy*, там же, 1935) клинописных текстов с параллельной транскрипцией (того же автора): *A Hittite Glossary* (2°. 1936).

²³ В хеттском – значение «далеко», а в греческом – «долго, давно», относительно хетт. PERAN надо заметить, что его сходство с гр. PE2RA:N, возможно, является поверхностным; хетт. AWAN сопоставляется с древнеиндийским AVA, а наречия ARHA, S(A)RA и SER, очевидно, не имеют соответствий не только в греческом, но и в других и.-е. языках.

PAHHUWAR – гр. PY3R «огонь»; хетт. PALHIS – гр. PLATY2S «широкий»; хетт. PANKUS «весь, целый; общий» – гр. PAKHY2S «толстый»; хетт. PEDAN «место» – гр. PE2DON «земля, почва, равнина»; хетт. SIPTAMAS – гр. HE2BDOMOS «седьмой»; хетт. ТЕННІ (ср. DAI) – гр. TI2THE:MI «кладу, помещаю»; хетт. DALUGIS – гр. DOLIKHO2S «длинный, долгий»; хетт. TARU «дерево» – гр. DO2RY «древко (копья)»; хетт. DASSUS (или TASSUS) «сильный» – гр. DASY2S «густой»; хетт. TEKAN, род. пад. TAKNAS – гр. KHTHO:2N «земля» (метатетический вариант); хетт. TEKKUSSANU(MI), TEKKUSNUSK-(AMI) – гр. DEI2KNYMI «показываю, указываю»; хетт. TEPUS «небольшой, маленький» – гр. TAPEINO2S «низкий, низменный, униженный»²⁴; хетт. TIT(TA)NU-(MI), TIT(TA)NUSK-(AMI) «ставлю, помещаю» – гр. HI2STE:MI то же; хетт. UWAS – гр. HYIO2S «сын»; хетт. WATAR, род. пад. WETENAS – гр. HY2DO:R «вода»; хетт. SANAS – гр. HEI3S, род. пад. HENO2S «один».

Конечно, большинство приведенных примеров свидетельствует скорее всего в пользу существования связей не между хеттским и греческим в частности, а между хеттским и вообще индоевропейскими языками.

Однако такая, например, эллино-хеттская изоглосса, как слово MELIT, является уже свидетельством в пользу существования именно между обеими названными языковыми областями связей, которые, разумеется, не могут не иметь последствий для этимологических исследований в области древнегреческого языка.

С методической стороны здесь важно отметить то, что сближения на основе фонетических и семантических критериев дополняются ещё общим положением о близости грамматического строя обоих языков и ссылкой на древние исторические связи племён восточного и западного побережья Эгейского моря.

§ 41. Этот вопрос был совершенно неправильно поставлен в «яфетической теории» Н. Я. Марра, где мы находим в этом смысле только фантастические манипуляции с названиями местностей и племён.

Исторические документы архива хеттских царей (ср. «Клинописные документы из Богазкёя». KUB, XIV, 1, Madduvatas–Text XIV, 3, Tavagalavas–Text) могут служить при достаточно глубоком их истолковании основой для дальнейшей разработки данного вопроса.

Известно, сколько споров разгорелось вокруг гипотезы Эмиля Форрера о том, что *Аххиява* или *Аххия* хеттских клинописных документов – это греческие АΚΗΑΙΟΙ2, ахейяне или ахейцы гомеровского эпоса.

В пользу этой гипотезы выступали Пауль Кречмер и Ф. Шахермейр, против неё – Фердинанд Зоммер и Иоганнес Фридрих.

Б. Грозный считал, что *Аххиява* или *Аххия* – это крепость АΚΗΑ:Ι2Α на о. Родосе. Правители страны хеттов посылали к «Аххиява» провинившихся, которые доставлялись туда, вероятно, морским путём. Большой правитель, Мурсилис (ср. гр. MYRSI2LOS) получал идолов из Аххиява и Лазпа (о. Лесбос?). Царь Тут-

²⁴ Стертевант объясняет иначе, см. «Сравнительную грамматику хеттского языка», стр. 131, прим. 95, древнеинд. DABHRAH «маленький»: DABHNOMI «обижаю».

халияс IV заключил договор с Амурру о недопущении к их берегам кораблей из Аххиява для враждебной Ассирии.

Естественно, что АННІ5АVА: (АННІ5А:) хеттских документов были сопоставлены с одним из «народов моря», *Акайваиш*, древнеегипетских документов и таким образом установлен важный синхронизм.

Из многочисленной литературы этого вопроса упомяну хотя бы исследования самого Бедржиха Грозного: «L'invasion des Indo-Européens en Asie Mineure vers 2000 av. J.-C.» («Archiv Orientalní, № 3, т. I, Прага, 1929, 273-299; Hethiter und Griechen (там же, 323-343); «Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens», (2°, 1943). О собственном имени АLAKSANDUS правителя о. Вилуса будет сказано дальше.

§ 42. При сопоставлении древнегреческих форм с хеттскими приходится считаться с особенностями клинописи как «полифонической» системы, где один и тот же знак может служить для передачи различных сочетаний звуков. Это обстоятельство во многих случаях не позволяет в должной мере использовать фонетический критерий.

Примером того, в чём именно материал хеттского клинописного языка и других открытых в нашем веке языков Малой Азии может дополнить уже начатые этимологические исследования, пусть послужит здесь гр. SPE2NDEIN, E2SPEISA, SPONDE:2 и пр., латин. *sponde:re*, *spopondi*, *sponsio* и пр.

В «Хеттском глоссарии» Э.Х.Стертеванта (стр. 62) мы находим ряд образований по всем вероятностям от этого же корня: (dug) ISPANDU- «(чаша) для возлияния», (lu.mes) ISPA(N)TUZZE:LAS «совершающие возлияния», (dug) ISPANTUZZESSAR «(чаша) для возлияния» и т. д., (стр. 140) SIP(P)ANTI «он совершает возлияние, приносит жертву (животное), посвящает», SIP(P)ANZAKIZZI то же.

Из сопоставления греческого SPE2NDEIN с латинским *sponde:re* мы могли вывести такое заключение, что значение латинской формы «обещать» должно быть вторичным по отношению к значению греческой формы «совершать возлияние».

Это предположение теперь подтверждается значениями, которые можно установить для хеттских клинописных форм.

Само наличие названных форм в латинском, древнегреческом и хеттском языках даёт возможность установить некоторую средиземноморскую лексическую «изоглоссу». Эта «изоглосса» может быть подкреплена и другими фактами, проливающими свет на древнейшие отношения упомянутых языков.

Специфические трудности, связанные с характером письма, а также недостаточное разнообразие содержания, текстов, делают значительную часть хеттских этимологий «предварительными», т. е. основанными почти исключительно на фонетических и семантических критериях.

Понятно, что, например, одинокое в греческом языке слово TO2POS «место» соблазнительно было бы сопоставить с хеттским TAPUS «сторона» (ср. дат. пад. ед. ч. *tapussa*, или *dapusa*, дат. пад. множ. ч. *tapuw(w)as*, восстановленная форма им. пад. ед. ч. *tapus* или *tapwas*, «Глоссарий», стр. 152, «Грамматика», стр. 187–8, § 220).

Однако при неизбежных фонетических отклонениях и при известном различии значений фонетический и семантический критерий нельзя признать «решающими».

Минуя фонетический критерий, отметим здесь характерный недостаток семантического критерия.

Греческое слово TO2POS обозначает «место, местность, страну» и употребляется иногда плеонастически во множественном числе после названия местности в родительном падеже (ср. SALAMI3NOS TO2POI). Оно может применяться также в более отвлечённом значении, напр., HORATO4S TO2POS «видимое пространство» и т. п.

Такое значение, как «сторона», хотя и не является вовсе чуждым данному слову, но в действительности у него не засвидетельствовано.

Это понятие «сторона» в древнегреческом языке чаще всего выражается конкретно TA4 A2NO: «верх, верхняя сторона», TA4 KA2TO: «низ, нижняя сторона», TA4 PRO2STHEN «перёд, передняя сторона», TA4 O2PISTHEN «зад, задняя сторона», TA4 DEKSIA2 «правая сторона», TA4 ARISTERA2 «левая сторона», PANTAKHO2THEN «со всех сторон» и т. д.

Иногда оно может выражаться словом ME2ROS «часть» и сохраняющим более «вещественное» значение словом PLEYRA2 «бок, ребро» (также PLEYRO2N).

Таким образом в древнегреческом языке мы как будто улавливаем самый момент рождения отвлечённого понятия «сторона» (не «верхняя», «нижняя», «передняя», «задняя» и т. д., а вообще «сторона»).

Напротив, в хеттских клинописных текстах мы находим слово TAPUS (в косвенных падежах), которое по общему смыслу соответственных предложений и словосочетаний можно перевести нашим словом *сторона*, но никоим образом нельзя проследить развития его значений.

В связи с этим, надо подчеркнуть, что семантический критерий тогда приобретает силу доказательства, когда он зиждется не на смутной догадке («так могло бы быть»), но на непосредственных наблюдениях фактов семантических изменений.

Эти наблюдения должны производиться не в пределах малоисследованных языков, а в пределах языков особенно хорошо изученных, в пределах родного языка исследователя, в пределах языка, известного на протяжении многих веков, языка с диалектами, языка с родственными языками, а если речь идёт о литературном языке, то в пределах разных его жанров и стилей.

Подобно тому, как фонетический критерий только тогда имеет полную силу в этимологическом исследовании, когда он является результатом изучения последовательных фонетических изменений того языка, в системе которого содержится данный элемент (слово или форма), а также последовательных фонетических соответствий между данным языком и родственными языками, то же самое надо сказать и о семантическом критерии, с которым нередко обращаются очень неосторожно.

§ 43. Выработка надёжных семантических критериев связана с глубоким изучением «внутренних законов развития языка» не только в области грамматического строя, но и в области изменения значений слов основного словарного фонда. ...

Возьмём несколько примеров из области славянских языков.

В русском языке мы различаем «свинец» (*plumbum*) и «олово» (*stannum*)²⁵, но это различие в пределах славянских языков не исконное.

Об этом свидетельствует то, что в других славянских языках именно «свинец» называется «оловом» (ср. чеш. *olovo*, польск. *olów*, болг. *олово*, серб. *олово* и т. д.), а для обозначения «олова» существуют другие слова (ср. чеш. *сін*, польск. *суна*, болг. *калай*, серб. *калај* и т. д.) иностранного происхождения.

Если бы мы на основании сравнения славянских языков друг с другом, восстановили бы общую древнейшую форму «олово», то разве можно было бы с такою же уверенностью говорить о её первоначальном значении?

Много вероятий было бы в пользу того, что первоначально это общее слово обозначало именно «свинец», потому что такое значение сохранилось за ним в большинстве славянских языков. В таком случае в русском языке надо отметить изменение исконного значения (перенесение по смежности) и сохранение древнего технического термина *свиньць*.

Однако у нас нет уверенности в том, что само различие названных металлов было исконным. В балтийских языках соответственные слова (напр., литов. S9VI4NAS «свинец», A3L(A)VAS «олово») скорее всего являются заимствованными из восточнославянских языков и это обстоятельство не даёт возможности воспользоваться материалом этих близких к славянской группе языков.

Если в древнегреческом для обозначения соответственных металлов мы находим обособленные существительные MO2LYBDOS «свинец» (также MO2LIBOS, в атт. надписи ещё BOLYBDOS – ассимиляция, новогр. MOLY2BI) и KASSI2TEROS (атт. KATTI2TEROS) «олово», то в латинском это различие в лексике было выражено описательно: *plumbum nigrum* (свинец) и *plumbum album* или *candidum* (олово)²⁶.

§ 44. Остановимся ещё на слове *сплав* в славянских языках.

Оно, конечно, является производным глагола *сплавлять* и тут нет никакой проблемы, но в отношении семантики дело обстоит иначе.

Слово *сплав* в русском языке имеет два основных значения, связанных со значением глагола *сплавлять* («заставлять плыть» и «сливать воедино»): 1. «сплав (леса)» и 2. «сплав (металлов)».

²⁵ Stannum сначала имело значение «сплав свинца с серебром», а затем уже «олово».

²⁶ Ср. у Плиния. Nat. hist., XXXIV, 156 и след., где родовое название *plumbum* с двумя видовыми *nigrum atque candidum*.

Относительно этимологии русс. *свинец* (*свиньць*), литов. S9VI4NAS и пр. ничего достоверного неизвестно.

Слово *олово*, литов. A3L(A)VAS и пр. также не имеет установленных связей.

Если принять во внимание то, что в славянских языках слово *олово* (древнерусс. ещё – *оловъ*) содержит двухсложный корень, то естественным является предположение о его иноязычном происхождении.

Кроме русского языка мы находим это слово с разными значениями в других славянских языках: болг. *сплав* обозначает «сплав металлов», серб. *сплав* = «плот», чеш. *splav* = «плотина, шлюз», польск. *spław* = «сплав леса» и т. д.

Можно ли сказать, что все эти слова восходят к одному первичному с таким-то значением?

Очевидно, правильнее будет утверждать, что все они построены по одному и тому же образцу, из одного и того же материала (т. е. глагола *сплавлять* и т. п.), но наполнены различным конкретным содержанием.

Таким образом, все они не дают оснований для восстановления какого-либо исконного конкретного значения, но несомненно и то, что значение каждого из них определяется основным (следовательно более абстрактным, т. е. широким) значением глагола *сплавлять*.

Можно сказать, что именно этот глагол относится к основному словарному фонду славянских языков, а слово *сплав*, соответственно, в каждом из языков является производным со специализацией значений.

Таким же образом слово *брод* от глагола *бродить*, *брести* в отдельных славянских языках приобрело свои специальные (более узкие) значения.

В русском языке *брод* = «переправа», также в болгарском, чешском, польском (*bród*), но в сербском оно имеет значение «лодка, корабль» (ср. *пароброд* = «пароход» и т. д.).

Если мы знаем, что слово *бор* в одних славянских языках обозначает «сосновый лес» (русс., чеш., польск.), а в других «сосну» (болг., серб.), то простой приём сравнения значений не даст нам желаемых результатов. Сравнение в данном случае может показать только то, что существуют параллельные значения «сосна» и «сосновый лес», но не может обнаружить отношения их.

Сведения, почерпнутые из области других языков, тоже не дадут возможности уточнить, каково было первоначальное значение этого слова в пределах некоторой не совсем определённой группы индоевропейских языков.

Так, напр., древнесканд. *fyrí* и *fúra*, англосакс. *furh*, древневерхненем. *forha*, новеверхненем. *Föhre* и т. д., албан. *borigë* «сосна» (но латин. *quercus* «дуб»).

Напротив, если мы рассмотрим в славянских языках значения слова *виноград* (серб. *виноград*, чеш. *vinohrad*), то мы на основании этимологических соображений можем сделать вывод о том, что исконным значением его было «виноградник» (ср. серб. и чеш., приведенные выше, с чеш. *vinice*, польск. *winnica* и т. д.), а в русском языке мы наблюдаем изменение этого значения (*виноградник* > *виноград*).

Само растение в славянских языках обозначается словом *лоза* (с эпитетами: «виноградная лоза», серб. *винова лоза*), а плод или плоды этого растения словом *гроздь* (болг. *грозд*, серб. *грозд*, польск. *winogrona* множ. ч., чеш. *vinné hrozny*, *réva*).

В связи с этим интересно отметить, что в древнегреческом языке все эти понятия – «виноградник», «виноградная лоза» и «виноград» (плоды) – были выражены обособленными (и почти не связанными друг с другом в области словопроизводства) существительными: AMPELO:2N (ср. AMPELEI3ON) «виноград-

ник», KLE:3MA «лоза» (ср. KLO:3 «ломаю»), A2MPELOS, или OINA2S «виноград», STAPHYLE:2, или BO2TRYs «гроздь», или кисть винограда», RHA2KS (ср. новогр. RHO:3GA) «ягода» (винограда).

Такие же, примерно, отношения можно найти и в латинском языке (ср. *vinea* «виноградник», *vitis* «лоза», ср. *vieo* «вью», *palmes* «лоза» (или «ветка винограда»), *uva* и *racemus* «гроздь», *acinus*, или *acina*, *acinum* «ягода», *rampinus* «побег», или «лист» винограда).

Что же именно помогает нам в слове *виноград* отыскать его первоначальное значение?

Во-первых, конечно, его морфологическая членимость: связь со словом *вино* и со словами *град*, *город*, *ограда*, *огород* и т. п.

Во-вторых, то обстоятельство, что в родственных русскому языку – чешском и сербском – у этого слова сохраняется значение «виноградник».

Наконец, в-третьих, потому что в других группах языков имеется соответственная форма с этим же значением, напр., швед. *vingård* «виноградник» и т. п.

§ 45. Можно сказать, что одной из слабых сторон сравнительно-исторического метода до сих пор была недостаточная разработанность семантики отдельных языков как предпосылки для заложения основ общей семантики.

Эта слабая сторона, конечно, не могла не отразиться и на состоянии этимологических исследований как в области индоевропейских языков, так и в области всех прочих языков.

Для этимологических исследований очень важным, учитывая то, что было сказано о «специальном контексте», является систематическое изучение основного словарного фонда каждого языка «по темам».

В пределах каждой темы возможно изучить словопроизводственные отношения входящих в неё слов, а также их смысловые изменения.

Остановимся на одной из самых простых возможных тем для греческого языка: «домашние животные».

Из всех основ, представленных в названиях животных, наибольшее количество образований в греческом языке можно отметить произведенных от BOY3S, род. пад. BOO2S (др.-инд. GA:UH, род. пад. GO:H, латин. *bos*, род. пад. *bovis* и пр.), дор. BO:3S и пр., а также HI2PPOS (ср. I2KKOS), (др.-инд. AS6VAH, латин. *equos*, клин.-хетт. *ekuas* и пр.), в которых нетрудно констатировать индоевропейские именные основы несложного строения.

§ 46. Относительно основы гр. BOY3S, BO(W)O2S была предпринята попытка сблизить её с шумерским словом *gu* или *gud* (ср. Langdon. Sumerian Grammar, список важнейших слоговых транскрипций № 230 и № 236; аккад. *alpu*), однако, несмотря на благоприятные для такого сближения семантические моменты, фонетически это сближение не может быть достаточно оправдано потому, что из двух шумерских форм (*gud* > *gu*) заимствованной могла быть вторая (№ 230 позднейшая), но она едва ли может объяснить и.-е. **g(w)ow**²⁷.

²⁷ Ср. Autran C. «La Grèce et l'Orient Ancien» (Babyloniaca. Études de philologie assyro-babylonienne publiées par Ch. Vroilleaud, t. VIII, f. 3–4, Париж, 1924, стр. 129–218); сближение шумер. *ubur*: др.-инд. U:DHAR (U:DHAS-) UDHAN: гр. OY3THAR: латин. *uber*

§ 47. Подобно этой последней основе та, которая представлена в H12PPOS (I2KKOS), может считаться обособленной и именной.

Из производных значений этого слова надо отметить: 1) лошади вместе с колесницей («упряжка»), объясняющееся тем, что в более древний период лошади использовались как тяговая сила, а не для верховой езды (ср. «Илиаду»); 2) HOI H12PPOI «воины на колесницах» (в противоположность – HOI PEZOI2) ср. S 163 LAO2S TE KAI4 H12PPOI, B 554 KOSME:3SAI H12PPOYS TE KAI4 ANE2RAS ASPIDIO:2TAS; 3) HE: H12PPOS «конница» (Геродот и др.); 4) «какая-то морская рыба» (Афиней); 5) HE: H12PPOS «похотливая женщина» (Аристотель и др.); 6) «мигание» (Гиппократ); 7) обобщённое значение в составных словах (вроде «чрезмерный», «страшный» и пр., напр., HIPPO2PORNOS); 8) (собственное имя и географическое название).

При этом из непосредственных глагольных отымённых образований можно указать, вероятно, только на HIPPOY3N («делать лошадью»), HIPPOY3STHAI (мед. пасс. «становиться лошадью», «казаться лошадью» и т. п. Плутарх), бесспорно являющееся позднейшим образованием в книжном языке наряду с посредственными: HIPPA2S, род. над. HIPPA2DOS – HIPPA2ZOMAI («правляю лошадыми», «еду верхом», PS 426, также Геродот, Ксенофонт и др.) и поздн. HIPPA2ZO:, HIPPEY2S, род. пад. HIPPE2O:S – HIPPEY2O: «еду верхом» (Геродот и др.).

§ 48. Подобным же в смысле своих связей является гомер. и др. PO:3LOS (L 681, Y 222) «жеребёнок» (затем вообще «молодое животное», «девушка», «юноша») [ср. латин. *pullus* и пр.; новогр. -POYLOS как вторая составная часть сложных фамилий, напр., PETRO2POYLOS («сын Петра»), а также в названиях молодых животных, напр., AETO2S – AETO2POYLO «орлёнок»; POYLI2 (ср. PO:LI2ON) «птица»].

Напротив, KE2LE:S, род. пад. KE2LE:TOS, лакон. KE2LE:KS (см. Collitz und Bechtel. Sammlung der griechischen Dialektinschriften, № 4416) в значении «скаковая лошадь», «скакун» и затем «небольшое судно», вероятно, связано с группой аор. E2KELSA, OKE2LLO:, аор. O:2KEILA, KE2LOMAI, KELEY2O: (см. Boisacq, DELG), е 371 – KE2LE:TH' HO:S ELAY2NO:N, O 679 – ANE:4R H12PPOISI KELE:TI2ZEIN EY3 EIDO:2S; KELE:2TION (Фукидид) «лодка» (ср. латин. *celes* «скакун» заимств.; *celox* «небольшое судно»: под влиян. *velox*), однако, с другой стороны, не желательно было бы отделить его от KE:2LO:N, род. пад. KE:2LO:NOS «жеребец»²⁸ (метафора); KE:2LO:N HO EN TE:(¹)3 NE:I4 LEGO2MENOS. KAI4 OKHEYTE:2S (Архилох фр. 95)... KAI4 A2NTLE:MA; KE:LO2NEIA.. ANTLE:TE:2RIA KSY2LINA, Гесихий, (–KE:2LO:N, KE:LO:2NEION, KE:LO:NE:2ION) –KE:LO:NEY2O: (–ANTLO:3), и пр. там же, хотя оно и соблазнительно, но по фонетическим причинам невозможно, а именно: 1) несоответствие шумер. **u**: и.-е. **u** + **x** или **ow**, 2) сомнительный переход **b** > **dh** при заимствовании, 3) чередование U:DHAN (гр. OY3THAR и пр.), род. пад. U:DHNAH (ср. клин.-хетт. *utne* «country»... Sturtevant, C G H L., стр. 97, 129), обнаруживающее присутствие активного суффикса и т. п.

²⁸ Ср. Lagercrantz. Sertum philologicum C. F. Johansson oblatum», 1910, стр. 117 и след. связывает с этим последним ион. аттич. SILE:NO2S. мегар. мессен. и др. SILA:NO2S, но предполагаемые соответствия фонетически не ясны.

хотя необъяснимым остается предполагаемое соответствие **Е–Е:**, которое, может быть, намечается в соотношении групп гомер. и др. **KELAINO2S** («чёрный», «тёмный»); **KELAINOY3STHAI** (Эсхил). **KELAI(NO)NEPHE:2S** (гомер. и др.) – **KE:LI2S**, **KE:LI3DOS**; **KE:LE:2NE:** – **ME2LAINA** (Гесихий); **KE:LA2S** – **NEPHE2LE: A2NYDROS KAI4 KHEIMERINE:4 HE:ME2RA** (Гесихий) (мб. **K(X)LE**)¹ – **KE¹(X)L-**, хотя такое отношение должно было бы дать формы вроде **KALE2O:** – **KE2LOMAI**).

Характерно то обстоятельство, что имеющие отношение к верховой езде глаголы **KELE:TI2ZO**, **KELE:TI0:3** (ср. у Гесихия **KELE:TIA3N** – **KELE:TI2ZEIN**. **HIPPEY2EIN**) являются отымёнными от **KE2LE:S** между тем, как первичный глагол (**KE2LLO:**) аор. **E2KELSA** и пр. (ср. **KE2LLEIN TO4 EIS GE:3N EKTITHE2NAI TE:4N NAY3N. KAI4 EKSOKE2LLEIN**; **KE2LSAI...** **EKKEI3LAI. HORMI2SAI. KATALABEI3N. EYTREPI2SAI. EKSOKEI3LAI** Гесихий), напр., в гомеровском эпосе чаще всего имеет своим дополнением «корабли», а не «лошадей» (ср. i 148 ...**PRI4N NE:3AS E.YSSE2LMOYS EPIKE2LSAI**. i 149 **KELSA2SE:(¹)SI DE NE:YSI2...**).

Кроме того, обращает на себя внимание и предполагаемый суффикс **-ES**, род. пад. **-E:TOS**, не относящийся к активным суффиксам производства имён от глагольных форм.

Параллельно для предполагаемого отношения **KE2LE:S–(KE2LLO:)**, **KE2LOMAI**, **KELEY2O:** и пр. могло бы служить **PE2NE:S**, род. пад. **PE2NE:TOS** – **PE2NOMAI** и пр. и, до некоторой степени, образования **ADME:2S**, род. пад. **ADME:3TOS**, **ESTHE:2S**, род. пад. **ESTHE:3TOS**, **THE:2S**, род. пад. **THE:3TOS**, **PROBLE:2S**, род. пад. **PROBLE:3TOS**; мб. **E2KHE:S**, род. пад. **E2KHE:TOS**, наряду с **EKHE2TE:S**, род. пад. **EKHE2TOY**; но обособленное **MY2KE:S** (мн. также **MY2KAI**), **LE2BE:S**, род. пад. **LE2BE:TOS**; следовательно, за исключением **PE2NE:S** – **PE2NOMAI** (**E2KHE:S** – **E2KHO:**), в качестве атематического суффикса приведенных образований выступает **-Т-**, а не **-Е:Т-**.

Г. Гирт (H. Hirt) объясняет такую форму, как **PE2NE:S** тем, что она не является непосредственным, отымённым образованием (ср. **PENIKHRO2S**, **PENI2A**; см. *Handbuch...* § 334, 2), а именно – возникшим в результате присоединения **-Т-** к **EI**-базам, как он их называет, но здесь не исключается также возможность «переразложения» с отвлечением суффикса **-Е:Т-**.

Во всяком случае, бесспорным такое отношение, как **KE2LE:S**, род. пад. **KE2LE:TOS** – **(KE2LLO:)**, **KE2LOMAI** и пр., считать нельзя.

Другое дело – позднейшее название лошади, а первоначально вообще животного **A2LOGON** (ср. **TA4 A2LOGA**, напр., у Ксенофонта; новогр. демот. **A2LOGO** = др. гр. **HI2PPOS**), но и оно, хотя и представляет корневую морфему глагола **LE2GO:** и пр., но является вторичным отымённым образованием (ср. **LO2GOS** – **A2LOGOS**; **A2LOGOS** – **ALOGO:3**).

Таким образом, очевидно, что приведенные названия лошади представляют именные образования от основ именного происхождения и среди них можно только отметить, что основа в **KE2LE:S** (предположительно сближаемая с **KE2LOMAI** и пр.) может считаться вторичной именной и заключать в конечном

счёте простую глагольную основу, а основа в A2LOGON – безусловно вторичная именная, произведенная от простой глагольной, заключенной в формах глагола LE2GO:.

§ 49. Слово BOY3S, род. пад. BOO2S и пр. (м. и ж.) в переносном смысле может иметь значения:

1) вроде как у Эсхила, «Агамемнон», 1125, A2PEKHE TE:3S BOO2S... или у Пиндара, Пифийская IV, 254–55, MI2A BOY3S KRE:THEI3 TE MA2TE:R и пр., т. е. вполне прозрачная метафора («корова» о Клитемнестре и пр.); «кожа рогатого скота», напр., GE2RRA LEYKO:3N BOO:3N (Ксенофонт); «щит, обитый этой кожей» (K 155 – E2STRO:TO RHINO4N BOO4S AGRAY2LOIO); «простоватый, глупый человек», Афиней (ср. у Гесихия: BOY3S KY2PRIOS – KOPROPHA2GOS, EIKAI3OS, AKA2THARTOS, SE:MAI2NEI DE4 ATOPI2AN TO:3N KYPRI2O:N. KAI4 EY2DOKSOS APHE:GEI3TAI, HO2TI KOPROPHAGOY3SIN (мб. игра слов: KO2PREIOS и пр. т. п. – KY2PRIOS);

2) «жертвенный пирог»; см. у Гесихия BOY3S – PO2PANO2N TI TO:3N THYOME2NO:N HOY2TO:S EN TAI3S HAGIO:TA2TAIS ATHE:2NE:SI THYSI2AS. E:3N DE4 BOI4 PARAPLE:2SION. KYRI2O:S DE4 BOY3S. E:4 ASPI2S. BA2ROS... (т. е. «PARAPLE:2SION» подчеркивает форму пирога);

3) «вид ската» (или какой-то морской рыбы), Аристотель, Элиан;

4) наконец, в обобщенном значении в составных словах (ср. у Гесихия: BOY3 – TO4 ME2GA KAI4 POLY4 DE:LOI3, напр., BOY2LIMOS – ME2GAS LIMO2S; BOY2PEINAN – ME2GAN LIMO2N; BOY2SYKA –TA4 MEGA2LA SY3KA и пр.); на основании такого начертания, как *bovare*, соответствующего более обычному латинскому *boare*, *boo* (ср. Sommer F. Studien zur lateinischen Lautgeschichte, Strassburg, 1894, 148a), 4) и пр. могло возникнуть подозрение относительно связи гр. BOO:3 и пр. – BOE:2 с основой гр. BOY3S и пр. (см. Walde, LEWb, boo) и, таким образом, BOO:3 и пр. могло бы быть истолковано как отымённое образование с первоначальным значением вроде «мычать» – MYKA3STHAI, BRYKHA3STHAI и т. п.

Помимо того, что форма *bovare* является вторичной относительно *boare* в латинском, а это последнее представляет прямое заимствование из греческого, в самом греческом нельзя проследить существования действительной связи между BOY3S и BOO:3 (ср. Boisacq, DELG).

Следовательно, основа, представленная в гр. BOY3S и пр., в историческую эпоху является такой же обособленной «именной» в греческом, как, по-видимому, и в других языках, и не имеет производных в области глагола, если не считать позднейшей книжной формы BOOY3N «превращать в скотину» (Евстафий)²⁹.

Довольно правдоподобной представляется возможность связи между основой, заключенной в BOY3S и пр., с приведенными у Афиней названиями какой-то рыбы: BO:3KS, BO2E:KS, BO2A:KS³⁰, так как суффикс -AK- (-E:K-) был довольно широко распространен (особенно в просторечье) также в качестве суффикса

²⁹ Новогр. BO2DI (BO:3DI) восходит к древнегр. уменьшительному BO.I2DION.

³⁰ См. VII, 286, f.

уменьшительных имён, то отношение BOY3S – BO2A:KS можно сопоставить с русским *бык* : *бычок* (рыба *Cottus gobio*, а также *Gobius*).

§ 50. Из связанных с BOY3S и пр. по значению слов здесь можно назвать: TAY3ROS (собств. имена: TAY3ROS, TAYRI2SKOS, TAYRI2O:N; названия народов: TAY3ROI, TAYRI2SKOI, TAYRISTAI2, TAYRI3NOI; географические названия: TAY3ROS – горная цепь в Армении и Киликии; гора в Сицилии и пр.), MO2SKHOS (ср. MOSKHI2AS, MOSKHI2ON, MOSKHI2DION, MOSKHA2RION) также MO2SKHEYMA (собственные имена: MO2SKHOS, MOSKHI2O:N, MOSKHIANO2S, MOSKHO:2NIOS, MOSKHI2NE:; название народа: MO2SKHOI; географические названия: MO2SKHYLOS – вулкан на Лемносе: MOSKHI2TE:S название рыбы согласно схолиасту Оппиана), DA2MALIS, DAMA2LE:, DAMA2LE:S (собственное имя; DAMA2LIOS), PO2RIS, PO2RTIS, PO2RTAKS (PORTA2KION).

В гомеровском эпосе TAY3ROS то противопоставляется BOY3S (L 728–9 TAY3RON D'ALPHEIO:(¹)3, TAY3RON DE4 POSEIDA2O:NI/ AYTA4R ATHE:NAI2E:(¹) GLAYKO:2PIDI BOY3N AGELAI2E:N), то употребляется как эпитет при нём (R 389–90 HO:S D' HO2T' ANE:4R TAY2ROIO BOO4S MEGA2LOIO BOEI2E:N / LAOI3SIN DO:2E:(¹) TANY2EIN).

Основа, представленная в TAY3ROS, в индоевропейских языках имеет две разновидности, очевидно, обусловленные наличием при ней «подвижного» S (ср. гр. TAY3ROS, латин. *taurus*, оск. *taurom* = «taurum», умбр. *turuf* = «tauros», др.-слав. *турь* и пр.: гот. *Stiur*, др.-верх.-нем. *stior*, ново-верх.-нем. *Stier*, авест. *staora* – «крупный скот» и пр.), если, конечно, в этой группе не произошло контаминации различных основ.

Как ни соблазнительно сближение указанной, индоевропейской именной основы с тождественной по значению семитической (ср. аккад. S9U:RU, др.-евр. S9OR, араб. TO:R, араб. T;AWR(UN), но фонетически не легко доказать, что в семитических языках в данном случае имеется заимствование из индоевропейских (как полагает К. Brugmann в «Indogermanische Forschungen», VI, 98 и в «Grundriss»..., I, 74), ни, тем более, обратное (ср. Boisacq, DELG; Walde, LEWb).

Что касается некоторых вторичных значений, которые слово TAY3ROS приобрело в греческом языке, то представляется весьма затруднительным определить их действительное отношение к первоначальному.

«TAY3ROS» назывался, по-видимому, юноша–жрец POSEIDO:3NOS TAYREI2OY.

У Гесихия TAYRI2A... HEORTE:2 TIS AGOME2NE: POSEIDO:3NOS; TAY3ROI – HOI PARA4 EPHESI2OIS OINOKHO2OI. KAI4 HOI TE2LEIOI BO2ES; TAY3ROS – TAY2REIOS, HO POSEIDO:3N...; (у Афиней X, 425, С, сообщается, что PARA4 DE4 EPHESI2OIS HOI OINOKHO2OY3NTES E:(¹)2THEOI TE:(¹)3 TOY3 POSEIDO:3NOS HEORTE:(¹)3 TAY3ROI EKALOY3NTO, HO:S AMERI2AS PHE:SI2, а как бы репликой на это место является XI, 476, а, где приводится своеобразная «народная» этимология KERA2NNYMI – KE2RAS (в значении «рог для вина») – TOY4S PRO:2TOYS LE2GETAI TOI3S KE2RASI TO:3N BOO:3N PI2NEIN – APH'OY3 TO4N DIO2NYSON KERATOPHYE:3

PLA2TTESTHAI E2TI TE TAY3RON KALEI3STHAI HYPO4 POLLO:3N
 POIE:TO:3N. EN DE4 KYZI2KO:(¹) KAI4 TAYRO2MORPHOS HI2DRYTAI.
 HO2TI DE4 TOI3S KE2RASIN E2PINON DE:3LON EK TOY3 KAI4 ME2KHRI
 NY3N LE2GESTHAI, HO2TAN SYMMI2SGO:SI TO:3(¹) OI2NO:(¹) TO4 HY2DO:R,
 KERA2SAI PHA2SKONTES и пр. т. п.) у Гесихия ср. TAYROPHA2GOS (Софокл
 фр. 602) – HO DIO2NYSOS; TAYROKHO2LIA – HEORTE:4 EN KYZI2KO:(¹);
 TAYRO:2 – HE: EN TAY2ROIS – A2RTEMIS; TAYROPO2LAI – HE: A2RTEMIS...
 KAI4 ATHE:NA:3.

Следовательно, питьё из бычьего рога получает истолкование как деталь религиозного обряда (служение Дионису, который назывался TAY3ROS, изображался первоначально в виде быка, а затем лишь с рогами на голове), а форма аор. KERA2SAI понимается как сопричастная слову KE2RAS.

§ 51. А.Мейе во «Введении...», стр. 400, сделал весьма ценные в методическом отношении замечания по поводу соблазнительного на первый взгляд сближения др.-инд. GANDHARVA!H с гр. KE2NTAYROS, указав на то:

«1) что место ударения различно; 2) что индо-иранск. **G** не соответствует гр. **K**; 3) что первое **A** в слове GANDHARVA!H может отражать первоначальное **A** или **O**, но не **E**, так как иначе в начале должно было бы быть **G6**, а не **G**; 4) что санскр. **DH** не соответствует гр. **T**; 5) что санскр. -ARVAH не соответствует гр. -AYROS».

Из этих замечаний ясно видно, как много может дать сравнительно-историческая фонетика для этимологических исследований.

Кроме того, следует заметить, что в данном случае в распоряжении исследователя находится особенно благоприятный материал, потому что строение сопоставляемых слов достаточно сложно для того, чтобы фонетические критерии имели первостепенное значение.

§ 52. Относительно слова TAY3ROS надо отметить ещё только связанные с ним глагольные образования, носящие ясно выраженный отымённый характер.

Это, во-первых, глаголы TAYRA3N, TAYRIA3N, соответствующие по значению такому же отымённому образованию KA2PROS > KAPRA3N (ср. латин. *equos* > *equio*, *equire*, Плиний), которые обозначают определённое состояние животного (течка).

Во-вторых, это – образования типа TAYROY3STHAI «дико смотреть» (напр., Эврипид, «Медея», 91, E:2DE: GA4R EI3DON O2MMA NIN TAYROYME2NE:N) или «становиться диким» (напр., Эсхил, «Хозфоры», 274–5, ANTAPOKTEI3NAI LE2GO:N / APOKHRE:MA2TOISI ZE:MI2AS TAYROY2MENON), а также TAYROY3N (ср. у Гесихия: TAY2RO:SON – TAY3RON POI2ESO:N) «превращать в быка» и пр.

По своему строению TAY3ROS, если его признать содержащим простую индоевропейскую основу, весьма проблематично сближается с основой *TU-, напр., в формах др.-инд. глагола 3 л. ед. ч. TAVI:TI (TA:UTI), перф. TU:TA:VA(–TURAH) или же *STHU:- (*STHA:-) в таком образовании, как STHAVIRAH (ср. образования в греческом TY2LE:, TY2LOS и пр.).

Короче говоря, в греческом слове TAY3ROS представлена типичная для греческого языка именная основа.

§ 53. Вполне вероятно, что при отсутствии первоначальной связи могло произойти сближение между группой гр. DA2MALIS, род. пад. DAMA2LEO:S; DAMA2LE:, DAMA2LE:S (м.) и пр. и основой, представленной в формах глаголов DA2MNE:MI, DAMNA2O:, DAMA2O:, DAMO:3, DAMA2ZO:, (дор.) DAMA2SDO: и пр.

Одним из доказательств в пользу существования такого сближения можно считать производство от основы, представленной в указанной группе, глагола DAMALI2ZO: со значением DA2MNE:MI и пр. (так у Пиндара в Пифийской, V, 120–21, изд. W. Christ, 1899: ME:4 PHTHINOPO:RI4SANE2MO:N/KHEIMERI2A–KATA4 PNOA4 DAMALI2ZOI KHLO2ON, но DNOPALI2ZOI по конъектуре Bergk'a и PELEMI2ZOI по конъектуре Herwerden'a).

О том же свидетельствует может быть фр. № 2 Анакреонта, начинающийся словами: O:3NAKS, HO:3⁽¹⁾ DAMA2LE:S E2RO:S KAI4 NY2MPHAI KYANO:2PIDES / PORPHYRE2E: T' APHRODI2TE: / SYMPAI2ZOYSIN..., хотя самое слово DAMA2LE:S здесь многозначно и из контекста нельзя точнее определить его значения: «телец», «молодой» = MO2SKHOS или «покоритель» как бы от DA2MNE:MI.

Если, с одной стороны, гр. глагол DA2MNE:MI и пр. убедительно сопоставляется с др.-инд. DA:M5A:MI (прич. DA:NTAH), DAMA5:AMI (прич. DAMITAH), латин. *domo*, перф. *domui*, (прич. *domitus*), *domare* и пр., то, с другой стороны, гр. DA2MALIS и пр. также убедительно связывается с латин. *damma* (так в лучших рукописях и изданиях; удвоение **m**, вероятно, «экспрессивного» характера, а потому форма DA:MA мб. вторичная; исп. *dama*, фр. *daim* и пр.).

Это обстоятельство позволяет думать, что в именных образованиях DA2MALIS, латин. *damma* и пр. представлена не та же основа, что в глаголах DA2MNE:MI, DOMO: и пр., но со временем обе основы по своему внешнему сходству были сближены.

Среди именных образований от др.-инд. DA:M5A:MI, DAMA5A:MI и пр. небезынтересно для истолкования латин. *damma*, гр. DA2MALIS и пр. Форма DAM5AH (= *domandus* etc; по внешнему виду совпадающая с формой прилагательного от DAMAH (= гр. DO2MOS – DE2MO:, латин. *domus* и пр.) со значением «телец, бычок» и т. п., однако, это образование может быть только по значению «параллельным» латинскому и греческому, но не по способу производства.

В связи с этим можно заметить, что DA2MALIS, DAMA2LE: и пр. ещё не встречается в гомеровском эпосе в значении PO2RIS, PO2RTIS и PO2RTAKS так же, как MO2SKHOS там употребляется ещё только в значении «ветвь, отпрыск» (L 105: I2DE:S EN KNE:MOI3SI DI2DE: MO2SKHOISI LY2GOISIN).

Относительно сопричастности гр. именного образования DA2MAR, род. пад. DA2MARTOS, основе глагола DA2MNE:MI, DAMA2O: и пр. (–A2DME:TOS, DMO:2S, род. пад. DMO:O2S, DMO:E:2 и пр.) или основе DE2MO: (– DE2MAS, DO2MOS и пр.) вопрос остаётся открытым, хотя имеются толкования в пользу существования этой сопричастности (см. Boisacq, DELG), но, кроме того, что

этот вопрос надо решать в связи с историей других названий из семантического круга «жена, женщина» (ср. отношение GYNE:2, беот. BANA:2 и пр.: GENNA2O:, GI2GNOMAI и пр. т. п.), можно сказать, что в пользу существования связи, о которой идёт речь, можно привести приблизительно столько же чисто фонетических соображений, сколько и в пользу этимологической связи шумерского слова DIM (Langdon, S. G. List, № 18) «строить» (= аккад. BANU:) с индоевропейской основой *DEM- в гр. DE2MO: и пр., или связи DAM (TAM) (= аккад. AS9S9ATU, HI:RTU; Delitzsch, A. G., № 214) «жена» с греческим DA2MAR и пр. (DA2MAR – GYNE:4 E2KHOYSA A2NDRA, Гесихий).

§ 54. Значения DA2MALIS «тёлка», затем «девушка» легко объясняются посредством «связующего звена» вреде «молодое животное» (см. Гесихий: DA2MALIS – MO2SKHOS. KAI4 KATA4 PANTO4S NE2OY) аналогично MO2SKHOS «отпрыск, побег, поросль»³¹, затем «молодое животное» и «юноша», «девушка», а также «тёленьок, тёлка» (напр., у Феокрита, IX, 7, HA MO2SKHOS; XVI, 36, ELAYNO2MENOI POTI4 SAKOY4S MO2SKHOI и пр.).

Производным от MO2SKHOS был глагол MOSKHEY2EIN («давать отпрыск», «порождать»; ср. у Гесихия MOSKHEY2SAS – GENNE:2SAS), который мог быть образован от этого слова в его основном значении (= NE2OS BLASTO2S и т. п.).

Наконец, относящийся к этой группе по значению гомер. и др. PO2RIS, PO2RTIS, PO2RTAKS, PORTA2KION, являвшиеся в пределах греческого языка, очевидно, именными образованиями с именной основой, поскольку эта основа была обособлена в указанных формах, но такой, которая по своему строению могла быть также первичной основой (*PER-, см. Boisacq, DELG, т. е. представленная в латин. *pario, peperit partus, parere* и пр.).

В гомеровском эпосе грамматический род приведенных здесь образований ещё не ясен: E: 162, PO2RTIOS E:E4 BOO2S, K 410, A2GRAYLOI PO2RIES, R 4, HO:2S TIS PERI4 PO2RTAKI ME:2TE:R, но впоследствии они, по-видимому, определяются как образования женского рода, хотя PO2RTAKS (– A2RRREN BOY3S, TINE4S DA2MALIN, A2LLOI NEOGNO2N, HOI DE4 MO2SKHON, Гесихий) могло быть и мужского и женского рода [ср. PO2RTIS (E 162) – DA2MALIS, E:4 NE2A BOY3S].

Значение производного от указанной основы глагола PORTA2ZO: неясно, потому что он, очевидно, встречается только в глоссе Гесихия PORTA2ZEI (правильное чтение, вероятно, «PORTAKI2ZEI» – DAMALI2ZETAI («ведёт себя как тёленьок»?).

Аналогичное по значению рассмотренному MO2SKHOS здесь может быть упомянуто также PTO2RTHOS (ср. PTORTHEI3ON Никандр, «Алексифармака», 267; PTORTHA2KANTHOS Феофраст и др.), которое употреблено в известном

³¹ Гесихий MO2SKHOI – HOI NE2OI BLASTOI2; MO2SKHOS – NE2OS LY2GOS. PTO2RTHOS. KAI4 HO HAPALO4S BOY3S; MO2SKHOISI...–TO13S NEOPHY2TOIS BLASTE:2MASIN, HAPALOI3S KLADI2SKOIS. LY2GA DE2 EISI TA4 HIMANTO:2DE: PHYTA2; MOSKHEY2MATA – TA4 NEO2PHYTA; MOSKHI2A– HAPALA4 PHYTA2. E:4 KRE2A MOSKHARI2OY. E:4 KROMMY2OY TO4 SPE2RMA.

месте «Одиссеи» z 127–29: EK PYKINE:2S D' HY2LE:S PTO2RTHON KLA2SE KHEIRI4 PAKHEI2E: (¹)...

В переносном значении PTO2RTHOS подобно MO2SKHOS [ср. у Гесихия PTO2RTHOS (ζ 128) – O2RPE:KS, BLASTO2S, KLA2DOS, E:4 E2KPHYSIS TOY3 DE2NDROY, THALLO2S] стало обозначать также «дитя» – (ср. Ликофрон, 965; Палатинская Антология 8, 38).

Среди глосс Гесихия в связи с PTO2RTHOS надо отметить две, относящиеся к ней, как формы PTO2LEMOS, PTO2LIS относятся к PO2LEMOS, PO2LIS³², а именно PO2RTHOS – PTO2RTHOS, KLA2DOS, BLASTO2S и PORTHYGGI2S – SPATI2LE: – TRI2BOLON.

§ 55. У Геродота в рассказе о вторичном наведении мостов через Геллеспонт (VII, 36) упоминается такая техническая деталь, как O2NOI KSY2LINOI³³ «деревянные ворота», указывающая на ту тенденцию метафорического изменения значений, которая весьма наглядно обнаруживается в различных языках и которую применительно к рассматриваемой здесь семантической группе можно было бы назвать «анимализацией» предметов.

Таковы, например, в русском языке «быки» у мостов, «журавли» у колодезцев, деревянные «кобылы» для прыгания, «козлы» для пилки дров в отличие от «козлов», «собачки» у ружей и прочее.

Здесь нет места для того, чтобы углубиться в изучение подобного метафорического развития значений, но позволительно остановиться более подробно на возможной истории O2NOS (KSY2LINOS) в переносном значении, потому что с ним связано глагольное образование ONEY2O: (ср. у Фукидида VII, 25, 6: E2K TE TO:3N AKA2TO:N O:2NEYON ANADOY2MENOI TOY4S STAYROY2S...).

В кратком очерке индоевропейских названий животных во «Введении...» А. Мейе (стр. 394–99) «осёл» не упоминается по вполне понятным причинам: несмотря на попытки найти удовлетворительную гипотетическую форму, объясняющую несоответствие латинского *asinus*, *asellus* греческому O2NOS, это несоответствие всё же не было устранено, а существующие в отдельных языках формы, как, например, гот. *asilus*, др.-верх.-нем. *esil*, др.-слав. *осьль*, литов. *A3SILAS* и пр. достаточно убедительно могут объясняться заимствованием из латинского³⁴.

Таким образом, взвешивая на тех же этимологических весах наряду с прочими и культурно-исторические данные, относительно гр. O2NOS, очевидно,

³² Ср. PTELE2A – эпидавр. дельф. PELE2A: PTE2RNA «пятка» : PE2RNA «окорок» ср. Афиной XVI, 657, е, PTAI2O:–PAI2O:; (ещё гр. PTERO2N : русс. *перо*, гр. PTOIE2O: – латин. *paveo*, *pavi*, гр. PTI2SSO:, латин. *pinso*). В качестве объяснения этого явления Г. Гирт высказывает предположение о сохранении в греческом (очевидно, лишь в некоторых диалектах) первоначальных сочетаний согласных, подвергшихся упрощению в других и.-е. языках (и гр. диалектах) см. Hirt, «Handbuch...» § 257 с и прим.

³³ В переводе Ф. Г. Мищенко (Москва, 1885): «После этого натянуты были канаты с суши посредством наворачивания их на деревянные ворота, причём два сорта канатов не употреблялись более отдельно, как прежде, но на каждый мост положили по два каната из белого льна и по четыре из папируса».

³⁴ Ср. Walde, LEWb; Boisacq, DELG; Brugmann, «Indogermanische Forschungen», XXII, 197 и след.

нельзя сказать ничего более определённого, чем согласиться с теми, кто утверждает, что в греческом языке это слово заимствовано из какого-то «азианического» языка.

Наряду с другими здесь упомянутыми названиями животных гр. O2NOS характеризуется довольно сложными разветвлениями основного значения.

Подобно HI2PPOS, KA2PROS, LY2KOS, LAGO:2S и др. также метафорически (посредством той метафоры, которая обнаруживается при сопоставлении «мира» существенного с «миром» несущественным, так сказать, лексического макрокосма и микрокосма, как, напр., во французском отношении *vache* : *vache à bon dieu* и пр. т. п.) O2NOS стало обозначать один вид морской рыбы, затем – червеобразное беспозвоночное животное, какой-то вид бескрылой саранчи и, наконец, в мире неодушевлённом: верхний жернов античной мельницы (O2NOS ALE2TE:S), ворот для наматывания канатов, веретено и прялку, сосуд для вина.

Значение «морской рыбы», «червеобразного животного» и «ворот для наматывания канатов» имело также уменьшительное – ONI2SKOS³⁵.

Любопытный намёк на происхождение слова O2NOS, ONI2SKOS в значении «морской рыбы» содержится у Аристотеля («О животных», стр. 311 R; Афиней VII, 315, е) – KA14 MO2NOS HOY3TOS IKH2THY2O:N TE:4N KARDI2AN EN TE:(1)3 KOILI2A(1) E2KHEI KA14 EN TO:(1)3 EGKEPHA2LO:(1) LI2THOYS EMPHEREI3S MY2LAS.

Если относительно указанной рыбы действительно было распространено подобное представление и приведенное сообщение не является обычной этимологической легендой, то в таком случае рождение этому слову дала не простая метафора, а синекдоха.

Приводимый у Афиней (VII, 315 f) синоним этого названия – GA2DOS, очевидно, является заимствованным словом (по своему фонетическому строению).

Новогреческие формы GA2DAROS, GA2.IDAROS, GA.IDOY3RI и пр. считаются иноязычного происхождения.

Однако, не исключается связь такой формы, как GA2DAROS (Диогениан 5, 36) с названием рыбы GA2DOS = O2NOS (у Афиней 7, 315, f, HO:2S PHE:SI DO:RI2O:N EN TO:(1)3 PERI4 IKH2THY2O:N GRA2PHO:N HOY2TO:S – O2NOS, HO4N KALOY3SI2 TINES GA2DON).

Отсюда может быть высказано предположение о том, что GA2DOS в качестве названия рыбы такая же метафора, как и O2NOS, а первоначальное значение его то же, что O2NOS.

Этому не противоречит позднейшее GA.IDA2RION (папирус Амхерст 2, 153, VI–VII вв. н. э.), которое считается заимствованием из арабского языка

³⁵ Иностранное происхождение этого животного, а также пренебрежительное к нему отношение можно вывести ещё из того факта, что среди греческих собственных имён, очевидно, не было основанных на этом слове ср. напр., PAPE–BENSELER, W G E N.

Напротив, среди римских родовых собственных имён (*nomina gentilia*) встречаются произведенные от *asellus*, напр., *Asellus*, *Asellius*, *Asellio*, и от *asinus*, напр., *Asinius*. Об отношении форм *asellus* и *asinus* см. Safarewicz J. *Le rhotacisme latin*, Вильнюс, 1932, стр. 70–73; автор считает более древней в латинском языке форму *asellus*, а форму *asinus* более новой и заимствованной из сабелльских языков (в восточной части Средней Италии).

(Liddell–Scott, G E D, 1948), потому что само GA2DOS тоже должно быть переднеазиатского происхождения.

§ 56. Наряду с названными здесь формами в том же значении получило распространение производное от GO2MOS – GE2MEIN и пр. – GOMA2RI(ON) «вьючное животное», а затем – «осёл» (ср. албан. GOMAR и метатетические варианты болг. *магаре*, серб. *магарац*), т. е. по истории значения такое же образование; как PRO2BATON и т. п.

У Гесихия указывается пять из упомянутых значений (O2NOS – HO ANO:3TEROS LI2THOS TOY3 MY2LOY. KAI4 TO4 HYPOZY2GION. KAI4 TO4 PERI4 TA4 TO:3N HYDA2TO:N AGGEI3A POLY2POYN ZO:(¹)3ON KAI4 SYSTREPHO2MENON, HO:S KY2AMOS. KAI4 TO4 AKH2THOPHO2RON ZO:(¹)3ON. KAI4 EPH' HOY3 TE:4N KRO:2KE:N NE:2THOYSI. KAI4 IKH2THY4S POIO2S, HO (KA)I4 ONI2SKOS LEGO2MENOS; O2NOS ISO2SPRIOS – E2STIDE4 ZO:(¹)3ON POLY2POYN, OSPRI2O:(¹) HO2MOION, HO KAI4 I2OYLON TINE2S PHASIN), но при слове ONI2SKOS добавляется ещё новое – TEKTONIKO2S PRI2O:N.

Хотя переход от O2NOS = TO4 AKH2THOPHO2RON ZO:(¹)3ON к O2NOS = TO4 POLY2POYN ZO:(¹)3ON (O2NOS ISO2SPRIOS, I2OYLOS, мб. из chilognatha и подкласса iuloides; кивсяк?) на первый взгляд может показаться весьма странным, но вполне вероятно, что такой переход объясняется, всего-навсего, общностью у обоих названных животных такого существенного для наименования признака, как цвет (напр., серый, бурый, светло-бурый, тёмно-бурый, коричневый и пр.) или же особенностью окраски (напр., тёмные полосы на более светлом фоне; ср. у Гесихия MY2KLAI – HAI EPI4 TO:3N O2NO:N GRAMMAI4 ME2LAINAI, TOI3S TRAKHE:2LOIS KAI4 POSI4N EGGINO2MENAI; также MY2KLOI – HAI PERI4 TA4 SKE2LE:, KAI4 (EN) TAI3S (так! = TOI3S) POSI2, KAI4 (EPI4) NO:2TOY TO:3N O2NO:N ME2LAINAI GRAMMAI2... (Такие же полосы также у кивсяковых или других многоножек ср., напр., «Жизнь животных» по А. Э. Брему, т. II, М., 1941, стр. 148).

Очевидно, дело обстоит сложнее при таких переходах, как «осёл» > «жёрнов», «ворот» (барабан, брашпиль).

Здесь прежде всего, надо учесть, елико возможно, особенности античного мукомольного производства.

Как известно, напр., по образцу, найденному в Помпеях, античные мельницы представляли уже довольно усовершенствованные приспособления сравнительно с более древним толчением зерна в ступках пестиками (ср. Л. Нуаре, «Орудия труда», ГИЗ УССР, 1925, стр. 333–340; ср. значения латин. *pinso*, *pinsui*, *pinsus* и *pinsitus* и пр.: *pila* «ступка», *pilum*, *pistillum* «пестик», *pistor*, *pistrina*, *pistrinum* и пр.; гр. PTI2SSO:, аттич. PTI2TTO:, аор. E2PTISA, PTI2SMA «очищенный ячмень» (PTI2SIS, PTISMO2S), PTISA2NE: – то же; параллельн. форма *PI2SSO: может быть выведена из PERIPI2SMATA «виноградные выжимки»; др.-инд. PINAS9MI (прич. PIS9T9AH) – PIS9T9AM «мука»; др.-слав. *пыщо*^(н), *пыхаіо*^(н); *пышено* и пр. (у Гесихия PTI2SAI – KO2PSAI; PTI2SATE – APODERMATI2SATE; PTISA2NE: – KYKEO:2N).

Из двух каменных жерновов, составляющих мельницу, верхний вращающийся назывался (хотя трудно установить, начиная приблизительно с какого времени) O2NOS (O2NOS ALE2TE:S), Ксенофонт, Поллукс и др., в противоположность нижнему неподвижному (MY2LE:; позже MY2LOS и пр. ср. латин. *mola, molina* : *molere, molare* и пр.); O2NOS=*catillus*, уменьш. от *catinus* «блюдо, миска»; MY2LE: = *meta*. У Гесихия: MY2LE:... KAI4 HOY2YO: LE2GETAI KAI4 HO KA2TO: TE:3S MY2LE:S LI2THOS – TO4 DE4 A2NO: O2NOS; в переносном значении: MY2LAI – HAI EPIGONATI2DES. E:4 SIAGO2NES; MY2LE: – EPIGONATI2S, TO4 OSTE2ON EPI4 TO:(¹)3 (GO2NATI).

В гомеровском эпосе упоминаются MY2LAI (у 106) в значении «жернова» и MY2LAKES в значении просто «камни» (M 160–1: KO2RYTHES D' AMPH' AY2ON A.Y2TEYN/BALLO2MENAI MYLA2KESSI, KAI4 ASPI2DES OMPHALO2ESSAI), но у Гесихия: MY2LAKES – LI2THOI MYLO:2DEIS.

Видимое несоответствие вокализма в гр. MY2LE: – латин. *mola* может указывать на то, что представленная в них простая основа была оторвана от глагольных форм (ср. ещё в гр. отымённый глагол MY2LLO: (= BINO:3 Феокрит IV, 58; у Гесихия: MY2LLEI – PLE:SIA2ZEI); в латин. отношении форм *molo, molui, molitus* и пр.: *mola*, вероятно, следует объяснить тем, что они связаны лишь посредственно, а именно производством от третьей подразумеваемой формы, отсюда вокализм О – О вместо Е – О, ср. русс. *мелю* : *помол, мелкий* : *молотый*; *моль* и пр.; но литов. MALU4, MA2LTI «мелю, молоть»).

Отношение O2NOS = TO4 AKHTHOPHO2RON ZO:(¹)3ON к O2NOS = HO A2NO: TE:3 MY2LE:S LI2THOS, а затем вообще разные вращающиеся предметы (ворот, веретено и пр.) можно объяснить различно и, во всяком случае, для безусловного объяснения наличные данные нельзя считать достаточными.

Можно было бы думать о какой-нибудь древней метафоре, связанной с переходом в мукомольном деле от толчения зерна в ступке пестиком к размалыванию жерновом (или, вернее, относительно контаминации обоих способов производства), но, во-первых, это могла бы быть лишь весьма многостепенная метафора, где пришлось бы восстанавливать недостающие «звенья», а, во-вторых, нет данных утверждать, что O2NOS в значении «вращающийся жернов» достаточно древняя метафора, чтобы можно было говорить о намеченной многостепенности изменений.

Вероятно в «гомеровские» времена оба камня назывались одинаково MY2LAI (ср. MY2LAKES) подобно латинскому *molae* («жернова» > «мельница»).

Предположение о том, что достаточно сложная и усовершенствованная *mola manuaris* или *trusatilis* (KHEIROMY2LE:) была воспроизведением более крупного сооружения, как *mola asinaria* или *machinaria* (подобно современной кофейной мельнице сравнительно с ветряными и водяными мельницами) и термины, связанные с *mola asinaria*, распространились и на все прочие мельницы, должно отпасть, потому что неизвестно, применялись ли ослы уже в V веке до н. э. в Афинах для вращения жерновов подобно тому, как это было в Риме (ср. Катон, О земледелии, II; Овидий, Фасты, VI, 318; Апулей, Метаморфозы, VII, 143), а главным образом ещё и потому, что у латинских авторов нигде не упоминается *asinus, asellus* или *mulus* в значении гр. LI2THOS MYLO:2DE:S.

Следовательно, в греческом языке переход от слова «O2NOS» (животное) к «O2NOS» (= PA3N STREPHO2MENON) обусловлен выделением какого-то сравнительно несущественного признака и непременно наличием «связующего звена» вроде, например, вертикально укрепленных и торчащих над уровнем верхнего вращаемого жернова ручек (гр. KO:2PAI, латин. *mobilia*, ср. напр., изображение примитивной ручной мельницы, найденной в Швейцарии, у Аутенрита, Wb. zu den homer. Gedichten, MY2LE:), которые могут ассоциироваться с ослиными ушами.

Единственно несомненным надо признать в данном случае существование у слова O2NOS значения «вращаемый предмет» («жёрнов», «ворот», «веретено», «прялка» и т. п.) и возможность производства из этого слова в указанном значении вторичного глагола ONEY2EIN³⁶.

§ 57. Интересным примером фонетического разрушения основы, которое приводит к полному её исчезновению из языка может служить индоевропейское название овцы в греческом (гомер.) O2IS (< *OWIS), аттич. OI3S (гомер. род. пад. O2IOS и OIO2S, аттич. OIO2S); наряду с сохранением её в других индоевропейских языках, напр., латин. *ovis* (исп. *oveja* < латин. *ovicula*; но во фр. *brebis* < *berbice < латин. *vervecem*); литов. AVI2S, A3VINAS, др.-слав. *овьца*, *овьнь*; вследствие чего в новогреческом продолжают жить иные образования [ср. PRO2BATON: новогр. дем. PRO2BATO, PROBATI3NA, PROBATA2KI; (*ARE:N), род. пад. ARNO2S и пр.: новогр. дем. ARNI2, ARNA2KI и пр.].

С методической стороны поучительно отметить попытку связать именную основу, представленную в латин. *ovis* и пр., с простой глагольной основой в латин. *exuo*, *induo* (– *indumentum*, *inducula* и пр.), предпринятую А. Фиком в его «Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen» (т. I, 12), который восстанавливает основу *EWE-, понимаемую как соотносительную с основой в др.-инд. *vase*, гр. HE2NNYMI, где наличен так называемый «расширитель» (деэтимологизированный суффикс).

Так как при подобном сближении операции производятся фактически с одним опорным фонетическим моментом, то это сближение надо считать мало обоснованным.

Со стороны семантической весьма веским аргументом было бы указание на существование отношения, подобного восстанавливаемому «одевать, надевать» и пр.: «овца» в каком-нибудь языке, но в данном случае отсутствие достаточных фонетических моментов не может быть «перекрыто» таким эффектным семантическим аргументом.

§ 58. Кроме характерного PRO2BATON, связь которого с формами глагола PROBAI2NEIN не подлежит сомнению и которое содержит, таким образом, сложную глагольную основу, остальные названия этого животного, очевидно,

³⁶ Переход от значения «вращаемый предмет» и пр. к значению «извивающееся животное» можно было бы видеть в таких словах, как: 1) POLY2POYN ZO:(¹)3ON KAI4 SYSTREPHO2MENON = O2NOS ISO2SPRIOS, I2OYLOS; 2) (IKH2THY2S) у Геси-хия MYLLO2N – KAMPY2LON, SKOLIO2N. KYLLO2N. STREBLO2N. KAI4 EI3DOS IKH2THY2OS MY2LLOS, ср. латин. *mullus* (морская рыба).

представляют в греческом различные именные основы: ME:3LON, (ARE:2N), род. пад. ARNO2S и пр. AMNO2S, KRIO2S, POI2MNE: и пр.

Гомеровское ME:3LON (беот. MEI3LON в собственных именах) «мелкое животное», в частности «мелкий скот», «овца», «коза» сопоставляется с др.-слав. *малъ*, гот. *smals*, латин. *malus* (см. Boisacq, D E L G).

Основа, представленная в гр. (ARE:2N), род. пад. ARNO2S, им. мн. A2RNES, уменьш. ARNI2ON; ARNEIO2S (O2IS ARNEIO2S); BA2NNEIA – TA4 A2RNEIA. KAI4 BA2NNIMA TO4 AYTO2 Гесихий (т. е. форма с ассимиляцией сонантов и начальной дигаммой; цакон. BA2NNE < WARNI2ON), дала начало глагольному образованию ARNEY2EIN «нырять» (первоначально «прыгать стремглав, головой вниз», как бараны и пр.).

В гомеровском эпосе им. пад. ед. ч. ARE:2N, или ARRE:2N, не встречается вовсе, зато у позднейших авторов (Никандр и др.) употребляется даже «аферетическая» форма RHE:2N, род. пад. RHE:NO2S (ср. RHE:NIKO2S, RHE:NOPHOREY2S).

Значение ARNEIO2S и (ARRE:2N) ARNO2S и пр. видно из противопоставления их O2IS и ME:3LON, напр., d 85–6, KAI4 LIBY2E:N, HI2NA T' A2RNES A2PHAR KERA0I4 TELE2THOYSIN. / TRI4S GA4R TI2KTEI ME:3LA TELESPOH2RON EIS ENIAYTO2N; G 197–8, ARNEIO:(¹)3 MIN E2GO:GE E.I2SKO: PE:GESIMA2LLO:(¹) / HO2ST' O.I2O:N ME2GA PO:3Y DIE2RKHETAI ARGENNA2O:N; i 444, HY2STATOS ARNEIO4S ME:2LO:N E2STEIKHETHY2RAZE; Гесихий RHE:2NEA, RHE:3NES, RHE:2NIKES; но там, где этими словами обозначается жертвенное животное, они могут быть и того и другого рода [G 103–4, OI2SETE D' A2RN', HE2TERON LEYKO2N, HETE2RE:N DE4 ME2LAINAN GE:(¹)3 TE KAI4 EE:LI2O:(¹)] так же, как O2IS, при котором оно может выступать в качестве определения (к 527, E2NTH' O2IN ARNEIO4N RHE2ZEIN THE:3LY2N TE ME2LAINAN, к 572, ARNEIO4N KATE2DE:SEN O2IN...).

Отымённый глагол ARNEY2EIN (Ликофрон 465, 1103) не встречается в гомеровском эпосе, но доказательством в пользу его существования и в доклассический период может служить третичное образование ARNEYTE:2R (= позд. ARNEYTE:2S, m 413–14, HO D' A2R' ARNEYTE:3RI EOIKO:4S KA2PPES' AP' IKRIO2PHIN), которое является синонимом другого тоже гомеровского образования KYBISTE:TE:2R (P 750, E:3 RHA KAI4 EN TRO:2ESSI KYBISTE:TE:3RES E2ASIN; S 605=d 18), произведенного от глагола KYBISTA3N (P 745, O:3 PO2POI, E:3 MA2L' ELAPHRO4S ANE:2R – HO:S RHEI3A KYBISTA(¹)3; P 749, PH 353).

Отношение KYBISTA3N – KYBISTE:2R таково, что в глаголе нетрудно обнаружить третичное или даже четвертичное образование (KY2BE:–KEPHALE:2 E. M.)–(*KYBI2ZO:–)(*KYBISTE:2S – KYBISTA2O: (ср. у Гесихия KYRETI2ZO: – EPI4 KEPHALE:4N RHI2PSO: (так?) KYBE:SI2NDA – EPI4 KEPHALE:2N, E:4 TO4 PHOREI3N EPI4 NO:2TOY, E:4 KATA4 NO:2TOY; см Boisacq, DELG, KYBISTA3N).

Таким образом, отношение (ARE:2N, ARRE:2N), род. пад. ARNO2S и пр.: ARNEY2EIN (ср. русс. *собака* : *рассобачиться*, *зубр* : *зубрить*, *канюк* : *канючить*

и пр.), по-видимому, не совсем аналогично O2NOS – ONEY2EIN, потому что в первом случае первичное имя не является метафорическим, а во втором оно метафорично.

§ 59. Довольно широко представленная в индоевропейских языках именная основа налична по всем вероятиям в другом греческом названии «барана» KRIO2S «*KRIWOS=KERA02S» «рогатый» (ср., напр., G 24, E:4 E2LAPHON KERA04N E:4 A2GRION A13GA), которое сопоставляется с латин. *ceruos*, литов. KA2RVE, др.-слав. *крава*, русс. *корова* и пр. (см. Boisacq, DELG, KERA02S), а также с гр. KO2RYDOS, KORYDO2S (KORYDALLO2S, KORYDO:2N и пр.) «хохлатый жаворонок», KO2RYS, род. пад. KO2RYTHOS (– KORY2SSEIN и пр.), KORYPHE:2 (KORY2PTO: «бодая», KORYPTI2LOS «бодливый», Феокрит) – KORYPHOY3N, KORY2PHO:MA и пр.).

Вследствие близости по значению и звучанию основ, представленных в группе гр. KERA02S и KE2RAS, можно предполагать в некоторых производных образованиях наличие контаминации (*KER-(-ES)- : KERW-).

А. Фик (E W b l G S, I, 423) устанавливает и.-е. корень *KER «подниматься, возвышаться, торчать».

Такое восстановление значений, как уже было сказано, конечно, является только вспомогательным приёмом в этимологических исследованиях, но в особенности следует предостеречь против всяких заключений в области «сравнительной семантики», основанных на подобных восстановленных значениях. С этой точки зрения вообще лучше воздерживаться от восстановления значений.

Ввиду возможности указанной контаминации трудно сказать, к какой группе (KERA02S или KE2RAS) относятся те или другие производные образования.

Так, напр., у Гесихия имеется глосса KA2RNOS – (PHTHEI2R). BO2SKE:MA, PRO2BATON (ср. KA2RNON – SA2LPIGGA. GALA2TAI) по характеру образования и значению близкая к рассматриваемому KRIO2S, однако, вполне возможно, что указанное KA2RNOS связано скорее с KE2RAS, гомер. KA2RE:NA, ионич. KA2RE:, аттич. KA2RA: (ср. KARA:2RA – KEPHALE:2 Гесихий; KRA2NA – KEPHALE:2 там же; см. Boisacq, DELG, KRAI2NO:, KA2RE:NA, KE2RAS) и пр., чем непосредственно с KERA02S и KRIO2S (ср. у Гесихия ещё KARO2S... BO2SKE:MA, EGKE2PHALOS (= E2GKAROS) и мб. KA2RON – MEGA2LE: AKRI2S).

Характер образования KRIO2S при KERA02S неясен, хотя сближение не следует отвергать ввиду достаточной убедительности семантического момента, имеющего здесь временный перевес над фонетическим.

Не исключается возможность того, что KE2RAS (род. пад. KE2RATOS, KE2RAOS, KE2RO:S и пр.) и KERA02S оба могут быть возведены к простой именной основе и, таким образом, у них можно было бы выделить суффиксы (*-N8-, *-N8T-, *-N8W-), но полученная этим путём предполагаемая основа не объяснила бы отношения KRIO2S к этой группе, потому что едва ли возможно было бы доказать, что это последнее произведено непосредственно от восстановленной основы и является параллельным KE2RAS и KERA02S.

Правдоподобнее со стороны семантической было бы считать, что KRIO2S является вторичным производным от осложнённых вышеуказанных образований, но способ его производства остаётся неясным.

Однако вполне понятно, что KE2RAS и KERA02S были вторично сближены и KERA02S, первоначально обозначавшее «рогатый», стало значить также «роговой» – KERA2TINOS.

§ 60. Любопытное развитие значения гр. KE2RAS, по-видимому, представлено в глоссах Гесихия: KE2RAS – KEPHALE:2, THRI2KS (O: 81, ср. BOO4S KE2RAS), (SA2LPIGKS, E:4 POLE2MOY ME2ROS). KAI4 HE: EKSOKHE:2; KE2RAS O2RTHION – HE: NEYRA2. EYRIPI2DE:S LE2GEI AY2GE:(¹) (фр. 280); KE2RAKS – THRI2KS. TO2KSON.

Однако то место Илиады (O 80–82, Ирида спускается в море к Фетиде), которое могло послужить поводом для глоссы KE2RAS... THRI2KS, как известно, может быть истолковано в прямом, а не переносном значении (в пер. Н.И.Гнедича: «Быстро, подобно свинцу, в глубину погрузилась богиня, / Ежели он, прикреплённый под рогом вола полевого, / Мчится коварный, рыбам прожорливым гибель несущий») и реплики этого в «Одиссее» m 253, ES PO2NTON PRO. I2ESI BOO4S KE2RAS AGRAY2LOIO.

Толкование этого BOO4S KE2RAS содержится в схолии Аристоники (Codex Venetus A): HO2TI OY LE2GEI «BOO4S KE2RAS» BOO4S TRI2KHA DIA4 TO4 TRIKHI2NE:N EI3NAI TE:4N HORMIA2N – LINA13S GA4R EKHRO:3NTO (...P 408). HOI DE4 NY3N OYDE4 BOEI2AIS KHRO:3NTAI, ALL' HIPPEI2AIS. LE2GOI A4N OY3N BOO4S KE2RAS KYRI2O:S – KATESKEY2AZON GA4R SY2RIGGA EK KE2RATOS BOEI2OY, HE:4N PARETI2THESAN TE:(¹)3. HORMIA(¹)3 HYPE4R TO4 A2GKISTRON, HO2PO:S ME:4 HOI IKH2THY2ES APOTRO:2GO:SI TO4N LI2NON³⁷ т. е.: «Выражение BOO4S KE2RAS не значит «волос быка», потому, мол, что леска бывает волосяной: (в древности) как раз употребляли льняные (...P 408), а теперь не бычью употребляют, но конскую. Значит же «BOO4S KE2RAS» собственно (следующее): (в древности) изготовляли трубочку из бычьего рога, в которую продевали леску над крючком, чтобы рыбы не перекусили льняную нить».

Напротив, другие схолиасты (напр., m 253) понимали также и иначе (схолион B Q V): BOO4S KE2RAS E:2TOI TERN TRI2KHA LE2GEI E:4 TO4 EPIKEI2MENON TE:(¹)3 HORMIA(¹)3 KE2RAS³⁸.

Таким образом, как бы ни понимать в указанных местах «BOO4S KE2RAS», но отрицать, что KE2RAS (KE2RAKS) могло иметь значение «волос» (а следовательно, и «леска», «тетива», затем посредством синекдохи «лук») не приходится.

Со значением «KE2RAS» = «HE: NEYRA2» связана глосса Гесихия KERASO2S – DE2NDRON... SKHOINI2ON DE4 POIEI3 HO PHLOIO4S AYTOY3, METH' HOY3 ANTI4 NEY2RO:N DESMEY2OYSIN.

³⁷ См. ARISTONICI «PERI4 SE:MEI2O:N» (SCIL. ARISTA2RKHOY) ILIA2DOS reliquiae emendatiores edidit Lud. Friedlander, Göttingen, 1853.

³⁸ См. A. Roemer und E. Belzner. Die Homerexegese Aristarchs in ihren Grundzügen, Paderborn, 1924, стр. 11.

Отсюда возможно ещё новое понимание «BOO4S KE2RAS AGRAY2LOIO», а именно, что всё это лишь метафора с игрой слов: KERASOS (заимствованное слово: см. Boisacq, DELG, KE2RASOS, или KERASO2S) и KE2RAS, где BOY3S A2GRAYLOS = DE2NDRON.

Вероятно, производные значения KE2RAS можно было бы объяснить, как возникшие метафорически: KE2RAS: 1) «рог» > 2) «пучок волос», «чуб» > 3) «отдельный волос» и пр.

Из отымённых образований от KE2RAS можно назвать KERATI2ZEIN «бодать», аналогичное отношениям KORYPHE:2 – KORY2PTEIN (KY2REIN, KYREI3N, аор. KY3RSAI и пр.) – KYRI2TTEIN (см. Boisacq, DELG, KORYPHE:2, KY2REIN), из которых последнее, очевидно, содержит глагольную основу. Э. Буазак считает производным от основы в KY2REIN и пр. гр. KAIRO2S, ссылаясь на отношение THY2RA: – THAIRO2S (т. е. *KYR-5O: = *KWAR-5OS), что представляется довольно правдоподобным (DELG, прим. № 1 к статье KY2RO:).

Основные значения KRIO2S (напр., у Гесихия: RHO2PALON POLIORK(E:T) IKO2N. KAI4 TO4 TO3N PROBA2TO:N A2RSEN. O2RGANON ASPI2DO:N. ATHE:NAI3OI DE4 TA4S TRAKHEI2AS KO2GKHAS KALOY3SI KREI2OYS. KAI4 PARA4 TARANTI2NOIS(+) TA4 METALLIKA4 ANAGRA2PHETAI KRIO2S. KAI4 PARA4 TOI3S ARKHITE2KTOSI ME2ROS TI TOY3 KORINTHI2OY KI2ONOS) не требуют особых комментариев (напр., KRIO2S «таран»), следует только отметить производное образование KRIOY3N «посвящать зодиакальному овну» (Василий Великий), которое, впрочем, как чисто книжное и позднейшее, не представляет здесь большого интереса.

§ 61. В гомеровском эпосе не встречаются названия животных AMNO2S, AMNE:2, A2MNIOS, AMNI2S, род. пад. AMNI2DOS; AMNA2S, род. пад. AMNA2DOS (также метафорически – «девушка»; ср. ещё собственные имена AMNO2S, A2MNA, AMNI2O:N, но зато упоминается AMNI2ON (g 444) «чаша для крови жертвенного животного».

Это слово AMNI2ON, обозначающее также «овечья кожа» и TO4N HYME2NA TOY3 SO:2MATOS (Гесихий), является образованием от основы, заключенной в этой группе, и свидетельствует о наличии возможных прочих образований от этой же основы в древнейшую эпоху, ср. латин. *agnus*, др.-слав. *iaгне⁽ⁿ⁾*, *iaгньць* и пр.; у Феокрита AMNO2S, AMNI2S, AMNA2S, AMNEI3OS; у Гесихия AMNA2DAS – (+) PARTHE2NOYS. E:4 PRO2BATA; (+) AMNO2A... PRO2BATON, NOI DE4 AMNO2S (?); AMNOKO2LOS – POIME:2N).

В области глагола основа, о которой идёт речь, по-видимому, не оставила производных образований³⁹.

§ 62. В гомеровском эпосе POI2MNE: (i 122), представляющее сложную именную основу (ср. PO:3Y «стадо мелкого скота», PO:3MA «крышка»), в гене-

³⁹ Ср. русск. *ягнёнок* : *ягниться*; со стороны фонетической соответствие латин. *agnus* и пр.: гр. AMNO2S представляет некоторые трудности в сочетаниях **-gn-** : **-mn-** из **-G(W)N-**. Можно было бы предполагать, что англосакс. глагол *éanian* (анг. *to yeán*) и пр. указывают на первоначальное *G(W)H, а не *G(W), но такие детали можно отнести за счёт «просторечья» и «экспрессивных» сдвигов фонетических моментов, см. Boisacq, DELG, AMNO2S; (Walde, L E W b, *agnus*).

тическом плане восходящее к простой глагольной основе, в др.-инд. PA:MI, ещё употребляется, очевидно, как имя собирательное, но в дальнейшем оно применяется также как имя единичное (Эврипид, «Электра», 724, и др.) наравне с уменьш. POI2MNION (Лонг) – «овца», ср. отношение POIME:2N – POIMAI2NEIN, см. Boisacq, DELG; POIMA2NO:R, Эсхил, «Персы», 241: TI2S DE4 POIMA2NO:R E2NESTI KAPIDESPO2ZEI STRATO(:)3, т. е. древняя метафора – гомер. POIME:4N ANDRO:3N.

§ 63. Относительно более позднего, чем O2IS, ARNEIO2S, KRIO2S, POI2MNE: образования PRO2BATON интересно проследить, как оно в пределах исторической эпохи из сложной глагольной основы превращается в именную и даёт значительное число вторичных именных и глагольных образований.

Метонимическое изменение значения (конкретное из абстрактного) наблюдается уже в таком отглагольном имени, как PRO2BASIS (– PROBAI2NEIN и пр.), напр, в b 74-75: EMOI4 DE2 KE KE2RDION EI2E:, HYME2AS ESTHE2MENAI KEIME:2LIA2 TE PRO2BASI2N TE, где противопоставляется, выражаясь современными правовыми терминами, «движимое» и «недвижимое» имущество.

В этом изменении значения можно видеть первый шаг к выходу за пределы отглагольных образований некоторых производных от форм глагола PROBAI2NEIN имён.

Некоторое отступление в сторону отглагольных образований можно усмотреть в производстве от образования, известного в форме дательно-орудно-местного падежа: PRO2BASI (< *PRO2BAS, род. пад. *PRO2BATOS) нового тематического PRO2BATON, совпадающего по форме с отглагольным потенциальным PRO2BATOS и пр.

Дальнейшие шаги к созданию именной основы можно отметить в постепенном сужении значения [1) подвижность, 2) стадо, 3) стадо мелкого скота, 4) мелкий скот, 5) овца].

После того, как установилось значение PRO2BATON = «овца», ср. глоссы Гесихия: PRO2BATA – TA4 TETRA2PODA. APO4 TOY3 PRO4 TE:3S BA2SEO:S PRO2BASIN E2KHEIN HETE2RAN TO:3N E2MPROSTHEN PODO:3N PRO4S TA4 OPI2STHIA (так!) возможными становятся и такие метафорические образования, как PRO2BATON «морская рыба» (Оппиан, Элиан).

Следующие производные характеризуют PRO2BATON («овца»), как содержащее новую именную основу:

1) уменьш. PROBA2TION; 2) PROBATIKO2S; 3) PROBATEY2EIN «разводить овец», «пасти овец» и пр.: PROBATEY2S, PROBATEYTE:2S, PROBATEYTIKO2S, PROBATEY2SIMOS; 4) составные слова с основой PRO2BATON в начале, напр.. PROBATO2GNO:2MO:N, PROBATO2DO2RAS, PROBATO2KA2PE:LOS, PROBATO: PO2LE:S, PROBATO2SKHE:MOS, PROBATO2TRO2PHOS, PROBATO:2DE:S и пр.; 5) собственное имя PROBA2TIOS (у Либания).

У Гесихия приводится третичное именное образование, как бы произведенное от незасвидетельствованного глагола *PROBATEI3N – PROBATE:2MATA (лаконцы) – PRO2BATA (ср., напр., SKY2LAKS, род. пад. SKY2LAKOS «собака, щенок» – SKYLAKEY2EIN «выращивать собак, щенков» – SKYLA2KEYMA =

SKY2LAKS и пр. т. п.), которое можно рассматривать, как такое же доказательство в пользу превращения PRO2BATON в именную основу.

Произведенное от основы, представленной в BO2SKEIN – BOSKE:2, BOSKO2S, BOSKA2S и пр., отглагольное образование BO2SKE:MA (ср. аор. EBO2SKE:SA, буд. BOSKE:2SO:, аор. пасс. EBOSKE:2THE:N и пр.), очевидно, не получило такой специализации, как PRO2BATON (лакон. PROBA2TE:MA), но в аттическом диалекте можно установить значения BO2SK.E:MA:

1) «стадо, скот» (собирательное), а также 2) «отдельная голова скота» (единичное), ср. ещё, напр., у Эсхила, «Молящие», 628, AME:2KHANON (или AME:KHA2NOY) / BO2SKE:MA PE:MONE:3S PE2LEIN «корм, пища».

Снабжённое суффиксом -AD- образование от этой же основы (BOSKA2S, род. пад. BOSKA2DOS) приобрело специальное значение «кряква» (Anas boscas), напр., у Афиней: IX, 395, d, TO:3N DE4 BOSKA2DO:N KALOYME2NON HO ME4N A2RRE:N KATA2GRAPHO3...

Отношение BO2SKO: – BOSKO2S, BOSKE:2 могло сложиться в результате осложнения простой глагольной основы специальным суффиксом основ настоящего времени, особенно продуктивным в греческом и латинском, ср. BAI2NO: – BA2SKO:, PHE:MI2 – PHA2SKO:, E2PATHON – PA2SKHO:, MI2GNYMI – MI2SGO: и пр. (см. Н. Hirt, «Handbuch», § 436).

Наравне с BO2SKE:MA примерно такое же значение приобрело субстантивированное отглагольное прилагательное (BOTO2S и пр.) в форме BOTO2N «скот, который пасут», затем вообще «скот» и вообще «животное» (также о птицах и рыбах, Аристофан, Оппиан и др.)⁴⁰.

Это же отглагольное образование дало основу для третичных отглагольных именных образований BOTE:2R, BO2TEIRA, BO2TE:S и третичного глагола BOTEI3N (Никандр, THE:RIAKA2 394, фр. 2, 43 BOTOY3MAI = BO2SKOMAI), ср. ещё у Фукидида, V, 63, HYPE4R PARAPOTAMI2O:N, по другому чтению BOTAMI2O:N.

Без преувеличения можно сказать, что из всех греческих названий домашних животных наиболее интересная судьба постигла название козла – TRA2GOS, встречающееся в гомеровском эпосе (ср., i 139 «хозяйство Полифема»: ARNEIOY2S TRA2GOYS TE), но, разумеется, не в прямом, а в переносном значении и в качестве части составных слов.

Так как, очевидно, более древнее название этого животного было AI2KS, род. пад. AIGO2S (ср. др.-инд. AG6AH, AG6A:, литов. OZ9YS, OS9KA, арм. AYC, Boisacq, DELG, А. Мейе, «Введение...», стр. 395), а это название было обоудно в смысле грамматического рода (напр., O 271, E:4, E2LAPHON KERA04N E:4 A2GRION AI3GA), то естественно предположить, что TRA2GOS, учитывая его возможные связи с простой глагольной основой, представленной в глаголе TRO:2GO:, аор. E2TRO:KSA (сложившийся по образцу основы настоящего времени; ср., напр., в «Батрахомиомахии» 126. 182, KATE2TRO:KSAN) и E2TRAGON

⁴⁰ У Гесиция BOTA2 –BOSKE:2MATA. KATA4 PA2NTO:N LE2GETAI KAI4 KHERSAI2O:N KAI4 PTE:NO:3N KAI4 ENY2DRO:N KAI4 AGRI2O:N ZO:(ⁱ)2O:N. LE2GETAI DE4 APO4 TOY3 BO2SKESTHAI; также BOTEI3N – BO2SKEIN и пр.

и пр., первоначально выступало как определение НО TRA2GOS AI2KS и т. п., а потом уже обособилось как TRA2GOS, TO:3N AIGO:3N, ср., напр., у Феокрита, VIII, 49 O:3 TRA2GE, TA:3N LEYKA:3N AIGO:3N A2NER и пр.⁴¹.

Таким образом, TRA2GOS так относится к E2TRAGON, как, напр., PHA2GOS (Н. 3.) к E2PHAGON и пр. т. п.

В этой связи интересно отметить образование от этой же основы (PHAGEI3N, E2PHAGON и пр.) производного PHA2GILOS, Плутарх, E:THIKA2, 294 C. D. (по Аристотелю) «ягнёнок или козлёнок»; ср. у Гесихия PHA2GILOS – AMNO2S, причём первоначальное значение может быть и активное («молодое животное, переставшее сосать вымя и начавшее питаться растительной пищей») и пассивное («молодое животное, достигшее такого возраста, когда мясо его годится в пищу»).

О названиях «козы» и пр. см. Jean Psichari (PSYKHA2RE:S): «La chèvre chez Homère, chez les Attiques et chez les Grecs modernes», в «Cinquantenaire de l'École Pratique des Hautes Études», Париж, 1921.

Среди различных значений представляющего, таким образом, первичную глагольную основу греческого TRA2GOS надо, прежде всего, отметить известное мифологическое значение (TRA2GOYS – SATY2ROYS, DIA4 TO4 TRA2GO:N O:3TA E2KHEIN, Гесихий и др.), о котором здесь не приходится говорить подробно и связь которого с древними культами вполне очевидна.

Во всяком случае вполне вероятным представляется то, что SA2TYROI, или (дор.) TI2TYROI, либо существовали в языке наряду с TRA2GOI в переносном смысле для обозначения мифических сатиров, либо только впоследствии были названы TRA2GOI.

Напротив, весьма сомнительно, чтобы SA2TYROI или TI2TYROI были бы так названы уже после того, как они назывались TRA2GOI, потому что характер образования этих слов такой, что, либо их надо признать «доэллинскими», и заимствованными из неизвестного языка вместе с культами иноплеменных богов, либо (а это менее вероятно), если даже их считать «индоевропейскими», то они должны были сложиться значительно раньше, чем TRA2GOS.

Ударение TRA2GOS, если его признавать производным от основы глагола TRO:2GO:, аор. E2TRAGON и пр. (см. выше ссылку на статью Кречмера; TRO:2GO: со специальным значением «лакомлюсь», ср. TRAGALI2ZO: то же самое; также производные TRAGANA2, TRA2GE:MA, TRO:GA2LIA и пр. = «лакомства») – TRA2GOS «лакомка», указывает либо на наличие первоначального *TRAGO2S (т. е. имя деятеля), либо на влияние иных образований, ср. название города во Фракии TRA2GILOS у Стефана Византийского (мб. параллель к PHA2GILOS см. выше), напр., субстантивированное TRAGANO2S, т. е. TRA2GANOS = TRA2GOS (Диоскорид).

Кроме того, такое ударение, как TRA2GOS, может быть результатом «декомпозиции» составного слова (напр., ср. SYKOTRA2GOS, SYKOTRAGEI3N и пр.) подобно тому, как PHA2GOS могло образоваться в результате «декомпози-

⁴¹ О связи TRA2GOS с основой глагола аор. E2TRAGON см. P. Kretschmer в «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung...» XXXVII (1900) 137.

ции» образований вроде KREO:PHA2GOS, SYKOPHA2GOS, POLYPHA2GOS и пр. т. п.

§ 65. Недостаток чисто лексикологических данных в таком случае всё же не может служить оправданием для исследователя, который должен использовать при отсутствии надёжных данных в одной области данные всех прочих областей.

В этом смысле можно сказать, что задача этимологического исследования помимо морфологического анализа состоит в елико возможно полном восстановлении тех контекстов, в которые могло входить рассматриваемое слово, т. е. требуется не только указание на родственные образования, содержащие основу этого слова или же близкие к нему по способу производства, но и не связанные с ним по смыслу в различных возможных сочетаниях.

Нечего и говорить, что труднее всего разрешить эту задачу в пределах таких языков, как древнегреческий, где может оказаться, что ни в лингвистической, ни в культурно-исторической области нет даже косвенных данных.

Если бы признавать указанные образования SA2TYROS, TI2TYROS за поддающиеся анализу в пределах греческого языка, то нельзя было бы оставить в стороне в сущности ни одного вопроса, касающегося их строения, начиная от характера основы (или основ) и суффикса и кончая местом ударения, иначе даже останется под сомнением самая возможность сближения их как двух фонетических разновидностей одного и того же образования, потому что семантический момент не может здесь преобладать над всеми прочими, ибо на таких самых основаниях можно было бы сблизить KOI2RANOS и TY2RANNOS (ср. KOI2RANOS у Бузака, DELG; собств. имена: KOIROMAKHOS, KOIRA:TADA:S, KOI2RO:N сопоставляется с литов. KA4RAS «война» и пр., и. таким образом, подтверждается сложное строение указанного слова, его членимость в греческом языке).

Возвращаясь к значениям гр. TRA2GOS, надо отметить такие значения, как: а) «козлиный запах» (ср. Аристофан, «Мир», 813, TRAGOMA2 SKHALOI, т. е. запах, подобный козлиному, подмышками), имеющее производными глаголы TRAGI2ZEIN, TRAGA3N, б) «время наступления половой зрелости у людей»; затем «похотливость»; с производным TRAGI2ZEIN «говорить хриплым (козлиным) голосом» (ср. латин. *hircus* : *hirquitallire*); у Гесихия: TRAGI2ZEIN – TO4 TRAGA3N TE:(¹)3 PHO:NE:(¹)3 TOY4S AKMA2ZONTAS TO:3N PAI2DO:N, в) наконец, этим же словом называется целый ряд растений и г) морская рыба (ср. у Афиней VIII, 332, d, где упоминается TO4 KALOY2MENON TRA2GOS IKHTHY2DION, которая называлась так, по-видимому, из-за имеющегося у неё под нижней губой чёрного пятна, HO4 KALOY3SI TOY3 TRA2GOY PO:2GO:NA).

§ 66. Относительно основы, представленной в AI2KS, род. пад. AIGO2S и пр., надо отметить, что кроме таких очевидных производных образований, как, напр., глагол AIGI2ZEIN «говорить о козах» (Эвполид) и т. п., нельзя быть вполне уверенным в том, что даже фонетически с ней тождественные образования действительно произведены от неё, а не от других первоначально совсем с ней не связанных основ.

Так, напр., AI3GES – TA4 KY2MATA. DO:RIEI3S (Гесихий) и AIGI2S – OKSEI3A PNOE:2 могут объясняться скрытой в них метафорой, но также и контаминацией различных основ.

Контаминацію основ можна заподозрити в сближенні AI2KS, род. пад. AIGO2S и пр. и A:I:2SSEIN (аттич. A⁽¹⁾2SSEIN, A⁽¹⁾2TTEIN) «спешить, рваться, стремиться, кидаться и пр. т. п.; A:2I:KS, A:2IKOS (ANE2MO:N A:2I:KES), (A:2I:KES – NORMAI2 Гесихий), A:I:KE:2 «порыв» и пр.

В глоссе Гесихия, относящейся к следующим стихам Эсхила (Хоэфоры, 511–2) – PTANA2 TE KAI4 PEDOBA2MONA KANEMO2ENT' A4N, AIGI2DO:N PHRA2SAI KO2TON, имеется ценное указание на то, что: HO D' AYTO4S (= AISKHY2LOS) EN E:DO:2NOIS (фр. 62) KAI4 TA4S NEBRI2DAS HOY2TO: LE2GEI.

Подобное указание наряду с данными античного искусства (напр., изображение гиппокампов, ихтиокентавров и пр. на стенных фресках в Помпеях и т. п.) свидетельствует в пользу того, что AI3GES в значении «волны» могло быть действительно метафорическим изменением AI3GES «козы», а не особой основой и, следовательно, от AI3GES – TA4 KY2MATA непосредственно могли быть произведены AIGI2ZEI – KATAIGI2ZEI. DIASPA⁽¹⁾3; AIGI2ZEIN – DIASPA3N, EK METAPHORA3S. PAR' HO4 KAI4 TO4 AIGI2ZESTHAI APO4 TO:2N KATAIGI2DO:N и пр.

С простыми, произведенными лишь посредством суффиксов образованиями AIGI2S, род. пад. AIGI2DOS – AIGI2ZEIN и пр., связаны сложные KATAIGI2S, род. пад. KATAIGI2DOS (о распространении этого образования сравнительно с беспрефиксным имеется достаточно данных, из которых одним можно считать факт сохранения его в новогреческом) «внезапный порыв ветра, внезапно разразившаяся буря на море» и т. п.: KATAIGI2ZEIN (напр., KATAIGI2ZEIN THA2LATAN).

О контаминации формы KATAIGI2ZO: с формами KATA:I:2SSO: можно судить по совпадению значений, кроме их самих ещё и таких параллельных образований, как KATAIGI2S, KATAIGI2DOS – KATA3IKS, KATA2IKOS (Каллимах, Аполлоний Родосский) наречия от основы A:I:2SSO: – A:I:2GDE:N, KATA:I:2GDE:N «буйно, бурно» (Аполлоний Родосский).

Возможно, что последнее указанное сближение в языке двух первоначально различных основ могло произойти лишь в эллинистическую эпоху, потому что раньше ему препятствовали фонетические моменты.

Во всяком случае, здесь следует подчеркнуть, что для выяснения этимологических связей может оказаться полезным не упускать из виду возможные первоначально случайные звуковые ассоциации, которые с течением времени способны повлиять на сближение значений разных по своему происхождению слов.

§ 67. Таким же примером постепенного исчезновения основы из языка по фонетическим причинам, как гомер. и др. O2IS, может служить тоже «индоевропейская» основа, представленная в греческом в двух вариантах SY3S, род. пад. SYO2S и пр. – HY3S, род. пад. HYO2S и пр.⁴².

⁴² Ср. латин. *sus*, род. пад. *suis* и пр.; прил. *suinus*; уменьш. *suillus*; прил. *suillinus* и пр.; ещё Г. Курциус указывал на то, что могла существовать связь между этой именной в отдельных языках основой и простой глагольной основой, заключенной в др.-инд. 3 л. ед. ч. SU:TE, SUVATE, SA:UTI, SUVATI, SU:5ATE, SAVATI, перф. SUS9A:VA, SUS9UVE и пр.

Оба варианта, как известно, встречаются уже в гомеровском эпосе, причём можно заметить, что вариант SY3S, род. пад. SYO2S и пр. (он встречается чаще второго) обычно обозначает дикую свинью или вепря (напр., E 783, E:4 SYSI4 KA2PROISIN, TO:3N TE STHE2NOS OYK ALAPADNO2N; TH 338, SYO4S AGRIL2OY; L 292–3, THE:RE:TE:4R KY2NAS ARGIO2DONTAS, SEY2E:(¹) EP' AGROTE2RO:(¹) SYI4 KAPRI2O:(¹) E:E4 LE2ONTI; M 146, AGROTE2ROISI SY2ESSIN EOIKO2TE; d 457, AYTA4R E2PEITA DRA2KO:N KAI4 PA2RDALIS E:DE4 ME2GAS SY3S) и сопровождается определениями A2GRIOS, AGRO2TEROS, KA2PROS, KA2PRIOS, ME2GAS.

Напротив, вариант HY3S, род. над. HYO2S и пр. (реже встречающийся там) обычно обозначает домашнюю свинью или кабана (напр., ks 419, HOI D' HY3N EISE:3GON MA2LA PI2ONA PENTAE2TE:RON; n 405, HO2S TOI HYO:3N EPI2OYROS; ks 423, ARGIO2DONTOS HYO2S – речь идёт о жертвенном животном; K 264 тоже, но неясно о каком животном: диком или домашнем, поскольку речь идёт лишь о зубах).

Зато во всех составных словах с этой основой, очевидно, сохраняется только вариант SY- (напр., SYBO:2TE:S, SYBO2SIA, SYPHEIO2S, SYPHORBO2S), хотя уже по самому смыслу этих слов ясно, что этой основой в них обозначены домашние, а не дикие свиньи.

Как видно по строению приведенных составных слов, рассматриваемая здесь основа имеет в них атематический вид. Само по себе это обстоятельство ещё не указывает на их древность, но вполне естественно предположить, что в составных словах могут сохраняться в «несвязанном» состоянии уже отжившие или отживающие формы.

Вероятным представляется то, что в «гомеровскую эпоху» первоначальное отношение обеих форм SY3S и HY3S было таково, что SY3S ещё принадлежало «высокому стилю», а HY3S – просторечью.

Это предположение можно было бы обосновать соображением социального характера, а именно: SY2S – животное, бывшее предметом охоты при родовом строе, которая составляла привилегию «родовитых», между тем, как HY3S – животное, переданное на попечение «безродных», что до некоторой степени иллюстрируется «Одиссеей».

В дальнейшем, однако (скажем, в «послегомеровскую» эпоху), происходит известное смешение обоих вариантов, обусловленное смешением местных и сословных диалектов, благодаря чему «сигматическая» форма дожила до того времени, до которого не дожили другие её «сигматические» ровесницы.

Косвенное подтверждение этого можно видеть также и в том, что в области словообразования «асигматическая» основа чем дальше, тем больше начинает преобладать над «сигматической», существование которой ещё поддерживается в некоторых формах письменным языком.

«рождает» и пр. (потому де, что «свинья» была названа так из-за своей плодovitости): «qua pecude nihil genuit natura fecundius» по словам М. Туллия Цицерона.

Однако уже в самом древнеиндийском весьма затруднительно определить, связано ли с указанной глагольной основой образование SU:KARAH, ср. Uhlenbeck, KgEWbAIS.

Так, напр., производные от HY3S, HYO2S и пр. HYI2DION (Ксенофонт и др.) наряду с HYI2DION от HYIO2S (Аристофан и др.); HYIKO2S (ср. HYIKO2N TI PA2SKHEI и пр.); HY2AINA (ср. KA2PRAINA, TRA2GAINA, LE2AINA и пр.; в значении «гиена» употреблялось и просто HY3S); HY2EIOS; HYE:NO2S – HYE:NEI3N (Платон), HYE:NI2A (Аристофан), HYE:NEY2S; HY2ZEIN «кричать по-свинячьи» (Поллукс, 5, 87), ср. GRY2, или GRY3 – согласно схолиасту Аристофана звукоподражание свиному хрюканью: GRY2ZEIN (EI2 TI GRY2KSEIS, Аристофан, «Всадники», 294) «хрюкать», GRY2LLOS (GRYLLI2O:N; также собственные имена GRY2LLOS, GRYLLI2O:N; орфография также GRY3LOS – GRYLI2ZEIN) – GRYLLI2ZEIN (Аристофан, «Ахарняне», 746), (= HO2PO:S DE4 GRYLLIKSEI3TE KAI4 KO.I2KSETE).

От SY3S, SYO2S и пр.: SYI2DION, SY2EIOS (возможно, реставрированная «сигматическая» форма – SYE:NI2A=HYE:NI2A, Плутарх, «Е:THIKA2», 988 E).

Кроме упомянутых составных слов с атематической основой SY-, весьма показательны позднейшие книжные составные слова с тематической SYO- как, напр., SYOKTO2NOS (Каллимах, Нонн), SYOTRO2PHOS (Иосиф Флавий), SYOPHORBO2S (Поллукс), SYOPLE:2KS (Псевдо-Каллисфен), поскольку они свидетельствуют об искусственном продлении жизни, очевидно, уже давно неупотребительной основы (ср. ещё у Гесихия: SY3S – GYNE:2 – HY3S. SY2AGROS и HY3S – KHOI3ROS, E:4 SY3S. KAI4 IKHTHY2S; то, что SY3S поясняется синонимом SY2AGROS, подчеркивает сделанное выше замечание об употреблении его в гомеровском эпосе равно, как HY3S = KHOI3ROS, а это последнее употреблялось преимущественно относительно домашних животных.

Значение IKHTHY2S⁴³ легко сопоставить с такими же, произведенными метафорически от иных названий животных.

Весьма интересны по способу производства составные слова с «асигматическим» вариантом рассматриваемой основы: HY2STRIKS, род. пад. HY2STRIKHOS (Геродот и др.) «дикообраз» и HY2STRIGKS, род. пад. HY2STRIGGOS (Оппиан). HYSTRIKHI2S, род. пад. HYSTRIKHI2DOS (Аристофан и др.) и HY2STRIKHOS (Филон) «плеть» (для наказания рабов), HYSPE2LETHOS (= KHOIROSPE2LETHOS, Поллукс), HY2SPLE:KS, род. пад. HY2SPLE:GOS (Платон), а также HY2SPLE:GKS, род. пад. HY2SPLE:GGOS (Герон). HY2SPLAGKS, род. пад. HY2SPLAGGOS (Феокрит), ср. ещё у Гесихия: HYSPOLEI3N – SYBO:TEI3N (HY2SPLE:KS – BALBI2S, MY2O:PS, HO PLE:2SSO:N TOY4S BO2AS. KAI4 PAGI4S LY2KO:N; HY2SPLE:GA – TO4 RHO2PTRON; HY2SPLE:GKS – A2PHESIS, APHETE:RI2A. PA2GE:; HYSTRIKHI2S – MA2STIKS PEPLEGME2NE: EKS HYEI2O:N TRIKHO:3N; ср. BALBI2S и RHO2PTRON там же).

⁴³ У Геродиана указывается ударение IKHTHY3S, род. пад. IKHTHY2OS. Можно предположить, что в этой форме такое ударение перенесено из односложных слов вроде SY3S, HY3S, MY3S, DRY3S. Здесь условно ставится ударение им. пад. ед. ч. IKHTHY2S, но вин. пад. множ. ч., конечно. IKHTHY3S.

Система транслитерации⁴⁴

Во избежание некоторых технических трудностей в этой работе применена очень простая система транслитерации для древнегреческих, новогреческих, древнеиндийских, литовских и др. отдельных слов и коротких текстов. В основу этой транслитерации положено латинское письмо (из прописных букв) с добавлением таких знаков, как - : (долгота предшествующего гласного), ; (щелевое произношение соответственного предшествующего смычного согласного), ! (отмечает место ударения в слове на предшествующем гласном независимо от характера ударения), **2** (острое ударение, или акут), **3** (облегченное ударение, или циркумфлекс), **4** (тяжелое ударение, или гравис), **5** (среднеязычный щелевой шумный однофокусный плоскощелевой или сонант срединный **J**, здесь для обозначения его выбрана цифра, чтобы избежать смешения с гласным **i** у форм соответственных прописных латинских букв), **6** (среднеязычное, или палатальное произношение соответственного предшествующего согласного), **7** (носовая артикуляция гласных, **N7** – заднеязычный смычный сонант), **8** (произношение соответственного предшествующего сонанта как слогаобразующего), **9** (в древнеиндийском языке отмечает так называемое «церебральное» произношение соответственного предшествующего согласного; по традиции употребляется здесь после знака **s** для передачи переднеязычного апикального или какуминального щелевого шумного двухфокусного со вторым средним или задним фокусом, русск. **ш**, а также после знака **z** для передачи соответствующего звонкого, русск. **ж**). Точка после прописной буквы, обозначающей гласный, отмечает отсутствие дифтонгизации, т.е. раздельное произношение (ср. греческий знак DIAI2RESIS, *франц.* tréma).

В отличие от других языков латинские слова и тексты передаются строчными буквами. Для удобства пользования прилагаю полную транслитерацию греческого алфавита:

$$\begin{aligned} A = \alpha, B = \beta, G = \gamma, D = \delta, E = \varepsilon, Z = \zeta, E: = \eta, TH = \theta, I = \iota, K = \kappa, L = \lambda, \\ M = \mu, N = \nu, KS = \xi, O = o, P = \pi, R = \rho, S = \sigma, T = \tau, Y = \upsilon, PH = \phi, \\ KH = \chi, PS = \psi, O: = \omega \end{aligned}$$

Подписная иота (IO:3TA HYPOGEGRAMME2NON) обозначается знаком **I**, заключенным в круглые скобки (**I**). Тонкое придыхание (PSILE:2) остается без обозначения, густое придыхание (DASEI3A) обозначается буквой **H** перед знаками гласных (но после буквы **R** в начале древнегреческих слов).

Транслитерация алфавита DEVANA:GARI: будет понятна из нижеследующего (ср. Whitney W.D., A Sanskrit Grammar, 4°, Лейпциг-Бостон, 1896 (1913), § 5,

⁴⁴ Сучасні комп'ютерні технології дають змогу відображати в тексті книги знаки письма будь-якої мови. Проте редколегія вирішила подати текст цієї праці так, як його підготував А.О.Білецький, оскільки запропонована ним загальна система транслітерування слів хетської, давньоіндійської, давньогрецької, литовської, вірменської та інших мов становить результат оригінального розв'язання важливих теоретичних і практичних проблем мовознавства, зокрема проблеми співвідношення звукового ладу мови і письма (прим. упоряд.).

стр. 2-3): 1) A, 2) A:, 3) I, 4) I:, 5) U, 6) U:, 7) R8, 9) L8, 10) (L8:), 11) E (=E:), 12) AI (=A:I), 13) O (=O:), 14) AU (=A:U), 15) (VISARGA) H, 16) (ANUSVA:RA) M, 17) K, 18) KH, 19) G, 20) GH, 21) N7, 22) K6, 23) K6H, 24) G6, 25) G6H, 26) N6, 27) T9, 28) T9H, 29) D9, 30) D9H, 31) N9, 32) T, 33) TH, 34) D, 35) DH, 36) N, 37) P, 38) PH, 39) B, 40) BH, 41) M. 42) 5, 43) R, 44) L, 45(V, 46) S6, 47) S9, 48) S, 49) H.

Применение этой транслитерации к прочим системам письма не требует особых замечаний.

Проблема греческого языка византийской эпохи¹

Наверно, для многих образованных людей довольно странным покажется вопрос: что такое «греческий язык?» Ведь общеизвестно, что это один из индоевропейских языков, среди них составляющий особую группу и уже в древности разделявшийся на большое число территориальных, региональных и локальных диалектов, а также литературных вариантов со свойственными им стилистическими модификациями. Уже в самом названии «греческий язык», *lingua Graeca*, ἡ ἑλληνική γλῶσσα содержится диалектическая антитеза непрерывности и прерывности. Конечно, это относится не только к диахроническому языковому комплексу «греческий язык», но и ко всем прочим подобным комплексам, как, например, «русский язык», «английский язык», «китайский язык» и т.п. Естественно, что при ответе на вопрос, что такое «греческий язык», можно сослаться на сохранившиеся до наших дней письменные тексты разных эпох. Греческим языком можно назвать язык глиняных табличек с короткими текстами линейного письма класса Б («протоахейский диалект»). Это также диалектологически дифференцированный язык наиболее древних известных нам эпиграфических памятников и язык древнейшего эпоса «Илиады» и «Одиссеи», «Теогонии» и прочих поэм Гесиода, язык всех видов древней лирики, гимнов и эпиникиев², язык драматических произведений Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, язык прозы Геродота, Фукидида, Ксенофонта. Это и эллинистический «общий диалект» (койне), своими фонологическими, морфологическими и синтаксическими особенностями постепенно превращающийся в новогреческий язык со всеми его разновидностями. Термин «древнегреческий язык», вероятно, ни у кого не вызывает сомнений, хотя в кратковременный период обучения классическим языкам в наших гимназиях древнегреческий мог называться просто греческим, так как новогреческий

¹ Уперше опубліковано в: кн. Античная культура и современная наука. – М.: Наука, 1985. – С.189-193.

² Эпиникий (укр. епінікій) – хорова пісня у Давній Греції на честь переможця у спортивних змаганнях (прим. упоряд.).

не был предметом преподавания. Мы с полной уверенностью можем утверждать, что в Древней Греции архаической и классической эпох не существовало письменных переводов, скажем, с дорийского диалекта на ионийский, с аттического на эолийский и т.п. По-видимому, в таких письменных переводах не было никакой надобности. Древние диалекты при всем их разнообразии не исключали возможности взаимопонимания их носителей. Свидетельство тому – совмещение аттическо-ионийской стихомифии с дорийскими (а точнее сказать – доризованными) хоровыми партиями в трагедиях классической эпохи. Напротив, произведения древнегреческой литературы без перевода на современный греческий язык оказываются непонятными (особенно на слух, все равно – в так называемом «эразмовском» или «рейхлиновском» чтении³) современным грекам. Поэтому, когда на сценах греческих театров ставятся произведения классической греческой драматургии, они исполняются в переводах на современный литературный язык. Это значит, что древнегреческий язык во всех его разновидностях и новогреческий язык (η δημωτική) во всех его модификациях – два различных, хотя и родственных языка. Ни у кого, очевидно, нет сомнения относительно автономии итальянского языка, противопоставленного его знаменитому предку. Ни о каком переводе с древнегреческого или новогреческого на греческий язык византийской эпохи, на средневековый греческий не может быть речи при невозможности выбрать такой образец «среднегреческого», который можно было бы противопоставить как древнегреческому, так и новогреческому.

С проблемой греческого языка византийской эпохи связан вопрос о хронологии древне- и новогреческого. Можно ли в периодизации истории греческого языка указать на хронологический конец древнегреческого периода и на хронологическое начало новогреческого периода? Конечно, история языка так или иначе связана с историей общества, пользующегося им как важнейшим средством общения – коммуникации, а следовательно, и преобразования (знаковой шифровки), передачи, хранения и измерения информации. Изменения в структуре общества отчетливее всего отражаются в лексике и фразеологии его языка. Ведь в пределах этнического языка именно лексика является «открытым множеством». Фонетика, морфология и синтаксис оказываются наиболее консервативными, наименее чуткими к социально-экономическим сдвигам. В исторических очерках греческого языка наблюдается тенденция идентифицировать политические периоды истории греческого народа, т.е. множества поколений, говоривших и до сих пор говорящих на какой-либо разновидности греческого языка, с периодами существования греческого языка [1].

Однако, учитывая литературные факты, нельзя совместить окончание древнегреческого периода истории языка с концом античной рабовладельческой формации. Понятно, что в истории языков начало и конец периодов развития могут

---

³ Два способи вимовляння давньогрецьких слів: еразмівський, або класичний (за ім'ям філософа Еразма Роттердамського (1467-1536)) полягав у фонетичній вимові давньогрецьких літер відповідно до звуків, що вони позначали; рейхлінівський, або візантійський (за ім'ям філософа Йогана Рейхліна (1455-1522)) був наближений до фонетики новогрецької мови (прим. упоряд.).

определяться только хронологической датировкой, т.е. подверженными всяческим случайностям «актуальной информации» датами абсолютной хронологии, от первого известного письменного памятника до последнего такого памятника. Хронологическая датировка может определять границы существования так называемых «мертвых» письменных языков, но в отношении языков, продолжающих существовать как в устной, так и в письменной формах, она не может дать бесспорных результатов.

В последние века существования западноримской империи, в период антицизма и второй софистики, греческий литературный язык возвращается к своим ригористически классическим образцам. Расхождение с разговорной формой римско-эллинистической койне становится весьма ощутительным, если судить по частным документам (письмам на папирусе из Египта).

Аналогичное расхождение наблюдается в течение всей византийской эпохи, точнее сказать – эпохи самостоятельной Восточноримской и Константинопольской империй. Мимоходом заметим, что ни та, ни другая никогда не назывались «византийскими» ни ее монархами-автократорами, ни их подданными. Название «византийская империя» или просто «Византия» принадлежит позднему времени, но уже настолько укоренилось в научной литературе, что бесполезно было бы от него отказываться. К периоду «франкократии» (1204-1261) и двух следующих веков относится появление поэтических (так называемых рыцарских) романов на «народном языке», т.е. на средневековом новогреческом. Этот средневековый новогреческий язык в его литературном варианте обнаруживает в значительной мере «мозаическую структуру», т.е. оказывается тем, что в палеонтологии называется результатом мозаической эволюции (например, археоптерикс – животное, совмещающее в себе старые признаки мезозойских ящеров и новые признаки кайнозойских птиц). В одном и том же литературном произведении названной эпохи параллельно употреблялись древнегреческие и новогреческие формы одних и тех же слов, параллельно использовались древнегреческие и новогреческие слова-синонимы [2].

Эпоху Палеологов (1281-1453) можно было бы назвать эпохой «второго антицизма и третьей софистики». Расхождение между литературным письменным языком и речью широких масс населения редуцированной империи, по всей вероятности, достигло тогда своего апогея. Нечто подобное повторилось в начале XIX в. при внедрении в литературу и государственный аппарат «строгой катаревусы», уходящей в прошлое в конце XX в. Характерным доводом в пользу сосуществования катаревусы с литературной и разговорной димотикой у греческих ученых было то, что «строгая катаревуса», близкая к эллинистической койне, легко доступна пониманию всех людей с классическим образованием, чего нельзя сказать о димотике.

Если сопоставить основные особенности эллинистического «общего диалекта» с такими же особенностями новогреческого языка в его реальной димотической форме, их нельзя будет назвать разными языками, как древнегреческий и новогреческий, латинский и итальянский, англосаксонский и новоанглийский.

Здесь нет места для сколько-нибудь детализированного изложения общих особенностей обоих названных состояний греческого языка.

Упомянем лишь следующие.

1. В области фонологии: инволюция богатого вокализма – а) утрата противопоставления коротких и долгих гласных, б) утрата йотации долгих дифтонгов (α, η, ω), в) монофтонгизация древних дифтонгов (αι, ει, οι), г) консонантизация дифтонгов (αυ, ευ), а затем в новогреческом – образование новых дифтонгов (αϊ, εϊ, οϊ); в консонантизме: переход глухих придыхательных φ, χ, θ во фрикативные f, x, θ, звонких смычных β, δ, γ во фрикативные v, d, γ, возникновение аффрикат – τς, τζ, соноризация π, τ, κ после μ, ν, γ (появление новых b, d, g), полное исчезновение «густого придыхания» [h], диссимиляция согласных в группах πτ, χτ, φθ, χθ > φτ, χτ, ассимилятивное упрощение в группах согласных, например κάμνω > κάνω и т.п.; в ритмомелодике: вместо семантического – модальное использование тонов (высоты, громкости, длительности, противопоставление ударенных и неударенных слогов (так называемое силовое ударение).

2. В морфологии: элиминация дательного падежа с его функциями собственно дательного, местного, творительного (инструментального), контаминация деклинационных классов – слияние третьего склонения со вторым и первым; в глаголах – под действием грамматической аналогии совпадение личных окончаний имперфекта и аориста, развитие перифрастических перфекта и плюсквамперфекта, совпадение форм будущего времени изъявительного наклонения с формами конъюнктива, полное исчезновение опатива, вытеснение атематических парадигм тематическими (δίδω вместо δίδωμι и т. п.).

3. В синтаксисе: постепенная элиминация древних инфинитивов и причастий (кроме причастия пассивного перфекта), появление модальных частиц ἄς < ἄφες, νά < ἵνα, θα < θέλω ἵνα и проч., элиминация причастных и инфинитивных оборотов (genetivus absolutus etc.), распространение паратаксиса за счет гипотаксиса [3].

Что является несомненным отличительным признаком средневекового греческого языка в прослеживаемых его проявлениях по литературным текстам, так это изобилие в нем иноязычных слов – варваризмов. Их количество постепенно возрастает, начиная от римско-эллинистической эпохи и достигая своего апогея в период туркокрации (1453-1821). Далеко не все эти варваризмы сохранились в новогреческом языке XIX-XX вв. и его территориальных диалектах [4]. Однако только на основании лексического фонда какого-либо языка, изобилующего заимствованными элементами, было бы неправомерным считать такой язык принципиально отличным от его же состояния, свободного от множества лексических варваризмов. Если две хронологические стадии развития одного и того же языка отличаются друг от друга только своим лексическим составом, но в общих чертах сохраняют один и тот же грамматический строй, их нельзя назвать разными языками. Различия в грамматическом строе языка древнегреческого эпоса и койне последних веков первого тысячелетия до н.э. более заметны, чем различия в строе этого диалекта и строе новогреческого языка, насколько его можно обнаружить в письменных текстах раннего средневековья. Таким образом, есть осно-

вания считать эллинистическую койне языком, отличным от древнегреческого, представленного доэллинистическими диалектами и диалектом древнего эпоса.

Ясно, что римско-эллинистическая койне не прекратила своего существования в 476 г. н.э. вместе с падением Западноримской империи, а продолжала существовать так же, как архаизирующий язык образованного общества. Ясно также, что новогреческий «не упал с неба» когда-то после 1453 г. н.э., после падения Константинопольской империи. Новогреческий язык постепенно развивался в недрах римско-эллинистической койне сначала как бытовая речь, как просторечие, а затем хотя и с трудом, но пролагал себе дорогу в письменную литературу, преимущественно в поэзию. Древнегреческий продолжал существовать в средневековой греческой литературе наряду с новогреческим, область распространения которого была ограничена в прозе. Конечно, можно только строить предположения на основании письменных текстов о разговорной речи различных слоев населения Константинопольской империи. Коротко: в истории греческого языка можно противопоставить друг другу три, как мы их назвали, языковых комплекса. Это: 1) разделенный на территориальные, а также литературно обработанные диалекты древнегреческий (в устной речи до IV–III вв. до н.э.), затем 2) эллинистическая койне, сложившаяся в эфемерной империи Александра Македонского и его диадохов и уже в первом тысячелетии н.э. перерастающая в новогреческий, и, наконец, 3) собственно новогреческий после X в. н.э. в его димотической форме. Собственно «византийского», или «среднегреческого», отличающегося грамматическим строем от названных языковых комплексов, не существовало. Разделение греческого языка на древне-, средне- и новогреческий имеет прежде всего историко-политическое, а не историко-лингвистическое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Такой книги, в которой можно было бы найти обзор всей истории греческого языка и которую можно было бы считать энциклопедией истории греческого языка с точки зрения современного языкознания, пока еще не существует. В статье «Греческий язык» во втором томе «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1964, с. 360–363) дается традиционная периодизация истории греческого языка.

2. Βυζαντινά ιπποτικά μυθιστορήματα, επιμέλεια Εμμανουήλ Κριαρά // Βασική βιβλιοθήκη. – Αθήναι, 1955, № 2.

3. Procope Sarantos Costas. An outline of the history of the Greek language with particular emphasis on the koine and the subsequent stages. – Chicago, 1933.

4. Kahane Henry und Renée. Abendland und Byzanz: Sprache // Real-lexikon der Byzantinistik / Hrsg. von P. Wirth. – Amsterdam, 1970–1976. – Bd. 1, H. 4/6. – S. 345–640; Browning R. Medieval and modern Greek. – London, 1969.

Проблема изучения негреческих собственных имен греческих эпиграфических памятников Северного Причерноморья¹

...

1. Особенно много вреда принесло «новое учение» о языке Н.Я.Марра в таких трудных для исследования областях, как ономастика, этнонимика, топонимика, которые являются важными в первую очередь для изучения истории племен, народностей и наций и в которых языковеды должны оказывать помощь историкам, археологам, этнологам.

3. Изучение негреческих *собственных имен* греческих надписей дает возможность сделать выводы об этническом составе древнейших населенных пунктов Северного Причерноморья в античную эпоху и поэтому является весьма актуальным для истории народов СССР.

4. Отсутствие той или иной формы в древнегреческой ономастике до сих пор определялось лишь: а) *эмпирически* (т.е. такой-то формы нет в доступных нам источниках греческой ономастики) или б) *этимологически* (т.е. данная форма является негреческой, потому что она не имеет надежной греческой этимологии).

5. *Эмпирическое* определение затрудняется тем, что а) до сих пор не имеется достаточно полных указателей несомненно греческих собственных имен и б) несмотря на обилие материала, нельзя считать точно установленным его *географическое, хронологическое и социальное* размещение.

6. Для изучения ономастического материала значительные трудности представляет: а) обилие *гипокористических* форм одного и того же имени (ср. еще декомпозицию составных имен), б) недостаточная полнота фактов в области имен рабов и иностранцев, проживавших в пределах античного полиса, в) отсутствие последовательной канонизации состава имен.

---

¹ Уперше опубліковано в: IX научная сессия. Секция филологии. Тез. докл. – К.: Изд-во КГУ, 1952. – С.24-27.

7. В отношении этимологического изучения негреческих имен Северного Причерноморья наибольшее значение имеет установление иранских элементов, вопрос о которых подытожен в работе проф. Абаева В.И. «Скифский язык», широко использовавшего для своего исследования материалы осетинского языка.

8. В названной работе термин *скифский язык* употребляется в самом широком (можно сказать – географическом) смысле и охватывает в области ономастики, главным образом, имена сарматские (может быть еще савроматские) и даже собственно аланские (протоосетинские).

9. О негреческих именах Северного Причерноморья античной эпохи мы, как известно, узнаем раньше из *литературных* источников (9 книг «Историй» Геродота Галикарнасского), а позже (может быть с III в. до н.э.) из *эпиграфических* памятников (ср. IOSPE В.В.Латышева): некоторые памятники даже датируются эпиграфистами на основании наличия в них негреческих имен.

10. В отношении *географического* распределения негреческих имен в греческих надписях Северного Причерноморья было установлено, что количество их в культурных центрах возрастает по мере удаления с запада на восток (ср., напр., *Тирас* и *Танаис*), а в отношении хронологического распределения, что количество их увеличивается к началу нашей эры.

11. До сих пор мало было уделено внимания вопросу *об особенностях* собственных имен греческого происхождения в надписях названной территории, а также вопросу о производстве новых форм имен на основе взаимодействия античной культуры и культуры местного населения (ср., напр., имя *Фарнакион* из *Горгиппии* с иранской основой и греческим суффиксом).

12. При изучении собственных имен с установленными иранскими этимологиями надо не спешить с выводами о принадлежности их носителей к иранским племенам и т.д.: распространение иранских имен у неиранских племен является свидетельством влияния на них иранской культуры. То же самое относится и к чисто греческим именам (влияние античной греческой культуры).

13. При изучении собственных имен древнегреческих надписей следует учитывать характерное для восприятия и усвоения иноязычных форм явление *реэтимологизации* (так называемая парэтимология или народная этимология), в результате которого многие имена иноязычного происхождения становятся в данном языке своими.

14. Примером неосторожного определения имени, встречающегося в греческой надписи, как негреческого может служить публикация ольвийского декрета в честь херсонесского гражданина *Дионисия*, сына Фагона (см. Леви Е.И. Ольвийский декрет из раскопок 1949 г./ ВДИ (Вестник древней истории – прим. упряд.), I, 1951. – С. 142-149): в данном случае нет достаточных оснований считать упомянутое отчество безусловно негреческим.

15. Если весьма неопределенное высказывание Н.Я.Марра (на которое также ссылается проф. В.И.Абаев) о наличии среди собственных имен Причерноморья относящихся к «третьему этническому элементу» по существу ни к чему не обязывает исследователя собственных имен, то, с другой стороны, исследователю надо учесть кроме иранских имен присутствие фракийских имен на Боспоре

и возможность наличия *протославянских* имен в пределах западной части Северного Причерноморья.

16. При определении той или иной формы из обнаруженных в эпиграфическом памятнике собственных имен как *негреческой* следует не ограничиваться *только* эмпирическим подходом или *только* этимологическим (неполнота материала в обоих случаях остается отрицательным моментом), но необходимо изучать каждое имя в его *историческом контексте*.

Проблема мови скіфів¹

У 1949 р. радянська наука збагатилася першим томом праць видатного нашого вченого іраніста-кавказознавця проф. В.І.Абаєва, що привертає до себе увагу не лише спеціалістів з осетинської філології і кавказознавства, а й багатьох інших філологів і мовознавців².

Зважаючи на те, що серед інших проблем цієї книги значне місце посідає проблема мови Геродотових скіфів, можна гадати, що вона має викликати певну цікавість до себе і в українських мовознавців, істориків і археологів. Саме через це ми вирішили, не будучи спеціалістами з осетинської філології, рекомендувати цю книгу увазі українських радянських учених.

Названий збірник праць складається з кількох відділів, одні з яких щільніше пов'язані з історією і діалектологією осетинської мови і з проблемами кавказознавства, інші певною мірою порушують ширші питання. Не маючи змоги в короткому огляді охопити всього різноманітного змісту і не вважаючи себе компетентними для цього, ми висловимо лише кілька міркувань з приводу вміщеного в цій книзі спеціального дослідження «Скифо-аланские этюды» (С. 147-353), і зокрема про першу, найцікавішу для нас частину його – «Скифский язык» (стор. 147-244).

«Скіфо-аланські студії», безумовно, є найвизначнішою подією в галузі скіфології (як у нас тепер зветься відгалуження історичної науки, що вивчає скіфо-сарматський період історії народів СРСР). У цих студіях вперше за останні тридцять з лишком років дається вичерпне зведення наших відомостей про скіфо-сарматські мови. Тут на основі етимологічних зіставлень з іранськими мовами взагалі і зокрема з діалектами осетинської мови (з яких найархаїчнішим є дігорський), що становить особливу кавказьку галузь іранських мов, досліджений майже весь доступний вивченню матеріал скіфських, сарматських і почасти аланських власних імен, племінних назв і назв місцевостей (так звані ономастика, етноніміка і топоніміка).

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Мовознавство. – 1953. – Т.ХІ. – С.71-86.

² В.І.Абаєв. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949. – Т. I. – С. 598.

Поява «Скіфо-аланських студій» В.І.Абаєва є прекрасною відповіддю на той закид, що його зробив проф. М.І.Артамонов нашим мовознавцям, ніби «скіфська мова останнім часом випала з поля зору радянських лінгвістів»³.

Перша частина «Скіфо-аланських студій» – «Скіфська мова» (стор. 147-244) – складається з таких розділів: 1. Що ми називаємо скіфською мовою; 2. Лексика (з словником і покажчиком скіфських імен і назв); 3. Фонетика; 4. Морфологія (про долю староіранських основ, про родовий відмінок, про ознаку множини *t*); 5. Словотвір (афікси, складені власні імена); 6. Висновок (і «Замітка І» – легенда про походження скіфів за Геродотом; «Замітка II» – про термін *скіф*).

Автор цілком слушно посилається на ті специфічні труднощі, що впливають з самого характеру досліджуваного ним матеріалу: власні імена, назви племен і назви місцевостей, очевидно, не завжди можна досліджувати так, як інші складові частини певної мови, бо тут нерідко бракує тих зв'язків, які можна встановити для інших частин.

Ми цілком свідомі того, що якби нам довелося, наприклад, скласти певне уявлення про сучасну українську мову виключно на основі наших ономастики і топоніміки (тобто без можливості справжнього історичного тлумачення), то ми не дістали б надійних відомостей ні про граматичну будову, ні про основний словниковий фонд, ні про справжнє місце нашої мови серед інших слов'янських мов. Скажімо, наявність в галузі власних імен багатьох імен грецького походження зовсім не є прямим свідченням того, що в українській мові і серед загальних імен має бути багато слів такого ж походження. Так само наявність в галузі географічних назв порівняно значної кількості назв тюркського походження не свідчить про численність в українській мові тюркських слів. Можна сказати лише, що перша обставина є свідченням про прийняття християнства від візантійських греків, а друга свідчить про перебування на нашій території різних племен, що розмовляли тюркськими мовами (або мовами з численними тюркізмами, наприклад аварів, хазарів, болгар, огузів, або просто узів, печенегів, половців, або кипчаків, чи куманів, нарешті татар та ін.).

Отже, в проблемі визначення мови (відповідно – мов) стародавнього населення північнопричорноморських степів і суміжних країн після появи досліджень проф. В.І.Абаєва ми перебуваємо приблизно в такому стані: ми вже не маємо сумнівів про існування численних не лише іранських взагалі, а саме «староосетинських» елементів (коренів, основ, форм) в ономастиці I тисячоліття до н. е. на нашій території (певною мірою не тільки в ономастиці, а й у топоніміці, про що – далі), проте ми ще не знаємо, як правильно витлумачити цей факт стосовно до ширшої мовної проблеми; що цей факт дає нам для розв'язання питання про мову Геродотових скіфів?

Автор розглядуваного тут дослідження ніде не твердить, що досліджуваний ним матеріал можна зрозуміти виключно на основі зіставлень з іранськими мовами і насамперед з мовою осетинською.

³ М.И.Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ (тут і далі: Вестник древней истории – прим. упоряд.). – 1947. – В. 3. – С. 75.

В «Замітці II» він робить цінний висновок щодо посилення переваги іранських елементів в ономастиці від епохи Геродота до перших століть нашої ери.

В.І.Абаєв визнає існування певної «іранської епохи» в розвитку етнічного складу населення північного Причорномор'я. Якщо Геродотові скіфи розмовляли однією з іранських мов або мовою з численними іранізмами, то, імовірно, від них і починається ця «іранська епоха».

За твердженням В.І.Абаєва, «не випадково, що в найстарішого автора Геродота, ми знаходимо найбільший процент термінів і слів, які не мають задовільного іранського тлумачення, іранізація проходила ряд етапів. На початкових її етапах питома вага доіранських елементів була ще дуже значною» (С. 244).

Слід зазначити, що саме для дальших досліджень, спрямованих на відокремлення не-іранських складових частин ономастики і топоніміки скіфо-сарматської епохи, праця В.І.Абаєва, що підбиває певні підсумки з питанні про іранські елементи, відкриває новий шлях.

Якщо ми визнаємо більшість запропонованих у розглядуваній праці етимологічних тлумачень за допомогою староперської і сучасної осетинської мов за вірні, то для не-іранських складових частин уже не залишається багато місця.

Очевидно, що для вивчення цих складових частин потрібний буде новий матеріал. Тут, подібно до того, як і в інших такої ж якості матеріалах, просте застосування порізняльно-історичного методу ще не дає змоги вважати весь сумнівний на певному ступені наших знань матеріал за іншомовний.

Можна зробити зіставлення вивчення іранської і старогрецької ономастики. Безумовно, що визначення того чи іншого власного імені в грецьких написах античного часу як не-грецького, або варварського, часто наштовхується на методичні труднощі. Навіть і тепер ми ще не маємо досить повного і точного словника старогрецьких власних імен (бо таким ми вже не вважаємо відомий словник Папе-Бензелера, WGE). При розв'язанні названого питання, звичайно, не можна в усіх випадках керуватися етимологічним принципом. Навіть такий порівняно повний словник, як грецько-англійський Ліддел-Скотта та ін., не вичерпує всіх старогрецьких слів, бо базується переважно на літературних джерелах, а досить повного словника старогрецьких діалектів так само ще не існує (таким ми не вважаємо Гервердена, *Lexicon Graecum suppletorium et dialecticum*, 20, Lugduni Batavorum, 1910).

Отже, можливі нові відкриття як в галузі загальних, так і в галузі власних імен. Коли дослідник безапеляційно оголошує новознайдене на епіграфічній пам'ятці власне ім'я «не-грецьким», то в своєму вирокі він найбільше спирається на етимологічний принцип і на свій дослідницький досвід. Проте легко впевнитися, що подібний вирок при дальшому вивченні матеріалів доведеться скасувати як такий, що не відповідає дійсності. В міру збагачення нашого грецького словника і координації даних різних за якістю джерел легко може статися пергоцінювання попередніх визначень, що довгий час вважалися непохитними.

Якщо взяти до уваги специфіку античної формації, то доведеться визнати, що ми краще знаємо імена рабовласників, вільних громадян, ніж невільних, неповноправних, чужоземців, які і в епоху полісів, і в епоху елліністичних монархій

становили більшість населення. Звідси не може не існувати диспропорція в наших знаннях античної грецької ономастики. Чи не так само *mutatis mutandis* стоїть справа з нашим знанням староіранської ономастики? (пор. Ф.Юсті. *Iranisches Namenbuch*, 1895).

Сам Геродот, як відомо, називав доскіфське «варварське» населення північного Причорномор'я кімерійцями (*kimmerioi*)⁴, витіснені скіфами (що їх перед тим витіснили з Середньої Азії войовничі массагети), переселилися до Малої Азії і захопили собі півострів, де за часів «батька історії» вже було грецьке місто Сінопа (IV, 11-12).

Не буде перебільшенням сказати, що про кімерійців у плані мовних досліджень нам невідомо нічого, крім існування такої назви, яка підтверджується зіставленням форм ассир. *gimirrai*, євр. *gomer*, гр. *kimmerioi*. Наскільки непевним залишається питання про можливість визначення якогось культурного комплексу як безсумнівно кімерійського, показують розбіжності в думках між археологами⁵.

Зважаючи на це, нам здається, що не слід поспішати з визначенням «неіранських» елементів у складі скіфської ономастики і топоніміки як «кімерійських» або коли і вживати таке означення, то лише як зовсім умовне за браком певнішого. Немає сумніву в тому, що тепер далеко більше за кімерійців відомо про фракійців⁶, але і те, що відомо про мову і діалекти фракійських племен, не дає підстав для позитивних висновків щодо цікавого для нас матеріалу.

Безумовним фактом є наявність «одріських» імен на території боспорського царства в епоху Спартоکیدів і Тіберіїв Юліїв (наприклад, *Спарток*, *Ройметальк*, *Пайрісад*, *Коміс*, *Рескупорід* та ін.) поряд з грецькими і скіфо-сарматськими.

З історії також відомо, що скіфи мали воєнним або мирним шляхом стикатися з фракійськими племенами. В усякому разі пояснювати щось у скіфо-сарматських іменах, чого ми не можемо пояснити за допомогою порівняння з іранськими мовами, можливою наявністю серед цих імен фракійських елементів ми маємо змогу лише в міру того, що не сама фракійська мова відома нам, а лише деякі фракійські власні імена. Проте серед фракійських імен є кілька таких, які мають яскраво виражений іранський характер, якщо нас не обманюють наші джерела (пор. у В.І.Абаєва: «Серед неіранських скіфських імен зустрічаються імена фракійські... З іншої сторони на фракійському ґрунті зазначені іранські імена (*Aripharne:s*). У цілковитій згоді з цими фактами стоять історичні відомості про сусідство і зносини скіфських і фракійських племен», (С. 241).

⁴ Тут застосовується дуже проста система транслітерації іноземних, зокрема старогрецьких, слів. Знаком двокрапки позначається довгість попереднього голосного. Знаки грецького письма ми передаємо буквами: a, b, g, d, e, z. e; th, i, k, l, m, n, ks, o, p, r, s, t, y, ph, kh, ps, o: . Інше не потребує особливих застережень. Складна система транскрипції звуків осетинської мови тут навмисне спрощена. Голосні æ і œ передаються через (ae) і (oe).

⁵ Див., наприклад: ВДИ. – 1949. – № 3. – С. 14-26.

⁶ Див., наприклад, статтю «Thraker» в «Reallexikon der Vorgeschichte», вид. Макса Еберта, т. XIII.

Проте названі тут факти не проливають ніякого світла на мовні взаємини обох груп: чи були якісь інші складові частини в одній мові від іншої, крім власних імен, можна було б вирішити лише на основі докладних епіграфічних документів, а їх нам бракує для обох згаданих тут мовних груп.

Відомі нам з нумізматичних джерел⁷ власні імена фракійських династій дають для визначення характеру фракійських діалектів далеко менше, ніж не-грецькі власні імена наших північночорноморських написів для визначення характеру тамтешніх мов скіфо-сарматської епохи (пор. *Спарадок, Севт, Меток, Амадок, Тер, Сараток, Бергей, Кетрінорій, Коміс, Керсоблент, Скосток, Ройметальк, Рескупорід, Орсоальтій, Керсібавл, Кавар, Мостід, Діксательмей, Садал*).

Відносини північночорноморських скіфів з великою перською державою VI-IV ст. до н.е. відомі нам з оповідання Геродота про похід Дарія, сина Гістаспа (521-485 рр. до н.е.) проти скіфів. Принагідно зазначимо, що, незважаючи на існування перських клинописних текстів про діяння царя Дарія, ми все ж не спроможні для цієї важливої в історії народів СРСР події встановити синхронізму наявних джерел⁸.

Якщо слідом за В.І.Абаєвим і його попередниками (В.Ф.Міллером, М.Фасмером та ін.) ми встановлюємо, що поширення іранських мов або діалектів у північному Причорномор'ї починається незадовго до Геродота, то цілком природно припустити за часів Геродота співіснування там іранських елементів з не-іранськими, про що нам залишилися непевні спогади в античній традиції. Протиставлення скіфських племен сарматським, або на той час точніше – савроматським, і відповідно до цього скіфської мови мові сарматській, веде свій початок від того ж Геродота. На території північного Причорномор'я воно відповідає двом епохам в історії давнього населення, хоч хронологічно ми їх не можемо визначити з такою певністю, як в галузі матеріальної культури ми відрізняємо скіфські речі від сарматських⁹.

В зв'язку з гаданими взаєминами «скіфської» і «сарматської» мов (відповідно «савроматської») слід було б зауважити, що необхідно обережніше ставитися до твердження Геродота (IV, 117): «А мовою савромати користуються скіфською, погано розмовляючи нею віддавна, бо [ще] амазони негаразд її вивчили».

Якщо погодитися з твердженням про збільшення іранських елементів у північному Причорномор'ї від скіфської епохи до сарматської, то цілком при-

⁷ Див., наприклад, B.V.Head. *Historia numorum*. – Оксфорд, 2⁰. – Thracian kings and dynasts.

⁸ Див. В.В.Струве. Поход Дария I на саков-массагетов // ИАН. Сер. истории и философии. – 1946. – Т. III. – № 3. – С. 231-250; його ж: Дарий I й скифы Причерноморья // ВДИ. – 1949. – № 4. – С. 15-28, хоч у цих працях акад. В.В.Струве власне не дає відповіді на питання про Геродотову версію війни з північночорноморськими скіфами. Він лише усуває можливість синхронізму між написами Дарія I (з Накшірустама і Суєца) і Геродотовим оповіданням.

⁹ Пор., наприклад, скіфські *втульчасті* (рос. *втульчатые*) і сарматські *колодочкові* (рос. *черешиковые*) наконечники стріл і т.п.; див. Б.Скитский. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. – Дзауджикау, 1947. – С. 20-32 (Скифо-сарматский период).

родно витлумачити згадане місце так: між скіфською і савроматською мовами існувала певна відповідність, яку відчували і ті й інші мовляни. «Скіфська» мова відрізнялася від своєї східної сусідки наявністю деяких не-іранських елементів. Імовірно, що це були елементи з мов доскіфського населення названої території. Коли Геродот міг чути наведене вище твердження (IV, 117) від ольвіополітів або від самих скіфів в Ольвії, то його слід розуміти так, що «неправильність» (*soloikismos*) мови савроматів, на погляд інформаторів Геродота, полягала саме в наявності таких іранських елементів, що були відсутні в мові скіфів. Це може означати також, що «скіфська» мова в своєму розвитку зазнала більше змін порівняно до мови савроматської, що залишилася ближчою до інших північно-східних іранських мов. Звичайно, це тільки здогад, дозволений при оперуванні з «двома невідомими».

Як відбилася різниця між мовою Геродотових скіфів і савроматів в матеріалі власних імен, ми ще не можемо сказати з певністю. Можна висловити здогад про те, що більшість ономастичного матеріалу наших джерел стосується власне не «скіфської», а «сарматської» мови, зважаючи на їх можливі осетинські етимології.

Тут перед нами постає питання про визначення самого терміну «скіфська мова».

На перший погляд цей термін здається дуже непевним, бо античне розуміння «скіфів» мало більше географічний, ніж етнічний характер.

Про цей термін автор розглядуваного дослідження робить необхідне застереження (С. 148-149). Він вживає його як умовне означення для сукупності іранських елементів у власних іменах, племінних і географічних назвах, що пов'язані з територією північного Причорномор'я. Отже, «мова скіфів», чи «скіфська мова» мають тут негеродотове значення.

Чи можемо ми з певністю сказати, який час минув від того, коли Геродот відвідав Ольвію або зустрівся з ольвіополітами, до появи перших негрецьких імен у написах тієї ж Ольвії? Замість відповіді на це питання нам досить згадати про те, що навіть такий важливий для нашої давньої історії документ, як псефізма¹⁰ на честь Протогена (IOSPE, I, 32), не може вважатися за безперечно датований (III ст. до н. е.).

Ми б не наважилися приєднатися до такого категоричного висновку, що його зробив наш видатний епіграфіст акад. В.В.Латишев з нагоди одного німфейського напису: «*Nomina civium inscriptorum graeca sunt exceptis hisce: Akkas, Apintas, Thabyttio:n, Thabo:n, Thagys (...), Tattio:n. Inde patet tertio a Chr. saeculo Nymphaei Graecos habitasse barbaris nonnullis admixtis*» (IOSPE, IV, 205: «Написані тут імена громадян – грецькі, за винятком таких: Аккас, Апінтас, Табіттїон, Табон, Тагіс, Таттіон. Звідси ясно, що вже в III ст. до н. е. в Німфеї греки жили разом з деяким числом варварів»). Навіть тут не виключається можливість того, що згадані імена: 1) не є іранськими і 2) можуть бути ще невідомими нам грецькими іменами, етимологія яких на цей час нез'ясована. Варварського

¹⁰ Псефізма – у Давній Греції ухвала народу чи ради стосовно певних подій або осіб (прим. упоряд.).

їх характеру не доводить і сполучення деяких з них з етимологічно неясними *patro:nymika* (*Akkas*, *Thabo:nos*, *Thabyttio:n*, *Thagyos*), бо це можна витлумачити не як їх етнічну відмінність від інших, а як їх соціальну відмінність.

Слід сказати, що гірше, ніж з тлумаченням власних не-грецьких імен з грецьких написів північного Причорномор'я, стоїть справа з назвами племен («етнонімами»).

В.І.Абаєв дає тлумачення таких племінних назв: *Alanoi*, *Alanorsoi*, *Amadokoi*, *Aorsoi*, *Asaioi*, *Aykhatai*, *Dandarioi*, *Zakatai*, *Thyssagetai*, *Massagetai*, *Matyketai*, *Myrgetai*, *Paralatai*, *Rheykanaloi*, *Rho:ksolanoi*, *Sagadares*, *Saioi*, *Sakai*, *Saraparai*, *Sarmatai* – *Sayromatai*, *Saydaratai*, *Sirakoi*, *Chorsari* (у Плінія) і як доіранське пояснює *Skythai* – *Skolotoi*.

При всіх недоліках поданого в нього тлумачення воно безумовно послідовніше за те, що свого часу подав акад. О.І.Соболевський¹¹, який тлумачить, наприклад, *сак* як *гонщик* (за диким зверем) – *сок* (з вивідними: *осока* – «облава», *осочить*, *сочник*); тобто за допомогою діалектних форм слов'янських мов пояснює назву племені «саків» (перська назва «скіфів»): дотепно, але за браком фактичного матеріалу небезпечно.

Дуже імовірним здається таке тлумачення, як *Saraparai* – «головорези», пор. осет. *с(ае)р* («голова») + *(ае)ппар(ын)* («скидати»), пор. турецьк. «башыбозук», або *Saydaratai* – *Melagkhlainoi* (пор. осет. можливе *сав-дар-ам(ае)* – «одягнені в чорне»). Менш за все переконує таке пояснення, як *Sayromatai* (*Sarmatai*) – «чернорукиє», або «смуглорукиє», осет. можливе *сав-(ае)рм-а-м(ае)*, що і сам автор ставить під знаком запитання.

Не задовольняє ще тлумачення *Massagetai* на основі *man+sag+ta* – «люди-олені», *Thyssagetai* (Валерій Флакк, Арг. VI, 135, 140 *Thysrasetae*) – *tur[a]-sa:ga-ta* «туро-саки», або «швидкі олені», тим більше – *Sagadares* – «плем'я на Дунаї» (з листа Юліана Апостата до Василя Великого...) – осет. *сag-дар* – «який має оленів».

Звичайно, в таких дослідженнях треба виявити багато наукової фантазії в побудуванні дедалі імовірніших гіпотез, але всі ці гіпотези виростають з певної дослідницької концепції. В даному разі йдеться про визнання універсальності так званого тотемізму. Проте при неможливості наукового визначення самого тотемізму не можна і обстоювати тезу про його універсальність в історії людства.

Рішуче висловлюємося і проти «половинчастих» етимологій, як, наприклад, *Chorsari* – «в другій частині *sar* «голова»; перша частина не ясна (навіть чи *хор* – «сонце»)), що зіставляється з турецькою назвою персів «кызылбаш(лар)».

До речі, треба зазначити, що далеко краще для встановлення етимології оперувати з епіграфічним матеріалом, ніж з матеріалом літературних джерел.

Ось хоч би один приклад з Плінія (N. H., VI, 20): «*Tanaim ipsum Scytae Silim vocant, Maeotim Tamarundam, quo significant matrem maris*» («Танаїс скіфи називають Сіліс, а Меотиду – Темарунда, що в них значить *мати моря*»). Тут дослідникові доводиться вибирати між варіантами *Silim*, *Silin*, *Silyn*, *Sinum*, а далі

¹¹ Див. «Русско-скифские этюды» /// ИОРЯС-РАН. – 1921. – Т. XXVI, 1923. – С. 1-44; 1922. – Т. XXVII, 1924. – С. 252-332.

(там же, 49) ще додаються *Sitim, Sintim, Sytim, Sitym*, не кажучи вже про варіанти *Tamerundam, Themarunda, Temariindam, Temerinda*.

Крім ономастичного, етнімічного і топонімічного матеріалу В.І.Абаєв тлумачить також і кілька «скіфських» глос: *anaries – enarees, kararyes, oiorpata, sakaia, sanaptis, saperde:s*.

Не зупиняючись докладно на інших, не можемо не висловити свого сумніву щодо тлумачення глоси *sakaia* – «імовірно тотемічне «оленяче свято» з посиланням на Гесіхію. Чи не переплутав тут Гесіхій у своєму визначенні *he: Skythike: heorte:* (скіфське свято)? Якщо відомості взято з Ктесія, то інші джерела подають не таке пояснення. Імовірно, що згадане свято не має нічого спільного ні з «скіфамн-саками», ні з оленями. Ось як про це пише Афіней (XIV, 639, C): «Берос же в першій книзі вавилонських історій говорить, що на шістьнадцятий день місяця Лоя (*lo:os*) в Вавилоні справляли свято, зване *Sakaia*, протягом п'яти днів, коли був звичай, щоб пани підкорялися своїм рабам, причому одного з них [тобто рабів] виводили з дому, прибраного в одяг, подібний до царського, [і] його називали зоганом (*zo:gane:s*). Згадує про [це] свято і Ктесій у другій книзі перських історій». Отже, ми не маємо певності навіть в тому, що це *Sakaia* справді «скіфське» слово.

Ще кілька слів про «скіфські» глоси Гесіхія. За нашим підрахунком – їх 29 і, безумовно, дуже багато з них перекручено. Дуже мало в них такого конкретного матеріалу, з якого можна було б зробити певні висновки. Найменше дають вони фактів для визначення «скіфської» мови як іранської. Щасливим винятком є, очевидно, глоса: *sanaptin – te:n oinio:te:n. Skytai* (пор. схол. Аполл. Род., II, 948), що її дуже влучно витлумачено в розглядуваній праці.

Такі глоси, як: *agly – ho kyknos hypo Skytho:n, anor – noys hypo Skytho:n, adigor – troksallis hypo Skytho:n* залишаються і, мабуть, залишаться загадковими. В останній з них лишається нез'ясованим слово *troksallis*, якщо ми його не виправимо, припустимо, на *trophallis* (*tyros makros*) або щось подібне. Нема чого казати, що глоса *pagaie: kyo:n, Skythisti* суперечить висновку В.І.Абаєва про «скіфську» назву собаки «*kuti*».

До цікавих з історичного погляду належить глоса *Kardianoι* (мешканці міста Кардії в затоці Мелас поблизу фракійського Херсонесу) – «елліни в скіфів через те, що вони [скіфи] пограбували грецьке місто Кардію».

Про яких скіфів тут ідеться і коли міг статися цей факт?

Кардія була колонією Мілета і важливим приморським містом під час греко-персидських воєн (пор. Геродот, VI, 34, 36, 41; VII, 58; IX, 115). Зруйнував її Лісімах в 309 р. до н. е. Натяк на можливий напад скіфів на Кардію, очевидно, можна вбачати в VI, 40 Геродота, де ми читаємо про «роздратованих Дарієм скіфів», що вдерлися на фракійський Херсонес. Тиран Мільтіад, син Кіпсела, що утік після відходу скіфів, знову був покликаний долонками (фракійське плем'я).

Деякі з цих глос, звичайно, зовсім не належать до мови «скіфів» (згадаймо, наприклад, *ephestioi, thapsinos, hippake:, istrianides*, або *istrides*). І незважаючи на все негативне, що можна вбачати в цьому матеріалі, він заслуговує пильного дослідження. Тут можна лише висловити жаль з приводу того, що наш шановний

дослідник скіфської мови ще не приділив цим глосам достатньо уваги, його безперечною заслугою є глибоке дослідження власних імен, що черпаються з епіграфічних джерел.

Порівняно до тлумачення тих імен незначними видаються досягнення в галузі власних імен з основного нашого старогрецького літературного джерела – з Геродота. І тут саме треба зважати на засаду В.І.Абаєва про зростання іранських елементів за останні століття перед нашою ерою.

Із скіфських глос самого Геродота в розглядуваній праці дається пояснення до назви амазон «*oiograta*». Автор робить припущення, що друга частина цього складеного слова мала бути перекинута в рукопису Геродота і посилається на відповідну глосу Гесіхія *hormatai*. На його думку, правильне читання буде *oiormarta*, тобто *vi:ra-ma:r-ta* – «мужевбивці». Такий реконструкції заважає, на наш погляд, застереження самого автора про те, що перша основа (*vi:ra-*) відсутня в осетинській мові. В зв'язку з цим дещо втрачає і запропонована етимологія (чи є в нас певність того, що ця основа існувала взагалі в північно-східних іранських мовах?). На жаль, і в рукописах Геродота (IV, 110) подане спершу слово *Oiorpata* згодом повторюється по частинах: *oior gar kaleoysin andra, to de pata kteinein*. В глосі Гесіхія неважко побачити еллінізацію іншомовного слова (вплив грецьких *hormos*, *hormizein*, *horme:*, *horma:n* тощо).

Не викликає сумніву пояснення слова *enarees* (I, 105; IV, 67), що має в рукописах варіанти *enaries*, *narees* (пор. *anarja-*). Проте не можна твердити, що воно має «чисто» іранську форму (пор. староінд. *nara* – «чоловік, людина», *na:ra* – «чоловічий, людський» і т. п.).

З шістьох імен скіфських богів (*Tabimi*, *Панайос*, *Ani*, *Ойтосюрос*, *Аргімаса*, *Тагімасада*) лише *Tabimi* (*Гестія*) пов'язується з коренем *ta:p*, що, зрозуміло, залишається сміливим здогадом.

Міфічні імена скіфських родоначальників (*Таргітаос*, *Ліпоксаїс*, *Арпоксаїс*, *Колаксаїс*) витлумачено також найменш задовільно. Спроба зблизити ім'я *Таргітаос* з основами *darɣ(?)a+тава* – «долгомошньш» у самого автора ставиться під знаком запитання. З інших при зближенні закінчення *-ксаїс* з іранським «хшай» дотепно розтлумачено ім'я *Арпоксаїс* як *a:nra+хшая* – «владар Дніпра» (основа «a:пр» в самій назві *Danapris* – Дніпро).

З племінних назв – авхати, катіари, траспії, паралати – найдотепніше пояснено останню (*parada:ta* – «передумовлений»), хоч виникає питання про її взаємини з грецькими *paralos*, *paralia* і т.п. Але і тут є ще багато нез'ясованого, хоч і менше, ніж у тих учених, що хотіли б обійтися без зіставлення з іранськими мовами¹².

Чи є підстави гадати, що *Kharaks* (пор. теперішній Харакс), що виник, очевидно, вже під час римського панування, не є чисто грецькою назвою? Найбільше доводів на користь того, що тут ми маємо типові грецьку назву: *kharaks* – 1) заго-

¹² Пор. А.Д.Удальцов. Основные вопросы этногенеза славян // Сов. этнография. – 1947. – Т. VI-VII. – С.3-13; про проблему этногенезу див.: Совещание по методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке // Вопр. языкознания. – 1952. – № 1. – С. 155-166.

стрений кіл; 2) кіл для огорожі військового табору, латин. *vallus*; 3) огорожений табір (*kharako:ma*), латин. *vallum*. Отже, останнє значення цілком природно могло стати назвою певної місцевості (пор. латин. *castrum, castellum*), де був розташований укріплений табір. Саме такий *castellum (kharaks)* містився поблизу теперішнього Ай-Тодора¹³.

Відоме грецьке *Kharaks* і як власне чоловіче ім'я (історик і філософ з Пергама, один граматик та ін.). Якщо припустити в місцевій назві *Kharaks* наявність «переосмислення» іранського *xapa* (осел), то з таким самим правом і в назві *Khersone:sos* можна шукати ту ж іранську основу, але чи варто?

Не підлягає сумніву, що навіть такий видатний дослідник, як В.І.Абаєв, все ж сплатив у своїй праці данину захопленню іранським матеріалом. Спокуса надзвичайно велика, якщо на перший погляд варварські імена, як-от *Styrakos* (також *Styranos*), де впадає у вічі сполучення приголосних *s+t+r*, не зблизити з іранським прикметником *stura* – «великий» (той же і в германських мовах, пор. швед. *stor* – «великий»). Але і в грецькій мові маємо *styraks (sayro:te:r toy doratos, kai logkhe:)*, що було основою і власних імен (*Styraks*). І тут велика спокуса для зближення (*Styrakos* – *Styraks*). Ясно, що при наявності названих грецьких даних іранська етимологія не може бути остаточною.

Так само, знайшовши ім'я *Phoros* (що може бути «декомпонованим» *Nike:phoros* і іншими подібними), не слід було б висувати іранську етимологію: *fur* – «баран». Тут стільки ж про, скільки і contra. Отже, тимчасово можна утриматися від рішучого вироку. Проте все це окремі винятки, що аж ніяк не псують загальну картину.

Хотілося б ще зробити застереження про суфікс -ak- і подібні до нього. Про нього В.І.Абаєв пише, що «в середньо- і новоіранських мовах він став дуже поширеним, перетворившись на свого роду розпізнавальну ознаку цих мов». Можна думати, що тут шановний автор недооцінює порівняльно-історичну граматику індоєвропейських мов, бо з розділу словотвору ясно, якого поширення набув названий суфікс і подібні до нього в багатьох індоєвропейських мовах, а не лише в індо-іранській групі їх. З літературної старогрецької мови важко уявити, наскільки поширеним був у просторіччі і діалектах суфікс -aks¹⁴. Отже, не слід було б робити наведеного узагальнення.

Не може задовольнити нас, з нашими теперішніми вимогами до етимологічних досліджень, підтверджена В.І.Абаєвим етимологія назви *Borysthene:s*, побудована на основі іранського *varu-sta:na* («широка область»).

Насамперед тут впадали в очі фонетичні невідповідності: гр. b – іран. v (пор. початкові v в іменах *Oyaras, Oyarazakos, Oyargadakos, Oyardane:s, Oyarzbalakos, Oyatapharne:s, Oyakho:zakos*; з другого боку, початкове гр. b відповідно до іран. b, наприклад, *Borys* – іран. *bora* – «жовтий», *Bradakos* – іран. *bra:taka* – «братик»

¹³ Див. В.В.Латышев. IOSPE I, 20, 508-515 (Charax).

¹⁴ Пор., наприклад, P.Chantraine. La formation des noms en Grec Ancien. – Париж, 1933, § 312, про суфікс -ak-; про це ж свідчить новогрецький вивідний суфікс -aki; з інших мов можна згадати ще про вірменську з суфіксом -ak.

і т. п.), гр. *th* – іран. *t* (пор. *Oystanos* – іран. *hu-sta:na*), гр. *e* – іран. *a*: (пор. *Sakai* – іран. *sa:ka* – «олень»).

З семантичного боку не задовольняє і зіставлення перекладу «широкий край» (як назва ріки або лиману) з теперішнім «Великий луг» («Велика лука»), бо тут не йдеться про ріку. На можливість «фракійської» етимології цієї назви, імовірно, вказує глоса Гесіхія *Borysthene:s* – *ho Helle:spontos*, тобто *Борісфен* (до речі, послідовним було б передавати цю назву як *Борістен* або ж *Борісфен*) – назва Геллеспонтської протоки. Ця глоса відхиляє здогад про те, що в даній назві ми маємо «народну етимологію» (вплив гр. *-sthene:s* від основи *sthenos* – «сила, міць»). Отже, хоч і спокусливо було б так тлумачити, як пропонували іраністи, але фонетичні і семантичні критерії, що від них починається всяке етимологічне дослідження, не дозволяють нам цього.

Принагідно додамо ще один негативний аргумент: коли вважати, що *Borysthene:s* і *Danapris* (уже в анонімних периплах Евксинського понту) – тотожні, причому остання назва є, безсумнівно, іранська, то немає надійних причин для заміни однієї іранської назви іншою. Природніше було б, якби не-іранська назва в зв'язку з напливом іранських («іраномовних») племен згодом замінилася б іранською (мабуть, уже не скіфською і не сарматською, а аланською).

Це зауваження стосується і назви ріки *Tyras* – *Danaster*, *Danastrus* (Амміан Марцеллін та ін.) і тієї, що первісно не була в зоні «іраномовних» племен, *Istros* (латин. *Ister*, *Hister*) – *Danoybios*, *Danoybis* (латин. *Danuvius*). Проте справді спокусливо зіставляти *Tyras*, *Tyre:s* з іран. *tura* «швидкий» і т. п., хоч і викликає сумнів відповідність гр. *y* – іран. *u* (пор. *Khoynaros* – *hunara*, *Khopharnos* – *hufarna* і т.п.).

Очевидно, послідовніше було б визнати, що назви *Istros*, *Tyras*, *Borysthene:s* є «доіранськими», а *Danastrus* (Днѣстръ), *Danapris* (Днѣпръ) можуть мати іранські (відповідно осетинські) етимології.

Чим пояснити фонетичну невідповідність старої назви *Tana:is* іншим тут згаданим і теперішній назві «Дон», фактично не можна з'ясувати. Треба лише зазначити, що з етимологіями географічних назв і взагалі і зокрема в дослідженні В.І.Абаєва справа стоїть гірше, ніж з власними іменами, до того ж і документи, де містяться власні імена, часто піддаються датуванню.

З географічних назв (їх, звичайно, розтлумачено менше за всі інші) згадаймо ще дотепер загадкові назви річки *Pantikape:s* і міста *Pantikapaion*. В.І.Абаєв дуже дотепно тлумачить їх на основі іран. *panta* (пор. староінд. *pantha:h*, род. відм. *pathah* і т. д.) – «путь» і *kapa* – «риба», тобто «рибна путь» (автор додає: «оскільки йдеться про Керченську протоку, важко було б підібрати придатнішу назву: ця протока була шляхом масового ходу риби, а Пантікапей чи не найбільшим в давньому світі центром рибної промисловості»). В цьому тлумаченні ми цілком покладаємося на авторитет автора: воно, безумовно, імовірніше за інші можливі.

Цілком імовірним здається зв'язок з цією ж основою *kapa* середньовічної назви міста Феодосії *Kapha:s* (*Cafa*), що заступило старішу аланську *Ardabda* (гр. *heptatheos*), пор. осет. *apd* – «присяга» і *avd* – «сім».

Грецьке «переосмислення» тубільної назви міста можна вбачати в тому, що на монетах боспорської держави з'являється голова Пана (старішою назвою міста була Аполлонія).¹⁵

Ще слід підкреслити в північночорноморських власних іменах те, на що В.І.Абаєв не звернув належної уваги: додавання типових грецьких суфіксів до безперечно іранських імен. З цього погляду варте уваги ім'я *Pharnakio:n* (пор. *Pharnake:s*). Як показує IOSPE (особливо т. II. Gorgippia), це ірано-грецьке ім'я було найбільше поширеним в Горгіппії. А з попередніх підрахунків відомо, що найбільший процент не-грецьких (відповідно іранських) імен в усіх стародавніх північночорноморських містах припадає саме на Танаїс і Горгіппію. Як визначити ім'я *Фарнакіон* і можливі подібні до нього? Як іранські чи як еллінські? Вони нагадують нам «схрещені» християнські (греко-римські) і язичеські (германські) імена, як-от: *Jorduinus, Paulipertus, Valericus* і т. п.¹⁶

Цікаво було б в наших епіграфічних матеріалах дослідити не лише наявність простих і складених іранських імен, а й розташувати їх по змозі в географічному і хронологічному порядку. Треба також зважати на взаємозв'язок імен, тобто брати до уваги не лише самі імена, а імена з їх *patro:numika*. Ми сказали б, що тут інтереси мовознавців і істориків повинні збігатися: тим цінніші будуть наслідки досліджень.

Згадаймо принагідно хоча б великий список (*katalogos*) громадян з Горгіппії (IOSPE, II, 402), де кілька разів знаходимо імена *Pharnake:s* і *Pharnakio:n*. Він був складений, очевидно, в I ст. н. е. і виявлений після здобуття Анапи «в турецькій лазні», а згодом перевезений Кларком до Кембріджа і досить пошкоджений. На ньому маємо: (29 р.) *Neokle:s Pharnakio:nos Khardei*, (30 р.) *Pappos Pharnakio:nos Gastei*, (30-31 pp.) *Athe:nodo:ros Pharnakio:nos Atia*, (34 р.) *Makarios Pharnakio:nos*, (36 р.) *Ero:s Pharnakio:nos Ero:tos*, (41 р.) *Pharnakio:n Hermadio:nos*, (42-43 pp.) *Pharnakio:n Agathoy Gorgioy*, (46-47 pp.) *P[a]nny[kh]os Pharnakio:nos He:goymenoy*, (49-50 pp.) *Agathoyas* (sic!) *Agathoy Pharnakio:nos*, (50-51 pp.) *Phodo:n Pharnakio:nos*, (56-57 pp.) *Siagoys Khre:stio:nos*, (58 р.) *Pharnake:s Pharnakio:nos He:goymenoy*, ще в 25 р. *Pharnakio:n* з пошкодженням *patro:numikon*). З різних сполучень імені *Фарнакіон* ми бачимо, що в Горгіппії це було ім'я аристократичне (бо згадуються тут не лише батьки, а й діти. До того ж воно часто повторюється – тут 13 разів) і що вживалося воно в складному греко-варварському (з іранськими елементами) середовищі. Хто носив ці імена: еллінізовані варвари чи варваризовані елліни? Тут неодмінно спливає спогад про ворісфенітську промову Діона Хрісостома (36, вид. Діндорфа, II, 48): очевидно, коли в Ольвії на той час залишалось ще грецьке населення, то в Горгіппії населення лише зберігало прослідки елліністичної культури, не будучи грецьким. Не

¹⁵ Див. Д.Б.Шелов. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия // ВДИ. – 1949. – № 1. – С.143-153; Ю.С.Крушк. Ранние монеты Пантикапея как исторический источник // Там же. – 1950. – № 1. – С.183-188.

¹⁶ Пор. W.Meyer-Lübke. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft, 20, § 237. – С.227-228.

підлягає сумніву і те, що воно не могло мати нічого спільного з Геродотовими скіфами¹⁷.

Не слід забувати і про те, що навіть теоретично серед етнічних елементів Приазов'я і Північного Кавказу повинні були бути не індоєвропейські, а власне кавказькі (черкеські) елементи. Ми думаємо, що кавказознавці з усією необхідною обережністю могли б тут подати свої коментарі.

Важливе методичне зауваження є в нашого автора на стор. 201-202, де розкривається різниця між попередніми дослідженнями і розглядуваним тут. Воно ілюструється аналізом «скіфського» імені *Taksakis* (Геродот, IV, 120), що згадується поряд з двома іншими – *Sko:pasis* і *Idanthysros*: «Юсті і Вс. Міллер перекладають його «Тесляр» (др.-інд. *такшака*-). При цьому навіть не ставиться питання, чи могли існувати в кочовиків-скіфів професійні тесляри. Ми перекладаємо «Швидкий Олень» (*tak-sa:ka*). Ми думаємо, що «Тесляр» – мало підходяще ім'я для вождя войовничого племені, що знімає скальпи з ворогів. Жодний індійський вождь, наскільки нам відомо, не називався «Тесляром».

Передумовою для обох етимологій, звичайно, є визнання індоєвропейського характеру скіфських власних імен. Проте в названому тут контексті виступають три імені: *Таксакіс*, *Скопасіс* і *Іданфірс*. Якщо два з них ще не мають задовільної іранської етимології, чи не зменшує це шанси для третьої (*Таксакіс*)? В.І.Абаєв стоїть тут на такій точці зору, що в тих, кого Геродот називає скіфами, неодмінно мають бути скіфські імена. В цьому є своя рація: у давніх греків нібито були виключно грецькі імена (з римлянами справа, як ми згадували, стояла інакше). У староіндійського слова *такшака*-, якщо його наблизити до імені *Таксакіс* (у грецькій мові в такому разі слід було б чекати *Таксакос*), могло бути не лише загальне значення (пор. *такша:мі*), але воно було і власним іменем в індійській міфології: *Такшака* – один з нагів, або сарпів, друг бога Індри (Махабхарата, I, 8089). Відомо, що *нагі* (*na:ga:h*) були різновидом асурів, тобто, кінець кінцем, – одним з іномовних народів, перенесених з історії в міфологію. Другим таким різновидом були і данави (*da:nava:h*), гр. *danaoi* – «данаїці» (?). Якщо ми згадаємо також назву міста *Таксіла* (між Індом і Гідаспом; Аппіан, Страбон) – *Такшасіла* – «гора такшів» (столиця таксілів) і власне ім'я їх царя *Taksile:s*, то ми можемо висловитися і на користь зв'язку імені *Таксакіс* з племенем такшів (бо воно могло спілкуватися з азійськими скіфами-саками). До речі, давність племені такшів можна довести тим, що воно згадується ще в Рігведі (до того ж ще і корінь *такш*- пов'язувався з гр. *tokson* – «лук» і т. д.). В усякому разі всі згадані зближення мають таку ж ціну, як і запропонована іранська етимологія *taksa:ka* (з довгістю серединного а: знов негаразд).

Дуже простою і дотепною є запропонована автором розглядуваної праці етимологія імені *Anakharsis*, оповідання про якого (IV, 76) щільно переплітається з оповіданням про Скіла (IV, 78-80). Це ім'я відноситься до іранських основ *ana+hvarti*, відп. осет. *(ae)н(ae)vx(ae)лц* – «непошкоджений». Ця етимологія

¹⁷ Звичайно, тут може йтися про сарматів. До речі, «сармат» виступає тут як патронімікон (60 р.): *Si[ag]-oys Sarmata* (зіс!). З цікавих грецьких імен цього напису слід зазначити патронімікон *Khrysokhooy* (36 р.): назва професії як власне ім'я.

тим цікавіша для нас, що уважне дослідження імені *Anakharsis*, всупереч його еллінському вигляду, змушує вбачати в ньому іномовне походження. До того ж, очевидно, воно не було вживане як власне ім'я греків. Схожість його складових частин (*ana+kharsi-*) з грецькими префіксом *ana-* і коренем *khar-* (пор. *kharirein*, *khara:*, власне ім'я *Kharsiphilos* і под.), імовірно, була зовнішньою і випадковою. В зв'язку з цим і коливання в його відміні (род. відм. *Anakharseo:s*, або *Anakharsidos*) набувають ваги аргументу на користь його іномовного походження.

Варто зазначити, що прадіда цього Анахарсіса звали так, як і владаря агафірсів, убивцю Скілового батька – *Spargapeithe:s*. В цій генеалогії поряд з іранського типу іменами фігурують не-іранські – «скіфські» імена: прадід – *Spargapeite:s* (іран.), дід – *Lykos* (не-іран.), батько – *Gnoyros* (не-іран.), син – *Anakharsis* (можливо, іран.). Тут, безумовно, спадає на думку аналогія з мішаниною грецьких і варварських імен пізніших епіграфічних пам'яток нашого чорноморського узбережжя.

Ім'я брата Анахарсіса, Савлія (*Saylios*), батька Іданфірса, безперечно, не має іранського характеру.

З окремих зауважень, з якими, на наш погляд, не можна погодитися, згадаймо, нарешті, «Замітку II» (С. 243-244), де тлумачиться етнонім – *скіф* (гр. *Skythe:s*) з посиланням на М.Я Марра.

Автор пов'язує назву *Skytai* з наведеною в Геродота глоскою *Skolotoi*. Сюди ж притягаються і власні імена *Skyle:s*, *Skiloyros*, *Skolopitus*. До того ж додається: «Елемент *skul*, *skol*, наявний в цих іменах, був цілком можливо якимсь важливим терміном доіранського населення півдня Росії».

Ми не проти вживання слова «елемент» (хоч і скомпрометованого Марром) у філологічних дослідженнях: воно зручне своєю багатозначністю. Воно дорівнює терміну «корінь». Але як одержано цей «елемент» *skul/skol*? Зіставленням поданого Геродотом *Skolotoi* з власними іменами *Skyle:s*, *Skiloyros* і *Skolopitus* (з трьох різних джерел).

Цікаво зазначити, що Геродот у багатьох випадках розрізняє назви племен, одержані від сусідів, і самоназви. В цьому дуже важливим для нас є IV, 6: «*Sympasi de einai oynoma Skolotoys, toy basileos epo:nymie:n Skythas de Helle:nes o:nomasan*».

Тепер ми згадали б при цьому, що «батько історії», мабуть, не знав того, що також інші народи звали цих «сколотів» скіфами (*ишкүза. ашкеназім*), а не лише самі елліни. Проте як слід правильно розуміти це на перший погляд не таке вже важке місце? Можна довідатися, що тлумачі розуміли його неоднаково, хоч ідеться, мабуть, про відтінки основного значення. В перекладі В.В.Латишева (*toy basileos epo:nymie:n*) – «по імені одного царя»¹⁸. В перекладі Ф.Г.Міщенка – «по імені царя их»¹⁹.

Отже, в першому згаданому перекладі додано істотне слово *одного*, а в другому – також важливе слово *їх*. В першому варіанті не визначається, чи є цар, що дав ім'я скіфським племенам, скіфським царем, чи не скіфським. В другому ва-

¹⁸ Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. – 1947. – № 2. – С. 259.

¹⁹ Геродот. История в девяти книгах. – М., 1885. – С. 299.

ріанті, навпаки, присвійний займенник визначає, що йдеться саме про скіфського царя.

Обидва перекладачі розуміють це місце так, що скіфські племена мають одну спільну назву, утворену від власного імені якогось царя.

Чи відомі такі випадки в етніміці? Відповісти на це питання нелегко. Можна навести протилежні до цього приклади, коли владарі мали імена від назви племені чи народу. Пригадаймо хоча б боспорських владарів з династії Тіберіїв Юліїв з іменем *Савромат* (I, 92-124; II, 174-211; III, 230-233; IV, 275). Цілком імовірно так само, що в імені (згадуваного в славнозвісному декреті на честь Протогена, сина Геросонта) царя *Saitapharne:s* можна побачити племінну назву саїв (*Saioi*)+та(суфікс множини)+*pharna-* (іранський релігійний термін).

В зв'язку з цим цікаво зазначити, що і *Skythe:s* ми знаходимо як власне ім'я греків. Так, наприклад, Скіфом звався батько Кадма, полководець занклейців у Сицилії (Геродот), також ряд історичних осіб – один лакедемонянин (Ксенофонт, Плутарх), один афінянин (Демосфен, Дінарх) та інші особи, відомі з епіграфічних джерел (пор. *Skythe:s* у словнику Папе-Бензелера).

Виникає підозра: чи не було також суто грецького імені *Skythe:s* (пор. *skydmainein*, *skyzesthai*, *skythrazein*, *skythros* < *skysthros < **skyd+thro+s*, нарешті *skythro:pos*), що могло вплинути на якусь не-грецьку племінну назву.

Це питання треба було б розв'язати разом з питанням про подібне ж ім'я *Perse:s* (відповідно *Perseys*), що, безумовно, існувало також як і власне грецьке ім'я (пор. *Перс* – брат Гесіода та ін.).

Чи є приклади того, щоб якесь плем'я дістало назву від власного імені свого владаря? Ми не знаємо таких прикладів, хоч і не можемо категорично заперечувати таку можливість.

Існування якихось *Aspouyrgianoī* при наявності власного імені *Aspouyrgos* тут нам нічого не доводить, бо: 1) це можуть бути зовсім не етнічні угруповання, а просто «прибічники Аспурга» і 2) якщо це справді плем'я, то ми неспроможні з'ясувати первісні стосунки між цією назвою і власним іменем *Аспург*.

Такі міфічні імена, як епоніми грецьких племен – *Іон*, *Еол*, *Дор*, *Еллін*, аж ніяк не можуть допомогти розв'язати згадане питання.

Як розумілося саме слово *basileys* у еллінів часу Геродота?

Всі ці *Іон*, *Еол*, *Дор*, *Еллін* не були, звичайно, *basileis*, а *ktistai*, *oikistai*, *arkhe:getai*, *eyergetai*, просто *he:roe:s*. Словом, вони були «родонаачальниками» і як такі «хтонічними» богами. Як владарі вони не могли називатися *arkhontes*. Стосовно до варварських владарів, як бачимо з того ж Геродота, можливий термін був саме *basileis*.

Серед родонаачальників скіфів (*Таргітай*, *Ліноксай*, *Арпоксай*, *Колаксай*) немає епонімів їх племен. Сини Таргітая до обрання Колакся верховним владарем могли зватися *arkhontes*, але ще не *basileis*. Після ж обрання Колакся за вказівкою «з неба» сам він стає *basileys*, а його нащадки *paralatai* (якщо вірне тлумачення В.І.Абаєва, то «prothetoi»). Отже, ці нащадки серед інших племен могли б претендувати на звання *basileis*, тобто племені царських скіфів (*basileioi*), або

скіфів-царів. Наявність значних різночитань не дозволяє категорично твердити, що так воно і сказано на початку IV, 6.

Якщо покласти за основу звичайне читання: «*apo de tou neo:tatou ayto:n toys basileas, hoi kaleontai Paralatai*», то на відміну від інших перекладачів ми запропонували б тут таке розуміння: «а від наймолодшого з них – царі, які зуться паралатами»²⁰.

Можна вважати, що знахідний відмінок тут залежить також від *gegonenai*, як на початку *toytoys (to:n Skytheo:n)*²¹.

Останню ж частину цього речення, думаємо, можна зрозуміти так: „а для всіх них – ім'я скіфів, від імені царя [як воно вимовляється по-скіфському], а скіфами їх назвали елліни». Інакше кажучи: загальною назвою скіфських племен є «царі» (скіфів), очевидно, від панівного племені «царських» скіфів, що поширили свою владу на інші племена. Спокусливо було б, з огляду на сказане вище, зіставити назву *Skolotoi* (з ознакою множини?) з ім'ям *Skyle:s* (чи не загальним спочатку?), але, на жаль, для цього нам бракує такої певності, яку висловлює В.І.Абаєв.

Слід ще підкреслити, що дві міфічні версії генеалогії скіфських племен у Геродота, безумовно, є паралельними: I. (Зевс+дочка Борістена) = (Зевс+Алкмена). II. *Targimay...* – 1. Ліпоксай, 2. Арпоксай, 3. Колаксай; *Геракл*+Дівчина-Змія – I. Агафірс, 2. Гелон, 3. Скіф. Остання версія виправляє те, що еллінам здавалося незручним у першій «тубільній» версії: назви архететів у скіфській версії не є епонімами племен, а в еллінській версії подано епонімів (агафірсів, гелонів, скіфів – трьох з еллінського погляду найважливіших етнічних угруповань).

Нам особисто здається, що докладні відомості Геродота про ці версії міфічної генеалогії є свідченням його порівняно глибокої обізнаності з «скіфськими» справами.

Відомості, що ми знаходимо в пізніших авторів, не можна ставити поряд з цими. Псевдо-Гіппократ (*Peri aereo:n hydato:n topo:n*), безумовно, супроти Геродота був лише «кабінетним ученим» із своїм реторичним схематизмом (антитеза ефіопів і скіфів). Міфічна генеалогія скіфів, викладена Діодором Сицилійським (II, 43), є лише тьмяним відбиттям Геродотових версій. Згідно з нею, від шлюбу Зевса з Дівчиною-Змією (її хтонічний характер підкреслюється епітетом *ge:gene:s*) народжується один син – Скіф, а згодом уже від нього – два брати *Palos* і *Nape:s*, «з яких від одного і від другого народи палами і напами були названі». Про ці племена, ідучи вже за цією пізнішою традицією, згадує і Г.Пліній Секунд (VI, 50): «*ibi Naraei interisse dicuntur a Palaeis*» («там кажуть, що напеї були винищені палаєями»).

Здається нам до того ж, що В.І.Абаєв у своєму ґрунтовному дослідженні все ж недостатньо зважив на територіальний розподіл ономастичного матеріалу.

²⁰ Щодо різночитань див., наприклад, вид. 2 Г.Р.Дітша за ред. Калленберга. – Лейпціг, 1899. – С. XXXV: *toys basile:iouy, toy basile:os, toy Basileos*.

²¹ «Від Ліпоксая постали ті з скіфів, яких рід називається авхатами, від середнього ж Арпоксая, які катіарами і траспіями називаються, а від наймолодшого з них – царі, які називаються паралатами...»

Ще В.Ф.Міллер відзначав, що число іранських імен особливе велике в найбільш східному з північночорноморських міст – у Танаїсі.²²

Як відомо, не-грецьке населення цього міста і його околиць ще недавніми авторами вважалося за сарматів. Той же В.Ф.Міллер в зв'язку з власними іменами ольвійських написів робить висновок: «Немає сумніву про те, що значний процент ольвійських (не-грецьких – А.Б.) імен треба вважати не іранськими, а належними якійсь іншій, невідомій нам мові».

Важко сказати (як уже зазначалося), коли саме в епіграфічних матеріалах північного Причорномор'я з'являються «варварські» імена іранського типу. Безсумнівним можна вважати, що найбільше поширення їх припадає вже на час римського панування.

Досить характерним є і той факт, що «скіфські» імена царів на ольвійських монетах не знайшли собі належного етимологічного тлумачення на основі зближення з іранськими словами²³.

Так, наприклад, *Фарзой* [у В.І.Абаєва *Pharze:os* пов'язується з осетинським *Φ(ae)рзев* – «угощение, хлебосольство», отже «хлебосольный» від *зев* – «общественная работа (помощь) и сопровождающее ее угощение»] і *Сарію* (*Sarias* у В.І.Абаєва відсутній, але, імовірно, міг бути під рубрикою *sara-* – «голова») ще можуть мати формально «іранські етимології». Але непереборні труднощі становлять для дослідника такі імена, як *Інісмей*, *Канім*, *Скілур* (наближення цього останнього до *Скіла*, гр. *Skyle:s* ми вважали б передчасним).

Щодо того, як важко зробити якісь позитивні висновки з етимологічного аналізу імен владарів, можна послатися хоча б на оповідання про Скіла (Геродот, IV, 78-80). Сам Скіл має ім'я, імовірно, не-іранське, його батько Аріапейт, навпаки, має ім'я з досить певною іранською етимологією (пор. у В.І.Абаєва – *arjapaisa* – «имеющий арийский облик»), але так само іранське ім'я дане його ворогові, владареві агафірсів (*agathyrsoi*) Спаргапейту (там же пор. *spargapaisa* – «подобный юной лозе»). Чи тут не «мода» на перські імена?

Про агафірсів ми знаємо надто мало, мабуть лише за словами Геродота тільки те, що вони «habrotatoi andres eisi kai khrysophoroi» (IV, 10 «найрозпещеніші люди і носять золоті речі»). Ясно, проте, що цей народ не входив до складу «скіфських» племен. Про це свідчить і вже загаданий тут міф (Геродот, IV, 10) про синів Геракла – Агафірса, Гелона і Скіфа, епонімів відповідних народів.

Якщо ми вже звертали тут увагу на паралелізм оповідань про Скіла і про Анахарсіса і згадували, що останнє ім'я має досить задовільну іранську етимологію, то знову важко не піддатися спокусі і не висловити здогад про можливий

²² Пор. його «Эпиграфические следы иранства на юге России» // ЖМНП. – 1886. – жовтень. – Отд. 2. – С.232-283; або ще докладний «Список имен, встречающихся в надписях Танаиса» додаток II до книги Т.Н.Княпович. Танаис. – М.-Л., 1949, разом 493 номери (більшість з *patro:numika*). Необхідність мати такі ж списки з інших причорноморських міст давно вже настала.

²³ Пор., наприклад, В.В.Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии // ЖМНП. – 1887, січень, 1887, березень, розд. IV. «Ольвия йод властью скифских царей».

загальний (рос. «нарицательный») характер цього *Skyle:s* в зв'язку з глосною «сколоти» (див. вище).

Ім'я царя Іданфірса (*Idanthyrso*) навряд чи має якусь іранську етимологію. Ім'я колишньої жінки Аріапейта, згодом також жінки Скіла (*Opoie:*), залишається без етимології, якщо ми не пов'яжемо його на основі суто фонетичних критеріїв з старогрецьким дієсловом *opyiein* і одним з небагатьох відомих нам етруських іменників *puia* («жінка»), її син, *Orikos*, за В.І.Абаєвим, має іранську етимологію (*vara* «ягненок, баран»). Проте матеріал для фонетичного зіставлення тут надто обмежений (спільне сполучення – голосний+г) і етимологія не може нас задовольнити.

Так само ім'я *Октамасад*, дядько Скіла, не навіває нам певності щодо іранського походження, якщо не притягти можливе іранське *Радамсад* або подібне до нього (пор. ще *Тагімасад* – Посейдон). Нарешті, ім'я царя Сіталка з того ж оповідання може вважатися фракійським.

Внаслідок спеціальних досліджень В.І.Абаєва можна вважати безперечно доведеним, що: 1) в останні століття перед нашою ерою в північному Причорномор'ї (особливо в його східній частині) були поширені «північно-східні» іранські мови і їх поширення найбільше відбилося у власних іменах епіграфічних і почасти літературних джерел; 2) старанне вивчення ономастичного матеріалу дозволяє зробити висновок про близькість його іранських елементів саме до сучасної нам осетинської мови; 3) покладаючись на повідомлення Геродота про спорідненість скіфської мови від Істра до Танаїса з савроматською (відповідно сарматською), а також на деякі досить імовірні етимології елементів топоніміки, етніміки і ономастики, взятих з того ж Геродота, можна висунути твердження про наявність у мові Геродотових скіфів іранських (відповідно північно-східноіранських) елементів; 4) поглиблене вивчення осетинської мови з її діалектами допомогло і ще допоможе в розв'язанні важливої для давньої історії народів СРСР мовної проблеми безписемних племен північного Причорномор'я і північного Передкавказзя. Проте ця мовна проблема, як зазначає і автор розглядуваної тут праці, не може розв'язуватися виключно на основі використання іранського матеріалу; 5) розкидані іранські елементи в названому мовному матеріалі можна тлумачити як належні до північно-східної групи іранських мов (мови скіфська (?), сарматська, з якої постали аланська і осетинська, мова сакська та інші середньоазіатські, мова согдійська, з якої постала ягнобська та, мабуть, інші і, нарешті, хорезмійська).

Нарешті, В.І.Абаєв накреслює відгалуження основної проблеми, що чекають у найближчому майбутньому свого розв'язання (1. Іранські елементи в фінно-угорських мовах; 2. Ірано-слов'янські зв'язки; 3. Скіфо-германські стосунки; 4. Скіфо-фракійські стосунки, 5. Неіранські елементи в осетинській мові).

Дуже обережно висловлюється В.І.Абаєв про «догрецькі» і «доіранські» елементи досліджуваного ним матеріалу (С. 147-149). Проте не можна не побачити суперечності між його цілком справедливим твердженням: «Разом з тим, можна сподіватися, буде покладено кінець легковажним і безвідповідальним спекуляціям на скіфському матеріалі, що не мають нічого спільного з наукою» – і

його посиланнями на М.Я.Марра, в якого ми і знаходимо ці «легковажні і безвідповідальні спекуляції» на основі горезвісних «чотирьох елементів».

Зроблені нами деякі зауваження і висловлені міркування і незгоди з окремими тезами В.І.Абаєва, звичайно, не мають ні в найменшій мірі «деструктивного» характеру. Цінність проведених видатним радянським іраністом досліджень є для нас безперечним фактом.

Книга В.І.Абаєва показує нам наочно, чого саме можна сподіватися від застосування порівняльно-історичного методу для тлумачення ономастичного, етнонімічного і топонімічного матеріалу наших епіграфічних і літературних джерел.

Проблема мовного субстрату та «догрецьке» мовознавство¹

---

1. Під мовним субстратом в історичному мовознавстві звичайно розуміють такий вид зіткнення (споріднених і неспоріднених) мов, при якому зміни, що сталися, скажімо, в першій мові, пояснюються існуванням за давніших часів на території цієї мови якоїсь другої мови, від котрої в першій залишилися певні прослідки або лише в лексиці, або, крім того, і в граматиці.

2. З кінця минулого століття (пор. «Вступ до історії грецької мови» Пауля Кречмера, 1896) іномовному субстрату старогрецьких діалектів приписувався «неіндоевропейський» характер. Така думка мала підпору в античній традиції (Геродот, Фулідид), яка називала автохтонами Еллади пеласгів, лелегів, дріопів, карів та інші племена, мови (відповідно – мови) котрих вважалися «варварськими», тобто такими, що нічого спільного не мали з еллінськими діалектами.

3. Твердження про «неіндоевропейський» характер так званого егейського субстрату старогрецьких діалектів, крім античної традиції, спиралося ще на:

- а) схожість географічних назв континентальної Греції та островів Егейського моря з відповідними «догрецькими» назвами Малої Азії;
- б) значне число старогрецьких лексичних елементів без встановлених індоевропейських етимологій;
- в) наявність на Криті, на Лемносі, на Кіпрі написів негрецькою мовою, хоч і грецьким алфавітом або кіпрським силабічним письмом;
- г) наявність непрочитаних так званих мінойських чи крито-мікенських написів.

4. Відповідь на питання про походження та характер «егейського» субстрату Пауль Кречмер пропонував шукати шляхом дослідження давніх мов Малої Азії. За останні три-чотири десятиріччя вже накопилось чимало відомостей про ці мови. Б.Грозний (1915) встановив індоевропейський характер неситської (кли-

---

¹ Уперше опубліковано в: XIII наукова сесія. Секція філології. Тези доп. – К.: Вид-во Київ. держ.ун-ту ім.Т.Г.Шевченка, 1956. – С. 9-12.

нописної хетської) мови. Е.Літтманн (1916) відкрив індоєвропейські елементи в лідійських написах. Е.Форрер і А.Гетце (1933) встановили зв'язок географічних назв Еллади, що вважалися «догрецькими», з лексичними елементами лувійської мови. П.Мериджджі (1936) слідом за своїми попередниками визначив лікійську та лідійську мови як індоєвропейські. Володимир Георгієв (1937), застосувавши новий метод відновлення «догрецького» субстрату, прийшов до висновку про індоєвропейський характер цього субстрату. До такого висновку приєдналися М.Будимір, В.Бранденштейн, згодом Дж.Бонфанте, В.Мерлінген, А.ван Віндекенс і інші. Х.Педерсен (1936) довів всупереч Е.Форреру та Е.Х.Стертевенту, що неситська мова є «рівноправним» членом індоєвропейської родини. Б.Грозний у 1940 році приступив до дешифрування мінойських написів, мову котрих він визнав індоєвропейською. На початку п'ятдесятих років ряд учених (Вентріс, Чедвік, Сундвалль, Деніель, Кобер, Беннетт, Фурумарк, Ктистопулос і інші) спромоглися зробити перші переклади крито-мікенських написів (див. тезу 8). В.Георгієв (1941-1945) підбив підсумки попередніх досліджень у своїй книзі «Догрецьке мовознавство». Г.Дж.Гелб (1942) остаточно дешифрував хетські ієрогліфічні написи і визнав їх мову індоєвропейською. Х.Педерсен (1945) довів близьку спорідненість лікійської та неситської мов. Д.Дечев (1946) указав на схожість відновлюваної «догрецької» мови з фракійською. В сорокових роках Пауль Кречмер настільки змінив свої погляди, що навіть етрускську мову визнав «в основі» індоєвропейською (1940).

5. Основні фонетичні особливості «субстрату» старогрецької мови:

- a) перехід $*o > a$, $*o > i$ (перед $-nth-$),
- b) перехід $*r, l, n, m > ur \leftrightarrow ru, ul \leftrightarrow lu, un, um$,
- c) перехід $*p, t, k > ph, th, kh$,
- d) перехід $*b, d, g > p, t, k$,
- e) перехід $*bh, dh, gh > b, d, g$,
- f) перехід $*k^w, g^w, g^wh > kh, k, g$ (делабіалізація).
- g) перехід $*k', g', g'h > s \leftrightarrow и, z \leftrightarrow д$
- h) збереження антевокального та інтервокального s ,
- i) дисиміляція придихових (за законом Грассманна-Раумера).

6. Посилання на вплив субстрату, про фонетичні особливості якого йшлося вище, уможливорює розв'язати деякі нез'ясовані питання, наприклад, щодо етимологій слів:

ambōn – *omphalos*, *asty*, *atembō*, *bazō*, *baskō* – *phaskō*, *phēmi*, *dynamis*, *eikō*, *therapnē* – *teramnon*, *idē pyndaks* – *pythmēn*, *pyrgos*, *selas*, – *selēnē*, *sigē*, *sylon*, *sys* – *hys*, *takhys*, *tyrannos* – *karēnon*, *tyrsis*, *phiaros* – *piaros*, *phylaks* – *pylē*, *asaminthos* та інші, а також установити переконливі індоєвропейські етимології для багатьох старогрецьких географічних назв.

7. В.Георгієв («Сучасний стан досліджень у галузі догрецького мовознавства») вказує на такі завдання догрецького мовознавства:

- a) уточнити та поглибити знання догрецької мови (чи мов);
- b) систематично вивчати стародавню топоніміку Греції, островів Егейського моря і Малої Азії;

с) спробувати дешифрувати (що буде вирішальним) мінойські написи;
d) встановити, чи існували в Егеїді доіндоєвропейські племена (відповідно – мови);

е) визначити взаємини між догрецькою мовою та індоєвропейськими мовами Малої Азії;

f) спробувати узгодити мовні факти з новими відкриттями доісторичної археології в Греції та в Малій Азії;

g) переглянути важливу проблему датування появи греків у Греції (гіпотеза, згідно з якою грецькі племена трьома послідовними хвилями на протязі другого тисячоліття до н.е. прийшли на територію, де вони мешкали в історичну епоху, передбачає, що греки були першими «індоєвропейцями» Егеїди, а цього вже тепер не можна твердити).

8. Наслідки спроб дешифрувати так звані крито-мікенські написи призвели до відкриття в пам'ятках лінійного письма класу Б (II-III пізньомінойські періоди, тобто від 1450 до 1200 р. до н.е.) імен, слів і форм, що мусять бути дуже близькими до імен, слів і форм старогрецьких діалектів. Спроби розібратися в пам'ятках лінійного письма класу А (III середньомінойський та I, II пізньомінойські періоди, тобто приблизно від 1700 до 1400 р. до н.е.) ще не завершилися успіхом. Схожі на грецькі слова і форми дешифрованих текстів наводять на думку про те, що відомі нам старогрецькі діалекти в багатьох стосунках могли бути консервативнішими і архаїчнішими порівняно до мови (відповідно – мов) крито-мікенських написів. Ще нерозв'язаним залишається питання про те, для якої мови чи мов були вигадані силабічні письмена: (1) лінійне А, (2) лінійне Б і (3) кіпрське. Поки що не пощастило з'ясувати питання про перехід в Егеїді від лінійного письма класу Б до алфавітного грецького письма.

Про співставне дослідження словотвору різних мов¹

Співставне, або паралельне, дослідження лексики різних мов, як і порівняльно-історичне, має покласти основи загальної лексикології. Зрозуміло, що порівняльно-історичному дослідженню в цій галузі повинне передувати саме співставне, а далі вони можуть розвиватися одне поряд з другим.

Для вивчення засобів вираження основних понять різних мов (ці засоби ми називаємо ідеоморфізмом, від грецького *idéa* «ідея, думка, поняття» і морфії «форма, образ») слід протиставити: 1) *первісні, або основні*, елементи без так званої етимологічної структури (що в них самих не можна знайти їх зв'язків з іншими лексичними елементами даної мови) і 2) *вторинні, або похідні*, лексичні елементи з етимологічною структурою (що в них виявляються їх зв'язки з іншими лексичними елементами).

Крім цього, слід зважити на два основних засоби словотворення, можливих як в афікських, так і в безафікських мовах: *зовнішній словотвір* (афіксація, інтрофлексія, пересування наголосу, зміна характеру наголосу, основоскладання) і *внутрішній словотвір* (утворення від одного лексичного елемента іншого елемента без усяких змін щодо зовнішнього стану елементів: зміна відбувається лише в смислового змісті похідного елемента порівняно з основним).

Отже, у лексиці кожної мови на певному ступені її розвитку можна розрізнити основні (неструктурні, тобто без етимологічної структури, «масивні») елементи і похідні (структурні, з етимологічною структурою). Так, наприклад, старослов. *свѣтъ* (1), як виявляє його індоевропейська етимологія, первісно означало «світло», а згодом від нього створено нове слово *свѣтъ* (2) із значенням «світ». В російській мові зберігаються омоніми **свет** (1) – «світло» і **свет** (2) – «світ», а в інших слов'янських мовах після створення слова **свѣтъ** (2), пор. серб. і болг. *свет*, чеськ. *svět*, польськ. *świat*, укр. **світ**, білор. **свет**, шляхом зовнішньо-

---

¹ Уперше опубліковано в: Науковий щорічник за 1957 рік. – К.: Вид-во КДУ, 1958. – С.152-154.

го словотворення постало похідне укр. **світло**, білор. **святло**, польськ. *światło*, чеськ. *světlo* (також *svit*), серб. **светлост**, болг. **светлина**. Звідси, для слов'янських мов можна констатувати характерний засіб вираження поняття «світ» (пор. рос. **свет**, мир; лат. *mundus*, грецьке *κόσμος*) шляхом внутрішнього словотворення від слова із значенням «світло». Аналогічне явище спостерігається в румунській мові. Латинське *lumen* (пор. *lux*) означало первісно «світло», але на ґрунті балкано-романських мов виникають такі новотвори, як *lume* «світ» і *lumina* «світло». Вживаючи відповідного терміну, ми можемо сказати, що румунська мова в даному разі має однаковий із слов'янськими мовами «ідеоморфізм» (засіб вираження поняття). Майже такий самий «ідеоморфізм» ми знаходимо в угорській мові, де *világ* тепер означає «світ», а *világosság* – «світло» (пор. *világos* «світлий, ясний»). У даному випадку названий ідеоморфізм охоплює території (відповідно – ареали) слов'янських мов і суміжних румунської та угорської (не споріднених з ними, як угорська, але історично пов'язаних). Можна гадати, що цей ідеоморфізм поширився на сусідні мови з слов'янської території. Таке поширення слов'янського ідеоморфізму в неспоріднених із слов'янськими мовами має характер лексичного калькування.

Це саме поняття «світ» однаково виражено, наприклад, в старогрецькій та латинській мовах: гр. *κόσμος* – «прикраса, порядок», «світ» (пор. *κοσμεῖν* «прикрашати») – лат. *mundus* (пор. прикметник *mundus*, *-a*, *-um* «чепурний, чистий»), але тут воно не пов'язане з поняттям «світло» (пор. гр. *φῶς*, лат. *lux*). Якщо в наведених прикладах може йтися про поширення ідеоморфізмів з певного мовного середовища (отже, кінець кінцем, – про калькування), в багатьох інших прикладах таке поширення виключається. Так, російське *роща* утворено від кореня дієслів «расти, ростить». Відповідний ідеоморфізм можна знайти і в японській мові: *хаясі* «ліс» < *хаеру* «рости», *хаясу* «вирощувати» (див. «Японско-русский словарь» / сост. Л.А.Немзер и Н.А.Сыромятников под ред. Н.И.Фельдман. – М., 1951. – Стор. 736). Зрозуміло, що тут ідеться не про калькування, а про паралельні, але цілком незалежні ідеоморфізми.

Співставне вивчення лексики як споріднених, так і неспоріднених мов з метою виявлення однакових ідеоморфізмів має велике значення для побудовання загальної лексикології. Сьогодні ми стоїмо лише на порозі цього співставного вивчення, бо відповідний лексичний матеріал за окремими винятками ще зовсім не систематизований і не класифікований. Саме до систематизації і класифікації його ми закликаємо дослідників, які в своїх дослідженнях можуть вийти за межі лексичного матеріалу окремих мов, окремих мовних груп і родин. Слід сподіватися, що при добре організованій колективній роботі наслідки ідеоморфічних досліджень приведуть нас до можливості встановлення деяких закономірностей розвитку лексичного складу мов.

Результаты двуязычия в говорах румейского языка на Украине (тюркизмы румейского языка)¹

---

1. Для изучения многоязычия (полиглоттии) как лингвистического феномена в плане «лингвистики речи» (идиолектологии) еще не разработано удовлетворительных специальных приемов исследования.

2. Многоязычие, т. е. одновременное (синхронное) и одноместное (синтопное) использование нескольких языков с такими же целями, с какими используется внутри определенного коллектива один язык (родной язык), очевидно, надо отличать от возможного использования нескольких языков как вспомогательного средства общения (ксенолалии) наряду с обычным использованием родного языка.

3. Многоязычие можно рассматривать как явление индивидуальное (и в этом случае надо различать абсолютную полиглоттию и относительную, т. е. ксенолалию) и коллективную; коллективное многоязычие (этническая полиглоттия), насколько мы можем судить, практически сводится к двуязычию (диглоттии), которое бывает также абсолютным или относительным (полным или частичным).

4. Этническое двуязычие является одним из видов взаимодействия (контакта, интерференции) языков наряду с прочими (по нашей классификации): (А) одностороннее воздействие: (1) вытеснение $[M > N = M \setminus N]$, (2) наслоение $[M > N = M + N (M) \vee M (N) + N]$, (Б) двустороннее воздействие: (1) взаимовлияние $[M < N = M (N) + N (M)]$, (2) преобразовательное наслоение $[M < N = M (N) + N_1 \vee M_1 + N (M)]$, (3) преобразование $[M < N = M_1 + N_1]$, (4) новообразование $[M < N = (MN) = X]$.

5. Рассматривая собранные экспедициями КГУ диалектологические материалы румейского (крымскогреческого) языка на территории УССР (экспедиции

---

¹ Уперше опубліковано в: Матер. міжвуз. науч. конф. «Актуальні питання сучасного мовознавства та лінгвістична спадщина Е.Д.Поліванова». – Самарканд, 1964. – Т.І. – С.120-122.

1953, 1958, 1959, 1963 годов), мы можем изучать результаты полного или частичного двуязычия, классифицируемые в пределах от взаимовлияния (4 В 1) до преобразования (4 В 3).

6. Этническое двуязычие румеев (крымских греков на Украине) привело к распаду их этнической формации на две неравные части: грекоязычную (эллинофоны) и татароязычную (татарофоны); в настоящее время большинство румейских населенных пунктов на Украине по происхождению – грекоязычны, меньшинство – татароязычны.

7. Исследованные нами говоры румейского языка (Маджарь-Ялита, Харахла-Чардахлу, Сартана-Чурмалых, Агрын-Стыла) в разной мере обнаруживают значительное число тюркизмов (1) в фонетике (заднеязычные щелевые: г, х), (2) в морфологии (так наз. стимуляционные изменения и заимствование грамматических словообразовательных и самостоятельных морфем), (3) в синтаксисе (позиционный синтаксис, отличающийся от синтаксиса общегреческой димотики), (4) в лексике – максимальное количество тюркизмов, насколько позволяют судить предварительные подсчеты, наблюдается в именах (существительных и прилагательных), меньше – в глаголах (на 314 глаголов харахлотского говора 35% глаголов с тюркскими основами), еще меньше – в неизменяемых частях речи (ср. морфологию), полное отсутствие их – в местоимениях, в числительных – факультативно – названия десятков (60-90); фразеология – еще не исследована.

8. Если тюркизмы румейского языка наблюдаются как результат этнического двуязычия, существовавшего у румеев в Крыму до их переселения на Украину в 1778 г., то в настоящее время можно наблюдать процесс нового двуязычия в грекоязычных населенных пунктах юго-востока Украины: румейско-русское и в меньшей степени румейско-украинское двуязычие, при котором румейский стал языком узкого общения, а русский (и соответственно – украинский) – языком широкого общения.

9. Остается еще не установленным, в какой мере румейский язык (а может быть и общегреческая димотика эпох татарократии и туркократии) оказал воздействие на язык (или языки) тюркоязычного населения Крыма: для установления этого необходимо предпринять исследование грецизмов (соответственно румейизмов) татароязычных румейских сел (ср. материалы экспедиции ЛГУ 1951 г.; С.Н.Муратов, Материалы по языку тюркоязычного населения Донецкой области УССР, машинописный отчет).

10. Очевидно, в Крыму на румейский язык могли оказать воздействие: (1) крымскотатарский (южнобережный к.-т. огузо-сельджукской подгруппы огузской группы тюркских языков), (2) крымсконогайский (степной татарский кыпчакско-половецкой подгруппы кыпчакской группы тюркских языков), (3) турецкий язык в Крыму (огузосельджукской подгруппы огузской группы тюркских языков): для определения воздействия каждого из них необходимо дальнейшее тюркологическое изучение материалов.

11. Интересными фактами румейско-тюркского двуязычия в Крыму могут оказаться данные исторической топонимии Крыма: наличие параллельных

двуязычных названий одного и того же географического объекта, тюркоязычная трансформация греческих названий, двойные греко-тюркские названия и т. п.

12. Большой интерес для истории средневекового Крыма представляло бы параллельное исследование лексических элементов иноязычного происхождения в крымскогреческих и крымскотатарских диалектах, могущее осветить новые аспекты многоязычия в пределах названной территории современной УССР.

Семиотический аспект языковой системы¹

Если рассматривать человеческий язык как сугубо сложную и гибкую (способную изменяться – самоорганизирующуюся и самооптимизирующуюся) анизоморфную систему, определяющуюся структурой знаков – дифференциалов и интегралов, необходимо прежде всего изучить обстановку использования языковых знаков при языковом общении людей.

Рассмотрим семиотическую ситуацию как основной компонент коммуникативной ситуации, функции языка как знаковой системы коллокутивного типа и структуру знакового сегмента текста.

I. Знаковая (семиотическая) ситуация. Знаковая ситуация – это необходимый компонент коммуникативной ситуации. Чтобы понять всю сложность коммуникативной ситуации, надо проанализировать знаковую ситуацию. В знаковой ситуации различаются три неперенных компонента: 1) интерпретатор знака, то есть тот, для кого знак является знаком чего-то; 2) знак, то есть какое-то явление объективной действительности, воспринимаемое анализаторами (органами чувств) интерпретатора (прежде всего – акустический сигнал, иногда – его субститут); 3) значение знака, то есть то, с чем интерпретатор ассоциирует (связывает, соотносит) знак.

Для интерпретатора знак (=экспформа) имеет четыре формы, или фазы, существования. Обозначим каждую из фаз буквами А, В, С, D.

А – знак во множестве натуральных (материальных, с физическим субстратом) экземпляров (семанта).

В – знак-образец, представляющий множество его натуральных экземпляров (катасеманта).

Значение знака (его смысл, его содержание) складывается для интерпретатора из трех видов отношений (или связей, ассоциаций): 1) отношения данного знака к прочим знакам его системы (созначение, консигнация, релятивная связь);

---

¹ Уперше опубліковано в: зб. Структурная и математическая лингвистика // Ежегодник по структурной, прикладной и математической лингвистике. – К.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1979. – № 7. – С.11-18.

2) отношения данного знака к прочим знакам в знаковом тексте (сообозначение, коннотация, текстуальная связь); 3) отношения данного знака к фактам психо-физической действительности (обозначение, десигнация, реферативная связь).

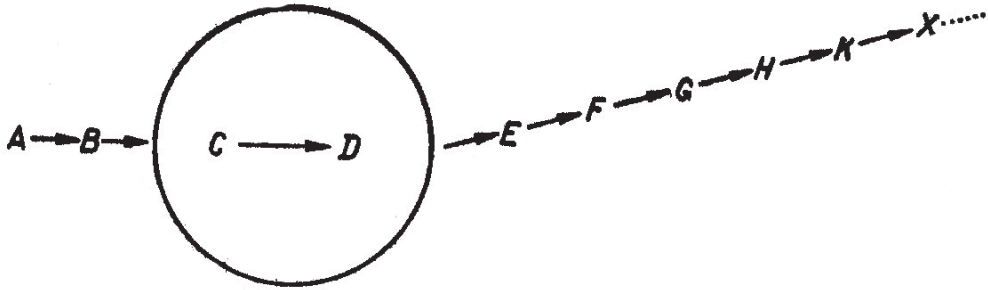

Рис. 1. Знаковая, или семиотическая, ситуация²

А и **В** – физические фазы существования знака.

С – сложный, или детальный образ знака в памяти интерпретатора (антисеманта).

Д – упрощенный, обобщенный, суммарный образ знака в памяти интерпретатора (анасеманта).

С и **Д** – психические фазы существования знака.

В сумме эти три отношения составляют информу знака-эксформы. Все четыре фазы знака-эксформы составляют знаковую цепочку. Для интерпретатора самой важной фазой является хранящаяся в его памяти четвертая фаза – анасеманта. Ее реферативные связи (десигнация, см. семосистему) соединяют ее в памяти интерпретатора с фактами психо-физической действительности (п.-ф. д.), среди которых может быть: **Е** – единичный факт п.-ф. д.; **Ф** – класс фактов п.-ф. д.; **Г** – признак фактов п.-ф. д.; **Н** – класс признаков п.-ф. д.; **К** – категория п.-ф. д.; **Х** – класс категорий п.-ф. д.

II. Коммуникативная ситуация. Коммуникативная ситуация, как сказано было выше, включает в себе знаковую ситуацию, но оказывается сложнее ее, потому что: 1) в ней присутствует не один, а минимум два интерпретатора: первый – отправитель («эмиттент»), посылающий сообщение в языковой форме, и второй – получатель («реципиент»), принимающий сообщение в языковой форме, 2) в ней используются не только отдельные знаки, но преимущественно: а) фигуры знаков, б) конфигурации знаков, в) схемы знаков, г) тексты знаков (см. табл. 2).

Компоненты коммуникативной ситуации: **А** – первый интерпретатор (отправитель), **Б** – второй интерпретатор (получатель), **Г** – система знаков, состоящая из (1) алфавита знаков (запаса, набора, инвентаря) и (2) норматива (правил использования знаков для создания информативных текстов, или синтаксических схем), **Д** – тексты: а) задуманный (зашифрованный), б) посланный (переданный): (1) акустический (звуковой, звучащий), (2) оптический (написанный, напечатан-

² Рисунки до статті виконав А.О.Білецький (прим. упоряд.).

ный), в) полученный (принятый), г) обдуманный (дешифрованный). Тексты (1) и (2) отличаются «каналами» передачи.

Таблица 1

Функции языковой системы

Экспрессивная	Коммуникативная (символическая)	Импрес-сивная
(симптоматическая)	<u>Основные функции:</u> 1) трансформативная (преобразование информации) 2) консервативная (хранение информации) 3) транслятивная (передача информации) 4) дименсионная (измерение информации) 5) утилитарная (использование информации)	сигнальная
	<u>Дополнительные функции:</u> 6) эстетическая (выбор средств передачи информации) 7) метасемантическая (музыкальная информация, экстрасемантическая «музыка нечленораздельной речи»)	

Таблица 2

От элементарного знака до знакового текста

Знак	:	а
Фигура знаков	:	стра
Конфигурация знаков	:	страна
Текст знаков	:	приезжайте в нашу страну

Дешифровка текста (г) обозначает не только его анализ, но и психическую (интеллектуальную и эмоциональную) реакцию на него.

III. Функции языка как знаковой системы особого рода, функции его эндосистем и функции знаков этой системы. Функции языка и его знаков обнаруживаются в коммуникативной ситуации. Главной функцией языка является коммуникативная функция, сопровождаемая экспрессивной и импрессивной функциями и заключающая в себе (или интегрирующая) несколько дифференцируемых функций.

Функции языковых эндосистем:

1. **Диакритическая** – функция знаков тмемосистемы.
2. **Семантическая** – функция знаков семосистемы.

3. **Синтаксическая** – функция знаков схемосистемы.
4. **Субститутивная** – функция знаков графической, кинетической (ситуативно), перкуссионной, сибиляционной антисистем.
5. **Супплементарная** – функция знаков кинетической антисистемы, в условиях контактной коммуникации.

Функции языковых знаков:

1. Идентификация:
  - 1.1. Классификация;
  - 1.2. Индивидуализация.
2. Ориентация:
  - 2.1. Спациальная;
  - 2.2. Темпоральная.
3. Нумерация.
4. Конструкция.
5. Имитация.
6. Интеръекция.

IV. Определение функций языковой системы у Р.О.Якобсона связано с шестью компонентами коммуникативной ситуации: 1) эмиттент (отправитель), 2) реципиент (получатель), 3) канал передачи, 4) информация, 5) код (алфавит знаков и норматив), 6) референт (реферативная часть информры).

Соответственно этим компонентам Р.О.Якобсон установил шесть функций, из которых каждая связана с одним из компонентов коммуникативной ситуации:

- **Экспрессивная** (эмотивная, симптоматическая) – невольная информация отправителя о самом себе и о своем отношении к передаваемой им получателю информации;
- **Референциальная** (репрезентативная, денотативная) – информация о референтах знаков, то есть о фактах психо-физической действительности;
- **Поэтическая** – выбор средств языковой системы для передачи информации;
- **Фатическая** – установление контакта интерпретаторов;
- **Металингвистическая** – интерпретация знаковой системы ее же средствами;
- **Импрессивная** (конативная, сигнальная) – воздействие на получателя с целью вызвать у него желательную отправителю реакцию на передаваемую информацию.

Сопоставляя установленные Р.О.Якобсоном функции человеческого языка с намеченной нами классификацией «Функций языка как знаковой системы особого рода», «Функций языковых эндосистем» и «Функций языковых знаков», мы видим, что: 1) в классификации Р.О.Якобсона все функции оказываются равнозначными (эквивалентными), 2) в ней нет различия между функциями языка как «системы систем», функциями эндосистем языка и функциями языковых знаков, 3) главная функция человеческого языка как «важнейшего средства общения» – коммуникативная функция – разделена в ней на четыре функции: референци-

альную, поэтическую, фатическую и металингвистическую; экспрессивная и импрессивная функции не выделены как сопровождающие главную – коммуникативную функцию (супплементарные функции), 4) поэтическая функция (дезориентирующий термин!) интерпретируется как соответствующая эстетической функции (стилистическое оформление логической информации), 5) три функции – референциальная, фатическая и металингвистическая интерпретируются как свойства не языковой системы в целом, а ее компонентов: референция – функция семотипов (семантических знаков) как изолированных, так и соединенных в тексте, «фатизм» – модальное, а не собственно логическое использование языковых знаков, «металингвизм» – возможность интерпретировать систему и ее компоненты средствами самой системы (язык как «универсальный знаковый код»). Поскольку каждое сообщение есть сообщение о чем-то или о ком-то, оно, переданное знаком или текстом знаков данного языка, содержит в себе для интерпретатора не только знаки, но и значения знаков, то есть включает в самом себе референцию, и референциальную функцию нельзя отделять от сообщения. Оно входит в коммуникативную функцию. Если экспрессивная функция (по Р.О.Якобсону) подразумевает не только автоинформацию отправителя, но и его отношение к сообщаемому, к передаваемой им информации, то всякого рода модальности (вопрос, сомнение, ирония, восклицание и пр.) входят в экспрессивную функцию или распределяются между экспрессивной и импрессивной функциями.

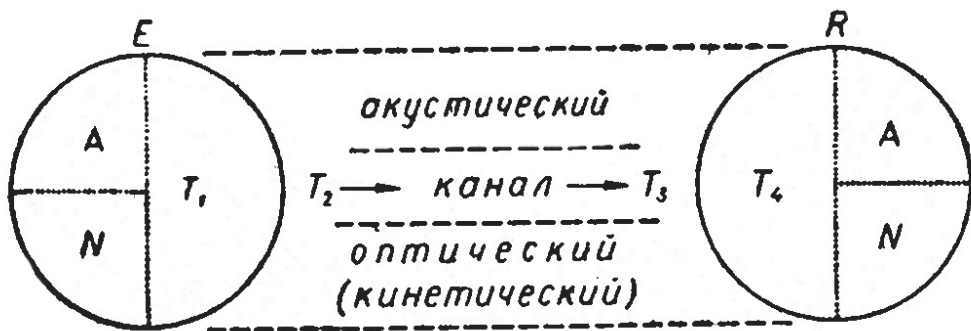

Рис. 2. Коммуникативная ситуация с использованием глоттосистемы

А – алфавит, N – норматив, T_1 – текст зашифрованный, T_2 – текст посланный, T_3 – текст полученный, T_4 – текст дешифрованный (с инт.-эм. реакцией), E – отправитель (эмиттент), R – получатель (реципиент).

Если грамматику данного этнического языка, теоретическое языкознание и философию языка (глоттофилософию, или лингвофилософию) можно рассматривать как метаязыки разных степеней, то в таком случае «метаязыком» окажется любая область человеческих знаний, о которой мы можем говорить на нашем языке. Следовательно, «металингвистическая» (=метаязыковая) функция оказывается собственно коммуникативной функцией [4].

V. Для лучшего понимания особенностей языковых знаков – знаков первичной коллокутивной системы обратим внимание на самые общие различия между ними и знаками прочих систем.

1. Языковые знаки имеют символическое значение в отличие от знаков с прагматическим значением, например, высокий забор, которым огорожен какой-то участок земли, не только является знаком запрета («Посторонним вход запрещается»), но и фактически не дает возможности пройти через него. Напротив, если бы такой же участок был бы огорожен только веревкой, привязанной ко вбитым в землю колышкам, это ограждение имело бы символическое значение, потому что перешагнуть через веревку было бы не трудно.

2. Языковые знаки имеют, как знаки одной и той же большой и сугубо сложной системы, синграмматические связи, или отношения, в отличие от знаков похожих друг на друга или даже тождественных, но принадлежащих разным системам и потому имеющих только сингармонические связи, например, **О** – буква и **0** – цифра, **З** – буква и **3** – цифра.

3. Языковые знаки, как принадлежащие языковой системе (глоттосистеме, автосистеме), являются знаками комбинарными в отличие от знаков бинарных, например, звонок в учебном заведении, отмечающий начало или конец занятий (+V–).

4. Языковые знаки являются знаками социальными и специальными, а не индивидуальными и универсальными; индивидуальный знак – это знак только для одного лица, знак, понятный только одному, универсальный знак интерпретируется в любом коллективе, как, например, математические символы (+ **0** **X** > < и пр. т. п.).

VI. Структура знака как материальной (физической) эксформы. Эксформальная структура знака определяется (1) суммой (совокупностью) всех дифференциалов его эксформы и (2) отношениями этих дифференциалов друг к другу.

Одна и та же эксформа может одновременно являться компонентом разных знаковых систем, например, **A** – знак нашего алфавита и **A** – замена (субститут) цифры, знак последовательности текстов.

Дифференциалы данной эксформы могут присутствовать в других эксформах, напр., наклонные черты в знаках: **Л**, **A**, **Д**; это итеративные дифференциалы. Кроме того, они могут быть особенностью только данного знака, например, крючок вопросительного знака в нашей системе пунктуации; это сингулярные дифференциалы.

Различные знаки могут иметь одну и ту же сумму дифференциалов, но разные их отношения, например, знаки **П** и **Н**, **Р** и **Б**, **Я** и **Р**.

Примечания: в графических системах следует различать скалярные и векторные знаки, например, в нашем алфавите все знаки являются векторными, потому что они не могут менять своего положения в строке; в греческом лапидарном письме V в. до н. э. знак **0** (совершенная окружность) был скалярным.

Можно различать односоставные знаки (с интегральными эксформами) и двусоставные, или даже многосоставные знаки: напр., **Б** – односоставный, **Ы** («еры») – двусоставный.

От этих двух- и многосоставных следует отличать двухклассные и многоклассные знаки, напр., англ. **CH, SH, TH** можно рассматривать как двухклассные, а нем. **SCH** – как многоклассный знак, то есть один (по значению) знак, состоящий из трех знаков разных классов (см. противопоставление графвариантов и катаграфы – представительницы класса данных вариантов).

Дифференциалы, общие у данного знака с другими знаками, можно назвать его конферендами (единственное число – конференда). Дифференциалы, отличающие данный знак от других знаков, можно назвать его дифферендами (единственное число – дифференда).

Каждый языковой знак-интеграл обладает особым дифференциалом, указывающим на его принадлежность к определенной системе или эндосистеме знаков, а также к определенной автосистеме – этническому языку, – это супердифференциал.

Кроме структурных компонентов, то есть дифференциалов, каждый знак может заключать в себе еще и необязательные («редундантные», согласно Т.Милевскому) – экстраструктурные компоненты – субдифференциалы. В языковой графике ими оказываются «украшающие черточки», напр., **Ä** (ср. **A**).

Знаки, имеющие дифференциалы, общие с другими знаками, могут называться кондифференциальными по отношению к этим другим. Уникальными следует называть знаки, не имеющие общих с другими знаками дифференциалов. Наряду с обычными мультидифференциальными знаками существуют унидифференциальные знаки, как, напр., световые дорожные сигналы (красный цвет – единственный дифференциал сигнала запрещения).

Знаки, являющиеся компонентами одной и той же системы, называются гомосистемными, в отличие от принадлежащих разным системам гетеросистемных знаков.

Супердифференциалы определяют отношение знака к системам разного порядка, начиная от гиперсистем и кончая парадигмами. Так, например, супердифференциалами лексических типов – *цветок, роза, растение* – являются те их признаки, которые позволяют отнести их к лексической парасистеме семантической катасистемы русского языка. Силлабическая, фоническая, тоническая, морфологическая структуры являются их дифференциалами, а в каждом «исполнении» (=реализации, осуществлении) могут обнаруживаться их субдифференциалы – необязательные признаки.

Гомосистемные знаки: знаки одной и той же системы, например, буквы русской азбуки.

Гетеросистемные знаки: знаки различных систем, например, буквы русской азбуки и парафлексy (падежные окончания) склонения имен существительных русского языка.

Эндосистемные знаки: знаки данной знаковой системы, например, сегменты русского текста.

Экзосистемные знаки: знаки различных знаковых систем, например, различных языков.

Неотделимые знаки-дифференциалы (интрадифференциалы): дифференциалы, но могущие быть интегралами.

Отделимые знаки-дифференциалы (экстрадифференциалы): дифференциалы, могущие быть интегралами.

Интрадифференциалы – это, например, тонотипы и прочие дифференциалы фенотипов.

Экстрадифференциалы – это, например, отдельные фонотипы, образующие силлаботипы.

Унидифференциальные знаки – состоящие из одного дифференциала, например, звонок, световой сигнал.

Мультидифференциальные знаки – состоящие из двух или нескольких дифференциалов, например, многосложное слово [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белецкий А.А. Интегралы и дифференциалы в языковой системе. – Структурная и математическая лингвистика. Киев, 1975, вып. 3;
2. Белецкий А.А. Естественный язык и знаковые системы. – Структурная и математическая лингвистика. Киев, 1976, вып. 4;
3. Milewski Tadeusz. Językoznawstwo, Warszawa, 1967, Rozd. 2. Stosunek języka do innych rodzajów znaków;
4. Jakobson R.O. Essais de linguistique générale. Traduit de l'anglais et préfacé par Nicolas Ruwet, Arguments 14, Les éditions de minuit. Paris, 1963.

Синтаксема – інваріант синтаксичної системи¹

Коли ми називаємо мовні знаки двох вищих у ієрархічному розумінні мовних систем – семантичної і синтаксичної, ми можемо при цьому мати на увазі або (1) лише їх форму, або (2) лише їх зміст, або (3) перше і друге разом. Так, наприклад, у слові (в лексемі) знак – його форма – це послідовність фонем (відповідно також і графем), а його зміст визначається денотацією і конотацією (приблизно словниковим значенням і текстуальними значеннями).

Отже, цілком розуміючи єдність форми і змісту окремого знака, через їх нетотожність ми можемо протиставляти: 1) форму (означувач, «чисельник», сигнанту) і 2) зміст (означуване, «знаменник», сигнату). Назви «сигнанта» і «сигната» запозичені нами в Аврелія Августина (354-430 pp.) з фрагментів його трактату «De grammatica», в якому він висловлює думку, що слово (*verbum*) – це знак (*signum*), а знак складається з двох «речей» (*res*): речі, що означає (*res signans*), і речі, що означається (*res signata*). Такий погляд цілком узгоджується з сучасною семіотикою.

Оскільки кальковані з французької мови «означувач» (*le signifiant*) і «означуване» (*le signifié*) не набули в нас загального визнання, ми воліємо краще використовувати згадані вище «сигнанта», або «семантичний чисельник» (нумератор), і «сигната», або «семантичний знаменник» (деномінатор). Домовившись про використання названих тут слів як семіотичних і лінгвістичних термінів, ми можемо сказати тепер, що сигнанту «синтаксема» до нас, наскільки нам відомо, вже використав ленінградський германіст А.М.Мухін², але сигната його терміна не збігається з сигнатою нашого терміна, як буде видно з дальшого викладу.

1. У словниках сучасної лінгвістичної термінології, наскільки нам відомо, нема терміна *с и н т а к с е м а*. Цей термін ми пропонуємо для означення інварі-

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Мовознавство. – 1971. – № 5. – С.13-20.

² А.М.Мухін. Функциональный анализ синтаксических элементов. – М.-Л., 1964.

анта синтаксичної системи мовної структури. Він є новотвором, т. зв. ретроградним дериватом давньогрецького терміна *синтаксис*. Побудовано його за принципом «емічної» термінології так само, як і терміни *семантема* і *лексема*, що вже набули права громадянства в сучасній лінгвістичній літературі. Синтаксема є штучним лінгвістичним терміном такою ж мірою, як семантема і лексема на відміну від терміна *фонема*, що є за формою безпосереднім використанням давньогрецького зразка.

Потреба існування спеціального терміна для означення інваріанта синтаксичної системи мовної структури пояснюється загальним ізоморфізмом трьох основних систем цієї структури: діакритичної (відповідно фонематичної, чи фонологічної), семантичної (з морфологічною і лексичною гіпосистемами) і синтаксичної. Кожна з цих основних систем характеризується в найзагальніших рисах наявністю абстрактних інваріантів, що реалізуються в текстах або в мовленні своїми конкретними варіантами і конструюються з інваріантів підпорядкованої системи, тобто семантеми – з фонем, синтаксеми – з семантем, а фонемі – з діакритичних рис, чи діакритиків, які визначаються в термінах артикуляторної або акустичної фонетики. Виходячи з загальної схеми – інваріант: варіанти: компоненти, відповідно до прийнятого термінологічного принципу ми встановлюємо назви елементів цієї схеми: фонема : алофони : фони, семантема : аloseманти : семанти, синтаксема: аlosинтакси : синтакси.

3. Перед тим, як почати мову власне про синтаксеми, варто сказати дещо про семантему, бо семантеми є будівельним матеріалом синтаксем (спинятися на тому, що таке фонема з її алофонами і фонами не варто в зв'язку з популярністю фонології). Проте варто застерегти, що протиставлення трьох основних систем мовної структури має не стільки принциповий, скільки методичний характер. Можна сказати, що їх протиставлення насамперед зумовлюється трьома різними поглядами на те ціле чи на ту цілісну величину, яка називається мовною структурою, чи просто мовою. Погляди ці такі: фонематичний (відповідно – фонологічний, чи діакритичний), спрямований на форму лінгвістичних знаків, семантичний, спрямований на діалектичну єдність форми і змісту дискретних лінгвістичних знаків, і синтаксичний, спрямований на зв'язки і взаєморозташування цих знаків, причому їх сполучення (фігури, чи схеми) вважаються також складними знаками, або знаками вищого порядку знакової ієрархії (відповідно абстрактнішими за дискретні двобічні знаки). Принагідно слід підкреслити, що діакритична система водночас протистистить як семантичній, так і синтаксичній системам, які протиставляються їй у своїй цілісності.

Не вважаємо доцільним зупинятися на питанні про другорядні, проміжні, чи перехідні системи і мікросистеми, існування яких у дискретній мовній структурі залежить від її типологічних особливостей. Для нашої теми важливою є передусім проміжна між семантичною і синтаксичною системами система многочленів, чи система сталих словосполучень, яку можна також назвати фразеологічною системою.

4. Коротко кажучи, встановлення основної семантичної системи (так само динамічної, як і інші системи всупереч суто синхронічному погляду, який ви-

знає існування лише «статичних», чи «замкнених» систем у душі синхронічної лінгвістики Ф. де Соссюра) на перший погляд може здатися спробою руйнації санкціонованого античною філологією і фіксованого шкільною практикою членування мовної структури класичних мов і виучуваних на цій основі сучасних індоєвропейських мов. Проте не слід забувати, що назване членування встановлене було на основі окремої індоєвропейської мови архаїчного типу і саме з суто практичною метою навчання рідної мови. Опис мовної структури (починаючи від елліністичної епохи) ґрунтувався на вивченні писемних текстів, зразкових, чи класичних, творів. Через це на першому місці стояла графіка (алфавіт), після неї – морфологія – парадигми словозміни і словотвору, елементи синтаксису і стилістики, нарешті – історико-філологічне тлумачення текстів і їх оцінка, літературна критика. Внаслідок розмежування літературознавства і мовознавства на початку XIX ст. в компетенції класичної граматики залишилися: графіка і фонетика, морфологія (словозмінювання і словотворення) і синтаксис. Зрозуміло, що протиставлення морфології і синтаксису типологічно обмежене мовами флективної-альтернаційної і аглютинативної типів.

Сучасна лінгвістика здійснює спробу послідовного опису мов різних типів на основі трьох підходів до вивчення мовного матеріалу: 1) семіотичного, оскільки мова розглядається як найскладніша серед відомих знакових систем, 2) функціонального, оскільки зважають на функції, використання і тим самим на смислове значення (денотацію і конотацію) мовних величин, 3) структурального, оскільки мова розглядається як структура (звичайно, динамічна), що складається з взаємопов'язаних систем із їх інваріантами, які мають складний, чи структурний, характер.

5. Отже, інваріантом семантичної системи є семантема, двобічна величина, що складається з фонематичної (чи фонемної) форми і розумового змісту, які становлять діалектичну єдність, обов'язкову в кожній мові, хоч і логічно не аргументовану. Семантему можна визначити і як елементарний мовний, чи лінгвістичний, знак, що його зручно уявити собі як простий дріб, чисельником якого є форма, а знаменником – квант дійсності (об'єктивної в розумінні як фізичної, так і психічної), відображеної в мисленні людей, що розмовляють даною мовою. Цей знаменник (означуване за термінологією Ф. де Соссюра), чи зміст семанти, визначається денотацією, тобто місцем семанти в загальній схемі квантування дійсності в даній мові, і конотацією, тобто сполученням даної семанти з іншими семантами в тексті, або в акті мовлення. Отже, денотація зумовлена парадигматично, а конотація – синтагматично; денотація – це мовне, а конотація – текстуальне значення (пор. протиставлення значення і вартості у Ф. де Соссюра). Якщо протиставляють лексичні і граматичні семанти, тобто лексеми і морфеми мови, то її семантичну систему зручно поділити на лексичну і морфологічну (чи морфемну) підсистеми.

Відмінність між інваріантами цих підсистем не семіотична і не структуральна, а власне функціональна. Для характеристики її можна обмежитися зіставленням двох елементарних (отже, найзагальніших) визначень: 1) морфема – це семантично наповнена (тобто із смисловим змістом) фонема (чи зрощення фо-

нем), що в системі і в тексті відокремлюється від сумірних і однорідних величин і характеризується в даній мові певною моделлю дистрибуції залежно від свого семантичного класу; 2) лексема – це самостійна морфема (чи зрощення морфем), що відокремлюється від сумірних і однорідних величин і характеризується певною моделлю дистрибуції залежно від свого семантичного класу³.

Оскільки питання про ієрархію семантем і відповідно про їх моністичну класифікацію має розглядатися в зв'язку з вивченням семантичної системи, слід лише підкреслити, що сполучення принципів семіотичного і функціонального аналізів може дати найпростішу класифікацію семантем будь-якої натуральної мови. Відокремивши несемантичні сигнали (епіфонеми, всілякі емоційні вигукки) від власне семантичних сигналів, ми розрізняємо серед останніх елементи (1) ідентифікативні (наприклад, в українській мові: іменники, дієслова, прикметники, прислівники, утворені від прикметників тощо), орієнтативні (займенники, утворені від дейктичних основ прислівники), нумеративні (числівники), конструктивні (прийменники, сполучники, частки, взагалі граматичні морфеми)⁴.

6. Семантеми в їх статистиці можна розглядати як семантичні одночлени, але власне семантичні величини – кванти семантичного континууму, відбиті в мисленні людей (поняття, ідеї, концепти), виражаються не лише за допомогою одночленів, але й многочленів (сполучень слів, словосполучень, лексичних ланцюжків). Часто з семантичного погляду одночлен і многочлен бувають рівноцінними. Так, наприклад, якщо абстрагуватися від стилістичного розшарування, можна встановити семантичну тотожність виразів: *просяна солома* = *просянка*, *молодий місяць* = *молодик*, *розкладне ліжко* – *розкладушка*. Семантична рівноцінність одночленів і многочленів найяскравіше виступає в зіставленнях різномовного матеріалу, як, наприклад, рос. *железная дорога* = укр. *залізниця*, рос. *оконное стекло* = укр. *шибка*. Многочленами семантична система зв'язується з системою синтаксичною. Проте многочлени далеко не рівноцінні між собою: варто насамперед розрізнявати усталені (стабільні) многочлени, інакше – фразеологізми, фраземи, ідіоми, ідіоматичні вирази, сталі словосполучення, – і вільні многочлени (вільні словосполучення). Перші є елементами семантичної системи, а другі вже можна розглядати як елементи синтаксичної системи, пор. *цікава книга*, *читати книгу*, *уважно читати* тощо на відміну від «*Книга буття*», *книга життя*, *прибутково-видаткова книга*, *читати лекцію*, *читати нотацію* тощо.

7. Перебуваючи в статистиці, семантеми залишаються елементами мовного інвентаря, лінгвістичними знаками, що використовуються в мовному спілкуванні людей, у комунікації, де вони від статички переходять до динаміки. Під час комунікації семантеми перетворюються на інформеми – елементи повідомлення.

Це перетворення відбувається залежно від типологічних особливостей мовних структур, або від граматичної будови мов, переважно за допомогою 1) комунікативної ситуації, 2) конотації та 3) конструкції. В т. зв. неприсодичних

³ Пор. визначення фонем в кн.: Генри Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. – М., 1959. – С. 229.

⁴ Пор. подібну класифікацію в кн.: T.Milewski. Językoznawstwo. – Warszawa, 1965. – С. 108.

чи в помірковано просодичних мовах це перетворення може відбуватися ще за допомогою просодії, тобто використання певних просодем (інтонацій, чи мелодичних схем)⁵.

Комунікативна ситуація, чи ситуація комунікації, хоч і дає можливість перетворити окрему семантему на інформему (в нашій мові разом із використанням просодії), але від цього ситуативно визначена семантема не стає компонентом синтаксеми, бо синтаксема несе в собі позаситуаційну, чи екстраситуаційну інформацію (повідомлення). Отже, найзвичайнішими засобами використання семантем у синтаксичних схемах, чи власне в синтаксемах, є конотація і конструкція, яку можна вважати окремим випадком конотації.

8. Перед тим як дати загальне визначення синтаксеми, слід з'ясувати, що саме тут розуміється під конотацією і конструкцією. В найширшому розумінні конотацією називається семантичний прийом визначення, або уточнення, однієї величини (відповідно елемента) через сполучення її з іншою (чи іншими). Отже, для конотації потрібні якнайменше два елементи, з яких один конотує, а другий конотується або інакше – один є конотатором, а другий – конотатою. Коли йдеться про семанти, то можна сказати, що певні класи семантем при їх комунікативному (зокрема екстраситуативному) використанні «вимагають» сполучення з семантами як свого класу, так (найчастіше) і класів інших. Конотація виявляється потрібною саме тому, що окремі семанти, використовувані в комунікації, не мають достатньої інформативності, тобто самі собою не передають повідомлення про наявну або уявну дійсність. Звичайно, найчастіше вони використовуються саме для повідомлення про те, чого нема в даній комунікативній ситуації, тобто про ситуації інших просторів та інших часів, чи навіть лише про можливі і неможливі в якихось часі та просторі ситуації (властивість людської мови). Інакше кажучи, на відміну від інших знакових систем мовна структура здатна описувати явища, не залежні від пункту і моменту повідомлення чи безпосереднього спілкування співбесідників (передавача і приймача). Мовна комунікація створює уявлення про фіктивну дійсність, відмінну від конкретної комунікативної ситуації. В створенні цього уявлення, в створенні власне лінгвістичної дійсності у її часі і просторі важливу роль відіграє конструкція, тобто сполучення семантем із т. зв. конструктемами, чи синтаксичними морфемами (конкретизаторами), що орієнтують у лінгвістичній дійсності, визначаючи час, простір, причину, наслідок, стосунок тощо.

В нашій мові елементами конструкції, чи конструктемами, є применники, що означають наближення, віддалення, перебування, а також відмінкові закінчення. Деякі конструктеми беруть участь у конотації, і їх можна не вважати елементами власне конструкції (наприклад, сполучники, відносні займенники).

9. Отже, в синтаксичній системі ми маємо справу не з окремими (дискретними) величинами, або елементами, а з схемами сполучення і взаємо-розташування елементів. Власне ці загальні схеми і можна розглядати як інваріанти (тут не один, а кілька) синтаксичної системи. В цьому полягає принципова відмінність між інваріантами інших мовних систем і цієї системи. Як відзначалося

⁵ Див.: Т.Milewski. Зазнач. праця. – С. 219.

вище, інваріанти синтаксичної системи ми називатимемо синтаксемами. Серед синтаксем треба розрізняти загальні, властиві якщо не всім натуральним мовам, то, принаймні, більшості з них, і обмежено поширені і навіть унікальні, властиві певній групі мов чи навіть одній мові.

До загальних синтаксем можна віднести:

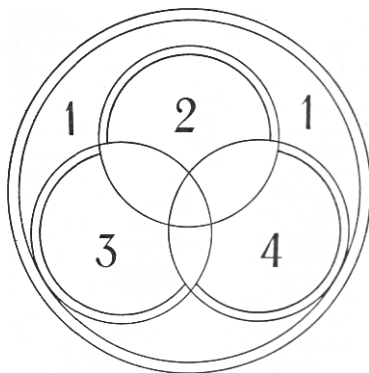
1) схему взаємозв'язку (координації, колігації, окремий випадок її – схема узгодження у флективних мовах), наприклад, *дитина грає – діти грають, спостережлива дитина, перший учень*;

2) схему взаєморозташування (диспозиції, колокації, дистрибуції), наприклад, у мовах із обов'язковим (облігаторним) порядком слів у реченні, англ. *he is reading a book* (твердження) – *is he reading a book?* (запитання) тощо;

3) схему зчленування, з'єднання чи схему кон'юнкції (також атрибутивну схему, схему атрибуції), наприклад, *здібний студент, у бібліотеці, успішність студентів* тощо (пор. 1);

4) схему розчленування, роз'єднання чи схему диз'юнкції (також предикативну схему, схему предикації), наприклад, *студент здібний, він – здібний студент, цей студент є здібний (здібним), працює в бібліотеці, ми відзначаємо успішність студентів* тощо.

Ці загальні схеми попарно протиставляються одна одній (перша другій, третя – четвертій). Уже згадувалося про те, що конструкція (використання конструктем поряд із власне семантемами) є окремим випадком конотації і під цим кутом зору названі загальні схеми – синтаксеми можна розглядати як конотативні.

Схему розчленування, чи диз'юнкції від часів античних прийнято називати реченням (protasis, propositio). Вважається, що лише така синтаксема виражає поза ситуацією (а в писемній формі мови без просодії) повну, чи завершену, інформацію, але в такому твердженні залишається не точно з'ясованим, що саме слід розуміти під повною, чи завершеною, інформацією. Адже вихоплене з якогось цілого окреме речення («предикативна схема») може виражати лише незначну частину тієї інформації, що її виражає текст у цілому. Можна запитати (з погляду інформатики): яку міру інформації повинна виражати синтаксична схема з «завершеною» інформацією? Виходячи з прикладів схем диз'юнкції, беззастережно визнаних зразковими предикативними синтаксемами, чи власне реченнями, мож-

на прийти до висновку, що між синтаксемами кон'юнкції і диз'юнкції спостерігається насамперед функціональна відмінність. Синтаксема кон'юнкції з окремих семантем (одночленів) будує многочлен (семантичну єдність), наприклад, *студент Віктор*. Синтаксема диз'юнкції розчленовує, протиставляє семантеми навіть тоді, коли замість протиставлюваного члена чи елемента мається на увазі елемент комунікативної ситуації чи попереднього тексту, наприклад, *Віктор – студент (Віктор є студент, є студентом)*, комунікативно розірвана синтаксема диз'юнкції: *(Хто цей) Віктор? – Студент*.

Оскільки найскладнішою синтаксемою щодо можливості її розгортання є саме диз'юнктивна, вона й протистоїть усім іншим. Чи можна її беззаперечно відмежувати від інших синтаксичних схем, це питання залишається ще дискусійним⁶.

10. Підсумовуючи викладене вище, можемо сказати, що семантична система міцно пов'язана з системою синтаксичною. Перехід від першої до другої здійснюється через актуалізацію, чи динамізацію, семантем (як одночленів, так і многочленів), шляхом перетворення їх на елементи повідомлення (інформеми) в рамках загальних чи окремих синтаксичних схем, або синтаксем. Відповідно до загального визначення інваріантів інших систем можна визначити синтаксему в такий спосіб: синтаксема – це семантема (одночлен чи многочлен), що виражає мовне (лінгвістичне), не ситуативно зумовлене повідомлення – певну єдність або, навпаки, роз'єднання лінгвістичне відображених квантів дійсності, – виражає через просодію (лише в усній розмові і в такій мові, як наша), конотацію і конструкцію, її найзагальнішими видами є названі вище схеми взаємозв'язку, взаєморозташування, зчленування і розчленування, з яких остання є найважливішою і найрізноманітнішою за своєю можливістю схемою. Перелічені тут схеми можна назвати схемами першого, чи нижчого, ступеня. Схеми другого, чи вищого, ступеня починаються з сполучення двох або кількох диз'юнктивних схем першого ступеня (складносурядні і складнопідрядні речення).

11. Кожний вид синтаксеми як інваріанта синтаксичної системи реалізується, по суті, необмеженим числом варіантів (алосинтакс) у даній натуральній мові. Звичайно, тут ідеться лише про граматично правильні варіанти без огляду на їх логічну правильність.

12. Отже, синтаксеми чотирьох названих тут основних типів визначають в окремих мовах: 1) або граматичну форму семантем, 2) або їх взаєморозташування в тексті (відповідно в мовленні), 3) або водночас і те і друге. В індоєвропейських мовах архаїчного («синтетичного») типу (зокрема і в слов'янських мовах) з їх різноманітністю словоформ (флексем) найхарактернішою є схема, що визначає не взаєморозташування (порядок) семантем, а їх форми. В схемі взаємозв'язку (в конкордемі) семантеми виступають у формах однакової граматичної категорії. Так, наприклад, в українській мові синтаксема зчленування (кон'юнктема), реалізована елементарним двочленом «прикметник + іменник», виявляється вод-

⁶ Див., наприклад: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков (тезисы докладов, 20–23 апреля). – Л., 1971, III. Предикативность. – С. 29–43.

ночас і синтаксемою взаєзв'язку (конкордемою), бо незалежно від фонематичної відмінності флектем за їх допомогою виражаються ті самі граматичні категорії (відмінок, число, рід). Подібно до цього елементарна двочленна синтаксема розчленування (диз'юнктема), реалізована також прикметником та іменником (без дієслова існування), виявляється водночас і синтаксемою взаєморозташування (диспоземою), пор. *високе дерево* (кон'юнктема – конкордема) і *дерево – високе* (диз'юнктема – диспозема). В українській мові елементарна тричленна синтаксема роз'єднання (диз'юнктема – просте речення), хоч, звичайно, й має обов'язкове взаєморозташування (як диспозема) – суб'єкт + предикат + об'єкт, але поряд з цим може мати ще п'ять диспозиційних реалізацій: 1) *студент читає книгу* (нормальна реалізація – прямий порядок), 2) *студент книгу читає* (перша інверсія), 3) *книгу читає студент* (друга інверсія), 4) *читає книгу студент* (третя інверсія), 5) *читає студент книгу* (четверта інверсія), 6) *книгу студент читає* (п'ята інверсія). В такий спосіб лише в нормальній (першій) реалізації ця диз'юнктема виступає в нас як диспозема і конкордема, а наявність інверсій доводить, що найхарактернішим для нашої мови є збіг таких синтаксичних схем, як диз'юнктема і конкордема. Кожна інверсія в українській мові може мати своє як логічне, так і стилістичне значення. Внаслідок комбінації схем (їх збігу, чи накладання) з чотирьох найзагальніших синтаксем виникають (залежно від граматичного типу мов) ще чотири другорядні схеми: (5) диз'юнктема – диспозема, (6) диз'юнктема – конкордема, (7) кон'юнктема – диспозема, (8) кон'юнктема – конкордема (пор. відповідно англ.: *the student is reading a book; the student is reading – the students are reading; an interesting book; укр. цікава книжка*).

13. До цього в нас ішлося про найзагальніші синтаксичні схеми. Серед комбінацій їх лише одна виявляється, по суті справи, неможливою: сполучення в одній схемі кон'юнктеми і диз'юнктеми, якщо ця друга не заключає в собі першої, тобто серед інших схем вони не є рівноправними: між ними є певне ієрархічне розмежування, а тому, хоч неможливою є комбінація *кон'юнктема – диз'юнктема, цілком можливою буває комбінація диз'юнктема – кон'юнктема, наприклад, *студенти вивчають англійську мову за програмованими підручниками*. Отже, схема розчленування, чи роз'єднання, в усіх мовах протистоїть іншим схемам як така, що може охоплювати інші схеми, містити їх у собі. Байдуже, як саме називати цю схему – реченням, чи предикативною схемою, чи диз'юнктемою: синтаксема, в якій здійснюється розчленування, роз'єднання, диз'юнкція семантем, предикація – це універсальна синтаксема, що посідає чільне місце в синтаксичній ієрархії.

14. Коли йдеться про диз'юнкцію, чи предикацію як основну ознаку речення, опоненти цієї тези завжди посилаються на існування одночленних і безособових інформем (актуалізованих семантем) як на аргумент, що має спростувати цю тезу. Мовляв, якщо наявний лише один член, нема власне протиставлення, розчленування, роз'єднання, і в цьому є головна відмінність між логікою і граматиною, оскільки логічне судження має складатися з підмета і присудка, отже, в ньому є диз'юнкція, а речення може складатися з самого присудка: *світає, розвиднюється, тихо, гарно, тепло, літо, раювання* тощо. Безперечно, перед нами тут одночлени, що в мовному спілкуванні виступають як інформеми, але екстра-

ситуативними їх можна назвати лише з певним застереженням. Тут може йтися про відсутність реальної ситуації, але текстуальна ситуація, та ситуація, що створюється власне мовними засобами, при цьому повинна бути наявною. В багатьох мовах ця текстуальна, мовна, чи лінгвістична, ситуація створюється наявністю дієслів буття, існування, перебування. В нашій мові, зокрема в теперішньому часі, старі форми найзагальнішого з цих дієслів зазнали значної редукції і стали факультативними. Якщо мовна ситуація характеризується чи накреслюється семантемою «тепер», то диз'юнкція виступає досить наочно: (*тепер*) *світає*, (*тепер*) *тихо*, (*тепер*) *літо* (пор. *світало*, *було тихо*, *було літо*). Так само наочною вона є в англійському *it is dawning*, що відповідає нашому «світає». В мовній комунікації текстуальна ситуація, звичайно, має більш важливе значення, ніж реальна ситуація, чи обстановка, мовлення. Зважаючи на потреби спілкування, мовні повідомлення можуть згортатися і розгортатися, але текстуальна ситуація завжди буде в них наявна, хоч вона і може залишатися свого роду «нульовою морфемою». Можна сказати, що загальна схема розчленування – диз'юнктема навіть і тоді, коли вона реалізується одночленом чи бездієслівним многочленом, виявляється «двофокусною», хоч її другим фокусом може бути текстуальна, чи лінгвістична, ситуація. Ця загальна схема, як відомо, може виходити за рамки окремої синтаксеми, але при цьому не можна вважати її відсутньою. Отже, для характеристики формально не вираженої диз'юнкції ми уникаємо посилання на «еліпс».

15. Чи можна назвати синтаксему мовним, або лінгвістичним, знаком у такому розумінні, як семантему (відповідно – морфему і лексему)? Без сумніву, між семантемою і синтаксемою існує істотна відмінність. Семантема, чи виступає вона як одночлен, чи як многочлен, має в своїй основі конкретну величину або сполучення конкретних величин. Вона є абстракцією першого ступеня від своїх конкретних реалізацій, чи варіантів. Що ж до синтаксеми, то її слід розглядати вже як абстракцію від семантем, що можуть лежати в її основі, тобто як абстракцію від абстракції – абстракцію другого ступеня. В її основі перебувають не дискретні семантими даної мови, а стосунки різних класів семантем. Ми назвали синтаксеми інваріантами синтаксичної системи і цим підкреслили, що в них є певна форма і певний зміст. Зрозуміло, що зміст їх може визначатися змістом актуалізованих у їх межах семантем, а форма їх, оскільки вона є схемою стосунків семантем різних класів, сама собою має досить абстрактний характер. Якщо взяти до уваги сосюрівське визначення лінгвістичного знака на відміну від знака нелінгвістичного, то в синтаксемі залишається довільність і змінність лінгвістичних знаків, але навряд чи можна обстоювати абсолютну лінійність синтаксем, оскільки одна синтаксема може виступати в складі іншої синтаксеми. Ми вважаємо, що відсутність абсолютної лінійності синтаксем є одним із виявів далеко більшої структурної складності синтаксичної системи порівняно з системою семантичною.

16. Між абстрактними синтаксичними схемами і статичними, тобто ще не перетвореними на інформеми, не актуалізованими семантамами можна розташувати частково актуалізовані схеми, тобто схеми, властиві окремим мовам, схеми з категоріальними і лексичними уточненнями, чи деталізаціями, їх слід поділити

на два субкласи: 1) категоріально актуалізовані і 2) лексично актуалізовані синтаксеми.

Категоріально актуалізованою синтаксемою в українській мові можна вважати, наприклад, двочленну диз'юнктему (підмет + присудок), у якій зумовлено, що підметом є іменник, а присудком – дієслово, або двочленну кон'юнктему, в якій зумовлено, що визначником (атрибутом) є прикметник, а визначуваним – іменник.

Лексично актуалізованими синтаксемами ми називаємо такі, в яких певний член є лексично зумовленим, як, наприклад, в українській мові в складнопідрядних реченнях сполучник *що* або відносний займенник *який*, *-а*, *-е*: [головне речення] + *що* + [підрядне речення], [головне речення] + *-а* [певна форма займенника *який*] + [підрядне речення] тощо.

Накреслення змісту і обсягу поняття синтаксема є, на нашу думку, необхідним узагальненням для опису синтаксичної системи.

Система и несистема в естественном языке¹

Единственным выходом из современного нам терминологического лабиринта оказывается создание на общей лексической основе последовательно деривационной системы предикативно определимых терминов. Разумеется, каждый исследователь имеет право претендовать на создание такой системы, если ему удастся не только в теории, но и на практике отстоять целесообразность разработанного им терминологического аппарата. Этот аппарат может предназначаться для описания дискретного, – следовательно, ограниченного во времени и пространстве, – языка, выделенной на основании генетических или типологических признаков группы языков, и, наконец, может иметь претензии на универсальность при всей ее практической недостижимости.

Как при описании дискретного языка, так и при описании того общего, что лежит в основе всех языков, мы ищем опору в некоторых непредикативно определенных понятиях, обозначаемых терминами *система, структура, целое, множество, порядок, связь, или отношение, величина, или элемент*, и др.².

В своей обзорной статье известный польский языковед Адам Хейнц³, характеризуя различие между современными европейской и американской лингвистическими школами, иллюстрирует его следующими схемами:

---

¹ Уперше опубліковано в: Структурная и математическая лингвистика / Ежегодник по структурной, прикладной и математической лингвистике. – К.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1974. – № 2. – С.20-31.

² Относительно терминов, выделенных курсивом, см. в конце статьи: «Рабочие определения основных терминов системной иерархии в естественных языках», а также таблицы №№ 1-6.

Относительно общей теории систем сошлемся на сборник: «Системные исследования. Ежегодник 1971. Методологические вопросы и формальный аппарат общей теории систем. Теория систем и некоторые проблемы науковедения. История развития системных идей», М.: Наука, 1972.

³ Adam Heinz, Podstawowe założenia językoznawstwa ogólnego. – «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», z. XXVI, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1968, s. 33-66.

Европейская школа:

1. язык (langue) = система = продукт,
2. речь (parole) = текст = продукт.

Американская школа:

- I. система (code) = продукт.
- II. текст (message) = процесс.

Автор, на наш взгляд, вполне обоснованно замечает, что текст, (parole, message) можно трактовать в двух аспектах: и как процесс, и как продукт (результат процесса). Однако у него нет намека на то, что систему (langue, code) при фактическом отсутствии строгой границы между синхронией и диахронией можно было бы рассматривать не только как продукт (статiku), но и как процесс (динамику). Признавая вполне обоснованным противопоставление *язык – речь = система – текст = код – сообщение*, надо считать равно желательным существование термина, обозначающего данное явление в целом, а не только его важнейшие компоненты. Именно поэтому мы считаем удобным пользоваться названными терминами *система* и *текст*, обозначая явление в целом превращенным в термин словом *язык*. В этом смысле *язык* оказывается и *системой* и *несистемой*, т. е. абстрактной возможностью и частичным конкретным осуществлением этой возможности.

Уже автор математической теории множеств называл соответственным термином (Menge) именно то, что следовало бы называть упорядоченным и однородным множеством на основе его определения: «Объединение определенных, хорошо различимых чувственно или мысленно воспринимаемых нами предметов, называемых элементами множества, в одно целое»⁴.

Собственно Mengenlehre могло быть переведено на русский язык и как «теория рядов» (ср. англ. Set theory) или «теория совокупностей» (ср. фр. Théorie des ensembles). Если согласиться с этой оговоркой, то можно будет признать обоснованным противопоставление беспорядочных множеств упорядоченным множествам. Позволим себе воспользоваться таким сравнением: коробки спичек и букв нашей азбуки. Спички в коробке можно рассматривать как совокупность однородных (=комматериальных) и конфункциональных (т. е. с одним и тем же назначением) элементов. Эти свойства (комматериальность и конфункциональность) объединяют спички не только в данной коробке, но и вообще все спички. Нахождение их в данном числе и в данном вместилище не обусловлено каким-либо их свойством. Другое дело – знаки алфавита. Кроме того, что они комматериальны (графические знаки) и конфункциональны (их функция – быть диакритическими знаками), они еще и структуральны, т. е. они связаны между собой и совокупность их связей (взаимосвязей, отношений, взаимоотношений) образует структуру алфавита. Сейчас оставляем в стороне то, что функции спичек и знаков

---

⁴ «Zusammenfassung von bestimmten, wohlunterschiedenen Objekten unserer Anschauung oder unseres Denkens – welche die Elemente der Menge genannt werden – zu einem Ganzen», (Georg Cantor, Beiträge zur Begründung der transfiniten Mengenlehre, Halle, 1895-1897).

письма совершенно различны. Учитывая особенности в нашем примере знаков письма – их комматериальность, конфункциональность и конструктуральность, – мы говорим, что они являются *системой*. Так как в дальнейшем речь будет идти именно о таких множествах с признаком (атрибутом) *конструктуральности*, то мы можем вместо описательных выражений вроде *упорядоченное множество*, или *структурное множество* использовать определяемый этими выражениями термин *система*.

О какой бы системе мы не говорили, ее можно рассматривать как результат, или продукт, того или другого процесса. Изолировав данный момент процесса, мы можем изучать его как продукт, как равновесие, как статику. В этом смысле можно говорить о статике систем и о динамике процессов. Процессы, разумеется, имеют разную направленность, например, положительную – от беспорядка к порядку – и отрицательную – от порядка к беспорядку. У нас нет намерения касаться общей теории систем и их классификации, но мы хотим ограничиться проблемой «системы» в естественных языках, учитывая такие противопоставления, как *язык – речь*, *статика – динамика*, *синхрония – диахрония*, *продукт – процесс*, *возможность (потенция) – реализация*.

Очевидно, в области человеческого языка *систему* последовательно было бы приравнять к *статике*, *синхронии*, *продукту*, *потенции* и рассматривать как абстрактную схему, извлеченную из конкретного сообщения. Однако между полярными членами названных противопоставлений, очевидно, могут существовать некоторые переходы, или промежуточные члены, обозначаемые соответственными эпитетами. Так, например, между *порядком* и *беспорядком* можно поместить *относительный порядок* (если он ближе к *порядку*) и, с другой стороны, *относительный беспорядок*, если он ближе к *беспорядку*). Между *закрытой системой* (ср. *конечное множество*) и отсутствием системы можно поместить *открытую систему* (ср. *бесконечное множество*). Также между *потенцией* и *реализацией*, если и ту и другую считать полными, можно поставить *частичную реализацию*, а *процесс* и *продукт* рассматривать как совместимые *εργον* и *ενεργεια*. Таким образом мы приходим к возможности существования наряду с теоретически допустимой *статической системой* еще и *динамической системы*, которую можно назвать также *тенденцией к систематизации*, или *положительным процессом*.

В каждой фазе своего существования естественный язык является некоторым множеством относительно статических и относительно динамических систем, так или иначе связанных не только внутри себя, но и между собой. Надо признать, что уже во времена спора об аналогии и аномалии наметились две противоположные точки зрения на язык как средство общения: со стороны текста и со стороны системы, т. е. от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Можно сказать, что аналогисты стояли на точке зрения системы, а их оппоненты – аномалисты – на точке зрения текста. Возьмем для примера парадигму склонения двух существительных мужского рода в единственном и множественном числах:

И. слон	И. судья
Р. слона	Р. судьи
Д. слону	Д. судье
В. слона	В. судью
Т. слоном	Т. судьей
П. (на) слоне	П. (о) судье

И. слоны	И. судьи
Р. слонов	Р. судей
Д. слонам	Д. судьям
В. слонов	В. судей
Т. слонами	Т. судьями
П. (на) слонах	П. (о) судьях

В этих реализациях грамматически одной и той же парадигмы, если взять за образец первый столбец (*слон*), то второй, в ряде форм отклоняющийся от первого, окажется необразцовым, неправильным. Если абстрагироваться от дискретных аллолекс и ограничиться только схемой парадигмы (ЕЧ: И, Р, Д, В, Т, П ~ МЧ: И, Р, Д, В, Т, П), то мы будем наблюдать идеальный порядок. Следует заметить, что при переходе из текста в систему, т. е. при абстракции, языковые элементы из векторных величин становятся скалярными, так как утрачивают линейную ориентацию во времени и пространстве. Так, например, *катафона* является векторной величиной, но фонема оказывается скалярной, но только в случае трактовки ее как суммы дифференциалов, или существенных различительных признаков. Переход от конкретного текста к абстрактным системам может осуществляться с различными степенями абстракции. Если за нулевую степень абстракции мы примем данный конкретный текст, например, *я предупреждаю вас об этом*, то в таком языке, как русский (*развернутая автосистема*), мы можем наметить следующие степени абстракции, или реализации, текста:

1 А. **Частичная лексическая** (или словарная), например, *я + предупреждать, предупредить + вы + о, об + этот, эта, это*.

1 Б. **Частичная морфологическая**, например, личное местоимение первого лица в именительном падеже единственного числа + глагол в первом лице единственного числа настоящего времени в изъявительном наклонении несовершенного вида действительного залога + личное местоимение второго лица множественного числа в винительном падеже + предлог, требующий предложного падежа + указательное местоимение ближайшего объекта в предложном падеже единственного числа среднего рода.

2 А. **Лексико-синтаксическая** – подлежащее *я* + сказуемое *предупреждать, предупредить* + прямое дополнение *вы* + двучленное косвенное дополнение *о, об + этот, эта, это*.

2 Б. **Морфолого-синтаксическая** – подлежащее = личное местоимение первого лица в именительном падеже единственного числа + сказуемое = глагол в первом лице единственного числа настоящего времени в изъявительном наклонении несовершенного вида действительного залога + прямое дополнение = личное местоимение второго лица множественного числа в винительном падеже + двучленное косвенное дополнение = предлог, требующий предложного падежа + указательное местоимение ближайшего объекта в предложном падеже единственного числа среднего рода.

3 А. **Текстуально-синтаксическая** – подлежащее + сказуемое = согласование – сказуемое + прямое дополнение = первое контактное управление – двучленное косвенное дополнение = дистанционное управление (конструктивный элемент + ориентативный элемент = второе контактное управление).

3 Б. **Системно-синтаксическая** – подлежащее + сказуемое + прямое дополнение + косвенное дополнение.

Само собой разумеется, что в таком языке, как русский, эти реализации осложняются (варьируются) еще возможностью различного размещения (дистрибуции) элементов. В отличие от ныне распространенного дихотомического противопоставления *инвариант* – *варианты* мы признаем для языковых элементов *трихотомическое противопоставление*: 1) текстуальное множество (неограниченная совокупность вариантов) = нулевая степень абстракции; 2) типичные («образцовые») варианты = низшая степень абстракции; 3) инвариант, умственная, мысленная или психическая схема (модель) класса типичных вариантов – высшая степень абстракции. Нулевую степень мы обозначаем названием элемента (или интеграла) с префиксом **ката-**, например, *катафона*, *катаморфа*, *каталекса*. Первую степень абстракции мы обозначаем тем же названием с префиксом **ана-**, например, *анафона*, *анаморфа*, *аналекса*. Наконец, вторую степень абстракции мы обозначаем названием с суффиксом **-ема-**, например, *фонема*, *морфема*, *лексема*. В качестве общего названия для элементов всех *катасистем* мы предлагаем термин *монема* (соответственно: 0. *катамона*, 1. *анамона*). Для языков с раз-вернутой схемой характерно наличие промежуточных систем, или *диасистем*, как, например, в русском языке присутствие морфонологической системы (морфоносистемы), являющейся связующим звеном *просистемы* и *апосистемы*, ср. *хожу* ~ *ходил*, *бегу* ~ *бежал*, *кручу* ~ *крутил*, *рою* ~ *рыл*, *пью* ~ *пил* и т. п. с их морфонемами [ж/д, г/ж, ч/т, о (j) ы, j/и]. Для всех естественных языков со звуковой формой общения характерно также сосуществование с их катасистемами некоторых *антисистем*, которые либо используются наряду с катасистемами (соответственно: сопровождают их), либо заменяют их. Очевидно, наиболее важные из антисистем – это *кинетосистема* и *графосистема*, т. е. в какой-то мере упорядоченное множество ситуационно обусловленных указательных телодвижений (жестов) и экстраситуационных условных телодвижений, а также строго нормированная графическая система в диапазоне от идео- до фонографии. Между *апосистемой* с семантической функцией элементов и *метасистемами* с синтаксической функцией элементов во всех естественных языках существует система многочленов, связывающая лексическую *парасистему* (систему семан-

тических одночленов) с первой метасистемой, состоящей из простых синтаксических схем, или *гипосинтаксем*. Ее можно называть также полиномической системой, или фразеологической. Первой, или самой нижней, ступенью иерархической лестницы (шкалы) языковых систем можно считать *парадигму*, но при этом надо отказаться от традиционного понимания парадигмы как ряда форм (соответственно: аллолекс) склонения (именной флексии) или спряжения (глагольной флексии), например, индоевропейских языков. Термин «парадигма» следует присвоить самой простой по количеству элементов и по их связям (= отношениям) системе. С этой точки зрения парадигмой оказывается, например, привативная оппозиция переднеязычных смычных фонем русского языка [т] ~ [д], ср. *там* ~ *дам*. Кроме флективных парадигм в «языках с деривацией», существуют, конечно, деривационные (= словообразовательные и основообразовательные) парадигмы, например, *форма* > *форменный*, *формальный*, *формальность*, *формализация*, *формалист*, *формализм*, *формалистический* и т. п.

При переходе от одноклассных к многоклассным системам вместо парадигм начинают выступать схемы (гипосинтаксем, синтаксем, гиперсинтаксем), отличающиеся от парадигм теоретически бесконечным числом текстуальных реализаций.

Совокупность однородных (соответственно: одномерных, или соизмеримых) парадигм составляет следующую иерархическую ступень системной лестницы – *парасистему*. Так, например, совокупность фонем данного языка со всеми их оппозициями образует *фонопарасистему* (фонологическую парасистему вместе с силлабо- и тонопарасистемой, составляющую *просистему*). Парасистему можно понимать также как одну из сосуществующих с другими в пределах системы более высокой относительно нее иерархической ступени. Эту более высокую ступень лестницы систем мы называем *катасистемой*, совмещающей несколько параллельных парасистем. Так, например, в русском языке элементы (одночлены) с семантической функцией распределяются по двум парасистемам – морфологической и лексической. Высшую по отношению к ним или содержащую их в себе катасистему можно назвать *апосистемой*. Это одна из нескольких катасистем. Следующая по высоте на той же лестнице система объединяет в себе ряд катасистем и поэтому ее уместно назвать *анасистемой*, т. е. высшей относительно катасистем. Своими размерами и соответственно своей сложностью она совпадает с каким-либо дискретным языком. Если мы сопоставляем данную *анасистему* с другими аналогичными системами или противопоставляем ее другим системам, мы обозначаем ее термином *автосистема*, т. е. самостоятельная система. Автосистема по степени абстракции может занимать первое место снизу в иерархии *глоттосистем*. Ниже ее может находиться *гипосистема*, заключающая в себе временные (темпоральные) или пространственные (спациальные) разновидности, социальные или индивидуальные разновидности данной автосистемы, иными словами – диалекты и идиолекты данного языка. Более высокую степень абстракции глоттосистем представляет *эписистема*, то есть группа генетически или типологически связанных между собой языков. Когда речь идет о такой группе в целом, мы, конечно, оперируем еще более абстрактными величинами, чем

когда говорим об одном языке, об одной автосистеме. Самой высокой степени абстракции в пределах глоттосистем мы достигаем тогда, когда речь заходит обо всех обозримых или нам известных глоттосистемах, то есть по возможности обо всех существовавших, существующих и даже могущих существовать человеческих языках. Еще более высокой степени абстракции можно достичь в разговоре обо всех знаковых системах, при сопоставлении или противопоставлении *гиперсистемы*, или языковых универсалий, и *семиосистем*, т. е. всевозможных знаковых систем. В лингвистическом плане гиперсистема является крайним верхним и потому практически недостижимым пределом. В границах автосистемы отношения (соответственно: взаимоотношения, связи, или взаимосвязи) элементов определяются названиями системных уровней: *анасистемные* – принадлежность к одной и той же *анасистеме*, например, [д] = фонема русского языка, [до] = морфема русского языка, [дом] = лексема русского языка, [дом 'отдыха] – фраза (полином) или атрибутивная гипосинтаксема русского языка и т. п.; *катасистемные* – принадлежность к одной и той же *катасистеме*, например, [п, т, к] – фонемы русского языка, [па-], [та-], [ка-] – слогабемы русского языка (монемы просистемы) и т. п.; *парасистемные* – принадлежность к одной и той же *парасистеме*, например, *дом, том, сом* – лексемы русского языка (монемы лексической парасистемы); *парадигматические* – принадлежность к одной и той же *парадигме*, например, [п, т, к] – смычные глухие русского языка; *домик, домишко, домище, домашний, домовый* – дериваты лексемы *дом*; *дом, дома, дому, домом, (в) доме* – аллолексы лексемы *дом* и т. п.

Что касается несущей семантическую функцию апосистемы, то ее монемы могут иметь: а) формальные отношения, если они связаны друг с другом формой (например, омофоны: *спор* – им. п. ед. ч. м. р. и *спор* – род. п. мн. ч. ж. р.); б) идеальные отношения, если они связаны между собой по своему содержанию, смыслу (например, синонимы: *рот ~ уста*); в) интегральные отношения, если они связаны и формой и содержанием (например, деривация: *карандаш > карандашный*).

Относительно текстуальных связей, очевидно, можно ограничиться констатацией общеизвестных явлений: управление (детерминация), например, *писать письмо*, согласование (интердепенденция), например, *короткий рассказ*, примыкание (констелляция), например, *поезд номер один*, и, наконец, тяготение (термин Л. А. Булаховского), или гравитация, типа *он вернулся из путешествия довольный и полный замыслов*. Когда речь идет о последовательно синхронической, статической и «внутренней» системе Фердинанда де Соссюра, то ее можно представлять себе лишь как лингвистическую модель какой-то действующей системы, а действующая система не может не быть динамической. Следовательно, фактически мы имеем не противопоставление синхронии (в смысле синхронической системы) и диахронии (в смысле отрицания синхронической системы), а противопоставление абстрактной схемы и ее конкретной реализации. Для более точного моделирования естественного языка надо было бы учесть его динамику даже в пределах дискретной фазы его существования. Теоретически конструируемая статическая система тем самым – всегда абстрактна. Фактически можно

привести примеры релятивно статической системы, которая в то же время оказывается и релятивно динамической. Так, например, финитная, конечная, замкнутая в данном языке на данной ступени его развития система фоном становится частично трансфинитной, бесконечной, открытой в некоторых индивидуальных (дискретных) ее осуществлениях. В еще большей мере это наблюдается в релятивно трансфинитной, открытой и тем самым динамической системе лексем, или лексической парасистеме.

Отвечая на вопрос, является ли естественный язык системой или не является, до сих пор приходится сначала объяснять, что подразумевается под терминами, долженствующими определять слово *система* тоже как лингвистический термин.

По нашему мнению, определяющими для лингвистического понятия *система* должны быть термины *элемент* и *структура*. Следует заметить, что понятие *структура* оказывается более абстрактным, чем понятие *система*, потому что под *структурой* понимается совокупность связей (отношений) элементов данного целого (множества) без учета качества этих элементов, а в *системе* их качество в известной мере учитывается. Так как системой обычно называется упорядоченное (организованное), а, следовательно, структурное множество, то понятие *структура* оказывается включенным как подмножество в понятие *система*.

Системой в естественном языке можно назвать структурное множество языковых элементов. Говоря об элементах (имея в виду интегральные, или молекулярные элементы), мы приписываем им следующие атрибуты: 1) комматериальность; 2) конфункциональность; 3) конструктуральность.

Элементы языковых систем – комматериальны, если имеют «общее основание», если они однородны, соизмеримы, «сокачественны». Они конфункциональны, если имеют общую функцию, предназначаются в целом для одной и той же цели. Наконец, – и это основное, – они конструктуральны, если связаны между собой структурой, находятся в определенных отношениях друг с другом. Таким образом, *анасистему* можно рассматривать как в высшей степени сложное одновременно в своих подмножествах финитное и трансфинитное множество. *Катасистемы* с их *парасистемами* являются его перекрещивающимися (декуссативными) подмножествами. Их перекрещивание подчеркивается также наличием *диасистем*, из которых полиномическая (или фразеологическая) диасистема оказывается универсальной в естественных языках.

Таблица 1

Развернутая схема (*figura evoluta*) автосистемы

Степени абстракции	Название порядковой величины	Пример
0	Текст	...
1	Парадигма	Склонение слова <i>стол</i>
2	Парасистема = система парадигм	Склонение существительных русского языка

3	Катасистема = система парасистем	Словоизменение русского языка
4	Анасистема = система катасистем	Грамматика русского языка
5	Автосистема	Русский язык (фонология, морфология, синтаксис, лексика, фразеология)

Таблица 2

Катасистемы дискретной анасистемы (развернутая схема)

1. Просистема:	3. Метасистемы:
А. Фоно-парасистема Б. Силлабо-парасистема В. Тono-парасистема 1-2. Морфоно-диасистема (Ф*)	Е. Гипометасистема (парасистема гипосинтаксем: конструктивная схема, дистрибутивная схема, атрибутивная схема) Ж. Месометасистема (парасистема синтаксем, или предикативных схем) З. Гиперметасистема (парасистема гиперсинтаксем)
2. Апосистема: (мономо-апосистема)	4. Антисистемы:
Г. Морфо-парасистема (Ф) Д. Лекси-парасистема 2-3. Полиномо-диасистема	И. Кинето-антисистема К. Графо-антисистема (Ф)

*Примечание. Буква **Ф** в скобках обозначает факультативный характер системы, или возможное отсутствие ее в свернутой схеме; морфоно-диасистема присутствует только в языках с альтернативой, морфо-парасистема отделяется от лекси-парасистемы только в языках с деривацией, или морфологическим словообразованием, графо-антисистема существует только в языках с письменностью, или лингвистической графикой.

Таблица 3

Степени, или уровни абстракции глоттосистем и их элементов

Глоттосистемы	Элементы
0. Гипосистема (диалект, идиолект)	0. Гипомонема (например, лексема диалекта, идиолекта)
1. Автосистема (дискретный язык)	1. Автомонема (например, лексема русского языка)
2. Эписистема (группа соизмеримых языков)	2. Эпимонема (например, лексема группы соизмеримых языков)

3. Гиперсистема (все известные языки)	3. Гипермонема (например, лексема с таким-то смысловым значением во всех известных языках)
---------------------------------------	--

Таблица 4

Уровни абстракции дискретного элемента в пределах автосистемы

ТЕКСТ	ПРИМЕРЫ
Катамоны – рядовые варианты	Катафоны – звуки данной речи
Анамона – представительный вариант	Анафона – представительница данной фонемы
Монема – инвариант	Фонема – класс катафон, представленный данной анафоной
СИСТЕМА	

Таблица 5

Функции монем, или элементов просистемы и апосистемы

I. Полярные функции:

1. Реверсия – характерна для монем просистемы
2. Аверсия – характерна для монем прочих катасистем
3. Индивидуализация – функция собственных имен и названий (эйдонимов) как одночленных, так и многочленных
4. Классификация – функция всех прочих семантем (генонимов) как одночленов, так и многочленов

II. Параллельные функции:

5. Идентификация
6. Ориентация
7. Нумерация
8. Конструкция
9. Имитация
10. Интеръекция

Таблица 6

Отношение языковых элементов (монем)

I. В системах:

1. Анасистемные
2. Катасистемные
3. Парасистемные
4. Парадигматические

II. В апосистеме:

5. Формальные
6. Идеальные
7. Интегральные

III. В тексте:

8. Управление (детерминация)
9. Согласование (интердепенденция)
10. Примыкание (констелляция)
11. Тяготение (гравитация)

Рабочие определения основных терминов системной иерархии в естественных языках

Автомонема – элемент автосистемы.

Автосистема – анасистема, являющаяся первой степенью абстракции глоттосистем.

Анамона – избранный (образцовый) элемент – представитель класса элементов; первая степень абстракции элементов.

Анасистема – совокупность катасистем.

Антисистема – система, заменяющая или сопровождающая другую систему; система не комматериальная другой системе; важнейшие антисистемы: кинетосистема и графосистема.

Апосистема – катасистема с семантической функцией элементов,

Гипермонема – элемент гиперсистемы.

Гиперсистема – система универсалий глоттосистем; третья степень абстракции глоттосистем.

Гипомонема – элемент гипосистемы.

Гипосистема – нулевая степень абстракции глоттосистем, например, идиомлект.

Глоттосистема – абстрактная система языка или языков в отличие от конкретных текстов.

Диасистема – пересечение двух катасистем (переходная система).

Катамона – языковой элемент в тексте; нулевая степень абстракции элементов.

Катасистема – совокупность парасистем; универсальными катасистемами являются: просистема, апосистема и метасистема.

Комматериальность – однородность элементов системы.

Конструктуральность – общая совокупность взаимосвязей (структура) элементов системы.

Конфункциональность – общее назначение (функция) элементов системы.

Метасистема – катасистема с синтаксической функцией схем (сочетаний элементов); первая метасистема – система непредикативных схем (гипосинтаксем), вторая метасистема – система предикативных схем (синтаксем) и третья метасистема – система сочетаний синтаксем.

Монема – класс элементов; вторая степень абстракции элементов.

Парадигма – минимальный ряд комматериальных, конфункциональных и конструктуральных элементов.

Парасистема – совокупность парадигм.

Просистема – катасистема с диакритической функцией элементов.

Система – структурно организованное множество; в языке ср. *la langue* в отличие от *la parole*, *the code* в отличие от *the message*.

Структура – совокупность взаимосвязей (взаимоотношений) элементов какой-либо системы.

Текст – всякое конкретное проявление абстрактной системы; ср. *речь* (*la parole*), *сообщение* (*the message*).

Этимонема – элемент эписистемы.

Эписистема – группа типологически или генетически сопоставимых глоттосистем; вторая степень абстракции глоттосистем.

Слова східного походження у західних мовах¹

Якщо смислове значення знака взагалі й зокрема лексичного окреслюється шляхом конотації в тексті, то в інвентарній частині мовної системи знак (як екземпляр і як структура)² виявляється «більш значущим», ніж його текстові значення. Варіюючи і модифікуючи свій зміст, знаки-форми переходять з однієї мови (однієї автосистеми) в іншу, причому перипетії їх переходів байдужі для інтерпретаторів, єдиною метою яких є мовна комунікація, але, зрозуміло, вони становлять інтерес для мовознавців (переважно теоретиків), філологів, істориків, етнографів, психологів та інших, хто має справу з мовою і мовами. Для всіх цих людей – не вузьких практицистів, існують мандрівні мовні знаки, що називаються в побуті запозиченнями, запозиченими елементами, варваризмами і т. ін., а серед них той клас, який еліптично був названий інтернаціоналізмами (< інтернаціональні слова) і який, мабуть, правильніше було б назвати інтерлінгвізмами, або діаглотизмами. Очевидно, що в розмові про ці мандрівні знаки, коли йдеться про присутність їх у даній мові (в дискретній автосистемі), потрібно розрізнявати їх первісні (етимологічні) та вторинні (історичні) джерела. Наприклад, етимологічним джерелом назви *натрії* (*natrium*, *Na*) і пов'язаних з нею слів, наскільки це можна прослідкувати, є давньоєгипетське [ntrj].³ Так давні єгиптяни називали соду і поташ, що добувалися ними з содових озер і попелу галофільних рослин (пор. $\text{Na}_2\text{CO}_3 \cdot 10\text{H}_2\text{O}$ і K_2CO_3). Ці хімічні сполуки використовувалися ними при бальзамуванні трупів та виготовленні мумій, а також у технічному процесі вироблення скла. Єгипетську назву констатовано ще в давнині на Близькому Сході, в Палестині [nether], а згодом у грекомовних країнах: *νίτρον*, звідки в *Historia naturalis* Г. Плінія Секунда Старшого – *nitrium* (*νίτριον). Уже в середньовічній алхімії *sal nitrii* стало синонімом *sal petrae*, пор. фр. *salpêtre*, нім. *Salpeter*, але ісп.

¹ Уперше опубліковано в: ж. Мовознавство. – 1981. – № 5. – С. 47-51.

² Див.: Klaus G. Semiotik und Erkenntnistheorie. Berlin, 1973, Bd.3, S.60.

³ Wörterbuch der ägyptischen Sprache / Hrsg. von A.Erman und H.Grapow, Berlin, 1955, Bd.2, S.366.

та порт. *salitre*, іт. *nitro* та *salnitro*, англ. *nitre* і *salpetre*. Грецьке *νίτρον* проникло в арабомовні країни у формі [(an)natrûn] при іспанському посередництві, що дало привід для творення книжного лат. *natrium*. До 1750 р. в Європі не розрізнялися *natrium* і *kalium*, для яких існувала лише одна назва *nitrium*. У 1807 р. Г. Дейві запровадив назву *sodium* < *Soda* і *potassium* < *Pottasche*. Ці назви збереглися і досі в Англії та в англomовних країнах, а також у Франції. В сучасній арабській літературній мові натрій називається [Sûdîyûm] < *Sodium*, калій [bûtâsîyûm, або rûtâsîyûm], а селітра – [nitr], або [nâtra – bûtâsîyûm] = (калієва селітра). У 1811 р. в Німеччині Й.Й.фон Берцеліус увів латинізовану назву *natrium* замість *sodium* і *kalium* замість *potassium*, які стали поширеними в сучасній хімічній номенклатурі: натрій (Na) і калій (K). Назва *kalium* була утворена на основі арабізму *âlcali* «луг», що перейшов у європейські мови з іспанської, пор. фр. *alcali*, англ. *alkali*, нім. *Alkali* (пор. *Lauge, Base*).

Сучасне ар. [qîlw, qily, qîlan] означає «луг» («potassium vegetabile»). Саме слово *soda*, ісп. *soda*, іт. *soda*, фр. *soude*, англ. *soda*, нім. *Soda* (пор. двовуглекислий натрій, фр. *bicarbonate de sodium*, іт. *bicarbonato di sodio*) прийшло в європейські мови з іспанської (історичне джерело), але етимологічним джерелом його було арабське слово, що означало головний біль [sûdâc]. Річ у тім, що соду, яку добували з галофітів (напр., *Salsola soda*), вважали засобом від головного болю. Отже, арабське слово (ексформа) дало привід для ісп. *soda*, що перейшло в наукові латинські тексти (пор. *sodium*), а потім уже з цих текстів у нові європейські мови. Не знаючи історії, передбачити змістовий (інформальний) перехід від «головного болю» до «вуглекислого натрію» (Na₂CO₃ 10H₂O) навряд чи можливо. І водночас не можна заперечувати формальний (ексформальний) зв'язок арабського [sûdâc] та нашого *soda*.

Хоч етимологічне джерело сучасних *хімія*, п. *chemia*, ч. *chémie*, срб. *хемија*, фр. *chimie*, нім. *Chemie*, англ. *chemistry*, іт. *chimica*, ісп. *química*, нгр. *χημεία* (< *χημεία* < *χημός* «сік, рослинний сік») може вважатися остаточно не встановленим, цілком очевидно, що слово *алхімія* (дфр. *alkémie, alquimie*, фр. *alchimie*, нім. *Alchimie*, англ. *alchimie*) прийшло в середньовічну Європу з арабських країн. Коли вважати встановленим, що ар. [kîmijâ'] було запозиченням з грецької *χημεία* через сирійську або споріднені з нею близькосхідні мови, то етимологічним джерелом нашого слова *хімія* і відповідних слів західноєвропейських мов повинна бути якраз грецька, в якій це слово має широкі генетичні зв'язки, починаючи від кореня, представленого в дієслові *χέω*, аор. *ἔχευσα*, перф. *κέχυκα* – «ллю, лив» і т.д. У алхімічних творах III-IV ст. н. е. назва *χημεία, χημεία, χεμεία* означала власне алхімію як мистецтво виготовлення металічних сплавів⁴, *χύμευσις* – «сплав» (*Μέγα ἐτυμολογικόν*, 630, 52 та ін.), *χημειτικός* – «стос. до алхімії, пов'язаний з алхімією», напр.: *ἡ χημειτική βίβλος* – «книжка про алхімію». Не відзначене у текстах дієслово **χημείω* «займаюсь виготовленням металічних сплавів», але всі названі вище деривати його основи повинні вказувати на можливість існування

⁴ A Greek-English Lexicon / Comp. by H.Liddell and R. Scott. Oxford, 1948, vol.2, p.2013.

такого слова. Наскільки можна простежити, *хімія* у всіх згаданих орфографічних варіантах зустрічається вперше в творах Зосима Алхіміка (III-IV ст. н. е.)⁵, Олімпіодора Алхіміка (IV ст. н. е.)⁶ та в анонімному трактаті *Περὶ ἀπίστων* «Про неймовірні речі та справи»⁷.

За традицією давніх авторів для алхімії був встановлений епонім *Χημης*, *Χείμης*. Інша етимологічна легенда (ми не знаємо, коли саме вона виникла) пов'язувала ці *χημεία*, *χημεία*, *χειμεία* назвою країни *Χημία*, копт. *KNME*, *XHMI* < дг. [km-t] «Єгипет» (Чорна Земля). Ця легенда, ймовірно, заснована на співзвучності *χημεία* – *Χημία*. Не виключено при цьому і те, що батьківщиною алхімії вважався, і не без підстав, Єгипет. Слово *χημεία* правильніше вважати безпосереднім дериватом не *χημός* (пор. *χυλός*), а *χύμα*, що означало «лиття, сплав» як наслідок процесу. Якщо [kîmijâ'] відповідає нашому *хімія*, то на відміну від нього *алхімія* в сучасній арабській літературній мові передається через [sîmijâ'] чи ['alhîmijâ'], які зберігають сліди запозичення з європейських мов.

Інше грецьке слово, що спершу означало сплав металів (крім заліза) зі ртуттю та ін., а також природну сполуку срібла із ртуттю, а згодом взагалі суміш – *μάλαγμα* (< *μαλάττω*, *μαλάσσω* «розм'якшую», *μαλακός* «м'який»), прийшло в європейські мови не з грецького, а з арабського джерела – *amalgama* (в середньовічних латинських текстах, ісп. *amalgama*, фр. *amalgame* і т. ін., ар. ['almalgam] «амальгама». У грецькій із *μάλαγμα* у такому значенні утворилося з часом *τό μάλαγμα* «золото».

У ряді слів з арабським означенням артиклем ['al-] у російській мові переважають форми з початковим *ал-*, а не *аль-*. Виняток тут становлять слова *альбатрос*, *альков*, *альманах*. Перше з них дуже мало чого зберегло від свого арабського оригіналу, пройшовши через португальську, а згодом іспанську в інші європейські мови. Шлях його, мабуть, був таким: ханаан. або діал. сем. [kad] «гличик» було елінізоване у формі *κάδος* (пор. *кадка*, *кадушка*). Останнє було запозичене на Близькому Сході у формі ар. ['al-qâdûs]. Арабське ['al-qâdûs] на португальському ґрунті дало три нових варіанти *alcatruz* «баддя, ківш, черпак», *alcatraz* «пелікан» (ківш-птиця) і метонімічне «альбатрос», нарешті, *albatroz* у значенні «альбатрос» (*Diomedea*), при можливій контамінації з основою прикметника лат. *albus*, порт. *alvo* (=branco), ісп. *albo* (=blanco). Зараз *альбатрос* у всіх його формальних варіантах став європейським інтернаціоналізмом.

Слово *альков* у всіх його варіантах у європейських мовах стало архаїзмом. Його оригінал, або прототип, ар. [qabw] «склепіння, склепінчаста покрівля, погріб», [qubba'] «склепіння», [qabâ] «гнути, згинати». У північній Африці це «могила святого». З ісп. *alcoba* і порт. *alcova* перейшло в мови: фр. *alcôve*, англ. *alcove*, нім. *Alkoven* «невелика кімната, опочивальня».

Своєрідна історія слова *альманах*, яке зберегло сліди свого східного походження: від ар. [munâh, manâh], що означає «клімат», пор. запозичене ['iqîlîm]. Його основа представлена в дієслові [naḥḥa] «нахилятися, ставати на коліна» (про

⁵ Див.: Berthelot M. Collection des anciens alchimistes grecs. Paris, 1888, p.107.

⁶ Див.: там же, с. 75.

⁷ Див.: Anonymi de Incredibilibus / Ed. N. Festa, Leipzig, 1902, p. 88.

верблюдів) і «ставити на коліна» (верблюда). Цей самий корінь в івр. [nuḥ] «спокій, відпочинок», [noḥ] «легкий, зручний», [m(e)nuḥah] «відпочинок», [niḥah] «т. с.», араб. [niḥuthah] «т. с.». Арабське [manāḥ], вірогідно, було семантичною калькою гр. τὸ κλίμα «клімат» (букв. «нахил»). Через іспанську та португальську (*almanaque*) можливе [ʾal-manāḥ] перейшло в інші європейські мови (фр. *almanaque*, іт. *almanacco*, англ. *almanac*, нім. *Almanach*) у значенні «щорічник, календар». Слово *альманах* має своїм історичним джерелом, мабуть, нім. *Almanach*. Проте залишається неясним відношення згаданих у Євсевія τὰ ἀλμενιχιακά (ἄπταξ) «египетські календарі» до названого арабського прототипу⁸. Очевидно, на користь арабського джерела більше процентів вірогідності.

Етимологічно арабськими в європейських мовах є префіговані артиклем слова *алгебра*, *алгоритм*, *алкоголь*.

Історія слова *алгебра* не залишає неясності. Саме слово виникло як еліпс виразу (многочлена) [ʾal-jabr-w-al-muqābalah] «редукція і порівняння (за допомогою рівнянь)». Спершу [ʾal-jabr] «поєднання окремих частин в одне ціле» мало ще значення «зʼєднування кісток для гоєння», пор. дієслово [jabara] «звʼязувати разом, сполучати». Від нього утворилося ісп. *álgebra* «алгебра», а також тепер уже застаріле значення «мистецтво вправляти вивихи, уміння костоправа». З іспанської – інші варіанти: фр. *algèbre*, англ. *algebra*, нім. *Algebra* та ін.

Складніша історія слова *алгоритм*, або *алгори́фм*⁹, тому що в його основі лежить «антропонімічне» імʼя *ʿАбу Джаʿфар Мухаммад ʿібн Муса ʿаль Хувāрізмій* (IX ст. н. е.). Його етнікон був використаний як назва твору і зʼявився у формі *Algorismus* у латинських текстах. У європейських мовах ця назва перетворилася в термін і варіювалася в широкому діапазоні. В португальській *algarismo* збереглося в значенні «арабська цифра». В англійській існує два варіанти *algorisme* і *algorithm* з іноді диференційованими значеннями. В середньовічних англійських та французьких текстах були ще форми *augrim* і *augorisme*. Ці форми вказують на можливі варіанти середньовічного лат. *algorismus* (назва підручників арифметики). Наші *алгоритм* і *алгори́фм*, очевидно, зобовʼязані нім. *Algorithmus* та фр. *algorithme*.

Ще складніша історія назви *алкоголь* на ґрунті європейських мов. Вона перехрещується з історією слова *сурма*, чи *антимоній* (Sb). Арабське [kuḥl] означає як сурму (з тур. *sürme*), так і фарбу для повік, що виготовлялася на її основі і використовувалася ще в давньому Єгипті і, ймовірно, в Месопотамії. Звідси дієслово [kaḥala] «мазати (мазтю), фарбувати сурмою». Від [kuḥl] у значенні «мазь, фарба» (*Collygium*) утворився за ознакою кольору прикметник [kuḥlī] «темно-синій». Неясно, коли і де арабське [ʾal-kuḥl], з якого спершу готували дрібний порошок, а потім мазь чи фарбу, стало застосовуватися для позначення чистого спирту (*spiritus vini distillati et rectificati*) у середні віки невідомого в арабомовних країнах. В ісп. *alcohol* та порт. *alcool* утвердилося сучасне значення «алко-

⁸ Див.: Lokotsch K. Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927, S. 110, № 1389.

⁹ Див.: Мантуров О.В. и др. Толковый словарь математических терминов / Под ред. В.А.Диткина. М., 1965, с.11-12.

голь». Потребує уточнення також можливість перетворення ар. [ʾiθmid] «сурма», синонім [kuḥl] в алхімічній термін середньовічної латини *antimonium Stibium*, що згадується в «Historia naturalis» Г. Плінія Секунда Старшого (очевидно, – Sb_2S_2), пов'язане з гр. στίψις, а воно з копт. СТІМ і єг. [šdm]. Відзначимо, що сучасне ар. [kuḥul] стимульоване європейським *alcohol* у різних його варіантах, але вже з одним і тим самим, спершу чужим арабській мові, змістом. Зазначимо, що в сучасній арабській синонімом [kuḥl] у значенні «сурма» стало запозичене [ʾantīmûn], яке використовується як хімічний термін Sb.

Згадаємо ще інтернаціоналізми, орієнталізми *адмірал*, *зеніт*, *азимут*, *надир*, *алмаз*, *цифра* – *шифр*. Їх історія відбиває складну взаємодію мов у галузі лексики. Так, *зеніт* і *азимут* пов'язані з арабізацією лат. *semita* «стежка, дорога», *алмаз* – ар. [ʾalmâs] і [mâs] виникло на основі гр. αδάμας.

Слова *цифра* и *шифр* походять кінцем кінцем від однієї основи, будучи в часі і просторі варіантами арабського слова [šifr(un)] «порожній», а як арифметичний знак «нуль». В арабській мові кореневі приголосні š-f-ğ виражають три різні поняття: 1) «свистати, свистіти, звучати». 2) «бути порожнім» (звідси «пустий знак», «нуль», в арабському письмі – крапка) і 3) «бути жовтим, жовтіти» – звідси прикметник – [ašfaru, šafrâ'u] «жовтий, -а, -е» і назва квітки «шафран» = «крокус». Із арабської мови назва «пустого знака» прийшла в європейські мови: ісп. *cifra*, іт. *cifra*, фр. *chiffre*, англ. *cipher* (пор. фр. і англ. *figure*, нім. *Ziffer* із значенням, крім «цифра», «число», а згодом також «таємні знаки, таємне письмо» = шифр, ще «монограма», «вензель», «розчерк» (закарлючка), пор. ісп. та іт. *cifra*, нгр. τσίφρα. На Близькому Сході – фарс, [sefr] і тур. *sifir* із значенням «нуль». Зрозуміло, що слова *цифра* і *шифр* прийшли до нашої мови не водночас і (якщо зважати на всі східнослов'янські мови) не з однієї мови. Слово *цифра*, очевидно, прийшло слідом за застарілим тепер словом *цыфирь* (= арифметика), і, можливо, безпосередньо з німецької лексики – *die Ziffer*. Воно має приблизно однакову форму в усіх слов'янських мовах – п. *cyfra*, ч. *cifra*, сrb. і болг. *цифра*. Згодом уже з французької мови як інтернаціональний термін у слов'янські мови прийшло *le chiffre* і закріпилося в формах рос. і укр. *шифр*, п. *szyfr*, болг. *шифър*, ч. *šifra*, сrb. *шифпа*. Характерним є те, що в європейських мовах у формах *cifra*, *chiffre*, *Ziffer* не збереглося первісне значення «пустий знак», тобто «нуль», пор. англ. *cipher*=zero. Це пояснюється тим, що ар. [šifr(un)] або [safir(un)] було засвоєне європейськими мовами в двох різних формах: 1) ісп. *cerro*, іт. *zero*, фр. і англ. *zéro*, *zero*. Цікаво було б з'ясувати, чому саме сполучення приголосних f + r зазнало спрощення через випадіння f. Беззастережної відповіді на це запитання, наскільки ми знаємо, немає: 2) *cifra*, *chiffre*, *Ziffer*, *цифра*. Перша і, очевидно, старіша форма виявляє значнішу фонетичну зміну порівняно з оригіналом, але зберігає первісний зміст математичного терміна «нуль».

Цей приклад наочно показує важливість поряд із фонетичними семантичними та історико-культурними критеріями в етимологічному дослідженні. В арабській мові поряд із згаданим уже [šifr(un)] «нуль» є ще слово [šifr(un)], у множині [ašfâr(un)] «книга» (пор. івр. [sēfer] «книга», у множині [s°fārim] і «письмо», [sifron] «книжка», [sāfar] «рахувати», «розповідати, бесідувати, говорити»,

[sif^ora(h)] у множині [s^ofārōth] «цифра», [sif^orūth] «література», [sōfēr] «письменник», «писар».

Можна було б припустити, що значення «таємне письмо, шифр» розвинулося із значення «книга, письмо». Проте і без цього можна простежити розвиток семантики ар. [sifr(un)] в європейських мовах. Ми уявляємо його в такій послідовності: «1) нуль > цифра, 2) знак > монограма, 3) таємний знак > таємне письмо (шифр)». З фонетичного боку, для нього є характерним рефлекс ар. (емфатичного [s]) (літера «сад») на відміну від [š] (літера «сін») як ісп. [9] – *cifra, cero*. Саме звукова сторона дозволяє простежити шлях поширення (досить звичайний в історії шлях і для інших орієнталізмів, зокрема арабського походження) арабських [šifr(un)] чи [šafir(un)] від ісп. *zero, cero, cifra* до іт. *zero, cifra* і фр. *zéro, chiffre*. Щоб правильно зрозуміти шлях поширення арабського слова в європейських мовах, треба зважити на існування середньовічного лат. *cifra*, що виникло на основі ісп. *cifra*. Це латинське слово відбите в ст. фр. *cifre*, в англ. *cipher* та нім. *Ziffer*. Із ст. фр. *cifre* виникло нфр. *chiffre* і воно стало історичним джерелом нашого *шифр*, етимологічним джерелом якого є арабське слово.

Нарешті, *адмірал* – з нім. *Admiral*, англ. *admiral*, а вони внаслідок контамінації (пор. дфр. *admiral*) – з лат. *admirans, admirabilis* і т. ін. з [ʾamir(u)baḥr(i)] (букв. «емір моря»), пор. ісп. та порт. *admirante*, фр. *amiral*, іт. *ammiraglio*. У сучасній арабській під впливом європейських мов виникло [ʾamirâl].

Гадаємо, що наведених прикладів достатньо для загальної характеристики адстрата орієнталізмів, що проникли через арабські тексти й етнічні контакти з народами Північної Африки та Близького Сходу в сучасні європейські мови. Перелічені лексеми з усіма фонетичними варіантами, враховуючи їх поширення, можна назвати інтернаціоналізмами.

Терміни «інтернаціоналізми» та «орієнталізми» доречні, звичайно, в історичній лексикології, де необхідно також визнати, що історія слів починається як історія ексформ. При цьому варіанти ексформ розглядаються як ланки лексичного ланцюга, простягнутого в часі і просторі. Семантичний (інформальний) бік цієї лексичної безперервності розкривається в текстах.

Слов'янська топонімія Греції¹

За наявності багатьох і досить ґрунтовних праць із грецької (відповідно: давньогрецької, середньогрецької або візантійської та новогрецької епох) лексики грецька топонімія ще залишається порівняно мало вивченою. Причини недостатньої опрацьованості географічних назв, зокрема для території грекомовних країв, такі ж, як і для багатьох інших мовних ареалів. По-перше, топоніми не завжди пов'язуються з апелятивними лексичними елементами мови, поширеної в даний час на даній території. Так, на територіях поширення сучасної нам грецької мови (тепер – суцільний ареал: континентальна Греція та острови Середземного моря в його східній частині)² виявляється чимало топонімів, що їх не можна пояснити за допомогою грецької мови всіх епох її існування. По-друге, топонімічний, як і всякий ономастичний матеріал, доводиться опрацьовувати не лише власне лінгвістичними процедурами та операціями (як, напр., компаративістичні), й методами історичних (відповідно – археологічних, антропологічних, етнографічних, культурно-історичних) досліджень. Звичайно, найпевніші наслідки було б одержано, коли б дослідникам пощастило поєднати власне лінгвістичні з історичними методами, але це – «програма максимум» у галузі дослідження топонімії. Проблема методу, звичайно, належить до найзагальніших проблем топоніміки, а нас тут цікавить одна з окремих проблем грецької топонімії, яка до цього часу ще не знайшла, на нашу думку, цілком об'єктивного висвітлення і належного лінгвістичного тлумачення.

У цій проблемі відбиті греко-слов'янські мовні стосунки. Існує далеко більше досліджень про вплив грецької мови античної та візантійської епох на слов'янські, ніж слов'янських мов на грецьку візантійської та нової епох.

---

¹ Уперше опубліковано в: Повідомлення Української ономастичної комісії. – К.: Наук. думка, 1966. – Вип. 1. – С.13–24.

² Винятки становлять такі ізольовані ареали, як грецькі «острівці» на півдні Італії (калабрійський та салентійський), сім грецьких «островів» у Малій Азії до 1923 р. (Пропонтида, Віфінія, Лівісі, Сіллі, Каппадокія, Фарасі, Понт), грецькі села Донбасу та Кавказу, грецька колонія в Ташкенті тощо.

Звичайно, впливи грецької мови на слов'янські та слов'янських мов на грецьку не могли бути рівноцінними. Грецька мова, як відомо, вплинула на формування південнослов'янських та східнослов'янських літературних мов, тоді як західнослов'янські залишалися значною мірою осторонь від цього процесу.

Слов'янські мови починаючи від VI-VII ст. н.е. вплинули на грецьку розмовну мову, на її територіальні діалекти і залишили певні сліди в топонімах середньовічної та сучасної Греції, свідчення перебування слов'янських племен на цій території. Простий перелік слов'янізмів лексики новогрецької мови досить чітко окреслює ту лексичну сферу, що в ній найбільш відчувався вплив слов'янських мов. Ось кілька прикладів:

новогрецькі	південнослов'янські	українські
1	2	3
1. αστράχα, αστρέχα	<i>серб.</i> стрѣха <i>болг.</i> стреха, страха	стріха
2. βάβω, μπάμπω	баба	баба
2-а. βάλτος	<i>серб.</i> блѣто <i>болг.</i> блато, <i>макед.</i> блато	болото
3. βεδούρι, βέδρο	<i>серб.</i> ведро, <i>болг.</i> ведро, <i>макед.</i> ведро	відро (дерев'яне)
4. βέρα	<i>серб.</i> вѣра	віра («каблучка»)
5. βερβερίτσα	<i>серб.</i> вєверица	вивірка («білка»)
6. γκλάβα	<i>серб.</i> гла́ва, <i>болг.</i> глава, <i>макед.</i> глава	(голова) («велика голова»)
7. γούνα	<i>старослов.</i> коуна	(куниця) («шуба, ху- тро»)
8. γούσα	<i>серб.</i> гу́ша, <i>макед.</i> гуша, <i>болг.</i> гуша	(воло «зоб»; «горло»)
9. γουστερίτσα	<i>серб.</i> гу́штер, гу́штерица	(«ящірка»)
10. κόρα	<i>серб.</i> ко́ра, <i>болг.</i> кора, <i>ма- кед.</i> кора	кора («скоринка хліба»)
11. κόσσα, κοσσιά	<i>серб.</i> ко́са, <i>болг.</i> коса, <i>ма- кед.</i> коса	коса («с.-г. знаряддя»)
12. κοτέτσι, κοττέτσι	<i>серб.</i> ко́тац	(«кошара; курник»)
13. κούρκος, κούрка	<i>румун.</i> cugcǎ, cugcan	(«індик»)
14. λόγγος	<i>старослов.</i> лжгъ, <i>серб.</i> лѹг, <i>болг.</i> лъг, <i>макед.</i> лаг —	луг («ліс, гай») —
15. λαγκάδι (похідне від №14)	<i>серб.</i> дѣбар, <i>болг.</i> добър <i>болг.</i> пѣстьр >	добрий («щирий»)

1	2	3
16. ντόμπρος		(строкатий) («форель»)
17. πέστροφα, πέστροφα		рись сіно
18. ρήσος, ρήτσος		
19. σανός		(«раб»)
20. σκλάβος, στλάβος, σθλάβος		слов'янин
21. σκλαβηνός, σλαβηνός		
22. στάνη		(«чабанська хатина»)
23. στρούγγα		(«кошара»)
24. χρόνο, χρένο, κρένο		хрін

Як бачимо, майже всі вони належать до сільськогосподарської, переважно скотарської та мисливської лексики.

Серед слов'янізмів новогрецької лексики дуже показові такі географічні номенклатурні терміни, як *βάλτος* – «болото» і *λόγγος* «ліс» (пор. «луг»), бо зони відбивають найдавніший стан фонетики слов'янської мови, той стан, коли ще не було виразного протистояння трьох основних підгруп. Якщо найближчі в географічному розумінні до сучасної нам новогрецької мови південнослов'янські мають такі рефлексії спільнослов'янської мови, як серб. *блато*, болг. *блато*, макед. *блато* та серб. *луг* («лісок, гай»), болг. *лѣг*, макед. *лаг*, то поряд із новогр. *βάλτος* (β замість μλ у давніших запозиченнях) та *λόγγος* у румунській мові зберігаються *baltă* («калюжа, ставок, озеро») і *luncă* («лука, луг, гай на березі річки»), в албанській *balë* (пор. також . *baitinë*, *baltovinë*)³, що можуть відповідати праслов'янським *болто, *лжъ та *лжа. Про наявність колишніх *лжъ, *лжа яскраво свідчать польські *ląg* («заплава, луг»), *ląka* («лука»). Первісне смислове значення слова *лжъ (*лжъ на східнослов'янському ґрунті), очевидно, було ширшим щодо «семантичних множників», ніж наше сучасне «луг» (і відповідно «лука»): 1) «ліс, діброва», 2) «болото, твань», 3) «лука», 4) «луг, заплава»⁴.

Обидва ці слов'янські номенклатурні терміни вкоренилися на грецькому ґрунті і дали певну кількість похідних. На першому місці серед топонімів слід зазначити такі назви сіл, як *βάλτος* (в Македонії, Кілкис, Янніца, в Мессинії на Пелопоннесі) та *λόγγος* (в єпархії Егіалії, пор. знамените *Μεσολόγγιον*, димот. *Μεσολόγγι*, столицю Етолоакарнанії, а також не менш знамениту гору в Епірі *Ζάλογρον*, димот. *Ζάλογρο*).

Найбільшу кількість топонімів слов'янського походження ми могли б знайти на карті середньовічної Греції від VI-VII і до XV ст. н.е. Після визволення від

³ Албанське *lug* (арик, канал), можливо, пізніше запозичення з сербської мови.

⁴ Пор.: И.И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, том II, Л-П,СПб., 1902; також *лѣжа* – *palus, lacina* (там же).

турецького панування (туркократії) в зв'язку з певними політичними тенденціями, що знайшли своє вираження в перейменуваннях та відновленні давньогрецьких назв, значна кількість слов'янських та інших іншомовних топонімів (італійських і турецьких) поступово зникає з географічної карти континентальної Греції та грецьких островів⁵.

Незалежно від цієї тенденції протягом останніх десятиріч дослідження слов'янізмів грецької топонімії набуває більшої глибини як у методичному, так і лінгвогеографічному розумінні. Значним досягненням у цій галузі була праця Макса Фасмера «Слов'яни в Греції»⁶.

Цілком природно, що згаданою темою цікавилися спеціально чи принагідно дослідники з слов'янських країн⁷.

Але приємно зазначити, що й грецькі дослідники почали трактувати цю тему досить об'єктивно⁸.

На жаль, більшість топонімічних досліджень грецьких істориків та мовознавців залишається нам відомою лише за прізвищами авторів та назвами⁹.

Ми можемо тут зупинитися тільки на деяких цікавих деапелятивних топонімах слов'янського походження, що їх неважко знайти на карті сучасної Греції.

А. Рельєф

Слов'янське *гора* зустрічається в грецькій топонімії в своєму первісному смислового значенні, тобто як наше «гора», а не південнослов'янське «ліс». Так, у похідних *Заγόρα*, чи *Заγόρια* (місцевість у Західній Фракії), *Заγορά* (село на горі Пеліоні), *Заγόρι* (місцевість в Епірі). Можливо, з цим же словом пов'язана назва села *Γορίτσα* (епархії Коніци, ному Іоаннінон). Правдоподібно, через відносно закритий характер (навіть дифтонгоїдний) слов'янського /o/ виникли такі назви, як *βουνό της Γούρας* та *Γούρα* (село на горі Орфріс), а також *Γκούρα* (село епархії Коніци, ному Іоаннінон). Крім таких рефлексів початкового слов'янського /r/, як [γ] і [g], зустрічається ще своєрідний рефлекс [r] = [ø], напр., *Βελαόρα* чи *Βελαώρα*

⁵ Показовою для цієї тенденції є книжка: Σ.Κυριακίδης 'Οδηγία διὰ τὴν μετονομασίαν κοινότητων καὶ συνοικισμῶν ἐχόντων τουρκικὸν ἢ σλαβικὸν ὄνομα, Αθῆναι, 1929.

⁶ Max Vasmer, Die Slaven in Griechenland, «Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse», XII, Berlin, 1941.

⁷ Пор., напр., Jordan Zaimov, Die bulgarischen Ortsnamen auf -ist-, -aus, *-itj- und ihre Bedeutung für die Siedlungsgeschichte der Bulgaren etc. (із картою географічного поширення болгарських топонімів із суфіксом -ици- < *-itj -), «Балканско езикознание», IX, 2, София, 1965, стор. 5-80; також Ivan Popović, Geschichte der serbokroatischen Sprache, Wiesbaden, 1960, Karte Nr.4, Haupttrichtungen der slavischen Einfälle im VI. Jh. (S. 169) und § 54 «Südslaven in Griechenland» (S.159-164).

⁸ Своїми інформаціями щодо цього я завдячую популярній статті: Γιώργος Δελητόπουλος, Τὰ σκλάβικα τοπωνύμια στὴν Ἑλλάδα, «Επιθεώρηση Τέχνης», т. 127, Αὐγουστος, 1965, σ. 57-62.

⁹ Так, напр., я не міг використати праці: Π.Ν. Πατριαρχέας, Τὸ ἀρχεῖον τῶν κυρίων ὀνομάτων καὶ τῶν τοπωνυμίων τῆς Τουρκοκρατίας, Αθῆναι, 1933; Μ.Μ. Παπαϊωάννου, Γόλος-Βόλος καὶ τὰ συγγενῆ σλαβικὰ τοπωνύμια στὴν Ἑλλάδα, «Το Βουνό», т. 1946.

, «Біла Гора» (село епархії Евританії, ному Евританії)¹⁰. Прикметник *бѣль* можна знайти й в інших топонімах, напр., *Βελοῦχι* (гора, = *Τυμφρηστός*), *Μπέλος* (гірське пасмо в північній Македонії).

Слов'янське *хльмъ* (болг. *хълм*, серб. *хѣм*, польськ. *chelm*, чеш. *chlum*, рос. *холм*) наявне в назві гір *Χελμός* на Пелопоннесі (колишні Ароанія). Можливо, це ж слово приховане в назві гори *Χολομῶν*, димот. *Χολομώντας* на Халкідіцькому півострові (*Χλωμόν* «бліда гора» – контамінація з грецьким прикметником *χλωμός*). У кількох назвах можна впізнати слов'янське *островъ* (болг. *остров*, серб. *острво*, рос. *остров*, укр. *острів*), напр., село *Ὀστροβον* (= *Ἀρνισσα*) в номі Едесси та озеро *Ὀστρόβου* ἡ λίμνη (= *Βεγορίτιδος* ἡ *Κέλλης*, те саме). Звичайно, нелегко визначити мотив такого найменування: чи було воно використано в прямому або в переносному значенні. До назв цієї сфери можна віднести і слов'янське *поляна* («прогалина, галявина»), яке зустрічається в назвах сіл *Μεγάλη Πουλιάνα* та *Μικρὴ Πουλιάνα* (епархії Трікалів однойменного ному).

Назва міста *Γρεβενά* (укр. мовою краще передавати в множині – Гревени), адміністративного центру епархії Гревенів ному Козані в Македонії ймовірно пов'язується з слов'янським *гребень* у розумінні гірської вершини, пор. серб. *гребен*, болг. *гребен*, укр. *гребінь*.

Хоч не викликає ніякого сумніву слов'янське походження назви озер Великої та Малої Преспи – *Πρέσπα* (на кордоні Греції, Югославії та Албанії та на заході біля міста Флоріни), але, виходячи з сучасних південнослов'янських мов (пор. болг. *прясна*, діал. *преспа* «снігова кучугура»), важко встановити первісне смислове значення слов'янського слова, що лежить у його основі.

Б. Води

Наскільки нам відомо, слов'янське *рѣка* ніде не зустрічається на території сучасної Греції, але назву, похідну від слова *вода*, можна відзначити в назві міста *Βοδενά*, тепер *Ἐδεσσα*, Назва ріки *Βυστρίτσα* (= *Ἀλιάκμων*) відповідає нашій Би-стриці, але зважаючи на прикметник болг. *бистър*, серб. *бистар*, можна думати, *Βυστρίτσα* мало первісне значення «прозора, чиста (ріка)», а не «бистра (ріка)», тобто «ріка з швидкою течією».

В назві *Ὠζερός*, або *Ὠζηρός*, легко впізнати наше слово *озеро*, і справді, так називається одне з озер Акарнанії, проте така назва не є первісною. Це випливає з того, що початкове [о] в цьому слові є типовою східнослов'янською рисою, пор. старослов. *езеро*, болг. *езеро*, серб. *језеро*, чеш. *jezero*, польськ. *jeziro*. Отже, на грецькій території треба було б сподіватися знайти назву з початковим [е]: болг. *езеро*, або [je]: (серб. *језеро*). І, справді, стара назва села Калліпівки в Фессалії була *Ἐζερός*, або *Νεζερός* і відповідно *Νεζεροῦ λίμνη* («Незерське озеро»), давня назва *Ἀσκουρίς* там же в Фессалії. З початковим [н] ми знаходимо ту ж слов'янську основу в назвах *Νεζερά*, або *Νεζεροχώρια* (група сіл епархії Патрів ному Ахаїї). Треба гадати, що і початкове [о], і початкове [н] пояснюються явищами так званої

¹⁰ Звідси прізвище відомого новогрецького письменника Арістотеля Валаоріті (1829-1879).

фразової фонетики. З первісного сполучення ὁ Ἐζερός (артиклъ + іменник) легко могло утворитися пізніше Ὁζερός. Так же із сполучення τὸν Ἐζερὸν або εἰς τὸν Ἐζερὸν, димот. *στον Εζερό* могла утворитися форма *Νεζερός*. Із письмових джерел відомо, що слов'янське плем'я *Νεζερίται*, чи *Ἐζερίται* («озеряни») у VIII ст. н.е. оселилося на Пелопоннесі, і зокрема в Еліді та Лакедемоні. Про назви, похідні від апелятива *βάλτος*, у нас уже йшлося вище¹¹.

У номі Етолії та Акарнанії є епархія *Βάλτου* в епархії Калавритів ному Ахаїї є село *Βάλτα*, в епархії Драми однойменного ному є село *Βαλτοχῶρι*, в епархії Орестіади ному Евру є село *Βάλτος*, в епархії Лангада є дімос *Ἀσπροβάλτας* [н. Фессалонікі] в епархії Погоніу ному Іоаннінон є *Ξηρόβαλτος*, димот. *Ξερόβαλτος*, село *Μεγάλος Βάλτος* в епархії Корінфії, однойменного ному, в епархії Кілкис однойменного ному є село *Βάλτα* (множина), в епархії Козані однойменного ному є село *Τρανόβαλτος*, ще одне село *Βάλτα* є в епархії Тріфілії ному Мессінії, а село *Βάλτα* (множина) розташоване в епархії Яніцон ному Пелли, нарешті, таке саме село *Βάλτα* є і на Халкідіцькому півострові (епархія Халкідіки однойменного ному). Це, звичайно, не повний перелік топонімів із основою нашого слова *болото*. З *болотом* пов'язаний гідронім, який виступає в назві села *Μουτσιάρα* епархії Трікалів однойменного ному. У ній можна вбачити основу сербських мѣчвара «болото, калюжа, стояча вода» та мѣчар «болотиста місцевість, болото». Можливо, до цього ж кореня належить і назва села *Μοκρός* епархії Драми однойменного ному, пор. болг. *мокър*, серб. *мокар*, укр. *мокрий* тощо.

На острові Лесбосі (епархія Мітіліні ному Лезву) ми знаходимо село *Μόρια*, яке так спокусливо нагадує нам слов'янське *море*.

Були спроби і середньовічну назву Пелопоннесу *Μορέας* (*Μοριάς*) наблизити до цього ж слов'янського *море*.

В. Флора

Серед топонімів, пов'язаних із слов'янськими назвами різних видів рослинності, на грецькому ґрунті переважають назви дикорослих дерев. Досить численні назви, похідні від слов'янського *орѣхъ*, серб. *орас*, болг. *орех* (пор. *орехов*, *орешак*), укр. *горіх*. Цю слов'янську основу ми знаходимо в назвах міст, містечок та сіл, напр., села *Ἀράχοβα*, епархії Навпактії ному Етолії та Акарнанії, епархії Гортинії йому Аркадії (*Κισσός*) епархії Егіалії ному Ахаїї (також *Ράχοβα*), *Ἀραχοβίτικα* епархії Патрів цього ж ному, містечко *Ἀράχοβα* (та *δῆμος Ἀραχόβης*) епархії Левадії ному Віотії, село *Ἀραχος* епархії Іматії однойменного ному, село *Ἀράχοβα* епархії Філіатон ному Феспротії, село *Ἀραχώβιτσα* епархії Додони ному Іоаннінон, село *Ριάχοβα* цієї ж епархії. Близьку за змістом до цієї слов'янської основи назву ми знаходимо на півночі Епіру *Λεσκοβίκι*, пор. серб. *лесковик* – «ліщина, зарості ліщини», або *Λιασκοβίκι* (болг. *леска* «ліщина», *лесков* «ліщиновий»,

¹¹ Деривати від нього в новогрецькій мові досить численні: *βαλτοθάλασσα* «неглибоке море», *βαλτολίμνη* «неглибоке озеро», *βαλτονέρια*, або *βαλτόνερα* «болотяні води», *βαλτότοπος*, або *βαλτοτόπι* «болотяна місцевість», *βαλτήσιος*, *βαλτώδης* «болотистий», *βαλτώνω* «перетворюю на болото» і «падаю в болото» тощо.

місто *Лѣсковець*). Правдоподібно, ще назва гірського пасма на кордоні між Македонією та Албанією *Γράμιος* походить від сербського *гѣм* «дуб»; «велике дерево», болг. *гѣм* (обл. – «шубрак», гай, чагарник), як і *Γραμιένα* або *Γραμιενοχώρι* (10 сіл Епіру на захід від міста Іоанніна, за часів турократії) – від сербського *гѣмѣн* «чагарник», пор. ще *Γραμιένιτσα* епархії Арти (однойменного ному).

Імовірно, з сербською назвою дуба *граница* пов'язані і назви сіл *Γράνιτσα* епархії Еврітанії однойменного ному та епархії Додони ному Іоаннінон. Села *Τοπόλια* епархії Фів ному Біотії та епархії Кіссама ному Ханіон змушують нас згадати нашу *тополю*, пор. болг. *топола*, серб. *топѡла* (топѡлика те саме, що *тополик*, топѡльак, топольар «тополевий гай»), але в сербській мові *топѡла* може означати і те, що наше «яблуня». Проте нема сумніву в тому, що це друге смислове значення пізніше за перше і тому є підстави гадати, що на грецькому ґрунті назви від основи *тополя* первісно означали дерева роду *Populus*, родини *Salicaceae*. З назвою *Τοπόλια* пов'язана і *Τοπόλιανα* село епархії Еврітанії однойменного ному. В епархії Ілії (Еліди) однойменного ному розташоване село *Μπουκοβίνα*, що його назва нагадує нам українську Буковину і явно пов'язана з деревом *буком*, серб. *бѣква* /*бѣквѣк* «буковий, гай», *бѣков* «буковий», *бѣковац* «бунова палиця», *бѣковина* «букова деревина», болг. *бук* (*бѣкав*, *бѣков*, *бѣковица*, *бѣковак*, *бѣковина*). В епархії Додони ному Іоаннінон є село *Μπουκοβίνα*, можливо, того ж походження. Село *Βρεστός* епархії Олімпії ному Ілії, очевидно, в своїй назві відбиває словенське означення дерева *Ulmus*, серб. *брест*, укр. *берест*. Питанням залишається, чи справді назва села *Λίππα* епархії Додони ному Іоаннінон пов'язана з слов'янським *липа*, серб. *липа* тощо.

Зважаючи на значну кількість назв дерев слов'янського походження в топонімії Греції, ми схильні встановлювати такий зв'язок. Він можливий і між назвою села *Κλένια* епархії Корінфії однойменного ному і слов'янською назвою *клен*, серб. *клен*, польськ. *klon*, рос. *клен* тощо.

Важко визначити, чи йдеться про дике або свійське дерево в назвах, утворених від слов'янського *слива*, болг. *слива*, серб. *сљѣва*, тощо: напр., село *Σκλίβα* епархії Олімпії ному Ілії, село *Σκλήβανα* епархії Додони Ному Іоаннінон, село *Σλίμνιτσα* («*сливниця») епархії Касторії однойменного ному. Нарешті, дещо про інші рослини. В епархії Кардіци однойменного ному є село *Γλογοβίτσα* від серб. *гљѡг* «глід» (пор. *гљѡгина* «ягода гљѡду», *гљѡгов* «гљѡдовий», *гљѡговац* «гљѡдова палиця», *гљѡговина* «деревина гљѡду»). В епархії Тирнова ному Ларіси є місто *Τύρναβος*, а в епархії Флоріни однойменного ному містечко *Τίρναβος* (пор. у Болгарії *Търново*, можливо не від іменника болг. *трѣн* *Prunus spinosa*, а від фракійського кореня **tru-* <*dru-* «текти», що наявний у назві ріки *Драви* та інших гідронімах Балканського півострова), яке, можливо, внаслідок «народної етимології» пов'язується з наведеним вище болг. *трѣн*, серб. *трн* (*трнов*, «належний до терну, терновий»), укр. *терен* (*терник*, *тернина*, *терно*, *терня*, *терняк*). Але поряд із цими топонімами існують і такі, що цілком імовірно безпосередньо пов'язані з слов'янським апелятивом *трѣнь*: селища *Τίρνα* та *Τουρναβά* епархії Трікалів однойменного ному. Представлені в грецькій топонімії і такі нижчі рослини, як наші *гриби*: *Гкріμποβο* село епархії Арти однойменного ному та *Гкріμπιανη* епархії Додони ному Іоаннінон. Це цікаво, зокрема, тому, що в південнослов'янських

мовах *гриби* мають зовсім відмінні від нашої назви: серб. *гльйва*, або *печурка*, болг. *гъба*, макед. (діал.) *габа*, або *печурка*. Отже, правдоподібно, що в грецькій топонімії зберігається ще найдавніша спільнослов'янська назва цих рослин.

Г. Антропогенний фактор

Нема сумніву щодо слов'янського походження назви *Πρέβεζα* (місто, адміністративний центр ному ν. *Πρεβέζης* та озеро *λίμνη τῆς Πρεβέζης* там же в південному Епірі), хоч її нелегко віднести безпосередньо до якогось іменника сучасних південнослов'янських мов, пор. болг. *превоз*, серб. *превоз*. Навпаки, населений пункт із назвою *Σέλο* ми безхибно пов'язуємо з слов'янським *село* (болг. *село*, серб. *село*) в його сучасному розумінні, тобто «село», а не «поле» (пор. *Σέλο* епархії Евританії однойменного ному).

Складніше справа з назвою міста *Καρδίτσα* (адміністративний центр ному Кардіци), сучасна форма якої, імовірно, походить від **Γραδίτσα*, що була пов'язана з дериватом слов'янського *градь*, пор. серб. *град* (*градац*), болг. *град* (*градец*). Із цим же слов'янським словом, можливо, пов'язуються назви селищ *Γαρδίκι* (епархії Додони ному Іоаннінон, епархії Сулію та Філіатон ному Феспротії). Певна річ, що село *Καμένιτσα* (епархії Гортинії ному Аркадії) завдячує своєю назвою сербському *каменица* «каменоломня» (болг. *каменоломна*, пор. ще *Κάμενη* епархії Ілії однойменного ному). Містечко *Βόν(ν)ιτσα* < *Βόνδιτσα* в Акарнанії на південно-західному березі Амвραкійської затоки своєю назвою, очевидно, пов'язане з серб. *воденица*, болг. *воденица* «млин». Цілком слов'янську форму має назва села *Βοεβοδίνα* епархії Флоріни однойменного ному, пор. серб. *вѣводовина* «воеводство, герцогство». Назва села *Μπουουγιήλ* епархії Фтіатіди однойменного ному зберігає спогад про *богомилів* і є, сказати б, живу історією на карті Греції. Ми не зупиняємося тут на таких цікавих питаннях, як утворені від етнонімів топоніми (напр., село *Ρωσσοχώρι* епархії Аттики однойменного ному) і на поширенні слов'янських словотворчих морфем у сполученні з грецькими основами (напр., назви населених пунктів *Κερασίτσα* та *Κεράσοβο* за наявності грецького *κέρασος*). Нашим завданням було лише показати, що накреслена тут у загальних рисах тема потребує дальшого опрацювання. Найважливішим завданням ми вважаємо далше вивчення лінгвістичної та хронологічної стратифікації слов'янських топонімів на території Греції. Необхідно також картографувати ці топоніми (пор., напр., карту, прикладену до цитованої вище праці Й. Заїмова). Лінгвістична стратифікація може показати розподіл матеріалу за такими шарами, як протослов'янський, сербохорватський, болгарський, слов'яномакедонський. Географічний розподіл слов'янізмів на карті Греції тепер здається нам цілком пов'язаним із відомостями письмових джерел, але в процесі дальшого вивчення, можливо, доведеться внести деякі зміни.

Ми не схильні беззастережно підтримувати горезвісну теорію Я.Ф. Фалльмерайера (1790-1861) про остаточну слов'янізацію Греції за середніх віків, проте, спираючись на топонімічні факти, не можемо применшувати роль слов'янського фактора в історії Греції часів візантійської імперії та турецького панування.

Цивилизация и культура¹

Слово *cultura* с большей частью его значений европейские народы (кроме средневековых и новых греков) унаследовали и заимствовали непосредственно от римлян. У древних римлян оно было образовано от основы глагола *colere* и содержало в себе все его основные значения. Их можно объединить в три ряда: *cultura* – 1) обработка, возделывание, уход, земледелие; 2) воспитание, образование; 3) почитание, культ. Словообразовательный суффикс этого слова был очень продуктивным в латинском языке. Достаточно вспомнить такие слова, как *structura*, *pictura*, *sculptura*, *scriptura*, *litteratura*, ну, и, конечно, *natura*. Культура как сознательная целенаправленная деятельность людей и ее результаты естественно противопоставлялись природе – природе, рожденной, рождающейся, но не созданной людьми. Это противопоставление нашло отражение в послеклассических фразеологизмах: *natura naturans* (природа как она есть) и *natura naturata* (искусственная природа, природа, сделанная людьми). Все основные значения слова *cultura* были присущи также слову *cultus*, образованному от той же основы глагола *colere*. Равнозначным нашему фразеологизму (= словосочетанию) «духовная культура» можно считать римское *cultus humanus* («человеческая культура»), близким по значению слову *humanitas* («человечность»). Городской житель, в отличие от сельского жителя, считался человеком культурным (*homo cultus*), образованным, воспитанным, вежливым. Этот *homo urbanus* (*cultus*, *excultus*, *expolitus*, *eruditus*) отличался от сельского жителя (*homo rusticus*) тем свойством, которое называлось *urbanitas*. Свойством сельского жителя была *rusticitas* («сельская простота, простодушие, неловкость, грубость» и т.п.), отсутствие городской культуры. Народы, не имевшие или не усвоившие греко-римской культуры, были для греков и римлян варварами (*barbari*). Характерно то, что греки иноязычных римлян не считали варварами, поскольку римляне усвоили греческую культуру. Критерий культуры был очень существенным в античном мире. Сошлемся на слова Исократ: «Эллинами могут называться те, кто имеет общую с нами культуру или общее с нами происхождение». Здесь словом «культура» мы переводим

¹ Уперше опубліковано в: ж. Collegium. – 1993. – № 1. – С.5-8.

греческое слово *paideusis*, которое можно перевести также «воспитание, образование». Латинскому *cultura* со всеми его значениями нельзя найти в древнегреческом языке однословного эквивалента. В качестве семантических соответствий можно привести: *hē paideia*, *ho hemeros bios*, *hē hēmeros diaita*, но все они относятся к духовной культуре. Надо было бы проделать огромную работу для того, чтобы установить, в каком смысле средневековые авторы начали употреблять латинское слово *cultura* (во Франции, напр., оно встречается в текстах XIV–XV веков). Важно было бы установить, когда и где его стали употреблять для обозначения не только духовной культуры, но и материальной культуры, т. е. так, как мы его употребляем теперь. Если мы будем искать в других языках семантические эквиваленты нашего современного слова КУЛЬТУРА, то убедимся в том, что в большинстве случаев найденные нами эквиваленты по своему основному значению соответствуют нашим словам «образование, воспитание» или латинским *humanitas*, *urbanitas*. Таковы, напр., арабские [*adab*–], [*tarbiya*–], [*tanwir*–], [*thaqifa*–] и др.; турецкие *edeb*, *terbiye*, *hars*, *medeniyet*. В китайском и японском языках приблизительным соответствием нашему «культура» (и «цивилизация») окажутся китайские *вэньхуа*, *вэньмин*, японские *бунка*, *буммэй*, первоначально обозначавшие «гражданские занятия» (науками, литературой, искусствами) в отличие от «военного дела». Для обозначения духовной культуры в санскрите были слова: [*śiśa*–], [*sabhyatā*], [*samskrtd*], соответственно «наука, ученье», «дворцовый этикет», «совершенство» (*perfectio*). Слово «цивилизация» (фр. *civilisation*, англ. *civilization*) появилось в европейских языках не раньше XVIII века. Оно вело свое происхождение от латинского *civis* (гражданин), *civilis* (гражданский, вежливый, учтивый), *civilitas* (вежливость, учтивость) и *civitas* (гражданство, государство, город). Во французском языке неологизм *civilisation* вытеснил средневековое *police*, образованное на основе заимствованного греческого *politeia*, сохранившегося и в новогреческом в значениях: «государственный строй, государство, страна, город». Слово *polites* «гражданин» легло в основу новогреческого *politismos* «культура, цивилизация»². Попутно отметим, что с греческим *polis* и *polites* в конечном счете связаны и наши «политика» и «полиция». Хотя в терминологии Аристотеля *politeia* соответствовало приблизительно нашему термину «республика», для него все-таки лучшей формой правления была монархия, при том, что он считал «политию» практически выгодной для государства.

Можно полагать, что вторичное значение термин «культура» приобрел в связи с возникновением и развитием археологии, направленной на изучение материальной культуры. Общеизвестно, что археология как вспомогательная историческая наука («монументальная филология») сложилась только в начале XIX века. Тогда уже речь могла идти о культуре первобытных племен, о культуре каменного века, о памятниках античной культуры. Существительное «культура» могло уже уточняться эпитетами «духовная» и «материальная». О культуре как целенаправленной деятельности людей и ее результатах было сказано так много, что было бы излишним ограничиваться простым определением вроде того, что в человеческом обществе культура противостоит природе. Культура, как и язык,

² Dictionnaire étymologique / Larousse – P. 170.

конечно, является сугубо сложной знаковой (= семиотической) системой и при этом, надо подчеркнуть, не статической, а динамической системой, т. е. системой, способной передавать различного рода информацию, но, в отличие от языка, не способной самоорганизовываться и самооптимизироваться. Семиотическое определение культуры дано Ю.М.Лотманом и Б.А.Успенским в их статье «О семиотическом механизме культуры» (*Sēmeiōtikē*. Труды по знаковым системам. – № 5. Тарту, 1971. – С.144-166). Согласно их определению, культура – это знаковая система. Культура противостоит некультуре. Язык как универсальный выразитель всех сторон культуры – это «штампующее структурное устройство». Культура является «генератором структурности». Культура – это прежде всего память. Она связана с прошлым и ориентирована на прошлое. Как и у языка, у нее есть свои код и свои тексты. Культура является совокупностью текстов. Существуют культуры, направленные на выражение и на содержание. Для одних характерны замкнутость, самоограничение, для других – экспансия. В культуру включаются все науки и искусства. Таким образом, «культура – это сложная семиотическая система, ее функция – память, а ее основная черта – накопление»³. В связи с этим семиотическим определением явления («феномена») культуры надо сказать, что язык, будучи сугубо сложной знаковой динамической системой, может быть средством преобразования («кодирования»), использования, передачи, хранения и измерения информации, которую он передает о чем угодно и о самом себе. Подчеркнем, что о языке речь должна идти в другом месте, а здесь речь идет о семантике нашего слова «культура». В этом сугубо сложном явлении в современных нам человеческих обществах можно различать его составные части, его основные компоненты. Обозначим их общепонятными терминами. Это компоненты: 1) логический (науки); 2) идеологический (мировоззрение); 3) этический (нравы, обычаи, нормы поведения); 4) эстетический (искусства); 5) экономический (общественное хозяйство); 6) политический (государственное устройство и политика); 7) технический (использование техники). Само собой разумеется, что все эти компоненты так или иначе связаны между собой и образуют единое культурное целое, т. е. культуру в ее общепризнанном понимании. Однако развитие этих компонентов обычно не является равномерным: одни, развиваясь, опережают другие, отстающие от них. Если сравнить, напр., культуру античного мира с европейской культурой XX века, то придется констатировать значительное отставание в развитии технического компонента сравнительно с прочими. Отставание этого компонента погубило высокоразвитые культуры Нового Света под натиском высокой технической культуры Западной Европы. Понятно также, что, напр., без успешного развития логического компонента культуры невозможно успешное развитие технического компонента. В свою очередь, развитие техники благоприятствует развитию науки. Развитие наук воздействует на развитие идеологии, а традиционная идеология могла тормозить развитие наук, как это было в средние века в Европе, когда представители католической церкви сжигали

³ Кроме цит. статьи см. еще: Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // *Sēmeiōtikē*. – Тарту, 1971. – № 6. – С.227-243; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура. – Там же. – С 282-303.

сторонников гелиоцентрической системы Николая Коперника. Если можно говорить о прогрессе в развитии эстетического компонента, то его прогресс может быть не связан с прогрессом других компонентов. В области изобразительных искусств можно говорить о прогрессе технических средств, но едва ли можно назвать прогрессом в этой области изобретение фотографии при существовании высокоразвитой станковой живописи, изобретение кинематографии и телевидения при существовании театрального искусства, симфонических концертов с сольными музыкально-вокальными выступлениями. Едва ли можно говорить о прогрессе словесного искусства, сравнивая античную литературу, напр., с современной американской литературой. Если современные философские доктрины могут опираться на достижения естественных наук, то, в свою очередь, эти достижения связаны с достижениями техники, напр., изобретением микроскопов и телескопов. Короче говоря, существует непосредственная связь развития духовной и материальной культур и эта связь выражается современным словом «культура».

Надо с большой осторожностью критиковать результаты работы лексикографов, вынужденных давать предельно краткие определения в словарных статьях. Правильно была определена работа энциклопедиста: *Lexicographi post Herculis labor* (Труд лексикографа на втором месте после подвигов Геракла). Поэтому будем снисходительны в определении семантики слова «культура» в толковом словаре русского языка: «Совокупность достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении» (С.И.Ожегов). Может вызвать недоумение существование у нас слова «цивилизация», означавшего первоначально духовную и «поведенческую» культуру, наряду со словом «культура» с широким семантическим диапазоном. Странно, что при определении семантики слова «цивилизация» в толковом словаре не дается ссыла на основное значение слова «культура»: 1. Пришедшая на смену дикости и варварства высокая ступень общественного развития, возникшая на основе товарного производства, разделения труда и обмена (имеется в виду «стадиальная» классификация Л.Г.Моргана и Ф.Энгельса). 2. Вообще – высокая степень общественного развития и материальной культуры (там же). Если изучить в нашей научной литературе употребление слов «культура» и «цивилизация», то нельзя ли будет сделать вывод о том, что, в отличие от «культуры», заключающей в себе понятия и духовной, и материальной деятельности людей с ее результатами, «цивилизация» преимущественно обозначает именно материальную культуру? Ответ на этот вопрос зависит от «тотального» исследования текстов. Вероятно, можно будет найти случаи взаимозаменяемости этих слов (напр., «культура древних майянцев» или «цивилизация древних майянцев»), но также и случаи их разграничения (напр., «культура этих исследователей достигла высокого уровня»: едва ли было бы уместно сказать «цивилизация этих исследователей»).

Определение слов «культура» и «цивилизация» как терминов современной культурологии, очевидно, является ближайшей задачей этой науки. Культурология является закономерной ступенью в области интеграции наук. Со ссылкой на известное определение языка, выраженное В. Гумбольдтом посредством грече-

ских терминов *ergon* и *energeia*, можно сказать, что культура – это одновременно и *energeia*, и *ergon* как результат энергии, т. е. человеческой деятельности. Очевидно, когда речь идет о культуре, то имеются в виду и процессы (*energeiai*), и продукты процессов (*erga*). Если речь идет о цивилизации, то прежде всего имеется в виду материальная культура. Однако в заключение надо сказать, что их разграничение в нашем словоупотреблении не является абсолютным.

Язык – динамическая знаковая система¹

Для понимания языка как динамической знаковой системы надо прежде всего дать общее определение знака не как бытового слова, но как научного термина. Условимся: знак – это материальный факт объективной действительности, передающий его истолкователю (= интерпретатору) информацию не только о себе самом (– пассивная информация), но и о другом (других) материальном или идеальном (= интеллектуальном, поэтическом факте (фактах) объективной действительности (– активная информация). Наука о знаках и знаковых системах в человеческом обществе и в его природной среде называется *семиотикой* или *семиологией*. Эти названия образованы от греческого слова *semeion* – «знак». Семиотика – это часть той совокупности наук, которую называют культурологией. В этом случае мы говорим об общей семиотике, резюмирующей ряд частных семиотик. Среди частных семиотик здесь речь будет идти о лингвистической семиотике, задачей которой является изучение языка как сложной знаковой системы. Можно повторить по ходу изложения нашей темы, что язык – это самое универсальное средство передачи информации о всех сторонах человеческой культуры. Так как человеческий язык среди других знаковых систем является сугубо многосложной, гибкой (динамической, способной видоизменяться не только во времени и в пространстве, но даже в отдельном акте языкового общения (коммуникации) семиотической системой, то наука о нем – языкознание, языковедение, лингвистика или глоттология – должна быть частью общей семиотики, а семиотика культуры должна быть равнозначна культурологии.

Так как языкознание направлено на изучение не изолированных языковых знаков, а составляющих язык знаковых систем, с помощью которых передается и получается, кодируется (шифруется) и сохраняется информация, оно тем самым соприкасается с систематологией, наукой о всех возможных системах в природе и человеческом обществе. Подобно организмам, являющимся динамическими, видоизменяющимися системами, язык, в отличие от созданных людьми механизмов, также является не статической, а динамической системой.

---

¹ Уперше опубліковано в: Collegium. – 1995. – № 1-2. – С.15-20.

Вопреки Фердинанду де Соссюру синхроническое состояние языка нельзя отделить от его диахронического развития: в нем обнаруживается единство прерывного и непрерывного, данного момента существования и исторической ретроспективы. Язык вопреки В. Гумбольдту – это одновременно и *Ergon* и *Energeia*, и общая система и ее индивидуальные осуществления – речевые акты.

Конечно, всякое сравнение опасно («*omnis comparatio periculosa est*»), но в связи с «органическим» характером языковой системы можно сослаться на современную биологию, согласно которой живые организмы состоят из фенотипа и генотипа, т. е. генетической программы².

Языковую систему («код») можно было бы сравнить с генотипом, а речевой акт – с фенотипом (разумеется, со всеми необходимыми оговорками).

Языковая система должна состоять из множества различных языковых знаков и набора правил, на основе которых создаются языковые тексты, реализующие или актуализирующие систему в процессе общения людей. Они передают в языковой форме информации и дают возможность получать их и реагировать на них.

Если множество знаков образует систему, это значит, что оно определяется взаимоотношениями или взаимосвязями составляющих его элементов (= знаков), отличающих данную систему от прочих систем³.

Следовательно, система – это организованное взаимосвязями составляющих ее элементов множество. Вероятно, наиболее простое определение термина «множество» было дано Л. фон Берталланфи (см. выше): «Комплекс элементов, находящихся во взаимодействии». Другие ученые разрабатывающие теорию множеств (*Mengentheorie*), предложили более сложное определение, например: «Система – это множество объектов, на котором реализуется заранее определенное отношение с фиксированными свойствами» (А.И. Уемов, в сб. «Система и системные параметры», см. выше).

Так как язык – это наиболее эффективное средство общения людей (= коммуникации), то языкознание сближается с информатикой — наукой о видах информации, а также с теорией коммуникации. Здесь придется сказать о том, что надо понимать под информацией в современных теории информации, теории коммуникации и кибернетике вообще и в частности в языкознании.

Общедоступным определением информации можно считать следующее: «Информация – это мера неоднородности распределения вещества или энергии в пространстве и во времени» (В.М. Глушков)⁴.

Не отрицая прочих определений информации, здесь информацией в широком смысле этого слова мы называем воздействие внешней среды (т. е. объективной действительности) на познающего ее субъекта через его органы чувств,

² Б.Медников. Аксиомы биологии // Наука и жизнь. – 1980. – № 7. – С. 80.

³ G.Kantor. Beiträge zur Begründung der transitiven Mengenlehre, 1895-1897; L.von Bertalanffy. Allgemeine Systemtheorie, 1957; сб. «Система и системные параметры. Проблемы формального анализа систем». – М., 1968.

⁴ Математическое определение информации: «Логарифмическая мера статистической неожиданности сообщения» (В.М.Глушков. «Кибернетика»).

его «анализаторы». Информация в виде различных языковых знаков, посылаемая отправителем получателю, может называться антропогенной информацией в отличие от информации, получаемой от прочих фактов, явлений, событий объективной действительности, которую (информацию) можно назвать физиогенной. Самым важным видом антропогенной информации является человеческий язык в форме устной речи и заменяющих ее и сопровождающих ее вторичных знаковых систем (письмо, жестикуляция, «язык барабанов», «язык свиста»). Языковое общение людей осуществляется в коммуникативной ситуации, действующими лицами которой должны быть отправитель и получатель (в единственном или во множественном числе), имеющие в своей памяти одинаковые наборы языковых знаков и правила составления информационных текстов. Для осуществления языкового общения в коммуникативной ситуации должны быть «трансляционные каналы», начиная от непосредственного контакта действующих лиц и кончая техническими средствами передачи языковой информации (почта, телефон, телеграф, радио). Объем языковой информации определяется ее семантическими компонентами, начиная от целого текста и кончая его семантическими сегментами – периодами, фразами, словосочетаниями, словами.

Следует различать логическую и эстетическую информацию, хотя в большинстве случаев оба вида информации передаются и получаются одновременно. Прежде всего (а, может быть, главным образом) это относится к артистической культуре. Определить преобладание логической информации над эстетической или, напротив, эстетической над логической, можно только на основании мнений воспринимающих данный текст субъектов. Однако, надо согласиться с тем, что в музыке и в хореографии, очевидно, преобладает эстетическая информация.

Насколько можно судить обо всех существующих в современном нам обществе знаковых системах, человеческий язык – это самая сложная система – большая система, заключающая в себе несколько малых систем, начиная от информационных текстов и кончая звуковыми сигналами.

Даже в школьной науке в языке различаются фонетика, грамматика и лексика. Едва ли следует запретить называть языком любую систему сигналов. Можно говорить о языке животных, даже если их сигнализация ограничивается всего несколькими сигналами. Однако, здесь у нас идет речь именно о человеческом языке и его знаках, предельно простых и необыкновенно сложных.

В человеческом обществе знаками могут быть любые факты объективной действительности, являющиеся для их истолкователей (интерпретаторов) представителями (или индикаторами) других фактов, которыми сами они не являются. Связь знаков с физическими и психическими фактами объективной действительности может иметь или не иметь практических оснований, быть совершенно условной.

Интерпретаторы знаков ассоциируют данный факт действительности, являющийся для них знаком, с другим фактом действительности, и эта ассоциация оказывается для них значением данного знака.

Языковые знаки противопоставляются знакам всех прочих знаковых систем.

Основатель современной семиотики Ч.С.Пирс (Ch.S.Peirce, 1839-1914) дал самую простую классификацию знаков: 1) знаки – образы (images); 2) знаки – параметры или указательные знаки (indices); 3) знаки – символы (symbols), условные знаки. Ясно, что языковые знаки являются преимущественно знаками-символами. Польский языковед проф. Т. Милевский (T. Milewski, 1906-1966) дал более подробную классификацию знаков в своем учебнике общего языкознания («Językoznawstwo»): 1) знаки-симптомы (непроизвольные сигналы) и знаки-апеллы (адресованные сигналы); 2) знаки диффузно-семантические (требующие ситуационной и текстовой коннотации) и знаки строго семантические (с ограниченной семантикой и близкие к терминам); 3) знаки мотивированные (например, звукоподражательные) и знаки немотивированные (условные, символические); 4) знаки одноклассных систем (из простых знаков не составляются сложные, см. ниже: знаки-дифференциалы) и знаки двухклассных (также и многоклассных) систем; 5) знаки нефонемных систем (например, «язык пчел», дорожная сигнализация и т. п.). Таким образом, согласно Милевскому, язык является системой: 1) апеллелей (адресованных знаков); 2) строго семантических знаков (семантем); 3) немотивированных знаков; 4) знаков двухклассной (точнее – многоклассной) системы; 5) фонемных знаков, т. е. монофтонгов и дифтонгов (согласно нашей терминологии – фоновариантов и фоноинвариантов или фонотипов и фонем). Само собой разумеется, что всю совокупность знаков, используемых в человеческом обществе, прежде всего надо разделить на неязыковые и языковые знаки. У языковых знаков есть свои особенности, но только все их особенности, вместе взятые, отличают их от знаков всех прочих неязыковых систем. Некоторые из их особенностей могут встречаться и в других знаковых системах. Это будет очевидным из перечисления особенностей языковых знаков.

Особенности языковых знаков

1. Так же, как знаки других знаковых систем, языковые знаки обладают материальной формой (звуковой – в устной речи) и ассоциируемым с ней содержанием, которое мы называем значением знаков.

2. Они разделяются на знаки, являющиеся признаками других знаков, т.е. диакритические знаки (в звучащей речи – звуковые типы, фенотипы, в письменной речи – графические типы, в нашем письме – буквы), и на знаки со смысловым значением (первые мы называем дифференциалами, а вторые — интегралами).

3. Языковые знаки при общении людей являются диалогическими, так как они служат для передачи информации от отправителя получателю, и тем самым в них заключена возможность реакции на переданную и полученную информацию.

4. За немногими исключениями, они условные, символические, конвенциональные, а не образные («иконические») и не указательные. Собственно указательную («дейктическую») функцию имеют личные и указательные местоимения и наречия места (пространства) и времени.

5. Все языковые знаки – системные. Из них состоят внутренние системы общей внешней языковой системы («плоттосистемы») в отличие от единичных знаков, не составляющих систем из нескольких или множества знаков⁵.

6. Языковые знаки являются специальными знаками, т. е. знаками данного языка (в отличие, например, от цифровых обозначений, общих для графических систем разных знаков), а также социальными, т. е. используемые в данном обществе, следовательно, они не универсальные и не индивидуальные.

7. В устном общении людей они являются акустическими сигналами, и в этом отношении они одинаковы по своему материальному субстрату («комматериальны»), но во внутренних системах языка (в эндосистемах) они неодинаковы по своим функциям (не «конфункциональны»), исполняя в каждой внутренней системе присущую им функцию (диакритическую или семантическую).

8. В диакритической системе (т. е. в системе смыслоразличительных звуков) они образуют возможные для данного языка звуко сочетания – звуковые фигуры (т. е. просемантические сочетания⁶) и конфигурации, собственно семантические сочетания.

9. Только в синтаксических схемах – высказываниях, предложениях, периодах – языковые знаки могут передавать полную информацию, не зависящую от предшествующих и последующих текстов и коммуникативной ситуации (под высказыванием имеется в виду непредикативное сообщение в отличие от предложения, являющегося собственно предикативным сообщением, а период – это сочетание предикативных сообщений).

10. Будучи знаками иерархической системы, внутренние системы которой поднимаются от низшей диакритической системы к высшей синтаксической системе, они относятся друг к другу как составляющие (различительные знаки – дифференциалы) и составленные из них (интегралы), например, морфемы, составляющие слово *про-из-вод-ство*, являются его дифференциалами.

11. Языковые знаки структурны, т. е. состоят из нескольких признаков («многоприметны») как отделимых, так и неотделимых. Так, например, в графическом слове *ток*, составляющие его дифференциалы отделимы. Из них можно составить интегралы: *кот*, *кто*. Звуковой тип (= фонотип) характеризуется признаками: согласный + шумный + смычный + глухой + переднеязычный. Эти признаки являются неотделимыми.

12. Языковые знаки воспроизводимы (репродуктивны), так как они могут легко воспроизводиться в совокупности всех своих существенных для говорящих на данном языке признаков. Здесь напрашивается аналогия актов речи с музыкальными произведениями. Однажды созданное музыкальное произведение может многократно исполняться, но в каждом исполнении могут быть свои (особен-

---

⁵ Едва ли стоит называть бинарной системой индивидуальный знак, например, обручальное кольцо на пальце, учитывая два момента: его присутствие или его отсутствие.

⁶ Так, напр., в русском языке звуко сочетание *стра* является просемантической фигурой, но сочетание *страда*, *страдать*, *страдание* оказывается семантической конфигурацией.

но заметные для знатоков) особенности: произведение остается одним и тем же, но исполнение его бывает разным.

13. Языковые знаки могут заменяться знаками других систем (= антисистем): кинетической (жесты, язык глухонемых), графической (письмо), перкуссионной («барабанный телеграф»), сибилационной («язык свиста»). При контактном общении языковые сообщения обычно сопровождаются жестикულიцией.

14. Эти знаки, будучи лексическими сегментами информационных текстов, т. е. словами (акустическими или географическими), коннотируют друг друга, т. е. путем коннотации уточняют и определяют свои значения. Так, например, слово «труба» нуждается в коннотации: труба – музыкальный инструмент, дымовая труба, водосточная труба.

15. Все языковые знаки подвержены изменениям во времени и в пространстве и даже в каждом речевом акте. Изменяются и формы (внешние формы – эксформы), изменяются их значения (иноформы). Их изменения происходят и в синхронии и в диахронии, в процессе языкового развития. В этом – динамика языковой системы.

16. Если речь идет о таких языковых знаках, как семантические сегменты текста – слова и морфемы, то они, за исключением научных и технических терминов, полисемичны (многозначны): одна и та же эксформа в зависимости от коннотирующих ее элементов и от коммуникативной ситуации может иметь различные значения (иноформы) как семантически близкие, так и далекие, например, ручка: маленькая рука, инструмент письма, ручка двери, ручка сосуда и т. п.

17. В абстрактном аспекте – в аспекте системы – языковые знаки являются постоянными величинами (инвариантами, константами), но в актах речи, в коммуникативных ситуациях они оказываются вариантами этих постоянных величин.

Фазы существования языковых знаков

Для говорящих на данном языке его языковые знаки выступают в различных фазах их существования.

А. Фаза множества, т. е. один и тот же знак во множестве его экземпляров в различных речевых актах.

Б. Фаза образца – один знак как представитель всего множества одинаковых знаков. В этой фазе интерпретатор обращает внимание только на самые существенные признаки знака, взятого за образец.

В. Фаза отражения образца данного знака в памяти его интерпретатора, при этом образ еще не лишается своей индивидуальности.

Г. Фаза обобщения с устранением несущественных деталей образа знака в памяти интерпретатора. Эта фаза является преобладающей в языковой коммуникации и хранится в памяти действующих лиц языкового общения.

Значения языковых знаков

Здесь нам придется воспользоваться несколькими созданными для определения этих значений терминами, еще не вошедшими в терминологический арсенал теоретического языкознания, но удобными для вышеназванной цели.

Значение языкового знака как лексической величины определяется тремя его отношениями: 1) *коннотацией* – отношением данного знака к другим знакам в данном знаковом тексте; 2) *консигнацией* – отношением данного знака к другим знакам его знаковой системы; 3) *контерминацией* или *референцией* – отношением данного знака к факту (или фактам) объективной действительности (физической и психической).

Виды контерминации определяются видами контерминируемых фактов объективной действительности (контерминантов или квантов). В зависимости от фактов действительности при контерминации осуществляются:

1) *денотация* – обозначение конкретного и индивидуального факта действительности, все равно присутствующего или отсутствующего в данной коммуникативной ситуации. Денотаты по определению римского права — это «телесные вещи, которые можно трогать» (*res corporales quae tangi possunt*).

2) *десигнация* – обозначение класса конкретных фактов объективной действительности. Десигнаты определяются в результате обобщения фактов действительности на основании установления их общих признаков. Десигнаты по тому же определению римского права – «бестелесные вещи, до которых нельзя дотронуться» (*res incorporales quae tangi non possunt*).

3) *детерминация* – обозначение «суперкласса», т. е. класса определенных классов фактов действительности, высокая степень абстракции. Детерминаты являются тем, что обычно принято называть абстрактными понятиями. Если десигнаты являются классами «осязаемых» фактов действительности, то детерминаты – это классы «неосязаемых» понятий, являющихся обобщениями знаний о фактах (явлениях, событиях) объективной действительности.

К названным прибавим еще один вид значений языковых знаков:

4) *деноминация* (термин, предложенный польским ученым Т.Котарбинским) – обозначение фикций и классов фикций человеческого ума. У деноминатов, разумеется, отсутствуют денотаты.

Надо подчеркнуть еще, что денотаты обладают максимальным содержанием, т. е. количеством признаков обозначаемых фактов объективной действительности, при минимальном объеме, т. е. количестве обозначаемых фактов действительности. Напротив, детерминаты обладают минимальным содержанием при максимальном объеме.

Язык и культура¹

В данной статье речь идет об отношении двух сторон жизни любого человеческого общества – звуковой сигнализации (с возможной ее зрительной заменой) и всех прочих произведений человеческого труда, долженствующих обеспечить существование людей и прогресс обществ. Будем считать, что смысл (семантические дифференциалы, составляющие семантический интеграл) слова «язык» нам известен, остается выяснить смысл слова «культура».

Мы имеем дело с двумя разнообъемными общественными явлениями. Во всех языках, в которых есть лексические эквиваленты русских слов «язык» и «культура», семантический диапазон (интеграл) слова «культура» должен включать в себя диапазон слова «язык». «Культура» оказывается шире по объему, чем «язык», и, следовательно, уже по содержанию. Следует отметить, что у слова «культура» есть эквивалент-синоним – «цивилизация», от латин. *civis* > *civilis* (> *civilitas*), фр. *la civilisation* (> англ. *the civilization*). «Цивилизация» – это, конечно, логический эквивалент слова «культура», но при изучении сочетаемости обоих слов наглядно выступает их собственное лексическое (подразумевается и стилистическое) различие. Так, например, мы говорим «это человек высокой культуры», но не скажем «это человек высокой цивилизации». Очевидно, в русском языке «цивилизация» обычно является синонимом двучлена «материальная культура» и поэтому исключается выражение вроде «духовная цивилизация».

Семантический диапазон слова *cultura* определился в классической латыни. Он обнаруживается в употреблении глагола *colere* и его субстантивного деривата *cultura*. Его можно передать посредством существительных: 1) обработка, возделывание, уход, 2) земледелие, 3) воспитание, 4) образование, 5) почитание (ср. культ).

Мы могли бы попытаться найти семантические эквиваленты слова «культура» и в других неевропейских языках «высоких цивилизаций», предполагая, что

---

¹ Уперше опубліковано в: зб. Структурна і математическа лінгвістика / Ежегодник по структурной, прикладной и математической лингвистике. – К.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1978, – № 6. – С.13-19.

эти эквиваленты будут заключать в себе некоторый набор семантических дифференциалов (семодифференциалов, «семантических множителей»), содержащихся в нашем слове. В таком случае нам едва ли удастся ограничиться выбором одного единственного элемента в каждом языке.

Так, например, в классическом арабском языке можно найти производные глагола *thaqifa* («находить; уметь, быть умным; исправлять, приводить в порядок; учить, обучать»): *thaqafa (tun)*, *tathqifa (tun)* – «образование, культура». Однако для охвата семодифференциалов слова «культура» можно воспользоваться и такими элементами, как *'adab(un)* – «литература; вежливость, учтивость», *tarbiya(tun)* – «воспитание», *taslima(tun)* – «образование», *tanwir(un)* – «просвещение» и др.

Современный турецкий язык кроме заимствованных из арабского *edep*, *terbiye*, *hars*, *medeniyet* (ср. латин. *urbanitas*) имеет также заимствованное из французского *kültür* (ср. также, в венгерском наряду с *művetség*, *művelődés* латинское *kultúra*, в финском наряду с *sivistys* то же *kultuuri*).

В классическом санскрите приблизительными эквивалентами интересующего нас слова можно считать – *samskṛti* – «совершенство», *śikṣā* – «учение», «обучение» и *sabhyatā* – «дворцовый образ жизни» (снова ср. латин. *urbanitas*).

Хотя китайское и японское [веньхуа] и [бунка] может быть использовано для перевода слова «культура», а, соответственно, [веньмин] и [буммей] – слова «цивилизация», но по набору семодифференциалов оба элемента значительно отличаются от перечисленных нами при латинском *cultura*. Первоначальный семантический диапазон [веньхуа] и [бунка] можно охарактеризовать как «светские (в смысле – не военные) занятия, занятия литературой, изящной словесностью».

Сопоставление латинского *cultura* и русского «культура» обнаруживает общую тенденцию к увеличению объема (количества обозначаемых признаков явлений и пр.).

Противопоставление латинских *cultura* и *natura* по существу лежит в основе всех определений содержания слова «культура» как научного термина.

Мы вполне можем согласиться с достаточно простым определением содержания этого термина, сформулированным профессором Ю.М.Лотманом, а именно, что «культура» – это сложная семиотическая система, функция которой – память, а основная черта – накопление [1, 144–166, 227, 243, 282, 303].

Мы не будем останавливаться на не только многочисленных, но уже и бесчисленных определениях «культуры» [2, 14–34]. Задержим наше внимание на противопоставлении «культура – некультура» (*cultura* ≠ *non-cultura*), т. е. природа – это все, что не есть культура. Однако противоположное утверждение было бы неправильным: культура – это все, что не есть природа, ибо на данной стадии истории человечества культура «вписывается» в природу, например, распаханное поле, искусственное водохранилище, искусственный парк и т. п., короче – преобразования людьми природы.

Природа не может противопоставляться «неприроде». Напротив, культура как антропогенный фактор противопоставляется природе как физиогенному фактору. Иначе говоря, мы должны отказаться от противопоставления «природа–неприрода», поскольку человек и человеческое общество оказываются подмно-

жествами множества «природа» et respective – объективная действительность. Отличие «культуры» от «натуры» заключается также и в том, что «культура» может быть в оппозиции к «некультуре» и «противокультуре», между тем как «натура» или «природа» по существу своему не бывают в оппозиции к «неприроде» и «противоприроде», если под «противоприродой» (*contra-natura*) не понимать антропогенного отрицательного преобразования природы, например, уничтожение лесов и диких животных, разрушение естественной структуры окружающей среды.

Сделаем оговорку относительно понимания «некультуры» и «антикультуры». Принято было «культуру» противопоставлять «дикости». Однако «дикость» в действительности оказывалась другой культурой, т. е. культурой, непохожей на наш «культурный стандарт». Можно было бы условиться, что «дикостью», следовательно, отсутствием всякой элементарной культуры, целесообразно назвать, согласно терминологии Ф. Энгельса и Л. Г. Моргана [3, 23-178], только «низшую ступень дикости» (до применения огня), а на всех прочих ступенях развития человеческого общества мы имеем дело с разными стадиями развития культуры. Начиная уже со второй, или средней, ступени «дикости» можно говорить о культуре, хотя и существенно непохожей на культуру современных нам обществ, а также непосредственно предшествующих эпох.

Если нашу культуру, культуру современного социалистического общества, принять за эталон для изучения прочих культур во времени и пространстве, то правильное всего будет определять эти прочие культуры как инокультуры, или гетерокультуры, а их носителей – как инокультурные или гетерокультурные общества. Можно утверждать, что каждое человеческое общество с его целенаправленной трудовой деятельностью является носителем определенной культуры в каких-то ее разновидностях. Выразителем, или средством выражения, культуры является человеческий язык (первичная знаковая система) и другие знаковые системы. Утверждение связи языка с культурой настолько не требует доказательств, насколько и утверждение о связи языка с обществом – его носителем. Однако, если рассматривать язык как «зеркало культуры» [4], то нужно сделать существенную оговорку: таким «зеркалом» может быть не вся языковая система, а только та ее часть, которую мы называем мезосистемой, или семантической катасистемой [5, 1 20-31]. Особенно чувствительной к развитию культуры оказывается, конечно, лексическая парасистема, подверженная изменениям как в своих информмах, так и в своих эксформах, а также диасистема лексических многочленов (полиномов), или стереотипных фразеологизмов [6].

Здесь мы должны дать ответ на вопрос, отличается ли отношение языка к культуре чем-либо от отношения языка к обществу, т. е., от центральной проблемы современной социолингвистики [7].

Мы понимаем, конечно, что ответ на этот вопрос совсем нелегко дать при современном состоянии социолингвистики и культурологии.

Для того, чтобы между исследованием отношения языка к обществу (параллельное изучение истории данного языка и истории данного общества) и отношением языка к культуре (параллельное изучение истории данного языка и

истории данной культуры) можно было бы установить, что нет принципиальной разницы между объектами «общество» и «культура».

Здесь уместно будет определить отношение этих объектов исследования друг к другу. Любое человеческое общество можно изучать с учетом его отличия от аналогии ему в мире животных. В этом смысле можно утверждать, что чем сложнее организация человеческого общества, тем обильнее фактами (изменениями, событиями, происшествиями) его история. И даже самый факт его истории отличает человеческое общество, например, от стада рогатого скота, имеющего только биологическую традицию (инстинкты и индивидуальный опыт), а не социальную традицию (коллективный опыт – знания, кодируемые, сохраняемые, передаваемые, используемые в виде языковых знаков и языковых текстов).

Общество со своей социальной структурой неотделимо от своей культуры. Общество, по той или другой причине перестроившее свою культуру, становится принципиально иным обществом, даже новым обществом при сохранении каких-то элементов прежней культуры. Так как язык является наиболее важным компонентом культуры, будучи ее выразителем-передатчиком, хранителем и шифровальщиком, то изменение языка – в смысле замены одного языка другим языком – равносильно изменению культуры.

Следовательно, социологический и культурологический аспекты языка, если не тождественны, то, во всяком случае, очень близки друг другу. Если изучение языка в области семантической катасистемы дает возможность заглянуть в культуру общества, то лексику (лексическую парасистему) и полиномику (фразеологию) можно считать ключами, открывающими двери социальной культуры. Нам представляется целесообразным различать пять видов социальной культуры: 1) логический; 2) эстетический; 3) этический; 4) политический; 4) технический.

1. К логическому мы относим знания из области психо-физической действительности, т. е. собственно научные знания, науки, логическое мышление.

2. К эстетическому – область искусств, образное мышление.

3. К этическому – мораль, обычаи, нравы, этнические традиции.

4. К политическому – социальную организацию, государственное устройство.

5. К техническому – то, что обычно называется «материальной культурой», достижения техники.

Все вместе они образуют культурный комплекс данного общества, или просто его культуру. Для лучшего понимания этих видов, или аспектов, культуры приведем хотя бы один пример – столкновение в начале XVI в. двух гетерокультурных обществ: испанские конкистадоры и племена Мезоамерики. Ясно, что различие этих обществ убедительно прослеживается во всех пяти аспектах культуры. Однако наиболее ярко оно выражается именно в техническом аспекте, в который мы включаем и экономическую базу общества. В этом можно было бы убедиться и без знания политической истории названных обществ путем сопоставления лексики испанского языка XVI в. и языка науатль (ацтекского) того же века.

В самых общих чертах соотношение лингвистических и культурно-исторических фактов можно проследить, выделив три основные фазы развития этни-

ческих языков. Первую фазу, свойственную всем этническим языкам – племенным, народным, национальным, – назовем бытовым языком (*lingua quotidiana*), или бытовой фазой. Это язык на той ступени развития, когда он используется для устного общения, когда он не регулируется строгими лексическими, полиномическими и грамматическими нормами. Это язык этноса на первых ступенях развития. Этнос с одной этой фазой, с монофазным языком, – исторически реконструируется, но едва ли в настоящее время доступен наблюдению. Однако даже в нашем обществе можно обнаружить «монофазных» индивидов, хотя конечно, не как правило, а как исключение из общей языковой полифазии. Фаза бытового языка существует на всех стадиях развития человеческого общества и уже очень рано начинает сосуществовать со следующей, или второй, фазой. Эту фазу мы назовем стереотипной, или языком с выработанными стереотипами (*lingua stereotypa*). Она связана с тем, что обычно называется устной словесностью. Начинаясь с фольклора с его полиномическими стереотипами, она завершается созданием таких крупных эпосов, как «Илиада» и «Махабхарата». Во второй фазе наряду с бытовым языком возникают особенности, характеризующие язык магии и религии, особенности языка поэтических произведений, уже сочиняемых, но еще не записываемых.

Этнический язык становится полифазным. Вырабатываются стереотипные «речевые блоки», проникающие и в бытовой язык и нормализующие его. Переход от бытового языка к стереотипному не является революционным, но эволюционным. Напротив, переход от стереотипного языка к литературному языку (*lingua litteraria*), к третьей фазе языкового развития, можно характеризовать как революционный, связанный с изобретением и применением письменности, следовательно, с образованием рабовладельческих государств, с новой общественной формацией, с классовым обществом.

Само собой разумеется, что письменность первоначально обслуживала не все сферы деятельности нового классового общества. Кроме того, разрыв между бытовым и литературным языком обозначился не сразу после распространения письма. Письмо, как известно, только в новейшее время становится достоянием широких масс. Так, например, в древнем Египте на протяжении всего его многовекового существования «священное письмо» (*ta hieroglyphika grammata*, по определению греков) оставалось достоянием жрецов и специально обученных сcribes. На Крите в минойскую и ахейскую эпохи оно было доступно еще более узкому кругу людей – дворцовым писцам-регистраторам. Не может не вызывать удивления тот факт, что сравнительно с ограниченным использованием письма на минойском Крите и в ахейской Греции в Малой Азии эпохи обоих хеттских царств (XIX–XVI вв. и XIV–XIII вв.) клинопись находила гораздо более широкое применение. Так, например, тексты Нового царства хеттов обнаруживают такие жанры, как летопись царей, религиозные памятники, мифы, молитвы, эпические поэмы, законы, купчие грамоты, сочинения по коневодству. Наличие или отсутствие этих фаз в этнических языках являются показателями развития культуры обществ, пользующихся соответственными языками. Отметим, что в истории гуманитарных наук – исторической науки, филологии, языкознания, этнографии –

первые две фазы обычно исследовались постольку, поскольку они находили свое отражение в третьей фазе.

Само собой разумеется, что в нашу задачу здесь входило только наметить возможный подход к обширной проблеме, озаглавленной «Язык и культура».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры. – Труды по знаковым системам, № 5. Тарту, 1971; Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры. – Труды по знаковым системам, № 6. Тарту, 1971; Лотман Ю.М. и Успенский Б.А. Миф – имя – культура. – Труды по знаковым системам, № 6. Тарту, 1971.

2. Czerwiński Marcin. Kultura i jej badanie, [Instytut filozofii i sociologii Polskiej Akademii Nauk], wyd. PAN, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1961.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 21; Morgan Lewis Henry. Ancient Society. New York, 1877.

4. Vossler Karl. Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung. München, 1921.

5. Белецкий А.А. Система и несистема в естественном языке. – Структурная и математическая лингвистика. К., 1974, Вып. 2.

6. Лафарг Поль. Французский язык до и после революции (1888). – В кн.: Очерки по истории культуры. М.–Л., 1928. 7. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976. 8. Milewski Tadeusz. O językach literackich starożytnej Grecji. «Grecja współczesna i starożytna. [Polska Akademia Nauk, Oddział w Krakowie], PWN. Kraków, 1960.

ΟΙΜΟΣ (Из заметок по древнегреческой лексикологии)¹

На основании литературных памятников древнегреческого языка смысловое содержание слова ΟΙΜΟΣ определяется как 'путь, дорога, стезя'. Однако начало «Прометея-Узника»² дало повод приписывать этому слову еще одно смысловое значение: 'край, страна':

Χθονός μὲν εἰς τηλουρόν ἤκομεν πέδον,
Σκύθην ἐς οἶμον, ἄβατον εἰς ἐρημίαν.
«Мы пришли в далекий край земли,
на скифский путь, в непроходимую пустыню»

Надо ли только для истолкования этого места (Σκύθην ἐς οἶμον) приписывать слову ΟΙΜΟΣ еще одно смысловое значение?

До сих пор так поступали комментаторы упомянутого текста и составители авторитетных словарей, как, напр., H.G.Liddell и R.Scott³, W.Pape⁴, K.Jacobitz и E.E.Seiler⁵ и др.

Мы берем на себя смелость утверждать, что в этом нет никакой надобности.

У автора упомянутых строк речь идет именно о «пути скифов», «скифском пути» или лучше сказать – о «путях скифов», «скифских путях», так как дальше (709) скифы называются кочевниками (Σκύθας δ' ἀφίξη νομάδας – «ты придешь к кочевникам скифам»).

¹ Уперше опубліковано в: Исследования в чест на акад. Д.Дечев. – София: Българска Академия на науките, 1958. – С.57-61.

² Более точный перевод, чем обычные у нас «Скованный» или «Прикованный Прометей»: Προμηθεύς Δεσμώτης.

³ Greek-English Lexicon. Oxford, v.II, 9°, 1948, ср. *strip of land, tract, country*.

⁴ Handwörterbuch der griechischen Sprache. Braunschweig, 1908, ср. *Landstrich*.

⁵ Griechisch-deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1890, ср. *Landstrich*.

Слово ΟΙΜΟΣ (ὁ или ἡ οἶμος или οἶμος), очевидно, было в древнегреческом языке изысканным словом в отличие от обычного ὁδός (в новогреческом – δρόμος).

Оно встречается только один раз (и то не в первоначальном смысле?) в Илиаде при описании доспехов Агамемнона (Λ 24-25):

τοῦ δ' ἦ τοι δέκα οἶμοι ἔσαν μέλανος κυάνοιο,
 δώδεκα δέ χρυσοῖο καὶ εἴκοσι κασσιτέριοι,
 «(Там) у него было десять полос из темного киана, двенадцать
 из золота и двадцать из олова».

У Гесиода (Op. 290-291) оно употребляется как несомненный синоним ὁδός (ср. 288: λείη μὲν ὁδός):

...μακρός δέ καί ὄρθιος οἶμος ἐς αὐτήν
 καὶ τρηχὺς τὸ πρῶτον,
 «длинный и прямой путь к ней [т.е. к добродетели] и в начале неровный».

В так называемом гомеровском гимне Гермесу (450-452) это слово употреблено в переносном смысле:

Καὶ γάρ ἐγὼ Μοῦσησιν Ὀλυμπιάδεσσιν ὀπηδός,
 τῇσι χοροὶ τε μέλουσιν καὶ ἀγλαὸς οἶμος ἀοιδῆς,
 καὶ μολπή τεθαλυῖα καὶ ἡμέροισι βρόμος αὐλῶν,
 «Итак, я спутник олимпийских Муз, которым милы пляски и великолепное
 шествие⁶ песни, и красочный напев, и страстное звучание флейт».

В том же «Прометее-Узнике» (394-395) это слово использовано, очевидно, в своем наиболее распространенном смысле:

λευρὸν γάρ οἶμον αἰθέρος ψαίρει πτεροῖς
 τετρασκελὴς οἰωνός,
 «вот по ровному пути эфира похлопывает крыльями
 четвероногая пернатая тварь»

У Пиндара (P, IV, 247-248):

μακρά μοι νεῖσθαι κατ' ἀμαξιτόν ὥρα γάρ συνάπτει καὶ τινα
 οἶμον ἴσαμι βραχύν,

⁶ В издании Firmin Didot (Homeri carmina et Cycli epici reliquiae, Parisiis, MDCCCXXXVII, H. in Mercurium, p.548) слова οἶμος ἀοιδῆς переведены «по общему смыслу»: *modus cantionis*. Во всяком случае, ясно, что здесь οἶμος имеет не прямое, а переносное значение, ср. в словаре Liddell-Scott: «*the cours or strain of song*»; Jakobitz-Seiler: «*Gang, Weise des Gesanges*».

«долго мне идти торной тропой, а срок подходит, и я знаю короткий путь»;
также метафорически (О, IX, 47-48):

ἔγειρ' ἐπέων σφιν οἶμον λιγύν,
αἶνει δὲ παλαιόν μὲν οἶνον, ἄνθεα δ' ὕμνων,
«открой им звонкий путь стихов, хвали старое вино и цветы гимнов».

Редкие случаи употребления этого слова в прозе только подчеркивают его «поэтический» характер. Так, напр., у Платона (Resp., IV, 420, b):

Τὸν αὐτὸν οἶμον, ἦν δ' ἐγώ, πορευόμενοι, ὥς ἐγῶμαι, ἃ λεκτέα,
«Идя по этому же пути, я сказал, мы найдем, как я думаю, то, что надо сказать».

В истолковании смыслового содержания этого слова ΟΙΜΟΣ нам не представляется возможным опереться на его этимологию, потому что ее нельзя считать окончательно установленной⁷.

Вполне вероятным является предположение, что женский род этого слова возник по аналогии с наиболее влиятельным в группе древнегреческих слов со значением 'дорога, путь, тропа, стезя' — ἡ ὁδός. Не исключается возможность, что и δασεῖα (spiritus asper) в данном слове обязана своим возникновением аналогией с тем же ὁδός (καθ' οἶμον καθ' ὁδόν, Свидас; ἄοιμος ἄπορος, Гесихий).

Однако глосса ἄοιμος все же заставляет думать об исконном густом придыхании в этом слове, а, следовательно, для всех диалектов, для которых ψίλωσις не характерна, должна считаться правильной орфография οἶμος.

Вполне обоснованным является предположение о том, что οἶμος 'путь' надо отделить от οἶμος или οἶμος 'напев, мелодия' (ср. Гимн Гермесу, 451, Пиндара О., IX, 47), которое связано с οἶμη (οἶμη) 'песня, поэма, рассказ' и производными παροιμία ('пословица, поговорка') и проοίμιον, аттическое φροίμιον, ср. еще у Гесихия ἄριμον ἄρρητον⁸.

Отделяются (как по смыслу, так и по происхождению) от названных οἶμος или οἶμος (I и II) гомеровские οἶμα, οἶματος ('порыв, стремление') и аор. οἶμησε(ν) 'устремился, кинулся'. Как первое ('мелодия'), так и второе οἶμος (=ὁδός) обращают на себя внимание в отношении места ударения.

⁷ В словаре Э.Буазака (E.Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européens. Heidelberg-Paris, 1916) восстанавливается первоначальный вариант *Foἶμος, который ставится в связь с ἱεμαι, санскр. *vēmi* (√-vī), латин. *via* (м.б. *venari*), литов. *vūti* 'гнать, преследовать', старослав. **войнь** (война и пр.), однако в отношении смыслового содержания древнегреческое Foἶμος не имеет себе аналогии в подобных же образованиях родственных языков (ср. пояснения к корню *vī* в Sanscrit-Wörterbuch in kürzer Fassung bearb., von Otto Böhtlingk, 7 T., St.Petersburg, 1886, S.142); теоретически возможное от упомянутого древнеинд. корня отглагольное существительное *vēma* (ср. W.D.Whitney. Die Wurzeln, Verbalformen und primären Stämme der Sanscrit-Sprache... Leipzig, 1885, S.161) должно было бы являться омонимом *vēmaḥ* ('ткацкий станок'), производным от корня *vā, vi, u* (ср. там же, с.157).

⁸ Так сделано в словаре Э.Буазака, с.690-691.

В «Греческой грамматике» Эдуарда Швицера⁹ один раз – οἶμος приводится в числе тех греческих слов, которые сохранили то же место ударения, что и в родственных языках (I, 381, 1; наряду с древнеинд. émaḥ), а другой раз – в числе слов с суффиксом -μο- после коренных долгих гласных или дифтонгов (I, 492,3; прим.4).

В первом случае слово οἶμος не может быть использовано, если мы отрицаем его этимологическую связь с древнеинд. «éma- m. und éman- n. «Gang, Weg, Bahn» (Böhtlingk) и глаголом émi = гр. εἶμι. Во втором случае видно, что место ударения в нем не совсем обычно. Параллели для него: δᾱμος (δῆμος), κῶμος и μῶμος, у которых, очевидно, утрачено или отсутствует первоначальное членение. Что касается τῖμος, то оно определяется как обратное образование (Rückbildung) от глагола τιμάω.

Гораздо больше парокситонов с закрытыми корневыми слогами: κόσμος, ὄγμος, ὄλμος, ὄρμος, ὄχμος, πότμος, τόρμος. Таким образом, можно предположить, что слово οἶμος (οἶμος) было в «литературный» период развития древнегреческого языка обособленным и нечленимым. Причины его исчезновения связаны, очевидно, с «конкуренцией» синонимов (ὁδός, δρόμος, πάτος, στίβος, τρίβος, ἀμαξιτός; ἀτραπός, ἀταρπός, ἀτραπιτός, ἀταρπιτός) и нежелательной омонимией (ср. οἶμα, οἶμη, οἶμος I).

Пользуясь методом аналогий, мы должны заметить, что не только ни одно из греческих слов со значением 'путь, дорога, тропа, стезя' не дало производного со значением 'страна, край, область, местность', но это же самое надо сказать и о соответственных словах, напр. латинского языка (ср. *via, iter; callis, semita, trames; angiportus; cursus, meatus, actus*) или славянских языков (ср. русс. *дорога, путь, улица, тропя, стезя*; польск. *droga, kolej, ścieżka, ścieżyna; ulica*; чеш. *dráha, pěšina, stezka, ulice*; серб. *пум, друм, стаза, улица, сокак*; болг. *път, пътека, друм, улица, сокак* и пр.).

Вернемся теперь к вопросу о понимании первых двух стихов «Прометея-Узника». Как видно из стихов 707-735 (описание будущих скитаний Ио), география зарубежных стран умышленно или неумышленно представлена в этой трагедии в мифологическом свете. Страна скифов – это τηλουρόν... πέδον... χθονός, т.е. ἔσχατα γαίης (Гесиод, Th. 731) 'край земли'. Эту страну надо пройти с запада на восток, чтобы достичь гор (Уральских или Кавказских), за которыми шумит море (Океан). Население этой страны – типичные кочевники (709-711):

Σκύθας δ' ἀφίξη νομάδας, οἱ πλεκτάς στέγας
πεδάρσιοι ναίουσ' ἐπ' εὐκύκλοις ὄχοις,
ἐκηβόλοις τόξοισιν ἐξηρτημένοι,

«Ты придешь к кочевникам скифам, которые живут под плетеными крышами,
увешанные далеко стреляющими луками»

Следовательно, нет ничего необычного в том, что поэт называет обширную равнину, по которой кочуют скифы, «Σκύθης οἶμος», скифским путем или путем

⁹ E.Schwyzer. Griechische Grammatik. München, 1953, I Bd.

скифов. Отсюда никак нельзя сделать вывода о том, что слово οἶμος могло быть синонимом слов χώρα, τόπος, γῆ.

В приписываемой Аристофану Византийскому ὑπόθεσις говорится о том, что «сцена этой драмы происходит в Скифии возле Кавказской горы»¹⁰.

Уже античные схолиасты обратили внимание на «антигеографическое» совмещение в трагедии «Прометей-Узник» Скифии и Кавказа, как видно из добавления к ὑπόθεσις: «ἵστέον ὡς οὐ κατὰ τὸν κοινὸν λόγον ἐν Καυκάσῳ φησὶ δεδέσθαι Προμηθεά, ἀλλὰ πρὸς τοῖς Εὐρωπαϊοῖς τέρμασι τοῦ ὠκεανοῦ, ὡς ἀπὸ τῶν πρὸς τὴν Ἰῶ λεγομένων ἔστι συμβαλεῖν» («надо заметить, что вопреки распространенному мнению Прометей был прикован не на Кавказе, а у европейских пределов океана, как можно заключить из слов [Прометея], обращенных к Ио»¹¹).

Так как вопреки всякой географической действительности автору трагедии пришлось совместить Скифию и Кавказ (Кратос, Биа и Гефест привели Прометея на «край земли», на «путь скифов, в непроходимую пустыню» и в то же время должны приковать его к самой высокой скале, а она по представлениям греков V в. до н.э. находится в горах Кавказа), по нашему мнению, выражение «Σκύθης οἶμος» может иметь еще одно объяснение. Мы имеем в виду рассказ Геродота о вторжении скифов вслед за киммерийцами в Мидию (IV, 11-12): «Киммерийцы все время бежали возле моря, а скифы преследовали [их], имея Кавказ с правой стороны, пока не вторглись в мидийскую землю, свернувши на более прямой путь, идущий по суше». Таким образом, не только страна кочевых скифов могла называться «Σκύθης οἶμος», но и кавказское междуморье, через которое прошли в Мидию скифы, будто бы преследуя киммерийцев. Как известно, вторжение киммерийцев (VIII-VII в.в. до н.э.) и скифов (начало VII в. до н.э.) в страны Ближнего Востока подтверждается кроме древнегреческих также ассииро-вавилонскими источниками и археологическими данными. Можно предположить, что рассказ, сохранившийся у Геродота (IV, 11-12), был достаточно хорошо известен его предшественникам и современникам. Таким образом, мы приходим к выводу, что «Σκύθης οἶμος» в начале «Прометея-Узника» надо понимать и переводить в прямом, а не в переносном смысле.

Из правильных на наш взгляд переводов рассматриваемого здесь места этой трагедии укажем, напр., на английский перевод Herbert Weir Smyth¹², где оно читается следующим образом: «*To earth's remotest confines we are come, to the Scythian tract, an untrodden solitude*».

Что же касается первоначального смыслового содержания и этимологических связей этого слова οἶμος, по нашему мнению, они еще остаются не установленными.

¹⁰ Буквально: ἡ μὲν σκηνή τοῦ δράματος ὑπόκειται ἐν Σκυθία ἐπὶ τὸ Καυκάσιον ὄρος. Accusativus после ἐπὶ, очевидно, заменяет классический dativus: ἐπὶ τῷ Καυκασίῳ ὄρει, или же genetivus (ἐπὶ τοῦ Καυκασίου ὄρους) 'на Кавказе'.

¹¹ См. Aeschylus tragoediae edidit Udalricus de Wilamowitz-Moellendorff, Berolini, 1914, p.22; cf. Eschyle, texte établi et traduit par Paul Mazon, Paris [Collection des universités de France], 1920, adnot. I, p.160.

¹² Aeschylus, with an English translation by Herbert Weir Smyth, Ph.D., in two volumes, I, London-New York, 1922, p.215.

The Oronymy of Greece¹

When studying the oronyms of a locality, of a region, comparing them with the toponyms of other geographic classes of natural (physiogenic) toponyms (river names, lake names, plain names, valley names, forest names, etc.) we can observe some general features of the toponymic class of oronyms – names of mountains, mountain summits, mountain ranges, mountain-masses, table-lands, capes, rocks, crags, mountain-lands and so on, the characteristic positive shapes of earth-surface relief. But foremost one should take into consideration the geographic peculiarities of the region in question.

1) Mountain names, the oronyms, depend on geomorphologic peculiarities (the external indications, signs) of the natural physiogenic objects which they denominate (colour indicated by adjectives, morphological structure indicated by the well-known metaphors such as head, back, forehead, nose, eyebrow, finger, tooth, saw (sierra), comb, table, chair; vegetation-woods, forests, various kinds of trees and bushes, etc.).

2) Usually the positive relief shapes by their economic importance yield to the so-called zero shapes such as valleys, plains, waterways and water-surfaces, etc. and also to the negative shapes (surfaces below the average level of the dryland or below the level of the world-ocean). However, if the question is about the names of large-scale objects, they are commonly connected with the mythology and religion of ethnical units that dwell on the actual territory (the convincing examples can be readily afforded by Greece and India).

3) The oronyms of an actual territory as a limited toponymic class, reveal, if it is possible to discover, their etymologies on the basis of a known language, rather many-sided connections with the names of other natural (physiogenic) objects such as rivers, lakes, islands and also with the names of anthroponymic objects such as populated ar-

---

¹ Уперше опубліковано в: Akta Trzynastego Międzynarodowego kongresu onomastycznego, Kraków, 21-25 sierpnia, 1978 / pod red. Kazimierza Rymuta. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1981. – S. 187-196. Упорядники висловлюють щирі вдячність професору Ягеллонського університету в Кракові панові Мирославу Скаржинському за неоціненну допомогу в пошуках цієї праці А.О.Білецького.

eas and settlements. But in most cases it seems difficult to define directions which these connections take – either from the oronyms to other toponyms or from other toponyms to the oronyms.

4) Like the changing of other natural objects, the changing of names of positive shapes of relief is usually connected with the changes in the ethnic structure of the population of an actual region. But in this process: a) all or almost all former names are liable to be substituted by the new ones, b) they are preserved like all or nearly all former names of the objects important for their size or other peculiarities, c) former names can be translated into the language of some superstrative ethnic group, d) the substrative names as synonyms can coexist for some time with superstrative names as it is seen in modern Greece, e) the substrative names can be assimilated by way of approximation on the basis of their phonetic form to lexical elements of some superstrative language.

Most remarkable possibilities of changing take place both in the class of oronyms and in other toponymic classes. The principal sources of investigation of ancient Greek oronymy or mountain names of ancient Greece are provided in the first place by the works of Greek authors and, to a certain extent, by Roman authors. The investigation of the Greek oronyms on such a basis is facilitated considerably by availability of the dictionaries of proper names such as Dr. W. Pape's *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*, 3° Auflage neu bearbeitet von Dr. Gustav Eduard Benseler, Braunschweig, 1911 (two volumes), and geographic maps in historical atlases, such as, e.g. G. Droysens' *Allgemeiner historisches Handatlas*, Bielfeld und Leipzig, 1886, and others.

Among the mountain lands of Europe Greece – a mountain land *par excellence* – is characterized by the most complicated relief that formerly divided those tribes which inhabited it from the neolithic period. Although the mountains of Greece and its islands are not very high, at least 43 summits among them exceed 2,000 m. The highest peak is in Thessaly – the mountain mass of Olympus – Πάνθεον, now Μύτικας – 2,917m.

Before being populated, most of the southern part of the Balkan Peninsula was submerged in the sea, and the islands of the Ionian and the Aegean Seas were once mountain tops. The sea – from the south-east and the west – cuts into the land by the large gulfs. In Greece only one settlement is situated at the distance of 1200 m. in straight line from the sea – Trikkala, all the others are situated closer to the sea. Since ancient times the mountains of Greece have been comparatively scarcely populated. In modern Greece only 15% of the population live in the mountain regions situated at over 500 m. above sea level, 2/3 of the population live at an altitude less than 200 m. In ancient times the islands of the Greek seas were probably more densely populated and were economically and politically more important. Nowadays, only 134 out of 437 Greek islands are inhabited and 303 are desert. In spite of that, during the more than three and a half thousand years' history of the Greek people the mountains and islands of Greece constituted an important factor in the development of events. There are certain reasons to suppose that the names, non-etymologized on the basis of the ancient Greek dialects and preserved in the above-mentioned sources and in the present oronymy of Greece, are mostly inherited from the prehellenic population of the south of the Balkan Peninsula and the adjacent islands. The majority of the scholars who study the prehistory of the neolithic tribes of this part of the Balkan Peninsula believe that the

forerunners of the proper Greek tribes in this region were both the non-Indo-European tribes of the ancient Mediterranean race and non-Hellenic Indo-European peoples. You can find more details on this problem in the book by Michel Sakellariou, *Peuples préhelléniques d'origine indo-européenne* (it is the second volume of the series «Le Peuplement de la Grèce et du bassin Égéen aux hautes époques»), Ekdotikè Athenon S.A., 1977. The author has taken into account all modern theories and hypotheses concerning this problem. We may justly suppose that the most ancient prehellenic oronyms after the analogy of etymologized oronyms, like the present Greek oronyms, are derivatives of some common words semantically connected with geomorphologic features of positive relief objects. We are far from enumerating here all the non-etymologized or very unreliably etymologized oronyms of the area in question. It will be enough to mention the following: Ἀθως, Ἀροάνια, Βέρνον, Βερτίσκον, Ἑλικών, Ἐρύμανθος, Ἰθάκη, Ἰθώμη, Καμβούνια, Κιθαιρών, Κυλλήνη, Μαίναλος, Οἶτη, Ὀσσα, Ὀλυμπος, Παρνασσός, Πάρνης, Πάρνων, Πήλιον, Πίερος, Πίνδος, Τόμαρος, Τύμφη, Τυμφρηστός, Υμηττός, Φολόη, etc.

We must remark that while investigating the oronyms of ancient Greece we can rarely draw some positive conclusions as to their pedigree, not having at our disposition sufficient amount of synonyms and at the same time ignoring the non-Greek languages of the historical Greek area.

1) When studying ancient Greek oronymy one must take account of geomorphologic terms of the ancient Greek language that nominate the positive relief shapes.

We will cite some of them:

1. τὸ αἶπος (Ἀθῶν, Παρνασσιον) – steepness, steep mountain.
2. ἡ ἀκμή – top, summit.
3. ἡ ἄκρα, τὸ ἄκρον, cf. ἡ ἀκρόρεια, ὁ ἀκρόλοφος – the same and peak.
4. τὸ ἀκρωτήριον – promontory, cape.
5. ἡ ἀπορρώξ, ἡ ἀπορρώγας – cliff, precipice (ἡ ἀπορρώξ πέτρα – broken off rock).
6. ὁ βουνός – mountain, see modern Greek τό βουνό.
7. τὸ ἔσχατον – top, summit.
8. ἡ κλιτύς, τὸ κλίτος – slope, mountain side.
9. ὁ κολοφών – hill.
10. ἡ κολώνη – the same.
11. ἡ κορυφή – summit, peak.
12. ὁ κρημνός – cliff, precipice.
13. ὁ λόφος (ὁ γεώλοφος) – hill.
14. τὸ ὄρος – mountain.
15. τὸ ὄφρυς – brow of a hill, crag.
16. ὁ πάγος (cf. ὁ Ἄρεως πάγος) – hill.
17. ἡ πέτρα (ὁ πέτρος) – stone, rock, crag.
18. ἡ πλευρά – slope, mountain-side or hill-side.
19. ὁ πρῶν – slope, hill-side.
20. ἡ ρίζα – foot (of a mountain, of a hill).
21. ἡ πρυμνώρεια, ἡ ὑπώρεια – the same.

22. τὸ ὕψος, τὸ ὕψωμα – height.

From these terms only ἡ ἄκρα, τὸ ἀκρωτήριον, ἡ κορυφή, ὁ λόφος, τὸ ὄρος, ὁ πάγος, ἡ πέτρα are found as components in the ancient Greek oronymy. We will not enumerate the terms for the so-called zero and negative terms for geomorphologic relief.

It goes without saying that Modern Greek terminology for these geographic objects is more detailed, see on this the work by Παῦλος Π. Γεννηματᾶς, *Ἡ τοπωνυμολογία ὡς τεχνολογία καὶ τὰ ἐλληνικὰ τοπωνύμια εἰς τὴν ξηρὰν καὶ τὴν θάλασσαν*, Ἀθῆναι, 1977.

2) For the ancient Greek mountain names (the oronyms) we can now propose the following semantic classification:

a) From animal names:

a.1. Σκύλλαιον or Σκυλλαῖον ἀκρωτήριον – a cape in Argolis (and in Brutium) originated from σκύλαξ – young dog, puppy, cub, cf. a proper name Σκύλαξ.

a.2. Κυνὸς κεφαλαί – ὁ κύων, literally «Dog heads» – two hills near Scotoussa in Thessaly and a height between Thebae and Thespieae in Boeotia.

a.3. Κυνόσουρα – from οὐρά «tail», literally «Dogtail» – mountains westwards of Marathon in Attica, mountains to the West of Salamis island, mountains in Laconica and on Crete.

a.4. Κυνὸς σῆμα – from σῆμα «grave», literally «Dog's grave» – a cape on the Chersonesos of Thrace (also a cape in Caria and two localities in Libya and Marmarica).

a.5. Λυκόσουρα – from λύκος «wolf», literally «Wolf tail» – a town in Southern Arcadia, also Λυκούρια – a town in North-Eastern Arcadia; these names belong to the so-called astyonyms probably based on oronyms, cf. Λυκωρεὺς – a summit of Parnassus, Λυκώρεια or Λυκώρεια – a town near Delphi (name connected with the myth of Deucalion).

a.6. Λύκαιον – a mountain in Arcadia apparently not connected with λύκος but derived from the epithet Λύκαιος (Λύκιος) of Zeus, Apollo and Pan.

a.7. Αἰγαῖον ὄρος (cf. with Αἰγαῖον πέλαγος) – one side of Ida mountain on Crete and Αἰγά or Αἰγαία – a cape in Aeolis (also Κάνη, Κάναι); if from αἶξ, αἰγὸς «goat» would be «Goatmountain», but also αἶγες τὰ κύματα. Δωριεῖς (Hesychius) – «waves» called so by Dorians.

a.8. Αἰγαλέον – a mountain in Messenia near Pylos, a mountain spur of Λύκαιον (a.6) and Αἰγάλεων ὄρος or Αἰγάλεως λόφος – a mountain in Attica between Athens and Eleusis, also the ancient name of Κυλλήνη mountain – Αἰγιαλοί (or Αἰγιαλός?) and Αἰγιαλός – the same as Ἄργος and Σικυών – a possible connection with αἶξ (a.7), cf. Αἰγίνα.

a.9. Κριοῦ μέτωπον – it is from κριός «ram» and μέτωπον «forehead», literally «Ram's forehead», capes in South-Eastern Crete and on Chersonesos of Tauris.

a. 10. Γεράνεια – also τὰ ἄκρα τῆς Γερανείας, τὸ ὄρος ἡ Γεράνεια – from γέρανος «crane», literally «Crane mountain (s).»

a.11. Κόραξ – a mountain in Aetolia near the town of Naupactus in the land of Locri Epiknemidioi, also in Chersonesos of Tauris and Sarmatia – from κόραξ «ra-

ven,» literally «Raven» (mountain); also a cape on the island of Paros; *Κόρακες* – mountains in Thessaly, *Κόρακος πέτρα* – in the south of the island of Ithace (cf. also *Κοράκιον ὄρος* in Asia Minor northwards to Colophon, *Κορακήσιον* on the boundary of Cilicia and Pamphylia).

a. 12. *Χελωνάτας* – a cape in Elis (eleia) opposite to the island of Zakynthos, also *Χελωνίτις ἄκρα* and simply *Χελώνη* – a cape on the island of Cos – from *χελώνη* «Tortoise or turtle.»

a. 13. *Κερκίνη* – a mountain between the rivers *Ἀξιός* and *Στρύμων* in Northern Greece, from *καρκίνος* or *κερκίνος* «crab.»

a. 14. *Ἀραχναῖον* – mountain-mass in Argolis, from *ἀράχνη* «spider» (one must compare it with the oronyms of Crimea: Mogabi and Karabi if derived from a dialectal Greek word «bi» from ancient Greek *ἐμπίς*, they would be «Big Spider» and «Black Spider»).

a. 15. In present names – *Χελιδώνα* – «swallow».

a.A. From different body parts of man and animals.

a.A.1. *Κυνὸς κεφαλαί*, see a.2.

a.A.2. *Κυνόσουρα*, see a.3.

a.A.3. *Λυκόσουρα*, see a.5.

a.A.4. *Κριοῦ μέτωπον*, see a.9.

a.A.5. *Κέρατα* «Horns», the mountains between Attica and Megaris (now *Κανδήλι*, from ancient lat. *κανδήλη* «candle, torch»); *Κέρας* – «Horn», a cape and a gulf in Byzantium.

b) There are few from plant names, e.g.:

b.1. *Ἄμπελος* – a cape on the gulf Toronaicus in Macedonia, a cape and a mountain on the western shore of the island of Samos (also called *Κανθάριος ἄκρα* and *Capo Domenico*), a cape and a town on Crete (cf. *Σαμώνιον*), also a cape and a town in Cyrenaica and Liguria.

b.2. *Κισσός* (ὄρος) or *Κισσοῦς* – a mountain in Mygdonia southwards of the town of Thessalonica (Salonica). It is difficult to maintain that the modern name of the mountain Ossa in Magnesia *Κίσσαβος* would be connected with this ancient Greek word *κισσός* which means «ivy.»

c) Only few oronyms were derived from the names of various things.

c.1. *Δρέπανον* – capes in Achaia, on the islands of Icaria, Cyprus and Sicily, from *δρέπανον* «sickle.»

c.2. *Κάναστρον* (variants *Καναστραῖον ἄκρα* or *Κανάστραιον ἄκρα*, *Κανασπραίη ἄκρα*, *Κανάστρα*) – a cape on the peninsula of Pallene, from *κάναστρον* «wicker basket» or «earthen vessel.»

c.3. *Ἰπνοί* «Ovens», a town, and *Ἰπνῶν ἄκρα* «the cape of Ovens» in Magnesia.

d) From different external signs:

d.1. *Λευκά ὄρη* (now *Σφακιανές Μαδάρες*) – «White mountains» on Crete, cf. the well-known Mont-Blanc.

d.2. *Ἐρυθραῖον ἄκρον* – on Southern Crete, from *ἐρυθρός* «red.»

d.3. *Φαλάκρα* – one of the four summits of the Ide mountain in Troas in Asia Minor, also called *Φάλακρον* and *Φαλάκραι*; *Φαλακρόν ἄκρον* or simply *Φάλακρον* – a cape on the island of Kerkyra (Corphu); *ὄρος Φαλακρόν* between the rivers Strymon and Nestos, from *φαλακρός* «baldheaded» and *φαλάκρα* «bald, bare hill,» cf. in Poland «Łysa góra», «Łysogóry» and in the Ukraine «Лиса гора».

d.4. *Μέλαν ὄρος* and *Μέλαινα ἄκρα* «Black mountain (s)» we find only outwards of Greece in Arabia Felix and in Arabia Petra.

d.5. *Μέλαινα ἀκτὴ* or *Μέλαινα ἄκρα* (now Kara Burun), also *Καλὰ ἄκρα* – a cape in Bithynia, in Asia Minor.

d.6. *Μέλαινα ἄκρα* – the north-west extremity of the island of Chios (Strabo); the adjective *μέλας*, *μέλαινα*, *μέλαν* we often find in the names of rivers and other water surfaces.

d.7. *Μελάμφυλλος* – from *μέλαν* «black» and *φύλλον* «leaf,» «leafage» – a mountain in Thrace and old name of the island of Samos.

d.7.A. In modern names *Μαῦρον ὄρος*, *Μαυροβούνι*.

d.8. *Καλλίδρομον* or *Καλλίδρομος* from *καλός* «good» and *δρόμος* «way» – a part of the *Οἷτη* mountain in Locris not far from Thermopylae («Warm mountain pass»); also according to some other sources – a mountain range reaching the gulf of Ambracia.

e) From the names of various tribes (from the ethnonyms).

e.1. *Ἀθαμανικὰ ὄρη* in Epyrus from tribe name *Ἀθαμᾶνες*, their country *Ἀθαμανία*, or *Ἀθαμαντία*, τό *Ἀθαμάνιον πεδίον*, cf. the proper name *Ἀθάμας*.

e.2. *Παναϊτωλικὸν ὄρος* – from tribe name *Αἰτωλοί* in the Middle Greece.

e.3. *Παναχαϊκὸν ὄρος* – from tribal name *Ἀχαιοί* «Achaeans» on the North-West Peloponnesus.

e.4. *Αἶμος* or *Αἷμος* – a range of mountains in Thracian lands, now designated with the Turkish name Balkan. The probable connection of this oronym *Αἶμος* with the common name in ancient Greek τὸ *αἶμα* «blood» seems to be questionable and manifests itself only by loud coincidence. There remains a supposition about the possible connection with the ethnonym *Αἷμονες* (cf. singular form *Αἷμων* and the proper name in «Antigone»). The land of *Αἷμονες* according to ancient sources was *Αἰμονία* (Strabo, Dionysios of Halicarnassus) that afterwards took the name *Θεσσαλία* or *Θετταλία* (cf. *γαῖα Αἰμονίη* by Apollonius of Rhodes and *Αἰμονίης πεδίων* by Nonnus of Panopolis). If Haimones came to their historical site from the north, then the mountain range Haimos would be their Olympus. Michel Sakellariou (cited above) supposes that Haimones were one of the prehellenic Indo-European tribes along with Pelasgoi, Protoakhaioi and Dryopes. The interrelation between these ethnonym and oeconym is to be explained.

f) From mythologic names. They are numerous enough, if to take into account the importance of mountains for myths, rituals and religion.

f.1. *Ἀρτεμίσιον ὄρος* – a mountain in Argolis. *Ἀρτεμίσιον ἄκρωτήριον* – a cape on Euboeia.

f.2. *Δῖον* – from adj. *δῖος* «divine» or «belonging to Zeus» – another cape on the same island.

f.3. *Καρνεάτης* – a mountain in Sicyonia (Strabo) – from an epithet of Apollo *Καρνεῖος* or *Κάρνειος*; *Καρνησσόπολις* – a town on Crete.

f.4. *Νύμφαιον* or *Νυμφαῖον* – a cape on the peninsula *Ἀκτὴ* of Chalcidice, from *νύμφη* «nymph»; also a mountain and a port town in Illyria on the boundary of Macedonia; a mountain in Arcadia and a town in Laconica, Bithynia and Kimmerikos Bosphoros.

f.5. *Ποσειδώνιον* – from *Ποσειδῶν*, capes on the peninsula of Pallene, in the south of Italy near the town of Rhegium, in the south-west of the island of Chios, in Sicily, Bithynia, Caria and Cilicia.

f.6. *πάγγαιον* or *Παγγαῖον* (ὄρος), *Πάγγαῖος τόπος*, *Παγγαίου πέτρα* – a mountain in Eastern Macedonia (the highest summit Kuznitsa «forge») – there was a mythological eponym Pangaïos, son of Ares and Kritoboule. It is rather difficult to decide about the interrelation of these proper names.

f.7. *Δίκη* (*Δίκτον*) – a mountain range on Crete. *Δικταῖον ἄντρον* – the birth-place of Zeus (now *Λασηθιώτικὰ βουνά* with the highest summit *Ἀφέντης Χριστός*), the name probably connected with Laconian *δίκτης* = *ὁ ἰκτίνος* «black kite,» *Milvus*, then an animal oronym, also *Dicte* – a nymph and *Δίκτυννα* (*Δίκτυνα*, *Δικτύννη*) – a goddess *Ἄρτεμις Δυκτυνναία* or *Βριτόμαρτις*.

f.8. *Δικτύνναιον* (cf. f.7.) – a cape on Crete also called *Τίτυρος* or *Τίτυρον* from *τίτυροι* = *σάτυροι* (Italian *Capo Spada*).

Among the present oronyms of Greece there are many connected with religion, e.g. *Ἅγιος Ἡλίας* (Lesbos), *Προφήτης Ἡλίας* because Prophet Elijah was considered to be a deity of thunderstorm and lightning and his dwelling place is on the mountain tops.

g) The most numerous class of the easily etymologized Greek oronyms are the names derived from numerals.

g.1. From *πέντε* «five». *Πεντέλη*, *Πεντελή*, *Πεντελικόν ὄρος* in Attica, evidently named so after its five summits: *αἱ πέντε κορυφαί*. The form *Μεντέλη* instead of *Πεντέλη* is more recent. In the *Description of Greece* by Pausanias *Πεντέλη* or *Πεντελικόν ὄρος* is identified with the mountain *Βριλησσός*. In Arcadia we find also the mountain *Πεντέλεια* (Hesychios, Photius) and in another part of that land – a town *Πεντέλειον* (*Πεντέλιον*, *Πεντέλλιον*, Plutarchus). *Πενταδάκτυλον ὄρος* or *Πενταδάκτυλος* is mentioned in the *Geography* by Claudius Ptolemaeus. A locality near ancient Sparta was called *οἱ Πέντε λόφοι* «Five hills.» In the north of Cyprus a mountain-mass bears the name *Πενταδάχτυλο*, and the modern name for *Ταῦγετος* is *Πενταδάχτυλος* «Five fingers.»

g.2. From *τρεῖς*, *τρία* «three» (*τρι* – in common words). *Τρικάρανον* «Three-headed» – a mountain in Phlissia in the north of Peloponnesos. Ptolemaeus mentions the mountain *Τρισκόρυφος* in Arabia Felix. A mountain-pass on the mountain *Μαίναλον* or *Μαίναλος* in Arcadia was called *Τρίοδοι* «Three ways.» The modern name of the mountain Olympus of Cyprus – *Τρόδος* – is etymologized as *Τρίορος*. The most frequent use of this numeral is observed in the town names, in astyonyms like *Τρίπολις* in Greece and elsewhere.

g.3. From τέσσαρες (τέτταρες), τέσσαρα (τέτταρα, τέτρα in compound words). The medieval name of a mountain in Messenia – Τετράγιον was derived from the original Τετράγιον ὄρος, it is ὄρος τῶν τεσσάρων ἁγίων «Mountain of the four saints.»

g.4. Among the oronyms derived from numerals we must also rank those containing δίδυμος, δίδυμον «double, twofold,» e.g. Δίδυμον ὄρος in the north-east of Peloponnesus.

As a rule, the modern oronyms in Greece are not translations or interpretations of the ancient ones. They don't afford us grounds for etymologizing the ancient names of positive relief objects. Let me cite some examples of the oronymic synonymy:

Αθαμάνων ὄρη	= Τζουμέρκα, Τσουμέρκα
Αροάνια ὄρη	= Χελμός
Βόϊον	= Γράμμος
Δίκητη	= Λασηθιωτικά βουνά
Ελικών	= Παλαιοβούννα
Ερύμανθος	= Ώλονός, Ώλονος
Ίδη	= Ψηλορείτης
Καφηρεύς	= Καβοντόρος
Κιθαιρών	= Έλατιάς
Κυλλήνη	= Ζήρεια, Ζύρια, Ζίρια
Λάκμων	= Περιστέρι
Οἶτη	= Καταβόθρα
Όσσα	= Κίσσαβος
Παρνασσός	= Λυάκουρα (cf. Λυκωρεύς) and Γεροντόβραχος
Πάρνης	= Όζά
Πάρνων	= Μαλερβός
Πήλιον	= Ζαγορά, Κισσός, Τσαγγαράδα
Ταίναρον	= Ματαπᾶς
Τάυγετος	= Πενταδάχτυλος and Προφήτης Ήλίας
Τύμφη	= Καμήλα or Γκαμήλα
Τυμφρηστός	= Βελούχι.

One can state that it is the general tendency to preserve ancient names, which manifests itself in the Modern Greek official geographic nomenclature.

The morphologic analysis of the ancient Greek oronymy and of other toponymic denominations doesn't give us unquestionable results. We may cite here one instructive example. In several ancient oronyms we can separate the final element (postponent), which is seen either in the name of a mountain on the island of Delos – Κύνθος (Κυνθία πέτρα, Κύνθον ὄρος or Κύνθος ὄρος) and from the ancient Greek sources we learn that Δῆλος in ancient times was called Κύνθος as well. In the south of Aetolia a mountain was named Ἀράκυνθος and there was another mountain with the same name in Attica where Ἀθηνᾶ Ἀρακυνθία or Ἀρακυνθίας was worshipped. If, however, we ignore the meaning of the initial element (preponent) Ἀρα – we can scarcely identify this oronym Κύνθος with the final element of Ἀράκυνθος, however seductive it may be. On Crete we find the oronym Βερέκυνθος, Βερεκύνθιος ὄρος and in Asia Minor this Βεράκυνθος was the name of the priest of Μεγάλη

μήτηρ θεῶν (of the Great Mother of Gods). From the glossogeographic works we learn that *Βερεκύνδαι* or *Βρεκύνδαι* were the gods of Phrygians and *Βερεκυνθία* is the same as Phrygia, *Βερεκύνται* or *Βερέκυντες* were members of a clan in *Μεγάλη Φρυγία* and *Βερεκύντης* was hero-eponym of *Βερεκυντία*, that is *Φρυγία*. At last *Βερεκυνθία* (*Βερεκύντία*, *Βερέκυντος*) was a fortified town in Phrygia. One may ask now if *Βερέκυνθος* on Crete could be «Phrygian mountain». Οἱ *Βερεκύντιος* was an epithet of a historical person – Midas II, a ruler of Phrygia, son of Gordius (VIII B.C.). The same final element – *κυνθος* may be found in the name of the island of *Ζάκυνθος* (also a town name, otherwise *Ζάκανθα*, Saguntum). It is very remarkable that *Ζάκυνθος* was connected with *Κυνθος* = *Δήλος* and *Πάρος* was called *Ζάκυνθος* as well. And now – wir sind «so klug als wie zuvor».

We obtain more essential results when we can operate with the elements of a definite language. For example, we shall try to etymologize the oronym *Ὅθρυς* – a mountain in Phthiotis (or Achaia, the southern part of Thessaly). If we can rely on the trustworthiness of the glosses of Hesychius *ὄθρυν* – *Κρήτες τό ὄρος* (*ὄθρυς* – Cretans call the mountain), and *ὄθρυνόν* – *τραχύ, ὑλῶδες, δασύ, κρημνῶδες* (jagged, rugged, prickly; woody, wooded; dense; steep), then we could consider that there would be an immediate connection between those words and the oronym *Ὅθρυς*. Taking into consideration the similar formation of names: *Ὅθρυνάδες* or *Ὀδρυνάδας*, *Ὅθρυνας*, *Ὅθρυνεύς* and *Ὀφρυνεύς* (Hector's son), *Ὀφρύνιον*, *Ὀφρύνειον*, *Ὀφρυνος* or *Ὅθρυνός* – name of a town in Troas near Hellespontus – all these gives us an opportunity to make a supposition concerning the existence of the phonetic variation *ὀφρύς* and *ὄθρύν* – first as a common noun and then as a proper name – metaphorically.

Another example is afforded by an oronym on Lesbos – mountain *Λεπέτυμνος*, which can be considered as a name of Carian origin. This suggestion is based on the comparison with Carian towns *Τύμνος* and *Τυμνησός* (also *Τυμνησός*) and a personal name *Τύμνης* (Histiaios' father by Herodotus) and a gloss *τυμνία* = *ῥάβδος* («rod») in Carian. It is possible to read the proper name *Τυμνασέας* on a coin from Sardes. There certainly remains a difficulty with the initial element *Λεπε-*, although it seems to be found in another oronym of Caria *Λεπατάλεα*, *-έων* (the Modern Greek name for it is *Πρασονήσι*).

We have no reliable grounds to prove the probability of connection between the name *Ταίναρον*, *Ταίναρος*, *Ταινάριον*, *Ταινάρια ἄκρα* (a cape between Messenian and Laconian gulfs) and the Greek common word *ταινία* «band, headband, bandage, ribbon,» although this noun was used as a geographic term: «strip or tongue of land» and «sandbank». We know that on this cape there was a temple consecrated to Poseidon and the deity was accordingly called *Ταίναρος*, cf. *τὰ ταινάρια* his solemnity, and a town of the same name.

On the contrary, nobody will doubt the immediate connection of the toponyms *Ἀκρίτας*, *Ἀκρίτας ἄκρα* – a cape and nearby islands *Ἀκρίτας* or *Ἀκρίτης* – with the common Greek words *ἄκρα*, *ἄκρον*, *ἄκρωτήριον* (see also *ἄκρωρεια*, *ἄκρόλοφος*).

There are some grounds to suspect the original connection between the oronym *Οἶτη* and the radical element in the Greek verb *εἶμι* (I shall go), cf. the derivatives *οἶτος*, *οἶμος* «way, pass», originally comprehended as a «Mountain-pass», the variants *Οἶτης πάγος*, *Οἶταια ὄρη*, *ὄρη* (or *οὔρεα*) *τῶν Οἶταιων*. A parallel to this

connection is likely to be found in the common Greek *λαύρα* «alley, lane, passage» (cf. in Alexandria of Egypt *Λαύρα Εὐδαιμονων* and the famous mountain *Λαύριον*, *Λαίρεια*, *Λαύρειον* with its silver mines).

There is a certain probability that the oronym *Ίδη* originated from the common word *ἵδη* = *ῥλη* (so Herodotus, Theocritus), which means «wood, mountain covered with woods», but we ignore the origin of this common word. There were mountains called Ide 1) in Mysia (Moesia) – *Ίδη ἢ Τρωική* or *Τευκρίς*, 2) on Crete – *Ίδη ἢ Κρησσα*, *ἢ Κρητική* or *Κορυβαντίς*. Besides these, in the Thracian Chersonesos there was a town named Ide. *Ίδομένη* was the name of two hills in Acarnania near the gulf of Ambracia. According to the Greek mythology, Ide was the daughter of Corybas on Crete. *Ίδομενεύς* was the chief of Cretans in the Trojan War. The name Idos is written on a Phrygian coin. However, we may have here a certain etymology of the same Greek oronym. The contemporary name of the mountain Ide is *Ψηλορείτης* (from *ψηλός* = *ύψηλός* «High» and *ὄρος* «mountain»). However seductive it may seem, we cannot draw a positive conclusion out of the resemblance of the initial elements in *Παρνασσός* (*Παρνασός*, *Παρνησός*, *Παρνησός* and probably *Λαρνασσός*) – *Πάρνης* (-ηθος), *Πάρνων* and a town *Πάρνασσος* situated in the centre of Asia Minor. The investigators took notice of the likeness of these elements to a Hittite-Luwian common word for «house» – *parna* (cf. Heubeck, *Praegraeca* p. 50, 52, and Palmer, *Mycenaeans and Minoans*, p. 348–349).

It is a remarkable fact that the same oronym can be found in the area of ancient Greek dialects in different regions and localities. The most striking example of this fact are the oronyms Olympus and Ide. Their frequency in the Greek oronymy allowed drawing a conclusion that in some substrative language they were common words, e.g. «White or glittering mountain» and «Woody mountain». The Thessalian Olympus (*Olympus par excellence*) – the dwelling of the Olympic gods – has at least 16 most eminent summits. Others were in Asia Minor, in Mysia, Bithynia, Triphylia, on Cyprus (now Troodos), in Attica (*ὁ Λαυρεωτικός*), on Lesbos, in Arcadia (also Lycaeon). This oronym was also used in the plural form *Ὀλυμποι*, probably to designate all the summits of this mountain range. We can find the oronym Ide in Troas (*Ίδη ἢ Τρωική* or *Τευκρίς*) and on Crete (*Ίδη ἢ Κρησσα*, *ἢ Κρητική*, *ἢ Κορυβαντίς*), also a town of Ide on the Thracian Peninsula. Now all the eminent summits of Thessalian Olympus have their Modern Greek names:

Μύτικας (or *Πάνθεον*), *Στεφάνι* (or *Θρόνος Διός*), *Άγιος Αντώνιος*, *Καλόγερος*, *Κακαβράκος*, *Παλαιομανάδαρι*, *Πετρόστρουγγα*, *Προφήτης Ηλίας* (or *Άγιος Ηλίας*, *Αηλιάς*), *Σκάλα*, *Σκούρτα*, *Σκολιό*, *Σταυραητιά*, *Τούμπα*, *Πάγος*, *Χρηστάκη*, *Μαυρόλογγος*.

We cite them because they are very characteristic of the Modern Greek oronymy. A great part of the Modern Greek oronyms originate from the common words of the Modern Greek language. A few of them are of Slavonic origin, e.g. *Γράμμος*, *Βελοῦχι*, *Ζαγορά*, *Χελμός* (and evidently *Χολομών* and *Χλωμών*), *Κάμενικ* and of Turkish origin as well, e.g. *Καρτάλ*, *Τσάλι*, *Αχλάτ Τσάλ*, *Καϊμάκ-τσαλάν*, *Καρά Ντάγ*, *Καράδερε*, *Τοκαντζίκ* and some more of other origins.

The etymological investigation of the Modern Greek oronymy doesn't offer us those difficulties which we find in the investigation of the ancient Greek mountain names.

А.А.Белецкий, Ф.А.Никитина
**О некоторых вопросах теоретического
и прикладного языкознания¹**

Классики марксизма-ленинизма утверждали, что язык выполняет особо важную роль в жизни человека и общества и выделяли две его основные функции – коммуникативную и познавательную. «Язык, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс, – так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [1].

В основе советского языкознания лежит тезис о неразрывной связи языка как общественного явления с мышлением и культурой.

В силу того, что в советском и зарубежном языкознании последних десятилетий определенное место отводилось использованию формальных методов исследования языкового материала, необходимо хотя бы кратко остановиться на их оценке с позиций марксистско-ленинской методологии, отвергнуть те формалистические изыскания, которые не приносят пользы ни теоретической, ни прикладной лингвистике.

Недостатки генеративной грамматики Н. Хомского, о которых много писалось в отечественном языкознании [4, 5], проявившиеся, в частности, в формализме, игнорировании смысловой стороны языка, в несоответствии основных выводов, к которым приходит эта теория, наконец, использование этой грамматикой методологического аппарата идеалистической философии – все это имеет корни в истории американской лингвистики и проявляется в работах других американских исследователей.

---

¹ Уперше опубліковано в: зб. Структурная и математическая лингвистика // Ежегодник по структурной, прикладной и математической лингвистике. – К.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1981. – № 9. – С.3-6.

В последние десятилетия американские лингвисты уделяли особое внимание разработке формализованных процедур анализа, имитирующих нарочитой «строгостью» изложения описание моделей при математическом моделировании (например, работы З.Харриса, Ч.Хоккета, Дж.Гринберга в области синхронического изучения языков, в основном английского). Таковы же труды Г.Хенигсвальда, приспособившего дескриптивную методику описания языковых фактов в синхронии к анализу явлений в диахронии, даже к реконструкции определенных этапов в развитии языков, к объяснению некоторых «законов», выдвинутых еще младограмматиками [8].

Большинство этих авторов сочетает выработку формализованного описания языка с изучением его семиотических характеристик. Определенное влияние на эти работы оказывает и бихевиоризм, рассматривающий язык как речевой аспект поведения человека. Так, Дж. Гринберг в «Очерках по лингвистике» [7] говорит о двух путях описания языка: как системы сигналов, подчиненной правилам, которые образуют грамматику этой системы, и как системы моделей поведения, охватывающей группу индивидуумов. Таким образом, первый путь отражает семиотический взгляд на язык как на знаковую систему («система сигналов»), второй же явно тяготеет к бихевиоризму («модели поведения»); оба пути объединяет попытка рассматривать язык как систему.

Семиотический подход к языку, широко применяемый в современной (не только американской) лингвистике, оказался полезным для определенных аспектов теоретического и прикладного языкознания. Он позволил определить место языка как системы среди других знаковых систем (зоосемиотических, систем искусственных, алгоритмических языков и пр.), а в связи с этим дал толчок к возникновению лингвистики универсалий, выделяющей лингвистические константы, свойственные системе естественного языка и позволяющие противопоставлять ее другим семиотическим системам.

Выделение лингвистических универсалий – важная задача современного языкознания. Ее решение должно опираться не на схематическое использование готовых семиотических формул и выводов, не на искусственное сравнение языковых знаков со знаковым поведением животных, как это делает, например, Ч. Хоккет [6], а на серьезные типологические исследования, изучение естественных человеческих языков во всем их разнообразии и в противоречиях их структурной организации. Закономерности, обнаруженные при таком творческом отношении к языковому материалу, различные, семантико-грамматические особенности, безусловно, обогатят семиотическую теорию, позволят обнаружить семиотические константы в структуре и семантике естественных языков.

Семиотический взгляд на язык (в частности, сравнение естественного языка с формальными) оказался полезным в прикладном аспекте для выработки некоторых процессов формализации языковой семантики с целью компрессионного сжатия, хранения и развертывания информации, а также для создания более «гибких» грамматик формальных языков, приближающихся в известной мере к грамматикам естественных языков, а тем самым более легких для запоминания и использования.

Но в современной лингвистике можно наблюдать и издержки такого семиотического подхода к языку. Возникший из такого подхода взгляд на язык как на код обедняет лингвистику, сужает ее задачи и возможности исследования.

Отношение к языку как к системному объекту (при таком отношении язык рассматривается как система, состоящая из ряда подсистем, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие подсистемы) оказалось для языкознания полезным настолько, насколько полезна любая систематизация в науке. Однако последовательный подход к языку, только как к системе, без учета явлений, остающихся за пределами определенных систем или с попыткой «подогнать» эти явления под системные мерки, также обедняет и упрощает наши представления о языке. Это показал, например, в своих исследованиях Р.А.Будагов: «...в любом живом языке человечества существуют не только системные, но и антисистемные тенденции и категории» [2].

Следует помнить также, что системные отношения не образуют в языке жесткого каркаса. Структуру языковой системы нельзя свести к виду, полностью описываемому теорией множеств, потому что такой подход (при всей его кажущейся современности) схематизирует и искажает организацию языкового материала.

«Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года» предусматривают широкое применение автоматических манипуляторов (промышленных роботов). Кроме математического, в нашей науке идет речь о лингвистическом обеспечении таких роботов в будущем. Однако оно требует тщательного анализа и описания семантики, поскольку при этом предполагается использование семантических связей между понятиями окружающего мира.

При построении семантических «формализмов» для обеспечения систем искусственного интеллекта необходимо глубокое и тщательное исследование лексической семантики с привлечением данных как психолингвистики, так и нейрофизиологии. Серьезный и тщательный лингвистический анализ не должен подменяться декларативными утверждениями о задачах лингвистической теории, формалистическими процедурами различного рода (большое количество которых выработала американская лингвистика) переодеванием банальных утверждений в «точную» оболочку псевдоматематической терминологии.

Есть проблемы, при изучении которых, безусловно, полезен взгляд на язык как на знаковую систему, но не следует забывать, что он представляет собой сложное, многоаспектное явление, а знаковость – лишь один из языковых аспектов. Даже рассматривая язык как знаковую систему, следует помнить о сложности ее элементов – знаков. «Языковый знак, – пишет В.З.Панфилов, – представляет собой очень сложное, диалектически противоречивое явление... Благодаря наличию языкового знака сам процесс познания объективной действительности также приобретает социальный, общественный характер» [3].

Решение прикладных лингвистических задач, в частности, исследование прикладных аспектов семантики, должно опираться на марксистско-ленинскую

методологию науки и на серьезную теоретическую базу, созданную советским языкознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, изд. 2, т. 3;
2. *Будагов Р.А.* Система и антисистема в науке о языке. – *Вопр. языкознания*, 1978, № 4;
3. *Панфилов В.З.* Марксизм-ленинизм как философская основа языкознания. – *Вопр. языкознания*, 1979, № 4;
4. *Филин Ф. П.* Некоторые вопросы современного языкознания. – *Вопр. языкознания*, 1979, № 4;
5. *Философские основы зарубежных направлений в языкознании.* М., 1977, с. 282;
6. *Хоккет Ч.Ф.* Проблема языковых универсалий. – В кн.: *Новое в лингвистике.* М., 1970, вып. 5;
7. *Greenberg J.* *Essays in Linguistics.* Chicago, 1959; 8. *Hoenigswald H.M.* *Language change and Linguistic Reconstruction.* Chicago, 1960.

РОЗДІЛ II

ПЕРЕКЛАДИ. ПЕРЕДМОВИ. СПОГАДИ. НОТАТКИ

Було колись під Іліоном¹

«Іліада» – один із найдавніших, найвидатніших і найвеличніших творів світової літератури. Значення «Іліади» можна вимірювати не лише її впливом на світову літературу, а й кількістю мов, на які її було перекладено, числом цих перекладів, їхніх видань і перевидань. Є літератури, що можуть пишатися не одним, а кількома високохудожніми перекладами «Іліади», і серед них – російська, що має віршовані переклади М.І.Гнедича, М.М.Мінського (Віленкіна) і В.В.Вересаєва.

За відтворення рідною мовою «Іліади» не раз брались і українські поети–перекладачі. І от перед нами ще один повний поетичний переклад цього епосу, що його слухають і читають люди в усьому світі вже не менше, як 2700 років. Чи лише тому, що цей віршований епічний твір такий давній, його читають і слухають – зрідка в оригіналі, а найчастіше – в перекладі різними мовами світу? Очевидно, є в ньому щось таке, що привертає до себе увагу звичайних слухачів та читачів і вчених-дослідників.

Слова Карла Маркса про давньогрецьке мистецтво й епос – найкраща відповідь на запитання про суть притягальної сили гомерівських творів:

«Однак трудність полягає не в тому, щоб зрозуміти, що грецьке мистецтво і епос зв'язані з певними формами суспільного розвитку. Трудність полягає в тому, що вони все ще дають нам художню насолоду і в певному розумінні є нормою і недосяжним зразком». І нарешті: «Нормальними дітьми були греки. Принадність, яку має для нас їх мистецтво, не стоїть у суперечності з тим нерозвинутим суспільним ступенем, на якому воно виросло. Навпаки, вона є його результатом і нерозривно зв'язана з тим, що незрілі суспільні умови, при яких мистецтво виникло, і тільки й могло виникнути, ніколи не можуть повторитися знову» (К.Маркс, Ф.Енгельс. Твори, т.12, стор. 693-694).

---

¹ Уперше опубліковано в: Гомер. Іліада / Переклав із старогрецької Борис Тен. – К.: Дніпро, 1978. – С.5-21.

* * *

З «Іліади» й «Одіссеї» починається давньогрецька література. Греки ставили їх вище за все, що було створено ними в художній літературі. Автор трагедій Есхіл сказав про свої твори, що вони є лише «крихтами з розкішного бенкетного столу Гомера». Ці епічні поеми стали для греків скарбницею поезії, джерелами давньої історії і взагалі найвищої мудрості. На легендарного автора цих поем – Гомера – ми знаходимо посилання в різних літературознавчих, історичних, політичних, філософських трактатах як на найвищий авторитет. «Іліада» й «Одіссея» стали такими невід'ємними складниками античної культури, що з них починалася і ними закінчувалася всяка освіта. Слід сказати, що гаданому авторові цих епічних творів було побудовано храм Гомерейон у столиці Єгипту Александрії за правління Птолемея IV Філопатора, де Гомерові віддавали шану як богові, перед його статуєю, яку оточували символічні зображення міст чи країв, що сперечались між собою за право бути місцем його народження. Про поширеність рукописів «Іліади» й «Одіссеї» в античному світі можна скласти уявлення хоча б із того, що більше половини знайдених у Єгипті на початку XX ст. літературних папірусів складають уривки обох епічних поем.

Мова, стиль, образи, ідеї цих творів пронизують всю античну літературу. Великий грецький філософ Платон сказав про Гомера: «Цьому поетові Еллада завдячує своїм духовним розвитком». Крім їх суто поетичних достоїнств, «Іліада» й «Одіссея» цінні для нас ще й тим, що, незважаючи на властиві кожному епосові перебільшення і прикрашування зображуваного, вони розкривають перед нами картину суспільного життя грецьких племен давньоахейської епохи, героїчного віку XIII–XII ст.ст. до н. е. і VIII ст. до н. е., на яке припадає перше оформлення «Іліади».

Отже, ім'я Гомер ми вживаємо для означення невідомих нам малоазійських іонійських поетів VIII ст. до н. е. Остаточна «Іліада» була завершена і зафіксована на письмі, згідно з античною традицією, – десь наприкінці VI ст. до н. е. Немає сумніву в тому, що навіть і після цієї фіксації тексти обох епічних поем зазнали певних змін – скорочень і додатків (так званих інтерполяцій).

«Іліада» склалася як твір усної народної поезії, що увібрав у себе поетичні багатства так званої мікенської, чи давньоахейської, епохи. Коли цей епос виконувався мандрівними поетами (по–грецькому аойдой) і виконавцями творів (рапсодой), ще не існувало авторського права і поняття про плагіат, яких загалом не знає народна творчість. Складове письмо (так зване лінійне письмо) мікенської епохи остаточно вийшло з ужитку, до того ж його й не застосовували для запису художніх творів. Нову ж систему письма – грецький алфавіт – почали вживати, і то в дуже обмежених масштабах, лише з середини VIII ст. до н. е. Спочатку його використовували тільки для дуже коротких записів, тож твори певних авторів так званої архаїчної епохи (700–500 рр. до н. е.) спершу існували в усному виконанні, і лише в другу половину цієї епохи їх почали записувати.

У зв'язку з письмовою фіксацією художніх творів не байдужою стала ідея авторства, ідея літературної власності, чужа для общинно–родового ладу і початкових форм класового суспільства, для періоду його становлення. Отже, не-

доречно було б запитувати, хто був першим автором «Іліади»; лише можна констатувати, що під час письмового запису цього твору в античному світі міцно усталилось, що автором «Іліади» та інших епічних творів (з яких ще збереглася «Одіссея») був саме Гомер. Ця особа така ж легендарна, як Езоп – гаданий автор давньогрецьких байок. Робити якісь висновки про особи авторів або про особу останнього автора «Іліади» з відомого нам тексту можна тільки в таких напрямках: вони добре обізнані з географією північно-західного узбережжя Малої Азії, їм відомі поетичні традиції мікенської епохи, вони жили наприкінці так званої «геометричної епохи» (інша назва – «темні віки», – початок залізного віку – 1100–700 рр. до н. е.). На основі реалій (матеріальної культури) й посилань на деякі історичні факти можна гадати, що між остаточною формою «Іліади» (тобто яку ми взагалі знаємо) і «Одіссеї» минуло не менше, як сто років. Це, звичайно, перекреслює можливість категорично твердити, що обидва ці епічні твори належали одному авторові. Отже, якщо ми тепер і вживаємо ім'я Гомер і назву Гомерів епос, то тільки суто умовно.

«Іліада» і «Одіссея» дають нам можливість встановити характерні ознаки народного епосу: якнайширший показ описуваної дійсності, зображення видатних подій у житті народу, повільність розвитку дій, об'єктивність розповіді, безсторонність оповідача, щедre вживання різних поетичних зворотів, зокрема порівнянь, метафор і взагалі так званих тропів, наявність часто повторюваних словосполучень – іноді цілих рядків, іноді сполучень означуваних слів із означеннями, сталі епітети при іменниках (так званий формулярний стиль).

Незважаючи на численні відхилення – вклинення епізодів, не пов'язаних із основною лінією сюжету, композиція як «Іліади», так і «Одіссеї», без сумніву, старанно продумана. В «Іліаді» дія починається із сварки проводиря фессалійських ахейців сина Пелея та морської богині Фетіди Ахіллеса (Ахілла) і головного велителя всього ахейського війська, правителя Мікен, сина Атрея Агамемнона. Скривджений Агамемноном Ахіллес, розгнівавшись, залишає із своїми воїнами поле бою, і в його відсутність, незважаючи на героїзм інших ахейських проводирів, починаються нещастя ахейців. Гнів Ахіллеса – основна тема «Іліади». Всі інші епізоди так чи інакше пов'язані з цією темою. Своєї кульмінації основна тема досягає в XXII пісні (піснею названо кожен із двадцяти чотирьох розділів в обох гомерівських поемах), коли Ахіллес після смерті Патрокла, вбитого Гектором, мириться з Агамемноном і, жадаючи помститися, вбиває Гектора та багатьох троянських воїнів. Проте, хоч основну тему нібито й вичерпано, «Іліада» на цьому не закінчується. Ще дві пісні (XXIII і XXIV) присвячено похорону Патрокла й викупу в Ахіллеса тіла Гектора та похорону троянського героя. Ці пісні створено для того, щоб показати ахейських і троянських героїв не лише як нещадних вояків – винищувачів ворогів, але і як людей, що їм зовсім не чужі такі людські емоції, як жаль і співчуття. Завершальні епізоди виявляють справжню гуманність автора епосу. Ще від античних часів дослідники «Іліади» звертали увагу на її драматизм, у якому сполучаються трагічні й комічні моменти. Цей драматизм полягає в переважанні діалогів дійових осіб – прямої мови – над оповідними частинами – авторською мовою. Постійна напруженість дії, незважаючи на числен-

ні відхилення від основної сюжетної лінії і уповільнення викладу, збільшується тим, що обидві сторони – і ахейська, і троянська – заздалегідь знають свою долю: місто Пріама має бути зруйноване, але ціною багатьох людських жертв з обох ворогуючих сторін.

Фатум – присуд долі – тяжить над обома світами – світом богів і світом людей. Світ богів – це ідеалізоване відображення світу людей, його панівної верхівки. Навіть володар Олімпу – цар богів Зевс – змушений коритися долі. Хоч він і прихильно ставиться до троянців, зокрема до Гектора, не може, проте, запобігти їхній загибелі. Але і боги, і люди вільні в своїх учинках, які можуть лише або прискорити, або уповільнити те, що неминуче має статися.

Всі події обох світів описано як дуже правдоподібні, з усіма життєвими подробицями, і це дає дослідникам право на визначення стилю давньогрецького епосу як епічного реалізму.

Типовою особливістю цього епічного реалізму є так звана хронологічна несумісність, тобто неможливість в епосі показати дії, що відбуваються одночасно: вони показуються послідовно одна за одною. У третій пісні «Іліади» Менелай перемагає Паріса у двобої, але богиня Афродіта рятує свого улюбленця й непомітно для переможця переносить його до Пріамового палацу, де на нього чекає Єлена. В цей час Менелай даремно шукає Паріса на полі бою. Ці події зображено так: спершу двобій, потім зустріч врятованого Паріса з Єленою, а потім дія знову переноситься на поле бою, де Агамемнон оголошує Менелая переможцем.

Ця хронологічна несумісність іноді спричиняється до явних суперечностей. Так, герой Пілемен, убитий у п'ятій пісні, в тринадцятій виявляється живим, Гектор двічі вбиває Схедія, а Хромія було вбито аж три рази. Характерні для цього епосу описи природи, увага до тваринного й рослинного світів, численні порівняння світу людей із природним оточенням. Аграрна основа первісного господарства також дає привід для порівняння воєнних дій із сільськогосподарськими роботами. Оскільки «Іліада» є типовим зразком героїко-патетичної поеми, яка має оспівувати подвиги проводирів ахейців і троянців, то тут герої найчастіше порівнюються з левачами, що нападають на корів чи на отару овець.

Фольклор кожного народу як початок словесності – дописемної літератури – має в собі елементи епосу, лірики і драми.

У розвитку давньогрецької літератури епос і лірика передували оформленню драми – трагедії і комедії, проте давній епос – ми маємо на увазі «Іліаду» – вже мав у собі драматичні елементи. Напруженість дії простежується від початку й до кінця – до згасання гніву Ахіллеса після вбивства Гектора і страшенної різанини троянців, що їхні трупи заповнюють річище Ксанфу – «жовтої річки» Троади. Похорон Гектора віщує собою майбутнє падіння Пріамової твердині.

Майстерність автора полягає насамперед у тому, щоб змусити слухача або читача повірити в реальність подій, про які йдеться в творі. А чи може сучасний наш читач «Іліади» вірити в реальність існування олімпійських богів? Вони, по суті, мало чим відрізняються від інших дійових осіб епосу: ніщо людське їм не чуже. Ті ж самі пристрасті, егоїзм, свавілля, нестриманість, нетерпіння, кохання і зненависть, пиха і впертість керують їхніми вчинками. Лише одна фантастична

риса відрізняє богів від людей: люди – смертні, боги – безсмертні, хоч міфи й розповідають про народження богів і навіть... про їхню смерть! У деяких місцевостях колись показували могили того чи іншого бога, а щоб узгодити цю обставину з безсмертям, залишили для богів можливість воскресіння після тимчасової смерті. Навіть і для народжених смертними, за віруванням давніх греків, була можливість (звичайно, за певні заслуги) стати безсмертними – обожнитися, почати посмертне життя. Ахіллес – напівбог, бо його мати богиня Фетіда – безсмертна, – мусив загинути від стріли під мурами Іліона (Ахіллесова п'ята), але після смерті він стає божеством, як і чимало інших героїв. Ставши божеством, Ахіллес переселився ближче до нас, на острів Левку (Білий, Зміїний, Фідонісі), що лежав у гирлі ріки Істру (тепер – Дунай), де він і далі щасливо собі жив і де йому було побудовано храм (до наших днів не зберігся).

Інша риса, якою давні боги відрізнялись від простих смертних, не така вже й разюча, як безсмертя. Вони здатні були за власним бажанням і в разі потреби «матеріалізуватися» й «дематеріалізуватися», раптом з'являтися і зникати, прибирати різної подоби, трансформуватись. Але все це тільки для смертних, – так здавалося смертним. А втім, не слід забувати, що тут ми наштовхуємося на пережитки первісного способу мислення.

* * *

Причина Троянської війни не в ворожнечі людей: війна почалася з волі богів, – так трактувалося це питання в «Іліаді». Звертаючись до Єлени, Пріам каже:

*«Передо мною не винна ти, винні лиш вічні богове, –
То лиш вони повели на війну многослізну ахей».*

(III, 164–165)

Під цим кутом зору Троянська війна, оспівана в «Іліаді», здається просто ляльковим театром, в якому ахейці і троянці з їхніми уславленими героями – Ахіллесом, Агамемноном, Менеласом, Діомедом, Еантом Теламонідом, Одиссеєм, Ректором, Енеєм, Парісом–Александром та іншими, – лише ляльки–маріонетки в руках богів, що керують спектаклем. Олімпійські боги не залишаються байдужими до спектаклю воїнів–маріонеток. Вони не лише втручаються в хід подій, але й сперечаються між собою, і хоч і не наражаються на небезпеку бути вбитими, але зазнають ран від рук смертних.

Варте уваги те, що грізний бог війни грецький Арес (або Арей), на відміну від римського Марса, не тішився симпатіями ні людей, ні богів. Звертаючись до Ареса, Афінa і Аполлон називають його:

*«Кров'ю умиваний людодубивче Арею! Арею,
Мурів руїннику лютій».*

(У, 31)

У зв'язку з цим напрошується запитання: якщо такий антипатичний бог допомагає троянцям, то чи співчуває їм сам автор епосу? Епітети, що прикладаються в «Іліаді» до троянців, принаймні кілька з них, характеризують їх з негативного боку: гордовиті, пихаті, зарозумілі, гоноровиті. Такими ж епітетами охарактеризовано нахабних сватахів Пенелопи в «Одіссей». Але поряд із цим троянців названо сміливими, хоробрими, відважними, що вони, зокрема, видатні знавці й дресирувальники коней. (Що в Іліоні розвинуте було конярство, підтверджують археологічні розкопки). Крім того, троянці мали великі отари овець і обробляли вовну. З моря добували багато їстівних молюсків, якими постійно харчувались.

Якщо творець «Іліади» в конфлікті ахейців і троянців схилявся на бік перших, то й серед ахейців у нього були такі герої, до яких він ставився досить критично.

Взагалі «Іліада» характеризується тим, що ми назвали б епічним об'єктивізмом. Навіть ідеальному героєві Ахіллесу властиві негативні риси (взяти хоча б його згубний гнів), а його суперник Гектор зображений як благородний воїн, оборонець рідного міста.

* *

Коли згадується Троянська війна, про яку йдеться в «Іліаді» і, як прийнято вважати, і в інших епічних поемах («Кіпрії», «Ефіопіда», «Мала Іліада», «Загібель Іліона»), що не збереглися до нашого часу, то часто кажуть, ніби це була війна греків (еллінів) проти троянців. Це неправильно: в «Іліаді» елліни (греки) – це лише жителі Фтіотиди у Фессалії, Північній Греції, а їхня країна – Еллада (за назвою давнього міста) – це держава Пелея і Ахіллеса. Отже, у Троянській війні, з одного боку, виступали ахейці (ахеї, ахеяни), або панахеї, аргеї (аргосці), данаї (данаїці), а з іншого – троянці, або дардани, дарданії, дарданіони та їхні численні спільники – пеласги, фракійці, кікони, пеони, пафлагони, галізони, місійці, фрігійці, меони (лідійці), карійці, лікійці – тобто племена, що на час творення «Іліади» жили на північ від континентальної Греції та на північному заході й заході Малої Азії. В «Іліаді» ахейці і троянці розмовляють однією мовою (староахейським діалектом грецької мови) і шанують тих самих богів (тут явний анахронізм, бо в мікенську епоху шанували ще не всіх олімпійських богів).

* *

«Війна – батько всього, владар усього», – сказав колись глибокодумний Геракліт, начебто натякаючи на те, що перший відомий нам твір давньогрецької літератури був присвячений воєнній темі – збройному конфлікту ахейської і троянської коаліцій. Цей конфлікт міг статися колись у XIII ст. або XII (за Фукидідом – у 1194-1184 pp.) ст. до н. е. Але чому ми кажемо міг статися, а не стався? Бо про це ми дізнаємося саме з «Іліади», що її було складено у відомій нам формі через чотири, а то й п'ять сторіч пізніше від подій, про які в ній розповідається. Щоправда, є ще одне джерело, котре натякає на можливість таких подій, – це руїни міста на північно-східному березі Егейського моря (тепер у Туреччині).

На цьому березі Генріх Шліманн у 70-і роки XIX ст. розкопав руїни стародавніх міст і, хоч він помилився, вважаючи, що друге городище (Троя II), на Гисарликському горбі, було руїнами Гомерового Іліона, але внаслідок його аматорських розкопок було доведено історичне існування Трої – Іліона. Тепер відомо, що на місці відкритих Шліманном руїн від епохи бронзи до елліністично-римського часу існувало 49 поселень (їхні залишки – городища – позначаються в науковій літературі римськими цифрами й латинськими літерами).

Шоста Троя (Т. VI), що існувала від 1800 до 1300 рр. до н. е., була зруйнована землетрусом – явище досить характерне для Анатолії, або Малої Азії. Нарешті, сьома Троя А (Т. VII А), сучасна пізній мікенській епосі (1300–1100 рр. до н. е.), загинула, за свідченням археології, внаслідок нападу якихось ворогів (чи не тих же ахейан, про яких ідеться в «Іліаді»?). Після відносно короткого існування сьома Троя Б (1260–1100 рр. до н. е.) виявляє сліди фрігійської навали, а фрігіяни (або фрігі) вдерлись до Троади з Балканського півострова й захопили територію колишньої Несітської, чи Хеттїтської, держави.

Уявлення про історичну основу «Іліади» істотно змінилися наприкінці минулого сторіччя і в першу половину XX ст. Ці зміни пов'язуються з іменами таких учених, як Генріх Шліманн (1822–1890) – перші розкопки на місці давнього Іліона; Артур Еванс (1851–1941) – розкопки в Кносі на Криті; Карл Блеген (1887–1971) – розкопки в Пілосі та в Трої; Мілман Перрі (1902–1935) – дослідження епічних «формул» і встановлення усного створення і усної передачі великого епосу; Майкл Вентріс (1923–1956) – дешифрування кріто-мікенського лінійного письма Б і визначення мови його текстів як староахейського діалекту грецької мови. Висновки з праць цих учених: Троя – Іліон – справді існувала; колись усередині XII ст. Троя VII А (1300–1260 рр. до н. е.) була зруйнована завойовниками; «Іліада», записана в VI ст. до н. е., раніше існувала як усний твір, що продовжував епічні традиції мікенської епохи (1600–1100 рр. до н. е.); імена людей і божеств, що закріплені в «Іліаді», зустрічаються на глиняних табличках із Кноса, Мікен, Пілоса, і це свідчить про загальнокультурну традицію, що зв'язувала епоху бронзи – мікенську епоху – з епохою заліза, тобто з епохою «темного віку» – занепаду культури і забуття письма, епохою так званого геометричного стилю в образотворчому мистецтві, і навіть далі – з архаїчною епохою Греції (650–550 рр. до н. е.). Звичайно, і після цих досліджень ще багато питань чекає висвітлення, і вчені – історики, археологи, філологи, літературознавці й мовознавці – і далі вивчають давньогрецький епос незалежно від того, чи був у нього один автор, чи багато авторів і чи одного автора справді звали Гомером.

Гомерівському епосу присвячено праці видатних радянських філологів таких, як Р.Б.Гордезіані, М.Є.Грабар-Пассек, А.Н.Єгунов, О.Ф.Лосєв, М.М.Покровський, С.І.Раддіг, А.А.Тахо-Годі, І.І.Толстой, І.М.Тронський, І.В.Шталь, В.Н.Ярхо.

У другій половині нашого сторіччя було опубліковано такі гомерознавчі праці, як О.Ф.Лосєва («Гомер», М., 1960); А.Н.Єгунова («Гомер в російських перекладах XVIII–XIX століть», М.–Л., 1964); І.В.Шталь («Гомерівський епос. Досвід

текстологічного аналізу «Іліади», М., 1975); Н.Л.Сахарного («Іліада». Вивчення змісту і стилю гомерівської поеми», Архангельськ, 1957) і його ж «Гомерівський епос», М., 1976. Не згадуємо тут про численні праці в галузі гомерознавства зарубіжних вчених.

* *

Філологічне вивчення гомерівського епосу почалося ще в античну епоху, відразу ж після письмової фіксації текстів.

У діалозі «Гіппарх» Платона Сократ розповідає, нібито Гіппарх, син афінського тирана Пейсістрата, перший привіз Гомерові твори в Аттику й наказав рапсодам на святі Панафінеїв декламувати їх по черзі, «як вони це і роблять тепер».

М. Туллій Ціцерон пише, що «Пейсістрат – перший Гомерові книги, перед тим переплутані, кажуть, так розташував, як ми їх тепер і маємо» («Про ораторів», 3, 137). Уважний читач гомерівських творів не може не звернути увагу на різницю в обсязі обох поем: в «Іліаді» – 15693 вірші, в «Одіссеї» – 12110), а проте обидві поділено на 24 пісні (рапсодії). Річ у тім, що цей поділ на пісні було здійснено грецькими філологами в Александрії (в Єгипті) в III–II ст.ст. до н. е. на основі грецького алфавіту, що складається з 24 літер. Отже, цей поділ досить умовний і не послідовно відбиває композиційні особливості поем. Кожна пісня замість заголовка одержала коротку анотацію, в якій йшлося про її основні моменти.

* *

Всупереч античній традиції сучасне гомерознавство, одна із галузей класичної філології, не визнає історичного існування одного автора «Іліади» й «Одіссеї». Учений–скандинавіст М. І. Стеблін-Каменський у своїй книжці «Міф» (Л.: Наука, 1976, с. 64) застосував дуже влучний, на нашу думку, термін «епічне авторство» для розв'язання гомерівського питання.

Попри усі вигадки, що нашарувалися на оповідь про історичні події (як облога Трої ахейцями, мандри Одиссея), епічний твір сприймається слухачами або читачами давніх часів як правдива розповідь, як відтворення історичної дійсності. М. І. Стеблін-Каменський у цитованому творі називає таке епічне відображення історичної дійсності синкретичною правдою, тобто поєднанням елементів дійсності з авторською фантазією. Автор епосу усвідомлює себе не як творця, а як реєстратора фактів, що в них усе є точним відбиттям дійсності. Його власне ім'я при цьому не має значення.

* *

Стилістичні особливості гомерівського епосу пояснюються його усною передачею за участю багатьох поколінь виконавців. Цей факт уперше було науково доведено американським філологом Мілманом Перрі в низці статей, опубліко-

ваних наприкінці двадцятих і на початку тридцятих років XX ст., зібраних в одній книжці під назвою «Як складались гомерівські поеми» (1971). Він довів, що «Іліада» й «Одіссея» складались на основі традиційного запасу готових виразів-словосполучень, які охоплювали найпоширеніші ідеї та ситуації. Коли в текстах Гомерових поем зустрічаються так звані «формули», тобто постійні сполучення епітетів з іменами, як, наприклад, «прудконогий» Ахіллес або «многостраждальний», «у нещастях незламний», «терпеливий» Одисей, вони, при віршувальній заощадливості, несуть в собі надзвичайні можливості. Це здійснили впродовж багатьох сторіч покоління поетів, що усно виконували свої твори. Якщо Гомер і існував, то не він сам визначив основні риси героїчного періоду, який у Греції припадав на так звану ахейську, чи мікенську, епоху. Цей період характеризується наявністю антагоністичного суспільства з панівною аристократичною верхівкою, що має загарбницькі апетити і схильна до воєнних авантур. Ці аристократи виводять свої роди від богів і замовляють співцям-аойдам складати епічні пісні про свої подвиги, їхня матеріальна культура не стоїть на високому рівні, і їхні естетичні вимоги досить обмежені. Вони пишаються своїми, на наш сучасний погляд, не дуже бездоганними, вчинками і, не дбаючи про добробут залежного від них простого люду (насамперед селян), почувують себе досить безпечно за мурами замків-фортець. Отже, співці-аойди повинні були увічнювати пам'ять про подвиги своїх покровителів-героїв, складали про них пісні; ці пісні потім переходили з покоління до покоління в усній формі. Такі пісні створювалися в час, коли жили самі герої і жива була пам'ять про їхні героїчні вчинки. Поступово тексти вдосконалювалися, прикрашались фантазією поетів-співців, зводились до купи, з них і створювалися епічні цикли в міру того, як героїчні часи відходили в минуле.

* *

Сюжети Гомерових епічних творів пов'язуються з героїчним віком давньої Греції, який, за Гесіодом, іде за бронзовим віком і передусє залізному вікові. Герої того часу брали участь у битвах під Фівами («Семеро проти Фів» Есхіла, Фіванський епічний цикл) і під Троєю – Іліоном (Троянський цикл). Ці події могли відбутись наприкінці мікенської епохи. Остаточна руйнація ахейських Фів, за даними сучасної археології, відбулась незадовго перед спаленням Трої, тобто в другій половині XIII ст. до н. е. Саме тоді ахейські держави досягли вершини своєї могутності і незабаром почали занепадати. Найвидатніші події того часу і стали приводом для створення епосу, що передавався з уст в уста.

Англійський філолог сер Моріс Баура («Героїчна поезія», Лондон, 1952) зробив цікаві спостереження над тим, як саме різні народи світу приходять до того, щоб розглядати своє героїчне минуле. Згідно з його висновками, це буває тоді, коли внаслідок різних історичних обставин вони зазнають нападів з боку іноземців, бувають завойовані, підкорені, поневолені, тож і знаходять собі розраду і втіху в спогадах про славне минуле, ідеалізують його, прикрашають своєю фантазією. Такий, наприклад, епос (у формі епічних пісень про юнаків-героїв)

складався в сербів після поразки на Косовому полі 1389 р. й турецького завоювання Сербії.

Іншим приводом до ідеалізації минулого, до створення образів героїв буває вимушене переселення племен і народів із первісної батьківщини на чужину, до заморських країв. Епічні твори такого роду можна знайти у скандинавів, що з Норвегії переселялись до Ісландії, Гренландії і навіть Північної Америки (Вінланд), або в маорійців, що після тривалих мандрів океаном прибули до Нової Зеландії (Аотеароа). Нарешті, третім приводом до створення героїчного епосу може бути політичний занепад, розпад колись могутньої держави, її розподіл на малі держави (феодальна роздрібненість). Ілюстрацією до цього випадку може бути героїзація часів Карла Великого (742–814) після розпаду його держави на каролінгські королівства в Італії, Німеччині та Франції. Нагадаємо тут «Пісню про Роланда», яка певною мірою схожа на наше «Слово о полку Ігоревім».

Варто зазначити, що на відміну від двірських чи придворних складачів і виконавців епічних творів – грецьких аойдів і рапсодів, кельтських бардів, скандинавських скальдів, пізніших західноєвропейських трубадурів, труверів, менестрелів, – українські кобзарі та російські сказителі билин, акини (киргизів і казахів), ашуги чи ашики (колишні гусани і озани вірменів та азербайджанців) були справді народними поетами. Звичайно, тут має значення і епоха з її соціально-економічною обумовленістю.

* *

Як же це сталося, що «Іліада» продовжує епічні твори мікенської, або ахейської, епохи, коли між нею і цією епохою лежить кілька сторіч «темряви», «темний вік»?

Американський археолог Ріс Карпентер у своїй книжці «Розрив у розвитку грецької культури» (1966) намагався довести, що до цього занепаду спричинялась не навала дорійців (про яких лише один раз згадується в «Одіссеї», і ця єдина згадка вважається пізнішою вставкою-інтерполяцією), а стихійні лиха, найбільшим з яких була страшенна посуха. Усне виконання епічних творів пережило загибель ахейського світу, спогади про героїчні подвиги давніх владарів і далі переходили від покоління до покоління аойдів та рапсодів.

Готові формули й імена героїв з їхніми генеалогіями лягли в основу поетизованих літописів історичних подій. Уміло оперуючи ними, маючи в пам'яті готовий віршований матеріал, виконавці, такі, як Фемій і Демодок в «Одіссеї», оспівували славне минуле – далеке і близьке – з його героями та їхніми бойовими подвигами.

Ці готові формули, пристосовані до шестимірною віршового розміру, та власні імена і назви повторювалися в різних комбінаціях, зберігаючи в собі спогади про давні звичаї, умови життя, матеріальну культуру. Проте поетичні оповідання поряд із цим не могли не відбивати і сучасних виконавцям та їхнім слухачам особливостей життя, нових звичаїв, змін у побуті, перемог у війні. Традиція і нововведення сполучалися в епічних творах, складаючи строкате ціле з нашару-

вань сучасного на минуле. Дослідники, констатуючи в епосі пережитки пізнього бронзового віку (1400–1100 рр. до н. е.) і аналізуючи нашарування пізніших часів, не можуть знайти в ньому нічого такого, що можна було б датувати часом, пізнішим за VIII ст. до н. е. Такого висновку дійшов і відомий дослідник гомерівського епосу Р. В. Гордезіані: епос як єдине ціле був оформлений у VIII ст. до н. е., і якщо це оформлення належало комусь, кого називали Гомером, то він жив саме в цьому сторіччі.

«Іліада» й «Одіссея» описують досить докладно предмети і місця, які ніде й ніколи не існували на світі після мікенської епохи.

В «Іліаді» зберігаються згадки про факти щодо Трої та троянців, які не могли бути нікому відомими після падіння Трої, а також відомості про ахейців, що їх можна зрозуміти лише на фоні Троянської війни.

М. Нільссон у своїй книзі «Гомер і Мікени» (1933) висловив думку, проти якої тепер, мабуть, ніхто не має заперечень, що героїчна епоха, оспівана в епосі, не могла бути ні «темними сторіччями» (XI–IX ст.ст. до н. е.), ні часом занепаду культури після навали дорійців (IX–VIII ст.ст. до н. е.) Це була пізньомікенська епоха (XIV– XIII ст.ст. до н. е.), спогади про яку збереглися в малоазійських іонійців, що до них належали і аойди та рапсоди, а можливо, і той, кого традиція називає Гомером.

* *

Коли ж оселився Гомер на Україні?

На території сучасної УРСР (назва України до 1991 р. – *прим. упоряд.*) Гомерову «Іліаду» переказували напам'ять уже в I ст. н. е. Про це є пряме свідчення одного з авторитетних грекомовних риторів і філософів-стоїків. Жорстокий деспот на троні великої держави античного світу римський імператор Домітіан (81–96 рр. н. е.) нещадно переслідував християн, іудеїв та філософів. Його немилість поширилась і на блискучого стиліста свого часу Діона Коккея, який за своє красномовство одержав від сучасників почесне прізвисько Хрісостомос, що можна перекласти на нашу мову як Злотоуст. Його було вигнано з Риму на далекий північний схід імперії, і серед інших країв йому довелося побувати на північному узбережжі Чорного моря (Гостинного моря – Понта Евксіна, як його називали давні греки), і зокрема в місті Ольвії, що було на Дніпро-Бузькому лимані.

Ольвія і її жителі ольвіополіти справили на мандрівного філософа велике враження. В 100-му р. н. е., перебуваючи в своєму рідному місті Прусі Віфінській, в Малій Азії, він виголосив там знамениту «Бористенітську промову». Бористеном², або Борисфеном, давні греки називали саме Дніпро-Бузький лиман – злиття двох великих рік колишньої Скіфії, а іноді також і місто на ньому, тобто вже згадану вище Ольбію-Ольвію. Хрісостомос був вражений, зокрема, тим, що ольвіополіти, незважаючи на свій зовнішній вигляд, яким вони (як і способом життя) не відрізнялись від навколишніх скіфо-сарматських племен, високо шанували Гомера як творця «Іліади» і непомилково цитували з пам'яті його твір. У їхніх

² Звідси і літературне ім'я нашого перекладача – Борис Тен.

віруваннях значне місце посідав герой «Іліади» Ахіллес, син Пелея, і поетичний переказ його подвигів мав для них значення священного писання.

* *

Великий Кобзар Тарас Шевченко, всупереч думкам деяких його сучасників, не сумнівався щодо реальності особи Гомера та його авторства епічних творів. Сліпий Гомер із своєю формінгою³ здавався йому схожим на українських мандрівних співців – кобзарів. Шевченко міг читати переклад «Іліади» М. І. Гнедича (1829) і «Одіссею» В. А. Жуковського (1849). Згадки про Гомера і героїв його творів ми знаходимо в повістях «Художник», «Близнецы», «Капитанша». Мабуть, під впливом «Пригод Телемака» Ф. Фенелона (1699) чи «Телемахіди» В. К. Тредьяковського (1766) Шевченко намалював «Телемака на острові Каліпсо».

У повісті «Художник» він зауважує: «Теперь только я совершенно понял, как необходимо изучение антиков и вообще жизни и искусства древних греков».

* *

Від давніх-давен тягнеться золота нитка культурної і літературної традиції, що зв'язує, за крилатим виразом «Слова о полку Ігоревім», – «оба поли сего времени». Занепали Афіни і Спарта, розпалася держава Александра Македонського, захиталася і впала світова держава Римська імперія, народи Сходу ринули на Захід, знищуючи скарби чужої для них культури. Колись язичники переслідували християн, тепер християни з не меншим запалом почали переслідувати язичників і все язичеське. За наказом візантійського імператора Юстиніана було закрито в 529 р. н. е. Афінівський університет, останній оплот язичеських наук на християнському Сході. Між античним світом і світом Відродження в Європі простяглась епоха середніх віків, епоха феодалізму.

Багато творів античної культури загинуло назавжди. Твори літератури щодо збереження їх мали певну перевагу перед творами образотворчого мистецтва та архітектури: вони здебільшого існували в значній кількості примірників. Крім того, вони переказувались іншими мовами й перекладалися на інші мови, зокрема із старогрецької на латинську.

У своїй книзі «Гомер в російських перекладах XVIII-XIX століть» А. Н. Єгунов не тільки розглянув переклади Гомерових поем на російську мову, але у вступній частині торкнувся питання про знайомство освічених людей давньої Русі з їхніми сюжетами та героями. Цікаво, що в панегірику XV ст. Олександрів Невському автор панегірика порівнює князя з Александром Македонським і Ахіллесом. Проте, звичайно, за якимись дуже нечисленними винятками це знайомство не могло бути безпосереднім, тобто знайомством із грецьким оригіналом епічних поем.

---

³ Формінга (грец. *φόρμιγξ*) – найдавніший струнний інструмент грецьких співців, подібний до ліри чи кіфари; часто ці три назви замінювали одна одну в текстах (прим. уряд.).

* *

Як це не дивно, в християнській Візантії Гомер (в розумінні його епічних творів) був основою вивчення «красного письменства» і саме ім'я Омірос стало загальним і вживалося для означення грецької словесності взагалі. В житті первовчителя слов'ян Кирила-Костянтина сказано, що він «навчився оміра і геометрії» і взагалі всіх філософських наук. Середньовічні книжники використовували античну спадщину, засвоювали її «поганські елементи», часто даючи їм алегоричне чи символічне тлумачення. Візантійські коментатори Гомера переписували твори своїх античних попередників, часто перекручуючи їх. У XII ст. Гомера тлумачили полігістор («енциклопедичний учений») Іоанніс Цеціс і фессалонінський єпископ Євстафій. Дуже поширені були у Візантії парафрази Гомерових творів, тобто вільні перекази чи переспіви їх. Тексти «Іліади» та «Одіссеї» широко використовувались для гадання по них. Як моторошно було візантійському грекові, розгорнувши текст шостої пісні «Іліади», натрапити, наприклад, на рядки:

*День той настане колись, і Троя священна загине,
З нею загине й Пріам, і народ списоборця Пріама.*

(VI, 448–449)

І це тоді, коли існуванню Візантії загрожували грізні вороги із сходу і з заходу. А тим часом світська й духовна еліта бавилася складанням оміроцентра, чи гомерових центонів, тобто складала нові епічні твори, використовуючи старі гекзаметри.

На заході ще за римських часів, навіть ще за часів Римської республіки, існували переклади (з нашого погляду досить вільні) «Одіссеї» Лівія Андроніка і «Іліади» Гнея Матія на латинську мову. Після падіння Західно-Римської імперії в спадщину середньовічній Європі залишилися «*Homerus Latinus*» («Латинський Гомер»), що став основним джерелом для ознайомлення з Гомеровим епосом.

До поширення книгодруку рукописна спадщина цього епосу становила понад 200 манускриптів. Усі вони зберігають критичне опрацювання текстів, виконане в єгипетській Александрії грецькими філологами на чолі з Арістархом Самофракійським (II ст. до н. е.). Проте писані на пергамені повні гомерівські тексти датуються початком II тисячоліття н. е. Зіставлення їх із нечисленними уривками, писаними на папірусі (наприклад, уривками з «Іліади» I ст. до н. е.), доводять, що александрійський текст досить точно копіювався пізнішими переписувачами.

Найкращим рукописом «Іліади», що повністю зберігся до нашого часу, вважається рукопис бібліотеки у Венеції, датований X ст. н. е. Повні рукописи «Одіссеї» датуються XII ст. н. е. Перше друковане видання епосу про Троянську війну вийшло у Флоренції 1488 р., підготовлене грецьким філологом Дімітрієм Халкоконділом.

Дивна доля спіткала Гомера у середні віки в Західній Європі. Коли його твори порівнювали з твором його римського наслідувача П. Вергілія Марона, то охоче віддавали перевагу авторові «Енеїди». Гомер на кілька сторіч зник у тіні

Вергілія. Навіть Ренесанс, доба Відродження, не міг належно оцінити Гомерових творів, і лише «сторіччя просвіти», як казали французи, знову відкрило для себе гаданого творця давньогрецького епосу.

Звичайно, для широкої публіки відкрити Гомера могли лише переклади його творів на нові європейські мови. Перший такий переклад здійснив в Англії поет Александр Поуп (1715). На значення Гомера для світової літератури вказав Роберт Вуд у своїй «Розвідці про оригінальність Гомера» (1769).

Наприкінці XVIII ст. на німецьку мову віршами переклав «Одіссею» (1781, 1793) і «Іліаду» (1793) Йоганн Генріх Фосс. Невдовзі після цього з'явилося й перше наукове дослідження гомерівського епосу «Вступ до вивчення Гомера» («Prolegomena ad Homerum», 1795) Фрідріха Августа Вольфа.

Перше критичне, тобто наукове, видання оригінального тексту Гомера підготував Готтфрід Германн (1825).

Читачам, хто хотів би спеціально зацікавитися дальшою долею Гомера, довелося б звернутись до цілого моря наукової літератури, яке відтоді розлилося навколо цих давньогрецьких епічних творів.

* * *

У грецькій мові «Іліас» (род. відм. «Іліадос») означало «країна іліонців», тобто жителів Іліону, і Іліон – головне місто цієї країни, що називалась також Трояда (Троя).

Проте в цьому епосі йдеться не про «країну троянців» і не про війну ахейців із троянцями взагалі, а лише про «гнів Ахіллеса» і його згубні наслідки, а цей гнів, як ми сказали б, був тільки одним із епізодів останнього, десятого року Троянської війни.

Ахіллес був потрібний ахейцям для здобуття міста, в якому владарював Пріам, і повернення спартанському володареві Менелая його дружини Єлени, яку викрав у нього син Пріама Александр-Паріс. Як переказують давні міфи, Прометей (ім'я, добре відоме нашим читачам) попередив Зевса (адже Прометей знав і те, що невідоме було велителю олімпійських богів), щоб той не брав собі за дружину богиню Фетиду, одну з нереїд, дочку морського бога Нерея. Від шлюбу Зевса з Фетидою міг би народитись новий бог, який позбавив би Зевса влади над смертними та безсмертними і взагалі зробив би переворот у світі.

Довідавшись про таку небезпеку, Зевс поспішив одружити Фетиду із смертним – фессалійським царем Пелеєм, бо від цього одруження мав народитися вже не безсмертний, а смертний, отже, слабший від справжніх богів. Саме на весіллі Пелея й Фетиди не запрошена на нього богиня розбрату й незгоди Еріда посварила богинь Геру, Афіну й Афродіту, кинувши на бенкетний стіл лиховісне золоте яблуко з написом: «Найвродливіший».

Тут слід зробити застереження, що про ці міфічні події, які передували початку «каральної експедиції» ахейських загонів на чолі з мікенським царем Агамемноном, старшим братом Менелая, проти троянців, що не схотіли повернути Єлену Менеласіві, докладно розповідалося у приписуваному кіпріотам Стасіно-

ві чи Гегесінові епосі під назвою «Кіпрії» (у 2-х частинах, чи книгах). Це була одна з епічних поем так званого «Троянського циклу», з якого всі поеми було складено значно пізніше за «Іліаду» – єдину, що збереглася повністю (не кажучи про «Одіссею», бо вона вже належить до циклу поем про повернення ахейських героїв на батьківщину). Про події після похорону Гектора розповідала приписувана мілетянину (жителеві міста Мілета в Малій Азії) Арктінові «Ефіопіда» (у 5-ти книгах). В ній йшлося про смерть правительки амазонок і союзниці троянців Пентесілеї, яку, не впізнавши, убив Ахіллес, що кохав її, про те, як Ферсіт (чи Терсіт) сміявся з Ахіллеса за його пристрасть до амазонки, а нестримний у своїх почуттях герой убив насмішника й подався на острів Лесбос для «очищення»; як за відсутності Ахіллеса на допомогу троянцям прибув із далекої Ефіопії син богині світланку Мемнон, як він у поєдинку вбив Ахіллесового улюбленця Антілоха, а той після повернення під Трою вбив ефіопського героя і, переслідуючи наляканих троянців, удерся до їхнього міста, де був убитий стрілою Александра-Паріса. І як «Іліада» закінчується похороном Гектора, так і «Ефіопіда» закінчувалась похороном Ахіллеса.

«Ефіопіду» продовжувала «Мала Іліада» (в 4-х книгах), приписувана Лесхові з Лесбосу. Там розповідалось про поєдинок Одіссея з Еантом, бо кожен із них прагнув захопити відбитий ними в троянців обладунок Ахіллеса, про самогубство збожеволілого Еанта і про задуману Одіссеєм стратегему – здобути Трою з допомогою величезного дерев'яного коня (кінь – та тварина, яку приносили в жертву Посейдонові). Побіжно зауважимо, що археологи, розкопуючи Ольвію, знайшли уривок тексту з початку Лесхової «Іліади»: «Я співаю про Іліон і славному кіньми Дарданію, через яку багато страждань зазнали данайці, дружинники Арея». Чи це не є ще одним свідченням про шанування героїв Троянської війни жителями давньої Ольвії та її околиць?

Остання поема «Троянського циклу», приписувана також Арктінові, «Загибель Іліона», чи «Руйнація Іліона» (у 2-х книгах), розповідала про здійснення стратегії Одіссея і знищення твердині Пріама, про пожежу в місті і полон троянців. Нагадаймо, з усіх оборонців Іліона врятувався лише Еней із своїм батьком Анхісом, сином Асканієм та кількома супутниками. Про його втечу, пригоди на морі і на суходолі, про його прибуття до Італії йдеться в «Енеїді» П. Вергілія Марона, пародійний переказ якої полтавчанином Іваном Котляревським (1769-1838) став першим твором нової української літератури і разом із цим тією ланкою довгого ланцюга, що з'єднує її з античною літературою.

Але повернімось до згубного гніву «прудкононогого Ахіллеса». Що зв'язувало сина Пелея і Фетіди (напівбога), владаря фтіотів і мірмідонів у Фессалії (тобто в північно-східній Греції) з ахейськими владарями Мікен і Лакедемона (Спарти) на Пелопоннесі, в південно-східній Греції? Колись Тіндарей, спартанський владар і номінальний батько Діоскурів – Кастора і Полідевка, Єлени і Клітемнестри (а також Тімандри і Філоної), – номінальний, бо за міфом справжнім їхнім батьком був сам Зевс, що з'явився до Леди (жінки Тіндарея) в образі лебедя, – не знав, за кого видати заміж свою дочку, прекрасну Єлену. Майже всі владарі ахейських держав сватались до неї. Віддати її комусь одному з них – це могло спричинити-

ся до гніву інших і навіть до війни всіх інших проти Тіндарея і його можливого зятя. І Тіндарей влаштував те, що в давній Індії називалося сваямвара, тобто запросив до себе всіх претендентів і дозволив Єлені самій вибрати серед них того, хто їй буде до вподоби. А щоб уникнути небажаних наслідків, він змусив усіх претендентів дати присягу, що вони не воюватимуть проти щасливого обранця, і, навпаки, коли хтось його скривдить чи піде на нього війною, придуть йому на допомогу. Єлена обрала собі Менелая (мабуть, серед інших він найбільше вирізнявся своєю мужньою красою). А серед тих, що заприсягалися, був і Ахіллес – ідеал войовничого владаря мікенської епохи: найперший серед бігунів, найперший серед приборкувачів коней, найперший у володінні списом, найгарніший, найхоробріший, найшляхетніший, як і личить геросві – синові богині, майже безсмертному. Його вчителі – проводир долопів Фенікс (Фойнікс) і наймудріший із кентаврів Хейрон навчили його, крім військової справи, також поезії, красномовства, музики і танців.

Фетіда будь-що хотіла зробити свого сина безсмертним і майже досягла цього, але на тілі героя залишилось одне вразливе місце – відома Ахіллесова п'ята. Знаючи, що її син може загинути на війні (про це існувало пророкування), Фетіда відіслала його якнайдалі від усяких подій на острів Скірос у Егейському морі, де переодягнений у дівоче вбрання герой перебував серед дочок тамтешнього владаря Лікомеда. А тим часом ахейські полководці готувались до війни, щоб відплатити за кривду, завдану спартанському правителю викраденням Єлени. Головний жрець ахейців Калхант повідомив, що за рішенням богів Іліон можна буде здобути лише тоді, якщо Ахіллес візьме участь в облозі, хоч і його самого там буде вбито.

А де ж той фессалійський герой? Розшукати його взявся Одиссей. Він із своїми супутниками переодягся мандрівним купцем і відвідував країну за країною, місто за містом. Заїхав він і на Скірос, пропонуючи різноманітні товари, серед яких були жіночі прикраси і зброя. Дочки Лікомеда стали вибирати для себе прикраси, а переодягнений в жіноче вбрання юний Ахіллес простяг руки до ясеневого списа й округлого щита. Ахейці впізнали його і забрали з собою до Авліді, до якої збиралися всі кораблі перед походом на Трою. В одному з переказів мовиться про те, що перша спроба ахейського флоту досягти Троади виявилась невдалою: замість дістатись до малоазійського узбережжя, ахейці опинилися в країні фракійського владаря Телефа, а потім страшенна буря порозкидала їхні кораблі по морю. Коли вдруге ахейські війська зібралися в Авліді, нерозважливий вчинок головного проводиря Агамемнона ледве не зірвав і другу спробу досягти Трої. Агамемнон убив на полюванні улюблену лань богині Артеміді, і розгнівана сестра Аполлона відібрала в ахейських кораблів попутний вітер. Калхант оголосив ахейцям: богиня лише тоді дасть вітер їхнім кораблям, коли Агамемнон принесе у жертву їй свою дочку Іфігенію. На щастя, Артеміда дозволила зарізати на вівтарі оленяцю, а Іфігенію перенесла до Тавриди, зробивши її там своєю жрицею.

Про долю Іфігенії та її брата Ореста розповідається в трагедії Евріпіда «Іфігенія в таврів», і ця ж сама доля є сюжетом драматичної сцени Лесі Українки «Іфігенія в Тавриді». Так, античні герої діють і в українській літературі.

Нарешті ахейські вояки опиняються під мурами Іліона. Але дістатись до міста не можуть: адже мури Іліона колись були збудовані богами – Аполлоном і Посейдоном. Мури неприступні для війська, що не має ніяких облогових машин. Ахейці будують табір біля кораблів на егейському узбережжі і здобувають собі провіант і все необхідне для життя, плюндруючи довколишні містечка і селища. Тривала облога (за переказами вона тривала аж 10 років) деморалізує військо та його проводирів. Назріває небезпека розкладу війська, і зростає бажання припинити безнадійну облогу міста й податись додому. В ахейському таборі спалахує епідемія: це не інакше як вияв гніву богів. Жрець Калхант знає, в чому річ, але побоюється виявити правду перед верховним проводирем Агамемноном. І на цей раз винним був гордовитий владар Мікен. Це він забрав у жерця бога Аполлона (показово, що ахейці і троянці шанують тих самих богів) Хріса його дочку Хрісеїду, а той поскаржився, і Аполлон почав обстрілювати своїми жажливими стрілами табір ахейців.

Ахіллес пообіцяв оборонити Калханта, як тільки той скаже, хто винуватець нещастя, що спіткало ахейців, і Агамемнон змушений повернути батькові дочку, але для відшкодування забирає собі Ахіллесову полонянку Брісеїду. Оце і є привід для чвар серед владарів і причина гніву «богорівного» Ахіллеса. Нам неясно, чому Ахіллес, розгніваний не лише на Агамемнона, але й на інших ахейських проводирів, не повертається із своїм військом на батьківщину, хоч і не бере участі в битвах, марнуючи час у своєму наметі.

Без участі в битвах Ахіллеса, незважаючи на подвиги своїх проводирів, ахейці зазнають поразки, а троянці, очолювані Гектором, починають перемагати. Хід подій різко змінюється, коли близький приятель Ахіллеса Патрокл за дозволом самого Пелеїада і в його обладунку виходить на поле бою. Троянці гадають, що це з'явився фессалійський герой, і панічно тікають під захист мурів свого міста. Нарешті захоплений успіхом Патрокл зустрічається з Гектором. їхній двобій закінчується смертю Ахіллесового улюбленця. Тут гнів Пелеїада скеровується вже не проти Агамемнона і ахейців, а проти Гектора й троянців. Сам Гектор та безліч троянців падають жертвою цього гніву: не заспокоюють гнів і знущання над тілом троянського героя і урочистий похорон Патрокла з людськими жертвами над могилою. Лише взаємопроникнення двох скорбот – за мертвим приятелем і сином – приносить заспокоєння. Великий гнів ущухає. Ахіллес мириться з Агамемноном і ахейцями. Тему гніву вичерпано, і хоч Трою не здобуто, але потрібний для її здобуття Ахіллес повертається на поле бою. З міфів та давніх епічних творів ми довідуємось, що навіть смерті Ахіллеса не досить для остаточної загибелі Іліона. Потрібні, як виявляється, ще й лук, і стріли Геракла, якими володів Філоктет на острові Лемносі, а також викрадення з храму Афін в Трої – Палладіона – статуї богині та, врешті, неймовірна історія з велетенським дерев'яним конем, яким приспано було пильність троянців. Адже це вони самі розбили вибудований богами оборонний мур, щоб втягти до міста дерев'яного коня Посейдона – підступний дар данайців.

* * *

У розмові із своєю божественною матір'ю сам Ахіллес засуджує гнів і ворожнечу поміж людей:

*«Хай же загине навік між богів і людей ворожнеча
Й гнів, що й розумних не раз до лихої призводить нестями».*

(XVIII, 107–108)

Згубний гнів як причина ворожнечі з усіма її наслідками, за «Іліадою», властивий як смертним, так і безсмертним. Чи не є він почуттям порушеної справедливості? А справедливість має бути основою всесвітнього ладу (лад – «космос» по-грецьки), основою рівноваги у світі, основою мирного життя. Менелай має право на гнів, бо його скривджено викраденням його дружини Єлени. Його гнів може бути скерований проти Пріамового сина Паріса. Проте чи справді винен Паріс? Адже, спокусивши Єлену на втечу, він діяв з волі самої богині Афродіти. Це вона за лиховісне яблуко обіцяла йому «найвродливішу на світі жінку», а такою тоді серед смертних була Єлена. А чи винні в кровопролитті ахейці і троянці? Власне, ні! Це боги вирішили, що вони повинні битися між собою. А хто винен у розбраті ахейських проводирів?

*«Хто ж із безсмертних богів призвів їх до лютої сварки?
Син то Зевса й Лето».*

(I, 8–9)

Нам, звичайно, не зрозуміти, чому Аполлон замість Агамемнона, що скривдив жерця Хріса, скеровує гнів свій на ахейців, до того ж гинуть прості воїни, а проводирі залишаються недоторканими. Річ у тім, що ці проводирі (майже всі без винятку) є нащадками богів та напівбогів. Отже, боги поведуться з ними обережно, як із своїми родичами (близькими й далекими). В уявленні давніх греків не було прірви між світом богів і світом людей – тими самими сходами вони здійсмались на Олімп і спускалися з Олімпу на землю. За увесь час існування античного світу у психіці пересічного елліна не було чіткої межі між фантазією і дійсністю. Про це не слід забувати нашим сучасним читачам «Іліади» й «Одіссеї».

* *

Ще в другій половині минулого сторіччя О. О. Навроцький переклав як «Іліаду», так і «Одіссею», але його переклади залишилися в рукописах. До нього в тридцять років того ж сторіччя у Відні переклад «Іліади» зробив Ковшевич, але і цей переклад не побачив світу.

Дещо з гомерівського епосу перекладали відомий мовознавець О. О. Потєбня (деякі частини «Одіссеї»), П. О. Куліш (уривки з обох Гомерових поем), Іван Франко (уривки з «Іліади»), Леся Українка (уривки з «Одіссеї»), В. Самійленко (перша пісня «Іліади», опублікована в альманасі «Складка» в Харкові).

Перший повний переклад «Одіссеї» гекзаметром на українську мову належить П. І. Ніщинському (1832-1896). Із його перекладу «Іліади» було опубліковано лише шість перших пісень (Львів, 1902-1903). «Ільйонянка» С. В. Руданського (1833-1873) – повний віршовий (не гекзаметричний) переклад «Іліади», перевиданий у третьому томі його творів, відбиває «українізаторські» настанови поета-перекладача і може цікавити літературознавців та перекладознавців, а не тих, хто хотів би скласти уявлення не лише про зміст, але і про художню форму оригіналу. Переклав українською мовою «Іліаду» у США (також не гекзаметром) М. Аркас (син відомого композитора).

Тепер цілком зрозуміло, яке значення для нашої літератури і найширших кіл читачів має повний гекзаметричний переклад «Іліади», виконаний на рівні сучасних вимог, відповідно до норм сучасної української літературної мови, з оглядом на останні досягнення в ділянці текстологічного та історико-літературного дослідження гомерівського епосу.

★ ★

Отже, «Іліада» – твір VIII–VII ст.ст. до н. е. – відокремлена від історичних подій, про які в ній ідеться, не менше, ніж п'ятьмастами років. Зображуючи суспільні умови, побут, матеріальну культуру різних періодів історії давньогрецьких племен, вона продовжує і завершує епічні традиції так званої мікенської, чи ахейської, епохи, які занепали з початком залізного віку. В ній зберігаються спогади про общиннородовий лад, в якому перебували грецькі племена після занепаду «мікенської цивілізації» в XIII–XII ст.ст. до н. е. Можна простежити в ній і елементи становлення античного рабовласницького суспільства. Бувши в основі своєї твором усної народної словесності, вона вже є і першим у грецькій літературі твором писемної літератури.

Цей епос, перекладений багатьма мовами світу, вийшов далеко за межі національного грецького письменства і завдяки своїм художнім достоїнствам та історичній цінності зайняв почесне місце в скарбниці світової літератури. «Іліада» і до наших днів залишається джерелом, із якого поети, художники, композитори черпають теми і образи для своїх творів.

Геродот. Історії в дев'яти книгах¹

Книга IV. Мельпомена

Переклад А.Білецького

---

1. Після здобуття Вавилону Дарій вирушив у похід на скіфів. Оскільки Азія мала в своєму населенні багато чоловіків і в царські скарбниці постійно надходило багато грошей, Дарій побажав помститися на скіфах за те, що вони колись удерлися до Мідії, перемогли тих, хто намагався їх затримати, і так вони перші розпочали ворожі дії. Справді, як я вже сказав вище, скіфи були владарями Верхньої Азії впродовж двадцяти восьми років. Удерлися вони до Азії, переслідуючи кімерійців, і позбавили влади мідійців, бо до приходу скіфів мідійці владарювали в Азії. Але скіфів, які були відсутні протягом двадцяти восьми років, коли вони повернулися до своєї країни, спіткали випробування такі тяжкі, як і ті, що були в Мідії, адже вони зустріли там численне вороже військо, бо скіфські жінки через те, що їхніх чоловіків не було з ними так довго, взяли собі за чоловіків рабів.

2. Усіх своїх рабів скіфи осліплюють, а причина цього молоко, яке вони звичайно п'ють. І ось як вони це роблять. Вони беруть кістяні рурки, дуже схожі на сопілки, засувають їх у статеві органи кобили і дмухають ротом, і коли один дме, другий доїть. Вони кажуть, що так вони роблять тому, що через дмухання роздуваються жили кобили і спускається її вим'я. Коли вони закінчують доїти, вони наливають молоко в глибокі дерев'яні посудини, саджають навколо кожної посудини на однаковій відстані один від одного сліпих і ті збовтують молоко. Потім вони знімають вершки, що утворюються на поверхні, які вважають кращою частиною молока, а те, що залишається на дні, вважають за гіршу частину. З цієї причини кожну людину, яку скіфи беруть у полон, вони осліплюють, бо вони не землероби, а кочовики.

3. Отже, від цих скіфських рабів і від жінок народилося і виросло покоління юнаків, які, довідавшись про своє походження, виступили проти тих, що по-

¹ Уперше опубліковано в: Геродот. Історії: в 9-ти кн. / Перекл., передм. та приміт. А.О.Білецького. – К.: Наук. думка, 1993. – С.180-228.

вернулися з Мідії. І перш за все вони прокопали широченний рів², що починався від Таврських гір і доходив до Маєтійського озера в тому місці, де воно має найбільшу ширину. Там вони відрізали від Скіфії значну частину. Потім, коли скіфи вдерлися в країну, вони вчинили їм опір і почали з ними битися. Після багатьох боїв, коли виявилось, що скіфи не можуть подолати супротивників, один із скіфів сказав так: «Що це ми робимо, скіфи? Ми б'ємося з нашими рабами і в битвах нас стає менше і їхнє число також зменшується. Ось що тепер, як мені здається, треба зробити³: відкинути списи та луки і кожному взяти батіг і якнайшвидше піти проти них. Поки вони бачать нас із зброєю, вони вважають себе рівними з нами, а побачивши, що в нас замість зброї батоги, вони зрозуміють, що вони наші раби, і перестануть чинити нам опір. Почувши це, скіфи так і зробили, а здивувавшись тому, що сталося, юнаки припинили битву і повтікали.

4. Так скіфи, які заволоділи були Азією, потім вигнані мідянами, повернулися до своєї землі. Бажаючи покарати їх, Дарій зібрав у похід проти них військо.

5. Скіфи кажуть, що їхній народ є наймолодший⁴ серед усіх народів, і ось як це сталося. Їхня країна була пустелею і перша людина, що там з'явилася, був такий, що називався Таргітаєм⁵. Батьками цього Таргітая, як вони кажуть, але я цьому не вірю, були, за їхнім твердженням, Зевс і дочка бога ріки Борисфена⁶. Від них походив Таргігай і у нього було троє синів: Ліпоксай, Арпоксай і молодший Колаксай. Коли вони були царями, з неба впали на скіфську землю зроблені з золота плуг, ярмо, сокира і чаша⁷. Перший побачив їх старший і наблизився, щоб

² Цей рів нібито простягався від гір Тавричного півострова (Криму) до Меотійського озера (Азовського моря). Геродот не уявляв собі справжньої форми Криму. Він гадав, що Крим простягався з півночі на південь і на схід до країни царських скіфів (або скіфів-царів). Під час війни скіфів із синами рабів згаданий рів не відігравав жодної ролі. В Геродота не могло йтися про Перекоп, який було відокремлено каналом від решти півострова лише за середніх віків. Також не могло йтися про канал на Керченському півострові. Очевидно, згадка про «рів» походить із якоїсь іншої розповіді.

³ Тут ідея давніх греків про те, як слід поводитися з рабами, котрі не могли бути достойними супротивниками своїх панів.

⁴ Про народи навряд чи можна твердити, що один із них старший або молодший від іншого, бо не відомо, коли саме той чи інший народ став «самим собою». Мова може йти лише про держави, а не народи.

⁵ Про можливі етимологічні зв'язки імен скіфських родоначальників – Таргітая та трьох його синів – Ліпоксая, Арпоксая, Колаксая в дослідників нема однакової думки. В.І.Абаєв пропонує для їхньої етимології іранські основи, зокрема для імені «Таргітаос» – *даргатава*, тобто «довго + могутній». Здається, що друга половина імен *Ліпо-ксай*, *Арпо-ксай*, *Кола-ксай* відповідає похідним словам від давньоіндійського кореня «кші-» (мати владу, владарювати) напр., «кшайта-» (голова роду, владар), «кшатрія» (владар, правитель; в давній Індії – представник касты кшатріїв), «кшая» – (плем'я, рід, народ) тощо.

⁶ *Борисфен* (*Борюстенес*) у Геродота – одна з рік Скіфії, яку більшість дослідників ототожнює з Дніпром, але існує думка (С.О.Жебелюв), що так називався *Дніпровсько-Бузький лиман*. Крім того, це ім'я бога ріки, також назва міста *Ольвії* («торговельне місто борисфенітів», розд. 78).

⁷ Золоті речі – сокира (*сагаріс*), чаша та плуг – культові предмети давньоіранських племен. Аналогії культового значення цих священних предметів учені знаходять у давніх

їх узяти, але все це золото, коли він підійшов туди, почало горіти. Він віддалився і тоді до них підійшов другий, але із золотом сталося те саме. Отже, так своїм полум'ям прогнало їх золото. Проте, коли до нього наблизився третій, молодший, золото згасло і тоді він узяв його собі і пішов із ним додому. І старші брати, після того, що вони побачили, погодилися передати все царство молодшому.

6. Отже, як кажуть, від Ліпоксая походять ті скіфи, плем'я яких називається авхатами, від середнього брата, Арпоксая, ті, що називаються катіарами і траспіями і, нарешті, від молодшого брата походять ті, що називаються паралатами⁸, а всі вони разом, як кажуть, називаються сколотами, а ця назва була ім'ям їхнього царя. Назву скіфи⁹ їм дали елліни.

7. Отакє є походження скіфів за їхніми власними словами, а відтоді, коли вони з'явилися, тобто від першого їхнього царя Таргітая до походу Дарія проти них, минуло як раз тисяча років¹⁰, не більше. Те священне золото пильно оберігають їхні царі і дуже шанують його і щороку, приносячи йому щедрі жертви, просять його захистити їх. Проте коли хтось із сторожів цього золота під час свята, будучи просто неба, засне, скіфи кажуть, що він не проживе до кінця року. І через це як нагороду йому дають стільки землі, скільки він за один день може об'їхати верхи. Оскільки їхня країна дуже велика, Колаксай, як кажуть, поділив її на три царства для своїх дітей і одне з них зробив дуже великим, саме те, в якому зберігається золото. В краях, розташованих вище на півночі від останніх мешканців країни, сиплется пір'я¹¹ і неможливо нічого ні бачити, ні йти далі, бо і земля тим і повітря наповнені пір'ям і воно заважає щось бачити.

8. Таке розповідають скіфи про свій народ і про країну, яка вище від них на півночі. Проте елліни¹², що мешкають на узбережжях Понту, ось що кажуть про

кельтів (Д.С.Раєвський) і осетинів (Ж.Дюмезіль). Ці предмети були символами влади. При розподілі майна в кельтів молодший брат одержував маєток та майже такі самі предмети (сокиру, казан та леміш). Там, де в Геродота розповідається про релігію скіфів (розд. 59-63), ці священні предмети не згадуються. Про «священне золото» ідеться ще в розд.7.

⁸ Про згаданих тут авхатів, катіарів, траспіїв та паралатів у дослідників існують різні думки, чи це були назви окремих племен, чи родів, чи соціальних шарів. Г. Пліній Секунд Старший у своїй «Історії природи» згадує авхатів та катіарів. Для назви паралатів (з іншим читанням – парадати) прийнята іранська етимологія – «поставлені на чолі» або «створені раніше».

⁹ *Скіфи (скютай)* – грецька назва, яка відповідає асиро-вавилонській назві «іш-кузай» та біблійській назві «ашкеназім». Слід зазначити, що в давніх греків було власне ім'я *Скіф (Скютес)*, що не означало етнічної належності його носія, так само, як грецьке ім'я *Перс (Персес)*. Згідно з Геродотом самоназвою скіфів було «сколоти» – «від імені їхнього царя», проте, як власне звали цього царя, не відомо. Чи не пов'язана ця назва з іменем *Скіла (Скюлес)*, навряд чи можна сказати (розд. 76, 78-80).

¹⁰ Число «тисяча» означає тут тривалий проміжок часу.

¹¹ «Пір'я, що падають із неба», – очевидно, тут ідеться про сильний снігопад. Порівняння снігопаду з пір'ям у «Прикутому Прометеї» Есхіла та в «Антигоні» Софокла.

¹² Греки, переселяючись із своїх метрополій у колонії, звичайно, переносили туди і свій спосіб життя, свої обряди та свої міфи. Можливо, скіфського Таргітая вони ототожнювали із своїм Гераклом. Тут, очевидно, не йдеться про походження народу в цілому, а лише про походження його царів (*басілейс*). Геродот підкреслює, що триголовий велетень

це. Геракл, коли він гнав Геріонових бугаїв, прибув до цієї країни, де тепер мешкають скіфи і яка тоді була пустельною. А Геріон, кажуть, мешкав поза Понтом, на острові, що його елліни називають Ерітія¹³, десь поблизу Гадейрів, які розташовані далі за Геракловими стовпами на узбережжі Океану. Океан, як твердять, починається на сході і обтікає всю землю. Так кажуть, але для цього не наводять ніяких доказів. Звідти повертався Геракл і щойно він прибув до країни, яка тепер називається Скіфією (бо його там застала зима і мороз), як витяг свою лев'ячу шкуру, загорнувся в неї і тут на нього найшов сон, а його коні, що паслися, запряжені в колісницю¹⁴, тим часом зникли з божої волі.

9. Ледве прокинувся Геракл і почав шукати своїх коней, обійшов усю ту землю і нарешті прибув до країни, яка називається Гілея. І там в одній печері він знайшов істоту подвійної природи: наполовину вона була дівою, а наполовину змією¹⁵: до сідниць її тіло було жіночим, а нижче – зміїним. Він, побачивши її, здивувався і спитав її, чи не бачила вона десь його коней, що зникли. Вона тоді відповіла йому, що вони в неї, але вона поверне йому їх, коли він із нею з'єднається. І Геракл за таку ціну погодився з'єднатися з нею. А вона весь час відкладала повернення йому коней, бо хотіла якнайдовше жити з Гераклом, а він хотів забрати коней і піти геть. Нарешті, вона віддала йому їх і сказала: «Цих коней, що прийшли сюди, заради тебе я врятувала, а ти винагородив мене за мою послугу; від тебе я зачала троїх синів. Коли ці сини виростуть, що мені з ними робити, поясни мені, чи я залишу їх тут (бо цією країною володію лише я сама), чи я відішлю їх до тебе?» Так вона його запитала, а він, кажуть, так їй відповів: «Скоро ти побачиш, що сини вже стали дорослими, зроби те, що я тобі скажу, і це ти правильно зробиш: хто з них, ти побачиш, зможе натягнути оцей лук ось так і зможе підперезатися оцим поясом, як я тобі показую, того ти залиш у цій країні. А хто не спроможеться зробити так, як я тобі кажу, того ти прожени геть із цієї країни. І коли ти так зробиш, ти і сама будеш задоволена і виконаєш мої вказівки».

10. Так він узяв один із своїх луків (бо до тих пір Геракл носив із собою два луки) і показав, як слід оперізуватися поясом і передав їй і лук, і пояс, які носив на тому боці, де було припасовано золоту чашу¹⁶, а передавши їх, відійшов. Коли народилися сини, вона спершу дала їм імена: першого назвала Агатирсом, дру-

---

Геріон (Геріонеус) перебував на краю світу, за океаном на крайньому заході і там доглядав свою череду, але за іншим переказом (у Гекатея), він мешкав у Греції поблизу Амбракійської затоки.

¹³ Острів *Eritia* (*Ерютія*), тобто «Червоний», нібито розташований неподалік фінікійського міста *Гадейри* (там, де сучасний *Кадис*) на півдні Іберійського півострова.

¹⁴ Коні та колісниця не пов'язані з грецькими міфами про Геракла. Можливо, тут є відбиття якогось тубільного міфу.

¹⁵ Згідно з «Теогонією» Гесіода жінка-змія (*ехидна*) була сестрою Геріона.

¹⁶ Священні речі – лук, чаша, пояс, які Геракл передав жінці-змії для випробування здібностей його синів – Агатирса, Гелона і Скіфа – характерні для кочового побуту. Царська влада і в даному разі дістається, очевидно, молодшому з братів. Походження від Геракла родоначальників племен агатирсів, гелонів і скіфів є напевне грецьким переказом, що існував у припонтійських греків.

гого Геленом, а останнього – Скіфом. Згодом, коли вони стали чоловіками, вона згадала про доручення Геракла і виконала його. І сталося так, що двох з її синів, Агатирса і Гелона, які не спромоглися виконати запропоноване матір'ю, вона вигнала з країни і вони пішли світ за очі. Проте молодший із них, Скіф, виконав запропоноване йому і залишився в країні. І від Скіфа, Гераклова сина, походять ті, що стають царями скіфів. І на згадку про ту чашу скіфи і до цього часу носять підвішану на поясі чашу. (Оце, власне, зробила для Скіфа, і саме лише для нього, його мати). Це, про що я розповів, переказують елліни, які мешкають на берегах Понту.

11. Є ще і третій переказ¹⁷, якому я найбільш довіряю, а саме такий. Згідно з ним із кочовиками-скіфами, що мешкали в Азії, воювали і завдали їм чимало прикростей массагетів і через це скіфи перейшли за ріку Аракс¹⁸ і прибули в Кімерію (бо країна, де тепер живуть скіфи, кажуть, що за давніх часів була кімерійською). Кімерійці, коли побачили, що проти них виступило велике військо, почали радитися, що їм робити. Тут їхні думки поділилися надвоє, і кожна сторона наполягала на своїй думці. І найдостойнішою була думка царів, а думка більшості зводилася до того, що їм вигідніше віддалитися, ніж, залишившись, наражатися на небезпеку і чинити опір численним ворогам. Але думка царів була воювати до останнього з ворогами, обороняючи свою країну. Хоч як там було, ні більшість не хотіла послухатися царів, ні царі більшості. Отже, перші вирішили без бою покинути країну загарбникам і тікати від них, а царі вирішили краще бути вбитими і похованими на батьківщині, але не тікати з більшістю, згадавши, як їм було добре тут і які муки спіткають їх, якщо вони втечуть разом із більшістю. Скоро вони прийняли таке рішення, вони розділилися, обидві їхні частини стали рівними в числі і вони почали битися між собою. І всіх, що в битві було вбито, кімерійці поховали поблизу ріки Тирасу¹⁹ (і їхні могили і тепер ще можна там бачити). Там їх поховали і після того вони покинули країну²⁰. Згодом прийшли скіфи, знайшли країну незалюдненою і зайняли її.

---

¹⁷ Третя версія міфа про походження скіфів, правильніше сказати про появу скіфів у причорноморських степах, уже має відношення не до їхніх царів, як дві попередні, а до скіфського народу. Згідно з цією версією поява скіфів зі сходу пояснюється переселенням племен: массагетів або ісседонів (Аристей) витіснили скіфів, а скіфи кімерійців.

¹⁸ У давнину назву *Аракс* приписували різним рікам, переважно тим, що вливалися в Каспійське море. Було висловлено навіть думку про те, що *Аракс* не власна назва, а загальна: велика азіатська ріка (Міщенко). Про ідентифікацію Геродотового Араксу існує в дослідників багато різних міркувань.

¹⁹ *Тирас*, тобто Дністер, на березі якого була однойменна грецька колонія, місто *Тирас* (у Геродота мешканці цього міста – *тирити*, розд. 51).

²⁰ Розповідь про міжусобну війну кімерійців можна розуміти по-різному. Геродот, очевидно, мав на увазі заключну битву двох партій, одну з яких він називає партією царів, а другу – партією народу. Сучасні археологи не знаходять ніяких кімерійських могил на берегах Дністра. Є думка, що кімерійські поховання могли бути на берегах Кубані (Ельницький).

12. Ще й тепер у Скіфії існують кімерійські фортеці²¹, кімерійські пере-
прави, є також і країна, що називається Кімерією, є і так званий Кімерійський
Боспор. Здається, кімерійці, тікаючи від скіфів в Азію, оселилися на півострові,
де тепер розташовано еллінське місто Сінопа²². Очевидно також, що скіфи, пере-
слідуючи їх, удерлися в Мідію, збившись з шляху. Бо кімерійці весь час тікали
вздовж моря, а скіфи, маючи праворуч від себе Кавказькі гори, збочили з шляху
в сторону суходолу і вдерлися до мідійської землі. Такий існує інший переказ як
в еллінів, так і у варварів.

13. Арістей²³ син Каїстробія, проконнесець, в своєму епічному творі роз-
повідає, що він, натхнений Фебом, прибув до ісседонів, а за ісседонами живуть
одноокі люди арімаспи, а ще далі за ними є грифи, які охороняють золото²⁴, а там
далі біля моря живуть гіпербореї²⁵. Всі вони, крім гіпербореїв, починаючи від
арімаспів, постійно нападають на своїх сусідів. Арімаспи витіснили з країни іс-
седонів²⁶, а ісседони скіфів, а кімерійців, які жили біля південного моря²⁷, скіфи
змусили покинути країну. Отже, і цей переказ не узгоджується з тим, що розпо-
відають скіфи про свою країну.

14. А звідки був цей Арістей²⁸, який склав такий епос, уже було сказано, а
про те, що я чув про нього в Проконнесі і в Кізіку, я скажу. Кажуть, що Арістей

²¹ Щодо первісної території кімерійців у дослідників існують різні думки. Імовірно, як доводять археологічні дані, кімерійці до їхнього переселення в Малу Азію мешкали на берегах Кімерійського Боспору, тобто Керченської протоки, на Керченському та Таманському півостровах та на північно-східному Передкавказзі.

²² Здається невірогідним, що кімерійці, тікаючи від скіфів і досягши північного узбережжя Малої Азії, в своєму просуванні на захід могли мимохідь заснувати місто, яке згодом стало мілетською колонією Сінопою. Насправді кімерійці захопили і зруйнували грецьке місто, яке потім було відбудоване.

²³ *Аристей (Аристайос) Проконнеський*, очевидно, історична особа, автор епосу «Арімаспея» (збереглися лише незначні фрагменти) та «Теогонії». Давні греки створили міфи про його особу і розповідали про нього чудеса. Геродот міг бути знайомим із його епосом про однооких людей арімаспів, котрі нібито мешкали десь на далекій півночі (або північному сході Скіфії). За свідченням словника «Суда» Аристей був сучасником Кіра і Креза, але Геродот уважав, що Аристей жив у VIII ст. до н.е.

²⁴ *Грифів (грюнес)*, що охороняли золото, греки уявляли собі як істоти з крилами та головами орлів, а тулубами левів. Зображення грифів поширено в мистецтві північного Причорномор'я і є неодмінною частиною образів, належних до так званого скіфо-сирійського звірино-го стилю (пор. предмети з Пазарикських курганів).

²⁵ *Гіпербореї* (ті, що живуть на півночі, або точніше по той бік від північного вітру – *Борея*) – мешканці крайньої півночі Скіфії. Грецькі перекази про гіпербореїв походять від дельфійських та делоських жерців Аполлона (який нібито іноді перебував у їхній країні).

²⁶ Відомості про витіснення арімаспами ісседонів, а ісседонами скіфів Геродот міг почерпнути з «Арімаспеї» Аристей.

²⁷ *Південним морем* тут називається *Понт Евксин*, тобто Чорне море. Якщо воно «південне», то не можна здогадатися, де за Геродотом могло бути в протилежність до нього «північне» море.

²⁸ Міф про проконнесця Аристей пов'язується з ученням Піфагора про «переселення душ» – *метемпсихоз*.

був там за своїм народженням не нижчий за будь-кого з громадян. Зайшовши в Проконнесі до сукновальні, він там помер.

Сукновал зачинив майстерню і пішов сказати родичам померлого. Уже в місті поширилася чутка про смерть Арістея, коли один кізікенець, що прийшов із міста Артакі²⁹, піддав сумніву правдивість цієї чутки, сказавши, що він зустрів Арістея, коли той ішов у Кізік, і навіть розмовляв із ним. І він наполягав на своєму сумніві, а родичі померлого прийшли до майстерні, маючи з собою все необхідне для похорону. Але коли вони відчинили майстерню, то не знайшли там ні живого, ні померлого Арістея. Згодом, коли минуло шість років, кажуть, Арістей з'явився в Проконнесі і склав там той твір, що його елліни називають тепер Арімаспією, а склавши його, він зник удруге.

15. Оце кажуть у двох містах, а наступне мені сказали, відбулося в мешканців Метапонта в Італії за двісті сорок років³⁰ після другого зникнення Арістея, як я підрахував, зіставивши те, що трапилося в Проконнесі з тим, що було в Метапонті. Метапонтійці розповідають, що в їхню країну з'явився той самий Арістей і наказав їм спорудити жертовник Аполлонові³¹, а біля нього поставити статую з ім'ям на ній проконнесця Арістея, бо, сказав він, лише до них італіотів, а більш ні до кого не приходив Аполлон і що сам він його супроводжував, але тоді, коли він супроводжував бога, він був круком³². Так він сказав за словами метапонтійців і зник, а вони послали людей у Дельфи і запитали пророче святилище, що це за явище було тієї людини. Піфія відповіла їм, щоб вони послухалися і зробили все, як їм було сказано тим явищем і, якщо вони його послухаються, це буде їм на добро. Вони послухалися і все виконали. І справді, тепер біля статуї Аполлона³³ стоїть ще одна статуя з ім'ям Арістея, а навколо ростуть лаврові дерева. Статую поставлено на агорі. Отже, досить тепер про Арістея того, що я сказав.

16. Що там далі на північ від цієї країни, про яку ведеться в мене оповідання, ніхто не знає нічого певного, бо сказати правду, я не міг ні від кого довідатися, хто б знав про це як самовидець. Отже, навіть і сам Арістей³⁴, про якого я розповів трохи вище, навіть і він у своєму творі повідомляє, що він не ходив далі від ісседонів, але про те, що там далі, він розповідає з чуток, додаючи, що так кажуть ісседони. Хоч як там було, я намагався в своєму дослідженні зайти якомога далі, і наводжу всі надійні відомості, які я чув.

²⁹ *Артакі* – одна з гаваней міста Кізіка на березі *Пропонтиди* (Мрамурового моря).

³⁰ Розрахунки Геродота базуються на числі поколінь, із яких кожне має 30 років.

³¹ Існування культу Аполлона в Метапонті, місті на півдні Апеннінського півострова, на березі Тарентинської затоки, підтверджується нумізматичним матеріалом – зображеннями Аполлона з лавровим деревом або з лавровим вінком на монетах цього міста.

³² Після другого його зникнення Арістей із Аполлоном прибув до Італії в образі крука, а крук як пророчий птах був присвячений Аполлонові.

³³ Цей пам'ятник був жертовником Аполлона, про який уже йшлося вище.

³⁴ Геродот сумнівався, чи міг Арістей зайти так далеко на північ, як той написав у своєму епосі.

17. Від гавані борисфенітів³⁵ (бо вона розташована якраз посередині приморської частини всієї Скіфії), від неї і далі перший народ, котрий можна зустріти, це калліппіди³⁶, які є напівелліни і напівскіфи, над ними є інший народ, що називається алізонами³⁷. Вони і калліппіди взагалі мають такий спосіб життя, як і скіфи, але сіють і їдять пшеницю і цибулю та часник і сочевицю та просо. Над алізонами живуть скіфи-оратаї, які сіють пшеницю не для їжі, а на продаж³⁸. Ще далі над ними живуть неври, а далі на північ від неврів, наскільки я знаю, є незалюднена країна. Оці народності живуть уздовж ріки Гіпанія на заході від Борисфена.

18. Якщо перейти Борисфен, ідучи від моря, то спершу буде Гілея³⁹, а якщо йти ще вище, там живуть скіфи-землероби⁴⁰, яких елліни, що живуть уздовж ріки Гіпанія, називають борисфенітами, а самих себе ті елліни називають ольвіополітами. Отже, ці скіфи-землероби живуть на сході на відстані трьох днів шляху, і до ріки, що називається Пантикап⁴¹, а на півночі на відстані, якщо пливти одинадцять днів, там джерела Борисфена. Далі країна, що над ними, це пустеля великих розмірів. За пустелею мешкають андрофаги⁴², які є окремою народністю, яка не

³⁵ Гавань (або порт) борисфенітів – це мілетська колонія Ольвія на правому березі Дніпровсько-Бузького лиману, найдавніше з грецьких міст північного Причорномор'я (засноване приблизно 647 року до н.е.). Згідно з Геродотом, Ольвія була розташована на відстані 10 днів шляху від Істру (Дунаю) і на відстані також 10 днів шляху до Меотіди (Азовського моря). В розд. 101 цієї книги один день шляху суходолом оцінюється в 200 стадій, а в розд. 53 п'ятої книги – в 150 стадій. Округляючи числа, ми бачимо, що Геродот значно зменшив у своїй уяві можливі відстані від гирлів Дунаю до Дніпровсько-Бузького лиману і від нього до Азовського моря, навіть якщо рахувати довжину денного шляху за прямою лінією, це становитиме приблизно $500 + 500 = 1000$ км.

³⁶ Калліпіди (правильне написання – калліппіди) в Геродота – елліно-скіфи, тобто мішане греко-скіфське, але не кочове плем'я. Сама їхня назва суто грецька. В давніх греків такі «гібридні» племена називалися мікселлінами.

³⁷ Алізони (чи галізони) – північні сусіди калліппідів, які мешкали в тій області, де зближуються ріки Тирас (Дністер) і Гіпаніс (Південний Буг). Слід зазначити, що серед племен на південному березі Понту античні географи також згадували якихсь галізонів. У Геродота на північ від галізонів була країна неврів, а далі за нею – пустеля.

³⁸ Відомо, яке велике значення мало збіжжя, яке імпортувалося в Грецію з північного Причорномор'я. Саме через це Геродот зазначає, які з племен Причорномор'я культивували пшеницю для себе або на експорт.

³⁹ Гілея (Гюлая) – тобто «лісовий край» (від давньогрецького *гюле* «ліс»), область десь на півдні лівобережжя Борисфену (Дніпровсько-Бузького лиману). Тепер у цьому краю нема лісу, а лише степ та піски. Можливо, залишками лісу в нижній течії Дніпра були переліски та плавні.

⁴⁰ Різниця між скіфами-землеробами (*георгой*) та скіфами-орачами (*аротерес*), очевидно, полягала в тому, що перші культивували злаки для власного споживання, а другі – на продаж.

⁴¹ Дослідники не ідентифікували річку Пантикап (Пантикапес) з якоюсь водною артерією України. Який зв'язок був між назвою цієї річки і містом Пантикапеем (Пантикапайон) – столицею Боспорського царства на Керченському півострові, залишається нез'ясованим.

⁴² Андрофаги (андрофагой – буквально – людожери) – дике плем'я на півночі від країни скіфів.

належить до скіфів. А далі за ними вже справжня пустеля і, наскільки я знаю, там нема іншого народу.

19. На схід від цих скіфів-землеробів, якщо перейти ріку Пантикап, у тій країні мешкають кочовики також скіфи, які нічого не сіють і не обробляють землі. Вся ця країна позбавлена дерев, за винятком Гілеї. Ці кочовики живуть на схід на відстані чотирнадцяти днів шляху і доходять до річки Герра⁴³.

20. За Герром простягається країна, що називається царською⁴⁴, і скіфи, які в ній живуть, найхоробріші та найчисленніші і вони вважають інших скіфів своїми невільниками. Вони на півдні сягають аж до Таврії, а на схід – до рову, що, як я сказав, прокопали народжені від сліпих, і до гавані на Маєтидському озері, що називається Кремни. Деякі інші частини їхньої землі доходять до ріки Танаїда⁴⁵. Вище на північ від царських скіфів мешкають меланхлайни⁴⁶, це вже інша народність, не скіфська. Вище від меланхлайнів, наскільки я знаю, є болота і незалюднена країна.

21. Якщо перейти ріку Танаїд, там уже не Скіфія, але перша її частина належить савроматам⁴⁷, які живуть у країні, що починається від затоки Маєтидського озера і простягається на північ на відстань п'ятнадцяти днів шляху, і вся ця країна позбавлена дерев і диких, і культурних. Над ними живуть будини⁴⁸ в країні, що вся заросла різними деревами.

22. Вище над будинами на півночі спершу простягається пустеля на відстань семи днів шляху, а за пустелею, якщо трохи ухилитися на схід, мешкають тиссагети⁴⁹, окрема і численна народність. Вони живуть полюванням. Поряд із ними живуть у тій самій країні ті, що називаються іюрки. І вони живуть полюванням, а полюють ось як. Дерев у них дуже багато в усій їхній країні і мисливець

⁴³ Річка *Герр* (*Геррос*) також залишається не ідентифікованою. За Геродотом, ця річка відокремлювала країну скіфів-кочовиків від країни царських скіфів (або правильніше – скіфів-царів). *Герр* – також назва місцевості та місцепоховання скіфських царів (рр. 56, 71). За Геродотом, річка *Герр* уливається в ріку *Гінакірис*, також не ідентифіковану.

⁴⁴ Країна, що називається «царською», тобто область так званих царських скіфів, або скіфів-царів, як вони самі себе називали в протилежність до решти скіфів, нібито їхніх рабів або підданців.

⁴⁵ Більшість учених ототожнюють *Танаїд* (*Танаїс*) із Доном. Десь у нижній течії цієї ріки було давньогрецьке місто з назвою *Танаїс*, боспорська колонія (Див.: Шелов Д.Б. Танаис – эллинистический город. – Вестник древней истории. – 1993. – № 3. – С. 47-54).

⁴⁶ *Меланхлени* (*Меланхлайной*), тобто «одягнені в чорні плащі (або шкури)», про них див. розд. 107.

⁴⁷ *Савромати* (*савроматай*) згодом стали називатися *сарматами*. Очевидно, іранське плем'я, споріднене із скіфами. Вони були предками аланів, а ці були предками сучасних осетинів.

⁴⁸ Про етнічну належність будинів у дослідників немає єдиної думки. Геродот підкреслює те, що будини не споріднені з скіфами і живуть у лісистій країні, на схід від р. *Танаїда*, на півночі від савроматів. їхнє дерев'яне місто називалося Гелон (р. 108). Будини шанували «грецьких» богів у своїх дерев'яних святилищах.

⁴⁹ *Тиссагети* (*Тюссагетай*) плем'я, країну якого пов'язують із областю поширення так званої городецької культури, але про етнічну належність цього племені нема єдиної думки. *Савромат* було також одним із власних імен боспорських царів.

злізає на дерево і очікує. Кожен там має призвичаєного коня, що лягає на живіт, щоб не звертати на себе уваги. І кінь очікує так само, як і собака. Щойно мисливець побачить із дерева дичину, він стріляє в неї з луку, скочує на коня і переслідує її разом із собакою. Вище від них, якщо трохи ухилитися на схід, мешкають інші скіфи, які відокремилися від царських скіфів і згодом прийшли до цієї країни.

23. Отже, до країни цих скіфів, яку я описав, уся земля рівна з жирним ґрунтом⁵⁰, але далі вона кам'яниста і нерівна. Коли перейти на значну відстань від цієї кам'янистої землі, прийдеш до узгір'їв високих гір, де живуть люди, які, кажуть, усі від народження – і чоловіки і жінки – лисі⁵¹, в них плоскі носи і великі підборіддя, вони розмовляють своєю мовою, але одягаються так, як скіфи, і годуються плодами якихось дерев. Дерево, плодами якого вони харчуються, називається понтійським⁵² і воно велике, розміром приблизно з смоківницю. На ньому ростуть плоди завбільшки з боби, а в них є кісточки. Коли ці плоди дозрівають, їх висипають на тканину і вичавлюють, а з них витікає густа і чорна рідина і її називають асхі. Вони її злизують або змішують її з молоком і п'ють, а з гушавини роблять пироги і їх їдять, оскільки в них мало худоби, бо в тих краях пасовища дуже вбогі. Кожен із них живе під деревом і взимку обгортає дерево білою непромокальною повстю, а влітку залишає дерево без повсті. Їх не пригноблює ніхто з людей, бо їх уважають за священних. Нема в них ніякої зброї. І? по-перше, вони заспокоюють своїх сусідів, коли ті сваряться між собою, а? по-друге, якщо хтось приходить до них, шукаючи притулку, то його ніхто не може скривдити. Цей народ називається аргіппаї.

24. До цих лисих ще досить відома країна і народи, що там біля них мешкають, бо іноді і скіфи заходять до їхньої країни і неважко одержати від них відомості, а також і від еллінів із гавані Борисфена та інших гаваней Понту. Ті скіфи, які заходять до них, обмінюються товарами, використовуючи при цьому сім⁵³ товмачів із сімома мовами.

25. До країни цих людей, як я сказав, місцевості відомі, але далі на північ від цих лисих людей ніхто не може дати певних відомостей, бо шлях перегорджують високі недоступні гори⁵⁴, які людина не може перейти. Проте лисі люди розповідають, а я їм щодо цього не йму віри, ніби на цих горах живуть люди з козячими ногами, а якщо піти далі від них, то там є люди, що сплять шість місяців щороку⁵⁵, і цього я аж ніяк не можу припустити. Але щодо місцевостей на схід від лисих людей, то можна з певністю сказати, що там живуть ісседони. Проте щодо

⁵⁰ Ідеться про чорнозем.

⁵¹ Назва племені лисих аргіппаїв має грецьку етимологію (*аргос* «лінивий», *гіппос* «кінь»). Можливо, «лисі» (*фалакрой*) тут означає недостатньо волохаті.

⁵² Дерево «понтікон» (понтійське?) – це, можливо, терен (*Prunus spinosa*). Було висловлено думку, що «асхю» відповідає тюркському «аджи» – гіркий.

⁵³ Геродот нараховує тут 5 племен або разом із гелонами (розд. 108) – 6.

⁵⁴ Тут, очевидно, Геродот не розрізняє такі далекі від грецької компетенції гірські пасма, як Урал та Алтай.

⁵⁵ Сон, що нібито триває 6 місяців, імовірно, пов'язаний із полярними ночами, чутки про які дійшли до греків північного Причорномор'я.

місцевостей, розташованих вище від лисих та від іс-седонів на півночі, ми нічого не знаємо, крім того, що розповідають ці люди.

26. Кажуть, що ісседони мають такі звичаї. Коли помирає чийсь батько, всі його родичі приносять баранину, потім готують жертвоприношення, дрібно шматують м'ясо і додають до нього і м'ясо померлого батька свого господаря, потім перемішують усе це м'ясо і влаштовують учту⁵⁶. Але з голови померлого вони виринають волосся, добре очищують її, позолочують її і тримають її в домі як дорогоцінність і приносять їй щороку великі жертви⁵⁷. Це робить син своєму батькові так, як елліни, коли справляють свято померлих батьків⁵⁸. Що ж до іншого, то ісседони славляться як справедливі люди і їхні жінки рівноправні з чоловіками⁵⁹.

27. Про них, як я сказав, є відомості, але про те, що там вище від них, про однооких людей і грифів, що охороняють золото, розповідають ісседони, а від них про це довідуються скіфи і переказують іншим. Отже, від скіфів ми маємо ці відомості і однооких людей ми називаємо по-скіфському арімаспами⁶⁰, бо скіфською мовою *аріма* – це одне, а *сту* – це око.

28. В усій цій країні, яку я описав, зима настільки сувора⁶¹, що нестерпний мороз триває вісім місяців, так що коли проллеш воду, то від цього на землі не буває болота, але коли розпалиш вогонь, може бути багнюка. Море замерзає, а також і увесь Кімерійський Боспор⁶². І скіфи, що живуть по цей бік рову, переїжджають по льоду цілими громадами на своїх возах через протоку, до сіндів⁶³. Така сувора зима триває там вісім місяців без перерви, а впродовж інших чотирьох місяців там уже не так холодно. А зима в тих краях не схожа на зиму, яка буває в усіх інших краях, бо там у добу дощів не випадає багато опадів, але влітку

⁵⁶ Звичай про споживання м'яса померлих родичів разом із м'ясом тварин згадується Геродотом у зв'язку з массагетами (кн. I, розд. 216) та з племенами Індії (кн. III, розд. 99). Цей звичай мав магичне значення: придбання позитивних якостей предків.

⁵⁷ Про використання черепів пор. розд. 65 цієї книги.

⁵⁸ Свято поминів померлих родичів справлялося в давніх греків у день їхнього народження.

⁵⁹ Рівноправ'я жінок із чоловіками пояснюється участю жінок первісних племен у полюванні та на війні, також як прослідок первісних групових шлюбів або наступної їхньої стадії – поліандрії (багатомужжя).

⁶⁰ Етимологія назви арімаспів, наведена Геродотом, очевидно, не відповідає дійсності. Різні спроби встановити справжню етимологію цього етноніма (якщо йшлося про реальне плем'я) також не були успішними, як, напр., «мешканці пустелі» або «власники диких коней» тощо.

⁶¹ Відомість про надто суворі зими скіфської країни, очевидно, є наслідком перебільшення незвичного для давніх греків холодного клімату.

⁶² Справді, під час надто холодних зим і тепер прибережні частини Чорного та Азовського морів замерзають і на них утворюється крига. Проте відомість про тривалість холодів протягом 8 місяців, звичайно, не відповідала дійсності.

⁶³ В різних рукописах поряд із назвою «сінди» (*сіндой*) зустрічається назва «інди» (*індой*). Цей варіант цікавий тим, що зближується з назвою ріки Інду, від якої одержав назву і увесь індійський субконтинент. У давньоіндійській мові «сіндху» була загальна назва ріки. Іранська форма цієї назви «Гінду». Не виключається можливість перебування індо-арійських племен на території *Сіндіки* (на Таманському півострові, розд. 86).

весь час ідуть дощі. І на той час, коли в інших краях гримить грім, у них його не буває, а влітку часто гримить грім. Якщо грім загримить узимку, то це вважають за небувале чудо. Так само, коли буває землетрус у Скіфії, чи влітку, чи взимку, це вважають за чудо. Їхні коні добре витримують цю сувору зиму⁶⁴, але віслюки і мули зовсім не витримують її, між тим як в інших краях під час морозів коні замерзають і здихають, але віслюки і мули витримують.

29. На мою думку, порода биків без рогів⁶⁵, що там живе, через це не має рогів. Мою думку підтверджує і цей вірш із Гомерової «Одіссеї», в якому сказано: «І в Лівії, де завжди ягнята народжуються з рогами» (IV, 85).

І добре це сказано, бо в жаркому кліматі роги швидко виростають. Навпаки там, де буває дуже холодно, в тварин або зовсім не ростуть роги, або ледве виростають.

30. Такі наслідки бувають від холоду в тих краях. Проте я не можу пояснити (бо моє оповідання від самого початку потребує відхилень), чому в усій Елеї не можуть народжуватися мули⁶⁶, хоча їхня країна зовсім не холодна і для цього не існує жодної іншої причини. Самі елейці кажуть, що в їхній країні не народжуються мули через якесь прокляття. А справа дійсно стоїть так, що коли настає час запліднюватися кобилам, елейці відводять їх до своїх сусідів і там залишають їх, щоб їх запліднили віслюки і вони завагітніли. Потім вони знову відводять їх до своєї країни.

31. Щодо пір'я⁶⁷, про яке кажуть скіфи, ніби все повітря буває повне ним і не можна нічого побачити перед собою і йти далі, то я маю таку думку.

У північних краях цієї землі падає безперервно сніг і, звичайно, його менше влітку, ніж узимку. Отже, той, хто зблизька бачить, як падає густий сніг, зрозуміє, що я хочу сказати, бо сніг справді схожий на пір'я. І з приводу цієї суворої зими, північні частини цього материка не залюднені. Отже, я маю думку, що скіфи та їхні сусіди кажуть про пір'я, порівнюючи сніг із пір'ям. Оце, що я написав, таке розповідають про ті далекі краї.

32. Про гіпербореїв⁶⁸ ні скіфи не розповідають нічого, ні інші люди, що живуть у тих краях, за винятком мабуть ісседонів. Але я гадаю, що і вони нічого не можуть розповісти, бо якби вони щось розповідали, то і скіфи могли б розповісти, як вони розповідають про однооких людей. Лише Гесіод розповідає про гіпербореїв, також і Гомер в «Епігонах»⁶⁹, коли правда, що Гомер написав цей епос.

⁶⁴ Витривалість скіфських коней дивувала давніх греків. Відсутність мулів та ослів у Скіфії античні автори неправильно приписували холодному кліматові країни.

⁶⁵ Щодо відсутності рогів у скіфських биків Геродот висловив свою власну думку (пор. кн. II, розд. 95) на відміну від тих місць, де він лише переказує чужі думки. Тут характерне для античних авторів посилання на давній епос як на історичне джерело.

⁶⁶ Так само Плутарх свідчить, що в Елеї (Еліді) на Пелопоннесі не народжуються мули через прокляття Ойномая, який так полюбляв коней, що не допускав їхнього схрещення з ослами.

⁶⁷ Щодо білого пір'я, тобто снігу, пор. розд. 7 (прим.11).

⁶⁸ Про гіпербореїв було в розд. 13 (прим.25), розд. 32 і 33.

⁶⁹ Про, напевне, міфічних гіпербореїв ідеться і в інших літературних джерелах.

33. Але далеко більше за всіх про них повідомлюють делосці, розповідаючи про те, що священні предмети⁷⁰, загорнуті в пшеничну солому, переносяться від гіпербореїв до Скіфії, а від Скіфії їх приймає кожен народ від своїх сусідів і відносить їх далеко в західні країни до берегів Адріатичного моря. Звідти їх відсилають на південь і першими серед еллінів їх одержують додонці, а від них ці предмети переносять до Малійської затоки⁷¹ і приставляють до Евбеї і від міста до міста їх посилають до Каріста. Проте звідти проминають Андрос⁷², бо карістійці переносять їх просто на Тенос, а теносці на Делос. Отже, кажуть, що так ці священні предмети прибувають на Делос. Проте вперше гіпербореї послали двох дівчат, щоб вони принесли ці предмети, а їхні імена, за словами делосців, були Гіпероха і Лаодіка⁷³. Разом із ними для безпеки гіпербореї, кажуть, послали як їхніх супутників п'ятеро чоловіків, яких тепер називають перфереями і вони користуються великою повагою на Делосі. І через те, що послані гіпербореями не повернулися до своєї країни, і вони, кажуть, вирішили, що їм не вигідно, якщо завжди відбуватиметься таке з їхніми посланцями, що вони їх більше не побачать, і для цього вони переносять священні предмети, загорнуті в пшеничну солому, до своїх кордонів і передають їх своїм сусідам із дорученням передати їх далі іншому народові. Так, кажуть, посилають оці предмети і вони доходять до Делосу. І я сам знаю такий звичай, я хочу сказати тут, що фракійські жінки і жінки пайонів, коли приносять жертви цариці Артеміді, виконують священний обряд із пшеничною соломою.

34. Отже, наскільки я знаю, так роблять ці жінки. А на честь тих дів, що прибули від гіпербореїв і померли на Делосі, дівчата і юнаки на Делосі стрижуть своє волосся⁷⁴. Дівчата до свого одруження відрізують пасму свого волосся, обвивають його навколо веретена і кладуть на могилу тих двох дів (могила є в храмі Артеміді, ліворуч від входу, а над могилою посаджено маслину), і делоські юнаки обвивають, яке там у них є волосся, навколо зеленої гілки і кладуть її там на могилу⁷⁵. Отаку шану віддають мешканці Делосу цим двом дівам.

35. Сами делосці кажуть ще, що Арга і Опіда⁷⁶, дочки гіпербореїв, прибули колись звідти на Делос ще до Гіперохи та Лаодіки. Ці названі, кажуть, прийшли

⁷⁰ Ці «священні дари» пов'язані з культом Аполлона. Їх приставляли всі племена, що визнавали цей культ. Є припущення, що цей переказ зв'язаний з існуванням давніх торговельних шляхів.

⁷¹ Малійська затока, в яку вливається річка *Сперхей* між Малідою та Епикнемідійською Локридою навпроти Кенайського мису на Евбеї.

⁷² Острів *Андрос*: на ньому, очевидно, не було культу Аполлона, але існував культ Діоніса.

⁷³ Імена *Гіпероха* і *Лаодіка*, ймовірно, були епітетами богині Артеміді. Перфереями називалися так звані *теори*, тобто священні посланці.

⁷⁴ Присвята волосся божеству дівчат перед весіллям та юнаків після досягнення віку ефебів (юних громадян) була поширеним у давній Греції звичаєм.

⁷⁵ Могили на Делосі, що про них згадується тут, було відкрито археологами і це є свідченням обізнаності Геродота з топографією острова.

⁷⁶ *Арга* і *Опіда*, можливо, також епітети богині Артеміді, але є припущення, що це імена місцевих богинь, культ яких було витіснено культом Артеміді.

принести дари за обітницею для полегшення пологів⁷⁷, а Арга і Опіда прибули разом із обома богами і що їм віддають вони ще й іншу шану. Отже, делоські жінки збирають священні дари, називаючи їхні імена в гімні, який склав один лікієць Олен⁷⁸. Від них навчилися острів'яни та іонійці співати гімни на честь Арги і Опіди, називаючи їхні імена і збираючи священні дари, а коли вони палять на жертovníку стегна жертovníх тварин, то попіл від них вони сиплять на могилу Опіди і Арги, і так відбувається це жертвоприношення. (Цей Олен прибув із Лікії і склав іще інші давні гімни, що їх співають на Делосі). Могила цих дів міститься за храмом Артеміди на його східній стороні, дуже близько від бенкетного залу кеосців.

36. Досить уже того, що я сказав про гіпербореїв. Я не переказуватиму казки про Абарида⁷⁹, нібито він був гіпербореєм і носився по світу з своєю славнозвісною стрілою, зовсім нічого не ївши. Якщо існують гіпербореї, тоді існують також зі гіпернотії. Проте мені хочеться сміятися, коли я бачу, як багато людей до цього часу креслять карти землі⁸⁰, але ніхто з них не може по суті визначити форму світу⁸¹. Це вони зображують Океан, який обтікає навколо землі, котра зовсім округла, ніби окреслена циркулем, і вони уявляють собі Азію рівною Європі. Так, я тепер у небагатьох словах покажу, якої величини кожна з них і яку форму має кожна.

37. Країна, де мешкають перси, простягається на півдні аж до південного моря, до так званого Червоного моря⁸². Вище від них на півночі живуть мідяни, вище від мідян живуть саспейри, а вище від саспейрів – колхи⁸³, країна яких доходить до Північного моря⁸⁴, що в нього вливається річка Фасис. Ці чотири народності мешкають від моря і до моря⁸⁵.

38. Звідси на заході розташовані два півострови⁸⁶ і вони спускаються в море, і я їх опишу. Один із цих півостровів на півночі починається від Фасиса і

⁷⁷ *Ейлейтія* – давньогрецька богиня дітородіння.

⁷⁸ *Олен* – давній міфічний поет або лікієць, або гіпербореєць, якого Геродот уважав за автора давніх гімнів на честь Аполлона.

⁷⁹ *Абарид* – напевно чи реальна особа. Йому приписували авторство поеми про подорож Аполлона до гіпербореїв, а також інші поетичні твори.

⁸⁰ Геродот висловлює сумнів, що Океан – це ріка, яка обтікає коло земель, і гадає, ніби його існування було вигадкою Гомера (кн. II, розд. 21 і 23). Така сама ідея була в логograфа Гекатея, з яким полемізував Геродот. Гекатей гадав, що аргонавти з річки *Фасис* (Ріоні) пропливли Океаном, потім Нілом і досягли Середземного моря.

⁸¹ Гекатей накреслив географічну карту світу цілком апріорно, не зважаючи на відомості своїх попередників, сучасників та свої власні і не дбаючи, щоб привести всі ці відомості до ладу.

⁸² Тут ідеться про Індійський океан і його Перську затоку, хоч давнім грекам добре було відоме і власне Червоне море.

⁸³ Із племен Закавказзя Геродот називає лише *колхів* та *саспейрів*.

⁸⁴ Під Північним морем тут розуміється *Понт Евксин* (Чорне море).

⁸⁵ Чотири країни цих племен утворюють лінію від півночі до півдня, яка відокремлює схід (Азію) від Європи. Річка Фасис також становить межу між Азією та Європою.

⁸⁶ Дві континентальні смуги землі, що простягаються від ріки Фасис на захід уздовж Понту та Геллеспонту на півночі, а на півдні від Маріандінської затоки до Тріопійського мису, – це, власне, і є Мала Азія, яка в античних авторів часто називається просто Азією.

тягнеться вздовж узбережжів Понту і Геллеспонту до Сігея в Троаді, а на півдні цей півострів починається від Міріандійської затоки, що є поблизу Фінікії, і тягнеться вздовж моря до Тріопійського мису. На цьому півострові живуть тридцять народностей.

39. Такий один із цих півостровів. Інший⁸⁷ починається від Персії і тягнеться до Червоного моря. Перша там є Персія, з якою сусідить Ассирія, а з нею Аравія. І нарешті він закінчується, але тільки так кажуть – біля Аравійської затоки, до якої Дарій довів канал від Нілу. Між Персією і Фінікією є широкий і великий простір. А далі від Фінікії цей півострів простягається від нашого моря⁸⁸ вздовж Сирійської Палестини і Єгипту, де і закінчується⁸⁹. На ньому живуть лише три народності⁹⁰.

40. Така форма Азії, якщо почати від Персії і йти далі на захід. А за країнами персів, мідян, саспейрів і колхів у бік світанку та сходу сонця, ці країни з одного боку обмежує Червоне море⁹¹, а на півночі Каспійське море і ріка Аракс, яка тече в той бік, де сходить сонце. Азія заселена аж до Індії. Але землі на схід від Індії вже пустельні⁹². І ніхто вже не може сказати, яка там справді місцевість. Отака і такої величини Азія.

41. Лівія є на іншому півострові, бо Лівія безпосередньо йде за Єгиптом. Там біля Єгипту цей півострів вузький, бо від нашого моря до Червоного відстань становить сто тисяч оргій, що дорівнює тисячі стадіїв. Але від цієї вузької частини півострів, що називається Лівією, стає широким.

42. Я не можу зрозуміти тих, хто відокремив і встановив межі Лівії, Азії і Європи⁹³, бо різниця між ними немала. За своєю довжиною Європа рівна цим обом, а щодо ширини, я гадаю, що її не можна порівняти з ними. Те, що ми знаємо про Лівію, доводить, що її оточують моря, крім тієї частини, яка межує з Азією. Першим це довів, наскільки я знаю, єгипетський цар Неко. Він, коли припинили роботи для прокладання каналу від Нілу до Аравійської затоки, послав фінікійців на кораблях, наказавши їм, повертаючись, пропливти через Гераклові стовпи в

---

⁸⁷ Геродот не знав нічого про існування Перської затоки та справжньої форми Аравійського півострова. У нього Ассирія те саме, що й Месопотамія. Аравія в нього включає, крім власне Аравії, також і Аравійську пустелю в Африці.

⁸⁸ Під «нашим морем» Геродот розуміє Середземне море.

⁸⁹ Чи вважав Геродот Єгипет належним до Африки (в нього – Лівії), чи до Азії, залишається неясним із різних місць його тексту.

⁹⁰ «Три народи» – тут народи Ассирії (Месопотамії), Аравії та Фінікії (включаючи до неї Палестину).

⁹¹ Південним *Еритрейським морем* Геродот називає море на півдні Азії та Лівії. Це в нього Індійський океан, Червоне море та Перська затока.

⁹² Грецьке слово «еремос» (пустеля) в Геродота має різноманітні значення. Це і власне пустеля, і не залюднена місцевість, а також місцевість, не придатна для заселення. Як прикметник він уживає це слово для незаселених гір, а також островів, покинутих людьми країв та міст. Степи він також називає цим словом.

⁹³ Перша згадка про поділ землі на три частини – Азію, Лівію та Європу є в Піндара (518-438 до н.е.). Такий поділ, очевидно, був і в Гекатея (див.: Дитмар А.Б. Рубежи ойкумени. – М.: 1973).

Північне море і так прибути до Єгипту. Отже, фінікійці вирушили з Червоного моря і припливли до Південного моря⁹⁴. Коли наставала осінь, вони приставали до якоїсь частини Лівії і там обробляли землю. А діждавшись врожаю пшениці, пливли далі. Так минуло два роки і на третій вони обігнули Гераклові стовпи і прибули до Єгипту. І вони розповідали – я цьому не вірю і хай цьому вірить хтось інший, – що коли вони пливли навколо Лівії, то сонце було в них із правої руки.

43. Так уперше було досліджено цей материк. Карфагеняни запевняють, що він оточений морями, бо Ахеменід Сатасп, Теаспіїв син, не спромігся пропливти навколо Лівії, незважаючи на те, що з такою метою його було послано, але він спершу злякався, що доведеться дуже довго пливти і, по-друге, що береги там пустельні, і повернувся, не виконавши наказу, який дала йому його мати. Він згвалтував одну дівчину, дочку Зопіра⁹⁵, Мегабізового сина. І оскільки за такий вчинок цар Ксеркс наказав посадити його на кіл, Сатаспова мати, яка була сестрою Дарія, своїм проханням урятувала йому життя, сказавши, що призначити йому гіршу кару, ніж ця. Отже, вона змусить його обігнути на кораблі Лівію і потім зайти в Аравійську затоку. З такою умовою Ксеркс погодився і Сатасп прибув у Єгипет, найняв там корабель і моряків і поплив до Гераклових стовпів. Потім пройшов протокою, обігнув лівійський мис, що називається Солоент⁹⁶, і пішов далі на південь. Проплив він багатьма морями і провів там багато місяців, але оскільки попереду ще була більша частина подорожі, він завернув назад і повернувся до Єгипту. Звідти він прийшов до царя Ксеркса і, описуючи найвіддаленіші краї, він розповів, що приплив до берега пігмеїв, які одягаються в червоні одяги, але коли Сатасп із супутниками пристали до їхнього берега, ті залишили, тікаючи, свої домівки і подалися в гори. Мандрівники зайшли в їхні хатини, але не взяли звідти нічого, крім тварин. Він додав ще, що він не спромігся пропливти навколо Лівії, бо його корабель зупинився і далі не можна було пливти. Але Ксеркс не повірив йому, що він каже правду, і через те, що він не виконав даного йому наказу, посадив його на кіл, підтвердивши призначену перед тим Сатаспові кару. Один із євнухів Сатаспа, щойно довідався про смерть свого господаря, утік, захопивши багато скарбів, на Самос. Ці скарби в нього відібрав один самосець. Я знаю його ім'я, але нехай уже буде так, я не назву його імені.

44. Більшу частину Азії відкрив Дарій. Він хотів довідатися, де вливається в море ріка Інд, а це така друга ріка серед усіх рік, де водяться крокодили⁹⁷. Для цього він послав на кораблях людей, яким він найбільш довіряв у тому, що вони скажуть йому правду, і серед них був один каріандієць, Скілак⁹⁸. Вони вирушили

⁹⁴ Хоч Геродот не вірив розповіді фінікійців про те, що, обігнувши Африку зі східної сторони, вони бачили сонце праворуч від себе, але так воно і було, якщо розповідь про плавання фінікійців навколо Африки була правдивою.

⁹⁵ Внук того Зопіра, який допоміг персам здобути Вавилон (кн. III, розд. 153), і від котрого Геродот одержав це повідомлення, утік до Афін.

⁹⁶ Мис Солоент – його місцезнаходження не визначено.

⁹⁷ Перша ріка, в якій живуть крокодили, – це Ніл (див. кн. II, розд. 32, 68-69).

⁹⁸ Скілак із Каріанди в Карії (кінець VI ст. до н.е.), якому Гекатей та Геродот завдячують відомостями про Каспійське море, країни навколо нього та їхніх мешканців.

з міста Каспатира і з Пактії⁹⁹ і плвли за течією ріки до моря в напрямі до світанку і до сходу сонця. Прибувши до моря, вони повернули на захід і за двадцять дев'ять місяців прибули до того місця¹⁰⁰, з якого єгипетський цар послав фінікійців, щоб вони пропливли навколо Лівії, як я сказав вище. Після цього плавання Дарій підкорив індійців і засвоїв це море. Так було доведено, що всі інші частини Азії, крім тих, які розташовані там, де сходить сонце¹⁰¹, схожі на Лівію.

45. Щодо Європи, ніхто напевне не знає, чи ті її частини, що розташовані на сході і на півночі, обмиваються морем. Відомо, що за своєю довжиною вона майже перевершує два інших материки. Я також не можу пояснити, чому земля, що становить один суходіл, одержала три¹⁰² назви і саме від імен жінок. Крім того, чому для них встановлено за межі Ніл, ріку Єгипту, і Фасис у Колхиді (інші встановлюють як межі ріку Танаїд, що вливається в Маєтиду, і Кімерійський Боспор¹⁰³), не міг я також дізнатися про імена тих, що встановили такі межі, і звідки вони взяли такі назви. Звичайно, багато еллінів кажуть, що Лівія одержала назву від імені однієї тубільної жінки Лівії, а Азія має назву від імені Прометеевої жінки Азії. Лідійці вважають за своє це ім'я і що Азія отримала назву від імені Азія, онука Мана і сина Котія, а не від Прометеевої Азії. Від нього і одну частину Сардів було названо асіадами. Щодо Європи ніхто не знає, чи обмивається вона навколо морем і звідки вона одержала це ім'я, і ми не знаємо, хто їй його дав, якщо не скажемо, що ця країна одержала ім'я від Європи з Тира і перед тим, звичайно, була безіменною, як і два інших материки. Проте Європа, здається, була з Азії і не прийшла до цієї країни, що тепер називається еллінами Європою, але з Фінікії прибула на Крит, а з Криту в Лікію. Оце і є все, що я міг сказати про це питання. Отже, ми залишимо все це таким, як воно є.

46. На берегах Понту Евксину, куди готувався вирушити в похід Дарій¹⁰⁴, живуть порівняно до всіх інших країн найменш освічені народи, за винятком скіфів. Бо серед племен у припонтійських краях ми не можемо назвати жодного, що було б відоме своєю мудрістю, і не знаємо нікого, хто б уславився своїм розумом, крім скіфської народності і Анахарсія. Скіфське плем'я дуже розумно винайшло щось, чого нема в інших, вельми важливе для життя людей, наскільки я розумію.

⁹⁹ Є припущення, що *Пактія* – це сучасний Афганістан, а місто *Каспатир* – це сучасний Кабул. Геродот змішував ріку Кабул із рікою Індом.

¹⁰⁰ Ідеться про Суецьку затоку.

¹⁰¹ Південні береги Азії та Африки стали відомими ще за античних часів на відміну від більшої частини Європи (розд. 45).

¹⁰² За часів Геродота був забутий первісний поділ континентів Азії та Європи. Назва «Азія» зустрічається вперше в Піндара, хоча прикметник «азійський» (*асіос*) був уже в давньому епосі. Назва «Європа» вперше була використана в так званому гомерівському гімні Аполлонові і вона означала материкову Грецію на відміну від Пелопоннесу та островів Егейського моря. Згодом ця назва одержала ширше значення для протиставлення материків. Імовірно, назви Європа і Азія в асиро-вавилонських мовах означали, відповідно, захід та схід.

¹⁰³ Грецьке слово «портмея» перекладачі та коментатори розуміють по-різному, або як переправи, або як гавані, або навіть як протока.

¹⁰⁴ З цього розділу в Геродота вже ідеться про похід Дарія проти скіфів.

Що ж до всього іншого, то я їм не заздрю. Це найважливіше, що вони винайшли, а саме, що ніхто з тих, які нападали на них, не врятувався, і ще, коли вони не хочуть, щоб їх знайшли завойовники, скіфів неможливо зустріти. І справді люди, що не мають ні міст, ні фортець, але кочують, будучи вершниками і лучниками¹⁰⁵, які не займаються землеробством, а скотарством, житла яких на возах, як можуть такі люди бути переможеними, як можна до них наблизитися?

47. Це вони винайшли і тому, що їхня країна сприятлива для цього, і, крім того, їм допомагають ріки. Їхня країна рівнинна і рясніє травою і зрошується водою багатьох річок, яких стільки, скільки каналів у Єгипті. Я назву тепер ті з них, які найбільш відомі і судноплавні від самих своїх джерел. Це Істр¹⁰⁶, що має п'ять гирл, а потім Тирас, Гіпаній, Борисфен, Пантікап, Гіпакірій, Герр і Танаїд. А тепер ще про течію цих річок.

48. Істр серед усіх відомих мені річок найбільша ріка і вода в ньому однакова¹⁰⁷ і взимку, і влітку. Це перша з заходу ріка Скіфії і через те, що в неї вливаються інші річки, вона стає дуже великою. Її притоки, що роблять її великою, такі: по-перше, це п'ять, що течуть у Скіфії: одна, яку скіфи називають Пората¹⁰⁸, а елліни – Пірет, ще інші – Тіарант, Апар, Напарій і Ордесс. Перша названа мною притока – велика і тече на схід¹⁰⁹, зливаючи свої води з Істром, друга названа – Тіарант, вона тече в напрямі приблизно на захід і невелика, нарешті Апар, Напарій і Ордесс течуть між попередніх і вливаються в Істр. Ці річки протікають у Скіфії і всі разом збільшують води Істру. А з країни агатирсів тече річка Марій і з'єднується з Істром.

49. Із верховин Гайму¹¹⁰ течуть три інші великі ріки¹¹¹ в напрямі на північ і вливаються в Істр: Атлант, Аврант і Тибісій. Через Фракію і країну фракійського племені кробізів¹¹² течуть Атрій, Ной і Артан і вливаються в Істр. Із країни пайонів і з гори Родопи витікає річка Скій, що перетинає посередині Гайм і вливається в Істр. З Іллірії витікає ріка Ангр, що тече рівниною трибаллів і вливається в річку Бронг, а Бронг – в Істр. Отже, і ці дві значні ріки приймає в себе Істр. Із країни, що над омбриками, річка Карпій і ще інша Альпій, течуть на північ і вливаються в нього. Треба зазначити, що Істр перетинає всю Європу від країни кельтів, які разом із кінетами¹¹³ живуть на крайньому заході Європи. Перетявши всю Європу, він на краю Скіфії вливається в море.

¹⁰⁵ Кінні лучники не зустрічаються на грецьких вазах, де є зображення скіфських воїнів або озброєних скіфів.

¹⁰⁶ Істр, тобто Дунай, тепер має три основних гирла. Про Істр у розд. 99 цієї і 33 другої книги.

¹⁰⁷ Тобто на відміну від Нілу.

¹⁰⁸ Можна з певністю встановити, що назви *Пората* і *Пюретос* відповідають сучасній назві *Прут*. Чотири інші згадані тут річки не ідентифікуються з сучасними назвами.

¹⁰⁹ Оскільки Прут уливається в Дунай, то він тече не на схід, а на південь.

¹¹⁰ *Гем* (*Гаймос*) – у греків була назва Балканів, тобто Балканського пасма.

¹¹¹ Три великі ріки, що течуть із вершин Гему (Балканів): великими називає їх Геродот через свою необізнаність із ними.

¹¹² *Кробізи* – одне з фракійських племен, також *трибалли* – інше фракійське плем'я.

¹¹³ *Кінети* – очевидно, одне з кельтських племен Західної Європи.

50. Отже, через те, що названі ріки і ще й інші, які приносять йому свої води, Істр стає найбільшою з рік, бо якщо порівняти їх окремо одну з одною щодо кількості води, то Ніл матиме перевагу. Бо, як я сказав, у нього не вливається жодна річка, жодне джерело, які могли б збільшити його води. А Істр і взимку і влітку має однаковий рівень води, як на мене, ось через що: взимку він такий, як завжди, і майже не збільшує свій звичайний рівень, бо в тих краях узимку випадає мало дощів, але сніг падає постійно. А влітку сніг, що випав узимку і його було дуже багато, тане і вода з усіх боків ллється до Істру. Отже, цей сніг, що тане і ллється в нього, саме він збільшує його води, а разом із ним рясні і раптові дощі, бо там і влітку йдуть дощі. І наскільки більше води притягає до себе сонце влітку, ніж узимку, настільки влітку більше води вливається в Істр, ніж узимку. Коли порівняти ці два явища, то вони врівноважують одне одного і наслідком цього є те, що Істр має завжди однакову кількість води.

51. Отже, одна з рік Скіфії – це Істр. Далі за нею йде Тирас¹¹⁴, який тече з півночі, витікаючи з великого озера¹¹⁵, що відмежовує землю скіфів від землі неврів. Біля гирла його живуть елліни, так звані тирити.

52. Третя ріка – це Гіпаній¹¹⁶, її джерело в Скіфії і починається вона з великого озера, навколо якого пасуться дикі білі коні. І правильно називають це озеро матір'ю Гіпанія. Отже, з нього витікає ріка Гіпаній і на відстані п'яти днів шляху в ньому ще небагато води і його вода солодка, але після того на відстані чотирьох днів шляху від моря його вода стає дуже гіркою¹¹⁷. Це тому, що в нього вливається одне гірке джерело, яке хоч і зовсім мале, але дуже гірке і його вода змішується з водою Гіпанія, що є великою рікою серед малих, і це джерело надає його воді такий смак. Це джерело є на межі країн скіфів – землеробів і алізонів. Назва цього джерела і місцевості, звідки витікає його вода, по-скіфському Еksamпай¹¹⁸, а по-еллінському – Священні шляхи. Тирас і Гіпаній у країні алізонів не дуже віддаляються один від одного, але звідти і далі кожен із них розходить з іншим і відстань між ними розширюється.

---

¹¹⁴ У Геродота *Тирас* – ріка Дністер, а місто мілетських колоністів називається «містом тиритів». Воно було розташоване на місці сучасного *Білгорода-Дністровського* (у румунів – *Читатя Албе*, у турків – *Аккерман*).

¹¹⁵ Про ріки Скіфії Геродот уважав ніби вони витікають із великих озер. Це внаслідок його апріорної географічної концепції.

¹¹⁶ *Гіпаніс* (*Гюпаніс*) – очевидно, сучасна його назва *Південний Буг*, але так само називається і ріка *Кубань*.

¹¹⁷ Дуже гіркий смак води якоїсь притоки Південного Бугу, що від неї до моря «чотири дні плавання», очевидне непорозуміння: солонувата вода, може бути в долішній течії Бугу, де його вода змішується з морською водою. Зокрема, це може бути в Дніпровсько-Бузькому лимані.

¹¹⁸ Сумнівно, що назва «Еksamпайос» грецькою мовою може бути перекладена як «священні шляхи» (*гірай годой*), бо для річки така назва була б не підходяща. У Геродота так називаються також місцевість на берегах цієї притоки і божество її, якому приносять жертви. Спроби встановити етимологію цієї назви досі не були успішними.

53. Четверта ріка – це Борисфен¹¹⁹. Вона найбільша серед них після Істру і, на мою думку, вона найбільш корисна для людей не лише серед інших рік Скіфії, а й взагалі всіх інших, крім єгипетського Нілу, бо з ним не можна зрівняти жодну іншу ріку. Отже, серед інших рік Борисфен найкорисніший людям, бо навколо нього найкращі і найбільш поживні пасовища для худоби і дуже багато в ньому риби, приємної на смак, і вода в ньому дуже чиста, порівняно з іншими, із каламутною водою і ниви навколо нього чудові, а там, де не засіяно, виростає висока трава. А в його гирлі відкладається багато солі. І великі риби в ньому без колючих кісток, що їх називають антакаями¹²⁰. Для харчування ця ріка дає ще і багато чого іншого, гідного всякої уваги.

Через сорок днів плавання до місцевості, яка називається Герр, відомо, що він тече з півночі, але звідти вище ніхто не може сказати, якими країнами він протікає. Однак встановлено, що тече він через пустелю, доки не досягає країни скіфів-землеробів. Справді, ці скіфи живуть на його берегах на відстані десяти днів плавання. Лише про джерела цієї ріки і Нілу я не можу сказати, де вони є, й гадаю, що і ніхто інший з еллінів не може цього сказати. Там, де Борисфен наближується до моря, з ним з'єднується Гіпаній, що вливається в те саме мілководдя. Вузька смуга суходолу, що утворюється між цими ріками, називається мисом Гіпполая¹²¹ і на ньому побудовано святилище Деметри¹²². А за святилищем на березі Гіпанія живуть борисфеніти.

54. Оце що можна сказати спочатку про ці ріки. Після них тече п'ята ріка, що називається Пантикап¹²³, що бере початок на півночі і витікає з одного озера, і між ним і Борисфеном живуть скіфи-землероби, а гирло його в Гілеї, де, огинаючи її, він зливається з Борисфеном.

55. Шоста ріка – це Гіпакірій, що починається від озера, тече країною скіфів-кочовиків і вливається в море біля міста Каркінітиди, залишаючи праворуч від себе Гілею і так званий Ахіллесів шлях¹²⁴.

¹¹⁹ Назва «Борюстенес», очевидно, не грецького походження, але спроби встановити її можливу іранську етимологію («широке місце», «високе місце») виявилися незадовільними. У словнику александрійця Гесіхія є така цікава «глосса»: «Борисфен: Гелеспонт, а також ріка». Ця глосса може означати, що первісно «Борисфен» була назва Дарданельської протоки, а згодом, коли греки освоїли морський шлях до Дніпровсько-Бузького лиману, цю назву було перенесено далі на північ. Не виключається можливість, що ця назва була фракійського походження (мабуть – «Північна протока», пор. грецькі «Бореас» – північ, північний або північно-східний вітер» та «стена» – ущелина, протока).

¹²⁰ «Антакайос» – якась риба з родини осетрових, зокрема білуга, безкісткова риба досить великих розмірів. Етимологію назви досі не встановлено.

¹²¹ *Гіпполай мис* – більшість сучасних дослідників ототожнює із *Станіславським мисом*.

¹²² Хоча на Станіславському мисі не виявлено залишків святилища Деметри, відомо з археологічних матеріалів, що культ Деметри існував в Ольвії і зображення цієї богині були на ольвійських монетах (див.: Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. – К., 1979).

¹²³ Річка *Пантикап* залишається неідентифікованою, як і нижчезгадані на схід від неї річки (*Гіпакірис* та *Герр*).

¹²⁴ *Ахіллесів шлях* (*Ахіллеос дромос*) – або, як його ще називають, *Ахіллесів біг* (рим-

56. Сьома ріка – Герр, яка відокремлюється від Борисфена в тому місці, до котрого є відомий Борисфен. У тому місці вона починає віддалятися від нього і має таку саму назву, як і та країна. Герр, прямуючи до моря, відділяє країну скіфів-кочовиків від царських скіфів і вливається в Гіпакірій.

57. Восьма ріка, як я сказав, – це Танаїд¹²⁵, що тече від півночі, витікаючи з великого озера, і вливається в ще більше озеро, яке називається Мастидським. Воно відокремлює царських скіфів від савроматів. У Танаїд, у його середині, вливається ще одна річка під назвою Гіргій.

58. Отже, цими річками обдарована Скіфія. Я називаю лише найвідоміші серед них. Трава, яку їсть худоба в Скіфії, найбільше з інших виробляє в собі жовч. Коли вительбушують тварин, то кожний може в цьому переконатися.

59. Отже, все найважливіше скіфи мають у повному достатку. Що ж до іншого, то звичай у них такі. Богів вони шанують лише таких¹²⁶: найбільш за всіх – Гестію, потім Зевса і Гею, яку вважають за дружину Зевса. Після цих – Аполлона, Афродіту, Уранію і Арея. Цих богів шанують усі скіфи, а ті, що називають їх царськими скіфами, приносять жертви ще й Посейдонові. Скіфською мовою Гестія називається Табіті, Зевс, дуже правильно на мою думку, називається Папай, Гея називається Апі, Аполлон – Ойтосир, Афродіта Уранія – Аргімпаса, а Посейдон – Тагімасад. Статуй, жертвників і храмів вони за звичаєм не споруджують, за винятком Арея¹²⁷: для нього вони це роблять.

60. Жертвоприношення всі вони роблять однаково під час усіх свят у такий спосіб¹²⁸. Жертовна тварина стоїть із двома зв'язаними передніми ногами, а жрець стоїть позаду від тварини, тягне за кінець мотузки, перекидаючи тварину, коли та падає. Він звертається до божества, якому приносить жертву, а потім обкручує навколо шиї тварини зашморг, устромляє в нього ціпок, крутить у всі боки і так задушує, не запалюючи вогню, не посипаючи борошном і не роблячи зливань. І коли він уже задушить тварину і обдере шкуру, починає куховарити.

61. Оскільки в скіфській землі не вистачає дров, то тамтешні мешканці вигадали ось що, щоб варити м'ясо. Коли вони остаточно обдеруть шкуру тварини, знімуть м'ясо з кісток, потім, якщо вони мають казани¹²⁹, а тамтешні казани дуже

ський географ Помпоній Мела вважав, що на цій вузькій смугі землі Ахіллес улаштував змагання в біганні) ототожнюється з *Тендрівською косою* (тепер островом).

¹²⁵ *Танаїд* (*Танаїс*) – Дон, у Геродота називається східним кордоном Скіфії.

¹²⁶ Геродот називає сімох скіфських богів, яких він ототожнював із грецькими богами так, як у другій книзі єгипетських богів, а саме: Табіті-Гестія, Папай-Зевс, Апа-Гея, Гойтосир-Аполлон, Аргімпаса-Афродіта Уранія, Тагімасад-Посейдон (у царських скіфів), ім'я скіфського бога війни в нього не називається, а скіфський Геракл, імовірно, називався Таргітаєм, родоначальником скіфів (розд. 5).

¹²⁷ Про кумир бога війни див.: Бессонова С.С. Скифский Арей... Археологические исследования на Украине, 1976-1977. Тез. докл. XVII конф. Ин-та археологии АН УССР. – Ужгород, 1978. – С. 60.

¹²⁸ Зміст цього обряду жертвоприношення такий, що жертовна тварина нібито вклоняється божеству, а кров її не проливається на землю.

¹²⁹ Скіфські казани виявляються археологами в багатьох похованнях (таких, як Чортотлик, Солоха та ін.). Мідяні казани в скіфів, як і в кельтів, мали, крім практичного, культове значення.

нагадують лесбоські кратери, лише вони далеко більші за них, кидають у них м'ясо і після цього розпалюють під казаном кістки жертвних тварин і варять м'ясо. Але коли вони не мають казанів, то закладають усе м'ясо в шлунки тварин, наливають туди води і під шлунками запалюють кістки. Вони горять дуже добре, а в шлунках уміщується все м'ясо без кісток. І в такий спосіб сам бугай варить своє м'ясо, а також і всі інші тварини кожна варить своє м'ясо. Коли звариться м'ясо, тоді той, що приносить жертву, як присвяту богів, кидає перед собою якусь частину м'яса і тельбухи. Приносять вони в жертву й інших тварин і переважно коней¹³⁰.

62. Отже, так приносять вони жертви всім богам і всяких таких тварин, але Аресві вони приносять жертви в інший спосіб. В центрі області¹³¹ кожного народу існує священна споруда для Арея, яку вони роблять ось як: накладають в'язанки хмизу завдовжки і завширшки до трьох стадій, але не дуже високі. На них влаштовують чотирикутну площадку, три сторони якої стрімчасті, а на четверту можна зійти. Щороку вони накладають на цю споруду сто п'ятдесят возів хмизу¹³², бо через непогоду вона постійно осідає. У таку купу хмизу кожен народ встромляє старий залізний меч, який є символом Арея. Цьому мечу вони щороку приносять у жертву овець та коней, крім тих жертв, що вони їх приносять іншим богам. А йому вони приносять ще таку жертву. Із кожної сотні ворогів, узятих у полон живими, вони вибирають одного і приносять його в жертву, але не так, як овець. Спершу вони ллють вино на голови, а потім ріжуть людей над посудиною і відносять кров на вершину тієї купи хмизу і обливають кров'ю меч¹³³. Туди наверх вони відносять кров, а внизу біля священної споруди роблять таке. В усіх зарізаних людей вони відрубують разом із плечем правицю і кидають відрубане в повітря і, закінчивши всі обряди, відходять. А рука, куди впаде, там і лежить, а окремо від неї труп зарізаної людини.

63. Отакі в них бувають жертвоприношення, але свиней вони не приносять у жертву і навіть не розводять їх у своїй країні.

64. Щодо їхніх звичаїв на війні, то встановлено таке: першого ворога, якого вб'є скіф, він п'є його кров, а скількох інших він ще вб'є у битві, то приносить до царя їхні відтітати голови. За кожну голову йому дозволяється одержати щось із трофеїв, а якщо не принесе голови, це йому не дозволяється. Ось як скіф здирає шкіру з голови ворога: він надрізує шкіру навколо голови там, де вуха, бере голову, трусить її, щоб відокремити від черепа, потім бере бичаче ребро і розгладжує шкіру. Після цього він використовує її як рушник і для вуздечки свого коня, на якому він їздить, вішає її і пишається нею. Бо той, у кого більше таких рушників,

¹³⁰ Жертвоприношення коней характерне для індо-іранського культурного циклу (пор. ашвамедха в давній Індії); див. також I, 189, 216, VII, 40, 113.

¹³¹ Геродот гадав, що Скіфія була поділена на адміністративні округи (номи) і начальником кожного округу був «номарх». Такий поділ міг би мати військове і релігійне значення.

¹³² Використання оберемків хмизу для спорудження великих курганів навряд чи можна узгодити з відсутністю лісів у скіфській землі (IV, 19, 61).

¹³³ Про скіфські мечі див.: Черненко Е.В. Скифо-персидская война. – К., 1984. – С.46, 108.

уважається за найвідважнішого воїна. Багато хто з них із шкіри ворогів шиють собі плащі і носять їх, як шкіряний одяг. Багато із них із шкіри мертвих ворогів, здертої з правиці з нігтями, роблять собі чохли для сагайдаків. Адже людська шкіра досить щільна і блискуча і мабуть від усіх інших вирізняється своїм блиском і білим кольором. Багато хто здирає шкіру з усієї людини, натягає її на дерев'яну раму і возить її з собою, гарцюючи на коні.

65. Отже, такі в них встановлено звичаї. А з головами не всіх ворогів, але з найненависніших, вони роблять таке. Кожен із них, відпилявши все, що нижче від брів, очищує череп. І якщо цей скіф бідняк, він лише обтягує ззовні череп сирицевою бичачею шкірою і використовує його як чашу, а якщо він багатий, то він також іззовні обтягує шкірою, а зсередини позолочує його і використовує як чашу для вина. Роблять вони так і з черепами своїх родичів, коли вони посваряться між собою і хтось із них на суді в царя візьме гору над іншим. Коли приходять гості, яких шанують господарі, то їм підносять ці черепи і кажуть, що, хоча ті були їхніми родичами, але їм довелося з ними воювати і господар вийшов із війни переможцем. Така перемога вважається в них за подвиг.

66. Один раз на рік кожен правитель області, змішавши вино з водою в кратері, дає пити тим скіфам, які повбивали ворогів, а ті, хто цього не зробили, не п'ють цього вина, але, присоромлені, сидять осторонь: бо для скіфів це найбільша ганьба. А ті, які повбивали дуже багато ворогів, тримають аж два келехи і з обох п'ють.

67. У Скіфії є багато ворожбитів, які ворожать з пучечками лозин¹³⁴, а саме: приносять їх дуже багато, розкладають на землі, розв'язують ці пучечки і, поклавши кожен окремо, пророкують і продовжуючи пророкування, знову збирають їх по одному і складають до купи. Такий спосіб ворожити вони успадкували від предків. А енареї, андрогіни¹³⁵, твердять, що мистецтву ворожби їх навчила Афродіта. Вони ворожать із липовою корою¹³⁶. Спершу розрізують її на три смуги, а потім накручують їх на пальці, розкручують і так ворожать.

68. Коли захворіє скіфський цар, він кличе до себе трьох ворожбитів із найбільш ушавлених і вони ворожать так, як я сказав. І після того роблять переважно такий висновок, ніби такий чи такий порушив клятву, яку виголосив біля царського вогнища, і називають когось із громадян. У скіфів існує звичай присягатися біля царського вогнища, якщо йдеться про дуже важливу присягу. І одразу хапають названого і відводять туди, де скажуть, що він порушив свою клятву, і ворожба ясно показує, що він, заприсягавшись біля царського вогнища, порушив присягу і через це захворів цар. Проте він уперто заперечує, що порушив присягу, і категорично протестує. Отже, коли він заперечує, цар запрошує інших ворожбитів. І коли й вони, подивившись на свої лозинки, визнають його за порушника клятви, тоді йому негайно відрубують голову, а його майно за жеребом розподіляють перші ворожбити. Проте, якщо ворожбити, що прийшли потім, виправдо-

¹³⁴ Ворожба з використанням різочок була також в інших народів, напр., у кельтів та германців (гр. *рабдоскопія*).

¹³⁵ Про енареїв (андрогінів) уже було в кн. I, розд. 105.

¹³⁶ Липа в давніх греків уважалася священним деревом богині Афродіти.

вують його, приходять ще й інші ворожити. Отже, коли більшість із них визнають його невинним, тоді виноситься рішення вбити тих перших ворожитів.

69. Ось у який спосіб їх умертвляють. Наповнюють віз купою хмизу і запрягають у нього биків. Потім зв'язують ворожитам руки за спиною, затикають їм роти і засовують їх у хмиз, підпалюють його і женуть биків, налякавши їх. Звичайно, багато биків згорають разом із ворожитами, але багато врятовується, хоч і підпалені, коли згорає дишель, до якого їх запряжено. У такий описаний мною спосіб спалюють ворожитів і з інших причин, називаючи їх лжепророками. Кого засудить на смерть Цар, то і їх дітей не щадить, синів убиває, а дочок залишає живими.

70. Коли скіфи складають угоди з клятвами, то роблять це в такий спосіб: наливають у великий глиняний глек вина і змішують його з кров'ю із стегон обох, що складають угоду. Так роблять вони, злегка надрізуючи тіло вістрям або дряпаючи ножем. Потім занурюють у глек меч, стрілу, сокиру і дротик і, зробивши це, кажуть багато молитов і нарешті п'ють із глека і ті, що складають угоду, і найзнатніші з тих, що їх супроводжують.

71. Могили їхніх царів розташовано в місцевості Геррив, у тому місці, до якого Борисфен судноплавний, пливучи від моря. Там, коли помирає їхній цар¹³⁷, вони викопують у землі велику чотирикутну яму, беруть уже підготовленого померлого, вкривають його тіло воском (перед тим очищують від нутрощів його черево), наповнюють його перетертим купрієм¹³⁸, кмином, насінням селери, кропом, потім зашивають черево, кладуть покійника на віз і перевозять його до іншого племені¹³⁹. Ті, до яких привозять померлого, роблять те саме, що й царські скіфи: відрізують кінчик вуха, стрижуть на голові волосся, дряпають у різних місцях рамено, вкривають синцями лоб і ніс і проколюють стрілою ліву руку. Звідти на возі труп царя перевозять ще далі до підвладного їм племені, а ті, до яких його перед тим привозили, супроводжують його. І коли так вони об'їздять із небіжчиком усі племена, вони прибувають у країну Геррив, яка є областю останнього підвладного їм племені і місцем поховання царів. Потім, помістивши небіжчика на підстилку в могильному склепі, встромлюють у землю з усіх боків від небіжчика списи, а над ними кладуть деревини і вкривають його очеретяними матами. У просторому приміщенні склепу ховають одну з його наложниць, яку перед тим задушили, його чашника і куховара, конюха, особистого слугу, вісника і його коней, а також певну частину його речей і так само золоті чаші (срібла та міді вони зовсім не використовують). Коли вони все це роблять, то насипають землю і споруджують великий курган, намагаючись зробити його найвищим.

72. Коли минає рік, вони влаштовують нове святкування. Вибирають найкращих слуг із тих, що залишилися (всі вони скіфи з народження, бо ті, що служать цареві, він їх сам обирає собі, а рабів він собі не купує), отже, з цих слуг

¹³⁷ Археологічні дані підтверджують повідомлення Геродота про скарги царських курганів та про поховальні обряди скіфів.

¹³⁸ Тут назва якоїсь ароматичної трави, можливо, *буги́ла* (*Anthriscus*).

¹³⁹ Такі поховальні обряди були й у східних слов'ян до їхньої християнізації за повідомленням арабських мандрівників (Ібн-Фадлан).

п'ятдесят вони задушують і до того ще п'ятдесят коней із найкращих. У них виймають шлунок, очищують його всередині, наповнюють соломою і зашивають. Ставлять на дві деревини половину колеса внутрішньою стороною доверху, а іншу половину кладуть на інші дві деревини. І таких деревин вони встромлюють у землю багато. Потім пропускають крізь тіло коня товсту жердину аж до шиї і підіймають коня на колеса так, щоб передні колеса підтримували плечі коней, а задні біля стегон підтримували черево. Обидві ноги звисають, не досягаючи землі. На коней нав'язують віжки та вуздечки, тягнуть наперед і прив'язують до кіл.

Після того тих п'ятдесят задушених юнаків, про яких я казав, саджають кожного на коня в такий спосіб: кожному небіжчикові вздовж хребта встромлюють пряму жердину аж до шиї. Внизу частина цієї жердини стирчить і її вставляють у дірку в жердині, якою простромили коня. Цих вершників розміщують навколо кургану і йдуть геть.

73. Так вони ховають своїх царів, а інших скіфів, коли ті помирають, найближчі родичі кладуть на вози і перевозять їх до домів приятелів. І кожен із них приймає їх і частує всіх, хто супроводжує померлого, водночас підносячи йому всі ті страви, якими частує і живих. Отак сорок днів возять незнатних людей, а вже потім їх ховають. Після похорону скіфи очищуються. Спершу вони змазують голову якимось мастилом, змивають його, а після того очищують і все тіло: ставлять три жердини, нахиляючи одну до одної і обгортають їх товстою вовняною тканиною, закривають нею все навколо, ставлять усередину такого намету з жердин і тканини посудину, а в неї кидають розпечені камені.

74. В їхній країні добре ростуть коноплі, схожі на льон, хоч не дуже товсті й високі. Порівняно з льоном ці коноплі кращі. Їх сіють, але вони і самі виростають. Із них фракійці шиють собі одяг, дуже схожий на лляний. І той, хто не має досвіду, не зможе розрізнити, чи цей одяг з льону, чи з конопель. А той, хто ніколи в своєму житті не бачив конопляну тканину, повірить, що одяг зроблено з льону.

75. Отже, насіння цих конопель беруть скіфи, потім залізають під вовняні тканини і сиплять насіння на розпечене каміння і насіння, падаючи на каміння, горить, димить і дає пару таку густу, що подібної до неї не буває в жодній еллінській паровій лазні. І скіфи, задоволені паровою лазнею, кричать, радіючи. Отака в них лазня, бо вони, звичайно, зовсім не миють свого тіла водою. Їхні жінки змочують шерехатий камінь і на ньому розтирають кипарисову деревину, також кедрову деревину та ладан і потім цією густою рідиною змазують усе тіло та обличчя. І від цього вони, по-перше, приємно пахнуть, а по-друге, коли вони потім знімають шар цієї масті, їхня шкіра стає чистою і блискучою.

76. Вони всіляко уникають запозичати іноземні звичаї іншого народу і зокрема еллінські звичаї, як це доводять випадки з Анахарсієм і потім із Скілом. Анахарсій об'їздив колись більшу частину світу. Під час своїх подорожей він набрався багато мудрості, а потім повернувся до своєї країни, до Скіфії. Пропливши кораблем через Геллеспонт, він приплив до Кізіка, і побачивши, як кізікенці святкують величне свято на честь Матері богів¹⁴⁰, Анахарсій дав урочисту обітни-

¹⁴⁰ Оргіастичні культи Матері богів (*Кібели*) з грецького міста Кізіка на березі Пропонтиди (Мармурового моря) могли потрапити до скіфів, які, за свідченням Геродота,

цю Матері богів, якщо він повернеться живий і здоровий на свою батьківщину, принести жертву, так само, як він бачив у кізікенців, і що він улаштує цілонічне святкування. Коли він прибув у Скіфію, то заглибився в так звану Гілею (ця країна розташована поблизу Ахіллесового шляху і вся вона заросла різноманітними деревами). Отже, туди заглибився Анахарсій і почав справляти свято з усіма обрядами на честь богині, тримаючи в руках тимпан і нависивши на себе священні зображення. Коли він справляв ці обряди, його побачив один скіф і повідомив про це царя Савлія. Прибув туди і сам цар і ледве побачив Анахарсія, що справляв там обряди, вистрілив у нього з лука і вбив його. І тепер, коли хтось питає скіфів про Анахарсія, вони твердять, що не знають його, саме через те, що він відвідав Елладу і справляв іноземні обряди. Проте мені розповів Тимн¹⁴¹, представник Ариапейта, що Анахарсій із боку батька був дядьком Ідантирса, скіфського царя¹⁴², і сином Гнура, внука Спаргапейта і сина Ліка. Якщо таке було походження Анахарсія¹⁴³, то його вбив його брат, бо Ідантирс був сином Савлія, а Савлій був тим, хто вбив Анахарсія.

77. Незважаючи на це, я чув також і ще інший переказ від пелопоннесців, ніби скіфський цар послав Анахарсія в Елладу, щоб він там навчався, і що скоро той повернувся, він розповів тому, хто його послав, що всі елліни стараються придбати всілякі знання, за винятком лакедемонців, але лише вони здатні розумно розмовляти. Але такий переказ даремно вигадали самі елліни. Справді, та людина загинула такою смертю, як я розповів вище. Отже, він загинув через те, що хотів завести іноземні звичаї, і через те, що спілкувався з еллінами.

78. Багато, навіть дуже багато років після того, таке саме сталося зі Скілом, сином Ариапейта. Отже, в Ариапейта, царя скіфів, серед інших його дітей, народився Скіл. Він народився від матері істріянки¹⁴⁴, а не від тамтешньої жінки, і його мати навчила його еллінської мови та еллінської грамоти. Згодом, за деякий

взагалі уникали запозичення іноземних (зокрема, грецьких) звичаїв.

¹⁴¹ *Тимн (Тюмес)* – єдине ім'я свого інформатора, яке наводить Геродот. Звичайно, не можна встановити, де саме міг Геродот спілкуватися з ним. У даному разі грецьке слово «епітропос» можна перекласти нашим «агент» або «довірена особа» (слово «опікун» тут не підходить, пор. Міщенко, Стратановський).

¹⁴² Наведення Геродотом кількох імен скіфських царів дало привід дослідникам уважати, ніби в скіфів існувала царська династія. З тексту Геродотових «Історій» не можна зрозуміти, про яких саме царів ідеться: чи про царів окремих скіфських племен, чи про якихось царів, що були царями всіх їхніх племен. Оскільки існування одного царя всіх їхніх племен суперечило б поділу скіфів на хліборобів, орачів, кочовиків, царів, треба гадати, що Геродот згадує імена царів якогось одного племені (мабуть, скіфів-царів).

¹⁴³ Образ *Анахарсиса* – мудрого скіфа, що прилучився до грецької культури, мав дальший розвиток в античній літературі. Скіфському мудрецеві приписувалися різні філософські вислови і навіть листи. Доля скіфського царя Скіла аналогічна долі Анахарсиса, обидва вони були вбиті за спробу завести в Скіфії грецькі звичаї. Анахарсис був братом скіфського царя, а Скіл сам був царем.

¹⁴⁴ *Істрія* – країна на півночі Адріатичного моря (також *Гістрія*), крім того, місто-колонія мілетян поблизу гирл *Істру* (Дунаю). Тут не ясно, чи «істріянка» походила з країни Істрії, чи з названого міста (кн. II, р. 33).

час Ариапейта підступно вбив Спаргапейт, цар агатирсів, і Скіл одержав царську владу і разом із нею і жінку свого батька, яку звали Опойя. Ця Опойя була скіфянкою і від неї народився Орик, син Ариапейта. Скілові, хоч він і був царем скіфів, не подобався скіфський спосіб життя, і, зокрема, порівняно з еллінськими звичаями, які він засвоїв унаслідок свого виховання, і ось що він зробив. Щоразу коли він приводив скіфське військо до міста борисфенітів¹⁴⁵ (а ці борисфеніти кажуть, що вони мілетяни), отже, щоразу, коли він приходив до них, Скіл залишав своє військо в передмісті, а сам заходив у місто і наказував зачинити брами, знімав із себе скіфський одяг¹⁴⁶ і надягав еллінський і в ньому походжав на агорі без почту і без списоносців і без усіх інших супутників (а брами охороняли, щоб його не побачив ніхто зі скіфів у цьому одязі) і в усьому іншому він наслідував еллінський спосіб життя і приносив жертви богам за еллінськими звичаями. Він залишався в місті протягом одного місяця або й більше, а потім надягав скіфський одяг і відходив. Так він робив звичайно багато разів і навіть побудував собі палац у місті борисфенітів і помістив у ньому тамтешню жінку.

79. Оскільки судилося йому спіткати нещастя, то сталося це з ним із такого приводу. Він побажав бути посвяченим у містерії Вакхічного Діоніса. Але саме на той час, коли він зібрався бути посвяченим, сталася жахлива подія. У Скіла був у місті борисфенітів великий і розкішний палац із великим подвір'ям, про який я казав уже трохи вище, навколо якого були розставлені мармурові сфінкси і грифи¹⁴⁷! У цей палац бог жбурнув блискавку. Весь цей палац згорів, але, незважаючи на це, Скіл продовжував святкувати. Скіфи ганять еллінів за те, що елліни справляють вакхічні містерії, і це тому, що, як вони кажуть, не можна собі уявити, ніби існує божество, яке б робило людей божевільними. Коли закінчилося посвячення Скіла у містерії Діоніса, якийсь борисфеніт потай пройшов до скіфів і сказав їм: «Отже, ви скіфи смієтесь із нас за те, що ми впадаємо у вакхічну несамовитість і в нас уходить бог. Ну, а тепер бог увійшов у вашого царя і він охоплений вакхічною несамовитістю, і бог зробив його божевільним. Якщо ви мені не вірите, ідіть зі мною і я вам це покажу. За ним пішли начальники скіфів і борисфеніт потай привів їх на башту і там сховав їх. І коли там проходив Скіл із своїм почтом і скіфи побачили, як він справляє вакхічні містерії, то, вважаючи це за найбільшу ганьбу, зійшовши з башти, повідомили про те, що побачили, все скіфське військо.

80. І коли після того Скіл повернувся до свого житла, скіфи призначили своїм проводирем його брата, Октамасада, народженого від дочки Тира¹⁴⁸, і підняли повстання проти Скіла. А він, довідавшись про те, що сталося, і про причину цієї події, утік до Фракії. Про це почув Октамасад і вирушив у похід

¹⁴⁵ *Борисфеніти (бористенеіти)* – мешканці міста *Борисфена*, тобто *Ольвії* (розд. 18, 53, 78, 79). Скіфів-хліборобів греки називали також *борисфенітами*, а мешканці Ольвії називали себе *ольвіополітами*, або *мілетянами*.

¹⁴⁶ Особливостями скіфського одягу були гостроверхі шапки та довгі вузькі штани (*анаксириди*).

¹⁴⁷ Мармурові грифи та сфінкси мали своїм призначенням обороняти палац Скіла від злих духів. Зображення грифів характерні для вже згаданого звіриного стилю.

¹⁴⁸ Тирас був батьком Ситалка, який установив владу племені одрисів у Фракії.

із військом проти Фракії. Проте, коли він прибув на берег Істру, він зустрів там фракійське військо, готове до бою, але Ситалк послав посланців до Октамасада сказати йому: «Чи є потреба битися нам одному з одним? Ти – син моєї сестри і в тебе перебуває мій брат. Видай його мені, а я видам тобі твого брата, Скіла. Так і ти не наражатимешся на небезпеку зі своїм військом і я не наражатимусь на небезпеку». Це сказав йому Ситалк через свого вісника. Бо і справді один із братів Ситалка знайшов притулок в Октамасада. Октамасад прийняв цю пропозицію і видав Ситалкові свого дядька з боку матері, а сам узяв собі свого брата Скіла. Так і Ситалк узяв свого брата і пішов, а Октамасад там-таки відрубав голову Скілові. Отак обороняють свої звичаї скіфи і таку кару накладають на тих, хто хоче запозичити іноземні звичаї.

81. Якою є кількість населення Скіфії, я не спромігся вточнити, але чув різні твердження про їхню кількість, одне – ніби населення її дуже велике, а інше – ніби справжніх¹⁴⁹ скіфів досить мало. Проте одну річ мені показали наочно. Отже, проміж рік Борисфен і Гіпаній є місцевість Еksamпай¹⁵⁰, про яку я вже трохи вище згадував, коли сказав, що там є джерело з гіркою водою, котрого вода вливається в Гіпаній і його воду не можна пити. У тому місці стоїть казан у шестеро більший від кратера, що його присвятив Павсаній, син Клеомброта в гирлі Понту Евксину. Хто його ще не бачив, я поясню тому, що це таке. Цей казан у Скіфії вільно вміщує шістсот амфор і завтовшки цей скіфський казан має шість стіп. Як кажуть тубільці, його було зроблено з наконечників стріл. Отже, їхній цар, якого звали Ариант, захотів довідатися, скільки є скіфів, і для цього наказав усім скіфам кожному принести по одному наконечнику стріли. А хто не принесе, тому він загрожував смертю. Отже, коли йому принесли дуже багато наконечників стріл, він вирішив спорудити з них постійний пам'ятник. З них він зробив цей казан і присвятив його тому Еksamпаєві. Оце я чув про населення Скіфії.

82. Нічого гідного уваги ця країна не має, крім багатьох і дуже великих рік. Проте, що викликає здивування, крім рік (і безмежного простору їх рівнин), про це я розповім: біля ріки Тира на скелі показують слід Гераклової ноги, схожий на слід людської ноги, але він завбільшки в дві стопи. Таке там є, а тепер я повернуся до свого оповідання і викладу все спочатку.

---

¹⁴⁹ Геродот протиставляв *власне скіфів* усім іншим скіфам. Звичайно, можуть існувати різні припущення щодо того, хто такі ці «власне скіфи». Справді, якщо йшлося про кочовиків, то загальне їхнє число не могло бути великим.

¹⁵⁰ Про Еksamпай було в розд. 52. Хоча Геродот описує цей гігантський казан досить докладно, залишається сумнівним, чи взагалі така споруда могла існувати. Відомості Геродота могли бути почерпнуті з розповіді ольвіополітів. Можна по-різному розуміти «ес опсін». Ми перекладаємо це «наочно», а не «на власні очі». Цей гігантський казан, за словами Геродота, був у шестеро разів більший за кратер, поставлений Павсанієм у «гирлах» Понту Евксину (очевидно, десь на березі Фракійського Боспору, тобто Босфору). Величезний дельфійський кратер згадується в кн. I розд. 51. Не зупиняємося на розмірах казанів у Дельфах і в Павсанія, але піддамо сумніву існування казана скіфського царя Арианта, казан якого міг би стати басейном для плавання. Зважаючи на брак міді в скіфів (IV,(1)71) виготовлення такого казана було б непорочним марнотратством, навіть і тоді, коли б скіфи одержували мідь від масагетів (I, 215).

83. На той час, коли Дарій готував похід на Скіфію і посилав повсюди вісників із наказами одним, щоб дали йому піхоту, іншим, щоб приставили кораблі, ще іншим, щоб перекинули міст через Фракійський Боспор, Артабан, син Гістаспа і брат Дарія, всіляко відраджував його йти в похід на скіфів і доводив йому, які вони вбогі. Але вже було неможливо вмовити його правильними порадами і Артабан перестав його вмовляти, і Дарій, коли було завершено всі приготування, вирушив зі своїм військом проти скіфів.

84. Коли один із персів, Ойобаз, попросив Дарія, оскільки в цього Ойобазу було троє синів і всіх було покликано до війська, залишити йому хоча б одного, той відповів йому, що, зважаючи на те, що він його друг і просить розумну річ, то він залишить йому усіх трьох. Ойобаз, звичайно, дуже зрадив тому, що всі його сини врятувалися від військового походу, але Дарій дав наказ катам умертвити всіх синів Ойобазу.

85. Так було зарізано всіх його синів і залишено їх для нього. Дарій, вирушивши з Сусів і прибувши на Калхедонський¹⁵¹ Боспор, де було споруджено міст, звідти сів на корабель і поплив до так званих Кіанейських скель, що, за словами еллінів, колись були плавучими. Там він, сидячи в святилищі¹⁵², дивився на Понт Евксин, який справді є гідним подиву, бо з усіх морів він є найдавнішим, його довжина одинадцять тисяч сто стадій¹⁵³, а ширина в найширшому місці три тисячі триста стадій. Гирло цього моря завширшки чотири стадії, а довжина гирла¹⁵⁴ його шия, що називається Боспором, через яку було наведено міст, біля ста двадцяти стадій, і цей Боспор доходить до Пропонтиди. А Пропонтида має завширшки п'ятсот стадій, а завдовжки – тисячу чотириста стадій і виходить у Геллеспонт, який має завширшки сім стадій, а завдовжки – чотириста. Геллеспонт з'єднується з відкритим морем, що називається Егейським.

86. Ось як можна виміряти ці моря. Судно пропливає в найдовші дні року в середньому сімдесят тисяч оргій і вночі – шістдесят тисяч¹⁵⁵. Отже, від гирла Понту до Фасія (бо ця відстань є найдовшою на Понті) подорож триває дев'ять днів і вісім ночей. Це разом становить сто десять тисяч оргій, а ці оргії дорівнюють одинадцяти тисячам ста стадіям. А від Сіндіки¹⁵⁶ до Теміскіри на ріці Тер-

¹⁵¹ Халхедон або Калхедон – місто на азіатському березі Пропонтиди навпроти Бізантія (згодом Константинополя), мегарська колонія.

¹⁵² Є кон'єктура, що наявне в текстах «Історій» слово «гірон» (святилище) – це помилка якогось переписувача і його треба замінити словом «ріон» (мис). Звичайно, спокусливим було б висунути здогад, що в тексті йшлося не про мис, а про корабель, на якому Дарій із Босфору вийшов у Чорне море.

¹⁵³ Щодо довжини Понту (Чорного моря) Геродот помилявся: насправді його довжина значно менша – 1,130 км, а не 2,321, як приблизно в Геродота. Проте розміри Босфору, Мармурового моря та Дарданелл – у нього вказані досить точно.

¹⁵⁴ Якщо порівняти Геродотові виміри з вимірами Страбона та Г. Плінія Секунда Старшого, то виявиться, що їхні виміри не точніші за виміри автора «Історій».

¹⁵⁵ Геродотові не були відомі західні узбережжя Чорного моря. Це також може бути доказом того, що він не відвідав його північного узбережжя, бо, зважаючи на характерне для давніх греків каботажне плавання, до Ольвії Геродот мусив би пливати вздовж цього узбережжя.

¹⁵⁶ Про Сіндіку в розд. 28.

модонті (бо між ними є найбільша ширина Понту Евксину) є три дні плавання і дві ночі. Це дорівнює тридцяти тисячам тридцяти оргіям, тобто трьома тисячам трьомстам стадіям.

Ось у такий спосіб я виміряв цей Понт і Боспор, і Геллеспонт і справді вони мають такі розміри, як я навів. Цей Понт має ще озеро, що вливається в нього, і воно не набагато менше від нього¹⁵⁷, називається воно Маєтидським озером і Матір'ю Понту.

87. Відвідавши Понт, Дарій повернувся до моста, будівельником якого був самосець Мандрокл. Відвідавши і Боспор, він поставив там дві стели з білого мармуру і вирізьбив на одній з них напис ассирійським¹⁵⁸ письмом, а на другій – еллінським, в якому перелічувалися всі народи, підвладні йому, що він їх усіх привів із собою. Військо його було перераховано і було виявлено, що воно разом із кіннотою, за винятком залоги кораблів, становило сімсот тисяч, а кораблів там було зосереджено шістсот¹⁵⁹. Ці стели пізніше перевезли мешканці Візантії в своє місто і використали їх для жертovníка¹⁶⁰ Артеміди Ортосії¹⁶¹, крім одного каменя. Вони поставили його поблизу храму Діоніса у Візантії і він укритий ассирійським письмом. Місце на Боспорі, де Дарій побудував міст, за моїм підрахунком, було поміж Візантією і святилищем¹⁶², що побудовано при гирлі Понту Евксину.

88. Дарій був дуже задоволений цим плавучим мостом і будівельником, що його побудував. Він обдарував самосця Мандрокла багатьма цінними речами¹⁶³. Одну їхню частину Мандрокл пожертвував у храм Гери. На ці гроші він замовив написати картину¹⁶⁴, на якій було зображено міст на Боспорі, царя Дарія на троні і військо, що переходило міст, а також було написано:

---

¹⁵⁷ Твердження про те, що Меотійське озеро лише трохи менше від Понту, є наслідком необізнаності Геродота з географією східних скіфських земель. Тут доречно згадати про повідомлення Плінія Секунда Старшого («Історія природи», VI, 20): «Сам Танаїд скіфи називають Силіс, а Меотиду Темарунда, що в них означає мати моря». Звичайно, з певністю не можна сказати, чи «Мати моря» є справді переклад цього Темарунда, чи давньогрецьке Майетис (або Майотис) пов'язувалося греками зі словом «маїя» (один із синонімів слова «матер» – мати).

¹⁵⁸ Під «ассирійськими літерами» Геродот розумів ассиро-вавилонський клинопис.

¹⁵⁹ Навряд чи наведені Геродотом числа можна вважати за точні.

¹⁶⁰ Ці стовпи (стели) грецький історик із Кніди в Малій Азії (V ст. до н.е.) Ктесій називає жертovníком, але Геродот описує їх як самовидець. Ктесій був автором творів про історію Персії та Індії.

¹⁶¹ Артеміду Ортію ототожнювали з Дівою таврів. У Спарті біля жертovníка цієї Артеміди шмагали юнаків (це такий спосіб їхнього гарту).

¹⁶² На обох берегах Босфору існували святилища, що з них найбільшою шанованою користувалося святилище Зевса Урія, тобто того, що посилав морякам ходовий вітер.

¹⁶³ У тексті про нагороду самосця Мандрокла сказано, що він одержав «усі десять». Це означає «багато грошей».

¹⁶⁴ Геродот міг побачити замовлену Мандроком картину в святилищі Гери на Самосі. Храми Давньої Греції мали також призначення бути свого роду музеями.

*«Міст над багатим на рибу Боспором майстерно зробивши,
Гері Мандрокл присвятив величезну споруду на пам'ять,
Сам заслуживши вінок і Самосу славу здобувши,
Дарію, персів цареві, великому цим догодивши».*

89. Такий пам'ятник залишив той, хто побудував міст, а Дарій, нагородивши Мандрокла, перейшов до Європи, перед тим давши наказ іонійцям плити Понтом Евксином до ріки Істру, а коли прибудуть до Істру, почати будувати міст на річці і чекати на його прибуття, бо треба сказати, що в його флоті були іонійці, еолійці та геллеспонтійці¹⁶⁵. Отже, військо на суднах проминуло Кіанейські скелі і попливло навпростець до Істру, зайшло в ріку, пропливло на відстань двох днів шляху від моря в напрямі до джерел і почало будувати міст на гирлі ріки¹⁶⁶, від якої відгалужуються гирла Істру. А Дарій, перейшовши через Боспор плавучим мостом, пішов далі вглиб Фракії, і коли прибув до джерел ріки Теару¹⁶⁷, отаборився там і пробув там три дні.

90. Теар, як кажуть місцеві мешканці, одна з найкращих річок завдяки її лікувальним властивостям, і зокрема тому, що її вода лікує коросту в людей і в тварин. У неї тридцять вісім джерел і всі вони виливаються з однієї скелі і одні з них холодні, а інші – гарячі. Ці джерела є на однаковій відстані від міста Герайон біля Перинта і Аполлонії на Понті Евксині, тобто на відстані двох днів шляху від кожного з цих міст. Цей Теар уливається в річку Контадесд, Контадесд – у Агриан, Агриан – у Гебр¹⁶⁸, а ця річка вливається в море поблизу міста Айн.

91. Отже, коли Дарій прибув до цієї річки і отаборився там, він дуже був задоволений властивостями цієї річки і поставив там стелу¹⁶⁹ і вирізьбив на ній напис, у якому говорилося: «Джерела річки Теару дають воду найкращу і найчудовішу, ніж будь-яка інша річка, і до цих джерел прийшов із своїм військом проти скіфів муж найкращий і найчудовіший, як ніхто інший, Дарій, син Гістаспа, цар Перса і всього материка¹⁷⁰». Отакий там він вирізьбив напис.

92. Звідти Дарій пройшов далі і прибув до іншої річки, що її називають Артиск і яка протікає країною одрисів¹⁷¹. Отже, коли він прибув до цієї річки, він зробив ось що: він визначив одне місце й дав наказ військові, щоб кожен воїн

¹⁶⁵ Здається маловірогідним, щоб увесь перський флот складався із залог малоазійських греків.

¹⁶⁶ Словом «гирло» (*авхен*). Геродот називає «голову» або верхній кут річкової дельти. За Страбоном Дарій перейшов Дунай (Істр) поблизу острова *Певкі* (*Соснового*). Геродот не згадує про перехід Дарієвого війська через Балканське пасмо (*Гаймос*), яке, звичайно, було йому відоме.

¹⁶⁷ Ідентифікувати річку *Теар* не вдалося з усією певністю, хоч існує припущення, що так називалося злиття двох річок *Бунар-дере* та *Семер-дере* (у сучасній Болгарії).

¹⁶⁸ *Гебр* – тепер *Маріца*, а *Контадесд* і *Агриан* – її притоки. Місто *Айнос* – колонія делосців.

¹⁶⁹ Ця стела з клинописним текстом ще існувала в 1830 р., але після того зникла.

¹⁷⁰ Під материком розуміється Азія.

¹⁷¹ Фракійське плем'я одрисів мешкало в долині ріки Гебру. *Артиск*, або *Артеск* – притока *Агріана*. *Аполлонія* – сучасний *Созопол*.

підійшов до того місця і поклав на те визначене місце камінь. Коли його воїни виконали цей наказ, там із цього каміння створився великий кучугур, а після того він вирушив далі в похід із своїм військом.

93. Перед тим, як прибути до Істру, він спершу підкорив гетів¹⁷², які вірять у безсмертя. Отже, фракійці, що живуть у Сальмідессі¹⁷³ в області на півночі від Аполлонії і Месамбрії і називаються скірміади та ніпсаї, піддалися Дарієві без бою, але гети, які є найхоробрішими і найсправедливішими¹⁷⁴ серед фракійців, не погодилися і вчинили опір, але незабаром мушили підкоритися.

94. Гети вірять у те, що вони безсмертні, і це в такий спосіб: вони вважають, ніби люди в них не помирають, а той, хто гине, йде до бога Сальмоксія¹⁷⁵, а цього бога деякі з них називають Гебелейзином. Кожні п'ять років вони неодмінно посилають вісника до Сальмоксія, того з них, кому випаде жереб, і просять його переказати, що їм треба. Ось як відбувається це відсилення до бога: деякі з них призначаються тримати сторчма три списи, а інші беруть за руки і за ноги того, кого посилають до Сальмоксія, потім розгойдують його і підкидають високо так, щоб він упав на вістря списів. Отже, коли проколотий списками помре, вони вірять, що божество до них прихильне. Але коли він не помре, то вони обвинувачують самого цього вісника, кажучи, ніби він погана людина. Таке обвинувачення приписують йому і замість нього посилають іншого, а доручення дають йому, коли він ще живий. Ці самі фракійці, коли блищать блискавки і гримить грім, стріляють із луків у небо і загрожують цьому богові, гадаючи, що нема іншого бога, крім їхнього бога.

95. Згідно з відомостями, що їх мені дали елліни, які живуть у Геллеспонті (і біля Понту), цей Сальмоксій був людиною, рабом на Самосі, навіть був рабом Піфагора – сина Мнесарха, потім став вільним і зібрав багато скарбів і, коли їх надбав, поїхав на свою батьківщину. Проте, оскільки фракійці жили досить погано і були бідними розумом, цей Сальмоксій, який знав спосіб життя іонійців і знав звичай кращі від звичаїв фракійців, бо жив з еллінами і навіть із найкращим із мудреців еллінів (із Піфагором), побудував приміщення для чоловіків, де приймав кращих громадян, частував їх і повчав їх, що ні він сам, ні його співтрапезники, ні ті, що мають від них народитися, не помруть, але перейдуть до такої країни, де житимуть вічно і матимуть усі блага. Коли він це робив, про що я розповів,

¹⁷² Можливо, в Геродота тут перша згадка про гетів, тобто північне фракійське плем'я, сусіднє зі скіфами, яких від них відокремлював Дністер (Тирас). За римських часів виникла нова їхня назва – *даки*, що спершу існувала рівнобіжно з попередньою.

¹⁷³ *Сальмідесс* – фракійське місто та країна у Фракії на узбережжі Чорного моря. Є думка про те, що такого міста за часів Геродота ще не існувало. *Месамбрія* (або *Месембрія*, сучасне *Несебр*) – місто у Фракії на березі Понту, колонія халкедонців.

¹⁷⁴ Епітети «найхоробріші» та «найсправедливіші» часто застосовувалися античними авторами для характеристики диких кочових племен. Байдужість гетів до смерті пояснювалася їхньою вірою в безсмертя.

¹⁷⁵ Фракійський бог *Сальмоксис* (або *Гебелейзис*), якому приносили в жертву людей, очевидно, верховне божество у фракійському пантеоні. Можливо, бог грому та блискавки, як і давньогрецький Зевс. Міф про те, що Сальмоксис був смертною людиною, а згодом після смерті став богом, нагадує розповідь про Аристея (розд. 13-15).

і так розмовляв із ними, тим часом він спорудив собі підземне житло. Скоро воно було готове, він заховався там від фракійців і зійшов у своє підземне житло і жив у ньому три роки. Фракійці розшукували його і оплакували, вважаючи його за мертвого. Проте на четвертий рік він з'явився серед фракійців і тоді вони повірили всьому тому, про що розповідав Сальмоксій. Так кажуть про цю справу.

96. Як на мене, щодо того підземного житла, я цьому не дуже вірю, але і не вважаю це цілком неймовірним, мені здається, що цей Сальмоксій жив за багато років до Піфагора. Отже, чи справді була така людина, як Сальмоксій, чи це просто якесь тубільне божество в гетів, про це не суджу. Отакі ці гети з їхніми звичаями, а коли вони підкорилися персам, то приєдналися до їхнього війська.

97. Коли прибув Дарій до Істру і разом із ним піше військо, все воно перейшло на той бік Істру, Дарій дав наказ іонійцям знищити плавучий міст¹⁷⁶ і йти за ним усередину країни, а також і військо з кораблів. Проте, коли вже іонійці були готові знищити міст і виконати його накази, Кой¹⁷⁷, син Ерксандра, який був стратегом мітиленців, спершу спитав Дарія, чи той дозволить йому висловити свою думку, як він хотів, а потім сказав Дарієві: «Царю мій! Оскільки ти маєш намір вирушити в похід на країну, де не знайдеш ні посівів, ні залюдненого міста¹⁷⁸, через це залиш оцей міст як він є і накажи тим, які його побудували, охороняти його. І якщо ми знайдемо скіфів і виконаємо те, що задумали (тоді ми матимемо можливість повернутися), коли ж ми не спроможемося їх знайти, то ми, принаймні, зможемо повернутися, не наражаючися на небезпеку. Бо я тепер не боюся, що скіфи нас переможуть у битві, але боюся, що ми не зможемо їх знайти і, блукаючи тут по всіх усяодах, з нами може трапитися щось прикре. Хтось міг би сказати, ніби я кажу це заради своєї користі, щоб залишитися тут. Проте я, царю мій, висловлюю перед тобою таку мою думку, вважаючи, що це буде корисним для тебе, а проте, я в усякому разі піду за тобою і не погоджуся з тим, щоб ти мене залишив тут». Дарієві дуже сподобалася така думка і він відповів йому: «Доро-

¹⁷⁶ Розповідь Геродота про похід Дарія проти скіфів містить у собі багато невідповідностей. Наказ Дарія зруйнувати мости здається зовсім протилежним здоровому глузду, бо це призвело б до загибелі його самого і всього його війська. Єдине можливе пояснення – це те, що Дарій хотів повернутися, пройшовши всю Скіфію, через Кавказ до Персії. Хоча більшість дослідників не мають сумнівів щодо історичності експедиції Дарія проти скіфів, як її описує Геродот, відповідність його оповідання історичній дійсності при логічному аналізі здається дуже сумнівною. У своєму поході, крім Дунаю, Дарієві довелося б побудувати ще кілька мостів на ріках Скіфії, про що нема жодної згадки. Малоімовірно, щоб перська армія, яка складалася переважно з піхоти, могла б пройти з кінця в кінець скіфську країну, не орієнтуючись у місцевості (і це за 60 днів!), перейти Дон (Танаїс), зайти в області савроматів та будинів (десь на півночі в лісах), побудувати 8 великих фортець і десь добувати собі продовольство. Природно було б, якби Дарій на своєму шляху відвідав (чи здобув?) грецькі міста Ольвію, Каркінітиду, Кремни, але про них нема згадки в оповіданні про похід. Не зупиняємося на тому, що в знаменитих бехістунських написах ідеться про «підкорення скіфів» і серед підкорених владарів є і цар скіфів. Якщо Дарій справді перейшов на північний берег Дунаю, то це могло бути лише для залякування скіфів і забезпечення тилу в поході на Елладу.

¹⁷⁷ Цей Коес, син Ерксандра, в кн. V, розд. 37 називається тираном.

¹⁷⁸ Очевидно, так воно і було, за винятком країв скіфів-хліборобів та скіфів-орачів.

гий лесбосцю! Коли я щасливо повернуся до свого палацу, прийди неодмінно до мене, щоб я винагородив тебе, як слід, за твою добру пораду»

98. Так він сказав і зав'язав на ремені шістдесят вузликів¹⁷⁹ і потім покликав на нараду тиранів іонійських міст і так промовив: «Іонійці! Моє рішення, що я його попередньо висловив щодо моста, я скасовую, а ви візьміть тепер цей ремінь і ось що робіть із ним: щойно ви побачите, як я вирушу в похід проти скіфів, починайте щодня розв'язувати по одному вузлику. І коли я за цей час не повернуся і закінчатися дні, позначені вузликами, тоді пливіть собі назад до вашої вітчизни. Але до того останнього дня, оскільки я змінив своє рішення, стережіть міст, докладаючи всіх зусиль, щоб він був не пошкоджений. Зробіть так, як я вам сказав, і я буду вам вдячний». Це сказав Дарій і поквапився дати розпорядження для дальшого походу.

99¹⁸⁰. Фракія перед Скіфською землею розташована на морі¹⁸¹. Ця земля утворює затоку¹⁸², а Скіфія йде за нею і Істру уливається в ній (у море)¹⁸³, і його гирло обернено до південно-східного вітру. Тепер, починаючи від Істру, я опишу скіфську країну щодо її розміру, як вона тягнеться вздовж моря. Від Істру це є, власне, первісна Скіфія, розташована в напрямі до півдня і південного вітру аж до міста, яке називається Каркінітида¹⁸⁴. Звідти і далі країну, що тягнеться вздовж моря і яка є гірською і заходить у Понт, залюднює плем'я таврів до півострова, що називається Скелястим¹⁸⁵. Цей півострів заходить у море в напрямі до східного вітру. Справді. Скіфія обмежується з двох боків морем, морем із південного боку і морем із східного боку¹⁸⁶, точно так, як і Аттика¹⁸⁷. Місце, що його посідають таври в Скіфії, схоже на те місце, яке посідало би на місі Суніон, від дему Торику

¹⁷⁹ Дуже примітивний засіб числення і це, незважаючи на те, що в перському війську були вчені халдеї.

¹⁸⁰ У розд. 99-102 Геродот подає географічний опис Скіфії, що базується, напевне, на відомостях його інформаторів чи почасти на інформаціях інших грецьких географів.

¹⁸¹ Початок цього розділу, очевидно, слід розуміти так, що перша приморська країна на шляху до Скіфії для тих, хто подорожує з півдня на північ, – це *Фракія*, бо кожний, хто має перед собою географічну карту, може побачити, що берег Фракії (Болгарія та Румунія) не опуклий, а угнутий, утворює затоку.

¹⁸² Долішня течія Дунаю в описі Геродота – це одне з важких місць для тлумачення. Є думка про те, що Геродот гадав, ніби Істр тече з півночі на південь.

¹⁸³ «Давня» (*архайя*) Скіфія називається так, бо ця частина серед інших перша стала відомою грекам.

¹⁸⁴ Унаслідок археологічних розкопок було виявлено, що місто *Каркінітида* (або *Керкінітида*) було розташоване в Криму на березі Каркінітської затоки. Як уявляв собі Геродот місцезнаходження цього міста залишається непевним (рр. 55, 99).

¹⁸⁵ *Скелястий півострів* (*херсонесос ге трехее*) – це в Геродота гориста частина південного берега Криму. З тексту ясно, що Геродот не уявляв собі справжньої форми Тавричного півострова.

¹⁸⁶ Як розуміти, що Скіфія не лише з півдня, а й зі сходу омивається морем, залишається непевним.

¹⁸⁷ Геродот уподібнює Тавричний півострів за його формою Аттиці, ніби цей півострів був трикутним продовженням материкової Скіфії. Страбон правильно називає Крим окремим півостровом.

до дему Анафлістів¹⁸⁸, якесь інше плем'я, а не афіняни. Проте Суніон простягається в море далі. Те, що я кажу, тут має значення, коли можна порівнювати мале з великим. Отака країна ця Таврика. Проте тому, кому не доводилося пропливати вздовж берегів Аттики, я це поясню в інший спосіб. Це було б так, як би в Япігії¹⁸⁹ інше плем'я, а не япіги, залюднювало окремо від них той край Япігії, що заходить у море від гавані Брентесія і до Таранта. Я навів ці два приклади, але можна навести ще й інші, як приклади країн, схожих на Аттику.

100. Отже, від Таврики на північ від таврів і на схід¹⁹⁰ аж до моря живуть уже скіфи і ще в краях на сході від Кімерійського Боспору і від Маєтидського озера до ріки Танаїду, що вливається саме в це озеро. Отже, від Істру і далі на північ у глиб материка Скіфія обмежена спершу народом агатирсів, далі – народом неврів і після нього – андрофагів і, нарешті, – меланхлайнів.

101. Отже, Скіфія, має чотирикутну форму і дві її сторони, скеровані до моря, одна, яка від узбережжя заходить у глиб материка, та інша, яка тягнеться вздовж моря вони за розміром однакові¹⁹¹. Від Істру до ріки Борисфену десять днів шляху і ще десять від Борисфену до озера Маєтиди. А сторона Скіфії від моря всередину країни до меланхлайнів, що живуть на півночі від Скіфії, становить двадцять днів шляху. Одноденний шлях за моїм підрахунком дорівнює двомстам стадіям. На основі цього підрахунку сторони Скіфії поперечні становлять чотири тисячі стадій, а поздовжні, що йдуть усередину країни, мають також стільки стадій.

102. Скіфи порадилися між собою і вирішили, що вони самі не спроможні помірятися силами і прогнати Дарія, і послали вісників до сусідніх народів. І царі цих народів уже збиралися і радилися між собою, розуміючи, що проти них виступило велике військо. Це були царі таврів і агатирсів, і неврів, і андрофагів, і меланхлайнів, і гелонів, і будинів, і савроматів¹⁹².

103. Із них у таврів такі звичаї. Вони приносять у жертву Діві¹⁹³ тих, хто зазнав катастрофи на морі, і всіх еллінів, яких вони беруть у полон. Убивають їх

¹⁸⁸ Деми *Торика* і *Анафліста* мали фортеці, що обороняли підступи до копалень срібла в *Лаврионі*.

¹⁸⁹ Можливо, це порівняння Геродот додав до свого тексту після подорожі до Італії.

¹⁹⁰ Під «морем сходу (власне світанку)» Геродот, очевидно, розуміє східну частину Чорного моря, а під країною «на захід від Кімерійського Боспору» (Керченської протоки) він розуміє Скіфію до Істру (Дунаю). Далі слід читати «і від Меотійського озера до Танаїда», тобто знову в напрямі на схід.

¹⁹¹ Геродот майже правильно навів відстань від гирл Дунаю до Керченської протоки (за прямою лінією приблизно 550 км), а від Кишинєва до Таганрога (приблизно 750 км). Теоретична схема – скіфська країна нібито мала форму правильного квадрата – припускає, що вертикальні лінії його мусили бути такими, як і горизонтальні. У такому разі північна межа скіфських земель мала б доходити кудись аж до Брянська. Геродотові та його інформаторам могла бути відомою лише південна межа до Азовського моря.

¹⁹² Шість із цих племен Геродот уже назвав у розд. 17-22, а далі він описує їхні звичаї.

¹⁹³ Божество таврів, ототожнюване з грецькою Артемідією, часто називається просто Дівою. Таври приносили в жертву їй тих іноземців, що зазнавали аварії кораблів біля їхніх берегів (пор. «Іфігенію в Тавриді» Еврипіда). Цей звичай таврів, очевидно, пов'язаний із міфом про Іфігенію, дочку мікенського царя Агамемнона.

у такий спосіб. Почавши жертвоприношення, вони б'ють призначеного в жертву дубиною по голові. Кажуть, що тіло вони скидають із скелі (бо на скелі побудовано в них святилище), а голову вони насаджують на кіл. Інші кажуть, що так вони роблять із головою, але тіло не скидають із скелі, а ховають. Божество, якому вони приносять жертви, самі таври називають Іфігенією, дочкою Агамемнона. Із узятими в полон на війні вони поводяться як. Кожний, відрубавши ворогові голову, приносить її додому, потім, настромивши її на велику жердину, виставляє її над своїм будинком якнайвище на даху, щоб вона там стирчала, і найчастіше ставить її над димарем. Вони кажуть, що ці голови, що височать над дахом, є охоронцями всього дому. Вони живуть грабунками і війською.

104. Агатирси¹⁹⁴ є найлагіднішими людьми, вони носять на собі багато золотих прикрас, вони спільно злягаються з жінками, щоб бути між собою братами та родичами і не мати ні заздрощів, ні ненависті. Що ж до всього іншого, то вони схожі на фракійців.

105. Неври¹⁹⁵ мають звичаї такі самі, як скіфи. А за одне покоління до походу Дарія вони змушені були покинути свою країну через навалу змій. Бо в їхній землі з'явилося багато змій, більшість яких напала на них із північної пустелі. Під їхнім натиском вони, покинувши свою країну, оселилися разом із будинами. Цих людей підозрюють у тому, що вони чаклуни. Бо скіфи і елліни, що живуть у Скіфії, кажуть, ніби один раз на рік кожний із неврів стає вовком на деякий час, а потім повертається і знову стає людиною. Мене вони цим оповіданням не переконали, але вони на цьому наполягають і ще підтверджують клятвою.

106. Андрофаги¹⁹⁶ серед усіх людей мають найдикіші звичаї, в них нема ні прав, ні законів. Вони кочовики, одягаються, як і скіфи, але мова в них своя.

107. Меланхлени¹⁹⁷ одягаються в усе чорне, звідки і їхня назва, а звичаї в них скіфські.

108. Щодо будинів¹⁹⁸, то це велике і численне плем'я і всі вони мають зовсім блакитні очі і руде волосся. В їхній країні побудовано дерев'яне місто, що

¹⁹⁴ Агатирси (або агафірси) – західні сусіди скіфів, їхню країну ототожнюють із сучасною Трансильванією (в Румунії). За свідченням Геродота, в їхній країні багато золота і в них звичай, як у масагетів та насамонів, мати спільних жінок (I, 216; IV, 172).

¹⁹⁵ За Геродотом, неври мешкали в країні між Південним Бутом та Дніпром, на північ від скіфів-орачів. Відомість Геродота про переселення неврів у країну будинів за Доном суперечить визначенню розташування їхньої країни (IV, 21, 51, 125). Неври називаються разом із агатирсами, андрофагами та меланхленами.

¹⁹⁶ Андрофаги (андрофагой) – буквально «людожери». Факти людожерства засвідчені для багатьох первісних народів. Людожерство може зумовлюватися або браком інших продуктів харчування, або первісними ритуалами та вірою в передачу позитивних якостей м'яса вбитих на війні ворогів, чи померлих родичів (пор., III, 38, 99; IV, 26, I, 216). Прослідки існування канібалізму спостерігаються в давньогрецьких міфах (Тантал, Атрей).

¹⁹⁷ Меланхлени (меланхлайной) – буквально «одягнені в чорні плащі» (хлайни). За Геродотом, вони мешкали десь на півночі Скіфії.

¹⁹⁸ Будини (будиной) – народ, не схожий на скіфів, у лісистій країні, мабуть десь на північному сході Скіфії. Вони співіснували з гелонами, за походженням греками. Дерев'яне місто будинів Гелон нібито спалили перси (IV, 123).

називається Гелон. Кожна частина його муру має завдовжки тридцять стадій, а мур високий і дерев'яний. І житла в них дерев'яні, а також і святилища. Є там святилища еллінських богів¹⁹⁹, обладнані по-еллінському, зі статуями і жертівниками і з внутрішніми дерев'яними храмами. Кожні три роки вони святкують діонісії і вакхічно божеволіють. А гелони – це первісно елліни, що виселилися з емпоріїв²⁰⁰ і оселилися з будинами. Вони послугуються то скіфською, то еллінською мовами.

109. А будини користуються не тією мовою, що гелони, і спосіб життя в них інший, бо будини – тубільці, кочовики і лише вони в тій країні харчуються кедровими горішками²⁰¹. Гелони обробляють землю і споживають збіжжя і є в них сади і вони не схожі на будинів ні зовнішністю, ні кольором шкіри та волосся. Елліни називають також будинів гелонами, але це неправильно. Їхня країна вся вкрита різноманітним лісом, а в найбільшій гущавині лісу є велике і повноводне озеро, а також болото і навколо нього очерет. У тому озері ловлять видр та бобрів і ще інших звірів з квадратними мордами²⁰². З їхніх шкур шиють собі зимовий одяг, а їхні ядєрця корисні для лікування маткових хвороб.

110. Про савроматів²⁰³ розповідають таке. Коли елліни билися з амазонками²⁰⁴ (а амазонок скіфи називають ойорпата, а ця назва означає грецькою мовою чоловіковбивці²⁰⁵, бо ойор – це їхньою мовою чоловік, а пата – вбивати), тоді, кажуть, елліни, після перемоги на Термодонті²⁰⁶ відпливли на своїх кораблях з усіма полонянками, яких вони захопили, але на морі амазонки, напавши на чоловіків, зарізали їх. Проте амазонки не вміли поводитися з кораблями, не знали, як

¹⁹⁹ Навряд чи можна йняти віру повідомленню про існування в будинів дерев'яного святилища зі статуями грецьких богів та шанування в них Діоніса. Це, очевидно, фантазія Геродотових інформаторів.

²⁰⁰ *Емпорій* – місце для зберігання товарів, які перевозили морем (прим. упоряд.).

²⁰¹ Слово «фтейрофагой» дослідники пояснюють, посилаючись на значення слова «фтейр» (не воша!), тобто «соснова шишка». Насіння (горішки) кедрових сосен досить поживні.

²⁰² Питання про тварин з «квадратними мордами» залишається невирішеним.

²⁰³ Розповідь про походження савроматів від скіфських юнаків та амазонок є схрещенням грецького міфу про амазонок – войовничого племені жінок – і скіфського переказу про савроматських жінок, які разом із чоловіками брали участь у війнах та полюваннях.

²⁰⁴ Міф про амазонок (*амазонас*) міг бути відгуком існування в деяких первісних племен матриархату. У греків існували перекази про битви з амазонками (*амазономахія*). Скіфи прибули до своєї країни, прогнавши кімерійців у VII ст. до н.е. (розд. 11), але якщо амазонки справді існували, то вони могли бути там значно давніше.

²⁰⁵ Наведена Геродотом скіфська назва амазонок з деякими застереженнями тлумачиться дослідниками на основі індо-іранської лексики, як «мужовбивці». Інша можлива етимологія: «владарки чоловіків», можливо з огляду на те, що савроматів називали «керовані жінками» (*гюнайкократуменой*).

²⁰⁶ *Термодонт* – річка в Каппадокії, у давній країні хетів, у Малій Азії. Згідно з переказом, там була країна амазонок. Існує згода про те, що давні мешканці Малої Азії при першому знайомстві з хетами вважали їх за жінок через їхній довгий одяг і через відсутність бороди.

користатися ні кермом, ні вітрилами, ні веслами. Коли вони зарізали чоловіків, вони віддалися на волю хвиль і вітру. І так вони прибули на Мастидське озеро до Кремнів²⁰⁷. А Кремни розташовані на землі вільних скіфів. Там амазонки, зійшовши з кораблів, пішли далі вглиб країни. Спершу, знайшовши там стайню коней, вони захопили їх і почали на конях грабувати скіфські господарства.

111. Скіфи не могли зрозуміти, що це таке: вони не знали ні їхньої мови, не бачили такого одягу, не знали, що це за плем'я. Вони були здивовані, звідки ті прибули, і спочатку вважали їх за чоловіків у юному віці, і почали з ними битися. Після битви, підібравши трупи, вони довідалися, що то були жінки. Порадившись, вони вирішили більше ні в який спосіб не вбивати їх, але послати до них своїх юнаків у такій же кількості, скільки було там жінок. Вони наказали їм отаборитися поблизу них і робити все те, що ті роблять. Так вирішили скіфи, бажаючи мати дітей від амазонок.

112. Пішли туди юнаки і робили, як їм було доручено. Отже, коли амазонки зрозуміли, що юнаки прийшли не для того, щоб їм шкодити, вони перестали звертати на них увагу. Так з дня у день один табір наближувався до іншого. Юнаки, як і амазонки, не мали з собою нічого іншого, крім зброї та своїх коней. І вони жили так само, як і ті, їздили на полювання і робили наскоки.

113. Амазонки в середині дня звичайно робили ось що. Вони розходилися по одній, по дві, окремо одна від одної для природних потреб. Побачивши це, і скіфи почали робити так само. Якось, коли одна з них відійшла від інших, юнак зовсім наблизився до неї і амазонка не відштовхнула його, але дозволила йому з'єднатися з нею. Вони не могли розмовляти один з одним (не могли порозумітися словами), але амазонка вказала йому рукою прийти наступного дня на це саме місце і привести з собою ще іншого, щоб їх було двоє, і що вона приведе з собою ще іншу. Юнак, повернувшись, розповів про все це своїм товаришам. Наступного дня на те місце прийшов він і привів із собою іншого. Там він знайшов амазонку, що чекала на нього разом із іншою, і всі інші юнаки, коли довідалися про це, почали зустрічатися з іншими амазонками.

114. Потім вони об'єднали обидва табори і почали жити разом і кожен із них мав за свою жінку ту, з якою він уперше з'єднався. Що ж до мови, то чоловіки не спромоглися вивчити мову жінок, але жінки швидко засвоїли мову своїх чоловіків. Коли стало можливим взаєморозуміння між ними, чоловіки сказали амазонкам: «У нас є батьки, є в нас і своє майно. Отже, досить нам цього життя. Нумо повернімося і житимемо з усіма іншими. Ми візьмемо вас із собою, як наших дружин, а не якихось там інших». Але амазонки ось що відповіли на це: «Ми не можемо жити з вашими жінками, бо в нас і в них різні звичаї. Адже ми стріляємо з луків і кидаємо дротики, їздимо верхи, не знаємо жіночих робіт. А ваші жінки нічого того не вміють робити, про що ми сказали, але живуть там на возах і займаються жіночими справами і на полювання не ходять і взагалі не ходять нікуди. Отже, ми не зможемо з ними заприязнитися. А якщо ви хочете мати нас своїми

²⁰⁷ Згадуване тут та в інших місцях приморське місто *Кремни* (*Кремной* – «урвища»), місцеположення якого не встановлено, якщо воно насправді існувало на неуривистих північних берегах Азовського моря.

дружинами і бути чесними людьми, ідіть до ваших батьків і візьміть належну вам частину майна, і тоді ми будемо жити з вами окремо від них».

115. Юнаки послухалися їх і так і зробили. Але коли вони взяли свою частину майна і повернулися до амазонок, жінки сказали їм: «Ми занепокоєні і нас охоплює страх, якщо ми житимемо в цій країні, по-перше, тому, що ми спричинилися до того, що ваші батьки втратили вас, а по-друге, тому, що ми завдали стільки шкоди вашій країні. Якщо ви вважаєте нас достойними бути вашими жінками, хай ми всі зробимо таке: від'їдемо з цієї країни, перейдемо за ріку Танаїд і там оселимося».

116. Юнаки і на це погодилися. Вони перейшли ріку Танаїд і пройшли ще на відстань трьох днів шляху від Танаїду на схід і три дні шляху на північ від Магидського озера. Коли вони прибули в край, де вони й тепер мешкають, там і оселилися. І відтоді і дотепер жінки савроматів живуть, як і за давніх часів, тобто і на полювання їздять увесь час верхи і разом із своїми чоловіками і без них, і на війну ходять, і одягаються так, як чоловіки.

117. Савромати²⁰⁸ розмовляють скіфською мовою, але розмовляють нею з давніх часів погано, бо амазонки не навчилися її як слід. Що ж до шлюбів, то ось у них так встановлено: жодна дівчина не виходить заміж, поки вона не вб'є якогось ворога. Буває так, що деякі з них помирають неодружені, якщо їм не довелося виконати це за звичаєм.

118. Отже²⁰⁹, скіфські посланці прибули до царів тих народів, яких я перелічив. Була там у них нарада і посланці докладно розповіли про стан речей і сказали їм, що перси, підкоривши собі весь інший материк, перекинули міст через Боспорську протоку, перейшли тепер на наш материк, поневолили фракійців і тепер прокладають міст через ріку Істр, бо хочуть і увесь цей край підкорити собі. «Отже, вам, – вони продовжували, – аж ніяк не слід бути осторонь і дивитися на те, як ми гинемо, але, будучи однодумними з нами, вчинемо опір загарбникові. Чи ви не зробите так? Тоді ми під натиском ворогів або покинемо нашу країну, або підемо на поступки ворогам. Що буде з нами, якщо ви не схочете допомогти нам? Адже вам від цього не буде краще, бо Перс виступив у похід не лише проти нас, але і проти вас. Перемігши нас, він не забариться піти й проти вас. Ми можемо навести вам важливий доказ того, про що ми вам кажемо, а саме: коли б Перс пішов походом лише на нас, щоб помститися за те, що ми його колись поневолили, тоді він залишив би всіх інших у спокої і воював би лише проти нашої країни, і тоді всі на світі бачили б, що він виступив проти скіфів, а не проти інших народів.

²⁰⁸ Згадані тут савромати, очевидно, тотожні з сарматами, які пізніше переселилися на захід, на територію сучасних Польщі та Угорщини.

²⁰⁹ З цього розділу і далі йдеться вже власне про скіфську експедицію Дарія. На думку Страбона, Дарій дійшов лише до «пустини гетів» (VII, 3, 14). Спірним слід уважати питання про скіфський похід Дарія в перських написах. Найдокладнішу аргументацію про те, що скіфами треба називати азійських саків, подав Р. Кент (R. Kent. The Lists of Provinces, JNES, v. II, 2, 1943, Chicago). Взагалі в оповіданні про цей похід є багато суперечностей і дослідники ще не вирішили, чи він був історичним фактом (див.: Народы нашей страны в истории Геродота. – С. 367-371). Про все це вже згадувалося в прим. 176 до розд. 97.

Проте тепер, ледве він прийшов на наш материк, він поневолює всі народи, які зустрічає на своєму шляху. Знайте, що він уже підкорив й інших фракійців і наших сусідів гетів».

119. Таке сповістили скіфи, а царі, які прибули до них із своїх країн, почали радитися і тоді їхні думки розділилися. Гелон, Будин і Савромат мали спільну думку і обіцяли допомогти скіфам. Проте Агатирс, Невр, Андрофаг і царі меланхлайнів і таврів дали скіфам таку відповідь: «Коли б це не ви перші образили персів і не ви перші почали війну проти них, ми сказали б, що справедливі ваші слова і те, що ви хочете тепер від нас, і ми охоче послухалися б вас і зробили б так, як і ви. Проте, тепер, коли ви вчинили напад на їхню країну без нас і поневолили персів, на скільки років завгодно було богам, і вони, бо їх підняв проти вас той самий бог, відплачують вам рівною мірою. Проте ми ні тоді не нападали на цих людей, ні тепер не хочемо завдавати їм шкоди. Але, коли вони виступлять проти нашої країни і перші розпочнуть ворожі дії, тоді і ми виступимо, щоб їх відкинути. Доки ми не будемо певні цього, ми залишатимемося спокійні, бо ми гадаємо, що перси не прийшли сюди, щоб напасти на нас, але на тих, які винуваті в кривді, що була їм учинена».

120. Коли скіфи почули відповідь, яку їм було дано, вони вирішили не давати одразу відкритого бою, оскільки ті племена не схотіли бути їхніми союзниками, але вирішили розділитися на дві частини і, поступово відступаючи і відбиваючи ворогів, засипати криниці і джерела, що виявляться на їхньому шляху, а також підпалити всю траву. До однієї частини, на чолі якої був цар Скопасій, приєднуються савромати. Отже, вони, якщо проти них підуть перси, відступатимуть і поволі попрямують до ріки Танаїд уздовж Маєтидського озера, а коли перси почнуть відступати, нападуть на них і переслідуватимуть їх. Це була одна частина царського війська, для якої було визначено такий шлях, як я сказав. Дві інші частини²¹⁰, одна велика, яку очолював Ідантис, і третя, на чолі якої був Таксакій, з'єднуються і до них ще приєднуються телони та будини. Вони йтимуть попереду персів на відстані одного дня шляху, так само відходячи поволі та відступаючи, виконуючи те, що їм було доручено. По-перше, вони мусять зайти в країни, народи яких не вступили в союз із ними, щоб і їх затягнути у війну проти персів (а якщо вони не підуть воювати добровільно проти персів, то силоміць змусити їх до цього). Потім вони мають повернутися в свою країну і, коли вважатимуть це за доцільне, нападуть на персів.

121. Такі рішення прийняли скіфи і пішли назустріч Дарієвому військові, спершу виславши кращу частину своєї кінноти на розвідку. Проте всі їхні вози, на яких жили їхні діти та жінки, і всю їхню худобу, крім тих тварин, що були їм потрібні для харчування, вони собі залишили, а все інше вони послали попереду разом із возами, давши наказ їм рухатися весь час на північ.

122. Отже, їхній обоз вирушив раніше і посувався на північ, а скіфські розвідники знайшли персів за три дні шляху від ріки Істру. Вони їх знайшли і поставили свій табір на відстані одного дня шляху від них, знищивши все, що росло на землі. Перси, щойно побачили скіфську кінноту, почали крок за кроком пере-

²¹⁰ Про поділ на три царства вже йшлося в розд.7.

слідувати їй, а вона постійно відступала. А згодом (бо вони напали на слід однієї з двох частин скіфського війська) перси пішли за ними на схід просто до ріки Танаїд. Скіфи перейшли через ріку Танаїд, а за ними перейшли через неї і перси²¹¹, переслідуючи їх, поки не перетяли з кінця в кінець країну савроматів і прийшли в країну будинів.

123. Скільки часу йшли перси країною скіфів і савроматів, але не змогли завдати їй ніякої шкоди, бо вся вона була зовсім пустинною. Однак, коли вони вдерлися до країни будинів, вони знайшли там дерев'яне місто²¹², з якого будини повтікали і зовсім залишили його напризволяще, а перси спалили його. І коли вони це зробили, вони пішли далі по слідах ворогів, поки не пройшли через усю цю країну і прибули в пустелю. Ця пустеля зовсім не заселена людьми, і тягнеться вона на відстань семи днів шляху над країною будинів. За пустелею живуть тіссагети, а з їхньої країни витікають чотири великих ріки, які перетинають землю маєтів і вливаються в озеро, що називається Маєтидою. А їхні назви такі: Лік, Оар, Танаїд і Сиргій²¹³.

124. Коли Дарій прибув до пустелі, він припинив похід і отаборив своє військо на ріці Оар. Після того він почав будувати вісім великих укріплень²¹⁴ на відстані одне від одного до шістдесяти стадій. Їхні руїни існували ще за моїх років. Поки він займався цією роботою, скіфи, яких він переслідував, повернули назад від північних країв і прибули до Скіфії. Оскільки скіфів зовсім не було видно і вони не виявляли ніяких ознак життя, Дарій перестав будувати укріплення, залишив їх недобудованими, а сам перемінив шлях і пішов на захід, гадаючи, що перед ним були всі скіфи і що вони тікають на захід.

125. Швидко просуваючись із військом, скоро Дарій прибув до Скіфії, він натрапив там на обидві об'єднані частини скіфського війська, і почав їх переслідувати, а вони уникали зустрічі з ним, тримаючись від нього на відстані одного дня шляху. А скіфи, оскільки Дарій не переставав їх переслідувати, згідно з прийнятим рішенням, відступали до країни тих, хто відмовився бути з ними в союзі, і спершу до країни меланхлайнів і збентежили їх. Ідучи далі, скіфи заманили персів до країни андрофагів і, розбурхавши і їх, прийшли до неврів, і стурбувавши їх, скіфи, відступаючи, підійшли до країни агатирсів. Проте агатирси, побачивши, як їхні сусіди тікають у паніці перед скіфами, ще перед тим, як скіфи вдерлися до їхньої країни, послали вісника і заборонили їм уступати в їхню країну і попередили їх, коли скіфи спробують удертися, то натраплять насамперед на їхній опір. Таке попередження послали їм агатирси і поспішили до своїх кордонів, вирішивши

---

²¹¹ До цього перси вже пройшли через країну скіфів-орачів, але не знайшли там для себе поживи (розд. 17-18). У Геродота немає згадки про великі ріки Скіфії, які персам довелося б перейти (розд. 51-56).

²¹² Про дерев'яне місто будинів уже йшлося в розд. 108.

²¹³ Із названих тут рік лише Танаїд можна ототожнити з Доном. Річка *Сиргіс*, очевидно, тотожня з річкою *Girgis* у розд. 57.

²¹⁴ Про абсурдність побудування 8 фортець уже йшлося вище (прим. 176 до р. 97). Оскільки в Геродота йдеться про руїни цих фортець, то можна припустити, що це були не руїни, а кургани кочовиків, чутки про які дійшли до греків, і Геродот мав нагоду дізнатися про них.

відбити напад загарбників. А меланхлайни і андрофаги, і неври, щойно вдерлися до їхньої країни перси зі скіфами, навіть не спробували відбити їх, але, забувши про свої погрози, повтікали в паніці на північ із своїх країв, у пустелю. Скіфи не наважилися увійти в країну агатирсів з огляду на те, що їм це було заборонено, але, відходячи з країни неврів, завели персів до своєї країни.

126. Оскільки ці переслідування і втечі тривали так довго, не припиняючись, Дарій послав вершника до скіфського царя Ідантирса і оголосив йому: «Дивна людино! Чому ти все тікаєш, коли ти міг би зробити вибір між двома можливостями? Якщо ти вважаєш себе спроможним учинити опір моїм силам, тоді зупинися і вступи у бій. Що ти весь час бігаєш туди й сюди? Якщо ти визнаєш себе неспроможним, тоді перестань тікати, принеси дари твоєму владареві – землю і воду – і тоді ми почнемо переговори».

127. На цю пропозицію таку відповідь дав Ідантирс, цар скіфів: «О Персе! Отакі в нас справи: я до цього часу нікого не лякався і не тікав ні від кого, ні в минулому і ні тепер від тебе. І те, що я тепер робив, не відрізняється від того, що я звичайно роблю в мирний час. А з якої причини я не вступаю в бій із тобою, і це я тобі поясню. Ми не маємо ні міст, ні оброблених полів і не боїмося, що хтось може їх захопити або знищити, і не квапимося вступити в бій за них із вами. Однак, якщо ви наполягаєте на тому, щоб це сталося якнайшвидше, гаразд, тоді ось що: у нас є могили наших предків²¹⁵. Нумо, знайдіть їх і спробуйте завдати їм шкоди. Тоді ви побачите, чи будемо ми з вами воювати заради наших могил, чи ні. Проте перед тим, якщо ми не вважатимемо і не вирішимо, ми не битимемося з тобою. Що ж до битви, то я скажу тобі таке, що моїми владарями я вважаю лише Зевса, мого предка, та Гестію, владичицю скіфів²¹⁶. А тобі я пошлю дари замість землі та води, такі, яких ти є гідним, а щодо іншого, про що ти сказав, ніби ти мій владар, я кажу тобі, що ти це спокутуєш». (Така була промова скіфів.)

128. Отже, з такою відповіддю повернувся до Дарія вісник. А царі скіфів, ледве почули слово *неволя*, страшенно розлютилися. Отже, ту частину війська, якій вони призначили з'єднатися із савроматами і яку очолював Скопасій, вони послали до іонійців, що охороняли міст на Істрі, і доручили йому почати переговори з ними, а іншим, які вирішили вже не змушувати персів пересуватися туди й сюди, наказали нападати на персів, коли ті сідали, щоб поїсти. Скіфи підстерігали воїнів Дарія щоразу, коли ті починали їсти, і так виконували свій намір. Скіфська кіннота постійно змушувала тікати кінноту ворогів, а перські вершники, тікаючи, натрапляли на піхоту, і піхота приходила їм на допомогу. Але коли скіфи, відбиваючи кінноту, натикалися на піхоту, вони відступали, побоюючись піхотинців. Навіть і вночі скіфи робили такі наскоки.

129. Тепер я розповім про те, що допомагало персам і шкодило скіфам, коли вони робили напади на Дарієве військо. Це була річ зовсім дивна: крики віслюків і вигляд мулів. Як я вже згадував вище, у Скіфії нема ні віслюків, ні мулів²¹⁷.

²¹⁵ Тут ідеться про царські могили в Геррах (пор. розд. 59).

²¹⁶ Про скіфських богів уже було в розд. 59.

²¹⁷ Такої ж думки про відсутність віслюків у холодних країнах був і Аристотель, хоча це здається не зовсім правильним.

У всій країні скіфів не існує жодного віслюка, ні мула, бо клімат там холодний. Отже, віслюки своїми дикими криками викликали розгубленість скіфської кінноти. Під час багатьох нападів на персів, щойно скіфські коні чули крики ослів, як вони зривалися з повідів, перелякані поверталися назад із настовбурченими вухами, бо ніколи не чули перед тим таких криків і не бачили таких тварин. Проте ця річ не мала великого значення для ходу війни.

130. Скіфи, бачачи персів у занепокоєнні, щоб затримати їх на довший час у Скіфії, і очікуючи того, що вони мають опинитися в скрутному становищі, бо їм бракувало всього потрібного для життя, почали робити таке: вони часто залишали деяку частину своєї худоби з чередниками, а самі переходили, як завжди на інше місце. А перси кидалися, хапали тварин, вважаючи, що цим вони вчиняють подвиг.

131. Багато разів так вони робили, коли нарешті Дарій опинився у великій скруті. Скіфські царі довідалися про це і послали вісника з дарами до Дарія: птаха, мишу, жабу і п'ять стріл²¹⁸. Перси спитали людину, що принесла ці дари, яке значення вони мають, але той відповів, що він одержав доручення лише передати їх і якнайшвидше повернутися. Хай самі перси, сказав він їм, якщо вони розумні, збагнуть, що означають ці дари.

132. Коли перси про це почули, вони почали розмірковувати. На думку Дарія це означало, що скіфи піддаються і приносять землю і воду, і такий висновок він робив з того, що миша народжується із землі і живиться тими самими плодами, що й людина, жаба перебуває у воді, птах дуже схожий на коня, а стріли означають, що скіфи складають зброю. Таку думку висловив Дарій, але зовсім протилежна до неї була думка Гобрія, одного з тих сімох, які вбили мага. Він зробив висновок про те, що дари означали таке: «Якщо перси, ви не станете птахами, і не полетите високо в небо, або мишами і сховаєтеся в землю, або жабами і не пострибаєте в болота, то ви не повернетесь до себе, вас погублять оці стріли».

133. Так перси витлумачили ці дари. Одна частина скіфського війська, якій спершу було призначено вартувати біля Мастидського озера, а потім їх було послано для переговорів з іонійцями, коли вони прибули до мосту, вони сказали: «О іонійці, ми прийшли і принесли вам свободу, якщо ви схочете нас послухати. Адже нам повідомлено, що Дарій наказав вам охороняти міст упродовж лише шістдесяти днів, і якщо він сам за цей час не повернеться, ви можете піти геть до своєї країни. Отже, коли ви тепер зробите те, що ми вам пропонуємо, ні він не матиме за що скаржитися на вас, ні ми. Залишайтеся ще тут на кілька днів, а потім повертайтеся». Іонійці пообіцяли так зробити, а скіфи поквапилися повернутися.

134. Коли Дарій одержав такі дари, скіфи, які там залишалися, вишикувалися перед персами зі своєю піхотою та кіннотою, ніби для того, щоб уступити в бій. Проте, коли скіфи вже вишикувалися, якийсь заєць кинувся щодуху поміж двома лавами, і вони, ледве кожний із них його побачив, побігли його ловити. Через те, що скіфи порушили свій стрій і почали ремствувати, Дарій спитав, що там коїться, що там за галас серед ворогів. А коли йому сказали, що скіфи ганя-

²¹⁸ Це послання скіфів часто цитується як приклад дописьмової речової передачі інформації (пор. індіанські вампуми, перуанські кіпу тощо).

ються за зайцем, він тоді сказав тим, до яких він звичайно звертався: «Ці люди зовсім не зважають на нас і тепер я гадаю, що Гобрій правильно сказав про скіфські дари. Отже, тепер і я маю таку саму думку і через це треба нам подумати, як може здійснитися наш відступ з найменшою небезпекою». На це так відповів Гобрій: «Царю мій! Я маю сказати, що я вже знав з чуток про те, що ніхто не може їх здолати. А тепер, коли я сюди прийшов, я ще краще зрозумів, що вони з нас глузують. Отже, тепер моя думка така, що треба, щойно настане ніч, запалити вогні, як це ми звичайно і перед тим робили, а потім обдуримо воїнів, що зовсім не можуть переносити тяжких випробувань, потім прив'яжемо всіх віслюків, які в нас є, покинемо їх, а самі відійдемо, перш ніж скіфи прийдуть до Істру, щоб зруйнувати міст, а мабуть ще й перед тим, як іонійці приймуть якесь рішення, що може нас згубити». Таку пораду дав Гобрій і потім, коли настала ніч, Дарій пішов за його порадою.

135. Щодо зовсім виснажених воїнів і тих, що були ледве живими, він зовсім не дбав про них і покинув там, де вони були в таборі, як і всіх прив'язаних віслюків. Із двох причин він залишив там віслюків і хворих воїнів, щоб чути було їхні крики, а людей, бо вони були хворі. Він послався на те, ніби він із найкращою частиною війська збирається напасти на скіфів, а вони на цей час повинні охороняти табір. Такий наказ Дарій дав тим, яких залишив у таборі, запалив вогні і, не гаячи часу, вирушив у напрямі до Істру. Віслюки, втративши своїх товаришів, почали, звичайно, ще більше ревти, і скіфи, чуючи ревіння ослів, твердо вірили, що перси перебувають у своєму таборі.

136. Проте, коли розвіднілося, то ті, які залишилися в таборі, зрозуміли, що Дарій покинув їх напризволяще, і простягали руки до скіфів і почали розповідати їм, що сталося. А скіфи, почувши про це, не гаячи часу, з'єднали обидві свої частини, ту, що була окремо від інших, і ту, в якій були савромати, будини та гелони, і почали переслідувати персів, прямуючи до Істру. Проте, оскільки, більша частина перського війська складалася з піхотинців і вони не знали шляхів (бо там і не існувало певних шляхів), а скіфи були вершниками і знали найкоротші шляхи, вони випередили персів і встигли прибути до мосту значно раніше від персів. Коли вони довідалися, що перси ще не прийшли, то сказали іонійцям, які перебували на своїх кораблях: «Гей, іонійці, призначені вам дні вже минули і навіщо вам ще залишатися тут. Але, якщо ви залишалися перед цим зі страху, тепер зламайте якнайшвидше цей міст і повертайтеся вже вільними людьми і цим ви завдячуєте богам і скіфам. Що ж до того, хто дотепер був вашим владарем, ми розправимося з ним так, що він більше не розпочне походу проти якогось народу».

137. Іонійці почали радитися щодо цієї пропозиції. І Мільтиад афінянин, що був стратегом і тираном Херсонесу на Геллеспонті²¹⁹, був такої думки, щоб прийняти пропозицію скіфів і так визволити Іонію. Але Гістіай, тиран Мілета,

---

²¹⁹ *Херсонес на Геллеспонті* треба відрізняти від *Херсонесу в Криму* (Тавричний, або Гераклейський Херсонес). Щодо діяльності Мільтіада (розд. 39-41) і ролі його під час експедиції Дарія, дещо залишається незрозумілим, чи справді він не хотів загибелі Дарія з його військом у Скіфії, чи, навпаки, коли його судили в Афінах (VI, 104), він запевняв, нібито багато зробив на користь Еллади під час Дарієвої експедиції.

мав протилежну думку і казав, що тепер завдяки Дарієві кожен із них став тираном якогось міста²²⁰, але коли буде знищено владу Дарія, і він не зможе залишитися владарем мілетян і ніхто інший із тиранів, бо кожне місто волітиме краще мати в себе демократію, а не тиранію. Коли Гістіай висловив таку думку, то одразу всі ті, що перед тим поділяли думку Мільтіада, пристали на думку Гістіая.

138. Ті, які висловилися за пропозицію Гістіая, це були люди, котрих найбільш шанував цар²²¹: тирані міст на Геллеспонті – Дафній з Абідоса, Гіппокл з Лампсака, Герофант із Парія, Метродор із Кізіка і Аристон із Візантія. Ці були з міст на Геллеспонті, а з Іонії були Стратій²²² з Хіосу, Аяк із Самосу, Лаодамант із Фокеї та Гістіай з Мілета. Це була його думка, про яку я згадав, протилежна до думки Мільтіада. З еолійців єдиний, про якого варто згадати, був серед них Аристагор з Кіми.

139. Отже, ті, що прийняли думку Гістіая, вирішили додати до цього рішення такі чини та слова. Вони зруйнували на відстані пострілу з луку²²³ частину мосту, ближчу до скіфів, щоб здавалося, ніби вони щось зробили, хоч справді вони нічого не зробили, і ще для того, аби скіфи не спробували силоміць перейти мостом через Істр²²⁴. І ще вони скажуть, що зруйнують ту частину мосту, яка була з боку Скіфії, бо зроблять усе, щоб догодити скіфам. Такі рішення вони доповнили до думки Гістіая, а потім від імені їх усіх Гістіай відповів так: «О скіфи! Ми дякуємо вам за ваші добрі повідомлення, ви прибули своєчасно. Так і ви вказали нам правильну путь і ми зробимо вам добру послугу. Як бачите, ми руйнуємо міст і охоче зробимо все, бо прагнемо своєї свободи. Але поки ми його руйнуємо, ви добре зробите, якщо розшукаєте їх, і коли ви їх знайдете, відплатіть їм і за нас і за вас, як вони заслужили».

140. Так удруге скіфи повірили тому, що іонійці кажуть правду, і повернулися шукати персів, але не спромоглися їх знайти там, де вони пройшли. У цьому завинили самі скіфи, бо вони знищили в тих місцях поживу для коней і засипали воду в криницях. Бо коли б вони цього не зробили, то, якби схотіли, легко знайшли б персів. Проте саме тепер їхнє рішення, яке вони вважали за найкраще, їм зашкодило. Отже, скіфи пройшли тими місцями своєї країни, де було досить поживи для коней і досить води, шукаючи там ворогів, гадаючи, що і ті намагатимуться піти цим шляхом. Однак перси дотримувалися того першого шляху,

²²⁰ Спільність інтересів грецьких тиранів та перських владарів була звичайним явищем за часів Геродота. Так поводитися Фемістокл та Демарат. Геродот як грецький патріот засуджує таке поводження.

²²¹ Тут є цікавим перелік тиранів. Шестеро з 11 – тирані на Геллеспонті. Не згадується *Коес* – лесбоський тиран, який мав стільки заслуг перед Дарієм. Серед тиранів не називаються тирані дорійських міст. Очевидно, імена тиранів були наведені Мільтіадом, який насамперед назвав своїх сусідів.

²²² *Еак* (*Аякес*) став наступником свого батька *Силосонта* (III, 139).

²²³ Про далекість польоту стріл відомо з одного ольвійського віршованого напису (IOSPE, I, 195), де є повідомлення, що Анаксагор, син Демагора, пустив стрілу на відстань 282 оргії, тобто приблизно 500 метрів.

²²⁴ Тирані міст на Геллеспонті мали підстави побоюватися скіфської навали, бо скіфи перебували недалеко від них за Істром (Дунаєм).

яким вони вже пройшли²²⁵, і так з превеликими труднощами досягли переправи. Але коли вони прийшли, вже настала ніч, і побачивши, що міст зруйновано, вони страшенно злякалися, гадаючи, що іонійці їх покинули.

141. Був у Дарія один єгиптянин, що ні в кого іншого не було такого гучного голосу, як у нього. Цій людині Дарій наказав устати на березі Істру і покликати мілетянина Гістіая. Єгиптянин виконав його наказ і Гістіай, почувши наказ Дарія, привів усі судна для переправи війська на протилежний берег і знов налагодив міст.

142. Так перси уникнули небезпеки, а скіфи, шукаючи персів удруге, не знайшли їх і висловили про іонійців дві думки: по-перше, якщо вважати їх вільними, то можна сказати, що вони найбільші боягузи і нікчеми на всьому світі, але якщо їх уважати за рабів, то можна сказати, що в них зовсім рабський спосіб мислення і що їм подобається неволя і вони зовсім нездатні для визволення. Отакі глузливі слова сказали скіфи про іонійців.

---

²²⁵ Очевидно, перси не могли повертатися до Істру своїм попереднім шляхом, бо вони відхилилися від нього на північ.

Коментарі до перекладу «Слова про Ігорів похід» на румейську мову¹

---

1. *...на пиширисум / Мыс трагодъ нда лоя аришизна*² – автор попереджує, що почне розповідати про Ігорів похід *старою мовою*. Дослідники «Слова ще не з'ясували остаточно, що означає ця *стара мова*, коли ідеться про XII ст. – час написання цього твору.

2. *Мы ту камум айц, ян дун Боян* – про цього Бояна нема інших згадок, крім самого «Слова». Численні здогадки про те, хто такий був Боян, не мають безперечних доказів. Автор «Слова» досить часто згадує його і щоразу з захопленням його поетичним талантом і майстерністю. За браком інших згадок про Бояна не можна скласти певної думки. Ясно лише одно, що він був попередником автора «Слова».

3. *Сыркиндун туну-т псила / ах н белка, / Клашкындун, ян лыку ту сары* – це одне з остаточно ще не з'ясованих місць «Слова». Видавці та дослідники порізного тлумачать вираз *растѣкашется мыслию по древу*. Чи ідеться про *мисль* (тобто – думку), чи про «білку», залишається не з'ясованим. Перекладач подолав цю трудність у такий спосіб, що залишив і «мисль» і «білку», тобто «його (Бояна) думка підіймається високо, як білка або бігає, як вовк по землі».

4. *Кы тун Ярослав тун еру хлыцка* – ідеться про київського князя Ярослава Мудрого, сина князя Володимира.

---

¹ 1987 р. у київському видавництві «Дніпро» світ побачила книга Л.Кір'якова «Лого пас Игор ту стратыю» – переклад кримсько-грецькою (румейською) мовою «Слова про Ігорів похід». Цей переклад, у свою чергу, було здійснено з українського перекладу М.Т.Рильського. А.О.Білецький написав передмову до цього видання й зробив до тексту ґрунтовні коментарі, які ми завдяки сприянню його дочки М.А.Грекової маємо можливість відтворити з оригінального рукопису (*упоряд.*).

² Для економії місця подаємо віршований текст перекладу «Слова» як прозовий, знаком / відокремлюючи один від одного рядки поеми. У цьому наслідуюмо умовність оформлення тексту, яку прийняв А.О.Білецький (*упоряд.*).

5. *Тос махтайвин тун кардъар-Мстислав-на* – Мстислав Володимирович – князь чернігівський та тмутороканський. Тмуторокань – місто на Таманському півострові, де були володіння Мстислава.

6. *Тун касожски князь Редедя...* – *Редедя* – владар касогів, тобто якогось народу, що мешкав на північних передгір'ях Кавказу. Дослідники вважають, що йдеться про предків сучасних черкесів, адигів або адигейців». У «Повісті временних літ» під датою 1022 р. розповідається про двобій Мстислава з Редедєю.

7. *Тун Роман – тун князь, тун / Святославич...* – князь *Роман*, син Святослава, внук Ярослава Мудрого, брат Олега «Гориславича» – діда Ігоря Святославича. Романа було вбито 1079 року. Літописець розповідає про нього, що він був вродливим і його передчасна смерть викликала сум автора Літопису.

8. *Пас та струніс...* – тут згадується про те, що Боян не лише співав, але й акомпанував собі на якомусь струнному інструменті. Цікава деталь, яка може тлумачитися так, що Боян був справжнім поетом і виконавцем своїх творів у дописьмову епоху на відміну від автора «Слова».

9. *Хтун Владимир еру ас пиширисум* – можливо від Володимира Святославича, тобто першого на відміну від Володимира Мономаха, якого далі в «Слові» автор називає *сынъ Всеволожъ Владимиръ*. Володимир називається старим не в розумінні віку, але як попередник іншого Володимира.

10. *Мисмерешу ора илюс взин* – затемнення сонця було 1 травня 1185 року за розрахунком М.Степанова біля річки Дінця. Його можна було бачити за київським часом о 3 годині 25 хв. Сонячні затемнення вважалися на Русі провіщуванням лиха, пор. в Іпатіївському літописі, р.1187.

11. *О Боян, айдъон баишхаримену* – автор «Слова» звертається до Бояна і намагається далі наслідувати його стиль. Перекладач пропустив важливу згадку: *Рыца в тропу Трояню чресъ поля на горы*. *Троян* згадується в «Слові» аж чотири рази. Більшість дослідників вважає, що йдеться про римського імператора Траяна (98-117), який нібито мав вплив на історичну долю слов'ян, румунів та візантіїців. Вали і шляхи (*тропы*) Траяна добре збереглися на південному заході Русі та в Румунії. Проте це тлумачення не можна вважати цілком задовільним.

12. *О Боян, Велеси аныпшос* – *Велес* або *Волос* – давньослов'янське божество – покровитель худоби, а також співців-поетів (Боян – Велесів онук), про нього є згадка в Лаврентіївському літопису (рр.907,971 та ін.).

13. *Эркны 'та клэфтондас лон т' Сула* – *Сула*, ліва притока Дніпра, у XII ст. прикордонна з половецьким степом річка.

14. *Та лавутыс ст'Новгород лалыгны* і далі – очевидно, це місце є цитатою з Боянкової пісні. Воно побудовано за зразком уже вище наведених цитат. Під *Новгородом* тут треба розуміти Новгород-Сіверський.

15. *Флай тун адъэрфо-т тун Всеволод* – *Всеволод Святославич* (помер 1196 р.), Ігорів брат, князь трубчевський та курський, учасник походу Ігоря. Зустріч братів відбулася біля Переяславля Руського.

16. *Пас дъэндру 'н кулфи ту Див-на хлыз* – ім'я *Див* не знайшло в науці переконливого пояснення. Автор «Задонщини» розумів Дива з «Слова» як дивну, дивовижну істоту (пор. у «Задонщині»: *А уже дива кличет под саблями татар-*

сками). Дехто з інтерпретаторів «Слова» посилається на прикметник староруської мови *дивий*, що означав «дикий». Це маловірогідне. Отже, для цього імені ще нема задовільного тлумачення.

17. *Эм Поморцыс, эм Посульцыс, эм Сурожцыс, / Эм Тмutorокански харахуш* – *Помор'я* – тут, можливо, йдеться про узбережжя Чорного моря, *Посулля* – прикордонна з половецьким степом країна вздовж річки Сула. *Сурож* – місто Сугдея, тепер Судак на березі Чорного моря в Криму. *Тмutorокань*, як уже згадувалося, давньоруське місто на Таманському півострові, який належав до Чернігівського князівства. У «Слові» згадується *Тмutorоканьський болван*, тобто якась статуя, що була в цьому місті.

18. *О Руска чоля! Сис немныты макра!..* – В оригіналі йдеться про *руську землю*. Як треба розуміти цей вираз, між дослідниками нема згоди. Чи тут сказано про країну, чи про руське військо, не зовсім зрозуміло. *Руська земля* в розумінні «військо» справді зустрічається в літописах, але лише тоді, коли це військо представляло всю руську землю.

19. *Гексамитя, наволок, флюры* – тут йдеться про дорогоцінні тканини: оксамит, парчу, шовкові або атласні тканини. Перекладач додав ще і золото (*флюры*).

20. *Нытазин Олег кардъарку енус* – тут згадується рід або родина князя Олега Святославича, родоначальника *Ольговичів*.

21. *Янду лыку Гзакс хадрэв, паэн* – *Гзак* – один із половецьких ханів.

22. *Ки Кончакс апписут ти нимен* – ще один із половецьких ханів.

23. *Сма с'путам Каял, сма с'Дон намлыдъку* – річка *Каяла* (ймовірно, від тюркського *Каяли* – кам'яна річка) неодноразово згадується в «Слові» як місце поразки Ігорового війська. Яка саме річка так називалася в XII ст., невідомо.

24. *Эркны Стрибожы т'анэпша* – *Стрибог* – один із поганських богів старослов'янського пантеону, згадується в літопису та в життєписі князя Володимира. Можливо, це – бог вітрів.

25. *Тыс змуна ки т'Глебовна-т то т'ора* – *Ольга Глібівна* – дружина Всеволода Святославича, дочка Гліба Юрійовича, сестра хороброго переяславського князя Володимира Глібовича.

26. *Дъы афовит-Игорс, Всеволодс* – йдеться про проводирів походу, Ігоря Святославича та брата його Всеволода Святославича.

27. *Княз'яшуцк-Олеґс ки Святославис* – *Олеґ*, можливо, *Ольстин Олексич*, якого викликали для допомоги від Ярослава Чернігівського. *Святослав* – Ольгович Рильський, Ігорів небіж. Не згадується тут Ігорів син – *Володимир*.

28. *А половцы, янда пурдъукатыс* – в оригіналі *пардужеве гніздо*, тобто виводок гепардів. Гепарди на Русі до татаро-монгольської навали використовувалися як мисливські тварини.

29. *Ки та готски та курыча* – тут сказано про *готів* – східногерманське плем'я, яке ще в другому ст.н.е. мешкало на півдні України і в Криму.

30. *Тун тиро махтаэвны Бусов* – на думку акад. Шахматова, тут ідеться про перемогу готів над царем антів *Боозом*. Готські діви оспівують цю перемогу. Інші пояснення незадовільні.

31. *Шерны ан тун Шарукан* – в літописі «Повість временних літ» згадується *Шарукань*, який зазнав поразки від *русів* (тобто східних слов'ян) 1068 та 1106 рр. Можливо, що готські діви співають про помсту за Шаруканя.

32. *То т' агу курыц, тьярыс-ки клостын* – образ *Диви Кривди* або *Диви Лебедиці*, що розмахує крилами, є типовим для фольклору.

33. *Клэ ту Киев, няшкит ту Чернигов* – ідеться про напад половців після поразки Ігоря.

34. *Ма т' адърэфя-княз' ти скунны пану / Т' эна-ндалу хпун ту хабаят* – тут автор указує на основне лихо Київської Русі XII ст. – феодальні розбрати князів, через які половці могли нападати на руську землю.

35. *Всеволодс ки Игорс-аты дьы-тын* – князі Всеволод та Ігор неодноразово засуджені автором «Слова» за непокірливість їхньому «батькові», тобто феодальному сюзеренові, Святославі. Своєю неслухняністю вони дали змогу половцям розбити свої слабі і нечисленні дружини.

36. *Тун Кобяк тос пири ас ту плен* – в останні роки до поразки Ігоря руським князям щастило в їхніх походах проти половців завдяки узгодженості їхніх дій, які очолював київський князь Святослав. У 1183 році Святослав і Рюрик Ростиславич організували похід проти половців, згуртувавши князів – князя переяславського, князів волинських, смоленських, турівських. Брат Святослава Ярослав Чернігівський відмовився взяти участь у поході. Про взяття в полон Кобяка на основі свідчень літописів можна констатувати, що Володимира було оточено загонами хана Кобяка на річці Єрелі, але завдяки приходу передових загонів Святослава Всеволодовича і Рюрика Ростиславича Володимира було визволено, а половці зазнали нищівної поразки. Князі взяли 7000 полонених, серед яких був і хан Кобяк Карлійович. Його привезли до Києва разом із його синами.

37. *Венецейцы, немцы ки румей-на / Махтаэвны ол тун Святослав* – зазначений тут відгук західноєвропейських народів на походи Святослава та Ігоря є гіперболою, що перебільшує значення цих походів.

38. *Ки ндун Игор-князь ты хаханы-шкны* – тобто ті, хто славлять Святослава, докоряють Ігореві, який загубив своє багатство в річці Каялі.

39. *Святославс сту, Киев руматяхтын* – сном Святослава починається друга частина «Слова». Переказ сновидінь, їхнє тлумачення, їхня символіка – це характерне для усної народної поезії. За давніх часів уважали, що сновидіння віщують майбутнє або те, що вже відбулося з кимсь із родичів, що перебувають десь далеко. Сон Святослава повідомляє його про лихо, що сталося з Ігорем.

40. *Ки силяйван мена го на пину / Жангкары краси агу-пикро* – синє вино, тобто променисте вино. Це вино змішане із сумом, тугою.

41. *Фанын-ми ту терем-на урайсин / Ки аныхтын олут ту табан* – тут наявна певна алегорія: стеля без бантини загрожує будинку руйнацією – образ занепаду роду Ольговичів.

42. *Ас ту Плесеньск вуйзан та куруныс, / Скутандан хту орус сма х' Киян* – крикання круків, що його чує уві сні Святослав, пророкує нещастя для Києва. *Плесеньск* – місто в Галицькому князівстві.

43. *Тен хулай, такас та дъья пlying* – двоє птахів, тобто двоє соколів – Ігор та Всеволод. Відповідно, із символікою Святославового сна бояри тлумачать алегорично Святославові те, що відбулося.

44. *Сма сту Дон душманс на докны кату, / На присны ту Тмutorокан* – ця згадка про мету Ігорєвого походу є гіперболою. Чернігівські князі зберігали спогад про те, що їхній дід Олег Святославич володів Тмutorоканню.

45. *Ас тун Игор взихтын, / Млотъын мера фос* – тут автор звертається до князя Романа, вказуючи йому на катастрофічне становище міст на південному кордоні Русі внаслідок поразки Ігоря і походів половецьких ханів Кончака та Гзи.

46. *Та базаря мрaстан, / Эсусан ст' Сула* – тут згадуються прикордонні річки Сула та Рось, розташовані на них міста зазнали небезпеки від наступу половців.

47. *Ма ас ту пясму вретъан тэк Кардъар Ольгович та пидъья* – Ольговичі – це група князів, що пішли в похід разом із Ігорем.

48. *Ки ато ту сат флюритка лоя* – уже і перед цим згадувалося «золоте слово» Святослава. Дехто з дослідників вважає, що «золоте слово» слід обмежити закидами Ігорєві та Всеволодові. Інші гадають, що це слово є звертанням і до інших руських князів. Більше підстав мають перші. Навряд чи Святослав міг звертатися до галицького князя Ярослава Осмомисла, називаючи його «господином». Звертання до інших руських князів найправдоподібніше вважати звертанням самого автора «Слова».

49. *О, дранат, такамас та палкаря / Сма сту Симов крухкны ан пулысс* – військо Гзи не спромоглося здобути Путивль і сплюндрувало міста вздовж річки Сейм. Кончак обложив Переяславль, під час вилазки був поранений переяславський князь Володимир. Довідавшись про наближення для допомоги Володимирові Глібовичу князів київського Святослава та Рюрика Ростиславича, половці відступили від Переяславля, обложили та захопили місто Симів, пограбувавши його вщент і взявши в полон більшість його мешканців. Лемент про долю міста Симова і про князя Володимира Переяславського є композиційним центром усього «Слова» поряд з оповіданням боярів і «золотим словом» Святослава. Безпосередньо після цього лементу йде звертання до князів із закликом до об'єднання.

50. *На пратыз тун козму-т ти драпу го / Ярослав ту шер ту дъьнато* – Ярослав Всеволодович, чернігівський князь, молодший брат князя Святослава (помер 1198 р.), був вірним помічником князя Святослава в усіх його походах до початку 1180-х років. Від 1183 р. політика Ярослава Чернігівського докорінно змінюється. Замість того, щоб приєднатися до походу 1183 року, він не радить Святославові брати в ньому участь. У лютому 1185 року Кончак пропонує Ярославові союз і Ярослав відмовляється виступити проти Кончака.

51. *Ан шельберс, ревуґс ки ан татранс... / Ан могутс, ольберс ки ан топчакс* – тут згадуються допоміжні війська Ярослава, що склалися з різних тюркських племен – найманців руських князів. Як виявили сходознавці, *билі, могути, татрани* та *шельбери* – це титули, а *топчаки, ревуґи* та *ольбери* – це назви військових загонів.

52. *Лыгус щитя, мону нда машеря* – тобто без щитів і лише з ножами йдуть на бій. Цим підкреслюється їхня хоробрість і вони зберігають честь і славу своїх предків. Тут поведінка воїнів як зразкова протиставляється поведінці князя.

53. *Аняста, акуйс, князь Всеволод?* – *Всеволод*, князь Володимиро-Суздальський (1176-1212), пізніше названий *Всеволод Велике Гніздо*. Історики називають його *Всеволодом III*. Він перший із володимирських князів прийняв титул великого князя. Один із наймогутніших князів, сучасних авторові «Слова». Його вплив поширювався на землі Рязані та Новгороду. На його могутність доводилося зважати і Святославові Київському та навіть галицьким князям.

54. *Зер ти хъевс, ти нияшкиси ту тата-с / Ту трапез флюритку?..* – батько Всеволода III Юрій Довгорукий усе своє життя прагнув бути київським князем і запекло боровся зі своїм небожем Ізяславом Мстиславичем (помер 1154 р.). Юрій Довгорукий остаточно закріпився в Києві в 1155 році (помер 1157 року).

55. *Т' Волга си пурис на вгалс хта яря-т / А ту Дон нда каскис на фтюросс!* – це гіперболічне зображення могутності князя. Тут є натяк на переможні походи Всеволода III проти волзько-камських болгар. Перед походом у 1184 році він просив у Святослава допомоги і Святослав послав йому свого сина Володимира.

56. *Нда кардъаркас Глебов та палкаря...* – так образно автор «Слова» виразив залежність рязанських князів, синів Гліба Ростиславича (Романа, Горя та ін.) від Всеволода III. Вони брали участь у його поході на болгар.

57. *Сту ногат тъя пулнам 'н половчанка, / Ас ту резань пулнам половчанс* – *ногата* та *резана* – дрібні монети в Київській Русі. Це дуже низька ціна за невільників. Якби Всеволод III узяв участь у поході проти половців, то було б стільки невільників, що їх продавали б дуже дешево.

58. *Си, баро, зданыс этс шеришерис...* – *шерешери* – стріли великих самострілів або катапульт. Власне, це були залізні рурки, наповнені запальною сумішшю.

59. *Ты нунызс, Давид ки си-на Рюрик?* – *Рюрик* і *Давид* – сини Ростислава, князя смоленського, внуки Мстислава Володимировича (сина Володимира Мономаха). Після смерті Святослава Рюрик стає київським князем.

60. *Ярослав Галицки князь...* – *Ярослав Володимирович*, князь галицький (1153-1187), був після Всеволода III наймогутнішим князем Київської Русі в другій половині XII ст. Він був видатним державним діячем, відомим своїм красномовством. Це виразив автор «Слова» епітетом *Осмомисл*, тобто той, що водночас дбає про вісім справ.

61. *Тынчка катъыс янду харатаиш?* – місто *Галич* було розташоване на високому пагорбі.

62. *Та Карпатыс эвалыс яшибаш* – Карпати були кордоном між Угорщиною і Галицьким князівством.

63. *Стун король мадыарски страта фсалсис* – автор «Слова» тут має на увазі поразку угорського короля Коломана біля Перемишля в 1098 році від діда Ярослава Володаря та його братів, а також політику Ярославового батька Володмирка (1141-1153), скеровану проти Угорщини. Проте сам Ярослав був у союзі

з Угорщиною. Його дочка була дружиною угорського короля Стефана III (1161-1173). Тут автор «Слова» помиляється або через необізнаність у справах Галицького князівства, або, маючи якусь іншу мету.

64. *Клыдъусис Дунай си ту гри* – це означає визнання влади Ярослава над лівобережжям Дунаю біля його гирла. На думку автора «Слова», Ярослав міг припинити рух кораблів через Дунай до Чорного моря.

Инкис ас ту Киев-на си страта – в оригіналі *відчинити браму* – військовий термін, що означає «здобути місто». Ідеться про здобуття Києва 1159 року Ярославом Осмомислом спільно з Мстиславом Волинським. Тут згадка про те, що Ярослав Галицький сильніший від київських князів.

65. *Си пилыс тун козмус с'ксена чоля, / Ндун Султану атху на пкан-стун* – це місце доводить, що автор «Слова» знав про можливість участі галицьких князів разом з угорцями в третьому хрестовому поході проти султана Саладіна в 1190 р. Хрестові походи мали наслідком занепад Києва і сприяли піднесенню Галицького князівства.

66. *На докум тун Кончак акату, / Фер та палкиря-с хта макра* – автор «Слова» радить Ярославу скерувати свою військову потугу проти половецького хана Кончака.

67. *Пу исиц симур ту заман, / Эм си Мстислав, эм си Роман?* – Роман – останній князь із блискучої плеяди київських князів XII ст. Він був сином Мстислава II Ізяславича, якого з Києва вигнав брат Андрія Боголюбського Гліб Юрійович 1169 року. Під час написання «Слова» Роман був князем Володимиро-Волинським, а Волинська земля межувала з Польщею. Як державний діяч він став відомим після написання «Слова». У 1202 році він здобув Київ і поставив у ньому правити Інгваря, князя луцького. Роман поширив свій вплив на Литву, заволодів Галичем усупереч опору Польщі та Всеволода III. Слава його гриміла по всій Європі. Французькі хроніки XIII ст. називали його королем Русі. Мстислав – це двоюрідний брат Романа, князь пересопницький (Пересопниця – місто на Волині поблизу Луцька та Володимира-Волинського), учасник походу на половців 1183 року.

68. *Т' Литва, Ятвязи, Деремела* – тут, очевидно, перелічуються прибалтійські племена, що з ними воювали Роман і Мстислав.

69. *Половцы, Хинов...тял ки тьял* – *Хинова*, ймовірно, фінські племена.

70. *Князя Ингвар ки Всеволод!.. / Я три Мстиславич* – є здогадка, що тут ідеться про трьох князів – Інгваря, Всеволода і їхнього брата, Мстислава Пересопницького. Автор «Слова» називає їх Мстиславичами за іменем їхнього прадіда Мстислава Великого, сина Володимира Мономаха. Існує також інша думка, що всі троє Мстиславичів – це згадані в попередньому звертанні Роман Мстиславич і його брати Всеволод та Святослав, що князували на Волині.

71. *Пу эн та каскис-сас флюрытка / Ки польски щитя сидъыритка?* – згадка про польські щити не випадкова, бо названі вище князі за своїм походженням наполовину поляки і неодноразово використовували в своїх військових справах польську допомогу. Під цією «допомогою» крилися зазіхання польських королів на Волинь.

72. *Ту путам-на Двина батхяхясин* – каламутна вода у фольклорі символізує смуток. Міста на Сулі були спустошені половцями, а на Західній Двині – успішними нападами литовських племен.

73. *Ізяслав на инкис...* – тобто князь *Ізяслав*, син князя Василька. Це місце «Слова» присвячено долі Полоцької землі та її князів, що їм постійно загрожували литовські племена, які зміцнювалися та об'єднувалися. Князь *Ізяслав Василькович*, що його вславив автор «Слова», в літописах не згадується.

74. *Брячислав, Всеволодс* – брати *Ізяслава*.

75. *Городенски лавутыс нда лалнан* – є кілька припущень щодо розташування міста *Городок* на річці Березина, притоки р.Німана. *Ізяслав Василькович* був, по-перше, князем Полоцької землі та, по-друге, - князем городенським.

76. *О, Ярослав т' анэпша ола, / Ки сис Всеслав-на, ол фкритъэт!* – нащадки *Всеслава Брячиславича* не всі нам відомі. Можливо, що тут згадується *Ярослав Юрійович Пинський*. Усі полоцькі князі були нащадками *Всеслава*. Автор «Слова» згадує про важливу історичну подію – тривалу ворожнечу полоцьких князів з усіма іншими руськими князями.

77. *С'эфта т'эпохи ту Трояни* – акад. Д.С.Ліхачов пояснює ім'я *Троян* як належне якомусь слов'янському поганському богу. *На сьомому віці Трояна*, тобто на останньому віці цього поганського бога до християнізації Русі. Значення числа 7 (сім) як останнього числа зумовлюється середньовічним уявленням про це число: сім днів творіння, сім тисяч років існування світу, сім людських віків.

78. *На пар тос нунсин анду псемо / Флюритку Киевски трапез* – *Всеслав* завдяки омані став князем у Києві, використавши повстання киян, які вимагали від князя *Ізяслава* коней та зброї. *Всеслав* князував у Києві лише сім місяців.

79. *Тн' авйи сту Новгород чах вретъын / Нду псема тос хадрайвин их* – *Всеволод Полоцький* захопив і сплюндрував у 1067 р. Новгород, що його традиції пов'язували з *Ярославом Мудрим*.

80. *Хту Дудуток дъайн сту Немиг* – *Дудутки* – монастир у Новгороді «на Дудутках». Після здобуття Новгорода *Всеслав* 1067 року зазнав жорстокої поразки на річці *Неміг* від *Ярославичів*.

81. *Афтамас итун ас ту Киев, / Ос тун пирно-с'Тмutorокан* – про перебування *Всеслава* в *Тмutorокані* в літописах немає згадки. В оригіналі далі йдеться про *Хорса* – давнього слов'янського бога, можливо, бога сонця, якого уявляли собі в образі коня з білою гривовою, прудкого, як сонячне проміння. Його сестри-русалки. Його ім'я присутнє в назвах багатьох річок та селищ. Швидкий рух уособлений в образі коня, характерний для фольклору.

82. *Ипин айц намлыдъс Боянс* – автор «Слова» приписує *Боянові* поширене в Київській Русі прислів'я про неминучість визначеного долею для кожної людини.

83. *Ки русполс Олгес тыкмил змунитъык* – тут ідеться про походи *Олега Святославича* (*Гориславича*), родоначальника чернігівських *Ольговичів*, діда *Ігоря Святославича* та *Буй-Тура Всеволода*, постійного супротивника *Володимира Мономаха*.

84. *Икийнду то т'ора Ярослав-на* – Ярослав Мудрий і обидва Володимири, Святославич і Всеволодович – Мономах. Вони в літописах XII-XIII ст. часто згадуються як ідеальні старі князі-представники єдиної Русі. Навпаки, Олег Святославич – узагальнений образ князів-крамольників. Ярослав уже «чув» шум князівських чвар (див. у Літописі, тобто «Повісті временних літ» під роком 1055 приписуваний йому заповіт, де він застерігав своїх спадкоємців від братовбивчих воєн).

85. *Князь Борис-на стун Олег тимону* – Борис Вячеславич – внук Ярослава Мудрого, спільник Олега Святославича, убитий біля Чернігова в 1078 році.

86. *Ки нда пястын сма с' путам / Канина Иврин ту аджел-т ати Борисс* – це місце дослідники "тлумачили" по-різному. Імовірно, що річка *Канин* була десь біля Чернігова.

87. *Айц камия Святополк-на тата / Сма сн' Каяла текамин хаир* – якщо батько Святополка був похований не біля Київської Софії, а в Десятинній церкві, то дослідники «Слова» вважають, що тут сказано не про похорон Святополкового батька, а про похорон його тестя – половецького хана Тугоркана.

88. *Тун Олег умдъя «Гориславич»* – прізвисько *Гориславич* зустрічається в деяких пам'ятниках давньоруської літератури.

89. *Лыгус лоя пратанан хурят...* – В оригіналі згадується *жизнь Дажьдъ-божа внука*, що означає *Руська земля*. Давня назва цього бога сонця *Дажьбог*. Різні форми цього імені зустрічаються в країнах Західної та Південної Європи як географічні назви.

90. *Ти порнын ис-на ас ту Киев / На зш атона кататоп* – оскільки автор «Слова» згадує на початку Володимира Святославича, то тут він, імовірно, знову згадує про нього.

91. *Симеис Рюрик ки Давид-на* – автор пише своє «Слово» під враженням недавньої руйнації земель вздовж річки Сейм половецьким ханом Гзою і зокрема міста *Римова*, що є композиційним центром його твору, і каже про неузгоджені дії князів. Найяскравішим прикладом цього є раптова і невмотивована відмова князя Давида Ростиславича піти разом із Рюриком та Святославом на допомогу Володимирові Глібовичу (див. примітку 49).

92. *Ярославна клз, тъарис, кукушка* – плачем Ярославни починається третя частина «Слова». Автор переносить дію до міста Путивля. Цей плач мав бути ще тоді, коли відбувся бій на Каялі та Ігоря було вже поранено. *Свфросинія Ярославна*, дочка Ярослава Володимировича Галицького, друга дружина Ігоря, з якою він побрався за рік до походу, у 1184 р. після смерті першої жінки. У 1185 р. Ярославні було 16 років. У народній усній поезії образ самотньої засмученої жінки неодмінно передається образом зозулі.

93. *Лон платы ки жангари Дунай* – у народній усній поезії Дунаєм називається будь-яка велика ріка. Автор «Слова» під Дунаєм розуміє Дон з його притоками, зокрема Сіверський Донець і річку Каялу, де відбувся бій Ігоря з половцями.

94. *Сту Путивель тун пирно гурга* – чому Ярославна плаче саме в Путивлі, коли її князівською резиденцією був Новгород-Сіверський? А Путивль – міс-

то старшого сина Ігоря Володимира. Після поразки Ігоря, коли половці напали на Русь, Ярославна переїхала в укріплене місто Путивль. Образ жінки, що плаче на міському мурі, властивий також західноєвропейській поезії.

95. *О, си анымукаля!* – У плачу Ярославни автор використав сучасні йому голосіння та поганські моління. Вітер, Дніпро, сонце уявлялися божествами.

96. *О, Днепро, Днепро-Словутич!* – в українських піснях ріка Дніпро час-то називається *Словутичем* або *Славутичем*, нібито сином Слави.

97. *Овлурс-на, тос-на ти ныстаз...* – *Овлур* – половець, що втік на Русь разом з Ігорем. У літописі його називають *Лавр* або *Лавор*.

98. *Пас такас та яря та хлюрярка* – в оригіналі – *срібні береги Дінця*. Такий епітет пояснюється тим, що Донець у своїй воді несе багато змученої крейди, протікаючи через крейдяні гори Артема. Влітку Донець мілішає і на берегах відкладається біла крейда.

99. *Ма путам ту Стугна, / Тытку тен, ти мяз* – *Стугна* – права притока Дніпра, втікає до Дніпра трохи нижче Києва. Тут повноводному Дінцеві протиставляється бідна на воду річка Стугна.

100. *Ростислав – князь мана / 'С путам т'яга... клэ ки мурлуга* – князь *Ростислав Всеволодович* утопився в річці Стугні в 1093 році, маючи 22 роки. Його смерть оплакує його мати.

101. *Тэк болка фидъа, нес хуртаря...* – в оригіналі *полозие ползоша*, тобто йдеться про плазунів-полозів.

102. *Ту пидъы-т нду пандрепсум...* – Кончак пропонує Гзі одружити Ігорового сина Володимира Ігоровича з половчанкою. Володимир у полоні одружився з дочкою Кончака і повернувся з полону з дружиною та дитиною.

103. *Эм Ходынс ки эм намлыдъс Боянс* – це місце в оригіналі настільки зіпсоване, що не дає змоги відновити його первісну форму. Можна думати, що *Ходын* – це такий співець, як і *Боян*.

104. *Тригудъун курича сма с' Дунай* – під Дунаєм тут розуміється Дніпро.

105. *Сту Боричев эсусин хулай* – *Боричів* узвіз у Києві, що неодноразово згадується в літописах, був десь між Андріївською церквою і місцем колишнього Золотоверхого Михайлівського монастиря.

106. *Дъайн ас Пирогощас тос килсия* – *церква Богородиці Пирогощої* була побудована в Києві в 1131-1132 рр. Вона так названа від ікони (що не збереглася) Богородиці Пирогощої, від грецької назви *Πιργωτισσα*, що її привезли з Константинополя разом із славнозвісною Володимирською іконою.

107. *Аминь* – «хай буде так!» – цим словом (арамейського походження) закінчуються твори літератури того часу.

Максимилиан Волошин¹

Прошло уже 60 лет со времени кончины и 115 лет со времени рождения необыкновенного человека, художника, поэта, мыслителя – Максимилиана Александровича Волошина – украинца по отцу (Кириенко-Волошина) и немца по матери (Елене Оттобальдовне) и русского в душе и в стихах... Прежде всего я должен сказать об условностях, вызванных соображениями краткости изложения: я взял на себя смелость называть Максимилиана Александровича просто Максом, как его называли друзья, а Марию Степановну, его верную помощницу и жену, просто Марусей, как ее называл сам Макс.

Летом 1926 года у нас в мансарде трехэтажного кирпичного дома в городе Харькове проездом из Москвы в Коктебель побывал Макс. До этого я ничего не знал ни о нем, ни о крымском Коктебеле, ни о потухшем вулкане Карадаге. Напротив, мой папа знал о нем и его творчестве, но, очевидно, еще не встречался с ним. Во время беседы за обеденным столом Макс пригласил нас на следующее лето к себе в Коктебель. Мы – это мой папа, моя мама, мой младший брат Платон, ему тогда было всего 4 года, и я, мне тогда было всего 15 лет. В Крыму до того времени я побывал два раза с родителями еще до революции.

Крым моего детства (Профессорский уголок возле Алушты) остался в разрозненных воспоминаниях в виде отдельных кадров. А теперь – снова Крым, но совсем не похожий на тот. Этот Крым, Макс, Коктебель, Карадаг, галечный берег, темно-синий Понт Эвксин (по недоразумению Евксинский, словно это его фамилия! – *Pontos Euxeinus*).

Так началась новая глава в книге моей жизни: Макс и Коктебель. Макс родился в XIX веке, а скончался в XX, но его жизнь – это век Волошина. Жизнь замечательного человека – сама по себе эпоха. Не следует резать ее на куски календарными датами. Один век ушел в прошлое, другой век уходит в будущее. Оба века слились в один в жизни коктебельского мудреца, и не досадно ли, что она оказалась такой короткой – всего 55 лет.

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Collegium. – 1994. – № 1. – С.101-110.

Конечно, я не помню, о чем беседовали мой папа с Максом, наверно, о литературе вообще и о поэзии в частности. Тогда я еще не чувствовал ответственности перед историей и не отличал значительного от заурядного.

Настало лето 1927 года и мы выехали из Харькова в Крым. В том году в горах и на Южном берегу Крыма были землетрясения и мирный Дом Поэта несколько пострадал от них.

До древнего города Феодосии мы доехали на поезде, а оттуда в Коктебель на «линейке», столь обычной в дореволюционном Крыму.

На Феодосию-Кафу интересно смотреть глазами антиквара-археолога, но у меня еще не было таких глаз. Промелькнуло море, но еще какое-то не крымское, без гор. Еще не поразили воображение четырехгранные генуэзские башни. Любезный татарин Джапар помог перегрузить вещи. Багаж – немалая помеха в любом путешествии. Среди жителей Феодосии были не только русские и татары, но и греки. Татары называли греков «файдасыз», что можно понять как «беспольные», но тут может быть также намек на название города Феодосии.

Дальше к западу за Феодосией тянется пыльная дорога по однообразной серо-желтой равнине. Кое-где, в стороне от дороги – убогие села. Наконец, перед болгарским селом Коктебель (Изсипана Каранá) возникли лиловатые силуэты прибрежной гряды Крымских гор.

Меня охватило радостное ощущение, кажется, с самого рождения знакомой, но еще не прочувствованной экзотики. Вот он – кусок Средиземноморья, заброшенный на север и превративший его в гостеприимный юг.

За болгарским селом открылось темно-синее, действительно почти черное море, Аксейнос, а затем Евксейнос Понтос, или еще, как его называл Макс, Негостеприимный Понт.

Вот перед нами несколько скромных усадебок на берегу, скудная флора и запах полыни, разбавленный соленым морским ветром. А вот, очень близко от Понта, желтеющий шершавым ракушечником Дом Поэта, Поэта-Анахорета, здание с многоярусной башней и еще несколько строений в той же усадьбе. Удивительно, как здесь в летнее время помещалось столько народу! Наконец, вот и он сам, зрячий Гомер, или Олимпийский Зевс, в пенсне, в белом подпоясанном хитоне, в белых штанах до колен, в античных сандалиях с ремешками, с длинным посохом в левой руке, с налобной повязкой, сдерживающей великолепную курчавую шевелюру, и с окладистой бородой. Это был совсем не тот Макс, виденный в прошлом году в Харькове. Это был Коктебельский Мыслитель, римский «ватес», в смысле – пророк и поэт.

Высоко поднятая десница – привет по-коктебельски: рукопожатие здесь было отменено как негигиеничное в жаркую пору при недостатке пресной воды. Местный обычай предлагал также посетителям заменить городские костюмы какими-нибудь античными или вообще необычными.

Макс в Коктебеле – первый, единственный и пожизненный президент республики интеллигентных людей всех убеждений и вкусов и с ним премьер-министр этой республики, разумеется, также пожизненный, – Маруся. Она непохо-

жа на олимпийскую Геру, но она Мнемосина, живая память, Мать Муз, добрый гений Дома Поэта, ангел-хранитель коктебельского Анахорета.

Ну, и, наконец, во множественном числе интеллигентные гости – летние граждане этой республики: поэты, прозаики, литераторы, художники, музыканты, артисты, медики, геологи, служители всех муз, а также просто друзья и друзья друзей, знакомые и знакомые знакомых, чьи-то родственники и свойственники и вообще неожиданные люди: летний «плодоворот», как его называл Макс.

Мало прочесть стихи про себя, мало прочесть их вслух, надо слышать, как их читают сами поэты. Только классические произведения в разных исполнениях остаются в основе своей классическими. Настоящий смысл современной поэзии неотделим от голосов создателей. Я слушал и слышал голоса коктебельских, непохожих друг на друга поэтов, и среди этих голосов олимпийски возвышенный и ритмически строгий голос самого Макса.

Помню, как «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» переходило в ритмические строфы. Голос Поэта сливался с голосом непокорного протопопа. Уже потом я понял, насколько произведения последних лет жизни коктебельского Отшельника отличаются от его произведений дореволюционных лет.

Мне кажется, что главное в этом отличии – это переход от лирических к эпическим формам. Но не мне говорить о поэзии Макса, о ней еще многое должно быть сказано опытными стиховедами.

Как вокруг солнца вращаются каждая на своей орбите планеты, так вокруг Макса вращались большие, средние и совсем малые поэты. Но были там не только поэты. В один из первых вечеров того лета в нижней галерее Дома Поэта прочел длинную лекцию на легкомысленную тему Евгений Львович Ланн (Лозман) (1896-1958). Он был очень худой и угловатый, с длинными черными волосами и орлиным носом, похожий, по моему представлению, на ирокеза или последнего из могикиан. Лекцию он должен был прочесть за какой-то проступок – нарушение коктебельского образа жизни. У него, по-видимому, не было вдохновения, лекция не удалась. В заключение Макс сказал, что лекция была настолько скучной, что ее можно признать вполне научной.

В другой вечер очень бодро и мужественно читал свои стихи Георгий Аркадьевич Шенгели (1894-1956), сказавший о себе: «Я поздний потомок нездешних кровей, Недаром Георгий мне выбрано имя!...» Это было в темной мастерской (собственно, мастерская была выше, на уровне библиотечных антресолей) с окнами на три стороны света, осененной гипсовым ликом царицы Таиах (т. е. Тейе, матери фараона-реформатора Аменхотпа IV). Не знаю, почему Макс в стихах называл ее царевной, хотя она была царицей!

Г.А. Шенгели с наружностью индийского магараджи в то время был последовательным противником ступенчатых стихов Владимира Маяковского. Там же, в Коктебеле, я прочел крамольную книжечку Шенгели «Маяковский во весь рост». И сейчас у меня в ушах звучит его декламация стихов, вошедших в его маленькую книжечку «Норд», которая хранилась у меня до войны с дарственной надписью автора. Больше всего мне нравилась его «Айсигена». Он читал стихи, подчеркивая их ритмическую схему притопыванием на каденциях просодом.

Во время какой-то встречи (мы ходили с ним на обрывистый Карадаг) я спросил его, откуда это как будто греческое имя – Айсигена, и он сказал мне, что, по его мнению, оно значит «рожденная судьбой». И в самом деле, в списках древнегреческих имен значится мужское имя Айсигенес, а слово «айса» может равняться по смыслу нашему слову «судьба».

«Айсигена» прекрасно звучала на фоне тогдашнего Коктебеля. Напрасно было бы докапываться до ее авторского смысла, быть может, неясного и самому автору.

Привлекательность поэтических созданий для многих заключается в их неопределенности, в их многосмысленности и тем самым загадочности или даже таинственности. Лирическое стихотворение может оказаться загадкой со множеством разгадок или вовсе без разгадок. Разгадка такого произведения подобна Атлантиде, которую ищут на дне моря без уверенности в ее существовании.

Шенгели был поэтом и только поэтом с головы до ног этого промежуточного времени между XIX и XX веками. Если поставить Шенгели рядом с Максом, сразу становится очевидным, что первому поэзия нужна была только для поэзии, а второму – для выражения его историософии, его исторической мудрости.

В молодости Макс много странствовал, охотно жил и учился в Париже, в более зрелые годы осел у предгорий вулканического Карадага, половина которого в доисторические времена рухнула в море.

Есть два вида созерцания. Один из них можно сравнить с прохождением человека вдоль стены с картинами на ней, например, в музее или в картинной галерее. Другой можно сравнить с рассматриванием кинокадров человеком, сидящим в кинозале. Максу были свойственны оба вида созерцания: первый во время дальних странствий, второй во время постоянного пребывания в Коктебеле.

Совсем непохож на Шенгели был другой поэт – завсегдаятай Коктебеля Сергей Васильевич Шервинский, из поколения 1892 года, такой же худой, как Е.Л. Ланн.

Мне запомнились некоторые его строки из строго классических стихотворений. Так, например, из стихотворения, посвященного Аделине Ефимовне Адалис (Эфрон), что-то вроде: «Не с Вами ли козлы бодались, всегда прекрасная Адалис?» Или еще такое, восточнокрымское: «Вместе с овцами, с баранами воду пей! А там, глядишь, не за горами, встает Пантикапей!»

Да, Пантикапей (Пантикапайон) – уникальное название на карте античного мира, и оно в русском произношении отлично рифмуется с повелительным наклонением глагола «пить».

Конечно, я не мог присутствовать на всех коктебельских стихотворных вечерах. Были там играющие в поэзию или с поэзией, были и те, для которых поэзия была игрой, и те, для которых все, кроме поэзии, оказывалось игрой. Играющим не столько с поэзией, сколько в поэзию, был последний в нашей стране акмеист – Всеволод Александрович Рождественский (из поколения 1895 года). С ним мы встретились уже при нашем втором посещении Коктебеля. Его стихи звучали в той же башне. Из них мне запомнились строки:

*На палубе разбойничьего брига
Лежал я, истомленный лихорадкой,
И пить просил...*

Вид у него тогда был не по возрасту юный и произношение по-детски мягкое, с легкой картавостью. Я бродил с ним по предгорьям, горам, скалам. В Отузах он однажды обучал меня верховой езде.

По вечерам торжественную тишину храмоподобной башни нарушали не только поэты-сочинители, но и артисты-исполнители. Однажды хорошо загоревший на коктебельском взморье молодой человек в белой безрукавке и белых штанишках очень выразительно декламировал «Двенадцать» А.А.Блока. О его декламации Макс сказал: «Вы хотите одновременно быть и черным вечером и белым снегом».

Жарким летом в коктебельском Шангри-Ла (название фантастической резервации человеческой культуры, очевидно, заимствованное из романа Джеймса Хилтона «Последний горизонт») бурлил «людоворот». Зато зимой, когда дул свирепый норд-ост, Макс и Маруся могли отдохнуть в своем убежище от примелькавшихся лиц. Мой папа говаривал, бывало: «Давай поедем зимой в Коктебель, возьмем запас всяких консервов и будем читать французские книги под шум прибоя и завывание ветра». К сожалению, такая поездка не состоялась. А сколько было бы волнующих бесед, которые могли бы мне запомниться!

В один из приездов в Коктебель папа прочел, и это было не на очередной вечерней ассамблее, а только в присутствии Макса и еще двух-трех лиц, несколько новелл из своего «Декараклона». Надо знать, что в Харькове цыганское слово «ракло» обозначало «вор», хотя у цыган так назывался «нецыган», т.е. русский. После чтения новелл Макс печально сказал: «Александр Иванович! В ваших новеллах не чувствуется любви к человеку!»

Теперь мне кажется, что эта любовь подразумевалась в той недоговоренности, которая, очевидно, нужна и в литературе и в живописи: она должна давать то «дхвани», которое определено было в древнеиндийской поэтике. При этом зритель или слушатель становятся активными лицами, как бы соавторами.

Как-то из библиотеки клуба украинских писателей я взял книжечку Моити Ямагути «Импрессионизм как основное направление японской поэзии». Это было мое первое и весьма приблизительное знакомство с японской поэзией. Однако, не лучше ли было бы определить ее направление как аллюзионизм (от латинского *allusio* – «намеки»)? Правда, это название когда-то было присвоено нашей домашней литературе, публиковавшейся в рукописном журнале «Красный Рух». Я упоминаю здесь об этом недолговечном журнале, потому что он издавался как раз тогда, когда в Крыму были землетрясения и мы познакомились с Максом. Папа переписывал тексты своим каллиграфическим почерком, я иллюстрировал их, мама брошюровала. Журнал хранился в зеркальном шкафу, откуда он внезапно и таинственно исчез. Вместе с этим журналом исчезла и целая глава русской литературы советской эпохи, которая должна была называться «Послереволюционный аллюзионизм». До волошинского Коктебеля он еще не дошел.

Однажды вечером в слабо освещенной башне я (ума не приложу, как это я осмелился?) выступил перед избранным обществом с чтением своих, еще с большим трудом вымученных, стихов. Может быть, близорукость (очков на мне тогда не было) придала мне тогда смелости. В полумраке я различал перед собой только розоватые пятна лиц без всякого выражения. А рядом, в освещенном лампой кругу, как олимпийский Зевс, восседал сам Макс.

А я читал что-то вроде такого:

*Я рыба-человек в воде идей,
В аквариуме жизнь моя течет,
Так много лет и зим, ночей и дней,
Но ни к чему мне их подробный счет.*

Но, собственно говоря, идей еще не было. Были звучные слова, названия звезд и созвездий, имена из греческой мифологии, из детской книги о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Помню, когда Макс в одном из моих сонетов услышал «каamelоты» (во множественном числе, вероятно, для рифмы), он спросил меня, что это такое, а я в смущении объяснил, что имеются в виду замки короля Артура. «А я думал, что это французские *camelots de roi*²», – улыбаясь заметил он. В сонете, кажется, была такая строчка: «Во мгле синяя, всходят каamelоты». В то время моей поэтической наивности не было предела.

Когда-то В.Я. Брюсов учредил в Коктебеле поэтические конкурсы (их называли турнирами) на сочинение «французских баллад». Продолжая эту традицию, Г.А. Шенгели предложил такие завершающие строчки баллады: «...В груди Эдгара не остывал аэролит». Когда я, пользуясь уроками, почерпнутыми из книги Шульговского о стихосложении, взялся за сочинение конкурсной французской баллады и стал подбирать рифмы, я не подозревал, что заключительные строчки относились к Эдгару Аллану По (1809-1849), на могилу которого будто бы была поставлена метеоритная глыба.

Теперь я не помню ни одной своей строчки из французской баллады, над сочинением которой я трудился целый день. Девизом я выбрал: *Cede maiori* – «Уступай большему». С печатанием на машинке я попал в неловкое положение. Текст конкурентов печатала одна милая девушка, но возле нее сидел сам Макс, который неодобрительно заметил: «Нужно самому печатать!» Задача для меня была непосильной. Мой текст все же был напечатан, как и все прочие. Участников турнира было 7 или 8, среди них, конечно, Г.А. Шенгели, С.В. Шервинский, Макс и не помню кто еще. Каждый участник облачился во что-нибудь необычное. Читал тексты С.В. Шервинский. В жюри входила частая гостья коктебельского Шангри-Ла Елизавета Андреевна Новская. О ее собственном творчестве, несомненно оригинальном, с которым на слух мы были уже знакомы, не найти упоминаний в официальной истории литературы. После завершения конкурса она сказала мне,

² *Camelots de Roi* (молодчики короля, франц. *camelot* – вуличний торгівець, дрібноноша) – юнацька роялістська організація у Франції (1908-1936). Алюзія з назвою замку *Камелот* легендарного вождя бриттів – короля Артура (V-VI ст.ст.н.е.) (прим. упоряд.).

что нашла в моей балладе не только безукоризненную форму, но даже какой-то смысл... Победителем был признан Шенгели и этим он был искренне доволен. Он предложил «раскрыть» все девизы. Возражений не было, кроме одного. И этим одним неожиданно оказался я... Одно из глупых проявлений духа противоречия: все за, а я один против.

Во время последующих пребываний в Коктебеле уже не было поэтических турниров, но интеллектуальных развлечений было много.

Из знаменитых поэтов я застал там еще Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева) (1880-1934). Мне посчастливилось присутствовать при беседе его с Максом (как тут не вспомнить тютчевское: «Он их высоких зрелищ зритель, Он в их совет допущен был...»). В то время эпохальный поэт, символист, антропософ готовил книгу «Ритм и диалектика» и во время беседы руками и ногами вычерчивал схемы, и мало было ему скромной столовой. Он выскакивал оттуда на лестницу и там продолжал чертить ритмические узоры. Он с увлечением рассказывал о какой-то книге византиниста Стшиговского, открывшего смысл воздушного пространства над контурами армянских и грузинских храмов. С ним была какая-то молчаливая женщина, одетая, как и он, во все черное. На голове у него была также черная академическая скуфья.

Если бы теперь передо мной была задача из всех поэтических произведений Макса выбрать наиболее представительное, я, наверное, выбрал бы «Дом Поэта». Для меня это стихотворение до сих пор звучит в характерном исполнении самого автора. В этом исполнении не было никакой напевности, свойственной большинству декламаторов, но в нем четко разделялись синтагмы со спокойными каденциями. При этом рифмы как бы орнаментировали ритм и не были для него помехами. Если сопоставить поэзию Блока, Андрея Белого, Бальмонта, Брюсова, Вячеслава Иванова с поэзией Максимилиана Волошина, то именно его поэзия в характерных ее проявлениях покажется живописной, наиболее богатой зрительными образами.

В стихотворении «Молитва о городе (Феодосия – весной 1919 года)» раскрывается словесная панорама старого приморского города, где в гимназии обучался будущий поэт и художник. В этом произведении «словесная живопись» уже намечает переход к серии акварельных пейзажей со свойственным японской живописи сочетанием изображения, стихов и каллиграфии (*сандзецу*).

Мне кажется, что эта «Молитва о городе» особенно характерна для поэтической манеры Макса и я позволю себе процитировать ее начало:

*И скуден и неукрашен
Мой древний град
В венце Генуэзских башен
В тени аркад;
Среди иссякших фонтанов,
Хранящих герб
То дождей, то крымских ханов:
Звезду и серп;*

Под сенью тощих акаций
 И тополей,
 Средь пыльных галлюцинаций
 Седых камней,
 В стенах церквей и мечетей
 Давно храня
 Глухой перегар столетий
 И вкус огня;
 А в складках холмов охряных –
 Великий сон:
 Могильники безымянных
 Степных племен;
 А дальше – зыбь горизонта
 И пенный вал
 Негостеприимного Понта
 У желтых скал.

Хотя поэзия здесь не согласуется с археологией – не найти теперь упоминаемых в стихах исторических реалий – аркад, фонтанов, церквей и мечетей, – но в этих стихах видна идеальная картина в духе фантастических пейзажей Богаевского. Не могу теперь согласиться с историсофией Макса, с этим «пойми, прости!» Его идеальная «Она», конечно, та же, что и Прекрасная Незнакомка Александра Блока и Небесная София Владимира Соловьева. Несомненно, современный египтолог не согласится с существованием «Царевны Солнца Таиах», но для Макса она была Таиах, рифмующейся со словом «прах». Нельзя вслед за Максом назвать разбойничий притон крымских ханов «мусульманским раем», но нельзя историсофа лишить права на свою историсофию, к тому же выраженную в стихах. Нельзя подвергать сомнению созданный Максом коктебельский миф о том, что Коктебель – это страна Голубых гор, о том, что на месте Коктебеля будто бы существовала древняя Каллиера (выдуманная по образцу «триэра³»), о том, что именно через пещеру Карадага Одиссей спустился в царство Аида. У Макса был свой, мифический Коктебель, во что бы то ни стало связанный с древними мифами.

Сказанное в ноябре 1917 года останется навсегда в том времени. Та Русь – это Прекрасная Незнакомка в образе многострадальной нищенки:

Ты –бездомная, гуляющая, хмельная,
 Во Христе юродивая Русь.

Я не знаю, что было написано о стиле поэтических произведений Макса. Стилист найдет в этих особенностях и архаизмы, и диалектизмы, и даже некоторые неологизмы. Появление в 1918 году избранных произведений Макса под

³ Триэра (укр. *трієра*) – бойовий корабель давніх греків, на якому веслярі розташовувалися в три яруси з обох бортів корабля (прим. упоряд.).

названием «Иверни» вызвало недоумение некоторых читателей, пытавшихся узнать, что это за Иверни? «Как! Вы не знаете, что такое Иверни? – не без ехидства замечал Макс. – А в Москве каждая кухарка знает, что это щепки!»

Я, конечно, отыскал в словаре это слово, а позже я узнал, что оно имеет аналогии во всех славянских языках. Однако, я напрасно искал в словарях загадочное слово «заимф», оказавшееся у Макса срифмованным с «нимф», но совершенно случайно нашел его в романе Флобера «Саламбо». Макс был очень начитан во французской литературе, но вот что не могло не вызвать моего удивления: большинство французских книг его библиотеки стояли на полках с неразрезанными страницами. Макс объяснил это тем, что он их уже читал, а потом приобрел.

Во время вечерних собраний, бесед и прогулок под предводительством Макса речь шла не только о стихах, но и о прозе. Там впервые я услышал о творчестве М.А. Булгакова (1891-1940), о его «Дьяволиаде», о его «Рокковых яйцах»⁴. Об эпохальном романе «Мастер и Маргарита» тогда еще не было слышно, но помню, как Макс с увлечением рассказывал о повести «Собачье сердце».

С жившим в то время в Крыму А.С. Грином (1880-1932) у Макса и людей его круга не было дружеских связей.

В то время жил в Коктебеле Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович) (1867-1945), но в нашу бытность он не присутствовал на литературных вечерах. Я видел его только издали.

Возвращаясь к стихам, я упомяну, между прочим, что в «Ивернях» меня коробили некоторые обидные для меня детали. Так, например, в стихотворении «Дэлос» превращение названия священной горы Кинтос в Цинт, чтобы рифмоваться с «гиацинт», превращение Миконос в Микон, чтобы рифмоваться со словом «сторон», появление в кругу Киклад какой-то Мирто (это, может быть, название Миртойского моря?). В отличие от этого, стихи сборника «Демоны глухонемые» (1919) оставили более глубокое впечатление, особенно услышанная в авторском исполнении поэма «Протопоп Аввакум».

Я не могу догадаться, кто изобретал коктебельские и только в окружении Макса бытовавшие названия – он сам или его просвещенные друзья. Вот, например, в усадьбе его Шантиникетана помещение для приезжих девушек называлось «гинекей», хотя правильнее было бы его назвать «Парфеноном» или «парфени-том». Помещение для юношей там же называлось «обормотник», хотя в этом не было желания обидеть юных гостей. Прimitивная ретирada в виде дощатой будки называлась «гробом». При первом посещении Коктебеля я подхватил очаровавшее меня название окаймленной гальки «фернампикс». Я постарался немедленно сунуть его в стихи, но с ним не вязались рифмы «Стикс», «журфикс» и просто «икс». Слово «ампюкс» – головная повязка жрецов во время жертвоприношений – присутствовало в словарях, но с ним трудно было сочетать «ферне» – подарок жениха невесте, приданое, добыча. Вероятно, первоначально это был «ферампикс» – имеющий головную повязку, вроде той, которой Макс сдерживал на голове буйство своих волос.

⁴ Сучасні російські видання подають назву цієї повісті, як «Роковые яйца». А.О.Білецький пов'язує її з прізвищем одного з героїв – Рокк (*прим. упоряд.*).

Выброшенные морем на берег причудливые корни и ветки по-коктебельски назывались «габриаками». Была тут какая-нибудь связь с фамилией друга Макса, московского профессора А.Г.Габричевского (1891-1968) и с его красавицей женой, мне невдомек. Несомненно, однако, что это название вошло в псевдоним Черубины де Габриак и стало причиной ссоры Макса с Н.С.Гумилевым. Замечу мимоходом: почему Черубина, а не Керубина, как было бы естественно для испанского или итальянского имени?

Как известно, в Коктебеле почти у всех приезжих развивалась «халикомания», иначе, страсть собирать красивые обкатанные морем гальки, преимущественно сердолики. Одним из наиболее ревностных халикоманов (я его уже не встречал там) был профессор Василий Алексеевич Десницкий. Он отправил из Феодосии в Ленинград несколько ящиков коктебельских камешков, но где-то в Джанкое железнодорожные воры, взломав два-три ящика, были глубоко разочарованы их содержанием. «Халикоманией» прославилась в Коктебеле и Мариэтта Шагинян. Я видел там только ее дочь Мирель.

Завсегдатаями Коктебеля при Максе и после него были известные филологи: Николай Леонтьевич Бродский, Леонид Петрович Гроссман, Виктор Максимович Жирмунский, Александр Александрович Смирнов, Борис Викторович Томашевский. К ним надо причислить и моего папу Александра Ивановича Белецкого. Здесь называю только тех, кого я сам видел, да и то не всех.

Все приезжие старались по возможности смыть с себя налет городской цивилизации в просторах соленого Понта. Коктебельский пляж, наверно, самый лучший для купальщиков в Крыму, еще не был разделен на участки и тянулся от мыса Хамелеон (Топрак-кая) до предгорий Карадага. Однажды мы могли на приличной дистанции наблюдать превращение коктебельского Зевса в Посейдона. Макс в своем хитоне в доколенных анаксиридах, опираясь на посох, размеренным шагом вступил в морскую стихию. Дойдя до протомического погружения (это как бы бюст Посейдона над Понтом), он постоял на дне, повернулся и тем же шагом взошел на берег, обсох на солнце и направился в свою храмоподобную мастерскую. Все это было вполне естественно: Макс, сохраняя торжественность коктебельского Олимпа, не плавал, не купался, он совершал омовение.

Я думаю, что о языке и слоге поэтических произведений Макса еще мало сказано, но то, что будет сказано, может составить целую книгу, а здесь я хочу сказать о нем как о художнике-пейзажисте, это близкий мне жанр.

Макс сам говорил о влиянии на свое художественное творчество великих японских мастеров, с произведениями которых он познакомился в Париже. В его акварелях послереволюционных лет осуществляется принцип японской живописи – триединство живописи, поэзии и каллиграфии – *сандзэцу*. Зритель при взгляде на его коктебельский пейзаж мысленно выходит за прямоугольную рамку. Это как раз то, что в японской живописи называется *идзай-гагаи*, т. е. выход смысла за рамку картины. Кажется, что все в волошинских пейзажах осуществляется по строгим правилам. По линейке проводится линия горизонта, циркулем обводится кружок – полная луна над морем или восходящее или заходящее солнце, на фоне облачного или безоблачного неба вырисовываются волнистые очертания гор,

приглушенные краски на влажной бумаге. Но в каждой прямоугольной рамке как будто незначительное нарушение строгих правил. Вот это и есть еще один принцип японской живописи – *мухо-дзихо*, правило за пределами правил. Да и все это акварельное творчество может определяться как японский жанр *сансуйго*, т. е. живопись моря и гор.

Сам коктебельский мудрец объяснял приемы японских мастеров: если листва какого-то дерева кажется тебе шарообразной, не замыкай ее в круг, дай только отдельными штрихами намека на ее шарообразность, не проводи сплошных линий! И это – японский принцип *хихаку* – прерывистость черты.

Живописное творчество Макса можно сопоставить с двумя замечательными явлениями русского изобразительного искусства – это Константин Федорович Богаевский (1872-1943) и Николай Константинович Рерих (1874-1947). К.Ф.Богаевский был одним из близких друзей Макса. Оба они со своими пейзажами восточного Крыма – правильнее будет сказать, вдохновленными его природой, – составляли «киммерийскую школу», как ее можно было бы назвать в истории русской живописи.

Надо сказать, что поводом для названия побережья от Керчи до Судака Киммерией, т. е. страной киммерийцев, послужило древнее название Керченского пролива – Киммерийский Боспор. Вообще же страна киммерийцев, по свидетельству древних авторов, простиралась от Карпат до Кавказа. Однако для Макса и Богаевского именно берега восточного Крыма были их собственной Киммерией.

Богаевский был не только природописцем, но и фантастом. Прекрасны в своем роде его фантастические пейзажи. Макс также не писал с натуры, он вдохновлялся коктебельской темой. Он, глубоко прочувствовав природу своего края, свободно разнообразил ее образы.

От крымского Карадага до тибетских Гималаев – неблизкий путь, но в живописи их сближают два имени – Рерих и Волошин.

Мне кажется, что творчество последних лет обоих этих художников достигло высокого совершенства своей изысканной простотой. Разные диапазоны, но общее у них – это вхождение в природу и слияние с ней. При этом вспоминается основа индийских философских систем: *тат твам аси* (это есть ты, или лучше, сие ты еси). Это – все, что вокруг тебя. Это большая природа, а ты – малая природа, но и то и другое – одно и то же. И это у обоих природописцев. Мне не приходилось слышать или читать о знакомстве Макса с религиозными системами Индии. Однако такое знакомство должно было существовать, элементы индийской умственной культуры Макс мог воспринять в их западноевропейском преломлении.

В отличие от Н.К.Рериха, Макс не переступал через «гималайские ступени», но обошел все «древние пристани» Европы.

Дом Поэта в Коктебеле и дом Рериха в Кулу могли претендовать на звание знаменитого Шантиникетана, Обители Мира, учрежденного Рабиндранатхом Тхакурмом (1861-1941). Все эти трое могут считаться мудрецами в самом высоком смысле, именно мудрецами, а не профессиональными философами. Макс был мудрецом в стихах, в акварелях и в беседах. Как не пожалеть о том, что в годы

общения с ним, а их было всего пять, я был слишком молод и лучше воспринимал форму, чем содержание! Теперь мне кажется, что, несмотря на то общее, что можно найти у этих трех художников – Макса, Богаевского и Рериха, – творческие пути их со временем разошлись. Макс на своем пути преодолел первоначальную театральную декоративность и достиг изящной простоты японских мастеров, Богаевский остался верен себе в изысканности своих пейзажных видений. Рерих начинал с поисков декоративной древнеславянской экзотики, но в гималайских пейзажах достиг формальной простоты. В отличие от киммерийских пейзажистов, у него на фоне подавляющих величием картин природы появляются человеческие фигуры, как бы подчеркивая это величие.

У Макса, в отличие от Рериха и Богаевского, поэзия и живопись уравнивают друг друга. Он одновременно и художник и поэт, но в обоих искусствах он – мыслитель.

Хотелось бы рассказать еще и о других, так или иначе связанных с Коктебелем художниках (о Константине Евтихievиче Костенко, о Евгении Николаевиче Святском, еще и о других завсегдатаях Обители Мира и Ума), но это в другой раз, если успею.

Первое знакомство с Максом в Коктебеле с его летним людоворотом определило и мое дальнейшее отношение к нему. Потом добавлялись только детали.

Не стало Макса, но Маруся осталась хранительницей Коктебельской Идеи, созданной Максом и его друзьями.

Я могу сравнить Коктебельскую Идею с Дельфийской Идеей греческого поэта и мечтателя Ангело Сикельяно (1884-1951). Основа этой идеи – Мир (греческое *эйрене*) во имя процветания Наук и Искусств и тем самым мирного благополучия человечества.

«Одіссея» на Україні¹

В нашій країні кожний школяр знає про фантастичні пригоди хитродумного Одіссея, сина Лаерта, з маленького острівця в Іонійському морі – з Ітаки, про його повернення додому після здобуття греками-ахейцями славнозвісної малоазійської твердині – троянського міста Ілія чи Іліона. Про це написано в шкільних підручниках історії давнього світу, про це розповідають учителі історії середніх шкіл, про це можна побачити кольоровий італо-американський фільм. А чи кожний із нас мав нагоду хоч раз у житті прочитати давньогрецькі епоси «Іліаду» і «Одіссею»? Певна річ, ні! Отже, славетні твори античної літератури, що мали такий великий вплив на європейську культуру, наближуються до забуття в сучасному світі – саме як твори художньої літератури – і незабаром повернуться до фольклору, з якого вони постали на світанку історії. З цього сумного становища для аматорів античної культури можуть бути два виходи: відновити стару систему класичної освіти, коли кожен абітурієнт класичної гімназії не тільки читав Гомера в оригіналі, але і знав із нього силу віршів напам'ять, або запропонувати сучасним читачам такий переклад Гомерових творів, який задовольняв би високі естетичні вимоги цих читачів. Класичні гімназії з обов'язковим навчанням давньогрецької мови в нашій країні було скасовано ще після революції 1905 року. Тепер у нас на Україні, як, до речі, в більшості країн сучасного світу, залишилося дуже мало людей, котрі свого часу одержали класичну освіту і можуть похвалитися тим, що читали Гомерову «Одіссею» в оригіналі і навіть не забули звучання гомерівської мови. Це вони декламують перед здивованими юнаками чарівні своєю незрозумілістю рядки, що звучать, як прадавні заклияття, змушують своїм ритмом слухати їх, як музику, як шум морського прибою:

«Андра мой еннепе, Муса, полютропон
гос мала полла
Планхте, епей Тройес гієрон птоліетрон
еперсен

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Дніпро. – 1965. – № 6. – С.141-145.

Поллон д' антропон іден астеа кай
 ноон егно,
 Полла д' го г' ен понто патен алгеа гон
 ката тюмон,
 Арнюменос ген те псюхен кай
 ностон гетайрон...»

До 1963 року цей початок «Одіссеї» читався в українських перекладах так:

«Музо! Повідай мені про бувалого
 лицаря твого,
 Що набукався по світу, столицю троян
 зруйнувавши,
 Що й на всіляких людей надивився
 й спізнав весь їх побит.
 В морі ж біди натерпівся та горя,
 як тілом, так духом,
 Щоб і себе й товариство спасти
 і вернути до дому...»

(Гомерова Одіссея, гексаметром на мову українсько-руську
 перевіряв Петро Байда (Ніщинський). Львів, 1889-1892).

Уривки з цього перекладу, де в чому виправлені і модернізовані, було востаннє опубліковано в хрестоматії «Антична література. Зразки старогрецької та римської художньої літератури» (упорядкував О.І.Білецький, Київ, 1938).

Тільки після 1963 року українські читачі одержали інший переклад Гомерової «Одіссеї» (Гомер, «Одіссея», переклав із старогрецької і склав примітки Борис Тен, передмова Олександра Дейча, художнє оформлення Л. Склітовського, Державне видавництво художньої літератури, Київ, 1963.), де перші рядки читаються:

«Музо, повідай мені про бувалого мужа,
 що довго
 Світом блукав, священну столицю троян
 зруйнувавши.
 Всяких людей надивився, міста їх і звичаї
 бачив,
 В морі ж багато біди і тілом зазнав,

і душею,
Щоб і себе врятувати, і друзів додому
вернути».

Навіть коли б не було зазначено дати виходу друком обох перекладів, різниця між ними одразу впадає у вічі. В першому (П. Ніщинського) Одіссей називається «лицарем», тобто словом, що в нашому уявленні пов'язується з середньовіччям, а не з гомерівською епохою – кінцем другого тисячоліття до нашої ери. Наш сучасник одразу ж наштовхується на незвичайні для теперішньої літературної мови «побит» замість «побут», «спасати» замість «урятувати». Але для того, щоб як слід оцінити переваги нового перекладу перед старим, треба звернутися до змісту давньогрецького оригіналу. Спробуймо передати оригінал слово в слово досить нейтральною в стилістичному розумінні сучасною прозою: «Про людину мені розкажи, Музо, великодосвідчену, котра дуже довго блукала після того, як зруйнувала Трої священну твердиню. Багатьох людей вона бачила, оселі і розум пізнала, багато страждань зазнала на морі вона в своїй душі, борючись за своє життя і повернення супутників». Отже, йдеться саме про людину (чоловіка, мужчину), а не про «лицаря», йдеться не просто про «столицю троян», а про «Трої священну твердиню», не просто про «всіляких людей», а саме про «оселі» чи «міста» різних людей, не про «побут», а про «розум», чи «вдачу» людей, не про «біду» та «горе», а про «страждання», чи «муки», а про «тіло» зовсім не йдеться, мова йде не просто про «нього», а про його «життя», чи певніше – про його «життєву силу» (псюхе). Певна річ, що просте зіставлення перекладів Петра Байди і Бориса Тена може показати безсторонньому читачеві, який із них ближче, коли не до форми, то до змісту оригіналу.

Звичайно, переклад, зроблений Борисом Теном, якоюсь мірою пов'язаний із перекладом, зробленим Петром Байдою, і не лише тому, що обидва вони відтворюють той самий оригінал українською мовою. Так, перший рядок у перекладі Бориса Тена відрізняється від попереднього перекладу лише тим, що в ньому замість «лицаря» читається «мужа, що». Така ж залежність відчувається і в четвертому рядку, де повторюються «біда» і вираз «як тілом, так духом» відповідає «і тілом зазнав, і душею». Але залежність такого роду можна знайти, наприклад, і в російських перекладах. У перекладі В.А.Жуковського (1849 р.):

«Муза, скажи мне о том многоопытном
муже, который

Странствуя долго со дня, как святой
Илион им разрушен,

Многих людей города посетил и обычаи
видал,

Много и сердцем скорбел на морях,
о спасенье заботясь

Жизни своей и возврате в отчизну
сопутников...»

А в перекладі П.А.Шуйського (Свердловськ, 1948 р.):

«Муза, о муже мне Расскажи
многохитром, который
Много скитался с тех пор, как разрушил
священную Трою,
Видел многих людей, города, узнавая
их нравы,
Много в душе перенес испытаний,
блуждая по морю,
Жизнь спасая, свою и друзей, чтоб
домой возвратиться».

Хоч В.А.Жуковський перекладав не з першоджерела і майже за сто років до П.А.Шуйського, не можна сказати, коли йдеться про цей початок епічної поеми, що старий переклад поступається адекватністю і художністю перед новим. Так, зовсім протилежним до сучасних вимог перекладацького мистецтва виявляється третій рядок перекладу П.А.Шуйського, де розірвався безпосередній зв'язок між «людей» і «города» і залишається непевним, із чим треба пов'язувати «нравы».

Не можна сказати, що переклад Бориса Тена виявляється абсолютно бездоганим порівняно до всіх інших. Зокрема (ми обмежуємося тут лише наведеними вище рядками) в ньому виходить, що Одисей лише «бачив звичай», а не «вивчив» їх, що він «азнав багато біди (і тілом, і душею)» для того, «щоб і себе врятувати, і друзів додому вернути». Отже, випадає важлива в гомерівському тексті ідея, виражена дієприкметником «арнюменос» («борючись»). Але скажемо одверто: бездоганих перекладів у природі не існує, бо навіть той переклад, котрий у чомусь перевершує оригінал, саме як переклад не може вважатися, безумовно, адекватним. Далі ми хочемо показати, чому саме.

Переклад «Одісеї», зроблений Борисом Теном, становить значну подію в історії перекладів художніх творів світової літератури на українську мову.

«Одісея» – це пам'ятник світової літератури, який зберігся до наших днів унаслідок його письмової фіксації наприкінці шостого сторіччя до н. е. Отже, деякий час він існував лише в усній передачі. На цей час ми вже маємо підстави сказати, що від його створення і до наших днів минуло майже три тисячоліття. Історія перекладання «Одісеї» датується від третього сторіччя до н. е., коли вчений грек із міста Тарента в південній Італії – Лівій Андронік на ім'я – переклав цю епічну поему з давньогрецького оригіналу на латинську мову, використавши для цього розмір римської народної поезії – так званий сатурнійський вірш. Цей переклад не зберігся до нашого часу. Залишилися тільки окремі уривки. Перший

рядок першого співу або пісні (в спеціальній літературі їх називають рапсодіями) звучав у нього цілком по-римському і, як нам здається тепер, досить незграбно: «Вірум мігі, Камена, інсеке вірсутум...» (приблизно: «Мені про мужа, Музо, розкажи, меткого...»). Але від цього рядка почалася, по суті, римська письмова художня література. Тут ми маємо цікаву аналогію з початком нової української літератури, котрий визначився появою травестійного віршованого викладу «Енеїди» Публія Вергілія Марона, зробленого Іваном Котляревським. Традиція «перелицьованої «Енеїди» довго тяжіла над українською перекладною літературою і певною мірою позначилася навіть на згаданому перекладі «Одіссеї» Петра Байди. Після перекладу Лівія Андроніка Гомерів Одіссей, який справді «довго світом блукав», почав свої нові подорожі майже по всіх європейських літературах, розповідаючи про свої пригоди різними мовами. Українською мовою він почав розмовляти лише в минулому сторіччі. Першим відомим українським перекладом гомерівського епосу був переклад Степана Руданського (1863 року), але в сучасному нам розумінні це був не стільки переклад, скільки «переспів» (не гекзаметричний, а амфібрахічний), наближений до «малоросійського колориту», омалоросійщений і опростонароднений. Майже водночас із С.Руданським над віршованим перекладом обох епічних поем працював Олександр Навроцький, але ці переклади залишилися не опублікованими (зберігаються в рукописному архіві Інституту літератури АН УРСР у Києві). «Одіссею» намагався зукраїнізувати і відомий російсько-український філолог, мовознавець і етнограф Олександр Потебня, але довести справу до кінця він не спромігся чи не вважав за потрібне. Очевидно, цей переклад був для нього свого роду філологічним експериментом. Спроби перекласти дві рапсодії «Одіссеї» (III і IV) робила також і Леся Українка, коли поетесі було ще 17 років. Отже, можна сказати, що до 1963 року існував лише один повний і опублікований український віршований гекзаметричний переклад «Одіссеї» – вже згаданий вище переклад Петра Ніщинського. Проте його переклад «Одіссеї» має тепер значення переважно для історії перекладацького мистецтва на Україні: він не може бути рекомендований нашим сучасникам для ознайомлення з гомерівським епосом. Коли це ще було не очевидним на початку «Одіссеї», то стає безсумнівним із кількох рядків на її кінці. Хіба сучасний нам читач може сприйняти такі рядки інакше, ніж пародію:

І от тогді Одиссею богиня Афина
сказала:

Стій, Лаертенку, меткий, хитродумний
по вік Одиссеє!

Годі тобі вже кохатись у війнах, забудь
тую січу,

Щоб Кронієнко Зевес всевидючий
та вже й не розсердивсь»

(у П.Ніщинського, XXIV, 541-544).

Цей самий уривок у перекладі Бориса Тена читається вже як справжній художній твір, не викликаючи небажаного ефекту:

«До Одиссея звернулась тоді ясноока
Афіна:
– О Лаертід богорідний, удатний на все
Одіссею!
Годі, кінчай уже бійку, однаково всім
осоружну,
Щоб громозвучного Зевса Кроніона
більш не вгнівити».

Тут лише не досить вдало перекладено передостанній рядок, який в оригіналі має приблизно такий зміст: «Стримайся, припини спір (усобицю, міжусобицю, розбрат, зваду), схожий на війну». В усякому разі слово «бійка» тут не на місці. Цей уривок може також проілюструвати специфічні труднощі, на які наштовхується перекладач на сучасну мову гомерівського тексту. Епітет Зевса П. Ніщинський передав «всевидючий», а Б.Тен – «громозвучний». Справді, вже філологи елліністичної епохи не могли зрозуміти первісний сенс епітету «еврюопа»: чи це «той, що далеко бачить», чи «той, що його далеко чути» («далеко-голосний»). Ще одне питання постає у зв'язку з процитованим тут уривком: у перекладі П. Ніщинського ми ще знаходимо страшенно спотворене ім'я «Зевес» замість «Зевс». Ця спотворена форма санкціонована в російській поезії від часів О.С.Пушкіна, який зримував «повеса» і «Зевеса». Певна річ, нам здалося б тепер неприродним, коли б замість звичного «Одіссей» ми почули чи побачили «Одіс-севс». Всі уже звикли до «Геркулеса» (подвиги Геркулеса) і «Ахіллеса» (Ахіллесова п'ята) і з великою неохотою прийняли б «Гераклеса» і «Ахіллєвса», хоч спеціалісти могли б рекомендувати саме такі форми імен. Між традицією і новаторством (неотеризмом – як сказали б давні філологи) є середній шлях. Цим шляхом у своїй многотрудній справі пішов Борис Тен (літературний псевдонім відомого українського поета, перекладача і філолога-класика Миколи Васильовича Хомичевського), який уже переклав «Прометея Прикутого» Есхіла і три комедії Аристофана. Нині він приступив до перекладання «Іліади» і «Антигони» Софокла.

Для створення таких перекладів видатних творів античної літератури треба провести велику попередню роботу, котру не можна інакше визначити, як науково-дослідну. Ні в кого тепер нема сумніву, що переклад художнього твору мусить так само бути художнім, тобто читатися як конгеніальний оригіналові твір. Але найважливішою вимогою сучасного перекладацького мистецтва є вимога адекватності, тобто неухильної точності. Як сполучити ці вимоги? Це залежить від майстерності перекладача чи, власне, від того, наскільки глибоко він розуміє оригінал і наскільки вправно володіє мовою, на яку перекладає. Здавалося б, що для перекладача – нашого сучасника – вже було проторовано шлях щодо розуміння гомерівського епосу перекладачами і тлумачами-попередниками, Але в цьому

й полягає небезпека: якщо попередники помилялися в чомусь, треба уникнути їх помилок. Зокрема, на Україні в даному разі слід зважити на російські переклади М.І.Гнедича («Іліада», 1829) і В.А.Жуковського («Одіссея», 1849), котрі більшою мірою визначили на цей час розуміння гомерівського тексту, ніж згадані вище українські переклади з яскравою тенденцією до травестійного трактування. Опрацьовуючи основні стилістичні засоби передачі гомерівського тексту російською літературною мовою, названі перекладачі виходили з того, що мова гомерівського епосу характеризується навмисними архаїзмами, хоч її, власне кажучи, не було до чого порівнювати. Цей архаїчний характер вони цілком природно для російської літературної мови першої половини минулого століття передавали церковнослов'янською лексикою, фразеологією, а почасти навіть морфологією і синтаксисом. Спроби повної архаїзації мали, звичайно, не однакові реалізації в російських і в українських перекладах. У перших українських перекладах із травестійними настановами йшлося певніше про «опростонароднення» гомерівського стилю, ніж про архаїзацію сучасної перекладачам мови. Для сучасної нам української літератури і, зокрема, перекладацького мистецтва епоха травестій залишилася далеко позаду. Проте і використання церковнослов'янщини для створення історичної перспективи тепер мало б інший і небажаний ефект, ніж у сучасній російській поезії. Як же розв'язує проблему мови в своєму перекладі Борис Тен? Він не використовує церковнослов'янізмів і не зловживає мовними засобами, характерними для української народної словесності. В цілому мова його перекладу – це досить проста і природна мова, що нагадує побутову мову українського села передреволюційних часів. Він послідовно уникає варваризмів, дуже рідко і обережно застосовує діалектизми і, якщо вдається до неологізмів, то створює їх із властивим йому тактом. Досить послідовно він відтворює характерні риси гомерівського епічного стилю: повторення або епічні формули, анафори і епіфори, постійні епітети, прикрашаючі епітети, двочленні композити (складені з двох основ слова). Як правило, перекладач використовує двочленні композити щоразу, коли вони виступають у гомерівському тексті, створюючи їх за зразками, що існують у словотворенні сучасної української літературної мови. Так, наприклад, за зразком «водоплавні» створено неологізм «ногоплавні» (IV, 404): «тюленів стада ногоплавних», що має передати гомерівське «неподес». У створенні такого композита є певний ризик. Справа в тому, що гомерівський епітет (тут ідеться про означення) може бути багатозначним: «неподес» сполучалися не лише з тюленими («ластоногими»), але і з рибами, яких уже ніяк не можна назвати «ногоплавними», а крім того, мало ще значення «нащадки» (Феокрит). Згаданий вище вірш можна перекласти і в інший спосіб (прозаїчно): «Навколо нього тюлені, нащадки прекрасної (богині), народженої морем...» Але без ризику не можна взагалі перекласти гомерівський текст якою завгодно мовою. Можна побачити, що на однакову кількість віршів у перекладі Бориса Тена припадає пересічно менше епітетів-композитів, ніж у перекладі В.А.Жуковського. Іноді Борис Тен передає гомерівські двочленні епітети як одноосновні або як прикметники з відповідними додатками, наприклад, замість одного гомерівського епітета «полютлас» (VII, 344) вживається «незламний в біді» (до речі, його буквальний зміст

«той, що багато постраждав чи перетерпів»). Навпаки, в інших випадках гомерівські одночленні епітети передаються українськими двоосновними прикметниками, наприклад, «вітроногий» (IV, 28) замість простого «швидкий» чи «прудкий». Така передача виявляється досить поширеною в перекладі. Можна, зокрема, згадати гомерівський епітет «діос», що його семантичний обсяг важко встановити з необхідною певністю: він приблизно може відповідати нашому «небесний». У перекладі Бориса Тена ми знаходимо для передачі його композит: «богосвітлий» (це дуже дотепно вигаданий відповідник), а також прості епітети: «славний», «славетний», «божественний» (це лише натяки на можливий зміст гомерівського епітета). Треба зауважити, що різноманітність передачі постійного епітета взагалі не входить до настанов перекладача: для постійних епітетів він намагається знайти постійні еквіваленти. Іноді різноманітність епітетів викликається умовами метричної схеми.

Зрозуміло, в рецензії нема можливості висвітлити багато інших важливих проблем, що знайшли те чи те розв'язання в цьому перекладі. Варто лише згадати такі, як передача лексики, зв'язаної з предметами матеріальної культури (так звані «реалії»), як українізація давньогрецьких форм власних імен і географічних назв, як тлумачення в самому віршованому тексті того, що потребує пояснення для сучасного читача «без класичної освіти», нарешті, розуміння до цього часу незрозумілих місць, слів і зворотів, вибір варіантів або різночитань. Як ми вже зазначали, коли йдеться про переклад гомерівського тексту, то перекладач мусить бути не просто майстром своєї справи, а також і філологом, котрий уміє всебічно тлумачити обраний ним для перекладання текст. Зважаючи на призначення нового перекладу «Одісеї» бути художнім твором для широких кіл читачів, цілком природно, що до тексту додано «Примітки» і «Словник міфологічних імен та географічних назв», складені перекладачем. Однак не відповідною до високого рівня перекладу нам здається «Передмова» Олександра Дейча, яка орієнтована на читача молодшого шкільного віку. Звичайно, в передмові варто було б висвітлити питання про історичні основи гомерівського епосу, зважити на археологічні відкриття, котрі змушують нас розглядати цей епос як складне нашарування фантастичних елементів на цілком реальну базу.

Художнє оформлення української «Одісеї» також залишає бажати далеко кращого. Адже була, наприклад, можливість ілюструвати її творами античного вазового живопису, а почасти і фресками. Досить невдалим слід визнати «грецький» шрифт на суперобкладинці і на титульному аркуші, де «сигму» використано замість «епсілона». Кінчаючи, можна побажати, щоб у наступному виданні (а потреба в ньому впливає і з дуже обмеженого тиражу першого видання – 4000 примірників!), було усунено, можливо, дрібні, але прикрі недоліки, що в них винуватий не перекладач, а видавництво.

Передмова до «Історій» Геродота¹

Про Геродота та його епохальний твір «Історії» в дев'яти книгах уже стільки написано і надруковано різними мовами від давнини і до нашого часу, що було б майже неможливим додати до всього цього щось зовсім нове та оригінальне. Тут можна було б послатися на наукові та науково-популярні твори про Геродота як автора «Історій», але це не відповідало б загальній настанові цього видання. Основна мета видання – подати українським читачам повний переклад «Історій», додавши до нього короткі примітки. Зважаючи на те, що для більшості неспеціалістів недоступна суто наукова чи навіть популярна література про Геродота і його твір, тут перед перекладом давньогрецького тексту подаються короткі відомості, потрібні для кращого розуміння «Історій», написаних майже за 2500 років до наших днів.

Колись майже всі узбережжя Малої Азії були колонізовані греками, а всередині країни існували держави місійців, фригійців, лідійців, лікійців, карійців та багатьох інших, яких за часів Геродота підкорили перси – владарі Азії.

Отже, на півдні західного узбережжя Малої Азії, в Карії, на заламах досить стрімчастої скелі над Керамською затокою стояло місто Галікарнас, засноване вихідцями з міст континентальної Греції Тройзени та Аргоса. Це місто в IV ст. до н.е. стало знаменитим через надмогильний пам'ятник карійського царя Мавсола, побудований за наказом його вдови Артемисії. Це був так званий мавзолей, одне з семи чудес світу.

Александр Македонський здобув і зруйнував Галікарнас, який після того вже втратив своє значення одного з форпостів еллінської цивілізації у Малій Азії.

Галікарнас був рідним містом двох визначних істориків давнього світу – Геродота і Діонісія (кінець I ст. до н.е. і початок I ст. н.е.). Перший створив твір про греко-перські війни V ст. до н.е., а другий написав про «Римську Давнину». Обидва вони за місцем народження стали називатися галікарнасцями. Крім відомостей, почерпнутих з «Історій», про подорожі Геродота, ми дуже мало знаємо

---

¹ Уперше опубліковано в: Геродот. Історії: в 9-ти кн. / Перекл., передм. та приміт. А.О.Білецького. – К.: Наук. думка, 1993. – С.5-13.

про його життя. Можна гадати, що він народився між 490 та 480 роками до н.е. Отже, про події перших десятиріч греко-перських воєн він міг чути з розповідей своїх старших сучасників і учасників цих подій. Від його біографів довідуємося, що його батька звали Ліксом, а родина належала до видатних громадян Галікарнаса. Очевидно, вона ворогувала з тираном цього міста Лігдагом і через це Геродот змушений був, покинувши рідне місто, знайти притулок на о-ві Самосі, де перебував досить довго і з яким був добре обізнаний. За деякий час він з іншими вигнанцями повернувся до рідного міста і вигнав звідти тирана, але через неприязнь громадян знову його покинув і вже назавжди. Десь між 447 і 444 роками до н.е. Геродот побував в Афінах, що на той час були впливовим культурним центром грецького світу. Згідно з переказом, він прочитав там якусь частину свого твору на прилюдних зборах, за що його нагородили значною грошовою сумою (10 талантів).

Приблизно між 455 і 445 роками до н.е. Геродот подорожував морськими та суходільними шляхами. У зв'язку з його мандрями виникають різні запитання. Відомо, що легендарний філософ і математик Піфагор із Самосу (VI ст. до н.е.) відвідав Єгипет і Месопотамію. Афінський державний діяч Солон (прибл. 640-560 до н.е.) подорожував у Греції, Малій Азії та Єгипті. Славнозвісний філософ Платон (429-347 до н.е.) побував у Лівії, Єгипті, Сицилії та Італії. Нарешті, молодший сучасник Геродота атоміст Демокрит із Абдерів у Фракії (прибл. 465-361 до н.е.), успадкувавши велике багатство свого батька, витратив його на подорожі до Єгипту, Вавилонії, Персії і, мабуть, також до Індії. Тут і виникають питання, на які кошти міг подорожувати Геродот ще до того, як одержав грошову нагороду в Афінах? Яка була мета цих подорожей? Невже лише властива давнім грекам допитливість штовхала Геродота на далекі та небезпечні подорожі?

Немає відомостей і про те, як могли відбуватися Геродотові подорожі, коли ще не закінчилася війна грецької коаліції на чолі з Афінами та Спартою з могутньою перською державою, хоча під час цих подорожей після поразок, що їх зазнали перси та їхні союзники в морській битві при Саламіні, в битві при Платеях, у битвах при Мікалі та при кіпрському Саламіні (449 р. до н.е.) вже йшлося про складання миру. За мирною угодою, якщо таку справді було складено, грецькі міста-держави на західних узбережжях Малої Азії визволилися від перського панування, але більшість країв, що їх відвідав Геродот, були складовими частинами великої перської держави. Очевидно, така ситуація могла полегшити та уможливити його подорожі.

Чи не пояснюється горезвісна «об'єктивність» Геродота в розповідях про війну, яку йому закидали грецькі патріоти, його стосунками з перською адміністрацією? Можна припустити, що мандрівник під час своїх мандрівок мав якісь рекомендаційні листи від перських урядових осіб, від перських сатрапів. Проте фінансова сторона його мандрівок залишається для нас нез'ясованою.

Як і інші мандрівники його часу, Геродот міг подорожувати морем, улітку, поблизу берегів (звичайним було каботажне плавання), ідучи маршрутами грецьких моряків або іноді на суходолі добре проторованими шляхами перської держави. Так, за порівняно короткий час він відвідав міста Малої Азії, але не мав змоги

відхилитися від царського шляху, щоб побачити внутрішні краї цього великого півострова. Від Міриандінської затоки (нині Іскендерунська) він дійшов до Євфрата, можливо, побував у відбудованому персами Вавилоні і навіть у тодішній столиці перської держави місті Сусах. Залишається невідомим, чи Геродот міг відвідати Північне Причорномор'я та місто Ольвію, чи він просто переказував повідомлення своїх грекомовних інформаторів. Прямих указівок на знайомство з тими далекими краями ми не знаходимо в його творі, а розповідь про карну експедицію перського царя Дарія проти скіфів свідчить радше про досить поверхову обізнаність, ніж про справжнє знайомство.

Навпаки, не можна сумніватися, що він побував у Єгипті (тоді під владою персів) і від Дельти доплив Нілом до Елефантини. У Лівії він відвідав Кірену; на Сицилії – міста Сиракузи, Гелу, Егест. В Італії йому були відомі грецькі міста навколо Тарентинської затоки – Тарент (Тарант), Метапонт, Сибарис, Кротон і, звичайно, Турії. У континентальній Греції Геродот завітав до бойовищ, до пророчого святилища Дельфів, до Фів, Спарти (Лакедемона), Аргоса, святилища в Додоні, на острів Керкіру, до Афін, де перебував (можливо, з перервами) від 447 до 444 до н.е. У своєму творі він виявляє добру обізнаність з Афінами, про які він завжди висловлюється з симпатією та явним ентузіазмом.

В Афінах він заприятелював з оточенням Перикла (495-429 рр. до н. е.), до якого належав і видатний філософ Анаксагор (прибл. 500-428 рр. до н.е.), скульптор Фідій (490-431 рр. до н.е.) і знаменитий драматург Софокл (496-406 рр. до н.е.).

За ініціативою Перикла близько 443 р. до н.е. в Італії на березі Тарентинської затоки, на місці зруйнованого Сибариса утворилась колонія, яка мала бути центром афінської торгівлі з країнами західного Середземномор'я. У цьому заході взяв участь і Геродот, який став громадянином цього міста. Воно одержало назву Турії (так називалося колись місто Сибарис, а його мешканці – турійцями). На початку свого твору Геродот сам себе назвав турійцем, але після його смерті мешканці його рідного Галікарнаса, пишаючись своїм славнозвісним громадянином, поставили в себе його статую і до Геродота повернулася назва галікарнасця, яка в рукописах пізнішого часу заступила його зажиттєвий епітет *турієць*, чи *турійський*. У Туріях Геродот провів останні роки свого життя, можливо, виїжджаючи звідти до Афін, а помер він у перші роки Пелопоннеської війни між 430 та 420 рр. до н.е., не закінчивши свого історичного твору. Його продовжувачами стали Фулідид (прибл. 460-399 рр. до н.е.) та Ксенофонт (прибл. 430-354 рр. до н.е.), але на відміну від Геродота їхня увага була зосереджена лише на політичній стороні подій.

Не випадково тепер, починаючи вивчати давньогрецьку мову, беруть читати «Іліаду» і «Одіссею» як поетичні твори і Геродотові «Історії» як прозаїчний твір. Це початок давньогрецької літератури. Звичайно під літературою ми розуміємо письмову творчість, а під словесністю усну, яка історично передуює письмовій. Якщо не брати до уваги фрагменти творів Геродотових попередників та сучасників, то його твір можна вважати першим зразком грецької прози V ст. до н.е. Ми переконані, що його «Історії» за науковим значенням перевершували праці інших авторів, від яких збереглися уривки, а іноді лише власні імена. Цих

авторів не зовсім правильно називають логографами, правильніше було б їх називати першими істориками, хоч вони і не були істориками в теперішньому розумінні цього терміна. Вони переказували давні міфи, розповідали про «ктистів», чи «ойкістів», тобто засновників міст, записували родоводи (генеалогії) знатних родів, не відмежовуючи міфів від реальних подій.

На основі фрагментарних текстів важко зробити правильний висновок щодо достоїнств і недоліків цих матеріалів, якщо їх порівнювати з Геродотовим твором, але можна твердити, що ці логографи не могли критично поставитися до їхніх джерел. Не можна сказати, що в їхніх творах не було цікавих географічних та етнографічних відомостей. Як і Геродот, вони багато подорожували. Більшість з них були малоазійськими іонійцями і також писали іонійським діалектом.

Тут слід згадати хоча б двох з них: Гелланіка з Мітилені на о. Лесбосі та Гекатея з Мілета. Геродот мав можливість використовувати їхні твори, а з Гекатеєм він подекуди полемізує. Гекатей жив на початку V ст. до н.е., багато подорожував у Європі, Азії, Єгипті. Він написав два великих твори: «Родоводи» та «Подорож навколо світу». Очевидно, Геродот, де в чому не погоджуючись із Гекатеєм, пішов за його прикладом у своїх подорожах, а також запозичив у нього прийоми оповідання, як, наприклад, так звану просопопею, тобто виклад промов дійових осіб, що значно пожвавлювало досить сухий літописний стиль. Звичайно, це лише припущення, бо для порівняння Геродота з Гекатеєм нам не вистачає матеріалу.

Можливо, Геродотові були доступні якісь літературні джерела, що не збереглися до нашого часу.

Твір Геродота протягом сторіч неодноразово переписувався. Існує близько 50 середньовічних пергаментних рукописів і кілька папірусних уривків. Лише п'ять з рукописів філологи вважають найближчими до оригіналу. Уперше його твір було видано друком у Венеції 1502 р. (видання Альда Мануція).

«Історії» було поділено на дев'ять книг, кожна з яких названо іменем однієї з дев'яти муз. Цей поділ не був справою самого Геродота, але, напевне, його зробили александрійські філологи десь у III чи II ст. до н.е. Сам Геродот поділяв свої «Історії» на «логоси», тобто оповідання, напр., «Лідійський логос» – оповідання про лідійські справи, «Єгипетський логос», «Скіфський логос», тощо, але кожен його логос не відповідає якійсь книзі, бо, наприклад, перша книга містить у собі «Лідійський логос», «Перський логос» і «Вавилонський логос».

На початку твору автор «Історій» чітко визначив його мету: «Тут викладено дослідження турійця (або галікарнасія.– А. Б.) Геродота, проведеного для того, щоб зроблене людьми з часом не забулося і щоб великі і дивовижні справи, довершені як еллінами, так і варварами, не залишилися незнаними і, крім того, щоб з'ясувати причини, чому вони воювали між собою».

Отже, йдеться про ворожнечу Сходу і Заходу, Азії та Європи, яка нібито почалася від викрадення жінок – Іо, дочки Інаха, Європи, сестри Кадма, Єлени, жінки Менелая... Тут згадується про славні подвиги не лише еллінів, а й варварів, у даному разі, персів, або, як Геродот їх часто називає за «суміжністю», мідійців.

Власне кажучи, ці греко-перські війни не були війнами всіх численних грецьких міст-держав («полісів») проти великої держави Ахеменідів, а лише ві-

йнами афінсько-спартанської коаліції проти перської навали, оскільки більшість грецьких міст, як і Малої Азії, островів Егейського моря, континентальної Греції, були або нейтральними, або активними союзниками персів.

У першій книзі («Клію») після з'ясування причин ворожнечі Європи (грецьких країв) з Азією (перською державою) Геродот розповідає про малоазійську державу Лідію, владар якої Крез (Кройсос) підкорив грецькі (переважно іонійські) міста на західному узбережжі Малої Азії. Далі йдеться про війну перського царя Кіра (Кюрос, перське Куруша) з останнім лідійським царем Крезом і розповідається про те, як Кір повстав проти свого діда мідійського царя Астіага й підкорив мідійців, а пізніше всі племена Малої Азії і створив велику державу від берегів Середземного моря аж до Індії.

Йдеться про історію самого Кіра, про його врятування після народження, його дитинство, про звичаї персів. У зв'язку з його завоюваннями згадується про міста іонійців та еолійців у Малій Азії, а також розповідається про Месопотамію, Ассирію з її столицею Ніневією (у Геродота – Ніном) та Вавилонію з її столицею містом Вавилон («Брамою бога» – Баб-Ілу). Звертається увага на особливості цієї країни і, нарешті, йдеться про здобуття Вавилону персами. Завоювання Кіра закінчуються його походом проти спорідненого із скіфами народу массагетів, у якому загинув Кір. Розповідається про звичаї массагетів.

У другій книзі (під назвою «Евтерпа») розповідається про похід Кірового спадкоємця Камбіса в Єгипет. У зв'язку з цим походом досить детально йдеться про цю африканську країну, про її природу, про ріку Ніл. Говориться про звичаї, обряди та вірування єгиптян. Щоб не повторювати «ідеться, розповідається», далі коротко викладатимемо зміст кожної книги. Отже, тут знаменитий експеримент фараона Псамметиха для з'ясування, який народ «найдавніший на світі». Геродот наполягає на залежності еллінів від єгиптян у досягненнях культури: про священних тварин у Єгипті; про бальзамування (муміфікацію); про історію фараонів до Амасія (Амасиса); про їхні споруди (піраміди, храми тощо); про поділ населення на стани.

У третій книзі («Талія») продовжується розповідь про похід Камбіса та про його союз з арабами, про їхні звичаї та про поразку єгиптян; невдалі походи проти карфагенян, аммонійців та ефіопів; божевілля Камбіса; про долю самоського тирана Полікрата; про війну спартанців із самосцями; про долю коринфського тирана Периандра; про повстання магів проти Камбіса та його смерть; вбивство проводарів магів і початок царювання Дарія, сина Гістаспа; про адміністративний поділ перської держави; окраїни землі; загибель Полікрата і сатрапа Сардів Оройта; хворобу Дарія та про лікаря Демокеда; про війну персів з самосцями, подвиг Зопіра і повторне завоювання Вавилону.

Четверта книга («Мельпомена»), перша половина якої важлива для історії Східної Європи дослов'янської епохи, – про скіфів та їхню країну, різні версії походження скіфів, сусідні зі скіфами племена. Подається географічний опис Азії та Європи. Розповідається про карну експедицію Дарія проти скіфів і звичаї таврів, агатирсів, неврів, андрофагів, меланхленів (меланхлайнів), будинів, савроматів,

про просування персів у Скіфії. Далі про острів Теру і колонізацію Лівії; про похід персів у Лівію; про племена Лівії, про облогу та здобуття міста Барки.

П'ята книга («Терпсихора») оповідає про завоювання персами фракійських земель, повстання проти персів малоазійських іонійців, здобуття і зруйнування Сардів. Про допомогу афінян та спартанців іонійцям. Відступ від оповідання, в якому йдеться про історію Афіні і Спарти. Знову про повстання іонійців і про смерть мілетського тирана Аристагора.

У шостій книзі («Ерато») йдеться про приборкання повстання іонійців і завоювання Іонії; про похід персів на Елладу; про битву при Марафоні і перший успіх еллінів у війні з персами.

Сьома книга («Полімнія») про продовження Ксерксового походу на Елладу. Детальний опис битви при Фермопілах, поразка еллінів, перси руйнують Афіни.

У восьмій книзі («Уранія») – про морські бої при Артемисії, про рішучу перемогу еллінів над персами в морській битві при острові Саламіні. Кінець першого року греко-перської війни.

Книга дев'ята («Калліопа») – про повернення Ксеркса в Азію; про ганебні справи в царській родині, про вбивство Ксерксового брата Масиста; про поразку персів у битві при Платеях і в морській битві при Мікалі. Ця книга закінчується розповіддю про облогу та здобуття еллінами міста Сеста (в 479 р. до н.е.).

Відомо, що цією подією не закінчилася війна спартансько-афінської коаліції проти перської держави і, очевидно, Геродот мав намір розповісти і про подальші події цієї війни, але щось стало йому на перешкоді. Цікаві міркування щодо композиції Геродотових «Історій» висловив у своїй статті акад. М.Л. Гаспаров: «Неполнота и симметрия в Истории Геродота» (Вестник древней истории. – 1989. – Вип. 2. – С. 117–122). Слідом за іншими дослідниками М.Л. Гаспаров визнає Геродотів твір за незакінчений і доводом цього вважає його композицію, в якій можна бачити першу частину оповідання, його центральну частину і відсутність останньої, де мала бути розповідь про перемогу Кімона при Евримедонті у Малій Азії в 469 р. до н.е. і про катастрофічну експедицію афінян у Єгипет на підтримку повстання єгиптян проти персів. Певна річ, що Геродот дожив до закінчення військових дій між Елладою і Персією (в 449 р. до н.е.) і міг би написати про це в своєму творі.

Тут немає місця для детальної критики відомостей Геродота, якому, незважаючи на всі неточності та недоладності, ми багато чим завдячуємо і це переважає його недоліки. Про деякі хиби та непорозуміння йдеться в примітках до тексту.

Ще слід сказати про специфічні труднощі, оскільки йдеться про переклад давньогрецького твору сучасною українською мовою і це є перший, наскільки ми знаємо, повний переклад. У ньому, звичайно, довелося розв'язувати складне завдання передачі засобами нашої мови давньогрецьких власних імен та назв.

Насамперед про фонетику. Зрозуміло, що між звуковим складом давньогрецької та сучасної української мови є досить значна різниця. Щодо голосних залишаємо осторонь існування в грецькій мові довгих та коротких голосних, але не можемо не зупинитися на передачі дифтонгів. Традиційно в нас усі дифтонги

перетворювали на монофтонги і цим «знебарвлювали» давньогрецький вокалізм. Отже, замість дифтонга **ай** було **е**: *Айгіна* > *Егіна*, замість **ей** > **і**: *Пейсистратос* > *Пісистрат*, замість **ой** > **е**: *Ойдипус* > *Едип*; замість **ау** > **ав**: *Аутоноос* > *Автоной*, замість **еу** > **ев**: *Еурипос* > *Еврип*. І тут слід зважити на йотацію цього дифтонга в початковій позиції: *Європа*, а не *Европа*), дифтонг **оу** згідно з грецькою вимовою передається як **у**: *Оуранія* > *Уранія*.

Грецькі голосні **ε** (епсилон) і **η** (ета) доводиться передавати однаково через наше **е**: *Еетіон* (ета + епсилон). Не можна засобами нашого письма передати різницю між грецькими **ι** (іота) та **υ** (іпсилон) і вони передаються через наше **і**: *Індос* (ріка) > *Інд*, *Кірос* (умовно *Кюрос*) > *Кір*. Так само немає в нас різниці між **ο** (омікрон) і **ω** (омега): *Ольбіа* > *Ольвія* і *Океанос* (на початку омега) > *Океан*.

Складна справа з передачею давньогрецького консонантизму (приголо-сних). Найпростіше з такими літерами як **дельта**, **каппа**, **ламбда**, **мю**, **ню**, **кси**, **пі**, **ро**, **сигма**, **тау**, **пси**, котрі передаються через наші: **д**, **к**, **л**, **м**, **н**, **кс**, **п**, **р**, **с**, **т**, **пс**. Літеру **бета** послідовно було б передавати нашим **б**: *Будиной* > *Будини*, але за традицією в деяких іменах та назвах закріплено **в**: *Ольвія* замість *Ольбія*. Найгірше з літерою **гамма**, що відповідає латинському **g** (змичному, а не щілинному γ). Ми передаємо його скрізь через наше **г** (щілинне), але в такий спосіб доводиться не розрізнявати початковий сильний («густий») приди́х і ті випадки, коли йдеться про літеру **гамма**, напр., *Гера*, *Гермес*, *Гефайстос* (*Гефест*) – імена з початковим сильним приди́хом (**г+h**): *Гелонос* (*Гелон*), *Геррос* (*Герр*), *Гнурос* (*Гнур*), тобто імена з початковою літерою **гамма** (**g**). Літеру **зета** (**z**) традиційно передаємо через наше **з**: *Зевс*, *Зефірос* (*зефір*), *Зонірос* (*Зонір*). Літери **фі** та **хі**, незважаючи на те, що це були приди́хові глухі змичні (**ph**, **kh**) передаються за їхньою сучасною вимовою, як **ф** і **х**: *Фойнікес* (*фінікійці*). *Херсонесос* (*Херсонес*). Труднощі були і з передачею літери **тэта** (**θ**). Вона в нас передається або як **ф**: *Атенай* > *Афіни*, *Тебай* > *Фіви*, *Темістоклес* > *Фемістокл*, або як **т**: *Тесевс* > *Тесей*, *Тера* > *Тера*, *Трасибулос* > *Трасибул*. Послідовну передачу тут порушує міцна традиція. Коли назви грецьких міст у підручниках історії та географії читаються, як *Афіни*, *Фіви*, *Коринф*, то мусимо так їх писати.

Є труднощі і з морфологією або, власне кажучи, з пристосуванням (адаптацією) грецьких власних імен та назв до сучасних норм нашої мови. За традицією треба було відтинати закінчення називного відмінка імен та назв (преважно чоловічого роду), напр., *Аристодемос* > *Аристодем*, *Периандрос* > *Периандр*, *Кінселос* > *Кінсел*, *Гераклес* > *Геракл*, *Мільтиадес* > *Мільтиад*, *Ксерксес* > *Ксеркс*. Закінчення **-ос** у називному відмінку залишається в назвах островів (*Самос*, *Лесбос*, *Хіос* тощо), звичайно, за винятком назви *Кіпр* (а не *Кіпрос*). В іменах та назвах із закінченням у називному відмінку **-ис** (іота – сигма та іпсилон – сигма) тут використовується замість нього закінчення **-ій** і відповідно відмінюються ці імена та назви. Отже, *Амасій*, а не *Амасис*, *Галій*, а не *Галіс* (хоч було використано в гексаметричному оракулі і таку форму). Традиційно передано тут такі назви, як *Еллада*, замість *Геллада*, *елліни*, замість *геллени*, *Єлена* замість *Гелена*, *ілоти* замість *гейлоти*, *Лакедемон* замість *Лакедаймон*, *Ахеменіди* замість *Ахайменіди*, *Фемістокл* замість *Темістокл*. Щодо імені міфічного героя (*Ахіллес*), то вважа-

лося за краще передавати його, як *Ахіллес*, ніж дуже спотворене *Азилл* (із латинської форми *Achilles*). Імена з грецьким закінченням **-евс** мають у нас закінчення **-ей**: *Одіссей*, *Персей*, *Тесей*.

Труднощі є і в передачі так званих історичних реалій.

Там, де в Геродота є назва «тюранос», у нас уживається *тиран*, хоч, звичайно, у давніх греків вона не мала сучасного змісту: тиран у них просто єдинодержавний владар. Давньогрецьку назву «басілевс» прийнято перекладати нашим словом *цар*, хоч слід було б порушити цю традицію і вживати натомість *басилей*. Геродот називає однаково грецьких і перських воєначальників *стратегами* і це скрізь запроваджено і в переклад. Грецькі «теменос» перекладається як «священна округа», «гієрон» (у Геродота – *гірон*), як «святинище», *наос* – як «храм», *адютон* – як «священний покій» (тобто покій у храмі, доступний лише для жерців), грецьке «мантейон» – як «пророче святинище». Без перекладу залишаються такі терміни, як *пританейон*, *триєра*, *наварх*, *проксен*, *ойкіст* (пояснення в примітках до відповідних місць у тексті). Звичайно, переважно залишаються без перекладу міри простору і ваги (пояснення також у примітках).

Слід звернути увагу читачів і на особливість цього перекладу. Геродотова проза, очевидно, дуже близька до усної мови його часу: хоча сам Геродот походив із дорійсько-карійського Галікарнаса, більшу частину свого життя він провів в іонійському оточенні та серед споріднених з іонійцями афінян. Його проза відбиває всі особливості невимушеної розмовної мови. Для неї характерні часті повтори, певні неохайності з погляду літературних норм, незважання на «сказане вище» тощо. У пропонованому перекладі не було прагнення усунути названі характерні риси Геродотової мови. Основною настановою перекладача було якнайточніше передати цей «колоквіальний» стиль оригіналу, навіть якби це намагання могло викликати незадоволення наших пуристів. Перекладач намагався уникати будь-яких архаїзмів і «ксенізмів» (їх називали ще варваризмами) і водночас не дуже модернізувати Геродотову мову. Наскільки це йому вдалося зробити, скажуть наші читачі та критики. За словами римського консула, який залишав свою посаду: *«feci quod potui»* (я зробив те, що міг)). Добре буде, якщо серед багатьох перекладів Геродота різними мовами виявиться ще й переклад українською мовою.

В основу цього перекладу було покладено видання Геродотового тексту: Herodoti Historiarum libri IX, edidit Henr. Rudolph Dietsch, editio altera, curavit H. Kallenberg, vol. I et II, Lipsiae, 1898, 1898.

Найкращим виданням Геродотових «Історій» щодо вірогідності тексту є тепер Herodotus. Historiae, vol. I, Libri I–IV, ed. H.B. Rosén (Jerusalem). Teubner, Lipsiae, 1987.

Найкращий переклад російською мовою і найдетальніші коментарі до «Скіфського логосу» є в книзі: Доватур А.И., Каллистов А.П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарии. – М., 1982.

З інших повних перекладів слід згадати: Міщенко Ф.Г. Геродот. История в девяти книгах. – Т. 1. – М., 1885; Т. 2. – М., 1888; Геродот. История в девяти книгах, перевод и примечания Г.А. Стратановского под общей редакцией

С.Л. Утченко, редактор перекладу Н.А.Мещерской. – Л., 1972 зі вступною статтею В.Г.Боруховича «Научное и литературное значение труда Геродота».

Про твір Геродота рекомендуємо прочитати ще таку літературу російською мовою: Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. – Л., 1957; Лурье С.Я. Геродот. – М.; Л., 1947. З наукової літератури про скіфів і Скіфію можна згадати: Граков Б.Н. Скіфи. – К., 1947; його ж: Скифы. Научно–популярный очерк. – М., 1971; Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки. – М., 1980; Жебелев С.А. Скифский рассказ Геродота // Северное Причерноморье: Сб. статей. – М.; Л., 1953; Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. – Л., 1982; Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. – М., 1979.

Слова и числа¹

Несмотря на явную формальную связь глаголов *читать*, *почитать*, *причитать*, *считать*, едва ли все, говорящие по-русски, осознают смысловую связь этих глаголов. Тем более, вряд ли кто-нибудь, не заглядывающий в этимологические словари, определит родство основ (корней) таких слов, как *читать* и *число* (М.Фасмер, ЭСРЯ, т. IV, с.366).

Если считать определенной связь основ глагола *читать* и существительного *число*, то можно понять, что словом *число* первоначально обозначалось все представленное письменными знаками, то, что можно читать.

У Н.С.Гумилева, ставшего одной из жертв «красного» террора первых лет советской власти, есть стихотворение «Слово», которое, на первый взгляд, кажется непонятным и просто нелепым.

Для семантического анализа придется привести его здесь в полном объеме.

Слово

1. В оный день, когда над миром новым
2. Бог склонял лицо свое, тогда
3. Солнце останавливали словом,
4. Словом разрушали города.

5. И орел не взмахивал крылами,
6. Звезды жались в ужасе к луне,
7. Если, точно розовое пламя,
8. Слово проплывало в вышине.

9. А для низкой жизни были числа
10. Как домашний, подъяремный скот,

---

¹ Уперше опубліковано в: Русская филология. Ученые записки. – Смоленск: Смоленский гос. пед. институт, 1996. – С.244-246.

11. Потому что все оттенки смысла
12. Умное число передает.
13. Патриарх седой, себе под руку
14. Покоривший и добро и зло,
15. Не решаясь обратиться к звуку,
16. Тростью на песке чертил число.
17. Но забыли мы, что осиянно
18. Только слово средь земных тревог,
19. И в Евангелии от Иоанна
20. Сказано, что слово – это бог.
21. Мы ему поставили пределом
22. Скучные пределы естества,
23. И, как пчелы в улье опустелом,
24. Дурно пахнут мертвые слова².

Мы не будем останавливаться здесь на художественных достоинствах этого стихотворения. Возможно, это не *акмэ* (вершина) акмеистического творчества поэта. Нас, как и всех читателей, интересует смысл стихотворения. В первую очередь: что значит противопоставление *слова* и *числа*?

Первая строфа (1-4) этого стихотворения совершенно понятна, потому что она ассоциируется с образами, знакомыми образованным людям из Библии: сотворение мира, сражение Иисуса Навина с филистимлянами, когда по его просьбе Бог остановил ход солнца на небе, чтобы израильтяне могли окончательно победить своих врагов; наконец, намек на крик народа и гром юбилейных рогов, сокрушивших стены Иерихона. Конечно, стены Иерихона рухнули не от одного слова, но в стихотворении возможна поэтическая вольность (*licentia poetica*). Вторая строфа (5-8) должна подчеркнуть магическую силу звучащего слова, что вполне понятно, учитывая также прочие виды магии и самый распространенный ее вид, сохраняющийся до настоящего времени, словесную магию. Неудачным здесь является сравнение всемогущего магического слова с «розовым пламенем». Кажется, «розовое пламя» не может быть особенно ужасным в отличие от ярко-красного. Совершенно непонятной оказывается третья строфа (9-12), если основываться на современном понимании значения *числа*, как абстрактной фиксации количества. Число без связи его с конкретизирующими какое-то качество лексическими единицами остается абстрактной величиной, не обозначающей, кроме идеи количества, никаких «оттенков смысла». Однако если считать, что в понятие *числа* Поэт вкладывает понятие письменной фиксации слов, что он отождествляет число с письменными знаками, с буквами, тогда становится понятней идея его стихотворения, в котором противопоставляются звучащие в обстановке перво-

---

² Стихотворение Н.Гумилева приводится по книге: Н.Гумилев. Стихотворения и поэмы. – Ленинград, 1988. – (Б-ка поэта. Большая серия).

бытной дописьменною магії заклинательні слова словам написаним, немим, не звучим, словам, фіксованим письмними знаками. Возвишена життя, в якій звучали словесні заклинання, протиставляється «низкою життя», т.е. обыденної життя з її бытовими турботами, життя, в якій звучать слова магічних заклинань замінюються *числами*, т.е. письмними знаками, спроможними передати «все відтінки значення» звучать слів. В наступній строфі (13-16) виникає відволечений образ некоего біблійського «патріарха», який, бач, не ризикуючи промовити божественне ім'я, пише його посохом на піску. Врештеш, це ім'я може і не бути божественним. Це може бути своєрідне ім'я якої-то сверхестественної сили, якого-то демона, який, будучи названим своїм справжнім іменем, повинен з'явитися перед заклинателем.

В строфі (17-20) нагадується про силу магічного слова з посиланням на помилковий переклад на латинську мову початку Євангелія від Іоанна, в якому грецьке слово ΛΟΓΟΣ в значенні основи, початку, первопричини підмінено латинським VERBUM, а потім в церковнослов'янському перекладі передано як СЛОВО. Відомо, скільки ця помилка викликала хитроумних тлумачень. Вспомнімо сумніви Фауста з однойменної епічної поеми І.В.Гете: *Am Anfang war das Wort*: Це переклад не з грецького, а з латинського. Гумілев в цьому випадку дотримується церковної традиції і виділяє магічну функцію звучать слова. В останній строфі (21-24) «Скудні межі природи» відносяться до «низкою життя», позбавленої сверхестественної магічної енергії. Порівняння письмних знаків, фіксуєть звучать магічні слова, з бджолами «в ульї опустелом» едва ли можна вважати вдалим. Воно може бути навіть кошмарним, якщо вважати, що Священне писання з його письмними словами можна в якій-то відношенні порівняти з мертвими бджолами в порожньому ульї.

Предложеною нами розуміння лексическої одиниці *число* в протиставленні її лексическої одиниці *слово* не дає можливості відповісти на питання, знав ли Гумілев про первинну зв'язь, а відповідно – і значення слова *число* з основами дієслів *читати*, *считати* і іншими, або в його розумінні виявилася творча інтуїція, т.е. не усвідомлене знання.

«Silentium» О.Э.Мандельштама¹

«Молчание» Осипа Мандельштама объясняется ощущением разрыва первоначального и неперменного единства словесного искусства и музыки. Музыка без слов сама по себе в понимании Поэта выражает чувства, переполняющие его внутренний мир. Ритмическая речь без мелодии – это еще не поэзия. Вот если бы музыка сбросила с себя одежду слов!... Музыка прекрасна, как сама богиня Афродита. А, может быть, музыка способна обойтись и без прекрасного тела богини? «Евангелие» Мандельштама могло бы начинаться словами: «Вначале была музыка, и музыка была у Бога, и сам Бог был музыкой»... В то же время музыка и жизнь составляют единство, являющееся «первоосновой» существования чувственного мира.

Музыка – основа поэзии. Музыка – не аккомпанемент, а сущность исполняемого человеческим голосом. Кажется, именно тогда, когда музыка достигла высот своего развития, когда зазвучали симфонические оркестры, наступил окончательный разрыв между музыкой и поэзией как словесным искусством. Напрасно долго еще в классической поэзии поэты будто бы пели, перебирая струны лиры. Декламация заменила пение, а струнные инструменты были отданы музыкантам. Однако тоска по утраченной музыке звучит в стихах лирических поэтов. Хочется подчеркнуть – поэтов, а не стихотворцев – охотников за рифмами. Прислушиваясь поздней осенью в ресторане к долгим и монотонным схлипываниям скрипок, Поль Верлен требует: «Музыки прежде всего!». А затем уже – вина и стихов.

Мандельштам под местоимением «она» подразумевает поэзию:

Она еще не родилась,
Она – и музыка, и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь²

---

¹ Уперше опубліковано в: Русская филология. Ученые записки. – Смоленск: Смоленский гос. пед. институт, 1996. – С.241-243.

² Стихотворение О.Мандельштама приводится по книге: О.Мандельштам. Стихотворения. – Ленинград, 1974. – (Б-ка поэта. Большая серия).

Море – это одновременно и гигант Океан, охватывающий собой все острова и материки, и как бы вода, меняющая свой цвет от светло-голубого до почти черного, а если это вода, то она заключена в сосуде:

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день,
И пены бледная сирень
В черно-лазорево́м сосуде.

День, очевидно, потому безумный, что он безразличен, он равнодушен ко всему происходящему, а главное событие в мире – это рождение из морской пучины богини Афродиты. Она и музыка, и словесная поэзия. Слово *aphros* по-гречески обозначает «пену», и это служит основанием для того, чтобы считать богиню рожденной из морской пены.

Желание вернуться к музыке без слов (хочется сказать – *Das Lied ohne Worte*) выражено в третьей строфе:

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста!

Прозрачный кристалл кажется чистым из-за своей прозрачности. Отсюда понятна «кристаллическая нота» - музыкальный звук, не окутанный словом.

Специалисты по русскому языку должны решить, насколько закономерным является ударение «немо́та» наряду с «немота́».

В последней строфе нуждается в объяснении странная «на первый слух» строчка:

И, сердце, сердца устыдись...

Со всеми необходимыми оговорками относительно субъективизма интерпретации, можно предположить, что в этом стихе Поэт противопоставляет сердце как сосредоточение чувств голове как сосредоточению мыслей. Чувства, непосредственно воспринимающие музыку, в этом восприятии имеют приоритет перед умом. Следовательно, сердцу – вместилищу чувств – не надо считать себя подчиненным голове – вместилищу рассудка.

Нам кажется, что смысл всего произведения мог быть прекрасно выражен в последней строфе без этого третьего стиха:

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись.
(.....)
С первоосновой жизни слито!

В девятнадцатом веке в царской России поэты погибали от выстрелов на бессмысленных дуэлях, в двадцатом веке в Советской России поэту погибали от злонамеренных доносов. Такова была судьба Мандельштама.

Стихотворение «Silentium» было написано в 1910 году, когда Мандельштаму было всего 19 лет, но его можно считать программным для всей его поэзии. Это не значит, однако, что все его произведения в равной мере «музыкальны». Тяготение к музыке выражается не столько в форме, сколько в сюжетах его стихотворных произведений (см. об этом: Осип Мандельштам. «Полон музыки, музы и муки...». Стихи и проза. Составление, вступительная статья и комментарии Б.А.Каца. – Ленинград, 1991).

Андрій Білецький, Тетяна Чернишова
Еллі Алексіу – в зеніті¹

Відомій грецькій письменниці Еллі Алексіу сповнилося 80 років. Вона народилася на острові Криті, в родині Стільяно Алексіу, літератора й філософа прогресивних поглядів, її старша сестра Галатя також була письменницею, брат Лефтері – філолог і поет. Вона виховувалася в оточенні видатних літераторів, до якого належали письменники Ніко Казандзакі, Коста Варналі, Ангело Сікельяно, Коста Теотокі, її майбутній чоловік Васо Даскалакі.

Закінчивши педагогічне училище в Іракліо, адміністративному центрі Криту, Еллі Алексіу вчителювала в жіночій гімназії в цьому ж місті, а згодом – в Афінах. У літературі вона виступає з 1923 року. Під час другої світової війни, коли Грецію окупували німецькі фашисти, Еллі Алексіу брала активну участь у русі Опору. 1945 року вона виїхала до Парижа, де викладала в школах грецької колонії й слухала лекції в Сорбонні.

З 1949 року вона жила в соціалістичних країнах (в Будапешті, Бухаресті), де займалася педагогічною та громадською діяльністю.

В 1961 році на запрошення Спілки письменників УРСР вона приїздила до нас на урочисте відзначення 100-річчя з дня смерті великого Кобзаря й виступала з промовами на зборах у Києві й Каневі.

Слід сказати, що твори української літератури до недавнього часу були майже невідомі грецьким читачам і навіть літературознавцям. Ми познайомили Еллі Алексіу, Софію Мавроїді-Пападакі та відомого в нас грецького поета Янні Ріцо з творами нашої літератури в підрядкових перекладах на новогрецьку мову. Наші грецькі друзі стали пропагандистами української літератури в Греції та грекомовних країнах, зокрема на Кіпрі.

1964 року з нагоди 150-річчя з дня народження Шевченка Товариство греко-радянської дружби видало в Афінах першу збірку перекладів поезій Шевченка новогрецькою мовою, передмову до якої написав Г.Спільйопуло, вступну статтю – Еллі Алексіу. До збірки увійшло 28 творів нашого поета, які переклали, крім Янні Ріцо та Еллі Алексіу, ще одинадцять грецьких поетів.

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Всесвіт. – 1974. – № 12. – С.189-190.

В 1963 році Еллі Алексіу повернулася до Афін.

Перше оповідання письменниці «Франзеско» було опубліковане в газеті «Філікі Етерія». Як зазначив літературний критик і поет Марко Ав'єрі, публікація цього невеличкого оповідання стала подією в новогрецькій літературі. Згодом вимогливий грецький критик Фото Політі писав: «В її описах відчувається гаряче дихання правди, оригінальність самої природи» (газета «Проія», 13 травня 1931 року). Провідна лінія творчості письменниці – боротьба проти соціальної несправедливості, боротьба за краще життя трудівників, простих людей. Вона пише романи, повісті, нариси, літературно-критичні статті. На початку 30-х років виходять її твори «Жорстока боротьба за маленьке життя», «Притулок маленьких сестер», «Християнський лицей для дівчат». В 1938 році з'являється збірка оповідань «Люди». В 1939 році – дитяча повість «Гладунчик і Стрибунка» (письменниця пише не лише про дітей, а й для дітей), в 1940 році – роман «Люмпен».

Воєнні роки й роки громадянської війни в Греції відривають Еллі Алексіу від літературної діяльності, але вже в 1956 році вона публікує роман «Притоки» – про боротьбу грецьких патріотів проти нацистських загарбників, в 1958 році – роман «Із скрипкою» про життя грецьких політемігрантів, в 1962 році – збірку оповідань під загальною назвою «Від'їзди та переміни» (три томи). В усіх цих творах основна ідея: «Людина може визволитися і як індивід, і як частина суспільного цілого через боротьбу»².

Повернувшись на батьківщину, Еллі Алексіу видає збірку «Узливання на могилу» (1964) і роман «І так далі» (1964) – про борців за свободу.

1966 року виходить її великий мемуарно-біографічний роман про Ніко Казандзакі (1883-1957), який уже перекладено іноземними мовами. Тут, по суті, на фоні життя Казандзакі подана панорама новогрецької літератури першої половини нашого сторіччя.

В 1972 році письменниця видала ще одну збірку оповідань під виразною назвою «І за тих, хто живе». Торік побачив світ її новий роман «Домінанта», який закликає читача до відданості високим ідеалам.

В останньому листі до нас (від 6 червня 1974 року) Еллі Алексіу пише: «Я, як завжди, живу щастям праці. Останні два-три роки займаюся дослідженнями та готую до друку книжки. Я підготувала до друку всі романи й більшість оповідань Каркавіци³ та написала критичний огляд на них. Відредагувала повне зібрання його творів у 6 великих томах. Написала до нього докладну вступну статтю. Відредагувала повне зібрання творів Достоевського й написала до нього докладну вступну статтю... Тепер поставила перед собою завдання опрацювати всього Езопа для дітей. Це буде... увесь Езоп, тобто 358 байок! Зараз працюю над 74-ю байкою. Отак мило й приємно я живу собі...»

І все це за останні два-три роки перед 80-річчям! Ми вклоняємося перед невичерпною енергією письменниці, шануючи в її особі всю прогресивну новогрецьку літературу, яка невтомно бореться за свободу, незалежність і краще майбутнє свого народу.

² Із статті Такі Адаму «Життя і творчість, віддані людині», газета «Елефтері Патріда», Лондон. 6 липня 1974 р.

³ Андреа Каркавіца (1866-1922) – відомий грецький прозаїк.

Тетяна Чернишова
Мужні голоси Кіпру¹

Кіпр, цей малий острів у східному кутку Середземного моря, здавна славився не лише пишними дарами природи, а й високим мистецтвом. Ще від Гомерових часів на острові буяла грецька поезія, тут, за грецьким міфом, народилася сама богиня краси та кохання Афродита. Досі туристи милуються руїнами античних храмів та статуями, сповненими ніжної краси.

Не раз зазіхали загарбники на «дивний острів серед хвиль виннобарвного моря». За чотириста років панування на Кіпрі Оттоманської імперії населення острова зменшилося в десять разів, майже не стало людей освічених. Але від села до села все ходили народні співці та нагадували землякам про славетне минуле, перетворювали на поезію події буденного життя. Кіпр жив мрією про визволення. Кіпр боровся. Поети ніколи не стояли осторонь цієї боротьби. Так, Ахіллеас Піліотис, який нині очолює Спілку прогресивних письменників Кіпру і є генеральним секретарем Союзу дружби з СРСР, свого часу був разом з іншими борцями за свободу ув'язнений в англійському концтаборі (з 1878 року Британська імперія заступила на острові місце Оттоманської). Народне повстання визволило своїх поетів. 1960 року Кіпр здобув статус незалежної держави.

Здебільшого зв'язок поезії на Кіпрі з трудящим селянством, з робітниками зумовлений навіть самим соціальним походженням поетів. А.Піліотис, що народився 1923 року в селянській родині в селі Ормідья, поблизу Фамагусты, замолоду був робітником. Його вірші було відзначено премією на Всесвітньому фестивалі молоді у Варшаві 1955 р. Громадянський і письменницький авторитет А.Піліотиса незмірно високий. Відомий він і в нашій країні.

Один з найстаріших сучасних поетів Кіпру Павлос Ліасідіс народився 1901 року в селі Лісі. Він свято зберіг традиції народних співців Кіпру – «пійтарів» – відгукуватися на всі події великого й малого світу, відгукуватися своєю рідною кіпрською мовою (яка, зауважимо, відрізняється від грецької літературної не мен-

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Всесвіт. – 1979. – № 8. – С.78-79.

ше, ніж, скажімо, чеська від словацької). Своїми піснями та безкомпромісним життям Ліасідіс здобув у прогресивних колах високий авторитет та всенародну любов. Видано не лише його поетичні збірки (їх дванадцять), а й платівки з його піснями. Під час турецької інтервенції 1974 р. Ліасідіса вигнали з рідної домівки, він утратив усе майно, понад рік жив у наметі разом з іншими біженцями. Комуністична партія Кіпру АКЕЛ піклується про народного поета. Йому збудували нове житло, день його народження відзначається як народне свято.

Наприкінці минулого століття на Кіпрі поновлено народну освіту. Щоправда, викладання провадиться літературною грецькою мовою за підручниками, виданими в Афінах. Тому більшість сучасних письменників Кіпру пише теж літературною грецькою мовою, їхня творчість збагачує загальногрецьку літературу. Так пише і Ахіллеас Піліотис, і Еллі Пеоніду, вірші якої торік друкувалися у «Всесвіті». Так пише й молодий земляк П.Ліасідіса – Йоргос Молескіс, що народився 1946 року також у бідній селянській сім'ї. Юнак працював робітником і вчився у вечірній школі. З 1973 року він навчається в СРСР. 1974 року на перші студентські канікули він поїхав відвідати батьків – і потрапив у трагедію путчу та інтервенції. Як і Ліасідіс, він утратив житло і все майно – книжки, рукописи. Його батьки опинилися також серед біженців. На Кіпрі люблять молодого поета. Комуністична молодь Кіпру видала три його збірки. Його знають і на Україні: газета «Друг читача» 1974 року надрукувала інтерв'ю з ним та один з його віршів. Вісім його віршів нам відомі зі збірки «Молодые поэты Кипра» (Москва, 1971). Тепер Молескіс закінчує філологічний факультет МДУ. В його віршах також звучать, хоча й трансформовані відповідно до способів висловлювання сучасної людини, образи народної поезії.

Страшне літо 1974 р., коли грецька хунта вчинила на острові братовбивчий заколот проти законного уряду архієпископа Макаріоса, а потім Туреччина розв'язала свою інтервенцію, лишило на Кіпрі невилгоюні рани. Йоргос Молескіс пережив це літо разом із земляками. Воно вплело сивину в буйні кучері юнака і апокаліптичні мотиви в його вірші. Ці мотиви наявні й у віршах А. Піліотиса. Навіть газета «Харавгі», орган Компартії Кіпру, називає свою батьківщину «розіп'ятою». Але кіпрський народ не чекає чудесного воскресіння. Він не припиняє спроб розірвати пута й покласти край інтригам імперіалістичних кіл, які намагаються увічнити конфлікт між грецькою та турецькою його частинами.

П.Ліасідіс – А.Піліотис – Й.Молескіс: три поети, три покоління, три епохи. Але їх усіх єднає гаряче відчуття відповідальності за свою батьківщину.

Павлос Ліасідіс

У нас ще немає свободи

Наш Кіпр іще свободи не здобув,
Ще злої сили не позбулись люди,
Жорстокий чорний змій його приспав,
Йому ламає ребра, трощить груди.

Не час нам припиняти боротьбу,
Потрібна допомога в ній і мужня згода,
Щоб наші люди чола підвели
І справжня в нас для всіх була свобода.

Переміна

Я думав, що та яблунька вже всохла біля тину,
Бо стільки років у недогляді була.
Тепер з весною знову рясно зацвіла,
І ми святкуємо разом цю дивну зміну.
Я в безнадії нудився, був на краю конання,
Та раптом серце знову радощів жада:
Струнка, білява, кароока молода
Життя дала мені і з ним палке кохання.

З кіпрського діалекту новогрецької мови
переклав Андрій Білецький

РОЗДІЛ III

**РЕЦЕНЗІЇ
А.О. БІЛЕЦЬКОГО**

Р.А.Будагов.
Очерки по языкознанию. –
М., Изд-во АН СССР, 1953. 280 стр.
(Ин-т языкознания)¹

Среди немногочисленных учебников и учебных пособий по общему языкознанию, доступных широкому кругу читателей и учащейся молодежи, безусловно полезной и оригинальной по своему плану является новая книга проф. Р.А.Будагова «Очерки по языкознанию»².

Автор ее известен нам как специалист по романским языкам и филолог, проявляющий особый интерес к области лексикологии и стилистики. В связи с этим кругом интересов автора находится и то обстоятельство, что одна треть «Очерков по языкознанию» целиком посвящена лексикологии (стр. 9-99).

Рассматриваемое здесь пособие по языкознанию состоит из пяти глав: I. «Основной словарный фонд и словарный состав языка» (стр. 9-99); II. «Некоторые особенности звуков речи» (стр. 100-129); III. «Грамматический строй языка» (стр. 130-224); IV. «Происхождение языка» (стр. 225-247); V. «Развитие языков и их классификация» (стр. 248-280). Кроме того, книге предпослано очень краткое «Предисловие» (стр. 4), за которым следуют «Несколько вводных замечаний» (стр. 5-8).

Ни по величине, ни по содержанию названные разделы не являются соизмеримыми и равноценными. Наиболее оригинальными и содержательными следует признать главы «Основной словарный фонд и словарный состав языка» и «Грамматический строй языка», по объему наиболее значительные в «Очерках». Однако не случайным является в «Очерках» то, что раздел о лексике занимает первое место. Автор совершенно правильно считает, что при расположении материала в порядке возрастающей трудности уместно начать именно с наиболее

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С.102-111.

² Общая оценка книги дана в рецензии В.П.Сухотина («Вестник АН СССР», М., 1954, № 1, стр.121-126). – *Ред.*

наглядного, доступного непосредственному наблюдению читателя, обнаруживающего интерес к фактам языка.

В том, что автор объединил в одной главе (третьей) морфологию и синтаксис (последнему уделено вообще мало внимания), назвав ее «Грамматический строй языка», обнаруживается его своеобразное понимание грамматического строя. Согласно этому пониманию, фонетика не является такой же равноправной частью грамматического строя, как морфология и синтаксис. Мы не склонны соглашаться с этим воззрением, потому что фонетика, по нашему мнению, так же тесно связана с морфологией и с синтаксисом, как эти последние связаны друг с другом.

В «Очерках по языкознанию» ставится на рассмотрение столько интересных и в то же время спорных вопросов, что у нас нет возможности хотя бы перечислить их. Здесь мы ограничимся только отдельными замечаниями относительно разделов: 1) о лексике (глава 1-я) и о грамматическом строе языка (глава 3-я), в связи с чем выскажем наши соображения об основном понятии лексикологии – о слове; 2) о фонетике (глава 2-я); 3) о развитии языков (глава 5-я) и о возникновении языка (глава 4-я), где мы остановимся на вопросе о сравнительно-историческом языкознании и сравнительно-историческом методе (ср. глава 5-я, § 2), так как считаем, что этот вопрос не занял подобающего ему места в «Очерках по языкознанию».

1

Как уже отмечалось, глава об основном словарном фонде и словарном составе языка принадлежит к лучшим разделам «Очерков». В ней дается представление о том, что такое слово (о «значении слова» см. ниже), термин, абстрактность, конкретность, синоним, омоним, антоним, «внутренняя форма» (= этимологическая структура), неологизм, архаизм, табу, эвфемизм, словосочетание, идиома, заимствование, калька.

Здесь говорится о противопоставлении основного словарного фонда – как наиболее устойчивой части словарного состава – наиболее изменчивой его части, о двойственности этого противопоставления: 1) в исторической перспективе и 2) на данной ступени развития какого-либо языка.

Остается только высказать пожелание о том, чтобы в следующем издании «Очерков» в этот раздел было внесено пояснение о правильном понимании выражения «основной словарный фонд». Важно понять, что нельзя взять, например, «Словарь русского языка», составленный С.И.Ожеговым (под ред. акад. С.П.Обнорского), и разделить все содержащиеся там 52 тыс. слов на принадлежащие к основному словарному фонду и не принадлежащие к нему. По самому существу основного словарного фонда, который обнаруживается не в статике, а в динамике, нельзя установить границы, во всех случаях отделяющей его от остальной части словарного состава.

Нельзя согласиться с изложением вопроса о кальках (стр. 89-90). Во-первых, туманным является само определение: кальки – «это слова, формирующиеся по

образцу структуры соответствующих иностранных слов, но не заимствующие их материальной основы». Что же такое «структура» слов, не связанная с их «материальной основой»? Речь идет, конечно, об этимологической структуре слов, но в определении не сказано об этом с надлежащей ясностью. Во-вторых, почему-то не упоминается о различии между кальками лексическими и фразеологическими.

Едва ли перевод русского слова *пятилетка* на другие языки можно назвать «калькой»: ведь, нельзя это слово перевести без выражения понятий «пять» и «лето – год». Не является также «калькой», например, перевод на многочисленные языки мира русского словосочетания «Великая Октябрьская социалистическая революция».

Лексические кальки не очень удачно называются «чисто структурными кальками» (стр. 90).

Не совсем удачен вопрос на стр. 132: «Что может означать мысль, выраженная такими тремя словами: *идти, университет, книги*»? Ведь мысли здесь как раз нет, но есть три понятия, выраженные соответствующими словами. Только при определении отношений упомянутых понятий можно будет говорить о «мысли», выраженной «простым рядом слов».

Нет необходимой ясности в вопросе о морфологическом членении слова. Об аффиксах сказано, что они «являются своеобразными морфемами» (стр. 141). Почему же корень – это не своеобразная морфема? Определение корня лишено исторического подхода. Если корень – «это основная смысловая часть слова без аффиксов» (стр. 141), то где же корень в слове *вынуть*, которое в исторической перспективе имеет только аффиксы (*вы-, -ну-, -ть*). Ясно, что в описательном и в историческом языкознании корень – это не одно и то же (ср. в описательном языкознании членение: *вын-утъ*).

Относительно «флексии» следовало бы сказать, что надо различать: 1) изменение слов и 2) аффиксы словоизменения (формообразования). В связи с этим стало бы понятным различие между флексией «внешней» (формообразовательными аффиксами) и «внутренней» (фонетическими видоизменениями корня или основы).

Полезно было бы упомянуть о так называемом «характере основы» в связи с делением аффиксов на продуктивные и непродуктивные.

Едва ли есть необходимость заменять слово «понятие» таким выражением, как «лексические смыслы» (стр. 144). Также наряду с термином «аффикс» едва ли нужен его синоним «формант» (стр. 146).

Непонятным остается (там же) утверждение: «Вот почему мы говорим о специфике грамматической семантики – семантики категорий – по сравнению с семантикой лексической, с семантикой отдельных слов». Ясно, что можно различать «лексические» и «грамматические» понятия, выраженные разными способами в языке. Однако не подлежит сомнению и то, что «грамматические понятия» могут выражаться как формами слов, так и отдельными словами (например, местоимениями, предлогами, союзами, частицами и пр.). Таким образом, есть грамматические категории, выражаемые именно отдельными словами.

Нельзя согласиться с определением «семантического диапазона» имен существительных (стр. 167): «Имя существительное выражает предметность в широком смысле этого слова». Если в слове *радость* есть какая-то неопределенная «предметность», то почему же ее нет в слове *радоваться* и т. п.? В языках, где нет формального различия между именами и глаголами, «предметность» оказывается в подобных случаях просто неуловимой (ср., например, малайское *sukahati* «рад, радоваться, радость» и т. д.). Жаль, что проблема супплетивизма (важная для учения о слове и его формах) рассматривается только в связи с грамматической категорией местоимений (стр. 184-190). Остается пожалеть также и о том, что из рассмотрения этой проблемы не сделано тех выводов, которые являются весьма существенными для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

Ничем не оправдано в разделе о глаголе (стр. 190 и сл.) то, что автор обошел молчаньем такую интересную грамматическую категорию, как категория залога.

Слишком абстрактно и суммарно рассматривается вопрос о наклонениях (стр. 199-205). При этом так называемое «желательное наклонение» (оптатив) почему-то оказывается «в системе конъюнктива» (стр. 201). Для тех индоевропейских языков, где названные здесь наклонения последовательно противопоставлялись, такое утверждение лишено оснований.

На примерах из древнегреческого языка можно было бы показать, что такое *coniunctivus* (*volitivus*, *deliberativus*, *prospectivus*) и *optativus* (*desiderativus*, *potentialis*, *praescriptivus*), можно было бы показать особенности повелительного наклонения и т. д.

Среди положительных сторон «Очерков по языкознанию» следует отметить широкое использование в них удачно подобранных примеров из художественной литературы. Этот иллюстративный материал не только украшает книгу, но и облегчает читателю понимание, служит для популяризации науки. Весьма положительным фактом является также и то, что автор широко использует достижения отечественного и советского языкознания, дает примеры, взятые только из надежных источников³.

Как весьма отрадное явление следует отметить и то, что в книге сравнительно немного опечаток. Имеются, например, такие: *КгоШь* вместо *БтоИИ* (стр. 51); *йътетп* вместо *агтегг(п)* (стр. 261); *глинънъ* вместо *глина* или *гнила* (стр. 254); *уадlуlа* вместо *уадlуlи(сmp. 137)*; *лето* вместо *лето* или *лето* (стр. 122); *plemг* вместо *pleme* (стр. 253) и др.

Основным понятием лексикологии, конечно, является «слово». Нет сомнения в том, что нельзя дать универсального, т.е. годного для всех языков и всех времен, определения этого понятия. При определении этого понятия (на данной ступени развития данного языка) следует учитывать особенности грамматического строя языка, о котором идет речь. При чтении «Очерков» об этой

³ Как весьма отрадное явление следует отметить и то, что в книге сравнительно немного опечаток. Имеются, например, такие: *krolіk* вместо *królik* (стр. 51); *dzmern* вместо *dzmerr(п)* (стр. 261); *глинънъ* вместо *глина* или *гнила* (стр. 254); *yaqtula* вместо *yaqtulu* (стр. 137); *лѣто* вместо *лето* или *лето* (стр. 122); *plemĕ* вместо *plémĕ* (стр. 253) и др.

основной величине лексикологии создается представление как о форме, произвольно наполняемой почти каким угодно содержанием. Подобное же представление, к сожалению, можно найти в других учебниках и учебных пособиях, не учитывающих освещение этого вопроса в таком, например, труде, как книга акад. В.В.Виноградова «Русский язык»⁴.

Так как мы не считаем, что вопрос о слове должен даже в учебной литературе решаться в ущерб ясному пониманию природы этого основного понятия лексикологии, нас не может удовлетворить в «Очерках по языкознанию» изложение так называемой «проблемы полисемии». Однако надо признать, что подобным же образом эта проблема излагается в большинстве учебников и учебных пособий.

В этой области необходимо внесение ясности на основе учения классиков марксизма-ленинизма о диалектическом единстве формы и содержания в языке. Обычно у нас рассматривают изменения слова только с точки зрения формы. Фонетические изменения формы (качества, количества и взаиморасположения звуков) признаются «изменением слова» (например: *сънь* > *сон*; *дьнь* > *день*; *лѣсъ* > *лес*; *сждѣ* > *суд*; *пѣть* > *пять*; *седмѣ* > *семь*; *осмѣ* > *восемь* и т. п.).

Напротив, самые существенные изменения слов, изменения в их содержании, считаются только «изменениями значений», а не самих слов (например: *цвѣтъ* «цветок» > *цвет* «окраска»; *село* «поле» > село «селение»; *столь* «кресло» > *стол* – ср. польск. *stół*; *брань* «битва» > *брань* «ругань»; *виноградъ* «виноградник» > *виноград* – ср. польск. *winogrona*; *животъ* «жизнь» > *живот* «чрево, брюхо»; *лѣто* «год» > *лето* «летние месяцы»; *глаголь* «слово, речь» > *глагол* – ср. польск. *czasownik*).

Всякое слово данного языка (здесь не подразумеваются собственные имена) выражает простое для данного языка понятие. Оговорку следует сделать только относительно составных слов. Если еще сохраняется связь их составных частей с соответственными простыми словами (т. е. ясна их этимологическая структура), они могут выражать сложные понятия.

Большинство понятий, выраженных словами, состоит из нескольких признаков. В сочетаниях слов (в контекстах) выделяется то один, то другой признак (соответственно – несколько из общего числа признаков, составляющих данное понятие). Как известно, слова, выражающие родственные понятия, содержащие много общих признаков, называются относительными синонимами (например: *чертить* – *рисовать*, *склянка* – *флакон*, *красный* – *алый*, *гроза* – *буря*, *ветер* – *вихрь*, *кровать* – *постель*), а слова, выражающие тождественные (совпадающие по всем признакам) понятия, – безотносительными (абсолютными) синонимами (например: *рыть* – *копать*, *сталь* – *булат*, *пес* – *собака*, *чудо* – *диво*, *словарь* – *лексикон*, *языкознание* – *лингвистика*).

Злоупотребление неопределенными выражениями «значение» слова и «оттенки значения» слова приводят к неправильному пониманию содержания слова. В слове следует различать фонетическую форму и смысловое содержание (о чем будет сказано ниже). В фонетической форме слова надо учитывать стороны материальную, акустическую (или, соответственно, – графическую) и фонологиче-

⁴ См. В.В.Виноградов. Русский язык. – М.-Л., Учпедгиз, 1947, § 3, стр.8-21.

скую, т. е. свойственное данному языку взаиморасположение звуков и ударение. Смысловое содержание слова состоит из ряда признаков, сгруппированных в понятие. Понятия изменяются, и вместе с ними изменяются слова. Согласно определению В.И.Ленина, «...человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»⁵.

Именно поэтому в языке изменяются слова, конкретные диалектические единства формы и содержания, вспомогательные виды сообщения, существенные языковые исторически сложившиеся величины, а не какие-то туманные «значения». В пределах слов сгруппированы признаки, составляющие свойственные данному обществу понятия: слова выражают характерные для данного коллектива обобщения.

«...Это единичное совершенно не может быть высказано»

Всякое слово (речь) уже <i>обобщает</i> ср. Фейербах.	Чувства показывают реальность; мысль и слово – общее. ⁶
---	--

Слова могут выражать предметные понятия, но также и понятия отношений предметов и явлений. В таких языках, как русский, слова, имеющие грамматические формы, могут одновременно выражать лексические и грамматические понятия.

При установлении признаков выражаемого словом понятия нельзя забывать того, что похожие друг на друга понятия разных языков все же могут содержать различные признаки. Поэтому нам может казаться, что какое-нибудь слово чужого языка выражает не одно, а несколько понятий, так как мы привыкли разделять соответственные понятия в своем языке.

Неправы, например, те, которые думают, что древнегреческое слово *θάλασσα* (*θάλαττα*) будто бы имело такие два «значения»: 1) «море» и 2) «морская вода, соленая вода». На самом деле у древних греков существовало особое понятие, выраженное этим словом, – понятие, не совпадающее по своим признакам с нашими понятиями «море» и «морская вода».

Неправы, конечно, и те, которые стали бы утверждать, что в древнегреческом языке будто бы существовало два различных по своим «значениям», но одинаковых по внешности слова *θάλασσα*. Указанные выше «значения», конечно, нужны в словаре для того, чтобы охарактеризовать содержание (основные признаки) древнегреческого понятия, выраженного словом *θάλασσα*.

Таким образом, кроме: 1) материала, 2) фонетической формы, 3) признаков, объединяемых в определенное (для данной ступени развития общества) понятие, 4) способности сочетаться с другими словами для выражения сложных понятий – у многих слов есть еще: 5) этимологическая структура (обнаруживаемое в них самих отношение-к другим словам данного языка, «внутренняя форма», по обо-

⁵ В.И.Ленин. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии», «Философские тетради», Госполитиздат, 1947, стр.237.

⁶ Там же, стр. 256.

значению А.А.Потебни) и 6) грамматическая форма (выражающая определенным образом грамматическое понятие наряду с лексическим).

В конце первой главы (стр. 98) дается такой вывод: «Слово и понятие глубоко между собой связаны, но они не тождественны». Это, конечно, правильно, если под словом понимать только известную звуковую форму. Но автор «Очерков» понимает слово иначе, как видно из его краткого определения (стр. 99): «Слово – это кратчайшее самостоятельное сложное диалектическое и историческое единство материального (звуки, „формы») и идеального (значение)»⁷.

Нельзя не выразить сожаления также по поводу того, что в разделе о лексикологии и семантике не уделено подобающего внимания области этимологических исследований. А ведь относительно этой области в руководстве по языкознанию надо было бы дать правильное представление, потому что именно здесь человеку, мало знакомому со сравнительно-историческим методом, остается много неясного. Именно здесь непонимание сущности сравнительно-исторического исследования приводит ко всякого рода грубейшим ошибкам и заблуждениям.

С этой точки зрения следует признать, что большим достоинством учебника проф. Л.А.Булаховского «Введение в языкознание», ч. II (Учпедгиз, 1953) является наличие в нем особого раздела (IV) «Этимология слов» (стр. 160 и сл.).

Так как смысл слова мы не противопоставляем его значению, нельзя признать удачным вопрос: «Как же о с м ы с л я е т с я (разрядка моя. – А. Б.) нами значение того или иного слова?» (стр. 12) вместо: «Что такое значение слова?» или «Что мы понимаем под значением слова?»

Неудачным можно считать замечание (стр. 7): «... нельзя изучать язык в отрыве от способов передачи самой мысли». Оно не помогает читателю уяснить сущность диалектического единства языка и мышления.

Нельзя также вполне согласиться с таким противопоставлением языка и мышления (там же): «Язык оперирует словами и предложениями, мышление – понятиями и суждениями. Абстракции языка не всегда и не во всем совпадают с абстракциями мышления». Ясно, что понятия и суждения могут существовать только в форме слов, словосочетаний и предложений. Нам неизвестны абстракции мышления, т. е. обобщения, понятия, категории, которые могли бы существовать не в названной форме.

Пример с категорией грамматического рода должен свидетельствовать только о том, что данная категория в русском языке стала в отношении всех прочих слов, кроме названий живых существ, формальной, грамматической, а не лексической. Здесь следовало бы подчеркнуть, что отношение языка и мышления можно определить как отношение формы и содержания. Таким образом, упомянутый пример свидетельствует об отставании формы от содержания в языке.

---

⁷ В связи с пониманием термина «слово» напомним о существовании специального исследования по истории этого вопроса на украинском языке М.Я.Калиновича – «Поняття окремого слова» («Мовознавство», № 6, Киев, 1935, стр.123-145).

2

Не совсем удачным представляется нам даже самое название второй главы (стр. 100): «Некоторые особенности звуков речи». О каких же особенностях автор решил ничего не говорить в данной главе?

Для популярного очерка следовало бы, конечно, ввести различие между «фонетикой как звуковой системой» данного языка (ср. стр. 101: «Фонетика одного языка, как правило, не похожа на фонетику другого или других языков») и «фонетикой – учением о звуках» (стр. 100). Едва ли можно согласиться с таким утверждением (стр. 102): «Зная русское слово *дом*, легко понять украинское *дiм...*». Если речь идет именно о данных формах названного слова, то русскому, услышавшему в первый раз украинское *dīm*, оно будет столь же непонятным, как, например, *cīm*, соответствующее числительному *семь*. Цитата из «Мартина Идена» (стр. 103) для русского читателя вовсе не является примером того, «как нужно работать над литературным произношением...» Сбивчивым (на стр. 104) является замечание: «в словах *чай* и *пять* гласный, изображаемый различно, имеет одинаковое фонетическое отражение». Что такое «фонетическое отражение» гласного звука? Разве только «лингвист... обязан уметь тщательно различать буквы и звуки»? (там же).

Неудачным является (на стр. 105) «опыт» с немецким словом *Habe*: во время подобного «опыта» может произойти либо смешение подопытного слова с формой *Hiebe* «удары», либо полное разрушение немецкого слова *Habe*. Так или иначе, но нельзя будет сказать, что «все слово станет звучать от этого странно, но смысла своего не изменит». То же самое произойдет и при эксперименте со словом *avoir*: оно либо превратится в *ivoire*, либо перестанет существовать как французское слово.

Не хотелось бы затрагивать здесь вопрос о фонеме, но все же нельзя считать, что он изложен в доступной для неискушенного в фонологических дискуссиях читателя форме: «Так различаются в языке не только буквы и звуки, но и в пределах звуков разные их типы – смысловозначительные звуки, или фонемы, и не смысловозначительные звуки, или так называемые варианты фонем» (стр. 105). Как понять читателю, что «в пределах звуков» различаются разные типы звуков, «смысловозначительные звуки» и т. д.? Если в популярном очерке уместны такие сугубо специальные «псевдотермины», как «фонологическая доминанта» (стр. 106), то мы должны признать, что имеем заведомо превратное представление о популярных очерках.

Не столько облегчающим, сколько затрудняющим понимание является примечание (на стр. 106) о том, «что фонема отнюдь не является единственным фактором, дифференцирующим слова». Автор указывает на то, что «слова различаются прежде всего по своему происхождению, по своему значению, по своей грамматической форме». Возьмем, например, такое сочетание звуков: *пила*. Откуда говорящий по-русски, но не являющийся русистом, может знать о «происхождении» этого сочетания звуков? Он может только связать его с прочими формами либо существительного *пила*, либо глагола *пить* (то, что существительное *пила* по своему происхождению связано с древневерхненемецким *fihala*, *fila*, а форма

глагола *пила* – с корнем форм санскр. *pihâmi*, греч. *πίνω*, лат. *bibō*, др.-ирл. *ibim* и т. д., – может быть ему совершенно неизвестно и даже неважно). Самое важное для говорящего – это, как форма *пила* связывается с прочими формами в пределах основного вида сообщения, т. е. предложения.

Следовательно, «фонема», «происхождение» слова, смысловое содержание или «значение» слова, «грамматическая форма» слова – это понятия принципиально различные, относящиеся к разным отделам языкознания: в фонетике или фонологии именно по фонемам различаются всякого рода звуковые комплексы (формы слов, морфемы, синтагмы и пр.). Несомненно уместным было бы указание на различие фонетического и орфографического слогоделения (на стр. 107). Для ясности (там же) надо было сказать, что в ритмомелодике языка тонами называются различные виды музыкального ударения (слогового, словесного, фразового). Утверждение о том, что в истории латинского языка «наблюдается переход от силового ударения к музыкальному» (стр. 108), является в высшей степени спорным: именно для исторической эпохи развития этого языка несомненным можно считать установление динамического словесного ударения такого типа, как в испанском и итальянском языках.

Неточной также является ссылка на немецкий язык как на язык со «смешанным» (неудачный термин!) ударением: музыкальный характер словесного ударения в нем еще не доказан. Полное недоумение вызывает соединение в одном параграфе второй главы (§ 3) столь различных явлений, как «ритмико-мелодический рисунок речи (интонация)» и «явления ассимиляции и диссимиляции звуков». Неясно изложен вопрос об «интонации», потому что не указано, каково отношение «интонации» к «музыкальному ударению» (слова и предложения). С одной стороны, «интонация» противопоставляется «ударению», а с другой стороны, она же включается в «ударение» (стр. 112-113) путем противопоставления «двух типов интонации».

Теория дифтонгов изложена по Л.В.Щербе (стр. 116-117), но хорошо было бы упомянуть, что существует и противоположный этому взгляд. Неудачным является выражение: «последующий звук..., уподобляя себе предшествующий..., создает ассимиляцию» (стр. 117). Непонятно (там же) выражение: «общий принцип глухих согласных». Со стороны стилистической нехорошо такое утверждение: «ассимиляция очень часто отражается и в орфографии, вытесняя ранее бытовавшие в ней написания» (стр. 119).

В высшей степени уместным в популярном очерке является параграф о звуковом фонетическом законе (§ 4 второй главы), но его не следовало бы соединять с вопросами о графике и орфографии. Вторая часть упомянутого параграфа, по-видимому, озаглавлена неточно: «Фонетика, орфография и история языка». Вероятно, лучше было бы написать здесь «история письма». Неудачны примеры «фонетической транскрипции» на стр. 127: во-первых, в них отсутствует обозначение ударения, во-вторых, громоздко передана долгота согласного (*dd*), в-третьих, отсутствует обозначение редукции гласного в послеударном слоге.

Конечно, говоря о «звуковом законе», уместно было бы указать на то, что исключения из него объясняются взаимодействием составных частей языка (на-

пример, взаимодействием парадигм, грамматической аналогией) и соприкосновением и взаимодействием языков (заимствованиями и пр.). Об этом не сказано с необходимой для популярного очерка ясностью.

Совершенно не удовлетворяют нас беглые замечания об истории письма (стр. 128-129). Очки на вывеске оптического магазина вовсе не могут служить примером «идеографии» – это скорее всего именно «пиктография». Примером идеографии в условиях окружающей нас действительности могут служить цифры и некоторые другие математические знаки. Неправильным является утверждение (там же) о том, что так называемое слоговое письмо «основывалось на членении слова на слоги»: слоговое письмо передавало не только собственно слоги, но иные (часто гораздо более сложные, чем слоги) сочетания звуков (ср., например, элементы слогового письма в Египте, в Месопотамии, на Крите).

Неудачен термин «идеографически-иероглифическое» письмо (там же). Образцов последовательного идеографического письма мы не знаем (без элементов фонетического письма): древнеегипетское иероглифическое письмо, ассиро-вавилонская клинопись, китайское письмо наряду с настоящими идеограммами содержат фонетические знаки (т. е. передающие не понятия, а именно слова данного языка); их лучше всего называть «идео-фонетическими» системами письма. Выражение «абстрактные представления» вместо «абстрактные понятия» нельзя признать уместным (стр. 129).

Не будем дальше излагать отдельные критические замечания, но выскажем только пожелание о том, чтобы во втором издании «Очерков» эта вторая глава была бы значительно усовершенствована. Никак нельзя признать, что фонетика принадлежит к тем разделам языкознания, которые хорошо известны неспециалистам. Нелегко, конечно, кратко и просто изложить основы современной нам фонетики, но в популярном очерке такое изложение необходимо. Этого еще не удалось сделать Р.А.Будагову. Следовало бы, конечно, подчеркнуть, что из всех областей языкознания именно фонетика своими экспериментально-инструментальными методами исследования наиболее приближается к точным наукам.

3

Наименее нас удовлетворяет пятая глава – «Развитие языков и их классификация», а внутри этой главы § 2 «Генеалогическая классификация языков и сравнительно-исторический метод в языкознании» (стр. 251-267).

Из этой главы читатель не вынесет правильного представления о сравнительно-историческом языкознании и о сравнительно-историческом методе. А ведь даже на трех-четырех страницах можно было бы дать характеристику той совокупности приемов исследования, которая называется сравнительно-историческим методом.

Можно было бы указать: 1) на различие между универсальным методом исследования – марксистским диалектическим методом – и специальным методом или совокупностью приемов исследования языкового материала; 2) на то, что сравнительно-исторический метод дает возможность сравнивать в исторической

перспективе не только отдаленно родственные языки, близко родственные языки, диалекты общенародного языка, но и факты одного и того же языка на разных ступенях его развития; 3) на то, что понятие родства языков является обязательным для сравнительно-исторического языкознания и что это родство может быть установлено только на основе названного метода; 4) на то, что в отличие от сопоставительного метода (при изучении неродственных языков) для сравнительно-исторического метода характерно сравнение грамматического строя и словарного состава языков с учетом их изменения, их истории; 5) на то, что для сравнительно-исторического метода характерно: установление соответствий в области фонетики, морфологии и синтаксиса между родственными языками; восстановление фактов и явлений с учетом относительной и безотносительной (документально-подтверждаемой) хронологии; сравнение не отдельных слов и форм слов, но слов и форм, являющихся частями какой-либо системы (парадигмы) в пределах сопоставляемых языков. Нужно было бы, наконец, указать на те неудобства, которые имеются в применении сравнительно-исторического метода: неполнота и пестрота (различное качество) материала, которые не дают возможности сочетать относительную хронологию с безотносительной, субъективизм при расположении фактов в порядке относительной хронологии, неразработанность основ семантики и синтаксиса.

Конечно, в вопросе об установлении родства языков надо было бы на первое место поставить сравнение в исторической перспективе грамматического строя языков, а не словарного состава их.

Теперь еще несколько менее принципиальных замечаний. На стр. 252 говорится о том, что «индоевропейские языки распадаются на 12 групп». Так ли это? Если следующий ниже перечень считать «группами», то их будет больше: 1) индийская, 2) иранская, 3) тохарская, 4) азиатская (хеттский клинописный язык и др.), 5) армянская, 6) фракийская, 7) албанская, 8) иллирийская, 9) греческая, 10) итальянская, 11) романская (происходящая от латинского языка итальянской группы), 12) кельтская, 13) германская, 14) балтийская, 15) славянская.

Неясно, что имел в виду автор, утверждая (на той же странице), что историческое развитие языка «определяется общественной природой языка».

По-видимому, нет достаточных оснований утверждать, что такие слова, как румынские *tatǎ* и *tamǎ*, «славянского происхождения» (стр. 255), потому что подобные же образования (например, греч. *tatá*, *μάμνη*) встречаются не только в славянских языках.

В испанском языке *techo* (< лат. *tectus*) – бытовое слово («постель»), и оно не вытеснено словом *cama* («кровать»), ср. греч. *χαμαί*.

Степени родства языков, по нашему мнению, лучше называть – «близкое родство» и «отдаленное родство», чем – «прямое» и «опосредствованное» (там же).

Слово *ród* в польском языке не обозначает «фамилия» и вообще выражает то же понятие, что в русском слово *род*.

Отсутствие примеров из области морфологии в том месте, где речь идет о грамматическом строе языков (стр. 256-257), очень вредит пониманию родства языков. «Материальная общность языков» остается чем-то неопределенным, а

ведь достаточно было бы вспомнить спряжение глагола *быть* в различных индоевропейских языках (например, хет. *esmi*, санскрит. *asmi*, др.-перс. *ahmi*, ст.-лит. *esmi*, ст.-слав. *ѣсмь*, аттич. *εἰμί*, лат. *sum*, гот. *im* и т. п.) для того, чтобы стало ясным читателю общее происхождение не только корня **es-/s-*, но и личного окончания **-mi*, а также всей парадигмы спряжения индоевропейских языков.

На стр. 257, очевидно, опечатка: вместо слова *факт* напечатано *фактор* («фактор односложности»).

На стр. 258 по недоразумению сочетание слов *дочь художника* названо «предложением» (вторая строка сверху). А между прочим, действительно, для сравнения родственных языков лучше было бы взять не сочетание слов, а именно предложение.

К сожалению, нам неизвестно, кого именно имеет в виду автор «Очерков», когда пишет: «Следовательно, широко распространенное в современной западно-европейской и американской лингвистике положение о том, что при определении родства языков лексика не имеет никакого значения, что все определяется только грамматикой, нужно признать ошибочным» (стр. 259). Если речь идет, например, об антиисторическом понимании родства языков («приобретенное родство») в статье Н.С.Трубецкого⁸, то это понимание нельзя считать «широко распространенным».

Надо сказать, что Р.А.Будагов, очевидно, склонен отдавать предпочтение в вопросе о происхождении индоевропейских языков «теории волн» Иоганнеса Шмидта и ставить под сомнение возможность существования индоевропейского «языка-основы». Так надо, видимо, понимать следующее высказывание: «...в то время как непосредственно родственные языки обычно прямо происходят из единого источника (языка-основы), языки, связанные между собой опосредствованным родством (например, индоевропейские языки в целом), одного источника могут и не иметь, развиваясь из нескольких источников» (стр. 259).

Пожалуй, эта мысль является слишком важной для сравнительно-исторического языкознания вообще, чтобы высказывать ее между прочим и без надлежащей аргументации. Получается так, что родство славянских языков – это родство историческое, а родство, например, славянских языков и романских – это только «схождение», приобретение общих черт в процессе взаимодействия этих языков. Тогда почему не сказать, что грамматический строй данного языка может сложиться в результате взаимодействия разных неродственных языков? Это в высшей степени сомнительно.

Не совсем четко определено отношение так называемой генеалогической классификации и морфологической (типологической) классификации языков (стр. 261-262). Надо было бы с самого начала сказать о том, что эти классификации представляют два совершенно различных подхода к рассмотрению языков мира. Генеалогическая классификация обозначает только указание на общность языков по их происхождению (поэтому при отсутствии установленного родства с другими языками языки остаются «не классифицированными»), типологическая

⁸ N.S.Trubetzkoy. Gedanken über das Indogermanenproblem. – Acta Linguistica. – Vol.I. – Fasc. 2. – Copenhagen. – 1939. – С.81-89.

же классификация может вовсе не учитывать происхождения и вообще истории языков: она основана только на сходствах и различиях грамматического строя языков в определенном их состоянии, только на данной ступени их развития.

Поэтому необоснованным остается требование, предъявляемое к типологической классификации на стр. 261: «Классификация языков по их морфологическому типу пока не совсем удастся, так как невозможно установить, в какой последовательности развивались эти морфологические типы». Последовательность изменений представляется важной там, где речь идет об истории. То, что из различия типов грамматического строя языков делали неправильные выводы о развитии типов, не является недостатком типологической классификации. Также и тот факт, что некоторые исследователи неправильно применяют сравнительно-исторический метод, не умаляет достоинств самого метода.

Какое-то недоразумение кроется, вероятно, в таком утверждении: «Китайский язык, хотя и не имеет большого количества флективных форм...» (стр. 261). В статье проф. Н.И.Конрада «О китайском языке»⁹, на которую ссылается автор, насколько мы понимаем, о «флективных формах» современного китайского языка ничего не говорится: морфологическая членимость слов и их флективность, конечно, далеко не одно и то же.

Мы не можем согласиться с категорическим утверждением (на стр. 264), что «недостатки» сравнительно-исторического метода «действительно очень значительны». То, что дальше говорится об этих «недостатках», относится вовсе не к методу, а к тем, которые не умели применять его в своих исследованиях или неправильно его применяли. Нельзя, например, упрекать палеонтологов в том, что они по зубам ископаемого животного определяют, к какому отряду какого класса принадлежало животное, но не могут определить, было ли съедобным его мясо. Виноват не метод сравнительной анатомии, а характер материала. Нельзя признать недостатком сравнительно-исторического метода, например, то, что «при помощи» его «далеко не все явления родственных языков могут получить объяснение» (стр. 265).

Не стоило бы приводить примера невозможности восстановления конечного *m* винительного падежа форм *portam* и *murum*: ведь о восстановлении того, что не оставило следов в языке, не может быть и речи! Мы ведь не предлагаем, например, восстановить формы двойственного числа в спряжении латинских глаголов, но зато мы на основании фактов других языков (например, санскрита, литовского, древнегреческого, старославянского, готского) знаем, что в древнейшем состоянии индоевропейских языков такие формы должны были существовать. Само собой разумеется, что пределы восстановления фактов зависят от сохранности материала. Однако это нельзя назвать недостатком данного метода.

Поэтому мы полагаем, что (на стр. 266) автору следовало бы в нижеследующей цитате вместо «не только» сказать «не столько»: «Недостатки сравнительно-исторического метода определяются, таким образом, не только самим методом, но и своеобразием того материала, к которому этот метод применяется».

⁹ См. Н.И.Конрад. О китайском языке. – Вopr. языкознания. – М., 1952. – № 3. – С.45-78, особенно выводы на стр. 77-78.

По нашей обязанности критика мы, естественно, обращаем внимание на то, с чем мы в «Очерках по языкознанию» не можем согласиться. Однако наряду с этим мы хотим подчеркнуть и то, чего, по нашему мнению, недостает и что являлось бы там совершенно уместным.

На стр. 8 совершенно правильно говорится о сопоставлении родственных языков: как о способе обнаружить их особенности, но сопоставление может в этом смысле-оказаться полезным и при рассмотрении неродственных языков. Если же речь идет о сравнении родственных языков, то следует подчеркнуть важность сравнения языков в исторической перспективе, с учетом изменений грамматического строя и словарного состава. Отсюда станет понятным и значение сравнительно-исторического метода в отличие от просто сопоставительного метода исследования.

Отсутствие особой главы о сравнительно-историческом языкознании и сравнительно-историческом методе значительно обедняет «Очерки по языкознанию». Наше советское языкознание в настоящее время немыслимо без такой своей составной части, в которой наилучшим образом осуществляется требование историзма, исторического подхода к фактам и явлениям языка. Само собой разумеется, что оно не может ограничиваться описанием языков, хотя в области описания языков наиболее наглядно теория сочетается с практикой.

Р.А.Будагов совершенно последовательно не включил в свое изложение основ науки о языке сведений по истории этой науки. Исключение представляет только глава четвертая «Происхождение языка», где такие сведения по самому существу вопроса являются необходимыми. Сами по себе эти сведения по истории могли бы составить содержание другой книги не меньшего сравнительно с «Очерками» объема. Но в «Очерках» – это самая небольшая глава. Естественно, что при незначительном объеме-данной главы трудно было изложить в ней историю такого сложного и отчасти выходящего за пределы языкознания вопроса. Автору удалось показать, что решить вопрос о происхождении человеческой речи возможно, как на это указали классики марксизма-ленинизма, только на основании данных палеонтологии, антропологии, этнологии, психологии, истории и других наук в сочетании с данными языкознания.

Мы не можем также не отметить, что, по нашему мнению, недостатком в целом интересной и полезной книги Р.А.Будагова является то, что в ней не рассматривается проблема методов или приемов исследования языков. Этот существенный вопрос остался в тени, а между тем именно он должен интересовать пытливого читателя. Отсутствие ясных указаний на приемы исследования дает о себе знать особенно в третьей главе («Грамматический строй языка»). Из-за того, что нет этих указаний, изложение (вообще легкое и живое) местами становится догматичным.

Большинство вопросов, рассматриваемых в рецензируемом труде, конечно, относится к области описательного языкознания, но это обстоятельство не устраняет сказанного о желательности дать в книге учебного характера представление о методах или приемах исследования языков. Слишком многое зависит от них и в этой области. Мы хотели бы найти здесь ответ хотя бы на один вопрос: какие

существуют приемы описания грамматического строя языка в данной его разновидности и на данной ступени его развития?

В связи с этим находится также ответ на вопрос: в чем заключается различие между школьной, нормативной, традиционной и собственно научной описательной грамматикой? Несомненно, ответить на этот вопрос нельзя без обращения к истории. Здесь можно было бы рассказать, чем отличается, например, «Грамматика» Дионисия Фракийца, учебник синтаксиса Аполлония Дискола, «Ars grammatica» Элия Доната и «Institutiones grammaticae» Прискиана и т. п. от современной нам «Грамматики русского языка», составленной сотрудниками Института языкознания АН СССР (М., 1952).

Мы здесь, конечно, намеренно предлагаем для сравнения с учебниками античных филологов «Граматику русского языка» как в большей мере отражающую достижения современного нам советского языкознания, чем, например, «Древнегреческий язык» С.И.Соболевского (1948) или «Грамматика латинского языка» (1938) того же автора.

Именно в наши дни следует пожалеть о том, что в «Очерках по языкознанию» так мало внимания уделено сравнительно-историческому языкознанию, сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, особенностям сравнительно-исторического метода. Об этом последнем сказано только в связи с так называемой генеалогической классификацией языков (стр. 251-267).

Здесь, конечно, нет необходимости еще и еще раз говорить об исключительной важности сравнительно-исторического метода для общего языкознания. Можно, однако, указать на то, что в нашей новой учебной литературе, как это ни странно, основы сравнительно-исторического языкознания излагаются все еще мимоходом и далеко не удовлетворительно. Нет ничего удивительного в том, что в учебнике 1945 года¹⁰ о сравнительно-историческом языкознании и о сравнительно-историческом методе не дано ясного понятия, но нельзя не удивляться тому, что в книге проф. А.С.Чикобава «Введение в языкознание» (ч. I, М.; два издания – 1952 и 1953 гг.) об этой важнейшей отрасли языкознания говорится только между прочим и опять-таки лишь в связи с генеалогической классификацией языков (см. стр. 191-198).

Само собой разумеется, что сравнительно-исторический метод важен не только потому, что на основании его удалось доказать родство индоевропейских и других языков. Этот метод важен особенно потому, что, опираясь на него, можно установить законы или закономерности развития языков. Установление же их является главной задачей языкознания¹¹.

Вообще проблема законов и закономерностей в развитии языков, к сожалению, далеко недостаточно освещена в «Очерках». Она, конечно, не сводится только к «вопросу о звуковом законе» (см. стр. 122 и сл.). А между тем было бы очень желательным и ценным, если бы автор книги высказал бы свое мнение о

---

¹⁰ См. Р.О.Шор и Н.С.Чемоданов. Введение в языковедение. – М.: Учпедгиз, 1945 (ср. §§ 63 и 88).

¹¹

том, что называть законом или закономерностью в языкознании, в чем отличие законов развития языка от законов развития иных общественных явлений.

Советские языковеды, естественно, немало уже успели высказать соображений по поводу того, что следует различать общие законы развития всех языков и законы развития таких-то семейств, групп и отдельных языков.

Сделанные здесь замечания о некоторых недостатках в целом интересной книги проф. Р.А.Будагова вовсе не означают того, что мы не можем рекомендовать ее учащейся молодежи. Мы приветствуем инициативу, проявленную автором «Очерков по языкознанию» в деле популяризации некоторых разделов общего языкознания. Мы надеемся, что высказанные здесь соображения помогут впоследствии сделать автору эту свою книгу еще более полезной во втором ее издании. Для нас самое главное то, чтобы читатель рассмотренной книги правильно понял, каковы наиболее важные проблемы в области языкознания, какими средствами располагает эта наука для решения своих основных задач, что составляет содержание ее основных разделов.

У читателя «Очерков по языкознанию» может остаться превратное представление о том, что в центре всех проблем современного нам языкознания находятся проблема слова и его «значений» и проблема грамматических категорий. Поэтому автор поступил бы правильнее, если бы точнее определил место тех проблем, которые он подробно рассматривает в своей книге, среди прочих наиболее важных вопросов науки о языке.

Л.А.Булаховський.
Нариси з загального мовознавства. –
К.: Державне учбово-педагогічне видавництво
«Радянська школа», 1955, 248 стор.¹

Після дискусії 1950 р. з основних (як здавалося на той час) проблем мовознавства три видатних учених Радянського Союзу – академіки А.С.Чикобава, Л.А.Булаховський і В.В.Виноградов почали складати підручник «Вступ до мовознавства» («Введение в языкознание») за новою програмою для гуманітарних факультетів вищих навчальних закладів. Безпосереднім наслідком праці було видання двох частин «Вступу до мовознавства»².

У «Нарисах з загального мовознавства», крім лексикології, Л.А.Булаховський опрацював і інші розділи (морфологію, синтаксис та стилістику). Окремими частинами «Нариси з загального мовознавства» було опубліковано в нашому журналі: (1952 р., №№ 3, 4, 5, 6; 1953 р., №№ 1, 2, 3, 4, 6; 1954 р., №№ 2, 4). «Нариси», видані 1955 року, складаються з трьох частин (І. «Лексикологія» з «Лексикографією» і «Етимологією», ІІ. «Морфологія» і «Синтаксис», ІІІ. «Зауваження про мовний стиль»).

Як докладно опрацьовано в «Нарисах» лексикологію (перша частина) порівняно з морфологією, синтаксисом і стилістикою, можна перекоонатися хоча б із того, що з 244 сторінок на першу частину припадає 156, а на дві інші – 184.

Ця увага до лексичної сторони мови характерна для нових посібників із загального мовознавства.

---

¹ Уперше опубліковано в: Українська мова в школі. – 1958. – № 3. – С.84-87.

² А.С.Чикобава. Введение в языкознание, ч.І, 1952 і без значних змін – 1953; Л.А.Булаховський. Введение в языкознание, ч.ІІ, 1953, і з змінами та доповненнями – 1954; в третій частині мало йтися про морфологію та синтаксис. Перші дві частини перекладено різними мовами. Відзив про першу частину див. у нашому журналі, 1954, № 3, стор. 71-75; про другу частину (перше видання) див. там же, стор. 76-77 і 93-96.

«Нариси з загального мовознавства» Л.А.Булаховського в нашому не дуже обширному арсеналі наукових праць у цій галузі є значним досягненням. Вони мають певні переваги над посібниками проф. О.О.Реформатського («Введение в языкознание», Учпедгиз, 1955) і проф. Р.О.Будагова («Очерки по языкознанию», вид. АН СРСР, 1953), зокрема щодо розуміння основ порівняльно-історичного мовознавства.

Ми не можемо тут спинятися на викладі основних концепцій автора в галузях лексики, морфології та синтаксису; це – завдання окремої статті. Ми лише обмежуємося кількома окремими зауваженнями, оскільки знаємо, що автор тепер готує нове видання своїх «Нарисів».

Уже давно існує потреба переглянути вузівські програми з «Основ мовознавства» (відповідно «Вступ до мовознавства» і «Загальне мовознавство») залежно від того, чи йдеться про мовознавство як про загальноосвітню дисципліну, чи як про спеціальну дисципліну (для майбутніх мовознавців). У першому випадку курс основ мовознавства, справді, має бути енциклопедичним і охоплювати не лише характеристику окремих галузей, а й історію цієї науки, її методику і той комплекс проблем, які об'єднуються під назвою лінгвістичної географії. Навпаки, в другому випадку, коли можна зважати на існування спеціальних курсів (історія мовознавства, методика лінгвістичних досліджень, вступ до порівняльно-історичної граматики індоєвропейських мов, загальна фонетика і т. п.), до основ мовознавства треба завести далеко менше окремих тем.

Значною перевагою «Нарисів» перед іншими працями цього типу є дуже добре дібраний ілюстративний матеріал (екземпліфікація), в основному в галузі слов'янських, романських і германських мов, почасти з латинської мови, далеко менше – з неіндоєвропейських мов. Це пояснюється тим, що автор «Нарисів» за своєю основною спеціальністю – славіст і писав свій посібник з огляду на основні спеціальності, представлені на філологічних факультетах університетів і педагогічних інститутів нашої республіки.

Звичайно, виклад основ загального мовознавства навряд чи можна побудувати на матеріалі якоїсь однієї мови чи навіть однієї групи мов або мовної родини. Дуже часто авторам підручників з загального мовознавства доводиться використовувати ілюстративний матеріал, що називається – не з перших рук і тим самим наражатися на небезпеку перекопання окремих фактів, далеких від їх компетенції (пор. у «Введении в языкознание», ч.І, приклади з китайської мови на стор.183).

Оскільки в «Нарисах» багато уваги приділено лексичній стороні мови, а в лексиці одним із найважливіших понять (принаймні, для таких мов, як українська) є «Слово», читач навряд чи зможе зрозуміти, чому про «Слово» не йдеться в першій частині, присвяченій лексикології. Ми можемо погодитися з думкою про те, що в нашій науці нема і, мабуть, не може бути універсального (придатного для всіх мов) визначення цього поняття. Проте в «Нарисах» ми несподівано серед синтаксичних категорій знаходимо поняття «слово», саме з спробою його універсальної дефініції. На жаль, ми ніяк не можемо погодитися з визначенням слова, або лексеми, що дається на стор. 209 (§ 34): «слово... можна визначити як смис-

ловий зміст, що передається звуками... мови (рідко одним звуком), як сполучення (єдність), що не припускає свого розриву іншими подібними». Не можемо ми погодитися і з тим, що «слово» слід віднести до «основних понять синтаксису». Для нас немає сумніву в тому, що не «слово» само собою, а «форма слова» є однією з основних величин граматики взагалі і зокрема синтаксису.

Оскільки в мові немає величин без значення (його не має окрема фонема), ми насамперед пропонуємо розрізняти просто «значення» і «смисловий зміст» (змісто́ве значення, смисл, смислове значення, концептуальний зміст і т. п.). Навряд чи можна сумніватися в тому, що «смисловий зміст» має кожна самостійна і несамостійна морфема. Отже, на відміну, наприклад, від фонemi з у нашому слові *знак*, яка має лише значення, коренева морфема (*зна*) має свій певний для нашої мови смисловий зміст (пор. дієслово *знати*).

Слово – це категорія історичного мовознавства. В описовому мовознавстві при морфологічному аналізі «усного» чи «письмового» тексту йдеться насамперед про морфему як про основну величину. Поділ морфем на самостійні (вільні) і несамостійні (зв'язані) має другорядне значення. Те, що було сказано про слово як лексичну величину і про форму слова як граматичну величину, треба сказати про словосполучення і сполучення форм слів (відповідно – синтагму в граматичному, а не у фонетичному розумінні). Словосполучення (стале, постійне, лексичне) є лексичною величиною, яка реалізується в складі речення і може мати різні граматичні форми (наприклад, *читати книгу*, *читав книгу*, *читатимеш книги*, *прочитають книги* і т. д.). Синтаксичною величиною є, звичайно, конкретне сполучення форм слів, реалізованих у межах речення. Лексичну величину, що виступає в кожній із своїх граматичних форм, можна називати просто словосполученням, причому слід розрізняти, принаймні, «сталі» і «застиглі» словосполучення (*читати книгу* – це стале словосполучення: обидва члени підлягають «змінам», навпаки, *ітии світ за очі* – це застигле словосполучення: бо *світ за очі* в такій послідовності і в такому розумінні виступає лише в цьому сполученні). Поділ на «граматичне» і «лексичне» (який здавався таким простим, поки в мовознавстві минулого століття йшлося про мовний матеріал європейських мов) класифікований за правилами традиційної граматики латинської мови, тепер потребує визначення свого *principium divisionis* (основного принципу розрізнення). Цей принцип, очевидно, можна вбачати (підходячи з боку змістового значення) в протиставленні групового (типового, колективного, множинного) як граматичного індивідуальному (окремому, одиничному) як лексичному. Проте такий загальний принцип потребує всяких конкретних уточнень залежно від граматичної будови мов, про які йдеться. Не менше значення тут має підхід до мовного матеріалу (ми слідом за Ф. де Сосюром розрізняємо насамперед синхронічний і діяхронічний підходи).

У параграфі (10, стор.167), присвяченому інфіксам, не згадується про дуже поширені в слов'янських мовах, зокрема в російській та українській, голосні інфікси, що виникли на основі колишнього чергування голосних, наприклад, *вікно* – *вікон*, *окно* – *окон*, *пісня* – *пісень*, *песня* – *песен* і т. п. З діяхронічного погляду – тут наслідки колишнього чергування голосних, а з синхронічного – інфіксація голо-

сних, при якій відповідні голосні інфікси входять до характеристики родового відмінка множини. Хоч як ми оцінюємо протиставлення синхронії та діахронії, воно виявляється потрібним у дослідженні першого-ліпшого мовного матеріалу. На цьому важливому для сучасного мовознавства протиставленні Л.А.Булаховський, на жаль, не спиняється в своїх «Нарисах».

Шкода, що розділ (IV) «Етимологія» виявився відірваним від розділів «Семасіологія» (I) і «Лексикологія» (II) через окремих розділ «Лексикографія», який передує цьому IV. На нашу думку, «Етимологія» (ми розрізняємо «етимологіку» – галузь лексикології і «етимологію» – етимологічний зв'язок, наслідок етимологічного дослідження) є частиною історичної лексикології, основою на застосуванні порівняльно-історичного методу (див. § 71). Нам здається, що зовсім не на місці в цьому розділі параграф (73) «Так звана народна етимологія», бо про неї слід говорити в зв'язку з лексичною асиміляцією (на жаль, такого окремого параграфа в «Нарисах» немає) і контамінацією (пор. §§ 27, 44-55). У всякому разі очевидно, що під «Етимологією» в «Нарисах» розуміється методика етимологічних досліджень, а «народна етимологія» («паретимологія», «паретимологічна атракція» і т. п.) – це специфічне явище розвитку лексичного складу мов, як і так звана «деетимологізація» (§ 27), що про неї ідеться в розділі «Семасіологія» (I).

В історії лінгвістичної науки (починаючи від Мішеля Бреалья і його «Нариси семантики») міцно вкоренилася «лексична» концепція семантики – семасіології. Згідно з цією концепцією, названа галузь мовознавства «вивчає значення і зміни значень слів» (стор. 7), а «значення і зміни значень» форм слів належать до компетенції грамматики.

Штучним і недоречним видається поділ на «семасіологію» і «лексикологію». Якщо семасіологія – це наука про змістовий (смісловий) бік мовних елементів або складових частин мови, то її не можна відокремити ні від фонетики, ні від морфології, ні від синтаксису і тим більше – від лексикології. Крім того, лексикологія без «семасіології» виявляється просто неможливою.

У «Нарисах» виклад лексикології, тобто вчення про індивідуальний смисловий зміст ізольованих із контексту (мовного потоку) морфем і їх сталих сполучень, починається з розділу I «Семасіологія» (69 стор., §§ 1-27), далі йде розділ II «Лексикологія» (18 стор., §§ 28-36) без назви, потім «Стилістичні особливості лексичного складу» (§§ 37-43), «Запозичення слів» (§§ 44-55) і «Очищення мови від елементів, що вважаються небажаними» (§§ 56-58). Розділи III – «Лексикографія» (§§ 59-69) і IV – «Етимологія» (§§ 70-73), зрозуміло, міцно пов'язані з першим і другим розділами. Ми знаємо, що така будова загальної лексикології зумовлена в «Нарисах» тими програмами курсів мовознавства, які вважалися зразковими і значною мірою обов'язковими до жовтня 1956 року, коли в МДУ відбулася перша всесоюзна міжвузівська нарада викладачів лінгвістичних дисциплін. Можна сподіватися, що в наступному виданні «Нарисів» автор, уже не обмежений вимогами старих програм, дасть усій першій частині належну їй назву «Лексикологія», в рамках якої знайдуть своє місце розділи «Описова лексикологія» (характеристика і класифікація мовних елементів за їхнім індивідуальним змістом) та «історична лексикологія» (огляд розвитку мовних елементів у часі й просторі).

З найважливіших питань сучасного мовознавства, які не знайшли належного висвітлення в «Нарисах», слід згадати питання про закони і закономірності розвитку мов. Після лінгвістичної дискусії 1950 р. це питання жваво обговорювалося нашими мовознавцями, але обговорення, на жаль, набуло догматичного характеру. Можна зазначити, що «закони» до цього часу були встановлені переважно в галузі порівняльно-історичної фонетики індоєвропейських мов. Оскільки кінцевою метою кожної науки є не тільки опис фактів і явищ, а й формулювання законів розвитку, нам здається конче потрібним у підручниках і посібниках із загального мовознавства в окремому розділі чи параграфі спинятися на цьому важливому питанні.

Значним недоліком старих підручників загального мовознавства була відсутність у них окремого розділу про методи дослідження мовного матеріалу. Про порівняльно-історичний метод студент ще міг скласти собі уявлення, ознайомившись з «Введением в сравнительное изучение индоевропейских языков» (М.–Л., 1938) і «Сравнительным методом в «историческом языкознании» (М., 1954) Антуана Мейє. Але щодо інших (за винятком експериментально-інструментального) йому і досі не вистачає літератури.

Про порівняльно- історичний метод читач «Нарисів» довідується переважно з розділу (IV, ч. I) про «Етимологію».

У нас нема сумніву в тому, що й інші методи (прийоми дослідження) повинні бути висвітлені в підручниках із загального мовознавства.

На жаль, у «Нарисах» зовсім немає таких важливих розділів, як фонетика та фонологія. Навряд чи може існувати сумнів у тому, що основи загальної фонетики поруч із фонетикою якоїсь окремої мови мають велике значення в справі підготування майбутніх мовознавців і взагалі філологів.

У викладі основних понять синтаксису Л.А.Булаховський оминає *синтагми* і все, що з ними пов'язане. Незважаючи на певні недоліки теорії синтагматичного членування речень, поняття «синтагма» виявилось корисним у радянському мовознавстві³. В усякому разі, воно и тепер заслуговує того, щоб йому присвятити параграф у викладі основ загального мовознавства.

Не можна не висловити жалю і з приводу того, що в «Нарисах» лишилася зовсім невисвітленою лінгвістична географія, яка має не тільки спеціальне, а й загальноосвітнє значення, без знання основ якої тепер важко уявити собі освічену людину.

Шкода, що не розглянуто питання про типологію мов. Навряд чи можна погодитися з думкою про те, що типологічна класифікація мов тепер застаріла (після останньої спроби класифікації в книзі «Мова» Едварда Сепіра), бо типів мов нібито стільки ж, скільки окремих мов.

На жаль, не розвиненою лишилася в «Нарисах» частина, присвячена теорії перекладу (пор. «Вимоги до перекладу», ч. III, § 3), хоч вона, на нашу думку, має не менше значення, ніж, наприклад, розділ (ч. I, р. III) про «Лексикографію».

---

³ Пор. Л.В.Щерба. Фонетика французского языка. М., 1953, стор.92-101 (Ритмическая группа, синтагма, фраза) і В.В.Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, зб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стор. 183-256.

Саме тепер, у зв'язку з першими спробами машинного (автоматичного) перекладу і розширенням міжнародних зв'язків, ця теорія викликає інтерес не лише мовознавців, а й широких кіл неспеціалістів. Бажано було б у зв'язку з висуненими за останній час на широке обговорення мовознавчими проблемами в окремому параграфі розглянути питання про штучні допоміжні інтернаціональні мови.

Дуже цікаве і питання фонетики індоєвропейських мов – це питання про діахронічні та синхронічні чергування голосних. Ми згадуємо тут про нього лише принагідно, в зв'язку із зіставленням індоєвропейських і семітичних мов. Якщо тут може бути аналогія, то її слід вважати цілком синхронічною. Навряд чи можна говорити просто про «чергування» голосних у семітичних мовах (§ 16, стор. 178). Між чергуванням голосних першої (пор., напр., «тру, тер, розтираю, торую» і т. п.) і так званою внутрішньою флексією другої мовної родини є історична і функціональна різниця (пор. арабські *aktubu* – «пишу», *katabtu* – «писав, написав», *Harfun* – «буква», *Harūfun* – «букви» і т. п.). Якщо в індоєвропейських мовах чергування голосних (власно кажучи, фонетичні зміни того самого голосного, наприклад, *е ↔ о ↔ нуль*), історично зумовлене фонетичними причинами (пересування наголосу, дистанційна асиміляція голосних), набуває лише додаткового морфологічного значення, в семітичних мовах «внутрішня флексія» має яскраво виражений морфологічний характер. Так, наприклад, паралельно з одніною *baHrun* («море») існують чотири форми множини: *biHārun*, *buHūrun*, *abHārun*, *abHurun* («моря»). Ясно, що тут не йдеться про перехід *а>і*, *нуль>ā*, *ā>ū*, *нуль>ū* і т. д. або про виникнення протетичного *а*. Справа полягає в існуванні загальних морфологічних схем вокалізації консонантних «скелетів» (кістяків кореневих морфем).

Не зовсім відповідають своїм назвам у розділі (II) «Синтаксис» §§ 46, 47 («Розвиток граматичних систем» і «Значення граматики»). Перша назва звичайно пов'язується з поняттям розвитку певного типу граматичної будови (наприклад, флективного типу, аглютинативного типу і т.д.). Друга назва тепер може дезорієнтувати читача: питання про «значення» (важливість) граматики (форм слів і словосполучень і т.п.) було поставлено під час полеміки проти антиісторичних декларацій маррівського типу.

Серед інших дрібних зауважень згадаємо небажаний вираз «формальні мови» (стор. 165, § 9): якщо йдеться про граматичну форму, то вона, звичайно, може виражатися не лише за допомогою афіксації. Отже, виникає сумнів у тому, чи можуть існувати «неформальні мови»? Навряд чи є потреба вживати замість «основа» (лексична частина) і «афікс» (граматична частина) такі синоніми, як «матеріальна частина слова (лексема)» і «формальна частина слова» (стор. 174).

Сподіваємося, що в наступному виданні «Нарисів» Л.А.Булаховський розширить їх матеріал до розмірів звичайного курсу «Основ мовознавства», і ми одержимо для нашої студентської молоді той підручник, якого їй бракувало до останнього часу.

До питання про словники іншомовних слів¹

«Словник іншомовних слів» під ред. І.В.Льохіна
і проф. Ф.М.Петрова, переклад з російського
3-го виправленого і доповненого видання,
Державне видавництво політичної літератури
УРСР, Київ, 1951, 757 стор.

Історія світової лексикографії знає приклади перероблення іншомовних енциклопедичних словників з перекладом статей однієї мови іншою мовою. Можна згадати так званий *Petit Larousse illustré*...

Проте енциклопедія, або енциклопедичний словник, – це не словник іншомовних слів. Очевидно, можна собі уявити словник не іншомовних слів взагалі, а слів даної мови, що походять від якоїсь іншої мови. Так, наприклад, може існувати словник українських слів грецького або латинського походження.

Іншомовними, або запозиченими, можна назвати всі ті слова, належність яких до певних чужих мов встановлюється безсумнівно. Але, звичайно, в кожній мові є дуже багато таких елементів, які ми не називаємо іншомовними, або запозиченими, тільки тому, що про їх походження нічого не знаємо. Жодна з сучасних нам мов не виникла з «нічого», а є продовженням існування іншої мови – предка. Так, українська мова розвинулася на основі східнослов'янської мови, а ця – на основі спільнослов'янської. Самобутність кожної мови виявляється не в коремих формах (відповідно і словах), а у використанні їх, в надаванні їм нових значень і насамперед в їх організації, в граматичній будові. Отже, вираз «іншомовний» за самим своїм змістом залишається дуже неточним. Певне слово в межах якоїсь мови, спершу будучи іншомовним, згодом може стати вже не іншомовним, а «своїм», коли, через зміну його форми і змісту, загубляться відомості про його походження.

---

¹ Уперше опубліковано в: Лексикографічний бюлетень. – К.: Вид-во АН УРСР, 1952, - Вип. II. – С.58-62.

Ми не можемо тут заглиблюватися в обговорення позитивних і негативних сторін оригіналу (тобто «Словаря иностранных слов» под ред. Лёхина И.В. и Петрова Ф.Н., 3-е переработанное и дополненное издание, ГИЗ иностранных и национальных словарей, М., 1949), бо це інша тема, про яку варто написати окремо, але торкнемося лише одного принципіального питання, чи є науково обгрунтованою спроба механічного (без всяких змін, без перероблення) перекладу словника (хоча б і термінологічного) однієї мови мовою іншою, навіть і близькоспорідненою. Самий факт перекладу «Словаря иностранных слов» має своєю передумовою припущення, що вся наявні в цьому словнику російські слова іншомовного походження існують і в українській мові. Але чи була спроба перевірити, що всі ці слова (хоча б вжиті один раз) можна знайти в українських текстах?

Щоб відповісти позитивно на це принципіальне питання, треба виходити з певних теоретичних передумов. Для перекладачів «Словаря иностранных слов» основною передумовою було те, що склад іншомовних слів (треба було б сказати «міжнародних термінів») має бути однаковим в російській і в українській мовах. З такою передумовою, розглядаючи лексику обох цих близькоспоріднених слов'янських мов, ми не можемо погодитися. Хоча в галузі так званих міжнародних слів (власне історичних, наукових, технічних, політичних і дипломатичних термінів) лексика обох цих мов має дуже багато відповідностей, проте є, звичайно, і певні розбіжності. Коли б не існувало цих розбіжностей між обома названими мовами, то ми мусили б визнати, що: 1) або обидві мови незалежно одна від одної успадкували весь склад міжнародних термінів іноземного походження від якоїсь третьої мови і продовжують поповнювати його одна в щільній залежності від другої; 2) або одна з цих мов запозичила весь склад названих термінів від другої і продовжує запозичати їх таким же шляхом.

Слід погодитися лише з тим, що сучасна нам українська мова справді, як і всі інші мови Радянського Союзу, одержує нові міжнародні терміни іншомовного походження безпосередньо від російської мови разом з новими словами російського походження. Проте не можна погодитися з тим, що в історії української мови не було випадків, коли міжнародні терміни іншомовного походження переходили до української мови безпосередньо з інших відповідних мов. На даному ступені наших знань з історії обох мов (саме через їх щільні зв'язки і близьку спорідненість) ще не можна з певністю встановити, чи існують такі іншомовні терміни, які були б запозичені колись російською мовою через українську; цього окремого питання ми тут можемо і не торкатися.

Насамперед звернемо увагу саме на такі лексичні одиниці, що, будучи характерними для української мови, не характерні або зовсім відсутні в російській мові. Так, наприклад, маємо в оригіналі «пропозиция (лат. *propositio*) – предложение» і в перекладі «пропозиція (лат. *propositio*) – пропонування», але чому немає відповідного дієслова *пропонувати*? Лише тому, що занедбано специфіку української мови. В оригіналі: «негативный – 1) относящийся к негативу; 2) отрицательный» і в перекладі: «негативний – 1) що відноситься до негатива; 2) заперечний». Проте в українській мові порядок значень має бути зворотний, бо на відміну від російської мови слово *негативний* в розумінні рос. «отрицательный» в

українській мові дуже поширене і не може механічно замінятися словом *заперечний*, наприклад, *негативне явище*, але не *заперечне явище*, *негативна риса*, але не *заперечна риса* і т.д.; *заперечний* вживається в розумінні «належний до заперечення», наприклад, *негативна відповідь* – *заперечна відповідь*. Так само не гаразд і з словом *позитивний* – в оригіналі «позитивный – 1) относящийся к позитиву; 2) положительный; основанный на опыте, на фактах; п-ая философия – см. позитивизм» і в перекладі: «позитивний – 1) що відноситься до позитива; 2) досвідний; заснований на досвіді, на фактах; п-а філософія – див. позитивізм». Тут знов обійдено специфіку даного слова в українській мові, бо крім невірнього розташування значень (відповідників) зовсім випало основне в нашій мові значення *позитивний* – рос. *положительный* (про якість), наприклад, *позитивна риса* – *положительная черта*, *хорошая черта*, *позитивна відповідь* – *положительный, утвердительный ответ* і т.д. В усякому разі, всім зрозуміло, що *позитивна відповідь* – 1) не відноситься до позитива і 2) не є неодмінно досвідною, основою на досвіді, на фактах і т.д.

В російській мові *гак* – морський термін, але для української мови таке пояснення: «гак ... мор. залізний або стальник крюк на суднах для піднімання важких речей, для підвішування шлюпок і т.п.» – уже непридатне, бо *гак* насамперед не спеціальне, в побутове слово.

Так само обійдено специфіку української мови в поясненні «вірші... – вірші духовного і, пізніше, світського змісту, які спочатку розвивалися на Україні...». А треба було перед тим дати просто *вірш* (< польськ. *wiersz* < латин. *versus*), а до того ж і *віршувати*, *віршування*, *віршований*.

Забуто, що слово *гарт* (*гартувати*, *гартування*, *загартований*) насамперед має в українській мові таке ж саме значення, як рос. *закалка*. Подано в словнику лише: 1) сплав свинцю, сурми і олова... 2) збитий, спрацьований шрифт...

Як приклад того, що «Словник іншомовних слів» не пристосований до особливостей української лексики, можна навести такий випадок: у словнику подаються *палата*¹, *палата*², *палаццо* і немає звичайного слова *палац* (наприклад, *палац праці*, *палац піонерів* тощо).

Чим пояснити, що при витлумаченні іншомовних слів, вживаних у російській мові, але майже зовсім не вживаних в сучасній українській мові, перекладачі старанно уникають відповідних українських неіншомовних слів. Наприклад, слово *етаж* тлумачиться: 1) «поздовжня частина будинку, кімнати якої розташовані на одному рівні». Хіба не існує українського відповідника *поверх*? До речі, нотуємо собі: *естрада* і *етажерка* – міжнародні терміни (є в словнику), *кіоск* і *магазин* – не міжнародні, хоч і іншомовні (немає в словнику), *оксамит* і *бавовна* – відсутні (за браком відповідних російських форм іншомовного походження) і т.д. Скромна *конвалія* не знайшла собі місця серед назв рослин перекладеного словника лише за своє «іншомовне» походження (*Convallaria*): вона має назву невідповідну до *ландыша*. До речі, які ж назви рослин належать до іншомовних? Рос. *роза* (латин. *rosa* і т.ін.) відсутня в оригіналі, а в перекладі ми марно шукали б українську *троянду* (новогр. *тріандафіло*). Так само вигнана з оригіналу *мальва*, як і з перекладу *рожа* або *мальва* (пізньолат. *malva* і та ж сама *rosa*). На думку

складачів, *герань*, очевидно, має більше прав називатися іншомовною, ніж рос. *астра* і укр. *айстра*, всупереч їх зв'язку з гр. *астрон*, лат. *astrum* і т.д.

Спостерігаються і такі курйози, що українські слова (або вірніше такі, які з української мови пройшли до інших) ми знаходимо в «Словнику іншомовних слів». Так стоїть справа з словом *кобза*, що в російську мову пройшло з української. Правда, нам можуть сказати, що це слово кінець кінцем походить із східних мов (пор. в турецькій мові *kebze* «лопатка»), але навіть основний словниковий склад кожної сучасної мови не вигаданий навмисне, а успадкований від мови-предка і почасти від інших мов, взятий як будівельний матеріал...

Треба відзначити, що перекладачі все ж таки де в чому виправили оригінал. Так, наприклад, вони не прийняли марристських визначень слів *фонема*, *компаративістика*, а також у слові *ліра* вони усунули помилкове ототожнення ліри з кобзою, пор. оригінал: «2) старинный струнный музыкальный инструмент, сохранившийся на Украине под названием «кобза», і в перекладі: «2) старовинний струнний музичний інструмент». Таке ж виправлення – в оригіналі: «кобза – старинный струнный музыкальный инструмент; был распространен на Украине, откуда впоследствии вытеснен бандурой», і в перекладі: «кобза – старовинний струнний музичний інструмент на Україні. Тут кобза ще називається бандурою».

Той, хто користується оригіналом або перекладом «Словника іншомовних слів», стоїть перед непоборними труднощами. Чи буде в словнику іншомовне слово *куля* (< польськ. *kula* < нім. *Kugel*), чи буде *гармата* (< польськ. *artata*, кінець кінцем від лат. *arma* «зброя»), чи буде *грамота* (< гр. *граммата*) і т.ін.? Адже хоч він і попереджений, що йому треба шукати лише термінів (наприклад, *кобза*), не звичайних слів (наприклад, *гітара*), але як же догадатися, де просто слово, а де термін?

Назви місяців, незважаючи на їх іншомовне (латинське) походження в російській мові, не зазначені в «Словаре иностранных слов». Це сталося, можна думати, лише тому, що укладачі вважали ці назви не термінами, а просто словами щоденної мови. Навіть такі слова, як *аппетит* (відповідно *аппетитный*) і *интерес* (відповідно *интересный*, *интересоваться*) не здавалися їм належними до «міжнародних термінів». Отже, не може підлягати сумніву, що розмежування «міжнародних термінів іншомовного походження» і просто «іншомовних слів» має яскраво виражений суб'єктивний характер.

Тепер ще кілька окремих зауважень.

Ось приклад недосконалості внаслідок прискорених темпів перекладання: поряд з формами *акростих* і *мезостих* ми знаходимо гібридну форму *телевіри* з поясненням: «гр. *telos* кінець + *stichos* вірш».

Невипадково, що серед редакторів «Словаря иностранных слов» по окремих галузях науки не зазначено жодного знавця класичних мов.

Не можна визнати вдалою спробу подати значення компонентів складених і складних слів грецького і латинського походження (див. греко-латинські елементи міжнародної термінології). Форма, в якій подано ці компоненти, є цілком довільною. Звернення до цього хаотичного переліку часто може дезорієнтувати читача-немовознавця.

До всього цього можна ще додати, що в написанні іншомовних слів і елементів міжнародної термінології зустрічаємо друкарські помилки.

Наш висновок такий: «Словник іншомовних слів», хоч і не охоплює багатьох слів іншомовного походження (особливо – побутових і найпоширеніших у щоденній мові), як перша спроба такого словника для української мови, може бути корисним довідником.

При укладанні будь-якого словника слід брати до уваги специфіку мови (вона виявляється не лише в порівняно сталому основному словниковому фонді, але і в мінливому словниковому складі кожної мови), для якої цей словник складається. Словник, про який тут ідеться, невірно названий «Словником іншомовних слів». В найближчому майбутньому слід скласти кращий словник (без механічного перекладу), в якому назва відповідала б змісту.

А.С. Чикобава.

Введение в языкознание. –

М.: Учпедгиз, 1952 і 1953. – Ч.І. – 243 стор.¹

Підручник, про який тут ідеться, є першою спробою після дискусії 1950 р. ... дати студентській молоді систематизований виклад основних питань мовознавства. Про нього вже було багато сказано під час обговорення його мовознавцями і дещо з критичних оцінок було надруковано².

У всякому разі тепер цей підручник (у двох його виданнях великим тиражем – 75.000 і 125.000) широко використовується як основний посібник до курсу «Вступ до мовознавства». Студіюють його, крім студентів, і аспіранти-мовознавці, і викладачі мовознавчих дисциплін. Ним користуються і ті, хто бажає, не будучи мовознавцями, довідатись про основи цієї науки. Все це змушує спеціалістів, що самі читають відповідні курси і працюють у галузі мовознавства, висловити свою думку про цей підручник.

Насамперед звертає на себе увагу незвичайний план викладу матеріалу в підручнику: чому розділ про фонетику (III) опинився між розділом «Мова, її суспільна суть, розвиток і походження» (II) з додатком «Галузі мовознавства і відповідні основні поняття» (§ 37) і розділом «Класифікація мов» (IV)? Очевидно, розділ, присвячений класифікації мов і їх географічному розподілу, варто було б подати не в цьому місці, а розділ про фонетику пов'язати з розділами про морфологію і синтаксис. Зрозуміло, що параграф «Галузі мовознавства і відповідні основні поняття» цілком природно було б пов'язати з розділом «Місце мовознавства в системі наук».

З усіх розділів названого підручника найменше зауважень у нас викликає перший – «Вступ». Проте ми не можемо погодитися з визначенням завдань за-

---

¹ Уперше опубліковано в: Українська мова в школі. – 1954. – № 3. – С.71-77.

² Див. «Вопросы языкознания», 1953, № 2; «Заря Востока», 29 січня 1953 р.; «Известия АН СССР, Отд. лит. и яз.», 1953, № 5; «Русский язык в школе», 1953, № 4; «Советская книга», 1953, № 2; «Советская этнография», 1953, № 3.

гального мовознавства (стор. 14) і навіть з самим визначенням терміну «загальне мовознавство» (там же). За словами автора виходить, що основним завданням загального мовознавства є не встановлення законів і закономірностей розвитку мов, а лише висвітлення питань: 1) що таке мова взагалі, як вона розвивається, як вона виникла; 2) які методи застосовуються до вивчення мовного матеріалу; 3) з яких окремих частин складається наука про мову; 4) яке місце мовознавства серед інших наук.

На нашу думку, справжній зміст загального мовознавства тут звужений.

Багато питань залишається нез'ясованими в § 16 «Мова як система». У читача цього параграфу складається уявлення про якусь дуже абстрактну «систему», що сама містить у собі невизначену кількість інших «систем» (кожна мова – система, але і певні складові частини кожної мови – так само системи). Ця абстрактна «система» характеризується так: «Мова являє собою щось ціле, і це обумовлене тим, що мова є система» (стор. 59).

Невдалий приклад з партами в аудиторії (стор. 55) наводить читача на думку про те, що всі складові частини (елементи) мови якісно однакові, рівноцінні, що немає серед них більш важливих і менш важливих. Це не історичний і не діалектичний підхід до мови. Мова не стоїть на місці, а невинно розвивається. Кожна мова має в собі як елементи живі, що народжуються, зростають, розвиваються, так і елементи мертві, що колись були живими, розвивалися, а потім застигли, замерли.

У мові є свої парадигми, тобто групи пов'язаних між собою форм (наприклад, певні типи відміни іменників чи дієвідміни, за якими відмінюється переважна більшість наявних у мові іменників чи дієслів). Але є й ізольовані форми, які загубили зв'язок з іншими, або ще не набули його. У кожній мові є винятки, що свідчать про зміни її, розвиток.

Таким чином, складові частини кожної мови не рівноцінні. Завданням мовознавців є виявити, що саме в кожній мові на даному ступені її розвитку є найважливішим, живим, визначальним для її характеристики, і що є мертвим, успадкованим від попередніх ступенів її розвитку і не таким важливим.

У названому параграфі не показана умовність терміну «система», вжитого для характеристики зв'язків окремих складових частин мови, не висвітлено в належний спосіб питання про винятки, не встановлено, який існує зв'язок між загальною тенденцією до «систематизації» фактів (навіть не згадано про граматичну аналогію) і постійними порушеннями цієї тенденції через взаємодіяння мов (тут слід було б згадати і про запозичення), не підкреслюється нерівноцінність складових частин мови, не звертається увага на те, що поняття «система» в радянському мовознавстві має інший зміст, ніж у буржуазному мовознавстві.

У «Вступі» (розд. I) сказано, що одним з основних завдань загального мовознавства має бути висвітлення питання про методи (відповідно – прийоми) дослідження (стор. 14). Ми всіляко підтримуємо таке твердження, але разом з тим не можемо не висловити свого побоювання: в першій частині «Вступу до мовознавства» про методи (власне кажучи, лише про порівняльно-історичний метод) сказано тільки побіжно, в зв'язку з так званою генеалогічною класифікацією мов

(пор. стор. 194-198), у другій частині (автор – Л.А.Булаховський, 1953, стор. 178) сказано так само побіжно, в зв'язку з етимологічними дослідженнями (розд. IV, стор. 160-168); де ж, нарешті, буде сказано докладно про методи? Очевидно, наприкінці «Вступу», в третій частині?

Треба сподіватися, що там буде дано уявлення і про експериментально-інструментальний метод дослідження в галузі фонетики, і про порівняльно-історичний метод, якому не пощастило в першій частині; про статистичний метод, який застосовується в галузях мовознавства, але несистематично; про методи опрацювання спостережень у галузі діалектології; про метод зіставлення мов на відміну від порівняльно-історичного методу (оскільки цей метод зіставлення важливий як для описування мов, так і для практичного засвоєння чужих мов); про застосування математичної теорії імовірності до таких, наприклад, галузей мовознавства, як галузь етимологічних досліджень. Якщо про це не сказано на початку, то неодмінно має бути сказано наприкінці курсу «Вступу .мовознавства».

Отже, розчарує в цій першій частині відсутність спеціального розділу (а мабуть і кількох розділів) про методи або прийоми дослідження мовного матеріалу. Негаразд, що у студентів, які вивчатимуть розділ III «Фонетика», не залишиться ніякого уявлення про експериментально-інструментальні прийоми дослідження.

Викликає здивування параграф 55 («Звукові відповідності у споріднених мовах»); невже встановлення відповідностей між спорідненими мовами не можна було ілюструвати матеріалом тих мов, які викладаються у всіх наших університетах? Відповідності між старослов'янською і сучасною російською, між латинською і французькою, між готською і нововерхньонімецькою, між англосаксонською і сучасною англійською, між старогрецькою і першою-ліпшою з уже згаданих мов далеко краще допомогли б студентам засвоїти основи порівняльно-історичного методу, ніж зіставлення таких дуже близько споріднених мов, як російська і українська. Це стосується також і до § 66 (стор. 195), де приклади не можуть нас задовольнити. Більше того, треба сказати, що з поданих в §§ 55 і 66 прикладів не зроблено дуже важливих висновків щодо відносної і безвідносної хронології фактів. Хіба із зіставлення *кол* і *кіл* впливає лише те, що ці форми слів належать до споріднених мов? Не менш важливим є те, що ми можемо розташувати ці форми в певній хронологічній послідовності, сказати, що форма *кіл* у певних умовах могла виникнути з форми *коль*, а не навпаки.

Зіставлення різних пов'язаних за своїм походженням форм дає нам змогу відновити деякі факти, невідомі з документальної історії даної мови. Таке відновлення базується, наприклад, на розташуванні форм у порядку відносної і безвідносної хронології.

Для того, щоб показати одну з важливих особливостей порівняльно-історичного методу, треба було б навести форми відміни імен і дієвідміни дієслів споріднених мов. Так можна було б довести, що слід зіставляти в історичній перспективі не ізольовані, вихоплені з парадигм форми, а форми в їх взаємному зв'язку, самі парадигми. Автор звів зіставлення до лексичного матеріалу і знехту-

вав власне граматичний матеріал, а це дало невірне уявлення про порівняльно-історичний метод.

Відомо, що вже на перших кроках порівняльно-історичного мовознавства зіставлення споріднених мов не обмежувалося галуззю словникового складу, але охопило і граматичну будову (маємо на увазі дослідження Франца Боппа про систему дієвідміни в індоєвропейських мовах).

Незрозумілим у цьому підручнику залишається те, що саме автор його вважав потрібним подати з історії науки. У зв'язку з проблемою походження мови (§§ 32-36) автор звертається (цілком природно) до історії науки. В параграфах «Мова як історична категорія» (21), «Основні питання розвитку мови. Про основу розвитку мови» (22), «Про внутрішні закони розвитку мови» (23), «Про характер розвитку мови» (25), «Про основні процеси розвитку мов» (26) – він уникає історії. Проте питання розвитку мов є взагалі не менш важливим, ніж питання виникнення людської мови. Історія його вивчення заслуговувала б згадки в підручнику з основ мовознавства.

Загадковим лишається для уважного читача таке твердження (стор. 197): «Мета порівняння – не мова-основа і відновлення її фактів. Поняття мови-основи насамперед має значення регулятивного принципу (?), що з'ясовує, яким чином у мовах, таких далеких одна від одної, як латинська, російська і індійська (?), виявляються спільні явища в основному словниковому фонді і граматичній будові».

Навіщо в підручнику ухилятися від прямої відповіді на просте запитання?

Радянське мовознавство зовсім не вважає мову-основу якимсь «регулятивним принципом», а певним ступенем розвитку споріднених мов.

З огляду на те, що реконструювати можливо лише тоді, коли якісь сліди минулого залишаються в реальному мовному матеріалі, ми не вважаємо, що нам пощастить відновити всі деталі граматичної будови «мови-основи»; але на основі порівняльно-історичного методу не лише можна, а й треба реконструювати окремі факти або окремі парадигми доісторичного стану споріднених мов.

Не можна погодитися з тим, як автор підручника характеризує передумови, необхідні для встановлення спорідненості мов (стор. 194-195). Перша передумова, на думку автора, така: «Для порівняння не можна використовувати зовсім різні щодо матеріалу факти споріднених мов».

Ось, наприклад, «зовсім різні щодо матеріалу факти споріднених мов»: готське *is* – німецьке *er* («він»); латинське *auris* – укр. *вухо*; грецьке *hēdýs* – англійське *sweet* («солодкий»); грецьке *hupnos* – укр. *сон*; осетинське *фыд* – вірменське *hajr* («батько»); латинське *nurus* – рос. *сноха*; грецьке *knēn* – рос. *гусь* і т. д. Проте ці факти можна зіставляти: ми маємо тут фонетично різні, але за походженням однакові форми слів і порівняльно-історичний метод допомагає це встановити. Отже, згадане вище твердження неточно сформульоване.

Друга передумова: «для порівняння не можна використовувати зовсім однаковий матеріал споріднених мов».

Що ж означає «зовсім однаковий»: фонетично однаковий чи семантично однаковий? Фонетично *не* будуть однаковими такі слова: рос. *каро́въ* – укр. *коро́ва* (чи *куро́ва*), рос. *ш: 'ѣт'инъ* – укр. *шчиті́на* (чи *шчиті́'а*), рос. *д'ер'ѣвъ* –

укр. *дерево* та інші. Отже, про наведені на стор. 195 слова не можна сказати, що вони «зовсім однакові». Взагалі нам невідомі слова чи форми слів, що в різних (споріднених чи неспоріднених) мовах були б фонетично «зовсім однакові».

Третя передумова: «Для порівняння треба використовувати матеріал, історично спільний для порівнюваних мов, але такий, що зазнав диференціації».

Ця третя передумова по суті робить непотрібними дві попередні, але зважати на неї неможливо, якщо йдеться про «встановлення спорідненості мов»: адже нам саме на основі матеріалу різних мов (про які ще невідомо, споріднені вони, чи ні) треба довести, що обраний нами матеріал справді є генетично (звідси й історично) «спільним». Тут знов-таки на перше місце висунутий лексичний матеріал, а найважливіший матеріал – граматичний – залишається в тіні.

Характерне те, що пропонується порівнювати інфінітиви (*жить* – *жити* і т. д.), які безпосередньо не пов'язані з іншими граматичними формами. Порівняння особових форм дієслів дало б далеко більше (рос. *живу*, *живёшь*, *живёт* – укр. *живу*, *живеш*, *живе* і т. д.), бо схожість парадигм, що належать до граматичної будови споріднених мов, є найістотнішим доказом на користь саме спорідненості відповідних мов.

Можна навести такий приклад матеріалу, «історично (а не генетично) спільного і такого, що зазнав диференціації» - з російської і угорської мов: рос. *баран* – угорське *bárány* (ягня), *борозда* – *barázda* (борозна), *берлога* – *barlang* (печера), *брат* – *barát* (приятель), *голубь* – *galamb*, *долг* – *dolog* (робота; річ), *дуб* – *domb* (горб), *искра* – *szikra*, *лоната* – *lapát*, *лодырь* – *ledér* (легкодумний), *мұка* – *tunka* (робота), *свобода* – *szabadság*. Проте цей перелік (а його можна було б продовжити) ніяк не доводить нам спорідненості російської і угорської мов, хоч наведені слова свідчать про існування історичних (тобто таких, що були набуті в історичну епоху) зв'язків між угорською і слов'янськими мовами.

Зовсім недостатньо висвітлено питання про так звані «недоліки» порівняльно-історичного методу, отже, і порівняльно-історичного мовознавства. У підручнику сказано тільки (стор. 198): «Основний його недолік полягає в тому, що він не завжди і не з належною точністю виявляє шляхи розвитку мов, не завжди забезпечує інтереси історії» (?).

Зовсім непридатними для підручника є §§67-81, присвячені «генеалогічній класифікації мов». Це по суті (не дуже точний) перелік мов за встановленими мовними сім'ями без належної характеристики кожної сім'ї (навіть і індоєвропейської, див. § 70), без необхідних для цього карт, без історичної перспективи розвитку цих мовних сімей.

Так звана «генеалогічна класифікація» не може бути повною, бо вона не охоплює всіх мов світу (генетичні зв'язки багатьох мов не визначені). Вона поповнюється «географічною» класифікацією мов, але в розглядуваному підручнику ці зовсім різні класифікації недостатньо розмежовуються (пор. § 80).

У переліку окремих груп індоєвропейської мовної сім'ї з невідомих причин пропущено фракійську та іллірійську групи, а романську (нову) групу не відокремлено від італійської (старої) групи.

Взаємини пракритів і санскриту представлені в невірній схемі на стор. 200. Тепер розрізняють пракрити первинні, вторинні і третинні. «Ведичний» санскрит був літературною формою одного з первинних пракритів, а «епічний», або «класичний» санскрит був сучасником вторинних пракритів. Отже, «середньоіндійської» мови взагалі не існувало і «пракрит» (в однині!) не можна назвати просто «середньоіндійською» мовою (пор. стор. 201).

Побіжно слід зауважити також, що якоїсь окремої «візантійської мови» (яку б можна було протиставити старогрецькій і новогрецькій мовам) не існувало, а новогрецька мова датується, принаймні, від XII ст. нашої ери (так звані «ляно-трагуда», складені «політичними» віршами), а не від XVI ст. (пор. стор. 210).

Спорідненість індоєвропейських мов, очевидно, була встановлена ще до П. Керду і В. Джоунза (стор. 213): авторів слід було б згадати тут про М. В. Ломоносова і його лист «О сходстве и переменах языков» (1755 р.)³.

Непропорціонально багато відомостей дається в підручнику про іберійсько-кавказькі мови (§ 75 і в інших місцях).

Дезорієнтує читача твердження (стор. 182) щодо морфологічної (або краще – типологічної) класифікації мов, яка нібито базується «на будові слова»: в мовах зовсім різної граматичної будови є чимало слів однакової будови (наприклад, слова-корені є і в флективних, і в аглютинативних, і в кореневих мовах). Отже, типологічна класифікація базується не на будові окремих слів, а на граматичній будові мов.

Не можна не висловити жалю з приводу численних друкарських помилок, що були в підручнику у виданні 1952 р. і більшість яких залишилася у виданні 1953 р.

Наприклад, на стор. 183 як було надруковано (по-китайськи) «хао дагвих», так і залишилося, замість правильного «хао-да-гуй – очень дорого»⁴.

А ось приклад того, що в першому виданні було краще, ніж стало в другому: на стор. 183 згадуються арабські дієслова *'qatala* (він убив) і *'kataba* (він написав). З поданої там «транскрипції» виходить, що перші (від лівої руки) їх приголосні однакові (пор. «кат'ала, кат'аба»), а насправді вони різні (**q-k**); з неї ж виходить, що другі їх приголосні відмінні від звичайного **t** (пор. «кт'л»), а це так само невірно (в арабській мові є протиставлення **t** звичайного і **t** емпатичного). Отже, порівняно кращою була «транскрипція» *'qatala*-«катала», *'kataba*-«катаба» у першому виданні.

Надто сумарно (навіть для елементарного підручника) викладена історія письма (§59). Невдалий є сам вираз «речевое письмо». Неточним є також вираз «звуковое письмо»: навіть у староегипетському ієрогліфічному письмі були елементи, пов'язані саме із звуками староегипетської мови. Краще було б уживати

³ Див. П.С.Кузнецов. О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания. – Ученые записки МГУ. – Русский язык. – М., 1952. – Вып. 150. – С. 4-46.

⁴ Див. Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, СПб, 1895. т. XV, стор. 213, звідки запозичені автором підручника з деякими орфографічними перекрученнями всі наведені на цій сторінці приклади.

вираз «алфавітне письмо» для означення такої системи, де знаки пов'язуються з окремими звуками, а не з комплексами звуків, не з окремими словами або навіть поняттями даної мови.

Випав з цього загального огляду такий ступінь розвитку графічних систем, як так зване силабічне письмо (наприклад, деванагарі, ефіопське письмо, японські катакана і хірогана і т. п.).

Для нашого часу застарілими є вже відомості про те, ніби «звукове письмо вперше було розроблене фінікіянами в X ст. до нашої ери» (стор. 178). Після відкриття і дешифрування так званого біблоського псевдоієрогліфічного письма (Дюнан, Дорм) цю дату треба пересунути ще на три століття далі. До того ж слід зауважити, що навіть у староегипетському ієрогліфічному письмі з його принципом акрофонії (де малюнок означав перший приголосний назви зображуваного ним предмета) були закладені елементи алфавітного письма.

Не можна вважати задовільною таку транслітерацію грецьких слів (на тій же стор.), як *ieros* замість *hieros*, *gluphe* замість *glyphē*, *bous* замість *būs* або *boys*.

Взагалі транскрибування і транслітерування іншомовних слів у цьому підручнику залишає бажати багато кращого.

Оскільки підручник проф. А.С.Чикобава був написаний безпосередньо після дискусії на сторінках газети «Правда» 1950 р., в ньому відбилися певне polemічне спрямування проти «теорії» акад. М.Я.Марра і його послідовників (пор. § 13 «Помилковість твердження М. Марра, ніби мова є надбудовою над базисом», § 15 «Ненаукове, вульгарно-матеріалістичне твердження М. Марра про класовість мови», § 36 «Про походження мови згідно з М. Марром», § 83 «Наукова неспроможність стадіальної класифікації М. Марра і ненауковий, ідеалістичний характер аналізу за елементами»).

А.С.Чикобава першим виступив у дискусії 1950 р. проти вульгарно-соціологічних і сумбурно-ідеалістичних теорій М.Я.Марра і його прихильників, що встановили були «аракчєєвський режим» у мовознавстві. В цьому, безперечно, його велика заслуга перед нашим радянським мовознавством.

Але, на нашу думку, в підручнику з загального мовознавства про теорії М.Я.Марра досить було б сказати в одному параграфі – в зв'язку з питанням про неklasовий характер мови. Інша річ – у підручнику з історії мовознавства (відсутність якого гостро відчувається в наших навчальних закладах): тут слід було б докладніше висвітлити ці «теорії», які після основоположної для мовознавства праці Й. В. Сталіна перестали заважати нормальному розвитку нашої науки і «відійшли в історію».

Зрозуміло, що в цьому короткому відзиві ми зупиняємося в основному лише на недоліках цієї книги. Це аж ніяк не означає, що ми не визнаємо її позитивних сторін, її автор – не лише видатний учений, спеціаліст з іберо-кавказьких мов і з загального мовознавства, але й талановитий популяризатор. Йому пощастило в деяких досить коротких параграфах свого підручника викласти дуже складні питання (наприклад, § 4 «Радянське мовознавство як новий етап у розвитку науки про мову»; § 6 «Процес мовного спілкування і його соціальна основа». § 8 «Мова і мислення», § 10 «Мова – необхідна передумова можливості суспільного життя»,

§ 18 «Мова і діалекти», § 19 «Лінгвістична географія», § 20 «Соціальні діалекти і жаргони», а також §§ 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34).

Створити новий підручник з основ мовознавства – це своєрідний науковий подвиг. Зважаючи на порівняно недостатню розробленість деяких галузей цієї науки, немає нічого дивного в тому, що новий підручник з основ мовознавства не може ще задовольнити наших вимог.

Без сумніву, підручник проф. А.С.Чікобава має значні недоліки. Його можна рекомендувати студентам після відповідних застережень і виправлень (особливо – друкарських помилок). Найкращий його розділ – «Мова, її суспільна суть, розвиток і походження» (II) – звичайно, викликає найменше заперечень. Найменш досконалими слід вважати розділи «Фонетика» (III) і «Класифікація мов».

Замість розділу «Фонетика» студентам можна порекомендувати книжку М.М.Матусевич «Введение в общую фонетику», вид. 2, Л., 1948. Що ж до класифікації мов, то тут ще й досі не існує належного посібника. Для нас ясно, що такий посібник має бути підготовлений і виданий і що в ньому нарешті буде розв'язане питання: що саме слід знати студентові – філологу, історику, географу – про мови світу. Ознайомлення під час практичних занять із загального мовознавства з географічними картами (наприклад, такими, що є в географічних атласах для середньої школи: «Національності СРСР») може замінити нудну зубрячку самих назв мов без належних мінімальних відомостей про них.

Ми не маємо ніякого сумніву в тому, що в найближчому майбутньому такий видатний радянський мовознавець, як проф. А.С.Чікобава, виправить хиби першої частини підручника «Вступ до мовознавства» і дасть радянським студентам новий не лише корисний, але і цікавий посібник з основ цієї науки.

R. Browning
Medieval and Modern Greek. –
London: Hutchinson University Library,
1969, 152 p.¹

Автор этой небольшой, но весьма содержательной книги Роберт Браунинг – профессор классической филологии и древней истории в Birkbeck College Лондонского университета. Целью его работы является общий обзор развития греческого языка, начиная от образования *койнэ* эллинистической эпохи и кончая разговорным и письменным греческим языком наших дней в обоих его разновидностях: *димотики* и *катаревуса*. Особое внимание автор обращает на историю греческого языка в средние века, в византийскую эпоху и в период турецкого владычества («туркокрации»). Останавливается он также на вопросах, встающих перед теми, кто стремится способствовать образованию единого общенародного греческого языка и устранению существующего в настоящее время в грекоязычных странах и областях так называемого двуязычия («диглоссии»). Книга Р. Браунинга содержит: Предисловие, главы: 1. Введение; 2. Греческий язык в эллинистическом мире и в Римской империи; 3. Греческий язык в раннем средневековье (VI в. – 1100 г.); 4. Греческий язык в позднем средневековье (1100–1453 гг.); 5. Греческий язык в период турецкого владычества; 6. Развитие национального языка; 7. Диалекты современного греческого языка и приложения – библиография, глоссарий, указатель, схематическая карта грекоязычных областей Средиземноморья. В этой книге в весьма сжатой форме излагаются все основные вопросы истории и диалектологии греческого языка за 2300 лет во всех доступных исследованию его формах. Книга предназначена для тех, кто интересуется греческим языком и занимается им в той или иной мере. Она является хорошим учебным пособием для студентов-эллинистов и неоэллинистов, особенно если

---

¹ Уперше опубліковано в: Византийский временник. – М.: Наука, 1971. – Т.32. – С.266-267.

учесть, что до сих пор, ни на одном европейском языке не было издано такого обобщающего пособия по истории послеклассического, средневекового и новогреческого языка.

Автор очень объективно характеризует современное состояние «языковой проблемы» в Греции как до переворота 21 апреля 1967 г., так и после него, правильно отмечая, что классификация разновидностей современного греческого языка, установленная проф. А.Мирамбелем, излишне детализована (стр. 112-114) и пять установленных А.Мирамбелем разновидностей («очищенная», «смешанная», «разговорная», «естественно-народная» – димотики, «искусственно-народная» – малльяри) сводятся фактически к двум полярным, со всякого рода переходами между ними: катаревуса и димотика.

В главе о современных греческих диалектах автор должен признать отсутствие у него каких-либо определенных сведений о греческих диалектах на территории Советского Союза (стр.132): «Автору этих строк неясно, в какой мере еще существуют понтийский диалект Ростовской области и очень странный мариупольский диалект. Советская перепись населения 1959 г. отмечает 309 300 человек греческой «национальности», но это не означает, что они непременно говорят на греческом языке, как на своем первом или втором языке». По этому вопросу мы можем сослаться на свою статью в «Ученых записках Ленинградского гос. университета», где имеются также библиографические указания². Здесь можно попутно заметить, что уже проф. М.В.Сергиевский, на которого ссылается автор аннотируемой книги (стр. 146), давал описательное название диалектам новогреческого языка, представленным на территории УССР, не утверждая этим названием их единства, но противопоставляя их понтийскому диалекту Краснодарского края и Кавказа. Самым неудачным названием для «непонтийских» греческих диалектов Украины было, конечно, «мариупольский диалект», потому что греки – выходцы из Крыма, живущие и жившие в г. Жданове (до 1948 г. – Мариуполь) Донецкой области УССР, говорили не на крымско-греческом или – по самоназванию – румейском диалекте, а на крымско-татарском. Мы полагаем, что эту совокупность различных (а различными они были еще в Крыму до 1779-1783 гг.) говоров лучше всего объединить названием «румейские говоры».

При всем своем лаконизме и схематизме книга Р. Браунинга не лишена и часто научного интереса для тех, кто специально занимается историей и диалектологией греческого языка, потому что автор ее – незаурядный специалист в своей области; в некоторых местах книги он не только излагает общеизвестные факты истории и диалектологии греческого языка, но и дает им свое толкование, в частности при общей характеристике рассматриваемых им периодов истории греческого языка.

Все основные положения книги хорошо иллюстрированы примерами и подкреплены ссылками на источники и научную литературу. Каждый период истории языка рассматривается как со стороны внешней (историко-политической

---

² А.А.Белецкий. Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности. – Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. – № 343. – Сер. филол.наук. – Вып. 73; Балканская филология. – 1970. – С.3-15.

и историко-культурной), так и со стороны внутренней (собственно лингвистической или грамматической и лексической). Так как на русском языке нет такого обзора послеклассических периодов развития греческого языка, нам представляется желательным перевести на русский язык эту полезную и в общем правильно ориентирующую читателей книгу и издать ее в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов филологических и исторических факультетов университетов.

Ограничимся еще только одним замечанием. В главе о современных диалектах автор не учитывает русской научной литературы (очевидно, по той или другой причине ему недоступной) о новогреческих говорах в СССР. Поэтому некоторые его утверждения, взятые лишь из одного источника, оказываются неточными. Так, например, нуждается в уточнении вывод на стр. 133: «Мариупольский греческий язык, кроме того, совершенно утратил родительный падеж и выражает принадлежность посредством конструкции, созданной по татарскому образцу, например: *spiti-t porta* (дверь дома), *tata-t tu spit* (дом его отца)³. Во-первых, наряду с названной конструкцией в румейских говорах сохраняются и собственно синтетические формы родительного падежа, как, например: [н́хтас – пл́у] «птица ночи, ночная птица» (– сова), где [н́хтас] – род. от [н́хта] «ночь» или [алун́у пэтра] (каменный валик для молотьбы), где [алун́у] – род. над. от [алон́] «ток, гумно». Таким образом, наречие «совершенно» в приведенном выше утверждении следует вычеркнуть. Если конструкция [спити –т пор́та] принадлежит сартанскому говору, то ее следует интерпретировать несколько иначе, а именно: [спит́у т (у) пор́та], т. е. *[спит́у (у) то пор́та], где * [спит́у (у)] – род. от [ту спит]. Во-вторых, можно было бы утверждать, что в известной мере в румейских говорах утрачен «безместоименный» (без притяжательных суффилируемых местоимений) именительный падеж существительных; так, например, форма [та́тас] «отец» воспринимается теперь говорящими на этом языке не как просто им. п. ед. ч., а как им. + суффикс второго лица ед. ч., т. е. [та́та – с] «твой отец», ср. [та́та – м] «мой отец», [та́та – т] «его отец», [та́та – ц] «ее отец» и д. т., так что прежнее «татас» в результате фонетического совпадения с [тата – с] включается в иную парадигму. Само собой разумеется, что подобные мелочи ни в коей мере не портят общего благоприятного впечатления от аннотированной нами книги.

---

³ Ссылка на М.В.Сергиевского («Мариупольские греческие говоры». – «Известия АН СССР», ООИ, 1934, с.533-587).

Sprachwissenschaftliches Wörterbuch. –
Hrsg. von J.Knobloch in Verbindung
mit W.Havers, G.Ipson, F.J.Junker...und anderen
Linguisten vornehmlich des deutschen Sprachbereichs. –
Lf. I-II. – Heidelberg: Carl Winter
Universitätsverlag, 1961-1963, [Indogermanische Bibliothek.
II. Reithe. Wörterbücher]. – C.1-160.¹

Более полутора веков прошло со времени обособления сравнительно-исторического языкознания от филологической науки, в задачи которой входило всестороннее изучение и толкование письменных памятников. Сравнительно-исторический метод возник как естественное продолжение историко-филологического метода. Общее языкознание родилось еще в недрах античной философии. Первые попытки дать систематическое описание языков (в Индии, в Средиземноморье, в Китае) можно считать рождением описательного языкознания. В Европе XIX в. наметились основные отрасли современного нам языкознания. Новые пути развития языкознания открылись в период между двумя мировыми войнами нашего века. На Гаагском конгрессе языковедов в 1928 г. было декларировано рождение структурализма. Темпы развития отдельных отраслей языкознания как у нас, так и за рубежом, несомненно, ускорились после войны 1939-1945 гг. Теперь разобраться в специальных терминах иногда нелегко бывает даже специалисту, который старается следить за новейшей лингвистической литературой. Поэтому любой лингвист не может не приветствовать появление нового словаря лингвистической терминологии, в задачу которого входит как регистрация, так и предельно сжатая интерпретация терминов.

В «Лингвистическом словаре», издаваемом И. Кноблахом, профессором кафедры сравнительно-исторического языкознания Иннсбрукского университета

---

¹ Уперше опубліковано в: ж. Вопросы языкознания. – 1968. – № 2. – С.118-121.

(Австрия), принимают участие многие известные немецкие и австрийские ученые, как, например, проф. В. Гаверс (Вена), проф. Г. Ипсен (Мюнстер-Дортмунд), проф. Ф. И. Юнкер (Берлин), проф. Ф. Кайнц (Вена), проф. Й. Ломанн (Фрейбург в Брейсгау), проф. В. Порциг (Майнц), проф. М. Регула (Грац), проф. А. Шмитт (Мюнстер-Мюнхен), проф. Г. Зейлер (Кельн на Рейне), проф. И. Л. Вейсгербер (Бонн), проф. В. Виссманн (Мюнхен) и «другие лингвисты преимущественно из стран немецкого языка».

Рецензируемые два выпуска словаря имеют объем 160 страниц и заканчиваются статьей *Artikel*. Следовательно, надо предполагать, что в целом это будет словарь довольно значительных размеров и во всяком случае гораздо больше всех нам известных словарей такого рода². Его «словник» ориентирован не только на синхроническую (resp. статическую, внутреннюю) лингвистику, но и на диахроническую (resp. динамическую, внешнюю) или собственно сравнительно-историческую лингвистику, терминология и номенклатура которой занимают в словаре довольно много места. Напротив, в отношении терминологии дескриптивной и структурально-функциональной лингвистики (включая сюда и так называемое математическое языкознание) он несколько уступает «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966), хотя этот последний значительно меньше рассматриваемого здесь по своим размерам³.

Исторический подход к терминологии (и соответственно – к номенклатуре) выражается непосредственно и в оформлении статей ЛСК: при терминах и номенклатурных словах (=знаках) даются ссылки на авторов, которые установили их или вложили в них свой смысл и ввели в употребление, а также библиографические ссылки в развернутом виде или в сокращениях. В конце ЛСК, очевидно, предполагается дать полный библиографический список источников. В рецензируемых выпусках ЛСК пока еще нет предисловия или какой-либо вступительной статьи, но принципы его составления вырисовываются довольно отчетливо из включенных в первые два выпуска статей. Уже сейчас можно сказать, что этот словарь принесет большую пользу, несмотря на некоторые и, пожалуй, неизбежные в таком крупном научном начинании недостатки. Их мы усматриваем главным образом в непоследовательности выбора материала, о чем будет идти речь ниже. Эта непоследовательность, однако, по нашему мнению, в значительной мере возмещается историческим подходом к разработке материала.

Конечно, очень трудно дать сопоставительную оценку ЛСК, потому что в нашем распоряжении нет словаря такого же объема и типа, который можно было бы сопоставить с ним. В порядке эксперимента можно провести выборочное сопоставление его со «Словарем лингвистических терминов» О.С.Ахмановой, поскольку этот словарь и по времени публикации, и по охвату материала, и по степени разработки статей следует рассматривать как наиболее совершенный в ряду

---

² См.: О.С.Ахманова, А.И.Полторацкий. Словари лингвистической терминологии. – Лексикографический сборник. – V. – М., 1962. – С.188-191.

³ Далее словарь Й.Кноблоха обозначается сокращенно ЛСК, а словарь О.С.Ахмановой – СЛТА.

русскоязычных терминологических словарей языкознания⁴.

Возьмем термины с начальным компонентом *алло-* из обоих названных словарей. В СЛТА их насчитывается 11, включая самостоятельную статью *алло-*: *аллолог*, *аллографа* (вместо *аллограф*), *аллолекса* (вместо *аллолекс*), *алломорфа* (вместо *алломорф*), *аллоним*, *аллосема*, *аллофона* (вместо *аллофон*), *аллофонический*, *аллофраза*, *алло-эмический* (стр. 40-41). В ЛСК их – 14, считая со статьей *алло*, но без входящих в их ряд по алфавитному принципу терминов с начальным буквосочетанием *allo-*: *allochrone*, *alloepisem*, *Alloglottie*, *allograph*, *Allographie*, *allolog*, *allomacrosem*, *Allomorph*, *allonym*, *Allophon*, *Allophonie*, *allophrase*, *alloseme*⁵.

Из терминов ЛСК в СЛТА отсутствуют: *аллохрон*, *аллоэписема*, *аллоглоттия*, *аллография*, *алломакросема*, *аллофония*. Из терминов СЛТА в ЛСК отсутствуют: *аллолекса*, *аллофонический* и *алло-эмический*. Отсутствие в СЛТА таких «эмических» терминов, как *алломакросема*, *аллоэписема*, *аллосема* нельзя считать его существенным недостатком, потому что в нем имеются основные термины: *сема*, *семема*, *еписемема*, производными которых являются названные выше в ЛСК. Отсутствие термина *аллофонический* в ЛСК (также *аллофоническая констелляция*) не слишком вредит этому словарю, поскольку в нем объяснены *аллофон* и *аллофония*, но пропуск в словнике термина *аллолекса*, конечно, обнаруживает его непоследовательность. Это же можно сказать и об отсутствии в нем термина *алло-эмический*. Статья *аллограф* в ЛСК нам представляется более удачной, чем соответствующая статья в СЛТА, потому что в этом последнем даются примеры «не по адресу»: *c* и *qi* в английской графике никак нельзя признать вариантами одной и той же графемы. Точно так же русские *а* и *я* не являются вариантами какой-либо одной графемы. Такими вариантами будут, например, печатные (книжные) «А» прописное и «а» строчное, рукописные (курсивные) *А* прописное и *а* строчное, и, разумеется, все индивидуальные варианты данной графемы. Буквосочетание *qi* в английской графике чаще всего передает не фонему [k], а сочетание фонем [kw], например, *quake*, *quarrel*, *quater*, *queer*, *quick* и т. д. Равно и русское *я* передает не фонему [a], а сочетание фонем [ja].

Статья *аллография* ЛСК может быть отнесена к тем статьям, которые объясняют не «термин» в строгом смысле слова, а «номенклатурный знак»⁶. Иначе говоря, здесь мы имеем дело не с термином общего языкознания, а с термином частного языкознания (или соответственно филологии). Для большей ясности приведем эту статью в переводе на русский язык: **Аллография** – 1. Криптографический* и применявшийся ради забавы [spielerische] способ письма, особенно в изобразительных графических системах [Bilderschriften], где одну идеограмму* писали вместо другой (abus allographique de synonymie et d'homonymie: J.Halévy.

⁴ См. следующие словари: Н.Н.Дурново. Грамматический словарь. – М.-Пг., 1924; Л.И.Жирков. Лингвистический словарь. – М., 1946; Ж.Марузо. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960.

⁵ См.: СЛТА, стр.6, где имеется ссылка на брошюру А.А.Реформатского «Что такое термин и терминология» (М., 1959).

⁶ Звездочкой здесь обозначаются объясняемые на своем месте термины.

«Memnon», 1, 1907, 192), ср. написание имени хеттского царя Хаттушиля ¹GIŠPA-ŠI-DINGIR^{LIM}; название города и страны Хатти было созвучно аккадскому *hattu* «скипетр» (идеограмма GIŠPA-), а окончание имени – аккадскому *ilu* «бог» (идеограмма DINGIR) (Friedrich, Elementarbuch, 14) – 2. А. оказывается немаловажным фактом для истолкования написанных на папирусе текстов, так как неграмотные люди диктовали писцам свои документы» (ЛСК, стр. 96).

В параллельных статьях из названных выше видна (особенно в экземплификации) зависимость СЛТА от ЛСК, ср., например, *аллолог* (*Mahlzeit – gesegnete Mahlzeit*), *аллоним* (*Konstantinopel / Istanbul*), *аллофпаза* (*má úcta – moje úcta*⁷). Статья *Allophon* ЛСК значительно обстоятельнее статьи *аллофона* СЛТА и не только за счет библиографических указаний, но и в смысле глубины разработки. Термины *аллохрон* и *аллоглоттия* ЛСК не вошли в словник СЛТА, вероятно, ввиду их ограниченного распространения. В ЛСК им даются следующие разъяснения: «**Аллохрон** (с английского) – 1. Фонетические варианты какого-либо звука, которые отличаются друг от друга только своим количеством [долготой или краткостью. – А. Б.]. – 2. Г.Б.Гэри (Н.В.Гарей. Language dissertations, № 51, 1955, стр. 11) употребляет это выражение для обозначения такого предложения, в котором указание на время выражается посредством глагольной формы (или посредством наречий): *I'm going downtown tomorrow*. Само указание на время – это хрон» (стр. 95). Если употребление этого термина в первом смысловом значении (1) может оказаться небесполезным для языков с противопоставлением фонем по количеству, как, например, в чешском: *bíti* «бить» – *bití* «битье», *býti* «быть» – *bytí* «бытие», *píti* «пить» – *pití* «питье» и т. п., то во втором значении (2) он лишен необходимой для термина определенности и моносемии. Если «хрон» – это лексическое выражение времени, «аллохрон» должен обозначать грамматическое выражение времени, но такое противопоставление нарушается включением в понятие «аллохрона» выражения времени посредством наречий, так как его надо признать также лексическим. Термин *аллоглоттия* оправдан в словнике ЛСК наличием противопоставленных ему *гетероглоттия* и *идиоглоттия*. Он может оказаться полезным для диахронического языкознания, особенно в той его части, где речь идет о языковых контактах (взаимодействии языков или их интерференции). Ср.: «**Аллоглоттия** [М. Budimir. 3. Kongr., 54] – инородные [die fremden] (аллоглоттические) компоненты языка могут иметь интерсоциальное (внутренняя А.) или интернациональное (внешняя А.) происхождение, в зависимости от того, идет ли речь о симбиозе групп различных профессий или народов (ср. *gente alloglossa*, G. Ascoli, AGI. I, 8, 1882-85, 124). Ср. *Гетероглоттия*, *Идиоглоттия*» (ЛСК, стр. 95). В отношении «номенклатурных знаков», включенных в словник ЛСК, у нас нет принципиальных возражений: их присутствие вполне оправдано размерами этого словаря. Кстати, надо сказать, что несмотря на оговорку в предисловии автора СЛТА, в нем можно найти немало именно «номенклатурных знаков», вроде, например, *альфа отрицания*, *альфа привативная*, *альфа чистая* (отсутствует *альфа нечистая*). Объяснение номенклатурного знака *альфа чистая* в СЛТА сравнительно к ЛСК оставляет желать лучшего, так как его «классиче-

⁷ В СЛТА опечатка *moja úcta* вместо *moje úcta*.

ское» содержание много шире изложенного в СЛТА. Ср. ЛСК: «Аттическое выражение прагреческого [a] посредством долгого α в отличие от ионийского η в результате восстановления [Rückverwandlung] или сохранения его после ε, ι, ρ (отчасти также после υ и ρο): γευεά, οἰκία, ἀράττω; σικύα, ἀκρούαα (стр. 100) и СЛТА: «Неизменяемое конечное -ā существительных с основой на -a в древнегреческом языке» (стр. 42). Для сопоставительной характеристики обоих словарей может быть показательным параллельное рассмотрение статей *Alphabet* и *алфавит*: в первом случае ярко выражен историзм, во втором – дескриптивизм с ориентацией на современные европейские языки (русский, английский, французский, немецкий, испанский).

Стремление охватить и по возможности исчерпать термины диахронического языкознания в ЛСК отражается и во включении в словник названий отдельных языков и языковых групп (соответственно – семейств, циклов или формаций), как, например, эгейские языки, агнийский, аккадийский, алародийская семья языков, алтайские языки, древнеевропейская совокупность языков, древнецерковнославянский, древнеперсидский, древнеславянский, америндейские языки, англосаксонский, англонорманский.

Однако при общей ориентации ЛСК на сравнительно-историческое языкознание и, в частности, сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков, даже в номенклатуре индоевропейских языков его нельзя признать последовательным. Так, например, в имеющейся у нас части словаря, кроме названных индоевропейских языков, мы не находим, например, таких названий: албанский, арийские языки см. индоевропейские, аркадский (или аркадийский) см. древнегреческий, армориканский см. бретонский, армянский, афганский см. пушту (мы имеем в виду порядок латинского алфавита). Само собой разумеется, что еще больше названий мы не находим в тех же пределах, если речь идет о неиндоевропейских языках. Мы не найдем здесь статей: абазинский, абессинский см. амхарский и т. д., абхазский, айну или айнский, айсорский, алеутский см. унанганский, алтайский см. тюркские языки Алтая, аморейский см. амурру, аннамский см. вьетнамский, арабский (классический арабский и арабские диалекты), аравакский (арауак, аруак, аровак), арамейский см. сирийский, арауканский, аргобба, ассирийский см. аккадийский и ассирио-вавилонский и т. д., включая «египетский» (нем. ägyptisch или aegyptisch). Короче говоря, неполнота охвата номенклатуры языков в ЛСК как будто противоречит его принципам. Конечно, гораздо труднее оценить полноту представленной в нем собственно лингвистической терминологии, особенно учитывая терминологическую пестроту и многообразие современной синхронической и дескриптивной лингвистики. Здесь настолько неизбежен субъективизм составителей, что даже в словник СЛТА не были включены термины, используемые в настоящее время советскими языковедами, как, например, *дифферентор*, *фонемойд*, *двухступенчатая теория фонем*, *аппликативная модель* и т. д. (термины С.К.Шаумяна).

Если в ЛСК нет достаточной полноты охвата терминологии современной синхронической лингвистики, в терминологии диахронической лингвистики при некоторой непоследовательности он стремится к полноте и даже избытию.

Это приводит к включению таких терминологических выражений, как, например, гипотеза Андреаса (Andreassche Hypothese), представляющего интерес, если не исключительно, то преимущественно для иранской филологии. Наряду с ним статья *ахурические* (или *агурические*) *выражения* (в противоположность *даэви-ческим*), конечно, представляет интерес не только для иранской филологии, но и для диахронической стилистики вообще. В отличие от СЛТА рассматриваемый здесь словарь не имеет «гнездовой» организации материала, что, представляя некоторое удобство для читателя, значительно увеличивает его размеры [ср., например, статью *аблатив* СЛТА и статьи от *Ablativ* (стр. 6) до *Ablativus viae* (стр. 11-12 ЛСК)]. Остается пожелать, чтобы этот столь широко задуманный словарь был в ближайшем будущем успешно доведен до конца. Таким образом мы получим несомненно необходимую справочную книгу для всех филологов и языковедов.

РОЗДІЛ IV

СПОГАДИ ПРО А.О. БІЛЕЦЬКОГО

Т. Лукінова
**Андрій Олександрович Білецький
і академік Леонід Арсенійович Булаховський**

Андрію Олександровичу Білецькому пощастило з перших днів його життя: він народився у високоосвіченій інтелігентній сім'ї. Фізичне зростання маленького Андрія відбувалося паралельно із громадсько-соціальним становленням його талановитого батька Олександра Івановича Білецького, який невдовзі після народження сина став відомим викладачем літератури, улюбленим студентами професором Харківського університету, а в 40-х–50-х роках як уже один з найвидатніших провідних учених в українському літературознавстві (з 1939 р. академік Академії наук УРСР) очолював академічний Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка.

Сама атмосфера в сім'ї, найближче середовище не могли не сприяти швидкому розвитку дітей – Андрія і його молодшого брата Платона, їх високій освіченості. І батько Олександр Іванович, і мати Марія Ростиславівна як інтелігенти дореволюційного виховання добре знали іноземні мови, Марія Ростиславівна викладала німецьку й французьку в середній школі і, отже, батьки змалку залучали синів до вивчення мов.

Найближчим колегою О.І. Білецького по Харківському університету був Л.А. Булаховський, який викладав мовні дисципліни, а в повоєнний період очолював найближчий до Інституту літератури Інститут мовознавства АН УРСР. Саме життя, обставини сприяли зближенню О.І. Білецького і Л.А.Булаховського.

У молоді роки вони, спеціалісти одного професійного профілю (філологія) й однієї громадянської позиції, співробітничали у створенні шкільних підручників і посібників (Українська мова. Підручник для старшого концентру трудових шкіл. 5, 6, 7 роки навчання. – Харків, 1927. Співавтори О.Білецький, Л.А.Булаховський та ін. Вид. 2. – Х., 1928; Русский язык. 5, 6, 7 годы обучения. – Х., 1930. Соавторы А.И. Белецкий, Л.А. Булаховский и др.), разом писали праці методичного характеру (Методичні уваги для вчителя старшого концентру трудшколи. – Х., 1927. – 77 с. Співавтори О.І. Білецький, Л.А. Булаховський).

Л.А. Булаховський неодноразово писав про життя й діяльність Олександра Івановича: Акад. Олександр Іванович Білецький // Україна, 1945. – № 4–5. – С. 25; Віце-президент АН УРСР Олександр Іванович Білецький // Вісті АН УРСР, 1946. – № 8-9. – С. 31–33; Александр Иванович Белецкий (к 70-летию со дня рождения) // Наук. зап. Київського університету. 1955. – Т. 14. – Вип. 1. – 3б. філол. фак-ту. – № 7. – С. 7–15 (весь збірник присвячений ювілею акад. О.І. Білецького) – та ін.

Крім багатьох років паралельної роботи у філологічній сфері в Харківському університеті і в Академії наук, сталося так, що О.І. Білецького і Л.А. Булаховського разом обрали академіками в 1939 р., і обидва залишили свої директорські пости у 1961 р. (у цьому ж році обидва пішли з життя).

Постійно спілкувалися не тільки самі професори, а й дружили сім'ями, бували один у одного вдома, спільно проводили вільний час. Отже, не дивно, що Андрій Олександрович змалку добре знав Леоніда Арсенійовича, багато років спілкувався з ним. Пізніше він згадував, що Леонід Арсенійович навчав його грамоти, писав із ним диктанти.

До кола близьких друзів Білецьких у Харкові входила також сім'я Самариних. Професор Михайло Павлович Самарін – літературознавець, пушкініст, блискучий лектор із своєю дружиною Юлією Іванівною і сином Романом, ровесником Андрія, теж у довосенний харківський період часто бував у домі Білецьких (зазначу принагідно, що Роман Михайлович Самарін згодом став відомим літературознавцем, викладав у Московському університеті, був деканом філологічного факультету МДУ).

Таке суто гуманітарне філологічне оточення визначило долю молодшого покоління всіх трьох сімей: літературознавцем став не тільки Роман Самарін, а й Юлія Булаховська, дочка Леоніда Арсенійовича, гуманітарну сферу діяльності обрав для себе Платон Білецький, відомий художник (Андрій Олександрович теж, за свідченням Ю.Л. Булаховської, добре малював); безперечно, не без впливу проф. Л.А. Булаховського, Андрій Олександрович присвятив своє життя мовознавству.

З самого початку мовознавчої діяльності Андрія Олександровича його цікавили мови класичні, насамперед латинська. Він викладав її у харківських вузах, а згодом його увагу привернула дещо екзотична для України 30-х років мова грецька. Саме грецькій було присвячено кандидатську дисертацію Андрія Олександровича «Номінальна композиція в грецькій мові» (її він захистив в евакуації 1943 р.).

Якщо інтерес Андрія Олександровича до мовознавства можна віднести на рахунок Леоніда Арсенійовича, то нахил до античності, до класичних мов з'явився у нього явно під впливом широкого кола зацікавлень батька Олександра Івановича. У це коло входила й антична література. Олександр Іванович досліджував творчість античних авторів. Серед іншого при першому українському перекладі «Прометей» Есхіла, підготовленому відомим майстром перекладацької справи Борисом Теном (переклад вийшов у 1949 р.), Олександр Іванович вмістив велику статтю «Прометей» Есхіла і його нащадки в світовій літературі; у 1953 р. було надруковано його статтю «Поєми Гомера». 1961 р. Олександр Іванович ви-

ступив у Москві на конференції з доповіддю «Російська література й античність», головний пафос якої містився у твердженні, що давня антична спадщина допомагає поглибити естетико-філософське розуміння сучасності.

Ще в 30-х роках Олександр Іванович упорядкував хрестоматію «Антична література», яку було надруковано в 1938 р. (2-е видання побачило світ у 1968 р.). Отже, антична проблематика проходить через усе життя Олександра Івановича Білецького.

«Загальноновизнано, – писала в свій час член-кор. НАН України Н.Є. Крутикова, яка працювала поряд з Олександром Івановичем і під його керівництвом, – що О.І. Білецький був одним із кращих знавців античності і західноєвропейських літератур. Йому належать дослідження про Аристофана, Ювенала, Овідія. Він пише про «Прикованого Прометея» Есхіла і його численних «нащадків» у світовій літературі»¹ (як відомо, образ Прометея проходить через літературу багатьох народів: про нього писали Вольтер і Байрон, Ломоносов і Пушкін, наш Тарас Шевченко і чимало інших видатних поетів).

Син Олександра Івановича Платон Олександрович Білецький створив працю, у якій частково підсумував діяльність батька у цій галузі: у 1974 р. було надруковано його розвідку «О.І. Білецький як візантолог».

Хоча в докторантурі Андрій Олександрович навчався в московському Інституті мов та писемності народів СРСР, тема його докторської дисертації «Принципи етимологічних досліджень» недвозначно свідчить про вплив проф. Л.А. Булаховського – компаративіста та етимолога.

Нагадаю, що своє дослідження Андрій Олександрович виконував у 40-і роки. Це час панування «нового вчення» про мову М.Я. Марра. Можна твердити, молодий дослідник і цілком поділяв наукові погляди Л.А. Булаховського, і схвалював його громадянську стійкість. Незважаючи на ідеологічний тиск і гостру критику, Леонід Арсенійович не визнавав марризм і ніколи ні на йоту не поступався своєю позицією вченого, вірного кращим традиціям вітчизняної і світової науки.

Атмосферу, що панувала в 30-і – 40-і роки, можуть ілюструвати спогади колишньої аспірантки Л.А. Булаховського, потім викладачки Харківського університету і Миколаївського педінституту І.Я. Журби (матеріали зберігаються в архіві ученого): «Пам'ятаю похмурий осінній день 1933 р. В цей день проводилася лінгвістична дискусія про вчення Марра. Потебнянська аудиторія Харківського університету. В президії Л.А. Булаховський, деякі викладачі університету, аспіранти. Прихильники Марра виступали за «нове вчення» Марра, нападали на Л.А. Булаховського за критику, за невизнання цього вчення науковим, марксистським. Леонід Арсенійович спокійно вислуховував несправедливі, подекуди грубі антинаукові виступи...

Наприкінці слово було надано професору Л.А. Булаховському. Він підвівся, зовні спокійний, обвів уважним поглядом аудиторію і сказав: «Совість радянського вченого не дозволяє мені визнавати праці Марра за наукове вчення про

¹ Н.Е. Крутикова. Выдающийся советский литературовед // Теория и история литературы. – К., 1985. – С. 6.

мову». І сів, не сказавши більше ні слова. Ні слова. Розходилися ми з почуттям болю, глибокої пошани до вчителя. Леонід Арсенійович вчив нас бути чесними, незламними».

І в 40-і роки Л.А. Булаховського, академіка, директора Інституту мовознавства продовжували гостро критикувати за те, що він, ігноруючи маррівське «нове вчення», намагався продовжувати порівняльно-історичні дослідження. Критика була демагогічною, безмежно далекою від наукової аргументації. У 1946–1953 рр. Андрій Олександрович паралельно з викладанням у Київському університеті працював старшим науковим співробітником Інституту мовознавства і, присутній на вчених радах, бачив і чув цю несправедливу критику, однак продовжував працювати над своєю антимаррівською дисертацією.

1950 року, у рік лінгвістичної дискусії, яка, як відомо, закінчилася засудженням марризму, дисертацію Андрія Олександровича уже було надруковано («Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)». – К., 1950), а в 1952 р. захищено. Документальним підтвердженням зв'язку монографії Андрія Олександровича з Л.А. Булаховським є той факт, що Леонід Арсенійович виступив відповідальним редактором книги.

Після акад. Л.А. Булаховського Андрій Олександрович був єдиним лінгвістом не тільки в Україні, а й, мабуть, у всьому Союзі РСР, який так серйозно й фундаментально звернувся в ті небезпечні часи, у 40-х роках, до проблематики етимологізування. Для цього і йому потрібна була неабияка громадянська мужність.

З наведеного в книзі Андрія Олександровича списку досліджень російських учених, де розглядаються питання походження деяких слів (див. с. 29–30), видно, що це (за винятком праць Леоніда Арсенійовича) переважно невеличкі розвідки (хоча й цікаві та змістовні) типу статей Б.М. Ляпунова «Из семасиологических этюдов в области русского языка: «досуг» и др.» (Изв. ОЛЯ. – Т. V. – Вып. I. – 1946. – С. 63–68), П.Я. Черных «К вопросу о происхождении имени *Москва*» (Там же. – Т. IX. – Вып. 5. – 1950. – С. 393–398), В.А. Гордлевского («Что такое *босый волк*?») (Там же. – Т. VI. – Вып. 4. – 1947. – С. 317–337) і под.

Книга ж Андрія Олександровича містить виклад основних принципів етимологізування, розроблених вітчизняними й зарубіжними вченими в процесі тривалого порівняльно-історичного вивчення лексики багатьох мов. Виклад достатньо критичний, з численними авторськими зауваженнями і додатками. Особливо критикуються, природна річ, погляди й конкретні розробки дослідників-марристів, і не тільки типу В.А. Міханкової, а й таких авторитетних, як В.І. Абаєв або А.В. Десницька. При цьому повною мірою виявляється і блискуче володіння автором грецькою мовою, і його незрівнянна ерудиція, знання історії, етнографії, міфології багатьох країн і народів.

Уже в докторській дисертації Андрія Олександровича присутній ономастичний матеріал, подаються міркування вченого про походження тих чи інших грецьких власних назв. З часом інтерес до ономастики зріс і посилювався. Очевидно, великою мірою цьому сприяла його робота в керованому Л.А. Булаховським Інституті мовознавства: з кінця 40-х років тут з'являються перші дослідження з української ономастики. Поступово утворюється група ономастів, розгор-

таються дослідження спочатку з топоніміки, а згодом з гідронімії та антропонімії. Всесоюзна нарада з питань координації досліджень актуальних проблем слов'язознавства в СРСР навіть визнала Інститут головним у Радянському Союзі з проблем «Топонімічних досліджень».

І Андрій Олександрович бере активну участь у вивченні ономастичних матеріалів. У 1962 р. в Києві відбулася організована ономастами Інституту Республіканська топонімічна нарада, на якій Андрій Олександрович виступив з доповіддю «Борістенес. Данапріс. Дніпро (з історичної гідроніміки України)», яку було опубліковано в матеріалах наради.

У відгуку на цю доповідь О.С. Мельничук (тоді ще кандидат наук) писав: «Це висококваліфіковане історико-гідронімічне дослідження становить значний інтерес не тільки для фахівців з української й загальнослов'янської (чи навіть індоевропейської) топоніміки, а й для широкої громадськості Української РСР та Радянського Союзу в цілому» (відгук О.С. Мельничука зберігається в архівах Інституту – *Т.Л.*).

Свої спостереження над грецьким ономастичним матеріалом він опублікував у статті «Слов'янська топонімія Греції» (Повідомлення Української ономастичної комісії. – Вип. 1. – К., 1966. – С. 13–24). А незабаром з'явилася ціла книжка нарисів з ономастики: «Лексикология и теория языкознания (ономастика)» (К., 1972). Книжка насичена, навіть переповнена цікавими фактами, міркуваннями, спостереженнями над лексикою взагалі й власними назвами зокрема. У ній детально викладаються основи етимологізування власних назв.

Як видно з праць Андрія Олександровича, для нього, як і для Леоніда Арсенійовича, в дослідженні лексики найбільш істотним був історичний аспект: що може дати для встановлення походження того чи іншого слова історія, етнографія, історія культури, вся сукупність екстралінгвістичних факторів, з одного боку, а з другого – чим може бути корисним вивчення мови взагалі й лексики зокрема для історії народу, історії його духовної культури². У вступі до згаданої монографії «Лексикология и теория языкознания (ономастика)» Андрій Олександрович недвозначно пише про себе: «Автор... зосереджує свою увагу на порівняльно-історичному і на історико-філологічному методах, оскільки його найбільше цікавить історичний підхід до лексики і можливість зробити висновки з вивчення лексики взагалі й зокрема власних назв для історії народів і з історії народів для лексики їхніх мов» (с. 10). В кінці книги він ще раз підтверджує свою позицію: «Основою основ ейдонімічного дослідження повинно бути розуміння нерозривного зв'язку матеріалу, що вивчається, з історією суспільства, яке нагромадило і цей матеріал використовує, тільки історичне (відповідно – історико-філологічне) дослідження дає нам можливість визначити генетичні зв'язки ейдонімів з генонімами *et vice versa*» (С. 201). І в своїх працях Андрій Олександрович постійно підтверджує вірність цьому основоположному принципу.

² У зв'язку з цим доречно згадати такі великі праці Л.А. Булаховського, як «Славянские наименования птиц» // Вибрані праці в п'яти томах. – Т. 3. Славістика. Російська мова. – К., 1978. – С. 189–299, «Дезтимологизация в русском языке» // Там же. – С. 345–440 та ін., де наявний згаданий підхід.

Поки Андрій Олександрович працював до 1953 р. в Інституті мовознавства, його ділові контакти й співпраця з Л.А. Булаховським були постійними. Але вони не перервалися й тоді, коли Андрій Олександрович залишив Інститут. Леонід Арсенійович знаходив можливість залучати його, висококваліфікованого доктора наук, до виконання деяких спорадичних завдань, напр., до прийому іспитів у аспірантів.

У 1958 р. А.О. Білецький виступив з розгорнутою рецензією на книжку Леоніда Арсенійовича «Нариси с загального мовознавства» (К., 1955). Рецензію надруковано в ж. «Українська мова в школі» (1958, № 3. – С. 84–87).

Коли в 1988 р. відзначалося 100-річчя від дня народження Л.А. Булаховського, Андрія Олександровича було запрошено до авторського колективу ювілейного збірника «Л.А. Булаховський і сучасне мовознавство» (К., 1987). Андрій Олександрович запропонував статтю «Незалежні аналогічні зміни в споріднених мовах», у якій узагальнив свої спостереження над наслідками внутрішніх процесів в індоєвропейських мовах – над еволюцією первісної фонологічної системи, виникненням артиклів, занепадом системи синтетичних відмінків і заміни їх прийменниковими конструкціями тощо.

Привертає увагу спрямування запропонованого для збірника пам'яті Л.А. Булаховського дослідження – «аналогічні зміни» – очевидно, воно не випадкове: Л.А. Булаховський багато працював саме в галузі граматичної аналогії (див., напр., т. III його «Вибраних праць»).

Хоча Андрій Олександрович офіційно не був ні аспірантом, ні докторантом Леоніда Арсенійовича, його можна вважати одним з найбільш вірних його учнів і послідовників. Він сприйняв від свого старшого колеги головне: стремління віддано служити справі розвитку освіти й культури, розвитку кращих традицій вітчизняного мовознавства, пов'язаних зокрема з О.О. Потебнею (на тих же потєбнянських традиціях, як і Л.А. Булаховський, був вихований у Харківському університеті й батько Андрія Олександровича Олександр Іванович Білецький).

Андрію Олександровичу пощастило не тільки з народженням. Йому пощастило взагалі в житті: він успішно працював у тих галузях, які були йому найбільше до вподоби, він встиг зробити чимало корисного в науці й культурі. Він залишив по собі вагомий науковий спадщину, а головне – добру пам'ять в серцях своїх вдячних учнів, які успішно продовжують його напрацювання.

Ф.О.Нікітіна

Слово про Вчителя

У ці дні, коли ми з нагоди 100-річчя від дня народження А.О. Білецького вшановуємо його світлу пам'ять, наші спогади про Вчителя, здається, стають більш яскравими. Згадую той день, коли я востаннє бачила Андрія Олександровича і розмовляла з ним.

У перших числах березня 1995 року ми (моя аспірантка Патрісія Саконі і я) приїхали до м. Бучі, де на той час перебував Андрій Олександрович. Він сидів за столом, оточений книжками, щось писав, тобто працював над тим, що його на той час цікавило. Андрій Олександрович був у хорошому настрої, був привітним (як завжди), дуже доброзичливим. Попри погіршення зору і слуху він не справляв враження людини хворої, тим паче безпомічної. Мене трохи вразило його небажання розмовляти з Патрісією іспанською або англійською мовою, він запропонував мені сісти поруч і перекладати.

Раніше Андрій Олександрович доволі охоче спілкувався з різними людьми, використовуючи іноземні мови. Я згадала (про це писали наші ЗМІ), як наші емігранти, що досить довго перебували за кордоном, і вільно розмовляли чужими мовами, за рік-півтора до відходу у вічність розмовляли лише рідною мовою. Цей спогад, звісно, мене трохи збентежив. Але погода була гарною, перед будинком розквітли перші весняні квіти. Андрій Олександрович, здавалося, почувався добре. А через місяці його не стало...

До останніх годин свого життя Андрій Олександрович працював. Він закінчив «Вступ до мовознавства», зорієнтований на викладання студентам перших курсів або навіть на зацікавлення азами мовознавства школярів. Шкода, що цей курс не був виданий українською мовою. Коли я читала цю книжку, не знаючи, хто її автор, не могла вгадати, хто міг написати цей курс так професійно та водночас по-молодому жваво. До останніх годин свого життя Андрій Олександрович прагнув знайомитися з новим – з мовами, якими він ще не володів.

Так він вивчав іврит за підручником, написаним російською мовою в Ізраїлі. В оволодінні цієї мовою він уже встиг досягти певних успіхів, зокрема у засвоєнні лексики. Андрій Олександрович говорив, що дуже хотів би відвідати Єрусалим. На жаль, цьому не судилося відбутися.

Як і всі учні Андрія Олександровича, я тішуся з того, що мені пощастило упродовж кількох десятиліть спілкуватися з ним, слухати його лекції, консультації, а також слухати дуже цікаві розповіді на різні теми. Він був справжнім διδάσκαλος у найвищому розумінні цього слова. Андрій Олександрович навчав, не просто передаючи свої знання, – навчав аналізувати, досліджувати, навчав учитися. Він навчав, але ніколи не повчав, не читав жодних нотацій, навіть найслабшим із студентів.

Іноді я думаю: от якби були можливими перемовини між людьми, розділеними великими часовими відстанями, з ким було б цікаво спілкуватися Андрію Олександровичу. І спадає на думку, що найцікавішими співрозмовниками для нього могли б бути Сирано де Бержерак, Рабле, Вольтер – письменники оригінально-іронічного мислення, які попри іронію і сарказм, були великими гуманістами. Андрію Олександровичу абсолютно не було властиве самовихваляння, підкреслення своїх наукових досягнень. А самоаналіз, властивий йому як високоінтелектуальній людині, іноді проривався у гірких визнаннях (на звороті свого фото або у написах на подарованих ним книжках). І такі рядки писалися не у вісімдесят або сімдесят років, а тоді, коли йому не було і п'ятдесяти... Проте він не був песимістом. Один із таких гірких віршів закінчується словами: «но знай, что есть надежда, жди и верь».

Мабуть, найщасливішим періодом у житті Андрія Олександровича можна вважати перші роки подружнього життя з Тетяною Миколаївною, коли вони разом подорожували у пошуках причорноморських діалектів новогрецької мови і при укладанні середземноморського мовного атласу, ті роки, коли їхня донька була маленькою і її називали Манюся. Веселим і яскравим був шістдесятирічний ювілей Андрія Олександровича в 1971 році, що відзначався у ресторані «Столичний» (який був зруйнований в останнє десятиліття ХХ століття). Тоді Віктор Вікторович Коптілов під загальні оплески присутніх почепив Андрію Олександровичу на шию довгу гірлянду з шоколадних медалей, загорнутих у золотисту фольгу. Юрій Вадимович Шанін із запалом танцював «кабардинку», перемішану з танцями навприсядки. Було багато вітальників, було по-домашньому весело. Взагалі Андрій Олександрович не був відлюдником, у них з Тетяною Миколаївною збиралися колеги, знайомі, учні, люди різних національностей.

Андрій Олександрович радів успіхам своїх учнів – захистам дисертацій, публікаціям монографій і статей. Його тішило наукове зростання колег по кафедрі, по факультету, учнів. Андрій Олександрович високо цінував досягнення своїх ровесників і науковців, старших від нього. Андрій Олександрович шанобливо ставився до свого вчителя, академіка Леоніда Арсенійовича Булаховського, високо цінував наукові праці Соломона Яковича Лур'є, якого вважав людиною з надзвичайною ерудицією. У 70-80-ті роки він підтримував теплі людські і наукові

відносини з Юрієм Олексійовичем Жлуктенком, їх об'єднували спільні наукові інтереси і взаємна повага.

На жаль, останні десятиліття життя Андрія Олександровича були затьмарені важкою хворобою Тетяни Миколаївни, недобррозичливим ставленням деяких адміністративних персон, дріб'язкових за знаннями та інтересами. Андрія Олександровича, як кожную талановиту і відому людину, оточували не лише учні та послідовники – траплялися й випадкові люди, ось чому його наукова спадщина виявилася розпорошеною. Але ми, учні Андрія Олександровича, і наші учні зберігаємо у своїх душах шанобливу любов і повагу до свого Вчителя.

Леонід Павленко
**Чаювання в Бучі,
або Майже двадцять років тому...**

Початок моєї викладацької діяльності після навчання на кафедрі класичної філології Ленінградського університету був пов'язаний майже виключно з медичним та педагогічним інститутами Сімферополя, а коли розпочалася моя наукова робота за темою кандидатської дисертації, були закладені підвалини співпраці з колегами з Московського університету ім. М.В.Ломоносова, у спеціалізованій вченій раді якого і відбувся захист дисертації, присвяченій реконструкції сюжету не вповні збереженій новознайденій комедії Менандра «Щит». Відтак влітку 1979 р. провідною науковою установою, яка дала б відгук на дисертацію, було визначено Київський держаний університет, а написати відгук погодився Андрій Олександрович Білецький.

Звичайно, я позаочі знав про його діяльність як науковця і педагога, але зустрічатись з А.О. до того не довелося, як, утім, не вдалося познайомитись з ним і цього разу: за тиждень до захисту я приїхав до Києва і на кафедрі отримав готовий і належно оформлений відгук, бо А.О. був десь за межами міста. Дорогою до Москви я, природньо хвилюючись, читав і перечитував текст відгуку, готуючись знайти там низку критичних зауважень, на які потрібно буде дати змістовну відповідь під час захисту. Однак виявилося, що шановний рецензент був налаштований дуже доброзичливо до молодого науковця і дружньо підтримав його спостереження і висновки щодо більшості розглянутих у дисертації проблем, особливо відзначивши плідність для текстологічних досліджень використаного мною методу структурного аналізу. Утім, дисертацію читав А.О. дуже кваліфіковано і уважно, не оминаючи навіть помилок в її оформленні – десь при цитуванні тексту комедії замість знаку густого придишу з'явився знак легкого придишу, десь зайшла помилка в ініціалах імені іноземного дослідника тощо. Тож при підготовці проекту висновку вченої ради я, за порадою її секретаря М.М.Слав'янинської,

використав текст першої та останньої сторінок відгуку А.О., і захист в цілому був успішним.

Перша і, на жаль, остання моя зустріч з А.О. відбулася лише майже через півтора десятка років по тому – у травні 1992 року. У той час я перебував на стажуванні при кафедрі С.В.Семчинського в Київському університеті і радо прийняв пропозицію Ю.В.Шаніна разом відвідати Андрія Олександровича, який тоді майже не виїздив з Бучі до Києва.

На мій превеликий подив, для А.О. я не був зовсім невідомою людиною, він читав мої наукові публікації і знав, що я останнім часом докладаю зусилля до справи створення в Сімферопольському університеті першої в Україні кафедри грецької (власне – новогрецької) філології. Отже, розмова за чайним столом почалася з обговорення саме цього питання: А.О. цікавив склад викладачів такої кафедри, її навчальний план, забезпеченість підручниками.

Довідавшись, що серед організаторів і перших викладачів кафедри – його учень В.О.Солодков і учень В.Г.Соколюка Сократ Лазаріді, А.О. сказав: «Ну, певно, грецькій мові студентів ви навчите, а от як ви плануєте забезпечити належний науковий рівень підготовки фахівців?» Моя відповідь, що ми маємо намір давати студентам кафедри подвійну спеціалізацію – з новогрецької та англійської мов – і що основні теоретичні курси вони вивчатимуть разом зі студентами кафедри англійської філології, А.О. цілком задовольнила і, переглядаючи з олівцем в руках проект навчального плану, він порадив курс давньогрецької мови перенести з 1-го та 2-го семестрів на 6-й та 7-й, аби до того часу студенти добре засвоїли сучасну грецьку вимову і «еразмів спосіб» вимови давньогрецьких слів не завдавав їм додаткових труднощів.

Принагідно я розповів А.О., що кілька місяців тому, у грудні 1991 р., нам вдалося (тоді це було ще порівняно просто) зустрітися зі щойно обраним Президентом України і що Л.М.Кравчук, зважаючи на факт повернення з депортації на батьківщину кримських греків, зробив розпорядження створити таку кафедру в Сімферополі (до речі, відповідний наказ Міністерства освіти було підписано через два тижні після цієї моєї зустрічі з А.О.).

При цьому я зважився висловити своє захоплення перспективами національного політико-економічного та культурного відродження самостійної України, і тоді розпочалося дійство, яке ніби перенесло нас на береги Ілісу, в далеке п'яте століття до Р.Х. Як колись це робив мудрий Сократ, А.О. низкою запитань і оцінок моїх відповідей швидко позбавив мене надмірного оптимізму щодо нашого спільного майбутнього. При цьому Ю.В.Шанін виконував роль такого собі «трікстера», під'юджуючи мене і в'їдливо коментуючи хід розмови. Сьогодні, через двадцять років існування України як незалежної держави я пригадую цю розмову і з певним сумом визнаю засновані на багатому життєвому досвіді далекоглядність Андрія Олександровича і Юрія Вадимовича.

По тому А.О. запитав: «А що ви там разом із С.В.Семчинським збираєтесь робити? Ходять чутки про якийсь новий підручник з античної літератури». Тоді ми справді розробили проект такого підручника, який мав складатися з трьох частин: перша відводилася на грецьку, друга – на латинську літератури, а третя – на

хрестоматію. Я пояснив, що це має бути цілком новий україномовний посібник, основними розділами якого стануть вже опубліковані праці (передмови до видань перекладів текстів, окремі статті українських філологів-класиків), а можливі лакуни мають заповнити заново написані розділи, для чого залучаються сучасні науковці, і що від двох десятків фахівців я вже отримав їх попередню згоду співпрацювати. «Це був би корисний підручник, я дав би вам передмову до перекладу «Історій» Геродота, над яким тепер працюю», – зауважив А.О. – «Але ж для здійснення такого проекту потрібні чималі кошти». Я пояснив, що саме цим нині займаюсь, і вже мав попередні бесіди щодо фінансування з одним із відповідальних працівників Міністерства освіти, який обіцяв допомогти. Дізнавшись, хто цей чиновник, А.О. спохмурнів, а потім ми з Ю.В. почули виклад якогось нового розділу «Характерів» Теофраста, у дивний спосіб змішаного з візантійським «Фізіологом». Я свідомо не називаю тут прізвища тієї людини, яку добре знав і Ю.В.Шанін, бо врешті-решт нічим вона нам не допомогла, то ж проект так і залишився нездійсненим.

На завершення бесіди А.О. знову пригадав мою дисертацію і порадив принагідно дослідити проблему відображення етичних проблем (власне – взаємовідносин батьків та дітей) в усьому корпусі як давновідомих, так і новознайдених на той час комедій Менандра. Займаючись іншими проблемами, спрямованими на забезпечення успішної праці нашої новоствореної кафедри, я звертаюсь до цього питання лише тепер, адже, на моє переконання, воно і нині залишається маловивченим і актуальним.

Покинули ми Андрія Олександровича під квітучою яблунею в його саду, як виявилось – побачившись, на жаль, востаннє.

Олександр Пономарів **Про незабутнього Вчителя**

Коли я згадую свою студентську юність, університетських друзів, викладачів, переді мною постає Київ 50 – 60-х років минулого століття.

Чистий, зелений, спокійний. Це про той Київ американський художник Рокуелл Кент сказав, що він уперше бачить такий великий парк, посеред якого розташоване таке велике місто. Поміж університетських викладачів було багато яскравих особистостей, але найдорожчими для мене стали Андрій Білецький та його дружина Тетяна Чернишова, які дуже багато зробили для формування мене як філолога та як людини.

Восени 1958 року, коли я був студентом третього курсу філологічного факультету Шевченкового університету, в нас, крім англійської, французької та німецької мов, започаткували вивчення новогрецької й румунської. Тетяна Чернишова на зборах курсу так захоплено розповіла про Грецію та про грецьку мову, що вивчати її зголосилося трохи не півкурсу. Був досить суворий відбір, бо група мала складатися лише з восьми осіб. Мені пощастило: я опинився в «грецькій» групі. Відтоді моє студентське життя стало тісно пов'язане з родиною Білецьких-Чернишових.

Спочатку ми спілкувалися тільки під час лекційних і практичних занять. Андрій Олександрович викладав давньогрецьку літературу й історію Греції, Тетяна Миколаївна – новогрецьку мову й літературу. Тетяна була на якихось роках десять старша від нас; ми її поважали, намагалися виконувати її досить суворі вимоги щодо вивчення новогрецької мови, цінували наполегливість, з якою вона примушувала нас опановувати тонкощі грецького наголошування, вимови й особливо правопису (досить складного). Але не боялися. З Андрієм Олександровичем було складніше. Він був визнаним світилом у різних галузях мовознавства (і не тільки мовознавства), завідувачем катедри загального мовознавства та класичної філології. І набагато старшим від нас. Крім названих дисциплін, що їх професор читав для «греків», він для цілого курсу викладав загальне мовознавство.

Треба сказати, що серед студентів-філологів є майбутні літературознавці й письменники (таких переважна більшість) і майбутні мовознавці (їх меншість). Глибокі й змістовні лекції професора Білецького були досить складні щодо способу викладу, тому їх сприймали здебільшого тільки «мовознавці». «Літературознавці» ставилися до тих лекцій якоюсь мірою упереджено.

Усе це спершу спричинило певну настороженість до професора, коли він прийшов навчати нас давньогрецької літератури й історії Греції (хоч у нашій грецькій групі майже всі були «мовознавці»). Що ближче ми знайомилися з Андрієм Олександровичем, то більше почали сприймати його не лише як ерудита, поліглота, а й як людину. Крім занять в університеті, Тетяна Миколаївна намагалася створити нам атмосферу грецькості, запрошуючи додому. Там ми розмовляли грецькою мовою, вели бесіди про грецьку літературу, про переклади грецьких текстів українською мовою. Андрій Олександрович працював у своєму кабінеті, але згодом приєднувався до нас. Спочатку ми якось бентежилися від його присутності. Але професор дедалі більше підкоряв нас своєю обізнаністю в усіх галузях життя і водночас демократичністю, дотепністю, здатністю видавати й сприймати гумор, умінням невимушено, ненав'язливо й просто пояснити складні питання філології (і не тільки).

Тоді у святкові дні викладачі мусили ходити по гуртожитках, перевіряти, що роблять студенти у вільний від лекцій та практичних занять час. Одні виконували ці функції так незграбно, що студенти намагалися уникнути зустрічі з ними; інші (до яких належав і Андрій Олександрович) поводитися делікатно, з ними приємно було поспілкуватися. Якимось мої однокурсники пішли відзначати свято жовтневого перевороту по різних компаніях. Я того дня мав мінорний настрій, нікуди не пішов, сидів сам у гуртожитській кімнаті й гортав збірку текстів візантійської доби. Натрапив на епос про життя чотириногих тварин і здумав його перекласти.

Перекладалося важко, бо текст був середньогрецькою мовою. А ми тільки-но почали вивчати новогрецьку. Раптом хтось постукав у двері. Я відчинив, і до кімнати увійшов Андрій Олександрович. Привітався, поцікавився, чому я сам, що читаю. Я сказав, що ось намагаюся осягнути текст із позиченої з його бібліотеки книжки, хочу його перекласти. Професорові це дуже сподобалося, він приділив мені досить багато часу, дав кілька цінних порад і в такий спосіб спрямував на перекладацьку стежку. Згодом «Візантійський тваринний епос» вийшов у «Всесвіті» з передмовою Андрія Олександровича, а відтак і окремим виданням у «Веселці».

Улітку 1959 року ми, студенти грецької групи, на чолі з Андрієм Білецьким і Тетяною Чернишовою поїхали в діалектологічну експедицію до греків-румелів Надазов'я вивчати їхні говірки та фольклор. Андрій Олександрович не просто здійснював загальне керівництво експедицією, а й брав активну участь і в записуванні текстів, і в тлумаченні та поясненні їх. Він був веселий і компанійський, безпосередній під час відпочинку. Розумів жарти і сам умів жартувати.

Відомо, що в колишньому Радянському Союзі було багато різних проблем, зокрема й з продуктами харчування: все було потрібно «діставати». Ми записува-

ли народну творчість румеїв у двох підмаріупольських селах – Сартані та Чермалику (в той час їх називали по-радянському знебарвлено Приморське й Заможне; тепер, слава Богу, повернуто історичні грецькі назви).

Якось Андрій Олександрович зібрався їхати до Маріуполя (тоді ще Жданова) в експедиційних справах. Я і ще один учасник експедиції, мій колега Вадим, запропонували поїхати разом із професором і «дістати» цукру, який у нас закінчувався. Тетяна Миколаївна не дуже хотіла нас відпускати, бо ми перед тим проштрафилися: мали сутичку з місцевими хлопцями через місцевих дівчат. Андрій Олександрович, почав її вмовляти; нарешті вона сказала: «Ідьте, та не здумайте втратити ще кудись».

Дорогою ми спілкувалися на різні теми. Я тоді привчав Вадима до української мови, яка перед тим була в нього в пасивному запасі. Після мого чергового нагадування він сказав: «Усе, тепер розмовлятиму тільки *на українській мові!*» Почувши це, Андрій Олександрович завважив: «Якщо на українській мові, то це вже не українська мова, розмовляти треба *українською мовою*».

І ось ми в Жданові. Професор пішов у своїх справах, а ми стали в чергу за цукром. Стояти довелося довго. Вадим мав фотоапарат, і ми вирішили сфотографувати один одного на тлі довжелезної черги. Помітивши це, жінки в черзі про щось пошепотілися, одна з них кудись подалася, а інші заходилися голосно, так, щоб ми почули, вигукувати: «А в нас є й цукор, і масло, і все, що потрібно!» «І черг у нас немає, це люди просто так зібралися й стоять!» Поки ми слухали ці патріотичні балачки, пані, яка кудись була зникла, привела міліціанта. Він підійшов до нас, віддав честь, запитав, чий апарат, і сказав власникові: «Прайдьомте!» Вони з Вадимом пішли. Я стою й далі в черзі, коли бачу – йде Андрій Олександрович. Питає, де Вадим? Я відповідаю: «Його забрали до міліції». Думаю, професор зараз скаже: «Ви не можете не вклепатися в щось! Що ви накоїли?» Натомість від професора почув: «Ну що ж, підемо виручати».

Виявилося, що дами в черзі прийняли нас за американських шпигунів, які хочуть звести наклеп на щасливу радянську країну, де нібито всі харчі треба діставати в черзі. Зрештою міліціант нас відпустив, порадивши обачніше вибирати об'єкти для фотографування, бо Жданов, мовляв, відкритий порт. Згодом ми записали на плівку дотепний репортаж «Про пильність маріупольської жіноти, або про те, як ми добували цукор». Андрій Олександрович брав діяльну участь у створенні й озвучуванні цього репортажу.

Наслідком моїх експедиційних досліджень була стаття «Відмінювання іменників у сартансько-чермалицькій говірці румейського діалекту новогрецької мови». Готуючи її до друку, я сказав Андрієві Олександровичу, що назву її саме так, хоч села йменувалися Приморське й Заможне. Професор погодився: «Правильно. Не назвеш же ти ту говірку приморсько-заможною!»

Вивчаючи новогрецьку мову, я помітив у ній багато спільного з українською в галузі лексичної семантики, синтакси й фразеології, і вирішив обрати ці явища за матеріал для своєї дипломної роботи. Консультувався зі своїми викладачами-елліністами. Андрій Олександрович багато допоміг мені у визначенні

структури й змісту праці, що згодом була опублікована під назвою «Про лексичні й фразеологічні паралелізми в новогрецькій та українській мовах».

Ще в студентські роки ми готували підрядкові переклади творів Тараса Шевченка, Лесі Українки, Івана Франка для того, аби грецькі поети у власних художніх версіях познайомили з ними читачів своєї батьківщини. Андрій Олександрович не лише очолював цю працю, а й сам перекладав. Як зараз бачу написаний його зразковим каліграфічним почерком підрядковий переклад драматичної сцени Лесі Українки «Ιφιγένεια εν Ταύροις» («Іфігенія в Тавриді»).

Дім А.Білецького й Т.Чернишової відвідувала справжня українська еліта. Досить згадати такі імена, як Григорій Кочур, Микола Лукаш, Борис Тен, Іван Дзюба, Іван Світличний, Юрій Щербак, Юрій Шанін... Обговорювали новинки української й світової літератури, переклади, публіцистичні виступи на різні теми. З усіма разом і з кожним окремо Андрій Олександрович міг знайти тему для розмови та для роздумів. Закінчивши університет, ми й далі не забували стежки до цього гостинного дому, де завжди знаходили розуміння, підтримку, пораду й відповіді на багато запитань.

Завдяки Андрієві Олександровичу й Тетяні Миколаївні я познайомився з Миколою Лукашем та Григорієм Кочуром. Перший став для мене взірцем у перекладацькій праці, а другий – зразком і вчителем. Пишучи теоретичні праці з філології (в широкому розумінні слова), Андрій Білецький і сам був перекладачем. Перші його переклади з творів давньогрецьких авторів, зокрема уривки з «Одисеї» опубліковано в хрестоматії античної літератури, що вийшла 1938 року й була перевидана року 1968. Уклав хрестоматію батько професора, академік Олександр Білецький. У 1986 році побачила світ Геродотова «Історія в дев'ятьох книгах» в українському перекладі та з неперевершеними коментарями Андрія Олександровича.

Професор Білецький був редактором та автором передмов до багатьох перекладів творів давньо- й новогрецького письменства. З його вступною статтею та примітками 1978 року вийшла Гомерова «Іліяда» в перекладі Бориса Тена. У цій статті А.Білецький серед іншого пише: «Коли ж оселився Гомер в Україні? На території сучасної України Гомерову «Іліяду» переказували напам'ять уже в першому сторіччі н.е... Жорстокий деспот на троні великої держави античного світу римський імператор Домітіян (81 – 96 рр. н.е.) нещадно переслідував християн, юдеїв та філософів. Його немилість поширилась і на блисучого стиліста свого часу Діона Коккея, який за своє красномовство одержав від сучасників почесне прізвисько Хрисостомос, що можна перекласти нашою мовою як Злотоуст. Його було вигнано з Риму на далекий північний схід імперії, і серед інших країв йому довелося побувати на північному узбережжі Чорного моря і зокрема в місті Ольвії... Хрисостомос був вражений зокрема тим, що ольвіюполіти високо шанували Гомера як творця «Іліяди» і непомилково цитували з пам'яті його твір».

Цей примірник «Іліяди» (як і чимало інших видань, до яких був причетний Андрій Олександрович) я маю з його дарчим написом: Στον αγαπημένο μας φίλο και μαθητή Αλέκο Πονομαρίß με καλύτερες ευχές μας. Ο τον πρόλογον συγγράψας Андрій Білецький.

Коли на замовлення видавництва «Дніпро» я переклав роман відомого грецького письменника Стратиса Міривіліса «Життя в могилі», то він 1991 року вийшов з передмовою А.Білецького. Переднє слово професора прикрашає й «Словник античної мітології» (укладачі Іван Козовик та Олександр Пономарів), який витримав три видання – 1985, 1989, 2006.

Людина широких наукових обріїв, знавець багатьох мов, автор глибоких наукових праць та енциклопедійних статей, відомий у себе на батьківщині й далеко за її межами Андрій Олександрович Білецький не був належно оцінений і гідно пошанований владою Радянської України, хоч і працював у найпрестижнішому її університеті майже сорок років. Він виховав кілька поколінь студентів, що працюють тепер на ниві української культури й духовности. Для нас він був, є й залишиться назавжди Учителем з великої літери.

А.С. Русяєва
**Про переклад Андрія Олександровича
Білецького «Історій» в дев'яти книгах Геродота:
листи та спогади**

Блискучим взірцем для перекладів творів античних авторів українською мовою, безперечно, є переклад Андрія Олександровича Білецького «Історій» або загалом «Історії» Геродота. Саме цей давньоеллінський історик, який з античних часів дотепер носить почесний титул «Батько історії», залишив найбільше різних оповідей та достовірних свідчень про численні етноси 6-5 ст. до н. е., що мешкали на теренах сучасної України.

Насамперед слід звернути увагу на один із пасажів передмови А.О.Білецького до видання «Історій»: «Геродотова проза, очевидно, дуже близька до усної мови його часу: хоча сам Геродот походив із дорійсько-карійського Галікарнасса, більшу частину свого життя він провів в іонійському оточенні та серед споріднених з іонійцями афінян. Його проза відбиває всі особливості невимушеної розмовної мови. Для неї характерні часті повторення, певні неохайності з погляду літературних норм, незважання на «сказане вище» тощо. В пропонованому перекладі не було прагнення усунути названі характерні риси Геродотової мови. Основною настановою перекладача було якнайточніше передати цей «колоквіальний» стиль оригіналу, навіть якщо це намагання могло викликати незадоволення наших пуристів» [Білецький 1993, 12]. Саме остання фраза вченого дає підстави хоча б стисло розповісти, коли і чому він взявся за таку складну і надто відповідальну перекладацьку роботу. Тим паче, що в деяких статтях про А.О.Білецького зазначалося, з одного боку, що він переклав «Історії» Геродота ще у 1986 р. після свого 75-річчя, а з іншого, що цього ж року вже вийшли Геродотові «Історії». Та насправді все було набагато складніше і робота над перекладом та коментарями здійснювалася пізніше та значно довше.

Восени 1987 р. я випадково зустріла А.О. біля метро «Арсенальна». Він пересувався дуже повільно, спираючись на палицю; з іншого боку його підтримува-

ла незнайома мені жінка. Я не входила до кола близьких друзів родини Білецьких і не бачила його давно. Одрозу, ніби вибачаючись, А.О. сказав, що без сторонньої допомоги вже не може ходити, болить нога, ніде не працює, отримує пенсію, грошей не вистачає; спитав, чи не зміг би він в Інституті археології зайнятися вивченням лапідарних давньогрецьких та латинських написів. Я відповіла, що, на жаль, всі знайдені написи, за домовленістю, передаються тепер російському епіграфісту Ю.Г.Виноградову. На цьому ми розпрощалися. Але раптом спало на думку, що для археологів важливе значення мав би дослівний переклад 4-ої книги (так званого «Скіфського логосу») «Історії» Геродота. Наздогнавши, спитала, чи зможе він дослівно перекласти цю книгу. Вираз обличчя А.О. миттєво змінився. Здається, він гордовито і дещо обурено вигукнув, що не тільки 4-ту книгу, а всі 9 книжок Геродота, а також і Фулідіда, і Страбона, і Тацита він ще спроможний перекласти...

Зрештою, після різних переговорів Відділ античної археології виступив ініціатором перекладу А.О.Білецького «Історії» Геродота українською мовою. Попри всі сумніви і навіть скептичне ставлення, зважаючи на вік (понад 76 р.) і фізичний стан, в Інституті археології була укладена офіційна угода, за якою А.О. зобов'язувався зробити повний переклад всього історичного твору Геродота протягом двох років (1988–1989). Майже щоквартально до Відділу надходили від нього зшиті тонкі шкільні зошити, на сторінках яких власноруч чітким, лише для нього характерним почерком, було написано тексти перекладу. Машинописні тексти, що виконувались у Відділі, внаслідок різних причин, потребували правлення. Повністю у визначений термін А.О. завершив переклад усіх логосів Геродотової «Історії», але для видання потрібно було виконати чистовий машинописний текст, написати передмову і коментарі, про що можна прочитати нижче в його листах до автора (див. Додатки).

Попередньо у журналі «Археологія» під рубрикою «Першоджерела з давньої історії та археології України» було опубліковано невелику статтю А.О.Білецького «Геродот про скіфів і Скіфію» [1991, 148–151]. Вона передувала публікації спершу окремих параграфів з відомостями та згадками про скіфів в різних книгах «Історії», окрім 4-ої [1991, №1, 151–156], яка опублікована в трьох інших номерах цього журналу [1991, №3, 125–136; №4, 134–146; 1992, № 1, 132–146]. На відміну від цих публікацій значно складніше було з повним виданням «Історії» Геродота. Окрім вищезазначеного, виявилось, що в житті А.О. сталися кардинальні зміни, про які в той час, коли він працював над перекладом, ніхто не знав. Тільки, коли постало питання про видання, стало відомо, що він мешкає у Бучі під Києвом.

Завдяки клопотанням директора Інституту археології П.П.Толочка і відповідального редактора до цього видання приєднався Інститут української археології, що загалом сприяло тому, що наприкінці 1993 р. у видавництві «Наукова думка» вийшли з друку «Історії в дев'яти книгах» Геродота у перекладі українською мовою А.О.Білецького з його передмовою і коментарями. Наразі цей переклад «мандрує» не тільки у книжковому, але й в електронно-віртуальному світі. Перше повне видання епохального твору славетного давньоеллінського історика

нашою мовою відкрите для численних читачів і всіх зацікавлених історичним минулим української землі. Автор перекладу зробив все можливе, аби якнайточніше передати особливий стиль мови Геродота, своєрідність і характерні риси його прози. При цьому слід відзначити наполегливість, надмірне бажання творити і надзвичайну мужність А.О., який незважаючи на старість, усі життєві незгоди, труднощі і хворобу, трагізм долі і осуд, у тому числі і мій власний, відсутність спілкування, що було однією з основ його буття, зумів не тільки перекласти твір Геродота, а й написати низку різних праць. Пам'ятаю, з яким неприхованим подивом дізналися про цей переклад в університеті на кафедрі, яку він раніше очолював, коли я прийшла до її завідувача С.В.Семчинського з проханням написати на цю працю рецензію. Можливо, мені здалося, але дехто з присутніх викладачів подумав, а чи не занадто рано А.О. відправили на пенсію. Адже він вважав себе не просто пенсіонером, а «пенсіонером-вигнанцем». Деякою мірою це стало і причиною того, що А.О., всупереч тодішнім правилам видавництва, відмовився вказувати прізвище рецензента С.В.Семчинського у книзі «Історії в дев'яти книгах» Геродота.

У зв'язку з підготуванням цього перекладу до друку і почалося моє листування з А.О., оскільки він у Бучі на той час не мав телефону. Для доказу того, як проходив цей процес, варто опублікувати його окремі листи до автора у рукописах у вигляді додатку, без скорочень, бо саме вони дають достовірне, хоча далеко й не повне уявлення про завершальну роботу, а також про деякі поодинокі факти його життя та наукової діяльності.

Листи А.О. після видання Геродотового твору відносяться до іншої фази його наукової діяльності, зокрема епіграфічної, і тут не наведені. Однак, можливо, цікаво буде дізнатися, про що саме він думав і як жив незадовго до свого відбуття. Останній лист, як завжди, написано незмінно-чітким почерком, але олівцем, внаслідок чого його не вдалося відсканувати. Тому процитую тут кілька речень: «Конференция, на которой мы с Вами не присутствовали, тоже обнаружила немало нелепостей. Мадам профессор Афинского университета, доложившая о философских связях скифов с эллинами, посетила меня и я получил представление о ее докладе. Таких, как она, немало в Греции. Недавно я получил приглашение побывать в Дельфах 25 сего месяца, но не мог им воспользоваться по недомыслию устроителей. Жду возможных публикаций и еще надеюсь дожждаться. Это время, когда уже не зима, но еще не весна, на меня плохо действует. Не хочется ничего начинать, а подводит итоги тоже не хочется. Грущу об утраченной природе, о вырубленных лесах и затопленных лугах. Мне было когда-то очень хорошо в Днепровско-Деснинском междуречье, где у моих родителей была дача. Теперь там унылое болото под претенциозным названием – Киевское море. Здесь в Буче я анахоретствую и радуюсь, если из-за облаков выглянет солнце» (25.3.1995). У цьому листі, як видно з дати, за два тижні до смерті А.О. нічого вже не прохав і ні про що, як завше, не розпитував, але навдивовижу зберігав власне йому критично-іронічне ставлення до вчинків, висловів і наукових праць деяких вчених.

ЛІТЕРАТУРА

1. Білецький А.О. Геродот про Скіфію та скіфів // Археологія. – 1991. – № 1. – С. 148–151.
2. Білецький А.О. Передмова // Геродот. Історії в дев'яти книгах / Пер. А.О.Білецького. – К.: Наук. думка, 1993. – С. 5–13.
3. Геродот. «Історії». Кн. I, II, III, V, VI, VII / Пер. А.О.Білецького // Археологія. – 1991. – № 1. – С. 151–156.
4. Геродот. «Історії». Кн. IV / Пер. А.О.Білецького // Археологія. 1991. – № 3. – С. 125–136; № 4. – С. 134–146; 1992. – № 1. – С. 132–146.
5. Геродот. Історії в дев'яти книгах / Пер. А.О.Білецького. – К.: Наукова думка, 1993. – 576 с.

ДОДАТКИ

ЛИСТИ А.О.БІЛЕЦЬКОГО ДО А.С.РУСЯЄВОЇ

12.1.90

Дорогая Ася!

Прежде всего благодарю Вас за обстоятельное письмо и постараюсь исполнить все Ваши указания. При всем том надо полагать, что ни в одной цивилизованной стране нет такой академии, которая не могла бы обеспечить перепечатку рукописи на машинке: в данном случае Институт археологии АН УССР уникальное учреждение. Вот логика: мне назначается скромный оклад с тем, чтобы я истратил его на перепечатку своей рукописи, проверка которой потребует немало времени. А карты я тоже должен сам начертить? Мне очень трудно доставиться до Института. Каждый раз, когда я бываю в Киеве, я возвращаюсь, как больной из-за боли в ноге, но я как-нибудь извернусь. Из-за ограниченности средств придется сократить вступительную статью и соотальные примечания.

К Вашему сведению: мой здешний адрес на конверте (сюда письма доходят скорее, чем в Киев) и это не Лесная Буча (там нет водопровода), а просто Буча. В нашей квартире на Русановке № телефона изменился: теперь 5173658 ... Когда смогу, позвоню Вам.

С пожеланиями всего Вам лучшего в текущем году А.Белецкий

7.5.90

Дорогая Ася!

Посылаю краткое вступление к IV кн. и фрагментам. Задержка была из-за машинистки, которая заболела. Трудно достичь совершенства при печатании текста на пишущей машинке (это только у нас, увы!). Не знаю, что там отписали Семчинский и его кафедра? Редко я бываю в Киеве. ...Если нужно мне отчитаться в Институте, сообщите, пожалуйста. По существу я могу сказать только то, что текст перевода печатается на машинке и вычитывается мною. Это относится и к

примечаниям. Вы мне не ответили на мой вопрос: нужна ли моя вступительная статья ко всему тексту и примечаниям?

С дружеским приветом А.Белецкий

9.11.90

Дорогая Асечка!

В ожидании посещения моего убежища компетентной группой из двух сотрудниц Отдела античной археологии, как об этом было сообщено М.В.Скржинской, я хочу предупредить Вас о том, что машинопись перевода (вместе со статьей и комментариями) составляет в одном экземпляре 1028 стр., а это число надо еще умножить на три, если считать все три экземпляра (третий неисправный и не знаю, надо ли доводить его до кондиции). У меня нет весов, но, очевидно, это изрядная тяжесть. Может быть, у какого-нибудь сотрудника Института есть собственная автомашина? Иначе не представляю, как две неспортивного типа деликатные женщины поднимут и транспортируют эдакую тяжесть... Конечно, это было бы моей обязанностью, но, к сожалению, я теперь плохо ношу самого себя, а не то, что бумажные грузы. Буду очень рад видеть Вас и беседовать с Вами в этом бучанском ашраме (в Индии – жилище аскетов). Не имея телефона, я прибегаю к услугам почты: из Бучи в Киев письма доходят быстрее, чем из Бучи в Афины (в среднем два месяца, иногда значительно дольше).

С дружескими приветами А.Белецкий

22.12.90

Дорогая Ася!

Ввиду приближения 1991 года спешу пожелать Вам и Марысе всего самого лучшего для Вас в этом новом году. Есть, конечно, у меня к Вам просьбы: не могли ли бы Вы дать мне такие библиографические справки –

1) Данные сборника Боспорских надписей, опубликованного в Ленинграде?
2) Данные сборника Ольвийских надписей, опубликованного там же, где есть и мои публикации.

3) Данные книг Э.И.Соломоник с публикацией Херсонесских надписей.

Буду Вам очень признателен за это, так как у меня теперь нет этих книг.

К Марысе все та же просьба: данные о золотом горите со сценами из жизни Ахиллеса.

Буду ждать Вашего ответа и заранее Вам за него признателен
с дружеским приветом А.Белецкий

2.1.91

Дорогая Ася!

Благодарю за ценные для меня сведения как библиографические, так и о золотых горитах! Еще раз желаю Вам и Марысе всяческого благополучия в на-

ступившем году. По дальневосточному календарю (60-летнему циклу из 5 додекад) – это год зеленой овцы (зеленый – это цвет востока и древесной стихии).

Мне, конечно, интересно было бы узнать, как там дела в «Археології» и что будет дальше с моим полным переводом с комментариями. Когда сможете, информируйте меня, пожалуйста. Какие были результаты прошлогодних экспедиций? Не было ли где-нибудь обнаружено чего-нибудь эпиграфического? Моя больная нога мешает мне бывать в Киеве. Зато никогда еще мне не приходилось столько трудиться за письменным столом. Привет Марине Васильевне и всем тем, кто мне сочувствует.

С почтением А.Белецкий

24.1.91

Дорогая Ася!

Спасибо Вам за письмо. На всякий случай прилагаю здесь карточку со всеми данными. Таковую я уже один раз заполнил, но она, очевидно, где-то затерялась в каких-то инстанциях и для большей надежности посылаю Вам, а не в редакцию Археологии. Я, конечно, не имею ничего против, чтобы редактором украинской версии «Историй» был такой авторитет, как Петр Петрович Толочко. Это, наверно, очень уместно. Относительно отзыва: я предлагал зав. кафедрой общего языкознания и классической филологии КГУ проф. доктора филологических наук Семчинского Станислава Владимировича, но если отзыв сможет написать Юрий Вадимович Шанин, я, конечно, не возражаю. Из предыдущего Вашего письма я понял, что ввиду дефицита бумаги и денежных средств мне не придется рассчитывать на гонорар и публикацию в ближайшее время моего труда. Если это не так, тем лучше.

Очень Вам признателен за заботу обо мне и моральную поддержку

С благодарностью А.Белецкий

16.2.91

Дорогая Ася!

Как Вы понимаете, мне интересно узнать о дальнейшей судьбе моих трудов. Я Имею в виду фрагменты «Историй» Геродота для «Археології» и весь «корпус» перевода с комментариями.

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы информировали меня обо всем этом.

Я думаю, что можно было бы дополнить перевод Геродота переводом соответствующих текстов: «Борисфенитской речи» Диона Хризостома, Страбона и Плиния о Скифии. Спросите об этом, пожалуйста, Вашего зав. отделом.

Ваш посланник мне очень понравился. Оказывается, Виноградов издал книгу о догетской Ольвии. Нет ли ее в библиотеке Института? А, может быть, она еще есть в продаже?

С дружескими приветами А.Белецкий

28.2.91

Дорогая Ася!

Спасибо за подробное и информативное письмо. Если секретарь редакции арзеографии знакомая мне Валентина Николаевна Кныш, то это для меня очень удобно. Я предполагал дать указатели собственных имен и географических названий, но просто переписать указатели Г.А.Стратановского невозможно. Вы легко это поймете, если я приведу несколько примеров: стр.580 – «Ольвиополиты, жители г.Ольвии, эллинской колонии на совр. Черноморском побережье Крыма...», стр.556 – «Борисфен (совр. Николаев) город в Скифии», там же: «Белские ворота (или ворота Бела) в Вавилоне»..., стр.560: «Гилея (совр. Полесье), область в Скифии, в устье свор. Днестра»..., стр.578: «Мунихия, остров с одноименной гаванью в Валерской бухте около Афин» - на самом деле не остров, а полуостров и холм, стр.550: «Андромеда, миф., дочь Кефея, мать Персея»... ср. стр.561 «Даная, миф., дочь Акрисия, мать Персея»..., стр.562: «Дева, миф., божество у тавров; по словам тавров, это Ифигения, дочь Агамемнона»..., стр. 590: «Танаис (совр. Донец), река в Скифии» (а не Дон!). Не довольно ли? Предложение переписать этот указатель основано, конечно, на убеждении в непогрешимости «северных» авторитетов. Я думаю, Вам понятно, что я не могу переписывать чужие ошибки даже в остальном из авторитетного источника. Не говорю уже о том, что передача грекоязычных имен и названий у меня не тождественна с передачей покойного Г.А.Стратановского. Для составления указателя (или указателей) понадобится несколько месяцев. Может ли это устроить почтенную редколлегия и издательство? Весьма возможно, я не смогу в ближайшее время заняться этой трудоемкой работой. Вот я и прошу Вас передать все это заинтересованным лицам. М.В.Скрижнская высказала пожелание, чтобы к переводу была приложена карта «географического пространства» Геродотовых «Историй», но в настоящем моем положении мне невозможно ее начертить, а готового образца (с украинизованными названиями) нет.

Приветствуя Вас, я еще раз благодарю за Ваше письмо. А.Белецкий

13.3.91

Дорогая Ася!

Получил Ваше письмо с ответом на мое и приношу Вам мою благодарность. Индексами я займусь, как только смогу. Я предполагаю сделать пять отдельных индексов по образцу издания Ch.E.Legrand (Paris, 1954):

- 1) Собственные имена людей (исторических и мифических личностей),
- 2) Имена богов, названия святилищ и праздников,
- 3) Названия народов и племен,
- 4) Географические названия (страны, моря, озера, реки, города и населенные пункты),
- 5) Исторические реалии.

В связм с этими индексами я просил бы Вас узнать, будет ли мне разрешено

при именах и названиях дат в скобках (имена и названия, разумеется, будут даны в их украинской передаче) их греческие начертания: греческими заглавными (прописными, большими) буквами для того, чтобы избежать неизбежных в курсивном письме с ударениями и придыханиями опечаток. Так, напр., Авксесія (ΑΥΞΗΣΙΗ) – богиня плодучості, що її шанували в Епідаврї (V 82, 83). Про це варто було б проконсультуватися з представниками відповідної редакції «Наукової думки». Тут непомітно для себе я перейшов, за Вашим прикладом, на українську мову.

З історико-географічною картою справа стоїть дуже негарзд. Треба, очевидно, зробити в такий спосіб: хтось із атласу стародавнього світу накреслить контур, а я розставляю українські географічні назви, які переходом ще хтось каліграфічно перерисує.

Щодо біо-бібліографічних даних про мою особу, якщо не можна від цього ухилитися, я Вам днями пришло: хоч дуже не люблю цієї справи – «передчасного похорону».

Ще раз дякую Вам і чекатиму на Вашу доброзичливу відповідь.

З дружнім вітанням А.Білецький

11.5.91

Дорогая Ася!

Вчера я вернулся из Греции, где был с конца марта. Этой поездкой я очень доволен. Был в Афинах, в г.Яннинах (Эпир), в Додоне, в Микенах, в Эпидавре, отдыхал в Кинетте на берегу Сиронического залива, выступал с докладами в университете г. Яннины и в Археологическом обществе в Афинах, укрепил научные связи с греческими учеными, привез немало книг. Надеюсь с Вами встретиться и рассказать о моем пребывании в этой прекрасной стране, такой непохожей на нашу с Вами.

Принимаюсь за указатели к переводу, договора еще не получил, устанавливаю связь с издательством. А что там в журнале «Археологія»? Надо бы посылать его в Αρχαιολογική Έταιρεία: в обмен Институт мог бы получать их издания.

Надеюсь, что теперь Вы уже здоровы и буду рад узнать о Ваших делах и делах Института.

В Греции я чувствовал себя много лучше, чем в Киеве и Буче (имею в виду здоровье), но нога по-прежнему болела. ...

С дружеским приветом А.Белецкий

28.5.92

Дорогая Ася!

Я хотел бы еще раз воспользоваться Вашей любезностью. Мне нужна статья Е.В.Вейтарна «Пещерные города Крыма», «Советская археология», 1958, № 1. Я думаю, этот № 1 есть в библиотеке Института. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы могли взять эту книгу для меня и каким-нибудь образом доставить ее мне. В.Назарчук так и не посетил меня и я осмеливаюсь попросить Вас об

этом одолжении. Интересно было бы хотя бы посмотреть на тот № «Археології», за который я при Вашем содействии получил гонорар. Очевидно, редакция журнала не считает обязательным прислать мне № с моим переводом. Надо сказать, что у меня нет таких денег, чтобы выписывать журналы.

С очередным дружеским приветом А.Белецкий

4.3.94

Дорогая Ася!

Хотя и с большим опозданием (я в нем не виноват, как Вы знаете) я поздравляю Вас с публикацией Вашего исследования «Религия и культы Ольвии»: это очень солидная в научном отношении книга и я рад за Вас. Я постараюсь рекомендовать ее греческим археологам и ее следовало бы перевести на греческий язык. Не знаю, обратили ли внимание за рубежом на книгу Ю.Г.Виноградова о Догетской Ольвии: к сожалению, я не смог с ней ознакомиться и не знаю Вашего мнения о ней. Как Вы знаете (а я об этом узнал только в этом году!), в конце прошлого года, наконец, увидел свет мой перевод Геродота. Не знаю, были ли отклики на это событие. Акад.П.П.Толочко в своем письме поздравил меня с этим достижением.

Есть у меня к Вам такая просьба: узнать, нет ли в библиотеке Института греческого текста «Географии» Страбона: она была бы мне нужна на некоторое время.

Замыслов у меня много, а возможностей все меньше и меньше. Послал я в Грецию мои «Греческие топонимы Крыма». Не знаю, что из этого получится. Будет ли печататься журнал «Археологія»? У меня (на украинском языке) есть статья «Міф про розкрадення царської скарбниці». Мне кажется, она может представлять какой-то интерес для археологов.

Кажется, я уже сообщал Вам, что у нас теперь есть телефон: 297 (індекс Бучи) 26735. Желаю Вам всего для Вас лучшего АБ

Олімпія Селеку
**Гілка оливи... Перша подорож
Андрія Білецького до Греції¹**

Студентам-неоелліністам присвячено

Прибуття

У п'ятницю 7-го червня 1957 року о 21.30 в атенському аеропорту Еллініко, у районі Хасані, приземлився літак «Швейцарських авіаліній» («Swissair»), що виконував рейс Прага – Атени, з першою після війни делегацією радянської інтелігенції на борту.

Того вечора до Греції прибула основна частина делегації: Ілля Еренбург, Андрій Білецький, Михайло Посохін, Борис Польовий і Карл Семенов. У наступні дні очікували на приїзд Сергія Образцова². Усі вони прибули до Греції як представники Радянського Комітету захисту миру на запрошення Грецького Комітету боротьби за міжнародну розрядку та мир (ГКМРМ).³

---

¹ За згодою авторки друкуємо статтю в українському перекладі, який підготували С.Є.Перепльотчикова, А.А.Столярова та О.О.Тищенко за редакцією упорядників.

² Деякі газети повідомляли, що «через певні труднощі не прибув сьогодні разом з іншими членами делегації художній керівник відомого лялькового театру Москви пан Сергій Образцов, але очікується, що він прибуде наступними днями» (газета «Елевтерія» від 8.6.1957, ст.1, газета «Македонія» від 8.6.1957, ст. 2). Шостий член делегації Сергій Образцов у супроводі своєї дружини прибув до Атен рано-вранці у понеділок 10 червня 1957 року. За інформацією газети «І Ав'ї» (від 8.6.1957, ст. 1) С. Образцов «залишився в Москві, оскільки грецьке посольство на той час не відкрило ще йому візу».

³ Грецький Комітет боротьби за міжнародну розрядку та мир (ГКМРМ) було засновано 15 травня 1955 року. Декларацію про заснування комітету підписали 77 відомих громадських діячів (політики, члени профспілок, науковці, літератори та митці). Серед засновників організації академік Нікос Веїс, професори університету м. Салоніки Янніс Імвріотис, Христос Теодоридис та Костас Дзоніс, поети та письменники Янніс Рицос, Нікіфорос Вреттакос, Костас Варналіс, Тасос Лівадитис, Димітрис Фотіядис, Маркос

В аеропорту «Еллініко» делегацію урочисто зустрічали Андреас Заккас⁴ і Нікос Кіцикіс у супроводі дружин, депутати Тасос Вулдимос та Міхаїл Кіркос, Марія Зволу⁵, соціолог Димостеніс Даніїлідис, адвокат Ставрос Канеллопулос, професор Хараламбос Теодоридис, літератори Янніс Рицос, Зисис Скарос, Маркос Ав'єрис, Галатія Казандзакі, багато представників Товариства грецько-радянської дружби⁶ та кореспондентів грецької та зарубіжної преси. Від імені радянського посольства гостей вітав Надзвичайний та Повноважний Посол СРСР у Греції Михайло Григорович Сергєєв з дружиною, художницею Тамарою Северовою, повірений у справах Г. Чоботарьов, консул Третьяков, перший секретар Посольства Ж. Марчук, кореспондент ТАРС Здор'єв з дружиною та інші дипломатичні працівники.

Щойно І. Еренбург, А. Білецький та Б. Польовий ступили на трап, темряву розітнули спалахи фотокамер. Прибулі неквапно спустилися трапом, даючи фото-кореспондентам зробити найкращі кадри. Під мерехтінням спалахів фотокамер, у супроводі Голови та кількох засновників ГКМРМ, інтелігенції та журналістів, члени делегації попрямували до зали офіційних делегацій.

Там Андреас Заккас звернувся до запрошених з такими словами: «Як Голова Грецького Комітету боротьби за міжнародну розрядку та мир я щасливий вітати у Греції такі визначні постаті літератури, мистецтва та науки, вас, хто вже багато років перебуває у перших рядах великого Руху за благородну справу миру в усьому світі. Любі панове, мені так би хотілося сказати, любі колеги та друзі, Грецький Комітет боротьби за міжнародну розрядку та мир буде надзвичайно щасливим, якщо ваше перебування у наших краях стане для вас не лише цікавим, але й приємним. У будь-якому випадку, я впевнений, що в усіх куточках Греції ви

Ав'єрис, Аїс Терос, Янніс Кордатос, Галатія Казандзакі, митці Манос Катракіс, Василіс Діамантопулос, Меліна Меркурі, депутати ліберали, центристи та соціалісти Заккас, Вулдимос, Елевтеріядис, Заніс, Зорбас, Теохаридис, Васарданіс, Коракас, Котрис, Папаспіру, Пецос, Ризйотис, Дзадзаніс та інші.

⁴ Андреас Заккас – засновник та перший голова Грецького Комітету боротьби за міжнародну розрядку та мир, автор грецької системи соціального забезпечення, яка була прийнята законодавчо ліберальним урядом Елевтеріоса Венізелоса (1932). Міністр праці у постопукаційних урядах Петроса Вулгариса (1945) та Темістокліса Софуліса (1946), депутат Демократичної партії трудящих, а потім Єдиної демократичної партії лівих.

⁵ Провідна постать жіночого руху у період між першою та другою світовою війнами і у період національного опору. 1944 року обрана національним радником Всегрецького Комітету національного визволення. Член Центрального комітету Єдиної демократичної партії лівих і депутат (1958).

⁶ Товариство грецько-радянської дружби було засновано 5 березня 1945 року. Серед його засновників визначні діячі політики, науки, літератури та мистецтва. Зокрема: Нікос Кіцикіс, Петрос Коккаліс, Костас Варналіс, Димітрис Фотіядис, Трасос Кастанакіс, Леон Кукулас, Беата Кіцикі, Нікос Казандзакіс, Ангелос Ангелопулос, Константинос Деспотопулос, Лілі Яковіду, Іліас Іліу, Статис Дромазос, Димостеніс Вутирас, Василіс Ротас, Роза Імвріюти, Танасис Апартіс, Христос Евелпідис, Йоргос Зонголопулос, Стефанос Стефанопулос, Нікос Карвуніс, Ефі Панселіну, Спірос Василіу, Панделіс Превелакіс, Еллі Ламбріді, Мелпо Аксіоти, Асімакіс Панселінос, Ангелос Сикеліянос, Янніс Кордатос, Панаїс Лекакас, Йоргос Вакало (Вакалопулос), Еміліос Веакіс та інші.

відчуватимете теплу симпатію до вас, яка передаватиме почуття дружби нашого народу до вашої великої Країни, дружби, яка має давнє коріння, дружби, яка у наші дні випускає новий цвіт. Любі панове та друзі, ласкаво просимо до нашої країни.»⁷

І. Еренбург від імені делегації подякував за привітання та відповів на запитання журналістів, при цьому переклад бездоганною новогрецькою мовою здійснював професор А. Білецький. Загальновизнаним є той факт, що всі, хто чув новогрецьку Андрія Білецького, були приголомшені його красномовством, у них буквально відбирало мову, навіть у вороже налаштованих журналістів.

Отож, грекомовними вустами А. Білецького І. Еренбург від імені делегації подякував належним чином усім, хто зробив можливим цей візит, і принагідно висловив особисте задоволення з приводу того, що йому випала нагода відвідати Грецію втретє.⁸

У своєму зверненні до преси І. Еренбург заявив, що «метою візиту офіційної делегації є налагодження контактів з країною-колискою вікової культури і бажання досягнути сучасну дійсність».⁹ У відповідь на запитання, чи знайомий він у контексті новогрецької культури з сучасною грецькою літературою і які його враження від неї, І. Еренбург висловив жаль з того приводу, що знає мало творів новогрецької літератури. При цьому він відзначив, що серед цих небагатьох творів великим та прекрасним є роман Нікоса Казандзакіса «Христа розпинають знову» і він тішиться, що за книгою було знято фільм.¹⁰ Наголосивши на тому, що останнім часом у Радянському Союзі зростає серйозний інтерес до новогрецької літератури, І. Еренбург визнав: «Я, на жаль, не знаюся на сучасній грецькій літературі так добре, як наш дорогий Андрій Білецький».

Так естафета у виголошенні промови перейшла до А. Білецького, який щиро подякував вибраному атенському товариству, що зібралося в аеропорту для привітання делегації. Серед іншого він поділився тим, що «дуже щасливий через те, що справджується його найбільша мрія – відвідати Грецію, яку він обожає ще з часів навчання в гімназії».¹¹ Потому він із запалом висловився на підтримку Н. Казандзакіса і, говорячи про роман «Христа розпинають знову», дав йому високу філологічну оцінку, назвавши твір шедевром. На додаток він повідомив, що разом з групою своїх співробітників із «Товариства друзів грецької культури»

⁷ Газета «І Авї» від 8.6.1957, ст. 5.

⁸ Вперше І. Еренбург відвідав Грецію у 1926 році, другий візит відбувся у 1935 році.

⁹ У своїх мемуарах «Люди, роки, життя» («Люди, годы, жизнь», книга VII) І. Еренбург писав: «все мы понимали нашу задачу: постараться наладить добрые отношения с греческой интеллигенцией. Образцов беседовал с режиссерами и актерами, Полевой с журналистами, Белецкий с учеными, Посохин с архитекторами, а я с писателями». (Цитату авторка статті подала мовою оригіналу, по-російськи. – Прим. пер.)

¹⁰ Ідеться про французьку драматичну кінопостановку «Celui qui doit mourir» (1957), [у міжнародному прокаті «He who must die»] за сценарієм та в постановці французького режисера Жуля Дассена, костюми відомого грецького художника Янніса Царухіса, музика відомого грецького композитора Маноса Хадзидакіса.

¹¹ Газета «Та Неа» від 8.6.1957, ст. 2.

працює над перекладом згаданого вище роману українською мовою, публікація якого, до того ж великим накладом, запланована на найближчий час.¹²

Борис Польовий¹³ у своєму зверненні до загалу продовжив тему творчості Н. Казандзакіса¹⁴, висловивши своє захоплення прочитаним романом. Він також наголосив на тому, що «останнім часом у Радянському Союзі було видано багато перекладів творів новогрецької літератури».

Проте значна частина журналістів не надто цікавилася літературою, культурою та схожими темами. Представники зарубіжних інформаційних агенцій і грецькі журналісти буквально засипали членів делегації, а особливо її голову, всесвітньовідомого і разом з тим неоднозначного І. Еренбурга, силою-силенною гострих запитань, перш за все актуального політично-ідеологічного змісту. А І. Еренбург спокійно, з гідними захоплення легкістю та вправністю майстерного журналіста, хоч і не маючи змоги скористатися своїм гострим пером, а озброївшись лише всім відомою посмішкою, враз розряджає напружену і не зовсім доброзичливу атмосферу словами, що «зазвичай, коли він прибуває до якоїсь країни, запитання на прес-конференції в аеропорту стосуються лише вражень від подорожі, і, як правило, вони легкі та ненав'язливі».¹⁵

¹² Газета «І Авї» від 8.6.1957, ст. 5. Газета «То Віма» від 8.6.1957, ст. 2.

¹³ Свою першу туристичну мандрівку (1956) Борис Польовий описав у своїй книжці «Мої враження від Греції», яка була видана в перекладі К. Делікариса за редакцією Д. Фреміса в Атенах у 1959 році.

¹⁴ Їхній спільний виступ на підтримку Н. Казандзакіса, безперечно, не був пов'язаний виключно з художньою цінністю конкретного роману і публічним її визнанням. Посилена увага до постаті та творчості грецького письменника через посилення на його літературний твір була, перш за все, політичним актом, оскільки виступ прозвучав у момент найбільшого загострення холодної війни і разом з тим піднесення у боротьбі всесвітнього та грецького руху за мир. Звичайно, це також пов'язано з кардинальною зміною ідеологічних поглядів Н. Казандзакіса. Колишній військовий кореспондент газети «Катемерині», який висвітлював перебіг іспанської громадянської війни, підтримуючи режим Франко, апологет необхідності війни і прихильник політики Англії, що не брав участі в грецькому Русі Опору під час німецької окупації, перебуваючи під сильним враженням від війни в Кореї, стає запеклим борцем за Мир. Більше того, на цей період припадає і його повернення до соціалістичних ідей. Виступаючи на стороні лівих сил, він декларує свій намір активніше втручатися у політичне життя регіону. Докладніше про це див. Христос Алексіу «Ідеологія та реальність у Казандзакіса», журнал «Темата логотехніас» («Питання літератури»), вип. 4, листопад 1996 - лютий 1997, Атени: видавництво Говостиса, 1997.

¹⁵ Наступного дня багато консервативних газет напишуть, що запрошені гості не були щирими, оскільки уникали відповідей на поставлені запитання. Їх звинуватять у «словесній еквілібристиці», «хамелеонстві», «затягуванні часу», «ухилянні від відповідей», «антигрецьких настроях», але й у обережно виражених «прозахідних симпатіях». Газета «Акрополіс» (9.6.1957, ст. 1) красномовно змальовуватиме ворожість прибулих гостей, нагадуючи про громадянську війну: «Червоні росіяни прибули до Атен на запрошення комуністичних організацій, і не забуваймо, що пан Ілля Еренбург та інші, але головним чином він, під час війни з бандитами закликав у своїх статтях та радіопередачах до знищення Греції». (*Партія влади у період громадянської війни 1947-49 рр. називала своїх супротивників-комуністів бандитами.* – Прим. пер.)

У свою чергу, усміхнений А. Білецький, переклавши сказане прекрасною грецькою, додає з віщунськими нотками, наслідуючи Плавта: «Облиште нетерплячість ви Арктуруві, ми вам розкажемо про все...»¹⁶.

Деякі журналісти, глибоко вражені незвично бездоганим для офіційного гостя з іншої країни знанням грецької мови, ставили йому конкретні запитання щодо того, де і як він зміг так прекрасно опанувати грецьку, а також цікавилися його науковими дослідженнями. А. Білецький згадував свої студентські роки та навчання на курсах новогрецької мови при Вищій Дипломатичній школі МЗС під час війни і розповідав про свою теперішню академічну діяльність у Київському університеті і, звичайно, про наукове дослідження грецьких написів, які знаходили в античних грецьких поселеннях на території його батьківщини. Іншими словами, привітному А. Білецькому вдалося розтопити лід! Запитання від журналістів здавалося ніколи не закінчатися, і, оскільки час, передбачений протоколом для таких випадків, було вичерпано, Михайло Сергєєв бере слово і звертається грецькою до тих, хто зібрався в аеропорту, з обіцянкою, «найближчими днями запросити представників грецької та зарубіжної преси до радянського посольства, де вони зможуть поставити членам делегації всі свої запитання, а гості спокійно відповісти на них, оскільки зараз вони дуже стомлені...».¹⁷

Прес-конференція в аеропорту завершилася.

– «Ми взяли вас в облогу», сказав хтось до Білецького, на що той, усміхнувшись, відповідає:

– «Ми ... вільні в облозі!»

Можливо, в той момент вчений послався на твір національного поета Греції Діонісіуса Соломоса про облогу м. Месолонгі під час національної революції 1821 р., що свідчить про глибоку обізнаність А. Білецького з його поетичним доробком?

По завершенні протокольних формальностей¹⁸ «російська інтелігенція» ви-

¹⁶ Nam Arcturus signum sum omnium unum acerrimum:

vehemens sum exoriens, quom occido vehementior

«Арктур звезда я, самая суровая:

Восход мой бурен, но еще бурней закат». (Пер. з латини А. Артюшкова.)

Тит Макцій Плавт «Канат» (вірш 70). (прим. автора — In Memoriam надзвичайного жартівника Юрія Шаніна.).

¹⁷ Слово «стомлені» згодом було розтлумачене як затикання рота свободі, «як дипломатична втома червоних російських письменників», які не бажали відповідати на запитання політичного змісту, «оскільки ще не встигли пройти відповідне інструктування агентами комітету державної безпеки з російського посольства». (Газета «Естія» від 8.6.1957, ст. 2.)

¹⁸ Візит делегації був головною подією новин. Але його висвітлення чітко відбивало політичне та ідеологічне спрямування відповідної газети. Дехто з найкращих журналістів тих часів змалював подію об'єктивно, не виказуючи особистих симпатій до тієї чи іншої політичної сили та власних ідеологічних уподобань: Йоргос Піліхос – редактор рубрики «Культура», Леон В. Карапанайотис і Еммануїл Матьюдакіс – редактори рубрики «Політика» газет «Та Неа» і «То Віма», Спірос Лінардатос – редактор рубрики «Політика» і Леон Кукулас – філологічний співробітник газети «І Ав'ї», Маріос Плоритис – літературний критик газети «Елевтерія». Висвітлення ж події іншими було сповнене антикому-

рушила до Атен, де зупинилася в розкішному готелі «Атене Палас» («Athénée Palace»), розташованому в серці грецької столиці на розі вулиць Стадіу та Колокotronі.

Експерсія на Пелопоннес

Наступного дня, у суботу 8 червня, новоприбулі зустрілися в радянському посольстві з Андреасом Заккасом, головою Грецького Комітету боротьби за міжнародну розрядку та мир.¹⁹ Перемовини, окрім багатьох інших питань, стосувалися також планування та узгодження програми перебування делегації в Греції. ГКМРМ, яка взяла на себе як прийом делегації, так і висвітлення її перебування в Греції, постійно розмішувала відповідні оголошення в пресі з детальною інформацією про кожний офіційний захід, у якому мали брати участь запрошені гості.

Отже, згідно з програмою перебування делегації, складеною за участю радянського посольства, у неділю 9 червня І. Еренбург, А. Білецький, Б. Польовий, М. Посохін і К. Семенков²⁰, скориставшись офіційним вихідним з нагоди Дня Святого Духа, вирушили у дводенну експерсію Пелопоннесом.²¹ Їх супроводжували Перший Секретар радянського посольства Жак Марчук, депутат Міхаїл Кіркос і кілька членів Комітету захисту миру.²²

Перша зупинка – дорійський храм Аполлона, зведений задля увічнення багатства та величі Коринту, і Археологічний музей у Старому Коринті з багатими колекціями археологічних знахідок (від доісторичних до візантійських часів), а також колекцією скульптур та написів. Для Білецького як знавця старожитностей та спеціаліста з епіграфіки інтерес до написів був абсолютно природнім.²³

ністичним та антисемітським шаленством. Їхні автори, не шкодуючи дошкульних визначень, головним чином зосередилися на постаті І. Еренбурга. До таких належали Федрос Барлас – автор рубрики «Культура» газети «Атенаїкі», Саввас Констандопулос – редактор рубрики «Політика», Васос Василиу – редактор рубрики «Політика» газети «Апоєвматині». Див. проурядові газети: «Акрополіс» від 8.6.1957, ст. 1, 3; «Апоєвматині» від 8.6.1957, ст. 1, 5; «Катемерині» від 7.6.1957, ст. 7 та від 8.6.1957, ст. 2; «Естія» від 8.6.1957, ст. 2; «Македонія» від 8.6.1957, ст. 1. Див. опозиційні газети: «Елевтерія» від 8.6.1957, ст. 1; «Та Неа» від 7.6.1957, ст. 2 та від 8.6.1957, ст. 2; «То Віма» від 7.6.1957, ст. 6 та від 8.6.1957, ст. 2; «Атенаїкі» від 8.6.1957, ст. 2; «Етнос» від 8.6.1957, ст. 2; «І Ав'ї» від 7.6.1957, ст. 1 та від 8.6.1957, ст. 1, 5.

¹⁹ Газета «І Ав'ї» від 9.6.1957, ст. 1.

²⁰ Семенков (чи Селінков, чи Саленков, як помилково значилося його ім'я у деяких газетах) був абсолютно невідомий широкому загалові. Він супроводжував офіційні делегації радянських державних високопосадовців, письменників та митців як перекладач. Насправді ж, він був зв'язковим між радянською та грецькою комуністичними партіями. К.А. Семенков як кадровий працівник Міжнародного відділу ЦК КПРС упродовж сорока років відповідав за контакти Комуністичної партії Греції з радянською верхівкою. Саме він вів справу Нікоса Захаріядиса, починаючи з 1956 року, з моменту його усунення з посади Генерального секретаря Комуністичної партії Греції, і до та після його смерті в Сургуті в Сибіру у 1973 році.

²¹ Газета «І Ав'ї» від 9.6.1957, ст. 2.

²² Газета «Врадіні» від 10.6.1957, ст. 8. Газета «То Віма» від 11.6.1957, ст. 5.

²³ Газета «І Ав'ї» від 9.6.1957, ст. 2.

У неділю по обіді делегація оглядала дивовижну Давню Олімпію, найкрасивіше, на думку Павсанія, місце Греції. Олімпія як етап і відправний пункт для всього людства на шляху його історичного розвитку прийняла нових відвідувачів з належною їй величчю, завороживши їх священною атмосферою місцевості. Вони обходили територію археологічної пам'ятки, фотографуючись на фоні руїн обнесеного колонами храму Зевса, а потім відвідали музей. Тут на них чекало справжнє диво – найвідоміший витвір Праксителя²⁴, виконаний у натуралістичній, реалістичній манері, характерній для 4-го ст. до н.е., статуя Гермеса, побачивши яку, відвідувачі, і особливо члени делегації, благоговійно завмирили в задумі.

Оглядаючи інший шедевр давньогрецького мистецтва, Ніку Пеонія²⁵, А. Білецький, нахилився до одного з каменів постаменту статуї і голосно, щоб усі почули, прочитав вирізьблений напис: «ΜΕΣΣΑΝΙΟΙ ΚΑΙ ΝΑΥΠΑΚΤΙΟΙ ΑΝΕΘΕΝ ΔΙΕ ΟΛΥΜΠΙΩ ΔΕΚΑΤΑΝ ΑΠΟ ΤΩΝ ΠΟΛΕΜΙΩΝ. ΠΑΙΩΝΙΟΣ ΕΠΟΙΗΣΕ ΜΕΝΔΑΙΟΣ ΚΑΙ Τ' ΑΚΡΩΤΗΡΙΑ ΠΟΙΩΝ ΕΠΙ ΤΟΝ ΝΑΟΝ ΕΝΙΚΑ». («Мешканці Мессени та Навпакта жертвують Зевсу Олімпійцю десятину з військових трофеїв. Виготовив Пеоній з Менди, який (також) виборов право виготовити і акротерії на храмі).

Перед входом до музею на членів делегації очікували журналісти газет м. Патри²⁶ та власні кореспонденти атенських газет на Пелопоннесі. У відповідь на запитання про враження від побаченого А. Білецький висловив своє захоплення археологічною пам'яткою, експонатами, а особливо неперевершеними статуями. За його словами, він почувався щасливим з того, що зміг дістатися сюди, так само, як почувалися щасливими античні атлети, які для змагань приїжджали сюди з далекого Каспію.

І. Еренбург теж не приховував свого захоплення побаченим. «В інтерв'ю журналістові місцевої газети він назвав скульптури витворами великого реалістичного мистецтва і додав, що давньогрецьке Мистецтво дає нам важливий урок. Воно доводить, що будь-який поділ культури на східну та західну є безглуздом і згубним як для Мистецтва, так і для Миру. Він сказав: «Я нещодавно повернувся з подорожі країнами Азії, Індією, і бачив багато творів мистецтва часів правління імператора Ашоки. І в роботах тогочасних митців, особливо скульпторів, простежується явний вплив грецького мистецтва. Очевидно, що ані індійці, ані інші народи Азії не боялися впливу греків. Так само, як греки ніколи не боялися того впливу, якого вони зазнали від єгипетської та вавилонської культури. Культура завжди була спільною, у контакті один з одним та внаслідок взаємного обміну власними здобутками народи творили єдину цілісну культуру.» Сказане паном І. Еренбургом перекладав професор загального мовознавства Київського універ-

²⁴ Статуя Гермеса з немовлям Діонісієм, згідно з Павсанієм, вважається оригінальним твором скульптора Праксителя. Мармурова статуя висотою 2,13 м була знайдена 1877 року у храмі Гери і датується 330 р. до н.е..

²⁵ Мармурова статуя Ніки висотою 2,11 м, разом з постаментом 10,92 м, була встановлена на виконання обітничі мешканців міст Мессена та Навпакт за їхню перемогу над лакедемонцями на о. Сфактерія у 421 до н.е..

²⁶ Газета «Пелопоннісос» від 11.6.1957, ст. 1.

ситету пан А. Білецький, який, як відомо, бездоганно володіє нашою мовою».²⁷ Інтерв'ю І. Еренбурга (перекладене грецькою мовою її бездоганим знавцем А. Білецьким) було опубліковане в іншій атенській проурядовій газеті під промовистим заголовком: «Еренбург виступив проти догми Хрущова про мирне співіснування».²⁸

Завершивши огляд Давньої Олімпії, «видатні російські інтелігенти» вирушили до м. Патри²⁹, де зупинилися у славетному готелі «Сесіл», що містився на центральній вулиці Аїу Андреа (Святого Андрія). У понеділок, 10 червня, вранці, члени делегації мали змогу прогулятися набережною Аїу Ніколау (Святого Миколая). Упродовж довгого часу ця набережна була традиційним місцем променадів, де чоловіки, зазвичай, знайомилися зі своїми майбутніми нареченими, тому місцеві мешканці жартівливо називали її «шлюбний променад Дарданелл» (грецькою буквально «базар наречених» – *Прим. пер.*). І. Еренбург з А. Білецьким, почувши таку влучну назву, зайшлися голосним щирим сміхом. Зупинившись біля кам'яного маяка, А. Білецький якийсь час удивляється вглиб горизонту так, неначе на його очах розгортається історична морська битва під Лепанто (так у 16 ст. називалося м. Навпакт), в якій брав участь М. Сервантес. А. Білецький зачитує уголос кілька уривків з «Дона Кіхота». І ось уже вся дружна компанія гостей розмовляє про Сервантеса, щиро співчуючи долі полонених у війнах по всьому світі.

Відразу по тому члени делегації в супроводі друзів відвідали знаменитий виноробний завод-замок компанії Achaia Clauss, розташований у місцевості, що славиться своєю природною красою. Там вони продегустивали відомі місцеві сорти вина деместиху й мавродафні. Дорогою гості зупинилися в селі Саравалі, яке уславилося ще в 1821 р. У цьому гостинному, по-справжньому демократичному селі вони поспілкувалися з хліборобами й виноградарями, виявивши неабиякий інтерес до їхньої роботи і техніки виробництва вин.

Близько опівдня подорожні вирушили з Патр до Атен. На зворотному шляху був запланований візит у золоторясні Мікени. Гідами гостей було подружжя Христоса й Семни Карузосів³⁰, яке приїхало туди спеціально для того, щоб супроводжувати почесних гостей та провести їм екскурсію Мікенським Акрополем. По завершенні екскурсії гучна компанія зупинилася у виноробному містечку Немея, де на її честь друзі з місцевого комітету захисту миру влаштували обід. До Атен делегація повернулася пізно ввечері.

²⁷ Газета «І Ав'ї» від 11.6.1957, ст. 1. Місцевий репортаж (10.6.1957) з м. Патри.

²⁸ Газета «Врадіні» від 10.6.1957, ст. 8. Спеціальний репортаж з м. Патри.

²⁹ Газета «Атенаїкі» від 10.6.1957, ст. 8.

³⁰ Академік-археолог Христос Карузос (1900–1967) і його дружина Полісемні Карузу-Папаспириді (1889–1994), археолог і перша жінка-хранитель фонду посуду Національного археологічного музею, були легендарними постатями грецького культурного життя. Під час німецької окупації вони провели титанічну роботу із заховання античних пам'яток з Національного археологічного музею.

Прес-конференція

Через п'ять днів по приїзді, у вівторок 11 червня 1957 року о 10-й годині ранку в залі прийомів³¹ радянського посольства члени делегації зустрілися з представниками преси. На прес-конференції, що тривала три години, були присутні журналісти мало не всіх атенських газет, літературних журналів³² та іноземних новинарських агенцій.

Відкриваючи прес-конференцію, Ілля Еренбург люб'язно подякував журналістам, що висвітлювали прибуття радянської делегації. «Радянський комітет захисту миру, який ми представляємо, – зазначив Еренбург, – бажає розрядки міжнародної напруженості та прагне відновити відносини з усіма організаціями, що переслідують таку ж мету. Нас абсолютно не цікавить політична ідеологія, яку сповідують ті, хто прагне досягти цієї мети. Літератори, письменники, працівники науки і культури можуть і мусять говорити відверто. Хочу підкреслити, що ті, хто, керуючись політичною доцільністю, намагається викривити наші слова та піддає сумніву наші щирі наміри, вчиняє неправильно»³³.

На гостей негайно линула злива запитань. Переважна їх більшість була відверто ідеологічного змісту та торкалася актуальних міжнародних проблем, як-от: збереження миру, роззброєння, ядерні випробування, кіпрське питання, мирне співіснування двох світових систем, вторгнення радянських військ в Угорщину, радянсько-американські відносини, потепління у радянсько-фінських відносинах, криза в Центральній Азії та на Близькому Сході, колоніалізм і антиколоніальний рух³⁴.

Інші питання стосувалися різних аспектів радянської дійсності³⁵: рівня життя, вирішення житлової проблеми, духовного і культурного життя, тенденцій в архітектурі, лялькового театру, ставлення радянської інтелігенції до своїх угорських колег, переоцінки ролі Сталіна в політичному та суспільному житті. Особливу увагу було приділено професійним правам та матеріальному заохоченню

---

³¹ «Живописні полотна на російські теми, меблі в стилі попереднього століття, великий світлий килим тонкої роботи, бронзовий бюст Леніна та оксамитові бордові завіси на вхідних дверях складають інтер'єр залу прийомів радянського посольства в Атенах...». Катимерині, 12.06.1957, стор. 1. Редактор Г. К. В[енизелос].

³² Та Неа, 12.06.1957, стор. 2. Провісником очікуваних літературних відкриттів стала присутність на прес-конференції редактора журналу «Неа Естія» Петроса Хариса та редактора й видавця журналу «Кенур'я епохі» Янніса Гуделіса, який був власником видавничого дому «Дифрос» та мав виключні права на публікацію творів Нікоса Казандзакіса.

³³ Коментар про щирість намірів був відповіддю на провокаційну статтю в газеті «Врадині». Авгі, 12.06.1957, стор. 1.

³⁴ На питання, пов'язані з міжнародними відносинами, відповідав Еренбург, посилаючись на посади, які він обіймав – депутата Верховної Ради СРСР, члена Комітету Верховної Ради СРСР з міжнародних справ та Віце-президента Всесвітньої Ради Миру. Авгі, 12.06.1957, стор. 5.

³⁵ Авгі, 12.06.1957, стор. 1.

радянських літераторів, особистій свободі, свободі творчості та репресіям проти інтелігенції³⁶. В центрі уваги журналістів перебувала доля Анни Ахматової³⁷.

Коло питань, пов'язаних з різними формами вияву інтересу Радянського Союзу до культурного життя сучасної Греції, зі сприйняттям творів новогрецької літератури радянським читачем та перекладом сучасних грецьких письменників, повністю взяв на себе Білецький³⁸. Висловлюючи глибоку подяку Грецькому комітету за міжнародну розрядку та мир і його голові Заккасу, він підкреслив, що в особі Заккаса він вітає грецький пацифістський рух взагалі та всіх грецьких борців за справу миру, і одночасно зазначив: «Цього року в Радянському Союзі буде видано багато творів грецьких письменників. Наразі перекладаються як російською, так і багатьма мовами народів СРСР такі твори: вибране поета Костаса Варналіса, антологія грецьких народних пісень, оповідання Катифоріса, Лудеміса, Міривіліса, Алексіу, Венезиса, Луліса, Ротаса, Папаперикліса, Циркаса, Вутираса, Галану, Касдагліса та інших. Уже завершено переклад поезій Рицоса, які увійдуть у серію «Зарубіжні поети». [...] Російською перекладають романи Лудеміса «Захмарює» та «Хлопчик лічить зорі». Українською перекладено роман Казандзакіса «Христа розпинають знову». В наших університетах існують окремі відділення класичної філології. Крім того, діють студентські гуртки шанувальників грецької культури. Проте якщо давньогрецьку культуру, твори античної літератури радянські люди вивчають ще зі шкільної парти, сучасних грецьких письменників вони починають відкривати для себе лише зараз. І цьому процесові мають посприяти самі письменники, адже спроби розрядити міжнародне напруження, які робляться зараз, виявляються в тому числі й у формі контактів між діями культури»³⁹.

Реагуючи на коментарі журналістів⁴⁰ про те, що більшість зі згаданих письменників поділяють ліві політичні погляди, Білецький зазначає, що існує план, що вже починає втілюватися в життя, познайомити радянський читацький загал з усіма визначними грецькими письменниками сучасності⁴¹. «Звичайно, – зазначає професор Білецький, – згаданий перелік письменників не є ані вичерпним, ані цілком задовільним. Вибір творів для перекладу не обов'язково визначає-

---

³⁶ Керівництво товариства «Друзі поневолених росіян, борців за свободу» поставило радянським посадовцям запитання, пов'язані з відносинами між Сходом і Заходом, з долею радянських письменників, сучасною радянською літературою та контролем над літературною творчістю заради виховання народу». Етнос, 13.06.1957, стор. 6.

³⁷ Та Неа, 12.06.1957, стор. 2.

³⁸ Авгі, 12.06.1957, стор.1. З тогочасної преси видно, що Еренбург, Білецький, Образцов, Посохін і Польовий, за винятком завжди «німого» Семенкова, іноді самостійно, а іноді вдало доповнюючи один одного, відповідали кожен на запитання, що стосувалися близької їм сфери. Стає очевидним, що їхня ґрунтовна обізнаність із найдрібнішими аспектами будь-якого питання була наслідком їхньої професійної і наукової діяльності та того, що вони займалися політикою.

³⁹ Авгі, 12.06.1957, стор.5. Та Неа, 12.06.1957, стор. 2.

⁴⁰ Катимерині, 12.06.1957, стор. 1.

⁴¹ Віма, 12.06.1957, стор. 2.

ся політичними уподобаннями авторів»⁴². Відповідаючи на запитання про те, чи приділяють в СРСР увагу іншим виявам новогрецької культури, крім художньої літератури, Білецький буквально створює сенсацію: він повідомляє журналістам, що в 1956 р. кінострічка «Історія однієї фальшивої ліри» стала в Москві справжньою культурною подією. Фільм демонстрували в кінотеатрах, двічі показували по телебаченню і, до того ж, продублювали сімома мовами народів Радянського Союзу. Услід за цим він поінформував здивованих журналістів про те, що наразі проводиться робота із додавання титрів до кінострічки «Закривавлене Різдво»⁴³. Насамкінець Білецький згадав про схвальні відгуки музичних критиків і позитивне враження, яке справили на радянську музичну громадськість грецькі концерти під керівництвом диригента Андреаса Паридиса, на яких виконували твори грецьких композиторів Маноліса Каломіріса та Андреаса Незеритиса – справжніх представників так званої «національної школи»⁴⁴.

По завершенні прес-конференції, коли вгамувалася нестерпна полуденна спека, члени делегації на доказ свого інтересу до грецької культури в супроводі редактора газети «Ав'ї» Маноліса Глезоса, а також журналістів, що невідступно слідували за ними, зійшли на священний пагорб Акрополя, де помилювалися пам'ятками античності, відвідали Музей Акрополя, зробили фотографії і самі були сфотографовані. Очевидно, враження від екскурсії були справді сильними, адже того ж вечора вони знову піднялися на Акрополь, щоб цього разу помилюватися його спорудами в місячному сяйві⁴⁵.

Особливий день

Як раніше повідомляла преса⁴⁶, Товариство радянсько-грецької дружби організувало для почесних гостей прогулянку морем.

Отже, в середу 12 червня о 5.30 вечора гості вирушають з Пірейського порту в круїз Саронічною затокою. Вони сідають на пароплав «Нераїда», про який тоді ходили чутки, що це яхта Чіано⁴⁷, зятя Муссоліні.

⁴² Та Неа, 12.06.1957, стор. 2.

⁴³ Елефтерія, 12.06.1957, стор. 5. Колонка художнього редактора і сценариста Т. Вальсамакіса.

⁴⁴ Авгі, 12.06.1957, стор. 2. Про життя і творчість згаданих музикантів див. у Словнику грецької музики Т. Калоєропулоса (Атени: Вид-во Яллеліса, 2001).

⁴⁵ Газета «Естія» в рубриці «Без коментарів» під заголовком «Про «роботи і дні» російських письменників» писала: «Щойно Еренбург зійшов на пагорб Акрополя, почав роздивлятися його красу з таким нетерпінням, з яким спраглий припадає губами до струменя гірського джерела. Археолог-супровідник намагається надати йому інформацію про пам'ятники. Еренбург зупиняє його: «Не буду вас втомлювати. Дозвольте мені подивитися самому». Він тактовно позбавив гіда роботи буцімто для того, щоб подивитися самому. Він є другим після Рабіндраната Тагора, хто не захотів послухати про Акрополь та Давню Грецію. Але індієць був щиріший, оскільки чітко заявив: «Мене не цікавить Акрополь ...» Естія 13.06.1957, стор. 2.

⁴⁶ Катимерині, 11.06.1957, стор. 2.

⁴⁷ Поширена думка про те, що це була яхта Галеаццо Чіано, не має під собою ґрунту. Насправді йдеться про пасажирський пароплав «Laura», колишній плавучий шпи-

В екскурсії взяли участь близько 700 чоловік. Серед них було чимало членів Товариства радянсько-грецької дружби, учасники руху Опору, борці за мир і демократію, багато студентів та кореспонденти газет. Серед офіційних осіб, що супроводжували делегацію, були голова Товариства радянсько-грецької дружби професор Константинос Дзоніс, депутати-лівоцентристи Андреас Заккас, Евангелос Пецос, Тасос Вулодимос, мер Пірея Димітрис Сапунакіс, мери багатьох демів Аттики, Марія Зволу та співробітники радянського посольства. Світ літератури і мистецтва був представлений письменником Темосом Корнаросом, поетами Варналісом, Рицосом та видавцями літературних журналів⁴⁸. Світ науки представляли Янніс Імвріотис (викладач філософії та глибокий знавець марксизму), Йоргос Тенекідис (викладач міжнародного права та двоюрідний брат Йоргоса Сефериса), Нікос Русопулос (викладач загальної хімії), Хараламбос Теодоридис (викладач філософії), Антоніс Сигалас (викладач палеографії, папірусології та візантійської філології), Димітрис Каввадас (викладач ботаніки) та вже згаданий Костас Дзоніс (викладач загальної біології)⁴⁹.

На кораблі панувала атмосфера народного гуляння: «Радісні вигуки, звияжні грецькі пісні, а за ними гептанісійські серенади, грецькі танці у виконанні балету Товариства радянсько-грецької дружби». Декілька хвилин корабель легенько підстрибує на хвилях, наче радіє разом з усіма. Потім він швидко і плавно пливе уздовж узбережжя Саронічної затоки. За ним, граючи з піною хвиль, слідує блискучо білі чайки ... [...] А навколо – за словами Д.Соломоса з поеми «Вільні в облозі», грецька природа в усій своїй красі. Сонце, схоже на жовтогарячий місяць, поступово сідає. На якусь мить маленька легка хмаринка перерізає його навпіл. Море, яскраво-блакитне небо і фіолетові скелі наповнюються фарбами. Ось уже сонце звільняється від хмаринки, але незабаром занурюється у ще більші і темніші хмари, що частково затьмарюють обрій. Усі радянські інтелігенти поспішають на місток, щоб помилуватися заходом сонця. Вони мовчки спостерігають його. [...] Професор Білецький, якого вирізняє з-поміж інших володіння грецькою мовою, висловлює нею своє захоплення. На місток піднімається чиматаль італійського королівського флоту, що 1943 р. був захоплений британцями, а пізніше, у 1948 р., викуплений Яннісом Лацисом як військовий трофей.

⁴⁸ Крім осіб, зазначених у виносці 31, в екскурсії взяли участь редактор і видавець унікального в своєму роді мистецького журналу лівого спрямування «Епітеорісі Техніс» архітектор Нікос Сяпкідис та члени його редколегії Фівос Аноянакіс, Димітрис Деспотидис, Тасос Лівадитис, Титос Патрикіос, Димітрис Рафтопулос. Про історичне значення цього журналу, що видавався в Атенах з 1954 р. та був закритий хунтою у 1967 р., читайте в статті Філіппоса Іліу «Політична ситуація навколо журналу «Епітеорісі Техніс» у журналі «Історика», том 12, вип. 22 (червень 1995), стор.165–170, та С. І. Асдрахаса «До історії журналу «Епітеорісі Техніс», «Історика», том 12, вип. 22 (червень 1995), стор. 171–172.

⁴⁹ Усі згадані увійшли в історію як «салоніцькі університетські викладачі», бо були цвітом професури Салоніцького університету імені Аристотеля 1940-х років. У чорні дні нацистської окупації вони відсиділи в німецьких концтаборах і в'язницях СД, а згодом взяли участь у русі Опору. Після звільнення всі вони за рішенням Ради міністрів уряду Цалдариса на підставі резолюції про «оздоровлення» від 24.08.1946 були одночасно звільнені зі своїх посад 11.10.1946. Про це див. книгу Йоргоса Кафтадзиса «Салоніцький університет за часів окупації» (Салоніки: Вид-во «Паратиритис», 1998).

ло людей. Багато хто починає брати автографи. Білецький, розчулений красою природи та ставленням цих людей, пише грецькою: «Я мав нагоду відвідати прекрасну країну богів та героїв, як сказав великий російський поет Пушкін. Героїв я зустрів серед сучасних греків, а от богів побачив лише в музеях. Моя дитяча мрія здійснилася, але я хочу вірити, що дійсність краща за мрії. Професор Андрій Білецький».

За мить удалині з'являється берег Макронісоса. Супровідники показують радянській інтелігенції проклятий острів страждань. Еренбург каже лише одне слово: «Знаю». Обличчя Бориса Польового сповнюється смутком. Білецький вимовляє давньогрецьке слово *όνειδος* (сором). Образцов хоче дізнатися ...

Корабель зупиняється біля Суніона. Тепер уже споночило. Місяць, приховавшись за пагорбами, дарує свої срібні промені. Незабаром він краєчком торкається саяливого силуету гір, а згодом виринає на обрії вже весь – чистий, в усій своїй красі. На узвишші з'являються колони храму Посейдона. Наші гості виходять на берег, щоб відвідати храм, а потім повечеряти.

По їх поверненні Товариство радянсько-грецької дружби, що організувало подорож, продовжує культурну програму⁵⁰.

Російські письменники, повернувшись опівночі з Суніону, схвилювано висловили своє захоплення гостинністю організаторів круїзу і привітною атмосферою під час подорожі⁵¹.

З академіками і професорами

У четвер 13 червня 1957 р. Білецького уперше прийняло вузьке коло грецьких академіків. Його представив Нікос Веїс⁵² 23, візантиніст і неоеллініст, що дістав міжнародне визнання і з 1943 р. був дійсним членом Атенської академії наук.

Їхнє знайомство відбулося ще в перші години перебування Білецького в

---

⁵⁰ Ав'ї, 14.06.1957, стор. 5. Репортаж Спіроса Лінардатоса. Додатково див. книгу Спіроса Лінардатоса «Політики і політика. 70 років. Спогади – боротьба – документи», Аteni: Вид-во Проскінію, 1999, стор. 176–181.

⁵¹ Та Неа, 13.06.1957, стор. 2. Репортаж Еммануїла Матьюдакіса і Йоргоса Піліхоса.

⁵² Завдяки журналу «Byzantinische-Neogriechische Jahrbücher», який видавав Нікос Веїс, неоелліністичні студії в багатьох країнах світу перетворилися на окрему дисципліну. У 1925 р. Атенський університет обирає його завідувачем створеної спеціально для нього кафедри середньовічної і новітньої грецької філології. Прочитані ним в університеті лекції стали легендою. На них приходили й люди, що не належали до університетських кіл, оскільки він зачаровував всіх своєю феноменальною пам'яттю, іскрометними промовами та глибиною своїх знань. За часів диктатури Метаксаса він відмовився прийняти на свою кафедру колег, що співпрацювали з режимом. В результаті його тимчасово відсторонили від роботи в Атенському університеті. Він взяв участь у війні 1940 р., а пізніше вступив до Національно-визвольного фронту (ЕАМ). Після звільнення Греції він зайнявся політикою і в 1946 р. через політичну діяльність був остаточно звільнений з Атенського університету. У 1950 р. Нікос Веїс був обраний депутатом грецького парламенту від Атен за списками соціалістичної партії ЕЛД, яку заснував його однодумець і друг Александрос Зволос. У період з 1948 до 1952 рр. був головою Товариства грецьких літераторів. Помер в Атенах 12 жовтня 1958 р. внаслідок тривалої хвороби.

Атенах, оскільки Веїс як співзасновник Грецького комітету за міжнародну розрядку та мир брав участь у всіх офіційних і неофіційних заходах програми прийому гостей. І відтоді їх взаємна повага тільки зростала.

Як учасники руху за мир і невтомні служителі науки, обидва під час особистих зустрічей намагалися знайти можливості для систематичнішої взаємодії, налагодити співпрацю в царині спільних наукових інтересів, таких, як рукописи, кодекси, написи, конференції, і, більше того, створити передумови для офіційного співробітництва між державними установами, як, скажімо, взаємні запрошення вчених. Оскільки Атенську академію вважали найбільш підходящою для розвитку двосторонніх контактів установою, з ініціативи Веїса, чий авторитет не могла похитнути атмосфера нетерпимості, що панувала в середовищі академіків, Білецького офіційно запрошують відвідати відкрите засідання Академії. Отже, у четвер 13 червня 1957 р. по обіді Білецький зайшов у неокласичну споруду Атенської академії наук, де його зустріли президент Академії Панайотис Пуліцас (суддя вищих судових органів Греції, близький до Народної партії, що брав активну участь в політичному житті країни, а 1946 р. декілька тижнів навіть обіймав посаду прем'єр-міністра) та її генеральний секретар Анастасіос Орландос (архітектор, археолог та керівник робіт з реставрації античних та історичних пам'яток Греції), а також його знайомі Христос Карузос та Іліас Венезис. Попри те, що йшлося просто про належний за етикетом візит і що переважна більшість академіків відзначалися неабиякою лояльністю до режиму⁵³ та відверто або приховано сповідували антикомуністичні погляди, Білецький опинився в центрі уваги присутніх. Зокрема, він привертає увагу тим, що знайомиться і починає обмінюватися думками з рядом академіків, переважно з тими, хто належить до світу літератури і мистецтва, тобто з тими, хто займається філологією, археологією, історією, літературою, музикою та образотворчим мистецтвом (Георгіосом Атанасіадисом Новасом, Ерикосом Скассисом, Спиридоном Маринатосом, Іоаннісом Каліцунакісом)⁵⁴.

По завершенні відкритого засідання «професор мовознавства і класичної філології пан Андрій Білецький»⁵⁵ у супроводі академіків відвідав на теологічному факультеті Атенського університету церемонію присвоєння звання почесного доктора теології архієпископу Кіпрському Макарію⁵⁶.

Окрім налагодження плідних контактів з Атенською академією наук, Білецький першим встановив відносини з Атенським університетом. Початком взаємного зближення можна вважати його офіційну зустріч з ректором цього навчального закладу і засновником сучасної грецької педіатрії Константиносом Хоремісом, а також членами Вченої ради університету. Єдиним предметом пере-

⁵³ «Серед членів Академії немає Казандзакіса та Сикельяноса, двох найвпливовіших літераторів без академічних регалій», – пише у своїй статті Павлос Палеологос (То Віма, 31.10.1957), який, хоча і є ідеологічним опонентом Казандзакіса, дає уїдливу характеристику позиції Академії.

⁵⁴ Протоколи засідань Атенської академії наук, том 32 /1957.

⁵⁵ Катимерині, 15.06.1957, стор. 5.

⁵⁶ Ав'ї, 15.06.1957, стор. 1. Катимерині, 15.06.1957, стор. 5. Етнос 15.06.1957, стор. 2.

говорів, що відбулися, стали проблеми двостороннього співробітництва в науковій сфері⁵⁷.

У «Таверні богів»

Четвер завершувався веселою вечіркою в тіні Акрополя. Пізно ввечері члени делегації зібралися на дружню вечерю, влаштовану на їх честь в одній з таверн Плаки місцевими відділеннями Грецького комітету захисту миру⁵⁸.

«Мальовнича таверна богів на пагорбах Плаки. Солодка аттична ніч, залита місячним сяйвом. Солодкострунна плакійська гітара надривається від романсу «Очи чёрные». Рецина, гвоздики, прагнення дружби, а навколо – усміхнені обличчя борців за мир, простих людей, що походилися на Плаку з усіх кінців Атен – з Іміттоса, Вірона, Тесейона, Патисій, для того щоб познайомитися з цими п'ятьма чудовими друзями і піонерами боротьби за мир в усьому світі.

[...]

– Вам подобається в нашій країні, пане професоре? – запитуємо ми пана Білецького, який першим прийшов на зустріч, усміхнений, рум'яний, спокійний, мудрий.

– Я переживаю найкращі миті свого життя. Це була моя мрія. Ще я хотів би відвідати Крит, Кнос, Фест. Хотів би в такий спосіб доповнити своє щастя, яке так прикрашає знайомство з вашим усміхненим народом.

Андрій Олександрович Білецький посміхається. Люди дивляться на нього з симпатією. Поки що він сам, інші гості затримуються. Бесіда із ним тече плавно, просто, приємно, адже він вільно володіє грецькою.

– Мабуть, у вас є велике кохання, пане професор, – делікатно запитує пані Міллєкс⁵⁹, – якщо Ви, живучи далеко від Греції, так добре вивчили грецьку мову.

– Усе залежить від того, який зміст Ви вкладаєте в слово «кохання» ... Коли мені було 16 років, я закохався в одну англітку і поспішив вивчити англійську. З грецькою все було по-іншому... Це любов до Греції. Ось вона, – сказав він і показав рукою у бік нічного Акрополя. Глибоко схвилювані, ми мовчки мимохідь повернулися до Священного пагорба.

[...] Незабаром підійшли й інші гості, з-за кожного столика лунають запрошення приєднатися до їхньої компанії. Журналісти забирають у нас пана професора. Співробітники установ – архітектора. Молоді літератори – Еренбурга. [...] З плином часу атмосфера стає більш дружньою, по-справжньому грецькою⁶⁰. А коли грека щось захоплює, він перетворюється на птаха і співає, здобуває крила і злітає вгору. Усі линуть до гітари. Навколо нашого поета, вічно молодого Варналіса, вже зібралося коло прихильників. Перші звуки акомпаніменту передвіщають

⁵⁷ Емброс, 22.06.1957, стор. 5.

⁵⁸ Ав'ї, 15.06.1957, стор. 1.

⁵⁹ Таг'яна Гріци-Міллєкс (1920–2005) – письменниця, журналістка, критик. Дружина французького вченого і грекофіла Роже Міллєкса.

⁶⁰ В оригіналі – ρωμέϊκή. Візантійській спосіб найменування мешканців імперії, перейнятий народною традицією сучасної Греції, що використовує етнонім «ромей» на позначення греків як нації.

серенаду. Білецький і Польовий — готові підхопити мотив, «Таверна богів» — у розпалі свята. *В обіймах твоїх теплих і солодких/ дай прихилити голову мені...*

Так минув той незабутній вечір з радянськими майстрами слова, думки, науки, мистецтва, серед їх грецьких шанувальників та друзів. В атмосфері неудаваної радості та щирості, які вилилися в пісню й танець, серед простих людей, які раділи зустрічі з відомими постатями й вірними друзями нашої країни і щедро дарували їм свою увагу та любов.

Коли ми розходилися вночі, місяць заливав своїм сріблястим світлом вічний пам'ятник миру й краси — Акрополь. Ніч, проведена в такій компанії, запам'яталася нам на все життя».⁶¹

Культурна дипломатія

Упродовж свого двотижневого перебування в Греції під час спільних виступів з іншими членами делегації та особистих зустрічей за рекомендаціями своїх грецьких друзів Білецький зміг побачити на власні очі не лише античні пам'ятки та нічне небо Атики, а й культурне обличчя тодішньої Греції, «яка тільки-но змила зі своїх рук кров війни».⁶²

Він прогулявся центральними атенськими вулицями та суміжними з ними галасливими кварталами, завітав до великих магазинів та крамничок, переступив через поріг книгарень, видавництв, літературних спілок⁶³, поблукав по «Монмартру»⁶⁴ Атен, відвідав майстерні провідних митців.⁶⁵ Його було запрошено грецькими видавцями на неформальні вечери знайомств, де співтрапезниками професора були як «ліві» творці слова, так і цвіт офіційної грецької інтелігенції: літератори «покоління 30-х», такі, як Стратис Міривіліс і Міміс Карагацис; досвідчені журналісти — літературний та театральний критик, есеїст Васос Варикас,

⁶¹ Ав'ї, 16.6.1957, с.2-3. «Під тінню Акрополя. З радянськими митцями у «Таверні богів» у кварталі Плака. Рецина, гвоздики, любов і філологія». Репортаж Нікоса Паперикліса.

⁶² Газета «Ав'ї», 18.6.1957. Фейлетон Темоса Корнароса.

⁶³ У цю епоху активізували свою діяльність дві літературні спілки. У 1934 було засновано Товариство грецьких літераторів (ТГЛ), де зосередилася літературна думка післявоєнного періоду. У 1948, в самий розпал громадянської війни, єдина спілка розпалася і утворилося Національне товариство грецьких літераторів (НТГЛ), яке об'єднало «націоналістів» і письменників правочентристських політичних переконань (К. Цацос, К. Ураніс, А. Терзакис, Стр..Міривіліс, І. Венезис, П. Харис, М. Карагацис та інші). Після свого розпаду ТГЛ об'єднала «лівих» письменників, а також тих, кого переслідувала держава через політичні та ідеологічні переконання (серед них були Н.Казандзакис, А.Сикельянос, К.Варналіс, Я.Рицос, Н.Веїс, Д.Вутирас та інші).

⁶⁴ Гарний район Мец поряд зі стадіоном Каллімармаро грецькі митці називали «Монмартром», обравши його для проживання та облаштування майстерень через природну красу та розташування.

⁶⁵ Ідеться про художників, різьбярів, скульпторів Ангелоса Теодоропулоса, Йоргоса Гунаропулоса, Янніса Мораліса, Нікоса Хатзикир'якоса-Гікаса, Йоргоса Сикеліотиса, Васо Катракі, Христо Данглі, Тассоса [Анастасіоса Алевізоса, Лукії [Мангіору], Танасиса Апартиса і Христоса Капралоса. Ав'ї, 19. 6. 1957,с. 5.

театральний та кінокритик Маріос Плоритис, журналіст та перекладач Костас Стаматопулос.⁶⁶

Білецький (як, до речі, й інші учасники делегації) виступив з публічними лекціями перед фахівцями та широким загалом⁶⁷. У Будинку Науки та Мистецтва, у переповненій залі він торкнувся захопливої і майже незнайомої широкій аудиторії теми, розповівши про внесок античної літератури у формування російської філеллінської свідомості. У приміщенні Товариства грецьких літераторів професор розкрив перед присутніми соціально-духовний світ Тараса Григоровича Шевченка.

У компанії Нікоса Веїса і журналіста-літератора Христоса Левантаса⁶⁸ відбулося неочікувано зворушливе знайомство Білецького з паралізованим на старості названим батьком грецької новелістики Димостенісом Вутирасом,⁶⁹ який, живучи в нечуваних злиднях, створив неперевершений літературний доробок, який дорівнює перлинам світової літератури.

Візит радянської інтелігенції збігся з початком Атенського фестивалю. Білецький, Посохін, Польовий у супроводі уродженця Кавказу, що переїхав на постійне проживання до Греції, художника Валяса Семердзидиса, відвідали в суботу ввечері (15.6) античний театр в Епідаврї, де вперше побачили грецьку постановку античної драми. Разом з тисячами шанувальників театру вони дивилися трагедію «Іфігенія в Авліді» Еврипіда,⁷⁰ яку поставив Королівський [нині Національний] Театр, та захоплено вітали знаменитих (нині вже визнаних класиків) виконавців

⁶⁶ Ав'ї, 19.6.1957, с. 5.

⁶⁷ Кожен – про своє, як йдеться у давньому прислів'ї: Еренбург провів дві лекції на теми неподільності світової культури і психології автора. Посохін розповів про архітектуру і міське проектування, Образцов – про мистецтво лялькового театру з наочною демонстрацією, що підтверджувала його слова, Польовий представив загальний нарис радянської літератури. Варто зазначити, що величезне зібрання народу на цих лекціях засвідчило дух і відчуття вітру свободи і духовного піднесення.

⁶⁸ Хатзидакис Кир'якос (псевдонім: Левантас Христос. 1904-1975). Член-засновник Літературного і Мистецького Товариства Пірея, літературний співробітник газети «Та Неа», редактор газети «Ікономікос Тахідромос» «Економічний Листоноша» і голова літературно-критичного журналу «То періодико мас». Серед його творів є виняткові новогрецькі морські оповідання. Див. Петрос Харис, Сорок років критики грецької прози, том 1, с.89, Атени, Е.А.І.А., 1981.

⁶⁹ Перо Димостеніса Вутираса (1872-1958) проникло глибоко у психіку і «мораль» маргінальних людей. «Автор життя принижених» Вутирас присвятив себе літературному жанру «бурлацистики» (αλγτογραφία), ставши головним літературним «свідком» життя грецького люмпен-пролетаріату. Його називали «людина-оповідання», він сам заявляв, що міг обгорнути оповіданнями всю землю. Більше див. Цокопулос Васиас «Хроніка життя Димостеніса Вутираса», *Димостеніс Вутирас: Зібрання творів*, том 1, с. 9-50, Атени: Дельфіні, 1994.

⁷⁰ Антична трагедія була поставлена в перекладі Апостолоса Мелахриноса, постановник К.Міхаїлідис, театральний художник Кл.Клоні, костюми Антоніса Фокаса, музика Аргіріса Кунадиса. У ролях: Агамемнон – Танос Котсопулос, Іфігенія – Анна Синодину, Клітемнестра – Елса Вергі, Менелай – Григорис Вафіас, Вісник – Стеліос Вокович, Ахіллес – Василіс Канакіс.

п'єси. Присутність відомих гостей не залишилася непоміченою журналістами, їх разом з виконавцями головних ролей було зафіксовано у фоторепортажах на шпальтах тогочасних газет⁷¹.

Відлуння перебування в Греції радянської делегації було чутно й на офіційному прийомі, що відбувся в мерії Атен.

У вівторок ввечері (18 червня) Атенська мерія організувала прийом у величній залі прийомів «на честь прибулих до нас радянських інтелігентів». Офіційних іноземних гостей прийняли мер Атен Павсаніас Кацотас і вся міська рада. «Від імені уряду Константиноса Караманліса прийом відвідав Григоріос Касиматис – міністр без портфеля, виконувач обов'язків міністра з координації завдань і фінансів. Там були присутні посол Радянського Союзу пан Сергєєв зі своєю дружиною, посол Польщі пан Малицький, Чехословаччини пан Зілка, прес-аташе Посольства Болгарії пан Владимир Атанасов. Також завітали «депутати пан Заккас і пан Пападимітріу, номарх Аттики пан Папаригопулос, генерали пан Каратзеніс та пан Спаїс, голова відділу літератури та мистецтва Міністерства освіти пан Курнутос, пан Мандудис, колишній голова відділу літератури та мистецтва, колишній директор Міністерства освіти пан Папануцос, ректор Атенського університету пан Хореміс, колишній ректор Політехнічного інституту Мецово і депутат пан Кицикіс зі своєю дружиною, академіки пан Н.Веїс та пан Новас-Атанасиядис, лікар пан Зурарис, президент Товариства друзів лібералів пані Елса Хатзиаргірі, адвокат пані Агні Русопулу, президент з прав жінок пані Авра Теодоропулу, архітектор К.Ласкарис, заступник президента міської ради Кесар'яні пан Валалакіс, художник пан Цухлос, викладач танців пані Праціка, митці пан Катракис і пані Лінда Алма, театральний письменник пан Катифорис, літератори пани Харис, Терзакис, Міривіліс, Превелакіс, Йофіліс, Варналіс, Дора Моацу, Кукулас, Дукас, Лудеміс, Ліліка Наку»,⁷² [...] югославська поетеса і прозаїк Міра Алешкович⁷³ та інші.

Імена та політичні й професійні обов'язки присутніх доводять, що йшлося не про світське зібрання. Навпаки, прийом у мерії був апогеем прояву мовчазної дипломатії, своєрідним політичним барометром, який вимірював рівень політичного представництва та демонстрував широту зародження відкритості з обох боків. Водночас він дуже чітко окреслив активні сили тодішньої грецької політичної сцени, від яких залежав хід двосторонніх відносин. Іншими словами, було окреслено, перш за все, наміри уряду Караманліса поставити країну на шлях модернізації й економічної відбудови, по-друге, політичну географію союзників, яку визначав коаліційний союз лівих, і по-третє, зміни, що відбувалися у крилах центристського політичного табору.

⁷¹ Ав'ї, 16.6.1957, с.1. Апоевматіні, 17.6.1957, с. 2. Атенаїкі, 19.6. 1957, с. 6.Акрополіс, 18.6.1957, с. 2.

⁷² Ав'ї, Середа, 19.6.1957, с.5. То Віма, 19.6.1957, с. 5.

⁷³ У цей період покращуються греко-югославські відносини і відбуваються перші візити літераторів і журналістів. Та Неа, 13.6.1957, с. 2.

На Криті

Білецький та Еренбург висловили велике бажання відвідати місце, де народилася Мінойська або Середземноморська цивілізація, прародителька європейської цивілізації, як це раніше робили любителі старовини, яких було чимало серед освічених людей кожної епохи – серйозні дослідники та аматори.

Їхнє бажання здійснилося. Тоді як інші члени експедиції попрямували до Салонік⁷⁴, Білецький і Еренбург вирушають рано-вранці в середу 19 червня літаком авіалінії Олімпіакі до Іракліону на Криті.

Вранці в аеропорту Іракліона прибулих⁷⁵ зустріли представники органів державної влади, демократичних сил та критської інтелігенції, а також члени місцевого відділення Грецького Комітету боротьби за міжнародну розрядку та мир. Через обмежений час перебування на острові гостинні друзі Миру організували їм оглядове знайомство з історичним містом. Прогулянка по символічних пам'ятках візантійського, венеціанського та османського періоду, відвідання житлових кварталів, перехід через Ханьопорту, місця, де родзинки стали «золотою жилою» для економічного розвитку регіону, завдяки якому було побудовано фабрики з виготовлення родзинок, торгівці родзинками отримали роботу, а також сотні родин здобули стабільний заробіток. З появою двох іноземців та їхніх провідників на маленькій площі Ханьопорти неначе пролунав сигнал зібрання. Завсідники кав'ярень, таверн, власники крамничок і вуличні торговці, виробники родзинок щиро та захоплено пропонували гостинці, обмінювалися рукостисканням, розкривали свої обійми та передавали вітання радянському народу, який переміг гітлерівців.⁷⁶

Пізніше у супроводі археолога-спеціаліста з доісторичних часів і куратора Критських античних пам'яток Ніколаоса Платонаса вони відвідали археологічний музей Іракліону. Прогулянка по різних колекціях експонатів створила у двох відвідувачів достатньо повне уявлення про світ Критської цивілізації, яка бере свій початок в епосі неоліту і занепадає в кінці греко-римського періоду, тобто охоплює історію цивілізації приблизно у 5500 років.

Збагачений духовними скарбами Ольвії (Ὀλβίος), Білецький присвятив особливу увагу багатству (ὀλβος)⁷⁷, колекції епіграфіки музею. Будучи великим знавцем грецької епіграфіки, у розмові з Ніколаосом Платонасом він робить багато зіставлень і обговорює спільні проблеми та підходи до тлумачення етеокритської мови і до ономастики стародавніх написів Ольвії.

Наступна зупинка – відвідання історичного музею Іракліону, який хронологічно доповнює археологічний, оскільки містить експонати ранньохристиянської, середньовічної та новітньої критської культури. Двох іноземців супроводжував Стерйос Спанакіс, чудовий знавець всієї критської історії і рятівник візантійської, венеціанської та турецької спадщини.⁷⁸

⁷⁴ То Віма, 19.6.1957, с. 5.

⁷⁵ Атенаїкі, 19.6.1957, с. 6.

⁷⁶ Усні свідчення Х.Алексіу.

⁷⁷ ὀλβος= багатство, щастя, радість.

⁷⁸ То Віма, 20.6.1957, с. 6.

Останній пункт одноденної програми – знайомство з любителем історії, критським лікарем і колекціонером античних пам'яток Стильяносом Ямалакисом. Приязний господар дому і власник великої приватної колекції Стильянос Ямалакис люб'язно відкрив відомим відвідувачам світ власних археологічних інтересів.⁷⁹ Лікарю Ямалакису вдалося зібрати пам'ятки завдяки селянам, які приносили йому їх як платню за його лікування. Таким чином, він зміг зібрати унікальну колекцію артефактів, які датуються епохами від неоліту до венеціанського владарювання (венетократії). До найрідкісніших його надбань належать п'ять посудин геометричного стилю, мідна сокира та прикраси класичного періоду.

Блискавичний візит Білецького та Еренбурга до рідного міста Казандзакіса завершився офіційною вечерею⁸⁰, організованою на їхню честь мерією Іракліону. Увечері за почесним столом перебували найважливіші діячі політичного життя Іракліону і Криту загалом, які були і залишалися опорою грецького лібералізму. Найвизначнішим його представником був критянин Е.Венізелос. Показове політичне значення мала присутність мера Іракліону Георгія Геор'яді (який вивчав юриспруденцію у Франції і був першим обраним після громадянської війни керівником муніципалітету) і згаданого Стильяноса Ямалакбса, який був обраний депутатом від лібералів, міським радником і головою міської ради Іракліону. Присутність таких шановних інтелігентів демонструвала дружнє ставлення до Радянського Союзу навіть з боку не лівих політичних сил, і, головним чином, готовність до розвитку греко-радянських відносин та підтримки грецьких інтересів.

Замість епілогу

Свою першу подорож до Греції Андрій Білецький здійснив як член першої післявоєнної делегації радянської інтелігенції. Ця подорож відбулася в той час, коли рівновага в світі і долі людей коливалися між страхом і надією. Холодна війна сягнула свого апогею, її загроза чітко окреслилася, і народи, в тому числі? й грецький, палко бажали Миру.

Греція у 1957 році нараховувала 8.366.000 мешканців, серед яких три мільйони були бідними, майже півмільйона – безробітними⁸¹, а тисячі стали на шлях внутрішньої та зовнішньої еміграції.

Іншими словами, трагічні наслідки громадянської війни⁸² (які накопичувалися ще за роки Другої світової війни та років окупації), залишили чіткий відбиток на соціальному й економічному житті країни.

⁷⁹ То Віма, 20.6.1957, с. 6.

⁸⁰ То Віма, 20.6.1957, с. 6.

⁸¹ Нікос Псирукис, *Історія сучасної Греції (1940-1967)*, том 2, Атени: Епікеротита, 1976, с. 357.

⁸² Одним з найдраматичніших наслідків грецької громадянської війни стали поневірвання 55.881 експатріантів у країнах Східної Європи і СРСР. Див. «Гарна Батьківщина...» *Грецькі Спільноти Політичних Біженців у Східній Європі*, Фонд Парламенту Греції за Парламентаризм і Демократію, Атени 2011, с.8.

У цей період на внутрішньополітичній сцені панувала «непрацездатна демократія» (*ανάληρη δημοκρατία*)⁸³ уряду Константиноса Г.Караманліса. У той же час виникає потужний рух, який боровся за демократизацію суспільного життя та політичні й професійні права.

У сфері грецької зовнішньої політики (з урахуванням її орієнтації на Захід) спостерігаються, нехай і стримані, певні кроки, спрямовані на Схід. Для цього періоду безпрецедентним за своїм значенням був порух тодішнього прем'єр-міністра К.Караманліса до зміцнення економічних відносин Атен з Москвою. Цей факт стривожив Вашингтон. Незважаючи на тодішню атмосферу холодної війни, вже з 1956 року двері Греції були відчинені для Москви. Показовим є неформальний дружній візит радянського міністра закордонних справ Дмитра Шепілова до Атен влітку 1956 р. Візит Шепілова мав величезний вплив на розвиток доброзичливого ставлення до Радянського Союзу і з боку не лівих сил.⁸⁴

У свою чергу, радянський уряд стосовно Греції здійснював політику «мирного наступу» здебільшого з геостратегічних міркувань. «Грецький напрямок» радянської зовнішньої політики переслідував цілі віддалення (бодай і на один крок) Греції від західних союзників.

Спроба зміцнення радянського впливу відбувалася через міждержавні економічні угоди, торгівельні зв'язки найвищого рівня⁸⁵ і, головним чином, через різноманітну пропаганду переваг соціалізму в грецькому суспільстві, а саме: досягнень Радянського Союзу в галузях економіки, здоров'я, освіти та культури. До цієї перспективи зараховувалися копітки, різнопланові спроби Михайла Сергєєва,⁸⁶ який намагався (спираючися на потужні антиамериканські настрої, що панували в Греції) розширити політичні симпатії до СРСР серед роздробленого центристського, соціалістичного, ліберального таборів, і, по можливості, вплинути на поміркованих, центристських політичних та економічних діячів, які належали до консервативної фракції. Найбільш доцільним проголошується розвиток духовних і культурних відносин між двома країнами.

Наріжний камінь у фундамент відносин довіри та взаємного зближення був закладений першою грецькою делегацією «доброї волі» 1953 року.⁸⁷ Десятичленна делегація складалася з осіб «різноманітних духовних горизонтів та ідеологічних підвалин», тобто політиків, викладачів університету, журналістів і митців, які, захоплені далекоглядним Сергєєвим, вирушили після офіційного

⁸³ Спирос Лінардатос, див.вище, с. 179

⁸⁴ Спирос Лінардатос, див.вище, с. 175-176

⁸⁵ Яскравий приклад – офіційна участь СРСР у Міжнародній Виставці в Салоніках (1956) на чолі з тодішнім міністром торгівлі Д.В.Павловим.

⁸⁶ У 1953 р. на рівні послів зростають дипломатичні відносини між двома країнами. Греція відряджає до Москви Ангелоса С.Влахоса, а Радянський Союз, відповідно, М.Г.Сергєєва до Атен (див. Ангелос С.Влахос «Одного разу один дипломат...», т. 6, Атени: Естія, 1988). 10 червня 1957 р. Димітріос Паппас – Надзвичайний і Повноважний Посол Греції дає свої вірчі грамоти Президенту радянського уряду К.Ворошилову, заявляючи, що уряд країни наказав йому «працювати заради взаєморозуміння». Македонія, 12.6.1957, с. 5.

⁸⁷ Подробиці у Димітріса Фотіядиса, *Подорож до Радянського Союзу*, Атени: Мелісса, 1954.

запрошення у тритижневу подорож до Радянського Союзу. Організацію прийому греків гостинно взяло на себе Всесоюзне товариство культурних зв'язків із закордоном (ВОКС).

Три роки потому шпилі Кремля відправляють назовні нові запрошення. За посередництва греко-радянського товариства Атен і підтримки посольства, ВОКС запросив дев'ять⁸⁸ визначних греків, що представляють благородне обличчя своєї батьківщини, відвідати Радянський Союз.

Отже, шлях було прокладено, і через три роки до Греції прибуває перша офіційна делегація радянської інтелігенції. Судячи з результатів, члени згаданої делегації досягли своєї мети – закладення основ для зміцнення відносин на багатьох рівнях, організація наступних, регулярних поїздок грецьких літераторів будь-якого ідеологічного забарвлення⁸⁹, постійні театральні, музичні турне митців, співпраця видавців та науковців, поява перших грецьких сільськогосподарських та промислових товарів у павільйонах Виставок.

Сніг розтанув. Підняття завіси з обох боків створило новий фон. І не викликає сумнівів, що Білецький, маючи загальноновизнаний особистий і суспільний авторитет, зробив усе від нього залежне для того, щоб запанувала така тепла атмосфера. У період загострення кризи він привіз до Греції свою гілку оливи, а з Греції – довготривалі дружні відносини, повагу до своєї особи науковця та визнання його багатовимірної наукової та філеллінської діяльності.

---

⁸⁸ Серед дев'яти членів делегації 1956 року були визначні науковці – університетські викладачі природничих наук К.Тзоніс, Г.Варвугліс, Н.Ембірікос, фотограф грецького Ополу Спірос Мелентзис, журналіст-хронікер газети «То Віма» Павлос Палеологос, адвокат-літераторка Ефі Панселіну, поет Янніс Ріцос тощо. Враження від 23-денної подорожі, відвідин делегацією Львова, Москви, Сталінграду, Ленінграду, Риги Павлос Палеологос записав у своїх нотатках, що видавалися (1956) регулярно у рубриці «кореспонденція» в газеті «То Віма». Палеологос відтворив радянську картину епохи сумлінно, без тіні недовіри, відсторонившись від «правої пропаганди, яка змальовувала [СРСР] пеклом, але й від лівої пропаганди, яка оспівувала його як рай». Див. також окреме видання Павлоса Палеологоса *Росія на власні очі*, Атини: Видавництво Атенського Інституту, 1957.

⁸⁹ У період 1957-1965 Радянський Союз відвідали офіційно запрошені (переважно Москву, Ленінград, Київ, рідше Одесу або Ташкент) для участі в з'їздах Миру або мисльменників, або у фестивалях Миру і Дружби або Молоді, і, як наслідок, для знайомства з радянським суспільством, літератори-письменники Стратис Міривіліс, Ангелос Терзакіс, Іліас Венезис, Георгіос Теотокас, Одиссеас Елітис, Андреас Ембірікос, Костас Варналіс, Янніс Ріцос, Нікіфорос Вреттакос, Леон Кукулас, Стратис Дукас, Менелаос Лудеміс, Тасос Лівадитис, Дидо Сотиріу, Андреас Франкіас та інші.

Вадим Скуратовский Исполнив свой долг¹

---

*Памяти профессора
Андрея Александровича Белецкого*

Харьков осенью 1919-го. Белая армия вот-вот оставит его. И в доме приват-доцента тамошнего университета Александра Ивановича Белецкого появился деникинский полковник, князь Святополк-Мирский. Может быть, один из самых образованных людей в распавшейся вдруг России. И вот князь Дмитрий Павлович говорит своему товарищу по нескончаемым путешествиям по петербургским театрам, редакциям и гостиним Серебряного века, – может быть, самому образованному литературоведу теперь уже прошлого века: «Александр. Катастрофа. Товарищи близко. Нужно уезжать за границу». Александр Иванович посмотрел-посмотрел на свою жену, молоденькую Марию Ростиславовну, на девятилетнего сына Андрея, да и остался... Князь же Святополк-Мирский уехал в эмиграцию один, без Белецких. Уехал в Англию, подружился там с поэтом Томасом Стернзом Элиотом, потом стал коммунистом – и в 1932-м возвратился в Советский Союз. Спустя несколько лет он, сойдя с ума, умрет на лагерной помойке

В том же 1932-м Александр Иванович, вконец затравленный коллегами-«марксистами» по ХИНО (Харьковский институт народного образования – вместо Харьковского университета), начал писать работу «Маркс, Энгельс и история литературы». Столь же дельную, сколь и вынужденную. «Грядет новое средневековье, – говорил он сыну Андрею, уже студенту, – и нужно записываться в какой-нибудь цех». Александр Иванович не только записался в такой-то цех, но, некоторым образом, даже возглавил его, став как бы главой украинского советского литературоведения. Да и не только советско-украинского. Он постоянно вносил туда блистательную ноту старой академической науки, но заглушить конъюнктурный хор, всюю громыхавший в том цехе, понятно, не мог. Его сын, Андрей Александрович Белецкий, тоже записался в «цех». Только в такой, который уже

---

¹ Уперше опубліковано в: Столичные новости, 26.04-15.05 2006, № 15 (402).

по самому роду своих занятий совершенно отложился от Нового Средневековья. Филолог-классик, Андрей Александрович – само воплощение интеллигентнейшей сдержанности и благожелательности! – в этом своем профессиональном случае, с немыслимым для того времени аристократическим высокомерием, отвернулся от того Средневековья. В сторону, непомерно от него далекую.

Средиземноморский мир, в окружении виноцветных его морей. Его слово и дело. От первых «гомеровских» всплесков и заканчивая последними римскими поэтами. Это и был первомир киевского профессора, его историческая, да и другая родина. В юности Андрей Александрович был дружен с Георгием Шенгели, чьи стихи – словно резцом на мраморе и меди. Как-то Андрея Александровича спросили о Георгии Аркадьевиче. Вспоминая, он начал: «Это был – последний поэт...» Андрей Александрович Белецкий в этом городе [*Києві – прим. уклад.*] – да и, пожалуй, во всей стране – тоже был чем-то вроде последнего поэта. Последний носитель целостного, полного знания о том времени, когда мир – тот средиземноморский мир – был еще юн и запечатлевал **свой** опыт бытия в формах и содержаниях, непревзойденных затем по красоте и глубине. Для него мир этот начинался, конечно, с языка. Собственно, с греческого и латыни, где Андрей Александрович чувствовал себя, как дома. Если вообще язык, по слову одного его германского коллеги, это дом бытия, то классические языки – фундамент европейского дома бытия. А может статься, теперь уже и не только европейского. Андрей Александрович внимательно всматривался и вслушивался в тот языковой состав, с которого, пожалуй, начинается – «все». Ведь вся современная цивилизация, уже прочно запамятававшая те языки, вместе с тем живет как бы лингвистическими с них процентами.

Занятия, совершенно внеположные новому, да еще такому беспощадному изданию «средневековья». В самом чадном советском его разгаре старый профессор объяснял концы и начала того языкового процесса, его, широко говоря, морфологию, поразительное устройство его «начала». Раскрыв диссертацию Андрея Александровича, я почувствовал головокружение: посвященная этимологии древнегреческого языка, она вводила, по-гречески же говоря, в «темата» (в темы), когда тот греческий, быть может, самый удивительный в мировом времени интеллект – только-только становился.

Корабль Одиссеев тогда только начинал **свой** путь. А в самом конце того пути киевский профессор почтительно беседовал с развязными черноморскими моряками, допытываясь о значении некоторых их слов и словечек. Зачем? Профессор терпеливо объяснял, что в них мерцает отсвет средиземноморской морской терминологии. Того древнего жаргона, на котором объяснялись не только Одиссей, но и аргонавты. Этот ответ ученый слышал и в диалекте так называемых азовских греков. Маленького, запуганного взбесившейся историей народа, диалект которого, потемневший от своей древности, нет-нет да и вспыхнет смыслами, без которых, пожалуй, и не было бы всех других народов... Побольше. И, наконец, новогреческий язык, который в семье Белецких был просто бытом. На котором уже объяснялась и маленькая дочь Маня... Но все эти концы и начала ученый необходимо обрамлял уже всей индоевропейской языковой семьей и си-

стемой. Примерно пятьдесят – шестьдесят языков, на которых профессор читал достаточно свободно... И еще примерно столько же, на которых он читал с некоторым трудом... В одном музейном зале Андрей Александрович читал, действительно с некоторым трудом, шевеля губами и бормоча, иероглифическую надпись на древнеегипетской статуе. Статуе Тота, бога всяческого знания... Ведь вообще-то студент Андрей Белецкий начинал с египтологии, обучившись таковой самоучкой. Или, в его терминах, «автодидактом». И написав перед самой войной кандидатскую диссертацию «История египетского Древнего царства по источникам». Вот по тем и другим иероглифам (ударение самого Андрея Александровича, всегда такое «настойчивое»...). Одна из самых первых бомб обезумевшего германского новосредневековья, упавших на Харьков, испепелила ту диссертацию. Ну, так Андрей Александрович после войны засел за другую... Но «Средневековье», теперь уже советское, не оставляло его в покое. Система инстинктивно почуяла в нем «чужого». Иного. Не-подчинившегося. Профессор Белецкий вовсе не бросал перчатку тогдашнему режиму. Андрей Александрович, как Авсоний, последний римский поэт, или Боэций, последний римский философ, просто продолжал свое дело – среди варваров. Вот только чего ему это стоило... На десятилетия растянувшаяся травля ученого. Во множестве омерзительных ее жанров. От откровенно полицейских, лубянской смердящих, до бытовых. Но при этом не помню ни одного случая, скажем так, специально «академических», «цеховых» выпадов против него. Не по зубам тем варварам... Впрочем, какой-то дурень из ЦК, инспектируя лекции профессора, после тех лекций: «вы (прописная «в» здесь филологически-интонационно точно соответствует «интонации» инспектирующего), почему вы себе позволяете говорить – «суффиксы» и «префиксы»?!» Нужно было видеть, как вскинулся профессор! В мгновение ока одной репликой тот невежественный инспектирующий был вышвырнут – далеко за межи Средиземноморья... Ректор Киевского университета имени Тараса Шевченко, увы, с немалым историческим опозданием, уже после смерти профессора Белецкого, дивясь, рассказывал: когда на афинском, всегреческом конгрессе тамошних ученых председательствующий назвал имя Белецкого, весь зал встал и заплодировал. А при жизни Андрея Александровича, получавшего приглашения на такие конгрессы и конференции решительно со всего мира, ректорат университета, не показывая своему профессору те приглашения, эпически отвечал: профессор А. А. Белецкий не приедет – болен-де. Что ж, как говаривал один шекспировский герой, грех на укравшем. Но уже никто не украдет из мирового и средиземноморского времени тот интеллектуальный подвиг, совершенный в тиши крошечного кабинетика. Или в виду сотен студенческих взглядов – мало разумеющих, но всегда любопытствующих. И всегда благодарных. Хотя бы уже за одно то присутствие профессора Белецкого в страшном времени, столь точно означенном Белецким-академиком. Проходя мимо их могилы, невольно вспоминаешь: «О ксэйн, ангелейн...» и так далее. То есть: путник, сообщи лакедемонянам, что мы здесь лежим, **исполнив свой долг**.

А.А.Тахо-Годи В Киеве у Белецких¹

И вот тихо договорились Алексей Федорович (Лосев – *прим. упоряд.*) и Валентина Михайловна (дружина Лосева – *прим. упоряд.*) с нашими друзьями Александром Ивановичем Белецким и его сыном Андреем – поехать мне в Киев, тоже укреплять кадры на открывшейся там кафедре классической филологии и отделении, которыми руководит Андрей Александрович Белецкий. Все это предприятие держалось в строгой тайне.

В Институте (Московський державний педагогічний інститут ім. В.І.Леніна – *прим. упоряд.*) последняя моя встреча с начальством, с деканом профессором И.В. Устиновым была вполне драматична. Человек я сдержанный, никогда ни с кем не скандалила, голоса не повышала, всю горечь всегда держала в себе, а тут вдруг не смогла стерпеть, прорвало, наговорила и накричала на всех со слезами, с рыданиями, уж они и не рады были, что вызвали меня на разговор. Помню, что с остервенением и злобой кричала: «Буду преподавать, обязательно буду, в Москве, на классическом отделении, всем вам назло». Закатила сухую истерику, но стыдно не было. За многие годы все обиды вылились, и легче стало. Как в воду смотрела, выкрикивая растерянному декану свои провидческие слова, над которыми мрачно ухмылялись. Да, стала преподавать, на классическом отделении, сначала в Киеве, а потом, после смерти Дератани², и в Московском Университете. Вот как все неожиданно исполнилось. Несомненно, с соизволения высших сил. Так завершилось мое пребывание в МГПИ (Московський державний педагогічний інститут ім. В.І.Леніна – *прим. упоряд.*). Лосев остался там пока в полном враждебном окружении.

---

¹ Уперше опубліковано в: А.Тахо-Годи. Лосев. – М.: Молодая гвардия, 2007. – С.255-260. – Серия «Жизнь замечательных людей». Назва уривка належить упорядникам книги.

² Дератані Микола Федорович (1884-1958) – історик античної літератури, перекладач, професор МГПІ ім. В.І.Леніна (*прим. упоряд.*).

К счастью, никто меня не искал, не требовал. Это еще раз указывает на то, что Дератани надо было просто отделаться от меня любым путем, а остальное его не заботило. Выгнали – и хорошо. Может быть, я и уехала в Среднюю Азию, а может быть, скорее всего, в Тбилиси. Знали, что я с Кавказа, и полагали, что там у меня друзья. Во всяком случае есть у меня характеристика, посланная Дератани в Тбилисский Университет.

До последней минуты не хотелось уезжать, но пришлось. Ровно год – учебный год – проработала я в Киеве, на кафедре у А.А.Белецкого. Вспоминаю с чувством любви и признательности это время. Вся семья Белецких: он сам, Мария Ростиславовна, сыновья – учнейший Андрей с женой, красавицей Ниной Алексеевной, и студент Платон с женой, тоже красавицей Славочкой (оба талантливые художники) – встретили меня, как родную. Первые дни я блаженствовала у них в квартире на Рейтарской улице, неподалеку от св. Софии. Затем нашли мне отдельную комнату в деревянном домике на проспекте Ленина (в центре, бывшая Фундуклеевская). Там источали изобилие бесчисленные магазинчики и ларечки с душистыми гроздьями винограда, персиков, слив – пройти мимо, не купив, просто невозможно.

Университет имени Шевченко (бывший св. Владимира) еще толком не восстановлен. Занимались там в холодных, сырых от полной неустроенности помещениях, но больше в какой-то школе, куда ходили рука об руку с Андреем Александровичем уже к вечеру, через вырытые для прокладки труб ямы, развалины сносимых домишек. Там частенько не горел свет, выключалось электричество. И мы, зав. кафедрой и молодой ассистент, сидя за уютным столом на Рейтарской, мечтали: а может быть, сегодня не пойдем, может, электричества не будет. Иной раз мечта сбывалась, и мы радовались, как дети. Тогда Андрей Александрович начинал читать какую-нибудь свою загадочную повесть о брате Юнипере или я пускалась играть с пятилетней внучкой Белецких – прелестной Леночкой – с детьми я очень хорошо ладила и они меня любили, а то слушали музыку или печатали на машинках, Андрей Александрович – что-то для своей докторской (кандидатскую он защитил в Харькове, до войны, и уже там, совсем молодой, заведовал кафедрой), а я – для студентов упражнения, фразы для перевода – очень интересно печатать на машинке с греческим шрифтом, одно удовольствие.

Вечером можно позвонить на Арбат, в Москву, или ждать телефон оттуда, услышать родные голоса и уже совсем поздно, увы, надо возвращаться в свой деревянный домик. А там я непонятно как живу. Просто так. Плачу деньги – и все. Даже не прописана в Киеве, и отдел кадров как-то совсем этим не обеспокоен. Из Киева то езжу поездом в Москву, на краткий миг, то летаю самолетом. Бедный Андрей Александрович очень страдает от таких отлучек, но поделать ничего не может. А то присылают мне из Москвы с оказией (через родичей Яснопольских, украинского академика Лошкарева) маленькие посылочки с чем-либо вкусеньким, для утешения, например, с черной икрой. Тогда этих деликатесов в Москве было сколько угодно после денежной реформы, отмены карточек и т. п.

Белецкие устроили (узнав все от Валентины Михайловны) мне прекрасный день рождения 26 октября, с цветами, конфетами, подарками – и от себя, и

от Лосевых. До сих пор живы у меня хрустальная вазочка для цветов и чайная чашечка с блюдцем и десертной тарелкой. А той, что устроила праздник, хлопотливой, заботливой Марии Ростиславовны – давно нет на свете. Нет и дорогого мне Александра Ивановича – храню его карточку, письма Алексею Федоровичу и мне – спрятаны далеко, все обещаю передать их в Киев, а поднять из архива сил нет, письма замечательные.

Как хорошо все вместе встречали Новый год, с поздравлениями, написанными искусным византийским почерком Андрея Александровича, тоже с подарками, с елкой. Или вечерние беседы за чайным столом, все друзья, все единомышленники, и особенно интересно, когда собирались втроем – Александр Иванович, Леонид Арсеньевич Булаховский и приехавший на сессию Академии наук – Н. К. Гудзий – все три друга. Важные, ученышние, выдающиеся (к Александру Ивановичу с почтением приходили домой члены ЦК Украины). А какая простота и доброжелательность в обращении, да с кем, с девчонкой, «гимназисткой», как называл меня Булаховский (нравилось ему мое коричневое платье, напоминало старые времена его молодости), и я тоже вступала в эту серьезно-шутливую беседу с участием острых на мысль и язык братьев, старшего Андрея, младшего Платона. Чего стоил один его диалог с самим собой, где употреблялось только одно слово «бандура» и производные от него. Виктор Максимович Жирмунский – тот был солиден, казался взрослым среди всех этих ученых мужей, любителей высокой поэзии, тонкой иронии, забавных мистификаций, – но если дошло дело до науки, то только держись, шутки в сторону.

Господи, неужели все это было, и все ушло, и никого из них, этих собеседников почти что платоновских симпозиев, нет на свете. И мы – тогда юные и молодые – теперь, как скромно говорят, «на возрасте», а по-старинному – попросту старики. Тем более остры воспоминания о киевских днях, каких-то солнечно-теплых, даже зимой, не говоря уж о блаженной весне и благодатной плодоносной осени. Однажды, в пору зрелости яблок и груш в киевских садах (как мы любили гулять на Владимирской горке и в Ботаническом и в Царском, над Днепром), ранним утром пошла я пешком по дороге, вблизи днепровского берега, паломницей в Киево-Печерскую лавру. Тогда, как ни странно, там открылся мужской монастырь при всеобщем церковном запустении. Его закрыли в, казалось бы, более либеральные времена. От реки веет холодком, но день разгорится жаркий, хорошо идти под нависшими деревьями, прячась в их теплую тень. Хорошо карабкаться по кручам, нависшим над Днепром, и через какой-то пролом в стене вдруг выбраться в монастырский сад. Это вам не грубая проза – взять да и приехать на трамвае к воротам лавры. Да, деревья, отягощенные плодами, сказочны, и тишина такая, что слышно, как падают яблоки на густую пахучую траву.

Вот так же через несколько лет, идучи пешком от Звенигорода до Поречья на свидание к Лосевым, в морозный, сверкающий зимний день слышала я в полной тишине робкий шорох падающих с еловых веток невесомых снежинок. Там, в лавре, перед одним из храмов – толпа богомольцев, со всей России, настоящих паломников, странников, убогих, больных, на костылях, старых, молодых, с младенцами на руках, с мешками за плечом, с каким-то дорожным скарбом. Все под

разгорающимся солнцем воду пьют из какого-то фонтанчика, на головах платки, темные, белые, и говор, и рассказы степенные, и радостные возгласы неожиданной встречи.

В монастырском саду – нездешняя тишина, а тут, у храма – разноликая и разноязычная, шумливая, как-то вдохновенно-радостная толпа – достигли цели, пришли наконец к святому месту. Никогда более я не слышала такого величавого пения суровых мужских голосов, как в этом храме, никогда более не видела столь торжественную «катавасию» – «нисхождение» (греч.) седобородых, строгих старцев в старых бедных рясах, среди бедного, темного, известью беленого нищего храма. Пели они великую вечернюю песнь «Свете тихий святая славы, бессмертного Отца небесного, святого блаженного, Иисусе Христе». Время остановилось. Непонятно, как промелькнул день, прохладой уже вечерней повеяло, «солнце познало запад свой», а уходить не хотелось, так бы и сидел на этих еще теплых от жара солнца каменных плитах, так бы слушал говор ручья в траве монастырского сада, треск кузнечиков, шорох падающих яблок. Нет, все это было нездешнее, а возвращаться пришлось.

Возвращаться пришлось в Москву. Надо было оставить приветливый Киев, дорогих друзей, первых моих учеников – и поныне всех помню; они теперь профессора, доктора наук, заведующие кафедрами, доценты, кандидаты. Много воды утекло.

В Москву ехала защищать кандидатскую диссертацию и устраиваться на работу. В одиночку я, конечно, ничего не смогла бы сделать, но Алексей Федорович и Валентина Михайловна принимали меры. Шла упорная борьба за право защитить диссертацию в Московском Университете, куда вот-вот должен был перейти заведовать кафедрой Дератани. Следовало успеть, пока он еще не член факультета, не член Ученого совета и не раскинул там свои сети. Оппоненты готовы выступить, и значительные – профессор М. Н. Петерсон, замечательный лингвист, сравнительное языковедение, корректный, аккуратный, весь застегнут на пуговицы внешне и внутренне, доброжелательный, официальный. Но это только так кажется. Он с Анциферовыми и Лосевыми – единой православной гонимой веры, тщательно скрываемой, и готов помочь. Со мной ласков и предупредителен до трогательности, ценит мою работу по Гомеру. Другой оппонент – тоже профессор и доктор наук, Сергей Иванович Радциг, старый знакомец Лосевых и давний недруг Дератани. Он тоже доброжелателен, а главное, возмущен партийным интриганом, который вот-вот влезет на кафедру в Университет. Сергей Иванович тяжело болел, перенес общее заражение крови, спасли только что вошедшим в моду пенициллином. В больнице читал мою диссертацию, но к защите, слава Богу, поправился. Дает свой подробный отзыв и Андрей Александрович Белецкий – заведующий киевской кафедрой. Но главное преткновение – все тот же Дератани, который уже интригует с деканом филфака МГУ Николаем Сергеевичем Чемодановым, занимающим также ответственный пост и в Министерстве высшего образования.

В общем, приходится туго. И если бы не помощь зам. министра высшего образования академика А. В. Топчиева, хорошо разобравшегося во всей истории

попыток удушить Лосева и его ученицу, провал был бы обеспечен. Просто не разрешили бы защиту. А куда еще деваться? Не в Ленинград же. Там, во-первых, издавна не любят московскую классическую филологию (теперь это, к счастью, забыто), а главное, хватает своих скандалов и забот. Все тоже воюют друг с другом и с космополитами, которых что-то очень много расплодилось. Нас об этом оповещает славная газета «Культура и жизнь», которую издевательски называют «Культура или жизнь?», наподобие разбойничьего клича «Кошелек или жизнь?».

А. В. Топчиев укротил своим авторитетом Н. С. Чемоданова, диссертацию после всех бюрократических, но необходимых процедур поставили на защиту. Я вооружилась старым большим портфелем А. Ф. (Лосева – *прим. упоряд.*) (другого не было) и отправилась на Совет. Там С. И. Радциг, внимательно разобрав мой труд, трогательно говорил о том, как в далеком Дагестане занимаются Гомером, хотя я с 1934 года в стране моего раннего детства не бывала (мы приехали в Москву в 1930-м, а отец – в 1929 году). М. Н. Петерсон хвалил статистику и наблюдения над мифологическим субстратом поэтического языка, А. А. Белецкий дал ученийший во всех отношениях отзыв, сопроводив характеристикой педагогической. Общественная, от парткома факультета Киевского Университета, была своевременно представлена и зачитана, потом в киевской университетской газете даже поместили статью Андрея Александровича о моих научных и преподавательских успехах.

Совет голосовал единогласно. В первом ряду сидели Н. Ф. Дератани, профессор Б. И. Пуришев, профессор Дмитрий Евгеньевич Михальчи. Эти двое последних живо обсуждали мою защиту и затем в одобрительных тонах рассказывали о ней другим, что сослужило хорошую службу при моем устройении на работу. Алексей Федорович и Валентина Михайловна сидели где-то в глубине.

Как полагается, надо было вначале вспомнить о советской передовой науке под руководством И. В. Сталина, а в конце поблагодарить его за заботу. Но случился конфуз. Я благодарила всех, кого было положено, но благодарности Сталину никто не услышал, хотя мне казалось, что я ее произнесла. Потом мне делали за это выговор – ритуал нарушен, – но, видимо, я физически не могла вслух поблагодарить человека, погубившего мою семью, знавшего издавна лично и даже ценившего моего отца.

Кандидатская степень открывала дорогу в Москву и работу по специальности. Я покидала Киев. Как-то получалось очень странно – за всю свою немалую жизнь работала я только в трех местах. Год в Киеве, почти десять лет в Московском областном пединституте и теперь, уже почти 40 лет, в Московском Университете. Каждый раз начиналась моя работа после каких-нибудь жизненных неурядиц, грозивших полной потерей возможности преподавать.

Юрий Шанин

Тернистый путь к Итаке¹

В 1888 году увидел свет первый полный русский перевод «Историй» Геродота. Его осуществил профессор Киевского университета Федор Мищенко.

Столетие спустя Геродот был издан на украинском языке. Бессмертный труд «отца истории» перевел, всесторонне прокомментировал и снабдил предисловием и исчерпывающими примечаниями профессор того же Киевского университета Андрей Александрович Белецкий. Эта прекрасная преемственность тем значительней, что «Историями» Геродота благодарное человечество зачитывается вот уже два с половиной тысячелетия.

Ars longa, vita brevis est (Искусство вечно, жизнь коротка) – говорили древние, повторяя это вслед за Гиппократом. Профессора Белецкого, к сожалению, уже нет среди нас. Он умер внезапно, за рабочим столом, 10 апреля 1995 года, немного не дожив до своего 85-летия. И с ним ушла в прошлое целая эпоха.

Андрей Александрович Белецкий родился 12 августа 1911 года в Харькове, в учительской семье. Его отец, со временем академик Александр Иванович Белецкий был литературоведом с мировым именем. Сын избрал стезю языковеда. И был филологом милостию Божией. Впрочем, не только филологом...

Более тридцати лет возглавлял он кафедру классической филологии и общего языкознания Киевского университета им.Т.Г.Шевченко, а затем там же вел кафедру романской филологии вплоть до начала 80-х годов.

Масштабы его знаний были уникальны: древнегреческий, новогреческий, санскрит, латынь, арабский, почти все современные европейские языки. И не только.

Во время одного из посещений учителя, (профессор на пенсии, он жил под Киевом в поселке Буча: тут принимал коллег, зарубежных гостей, представителей издательств) на его рабочем столе автор этих строк увидел «Русско-ивритский

---

¹ Уперше опубліковано в: Русская филология. Ученые записки. – Смоленск: Смоленский гос. пед. институт, 1996. – С.235-240.

словарь» и монографию «Спорные вопросы грамматики современного китайского языка». Пожаловался мне, что «стал подзабывать японский».

Первую работу – «Творчество Ф.Лопе де Вега Карпио» - опубликовал в 1935 году. А уже упомянутый комментированный перевод Геродота стал юбилейной двухсотой публикацией. Но их могло бы быть еще больше.

Начальное и среднее образование Андрей Александрович получил в Харькове. Но своим воспитанием и обучением он больше был обязан родителям, чем учебным заведениям. В юношеские годы А.А.Белецкого больше всего интересовали биология, астрономия, география, а затем уже увлекся историей античного мира и древними языками. Однако получить в Харькове соответствующее специальное образование тогда не мог. Поэтому в 1929 году поступил на романо-германское отделение Харьковского института народного образования (ибо с 1929 по 1934 г.г. Университеты на Украине не существовали). Затем, когда отделение было ликвидировано, перевелся на факультет языка и литературы Харьковского педагогического института профессионального образования, который окончил в 1933 году.

Во время учебы слушал лекции профессора Л.А.Булаховского (близкого друга семьи Белецких), В.П.Бесединой-Назаровой, А.М.Финкеля, А.Г.Розенберга, М.П.Самарина, М.О.Габель и, конечно же, своего отца. Каждого из этих прекрасных специалистов-педагогов А.А.Белецкий вспоминал с почтительной нежностью.

Под влиянием Л.А.Булаховского (ставшего руководителем его дипломного исследования «Типология языков СССР») Андрей Александрович решил специализироваться в области сравнительно-исторического языкознания на базе древних индоевропейских языков (хотя, как известно, в то время в языкознании господствовала «яфетическая теория» и «новое учение о языке»).

В области собственно филологии, кроме своих родителей (от отца получил знание латыни и греческого, а от матери Марии Ростиславовны – французского и немецкого), ученый многим был обязан известному индологу проф. П.Г.Риттеру и египтологу, а затем филологу-классику В.М.Державину.

Итак, кроме новых европейских и древних индоевропейских языков (латынь, греческий, санскрит), А.А.Белецкий увлеченно изучал некоторые восточные (арабский, фарси, иврит, турецкий и др.), а со временем овладел древнеегипетским и коптским языками.

Накануне Великой Отечественной войны работал над диссертацией «О причинах упадка Древнего царства в Египте».

...Но вернемся немного вспять. С 1930 года (параллельно с учебой) будущий филолог работал библиографом и заведовал отделом библиотеки сначала во Всеукраинской ассоциации марксистско-ленинских институций, а затем – в Институте красной профессуры.

В 1934-1937 г.г. Андрей Александрович занимается преимущественно литературной работой как переводчик и редактор издательства детской литературы в Харькове. Ему принадлежат первые украинские переводы многих произведений Жюль Верна, Вальтера Скотта, Анри Барбюса и других выдающихся писателей.

А в 1937 году начинает свою педагогическую деятельность как преподаватель латыни. И вскоре уже возглавляет кафедру иностранных языков Харьковского педагогического института.

...Пришла война. В сентябре 1941 года А.А.Белецкий со всей семьей эвакуируется в Томск. Как преподаватель латыни, древнегреческого и античной литературы в Томском университете работает на кафедре классической филологии.

Все материалы, собранные для диссертации по египтологии, были утрачены в первые же дни войны. Но автор, который, собственно, работу эту уже завершил, потерял к ней «утилитарный» интерес (как это бывает у настоящих мастеров). Поэтому неудивительно, что уже летом 1943 года на заседании Ученого совета Томского Университета Андрей Александрович защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Номинальная композиция в греческом языке». Это была совсем новая работа, написанная в Томске взамен утраченной в Харькове.

И в том же году был утвержден в звании доцента кафедры классической филологии. А в конце 1943 года А.А.Белецкий начал читать на филфаке ТГУ курс общего языкознания – дисциплины, что давно уже его увлекала и манила.

В начале 1944 года Андрей Александрович был принят в докторантуру. Сначала – в Институте языков и письменности народов СССР в системе Академии наук, а затем (после преобразования названного учреждения) – в Институте языка и мышления АН СССР в Москве.

Уникальное научное учреждение, возможность работать в библиотеках Москвы, слушать лекции выдающихся ученых, участвовать в научных собраниях и дискуссиях – все это способствовало углублению историко-филологической эрудиции языковеда. Именно в Москве он начинает работу над темой «Отношение простых и сложных основ в древнегреческом языке». Научный руководитель академик Л.В.Щерба дал молодому ученому немало ценных советов. Он обратил внимание докторанта на ряд трудов, позволивших рассмотреть избранную проблему под новым углом зрения (в частности, это были книги Э.Бенвениста и Е.Куриловича).

Параллельно с прохождением докторантуры А.А.Белецкий преподавал новогреческий язык в Высшей дипломатической школе Министерства иностранных дел СССР. Научные и педагогические перегрузки не позволили ему завершить работу над докторской за два года (как планировал). Ученый решает вернуться на Украину и Киев, где в то время жили его родители.

Тут он сначала возглавил кафедру латинского языка Киевского Госуниверситета и одновременно был старшим научным сотрудником Словарного отдела в Институте языкознания им. А.А.Потебни АН УССР. Это было уже в конце 1946 года.

Тогдашняя «ситуация в языкознании» не способствовала, говоря мягко, плодотворной работе: все статьи и доклады Андрея Александровича академическое начальство исправно и неумолимо клало под сукно. Публикации были невозможны.

Но и в этих нелегких условиях Андрей Александрович продолжает работать над избранной темой. После основательного знакомства с неситским (хетт-

ским клинописным) языком он создал теорию фономорфологического строения индоевропейских корней, которую успешно применил для выяснения соотношения простых и сложных основ в гомеровском диалекте древнегреческого языка. Именно тогда определились основные направления научно-исследовательской работы Андрея Александровича Белецкого:

1. Компаративное исследование лексики.
2. Изучение ономастики как вспомогательной исторической дисциплины.
3. Исследование истории греческого языка на разных хронологических ступенях его развития от первых памятников и до современной греческой речи с ее территориальными диалектами.
4. Изучение и публикация эпиграфических памятников Северного Причерноморья античной эпохи.

5. Теоретическое языкознание как предмет преподавания.

Завершенная докторская диссертация легла в основу монографии «Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)», вышедшей в издательстве КГУ в 1950 году.

Дискуссия 1950 года открыла перед А.А.Белецким возможность выступить в области сравнительно-исторического языкознания, в частности, – в сфере компаративной лексикологии. Это способствовало тому, что вышеназванная монография была предложена для защиты на заседании Ученого Совета Института языкознания в Москве. Официальными оппонентами выступили академик Л.А.Булаховский, профессора И.М.Тронский и А.В.Десницкая.

С 1955 года Андрей Александрович руководит объединенной кафедрой классической филологии и общего языкознания, читает многочисленные курсы и спецкурсы. В то же время, на общественных началах работает в Институте археологии. Как результат исследований и экспедиций появляются работы «Новые эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова», «Благосклонно внимлющий герой в Ольвии» и другие.

Многолетний вице-президент Общества «СССР-Греция», Андрей Александрович Белецкий неоднократно посещал Элладу и Кипр. Последняя поездка состоялась осенью 1994 года. В Греции авторитет этого ученого был неизменно и особенно высок. Тут он в прямом смысле ощущал значение выражения «носить на руках». Ведь среди радушных хозяев со временем оказались и его ученики, которых он умело приобщил к родной истории и культуре в стенах Киевского Университета.

А первая поездка (1955 год) состоялась в приятной компании Ильи Эренбурга и Бориса Полевого.

Счел за честь для себя встретиться с ним и вице-министр иностранных дел Греции, прибывший в Киев в 1994 году.

Но еще раз вернемся назад. В течение многих лет Андрей Александрович вместе со своей женой Татьяной Николаевной Чернышовой, доцентом КГУ, проводил этнографические экспедиции в южные регионы Украины с целью исследования крымско-греческих (или румейских) говоров, а также диалектов греков Приазовья и Донбасса. Стремясь к «стиранию граней», советская власть лишила

их письменности: в 30-е годы типографские машины и соответствующие шрифты были сброшены в море.

Заслуга воссоздания письменности и литературы причерноморских и приазовских греков принадлежит Андрею Александровичу и Татьяне Николаевне. Благодаря им в культурном мире теперь известны имена поэтов и прозаиков – украинских греков, пишущих на родном языке.

В 1960 году они же возглавили работу по сбору материалов для «лингвистического атласа Средиземноморья (морская лексика)» – по просьбе АН СССР. А еще...

Впрочем, невозможно перечесть все гуманитарные и гуманные сферы этого удивительного человека и многогранного ученого. Лишь за последние три года своей жизни, кроме перевода Геродота, он подготовил фундаментальные исследования: «Топонимика Крыма», «Этимологические этюды», «Говоры греков на территории бывшего СССР», «Мифология народов Дальнего Востока», учебник по языкознанию «Речь о языке», эссе «Сознательное и подсознательное в «Незнакомке» Александра Блока», воспоминания «В Коктебеле в гостях у Максимилиана Волошина» и другие работы.

Мало кому известно, что свои четкие и своеобразные представления о времени и пространстве Андрей Александрович иногда выражал при помощи кисти и красок: некоторые его рисунки увидели свет в отечественной периодике. А его талантливая скульптурная имитация экспонируется в Берлинском музее этнографии с указанием: «Деревянное изображение Бога Солнца из Восточной Африки» (таковы шутки судьбы и случая: фигурку эту он вырезал при свете копилки в Томске развлечения ради).

А как переводчик он подарил украинским читателям еще и Гомера, Эзопа, Анакреонта, Фукидида, Вергилия, Горация...

Писал и стихи. Причем, на многих языках, и вот как он отдыхал и развлекался: переводил, например, общеизвестный стишок «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда...» на древнегреческий, новогреческий, санскрит, иврит и т.д.

В доме Белецких всегда была открыта дверь для тех, кто нуждался в поддержке и добром слове (не говоря уже о знаниях). Тут бывали Юнна Мориц, Виталий Коротич, Юрий Щербак, Мирон Петровский, Иван Драч и многие молодые, имена которых теперь известны всем. И привечали их тут в самые неласковые дни их жизни – в дни гонений.

Понятно, что начальство не жаловало Андрея Александровича и Татьяну Николаевну: в их жизни были «черные периоды». Но не сдались, не отступили ни разу...

...Да, сделано много. Но еще немало было задумано на будущее. И, вероятно, придется с грустью сказать: Андрей Александрович Белецкий был востребован современным обществом едва ли наполовину. Уникальный филолог-полиглот, он не всегда мог найти лишь общий язык с начальством. И это, вероятно, явление закономерное.

Последние восемь лет жизни Андрея Александровича прошли вне Киева. И хоть нелегко, тернист и трагичен был его путь сюда, можно сказать: домик в Буче *ultimum refugium* (последнее прибежище) стал его Итакой. Тут он работал неустанно и плодотворно. А значит, тут ему было хорошо.

**ПРАЦІ
А.О.БІЛЕЦЬКОГО**

1. Номинальная композиция в древнегреческом языке: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. – Томск, 1943.
2. Описова граматики як окрема лінгвістична дисципліна // Наукові записки. Том VI. Вип. 1. – К., Вид-во КДУ, 1947. – С. 71–89.
3. Отношения простых и сложных основ в древнегреческом языке (Материалы для методики этимологических исследований): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – К., 1949. – 25 с.
4. [Рец.:] Г.А.Капанцян. К происхождению армянского языка (Ереван, 1946) // Мовознавство. – 1949. – Т.Х. – С.83–90.
5. Краткий очерк грамматики новогреческого языка // Новогреческо–русский словарь / Сост. А.А.Иоаннидис. – М. : ГИИНС, 1950. – С. 751–848.
6. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). – К.: Изд-во КГУ, 1950. – 267 с.
7. До питання про словники іншомовних слів // Лексикографічний бюлетень. – К.: Вид-во АН УРСР, 1952, – Вип. II. – С.58–62.
8. Проблема изучения негреческих собственных имен греческих эпиграфических памятников Северного Причерноморья // IX научная сессия. Секция филологии. Тезисы докладов. – К.: Изд-во КГУ, 1952. – С.24–27.
9. До питання порівняльно–історичної граматики індоєвропейських мов: [Рец.: А.В.Десницкая. Архаические черты в индоевропейском словосложении. – Язык и мышление, XI, изд. АН СССР, 1948, стор. 133–152] // Мовознавство. – 1952. – Т.Х. – С.147–150.
10. До питання про словники іншомовних слів // Лексикографічний бюлетень. – К.: Вид-во АН УРСР, 1952. – Вип. II. – С.58–62.
11. Лексическая ассимиляция как один из законов развития языка// X научная сессия. Секция филологии. Тезисы докладов. – К.: Изд-во КГУ, 1953. – С. 3–5.
12. О курсах общего языкознания в государственных университетах // Вопр. языкознания. – 1953. – № 5. – С.70–78.
13. Проблема мови скіфів // Мовознавство. – 1953. – Т. XI. – С.71–86.
14. [Рец.:] Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Вопр. языкознания. – 1954. – № 3. – С.102–111.
15. [Рец.:] Чикобава А.С. Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1952 і 1953. – Ч. I // Українська мова в школі. – 1954. – № 3. – С.71–77.

16. Этимологическая структура слова // XI наукова сесія КДУ. Секція філології. Тези. К., 1954. – С. 10–12.
17. Греческая надпись на базе статуи из Ольвии // Вестник древней истории. – 1955. – № 2. – С. 180–191.
18. Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков // Вопр. языкознания. – 1955. – № 2. – С.3–27.
19. Лексикология – ее содержание, задачи, основные термины и методы исследования // XII наукова сесія КДУ. Секція філології. Тези. К., 1955. – С. 11–18.
20. Об интернационализмах // Наукові записки. – К.: Вид-во Київ. держ. ун-ту, 1955. – Т. XIV. – Вип. II / Збірник філол. факультету. – № 8. – С. 59–80.
21. Восстановление древнейшего состояния именной флексии индоевропейских языков // XIII наукова сесія КДУ. Секція філології. Тези. – К., 1956. – С. 15–19.
22. Надпись Полимеда из Ольвии // Вестник древней истории. – 1956. – № 3. – С. 137–141.
23. Проблема мовного субстрату і «догрецьке мовознавство» // XIII наукова сесія. Секція філології. Тези доповідей. – К.: Вид-во КДУ, 1956. – С. 9–12.
24. З історії філологічних наук у Київському державному університеті ім. Т.Г.Шевченка за сорок років після Великої Жовтневої соціалістичної революції // Наукові записки. – К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1957. – Т. XVI. – Вип. VII. – С.5–31.
25. Лексична контамінація (на матеріалі новогрецької лексики) // Науковий щорічник за 1956 рік. – К.: Вид-во КДУ, 1957. – С.239–240.
26. О согласовании изучения различных ступеней изучения греческого языка // Первая Всесоюзная конференция по вопросам классической филологии. Программа и тезисы докладов. – Л., 1957. – С. 57–58
27. Казандзакіс Н. Христа розпинають знову / з новогр. пер. І.К. Каввадіас та І.С. Гречанівський. Редакція та післямова доктора філологічних наук **А.О. Білецького**. — К.: Дніпро, 1958. — 446 с.
28. О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях // Сов. археология. – 1958. – XXVIII. – С.72–82.
29. Про власні імена з ольвійських написів // Археологія. – К., 1957. – Т. XI. – С. 21–34.
30. Про співставне дослідження словотвору різних мов // Науковий щорічник за 1957 рік. – К.: Вид-во КДУ, 1958. – С.152–154.
31. [Рец.:] Л.А.Булаховський. Нариси з загального мовознавства. – К.: Рад. школа, 1955 // Українська мова в школі. – 1958. – № 3. – С.84–87.
32. ОИМОС (Из заметок по древнегреческой лексикологии) // Исследования в чест на акад.Д.Дечев. – София, 1958. – С.57–61.
33. Дієслівна система говірок с.Кременівка (Чердакли) і Куйбишево (Малоянісоль) // Вісник Київ. ун-ту. Сер. філології та журналістики. – 1959. – № 2. – Вип.2. – С.125–127.
34. Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской. // В.Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. – М.: Искусство, 1960. – С. 161–192.
35. Греческая топонимика Крыма // Вторая Всесоюзная конференция по классической филологии. Тезисы докл. – Ленинград: Изд-во Ленинград. гос. ун-та им. А.А.Жданова, 1961. – С. 5–7.

36. Описательное языкознание как отрасль общего языкознания // Вопросы сопоставления описательных грамматик. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.5–21.
37. Борістенес–Данапріс–Дніпро (з гідроніміки України) // Питання топоніміки та ономастики. – К.: Вид-во АН УРСР, 1962. – С.54–61.
38. Знаковая теория языка // Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М.: Наука, 1964. – С. 38–46.
39. О древнейших названиях Азовского моря, Керчи и Керченского пролива // Третье годичное собрание Одесского археологического общества. Крым–1963. Тези. – Одеса, 1964. – С.21–24.
40. Основні методи дослідження в сучасному мовознавстві // Республік. наук. конференція з питань методології мовознавства (4–6 червня 1964 р., Київ). Тези доп. – К., 1964. – С.7–9.
41. Основные линии развития фонематических систем индоевропейских языков и проблема реконструкции доисторических систем // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – С.9–12.
42. Результаты двуязычия в говорах румейского (крымско–греческого языка на Украине (тюркизмы румейского языка) // Межвуз. лингвоконф. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д.Поливанова». – Самарканд : Изд-во Самарканд. ун-та, 1964. – С.120–122.
43. Этнонимия берегов Эвксинского Понта античной эпохи и проблемы ее изучения // Тезисы докл. на Междунар. конф. по изучению проблем античности. – Ленинград, 1964. – С.17–19.
44. **И.М.Тронский, А.А.Белецкий.** Греческий язык // Краткая литературная энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. – С.360–363.
45. Гідронімія Кримського півострова // III Республік. ономастична (гідронімічна) конференція (тези). – К., 1965. – С.55–57.
46. Казандзакіс Н. Капітан Міхаліс (Свобода або смерть) / з новогр. пер. І.С. Гречанівський, Я. та В. Мочоси. Післямова **А.О. Білецького**. – К.: Дніпро, 1965 (I вид.), 1975 (II вид.) – 509 с., 443 с.
47. Наблюдения над языковыми особенностями византийского стихотворного романа о Каллимахе и Хрисоррое // Седьмая Всесоюзная конференция византистов (13–18 декабря 1965, Тбилиси). – Тбилиси: Мецниереба, 1965. – С.121–122.
48. «Одіссея» на Україні // Дніпро. – 1965. – № 6. – С.141–145.
49. Виступ // Стенограмма Второй Всесоюзной конференции общества «СССР–Греция» (17 мая 1966 г.). – М., 1966. – С.16–21.
50. Глаголы существования и становления в новогреческом языке // Slavica. – Debrecen, 1966. – Т. VI. – С. 31–34.
51. Основи етимологічних досліджень ономастичного матеріалу // Ономастика. – К., 1966. – С.3–15.
52. Слов'янська топонімія Греції // Повідомлення Української ономастичної комісії. – К.: Наук. думка, 1966. – Вип. 1. – С. 13–14.
53. La raccolta della terminologia marinara e peschereccia nell'Unione Sovietica per l'ALM // Bollettino dell'Atlante Linguistico Mediterraneo. – 1966. – No.8. – P.55–59.
54. Генеза та етимологія // Проблемы языкознания: Доповіді радянських учених на X Міжнародному конгресі лінгвістів. – М., 1967. – С. 251 –255.

55. Етимологічна структура основних географічних термінів // Друга республ. ономастична нарада. Тези. К., 1962 // Повідомлення Української ономастичної комісії (бібліографічний покажчик). – К., 1968. – Вип.5. – С.204–206.
56. Греческие элементы в топонимике Крыма // Этимология. – М., 1968. – С. 201–214.
57. Дедикація Афродіті з Ольвії // Іноземна філологія. – Питання класичної філології. – Л., 1968. – Вип. 17. – С. 19–25.
58. Надписи Ольвии. 1917–1965. – Ленинград : Наука, 1968. – Сост.: И.Б.Брашинский, О.Г.Катанаян, Т.М.Книпович, О.И.Леви, А.А.Белецкий. – А.О.Білецькому належать дешифрування написів № 8, 14, 41, 46, 50, 53, 68–71, 92, 99, 113, 150, 164, 168, 169, 172–176, 179–183, разом із проф. Т.М.Книпович №167.
59. Новые посвященные надписи из Ольвии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. – Ленинград, 1968. – С. 17–20.
60. Проект унікальної передачі на письмі східнослов'янських географічних назв // Друга республ. ономастична нарада. Тези. К., 1962 // Повідомлення Української ономастичної комісії (бібліографічний покажчик). – К., 1968. – Вип.5. – С.206–208.
61. [Рец.]. Sprachwissenschaftliches Wörterbuch. – Hrsg. von J.Knobloch in Verbindung mit W.Havers, G.Ipson, F.J.Junker...und anderen Linguisten vornehmlich des deutschen Sprachbereichs. – Lf. I–II. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1961–1963, [Indogermanische Bibliothek. II. Reithe. Wörterbücher] // Вопр. языкознания. – 1968. – № 2. – С.118–121.
62. Благоклонно внемлющий герой в Ольвии // Вестник древней истории – 1969. – №1. – 155–161.
63. Греческие элементы в географических названиях Крыма // Этимология 1967. – М.: Наука, 1969, с. 204–205.
64. **Белецкий А.А., Яковенко Э.В.** Новые эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова // Вестник древней истории. – 1969. – №3. – С. 153–160.
65. Греческие диалекты на Юго–Востоке Украины // Балканская филология. – Л.: Изд–во Ленинград. ун–та, 1970. – С. 5–15.
66. Греческие диалекты юго–востока Украины и проблема их языка и письменности // Уч. зап. Ленинград. гос. ун–та. – 1970. – № 343. – Сер. филол.наук. – Вып. 73. – С.5–15.
67. Из наблюдений над морской лексикой венгерского языка // Slavica. – Debrecen, 1970. – Т. X. – С. 109–113.
68. Адаптація давньогрецького ономастикону в східнослов'янських мовах. Ч.І. // Іноземна філологія. – 1971. – Вип. 24. – С. 17–23.
69. Гідронімія Кримського півострова (грецький шар) // Питання гідроніміки. – К., 1971. – С. 38–46.
70. [Рец.] Browning R. Medieval and Modern Greek. – London: Hutchinson University Library, 1969 // Византийский временник. – М.: Наука, 1971. – Т.32. – С.266–267.
71. Синтаксема – інваріант синтаксичної системи // Мовознавство. – 1971. – № 5. – С.13–20.
72. **А.Білецький, Т. Чернишова.** Правда за ґратами. – К.: Молодь, 1971. – 143 с.
73. Адаптація давньогрецького ономастикону в східнослов'янських мовах. Ч.2. // Іноземна філологія. – 1972. – Вип. 28. – С.13–18.

74. Лексикология и теория языкознания (ономастика). – К.: Изд-во КГУ, 1972. – 209 с.

75. Програма курсу «Загального мовознавства» для студентів філологічного факультету. – К., 1972. – 50 с.

76. Семантические корреляции (опыт суммарного обзора на материале лексики современного русского языка) // Математическая лингвистика. – К., 1973. – № 1. – С.5–13.

77. Передмова // Ο Λένιν ζει. Ποιήματα. Τα πρωτότυπα έργα των ελληνών ποιητών της Ουκρανίας στο γλωσσικό τους ιδίωμα = Ленін живе. Поезії. Оригінальні твори грецьких поетів України та їх переклади на українську мову. – К.: Вид. Київ. ун-ту, 1973. – С.8.

78. Система и несистема в естественном языке // Структурная и математическая лингвистика. – К., 1974. – № 2. – С.20–31.

79. **А.Білецький, Т.Чернишова.** Еллі Алексіу – в zenіті // Всесвіт. – 1974. – № 12. – С.189–190.

80. Греческие надписи Ольвии из раскопок 1950–1967, хранящиеся в Киеве // Ольвия. – К.: Наук. думка, 1975. – С. 92–117.

81. Интегралы и дифференциалы в языковой системе // Структурная и математическая лингвистика. – К., 1975. – № 3. – С.17–21.

82. Сучасне порівняльно-історичне мовознавство (проблеми та аксіоми) // Мовознавство. – 1975. – № 3. – С.3–12.

83. Три эпиграфических памятника // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докл. – К., 1975. – Ч. 2. – С. 91.

84. Отношения компонентов языка // Структурная и математическая лингвистика. – К., 1977. – № 5. – С.3–9.

85. Программа курса «Общего языкознания» для студентов филологического факультета Киевского госуниверситета им.Т.Г.Шевченко (IV и V годы обучения). – К., 1977. – 30 с.

86. І.Я.Франко. Зібр. творів у 50–ти томах: т.8: Поетичні переклади і переспіви / Упоряд.В.І.Шевчук, комент. **А.О.Білецького** і В.І.Шевчука. – К.: Наук. думка, 1977. – 638 с.

87. **Ю.И.Козуб, А.А.Белецкий.** Стихотворная эпиграфия Эпикрата из Ольвии // Вестник древней истории. – 1977. – № 1. – С.172–176.

88. Композитивные неозеллинизмы в стихотворной повести «О Каллимахе и Хрисоррее» // Византиноведческие этюды. – Тбилиси, 1978. – С.47–51.

89. Язык и культура // Структурная и математическая лингвистика. – К., 1978. – № 6. – С.13–19.

90. Павлос Ліасідіс. У нас ще немає свободи; Переміна: Вірші / Пер. з новогрец. **А.Білецький** // Всесвіт. – 1979. – № 8. – С.79.

91. Семиотический аспект языковой системы // Структурная и математическая лингвистика. – К., 1979. – № 7. – С.11–18.

92. Гловацька К.І. Міфи Давньої Греції: Для серед та ст. шк. віку / Наук. кер. вид. та авт. передм. **А.О.Білецький**; Худож оформл. Р.З.Масаутова. – К.: Веселка, 1980. – 239 с.

93. Информация и семиозис // Структурная и математическая лингвистика. – К., 1980. – № 8. – С.3–8.

94. Лексико-семантическое поле «религия» на рубеже античного язычества и христианства // Античность и актуальность античной культуры. Тезисы докл. науч. конференции. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1980. – С. 74-75.
95. Слова східного походження у західних мовах // Мовознавство. – 1981. – №5. – С.47–51.
96. Andrej Bieleckij. The Oronymy of Greece // Acta Trzynastego Międzynarodowego Kongresu Onomastycznego (Kraków, 21–25 sierpnia 1978) / Pod red. Kazimierza Rymuta. – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Zakład Narodowy im Ossolińskich, Wyd. Polskiej Akademii nauk, 1981. – T.I. – S.187–196.
97. **Белецкий А.А., Никитина Ф.А.** О некоторых вопросах теоретического и прикладного языкознания // Структурная и математическая лингвистика. – К., 1981. – № 9. – С.3–6.
98. **Белецкий А.А., Русяева А.С.** Граффити магического содержания из Ольвии // Северное Причерноморье. – К.: Наук. думка, 1984. – С. 51–58.
99. Золоте руно. З античної поезії: Збірка [Упоряд. передм., біогр. довідки та словн. імен, геогр. назв **А.О.Білецького**]; Худ. оформл. І.В.Коптілова. – К.: Веселка, 1985. – 156 с.
100. Проблема греческого языка византийской эпохи // Античная культура и современная наука. – М., Наука, 1985. – С. 189–193.
101. Словник античної міфології / Уклад. І.Я.Козовик, О.Д.Пономарів; вступ. ст. **А.О.Білецького** / Відп. ред. **А.О.Білецький**. – К.: Наук. думка, 1985. – 236 с.; 1989. – 2-е вид. – 240 с.
102. Незалежні аналогічні зміни в споріднених мовах // Л.А.Булаховский и современное языкознание. – К.: Наук. думка, 1987. – С.125–131.
103. Геродот про скіфів і Скіфію // Археологія. – 1991. – № 1. – С.148–151.
104. Геродот. Історії: в 9-ти кн. / Перекл., передм. та приміт. **А.О.Білецького**. – К.: Наук. думка, 1993. – 575 с.
105. Ошибки Святого Иеронима // Collegium. – 1993. – № 1. – С.104–107.
106. Предрассудки вокруг языка и языков // Collegium. – 1993. – № 2. – С.29–39.
107. Цивилизация и культура // Collegium. – 1993. – № 1. – С.5–8.
108. Максимилиан Волошин // Collegium. – 1994. – № 1. – С.101–110.
109. **Белецкий А.А., Лейпунская Н.А.** Новое граффити из Ольвии // Ольвия–200. Тезисы докладов международной конференции. – Николаев, 1994. – С. 16–17.
110. Язык – динамическая знаковая система // Collegium. – 1995. – № 1–2. – С.15–20.
111. Про мову і мовознавство. – К.: АртЕК, 1996. – 224 с.
112. Слова и числа // Русская филология. Ученые записки. – Смоленск: Смоленский гос. пед. институт, 1996. – С.244–246.
113. «Silentium» О.Э.Мандельштама // Русская филология. Ученые записки. – Смоленск: Смоленский гос. пед. институт, 1996. – С.241–243.
114. Міфи Далекого Сходу. – К.: Вид.-во Соломії Павличко «Основи», 2004. – 218 с.

Дослідження наукової спадщини А.О.Білецького.**Спогади про родину Білецьких**

1. Клименко Н.Ф. А.О.Білецький – поліглот, учений, педагог // Білецький А.О. Про мову та мовознавство. – К.: АртЕк, 1996. – С.214-222.
2. Колтуцька І.А. Семіотична концепція А.О.Білецького: Автореф. дис. ...канд. філол. наук. – К., 2000. – 20 с.
3. Мосенкіс Ю. Про публікацію листів А.О.Білецького до І.П.Сунцової // Мова та історія. – К., 1997. – Вип.26. – С.14. – Лист А.О.Білецького до І.П.Сунцової. 25.08.1993. – С.15; Лист А.О.Білецького до І.П.Сунцової. 5.03.1994. – С.16.
4. Про Олександра Білецького: Спогади, статті. – К., Наук. думка, 1984. – 303 с.
5. Русяєва Г. Андрій Білецький як дослідник грецької епіграфіки // Записки історико-філологічного Товариства Андрія Білецького. – К., 1997. – Вип. 1. – С. 15–20.
6. Русяєва М. Платон Олександрович Білецький // Записки історико-філологічного Товариства Андрія Білецького. – К., 1998. – Вип. II. – С. 181–185.
7. Семчинський С. Професор Андрій Білецький // Іноземна філологія. – Л.: Світ, 1997. – Вип. 110. – С. 3–12.
8. Скуратівський В. Пригадуючи Андрія Білецького // Сучасність. – 2002. – № 4. – С.121–126.
9. Скуратовский В. Исполнил свой долг. Памяти профессора Андрея Александровича Белецкого // Столичные новости. – 26.04–15.05 2006. – № 15 (402).
10. Тахо-Годи А.А. Лосев. – М.: Молодая гвардия, 2007. – Серия «Жизнь замечательных людей». – С.255–260.
11. Шанін Ю. Він залишився назавжди: А.О.Білецький // Сучасність. – 1997. – № 11. – С.98–101.
12. Шанін Ю. Історія життя – історія пошуку [А.О.Білецькому – 70 років] // Іноземна філологія. – Л.: Львів. ун-т, 1982. – Вип. 65. – Питання класичної філології. – № 18. – С.141–144.
13. Шанин Ю. Тернистый путь к Итаке // Русская филология. Ученые записки. – Смоленск: Смоленский гос. пед. институт, 1996. – С.235–240.

Наукове видання

Упорядники:

**Ніна Федорівна Клименко
Євгенія Анатоліївна Карпіловська
Андрій Олександрович Савенко**

А.О.БІЛЕЦЬКИЙ

Вибрані праці

Художня обкладинка: *Ананко К.*

Макет і комп'ютерне верстання: *Нестеренко Є.*

Підписано до друку 05.04.2012 р.

Формат 70 x 100^{1/16}. Папір офсетний. Гарнітура «Тип Таймс».

Обл.-вид. арк. 47,90. Ум.-друк. арк. 46,03.

Наклад 300 прим. Зам. № 1140.

Видавничий дім Дмитра Бураго

Свідоцтво про внесення

до Державного реєстру ДК № 2212 від 13.06.2005 р.

Тел./факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;

e-mail: conf@graffiti.kiev.ua

www.burago.com.ua

Адреса для листування: 04080, м. Київ-80, а/с 41